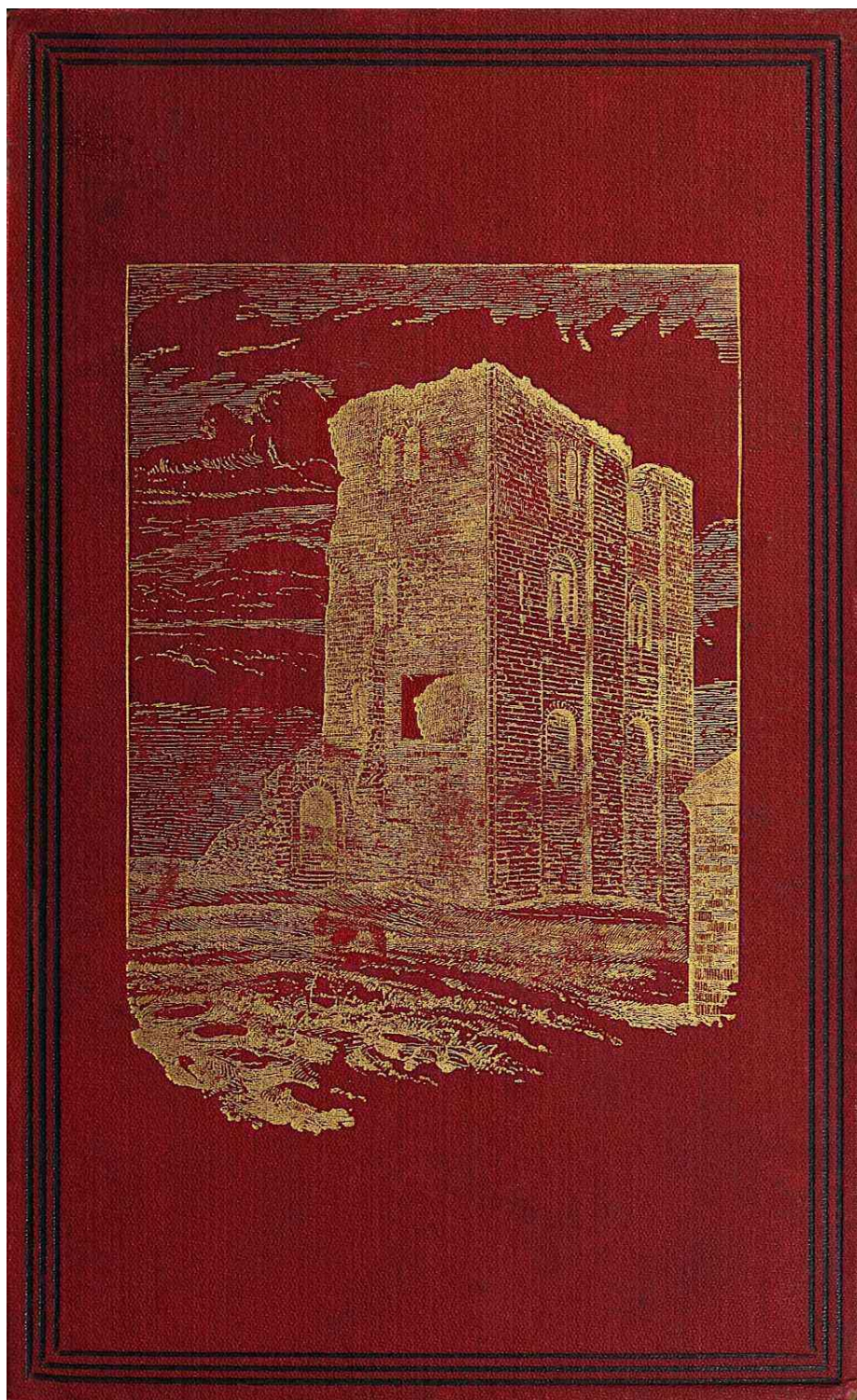

Средневековая военная архитектура в Англии, том 2 (из 2)

Джордж Томас Кларк

The Project Gutenberg eBook of Mediæval Military Architecture in England, Volume 2 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Title: Средневековая военная архитектура в Англии, Том 2 (of 2)

Автор: Джордж Томас Кларк

Дата выхода: 5 мая 2021 года [eBook #65261]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен MWS, Робертом Тонсингом и Online Distributed Proofreading Team (<https://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА "ГУТЕНБЕРГ" "СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ, ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

The Project Gutenberg eBook, Mediæval Military Architecture in England, Vol. II (of 2), by George Thomas Clark

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/medievalmilitarya02clar>.

У проекта "Гутенберг" есть второй том этой работы.

Том I: см.

<http://www.gutenberg.org/files/64187/64187-h/64187-h.htm>.

Некоторые символы могут не отображаться в этой html-версии (*например*, пустые квадраты). В этом случае читателю следует обратиться к оригинальным изображениям страниц, указанным выше.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ

Автор: ГЕО. Т. КЛАРК.

VOL. II.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

. Время

Время слепило в красоту много башен,

Которые, когда они хмурились со всеми своими крепостными стенами,

была лишь ужасна. - Мейсон.

ЛОНДОН:

WYMAN & SONS, 74-76, GREAT QUEEN STREET,
ЛИНКОЛЬНС-ИНН ФИЛДС, У.К.

1884.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА. II.

-
-
- [Замок Долфорвин, Монтгомери](#)
 - [Дуврский замок, Кент](#)
 - [Замок Данстер, Сомерсет](#)
 - [Даремский замок](#)
 - [Замок Итон-Сокон, Бедфордшир](#)

- Замок Эвиас Гарольд, Херефордшир
- Замок Эксетер
- Замок Филлонгли, Уорикшир
- Замок Фонмон, Гламорган
- Замок Фотерингей, Нортгемптоншир
- Замок Гросмонт, Монмутшир
- Замок Гилфорд, Суррей
- Замок Харлех, Мерионет
- Замок Гастингс, Сассекс
- Замок Хаварден, Флинтшир
- Замок Хелмсли, Йоркшир
- Замок Херефорд
- Замок Хартфорд
- Замок Хоптон, Шропшир
- Замок Хантингдон
- Замок Хантингтон, Херефордшир
- Замок Кенилворт, Уорикшир
- Замок Кидвелли, Кэрмартеншир
- Замок Килпек
- Замок Кнаресборо, Йоркшир
- Замок Лидс, или Ледес, Кент
- Замок Лестер
- Замок Лейборн, Кент
- Замок Линкольн
- Башня Лланкиан, Гламорган
- Лондон, Тауэр
- Замок Ладлоу, Шропшир
- Башня Святого Леонарда, Уэст-Мэллинг
- Замок Миддлхэм, Йоркшир
- Замок Митфорд, Нортумберленд
- Замок Монтгомери
- Замок Морле, Гламорган
- Замок Норхэм, Дарем
- Замок Ноттингем
- Замок Одихэм, графство Хантс
- Освестри, Шропшир
- Замок Пенмарк
- Замок Пенрайс в Гоуэре
- Замок Пенрит, Камберленд
- Замок Певенси, Сассекс
- Замок Пикеринг, Йоркшир
- Замок Понтефрак, Йоркшир

- Замок Порчестер, графство Хантс
- Замок Ричарда, Херефордшир
- Замок Рочестер
- Замок Рокингем, Нортгемптоншир
- Старый Сарум, Уилтшир
- Замок Скарборо
- Замок Скенфрит
- Саутгемптон, древние оборонительные сооружения
- Замок Тэмворт, Уорикшир
- Замок Таунтон
- Замок Тернхем, Кент
- Замок Тикхилл, Йоркшир
- Замки Третауэр, Блаен-Ллифни и Крикховел
- Замок Татбери, Стаффордшир
- Замок Уркхарт, Инвернесс-шир
- Уэрхем, Дорсетшир
- Белый замок, Монмутшир
- Уиттингтон, Шропшир
- Вигмор, Херефордшир
- Йорк, оборонительные сооружения

ИЛЛЮСТРАЦИИ К VOL. II.

- Замок Долфорвин, план и разрезы
- Дуврский замок, вид
- Дуврский замок, планы первого этажа и подвала
- Ditto Планы второго этажа и галереи второго этажа
- Замок Данстер, план местности
- Замок Итон-Сокон, план местности
- Замок Филлонгли, план местности
- Замок Фонмон, план основания и план фасада
- Замок Гилфорд
- Замок Харлеч, вид с высоты птичьего полета
- Общий план Дитто
- Замок Гастингс, план местности
- Замок Хаварден, план местности
- Ditto Шпоры, ограждающие главный вход
- Замок Хелмсли, план местности

- Ditto Планы и разрез замка
- Замок Хартфорд, план территории
- Замок Хоптон, план территории
- Замок Хантингтон, план территории
- Замок Кенилворт, планы башни Мортимера и первого и цокольного этажей замка
- Общий план
- Замок Кидвелли, вид с высоты птичьего полета
- Ditto Ground Plan
- Ditto Общий план
- Ditto Лифты и разрезы
- Дитто Ворота и главный вход
- Ditto Интерьер часовни
- Кнаресборо Кип, план подземелья и его высота
- Ditto Планы главного этажа и подвала
- Замок Линкольн, план местности
- Лондонский Тауэр, план основания в 1866 году
- Дитто Кип, третий этап
- Ditto Камин в хранилище
- Ditto Часовня Святого Иоанна - южный неф
- Дитто Кипер, верхняя ступень
- Ditto Ditto Вертикальный разрез, восток и запад
- Ditto Кровавая и Уэйкфилдская башни, план подвала
- Ditto Уэйкфилдская башня, вход во дворец и ораторий
- Ditto Колокольная башня. План подвала
- Ditto Ditto Первый этаж
- Ditto Занавес, план первого этажа
- Башня Деверо, план подвального помещения Дитто
- Дитто Соляная башня - план подвала
- Дитто Дитто Первый этаж
- План колодезной башни Дитто
- Ditto Башня с колыбелью, план подвала
- Ditto Ditto Окно
- Ditto Башня Святого Фомы, план подвала
- Дитто Дитто Деталь кольцевых камней
- Ditto Ditto Piscina
- Дитто Бивардская башня и постерн, план
- Дитто Бивардская башня, план первого этажа
- Ditto Средняя башня, план первого этажа
- Дитто Дитто Первый этаж
- Замок Ладлоу, первый план
- Ditto Замок, первый этаж

- Дитто Дитто Первый этаж
- Замок Монтгомери, первый план
- Замок Морле, план и разрезы
- Замок Норхэм, план земли
- Ditto План подвала, хранилище
- Замок Ноттингем в шестнадцатом веке, вид с высоты птичьего полета
- Замок Одихэм, план местности
- Старый Сарум, план местности
- Замок Пенмарк, план местности
- Замок Пенрайс, план местности
- Замок Пенрит, план местности
- Замок Пикеринг, план и разрезы
- Замок Порчестер, планы
- Замок Ричарда, план основания и разрез
- Замок Рочестер, планы подвала и первого этажа
- Ditto Планы главного этажа и галереи главного этажа
- Ditto Секции лепнины
- Замок Рокингем, план основания
- Замок Скарборо, план земли
- Ditto Замок
- Дитто Дитто Южный фасад
- Ditto Ditto Интерьер
- Замок Скенфрит, первый план
- Замок Третауэр, план фасада и план местности
- Уэрхем, план местности и разрез
- Замок Уайт, план местности
- Замок Уиттингтон, план местности

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

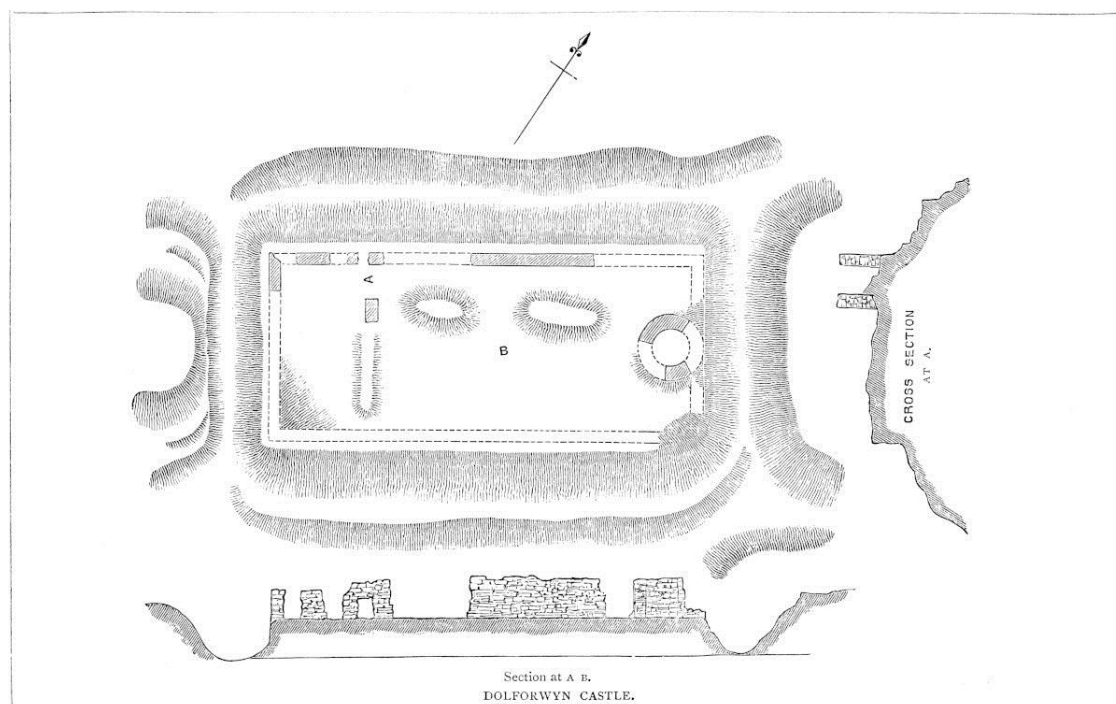
ОПИСАНИЯ.

" Время

В красоту превратило много башен,

Которая, когда она хмурилась со всеми своими башенками,

Была лишь ужасной. ... - Мейсон.

ЗАМОК ДОЛФОРВИН.

ЗАМОК ДОЛФОРВИН, МОНТГОМЕРИ.

Долфорвин, или "Девичий луг", - название, очевидно, перенесенное с лугов соседнего Северна на хребет, занимаемый замком, который возвышается на 500 или 600 футов над рекой и находится в полумиле к западу от нее, отделенный промежуточным холмом. К замку ведет крутая дорога, которая становится еще более крутой вблизи вершины хребта, и, наконец, проходит вдоль крепостных сооружений и упирается в них.

Эти сооружения очень просты в плане и имеют грубую конструкцию. В центре хребта находится платформа длиной около 200 ярдов и шириной 100 ярдов. Ее скалистые бока обрублены и укреплены по всему периметру на высоту около 10 футов, и на этой стене был построен занавес длиной от 20 до 30 футов и толщиной около 5 футов. На каждом конце в скале был выбит поперечный ров, чтобы изолировать замок от столь же высокой земли за ним. Вероятно, через эти рвы не было мостов, а вход в крепость, по-видимому, осуществлялся через простой дверной проем в занавесе на северной стороне сооружения. Занавес, по-видимому, был совершенно простым, без контрфорсов, пилястр и фланкирующих башен, за исключением восточного конца участка, недалеко от центра, где находятся остатки круглой башни диаметром около 30 футов со стенами толщиной 5 футов. Занавес с южной, наиболее открытой, стороны разрушен; с противоположной стороны он более совершенен и содержит дверной проем, разрушенный и теперь представляющий собой просто отверстие в стене. Внутри находится фрагмент здания, в которое, вероятно, открывались ворота. Платформа очень неровная, частично естественная, в основном из-за кучи мусора, скрывающей фундаменты домашних построек. Здание не отличается от Dinas Brân и Dinas Powis, и, вероятно, относится к эпохе Генриха III или Эдуарда I, началу

правления. Материал - местный камень-плитняк, уложенный рядами. Нет никаких признаков пепла.

У Долфорвина нет истории. Известно лишь, что он был пожалован Эдуардом I [7 Edward I.] Роджеру Мортимеру из Вигмора как "замок Долворон" с территориями Кеддеви и Кери, которые должны были удерживаться за службу в три рыцарских подати. В 14 году Эдуарда I замок все еще принадлежал Мортимеру, так как Ричард Лабаунк находился в тюрьме в Вигморе из-за задолженности по счету перед Эдмундом де Мортимером в качестве констебля его замка Дольфнован. Он был освобожден под залог. В 18 году Эдуард I., Бого де Кновилл, будучи констеблем замка Монтгомери, получил прощение за 90 фунтов стерлингов, причитающихся за его ферму земель Кери и Кидгевенни. Однако это было сделано королем, который, похоже, возобновил владение. Дагдейл говорит, что замок был построен Давидом ап Ллевелином, который процветал в 1240-46 годах, но валлийцы приписывают его Бледдину ап Синфину между 1065 и 1073 годами. Возможно, Бледдин имел здесь какую-то крепость, поскольку это место было очень удобным для набегов на равнину, которую в то время занимали англичане; но он точно не строил существующие стены. Не исключено, что они принадлежали Роджеру Мортимеру, и их разрушение, вероятно, последовало при первой же удобной возможности. Название замка не встречается в инквизиционных записках Мортимеров, и он не упоминается, за исключением вышеупомянутых случаев, среди их владений или владений любого другого землевладельца. После заселения Уэльса он перестал представлять какую-либо ценность.

ЗАМОК ДОВЕР, КЕНТ.

"Est ibi mons altus, strictum mare, litus opacum,

Hinc hostes citius Anglica regna petunt,

Sed castrum Doveræ, pendens a vertice montis,

Hostes rejiciens, litora tuta facit."

-De Bello Hastingsensi Carmen, i. 603.

Меловой массив, образующий и придающий характер острову Танет и юго-восточной части графства Кент, поднимается к морю линией скал, на которых наиболее заметны мысы Северного и Южного форландов и Дувра. Однако линия утесов не является непрерывной. Через определенные промежутки она изрезана различными долинами и ущельями, по которым внутренние воды уходят в море, образуя гавани, которые в прежние времена были очень востребованы для судов небольшой грузоподъемности. Главной из этих вод является река Стур, которая в отдаленные времена, недалеко от нынешнего Кентербери, впадала в устье, воды которого, охраняемые древними крепостями Регулбиум, Рутупиес и Леманис, поддерживали Танет как остров и давали торговле того времени свободный доступ к внутренним районам. Устье реки не было подвержено общей тенденции к заиливанию. Еще до Нормандского завоевания воды отступили от Кентербери к приходу, названному впоследствии Стоурмут, и Танет из острова превратился в полуостров. С тех пор процесс заиливания продолжался, и устье Стоура было перенесено на много миль ниже. Река, пройдя извилистый путь, впадает в древний английский порт Сандвич, напротив которого находится якорная стоянка, известная как Малые Дауны, и частично образует его.

Примерно в трех милях к западу от Саут-Форленда другой, гораздо меньший поток, питаемый из нижнего мела и зеленого песка, течет по глубокой долине и, достигая моря между двумя значительными высотами, дает начало порту, городу и замку Дувр, названному так, без сомнения, по происхождению от британского имени, представленного в римские времена Дубрисом. Город и порт лежат в глубине долины. Часть возвышенности, расположенной на западе, прославил Шекспир, и она долгое время носила его имя. Та, что на востоке, известна как Замковый холм, названный так из-за крепости, которой в той или иной форме он был увенчан с очень давних времен. Столь удобное и способное к обороне положение на любом берегу привлекло бы внимание самых первых жителей; ведь не только высота была сильной и порт удобным, но эти преимущества находились в точке, где остров ближе всего подходил к континенту, и где те, кто пересекал проливы, будь то друзья или враги, сначала выходили на сушу и, если не было препятствий, сходили на берег. Таким образом, это место имело далеко не только местное значение и наверняка привлекло бы внимание не только вождей кантиев, но и правителей, если таковые имелись, всей Британии. Поэтому вполне вероятно, что гавань, город и крепость возникли практически с момента первого заселения страны.

Хотя Западный или Шекспировский утес является частью более крупной гряды, Замковый холм лучше приспособлен для обороны. По сути, он представляет собой изолированный холм на расстоянии около 1000 ярдов с севера и юга и 500 ярдов с востока и запада, вершина которого представляет собой крутой и узкий хребет. С юга его границей является морской утес высотой 320 футов, а с запада - глубокая долина города. На востоке и севере находятся другие долины, менее глубокие, но отнюдь не малозначительные, и стороны их круты. Кроме того, весь холм сложен из мела, то есть из материала, легко поддающегося рубцеванию и способного сохранить любые общие очертания, до которых его можно довести.

Но хотя в целом городу и крепости можно смело приписать весьма отдаленную древность, трудно найти какие-либо точные или особые свидетельства, на которых можно было бы это утверждать. Здесь, как и в Дуровернуме или Кентербери, римская форма указывает на британское происхождение, и, если древнее название ручья действительно, как утверждается, Дур, вполне может быть производным от него, а Замковый холм - как раз то место, на котором можно обнаружить британский лагерь. Торговля бриттов, которая, как известно, активно велась через корнуолльские порты и остров Уайт, также была заявлена для маршрута через Дувр. Фактические следы британской оккупации в этой южной стране очень скудны и ограничиваются несколькими названиями рек и холмов, несколькими городами или деревнями, а также случайными укреплениями на возвышенностях и неровными очертаниями. Великие дороги, каково бы ни было их отдаленное происхождение, в своем нынешнем виде несут печать Рима на каждой миле своего пути, и самые древние известные каменные работы принадлежат тому же народу, а общая топография, все, что касается собственности и самоуправления, сотни, токарни, рапы и тифлинги, приходы и деревни, гранжи и фермы, и толпа борнов, денов, хамов, хангеров, хирстов, ингов, тонн, вольдов и цен с непреодолимой силой указывают на английских поселенцев. Даже владение землей в *gavelkind*, утверждаемое как британский обычай и известное в Уэльсе под выразительным названием "*Randyr*" или "*partible*" land, большинство юридических антикваров считают тевтонским.

Хотя Сезар не упоминает Дувр по имени, нет никаких сомнений, что его флот стоял перед ним в августе 55 года до н. э., в период его первого вторжения в Британию. Доктор Гост ясно показал, что *Portus Icius*, откуда он отплыл, был маленькой и ныне заиленной гаванью между

мысом Грис Нез, Икийским мысом, и Виссантом, откуда десять часов хода привели его утром поближе к Дувру. Здесь он обнаружил, что туземцы, в большом количестве и вооруженные, собрались, чтобы противостоять его высадке. Поэтому он бросил якорь в Дуврском Уике, на рейде к востоку от города, чтобы дать время прибыть своим более медленным кораблям, а затем направился в Дил, где, вероятно, высадился с двумя легионами, или от восьми до десяти тысяч человек. Доктор Гост отметил, что слово *Icius* близко совпадает с ирландским названием Ла-Манша, "Muir n'Icht", "Икийское море", "icht" - это форма "uch" или "ucha", верхняя по высоте, которая играет столь важную роль в названиях мест в Уэльсе и на севере Шотландии. Вполне естественно, что Ла-Манш был назван по его самой примечательной особенности, и по сей день его название на голландском языке звучит как "Де Хофден", или "высоты".

Сезар пробыл в стране всего три недели и, возможно, не посещал Дувр; но поскольку, когда он вернулся в следующем году с гораздо более крупными силами, он, похоже, высадился и причалил в тех же пунктах, он должен был быть знаком с видом порта со стороны моря. Поскольку в этот раз он прошел через Кент и переправился через Темзу, он, вероятно, не оставил за спиной опасных сил в Дувре, о котором он не упоминает и который, очевидно, не был в то время местом сбора бриттов. Если бы высоты удерживались силой, он, вероятно, в первую очередь уменьшил бы их или, во всяком случае, упомянул бы об этом в своем повествовании. В течение столетия, последовавшего за появлением Сезара, Рим не принимал активного участия в делах Британии, но вполне вероятно, что между островом и континентом возникла значительная торговля, а бритты добились больших успехов в коммерции и цивилизации. Были основаны города и отчеканены монеты. Следующее военное вторжение произошло в 43 году н.э., через 98 лет после первого появления Сезара, при правлении Клавдиана и под командованием Аулуca Плаутия, который высадился с четырьмя легионами. Кантии тогда владели территорией, почти соответствующей нынешнему графству Кент. Дуровернум был основан среди местных ольх, а Камалодунум, за Темзой, был главным городом тринобантов. Где высадился Плаутий, точно не известно. Возможно, в нескольких местах на открытом берегу между Ричборо и Лейменом. Неизвестно также, высадились ли бритты к северу или к югу от Темзы; но когда Клавдиан последовал за своим лейтенантом, путь к этой реке был открыт, и он сразу же двинулся на Камалодунум, где тринобанты были обращены в бегство. Плаутий, вероятно, покорил страну к западу от Топора и Тамара, и его продвижение, как считается, можно проследить по остаткам его прямоугольных лагерей, противопоставленных лагерям большей площади и неправильных очертаний, разбитым отступающими бриттами. Поскольку в 40 году н. э. Калигула приказал установить маяк на высотах Булони, не исключено, что именно Плаутий был строителем соответствующей башни в Дувре.

Осторий Скапула, как говорят, занимал лагерь Замковый холм. Он, Суэтоний Паулин и Агрикола занимались в основном средней и северной частями острова, а в южной провинции, Британии Прима, похоже, царил мир. Были проложены дороги, построены города, выплавлялись металлы, процветало сельское хозяйство. Дубрис (Дувр), Дуробривис (Рочестер), Рутупиес (Ричборо), Леманис (Лимн), Регулбиум (Рекулвер) и Андерида (Певенси) стали впоследствии известны как города или убежища. Уотлинг-стрит, которая шла от Кентербери через Рочестер на север, кажется, была начата в Дувре. Действительно, существовали дороги из Кентербери в Лимн и в Ричборо, но Дувр был портом, к которому вела дорога по прямой из Кентербери. В правление Валентиниана, 364-7 гг. н.э., когорта Второго легиона из 1100 человек была расквартирована в Дубрисе, где, судя по клеймам, они построили баню, и который упоминается как порт в "Итере Антонина" и как город (*civitas*) географом Равенны. Во времена Константина Дубрис был одним из шести портов к югу от

Танета, находившихся под властью графа Саксонского берега, а также Рутупией, Регулбием, Леманисом, Андеридой и Адурнусом (Портсмут). Однако он не включен в список двадцати восьми городов, существовавших на момент ухода римлян из Британии, одним из которых был Рутупий. И все же, даже если Дубрис был лишь одним из трех глав Уотлинг-стрит, его значение под властью римлян было значительным.

К римскому периоду следует отнести могильник, открытый у края скалы в 1797 году, и баню, обнаруженную на ручье к западу от церкви Святой Марии. Римская крепость не упоминается, да и не соответствовало практике того народа размещать постоянный лагерь, а тем более военный пункт, на такой недоступной высоте, как Замковый холм. На существующих земляных сооружениях нет никаких следов римских очертаний, и, когда они владели всей округой, не было никакой необходимости укреплять маяк. Из всех сооружений на холме только маяк можно с уверенностью назвать римским, но это, конечно, подразумевает существование и работу порта. Все, что может утверждать топограф, - это то, что земляные сооружения не представляют собой ничего римского и, насколько можно полагаться на описание, не представляли собой ничего римского.

Кент, вероятно, был той частью Британии, куда первыми вторглись северяне, и, безусловно, первой, которую они покорили и заселили. Это было единственное независимое государство, созданное и поддерживаемое последователями Хенгиста, ютами, народом, который не внес значительного вклада в завоевание Британии и не занял значительную часть завоеванной страны; но то, что они сохранили, стало и остается тевтонским, и их раннее превосходство во время обращения англичан в христианство отмечено тем фактом, что их главный город стал, как и впоследствии, церковной метрополией острова. Дувр был значительным ютишским портом и долгое время считался ключом Англии. Очень вероятно, что внутренние земляные сооружения, которые до сих пор можно увидеть, хотя они слишком сильно изменились, чтобы их можно было узнать, были делом рук этого народа, а коллегиальная церковь Святого Мартина, основанная в городе Вихтретом, королем Кента (690-725), как говорят, была перенесена им с Замкового холма. Во времена Альфреда Дувр был отнесен к бейливику Стаутинга и токарне святого Августина. Однако его история, так сказать, начинается только во времена правления Исповедника, чья грамота на Синкве-Портс, которую, как говорят, проверил Иоанн, была подтверждена многими последующими королями.

В сентябре 1051 года Юстас, граф Булонский, шурин короля Эдуарда, нанес визит английскому двору в Глостере и, возвращаясь через Кентербери, остановился там на отдых, а затем отправился в Дувр на обратном пути. Перед тем как войти в город, он и его люди надели почтовые плащи и попытались занять свободные кварталы в домах мещан. Это привело к драке, в которой пролилось много крови, и в конце концов граф, изгнанный из города, вернулся в Глостер со своей жалобой. Последующая история уже не раз пересказывалась. Годвин, тогдашний граф Кентский, принял участие в битве со своими обиженными соотечественниками, противостоял сильному интересу норманнов к королю и, как следствие, был изгнан. Годвин предложил, говорит Мальмсбери: "*Ut magnates illius castelli blande in curia regis de seditione convenirentur.*" Можно ли понимать под "*castellum*" нечто большее, чем укрепленный город, неясно. Маловероятно, что Юстас поднялся бы в замок, поскольку он искал пристанища в городе. В целом этот отрывок едва ли можно считать доказательством существования в то время регулярного замка на холме. Тем не менее, существование такого замка в то время весьма вероятно, так как в 1064-65 годах Гарольд, по словам Вильгельма из Пуатье, поклялся герцогу Вильгельму, что после смерти Исповедника "*se... traditurum interim ipsius militum custodiae castrum Doveram, studio atque*

sumptu suo communitum, item per diversa loca illius terræ alia castra." Эадмер более точен. В своем рассказе герцог Уильям настаивает: "et insuper castellum Dofris cum puteo aquæ ad opus meum te facturum." В Мальмсбери говорится: "Castellum Doroberniæ (Dubris) quod ad jus suum pertineret". Здесь не может быть ошибки в том, что имеется в виду. Колодец в городе не мог представлять особой ценности, но колодец на меловом холме, расположенный на 290 футов выше источников воды, был дополнением к замку, достойным особого внимания. Кроме того, такой колодец был очень трудоемкой работой, и должен был занять некоторое время. Клятва Гарольда, несомненно, вызывает много сомнений и неопределенности, но рассказ, по крайней мере, может быть воспринят как свидетельство того, что до норманнского завоевания на холме, который сейчас венчает норманнская крепость, уже существовал замок, и что он был укреплен Гарольдом. Мальмсбери здесь, как и в его рассказе о поединке с графом Юстасом, за Дувр выдает Кентербери, очевидно, ошибаясь.

Книга Судного дня открывается Дувром. "Dovere tempore regis Edwardi" и т. д. Этот король владел двумя частями половины его ренты, а граф Годвин - другой третью, то есть графскими пенни. Бюргеры ежегодно предоставляли королю двадцать кораблей на пятнадцать дней, в каждом из которых находился двадцать один человек. Королевские посланники также имели некоторые ценные привилегии, свидетельствующие о том, что порт лежал на обычном пути на континент. У входа в порт стояла мельница, сильно мешавшая судоходству. Замок не упоминается, но мы читаем о Гилдхалле, или Гильдхолле, бургомистров. Город, хотя и процветающий, недавно был сожжен, и в связи с этим арендная плата была снижена.

Норманны высадились, как и их тевтонские предки за много веков до них, под древними стенами римской Андериды, которая под названием Певенси стала английской, а в скором времени должна была превратиться в нормандскую крепость. Певенси больше не является гаванью, но в его пределах все еще можно увидеть огромные фрагменты римской и нормандской кладки, а также более простой, но, по крайней мере, столь же прочный курган его английских обитателей - величественная и поразительная композиция, которая для опытного наблюдателя красноречиво свидетельствует о великих событиях. Вильгельм овладел руинами и на следующий день выступил на поле боя, поспешно укрепив деревом и землей холм Гастингса в поддержку своей позиции. После битвы Ромни впервые ощутил на себе тяжесть руки Завоевателя, и тогда он повернул к Дувру. Замок был, по словам Вильгельма Пуатье, неприступным, а город даже тогда был значительным; но люди, хотя и собрались в огромном количестве, не имели вождей, и город и замок были сразу же сданы, хотя при переходе, то ли по умыслу, то ли случайно, большая часть города была сожжена. Вильгельм простоял здесь восемь дней, задержанный болезнью среди своих солдат. Он обошелся с жителями с большой снисходительностью, разместил в замке нормандский гарнизон, к обороне которого добавил еще один, а затем двинулся к Темзе, получив по пути подчинение Кентербери и Рочестера. Кент был передан под командование епископа Одо, который держал Дувр в качестве своего военного центра. Это положение сохранялось и в 1074 году, когда вспыхнула жестокая кровь ютов и люди Кента во главе с Юстасом Булонским поднялись против Вильгельма, их первой целью было овладеть Дуврским замком, который они осадили. Его оборона, будь то английская или нормандская, была прочной, но атака была острой. Епископ Одо и Хью де Монфорт, в чьем ведении находился замок, отсутствовали, но они проявили активность в графстве, и замок был освобожден. Говорят, что к концу правления город был обнесен стеной, а имел десять ворот. Его положение, как самого важного из портов Чинкве, кажется, уже было установлено, чему в значительной степени способствовал его замок. Пятью портами были Гастингс, Ромни, Хайт, Дувр и Сэндвич. В число членов входили также Уинчелси и Рай. Их служба должна была ежегодно обеспечивать пятьдесят семь кораблей, из которых Дувр предоставлял двадцать один.

Как бы ни был важен замок во времена правления королей Плантагенетов и Тюдоров, его история не представляет особого интереса. Он не был сценой какого-либо выдающегося события и, хотя и считался ключом королевства, не был каким-либо тесным образом связан с его историей. Он всегда находился во владении короны и управлялся констеблем, обычно известным человеком, список которых Лайон насчитывает 138. Три барона из дома Фиеннов занимали этот пост при Завоевателе, Руфусе и Генрихе I, и, похоже, в их время была построена внешняя куртина и многие из ее башен. Вальчелин Магминот, поставленный на пост Стефаном, удерживал это место против него в 1137 году, а в 1138 году сдал его королеве, незадолго до битвы при Штандарте. Стефан умер в Дувре, вероятно, в замке, и мистер Пакл галантно боролся за недавнее обнаружение его останков. Предполагается, что Генрих II построил крепость и стену внутренней палаты в 1154 году, вскоре после своего восшествия на престол, и если это так, то, вероятно, это была работа одного из баронов Фиеннов, занимавших должность констебля в это царствование. Последний из этих лордов, Джеймс Фиеннес, был констеблем во время воцарения Ричарда I. В 1191 году он принял в качестве пленника в замке Джеффри, родного сына Генриха II, который направлялся в Йорк для получения архиепископства. Его вывели из святилища церкви Святого Мартина и заключили в тюрьму по приказу епископа Эли, канцлера. За это возмущение Фиеннес был отстранен от должности, а канцлер в итоге был отлучен от церкви и изгнан. В 1198 году констебль был одним из пяти чиновников, назначенных для инспекции сокровищ церкви Кентерберии. В правление Иоанна констеблем стал Юбер де Бург, на которого легла обязанность защищать замок от принца Людовика и французских захватчиков. Людовик предпринимал множество попыток склонить де Бурга на свою сторону, но безуспешно, а когда тот окончательно отказался, осадил замок. Из Франции были привезены *требуше*, *петрарии* и много осадной артиллерии, а вдоль склона за рвом замка в северо-западном квартале был проложен крытый путь. На краю рва были возведены деревянные башни (*мальвуазины*) для подавления огня со стен, которые фактически сотрясались от ударов тарана. Также была создана небольшая колония во временных хижинах, чтобы придать осаде вид блокады. Однако Губерт был истинным и верным подданным Англии. Он считал свое владение подвластным своему суверену, кем бы тот ни был, а свой замок - "клавом Англии и репагулумом". Он отвечал атакой на атаку, камнем на камень, пока смерть Иоанна, устранив многие причины недовольства, не привела к отступлению французов из страны. Большая шпорная конструкция перед северными воротами, , которая до сих пор, хотя и сильно измененная, остается, вероятно, является работой де Бурга, несомненно, подсказанной ему направлением французской атаки. Генрих III был здесь в 1255 году по пути из Испании, а в 1259 году замок находился в руках баронов, которые отказались позволить его брату Ричарду, королю римлян, войти сюда, пока он не поклялся принять их дело. В 1261 году Генрих отвоевал замок у Хью ле Биго, но не смог удержать его, и ему было отказано во въезде, когда в 1263 году он вместе со своим братом и графом Марешалем предстал перед воротами. В ходе великой борьбы Генрих удержал лондонский Тауэр, а бароны - замок Дувр. После Льюиса принцы Эдуард и Генрих некоторое время находились в Дувре в заточении. В 1265 году, когда принц одержал верх, а Кенилворт пал, четырнадцать дворян из королевской партии были заключены в Дуврский замок. Здесь они защищались, перебив своих похитителей, которые, атакованные принцем Эдуардом извне и оказавшиеся между двух огней, сдали замок. Графине Лестер, находившейся в нем, было позволено удалиться во Францию.

По возвращении из Палестины после смерти отца, летом 1274 года, Эдуард I высадился в Дувре. Он снова посещал замок в 1278, 1296 и 1299 годах. Дувр был его обычным портом, когда он посещал или возвращался с континента, и в его время замок поддерживался и укреплялся, а некоторые из его наиболее значительных частей, такие как ворота констебля и

постерн Святого Иоанна, относятся к концу правления Генриха или началу правления Эдуарда, и, скорее всего, к последнему.

Эдуард II был здесь в январе после смерти отца, здесь он отплыл в Булонь по случаю своей свадьбы в 1308 году, здесь он принял королеву. Эдуард III нередко бывал в Дувре, но, скорее всего, останавливался в Maison Dieu, а не в замке. Отсюда он, вероятно, брал войска, когда отплывал из порта в свою знаменитую тайную экспедицию в Кале в 1348 году. В правление Генриха V император Сигизмунд был принят в замке как гость, и отсюда король отправил свою армию во Францию в 1421 году, как и Генрих VII в 1491 году.

Генрих VIII подавил Дом Дье, знаменитое основание Юбера де Бурга, в котором принимали многих королей и принцев, но замок стал предметом его особой заботы, был отремонтирован и укреплен гарнизоном. Генрих также построил крепости Сандаун, Дил, Уолмер и Сэндгейт и передал их в ведение констебля Дувра. Также были построены три фальшборта под скалой и на пирсе в гавани. Позже замок пришел в запустение, а во времена правления Карла I, когда его гарнизон состоял из небольшого отряда и о нем мало заботились, он был захвачен врасплох и удерживался парламентом. В 1648 году кентские роялисты предприняли энергичную попытку вернуть его, но были отбиты Алджерноном Сидни, который в то время был его губернатором.

ОПИСАНИЕ.

Мэтью Пэрис назвал Дуврский замок "парадной дверью Англии", а Уильям Пуату описал его так: *"Situm est id castellum in rupe mari contigua quæ naturaliter acuta undique ad hoc ferramentis elaborate incisa, in speciem muri directissima altitudine, quantum sagittæ jactus permetiri potest consurgit, quo in latere unda marina alluitur."* Она представляет собой удачное сочетание оборонительных сооружений нескольких архитектурных периодов, в результате чего получилась концентрическая крепость, выросшая за многие века, и которая столетие назад представляла собой как земляные, так и каменные работы, представляющие большой и несомненный антикварный интерес. Однако совсем недавно крепость была передана военным властям страны, в результате чего был произведен ряд перестроек, дополнений и демонтажей, необходимых, как можно предположить, для обороны страны, но очень разрушительных для древних особенностей крепости. Древние земляные сооружения были обшарпаны, расширены, перекопаны и прорыты, были построены казармы и магазины, крепость была переоборудована под кладовые и резервуары для воды, а в ее подвале находятся два пороховых магазина. В нынешнем состоянии и с учетом строгих правил, запрещающих даже пользоваться карандашом, под которым все это находится, точный осмотр того, что осталось от древних сооружений, будь то земля или каменная кладка, практически невозможен.

Британский лагерь был продолговатым, повторяя форму холма. Он состоял из глубокого и широкого рва, содержимое которого было частично отброшено внутрь и вверх, чтобы образовать вал. Огражденная таким образом территория имела размеры в пределах вала примерно 875 ярдов на 350 ярдов, последний - диаметр у обрыва, которым она обрывается, а северный конец доходит до точки. Этот главный ров, вероятно, был углублен и более или менее изменен в норманнский период, и теперь он связан с различными бастиянами, рогатыми заводами и капонирами, но его общие очертания достаточно ясны, и по внутренним признакам можно предположить, что он является британским. В пределах этой территории, ближе к ее северному концу, находится вторая земляная насыпь, также

состоящая из вала и рва. Он включает в себя башню маяка и поэтому называется римским рвом, но в нем нет ничего римского, и гораздо более вероятно, что он был создан англичанами и служил внутренней защитой замка, который Гарольд обязался сдать. Пространство между ним и большим земляным валом образует внешнюю часть нормандского замка; внутренняя часть была разделена на две части. Та, что находится на юге и содержит маяк, образует среднюю часть; та, что на севере, содержит крепость и является внутренней частью. Маяк был использован в качестве колокольни для соседней церкви Святой Марии, которая является предметом прекрасного мемуара мистера Пакля, хотя он едва ли может быть признан, чтобы установить ее связь с британской церковью. Эти два здания, несомненно, являются самыми старыми на территории замка.

Замок и внутреннее отделение - норманнские, времен правления Генриха II, но занавес и большинство его башен были перестроены, большая часть недавно, но в большей или меньшей степени по старым линиям. План представляет собой неправильный многоугольник, около 120 ярдов в каждую сторону, с четырнадцатью прямоугольными настенными башнями, не имеющими внутреннего выступа и не возвышающимися над куртиной, которая, тем не менее, является возвышенной. Две из них, расположенные на юго-западе, получили свое название от Магминота, а одна - от Гора. Стены были сложены из кремневого щебня, облицованы ясенем, а у основания выложены тараном, верх которого отмечен жирным каменным кордоном. По бокам некоторых башен находятся смелые машикулированные проемы от гардеробов. В центре крепости стоит отдельно стоящий замок, а на его территории, пристроенной к стенам, находятся несколько зданий, таких как Артуровский зал, караульная камера и офицерские помещения, некоторые из них раннего английского стиля, другие - современные.

Есть два входа: северный, Королевские ворота, и южный, ворота герцога Саффолка, или Дворцовые ворота. Ворота представляют собой сводчатые проходы с плоской сегментной аркой, открывающиеся наружу между двумя квадратными фланкирующими башнями. Здесь есть паз для портуллиса, а своды имеют раннеанглийский характер. Каждые из этих ворот защищает дополнительная работа. Впереди выстроено нечто вроде рогатины, заключенной в стену с башнями, а вторые ворота расположены наискосок от первых, чтобы можно было наблюдать за подходом. Северные, называемые Королевскими воротами, довольно совершенны. Южная пристройка почти разрушена. Она состояла из двух ворот: южных, с которыми была связана башня с колодцем, и восточных, называемых воротами короля Артура, рядом с которыми находилась оружейная башня, а неподалеку от нее - постерн графа Годвина. Каменная кладка этой внутренней палаты, вероятно, относится к периоду строительства крепости. Она была включена в широкий и глубокий ров, ныне не заверченный, на южном фронте.

Среднее отделение включает в себя южную половину того, что, вероятно, было английской земляной насыпью. Его южные две трети имеют округлую форму, но у его основания находятся или находились стены и башни, соединяющие его справа и слева с занавесом внешнего отделения, которое он таким образом разделил на две части. Перед этим сооружением стояли три башни: две, на востоке и западе, Клинтон и Мортимер, были квадратными. Обе, по-видимому, относятся к норманнскому периоду. Центральная башня на юге была круглой и называлась Валанс. Она, несомненно, была более поздней, вероятно, времен правления Генриха III. Фундамент башни Клинтон был вскрыт и вывезен в 1794 году. Сохранился фрагмент башни Мортимера. Башня Вэлэнс была разрушена в прошлом веке. Ворота прихода называются Колтон Гейт. Она имеет нормандский облик, но к квадратному основанию добавлен восьмиугольный этаж. Занавес, соединяющий эти башни, исчез, а

возвышенный южный берег был изрезан и изменил свои очертания. В этом приходе находится колодец глубиной 380 футов, который когда-то был накрыт башней.

Внешнее отделение заключено в куртину, большая часть которой снижена внутренним пандусом до парапетной стены. С трех сторон, выходящих на сушу, она узкая и занята главным образом рвом среднего и внутреннего отделений. На оставшейся, южной стороне он расширяется и включает в себя большое пространство между средними палатами и скалой. Ее контур неполный, потому что стены с обоих концов упираются в скалу. План стены неравномерен, изредка встречаются углы или уступы для сгребания рва. Снаружи она поднимается от внешнего сухого рва, и на ней находятся двадцать семь башен различных дат, фигур и размеров, квадратных, круглых и многоугольных. Большинство из них на западной стороне - просто полые бастионы, не имеющие внутренних выступов. На восточной стороне - в основном часовые или башенки небольших размеров. На морском фронте, где скала перпендикулярна, стены нет. Изобретательность инженера проявилась на более слабой и прибрежной сторонах. Пять башен соединены воротами. Эти башни, начинающиеся у юго-западного угла палаты, недалеко от обрыва, следующие: 1. Канонические или Монашеские ворота, ныне разрушенные; в них находился колодец. 2. Башня Роксли, полукруглая. 3. Башня Фульберта де Дувра, квадратная; рядом с ней долгое время находился офис "бодара", или сержанта-оруженосца, которому направлялись все гражданские ордера на арест за долги или нарушение законов о доходах. Башня Фульберта была также его тюрьмой. 4. Башня Херста - полукруглая башня, расположенная под углом к плечу или входу в стену. 5. Башня Арсика, полукруглая. 6. Башня Гаттона. 7. Башня Певерилла, Бошама или Маршалла. Это также сторожка между двумя отделениями внешнего квартала, крепкая, со рвом на южном фронте и разводным мостом. Здесь также находилась тюрьма маршала. 8. Порт, Гослинг, или башня королевы Марии, отремонтированная этой государыней. 9. Башня Фиеннеса, или ворота констебля. Это одни из самых величественных ворот в Англии. В плане это треугольник, тупой угол которого обращен к полю. Углы в основании входят в линию занавеса и увенчаны двумя большими башнями с барабанами. Задний угол так же увенчан продолговатой башней, закругленной на каждом конце и плоской в центре, через которую проходит вход. Эти три башни большие и возвышенные, они соединены рельефной куртиной. Внутри треугольника центральная башня возвышается на еще большую высоту и возвышается над всем зданием. Входной проход широкий и сводчатый, снабжен воротами и портупеей. Внутри он выходит на уровень внешней палаты, а снаружи круто обрывается к обрыву рва, глубина которого составляет около 50 футов. От этих ворот мост соединяется с противоположным берегом. В центре рва возвышается один высокий пирс, от которого отходит арка на внешнюю опору, несущая регулярную проезжую часть и парапеты. В противоположном направлении парапет в виде двух арок идет от пирса к воротам и служит опорой для пирса, но проезжая часть отсутствует, а ее место занимает разводной мост. Такое устройство не редкость, но здесь оно особенно необходимо из-за высоты и, как следствие, слабости пирса. На контркарпе рва находится *тет-де-пон*, от которого крутая дорога спускается траверсом к городу. Эти ворота, хотя и открыты, но мало используются. Обычные ворота - современные, они находятся рядом с Каноническими воротами. Ворота констебля относятся к декорированному периоду. Говорят, что их интерьер очень любопытен, но его не показывают.

Шестнадцать башен, включая башни Клоптон, Годсфо, Магминот (4) и Кревекерс (2), защищают северо-западную сторону. Клоптон представляет собой шестиугольник; имя Магминот носят четыре башни. Две башни, носящие имя Кревекера, отмечают

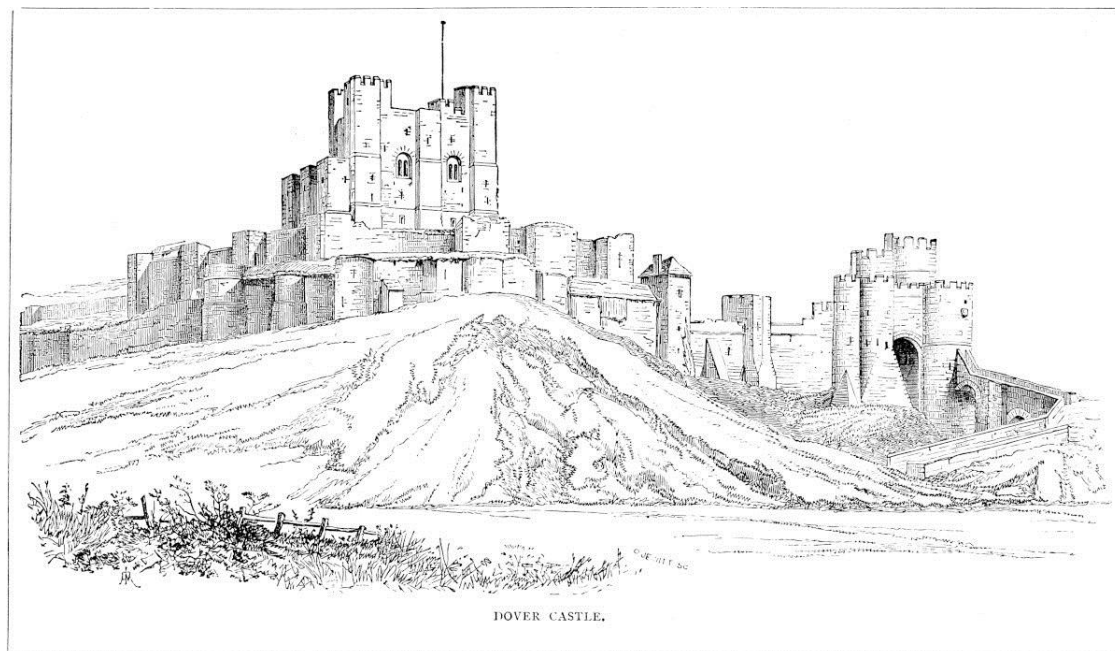
местоположение большого потерна, очень любопытного сооружения. Проходя от северных ворот внутренней палаты, ряд арок пересекает ров и внешнюю палату и резко заканчивается большим низким пирсом с выступающими углами справа и слева. Напротив пирса, который, несомненно, когда-то был соединен с ним разводным мостом, возвышается пара круглых башен (Crevequer), соединенных тяжелой куртеной и фланкированных меньшими башнями (Magminot) на небольшом расстоянии, все они являются частью *энсинта* внешней палаты. По направлению к полю куртина имеет косой угол, и от ее основания крытая галерея спускается во внешний ров, где достигает башни Святого Иоанна, барабанной башни, построенной в центре. Галерея проходит через первый этаж башни и заканчивается на контрэскарпе, в круглой камере, вырубленной в мелу, а из нее в разные части ледника расходятся три туннеля, один из которых раньше вел к дальнему постерну, а другой до сих пор сообщается со старой шпорой, приписываемой Юберу де Бургу и превращенной в современный равелин. Еще два туннеля, очевидно, эдвардианской эпохи, уходят из главной галереи под крепостную стену, а в подвальном этаже собора Святого Иоанна есть два саллита, открывающиеся на дно рва. Современный доступ к этим галереям осуществляется через шахту, утопленную в пирсе старого разводного моста, но старый вход был ближе к занавесу. Французская осада 1216 года была направлена на этот квартал. Подходы были сделаны с запада под воротами Констебля, под прикрытием траншеи и леерного ограждения. Во время атаки сэр Стивен де Пенстер привел в замок подкрепление через ворота под башней Годвина. Де Бург, наученный опытом, возвел передовое сооружение, которое до сих пор, в измененном виде, покрывает северную часть замка, и именно для того, чтобы безопасно добраться до него, была выполнена галерея из башни Святого Иоанна.

Башня Фицуильяма (18), расположенная примерно в 80 ярдах к востоку от северных ворот, была соединена со вторым постерном, не похожим на предыдущий, а теперь соединенным с капониром. За ней находятся башни 19 и 20, две сторожевые башни, а дальше - башня 21, башня Альбринчи или Авренчеса. В ней находится третья башня, имеющая своеобразное устройство. Это низкое многоугольное сооружение, расположенное на выступе рва так, чтобы его продолжение уходило на юг. К нему вела крытая галерея от южных ворот внутренней палаты, которая продолжается через ее подвал, чтобы открыться на контркарпе главного рва. С этой галереей была связана башня Вевилла или Пенстера, расположенная на занавесе, который с этой стороны закрывал связь между двумя отделами внешней палаты. Из оставшихся башен, которых было пять, три назывались Эшфордскими, а рядом с одной из них находился еще один колодец. Эта часть обороны была полностью перестроена. Названия нескольких башен - это имена рыцарей, которыми они были построены или в чьи обязанности входила их защита, поскольку ни в одном замке Британии, даже в Ричмонде, практика владения замком с охраной не применялась так широко, как в Дувре, и очень многочисленными и ценными были кентские поместья, принадлежавшие таким образом, на сумму 230½ рыцарских фе, из которых 115¼ были связаны с должностью констебля.

Кип. Это очень хороший пример позднего норманнского кипа. Он почти квадратный, в основании над цоколем 98 футов на север и юг, 96 футов на восток и запад, с пристройкой шириной 15 футов и длиной 115 футов, которая охватывает восточную сторону и юго-восточный угол основного строения. Углы увенчаны пилястрами шириной 19 футов и выступом 5 футов, которые сходятся, образуя твердый угол, и, поднимаясь к вершине, становятся внешними гранями четырех квадратных башен. На каждой из трех свободных граней находится промежуточная пилястра шириной 15 футов и выступом 5 футов, которая поднимается на одну высоту с парапетом и образует пролет в его линии. Есть цоколь высотой 6 футов, от которого поднимаются пилястры, и общая высота стены составляет 83 фута, а башен - на 12 футов больше, или 95 футов. Основание крепости находится на высоте 373 фута

над уровнем воды. Верх цоколя отмечен на лицевой стороне пилястр жирным кордоном или валиком, и есть два отступа в 6 дюймов, общих для стен и пилястр, один на уровне первого, другой на уровне второго этажа. Стены необычной толщины, даже для нормандского храма. Западная, между пилястрами, составляет 21 фут, уменьшенная до 19 футов на первом и до 18 футов на втором этаже. Северная стена составляет 17 футов, южная - 19 футов, а восточная - 18 футов. Поперечная стена, идущая с севера на юг и разделяющая здание почти поровну, составляет 11 футов у основания и уменьшается до 7 футов и 6 футов на верхнем этаже.

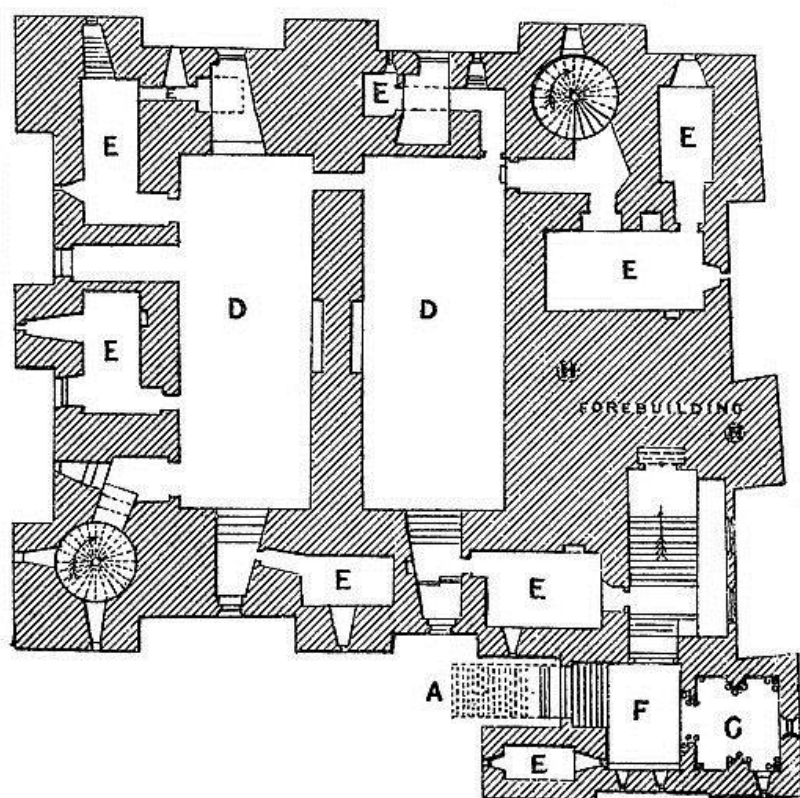
Главный вход находится в восточной части здания, недалеко от его северного конца, на уровне второго этажа. Покрывающее его здание - лучшее в Англии. Оно хорошо сохранилось, все, кроме крыши и части восточной стены, которые являются современными. Как и в Рочестере, его кладка уступает кладке храма, по крайней мере, снаружи, и в основании пилястр нет кордона, но внутри он содержит больше декоративных работ, чем в храме, с которым он так тесно связан, что не может быть дополнением. В северо-восточном и юго-западном углах храма находятся колодцы-лестницы, удивительно удобные и хорошо освещенные. Их диаметр составляет 14 футов 6 дюймов, ступени - 6 футов 6 дюймов, а перила - 1 фут 6 дюймов. Они поднимаются из подвала на крышу по 114 ступеням и сообщаются с каждым этажом, два нижних - вестибюлями, верхний и верхняя галерея - разветвленными переходами. Из северо-восточных вестибюлей открываются двери в два яруса сводов под верхней частью здания. Необычайная толщина стен позволила построить необычное количество фресковых камер, которых в общей сложности насчитывается двадцать семь. Помимо главного входа, на уровне второго этажа, по-видимому, был еще один, также из передней части здания. С тех пор были сделаны и другие: один, вероятно, в XIV веке, прямо в подвал, а другой совсем недавно - в основание юго-западной лестницы. Кроме того, различные бойницы были превращены в двери, чтобы обеспечить внешний вход в подвальные настенные камеры, которые использовались в качестве резервуаров для воды и пороховых складов.

ДОВЕРСКИЙ ЗАМОК.

ДОВЕРСКИЙ ЗАМОК.

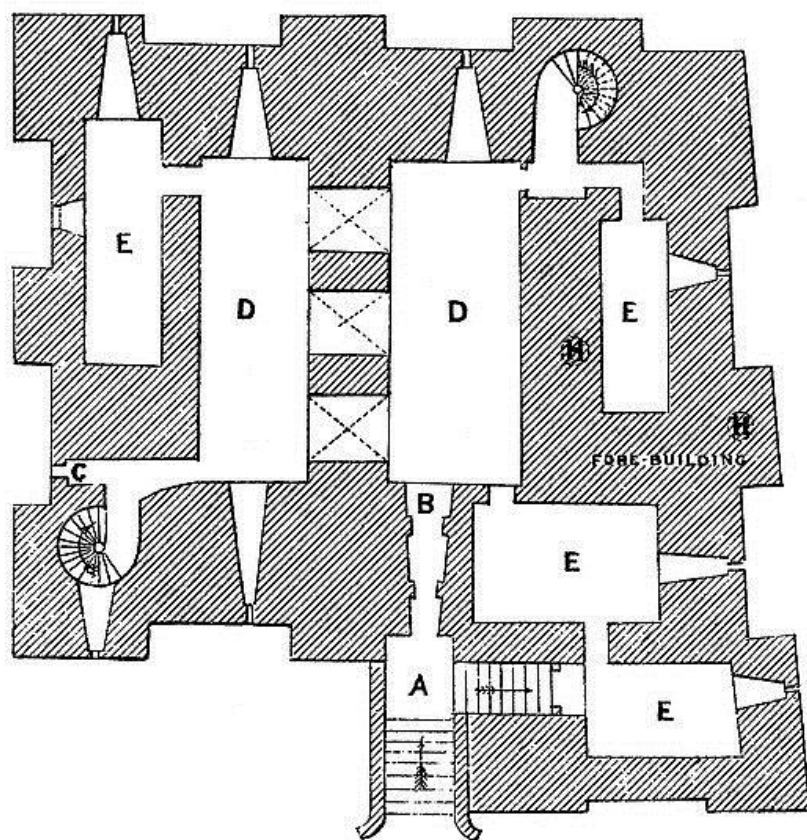
DOVER KEEP.

GENERAL REFERENCES.

- A Main Entrance,
- B Inserted Door,
- C Modern Door,
- D Main Chambers,
- E Vaults,
- F Lower Vestibule,
- G Lower Chapel,
- H Wells.

FIRST FLOOR.

BASEMENT.

Wyman & Sons, G^t . Queen St^t . London.

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.

1. *Главный вход,*
2. *Вставленная дверь,*
3. *Современная дверь,*
4. *Главные палаты,*
5. *Своды,*
6. *Нижний вестибюль,*
7. *Нижняя часовня,*
8. *Колодцы.*

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

ЦОКОЛЬНЫЙ ЭТАЖ.

Подвал. Есть некоторые сомнения относительно первоначального уровня этого этажа. Сейчас он на 9 футов выше земли снаружи, но в нем есть две двери, пороги которых находятся на 6 или 8 футов ниже пола, а при вскрытии земли в центре хранилища был обнаружен тротуар на том же уровне, так что пол мог быть засыпан землей и поднят. Однако если это так, то в дополнение к колодезным лестницам должна была существовать какая-то лестница, поскольку пол их вестибюлей, несомненно, находится на своем первоначальном уровне. Поперечная стена между двумя камерами пробита тремя простыми круглоголовыми арками 11-футового проема.

Восточная камера размером 50 футов на 20 футов имеет в северной части глубокое углубление и петлю, в которую упирается подоконник, а арка над ним поднимается по мере сужения углубления. Очевидно, что углубление в южной части было аналогичным, но было преобразовано в дверной проем. Этот проем используется обычно, с первой площадки наружной лестницы. Толщина стены здесь составляет 24 фута, и в ней есть фальцы для двух дверей, с решетками внутри каждой. Арки сегментные, а углы закруглены. Перестройка, похоже, была произведена в Декорированный период, со следами более поздних работ. Ближе к востоку от этой двери и на 6 футов ниже ее находится еще одна дверь, ныне частично скрытая, которая вела в склеп размером 28 футов на 15 футов, занимающий юго-восточный угол здания. В его южной стене есть дверь, ведущая во второй свод, 23 фута на 15 футов, расположенный под нижним притвором и часовней. Каждый свод имел петлю, направленную на восток. Сейчас они используются в качестве резервуаров для воды, и в них можно попасть через внешние отверстия. Если вернуться к восточной камере, то в ее восточной стене находятся две двери, одна в северном конце, а другая ближе к середине, ныне заблокированные. Северная дверь выходит в вестибюль северо-восточной лестницы, а из нее дверь вела в хранилище размером 28 футов на 12 футов в переднем здании, которое сейчас используется в качестве магазина, и вход в него осуществлялся через внешнюю стену. Средняя дверь, вероятно, вела в другой склеп, о котором ничего не известно. Таким образом, на уровне земли в передней части здания находятся три, если не четыре свода, все первоначально входили в него из кирхи. Их высота до арочного перекрытия составляет около 6 футов.

Западная камера, размером 50 футов на 16 футов, имеет большое углубление и петлю в каждом конце, а в западной стене две двери, одна открывалась в вестибюль юго-западной

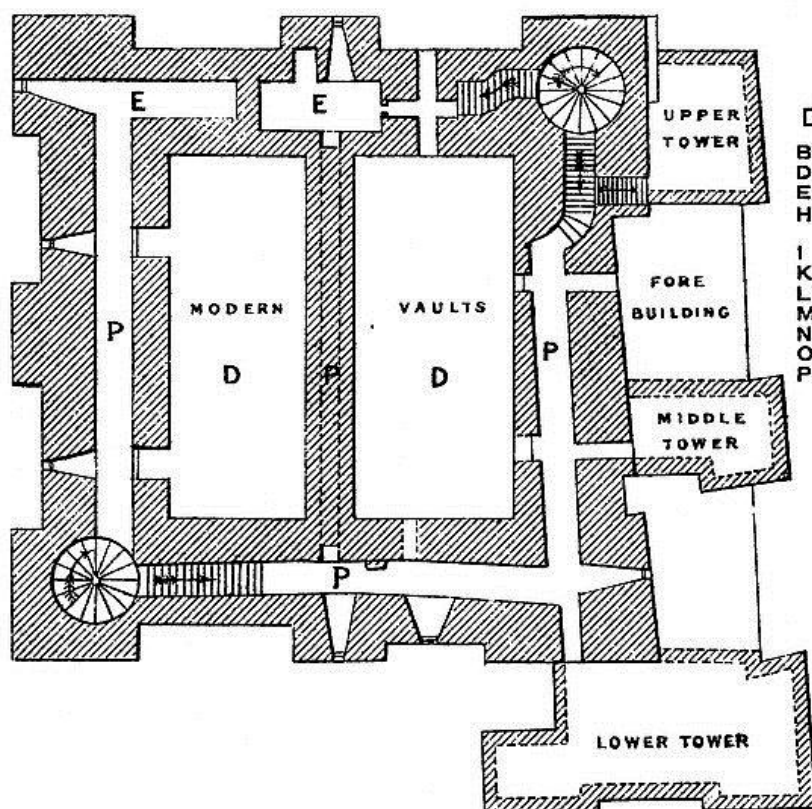
лестницы, где находится современная дверь, а другая, ныне заваленная, вела в настенную камеру 39 футов в длину на 12 футов в ширину, ныне пороховой магазин, и вход в нее был снаружи.

На втором этаже также находятся две основные комнаты, которые сообщаются между собой небольшой дверью у северного конца поперечной стены.

Восточная камера, размером 53 фута на 22 фута, имеет в южном конце углубление шириной 7 футов, которое заканчивается петлей, превращенной сейчас в окно. В правом или западном косяке находится камин, в левом - дверь, открывающаяся в настенную камеру размером 18 футов на 11 футов, с петлей на юг, из восточного конца которой открывается дверь на лестницу переднего корпуса. Эта дверь и окно над ней относятся к эпохе Тюдоров, но есть основания полагать, что здесь была первоначальная дверь, которую тудоровская рама заменила. В наружной стене находится рельефная арка из мелкого ясеня, которая совпадает по размеру со сводом внутри, и выглядит так, как будто предназначена для защиты первоначальной двери. В восточной стене большой палаты находится дверь, открывающаяся в вестибюль, из которого шесть ступеней спускаются к северо-восточной лестнице. Из этого вестибюля дверь ведет в склеп размером 24 фута на 12 футов, с углублением в северной и южной стенах и петлей в восточном конце. Из него короткий проход ведет во второй свод, 17 футов на 2 фута, с петлей на севере. Эти два свода расположены под верхним притвором и большой караульной комнатой переднего корпуса. В северной стене большой палаты, в восточной части, маленькая дверь открывается в галерею с фресками, 16 футов на 4 фута, с петлей на север, которая заканчивается в камере 5 футов на 6 футов, также с петлей на север. Над этой галереей находится ниша шириной 7 футов, поднятая на 10 футов от пола, чтобы освободить галерею. Ее петля заменена современным окном.

Западная камера, 52 фута на 20 футов, также имеет 7-футовое углубление в южной части, с современным окном, а в восточном косяке дверь, открывающаяся в настенную камеру, 13 футов на 9 футов, с южной петлей и камином в восточной стене. Этот и уже упомянутый камин расположены спина к спине и, хотя и имеют тудоровскую фурнитуру, возможно, являются оригинальными. В северной стене большой палаты находится высокая ниша и окно, аналогичное тому, что в восточной палате. В западной стене четыре проема; тот, что в северном конце, открывается в камеру в северо-западном углу, 23 фута на 10 футов, с петлями на запад и юг. От нее отходит проход 18 футов на 4 фута в северной стене, который ведет под высоким оконным проемом в камеру 7 футов на 6 футов. И проход, и камера имеют петли на север. Далее следует оконная ниша в 6 футов, открывающаяся на уровне пола, поднимающаяся на четыре ступени к современному окну; затем дверь, открывающаяся в настенную камеру 20 футов на 9 футов, с камином в восточном крыле и двумя петлями на западе. И наконец, дверь, выходящая в вестибюль, который ведет на юго-западную лестницу, поднимающуюся на три ступени и имеющую петлю на западе. Кроме трех каминов в настенных палатах, было еще два под арками 12-футового пролета, по одному в центре каждой стороны поперечной стены. Однако они закрыты. В той же стене, в северном конце, находится дверь между двумя палатами.

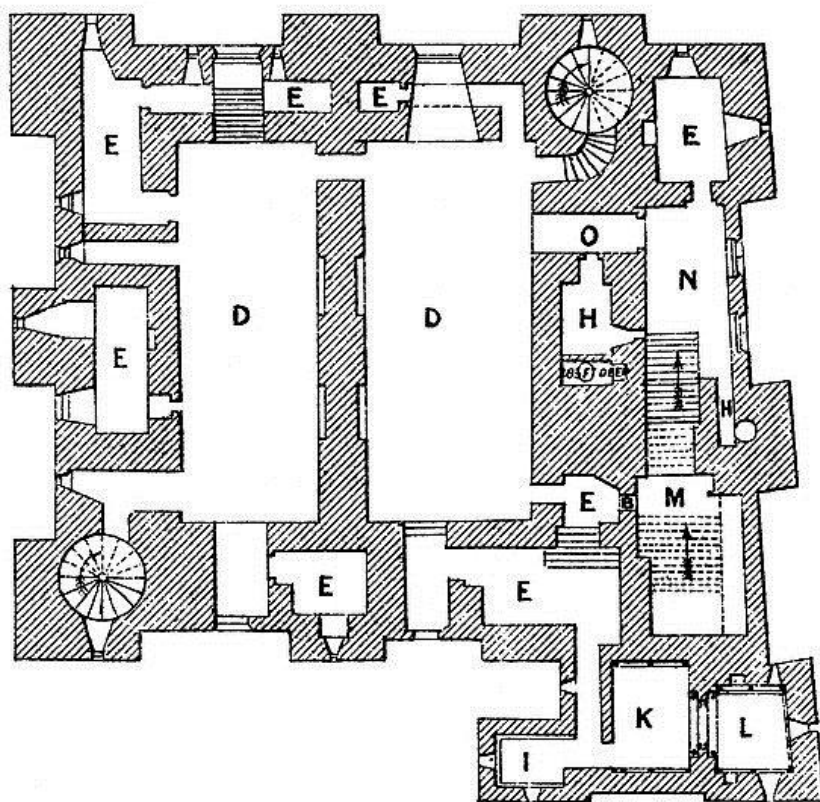
ДОВЕР КЕЙП.

DOVER KEEP.

- B Inserted Door.
- D Main Chambers.
- E Vaults.
- H Well Chambers and Wells.
- I Robing Room.
- K Ante Chapel.
- L Chapel.
- M Middle Vestibule.
- N Upper Vestibule.
- O Main Entrance.
- P Vaulted Gallery.

SECOND FLOOR GALLERY.

SECOND FLOOR.

Вайман и сыновья, G^t. Queen St. Лондон.

- Вставная дверь.

- Главные покои.
- EVaults.
- HWell Камеры и колодцы.
- Комната для переговоров.
- KAnte Chapel.
- ЛЧасовня.
- ММСредний притвор.
- НВерхний вестибюль.
- Главный вход.
- Сводчатая галерея.

ГАЛЕРЕЯ ВТОРОГО ЭТАЖА.

ВТОРОЙ ЭТАЖ.

Второй этаж - это главный или государственный этаж здания, на который выходит большой вход. Как и в храмах Лондона, Рочестера и Хедингама, он имел два яруса окон, верхний из которых проходил через настенную галерею. В начале нынешнего века этот этаж был перекрыт двумя большими кирпичными сводами, слегка заостренными. Это было сделано для того, чтобы превратить валы в площадку для пушек. Это неуклюжее дополнение полностью скрывает верхнюю половину стен и разрушает эффект двух очень красивых палат.

В восточную камеру размером 55 футов на 24 фута можно попасть с восточной стороны, недалеко от северного конца, через большой, расположенный по центру дверной проем, который снаружи обрамлен валами с отверстиями. От него сводчатый проход шириной 5 футов пересекает стену толщиной 16 футов и спускается по восьми ступеням в главную камеру. Эта неудобная высота, очевидно, была сделана для того, чтобы обеспечить проход для свода под притвором. В проходе, с левой или южной стороны, открывается дверь в колодезную камеру, свод размером 16 футов на 8 футов, с петель на восток к большой лестнице. В южном конце свода, на ступеньке, находится колодец, диаметром 4 фута и глубиной 289 футов, выложенный, насколько можно судить, пеплом. В восточной стене есть углубление для запасного ведра. Рядом со входом, в северном конце восточной стены большой камеры, находится дверь, ведущая в изогнутый проход, который спускается на одиннадцать ступеней к северо-восточной лестнице. В южной части той же стены большая арка, расположенная на высоте 5 футов над полом, открывает вход в настенную камеру размером 8 футов на 7 футов. Эта арка была уменьшена современной кирпичной кладкой, чтобы поддержать большой свод. В той же камере петля выходит на парадную лестницу, а в южной стене находится дверь и спуск на восемь ступеней к часовне. Возможно, что изначально петля была небольшой дверью, ведущей на верхний этаж средней башни здания, а затем, во времена Тюдоров, небольшая деревянная галерея вела к северной двери предкапеллы. В южной части большой палаты находится оконная ниша длиной 7 футов, открывающаяся почти плоскими сторонами. В его западном косяке находится камин, а в восточном - дверь, ведущая в настенный свод размером 18 футов на 12 футов, над тем, через который осуществляется вход на второй этаж. На востоке этот свод выходит на большую лестницу, на севере - на восемь ступеней, о которых уже говорилось, а в южной стене - узкая дверь и фресковый проход, ведущий в мантию и предкафедру. В северном конце большой

палаты, около северо-восточного угла, открывается дверь в камеру 7 футов на 5 футов, которая находится в северной стене под оконной нишей, здесь 8 футов проема.

Западная камера, 55 футов на 21 фут, имеет в своем южном конце оконную нишу шириной 7 футов, в восточной стене которой дверь открывается в настенную камеру 14 футов на 9 футов, с петлей на юг и камином в восточной стене. В западной стене большой камеры находится оконная ниша шириной 5 футов, начинающаяся на уровне пола, и три двери. Та, что в северном конце, открывается в камеру размером 22 фута на 9 футов, расположенную в западном углу, с петлями на западе и севере. Из нее открывается проход в северной стене длиной 17 футов, который заканчивается в камере 11 футов на 5 футов; камеры и проход имеют петли на север. Около центра западной стены большой камеры открывается дверь в другую камеру с фресками, 22 фута на 14 футов, с двумя петлями на западе и камином в восточной стене. Другая дверь ведет по изогнутому проходу с петлей на западе на юго-западную лестницу. В большой поперечной стене есть дверь у северного конца, а в каждой из ее сторон - два больших камина, ныне замурованных. В северной стене находится высокое окно или ниша с проемом в 8 футов.

Главная галерея, хотя и тянется вдоль стены почти по всему периметру, находится на разных уровнях, а в одном месте и вовсе прерывается. Вход в нее осуществляется по двум лестницам. Та, что на северо-востоке, дает два ответвления, из которых одно поднимается на четырнадцать ступеней, с петлей на север, и входит в проход в северной стене длиной 16 футов, с петлей на север, а на юге отверстие, ныне заблокированное, в большую камеру. Проход заканчивается в камере 18 футов на 8 футов, в северной стене которой есть петля, а рядом с ней глубокое углубление для садовника; а в южной стене находится то, что кажется устьем галереи, проходящей по поперечной стене, где, однако, она была бы остановлена или очень сильно уменьшена шахтами каминов. Другое ответвление от северо-восточной лестницы поднимается на шесть ступеней, после чего отдает ответвление на восток из девяти ступеней, которые ведут на крышу верхней башни переднего корпуса. Затем главный проход изгибается и поднимается еще на десять ступеней, всего шестнадцать ступеней, когда он входит в вещество восточной стены, где он имеет 60 футов длины и 4 фута 7 дюймов ширины, и имеет дверь на восток, выходящую на среднюю башню переднего корпуса, и петлю, а напротив них два отверстия в западной стене, которые раньше открывались в большую камеру, а теперь перекрыты кирпичным сводом. Затем проход поворачивает и на протяжении 67 футов лежит в южной стене. В его восточном конце находится петля; в южной стене, толщиной в 10 футов, дверь, выходящая на крышу нижней башни переднего корпуса. В той же стене находятся две, а возможно, и три петли, напротив двух из которых, по-видимому, были проемы в большую камеру. Третья сильно разрушена. Во внутренней стене находится углубление, вероятно, устье межстенной галереи. В ее западном конце главная галерея спускается на двадцать ступеней, чтобы попасть на юго-восточную лестницу. С этой лестницы, на двадцать ступеней выше, открывается дверь в галерею, которая продолжается вдоль западной стены на 68 футов. Она имеет три петли во внешней стене, напротив двух из которых находятся проемы, ныне закрытые, которые смотрели в большую камеру. Эта галерея продолжается на 15 футов при ширине 6 футов в северной стене.

Крыша храма представляет собой артиллерийскую платформу, пробитую с юга шестью, а с запада пятью амбразурами, верхушки пилястр образуют пролет в центре каждой грани. Две другие грани сплошные и защищены пушками "en barbette". Из четырех башен площадью 21 фут с двумя входами на каждой грани, две с юга имеют входные лестницы, а двери с лестничной площадки открываются в сторону башен, расположенных на северо-восточном и юго-западном углах. В северо-западную башню, по-видимому, ведет отверстие в ее

восточной грани. Несмотря на то, что эти башенки были сильно переделаны, их содержание кажется оригинальным.

Передний корпус занимает всю восточную часть и около 45 футов прилегающей южной стороны здания. Его ширина варьируется от 15 до 23 футов. Он был укреплен тремя башнями: одной над северным концом или верхней частью лестницы, другой над юго-восточным углом или нижней частью, и одной на восточном фронте над серединой лестницы. Средняя башня, в которой находился средний дверной проем, необычна. Они возвышались примерно на четыре пятых высоты основного здания, а на их бойницы, как уже было показано, вели двери с верхней галереи. Эта пристройка должна была содержать и защищать большую лестницу, и в ней находятся три притвора, нижняя и верхняя капелла, а также предкапелла, несколько фресковых камер и колодец. Вход в это время начинается с земли на южном фронте открытой лестницей из десяти ступеней, вероятно, современной, так как первоначальный подъем, похоже, был против и параллельно стене храма. На вершине этих ступеней находится площадка, с которой открывается нынешний вход в подвальный этаж. Затем лестница поворачивает направо и поднимается на одиннадцать ступеней, все еще открытых, с левой стороны которых находится кипер, а с правой - фланкирующий выступ переднего корпуса, в котором находится ложа, а над ней - мантилья. Впереди находится высокий дверной проем, шириной 7 футов, с сегментной аркой, довольно простой, а над ним петля, открывающаяся из прохода в часовню. Это был нижний вход, который закрывался зарешеченной дверью. Войдя в дверной проем, одиннадцать ступеней под крышей ведут в нижний вестибюль, который находится на высоте тридцати двух ступеней, или 20 футов, над землей. Этот вестибюль представляет собой красивую камеру размером 15 футов на 12 футов, с аркадой из двух арок в южной стене, каждая из которых пробита для петли. В западной стене, рядом с входом, находится дверь ложи, простая камера с бочкообразным сводом, 13 футов на 6 футов, с петлей на западе. В восточной стене вестибюля находится арка проемом 7 футов, , опирающаяся на соединенные колонны и фланкированная двумя другими. Головка украшена шевроном. Эта арка открывает вход в нижнюю часовню размером 14 футов на 13 футов, которая занимает юго-восточный угол здания и расположена так, чтобы алтарь мог видеть при желании каждый, кто входит в притвор. В ее северной и южной стенах находятся аркады из двух арок, разделенные пирсом, несущим два вала с отверстиями и третий вал в центре. В юго-восточной арке находится петля, а напротив нее - шкаф. В восточной части также находится петля, помещенная в углубление, фланкированное двумя валами. Пол этой часовни на одну ступень выше притвора. Потолок в обоих случаях был плоским и деревянным. Под часовней и притвором находится уже описанный свод. Толщина стен этой части здания составляет от 2 футов 6 дюймов до 5 футов.

Из притвора в северной стене открывается второй дверной проем. Он имеет сегментную головку и является оригинальным, но его ширина была уменьшена, вероятно, когда была открыта дверь в подвал, путем установки новых косяков. Она открывается в сводчатый проход шириной 6 футов и длиной 5 футов, что соответствует толщине северной стены нижней башни. В него ведут три ступени и площадка, с которой четыре ступени поднимаются в средний вестибюль. Это камера длиной 25 футов и шириной 15 футов, с современной крышей и двумя современными окнами в восточной стене, которая была частично перестроена. Слева от входа находится тюдоровский дверной проем, а над ним - двухсветное окно с квадратной головкой той же даты. Через него можно попасть в уже описанную камеру с фресками, а затем на второй этаж храма. В стене видна большая рельефная арка, и, вероятно, здесь всегда была дверь.

За этой дверью лестница поднимается на двенадцать ступеней к широкой площадке в конце вестибюля. Кроме тюдоровского дверного проема и окна, на той же стороне, выше, находятся петли из двух фресковых камер второго этажа храма, а в южной стене над лестницей - небольшая дверь, ныне не используемая, которая открывается в предкапеллу. В северной стене этого вестибюля находится дверной проем в 5 футов, третий по порядку на лестнице, открывающийся в проход шириной 6 футов, который пробивает стену средней башни, толщиной 6 футов, а вся башня - 14 футов. От этого дверного проема двадцать ступеней шириной 8 футов поднимаются в верхний вестибюль, на большую площадку размером 19 футов на 14 футов. Сам вестибюль имеет размеры 25 футов на 14 футов и находится между средней и верхней башнями здания. В восточной стене, которая была перестроена вместе с крышей, находятся два современных окна. В южной стене узкий проход длиной 10 футов и шириной 3 фута ведет к внешнему колодцу, ясеновая труба которого имеет диаметр 4 фута. Похоже, что в современное время он использовался в качестве выгребной ямы и засорился. Колодец расположен в центре башни, которая, судя по всему, представляла собой массивную каменную кладку. В настоящее время стена вокруг колодца разрушена и представляет собой грубую камеру. Сейчас невозможно установить, остановился ли колодец на этом уровне, как это вероятно, или был проведен до крыши башни. В северном конце вестибюля, если смотреть вниз на лестницу, находится дверь, ведущая в сводчатую караульную камеру размером 16 футов на 10 футов, с петлями на севере и востоке и глубокой нишей в западной стене. В западной стене притвора находится большая дверь в замок и петля из колодезной палаты. На этой стене есть следы пепла, как будто первоначально предполагалось сделать свод и паз в этом вестибюле.

В переднем корпусе, на уровне второго этажа храма, остались мантильи, предкафедра и часовня. Они расположены в нижней башне здания над ложей, притвором и нижней часовней, и вход в них был только из храма, через уже описанную настенную камеру. Из этой камеры в стене над наружным дверным проемом идет проход шириной всего 2 фута 5 дюймов, а из него открывается петля над лестницей, ведущей наружу. Этот проход длиной 17 футов заканчивается двумя маленькими дверями, правой и левой, одна из которых ведет в мантию, а другая - в предкафедру. Изначально это был единственный путь в часовню, и очень крепкий человек вряд ли смог бы до него добраться. Принцы Плантагенетов, хотя и были в основном крупными в кости, редко отличались тучностью. Мантийная комната находится над ложей. Она имеет размеры 10 футов на 7 футов, сводчатая, желобчатая и ребристая; ребра ровного сечения, и нет никакого босса. Они выходят из шахт по четырем углам. На запад и юг выходят петли или, скорее, небольшие окна в фут, фланкированные небольшими колоннами. Предкафедра, размером 16 футов на 13 футов, имеет аркаду из двух арок в северной и южной стенах и петлю в северо-восточном пространстве, превращенную в маленькую дверь, чтобы обеспечить отдельный вход. В восточной стене арка пролетом 8 футов открывает вход в часовню. Она опирается на соединенные колонны, с каждой стороны фланкированные двумя другими, а арка украшена шевровым орнаментом. Пол был деревянным и покоился на пяти балках. Крыша сводчатая, желобчатая и ребристая, а лепнина - валик с полосой собачьего зуба. Размеры часовни - 14 футов на 13 футов. Ее особенность заключается в том, что она расположена над основанием входной лестницы, а не, как в Миддлхэме, у ее основания. Она также имеет аркаду из двух арок в северной и южной стенах, с попарно расположенными по углам валами, за которыми, из капитального карниза, выходят ребра сводчатой крыши. Они имеют валообразное сечение с полосой орнамента "собачий зуб" и центральным соцветием. Есть небольшое восточное окно, а также к югу от него писцина с трилистником и выступающим бассейном, ныне отломанным. Это, по-видимому, декоративное дополнение. В южной стене есть две петли, в северной - одна у

восточного торца, а в другом северном отсеке - шкаф. Пол был деревянным, опирался на четыре балки.

Материал, из которого построена крепость, - это в основном бутовый камень, обработанный в виде щебня, не очень регулярно уложенного. Ашлар, в основном из канского камня, широко использован для отделки дверей и окон, а также квинтов. Стыки плотные. Пилястры необычной ширины и выступа. Капеллы и нижний притвор сильно украшены, в них много шевронов и валиков, а иногда и собачьих зубов. Арки иногда сегментные, но чаще всего полносводчатые. В здании нет портупеи; входы закрывались только дверьми, закрепленными деревянными засовами. Ни одна из петель, открывающихся на лестнице, не могла быть использована для ее защиты. Кроме главной двери, в самом замке нет никаких украшений. Двери, окна и камин, похоже, были совсем простыми. Это единственный известный замок, в котором есть второй колодец, и трудно понять, почему их должно быть два так близко друг к другу, ведь затраты на их создание должны были быть очень большими. Верхняя галерея имеет очень грубую кладку; линии проходов не совпадают с общим направлением стен, а исполнение очень плохое. Прискорбно, что при наличии обширных зданий вокруг, власти извратили это очень любопытное хранилище для вульгарного и опасного использования. Хранилища следует разместить в другом месте, а кирпичные своды и пристройки убрать. Внешние проломы и двери в стенах должны быть закрыты, второй колодец расчищен, а все здание по возможности приведено в первоначальное состояние. Затем его можно оборудовать под музей оружия, а все части, включая палаты, сделать доступными. Предполагаемая дата постройки этого хранилища - 1153 год, когда, как говорят, фундамент был заложен Генрихом, внуком Генриха I, незадолго до его вступления на престол. Это достаточно хорошо согласуется со свидетельствами самого здания, выполненного в позднем нормандском стиле.

Общий вид, представленный здесь, снят с севера, на нем видны ворота и мост констебля, а на переднем плане - башни и куртины внешней палаты с этой стороны. Сразу за ними видны квадратные башни и куртина внутренней, или нормандской, палаты, а внутри всего этого возвышается замок, с восточной стороны которого видны три башни переднего корпуса.

ЗАМОК ДАНСТЕР, СОМЕРСЕТ.

Замок Данстер имеет большую древность и на протяжении многих веков был местом, имеющим большое военное значение в западных графствах. Он был *капищем* обширной чести и главной резиденцией целого ряда очень могущественных баронов. Холм, на котором он стоит, является северо-восточной или приморской оконечностью значительного хребта, от которого он отделен естественной впадиной, образуя тем самым то, что в западносаксонской номенклатуре называется тор. Тор занимает площадь более десяти акров, его высота составляет около 200 футов, а площадь вершины - около четверти акра. Он стоит на западном краю глубокой и широкой долины, в которой находится парк, а ниже замка простирается луг шириной около мили, огибающий море от Минхеда до Кархэмптона. Парк пересекает значительный поток Авилл, один из истоков которого берет начало на холме Кройдон, а другой, протекающий мимо Вуттон-Куртенэя, поднимается на расстоянии около шести миль под маяком Данкери. С юга и запада вид на дом, отличающийся необычайным богатством, ограничен и защищен холмами Брендон и возвышенностями, поднимающимися к Эксмуру. На востоке он включает долины Клив и Уиллитон,

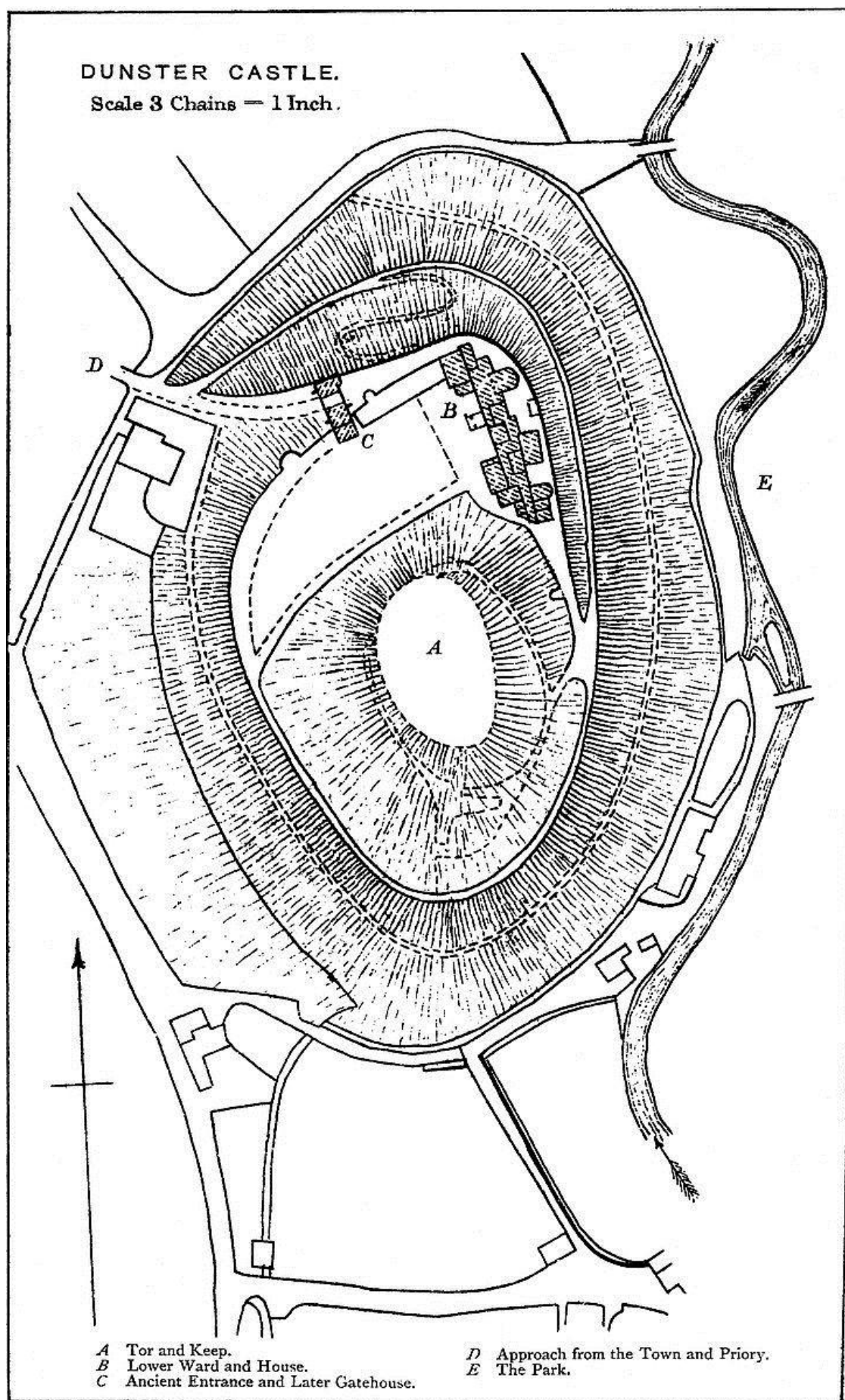
ограниченные Квантоками. В северном направлении виднеется залив Бриджуотер до мысов Бреан-Даун и Уорл, а также западное или противоположное побережье от Пенарт-Пойнт до Аберавана и Суонси.

На западе, у подножия замкового холма, под непосредственным контролем и защитой старой крепости, расположен город Данстер - небольшое и компактное скопление старомодных домов, многие из которых имеют деревянные фасады, посреди которых находится приходская церковь, некогда связанная с приорством, основанным одним из ранних нормандских лордов. Восточная, или монастырская, часть здания сейчас является частной часовней Люттреллов и содержит несколько их гробниц.

ЗАМОК ДАНСТЕР.

DUNSTER CASTLE.

Scale 3 Chains — 1 Inch.

1. Тор и замок.
2. Нижнее отделение и дом.
3. Древний вход и более поздние ворота.
4. Подход со стороны города и Приората.
5. Парк.

Причудливые ткани, когда-то известные как "Данстеры", давно перестали производиться, а от фабрик по производству фуллера почти не осталось руин. Гавань, в которой эти мануфактуры находили пристань, также заилена, а привилегии, предоставленные горожанам, теперь разделяются всем обществом, больше не вспоминаются и известны только потому, что сохранились хартии, предоставляющие их. Считается, что соседние холмы "Галлок" названы так потому, что там на виду у всех осуществлялась высокая судебная власть лордов, а "Грабхерст", замковый хребет, получил свое название от укрепленного леса, хотя такое использование слова "граф" неизвестно или необычно в английской номенклатуре, а "Херст" или "Хёрст" относится скорее к Сассексу и Кенту, чем к Сомерсету. Дело в том, что в старых документах этот холм пишется как "Гробфаст", а в наше время в просторечии - "Граббист". Рядом с ним возвышается отдельно стоящий холм, известный как "Конигер", увенчанный башней прошлого века. В настоящее время он густо засажен растениями, но на нем не было обнаружено никакого лагеря, о чем могло бы свидетельствовать его название. Замок-мельница сохранился. Она расположена на краю парка, у ручья, и скрыта и защищена замком.

Замок состоит из двух частей, обусловленных естественным расположением земли; это тор, или крепость, и нижняя палата. Тор имеет овальную форму, а его вершина, естественно плоская, была дополнительно выровнена искусством, так как склоны также были подрезаны и стали практически непригодны для прямого восхождения. Размеры вершины составляют около 35 ярдов к востоку и западу, 70 ярдов к северу и югу. Стоявшая здесь крепость исчезла, а о ее существовании, долгое время считавшемся традицией, можно судить по канализационной трубе и несколькими фундаментам в юго-западном углу, вскрытым несколько лет назад. Нынешняя поверхность была заложена под боулинг-грин в прошлом веке, а в северо-восточном углу построили летний домик, в котором есть окно в перпендикулярном стиле, взятое из какого-то более раннего строения.

Искусственное усеивание склонов холма ограничено верхними 80 или 100 футами. На этом уровне находятся две платформы или полки, одна из которых, небольшая, направлена на юг, а другая, гораздо большая, также в основном естественная, направлена на север и образует нижнее отделение. Нижняя палата имеет полулунную или полуовальную форму, полая сторона которой образована и занята частью юбок тора. Его размеры составляют 33 ярда на север и юг и 126 ярдов на восток и запад, а площадь - около половины акра. Внешний или выпуклый край, крутой от природы, был врезан в невысокий утес, поддерживаемый подпорной стеной, которая, с фланкирующими башнями и надстройкой парапета, защищала этот участок. У подножия этой стены, часть которой поддерживает нынешний дом, склон возобновляется, и, хотя сейчас его террасируют дороги и тропинки, раньше он спускался к подножию холма.

Вероятно, крепость была круглой или многоугольной, к ней, как и в Линкольне, вела прямая лестница из нижней палаты. Его ворота, по-видимому, защищал порткуллис, о котором упоминается в записях и который не мог находиться ни в более ранних воротах, ни в более поздней сторожке. Здания и жилая часть старого замка находились в нижнем отделении или его северо-восточной четверти, на *энсинте* или куртине, и в целом на месте нынешнего

дома. Стена была укреплена и обрамлена полукруглыми башнями, нижняя часть нескольких из которых осталась включенной в более позднюю постройку и связана с фрагментами стены, ныне являющейся частью дома, о чем свидетельствует их чрезмерная толщина. Одна из этих стен имеет сердцевину из природного красного песчаника, заключенную в каменную кладку, но прослеживаемую по периодическому выделению сырости. Ворота этой палаты сохранились между двумя фланкирующими башнями. Они имеют ширину 9 футов, простые фасонные косяки и низкую жесткую арку. Порткуллиса не было, и, вероятно, не было разводного моста, единственной защитой была дверь, состоящая из дубовых брусьев, 4 дюйма в квадрате и 4 дюйма друг от друга, образующих решетку, обшитую снаружи вертикально полуторадюймовой дубовой доской. На каждый дубовый брус был положен железный прут, а все полотно скреплялось железными крепежами с ромбовидными головками. Линия встречи двух клапанов была ограждена железным брусом. В правом клапане, при входе, находится калитка высотой 3 фута 8 дюймов и шириной 2 фута 6 дюймов, скрепленная огромным железным замком в деревянной оболочке. Этот очень любопытный образец работы плотника и кузнеца, хотя и более позднего времени, чем ворота, является старым, не похожим на замок Чепстоу, и, вероятно, относится ко времени Генриха VIII или Елизаветы. Сами ворота принадлежат Генриху III или его сыну. В прошлом веке ворота были постоянно закрыты, а за ними построили стену, засыпанную землей. Недавно ворота были восстановлены, насколько это возможно, до первоначального состояния, и теперь по ступеням можно попасть в нижнее отделение.

Фресковые башни, обрамляющие ворота, представляют собой части кругов, внешний диаметр которых составляет 16 футов 6 дюймов, а нижние 12 футов являются оригинальными. Одна из них содержит любопытный сводчатый подвал с обычными тремя петлями, а в задней части - дверной проем, открывающийся в палату. Другой, восточный фланкер, имел подвальную камеру, до недавнего времени засыпанную землей, и также имел три петли, две из которых все еще видны снаружи. Эта башня была соединена со зданием в задней части, фундамент которого сохранился до наших дней и теперь является частью служебных помещений. Также на подпорной стене, но примерно в 20 ярдах дальше и к юго-западу от старых ворот, находится еще одна подобная фланкирующая башня, от которой сохранился верхний этаж и часть дверного проема. Эта башня открыта с тыльной стороны. Башни, куртина и входные ворота, по сути, относятся к одной дате, а сохранившийся пепел хорошего качества и хорошо скреплен. Надстройка была недавно обновлена.

Подход к замку был крутым, как и сейчас, от города до старых ворот, перед которыми дорога делала резкий поворот. Чуть ниже ворот, на этом подходе, была построена сторожка, которая выступает из куртины и соединяется с ней, будучи встроенной в башню, фланкирующую старую куртину с западной стороны. Эта постройка, большая сторожка, до сих пор сохранилась в первозданном виде и, хотя, очевидно, предназначена скорее для украшения, чем для обороны, делает наиболее подходящим подходом к замку и придает всей структуре средневековый и в чем-то военный характер. Это здание прямоугольной формы, 63 фута в ширину, 23 фута в глубину и около 45 футов в высоту, шестьдесят две ступеньки ведут к его крепостным стенам. Его пронизывает проход шириной 10 футов 6 дюймов, имеющий простой остроконечный свод, а на каждом конце - не очень остроконечную арку, с хорошими лепными косяками, продолжающимися вокруг головы. В арке нет дверей, открывающихся в домик, и нет ни портупеи, ни разводного моста. Фасады просты, только с внешней стороны есть два фланкирующих контрфорса, а над входом - прямоугольная панель с девятью гербами в три ряда - один, четыре и четыре. Внутренний фасад обрамляют две полустегиугольные башенки, из которых та, что находится на внешнем конце, содержит колодезную лестницу, в которую можно попасть снаружи через

небольшой четырехцентровой дверной проем, и которая сообщается с каждым этажом и с бойницами. Соответствующая башня построена на одной из старых фресковых башен, которые фланкировали ворота нижнего отделения. В ней на каждом этаже находится небольшая камера, вероятно, садовая. С внешней стороны здания находятся два контрфорса, большой и малый, вероятно, добавленные для поддержки стены, которая в то время стояла на крутом склоне и имела признаки заселения. Сторожка состоит из трех этажей. В цокольном этаже по одной камере с каждой стороны главного прохода, в которую можно попасть по колодезной лестнице, а в другую - через наружную дверь. Та, что находится рядом с колодезной лестницей, имеет размеры 14 футов 6 дюймов на 9 футов 8 дюймов и окно спереди. Та, что находится по другую сторону арки, имеет размеры 21 фут 6 дюймов на 16 футов 3 дюйма, и в нее снаружи ведет небольшой дверной проем, вероятно, вставной. Из этой камеры открываются два шкафа, а колодезная лестница поднимается на два этажа выше.

На втором этаже находятся две комнаты, размером 22 фута 10 дюймов на 16 футов 6 дюймов и 21 фут 6 дюймов на 16 футов 6 дюймов, высотой 13 футов. В его внутренней части находятся два шкафа.

Второй, верхний, или главный, этаж раньше состоял из двух комнат, но недавно был превращен в красивый зал, 47 футов на 16 футов 6 дюймов, с открытой крышей. В нем пять окон и камин, а вход в него осуществляется на уровне нижнего отделения через дверной проем, который кажется вставкой времен Генриха VIII, и в котором с одной стороны находится голова колодезной лестницы, а дальше, с каждой стороны, по шкафу. Окна сторожки в основном двухсветные, разделенные фрамугой на четыре, причем верхние - с сабельником, а в голове - с четырехлистником. Верхняя часть украшена решеткой, а по четырем углам расположены башенки, из которых видны только две на внешней или передней стороне.

Щиты на внешней панели: в верхней строке - 1. Люттрелл с гербом и сторонниками. Ниже, в следующем ряду, 2. Люттрелл, бьющий Кортенея; 3. Люттрелл, бьющий Бомонта Шервельского; 4. Люттрелл, бьющий Одли; 5. Люттрелл, бьющий Кортенея Паудерхэмского. В нижнем ряду: 6. Люттрелл, бьющий Хилла; 7. Люттрелл, бьющий Бланка; 8 и 9 - Бланка. Сторонники Люттрелла - два лебедя, закованные в цепи и ошейники, произошли от Бохуна через Куртенэя. Дата постройки этой сторожки точно не определена. Считается, что это "новый дом Данстера" (*novum ædificium castri de Dunster*), строительство которого, согласно счетам, было поручено Генри Стоуну в 9 году правления Генриха V. Но нижняя часть построена в стиле, распространенном при Ричарде II. Дверь из нижнего отделения в вестибюль вряд ли была построена раньше Генриха VII или VIII.

Вероятно, некоторое время сторожка использовалась в сочетании с боковыми воротами, пока последние не были закрыты. Подъезд и вход, несмотря на неудобства, были прочными и практически исключали регулярные атаки с помощью таранных машин или даже эскалады.

История Данстера начинается с Domesday, в котором записано, что Уильям де Мохун владеет Торре, и здесь находится его замок. Алурик владел им во времена короля Эдуарда. "*Ipse [Willielmus de Moion] tenet Torre. Ibi est castellum ejus. Aluric tenuit T.R.E.*". Эти слова очень уместно вставлены над большим дымоходом в зале. Эксетерский Domesday также подтверждает владения Мохуна и Алурика. Кем был Алурик, неизвестно. То, что он был крупным англичанином, никто не сомневается, но имя было распространенным, оно

встречается в Domesday шестьдесят четыре раза, как и Alric, вероятно, то же самое имя, двадцать шесть раз.

Мохун, несомненно, нашел Тор сильно укрепленным, на английский манер, поскольку это была не только пограничная крепость против западных кельтов, но и, должно быть, подверженная пиратским вторжениям северян, давших название противоположным островам Холмса и не очень далекому порту Суонси. По сути, это место было естественным крупным городищем, подобным тем, которые Этельфлед и Эадвард Старший в начале X века создавали искусственно в меньших масштабах. На конусообразном холме с плоской вершиной располагалась *аула* или *дом обороны*, а во дворе внизу - хижины и сараи для иждивенцев и скота.

Уильям де Мохун не был простым авантюристом. Он был крупным бароном Котентена, владевшим замком Муайон в Ламанше. Он сражался при Гастингсе с рыцарским отрядом и получил от Завоевателя от шестидесяти до семидесяти поместий в Сомерсете, Девоне, Дорсете и Уилтсе. В его время или при его преемнике эти поместья были объединены в почетный титул, как это произошло с поместьями, принадлежавшими главным городам Плимpton, Тотнес и Барнстапл. Данстер стал *почетным капитулом*.

Данстерский почет был одним из восьмидесяти шести в Англии, хотя в чем их отличие от баронств, точно не известно. Ядром любого из них почти всегда было поместье, которым владели до Завоевания и которое в значительной степени было дополнено норманном, завоевавшим его. Во всех случаях оно простиралось более чем на одно графство и принадлежало королю *in capite* на основе дани, верности и военной службы. По законам Генриха I, каждый лорд мог вызывать своих сеньоров на суд: "*et si residens est ad remotius manerium ejusdem honoris unde tenet, ibit ad placitum, si dominus suus summoneat eum.*" В "Domesday" честь не упоминается как юрисдикция, разве что в отрывке, относящемся к Корнуоллу, где говорится: "*Hæ terræ pertinent ad honores chei*"; chei - это место. Считается, что этот термин был впервые использован Завоевателем в его грамоте, адресованной аббату Рэмси. Большинство почестей, по-видимому, перестали использоваться из-за отчуждения составляющих их поместий, как это произошло с Данстером, хотя записи показывают, что в течение многих веков права поддерживались лордом замка в полном объеме.

До какой степени мохуны довольствовались ранними оборонительными сооружениями замка, неизвестно, но примечательно, что в здании или рядом с ним не было найдено ни одной лепнины или фрагментов норманнского орнамента, хотя в приходской церкви сохранились оригинальные норманнские работы. Судя по конфигурации местности, линии старой крепости должны были находиться там, где они находятся и сейчас, так что не было бы причин сносить более ранние постройки, чтобы расширить территорию; и все же трудно предположить, что такие долговечные постройки, как норманнские, могли прийти в упадок к правлению Генриха III или Эдуарда I, то есть к дате самых старых сохранившихся частей. Как бы то ни было, несомненно, что замок Мохунов был одной из самых важных западных крепостей; а в беззаконные дни Стефана он удерживался императрицей против короля во время великого восстания 1138 года; его владыкой был тогда Уильям де Мохун, второй барон.

Вильгельм, конечно, не довольствовался пассивным сопротивлением. Его называют "бичом Запада", он опустошал и грабил страну вплоть до ворот Барнстапла, где его сдерживал Генрих де Трейси. Говорят, что в 1140 году императрица сделала его графом Дорсета или Сомерсета, или обоих; но это создание опирается на весьма неопределенные основания и никогда не признавалось действительным. Графства того периода были очень нерегулярными, и некоторые из них впоследствии были отменены. Этот лорд основал

Августинский приорство Брютон в Сомерсете и, согласно Черной книге казначейства, владел сорока четырьмя рыцарскими гонорарами. Не исключено, что именно ему обязан своим появлением круглый или многоугольный замок, который был распространен в те времена, когда замок имел курган, и который, как известно, стоял на вершине тора.

Замок не упоминается до правления Джона, который владел замком и честью во время несовершеннолетия лорда Реджинальда, когда штрафы и т.д. за честь взимались офицерами короля. В канцелярском списке 1201-2 годов Николас Пуинц получает 15 с. 2½d., полугодовое жалованье, положенное уборщику замка, и столько же - сторожу; эти выплаты повторяет Реджинальд де Клифтон, которому в 1204 году было приказано передать Реджинальду де Мойону во владение замок Данстер и наследство, находившееся на тот момент под его опекой. Незадолго до этого, когда Реджинальд достиг совершеннолетия, замком управлял Хьюберт де Бург, который получил "de finibus militum" от чести; а 25 февраля 1202 года Иоанн призвал рыцарей и свободных арендаторов внести через де Бурга средства на укрепление замка. "Наш замок", - называет его король, вероятно, не просто владея им, но утверждая общие права короны на все замки. Второй Реджинальд, похоже, учредил мессу для блага своих предков, которую должен был ежедневно читать монах или светский священник, предоставляемый настоятелем, в верхней часовне или часовне Святого Стефана в замке, а во время войны - в часовне Святого Лаврентия в приорстве. Если этим пренебрегали, оставалось право наложить арест на имущество настоятеля. Леланд упоминает часовню Святого Стефана как связанную с замком. Также, по-видимому, была вторая часовня, как обычно, в нижнем приходе. После смерти лорда Реджинальда, около 1213 года, замок снова перешел в руки короны на время ее длительного отсутствия. Генри Фитц Граф был назначен управляющим, а вдове Алисе были предоставлены дары и "maritagium". Любопытно, что Джон, похоже, не посещал Данстер, хотя и находился в Сток-Курси.

Генрих III в 1220 году передал лес Данстера в управление Питеру де Молею. Он сохранил замок в своих руках, и в нем есть несколько счетов на оплату Роджера и Уильяма де Вилеров, как "balistarii regis", которые жили в королевском замке Данстер. В 1222 году особым распоряжением земли Мохуна в Кархэмптоне передаются Уильяму Бриверу, вероятно, ближайшему родственнику вдовы, но замок и вилла Данстер остаются в руках короля. Вскоре после этого рынок Уотчета, не имевший лицензии и вредивший Данстеру, был закрыт (Close Roll I., 137, 418, 605). Вышеперечисленные лица были не единственными, кому время от времени передавалось это ценное владение.

О состоянии замка к концу этого периода ничего не известно; но богатство семьи значительно увеличилось после того, как Реджинальд, подопечный короля Джона, сочетался браком с дочерью, и либо его сын Реджинальд, основатель в 1246 году аббатства Ньюэнхем, умерший 41-м Генрихом III, 1256 г., или его внук Джон, умерший 7-го Эдуарда I., 1278 г., последний барон по праву владения, могли построить навесную и настенную башни, содержащие нижнюю палату, от которых сохранились основания. Замок, вероятно, остался без изменений, и действительно, из-за большой и неудобной высоты, на которой он стоял, мог использоваться очень редко. О чисто оборонительных частях замков, когда в них не жили владельцы, обычно мало заботились, и содержание носильщика и одного сторожа показывает, что в этом отношении Данстер не был исключением.

В 1376 году Джон де Мохун, восьмой барон и десятый по прямой линии от основателя рода, умер, оставив только дочерей, и его вдова Джоан Бургерш продала замок и остальное имущество. Покупателем стала другая вдова, Элизабет, дочь Хью Куртенэя, графа Девона, и вдова сначала сэра Джона де Вера, а затем сэра Эндрю Люттрелла из Чилтона, кадета

баронов Люттреллов из Ирнэма. Елизавета была дамой высокого положения, в родстве через Бохунов с Эдуардом III, и обладала огромным богатством. Ее сын, сэр Хью Люттрелл, , стал новым лордом замка и Чести, и, вероятно, построил большую сторожку.

Люттреллы были убежденными ланкастерцами, а их представитель, сэр Джеймс, принял рыцарское звание на поле Уэйкфилда и пал во второй битве при Сент-Албане, когда его владения были конфискованы 1-м Эдуардом IV, но восстановлены лишь 1-м Генрихом VII в лице его сына, сэра Хью. Сэр Хью Люттрелл пользовался большим расположением Генриха VII и, похоже, жил в Данстере в большом великолепии. Второму сэру Хью Лиланд приписывает большую сторожку, и, возможно, он достроил или отремонтировал ее, а также открыл южную дверь, ведущую в нижнюю палату. Вероятно, он также вставил гербовые панели над входным порталом, на последней из которых, завершенной, изображен его плащ, пронзающий плащ Маргарет Хилл, его жены. Он также отремонтировал часовню Святого Стефана. Леланд описывает донжон, или замок, как "полный хороших зданий", которые, однако, исчезли еще до его времени. Жилая часть замка тогда, как и сейчас, находилась в северо-восточном углу нижней палаты. Сэр Эндрю, сын и преемник сэра Хью, "построил новую часть крепостной стены на востоке".

Следующим владельцем, оставившим свой след в замке, был Джордж Люттрелл, шериф Сомерсета в 1593 году. Он построил городской рынок и более старую часть нынешнего жилого дома, который датируется 1589 годом, включив в него большую часть куртины, башен и стен более старого и более четко выраженного военного здания. Вход в палату, по-видимому, остался прежним, через ворота между фланкирующими башнями.

Во время войн между Карлом и парламентом Люттреллы не поддерживали ни одну из сторон и были не в фаворе у обеих. Его владельцами в это время были Томас Люттрелл, умерший в 1644 году, и Джордж, умерший в 1655 году. В 1643 году роялистский гарнизон под командованием полковника Уиндэма овладел замком, и его посетил принц Чарльз, чьи покои до сих пор указаны. В 1646 году Блейк осадил замок в интересах парламента и обстрелял его с северо-запада, за Люттрелл-Армс. Он был сдан Уиндэмом в апреле 1646 года. В память об этой осаде было найдено несколько железных пушечных ядер.

Правительство, хотя и извинилось за военную оккупацию замка, взимало местную пошлину за его снос. Вероятно, это касалось только верхней части куртины по обе стороны от сторожки. Говорят, что сторожка была повреждена, но ее нынешнее состояние показывает, что повреждения не могли быть очень серьезными.

Столетие спустя, согласно отчетам, Люттреллы подняли поверхность нижнего отделения, вероятно, примерно на четырнадцать футов, очевидно, с помощью земли, полученной путем соскабливания прилегающего склона Тора. Эта работа, связанная с закрытием старых ворот, вероятно, была совмещена со строительством нового подхода, который проходил ниже и за пределами сторожки, огибал замок и тор и входил в нижнее отделение на новом уровне. Так оставалось до прихода на престол Джорджа Люттрелла в 1869 году, когда, по разумному совету мистера Салвина, к елизаветинскому дому было сделано большое дополнение, построена новая башня на западном фасаде, фундамент и тротуары зданий вдоль северного фронта, связанных с входными воротами и сторожкой, были заложены, стены восстановлены и перестроены, а вдоль части куртины образовалась терраса. Подъезд для карет также был значительно улучшен, хотя, как и прежде, ценой обхода большой сторожки.

Древние стены, объединенные с более поздней резиденцией, доказывают, что на месте, которое сейчас занимает резиденция, должны были находиться очень значительные постройки, но есть основания предполагать, что и зал, и часовня стояли рядом с местом, где

находится более поздняя сторожка, и, следовательно, справа или западнее первоначального входа. Если это так, то площадь зданий в нижнем отделении должна была быть очень значительной, поскольку в другом направлении они, как и нынешний дом, несомненно, простирались до подножия Тора и были обрамлены им. Тем не менее, какими бы значительными ни были перестройки, какими бы красивыми и удобными ни были комнаты нынешнего особняка, он очень точно представляет первоначальную крепость, и, как и она, укрыт от посторонних глаз, возвышается над парком, городом и морским побережьем, открывая очень обширный вид, и, как и подобает представителю столь важного военного поста, сам виден с территории, на которой он иногда был ужасом, но чаще защитой.

ЗАМОК ДАРЕМА.

Замок Дарема сейчас отдан в пользование Северному университету и в значительной степени занят студентами. Для посетителей открыты только отдельные его части, и любое описание его деталей при нынешних ограничениях будет малоценным.

В одном из последних томов публикаций Общества Суртиса мистер Джеймс Рейн, достойный сын выдающегося отца, представил миру археологии очень любопытную поэму, которая сейчас впервые напечатана, под названием "Dialogi Laurentii Dunelmensis Monachi ac Prioris", работу того времени, в которой рассказывается о вторжении Уильяма Кумина в Даремский престол. Это был чрезвычайно интересный период для этой важной церкви, которая когда-то включала в себя город Карлайл и территорию Тевинотдейла, а в момент написания поэмы все еще удерживала замки Дарем и Норхэм, крепости первого ранга, даже в районе, где находился Бамборо.

Распри между Стефаном и Мод, жестокие по всей Англии, нигде не проходили с большей суровостью, чем на реках Тайн, Тис и Уир. Дэвид Шотландский, дядя Мод и активный сторонник, не смилившийся с поражением при Норталлертоне, претендовал на графство Камберленд от своего имени и Нортумберленд от имени своей жены. На его пути стоял только Дарем, и его епископ, Джеффри Руфус, укрепившийся в своем неприступном замке, твердо придерживался Стефана. Его смерть в 1140-41 годах позволила некоему Уильяму Кумину, приверженцу Давида, силой и обманом завладеть замком и владениями епископата, хотя ему и не удалось добиться избрания на епископский престол. В результате между Кумином и законным епископом Уильямом де Сен-Барбе разгорелась ожесточенная борьба, в ходе которой собор был занят солдатами, а монахи подверглись жестокому обращению и были убиты. Только в 1144 году Кумин был низложен, а в доме и вотчине святого Катберта восстановился мир.

Лауренс, родившийся в Уолтхэме и воспитанный в его святом доме, приехал в Дарем во время епископата Фламбарда, который, вероятно, достроил замок, кладка которого, по крайней мере, была начата во времена правления Завоевателя. Будучи обычным монахом, он прославился своими способностями к метрической композиции. Он стал сначала прецентором, а затем капелланом епископа. Епископскую резиденцию и церковь Дарема описывают как

"Наполовину церковь Божья, наполовину крепость против шотландцев".

И сами епископы в значительной степени соответствовали этому двойному характеру. В епископском доме Лоуренс видел многое из светской жизни. Он стал охотником на волка и кабана, рыбаком и знатоком лошадиной плоти, и, если не был настоящим воином, то уж точно понимал принципы военной обороны. После смерти епископа Руфуса его связь с епископским домом закончилась, и он принял активное участие в борьбе против вторжения Кумина и в избрании святого Барба. На некоторое время он был изгнан из монастыря, но после возвращения стал настоятелем в 1149 году. После смерти святого Барбе в 1152 году он возглавил избрание де Пюизе, племянника Стефана, и поддержал его против архиепископа Йоркского, которым он был отлучен от церкви и приговорен к покаянному бичеванию у дверей Беверли. Тем не менее, он твердо стоял на своем и был одним из тех, кто сопровождал де Пюизе в Рим и был свидетелем его посвящения папой. Однако он не дожил до возвращения в Англию, а умер во Франции, и только его кости были положены в Дареме.

"Диалоги" - лишь одна из нескольких его поэм. Их можно отнести к первой половине двенадцатого века, когда их автор, вероятно, жил в замке вместе с епископом Руфусом и, должно быть, был хорошо знаком с этим почти завершенным строением.

Замок до сих пор сохранил многие черты и некоторые здания, описанные в поэме. Ров, отрезавший крепость от собора, правда, засыпан, а пастбище на востоке застроено и заслонено, но южные ворота, хотя и перестроенные, стоят на старом месте и по-прежнему являются главным входом; а стена справа от входа по-прежнему тянется к крепости. Сам замок - позднейшая постройка, но курган, на котором он стоит, является частью первоначальной крепости, а кладка выполнена по старым линиям, и в очертаниях башни, несомненно, довольно четко прослеживается работа Фламбарда. Крепкая стена по-прежнему соединяет крепость с жилыми помещениями замка и образует фронт к реке. Часовня также почти не изменилась, а стены и арки дортуара сохранились до наших дней. Колодец все еще виден на открытом дворе, и он используется или недавно использовался. Несмотря на различные ремонты, перестройки и дополнения, можно с уверенностью сказать, что Даремский замок в целом напоминает крепости Завоевателя и Фламбарда, и в Англии нет более примечательного примера норманнского замка типа панцирной крепости. Поэтому публикация его описания Лоуренсом обладает особым очарованием, и это должно послужить оправданием для следующей попытки его перевода. Поэма местами очень неясна и иногда царапает голову Присциана; возможно, я неправильно понял одну или две строки в оригинале:...

DESCRIPTIO ARCIS DUNELMENSIS, "LAUR. DUNELM.", I.L., 367.

Arx in eo regina sedens sublime minatur,

Quodque videt totum judicat esse suum.

Murus et a porta tumulo surgente severus

Surgit, et exsurgens arcis amœna petit.

Arx autem tenues condensa resurgit in auras,

Intus sive foris fortis et apta satis.

Intus enim cubitis tribus altius area surgit,

Area de solido facta fidelis humo.

Desuper hanc solidata domus sublimior arce

Eminet insigni tota decore nitens.
Postibus inniti bis cernitur ipsa duobus,
Postem quippe potens angulus omnis habet.
Cingitur et pulchra paries sibi quilibet ala,
Omnis et in muro desinit ala fero.
At pons emergens ad propugnacula promptos
Et scandi faciles præbet ab æde gradus.
Cumque venit eo via lata cacumina muri
Ambit, et arcis ita sæpe meatur apex.
Arx vero formam prætendit amœna rotundam,
Arte, nitore, statu, fortis, amœna, placens.
Hinc in castellum pons despicit, atque recursus
Huc et eo faciles pons adhibere solet:
Largus enim gradibus spatiat ubique minutis,
Nec se præcipitat sed procul ima petit.
At prope murus eum descendit ab arce reflectens
In zephyrum faciem flumen ad usque suam.
Cujus ab æra largo sinuamine ripa
Se referens arvum grande recurvus obit.
Obditus et siccis aquilonis hiatibus arcem
Exsurgens repetit fortis ubique feram.
Nec sterilis vacat aede locus quem circinat alti
Ambitus hic muri; tecta decora tenet.
Consita porticibus duo magna palatia præfert
In quibus artifices ars satis ipsa probat,
Fulget et hic senis suffulta capella columnis,
Non spatiosa nimis, sed speciosa satis.
Hic thalami thalamis sociantur, et aedibus aedes,
Et datur officio quælibet apta suo.
Hic vestes, ibi vasa nitent, hic arma coruscant,
Hic (*sic*) æra latent, hic caro, panis ibi.

Hic fruges, ibi vina jacent, hic potus avenæ,

Hic et habet propriam munda farina domum.

Cumque sic hinc domus atque domus jungantur, et aedes

Ædibus, inde tamen pars ibi nulla vacat.

Castelli medium vacat æde, sed exhibet altum

Ille locus puteum sufficientis aquæ.

Замок, подобный королеве, сидит возвышенно, и хмурится

Над всем, что видит, и считает все своим.

Прямо от ворот поднимается мрачная стена.

На курган, и так достигается величественная крепость.

Крепкая цитадель, пронзающая чистый воздух,

Снаружи и внутри крепкая, хорошо приспособленная к своему назначению.

Ее основание из насыпанной земли возвышается на три локтя,

твердый и прочный, пол поддерживает;

На твердом основании возвышается

Возвышается, не имея себе равных в своем сверкающем блеске.

На двух брёвнах, что дважды держатся, покоятся

Здания там, на каждый главный угол по одному:

А вокруг каждой половины окружности - крылья,

каждое из которых заканчивается грозной стеной.

От них отходит мост, по легким ступеням,

К высоким крепостным стенам ведет,

Где широкая стена кругом дает простор,

И вот вершина крепости достигнута.

Величественная крепость! Круг в ее форме,

Великолепный и прочный по искусству, и по положению справедливый.

Далее, вниз к замку, ведет мост,

По нему можно легко добраться до замка и обратно;

Ибо широк его путь с множеством неглубоких ступеней,

А основание достигается постепенным уклоном.

Рядом стена, отброшенная назад от крепости,

обращенная на запад к окружающему потоку,
На высоком берегу которого, продолжаясь, он охватывает
С отважным размахом - обширное пастбище;
От знойных северных ветров защищает,
И так погибает к кормовой башне.
И пространство внутри стены, охваченной
Не стоит без построек: такие есть, и хороши.
Два крыльца принадлежат двум дворцам,
За работу которых художнику не стыдно.
Здесь же стоит часовня с шестью колоннами,
Ни велика, ни мала, но соответствует потребностям.
Здесь кровати лежат рядом с кроватями, а залы - с залами,
Каждый для своего удела подходящий:
Здесь одеяния, там яркие сосуды, здесь сверкающее оружие,
Здесь хлеб, там плоть, и заманчивые монеты спрятаны,
И кукуруза, и вино, и ячменное пиво,
И чистая мука здесь находит свой приют.
Так с одной стороны дом соединяется с домом, а зал
к залу. Другая тоже занята.
Один только двор свободен, и там виден
Колодец, глубокий, с водой.

ЗАМОК ЭЙТОН-СОКОН, БЕЛФОРДШИР.

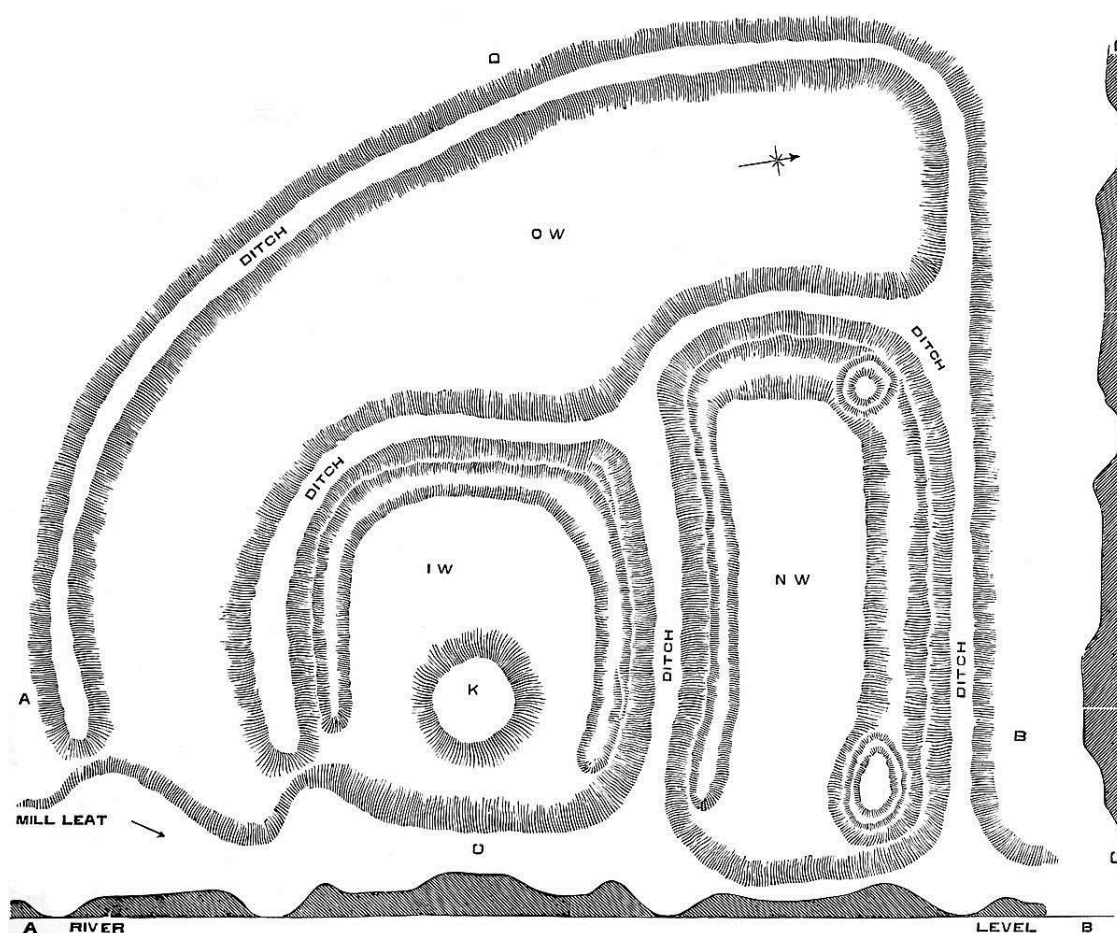
Уза, поднимающаяся в графствах Нортгемптон и Бакс и впадающая у Кингс-Линна в Уош, течет глубоко и вяло мимо Бедфорда, Сент-Нотса и Хантингдона, пересекая широкие участки низкой и ровной земли, теперь плодородные луга, но раньше почти непроходимые болота, создавая большие трудности для марша сил вторжения, особенно если они наступают с восточного побережья. В Итон-Соконе, между Бедфордом и Хантингдоном, и немного выше города Сент-Нотс, Оуз впадает в возвышенность на западе, на которой стоят церковь и деревня Итон, и которая дала возможность построить большое и высокое земляное сооружение.

Это земляное сооружение, известное как Замковый холм, расположено на западном или левом берегу реки, примерно в 30 ярдах от ее нынешнего уреза и в полутора километрах от прекрасной приходской церкви. Возможно, когда земляной холм был впервые сформирован, русло реки проходило у подножия берегов. В настоящее время на реке, в нескольких ярдах выше замка, стоит большая мельница, сток которой соединяется с материнским потоком напротив юго-восточного края крепости.

На прилагаемом эскизе показан общий план этого места. Грубо говоря, это треугольник, восточная сторона которого, площадью 160 ярдов, упирается в реку, а северная, площадью 140 ярдов, выступает из нее под прямым углом. Третья сторона, или гипотенуза, выпуклая и неровная; измеренная по кривой, она имеет длину около 220 ярдов. Полная площадь составляет около 3½ акров.

Сооружение состоит из трех частей - внутреннего, северного и внешнего отделений. Внутренний и северный приходы лежат бок о бок на реке, разделенные поперечным рвом. Оба они находятся внутри другого рва, который с каждого конца сообщается с рекой. За ним, охватывая юго-западный фронт, находится внешнее отделение, а за ним - внешний ров, который начинается у юго-восточного угла в мельничном канале, охватывает юго-западный фронт, а у северо-западного угла огибает его, соединяясь с уже упомянутым рвом, и таким образом, через него, сообщается с рекой у северо-восточного угла работы.

Внутреннее отделение занимает около 45 ярдов на север и юг, или вдоль фронта реки, и 54 ярда на восток и запад. Его фигура представляет собой прямоугольник, углы которого настолько закруглены, что его форма напоминает почти круг, а не квадрат. К реке ведет крутой склон высотой около 20 футов. С других сторон такой же склон спускается к канаве. На гребне склона с трех внутренних сторон находится земляной вал высотой от 8 до 12 футов, особенно сильный в северо-западном углу. Вход находился в юго-восточном углу. Внутренняя площадка или платформа палаты находится на высоте около 15 футов над уровнем внешнего грунта. На этой платформе, примерно в 8 ярдах от северо-восточного угла, находится низкий круглый курган высотой около 5 футов и диаметром 40 футов. Возможно, он был несколько выше. У него нет собственного рва. Ров этого участка имеет ширину от 40 до 50 футов и до сих пор содержит воду.

ЭЙТОН СОКОН, КРОВАТИ.

К северу от него находится *Северный приход*, расположенный на 35 ярдов к северу и югу, на 80 ярдов к востоку и западу. Здесь также есть канава шириной около 40 футов на западном и северном фронтах. От внутреннего прихода он отделен поперечным рвом, общим для них, а к реке ведет крутой склон высотой около 20 футов. Кроме этих защитных сооружений, склон на западе и севере увенчан крутым земляным валом, а на юге, во внутреннем приходе, - еще одним, несколько более низким.

Внешний вал имеет вытянутую и изогнутую форму. Его ширина колеблется от 29 ярдов в северной части до 22 ярдов у юго-восточного конца, за которым он заканчивается в точке у мельничного канава. Этот участок отделен от двух других общим рвом, который соединяется с поперечным рвом и, таким образом, в трех местах, прямо или косвенно, с рекой. Юго-восточный конец открывается в месте слияния канавы с рекой. В этом конце палаты проходит леат, а из него берет начало внешний ров шириной от 40 до 50 футов, который охватывает внешний фронт палаты, а в северном конце, огибая острый угол, продолжается до соединения с северным рвом, частью которого он, таким образом, и является. Вход находился в юго-восточном углу, где современная дорога пересекает этот внешний ров. Далее дорога идет по краю внешнего квартала, вдоль берега канавы, а затем по второй насыпи пересекает внутренний ров и, поднимаясь по склону, попадает во внутренний квартал. Несомненно, эти канавы представляют собой разводные мосты. Неизвестно, как сообщались внутренний и северный палаты. Мост между последним и внешним палатами, вероятно, находился в юго-западном углу северного. Канавы местами уменьшились в глубину и, очевидно, первоначально питались из реки. Здесь нет ни следа каменной кладки, но углубления на берегу северного квартала, похоже, указывают на башни в его северо-восточном и северо-западном углах. Удобно использовать термин "угол", но линии более или

менее изогнуты и неровны, а в местах их пересечения в значительной степени закруглены. На самом деле в плане нет ничего от квадратности римской работы, а скругление углов совсем другое. Вероятно, тенденция к резкости в очертаниях объясняется тем, что стены и башни были выполнены из каменной кладки, которая, хотя сейчас и исчезла, но, как сообщается, когда-то присутствовала.

Итон, или Эйтон, фигурирует в Domesday как *владение* епископа Байе, но ни тогда, ни в более позднее время замок не упоминается. Бошампы, его более поздние лорды, не фигурируют там как землевладельцы Бедфордшира. Однако в "Liber Niger" около 1165 года Саймон де Бошам владеет баронством, под которым Хью де Бошам имеет одно рыцарское пожалование.

Этот Хью был родом из Итона. Он был старшим сыном Оливера, кадета Мило де Бошампа из Бедфорда. Оливер и Хью были основателями приорства Бисмед в приходе Итон. Хью был значительным бароном. Он был хранителем замка Раддлан 3 Генриха II, а 22 Генриха II, одним из тех, кто доставил дочь Генриха в Палермо, на ее свадьбу с королем Сицилии. Он был убит в Палестине 33 Генриха II. Его сменил Роджер, его брат, а его - третий брат, Уильям, сын которого Джон унаследовал, а 6 Генриха III. получил родовые поместья Итон и Сэнди. Его сыном был Уильям, живший 42 Генриха III, отец Ральфа, названного лордом Бошампом Итона, который умер 21 Эдуарда I, владея одним фитом в Сэнди и Итоне, несомненно, принадлежавшим Хью, его предку. Он владел Итоном *in capite*, "per baroniam". Его сын, Роджер де Бошамп, из Итона, был вызван последним. На момент смерти отца ему был 21 год, и его потомки не были разысканы.

44 Эдуард III., Джон де Голдингтон и Джокоза, его жена, Джон Хеммингфорд и другие, были захвачены третьей частью Итона juxta Сент-Нотс и половину Сэнди. 1 Генрих IV, Сэнди принадлежал Кэтрин, жене сэра Томаса Энгейна; а 1 Эдуард IV, лорд Зоуч владел Итоном. Еще долго после исчезновения баронов баронство оставалось, а поместье Уайболдстон принадлежало сэру Джону де Грейстоку. Во времена правления Генриха VIII и Елизаветы Итон принадлежал лордам Во из Харроудена, которые продали его в 1624 году. Они были кадетами Во из Гиллсленда и, как говорят, унаследовали Итон от Бошамов.

Хотя поместье Итон нередко упоминается в записях, мы никогда не слышим о замке, и дополнение "Сокон" никогда не использовалось. Леланд пишет об "Эйтоне - хорошей деревне в междуречье Оуза"... "где можно увидеть *vestigia castelli* между церковью и рипой, и почти вплотную к рипе..... руины замка Эйтон, принадлежащего лорду Во". В свободном языке Леланда эти термины могут относиться только к земляным сооружениям. Однако, судя по нынешнему виду и по тому, что это место на протяжении шести поколений было главной, если не единственной резиденцией баронов королевства, вполне вероятно, что здесь был замок, и Спид, писавший немного позже, называет Вудхилл, Темпсфорд, Итон и Амхилл замками Бедфордшира. Вполне возможно, что при очень умеренных раскопках можно обнаружить фундамент, хотя, несомненно, при дефиците строительных материалов в этих краях те, кто разбирал замок, начисто вычищали каменную кладку.

Позиция очень прочная, а земляные сооружения очень напоминают Хантингдонские и, вероятно, имеют тот же возраст. Мельница, несомненно, очень старая, хотя это не относится к нынешнему строению.

ЗАМОК ЭВИАС ГАРОЛЬД, ХЕРЕФОРДШИР.

Замок Эвиаса", о котором говорится в "Судном дне", представлял собой участок, сведения о котором неизвестны, но который, несомненно, находился среди тех линий холмов и долин, которые сходятся, как пальцы руки, на Черве и Монноу, между Золотой долиной и Черной горой, и образуют юго-западную часть графства Херефорд. Настоящий замок, "Кастеллум Эвиас", находится примерно в шести милях от границы и примерно в трех милях к западу от предполагаемой линии дамбы Оффы в этом месте. Местность здесь холмистая, но плодородная и вполне достойна обороны, для которой она имеет множество естественных преимуществ. Непосредственное местоположение выбрано с большим мастерством, хотя потребовалось огромное приложение человеческого труда, чтобы сделать его почти неприступной крепостью против свирепых и активных орд валлийцев, чьей отчужденной вотчиной оно должно было завладеть. Если курган Буилт остается свидетельством английского владычества, то Эвиас вряд ли можно считать передовым постом, "опасным замком" на британской территории; но, тем не менее, во все времена он должен был представлять собой очень опасный пост и вместе с Килпеком принимать на себя основную тяжесть обычных и частых атак людей Южного и Западного Уэльса на Херефорд.

При выборе места был использован участок возвышенности, широкий с запада и севера, но быстро заканчивающийся в узкой и почти отвесной точке на высоте около 300 футов над слиянием двух соседних ручьев. Из них больший течет по северному фронту позиции, а меньший - по глубокой долине вдоль ее южного фронта. Они сливаются в нескольких десятках ярдов ниже возвышенности; на левом или дальнем берегу большего потока, на небольшом расстоянии выше слияния, находится церковь и примыкающая к ней деревня, которой замок и его английский лорд дали отличительное название.

Было решено превратить острое или восточный конец возвышенности в предполагаемое место для укрепления и сформировать таким образом, по северной моде, изолированный курган. С этой целью через хребет был прорыт широкий и глубокий ров, изогнутый таким образом, чтобы охватить примерно половину будущего возвышения. На северном конце канава шла прямо по склону холма к ручью. На южном конце она заканчивалась довольно резко, выходя на естественный берег и склон. Здесь, однако, он в некотором роде возобновлялся на более низком уровне и заканчивался неглубоким рвом у южного или главного входа в замок. Часть, отделенная рвом, образовала круглое основание кургана диаметром около 120 ярдов и высотой около 30 футов. Добавление почвы из рва подняло его до 70 футов и, таким образом, дало ему, в военном смысле, преимущество над прилегающей частью первоначального хребта. С противоположной, или восточной стороны, курган не спускается сразу к слиянию вод, но у его подножия находится широкая полукруглая площадка, которая охватывает его восточный, северо-восточный и юго-восточный фронты, и от внешнего или выпуклого края которой спускается крутой склон к воде, который снова сменяется склонами гораздо более пологого характера, не включенными в военные работы.

Общее представление об этом укреплении можно получить, если представить себе круглую площадку диаметром 200 ярдов, которая с восточной и смежных сторон окаймлена крутым естественным склоном, отходящим от ее края, а с западной и смежных сторон - крутым искусственным склоном, спускающимся к ее краю. Затем на западном краю размещается коническая столовая насыпь высотой 60 или 70 футов и диаметром около 120 ярдов в основании, которая обязательно превращает западный склон в дальнейшую сторону или контркарп рва, а восточную сторону - в открытую платформу в форме полумесяца. Таков

первоначальный план замка Эвиас, и таков его нынешний вид после полного удаления каменной кладки, которая около 600 лет украшала или обременяла его земляные сооружения.

Вершина кургана имеет овальную форму, примерно 34 ярда на север и юг и 40 ярдов на восток и запад. На ней возвышалось хранилище для снарядов, круглое или многогранное, диаметром около 30 ярдов. Хотя каменной кладки не осталось, очертания хранилища хорошо видны из траншеи, которую вырыли, когда засыпали фундамент. Судя по ней, крепость располагалась не в центре, а ближе к восточному краю кургана, вероятно, чтобы оставить место для пары внешних башен или, возможно, сторожки, которая, похоже, стояла там, где сейчас находятся несколько круглых ям. Башни хорошо было бы расположить на этой слабой стороне, чтобы обеспечить еще больший контроль над подходом по возвышенности. Нет никаких следов регулярного подъема к крепости, нет и следа извилистой тропинки, ведущей вверх по насыпи, а та, что используется сейчас, очевидно, очень современная. Склон настолько крут, что по нему не смогла бы подняться ни колесная повозка, ни тяжело нагруженная лошадь. Вероятно, путь наверх пролегал по прямой лестнице, как в Хавардене и Кэрисбруке.

Следов колодца не обнаружено. Материалом для строительства храма, очевидно, послужил твердый сланцевый пласт старого красного песчаника, фрагменты которого видны в раскопках.

Внешнее отделение или платформа в форме полумесяца, расположенная ниже и к западу от замка, выходит к южному концу, но к северу или северо-западу она останавливается на ширине около 42 ярдов продолжением рва замка. Наибольшая ширина палаты составляет около 60 ярдов. Вдоль северо-западного фронта она укреплена большими земляными валами, поднятыми из прилегающего рва, но в других местах естественный склон от 30 до 40 футов, круто обрывистый, не нуждается ни в рве, ни в валах. По внешнему краю этой палаты проходила куртина, котлован которой остался открытым. Северо-западный конец был продолжен вверх по кургану, и, вероятно, контур на противоположной стороне был завершен аналогичным образом, чтобы сделать курган и хранилище, как в Тамворте и Дареме, частью общего *энсинта*. Группа раскопок показывает, что в этой палате находилось значительное количество домашних построек, расположенных в ее северо-восточной и восточной части, недалеко от куртины. У подножия кургана на севере находится своеобразная выемка в линии берега, возможно, обозначающая почтовый ящик. Главный подход, очевидно, постепенно поднимался от деревенского моста и огибал подножие восточного склона внешней палаты почти до ее южного конца, где он поворачивал внутрь и входил в эту палату по проезжей части или небольшой просеке.

Ни внутри, ни вокруг замка *Энсинт* нет никаких следов каменной кладки; похоже, что материал был востребован в качестве строительного камня, и его повсюду собирали и даже разгребали с особой тщательностью. На южной стороне, у линии входа, есть известковая печь, несомненно, построенная из материалов замка, а между ней и ручьем - что-то вроде дома, ныне сарая, но на материале нет следов инструмента и старого раствора.

Между замком и ручьем есть несколько курганов, возможно, насыпанных по случаю нападения врага. На другой, высокой стороне нет ни крепостных стен, ни признаков нападения или обороны.

От приорства не осталось никаких остатков, кроме тех, что входят в состав приходской церкви. Это здание хорошего размера, недавно отремонтированное или отреставрированное и находящееся в отличном порядке. Она состоит из башни, нефа,

южного крыльца и алтаря. Неф был полностью отреставрирован, поэтому на его стенах и крыше почти не видно старой работы. Судя по контрфорсам на южной стороне, он, вероятно, относится к декоративному периоду. Крыльцо новое. В северной стене алтаря имеется углубление для гроба, украшенное декоративным орнаментом и закрывающее оригинальную фигуру женщины с молитвой в руках, держащей, похоже, накрытую чашу. В южной стене находятся два стрельчатых окна одного света, под остроконечными углублениями, а между ними - позднедекоративное окно в два света, с трилистником, с простым четырехсторонним отверстием в голове. Все это находится в углублении с круглой головкой. Арка в неф новая.

Башня - лучшая часть церкви. Она большого размера, квадратная и короткая для своего размера, вероятно, имела еще один этаж. Она опирается на смелый цоколь высотой около 5 футов 6 дюймов, на вершине которого находится смелый полукруглый кордон с лентой. Юго-западный угол закрыт пилястровыми контрфорсами шириной 8 футов 6 дюймов и выступом, который вдаётся в башню, недалеко от нынешней вершины. В этом углу находится колодезная лестница. На южной стороне находится необычайно большая дверь, открывающаяся на 8 футов, с высокой стрельчатой аркой. В центре плоского косяка с каждой стороны находится полуколонна диаметром 2 фута с водоносным молдингом и своеобразной крышкой-колоколом с несколькими полосами молдинга над ней. Арка имеет четкие фаски, а кордон башни проходит вокруг нее в виде колпака. Над ней находится неуклюжее окно из двух стрельчатых фонарей под остроконечной головкой, очень простое. Над ним - небольшое широкое окно с трилистником, а над всем этим - раннеанглийское окно в три света, с трехчетвертными валами перед каждым мюльоном, с колпаками-колокольчиками. В углублениях каждого косяка по два таких же вала, всего семь. Головка представляет собой арку с падающим острием, с четкими фасками. Подобное окно есть и в северной стене. В церкви нет ничего более раннего, чем эта смесь раннеанглийского и декорированного стиля. Каменная кладка замка, судя по его плану, вероятно, относится к поздненорманнскому или переходному периоду. Земляные работы относятся к регулярному херефордширскому типу; их можно отнести к англичанам начала X века. По наличию насыпи они напоминают Килпек и Буилт, Керлеон и Кардифф, Брекон, Абергавенни и многие другие места в этом графстве и округе. Несомненно, этот и подобные ему сооружения были возведены во время ранних саксонских вторжений в Уэльс и являлись опорными пунктами вождов захватчиков.

Эвиас Гарольд, конечно, не носит имени своего основателя, и, вероятно, в одиннадцатом веке этот основатель был так же полностью забыт, как и сейчас.

В Херефордшире есть два места с названием Эвиас, которые различаются по именам их владельцев XI века: Эвиас Лейси и Эвиас Гарольд. Оба упоминаются в Domesday, и оба - как места кастельерства, своего рода почетного или высшего лордства, прикрепленного к замку. В разделе о землях церкви Херефорда говорится, что "в поместьях Доделеге и Стейна десять гидов, все пустые, кроме одного в Доделеге. Из девяти одна часть находится "в кастеллари Алуреди Эвиаса", а другая - в огороженных землях короля".

Другая запись объясняет, что Алуред был Алуредом де Мерлебергом или Марлеборо, крупным главным арендатором, особенно в Уилтшире. Мы читаем: "Алуред де М. владеет замком Эвиас Вильгельма Короля. Ибо этот король уступил ему земли, которые Уильям граф [Фицосберн Херефордский] отдал ему. Который укрепил [*refirmaverit*] этот замок". В нем владели семь рыцарей, чьи христианские имена указаны, а также другие лица. В то время замок оценивался в 10 фунтов стерлингов. Агнес, дочь Алуреды, вышла замуж за Турстана из Вигмора.

Как и когда Алуред отказался от замка, неизвестно; но в 1100 году им владел некий Гарольд, также крупный арендатор в Domesday, хотя и не в Херефордшире. Он назван "Heraldus filius comitis Radulphi" и как таковой владел Судли в Глостершире. Граф Ральф, прозванный Робким, был графом Херефорда, которого побили валлийские и английские войска в 1055 году, когда его сын был еще ребенком. Ральф был значительным человеком по происхождению: он был правнуком Этельреда и правнучатым племянником Исповедника. Гарольд, вероятно, получил часть владений своего отца, когда достиг совершеннолетия, и Эвиас мог быть частью этих владений. Он и его потомки были щедрыми жертвователями церкви Святого Петра в Глостере, от имени которой основали приорство рядом с замком Эвиас.

Имена и порядок сыновей Гарольда сохранились в Глостерском картулярии, и они соответствуют Дагдейлу и всем другим авторитетам. Это были Роберт, Роджер, Джон (которому его отец подарил Судли, и чьи потомки стали баронами), Александр и Уильям. Роберт де Эвиас, старший, описывается в "Gesta Stephani" как "vir stemmatis ingenuissimi". Согласно "Liber Niger", он владел в *капитале* до сорока семи гонораров, мелкими арендаторами которых были двадцать рыцарей. Дагдейл упоминает только двадцать два гонорара и путает его со вторым Робертом, его сыном, также лордом Эвиаса. У старшего Роберта были жены Сибилла, Роберт и Ричард де Эвиас, оставившие дочь и наследницу Сибиллу, которая вышла замуж за Филипа Спенсера и оставила потомство.

Роберт де Эвиас, третий владелец замка и второй барон, женился на Петронилле. Он жил в 1194-6 годах. Он также оставил Сибиллу, дочь и наследницу Эвиаса. Она вышла замуж, во-первых, за Роберта де Трегоза; во-вторых, за Уильяма де Ньюмарча, за которого она вышла при жизни отца, в правление Ричарда I. Он жил 11 Иоанна. В-третьих, Роджер де Клиффорд, вероятно, второй брат Уильяма де Клиффорда. От этого брака произошли графы Камберлендские. У Ньюмарча не было детей. Сибилла умерла 20 Генриха III, и за ней последовал ее сын, Роберт де Трегоз, убитый в Ившеме в 1265 году. Он был отцом Джона и Генриха, отцом целой линии баронов, которая закончилась около 1405 года.

Джон де Трегоз умер в 1300 году, оставив двух сонаследниц, Клариссу и Сибиллу. Кларисса, умершая 29 Эдуарда I, вышла замуж за Роджера ла Уорра, и в 1300 году у них родился Джон, 23 лет; а Сибилла вышла замуж за сэра Уильяма де Грандисона, предка по женской линии Сент-Джонов, виконтов Грандисонов. При разделе Джон ла Уорр получил "тело замка", которое 4 Эдуарда III он передал в наследство Джону де Клейдону. Он умер 21 Эдуарда III. Джон, его старший сын, умер раньше него, и уже 12 Эдуарда III. он подарил своему внуку, Роджеру ла Уорру, и Елизавете, его жене, замок и поместье Эвиас.

Роджер ла Уорр умер в 44 году Эдуарда III, захватив Эвиас-Гарольд, и ему наследовал Джон, его сын. 13 Ричард II. Сэр Джон де Монтакут, сеньор, получает Эвиас Гарольд и три уилтширских гонорара в честь Эвиаса и Теффонт-Эвиас в Уилтшире, а также другие земли Эвиаса в Херефордшире. 18 Ричарда II эти же земли принадлежали Маргарет, жене сэра Джона Монтакута, Барта; а 10 Генриха IV - Томасу де Монтакуту, графу Солсбери.

Природа этого отчуждения неясна, поскольку в середине его, 22 Ричарда II, сэр Джон де ла Уорр и Елизавета, его жена, захватывают замок Эвиас Гарольд. Однако, по-видимому, имело место фактическое и постоянное отчуждение в пользу Монтакутов; так, 7 Генриха VI Томас, граф Солсбери, владеет Юиас-Гарольдом. Затем он перешел к Бошам, из которых Джоан, вдова сэра Уильяма Бошама из Бергавенни, владела замком, виллой и лордством в 14 году

Генриха VI; и, наконец, наследник Бошамов, Эдвард Невил, лорд Абергавенни, умер, завладев замком и т.д. в Херефордшире и Теффонт-Эвиас в Уилтшире.

ЗАМОК ЭКСЕТЕР.

Замок Эксетер - это не только крепость высокой древности, но и во многих отношениях особенная. Он занимает северный угол города, составляя часть его *ансинта*, и венчает вершину естественного холма, образованного извержением плутонической породы красного цвета, откуда и пошло его нормандское название Ружмонт. Холм круто поднимается на северо-востоке и северо-западе из глубокой долины, но с двух других сторон склон, хотя и значительный, более постепенный. Бока холма изрезаны, а у подножия его верхней части вырыт глубокий и широкий ров, за которым, к северу, второй обрыв спускается на дно долины. К югу, там, где это позволяла и требовала земля, был второй, внешний ров. Содержимое внутреннего рва уносилось вверх и внутрь, образуя высокий вал вокруг первоначальной вершины холма, центральная часть которого была превращена в яму и стала внутренним и, по сути, единственным отделением замка. В плане эта палата, взятая на уровне ограничивающего ее берега, представляет собой нечто среднее между квадратом и кругом. Вероятно, его очертания определялись естественным рельефом местности, а углы, которые он имеет сейчас, обусловлены более поздними модификациями работ.

Изначально крепость представляла собой лагерь на холме, состоящий из насыпи высотой около 30 футов, возвышающейся над краем холма, а снаружи обрывающейся вниз на глубину от 60 до 80 футов до дна широкого рва, который с менее крутой стороны был укреплен вторым рвом. Главный ров на северо-востоке и северо-западе был засыпан и превращен в широкую общественную аллею и сад, но внешний или второй обрыв все еще остается и спускается в долину, которую сейчас занимает станция Лондонской и Юго-Западной железной дороги. На юго-востоке и юге ров остался без изменений и представляет собой прекрасный пример древнего земляного сооружения. К востоку он, похоже, был засыпан.

Описываемый лагерь, вероятно, старше города и представлял собой обычное земляное сооружение, построенное по обычной для бриттов моде, с одним главным рвом, укрепленным частями других, где это было необходимо. Главный вход, вероятно, всегда находился на юго-восточной стороне, где земля менее крутая, чем в других местах. Здесь, несомненно, берег пересекала выемка, а рвы пересекались узкими проходами, как в Олд-Саруме и других местах. Эти первоначальные сооружения, вероятно, были британскими, и, несомненно, были заняты и слегка изменены римлянами. Когда бритты основали город Казрвиск, если таковой существовал, они, вероятно, сделали его пристройкой к южной стороне лагеря, на месте нынешнего города, поскольку природа указала это место для такой цели. Город занимает продолговатую возвышенность, расположенную между рекой Эксе на юго-западе и ее притоками с их долинами на северо-западе и юго-востоке, и соединен с более высокой и удаленной землей на северо-востоке длинным узким перешейком, недавно пробитым туннелем Лондонской и Юго-Западной железной дороги.

Иска Дамнониорум римлян, несомненно, являлась этим ограждением, хотя, несомненно, они придали своему *энсинте* больше прямоугольной фигуры, чем он сохранил впоследствии, и

проложили крестообразные дороги, которые занимают две главные улицы нынешнего города. Лагерь был их цитаделью, и они, конечно, продолжили бы оборону города по его сторонам, чтобы сделать его частью общего *энсинта*. Саксы по прибытии, несомненно, удовлетворились этими предыдущими приготовлениями и наилучшим образом использовали их против датчан в 876 и 894 годах. Довольно позднее Этельстан обнес город и замок стенами, и мистер Фриман полагает, что среди разновидностей древней каменной кладки, все еще прослеживающейся вокруг города, вполне возможно увидеть некоторые из работ этого великого короля. Именно эти стены позволили горожанам сдержать датского короля Свенда в 1001 году, когда он возвел земляные укрепления в Пенхоу к северу от города и одержал победу в открытом поле. Когда норманнский завоеватель появился перед Эксетером в 1068 году, он подошел с северо-востока и создал город у восточных ворот, чуть ниже замка. Стены Этельстана тогда были в полном порядке, и именно в них был пробит брешь. Однако, вероятно, ни городские стены, ни оборонительные сооружения замка не соответствовали нормандским стандартам, так как Болдуин из Окехэмптона был оставлен в качестве командующего с обычными инструкциями по строительству замка, как понимали это грозное сооружение норманны. Как долго Болдуин довольствовался ремонтом существующих оборонительных сооружений и в каком порядке он их заменял, неизвестно, но сохранилось достаточно норманнских работ, чтобы показать общий план, по которому действовал он или его ближайший преемник. На верхнем берегу была возведена мощная подпорная стена. Эта стена опиралась и до сих пор опирается на естественный край холма и поддерживает, как укрепительный вал, землю за ней, имея высоту около 30 футов и парапет еще около 4 футов. Вероятно, эта стена возводилась медленно, так как старые внешние оборонительные сооружения были устойчивы.

Самой ранней каменной кладкой, которая, вероятно, появилась раньше стены, является сторожка, которую можно смело отнести ко второй половине одиннадцатого века. У западного угла, где городская стена соединялась с замком, была построена прямоугольная башня, основание которой сохранилось до сих пор, и, как говорят, у северного угла была такая же башня, обе они фланкировали северо-западную сторону. Стена имела высокое основание или цоколь, несколько расширяющийся и несущий вертикальную надстройку. На ней сохранились два полукруглых массивных бастиона; один на северном конце юго-западной стороны имеет три плоских пилястра, поднимающихся от цоколя, и, очевидно, является чисто нормандским; другой, около центра северо-восточной стороны, похож по рисунку, но пилястры более узкие и с фасками, и, вероятно, очень поздний, или переходный нормандский. Большая часть стены сложена из бутового камня, но часть северо-восточного фасада, расположенная на месте замковой часовни, сложена из хороших блоков пепла, возможно, эпохи Ричарда II. В центре северо-западного фасада берег и стена были удалены, чтобы освободить место для Дома заседаний - неуклюжего строения, уродливого везде, но здесь особенно неуместного. Часовня стояла во дворе, у западного угла.

Ворота, безусловно, оригинальны и являются хорошим примером грубой нормандской сторожки. Ее площадь составляет около 30 футов, толщина стен - 6 футов. На каждом конце находится арка с полным центром, открывающаяся на 12 футов, очень простая, с квадратным ребром шириной 2 фута, с глубокими углублениями или "петлями" по 2 фута с каждой стороны. На южной части внутренней арки видны следы норманнской резьбы. Порткулиса не было, каждый портал имел двери; пространство между порталами было обшито деревом. На каждой из двух внешних сторон находятся по две широкие плоские пилястры. Надстройка высока и, похоже, состояла из двух этажей. Над каждым порталом находятся два окна, открывающиеся на 2 фута 6 дюймов, разделенные промежутком около 2 футов. Косяки квадратные, с простым нормандским колпаком или абакусом. Настоящее покрытие каждого

из них состоит из двух наклонных камней или перемычек, которые могут быть оригинальными, но, скорее всего, являются поздними вставками. Над каждой парой находится более крупное одинарное окно. Внутренний портал открывается на уровне двора. Снаружи земля находится примерно на 10 футов ниже этого уровня. Несомненно, здесь был разводной мост, опускавшийся на отдельно стоящий пирс, откуда через рвы шла дорога, вероятно, с одним или двумя мостами, по которой можно было подойти к дому. Стена *энсинта* примыкает к воротам вровень с их внутренней стороной, так что она выступает наружу примерно на 24 фута, обрамляя соседний занавес. В более поздние времена, вероятно, во времена Ричарда II, два контрфорса, или, скорее, пилястры, шириной 4 фута и глубиной 5 футов, были построены против внутренней стороны, по одному с каждой стороны портала; а на другом конце находится такая же пара, но выступающая на 14 футов. Эти последние, на уровне башен, снаружи соединены плоской сегментной аркой; образовавшееся таким образом подобие барбакана или переднего строения содержало разводной мост, прикрывало ворота, а сверху имело плоскую крышу, где могли размещаться лучники для защиты подступов. Старый вход обнесен стеной и пробит двумя петлями, которые выглядят ранними, но вряд ли могут быть таковыми. В восточной части сторожки пробит небольшой дверной проем в декорированном стиле, возможно, в качестве почтового ящика, поскольку любой домик, связанный с ним, должен был находиться за пределами замка. Нынешний вход находится, и уже много лет находится, близко западу от главной сторожки и за ее пределами. Очевидно, это было вызвано желанием сохранить сторожку, но избежать неудобств, связанных с входом на таком высоком уровне. Вероятно, при строительстве нового входа ров в этом месте был засыпан, за исключением узкой канавы, через которую переброшен разводной мост, изображенный на поздних чертежах замка. Когда от него отказались, все было засыпано, и Замковая улица приобрела свой нынешний вид.

Нет никаких свидетельств о том, какие здания, кроме часовни, находились во дворе замка. По всей видимости, должны были быть зал, кухня, жилые помещения, конюшни и казармы; и, вероятно, большинство этих зданий стояло рядом или на месте Дома заседаний, где, похоже, были ворота. Нет никаких свидетельств о крепости, да и не нужна она была на такой большой высоте. Прямоугольные крепости, найденные в Корфе, Шерборне и Таунтоне, не были распространены на западе. Обычным сооружением в таком месте было бы хранилище для снарядов, как в ТрEMATONE, Лонсестоне, Данстере, Рестормеле или Труро; но предыдущие земляные работы превратили единственное место для хранилища в яму, настолько глубокую, что она была бы видна с крепостных валов. Вероятно, норманны рассматривали весь двор в качестве укрытия для снарядов.

Были ли городские стены построены одновременно с замком, неизвестно. Вероятно, да, так как водные ворота, снятые в 1815 году, несомненно, имели норманнскую арку, как и более поздние, но выполненные в переходном стиле, Широкие ворота, вид на которые также дает Лайсонс. Эти стены пересекали рвы и примыкали к стенам замка. Восточные ворота, которые видны в Клубном саду, были перестроены; но северо-западная стена очень совершенна, и хотя контрфорсы на ее внешней стороне относятся к декорированным, как и большинство городских ворот, суть стены оригинальна и очень прочна. В ее основании, где она пересекает ров, есть углубление, значительно расширенное и, как говорят, служившее подземельем, что нелепо. Вероятно, это были водопропускные или шлюзовые ворота, позволявшие осушать и очищать ров, поскольку, хотя эти рвы вряд ли могли постоянно содержать воду, в дождливый сезон они превращались в водоем.

ЗАМОК ФИЛЛОНГЛИ, КО. УОРВИК.

ДВОР ЗАМКА.

Скудные остатки этого замка, резиденции семьи Гастингс до того, как они получили графство Пемброк, и теперь известного как Замковый двор, расположены примерно в четверти мили к югу от церкви Филлонгли на небольшом треугольнике земли, образованном руслами и слиянием двух ручьев, которые текут с юга и юго-востока, чтобы встретиться и образовать точку треугольника на севере.

На пространстве, защищенном с севера, запада и востока, была построена грубо овальная каменная оболочка размером 50 футов к востоку и западу и 80 футов к северу и югу, следы которой видны в пяти массах каменных обломков, четыре из которых разрушены, а пятый остается на своем месте. Легкий гребень соединяет эти отделившиеся массы и указывает на линию завесы, частью которой они являлись. Фрагмент, стоящий на своем месте, по-видимому, был связан с изогнутым углублением или, возможно, с колодезной лестницей, но остальные были разрушены порохом. Все это было в небольшом масштабе, и не осталось никаких видимых следов башен или сторожки. Земля и мусор, наваленные в глубине территории, могут скрывать фундаменты, и, несомненно, легкие раскопки здесь позволили бы выявить план всего сооружения и место входа, который, вероятно, находился на востоке.

За пределами обнесенной стеной территории земля немного опускается, и на расстоянии около 30 ярдов, на юге, видны следы рва и внутренней насыпи, защищавшей эту, по природе своей самую слабую сторону. Долина на востоке занята одним из ручьев, который протекает в нескольких футах от стены и ниже ее. Нет никаких следов второго или внешнего круга кладки, так что, вероятно, замок состоял из одной кольцевой стены, возможно, с башенками, но если так, то не очень большого размера.

В целом замок, должно быть, был очень незначительным, хотя из-за крутизны долин, между которыми он расположен, и болотистого характера земли, омываемой ручьями, он, очевидно, обладал большой пассивной силой, и если бы его гарнизон состоял из решительных людей, он мог бы продержаться некоторое время.

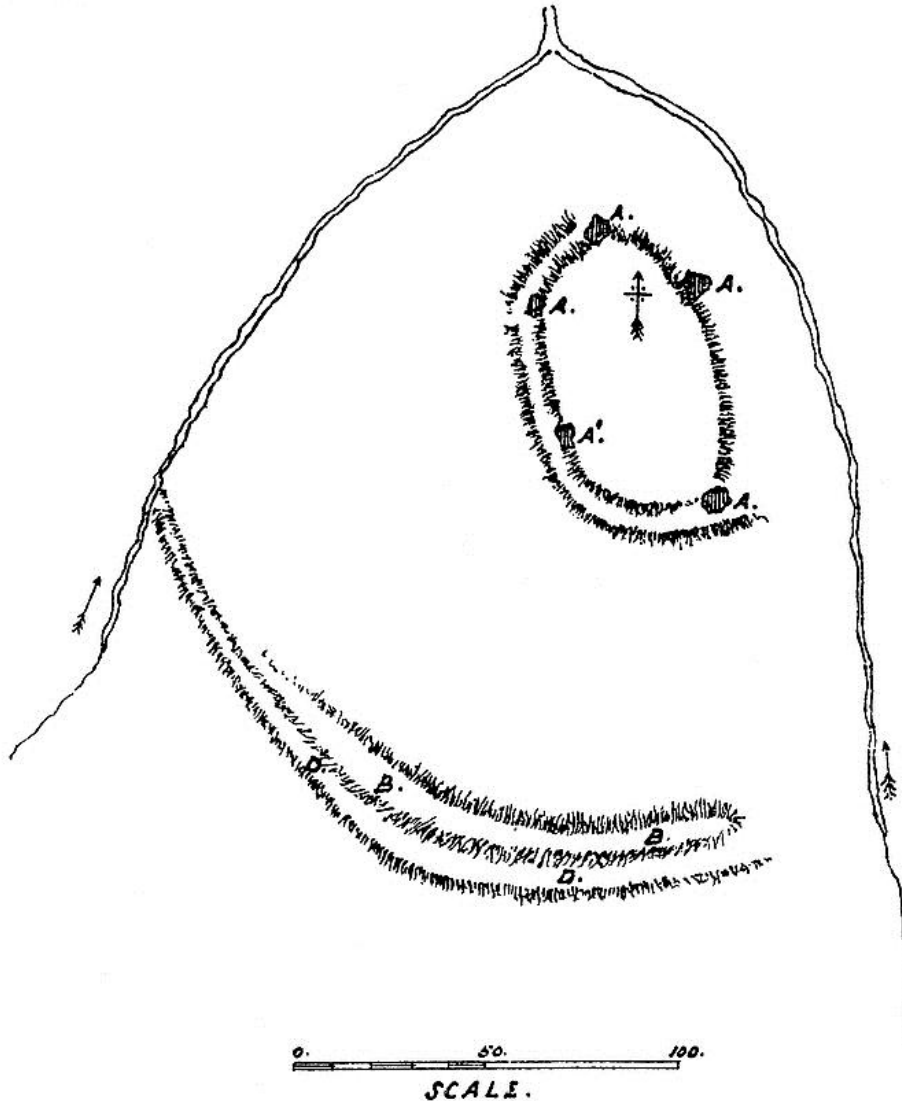
Филлонгли не упоминается ни в одном документе, более древнем, чем "Исследование Завоевателя". Из Domesday мы узнаем, что "Филунгелей" содержал два участка земли, из которых одна половина принадлежала епископу Кутанса и находилась во владении Льюина; вторая - монахам Ковентри; третья - некоему Алси, который владел ею еще до Завоевания; а четвертая - Роберту ле Деспенсеру, которая, хотя и имела меньшую ценность, содержала церковь. Возможно, Алси проживал на холме замка. Полуземлянка, которую держали монахи, отождествляется с Олд Филлонгли, расположенным в западной части прихода, и принадлежала им в правление Генриха III Жерару де Алспату, чье имя сохранилось в Алспат-Холле, в юго-западной четверти прихода. Он владел им как четвертой частью рыцарского гонорара. Часть этого владения каким-то образом перешла из собственности монахов, которые во времена Эдуарда III владели здесь одной восьмой частью гонорара лорда Гастингса. Часть доли Ле Деспенсера перешла к Мармионам, а затем, судя по всему, к графам Лестерским, один из которых, вероятно, получил ее в наследство от Уолтера или Хью де Гастингса, одного из ранних членов этого рода, который долгое время продолжал владеть ею от Мармионов и Ле Деспенсеров. Таким образом, семья Гастингсов стала владеть Филлонгли в царствование Генриха I, и он быстро стал их главной резиденцией в Уорикшире и ядром значительного поместья. Джон де Гастингс, 29-летний Эдуард I, получил лицензию

на возведение гренады "manerium suum et villam de ... Филунгели", хотя замок, вероятно, значительно старше. Вместе с церковью в замке находилось поместье, которое в правление Эдуарда III Лоренс Гастингс, граф Пемброк, продал Клинтону, графу Хантингдону. Филлонгли, хотя и фигурирует в инквизициях семьи Гастингсов, не упоминается как замок, будучи, по сути, слишком незначительным, чтобы на него могла претендовать корона, и поэтому он был внесен в публичные записи, но, похоже, он оставался главной, если не единственной, резиденцией семьи, пока Генри де Гастингс, в правление Генриха III, женился на Джоан де Кантелупе, которая стала очень большой наследницей, так что Джон, их сын, получатель вышеупомянутой лицензии, унаследовав замок Абергавенни, проживал там, как и время от времени его потомки. После смерти последнего Гастингса, графа Пембрука, Филлонгли вместе с большей частью его имущества перешел к Бошам, а затем к Невиллам, которые владели им, когда Дагдейл написал свою очень ценную историю.

ЗАМОК ФИЛЛОНГЛИ.

FILLONGLEY CASTLE.

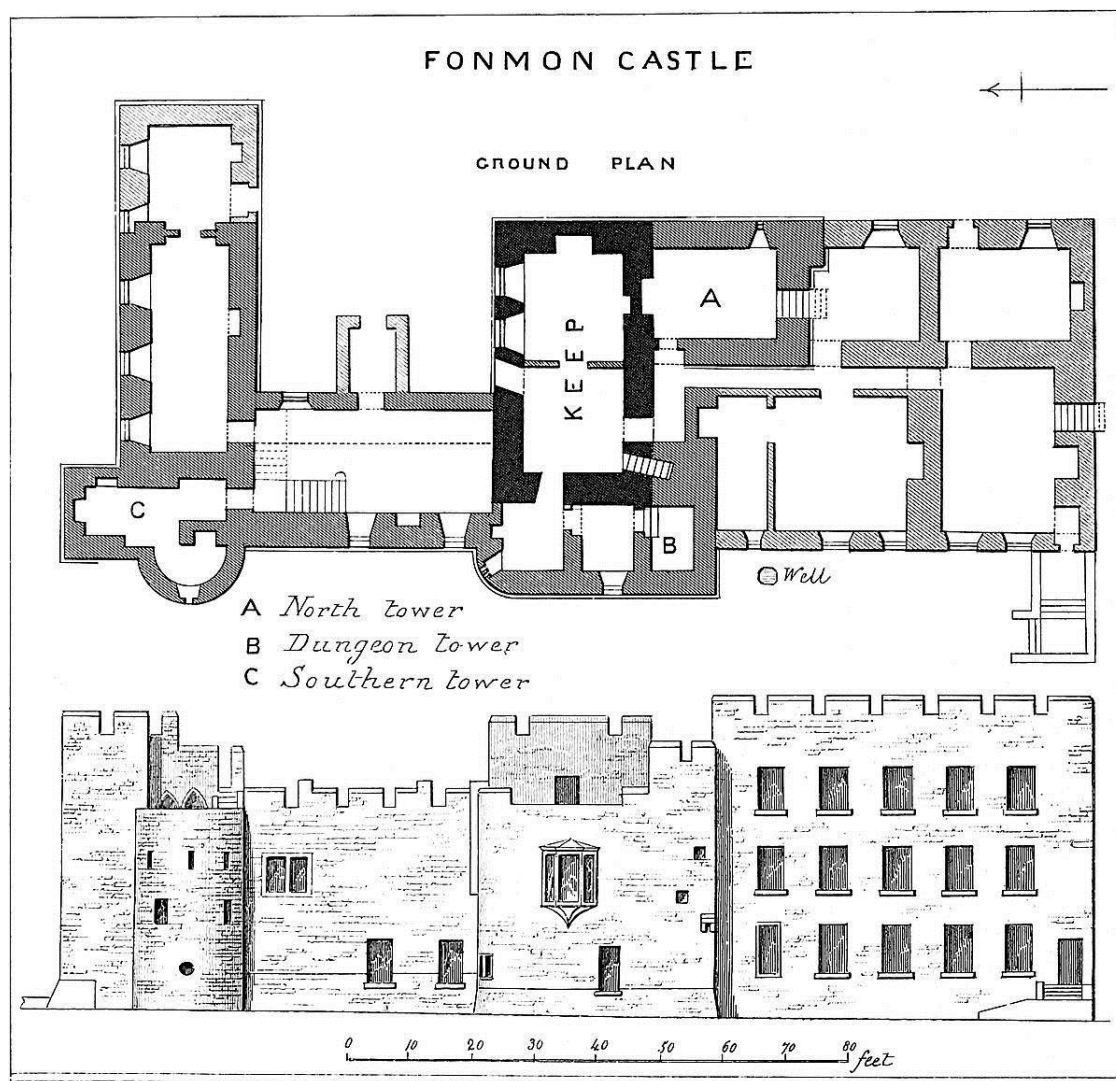
- A Masses of overthrown Masonry, showing the outline of the Building.
- A' Masonry in place.
- B Bank of Earth.
- D Ditch.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

- Амассы разрушенной каменной кладки, показывающие очертания здания.
- Кладка на месте.
- Земляной вал.
- Ров.

ЗАМОК ФОНМОН ПЛАН ЗЕМЛИ

- 9. Северная башня
- 10. Башня подземелья
- 11. Южная башня

В церкви Филлонгли нет памятников семье Гастингсов, которые похоронены в Полесворте и у Серых монахов в Ковентри.

ЗАМОК ФОНМОН, ГЛАМОРГАН.

Замок Фонмон, несомненно, был построен сэром Джоном де Сент-Джоном вскоре после завоевания Гламоргана; часть нынешнего здания является оригинальной.

Замок возвышается на западном краю узкого и глубокого оврага, по которому из деревни Фонмон в Кенсон впадает ручей.

На северном фронте, но на небольшом расстоянии от замка, такой же крутой берег спускается прямо к Кенсону, который пересекает луг, в прежние времена, вероятно,

представлявший собой непроходимую топь. С западной и южной сторон замок стоит на столовой земле и, несомненно, был прикрыт рвом и внешней стеной. Замок, прямоугольное здание высотой 45 футов, 25 футов на север и юг, 43 фута на восток и запад, включая стены толщиной 5 футов, кажется поздненорманнским, и можно предположить, что это работа сэра Джона де Сент-Джона. Пристройки, вероятно, раннеанглийские и раннедекоративные, окружают его с северной, восточной и частично с южной сторон; последняя образует значительное крыло, частью которого является квадратная башня, закрывающая юго-восточный угол и являющаяся главной особенностью в общем виде здания. Две носовые башни той же даты выступают с восточного фасада. Основные пристройки на севере относятся к семнадцатому веку и были возведены без учета оборонительных целей.

Флигели, за исключением одной башни, одиноко стоящей на юго-восточном фронте, примерно в 140 ярдах от замка, давно уступили место конюшням, амбарам и формальным террасным садам, большинство из которых, в свою очередь, исчезли. Оставшаяся башня, по-видимому, была юго-восточным завершением оборонительных сооружений внешнего двора.

Сент-Джонсы проживали в Фонмоне в большей или меньшей степени до XIV века, когда, вступив в брак с наследницами Пейвли, Паулета и, наконец, Бошампа из Блетсо, они стали влиятельными английскими лордами и перенесли свою штаб-квартиру в Бедфордшир. Фонмон, вероятно, был оставлен на попечение бейлифа, хотя некоторые кадеты семьи поселились в Хайлайте и оставались там после продажи владений полковнику Джонсу, около 1655 года. С тех пор в замке регулярно проживает семья Джонсов, а сейчас - их потомок и представитель, Роберт Оливер Джонс, эсквайр.

В замке хранятся портреты Кромвеля и Иретона, а также прекрасный портрет мистера Роберта Джонса, деда нынешнего владельца, работы Рейнольдса.

ЗАМОК ФОТЕРИНГЕЙ, НОРТГЕМПТОНШИР.

Каменная кладка этого замка была полностью разобрана, но первоначальный насыпной холм и земляные валы остались, а линии кладки можно проследить по траншеям, вырытым при засыпке фундамента. Городище стоит на левом берегу реки Нене, а главным из зданий, расположенных почти на востоке и западе, очевидно, был большой зал, в котором судили и казнили Марию Шотландскую.

В "Письмах Эллиса" (Первая серия, том II.) есть набросок плана зала, сделанный рукой Бергли, в том виде, в каком его приказано было подготовить к суду.

Длина "большой палаты" с окном составляла 23 ярда, а ширина - 7 ярдов. Длина без окна составляла 21 ярд. Таким образом, окно, вероятно, представляло собой эркер или воронку, выступающую на 6 футов. Чертежный план был отправлен вниз с пустыми цифрами, которые должны были быть заполнены специальными измерениями.

В верхнем, вероятно восточном, конце, перед окном, стояло кресло для королевы Англии. У стены слева от нее - скамья для тринадцати баронов; справа, оставляя место для прохода между ней и стеной, - скамья для двенадцати графов. Через весь зал, в 13 ярдах от верхнего (восточного) конца и в 8 ярдах от нижнего конца, находился бар, простирившийся со стороны баронов почти до самой стены, а со стороны графов оставлявший место для

прохода. Внутри, рядом с барной стойкой и напротив места Елизаветы, стояло кресло для Марии.

Точки компаса на плане не обозначены, но из расположения прохода ясно, что дверь находилась на этой или северной стороне, и, скорее всего, ближе к ее западному концу. Дверь замка-холла никогда не открывалась в сторону оборонительных сооружений, а выходила во внутренний двор.

Блок для казни был установлен в верхней части зала, вероятно, там, где во время суда стояло кресло Елизаветы.

Камин, в котором после казни сожгли блок и окровавленную драпировку, вероятно, находился в центре южной стены.

Возможно, в сезон засухи кому-то из местных антикваров удастся установить фактическое положение двери, эркера и камина.

ЗАМОК ГРОСМОНТ, МОНТШИР.

Гросмонт - одно из пяти сильных мест, расположенных вдоль правого или юго-западного берега реки Муннов; ниже его находится Скенфрит, выше - Олдкасл, Лонгтаун и укрепленный дом Пертир; замок Монмут и город под его защитой занимают место слияния Муннов с Уай. Таковы некоторые из укрепленных зданий, разбросанных по валлийским болотам, особенно много их в графстве Монмут, и остатки их, всегда живописные, часто довольно совершенны.

В тылу у этих замков на Муннау находились замки Брекнок, Третауэр, Крикхоуэлл и Абергавенни на Верхнем Уске; и по всей этой стране едва ли найдется вершина холма или точка обзора, не занятая каким-нибудь оборонительным земляным сооружением, показывающим, какое значение придавал ему каждый из представителей нескольких рас - кельтской, римской, саксонской и норманнской, которые в свою очередь либо нападали, либо защищали эту преданную землю.

Гросмонт, расположенный примерно в четырех милях выше Скенфрита и в пяти ниже Олдкасла, как и прежняя крепость, находится на высоком уступе крутого изгиба реки, примерно в ста ярдах от ее края. Неподалеку от него находится прекрасная старинная церковь Креста, которая, пережив процветание замка, избежала его упадка и до сих пор сохранилась в сносном состоянии, хотя и нуждается в нескольких переделках и реставрациях, выполненных рукой разумного архитектора.

Замок состоит из двора или палаты неправильной формы, более или менее прямоугольной, с выступами на южной стороне, стена которой занимает пространство 110 футов на 70 футов, укрепленное на юге большей и меньшей башнями с трехчетвертной фреской, с воротами на восточной стороне, а на западе - следами здания, примыкающего к куртине. Северную сторону занимает зал, также внешний или, скорее, заменяющий линию куртины, три из четырех его стен составляют часть внешней обороны здания.

Все это помещено в ров большой глубины, и, действительно, земляные работы в целом имеют такой грозный характер, что можно предположить, что они более ранние, чем

настоящее здание, или чем любая другая работа в каменной кладке. Фактическая площадка, занимаемая стенами и находящаяся в пределах гребня рва, составляет около 150 футов в диаметре.

За пределами рва, на востоке и юге, и прикрывая вход в замок, находится большая земляная платформа Деми-Люн (demi-lune), усеянная шрамами в сторону поля, на которой сохранились следы стен и оборонительных сооружений типа барбакана. Главный ров, ныне пересеченный современной насыпью, очевидно, когда-то был пересечен обычным мостом, часть которого поднялась. Сторожка, если ее можно так назвать, представляет собой две боковые щеки стены, выступающие по обе стороны от моста и образующие таким образом крытый проезд, с каждой стороны которого вдоль рва направлена крестообразная петля. Заостренный свод входа разрушен, но сохранились неровные пазы для портупей и два отверстия, в которые входил большой деревянный брус, скреплявший ворота.

При входе справа находится корпус зала, 80 футов в длину и 27 футов в ширину, что совершенно непропорционально площади оборонительных сооружений. Пол из дерева был уложен на 6 футов выше уровня двора, чтобы придать высоту просторному подвальному помещению или погребу, но в восточной стене которого, однако, есть большой камин. Зал имеет окна в каждом конце и по четыре в каждой стороне; но, вероятно, только шесть окон на востоке относились к залу, а два других освещали отхожее место. Расположение камина на северной стороне, по-видимому, обозначает центр зала.

Слева от входа занавес тянется к юго-восточной или меньшей барабанной башне, которая, вероятно, поддерживала просторную навесную крышу, отмеченную карнизами или опорами для верхней плиты стены. Эта юго-восточная башня, по-видимому, была массивной, но низкой, и была изменена и увеличена в ущелье, со стороны двора, который теперь выступает внутрь в прямоугольной форме. Когда это дополнение было сделано, башня, кажется, была поднята на три или, возможно, четыре этажа, и около ее вершины находится смелый кордон.

От нее тянется мощный занавес к юго-западной барабанной башне, более крупной по размерам и разрушающейся по направлению ко двору. Полы этих двух башен были деревянными. Между ними и параллельно занавесу, по-видимому, находились какие-то здания, вероятно, казармы.

Здания, расположенные за пределами западной куртины и примыкающие к ней, выступали в ров. Они сильно обветшали. Здесь находился камин, дымоход от которого, выточенный в материале куртины, возвышается над ней в виде элегантной восьмиугольной дымовой шахты, вершину которой венчает изящный ланторн или спираль, которая так часто рисовалась и так хорошо известна.

Гросмонт, как он выглядит сейчас, имеет умеренные размеры и сильно изуродован; но его башни и стены, хотя и лишенные пепла, все еще стоят, а земляные сооружения большие, смелые и хорошо очерченные.

Какой бы ни была его древняя история, нынешнее здание не представляет ничего более раннего, чем правление Генриха III. Пристройки, по-видимому, выполнены в декорированном стиле и, вероятно, относятся к одной дате, к правлению Эдуарда I. После южно-валлийского завоевания Гросмонт был одним из многочисленных замков де Браозе и перешел по наследству к Кантелупам. Затем он перешел во владение Генриха III, который подарил его Хуберту де Бургу. Во время известной войны, которую вели валлийцы и Ричард Марешал, граф Пемброк, против Генриха III, замок был осажден Ллевелином и освобожден королем, который занимал его в качестве штаб-квартиры во время последней части

кампании. После падения де Бурга Генрих передал замок графу Ланкастеру, и с тех пор он, вместе с несколько более ранними замками Скенфрит и Уайткастл, остается частью герцогства. Здесь родился Генрих, внук Краучбека, и поэтому его называли Генрихом Гросмонтским. Вероятно, именно он был автором основных дополнений.

В соседней церкви находится поздненорманнская купель с цилиндрическим основанием и восьмиугольной чашей, а арки центральной башни также являются заостренными норманнскими. Большая часть остальной части церкви - раннеанглийская, и, вероятно, относится к дате постройки замка; но есть украшенное северное крыльцо, а также некоторые другие части в том же стиле, которые, возможно, были работой художника, завершившего пристройки к замку и спроектировавшего его элегантный дымоходный вал и завершение.

ЗАМОК ГИЛДФОРД, СУРРЕЙ.

Замок Гилфорд, главной особенностью которого всегда был и остается замок, по своему положению, возрасту, структуре и размерам является весьма примечательной крепостью.

Правда, несмотря на огромный возраст, ни город, ни замок не сыграли большой роли в английской истории. Город никогда не был обнесен стеной, замок никогда не выдерживал осады. С его башен не было видно ни одного значительного сражения; в его зале никогда не собирався парламент или большой совет. Хотя замок всегда был королевским поместьем и долгое время служил королевской резиденцией, он также использовался в качестве тюрьмы и редко упоминался в записях или летописях. Во время великой гражданской войны в замке не было гарнизона, поэтому он избежал демонтажа и взрыва со стороны короля или парламента. Его состояние упадка объясняется влиянием времени, которому способствовала жадность местных жителей к строительным материалам. Тем не менее, хотя Гилфордский замок и лишен многих достопримечательностей, часто присущих английским военным зданиям, у него есть свои особенности, не заслуживающие внимания, и цель этой заметки - рассказать о них и объяснить.

Великий меловой хребет, образующий оплот Лондона и южную границу долины Темзы от ее устья до границы Хэмпшира, сжимается к западу в узкую, но возвышенную гряду, которая тянется от Рейгейта почти до Фарнхэма и, опираясь на огненный камень и гальт Уолда Кента и Суррея, поддерживает глину и гравий Лондонского бассейна.

Этот хребет, в целом не нарушенный, пересекают два известных ущелья на расстоянии около двенадцати миль друг от друга, из которых восточное занято Молем у Доркинга и Миклхэма, а западное

"Меловой Вей, что катит молочную волну".

Вей, притоки которой широко разливаются по большей части Суррея и восточной части Хэмпшира, в том месте, где она рассекает мел, представляет собой значительный поток, гораздо менее молочный, чем во времена, или, скорее, в стихах, Поупа; в двенадцати милях ниже перевала она впадает в Темзу у Вейбриджа.

Город Гилфорд расположен на правом или восточном берегу реки, в пределах, то есть к северо-востоку от ущелья, а внутри и немного выше города находится замок. Поскольку хребет здесь крутой и возвышенный, а ущелье глубокое и в меру узкое, можно

предположить, что этот проход во все времена был важен для тех, кто хотел защитить Лондон и Темзу от захватчиков с юга. По своему расположению к югу от Лондона это то же самое, что замок Беркхэмпстед к северу; оба расположены в меловых ущельях, оба на притоках Темзы; оба являются поздними нормандскими замками, основанными на более ранних английских земляных сооружениях; и оба на протяжении веков находились в прямом владении короны. Однако Гилфорд, в отличие от Беркхэмпстеда, хоть и является ядром большого города, не имеет военной истории. Хотя Суррей и Сассекс отнюдь не испытывают недостатка в следах ранней оккупации, ближайшие окрестности Гилфорда в этом отношении почти пусты. Говорят, что ранняя тропа проходила по хребту Даунс, а следы нерегулярного, а значит, британского лагеря ранее были замечены на холме Св. Марты; но длинный меловой гребень и склоны Даунс, столь цепкие к малейшим работам, когда-либо выполненным на их поверхности, не имеют никаких следов лагерей, ям или других работ, обычно приписываемых британцам, что, учитывая густой лес, который определенно простирался до подножия возвышенности на южной стороне, и, вероятно, на северной, очень необычно. Антиквары, правда, помещали столицу британских регнов в Гилфорд, а город Виндомис - в Фарнхэм, но ничего, кроме общей вероятности, в пользу того или иного предположения выдвинуто не было. Любопытно также наблюдать, насколько полностью исчезли кельтские названия из окрестностей. Даже реки, первыми получившие и последними изменившие свои названия - Вей, Вандл и Мол - саксонские, как и названия Гилфорда, главного города графства и округа, Фарнхэма, древней епископской резиденции, и деревень вокруг них.

В Гилфорде также нет явных следов римской оккупации. Замковый холм в Хескомбе, Хилбери в Паттенхеме и Холмбери в Оклее, как говорят, прямоугольные, а значит, римские земляные сооружения; но ни одна из двух больших римских дорог с юга не проходит через Гилфорд. Уотлинг-стрит ведет из Кентербери через Рочестер в Саутварк, а Икнилд-стрит из Чичестера проходит через Миклхэм. Очень любопытно, что город, занимающий столь примечательное положение, так сильно расположенный и находящийся прямо на пути с юго-запада в Лондон, при этом столь защищенный и расположенный рядом с такими плодородными пастбищами, не должен иметь никаких следов оккупации римлянами, ранними или поздними бриттами.

Ранняя история Гилфорда, как и его название, - саксонская, и, как и его название, она целиком пропитана мирными искусствами. О "гильдии" или торговом сообществе, которое в ранние времена должно было быть основано на "броде" Вей, ничего не известно; но по сохранившимся названиям Burgh Road, Burgh Field и the Bury было сделано предположение, что самый ранний саксонский муниципалитет располагался на западном, а не на восточном берегу реки, как сейчас. Говорят, что причиной этого стало основание крепости на восточном берегу и, как следствие, нехватка места для частных жилищ. Но, скорее всего, дело обстоит как раз наоборот. Крепость, будь то саксонская или нормандская, как правило, привлекает жителей, желающих оказаться под ее защитой; и какой бы обширной ни была огороженная территория - а чуть меньше шести акров - это самое большое, что когда-либо было приписано к ней, - между стенами и рекой на севере, где расположен нынешний город, всегда должно было оставаться достаточно места. Если город и стоял когда-то на западном берегу, то вероятность того, что он был перенесен на другой берег, как только там возникла самая ранняя крепость, говорит в пользу этого.

Есть основания полагать, что главная улица нынешнего города - Хай-стрит - существовала уже в тринадцатом веке, а возможно, и несколькими столетиями раньше. Гилфорд является городом по предписанию, а значит, может иметь любую английскую дату, какой бы ранней она ни была. Он сделал замку достойный комплимент, поместив его на щит города, на

котором изображен "замок на вершине горы". Город состоит из трех приходов: Сент-Мэри, в который входит замок; Тринити; и на западном берегу реки - Сент-Николас.

История Гилфорда началась не так уж и плохо. Он был собственностью Альфреда, и впервые упоминается в его завещании, составленном между 872 и 885 годами. "Этельвальду, сыну моего брата, - говорит великий король, - я завещаю поместье в Годалминге и в Гилдефорде, а также в Стейнинге". После смерти Этельвальда, оставшегося бездетным, Гилдфорд отошел к западносаксонской короне. В следующем веке, в 1036 году, Гилдфорд стал местом пленения Альфреда, старшего брата Исповедника, и расправы над его норманнскими приближенными. Что касается деталей этого события и роли, которую сыграли в нем Годвин, королева Эмма и Гарольд Харефут, свидетельства расходятся, но все сходится в упоминании Гилфорда как места, куда был доставлен Ателинг.

Когда Завоеватель шел на север из Кентербери, он направился по Уотлинг-стрит, через Рочестер, в Саутварк, а затем, поднявшись в Уоллингфорд, свернул в Гилдфорд, и расположился между ним и Темзой. Его название встречается лишь в конце царствования, и то только в Генеральном межевании. Из этого обзора следует, что он оставался собственностью короны. Замок там не упоминается, но то, что в нем находилась резиденция, более чем вероятно, как потому, что он так долго был королевским владением, так и на основании того, что говорится о приеме там Ателинга.

В "Книге Судного дня", как и сейчас, Гилфорд входил в сотню Уокинга. Главным из королевских арендаторов был Ранульф Фламбард, впоследствии прославившийся как своей хитростью, так и великолепием. Он был настоятелем Годалминга и как таковой владел землями в Гилдфорде, которые впоследствии были присоединены к его каноничеству в Солсбери, чтобы в итоге быть возвращенными Генрихом II и присоединенными вместе с замком к короне. Во втором Генрихе II король передал Годалмингскую сотню и поместье церкви Сарума в обмен на замок Девизес и Руэлс, или Эрлесток, который в то время принадлежал епископу этого города.

Завоеватель пожаловал большой участок земли, на котором сейчас стоит большая часть современного города к северу от замка и к югу от Хай-стрит, семье по фамилии Тестард, которая владела им в течение нескольких поколений по необычному праву владения, записанному в Блаунте, и, как считается, построила две церкви Св. Марии и Троицы для своих арендаторов, что свидетельствует о том, что город уже стоял в пределах удобной досягаемости от этих церквей, одна из которых до сих пор сохранилась в основном в нормандском стиле и имеет большую площадь; кроме того, маловероятно, что замок *Энсинт* когда-либо простирался далеко на север, поскольку Завоеватель вряд ли отдал бы часть более старой территории. Историки Суррея оценивают население Гилфорда, записанное в Domesday, в 700 человек.

Внутренние свидетельства о постройках замка позволяют с большой долей вероятности предположить, что весь замок, трюм, зал и домашние здания, а также *окруженная* стена, занимающая более пяти акров земли, были построены Генрихом II в самом начале его правления; однако замок не упоминается ни в его правление, ни в правление Ричарда I. В Трубных списках город время от времени фигурирует как вкладчик в таллаж и другие поборы, а в 1 Ричарда I парк назван в связи с канониками Сарума. Это также следует из Rot. Curiae Regis, 6 Ричарда I., что там проводилась ассамблея. Генрих II, построив замок, разбил королевский парк на противоположном берегу реки, к северу от Кабаньей спины, место которого до сих пор обозначается такими названиями, как Гилфордский парк,

Уайлдернесс, Олений холм и Усадебная ферма, последняя, вероятно, была местом расположения королевского домика.

Капитан Джеймс, который проводил съемку района и уделял большое внимание древним границам, и чьим исследованиям обязано многое, что касается замка, считает, что территория парка на севере, западе и востоке совпадала с приходом Святого Николая, а на юге она была ограничена гребнем Кабаньей спины. Говорят, что в древности этот участок включал в себя четыре поместья, но в настоящее время он состоит из трех очень древних ферм, входящих в одно поместье.

Король Иоанн, чья подозрительная натура и лихорадочная активность заставляли его постоянно находиться в движении, был в Гилдфорде девятнадцать раз за одиннадцать разных лет. В 1200 году он встретил здесь Рождество и одел своих домочадцев в новые ливреи, которые, к большому, но скрытому отвращению короля, архиепископ Кентерберийский превзошел по великолепию. В 1202 году его здесь не было, но есть плата в 6 фунтов 5 шиллингов. 8d. за работу, выполненную в королевских домах, и 1. 6s. 6d. за перевозку вина и 4s. за ремонт тюрьмы в замке. Это первое упоминание о замке, и любопытно, что оно связано с его использованием в качестве тюрьмы.

В 1204 году Джон был здесь 9 октября и 7, 8, 9 ноября; в этом году было выплачено 10 фунтов стерлингов на ремонт домов короля и 40 фунтов стерлингов на расходы по его палате. Джон Фиц-Хью, шериф Суррея и Сассекса в 1208, 1210-11-12-13 и 1214 годах, был назначен смотрителем парка. В 1205 году король был здесь 9, 10, 11 апреля, 1 августа и 30, 31 октября. 7 февраля сюда были отправлены два тунна вина, королевский приз, а 15 мая отсюда отправились двести свиней в Саутгемптон, запас мяса в Лондон и сеть в Саутварк.

Король Иоанн был здесь 28, 29, 30 декабря 1206 года, а в 1207 году - 27, 28 декабря. В этом году, 28 августа, шериф Ханта должен был взять некоторых заключенных из замка Сарум и доставить их констеблю замка Гилфорд. Это второе упоминание о крепости, да еще и как о тюрьме. В 1208 году Джон был здесь 25, 26, 27 января и 5, 6, 7 апреля, а в 1210 году - 1, 2, 3 января и 8 марта. Также в 1212 году - 12, 13 и 14 мая.

В 1213 году 14, 15, 16, 17 декабря здесь был король Иоанн. 3 января графство Суррей с замком Гилдфорд было передано Реджинальду, сыну Реджинальда де Корнхилла, на хранение на время удовольствия, а Джону Фиц-Хью было приказано отдать его ему. Корнхиллы были семьей фермеров, управлявших доходами графств к югу от Лондона, и между 1164 и 1215 годами Гervas, Генри, Ральф и Реджинальд де Корнхилл фигурируют как шерифы Суррея и Сассекса, вместе взятых.

В этом же 1213 году сто оленей, "damos et damas", были отданы из Гилдфорда архиепископу Кентерберийскому для пополнения его парка. В 1214 году, 24 августа, 53 с. было выделено на развлечения папского легата, направлявшегося для отмены интердикта. Замки Рочестер и Гилдфорд упоминаются в этом году как находящиеся на ремонте.

В 1215 году король Иоанн пробыл здесь целую неделю с 15 по 21 января. Его войска были разбиты при Бовинесе в предыдущем июле, и он прибыл в Гилфорд из Лондона, получив требования конфедеративных баронов, согласованные и подтвержденные клятвой в Бэри. Вероятно, в это время он активно работал над тем, чтобы заручиться поддержкой духовенства в надежде избежать великой хартии, на которую, тем не менее, он был вынужден согласиться в июне следующего года. 18 ноября Джону Фиц-Хью, который снова стал шерифом, было приказано отдать замок тому, кого назовет Питер, епископ Винчестерский, чтобы получить его. Вероятно, он был передан Реджинальду де Корнхиллу.

В 1216 году Джон нанес свой последний визит в Гилфорд и оставался там в течение 20, 21 и 22 апреля. В июне следующего года дофин Людовик был здесь по пути из Сандвича. Вместе с Гилфордом он владел Рейгейтом, тогдашним замком Уорренов, и Фарнхэмом.

Гилдфорд, как замок, так и парк, нередко упоминается во времена правления Генриха III. В 1222 году, 19 ноября, 200 фунтов стерлингов было заплачено за королевские расходы, связанные с поездкой туда из Лондона. В 1223 году, 19 января, король Генрих находился в Гилфорде. 18 апреля было выплачено пособие на строительство дома милостыни при дворе короля. Вероятно, это была контора для получения додатков, штрафов, конфискации, выморочного имущества преступников и других денег, возникавших в результате феодальных владений и, как предполагалось, предназначавшихся для благотворительных целей. 14 мая велись работы в королевских домах, а 27 мая Ричард Дейл получил десять марок на ремонт парка; еще раз, в октябре, были выплачены деньги за его ограждение. В 1224 году были отремонтированы королевские дома, и полмарки было заплачено за изготовление двери. Ограждение парка было продолжено. В 10 году Генриха III губернатором от имени короля был Уильям де Конирс, а в 30 и 53 годах Генриха III - Элиас Мэнсел и Уильям д'Агильон.

В 24 году Генриха III, 4 апреля, шерифу Суррея было приказано починить стеклянные окна королевских домов и часовни в Гилдфорде, разбитые бурей, а дома без крыши должны были быть восстановлены. В 29 г. Генриха III. упоминается вилла Гилдфорд, принадлежащая королю; шериф должен был огородить территорию у кухни, которую купил король, стеной, удобно сочетающейся с другой стеной, которой огорожен упомянутый двор; он также должен отремонтировать две опоры королевского зала, которые нуждаются в ремонте, поскольку они выходят за пределы перпендикуляра. В 30 году Генриха III, 3 февраля, шериф Суррея и Сассекса должен сделать "определенную палату в Гилдфорде для Эдуарда, сына короля, с надлежащими окнами, хорошо зарешеченными, длиной 50 футов и шириной 26 футов... с приватной палатой... так, чтобы палата того же Эдуарда была наверху, а палата знатных камердинеров короля внизу, с подходящими окнами, и приватной палатой, и дымоходом в каждой палате. И он должен сделать под стеной к востоку, напротив восточной части королевского зала, некий пентхаус, который, хотя и узкий, должен быть соответственно длинным, с дымоходом и личной комнатой, для гардероба королевы; и сделать в королевской комнате некое окно, равное по ширине двум окнам, которые там сейчас, и настолько шире, насколько это возможно, между двумя стенами, и настолько высокое, насколько это возможно, с двумя мраморными столбами; и обшить это окно сверху, и закрыть его стеклянными окнами между колоннами, с панелями, которые можно открывать и закрывать, и большими деревянными ставнями внутри, чтобы закрывать стеклянные окна; и сделать верхнее окно в королевском зале к западу, рядом с помостом, чтобы оно было оснащено белыми стеклянными светильниками, так чтобы в одной половине этого стеклянного окна был изображен некий король, сидящий на троне, а в другой половине некая королева, также сидящая на троне."

В 40 году Генриха III, эти украшения и переделки все еще продолжались, так как 3 января король, находясь в Гилфорде, приказывает шерифу Сассекса передать 100 фунтов стерлингов зрителям королевских работ в Гилфорде, "чтобы погасить некоторые долги за те же работы, и за обшивку королевской часовни, часовни королевы, королевских покоев и других покоев, недавно построенных там; и за изготовление больших окон в королевской капелле; за то, что окна новой королевской палаты заколочены железом; за изготовление крыльца в зал из камня; за то, что в зале напротив королевского места написана история

Дивеса и Лазаря; за изготовление некой фигуры со зверями на том же месте; и за удлинение комнаты королевского капеллана там же."

Также 5 мая следующего года шерифу Суррея и Сассекса приказано побелить королевский зал в Гилфорде внутри и снаружи. 17 июня 45 года Генриха III, 1261, король посетил Гилфорд и, несомненно, осмотрел и получил удовольствие от различных улучшений и украшений, которые он приказал сделать. Вся эта роскошь, вероятно, ограничивалась залом и королевскими апартаментами в средней палате, поскольку запись в Сотенных списках в начале царствования показывает, что заключенные графства Сассекс содержались в Гилфорде, и, несомненно, в тюрьме.

В 50 году правления Генриха III принц Эдуард находился в Гилдфорде, чтобы усмирить сэра Адама Гордона, солдата, который, будучи объявлен вне закона после Эвешемской битвы, стал вольным разбойником и сделал лесные уголья Суррея очень небезопасными. Эдуард напал на него между Фарнхэмом и Альтоном, взял в плен в одиночном бою, добился помилования и представил королеве, находившейся в Гилфорде. В конце правления Генриха, 52 Генриха III, "Королевские мельницы" были перенесены дальше вниз по течению, вероятно, на место, которое сейчас занимают их современные преемники.

Эдуард I. со временем стал владеть Гилдфордом, и в 27 году Эдуарда I., 1299, парк, замок и ферма города были выделены в качестве части дани Маргарет, второй жены короля, а после ее смерти, 10 года Эдуарда II. они вернулись к короне. Эдуард был здесь 20 января, 31 Эдуарда I, 1303 года, отдыхая по пути из Одишама в Виндзор.

В 35 году Эдуарда I, 1306, Генри де Сэй, смотритель заключенных, обвиненных в Суссекских приговорах и содержащихся в Гилфордском замке, просил прислать офицера для получения их штрафов и имущества, в соответствии с их преступлениями, и построить более прочную тюрьму, поскольку замок небезопасен для такого количества заключенных. Ответ, записанный в парламентских протоколах, краток: "Si carcer sit nimis debilis, faciat, Custos, emendari; si nimis strictus, faciat elargari; quia Rex non est avisatus mutare locum prisonarum suarum: vel saltem teneat eos in vinculis fortioribus." "Двойное железо для заключенных" было в свое время обычным и, безусловно, экономичным способом обеспечения их безопасности. Вероятно, именно при таких обстоятельствах в качестве тюрьмы использовался настенный ораторий в крепости.

В циркуляре короля шерифу, 1 Эдуард II., 1307, 15 декабря, за которым последовал эдикт о конфискации имущества тамплиеров, шерифу Суррея и Сассекса было приказано отправиться в Гилдфорд. В 15 году Эдуард II. Оливер де Бурдегала, губернатор, получил приказ тайной печати, предписывающий снабжать замок продовольствием и содержать гарнизон.

Гилдфорд, 2 Эдуарда III, 1328 г., был штаб-квартирой шерифа Суррея, которому было приказано отправиться туда, чтобы предотвратить проведение турниров. 8 марта 1329 года король находился в Гилфорде, а также 28 февраля и 26 декабря 1330 года, 18-20 ноября 1331 года, 2 сентября 1334 года и 18-24 апреля 1336 года, так что замок нередко использовался в качестве королевской резиденции. В этом последнем году король передал город в собственность корпорации, оставив за собой только парк и замок. 23 апреля 1337 года, 11 года Эдуарда III, король приказал, чтобы Роберт д'Артойс имел право на гостеприимный прием, если он посетит королевские замки Гилфорд, Уоллингфорд или Сомертон, и мог заниматься спортом в парке Гилфорда.

В том же году, 24 декабря, Эдуард сам был в Гилдфорде, как и в 1340 году, и еще раз 27-28 декабря 1347 года, в этом году простолюдины из Сассекса подали прошение о том, чтобы Чичестер вместо Гилдфорда стал тюрьмой графства. Ходатайство было отклонено, и в 41 году Эдуард III. шериф по-прежнему размещал свою официальную резиденцию в замке, который, как и прежде, служил тюрьмой для двух графств. 42 Эдуард III. 1368 г., 28 июля, король находился здесь. 43 Эдуард III, пожизненная опека над замком и парком была передана Хельмингу Легату. Эдуард снова был здесь, 45 Эдуард III., 1371, 12 мая, вероятно, в последний раз.

В 1 Ричарда II. Сэр Саймон Берли был констеблем замка, а затем сэр Хью Уотертон, после смерти которого, 10 Генриха IV, сэр Джон Стэнли получил эту должность также пожизненно, и его назначение было подтверждено Генрихом V. К тому времени охрана парка была, очевидно, более желанной должностью, чем охрана замка.

Что происходило в замке во время войн Йорков и Ланкастеров, неизвестно, кроме того, что он не был местом важных событий, и, конечно, продолжал играть неблагородную роль общей тюрьмы, так как в 3 Генриха VII, 1487, старая жалоба возрождается, и графство Сассекс снова ходатайствует о создании собственной тюрьмы под управлением собственного шерифа, предлагая Льюс в качестве подходящего места. На этот раз прошение было удовлетворено, и, вероятно, заключенные Суррея либо тогда, либо вскоре после этого были переведены в другое место, хотя оба графства еще долго после этого оставались под началом одного шерифа. Уже в 1620 году шерифом двух графств был сассекский джентльмен Николас Эверсфилд, и, похоже, юрисдикция была окончательно разделена только в 1637 году.

Наконец, в 1611-12 годах, после того как замок и его *окружение* были присоединены к короне, по крайней мере, со времен Альфреда, или 700 лет назад, замок и его *окружение* были пожалованы Яковом I Фрэнсису Картеру из Гилфорда, который умер в 1617 году, и чей сын, Джон Картер, описан как проживающий в замке в 1623 году. Его старший сын Фрэнсис умер в 1668 году, оставив только дочь, и именно его брат, второй сын, Джон Картер, чьи инициалы "J. C., 1699" выбиты на табличке внутри и над большими воротами на Карри-стрит. С тех пор замок оставался в частных руках и сейчас является собственностью лорда Грантли.

Приведенные выше выдержки, взятые в основном из книги мистера Паркера "Внутренняя архитектура в Средние века", показывают, что обустройством и украшением замка в основном обязан Генриху III. Этот принц, который был большим покровителем искусств, а особенно архитектуры и живописи, уделял большое внимание королевским резиденциям. К сожалению, его украшения по большей части ограничивались залом и главными домашними апартаментами, но лишь немногие из них дошли до наших дней. В Гилфорде разрушения были особенно масштабными, и единственное сохранившееся строение - замок - похоже, не принимало участия в королевской заботе. Трюмы нормандских замков, в которых жили редко и только во время осады, даже те, кто их строил, похоже, очень скоро были полностью покинуты ради более удобного жилья в нижних и более просторных палатах. Затем крепость использовалась как склад или казарма, или, как в Гилфорде, как тюрьма, и на ее ремонт тратилось очень мало средств, а на украшение - совсем ничего. Однако именно из-за этого пренебрежения нормандские крепости, где они не были снесены, остались практически такими же, какими были построены изначально, или с такими дополнениями, которые легко обнаружить, или с такими уменьшениями, которые можно легко компенсировать. Это особенно характерно для замка в Гилфорде, дополнения или изменения в котором носят самый грубый характер и легко обнаруживаются, в то время как

от первоначальной кладки мало что осталось, кроме парапетов и угловых башен, а также некоторых деталей, связанных с подходом и входом.

Гилфордский замок занимал естественную площадку площадью почти шесть акров на склоне мелового холма, далеко под его вершиной и на высоте от 40 до 80 футов над рекой. Платформа, полого склоняющаяся к ручью, заканчивается примерно в 80 ярдах от его берега невысоким утесом высотой от 10 до 12 футов, местами сменяющимся, а местами упирающимся в крутой естественный склон или осыпь, который обрывается на 40 футов ниже в луга, пересекаемые рекой. На гребне этого обрыва или осыпи проходит Каменоломная улица и образует западный фасад замка. К северу река находится на большем расстоянии, а склон платформы более пологий. С этой стороны между замком и рекой проходит Хай-стрит и нынешний город Гилфорд.

Замок стоит на восточной и самой высокой части платформы, и с него открывается вид на остальную часть замка, как с замка открывается вид на город; здесь же находятся остатки английской резиденции. У подножия кручи возвышается курган, полностью искусственный, но покоящийся на наклонном естественном основании, сложенный из мела, конической формы, усеченный, с ровной вершиной, несомненно, изначально круглый, и до сих пор почти такой же, и около 90 футов в диаметре. Основание составляет около 200 футов. Между курганом и прилегающим крутым склоном холма находится основной и, возможно, второй, внешний, ров. Этот внутренний ров, шириной около 60 футов и глубиной от 12 до 20 футов, огибает подножие кургана с восточной, северной и южной сторон, концы его засыхают, достигая платформы на западе внизу. Ров, всегда сухой, давно возделывается как сад, и, несомненно, когда-то был значительно глубже. Его северная часть частично застроена домами на Касл-стрит и, как следствие, почти стерта с лица земли. В северо-восточной части ее пересекает узкая земляная дамба, которая, несомненно, представляет собой более древнюю каменную дамбу, снабженную разводным мостом и служившую прямым входом для пешеходов и, возможно, лошадей в крепость. За ним, на востоке и юго-востоке, на внеприродном участке, называемом "Боулинг Грин", видны очень слабые следы того, что могло быть вторым и внешним рвом - не исключено, что жители кургана обеспечивали безопасность от нападения с этой самой слабой, но управляемой стороны.

Высота кургана с восточной стороны, измеренная от обрыва рва, составляет около 30 футов, а с западной стороны, где он поднимается с более низкого уровня, - около 50 футов, или 92 фута над уровнем реки. Курган и ров, очевидно, поддерживали и защищали жилище английского лорда, и вполне вероятно, что на платформе внизу, где нормандский король впоследствии разместил свой зал и офисы, жили крепостные и иждивенцы прежних хозяев. Судя по близкой аналогии с Лестером, Тамвортом, Татбери и другими известными земляными сооружениями, земляные работы в Гилфорде можно с большой долей вероятности отнести к началу X века.

Замок, прямоугольное сооружение, занимает восточный склон кургана, но расположен немного южнее его центральной линии, чтобы обеспечить ворота (ныне исчезнувшие) у северо-восточного угла и проход вверх по кургану за северную стену. Восточная или нижняя стена опирается на нетронутую землю, немного выше уровня обрыва рва, а западная или верхняя стена - на край ровной вершины кургана, почти вся территория которого, таким образом, простирается нетронутой на запад и северо-запад от здания. Разница в уровне основания двух сторон хранилища составляет около 15 футов. Очень редко можно встретить прямоугольный замок, расположенный на искусственной насыпи. Гилдфорд, Крайстчерч и Клун - единственные зафиксированные примеры.

Замок стоит почти на точках компаса, его размеры составляют 46 футов на север и юг, 52 фута на восток и запад. Стена идеальна до основания парапета, высота западного фасада составляет около 63 футов. Каменная кладка нижней стороны содержит больше пепла и имеет лучшее качество, чем остальная, чтобы предотвратить сползание конструкции. О глубине фундамента ничего не известно, но толщина стены - не менее 11 футов у видимого основания - должна была служить для распределения нагрузки, а мел, даже если он занесен землей, не является плохим фундаментом. Несомненно, было рискованно размещать столь тяжелое здание на искусственном холме, пусть и возрастом в пару столетий, но результат оправдал использованные средства, поскольку во всем здании нет ни трещины, ни следа оседания. Гроуз изображает несколько полузасыпанных арок на южной стороне, которых сейчас не видно, но которые, если они когда-либо существовали, что более чем сомнительно, могли бы указывать на то, что часть здания покоилась на опорах, доведенных до твердого грунта. Однако часть стены обнажена достаточно, чтобы показать, что это не так. То, что Гроуз принял за арку, скорее всего, было низким ходом наклонной или полунаклонной кладки. Другие описывали отверстие на этой стороне, которое должно было вести в подвальный свод, но нет никаких оснований предполагать его существование. В качестве доказательств в защиту этого сказочного дверного проема приводятся вентиляционные отверстия садовника в верхнем этаже.

Четыре стороны храма в целом похожи друг на друга. Каждая из них обрамлена двумя пилястрами шириной 4 фута 6 дюймов, выступающими на 9 футов, расположенными так, чтобы не закрывать угол, а превращать его в углубление или повторный вход. Это углубление оставлено открытым, а не заполнено, как в Скарборо и других местах, смелой бусиной или задействованной колонной. В центре каждой грани находится третья подобная пилястра, но шириной в 5 футов. Вероятно, они опирались на общий для всего здания цоколь, но если это так, то он исчез. Каждая пилястра имеет одинаковую ширину и выступающую часть, не имея отступов. Центральные пилястры идут до основания парапета, который теперь исчез. Угловые пилястры были продолжены и образовали обычные квадратные башенки, некоторые из которых, хотя и слабые, но ясные остатки все еще возвышаются над куртиной.

В качестве материала для внешней отделки использован в основном камень Баргейт из слоя, представляющего собой меловой мергель, залегающий непосредственно под мелом. Он уложен в виде бутового камня, перемежающегося с неравномерными рядами того же камня, уложенного по типу "селёдочной кости", для чего были выбраны более крупные и плоские камни. Работа очень грубая. Костяные курсы уложены на всех высотах и расстояниях; некоторые разбиты, некоторые представляют собой просто отдельные наклонные камни, а местами, особенно вблизи вершины, встречаются курсы кремня, некоторые из которых выглядят как вставки. Углы пилястр, выступающие и заходящие, выполнены из того же камня, обтесаны и хорошо соединены, но между ними пилястры, как правило, из бутового камня, иногда из селёдочного. Над парапетами угловые башенки, похоже, были сложены из пепла. На лицевой стороне стены нет ни струнного хода, ни полки, ни отбивки. Западно-центральная пилястра, пробитая входом, в основном из пепла, как и пилястра и примыкающая к ней стена у северо-восточного угла здания, где, судя по следам в кладке, находились ворота палаты. Здесь также очень широкие швы заделаны одинарными или двойными рядами тонкой обычной ярко-красной черепицы. Основание восточного фасада было отремонтировано около сорока лет назад и теперь имеет современный цоколь из пепла высотой около 15 футов. На других сторонах здания зола в пределах досягаемости была

разграблена, и основание стены в целом очень пустое и потрепанное. Сердцевина стен, похоже, состоит из мела и баргатского камня, очень грубо уложенного и затертого.

Стены повсюду пробиты отверстиями для шпунта, около 4 дюймов в квадрате, что свидетельствует о способе строительства, и, вероятно, первоначально они были заделаны неплотно, чтобы дать работе высохнуть и для удобства будущего ремонта. Сверху больших отверстий нет, и нет никаких признаков того, что здесь использовался бреташ. Четыре двойных окна на верхнем этаже и одно на восточной стороне среднего этажа, хотя и являются оригинальными, были оснащены мутьонами и арками из тесаного кирпича, сделанными, возможно, двести лет назад, что, несомненно, было сделано первым покупателем. Все более ранние изменения, по-видимому, были выполнены в камне.

Ознакомившись с внешним обликом храма, мы переходим к описанию его внутренних деталей. С учетом удаленного цоколя или корпуса толщина трех сторон составляет около 11 футов, а четвертой или восточной - около 14, так что внутренние размеры составляют 24 фута на север и юг, 27 футов на восток и запад. Здание состоит из подвала и двух верхних этажей, а полы и крыша были деревянными. Нет никаких доказательств существования подземной камеры, и нет причин предполагать ее наличие.

Высота подвала на уровне вершины кургана составляет около 12 футов. Стены пробиты в центре северной и южной сторон круглым углублением шириной 5 футов и примерно такой же высоты. Боковые стороны и крыша сходятся к наружной петле, а основание ступенчато поднимается к ней. Работа выполнена из хорошего простого бутового камня. Восточная и западная стены первоначально были сплошными, и единственный вход на этот этаж должен был осуществляться по лестнице и ловушке с этажа выше. Это, конечно, был магазин или подвал, как обычно.

Позднее в западной стене у северного конца был прорублен дверной проем шириной 4 фута 6 дюймов и длиной 8 футов. Он имеет слегка заостренную арку. Его кладка состоит из мелкого слабого щебня без перевязок; это, а также отсутствие связи с более древней работой, указывает на то, что он является вставкой. В северо-восточном углу стена была грубо вырублена на некоторую глубину для создания камина и печи. Кирпичи, составляющие их, были удалены, и недавний пирс из каменной кладки поддерживает стену выше. Дымоходная шахта и камин в верхнем этаже были образованы путем срезания внутренней поверхности стены, которая была грубо восстановлена. Несомненно, все это дело рук покупателя, который, судя по всему, жил в доме и переоборудовал подвал в кухню. В юго-западном углу находится небольшая каменная платформа, на которой, как утверждается, располагалась деревянная лестница, сообщавшаяся с этажом выше, и датируемая временем постройки кухни. Это достаточно вероятно. Один из камней - поздненорманнская столица, привезенная из другой части замка. Вся внутренняя часть этого подвала представляет собой щебень. В нем не было ни камина, ни гардероба. Две петли, единственное освещение, имеют высоту около 18 дюймов, а ширину, вероятно, 4 дюйма, хотя сейчас они увеличены погодой до 6 дюймов.

Первый, или государственный, этаж был высотой около 30 футов, достаточно освещен и содержал различные настенные палаты. В центре западной стороны находился вход извне, а в каждой из трех других сторон - окно. Они были двухсветными, точнее, состояли из двух высоких, узких, круглоголовых окон, соединенных под одной круглой головкой снаружи и таким же углублением внутри. Эти ниши начинались примерно на фут выше уровня пола, их ширина составляет 4 фута 4 дюйма, а высота - около 12 футов. Их стороны параллельны, а не сходятся, и каждая содержит четыре ступени, поднимающиеся к окну. Лепнины и украшений

нет, но кромки выложены из ясеня. Окна, арки, импосты и косяки просты и хороши. Центральные оконные столбы или мульоны исчезли, но в двух случаях сохранились маленькие головные арки. В третьем случае, на восточной стороне, окно было удалено и заменено кирпичным, но ниша осталась нетронутой.

Ширина входа составляет 3 фута 4 дюйма, высота - 9 футов, высота от земли - около 14 футов. Он облицован хорошим пеплом, но с круглоголовым сводом из бутового камня. Внешний портал занимает всю ширину центрального пилястра, его ширина составляет около 5 футов. Он очень слабо, но решительно заострен. В нем нет паза для портупей, а есть только одна, внешняя, дверь, хорошо укрепленная отверстиями для засова. Под пружиной находятся два небольших отверстия, ныне заделанных, для железного прута, довольно низкого для центрирования, и, возможно, связанного с легким разводным мостом. Дверь находится в центре западной стороны, как и противоположное окно восточной стороны; но северное окно расположено в западном конце стороны, примерно в 3 футах от угла, а южное окно расположено по диагонали к нему на таком же расстоянии от юго-восточного угла. Все три окна выполнены по одному образцу.

Кроме этих проемов, на том же уровне находятся три настенные камеры и лестница. Главная камера занимает юго-западный угол и в плане представляет собой прямой угол с двумя гранями, похожими на заглавную букву L. Ширина камеры в западной стене составляет 5 футов 6 дюймов, длина - 14 футов; в южной стене - 4 фута 10 дюймов, ширина - 23 фута; но поскольку каждая измеряется по ширине другой, общая длина камеры по внешней стене составляет 37 футов, а по внутренней стене - всего 26 футов 8 дюймов. Камера частично выложена меловым пеплом, частично - бутовым, а свод, бочкообразный и круглоголовый, - бутовым. Свод опирается на простой нормандский абакус. Высота до источника - около 7 футов. Внешняя стена этой камеры была облицована аркадой, первоначально состоявшей из десяти арок, из которых шесть сохранились в полном порядке, а от большинства остальных остались следы. Аркада поздней норманнской работы, опоры тонкие, крышки очень резные, арки круглоголовые. Вся она утоплена в стену, доходит до пружинящего свода и опирается на низкий цоколь или дадо. В западной стене у северного конца камеры есть петля, а в южном конце - еще одна, в южной стене. Есть также третья, более длинная и низкая петля в другом конце южной части, недалеко от священника и справа от него, когда он стоял перед алтарем, место которого в восточном конце отмечено скамьей или ступенькой в стене. Одна из первоначальных дверей находилась в западной части, рядом с главным входом. Во времена Кинга она была идеальной, круглоголовой, шириной 2 фута 4 дюйма и высотой 7 футов 7 дюймов, но с тех пор она была разрушена. В южной части есть более крупное грубое отверстие, которое может быть местом другой двери. То, что эта необычная и богато украшенная камера изначально была ораторией, очевидно как из тщательного ухода за ней, так и из следов алтаря в восточной стене, а также из окна рядом с алтарем.

Во времена Тюдоров южная стена была проломлена, и в нее вставили неуклюжее окно с плоским верхом и тремя фонарями, для которого была вырублена большая часть аркады; а через южную стену была построена грубая стена с дверью, вероятно, для превращения оратория в два спальных места. На меловом пепле этой камеры было вырезано значительное количество грубых изображений, очевидно, работы одного периода. Некоторые из них просто вырезаны, другие вырезаны рельефно. Есть одно очень явное Распятие, с солдатом, пронзающим бок нашего Господа, учениками, присутствующими при этом, и чем-то похожим на завуалированную женскую фигуру, собирающуюся упасть в обморок. Есть также Святой Христофор, епископ, лежащий под короной, и другие фигуры, как церковные, так и военные. Очевидно, что это работа людей, заключенных в этой квартире, а поскольку они

грубые, неграмотные и без каких-либо следов геральдических эмблем, то, вероятно, это работа обычных узников тюрьмы, и достаточно вероятно, что они относятся к началу XIII века, когда тюрьма была переполнена, и все свободные места, конечно, были заняты. Разумеется, в нижнем отделении была большая часовня, не говоря уже о приходской церкви Святой Марии, расположенной неподалеку. Эти надписи были выгравированы, но не с необходимой точностью. То, что они не сфотографированы, мало говорит об общественном духе Гилфорда.

На другой, северной стороне главного входа, также в западной стене, находится вторая настенная камера, в которую ведет узкая, круглоголовая, оригинальная дверь, шириной 2 фута 4 дюйма и высотой 7 футов 7 дюймов, совершенно простая, из пепла. Эта камера имеет грубый бочковидный свод с круглой головкой, ее длина составляет 9 футов 2 дюйма, а ширина - 5 футов 1 дюйм. В западной стене есть одна петля. Стены бутовые, но на внутреннем косяке двери, выполненном из мелового пепла, есть резьба в стиле описанных выше.

Третья камера находится в северной стене, в ее восточном конце. Ее дверь и большая часть внутренней стены и пола были удалены, чтобы можно было вставить камин и дымоход, но осталось достаточно, чтобы показать, что камера была 14 футов в длину на 3 фута 2 дюйма в ширину и имела петлю в северной стене. Восточная треть этой камеры не пострадала. Углубление в полу, расположенное в восточной части, выглядит так, как будто это был садик для государственного этажа, и эту идею укрепляют квинты и ашлары на углах в этом конце. Брейли продлевает эту камеру под прямым углом в восточную стену. Это чистый вымысел. Облицовка торца показывает, что дальше ничего не было, а паз в стене предназначен только для поддержки концов досок, на которые опирался свод. Камин, расположенный ближе к западу от этой камеры, от которого сохранился дымоход, является вставкой. Однако расположение настенной камеры и окна показывает, что здесь мог быть первоначальный камин.

Остается упомянуть о колодезной лестнице, которая занимает северо-западный угол храма, начинаясь на уровне второго этажа и поднимаясь на крышу. Эта лестница не связана непосредственно с главной камерой, а открывается небольшой круглоголовой дверью в косяке соседнего северного окна, откуда три ступени в коротком узком проходе ведут в основание колодезной лестницы. Лестница исчезла, но остался цилиндр колодезной лестницы диаметром 8 футов. До второго этажа он облицован отличным меловым пеплом и освещен двумя петлями с западной стороны. Дверь и проход, такие же, как внизу, поднимаются по четырем ступеням в углубление, а не в окно, в северной стене верхнего этажа. Эта боковая дверь заострена, но это, по-видимому, следствие современного булыжника. Следует также отметить, что четыре полых угла первого, или государственного, этажа окаймлены меловым ясенем. Пол не опирался на отмокку, стены были толщиной с подвал.

Высота второго, или верхнего, этажа составляла около 15 футов. На уровне пола имеется отступ, уменьшающий восточную и западную стены примерно на 2 фута. В этом этаже четыре окна в широких нишах. Те, что расположены на западной, восточной и южной сторонах, являются центральными. Четвертое окно находится в восточной части северной стены, центр которой занимает камин, значительно модернизированный, но, судя по смещению окна, являющийся оригинальным. В южной стене, ближе к юго-восточному углу, дверь ведет в небольшой садик с двумя вентиляционными отверстиями, выходящими на наружную стену, и петель над ними. За этим исключением, на этом этаже нет ни одной настенной камеры, что необычно, поскольку стена достаточно толстая, чтобы их выдержать. Однако в западной стене, недалеко от северного конца, есть один косяк замурованной двери, которая,

возможно, предназначалась для сообщения с лестницей или с настенной камерой. По-видимому, она так и не была завершена. Четыре угла этой комнаты, как и в комнате ниже, облицованы меловым ясенем, а оконные ниши имели и до сих пор имеют круглоголовые арки. Этот этаж очень труднодоступен, но на него можно было подняться по лестнице во время записи этих замечаний. Стены, очевидно, в основном оригинальные, хотя и сильно потрепанные семьей Картеров, когда они здесь жили. Углубления также оригинальны, но сами окна представляют собой кирпичные вставки в виде двух арочных фонарей.

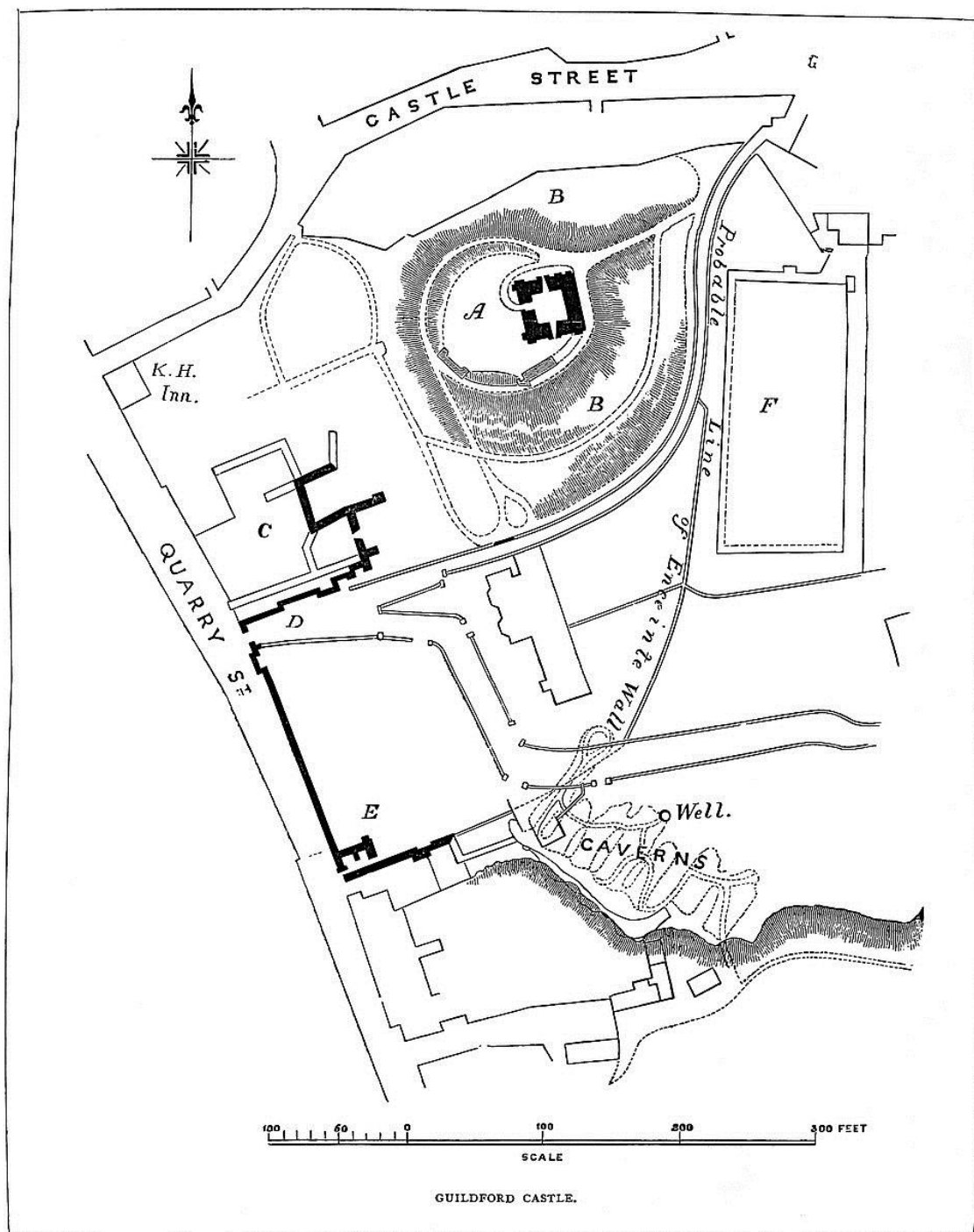
Следует заметить, что восточная стена, хотя и очень толстая, не пронизана галереями, и, за исключением двух окон, абсолютно цельная от основания до вершины. Вероятно, цель заключалась в том, чтобы, поставив эту массу прочной кладки на твердую землю, дать опору трем другим сторонам и тем самым предотвратить их сползание вниз по склону кургана, как это произошло с некоторыми гораздо более легкими и поздними зданиями в аналогичном положении в Кардиффе.

Уже говорилось, что крепость стоит на юго-восточном склоне кургана, следовательно, к западу и перед входом в нее находится почти вся вершина стола. Она была обнесена круглой стеной, похожей на раковинный домик, высотой около 25 футов, которая, отходя от юго-восточного угла дота, шла вокруг кургана, начинаясь примерно на половине его высоты, пока не достигла северо-восточного угла дота, на стыке которого, похоже, находились ворота. От этой круговой стены сохранилась примерно половина, либо в виде фундамента, либо в виде фактической части. Фрагмент стены толщиной около 5 футов и высотой 20 футов, очевидно, относится к дате постройки замка: в его меловой кладке использовалась та же тонкая красная плитка. Также в этой стене находится оригинальный гардероб, состоящий, по-видимому, из трех этапов: один на уровне палаты, один на полпути вверх и один на бойницах; все три, по-видимому, объединялись в общую шахту, жерло которой видно за основанием стены.

Пространство, отгороженное таким образом крепостью и круговым занавесом, было внутренней палатой. Как достигалась главная дверь крепости, неизвестно. Здесь не было обычного переднего здания, как в Норвиче или Рочестере; окружная стена и возвышенное положение храма сделали это ненужным. Ряд небольших отверстий на уровне двери, возможно, относится к своего рода деревянной площадке, до которой можно было добраться по лестнице из того же материала. Говорят, что в этом отделении был колодец, расположенный примерно в 6 футах от западной стены замка, к югу от двери.

Осталось описать две палаты. Линия *окружения* замка, по-видимому, была следующей: Начиная с угла Касл-стрит и Кворри-стрит, где, вероятно, находилась башня на месте нынешнего трактира "Королевская голова", западный фасад проходил по линии Кворри-стрит, мимо больших ворот, до башни с постерном, которая до сих пор обозначает юго-западный угол замка. Далее стена шла на восток, пока не достигла границы внепароходной земли, а затем, по линии этой границы, вероятно, пошла по изгибу контркарпа главного рва в направлении коттеджей Боулинг Грин. Там, на платформе в конце дамбы, несомненно, находился барбакан, прикрывавший прямой подход к замку. Далее стена, по-видимому, продолжалась вдоль линии рва, показанной изгибом Касл-стрит, пока снова не достигла Кворри-стрит, таким образом, огородив территорию, которая вполне соответствует площади замка при продаже в 1612 году, которая описывается как 5 акров, 3 руда, 10 перчей; или почти шесть акров. Из этой площади часть к северу от больших ворот была отгорожена занавесом, часть которого сохранилась, и который, похоже, поднимался по кургану до *входа* во внутреннюю палату. В этом, среднем отделении, находились зал и главные здания, как видно из значительных, хотя и фрагментарных, норманнских стен, две из которых,

образующие две стороны большой камеры, очень совершенны, а одна пронизана очень совершенной норманнской оконной нишей и петель.

ГИЛДФОРДСКИЙ ЗАМОК.

Что находилось на территории к югу от ворот, в которые вел постерн, неизвестно. Здесь долгое время находились сады начальника тюрьмы, когда замок использовался для этих неблагородных целей, и в нем находится знаменитый колодец, связанный с пещерами.

Большие ворота на Кварри-стрит, хотя и большие, в настоящее время представляют собой просто отверстие, возможно, эпохи Генриха III, в более древней и, вероятно, норманнской завесе. Были ли они связаны со сторожкой, точно неизвестно, но, как уже говорилось, в кладке есть указания на то, что так оно и было. Кроме того, паз портакуллиса велик, и столь тяжелая решетка не могла бы работать без камеры наверху, где находилась бы лебедка. Снаружи ворот находятся два контрфорса, которые имеют поздний норманнский аспект. Один из них почти идеален, другой был заменен кирпичом, но, вероятно, на старом основании. Юго-западный угол фасада Каменоломни отмечен незначительными остатками башни-постаменты, прилегающей стены и большого контрфорса, все они явно поздненормандские. К северу и востоку стены полностью удалены, но в этих кварталах линия рва дает представление о первоначальной границе. Протяженность заложенного таким образом *энсинта* составляет около 535 ярдов; наибольший северный и южный диаметр - 170 ярдов, а восточный и западный - 140 ярдов. Фасад Кварри-стрит прямой, его длина составляет 138 ярдов, а ворота находятся почти посередине. От башни-столба до конца проезжей части - 213 ярдов, а до угла "Королевской головы" - 184 ярда.

Капитан Джеймс обнаружил следы линии стены, проходящей параллельно Хай-стрит и примерно в 30 ярдах к югу от нее, которая, возможно, являлась границей огороженной территории, примыкающей к замку, как и внепарковые земли на востоке и юго-востоке, но на самом деле обороняемая территория замка была такой, как описано выше.

Можно также отметить, что Карьерная улица, проходящая вдоль подножия западной стены замка и лежащая между ним и рекой, кажется, была защищена с этой стороны уже упомянутым низким обрывом и осыпью, поддерживаемыми, вероятно, подпорной стеной, от которой остались следы и косяк ворот; в то время как существует традиция о воротах, пересекающих улицу рядом с портиком замка, которые, вероятно, охраняли подход к городу с юга, единственного квартала, с которого можно было бы ожидать враждебного подхода.

Не только остатки домашних построек носят поздний норманнский характер, но и среди ремонтов зала в правление Генриха III упоминаются две опоры, выходящие за пределы перпендикуляра, что является достаточно убедительным доказательством того, что зал напоминал Окхэм и Лестер и был норманнского происхождения. В целом, достаточно очевидно, что вся территория замка была огорожена его первоначальным основателем, и не позднее середины двенадцатого века, а отдельные фрагменты стен и зданий по сути относятся к той же дате, что и замок. Замок находится в приходе Святой Марии, граничащем на северо-востоке с Троицким, а на востоке - с внеприходским участком, происхождение которого неизвестно. Вероятно, *энсинт* занимал всю резиденцию королевских саксонских владельцев.

Те, кто предполагал, что *территория* замка простиралась до нынешней Хай-стрит, считали доказательством этого два известных склепа, сохранившихся там. Один из них, на южной стороне, писатель посетить не смог, но другой, расположенный прямо напротив первого и примерно в 160 ярдах от крепости, он осмотрел, и утверждает, что оба они одинакового возраста и размеров и очень похожи.

Северный склеп, расположенный под гостиницей "Ангел", представляет собой прямоугольную камеру размером 31 фут на север и юг, 19 футов на восток и запад, разделенную на два нефа и шесть отсеков двумя центральными опорами. Опоры представляют собой простые цилиндры диаметром 18 дюймов и высотой 5 футов 6 дюймов. Основания теперь скрыты; опоры без крышек и совершенно просты. Крыша сводчатая, 10 футов 3 дюйма от пола до карниза, желобчатая и ребристая. Арки каплевидные и

остроконечные, ребра с фасками и отходят от резных карнизов в стене. В южном конце каждого нефа находится оконная ниша, сходящаяся и поднимающаяся к петле на уровне улицы. Вход осуществляется через узкую арочную дверь, открывающуюся из восходящего прохода, сводчатого, с висячими ребрами. Она открывается в небольшую камеру, расположенную к северу от свода и на 4 или 5 футов выше него, откуда, вероятно, вела еще одна узкая дверь на уровень земли. Крипта датируется тринадцатым веком, и совершенно ясно, что она никогда не была продолжена на юг в сторону другой крипты, а всегда и только освещалась, как и сейчас, с уровня улицы. По всей вероятности, это был подвал какого-то значительного общежития, расположенного, как и сейчас, на Хай-стрит, которая в двенадцатом и тринадцатом веках, как и сейчас, была, вероятно, главной магистралью города.

В непосредственной близости от замка и, более того, под южным краем его *ансинта*, находятся знаменитые пещеры, которые недавно были исследованы и впервые правильно спланированы капитаном Джеймсом, чей превосходный рассказ о них хорошо известен. Эти пещеры вырыты в меловой породе, которая образует скалу к югу от города, и от основания которой в них входят. Меловая порода здесь наклоняется к северу под углом около десяти градусов, и самый твердый слой, наиболее подходящий для строительства, лежит у основания скалы и имеет толщину около 6 или 7 футов. Этот пласт в значительной степени добывался открытым способом "ямочного ремонта" в разрушенном грунте к югу от утеса, который, действительно, очевидно, является искусственным и образовался в результате этих раскопок, и только когда пласт стал слишком глубоким для такого способа работы, каменоломщики прибегли к горным работам. Эти более поздние работы в общем плане состоят из галереи, параллельной скале и находящейся в нескольких футах от нее, от которой под прямым углом к северо-востоку отходят восемь параллельных стоек. Крайние точки раскопок находятся на расстоянии чуть более 55 ярдов к северо-западу и юго-востоку, 32 ярда к северо-востоку и юго-западу; однако площадь раскопок составляет всего около 1150 ярдов, а кубическое содержимое - около 2330 ярдов. Один только план показывает, что они были открыты для каменоломен. Но, кроме того, несмотря на то, что было извлечено много твердого мела, котлован почти завален огромным количеством "мелочи", образовавшейся в результате неумелой работы, и через которую проложены узкие тропинки, чтобы подобраться к забою. Очевидно, что это не *обломки*, принесенные сюда, и не следствие падения крыши, которая на удивление прочна. Это просто обломанный мел, который был отброшен шахтерами и остался нетронутым. Характер и наличие этого мусора не только показывают, что выработка была каменоломней, но и то, что она никогда не использовалась ни для чего другого - ни для зернохранилища, ни для погреба, ни для человеческого жилья, поскольку нигде не было расчищено ни одной части пустот, чтобы освободить их для этих целей.

Почти в самой глубокой части выработки, на глубине около 60 футов, пещеры были пробиты колодезем, затопленным, как говорят, в саду губернатора старой тюрьмы. Этот колодезь был проведен через каверны, если в него попала вода, вероятно, на глубину еще ста футов, но впоследствии он был закрыт досками на уровне пола каверны, и так до сих пор и остается. Труба колодца, расположенного выше, очень грубая, как будто ее прокладывали неумелые рабочие - возможно, каторжники, - и вся в пятнах, как будто ее использовали в качестве выгребной ямы. Кроме того, на многие ярды вокруг мусор, который в других местах был чисто белым, стал темным и грязным, как будто, не добравшись до воды, или после того, как колодезь был использован для этой цели, он сталместилищем всех нечистот тюрьмы.

Что касается возраста этих каменоломен, то нелегко составить обоснованное мнение. Предполагается, что они были построены в Британии, и для них были найдены различные применения, совершенно не соответствующие их внешнему виду. Единственный аргумент в пользу такого происхождения был упущен. Город находится в сотне Уокинг, а Уокинг, как и Уоки в Мендипе, может быть корнем британского "огоф" (fovea), пещера. Но Уокинг никогда не был названием города, а материальные свидетельства о пещерах не говорят в пользу этой теории. Они точно не британские: план выработок исключает такую точку зрения. Несомненно, они могут быть римскими, но поблизости нет никаких следов римских построек, а мела, даже твердого, слишком много вдоль всего хребта, чтобы его можно было переносить на большое расстояние. Наиболее вероятным мне кажется предположение, что они были открыты строителями нормандского замка, которые использовали мел для внутренних работ, да и для многих других, более открытых, работ. Каменоломни не сообщаются ни с одной из частей замка. Там, где они нарушают его границы, они слишком глубоки, чтобы их можно было использовать во время средневековой осады.

ЗАМОК ХАРЛЕХ, МЕРИОНЕТ.

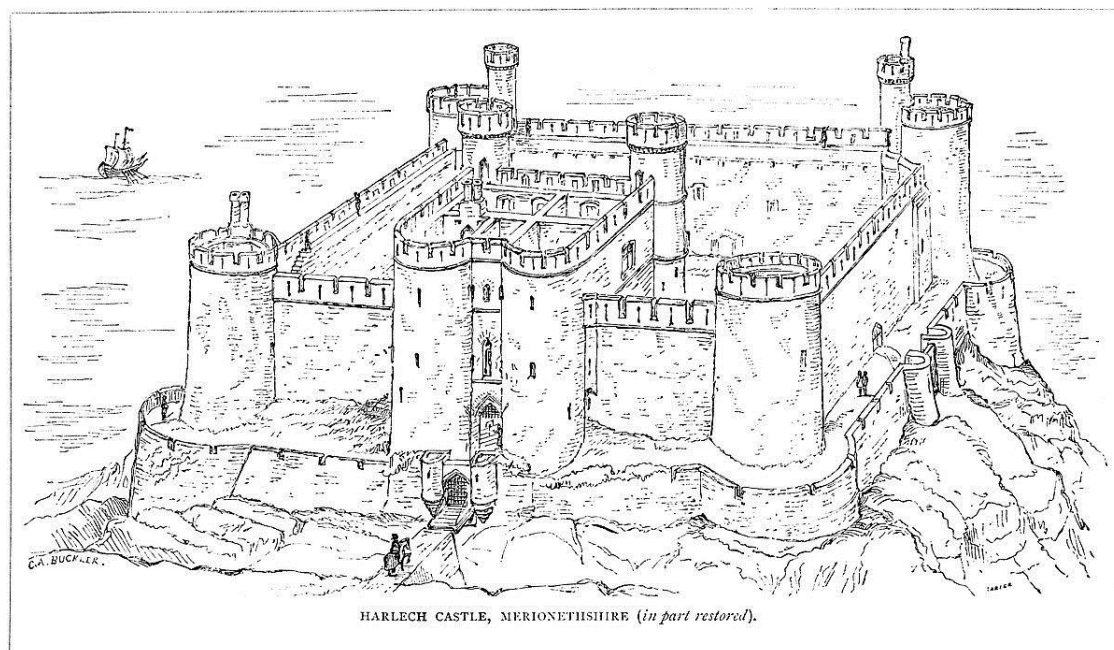
ОПИСАНИЕ.

Замок Харлех расположен на изрезанном скалистом мысе, выступающем вперед на побережье Мерионета над широкой аллювиальной равниной, известной как Морфа Харлех, недалеко от ее южной и узкой оконечности. Шесть веков назад, когда Траэт был эстуарием, и волны, возможно, омывали подножие скалы, Харлех, как сейчас Криккайет, был, вероятно, доступен по воде, и это обстоятельство, вероятно, определило его основателя при выборе места. Несмотря на то, что скала Харлех находится на высоте всего 200 футов над уровнем моря и связана с гораздо более высоким фоном, она, тем не менее, представляет собой очень яркий объект, и благодаря чрезвычайной смелости своих очертаний и почти изолированному положению оправдывает свое весьма значительное название. С нее открывается одна из самых замечательных перспектив в Британии. Перед ним - залив Каэрнарвон с его обширным песчаным берегом, справа - Сноудон и подчиненные ему вершины; затем возвышенность, поднявшись до высот Карн-Мадрин, Карн-Бодфуан и Ир-Эйфл, постепенно опускается к заливу Абердарон, Саунду и острову Бардси. Каэрнарвон и Конвей - крепости более богатые по характеру и более обширные по площади, но они не равны Харлеху ни по природной силе, ни по грандиозности положения; в этих отношениях Бомарис, хотя и расположен в самом центре группы Сноудона, ни в коей мере не превосходит его.

Харлех - это концентрический замок эдвардианского типа, который является простым и превосходным примером. Он состоит из центрального четырехугольного корпуса, заключенного в четыре высокие куртины и увенчанного с каждого угла барабанной башней, выступающей на три четверти. В центре прибрежной или восточной стороны находится большая сторожка; напротив нее, впритык к куртине, расположены остатки зала и хозяйственных построек, а к ним, с северной стороны, примыкает часовня.

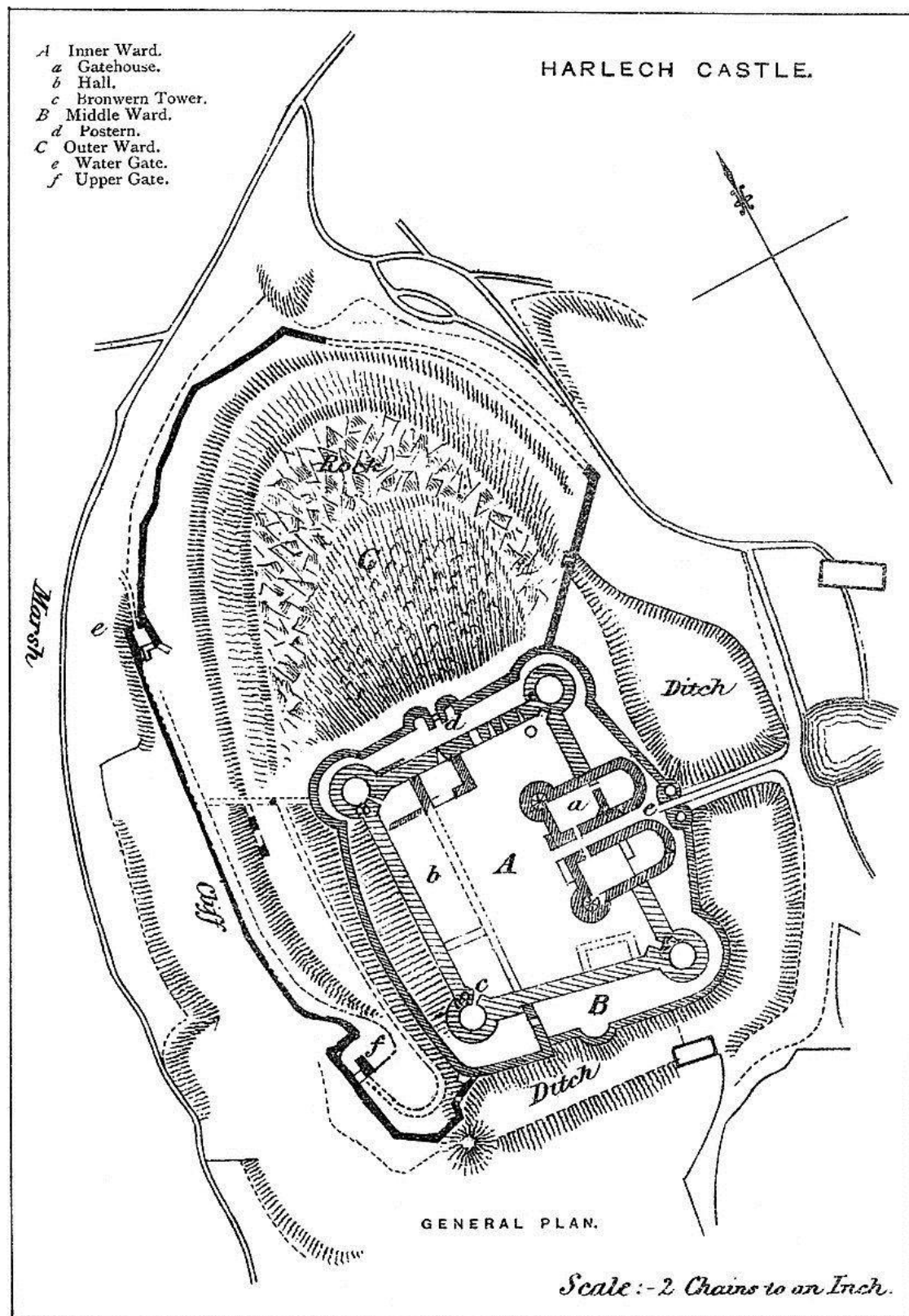
Главный или *Внутренний придел*, составленный и занятый таким образом, находится внутри второго или среднего придела, который в целом похож на него в плане, за исключением того,

что четыре угла не симметричны: один просто закруглен, два других увенчаны более или менее трехчетвертными бастионами, а четвертый закруглен с одной стороны и выполнен в виде бастиона с другой. В центре южной стороны находится полукруглый бастион меньшего размера, выходящий подпорную стену вниз; а в центре северной стороны - два других, также небольших, между которыми находится почтовый ящик этой средней палаты. На восточной стороне, напротив большой сторожки, находятся две "турели", или круглые башенки, выходящие из стены, и части небольшой низкой сторожки, в которой находились внешние ворота.

Замок Харлех, графство МЕРИОНЕТШИР (частично восстановлен).

ЗАМОК ХАРЛЕЧ.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^y. Лондон.

- Внутреннее отделение.
- *a* Гейтхаус.
- *b* Холл.
- *c* Башня Бронверн.
- *B* Среднее отделение.

- d Постерн.
- C Внешнее отделение.
- e Водяные ворота.
- f Верхние ворота.

Средняя палата узкая и неодинаковой ширины, от 8 до 30 футов. Она находится ниже уровня внутренней палаты, а земля за ее пределами - на 10-15 футов ниже; ее стены представляют собой выступы, увенчанные парапетом, высота которого, по-видимому, варьировалась от 6 до 12 футов; в последнем случае он имеет пандус, к которому ведут открытые ступени. Несколько бастioned, по-видимому, возвышались немного выше парапета, и каждый из них содержал низкую камеру, вероятно, с плоской крышей. С восточной и южной сторон крепость защищена широким и глубоким сухим рвом, вырубленным в скале и идущим до самого обрыва. С двух других сторон его прикрывает внешняя часть, имеющая значительную ширину, но состоящая по большей части из крутых склонов и обрывистых выступов скалы. Часть этой палаты, обращенная к западу или к морю, содержит длинный проход, который поднимается нижним траверсом от водяных ворот у подножия скалы, частично опираясь на полку скалы, и который вторым и верхним траверсом достигает почтового ящика средней палаты.

Если перейти к деталям, то двор внутренней палаты составляет около 164 футов на север и юг, 132 фута на восток и запад. Противоположные стороны не совсем равны, а углы не прямые, хотя и почти такие. Занавесы высотой около 40 футов; толщина западного занавеса - 10 футов, остальных - 11 футов. Толщина парапета составляла 3 фута, а задней стены - 2 фута, оставляя для прохода от 5 до 6 футов. Две западные башни круглые, диаметром 34 фута, три четверти их окружности открыты наружу. Внутри стена ущелья заполняет угол встречи куртин и содержит входную дверь. Подвальная камера находится ниже уровня внутренней палаты и имеет круглую форму. Первый этаж на уровне палаты многоугольный, как и два верхних этажа. Ни один из них не сводчатый, а подвал не имеет ни петель, ни лестниц для входа. Каждая из этих двух башен имеет колодезную лестницу на стыке с западной куртеной, освещаемую пятью петлями, расположенными одна над другой в полом углу между башней и куртеной, снаружи. Лестница поднимается на 20 футов выше башни, в круглую башенку, укрепленную на небольших косоурах. Каждая башенка имеет дверь на крышу башни. Лестницы начинаются на втором этаже, на уровне с внутренней палатой, и открываются на каждом этаже, но не на валы куртины. На верхнем этаже расположены каминь с колпаками.

Снаружи башни возвышаются над землей без уклона и оцепления, но две струнные дорожки отмечают уровень двух верхних этажей. Лестницы разрушены, и верхние помещения недоступны; но некоторые внешние петли показывают существование двух ярусов небольших камер (несомненно, гардеробов) в северной и южной куртеной, где они соединяются с башнями. Кроме того, с внешней стороны каждой из этих куртин, рядом с башней, находится широкий плоский контрфорс, выложенный для того, чтобы дать пространство и поддержку этим камерам и содержать канализационную трубу от них. На северной стене контрфорс сложен из хорошего пепла возраста башни. На южной стене он грубой, некачественной работы, как будто добавочный. Возможно, был перестроен. В северной куртеной, похоже, есть третья камера на более низком уровне. Слив здесь не виден; на южной стороне он открыт. Там, где эти башни пересекаются с пандусом, они его перекрывают; поэтому через угол проходит своеобразная галерея на карнизах, и таким образом, как и в Конвее, пандус продолжается.

Две восточные башни похожи на остальные по общим чертам и размерам, но отличаются в деталях. Их подвалы имеют одну петлю в сторону среднего отделения, а первый этаж на уровне внутреннего отделения представляет собой неправильный пятиугольник в плане, один из углов которого квадратный. Двери находятся в стене ущелья, но ведут не прямо в башню, а только на лестницу. В юго-восточной башне лестница поднимается в северной стене, изгибаясь вместе с ней и развиваясь, причем правая ветвь ведет на второй этаж башни, откуда только с помощью сифона и спускающейся лестницы можно было попасть на первый этаж и в подвал. Этот этаж, как и все остальные, был деревянным, и с него, с западной стороны, начиналась вторая лестница, которая, изгибаясь вместе со стеной и имея при себе небольшой садик, поднималась к валам южной куртины. Возвращаясь к нижней лестнице, ответвление влево выходит на внутреннюю сторону восточной куртины и поднимается по узкой открытой лестнице, опирающейся на косоуры, через стену ущелья башни и по внутренней стороне южной куртины к ее валам. На крышу и валы башни ведет наружная лестница с вала восточной куртины. Петля в углублении между стыком этой башни и южной куртины отмечает место уже упомянутого садового домика. Над ним на бойницах башни находился второй, а у основания стены - большой плоский коллектор, спускающийся с обеих. Юго-восточная башня носит имя Мортимера, а юго-западная - Бронвен, прекрасногрудой сестры Брана Благословенного.

Северо-восточная башня, башня должников или оружейников, имеет дверь в ущелье, выходящую слева на колодезную лестницу диаметром 8 футов, которая поднимается только на второй этаж, откуда на первый этаж и в подвал вела лестница-ловушка. Второй этаж - семигранный, ниже - цилиндрический. Как и в юго-восточной башне, со второго этажа на валы куртины вела отдельная лестница, а на этой изогнутой лестнице находится гардероб, петля которого видна на стыке башни с северной куртиной, а устье или жерло - на уровне земли. На крышу этой башни, как и другой, ведет наружная лестница. Эти две башни, не имея колодезных лестниц на крышу, не имеют и подчиненных башен. То, что все эти четыре башни имели плоские крыши, ясно из расположения двух карнизов в каждой из них, очевидно, предназначенных для крепления балок-молотов или стоек к одной главной балке, которая пересекала проем и, таким образом, могла выдерживать большой вес.

Большая сторожка имеет 80 футов в ширину и 54 фута в глубину, кроме того, у нее есть два полукруглых выступа в передней части и две трехчетвертные выступающие лестничные башни диаметром 24 фута на внешних углах задней части, первые фланкируют вход, а вторые сообщаются с каждым этажом и валами. Входной проход, длиной 54 фута и шириной 8 футов, сильно изуродован, но, похоже, имел внешний разводной мост, две решетки, складные двери и решетку на внутренней стороне. Входной портал имеет внутри "мачекуле", или "мортиер", то есть отверстие из камеры наверху, а за ним - портупею. Далее следует проход длиной 11 футов, пересеченный двумя ребрами, вторым портупеей и порталной аркой, на которую опирается западная стена часовни. Далее следует еще один проход длиной 20 футов, в который ведут ворота, открывающиеся во внутреннюю палату, и который пересекают пять широких ребер с четырьмя открытыми пространствами. В конце этого прохода находится третий порткуллис, паз которого теперь закрыт на уровне, слишком низком для того, чтобы решетку можно было поднять на высоту телеги, а в арке над ним находится квадратная полость или "мачекула". Похоже, что во время возведения стены было решено не использовать эти пазы, а отверстие должно было занять место решетки в качестве защиты. За ним находится внутренний портал, который, как и внешний, не имеет фальца для двери. В переднем отделе этого длинного входа, между двумя внешними решетками, находятся две петли из боковых лож, в которые ведут две двери, расположенные ближе к внутреннему концу. Этот проход был покрыт досками - полом вышерасположенных

помещений, который опирался на каменные ребра. Здесь, как это часто бывает, паз порткуллиса заканчивается на высоте от 1 фута до 18 дюймов над порогом двери, что свидетельствует о том, что шипы на нижнем конце решетки были именно такой длины. Этот длинный входной проход еще более удлинен благодаря двум неравным опорам на его внутренней стороне. Они представляют собой блоки каменной кладки толщиной 10 футов. В той, что находится на юге или слева, была дверь, из которой узкая лестница из двух пролетов поднималась на первый этаж. Пирс справа имеет меньшую ширину и служил лишь опорой для арки, которая соединяла их, содержала и продолжала входной проход, и на которой находилась площадка у лестницы.

Цокольный этаж сторожки находится на уровне земли. С каждой стороны прохода расположены по две палаты, передние занимают полукруглый выступ и выходят петлями на поле. Вход в них осуществляется из задних палат, прямоугольных, с дверями с заплечиками из проезда и в колодезную лестницу. Северная палата имеет камин в юго-восточном углу. Две южные палаты сообщаются через большую арку, а северная - только через дверной проем. Есть также два верхних этажа, разделенных, как указано ниже, на которые ведут две большие колодезные лестницы. Здесь просторные и красивые комнаты, по две на каждом этаже, с большими окнами в два света в западных и больших комнатах, и во всех есть камин с каменными колпаками. Восточные комнаты внизу имеют в плане форму полукруга, а выше - многоугольника. Между боковыми комнатами и над входным проходом находятся две узкие палаты, неравноценно разделенные поперечной стеной. Восточная - ораторий, с небольшим остроконечным восточным окном над входными воротами замка, а рядом с ним, в южной стене, находится piscina, которая находится в подоконнике небольшого окна, открывающегося в маленькую фресковую камеру, ризницу. В северной стене находится аналогичная камера, но без окна. В обе комнаты можно попасть из оратория. Как и в Йорке, Чепстоу и других местах, этот ораторий служил также камерой с портупеей, а пол был деревянным, с сифонами для прохода решеток при поднятии. Решетки были подвешены к своду сверху, как это можно видеть и сейчас. Другая, более крупная камера, расположенная над западной частью прохода, также имела деревянный пол. В ней было западное двусветное окно над внутренним порталом, а к северу от него - круглоголовый дверной проем. Порткулиса, если бы ее подняли, заблокировала бы этот вход, поэтому, когда дверь открывали, она останавливалась. На месте окна виднеется мачекула. Верхние покои недоступны, но, похоже, они аналогичны нижним, а над первым находится второй ораторий с меньшим восточным окном - очень необычное расположение. Этот этаж сообщается по бокам с валами куртины, и на стыке с каждой стороны находится настенный садик. С южной стороны настенная лестница спускается к двум камерам на разных уровнях, обе в куртине. На северной стороне все устроено иначе. Там настенные сады частично поддерживаются выступом на уровне первого этажа, выведенным в угол между сторожкой и куртиной, снаружи, и вентиляционное отверстие, вероятно, находилось между ними. Выше, на уровне вала, половину толщины стены занимает гардеробная камера, боковая часть которой разрушена. Несколько дымовых шахт собраны в центральную группу, каждая из которых имеет смелую главку с простым валиком.

Бытовые постройки располагались против занавеса на западной стороне внутренней палаты. Считается, что кухня находилась в северной части, включая в свои пределы подвал северо-западной башни. Однако более вероятно, что это была отхожая комната, расположенная между залом и часовней. Мрачный уголок, несомненно, но государственные покои, очевидно, находились в сторожке. Вряд ли кухня изначально была спроектирована между залом и часовней. Поперечная стена, сохранившаяся до сих пор, но выглядящая либо современной, либо перестроенной, образовывала северный конец зала, а углубления в

западной стене куртины несли молотовые балки его открытой крыши. В этой стене сохранились остатки большого камина, колпак которого исчез, а нижняя часть недавно была перестроена. По обеим сторонам - разбитые проемы двух окон, а в стене, у ее южного конца, - дверь с сегментной головкой, ныне замурованная, но, очевидно, являвшаяся столбом. Рядом с ней также находятся два небольших окна, одно из которых, по-видимому, освещало галерею, а другое - пространство под ней. Расположение галереи не вызывает сомнений, но стена за ней, образующая южный конец зала и ныне удаленная, не имела связи ни с занавесом, ни с восточной стеной. Большая часть этой восточной стены, внутренней стены зала, исчезла. Ширина зала составляла 30 футов. Крыша, по-видимому, была высокой, и вдоль западной стены сохранилась часть лепнины водосточного желоба. На полу, в северо-западном углу зала, была построена большая каменная печь, облицовка которой сильно закопчена. Вероятно, она была вставлена, когда замок использовался в качестве тюрьмы.

К югу от зала находится значительное пространство, простирающееся до стены ущелья башни Бронвен, в восточной стене которого сохранились остатки двери и двух окон. Вероятно, здесь, в задней части галереи, находилась кухня, а ряд кронштейнов за восточной стеной поддерживал пристроенную к ней и рядом с ней приставную постройку; у южной стены находится прямоугольная яма - подземный этаж какого-то здания, ныне демонтированного. Если кухня находилась в этом конце, то камин в зале располагался немного ниже помоста, что весьма вероятно.

Часовня, более поздняя постройка, располагалась у северной стены. Ее восточная стена и остроконечное окно сохранились. Южная стена исчезла. В центре северной куртины находится сегментный арочный дверной проем, очевидно, почтовый, почти противоположный тому, что был в средней палате. Он сильно изуродован и, похоже, не имел портупей. Стена к востоку от него пробита тремя петлями на высоте 4 футов от уровня земли. По крайней мере, одна петля находилась к западу от столба. Колодец находился в северо-восточном углу двора. Недавно он был открыт на несколько футов вниз.

Средний двор не представляет особого интереса. С северной стороны он имеет ширину 15 футов, и, следовательно, между двумя его кругами, расположенными на расстоянии 10 футов друг от друга, открывался столб шириной 8 футов, ныне замурованный. С западной стороны палата имеет ширину 27 футов и образует благородную террасу с видом на море и подходом к водным воротам. Зал выходил окнами в эту сторону, и на него выходила пристройка. С южной стороны несколько ступеней спускаются примерно на 10 футов в юго-западный бастион. Вероятно, здесь находилась поперечная стена с дверным проемом. Повернув к юго-западному углу, земля снова поднимается к двери в стене, которая пересекает южную террасу у ее западного конца. На этой стороне стены находится центральный полукруглый бастион, на разрушенном парапете которого видны следы петли и гардероба. На оставшейся, восточной стороне находится большой вход. Здесь ворота, венчающие невысокий солончак, обрамлены двумя хоругвями. Портал разрушен, и теперь неясно, как он был связан с внутренней сторожкой. Вероятно, короткий промежуток между ними был арочным и имел боковые дверные проемы в среднюю палату. От внутренних ворот к мосту спускались двадцать ступеней, так что ни лошадь, ни повозка не могли въехать этим путем.

Оборонительные сооружения за пределами средней палаты - это ров, внешняя палата, а также водные ворота и проход. Ров охватывает только восток и юг, две прибрежные стороны. Он вырублен в скале, имеет ширину около 60 футов и глубину 20 футов, с вертикальными сторонами. На его обрыве возвышается стена средней палаты, а контрэскарп, где скала была разрушена, также облицован каменной кладкой. С обоих концов ров упирается в

отвесную скалу. Через него, к главному входу, вел мост, на котором, как говорят, было два проема с разводными мостами. Теперь все это представляет собой сплошную насыпь.

Хотя замок стоит на мысе скалы, между его стеной и настоящим утесом, в котором скала заканчивается внизу, есть изломанное пространство, и именно это пространство, лежащее к западу и северу, было огорожено внешней стеной, стена которой венчает утес и, где необходимо, поддерживается укреплением. Эта внешняя стена начинается под северо-восточным бастионом среднего отделения, откуда дверь со ступенями, похоже, вела вниз на 10 футов к его валам. В этом месте стена очень прочная, высотой около 14 футов, с парапетом на западной стороне, что защищает ров и главный мост от врага, который может завладеть внешним приходом и повернуть на восточный фланг. Однако вполне вероятно, что стена имела двойной парапет, поскольку ниже, где стена обращена на север, парапет находится на этой стороне. Рядом с бастионом в этой стене, по-видимому, была дверь, дававшая проход из внешней палаты в ров. Ниже, где стена упирается в скалу, она тоньше и местами сильно разрушена. Еще ниже она более совершенна и гораздо прочнее, и там, где она поворачивает к северо-западному углу скалы, напротив железнодорожной станции, она имеет большую толщину, а также вал и парапет в сторону моря, над уровнем которого она находится на высоте около 30 футов; рядом с этой точкой находятся нижние водяные ворота, обычный столб, в небольшом прямоугольном выступе в стене. Проезжая часть длиной около 5 или 6 ярдов, вырубленная в скале, поднимается от болота на 10 или 12 футов, и на ней, перед порталом, находился разводной мост с ямой глубиной 12 футов, а внутри портала - короткий проход, закрытый, по-видимому, дверью, но без портупей. За ним открытая лестница, вырезанная в занавесе, поднималась к укрепленной площадке над воротами. От нижних ворот дорога ведет вверх по довольно крутому проходу, образованному частично с помощью полки, а частично путем разработки скалы; внешняя сторона защищена стеной высотой от 8 до 10 футов и толщиной от 2 до 3 футов, петляющей примерно через каждые 20 футов. Поскольку внутренняя сторона проезжей части представляет собой неровную поверхность скалы, она сильно варьируется по ширине - от 6 до 12 футов и более. Эта дорога, непрерывно поднимаясь, покрывает всю морскую сторону скалы замка и на высоте 70 или 80 футов заканчивается у средних ворот, которые находятся примерно на 20 футов ниже основания юго-западного бастиона средней палаты. Здесь в скале находится вторая сторожка, укрепленная так же, как и первая, с разводным мостом и глубокой ямой, которая внизу имеет две арки, одну для стока воды из ямы, а другую, которая может служить только для поддержки боковой стены сторожки, но может быть и канализационной трубой из замка. Снаружи ворот находится платформа, которая упирается в стену прохода внизу, а выше и внутри ворот - широкий бастион, откуда начинается второй траверс. В этом месте конец главного рва находится чуть ниже стены бастиона, и к нему вела небольшая дверь и несколько ступеней, ныне исчезнувших.

Теперь дорога делает полный поворот и начинает новый траверс, который поднимается гораздо более полого, чем тот, что находится внизу. До среднего фронта замка она опирается на подпорную стену и два небольших квадратных контрфорса или башенки, следы которых видны на выступе скалы. Миновав их, где дорога подходит к северо-западному бастиону среднего корпуса, ее пересекала стена и дверной проем, от которых сохранились следы, разделявшие внешний корпус на две части. Выше этого прохода дорога поворачивала на восток и поднималась к центру северного фронта, где доходила до бастиона средней палаты и там заканчивалась.

Это все работы, относящиеся к замку, но в нескольких ярдах к северу от скалы была прорублена крутая дорога, по которой людей и лошадей можно было провести от места высадки в замке до деревни, не входя в *энсинт*, хотя и находясь под его контролем.

Ни один человек, знакомый с Каэрфилли, не сможет посетить Харлех и не заметить близкого сходства между двумя замками, в том числе в плане внутренних и средних помещений. Прямоугольный или почти прямоугольный двор, отсутствие кита, барабанные башни, закрывающие четыре угла, общий характер сторожки и ее расположение в центре одной стороны, а также домашние постройки, расположенные у стены внутреннего двора, являются общими чертами для обоих. В каждом из них сторожка также является главной особенностью здания. Кроме того, в обоих случаях следует отметить чрезмерную узость средней палаты, ее укрепление, делающее ненужным более чем парапет, ее стройную и подчиненную сторожку, а также боковой проход, открывающийся прямо через обе палаты. Поскольку Харлех не нуждался в флигелях и внешних воротах Каэрфилли, а Каэрфилли - в водных воротах Харлеха, сходство на этом прекращается, но оно таково, что позволяет сделать вывод, что Генри Элфретонский, который был архитектором Харлеха, изучал Каэрфилли, если, конечно, он не был и его архитектором.

Оборонительные сооружения Харлеха, похоже, рассчитаны на защиту от неожиданного нападения валлийцев, которые, вероятно, были столь же активны, сколь и бесстрашны. Отсюда и очень высокие куртины, и длинный входной мост, и поднимающиеся к главному входу ступени, и размеры среднего отделения, слишком узкого, чтобы позволить какому-либо значительному количеству людей закрепиться там для нападения на внутреннее отделение, и водные ворота, и крытый путь, при строительстве которого естественная прочность скалы была усилена за счет занятия ее различных точек обзора. Была ли в царствование Эдуарда I Морфа Харлех не просто болотом - это вопрос, который должен решить геолог; но либо по мелководью моря, либо по каналу, прорубленному в низине, кажется несомненным, что при планировании замка Эдуард рассчитывал на то, что к нему можно будет добраться через квартал, совершенно независимый от валлийцев.

Хотя общий план Харлеха, очевидно, является работой одного ума, а его исполнение, как правило, датируется одной датой, в нем есть некоторые моменты, которые показывают, что были внесены изменения и дополнения, затрагивающие не общий план, а некоторые его части. Очевидно, что часть занавеса была утолщена примерно на 2 фута: северная и южная стены - за счет дополнений внутри; западная - снаружи. Кроме того, это утолщение, похоже, было решено, когда высота стен составляла 30 футов, так как выше этого уровня они имеют единую массу и дату. Наружная лестница на внутренней стороне большой сторожки также была придумана позже, а дверной проем у ее основания явно не был изначально предусмотрен. Кроме того, шесть окон на этом фасаде сторожки, в двух верхних этажах, были уменьшены по высоте за счет вставки сегментной арки между 2 и 3 футами ниже первоначальной головы; но рисунок тот же, и кладка, заполняющая пространство, похоже, соответствует дате окна, или очень близка к ней. Эти окна имеют своеобразный рисунок. Их два фонаря украшены трилистниками, а в спандрелях также пробиты трилистники. Карнизы вогнутые, а один из них с небольшим углублением, как в раннем перпендикулярном стиле. Тем не менее, они должны быть оригинальными.

Из этих изменений можно сделать вывод, что Эдуард посетил замок, когда работы были далеко продвинуты, а зал, сторожка и нижняя часть северной, южной и западной куртин построены. Занавес сторожки, вероятно, всегда должен был иметь нынешнюю высоту, как в Каэрфилли. Он приказал утолстить остальные три куртины и поднять их на всю высоту куртины сторожки; во исполнение этого приказа утолщение было сделано, где возможно,

внутри, но там, где этому препятствовал зал, снаружи. Верхняя часть поднятых таким образом стен, разумеется, должна была быть одной даты и прочной. В то же время было решено сделать комнаты верхних этажей сторожки государственными, а поскольку пути подъема по колодезным лестницам были признаны непригодными, была построена новая, более прямая лестница и открыта новая дверь в стене. Часовня во внутренней палате, по-видимому, является еще более поздним дополнением.

Характер кладки во всем здании очень грубый, как будто выполненный наспех. Это бутовый камень, и некоторые из них очень плохого качества. Башни выполнены гораздо лучше, чем куртины. Камни крупнее, а их промежутки заполнены с большей тщательностью. Пепел очень хорош, но используется редко и только в перевязках, оконных наличниках, дымовых трубах и оголовках, а также в нескольких наиболее важных дверных проемах. Обычные двери - это просто отверстия в стенах, без фальцев и фасок, с грубыми затылками; а отверстия для канализации, которые можно увидеть под садово-парковыми деревьями, имеют всего лишь длинные камни для перемычек. Каменная кладка крытого пути и водных ворот также очень некачественная, и большая часть боковой стены, как следствие, оторвалась от скалы.

На башнях сторожки и двух западных башнях парапеты выступают на 6 дюймов. Следов отверстий для решетки не обнаружено, но на внешней стороне этих двух башен отверстия для шпунта расположены в виде спирали, поднимающейся с востока на север. В северо-западной башне, на ее восточной стороне, на высоте старого занавеса, находится ряд круглых отверстий на расстоянии около фута друг от друга, и с этого уровня начинается спираль. Совершенно очевидно, что, построив занавес, каменщики выложили здесь платформу, и именно отсюда начиналась спираль, по которой поднимались материалы для верхней части башни. Башня Куси была возведена таким же образом. Во всем здании заметно отсутствие сводов. Он был использован только в оратории и в части входного прохода.

Приведенный здесь вид с высоты птичьего полета сделан с восточной, или сухопутной, стороны, и показывает вход с его огромной сторожкой, которая, как и в Керфилли, пересекает и закрывает узкий внешний проход. Также показан северный столб.

Замок, похоже, избежал обычного демонтажа, который последовал за гражданскими войнами, и ни одна его часть не была взорвана. Однако окружающие свободно использовали его в качестве каменоломни; вместе с железом и древесиной большая часть пепла была грубо оторвана и украдена. Доказательств того, что в период правления Эдуарда I здесь были сделаны какие-либо существенные дополнения или изменения, практически нет, что весьма необычно, учитывая, что долгое время это место было местом проведения ассамблеи, и судьи проживали здесь. В то время это была еще и тюрьма, а окна были сильно зарешечены, решетки образовывали неглубокие клетки перед окнами, как в некоторых итальянских дворцах. Все более поздние постройки, использовавшиеся для судебных или тюремных целей, либо обрушились, либо были удалены. На склоне холма, на небольшом расстоянии к юго-востоку, видна каменоломня, в которой был построен замок. Хотя нынешний замок, безусловно, не старше эпохи правления Эдуарда I, вероятно, около 1280 года, валлийцы утверждают, что они были основателями более древней крепости на том же месте, называемой ими *Caer Gollwyn*, от *Collwyn ab Tangno*, валлийского вождя, жившего в 877 году н.э. Возможно, на таком привлекательном месте и располагался лагерь, но все, что можно увидеть сейчас, будь то земляные или каменные сооружения, явно не старше тринадцатого века. Говорят, что в 1404 году замок был взят Оуэном Глиндуром, а в 1460 году здесь укрылась Маргарита Анжуйская, в память о чем юго-восточная башня некоторое время носила ее имя. Кажется, нет подробного рассказа об осаде 1468 года, когда правителем был

Дафидд аб Иеван аб Эйнион, тот самый, который принял королеву Маргариту и чьим хвастовством было то, что как он держал замок во Франции, пока все старухи в Уэльсе не услышали о нем, так и он будет держать свой валлийский замок, пока он не станет так же хорошо известен во Франции. Похоже, он искупил свое обещание, выдержав долгую осаду и уступив, наконец, на почетных условиях сэру Ричарду Герберту, командующему войсками Эдуарда IV. Харлеч удерживался Карлом I, а в 1647 году сдался по статье генералу Миттону. На печати города изображен замок с тремя башнями, но дизайн, очевидно, условный. Первым констеблем был Хью де Вонкеслоу, назначенный Эдуардом I около 1283 года; последним - покойный У. У. Э. Уинн, эсквайр из Пениарта, такой же хороший человек, как и выдающийся антиквар.

ЗАМОК ГАСТИНГС, САССЕКС.

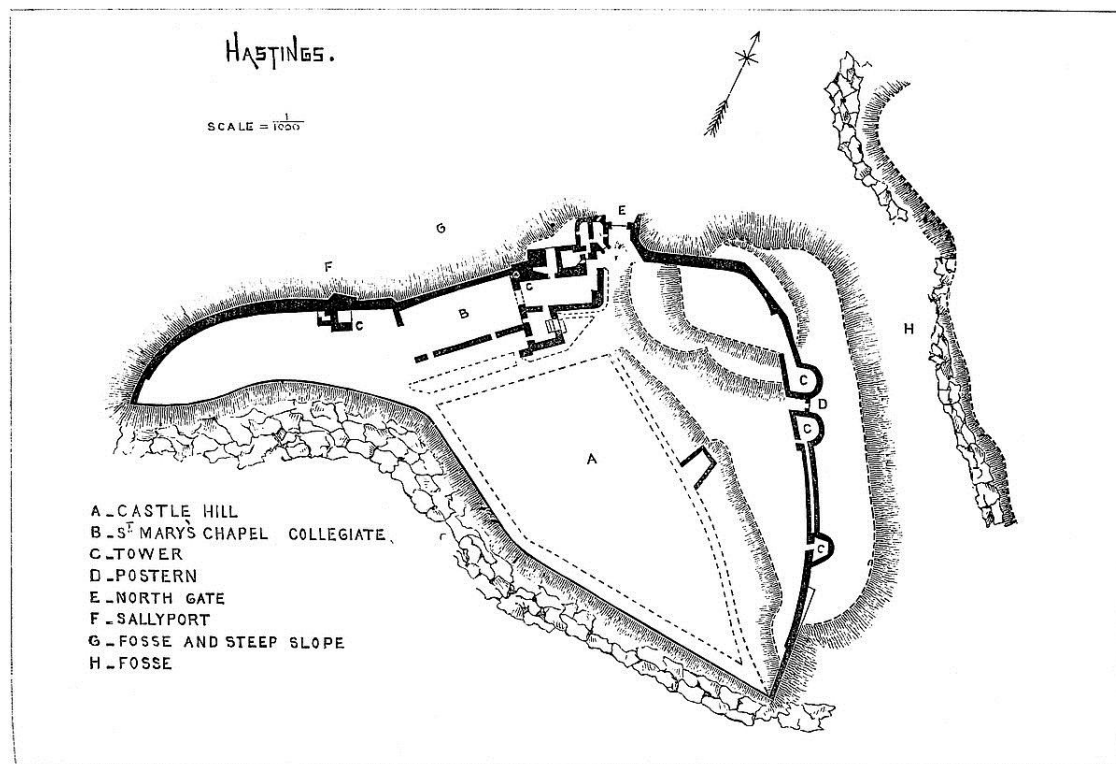
Гастингское изнасилование - самое восточное из шести подразделений графства Сассекс, которое, как предполагается, получило свое несколько своеобразное название от раннего заселения района эмигрантами из Ютландии. Изнасилование Гастингса, вероятно, названо так по его главному городу, который был резиденцией его лордов как до, так и после Нормандского завоевания. Как и другие изнасилования, оно имело свою реку и свой лес, свой замок и свою крепость, часто обозначаемую как "честь". Река Ротер является общей границей Кента и Сассекса и впадает в море в Райе. Лес, давно вырубленный и огороженный, представлен частыми участками леса, разбросанными по наименее плодородным частям района, и многочисленными и хорошо обставленными парками, которыми он характеризуется. Когда-то в городе был небольшой порт, ныне заиленный. Он располагался в устье ручья, который до сих пор приносит свою незначительную дань, протекая у подножия и к западу от замкового холма.

Происхождение и этимология названия Гастингса теряются в неясности. Оно настолько редкое, что предполагалось, что оно происходит от имени Хаэстена, знаменитого пирата и датского викинга, который промышлял у южных берегов Англии и в долине Сены в девятом веке - в тот период, когда воины северного происхождения давали свои имена своим владениям, а не, как их потомки два века спустя, отменяли эту практику. Мистер Лоуэр, знакомый с топографией Сассекса, предположил, что небольшой ручей Астен в нескольких милях к западу от Гастингса может играть определенную роль в его этимологии, и что Хастинг, или Хастен-Кистер англичан, мог стоять на его берегу. Его также считают местом обитания хастингов, племени, с которым, как говорят, в 792 году воевал Оффа Мерсийский. Еще один не менее интересный момент, связанный с этим местом, - тот факт, что оно дало название древнему роду, который давным-давно носил титул Пемброк и до сих пор носит титул Хантингдон.

Замок занимает узкую, острую и очень крутую оконечность хребта Уилденской формации, который здесь резко обрывается к морю на высоте около 180 футов над морским берегом и, похоже, предназначен природой для оборонительной позиции. Хребет представляет собой отрог более крупного и возвышенного хребта, который тянется от возвышенности Бэттл у Ора на юго-восток к морю, а к западу и югу от него расположен большой участок изрезанной и высокоплодородной живописной земли, известной как хмельной сад Сассекса, в пределах которого находятся известные места Херстмонсо, Эшбернхем, Бэттл и Кроухерст, - участок,

который представляет собой открытую границу длиной около двадцати двух миль от Гастингса до болота Певенси, защищенную в древности двумя замками с этими названиями, а в последнее время - двадцатью или тридцатью башнями Мартелло, в которых наши отцы, три четверти века назад, оказали дорогостоящее доверие.

Гастингс.

12. ЗАМОК ХИЛЛ
13. ЧАСОВНЯ МАРИИ КОЛЛЕГИУМ
14. БАШНЯ
15. ПОСТЕРН
16. СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА
17. САЛЛИПОРТ
18. ФОССА И КРУТОЙ СКЛОН
19. ФОССЕ

Хребет и мыс Гастингса по-прежнему не застроены современными зданиями, их занимает только замок и его флигели. Старая часть города с двумя приходскими церквями - Святого Климента и Всех Святых - занимает глубокую долину к востоку от замка, а вокруг носа скалы остатки старого порта были заменены новым городом, модным местом для купания. Большая часть города находится в приходе Святой Марии де Кастро, приходская церковь была часовней замка и коллежской. Город, по-видимому, был частично обнесен стеной и, несомненно, имел четверо ворот. Гастингс, хотя сейчас и не предоставляет возможности для судоходства, все еще является портом *сипче*, и о его древности свидетельствует тот факт, что в 1229 году Сифорд, Певенси, Булверхит, Хидни, Ихам, Биксборн, Гринхит и Нортхей были его подчиненными членами, а *там же находились* Рай и Уинчелси.

Замок состоит из двух отделений, разделенных грозным рвом, прорубленным в песчанике на расстоянии около 400 футов, поперек хребта, шириной 60 футов и глубиной от 30 до 40 футов. Внутреннее отделение находится к западу от этого рва, между ним и мысом. Внешняя палата

находится на востоке и защищена внешним и значительным, хотя и менее четко очерченным рвом большей длины, чем первый, который также пересекает хребет. Кроме того, на крутом северном склоне был вырыт еще один ров в виде ступеньки, охватывающий эту сторону и предназначенный главным образом для обороны внутреннего отделения. Между восточным концом этого рва и северным концом большого поперечного рва находился первоначальный вход во внутреннее отделение, подходы к которому поднимались по крутому северо-западному склону скалы.

Внутренний приход представляет собой почти прямоугольный треугольник площадью около 1½ акра, северная сторона которого составляет 154 ярда, а восточная - 87 ярдов в длину, в то время как гипотенуза загибается внутрь, уменьшая ширину прихода в одной точке до 16 ярдов. Скала, по которой проходит граница, либо обрывается, либо осыпается, так что в настоящее время она обрывиста, а ее лицо заделано современной каменной и кирпичной кладкой. Говорят, что когда-то эта сторона была прямой и была срезана, чтобы освободить место для газового завода и полумесяца домов внизу, чтобы уменьшить площадь замка. Возможно, так оно и есть, но застройка не могла быть значительной. Оборонительная стена на этом фронте никогда не была нужна: вероятно, это был лишь низкий парапет.

Вдоль северного фронта земля, хотя и очень крутая, но не совсем обрывистая, и вдоль гребня склона сохранились остатки куртины толщиной от 6 до 9 футов, а высотой в некоторых местах от 20 до 30 футов. На этой стене находится прямоугольная башня, примерно 12 футов на 20 футов, с нижним и верхним этажами, в которых сохранились части трех окон норманнской эпохи. С этой башней связаны следы небольшого столба и, несомненно, настенный проход длиной 18 футов, заканчивающийся садом. К востоку от этой башни находится башня, квадратная в основании, но, похоже, цилиндрическая. В ней находится колодезная лестница, соединенная с часовней. Стена продолжается по восточному фронту до самого обрыва. У угла она по-прежнему имеет высоту от 20 до 25 футов, но дальше она уменьшилась до 10 футов. На этом фронте, возвышающемся над рвом, находятся основания трех полукруглых башен-контрфорсов диаметром 20 футов. Их нижние этажи были сводчатыми, а все верхние - удалены. Между двумя самыми северными из них все еще видны косяки ворот эдвардианской эпохи, открывающиеся на 9 футов, с квадратным пазом портуллиса и фальцами для двери сразу за ним. В этой части занавеса сохранились остатки нескольких настенных ячеек. Ворота, должно быть, сообщались с внешней палатой мостом через ров, вероятно, деревянным, поскольку в скале нет следов каменной кладки. Сейчас этот вход не используется, а используемый вход находится на северной стороне между башней часовни и северо-восточным углом, защищенным поздней башней площадью около 20 футов с очень слабыми стенами и фланкирующей стеной, также слабой и выступающей примерно на 20 футов. Считается, что это были первоначальные ворота палаты, и, возможно, так оно и было, хотя другой вход между двумя фланкирующими полукруглыми башнями в настоящее время больше похож на главный вход.

Восточная, естественно, самая слабая сторона внутренней палаты защищена широкой искусственной насыпью или валом из земли шириной от 20 до 30 футов и высотой от 8 до 10 футов, наваленной на заднюю часть стены, которая, по сути, является укреплением. У северо-восточного угла палаты эта насыпь расширяется и превращается в курган высотой около 20 футов над внутренним пространством. Занавес пересекает эту насыпь, около двух третей которой находится в пределах ее контура.

Несомненно, эта насыпь служила хранилищем английской крепости, а вал и ров - ее основной защитой с суши, но, кроме занавеса, на ней не осталось никаких следов каменной кладки, да и нормандский замок, похоже, не был снабжен каким-либо регулярным

хранилищем, будь то панцирное или прямоугольное. Вероятно, как и в Эксетере, вся внутренняя часть замка была крепостью.

В настоящее время в замке нет следов зала, кухни или обычных жилых помещений, но у северной стены сохранились остатки часовни, или, скорее, свободной коллегиальной церкви, состоящей из нефа и алтаря. Неф был размером 30 футов на 64 фута, занавес составлял северную стену. В нем, по-видимому, была западная дверь и одна, а возможно, и две южные двери. В восточном конце нефа в алтарь открывалась красивая высокоострая арка, которая до сих пор сохранилась в идеальном виде. Косяки квадратные, углы заменены тонкими валами, задействованными на четверть, с крышками и основаниями нормандского типа. Абакус является частью лепной колонны, а арка, хотя и квадратная в сечении, как в нормандском стиле, богато украшена лепниной. Центральный элемент арки представляет собой смелое ребро, опирающееся на два кронштейна или карниза, украшенных листвой. Общий характер всего здания - поздний нормандский, переходящий в ранний английский. В северной стене, в ее восточном конце, сохранились остатки арок трех седалищ, а около середины стены, в своеобразном контрфорсе, находится piscina, вероятно, перпендикулярная вставка. У северо-западного угла находится цилиндрическое основание купели. В восточной стене, по обе стороны от арки алтаря, находится дверной проем с плоским верхом грубой работы, как будто предназначенный для того, чтобы быть скрытым завесами. Северная дверь выходит на колодезную лестницу башни, а южная - в ризницу.

Ширина алтаря составляла около 18 футов, а длина - 28 футов. От его стен сохранилось лишь несколько следов. С северной стороны она сообщалась с небольшой камерой, возможно, садом, а с южной - с ризницей. Ризница, называемая также капитулом, представляет собой небольшую, почти квадратную камеру размером 12 футов на 15 футов, с простым норманнским углублением в восточной стене и косяками двери, очевидно, норманнской, открывающейся в то, что, похоже, было чем-то вроде приставного клуатра, опирающегося на южную стену нефа. Сам клуатр исчез, но в стене нефа сохранились следы аркады. Здесь находятся три могилы, закрытые каменными плитами, поставленными по краям, и сильно изношенная крышка гроба *dos-d'âne*. Ширина нефа велика для одного пролета, но если здесь были нефы, то их должно было быть два, так как арки были центральными и в таком случае очень узкими, даже для нормандской церкви. Пол алтаря на три ступени выше пола нефа.

Куртина вдоль северного фасада и над насыпью, очевидно, норманнская, как и большая часть восточной стены; но контрфорсные башни и ворота, вероятно, являются вставками времен правления Генриха III или Эдуарда. Часовня может быть более поздней, чем северная стена, вероятно, она относится к периоду правления Генриха II или Иоанна.

Старая часть каменной кладки представляет собой галтованный бутовый камень, изредка с галькой, облицованный смелым пеплом с открытыми швами, блоки грубо отесаны. В одной части, рядом с церковью, есть небольшая работа из селедочных костей, хотя, вероятно, она не старше, чем остальные. Квинты и оконные наличники, где они сохранились, выполнены из хорошего пепла. Различные фрагменты тесаного камня собраны и навалены в кучу; из них несколько поздних нормандских, несколько хороших ранних английских, несколько перпендикулярных. В городе был обнаружен поздний нормандский склеп.

Можно сомневаться, что Вильгельм или его феодалы, графы Эу или де Тилиоль, добавили оборонительные сооружения из каменной кладки к уже существующим. По крайней мере, нет никаких доказательств того, что они это сделали, а самая старая каменная кладка, которую можно увидеть сейчас, определенно не является ранней норманнской, хотя и

слишком ранней, чтобы дать время для разрушения любой предыдущей кладки того же архитектурного периода.

Часовня, вероятно, была основана в правление Генриха I. И хотя замок был возведен и некоторое время находился под властью короны могущественными графами Эу, он никогда не был большой баронской резиденцией, уступая в этом отношении Арунделу или Льюису, но, вероятно, поддерживался только как сильный, хотя и небольшой, пост для прикрытия посадок в Нормандии или высадок из нее.

Внешнее отделение расположено между внутренней и внешней линиями рва; внутри последнего находится значительная земляная насыпь, которая поднимается у северо-восточного угла и продолжается через северный конец, который, естественно, является самой слабой частью ограждения. Неизвестно, где находился вход в эту палату, но, возможно, около юго-восточного угла. Здесь нет следов каменной кладки, так что оборона внешнего отделения могла представлять собой только острог.

Судя по расположению этой крепости, наиболее вероятно, что, как и Дувр, она изначально была британским сооружением, а ее укрепления, включая мыс и южные рвы, были оборонительными сооружениями на суше. Однако курган, расположенный под углом к внутренней стороне крепости, на берегу и прикрывающий подступы к ней, почти наверняка является более поздним и, несомненно, английским сооружением.

Каким бы ни было происхождение Гастингса как оборонительного сооружения, его известная история начинается в конце шестого - начале восьмого веков во времена Оффы и Ательстейна, когда он был местом, имеющим определенное значение, и содержал монетный двор. Монеты здесь чеканились вплоть до правления Генриха I.

Окончание "ceaster", которое он тогда носил, показывает, что он был укреплен. Ближе к середине XI века его разграбили датчане, а в середине того же века именно люди Гастингса после убийства Беорна Свегеном захватили его корабли и убили его сообщников, хотя сам Свеген спасся. Гастингс также сыграл свою роль в Нормандском завоевании, хотя и не ту, которую ему приписывают как месту битвы. Вильгельм высадился в Певенси, а затем быстро двинулся к Гастингсу в поисках пищи. Там Одо из Байе, как один из его лейтенантов, приказал возвести крепость, "ut foderetur castellum", и оттуда, согласно тому же авторитету, гобелену из Байе, Вильгельм выступил в поход против Гарольда. Вильгельм, как нам рассказывают, добравшись до порта, выбрал подходящее место и быстро укрепил его деревянным замком, "ligneum castellum". Мы должны предположить, что это была замена или восстановление того, что стояло на старом месте. Вряд ли это был палисад на низком участке под замковой скалой. Затем он поставил Хамфри де Тиллиола, шурина Хью де Грантмайснила, исполнять его приказы, "qui Hastings a prima die constructionis ad custodiendum suscepit". Описание Уэйса относится скорее к Гастингсу, чем к Певенси, который уже был обнесен стеной: - "Un chastel i ont ont the prima die constructionis ad guardodendum suscepit".

"Un chastel i ont fermé

De bretesches è de fossé".

Занятия де Тиллиола ограничивались строительством или восстановлением оборонительных сооружений: замок и крепость, поместье и главенство над всем Рапе были пожалованы Вильгельмом Роберту, графу Эу, одному из самых могущественных его нормандских приверженцев. Это пожалование замка зафиксировано в Domesday, а замок подразумевает

наличие крепости. Графы Эу владели им в течение пяти поколений по мужской линии. Несомненно, либо граф Уильям, сменивший его в 1090 году, либо граф Генрих, умерший в 1139 году, выполнил в замке некоторые работы по кладке, возможно, стены *энсинта*, большая часть которых сохранилась до сих пор. Первый или второй графы основали в замке свободную часовню и колледж с деканом и светскими канониками, а Генрих, третий граф, добавил к ним значительную сумму по хартии в царствование Генриха I. Колледж пережил замок и процветал, когда последний превратился в руины. Томас а Бекет владел деканатом, а Уильям из Уайкема - одним из пребендов. Колледж просуществовал до 38 года Генриха VIII, когда он был распущен, а имущество отчуждено сэру Энтони Брауну. После исчезновения графства Эу патронат перешел к короне. Грамота графа Генри приводится в подтверждении, 22 Эдуарда I.

В 1088 году замок, вероятно, был укреплен, так как Уильям из Сент-Кале, епископ Даремский, хвастался тем, что отстоял Гастингс для Уильяма Руфуса. Это было место сбора мощной военной силы, с которой король собирался вторгнуться в Нормандию. В то время Ансельм и многие епископы и бароны находились в замке и его окрестностях и были задержаны там с Кандлемы в 1094 году на шесть недель из-за встречных ветров, в течение которых король присутствовал на завершении строительства и освящении отцовского аббатства Батл. Сразу же после этого в часовне замка Роберт Блут был посвящен в епископа Линкольна, и здесь же епископ Герберт Тетфордский был лишен своей кафедры. Именно в замке Гастингс Руфус в очередной раз не внял разумным доводам Ансельма и оставил его без благословения отправляться в норманнский поход. Графы Эу, отнюдь не всегда верные вассалы английской короны, в последнее время, похоже, пренебрегали замком, который уступал Певенси в качестве места сбора войск и стал представлять лишь умеренную ценность. Генрих, пятый граф, умерший в правление Ричарда I, оставил единственную дочь Алису, которая вышла замуж за Ральфа де Эссудуна, ставшего по ее праву графом Эу, и умерла в 1211 году. Их сын, Уильям, решил стать подданным Франции, а в 29 году при Генрихе III его владения в Англии отошли короне и были пожалованы принцу Эдуарду. Уже в 1227 году король Генрих выделил Роберту де Обевиллю 10 марок, половину его жалованья, в качестве смотрителя замка. Колледж был оставлен Генрихом в его собственных руках. При 5 Эдуарде III декан и каноники подали прошение о восстановлении крепостной стены, которая была повреждена морем. В 1372 году замок был пожалован Джону Гонту, а в правление Ричарда II он представлял собой руины и, вероятно, так и остался. Ранние английские работы, особенно связанные с часовней, были выполнены, вероятно, Генрихом III после приобретения им баронства.

Генрих IV пожаловал замок Рэйфу Невиллу, графу Уэстморленда, с возвратом к сэру Джону Пелхэму, который в 1412 году снова передал его сэру Томасу Ху, созданному бароном Ху и Гастингса в 1447 году. Он умер, не оставив потомства, около 1453 года. Феофилы сэра Томаса продали замок и другие владения в 1461 году сэру Уильяму Гастингсу, который в том же году был вызван в парламент как лорд Гастингс из Гастингса. Его потомок, Генри, граф Хантингдон, продал замок и другие владения в 1591 году сэру Томасу Пелхэму, чьему потомку, ныне графу Чичестерскому, они принадлежат до сих пор. Тем, кто хочет досконально понять положение Гастингса в отношении высадки, первых передвижений и последующего продвижения герцога Вильгельма по английской земле, будет полезно ознакомиться с очень ясным и весьма оригинальным рассказом о битве при Сенлаке, приведенным в "Истории завоевания" мистера Фримена.

ЗАМОК ГАВАРДЕН, ФЛИНТШИР.

Сотня Атискросс, в которой находится важный приход Хаварден, по данным Domesday, входит в графство Честер; и в этой сотне, как и во многих других частях валлийской границы, саксы, как хорошо известно из истории и по-прежнему очевидно из преобладающих названий мест, рано и прочно утвердились. Но хотя власть графов Честерских и совершенно саксонское состояние полуострова Западный Честер обеспечили захватчикам надежную власть над открытой местностью на западном берегу Ди, их господство оспаривалось на более высоких и изрезанных землях, и хотя такие названия, как Хоуп, Northop, Holywell, Whitford, Newmarket, Soughton и Ryden показывают, что у них были поселения в центральной и северной частях Флинтшира, присутствие еще большего числа валлийских имен свидетельствует о том, что их владения активно оспаривались и были совсем не безопасными.

О продолжительности и серьезности борьбы также свидетельствуют количество и масштабы различных военных земляных сооружений, которые до сих пор привлекают внимание. Те из них, которые расположены на вершинах холмов, имеют неправильную форму и носят валлийские названия, можно смело отнести к валлийским; в то время как те, что английского происхождения, обычно находятся на более доступной местности, имеют тенденцию к круглой форме, а в некоторых очень заметных случаях характеризуются курганом или *моттом*.

Хаварден, Хаордин из Домсдея, по-валлийски называемый "Пенард Халауг", что означает "крутая голова болота", - это, как гласит его название, саксонское поселение, а его крепость, так долго сохранявшаяся, в значительной степени отражает черты хорошо известного класса земляных сооружений, встречающихся как в Англии, так и в Нормандии. Приход площадью около 16 000 акров занимает восточную, или английскую, часть первой возвышенности, поднимающейся к западу от реки Ди. Он включает в себя начало лесистой гряды, которая на протяжении некоторого времени идет параллельно устью реки, а затем уходит вглубь, чтобы затеряться в более высокой местности вокруг Нортоба.

Замок стоит на юго-западном конце значительного участка ровного болота, на котором позже был построен дом Хаварден, и который вместе с оврагом, ограничивающим его с юга и запада, входит в состав парка.

Территория, занятая замком и его земляными сооружениями, представляет собой неровный круг диаметром около 150 ярдов. Он круто поднимается примерно на 50 футов от ровной местности и почти отвесно на 150-200 футов от оврага, который защищает его с юга, юго-востока и запада.

В центральной и самой высокой точке этой земли, состоящей частично из скалы, а частично из красной песчаной почвы района, образовался, путем обрыва вниз, возможно, с небольшим увеличением высоты, конический курган, плоская вершина которого составляет около 70 футов в диаметре, с крутыми склонами по всему периметру. С северо-восточной стороны, то есть со стороны дома, спуск составляет около 30 футов, на этом уровне находится площадка, занятая главным отделением крепости, а за ней, у подножия дальнейшего, но пологого склона, широкий и глубокий ров, сухой и полностью искусственный, который огибает эту самую слабую сторону и отрезает ее от уже упомянутой области.

На оставшихся двух третях окружности, к югу и западу, курган быстро спускается к оврагу, но на его пути склон разбит концентрическими валами, рвами и полками, несколько

неравномерными по высоте, глубине и конфигурации, что, несомненно, объясняется тем, что изначально они были естественными, но преобразованы и укреплены искусством.

Этот вид укреплений из кургана, насыпи и рва хорошо известен как в Англии, так и в Нормандии, и использовался в девятом и десятом, и даже в одиннадцатом веках, до того как каменная кладка стала общепринятой. Курган был увенчан мощным круглым домом из дерева, вероятно, построенным по типу стен Гринстедского алтаря, и таким, какой на гобелене Байе пытаются поджечь солдаты. Двор внизу и берега за рвами были огорожены палисадами и защитными сооружениями подобного рода.

Норманны в Нормандии к середине XI века, а в Англии чуть позже и вплоть до правления Генриха II, обычно заменяли эти оборонительные сооружения более основательными стенами из каменной кладки, которые, будучи большой толщины и прочности, часто сохранились до наших дней, хотя чаще их убрали при правлении ранних Эдвардов, чтобы заменить более научными, хотя и менее прочными конструкциями, обеспечивающими больше места внутри *энсинта*. В Хавардене ход событий, похоже, был иным. Здесь нет никаких следов норманнской работы или норманнского стиля, и хотя крепость необычайно велика, она свидетельствует о том, что была построена в один период, а именно в конце правления Генриха III или в начале правления Эдуарда, его валлийского сына. Если это так, то следует сделать вывод, что нормандские бароны, которые, как известно, владели Хаварденом в двенадцатом веке, были довольны тем, что его оборонительные сооружения были построены из дерева, поскольку любая каменная кладка, возведенная ими, едва ли так скоро потребовала бы демонтажа.

Кил (А на плане) почти полностью покрывает вершину кургана. Он имеет круглую форму, 61 фут в поперечнике у основания и первоначальную высоту около 40 футов. Основание собирается внутрь на высоту 5 футов, где цилиндр имеет 59 футов в поперечнике, а от него до вершины он еще больше уменьшается до 57 футов. Внутренняя часть вертикальна, ее диаметр составляет 31 фут; таким образом, толщина стены, которая у основания составляет 15 футов, а чуть выше - 14 футов, на уровне вала составляет 13 футов; размеры необычайно солидные даже для норманнского периода и очень редкие для Англии времен Генриха III или Эдвардов.

Снаружи здание очень простое, не имеет ни кордона, ни шнура, ни оконных наличников. Немного выше земли находится двойной ход из крупных пепловых блоков светло-желтого песчаника, прочно связывающих работу воедино, а выше - другие связующие ходы менее существенного характера. Обычный материал - голубоватый камень, уложенный в виде бутовой кладки, с промежутками и швами, аккуратно заполненными щепками и фрагментами. Броненосцы заменены современной стеной, но место их соединения с валом можно легко обнаружить.

Вход находится на уровне земли с северо-восточной стороны, со стороны главной палаты. Он отмечен широким плоским контрфорсом, скорее норманнского типа, который вертикально поднимается от общего основания и выступает примерно на 18 дюймов, где он вдается в стену примерно на 5 футов ниже крепостных стен. В ее центре находятся ворота, а над ними - окно камеры порткуллиса. Сбоку к ней примыкают два крыла, возвышающиеся примерно на половину ее высоты и также уходящие в стену. Они призваны укрепить стену, ослабленную колодезной лестницей и домиком. Поскольку этот контрфорс занимает значительную часть круга и является плоским, он разбит на три плоскости двумя вертикальными углами. Современная стена из кирпича и камня, заменяющая бастион,

изрезана и разрушена, но в некоторых частях имеет высоту около 12 футов и призвана придать высоту храму. Здание, ставшее таким образом широко заметным, превратилось в своего рода приходской центр, и, как бы нестандартно оно ни выглядело, вряд ли было бы хорошим тоном убрать это дополнение.

Храм имеет два этажа. Нижний - цилиндрический, 31 фут в диаметре, со стенами толщиной от 14 до 15 футов. Его высота составляла около 14 футов, потолок был сложен из бревен, которые опирались на сорок простых кронштейнов, из которых сохранилось около семнадцати. В двух противоположных точках, примерно на полпути вверх по стене, находятся два более крупных косоура, которые, очевидно, поддерживали стойки, предназначенные для придания жесткости центральной и самой длинной балке.

В эту камеру, несомненно, кладовую, если только во время осады в ней не размещались солдаты, можно было попасть прямо из ворот, и она скорее вентилировалась, чем освещалась тремя равноудаленными друг от друга отверстиями, расположенными на высоте около 4 футов от пола, шириной 4 фута и высотой 5 футов, с заплечиками и крышками. Боковые стороны сходятся, и пол поднимается до небольшой квадратной петли с 4-дюймовым отверстием. Здесь нет ни камина, ни сиденья, ни углубления. Пол был снят. Подземной камеры нет.

Верхняя камера представляет собой восьмиугольник, вписанный в расположенный под ним цилиндр, со стенами толщиной от 13 до 14 футов, а от края до края - 31 фут. Ее высота составляет около 15 футов до колонн, на которых держится плоская крыша, а ряд более крупных колонн вдоль одной из оставшихся граней, похоже, поддерживал стойки, необходимые для того, чтобы сделать крышу безопасной платформой для военных двигателей и каменной амуниции. Это помещение, которое было государственной комнатой, освещалось тремя нишами, расположенными на неодинаковом расстоянии друг от друга. Они имеют ширину 6 футов 6 дюймов и поднимаются от пола на 8 футов, перекрытые слегка заостренными арками. Каждая из них имеет сводчатую крышу и параллельные стороны, которые затем сходятся к окну с квадратной головкой, шириной 2 фута и высотой 5 футов 6 дюймов, с ровной фаской снаружи. В каждой стороне ниши находится простой дверной проем, шириной 3 фута 9 дюймов и высотой 10 футов, открывающийся в галерею фресок.

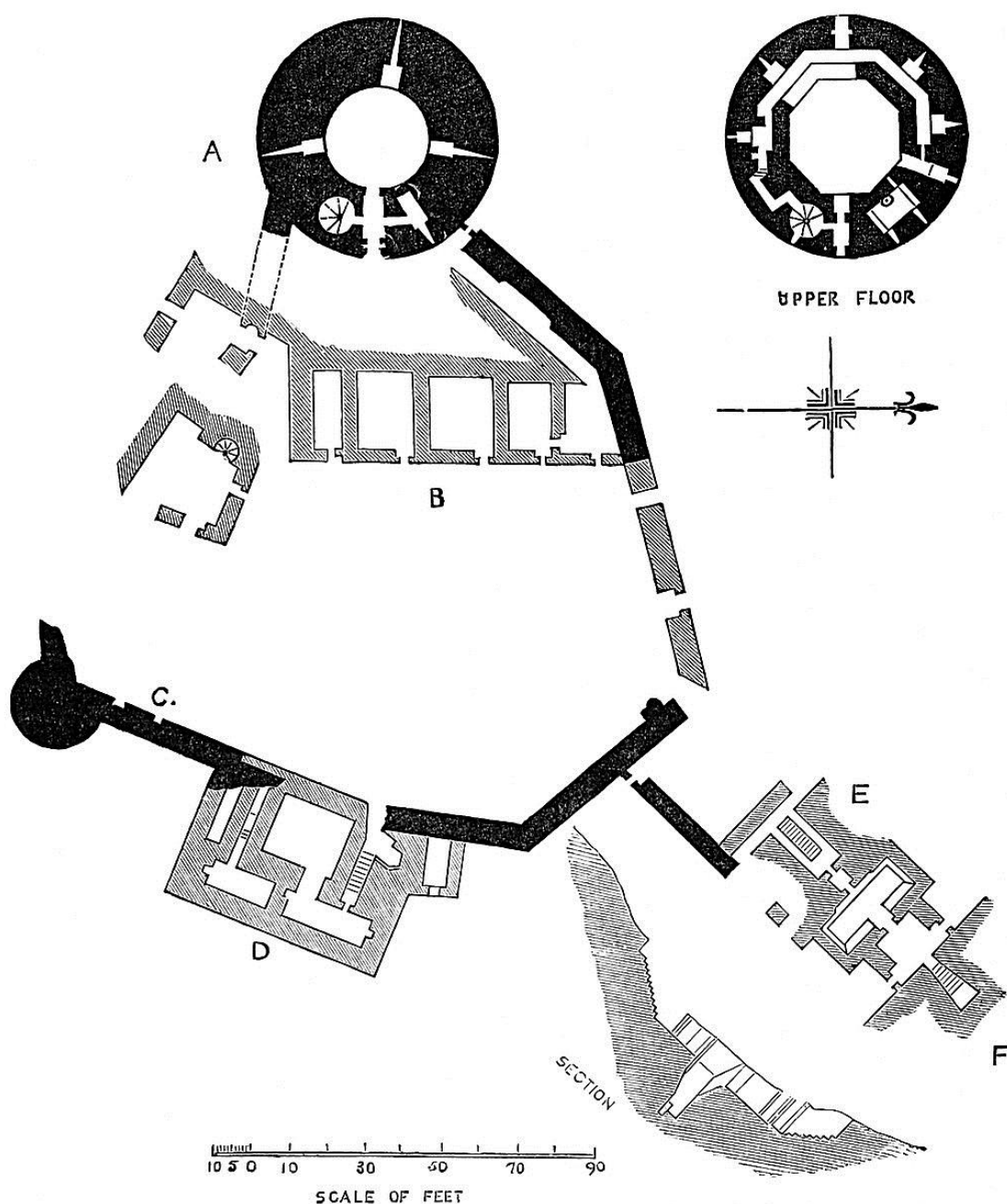
Главный вход на этот этаж находится в камере портупей, а к северо-западу от нее - часовня. Это фресковая камера размером 14 футов на 7 футов, но не совсем прямоугольная. Она имеет плоский свод, а ее ось направлена на юго-восток к алтарю, который является реставрацией. Дверной проем в западной части имеет ширину всего 2 фута и высоту 7 футов, украшен сабельником и простой лепниной декоративного характера. Дверь открывалась внутрь и могла быть заперта внутри часовни. На той же стороне, но рядом с алтарем, находится небольшое углубление для писсуара с выступающим кронштейном и рифленой ножкой. В противоположной стене, в сводчатых нишах, находятся два окна, одно рядом с алтарем квадратного сечения, другое - стрельчатое. У западной стены стоит каменная скамья, а над ней - грубый прищур, через который любой человек, находящийся в соседней оконной нише, мог видеть алтарь.

Вход в хранилище осуществляется через ворота шириной 5 футов и высотой 6 футов 6 дюймов с аркой, поднимающейся еще на 3 фута. Косяки имеют одинарную, а арка - двойную фаску. В двух футах от ворот находится паз порткуллиса, 4 дюйма в квадрате, а рядом - фальц для двери с отверстиями для засова. За ним находится сводчатый проход шириной 6 футов, ведущий на первый этаж, с дверью, открывающейся так, чтобы быть запертой против этой камеры; внутри, однако, есть узкий фальц, как будто для более легкой двери,

открывающейся внутрь. Пазы портупеи находятся на высоте 3 футов от пола, так что либо порог должен был быть очень высоким, либо решетка заканчивалась рядом длинных шипов. С каждой стороны входного прохода находится по дверному проему. Справа дверь шириной 2 фута 9 дюймов открывается в сводчатую камеру размером 6 футов на 9 футов со стрельчатым проемом в поле. Слева - дверь шириной 3 фута 3 дюйма, открывающаяся на колодезную лестницу, которая, освещенная с поля петлями, поднимается на верхний этаж и на бойницы.

Двадцать одна ступенька ведет к камере порткуллиса, которая также является прихожей государственной палаты. Она сводчатая, 6 футов в ширину и 10 футов в длину, с квадратным окном в 2 фута, выходящим на поле, а внутри него - проем для прохода портупеи. На другом конце - большой дверной проем с простым орнаментом декоративного типа и аркой почти, если не совсем, круглого сечения, открывающийся в аналогичную арку в углублении и ведущий в парадную комнату. Дверь была заперта изнутри, чтобы можно было упираться в лестницу.

ЗАМОК ГАВАРДЕН, ФЛИНТШИР, 1870 ГОД.

20. Замок.
21. Главное отделение.
22. Зал.
23. Служебные помещения.
24. Вход, под которым находится его секция.
25. Место Барбакана.

План местности по съемке, сделанной мистером Джеймсом Харрисоном из Честера в 1857 году.

Возвращаясь к колодезной лестнице, верхняя часть которой разрушена, в двадцати девяти шагах от основания находится небольшая стрельчатая дверь. Она открывается во фресковый проход шириной 2 фута 6 дюймов и высотой 7 футов, который делает два поворота под прямым углом. На одном из них, слева, находится углубление глубиной 3 фута и шириной 1 фут 9 дюймов, садовый павильон, задняя часть которого, вероятно, закрытая

решеткой, выводила вал из аналогичного углубления на валах. На втором повороте проход спускается на семь ступеней к ближайшему оконному проему в главной камере, через который противоположный дверной проем ведет в настенную галерею. Подъем и спуск по узкому проходу обусловлен уровнем ступеней колодезной лестницы.

Настенная галерея, расположенная на уровне главной камеры, продолжена в материале стены до углубления рядом с часовней. В плане она представляет собой многоугольник, параллельный внутренним граням стены. Он имеет высоту 10 футов и ширину 3 фута 9 дюймов, крышу с флагом, опирающуюся на двойной ярус кронштейнов, и в нем три больших углубления, каждое из которых открывается в поле длинной петлей, с ласточкиным хвостом на каждом конце. Эти ниши и петли не видны из главной палаты. Двери и оконные рамы, где они сохранились, выполнены из песчаника соломенного цвета. Дверной проем часовни и piscina, а также боковые двери в оконных нишах кажутся более поздней декоративной работой, чем остальные, и могут быть вставками, хотя это и не кажется вероятным.

Как и в Тамворте, Дареме, Беркхемпстеде, Уорике и Кардиффе, сторожка стоит на *внутренней* линии главной палаты и является ее частью: примерно две трети ее окружности находятся снаружи, а одна треть, включая дверной проем, - внутри занавеса. Этот занавес длиной около 460 футов опоясывает главную палату, примыкая к крепости в двух местах: в 24 футах к югу и в 18 футах к северу от входа. С каждой стороны он спускается вниз по склону и, встречаясь внизу, образует несколько веерообразную зону, примерно 170 футов на северо-восток и юго-запад и 142 фута на северо-запад и юго-восток, внутри которой находились основные здания крепости. Южная часть этого занавеса прослеживается, но только в своем основании; северная часть достаточно совершенна. Ее толщина составляет 7 футов, а высота - около 25 футов. Она не поднимается, как в Тамворте, на курган, чтобы ее валы заканчивались на уровне основания крепости, а примыкает к ней на высоте 12 или 14 футов и продолжается вниз по склону. На валу куртины, как и в Виндзоре, были ступени, но так как вал примыкал только к храму и не имел дверного проема, ступени служили лишь для того, чтобы защитники могли занять эту часть стены. С северной стороны, помимо этих ступеней, был еще один пролет, проложенный по поверхности кургана, позади и у подножия куртины, и, вероятно, покрытый, так как сохранились следы второй стены. Они вели ко входу в хранилище и служили для сообщения между ним и главной палатой.

На стыке этой куртины с крепостью находится постерн - небольшой проем в виде плеча с дверью, зарешеченной внутри, где можно было атаковать врага, достигшего подножия крепости. Примерно в 90 футах ниже находятся следы такого же дверного проема, через который можно было попасть к основанию кургана. От южной куртины остался фрагмент, прикрепленный к крепости; у нее не было столба и, вероятно, не было ступеней за ним.

Главный двор (В на плане) разделен на две части: одна - ровная платформа, на которой стояли зал и другие здания, вокруг площадки размером 125 футов на 92 фута, и в которой находился главный вход; другая, гораздо меньшая часть - крутой склон кургана, шириной около 50 футов, который, вероятно, был оставлен изрезанным и пустым, каким мы его видим сейчас. У подножия этого склона находятся остатки четырех комнат, глубиной около 18 футов от поверхности, вероятно, для складов, каждая с дверным проемом во двор; в стене одной из них есть что-то вроде грубого стока, как из раковины или корыта. Этот ряд, очевидно, был продолжен вдоль южного конца двора, был построен против куртины и продолжен до зала. От этих пристроек сохранился только раскопанный пол, несколько низких стен и основание колодезной лестницы. По характеру лестницы можно предположить, что она имела какое-то значение, и показывает, что здесь был верхний этаж, вероятно, комнаты, сообщавшиеся с залом и, возможно, соединявшие его с хранилищем.

На противоположном, северном конце кладовой находится дверной проем у подножия лестницы, ведущей в хранилище, а за ним, в куртине, дверь, которая, по-видимому, вела в колодец-лестницу, обеспечивавший доступ к ступенчатому валу. В нескольких футах за ней, под углом ограды, находятся фрагменты больших ворот, за которыми, на протяжении примерно 100 футов вокруг северного угла двора, находится куртина полной высоты и очень совершенная, с угловыми кряжами из того же желтого пепла, что и в храме.

Зал (С) располагался на восточной стороне палаты, в ее южном конце, и занимал более половины этой стороны. Внешнюю стену составляла куртина, пробитая окнами и укрепленная в юго-восточном углу массивным полукруглым контрфорсом диаметром 22 фута, вероятно, являющимся дополнением. Зал находился на втором этаже, низкий цокольный этаж, вероятно, был подвалом, и в него вел сводчатый проход в южной части. Высота зала от деревянного пола до стеновой плиты составляла около 30 футов. Сохранились два высоких окна и следы третьего, а между ними - простые фасонные карнизы, с помощью которых крепилась открытая крыша. Оконные ниши имеют низкую остроконечную арку и смелую лепнину в виде бус. Окна односветные, трилистниковые, с обработанными перемычками. Наличники отсутствуют. Внутри ниши расположены боковые сиденья.

К северу от зала находится прямоугольный выступ (D) глубиной 36 футов и длиной 60 футов, нижние этажи которого расположены на обрыве рва, значительно ниже уровня палаты. Это, несомненно, были офисы, но поскольку ничего, кроме нижних стен, не сохранилось, мало что можно узнать об их деталях. Однако в занавесе сохранился косяк большого дверного проема, из которого спускается лестница длиной около 20 футов, вероятно, к столбу, от которого, однако, не осталось и следа, на краю рва. Эти ступени ведут в одну из двух квартир, в одном конце каждой из которых находится то, что, вероятно, было камином, хотя они больше напоминают жерло садовой шахты, которой, однако, они не могут быть, так как камеры, конечно, не были выгребными ямами. Стены этого выступа основательны и, несомненно, несли на себе верхний этаж, вероятно, занятый отхожими местами и частными апартаментами, пристроенными к залу. Здесь не было обнаружено ни колодца, ни печи, ни каких-либо признаков гарнизонной часовни, которые, вероятно, располагались в этой палате.

Большие ворота открывались в северо-западной части куртины, и, судя по сохранившемуся фрагменту косяка со смелым фальцем, были высотой около 8 футов и шириной в пропорции. Выступ внутрь куртины показывает, что здесь находилась какая-то небольшая сторожка.

Эти ворота открывались в отрог, образованный двумя завесами, расположенными на расстоянии 32 футов друг от друга и отходящими от главной завесы вниз по уступу рва, образуя параллелограмм шириной 40 футов и длиной 68 футов. Толщина завесы составляла 4 фута, а высота - около 24 футов. Западная завеса разрушена, но восточная сохранилась довольно хорошо, и на ее стыке с главной завесой находится дверь-столб, шириной 2 фута 9 дюймов, которая открывалась на откос рва.

В дальней и нижней части шпоры стены поворачивают внутрь (Е на плане) и снова идут параллельно на протяжении 14 футов на расстоянии 27 футов друг от друга, и там находятся ворота и яма разводного моста, за которыми второе сужение сокращает расстояние до 21 фута, после чего они продолжают еще на 14 футов, когда стены упираются в контркарп рва, в этом месте облицованного ясенем. Таким образом, вся длина шпорного сооружения от главной куртины до контрэскарпа составляет 96 футов, а ширина - 40 футов, 25 футов и 21 фут.

Примерно в 34 футах перед большими воротами находилась поперечная стена, вероятно, содержащая вторые ворота, а за ней - лестница из пятнадцати ступеней шириной 6 футов, ведущая вниз в прямоугольную камеру с плоской деревянной крышей, в противоположной стене которой находится дверной проем без фальца для двери, шириной 2 фута 9 дюймов и высотой 7 футов. Он открывается в низкий, узкий проход с плоской крышей, шириной 3 фута и длиной 10 футов, но расширенный в центре до 3 футов 6 дюймов, так что два человека могут пройти, протиснувшись; в этом месте в крыше есть отверстие 8 дюймов квадратных, очевидно, для того, чтобы напасть на них в случае необходимости. Проход заканчивается вторым небольшим дверным проемом, зарешеченным изнутри, который выходит в яму-мост длиной около 27 футов справа и слева, глубиной 12 футов и шириной 10 футов, к такому же дверному проему напротив. Яма выложена щебнем ниже дверных порогов и пеплом выше, а в ее западном конце находится отверстие, вероятно, для очистки и сообщаемое с основным рвом, изолированной частью которого является яма.

Перейдя по узкому дощатому мосту, дальнейшая дверь ведет через короткий узкий проход в камеру площадью 13 футов, полностью выложенную пеплом и имеющую справа и слева по небольшой двери шириной 2 фута 9 дюймов, выходящей на контрфорс рва. Дверной проем со стороны моста не имел двери, но двери боковых салли-портов открывались внутрь. В дальней, или северной, стене находится еще один дверной проем, тоже с плечом, шириной 3 фута и высотой 8 футов, дверь которого также открывается внутрь и открывает очень крутой пролет из одиннадцати ступеней, поднимающихся примерно на 8 футов в камеру в форме ласточкина хвоста, начинающуюся на ширине 3 футов и расширяющуюся до 8 футов. Ее длина составляет 14 футов. Ступени опускаются на пол, но стены, нижние 6 футов 6 дюймов которых выложены из пепла, совершенно безупречны, пока что не имеют отверстий. Эта необычная камера вписана в контрфорс рва и фактически находится внутри барбакана.

Остатки *барбакана* (F) представляют собой значительный земляной холм, имеющий собственный ров, а на его неровной поверхности видны следы старых построек. Он прикрывает голову моста, и, судя по всему, к нему вела извилистая дорога, а въезд осуществлялся с западной стороны.

Это сооружение стало предметом многочисленных спекуляций. То, что это был главный вход, достаточно определено. Он мог находиться только в одном конце главной палаты, а оставшийся косяк слишком велик для столба, а земля в противоположном конце слишком крута для подхода.

Шпоры с боковыми завесами полностью закрывали вход. Ступени к мосту современные, но, должно быть, представляют собой нечто подобное. Двери и проход были рассчитаны только на одиночный строй, с особым расположением командира в единственной точке, где могли пройти два вооруженных человека. В камере за мостом 80 или 100 человек могли собраться перед атакой у боковых дверей.

По возвращении, если их будут преследовать, и враг войдет вместе с ними, узкие проходы сделают почти невозможным неожиданное нападение или внезапный бросок в тело места или барбакан.

Кроме того, учитывая боковое пространство между стенами и большую длину мостовой ямы, совершенно ясно, что над пешеходным проходом находилась дорога для колесных повозок, по крайней мере, с одним разводным мостом. Большинство проходов внизу, похоже, были выложены камнем. Один разводной мост, очевидно, был над оставшейся ямой; другой, возможно, перекрывал камеру, которую в это время занимает современная лестница. Толщина (4 фута) и прочность существующих стен показывают, что они должны были быть

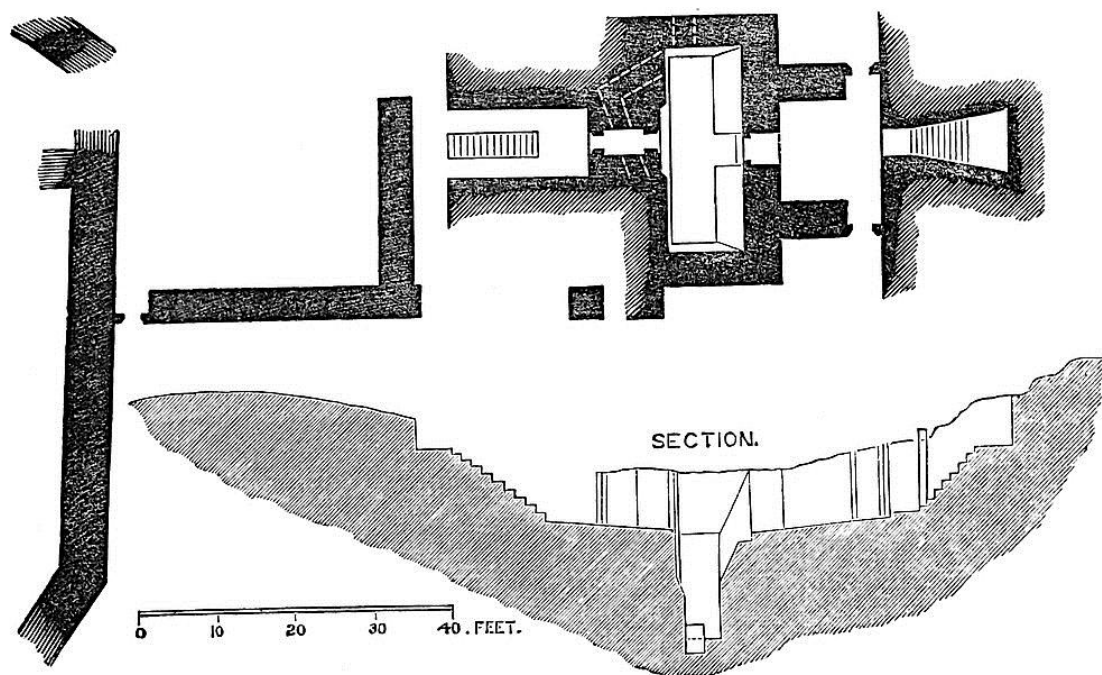
гораздо выше, чтобы образовать боковые парапеты, скрывающие проход моста. Для этого к существующей стене можно было бы добавить около 15 футов.

Веерообразная камера, вероятно, служила выходом для тех, кто, воспользовавшись пешеходным мостом, не хотел выходить через салли-порты, а поднимался в барбакан. Ступени, несомненно, неудобны, но весь проход, безусловно, предназначался только для периодического использования и не отличается особой комфортабельностью. Вероятно, для выхода с лестничной площадки в барбакан служили деревянные ступени. Вся конструкция очень своеобразна, и можно усомниться в том, что предлагаемая безопасность стоила тех значительных затрат, которые были на нее потрачены. Поскольку вся конструкция этого моста явно является дополнением, вероятно, что, хотя первоначальный вход был в этом месте, он осуществлялся по обычному разводному мосту, защитой которого служили старые боковые куртины шпор.

О внешних земляных работах можно сказать немного. С юго-восточной стороны крепости внешний берег прорезан, как будто для входа. Если это так, то он должен был быть перенесен в боковом направлении по рвам, проложенным здесь, пока не достиг барбакана.

В Хавардене можно обнаружить следы по меньшей мере трех периодов строительства, самый древний из которых - земляные сооружения, которые, как и некоторые подобные в Англии, могут быть построены уже в X веке.

Замок, занавес главной палаты, зал и, возможно, занавес шпор, похоже, относятся к одному периоду: материал использовался один и тот же, а мастерство не отличалось.

Шпора, ограждающая главный вход.

Замок Хаварден. Северо-восточная сторона.

Ряд складов в главном корпусе, офисы, выступающие от него на северо-восток, и все здания у входа в замок относятся к более позднему времени и отличаются по дизайну, материалу и исполнению. Материалом служит зеленоватый песчаник, а материалом - ашлар самого дорогого сорта, обработанный со всех сторон и уложенный в тонкие швы, с небольшим количеством раствора. Это превосходство оказалось роковым для строения; поскольку камни нужно было только поднять с постели и уложить, без всякой адаптации, в новую

работу, соблазн оказался слишком сильным, и большая часть этой поздней работы была аккуратно удалена вручную, а не, как более старая работа, уничтожена порохом. На самом деле, оставшиеся нижние стены имеют вид скорее незаконченного, чем частично разрушенного здания.

В пятнадцатом томе "Археологического журнала" есть статья покойного мистера Хартшорна, которая, хотя и затрагивает топографию замка, довольно подробно описывает историю баронов Монтальт, давних его владельцев. Отсюда и из других источников следует, что Хаварден с самого начала принадлежал графам Честерским, некоторые из которых, вероятно, построили его, но, несомненно, занимали его до завершения строительства. В их роду он оставался до смерти Ранульфа де Бландевилля, последнего графа, в 1231 году, когда вместе с замком Райзинг и "графской половиной" в Ковентри он перешел к его второй сестре и сонаследнице Мейбл, которая вышла замуж за Уильяма д'Альбини, третьего графа Арундела. Их второй сын, Хью, который наследовал, умер в 1243 году, после чего поместья перешли к его второй сестре и сонаследнице, Сесилии, которая вышла замуж за Роберта де Монтальта.

Бароны де Монте-Альто, иногда называемые де Моальдис или Моухаут (Молд, где сохранился курган замка), были наследственными сенешалями Честера и лордами Молда. Роджер де Монтальт, внук Роберта и Сесилии, унаследовал Хаварден, Ковентри и замок Райзинг. Он женился на Джулиан, дочери Роджера де Клиффорда, судьи Северного Уэльса, но, умерев бездетным в 1297 году, его земли перешли к его брату Роберту, седьмому и последнему лорду, который умер бездетным в 1329 году, когда баронство вымерло. Роберт де Монтальт подписал знаменитое письмо Папе Римскому в 1300 году, как Dominus de Hawardyn. Он завещал свои владения Изабелле, королеве Эдуарда II [P. Writs, I. 743].

Записи о Хавардине в государственных документах немногочисленны. В 1265 году, 49 году Генриха III, король пожаловал Ллевелину-ап-Гриффиту, принцу Уэльскому, замок Хавардин, ему и наследникам его тела, Херефорд, 22 июня [N. Foed. I. 457], но в 1267 году, 51 году Генриха III, по письму легата Оттобони, принц Ллевелин должен немедленно вернуть Роберту де Отто Монте земли Ха Вордин, но Роберт не должен строить там замок в течение тридцати лет. Монтгомери 3 кал. Oct. [Ibid. p. 474.].

В инквизициях и эшафотах также есть несколько записей. Согласно инквизиции, 3 Эдуарда I, Роберт де Монте-Альто получил поместье Хавардин, ко. Кест. Его владения были обширны. Они занимают девяносто одну запись в тринадцати графствах. [В следующем году, 4 Эдуарда I, проводится инквизиция, из которой следует, что поместье никогда не было передано в собственность. Ни Леука, жена Роберта де Монтальта Черного, ни Матильда, жена Ральфа де Монтальта, ни Николая, жена Роджера де Монтальта старшего, ни Сесилия, жена Роджера младшего - все дамы чести Хавирдина - никогда не были так наделены. [Ib. 60, Cal. Geneal. I. 247.] 10 Эдуард I, 25 марта в валлийском списке есть запись о преследовании и захвате некоторых валлийских злоумышленников, которые взяли в плен Роджера де Клиффорда в королевских замках Хавардин и Флинт [Ayloffe, p. 76], а также из самого королевского письма от той даты, адресованного Роджеру де Мортимеру и подробно изложенного г-ном Хартшорном, следует, что валлийцы напали ночью на Хавардин, убили некоторых из домочадцев де Клиффорда и сожгли дома замка, и то же самое сделали во Флинте. Это возмущение повторилось в следующем году, когда (6 ноября 1282 года) был убит старший сын судьи, тоже Роджер Клиффорд". [Foss's "Judges", III. 76.] Следующая запись в инквизиции - это запись от 25 Эдуарда I. о Роджере де Монтальте, из которой следует, что в то время, хотя он владел замком Райзинг и т. д., поместье Хаувертхин принадлежало Томасу де Оффели. Однако это может быть как феодал в доверительном управлении. [Inq. p.m. I. 134.].

Из всего этого можно сделать вывод, что здесь находился замок, который принц Ллевелин разрушил и который Роберт де Монтальт обязался не восстанавливать. В то время такие обещания стоили так же мало, как и в наши дни, и замок, который валлийцы взяли в 1282 году, в 10 году Эдуарда II, был, конечно, построен или восстановлен в тот период. Если бы Ллевелин нашел замок, хоть сколько-нибудь приближающийся по своей сути к нынешнему, он вряд ли смог бы его разрушить; да и по внутренним признакам здания не кажется вероятным, что ныне стоящий замок был взят валлийцами 10 Эдуарда I. Его лепнина и план верхнего этажа указывают на более позднюю дату; вероятно, это была работа последнего барона де Монтальта, между 1297 и 1329 годами. Цилиндрические башни-хранилища, не похожие на Хаварден, хотя обычно, как в Куси, гораздо более крупные, использовались во Франции в начале XIII века; и хотя необычная толщина стен в данном примере может показаться более соответствующей нормандскому периоду, общие детали, многоугольная настенная галерея и интерьер, а также вход, очевидно, являющиеся частью оригинальной работы, вполне определенно относятся к эпохе Эдварда.

Хаварден был окончательно разобран по приказу парламента во времена Содружества, а здание было сильно разрушено миной, попавшей, вероятно, под дверной проем. В таком виде он простоял до недавнего времени, когда его восстановил сэр Стивен Глинн, покойный владелец, по совету мистера Шоу из Честера. Задача была очень деликатной, но выполнена с удивительным мастерством и полным успехом, пока работа продолжалась. От каждой части осталось достаточно, чтобы дать ключ к ее воспроизведению, и таким образом ворота, камера портупей, большая часть колодезной лестницы, большая часть часовни и часть большой настенной галереи были восстановлены именно в том виде, в каком их оставил первоначальный строитель. В то же время использованный камень и способ его обработки всегда укажут опытному наблюдателю, какие части работы были заменены.

Нынешний выход на вал - кирпичная пристройка прошлого века, и его вполне можно было бы восстановить в камне. Отсюда открывается обширный вид на парк, который по своей дикости и красоте может сравниться с любой местностью даже на валлийской границе; а дальше - широкая и плодородная равнина Чешира и Шропшира, включая город Честер, скалы и хребет Бистона, а в ясную погоду - Врекин. В противоположном направлении открываются менее обширные виды на устье реки Ди и полуостров Уэст-Честер. Вид на Уэльс незначителен, поскольку отрезан от него возвышенностями.

ЗАМОК ХЕЛМСЛИ, ЙОРКШИР.

Хельмсли, Элмслей из "Домсдея" и Хэмлейк из генеалогии, - это название обширного участка диких болот, расположенного на южном склоне Кливлендских холмов, в северо-восточном углу Северного Райдинга Йоркшира. Холмы возвышаются над морем на 1400 футов, но высота болота Хелмсли едва достигает 1100 футов, а город Хелмсли, расположенный там, где возвышенность переходит в равнину, едва достигает 200 футов.

Настоящая река Хелмсли, спускающаяся с болот, - Сеф; но после ее слияния с Райе поток и долины носят имя последней воды, прославленной аббатством Риеволкс, примерно в четырех милях ниже которого, огибая поросший лесом мыс Данкомб, поток, возвращаясь немного назад по своему прежнему руслу, образует южную границу замка и города.

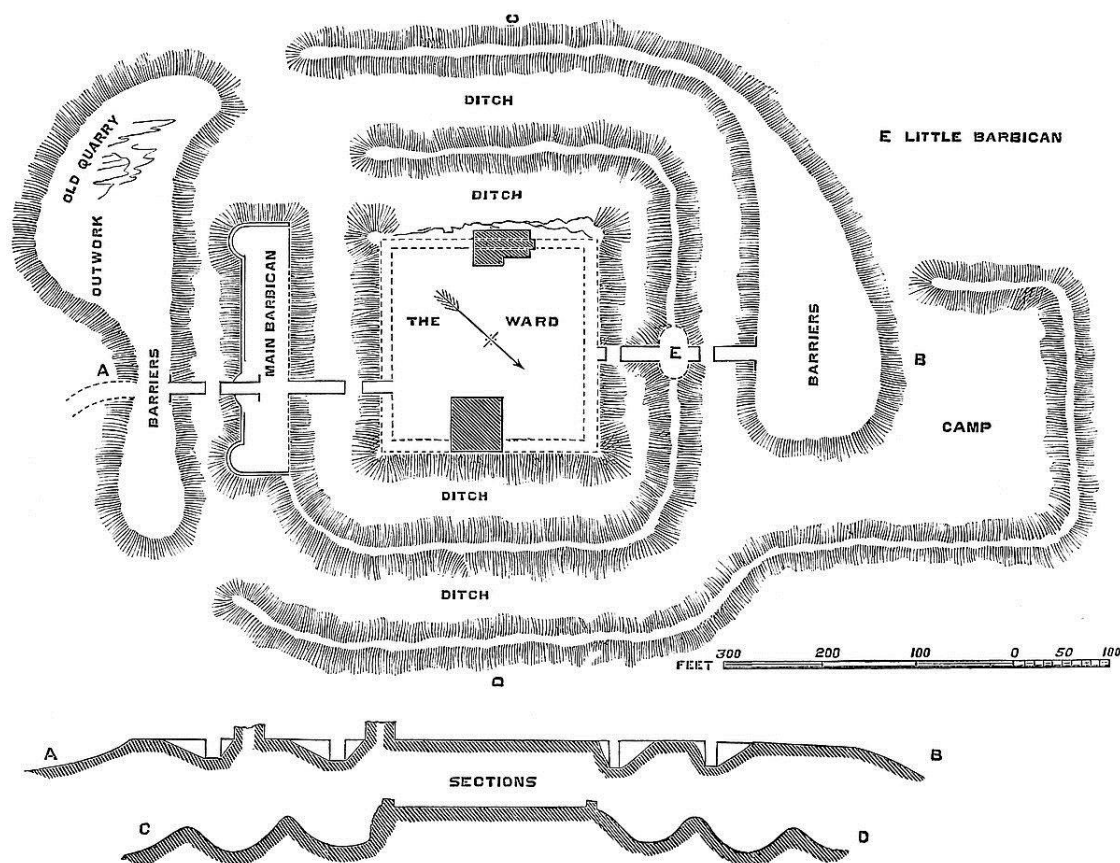
Замок почти не входит в состав парка Данкомб, часть его восточной части проходит по границе. Его положение, если и не бросается в глаза, то все же является прочным и благоприятным для проведения работ, которые в былые времена сделали его практически неприступным. Низкая платформа, на которой он стоит, состоит в основном из скалы, и труд, затраченный на ее возведение, был скорее направлен на удаление, чем на создание грунта, а рвы были полностью искусственными.

Кроме реки Рай, которая протекает в фуртах к югу от замка и имеет низкие и болотистые берега, река Эттон-бек, протекающая недалеко на востоке, между городом и замком, спускается по пути к Раю на таком уровне, что ее воды могут быть использованы для затопления рвов крепости.

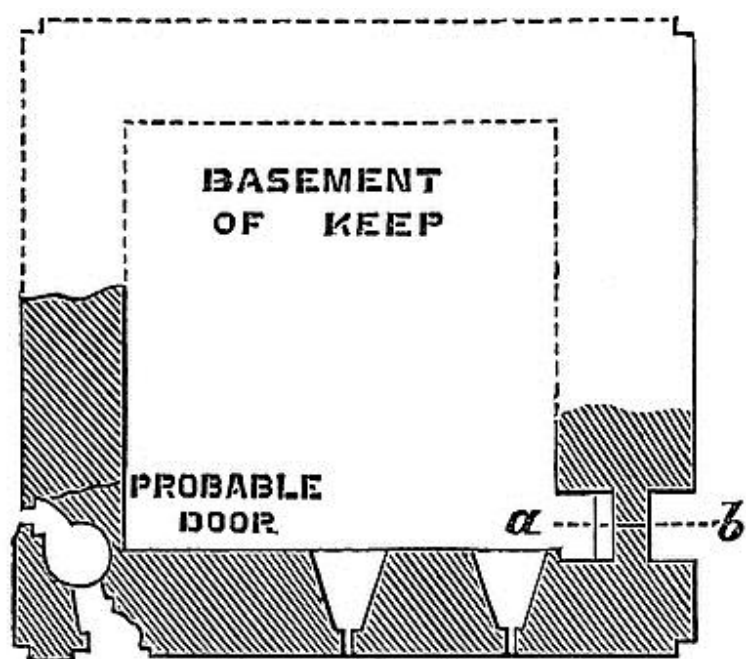
План замка прямоугольный, а земляные работы выполнены в масштабах, не характерных для замков чисто нормандского происхождения, что, несмотря на их форму, заставляет предположить, что они могут быть гораздо более ранними.

Основная часть замка имеет площадь около 200 футов, она ровная и находится внутри глубокого и широкого рва, полностью окружающего ее. Край склона венчает умеренная земляная насыпь, частично, несомненно, оригинальная, а частично состоящая из руин куртины.

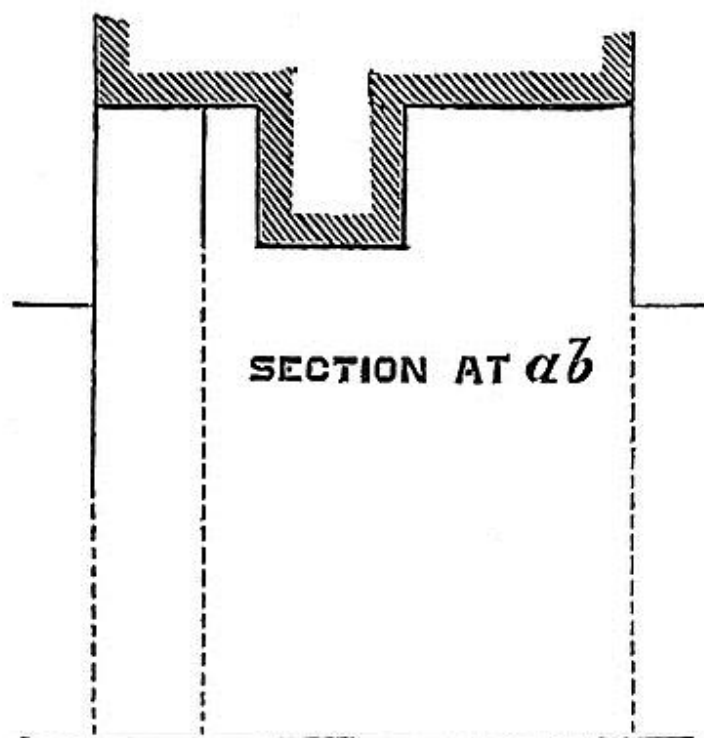
За рвом, образуя его контркарп, находится гряда или насыпь земли на несколько футов ниже уровня куртины, и поэтому она находится под его контролем. Этот гребень, прерывающийся у южного угла, чтобы сообщаться с раскопками, расположенными дальше, расширяется на северо-западном фронте и еще более значительно на противоположном или юго-восточном фронте, чтобы сформировать меньший и больший барбакан, закрывающий два входа в это место.

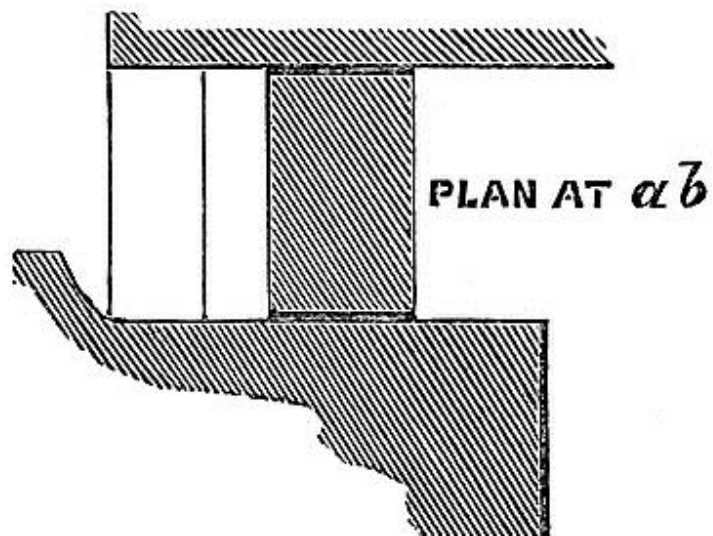
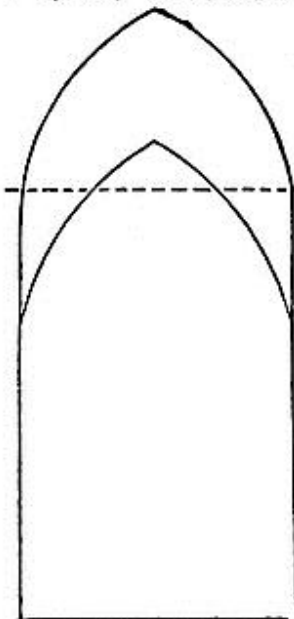
За гребнем находится второй ров, также опоясывающий все место и проходящий, таким образом, перед барбаканами. Его, в свою очередь, сменяет второй или внешний вал, также прерывающийся трех местах, на северном, южном и восточном углах. Она также имеет различную ширину: где-то это просто гребень, в других местах, как и перед двумя фронтами, расширена в широкие платформы, закрывающие входы и подходы к ним. Если предположить, что эти рвы содержат либо воду, либо грязь, то перерыв в берегах значительно увеличит трудности осаждающих, нарушив коммуникации и лишив их возможности атаковать барбиканы с флангов. За пределами второго берега есть следы третьего рва, который, однако, был ограничен теми пунктами, которые, как предполагалось, особенно нуждались в дополнительной защите.

0 10 20 30 40 FEET

ELEVATION FROM OUTSIDE

Очевидно, что земляное сооружение, подобное описанному, занимающее более десяти акров земли, со рвами шириной от 60 до 70 футов и глубиной в пропорции, в решительных руках и с надлежащим палисадом было бы самой грозной крепостью. То, что оборонительные сооружения были именно такими, не вызывает сомнений, поскольку берега не выдержали бы каменной кладки; и хотя край внутреннего рва был твердым, берег или гребень, поднятый на него, таковым не являлся, и если бы предполагалась каменная кладка, она была бы излишней.

Когда норманнский инженер взялся за укрепление этого места, он, по-видимому, ограничился строительством завесы толщиной в 10 футов вокруг внутренней территории, поставив ее на твердую почву и использовав земляной вал в качестве вала против стены; к этому он добавил сторожку на каждом конце и сооружение определенной прочности в качестве барбакана за внутренним рвом; затем вторую сторожку, поставленную на барбакан; и, наконец, второй или внешний мост. На западной стороне внутренней территории, где скала была твердой, склон рва заменялся низким утесом высотой от 20 до 25 футов.

Помимо стены-куртины, четырех разводных мостов и, вероятно, четырех ворот, здесь, по-видимому, было четыре барабанные башни - по одной на каждом углу. Правда, их больше не видно, но круглая куча мусора у каждого угла, похоже, изображает эти башни, которые, действительно, были обычными и необходимыми составляющими такой работы, хотя можно сомневаться, были ли эти башни норманнского периода: вероятно, они были более поздними.

В дополнение к этим сооружениям, высоко возвышаясь над ними, стояла прямоугольная крепость, расположенная недалеко от центра восточной или городской стороны, на которой находился *энсинт*, и составляющая его часть. Напротив крепости, также являющейся частью *энсинта*, но с западной стороны, и построенной, таким образом, на краю обрыва, находились домашние постройки, некоторые части которых остались смешаны с более поздними работами. Также можно заметить, что поперечный занавес между хранилищем и домашними постройками разделял палату на северный и южный двор, и, похоже, что фрагмент, который стоит сейчас и по виду напоминает часть часовни, был связан, как и в Кнаресборо, с этой стеной.

Судя по всему, крепость была квадратной, 53 фута, и хотя около 9 футов из нее засыпаны землей и мусором, она все еще возвышается примерно на 90 футов. Большая часть внешней или восточной половины была взорвана и упала в ров, а то, что осталось, сильно пострадало от перестроек и дополнений. Он построен из бутового камня самого обычного вида, но с кряжами и перевязками из пепла. Цоколь, если он есть, конечно, скрыт. Стены простые, толщиной в 9 футов, не имеют ни колонн, ни отмокты, и только один низкий пилястровый контрфорс, который поднимается только до второго этажа, и расположен на западном конце северной стены, чтобы придать прочность внутренней лестнице. В двух оставшихся углах есть выемки, но они не предназначены для размещения валов или бусин.

Первоначальная башня состояла из подвала и первого этажа, ее высота составляла около 70 футов, или, как сейчас видно, 60 футов. Внутри, у западной стены, сохранился не очень высокий флюгер, который показывает, как в Порчестере и Ричмонде, где крыша примыкала к стене в виде фронтона. Стена была проведена по всему периметру, достаточно высоко, чтобы скрыть крышу. В западном углу находится колодезная лестница, которая поднималась из подвала на второй этаж. Дверь в подвал замурована, но линия ступеней в стене направлена вниз. В западной стене был сделан пролом, обнажающий лестницу, и, похоже, он занимает место петли.

В западной стене подвала есть два остроконечных углубления, заканчивающиеся петлями с квадратными головками, а в южной стене - дверной проем длиной 5 футов 6 дюймов, также под острой аркой. Возможно, этот подвал был сводчатым, хотя более вероятно, что покрытие было деревянным.

Первый этаж первоначально освещался тремя окнами в ранних остроконечных нишах, разных размеров и высоты, а над центральной нишей, которая была расположена ниже, чтобы дать ей место, находятся круглоголовая ниша и окно, расположенное в углу фронтона. Три нижних окна были заменены тремя стрельчатыми, а углубления уменьшены по высоте и пропорциям. Более поздняя арка имеет красивое ребро. Неизвестно, как был перекрыт первый и основной этажи. В северной стене видны пружинящие камни трех ребер, очевидно, часть свода; рядом с ними находится короткий стол с четырьмя косоурами, возможно, каким-то образом связанный с лестничным входом. Кроме того, в западной стене сохранились фрагменты двух ребер, так что устройство свода остается неясным. Упомянутые ребра имеют четкие фаски и могут быть как ранними английскими, так и более поздними. К первоначальному зданию храма было сделано дополнение длиной около 30 футов, в результате чего появился верхний или второй этаж. В западной стене этой пристройки находится остроконечное окно в сегментной нише, опирающееся на старую кладку. В северной стене - еще одно остроконечное окно и камин. На юге есть петля, но эта часть стены, как внутри, так и снаружи, скрыта плющом. В стене этого этажа, пересекающей линию окон, находится стол с карнизом, карнизы которого вырезаны в форме печных щитов. Он должен был поддерживать крышу, но сильно мешал окнам. Как был достигнут этот этаж, неизвестно; вероятно, по колодезной лестнице в стене, ныне разрушенной, что, несомненно, можно было бы выяснить, вскрывая фрагменты во рву. Верхняя стена кажется такой же толстой, как и нижняя; любопытно, что не видно никаких следов настенных галерей или палат.

Броненосцы остаются безупречными, по крайней мере, до сих пор, как и стены, которые они венчают. Амбразуры умеренного размера, а мерлоны широкие, и по всему периметру проходит бегущая лепнина. На каждом углу находится квадратная башенка, возвышающаяся над куртинами примерно на 10 футов. Снаружи эти башенки опираются на легкие кронштейны, а каждую из внешних сторон фланкируют два легких, тонких контрфорса в виде табернаклей, опирающихся внизу на кронштейны и, несомненно, когда-то заканчивавшихся сверху изящными финтифлюшками. В каждой грани находится по одной амбразуре. Разумеется, все это - дополнения.

Вопрос о входе в эту крепость остается неясным. Остаются три двери, любая из которых может подойти. Та, что на первом этаже на юге; небольшая круглоголовая дверь на уровне второго этажа на севере; и третья дверь в той же стене, немного ниже, ведущая на колодезную лестницу. Однако есть основания полагать, что ни одна из них не была настоящим входом. У южной стены видны следы пристроенной каменной кладки, вероятно, передней постройки, содержащей и закрывающей вход, который в таком случае должен был находиться в южной стене у восточного конца, часть которой теперь разрушена. Лестница, по-видимому, начиналась у юго-западного конца этой стены и проходила над нынешней дверью, которая, вероятно, как и в Рочестере, открывалась в камеру под лестницей передней постройки. Этот вывод подкрепляется наличием семи отверстий в крепостной стене на уровне вала, очевидно, для того, чтобы нести решетку для лестницы внизу. Кроме того, высоко в той же стене выступает масса пепла, которая вполне могла быть частью машикуля, нависающего над дверью в лестничном проеме: подобные конструкции нередки в храмах такого типа. Из других дверей небольшая круглоголовая вполне могла открываться на валы,

как в Клитеро; а та, что выходит на колодезную лестницу, ныне закрытую и превращенную в петлю, выглядит скорее декорированной, и, возможно, является вставкой и вела в какое-то пристроенное здание, ныне разрушенное. В тот период, когда была построена эта башня, уже не было той крайней осторожности, чтобы разрешить не более одного входа в замок.

Похоже, что первоначальный замок был поздним переходным или остроконечным нормандским, и поэтому вполне мог быть построен, как предполагается, Робертом де Росом, по фамилии Фурсан, который владел лордством с 1184 по 1226 год и, вероятно, завершил работы до 1200 года. Затем последовала перестройка первого этажа в наиболее определенном раннеанглийском стиле, и поэтому, вероятно, Роберт де Рос, внук Фурсана, который женился на наследнице Бельвуара и процарствовал между 1257 и 1285 годами. Затем последовала надстройка верхнего этажа, а также башенки и башенки, все довольно поздно украшенные. Вполне возможно, что это дело рук Уильяма де Роса, владевшего Хелмсли с 1317 по 1342 год, которому в 1337 году была пожалована башня, построенная Эдуардом II в Лондоне, рядом с замком Байнард, и, похоже, стоявшая на берегу Флит-дич, где недавно были заложены древние фундаменты при прокладке новой улицы. Он должен был владеть этим замком как придатком к своему замку Хелмсли.

Дома, стоящие напротив крепости, состоят из двух блоков. Один из них - квадратный массив большой высоты и со стенами значительной толщины - имеет следы переходной норманнской или ранней английской постройки, но подвергся изменениям в декорированный период и, наконец, в XVI веке. Другое, северное здание может стоять на раннем фундаменте, и, вероятно, так оно и есть, но его отделка относится к шестнадцатому веку и, вероятно, принадлежит графу Ратленду, чьи гербы выбиты в штукатурке на глубоком карнизе и на панельном потолке, который сейчас находится на последней стадии разрушения.

Северная сторожка и любое строение, которое могло стоять на меньшем барбакане, полностью исчезли из виду, хотя, вероятно, их фундамент можно было бы открыть. На юге можно увидеть больше. Внутренняя сторожка действительно разрушена, и над мусором не видно ничего, кроме очертаний западного косяка, в котором виднеется паз для портупей и фальц для откидных ворот.

Внешняя сторожка и ее барбакан представляют собой весьма примечательное произведение. Этот барбакан, как уже говорилось, представляет собой расширение вала, окружающего внутренний ров. Его ширина превышает 80 футов, а длина достаточна для того, чтобы полностью охватить южный фронт крепости. Сторожка, как и та, что находится за ней, расположена гораздо ближе к восточной, чем к западной части сооружения. Она состоит из двух небольших круглых башен и двух больших барабанных башен, обрамляющих портал. По обе стороны от них тянутся куртины, которые заканчиваются парой больших барабанных башен, фланкирующих и замыкающих флигель.

На первом этаже сторожка сохранилась в идеальном состоянии. Верхний этаж находится в руинах. Портал, глубиной около 32 футов, имеет своды разной высоты и арки разной кривизны. Его защищали порткуллис и пара ворот. Внешний портал красив и своеобразен. Его проем составляет около 10 футов, он имеет плечевую голову, плечи которой обработаны скобами. Над ним находится рельефная остроконечная арка, а тимпан между ними сложен из камней, пригнанных друг к другу с большой аккуратностью. Выше находится хорошее плоское декоративное окно в два света с трилистником. Следы цепных отверстий для моста видны в спандрелях портала. Очевидно, что сторожка относится к двум периодам. Все, что находится за пазом порталной решетки, является оригинальным, либо

поздненорманнским, либо раннеанглийским. Паз со всем, что находится перед ним, - позднедекоративный, вероятно, относящийся к возрасту верхнего этажа замка.

Как бы ни пострадали здания этого замка, любопытно, что пирсы, контрпирсы и мостовые ямы четырех мостов сохранились в полном порядке, и все из превосходного пепла. Внутренний пирс, с которого опускался мост, имеет длину от 9 до 12 футов, а яма, через которую он опускался, открывается на 12 футов. Контрпирс, на который опускался мост, гораздо длиннее, от 40 до 45 футов, и поскольку ширина этого длинного и открытого прохода составляла всего 12 футов, любое приближающееся по нему войско было бы поставлено в крайне невыгодное положение.

Трудно судить о возрасте земляных сооружений этого замка. Римляне или норманны могли возводить земляные сооружения прямоугольной формы, но когда эти народы хотели возвести сооружение чрезмерной прочности, они использовали каменную кладку, а не земляные сооружения. С другой стороны, саксы и ранние англичане, хотя и использовали земляные оборонительные сооружения, часто огромных масштабов, не знают, чтобы они когда-либо были прямоугольными. Какова была практика романизированных бриттов, которые, унаследовав кое-что от римского искусства и военных правил, вполне могли также перенять от своих кельтских предков вкус к земляным работам, неизвестно. Такое укрепление, как нынешнее, , возможно, отчасти их рук дело. Конечно, не исключено, что все это могло быть делом рук Роберта Фурсана, тем более что, как это ни примечательно, оно не упоминается ни в Domesday, ни в других ранних записях.

Хелмсли, как уже говорилось, фигурирует в Domesday как "Элмслае, в вапентаке Лангеберга". Сейчас он находится в Райдейле, но то, что это именно то место, которое имелось в виду, кажется несомненным, судя по его записи вместе со Спростуном, ныне Спрокстоном, одним из его поселений, и Харуном, ныне Харомом, часовней в приходе. Записи имеют самое обычное описание. Арендаторы: "В Спростуне Турлог Нормандский и Сорткольф; в Элмслее три Таини; в Харуме Сорткол". Когда эти держатели были сметены и кто их сменил, неизвестно; но, согласно Дагдейлу, в царствование Генриха I Хелмсли владел Уолтер Л'Эспек, очень известный барон. Он фигурирует как связанный с Йоркширом, Бедфордширом и Карлайлом в Трубном списке 31 Генриха I, 1130-1; потеряв единственного сына в результате падения с лошади, он основал аббатства Киркхэм и Риваулкс в Йоркшире и Уордон в Бедфордшире. Л'Эспек был норманном и владел поместьями в Нормандии, но когда и как он туда перебрался, не сообщается. Некий Уильям Спеч записан в Domesday как крупный арендатор в Бедфордшире, и он может быть отцом Уолтера, у которого там были земли. Он умер в 1153 году, а в 1157-8 годах Уолтер де Буссей судится с Робертом де Росом за раздел этого поместья. Кем был этот Роберт де Рос, точно неизвестно. Аделина, дочь и сонаследница Уолтера, вышла замуж за Питера де Роса, который по праву владел Хелмсли, или, как его всегда называли, Хэмлейком.

Питер де Рос, чье имя происходило от его лордства Рос в Холдернессе, был отцом Эверарда де Роса, который фигурирует в Liber Niger как *capite* арендатор нескольких йоркширских полей, в число которых, несомненно, входил Хелмсли, поскольку многие имена арендаторов местные, как Хайрун, Спустон и Стейнсгрейв. Эверард, будучи несовершеннолетним, находился под опекой Ранульфа де Гланвилла. Он умер до 1186 года, и ему наследовал его сын Роберт, третий лорд Хэмлейка, по фамилии Фурсан, один из баронов Магна Чарты и предполагаемый строитель замка Хелмсли. Он умер как тамплиер, и его чучело до сих пор стоит в их церкви в Лондоне.

Роберт де Рос, его внук, который, вероятно, выполнил самые ранние дополнения к работам своего деда, женился на Изабель д'Альбини, наследнице Бельвуара.

От них произошел Уильям де Рос, седьмой лорд Хэмлейка, умерший в 1342-3 годах и, вероятно, достроивший замок, внешнюю сторожку и барбакан в Хелмсли. С его потомком, Эдмундом, пятнадцатым лордом, мужская линия прервалась, и Хелмсли вместе с его сестрой и сонаследницей Элеонорой перешел к сэру Роберту Мэннерсу, а точнее, к их сыну, Джорджу Мэннерсу.

Его потомок, Фрэнсис Мэннерс, шестой граф Ратленд, стал лордом Рос из Хэмлейка по патенту, который, однако, умер вместе с ним, поскольку он оставил только дочь, Кэтрин, которая вышла замуж за Джорджа Вильерса, герцога Бекингема, чей сын растранижил поместье, которое после его смерти было продано предку нынешнего владельца. Баронство Рос, или Роос, из Хэмлейка, было выведено из состояния покоя, но существует совершенно отдельно от замка или поместья.

ЗАМОК ХЕРЕФОРД.

Пограничники Англии, будь то на севере или на западе, были смелыми, выносливыми и агрессивными расами людей, чьей вотчиной были болота и моры, дикие мрачные возвышенности, встречающиеся на шотландской границе, или крутые скалы и труднопроходимые дефиле, дававшие силу и, в обычных случаях, безнаказанность валлийцам. Шотландцы, действительно, происходили из одного рода с англичанами и недавно стали частью одного королевства под властью одних и тех же лордов; к тому же земли к югу от Тайна или Твида были значительно богаче, чем к северу от них. Но у валлийцев были и другие, более веские и веские причины для их постоянных и свирепых нарушений. Они были прежними хозяевами всей страны, и это владение до сих пор подтверждается названиями холмов и рек, а также многих главных городов Англии. Они были совершенно иной крови и языка, чем саксонцы или норманны: первые постепенно вытеснили их в западные и менее плодородные районы острова, а вторые держали их взаперти и на расстоянии в своих горных крепостях, отвечая на их постоянные партизанские войны периодическими вторжениями в больших и, по тем временам, непреодолимых масштабах.

Вдоль валлийских гор простирались одни из самых плодородных земель Британии, возделанные, заселенные и укрепленные захватчиками, которые, не довольствуясь склонами Коттесволда и бархатными лугами на левом берегу Северна, продвинули свои завоевания далеко за правый берег, удерживая величественный хребет Малверн и богатые пастбища Тем, Луг, Фром, Ворм и Уай, вплоть до дамбы Оффы. Эта дамба, которую до сих пор можно проследить на большей части ее длины, между устьями рек Северн и Ди, считалась вечным знаком неполноценности, оскорбляющим патриотические чувства каждого валлийца. Поэтому неудивительно, что валлийцы постоянно восставали, огнем и мечом прорываясь на английскую территорию, и особенно в самый богатый и, по природе своей, наименее защищенный ее участок - прекрасное графство Херефорд.

Херефордшир впервые был покорен римлянами. В трех милях к северу от города находятся остатки лагеря, вероятно, британского, занимавшего около тридцати акров земли и известного теперь как Саттон Уоллс, немного южнее которого проходит линия дороги,

которая вела к римскому городу Магна-Кастро, расположенному в четырех милях к западу, и была продолжена в том же направлении.

В какой именно период Херефордшир перешел под саксонское иго и был присоединен к Мерсии, неизвестно - предположительно при Креоде, в начале седьмого века. Престол был основан в 680 году, когда здесь состоялся синод при Путте, первом епископе. Саттон, или Сауттон, названный так из-за своего расположения к югу от римского лагеря, которому он дал свое имя, в ранний период был резиденцией мерсийских королей. Здесь в середине восьмого века жил знаменитый Оффа, вероятно, во время строительства своей дамбы, которая проходит примерно в шести милях к западу; здесь же в 794 году было совершено убийство Этельберта, его предполагаемого зятя, что привело к возвышению соборной церкви, на которую были направлены значительные покаянные пожертвования Оффы. В грамоте короля Кёнульфа от 799 года н.э. упоминается Херефорд, как и в других грамотах Денеберта от 802 и 803 годов, в последней из которых говорится о некоем "монастыре, который был основан в античные диктаторские времена в Херефордской церкви". Саттон оставался мерсийским дворцом до объединения семи королевств при Эгберте Уэссекском в 827 году.

Эдуард Старший, великий строитель укрепленных мест, который отремонтировал цитадель и стены Честера в 909 году, по словам Графтона, также укрепил Херефорд, возведя там мощный замок. Его сестра Этельфледа, еще более великая строительница замков, чем он, которой обязаны курганы Татбери, Тамворта, Лестера и некоторых других, была вдовой Этельреда, герцога Мерсии, в 915 году, когда датчане продвинулись по реке Уай и взяли в плен епископа Арченфилда. Она напала на них перед Херефордом и победила, несомненно, воспользовавшись новыми оборонительными сооружениями. Вскоре после этого она умерла.

В начале одиннадцатого века саксонские владения настолько расширились, что оставили за собой Дайк, а Уэльс рассматривался как часть Англии, и была предпринята попытка заставить его вносить общий налог на оборону острова от датчан. С этой целью Эдвин, эльдермен мерсийцев, провел армию до Сент-Дэвида, наказав жителей за отказ. В тот период и во время правления Исповедника валлийцев возглавлял Гриффит-ап-Ллевелин, самый способный из их принцев и, по сути, единственный, кто когда-либо удерживал валлийцев вместе или давал англичанам повод для серьезных опасений. Иногда ему помогали датчане из Ирландии, иногда предательские саксонские вожди, а иногда даже недовольные норманны, и в первой половине одиннадцатого века он вел в целом успешную войну против Херефордшира. Судя по количеству, величине и характеру существующих земляных сооружений, Ирчен или Арченфилд, называемый валлийцами из-за буковых деревьев "Трефавртом", а англичанами иногда "Фернли", с самого начала был заселен англичанами; Но то ли не доверяя им, то ли желая четвертовать подальше гостей, которых он привлекал, но которых боялся, Исповедник выдал большие земельные наделы в этом районе своим нормандским придворным, с которыми Гриффиту нередко приходилось иметь дело.

Самое раннее из этих пожалований, по-видимому, было сделано Ричарду Фиц-Скробу, чья крепость, построенная по неизвестной до тех пор в Англии моде, вызвала большие и всеобщие нарекания. Его первоначальный замок был заменен более поздними постройками, ныне также разрушенными, но земляные сооружения, вероятно, являются первоначальными; а название "Замок Ричарда" показывает, насколько глубокий страх перед его строителями был внушен людям; кроме того, это очень редкий пример прихода, носящего чисто нормандское название.

Против этих пожалований выступили граф Годвин и его сыновья, и именно для того, чтобы заручиться их поддержкой, английский тан привел войска из Беверстоуна и потребовал от Исповедника отказаться от своих чужеземных фаворитов - борьба, которая в итоге закончилась временным изгнанием этого истинно английского дворянина.

В 1052 году, во время изгнания Годвина, Гриффит вторгся в Херефордшир и продвинулся до Леоминстера, прежде чем Фиц-Скроб и его норманны вышли ему навстречу. Они были разбиты в битве на открытой местности.

В 1055 году графство Херефорд находилось в руках Ральфа, прозванного "Тимидом". Гриффит, объединившись с Ильфгаром, саксонским владыкой восточных англов, которого сопровождали ирландцы, ворвался в Арченфилд и снова опустошил границу. В двух милях от Херефорда Гриффита и Ильфгара встретил граф Ральф, который, похоже, из-за норманнского презрения к пехоте, сделал чрезмерную ставку на свою кавалерию, в результате чего потерпел полное поражение. Гриффит вошел в Херефорд, который не был защищен, разграбил и сжег город, с чрезмерной жестокостью обошелся с собором и духовенством и разрушил то, что в "Бруте" называется gaer, то есть каструм или форт. Из этого рассказа следует, что город тогда не был укреплен. Мистер Фримен считает, что гаер был каменной кладкой. Как бы то ни было, нет сомнений в том, что это была работа на месте более позднего замка, потому что на берегу реки, для обороны, он, несомненно, был бы размещен; и так как положение собора, несомненно, всегда было одинаковым, вряд ли нашлось бы место для крепости между его участками и западным болотом. Расположение моста тоже, вероятно, древнее, и он вел бы в город, а не в гарь. Внешний вид земляных сооружений, существовавших до снятия кургана и засыпки рва, очень напоминает Тамворт и другие сооружения, приписываемые Эдуарду и Этельфлеме, и гаер вполне мог быть того же времени, что и земляные сооружения. Это вторжение валлийцев в 1055 году было самым сильным и самым продолжительным по своим последствиям из всех известных. Пострадал весь Арченфилд, а следы разрушителя еще долгое время спустя фиксировались в "Domesday".

Хотя за возвращением Годвина из изгнания в 1052 году последовало изгнание большинства норманнских захватчиков, Ричард Фиц-Скроб, один из самых обидчиков, похоже, остался и долго потом усмирал Эдрика Дикого; и его сын Осборн после короткого изгнания в Шотландии вернулись в Херефордшир и занимали должности и должности как до, так и после Завоевания.

В 1055 году Годвин умер, и Гарольду, как графу западных саксов, предстояло искупить позор, нанесенный Ральфом Тихим. Он не терял времени на подготовку. В течение того же года он собрал свои силы в Глостере и одним своим присутствием очистил Херефорд от валлийцев и Ильфгара. Он сразу же укрепил Херефорд. Восстановил ли он замок, неизвестно, но он окружил город стеной, несомненно, по линии более поздней постройки. Мистер Фриман считает, что сооружение Гарольда было просто "дамбой из земли и сыпучих камней", а Флоренс Вустерский описывает его как "Vallum latum et altum". Однако в "Domesday" говорится, что "murus" в Херефорде существовал еще во времена Исповедника, так что Гарольд, когда Херефорд перешел под его непосредственное управление, мог, как предполагает мистер Фриман, заменить свой валлум стеной из каменной кладки. Оборонительные сооружения Гарольда, вероятно, не включали пригород, который уже тогда должен был существовать, поскольку в Domesday мы читаем о мещанах внутри и мещанах вне стен; хотя последние могли бы получить неполную защиту от широкого пояса болот, которые тогда окружали город.

Гриффит искал и получил условия мира. Тем не менее его не устраивало, чтобы Херефорд стал сильным постом. В начале 1056 года он снова пересек границу. Против него выступил Леофгар, новый епископ, который, однако, был убит в первом же бою. Его преемник, Эалдред, человек столь же решительный и более удачливый, сдержал валлийцев и заключил мир, а укрепления Херефорда были достроены.

В 1062 году Гриффит снова появляется на сцене. Вероятно, он проехал через Херефордшир, поскольку пересек Северн в епархии Вустера. По этому случаю Гарольд, выступавший не как защитник той или иной провинции, а всего королевства, предпринял ответное движение и вторгся в Северный Уэльс. За этим в 1063 году последовало великое вторжение Гарольда, в ходе которого Гриффит был убит своими соотечественниками, а Уэльс покорился, лишившись своего величайшего сына. Именно по окончании этой войны Гарольд занялся строительством охотничьего домика для своего государя в низменных землях Гвента, в Порт-Скевете, где до сих пор видны земляные работы. На домик напал Карадок-ап-Гриффит-ап-Риддерх из Южного Уэльса и разрушил его.

Херефорд не принимал участия в Завоевании, но город и графство занимают достойное место в Книге Домедее, где обычаи описаны очень подробно. У короля было шесть денежников, а у епископа - один. Из городских бюргеров 103 принадлежали королю, а двадцать семь - графу Гарольду. Все арендаторы бурга были обязаны нести военную службу против валлийцев.

Любопытны обычаи валлийцев на землях короля Эдуарда в Аркенефельде, или Ирхенфилде, о которых также есть запись, и показывают не только раннее существование местного ополчения для сопротивления валлийцам, но и то, что люди в основном были валлийской крови и использовались против своих соотечественников. Король держал здесь три церкви, священники которых должны были быть легатами или послами короля в Уэльсе, а когда армия выступала в поход против врага, людям из Арченфилда поручался ответственный и опасный пост. Во время наступления они должны были составлять "Ауантварде", а при отступлении - "Редреварде".

Таковы были предки Херефордшира, поэтому не стоит удивляться, что он изобилует сильными местами, почти все из которых имеют признаки раннего происхождения, а во многих можно проследить горы или мотты, которые в Англии есть веские основания считать популярными в десятом веке. Domesday, обычно молчащий о крепостях и перечисляющий только сорок девять во всей Англии, упоминает в этом графстве восемь и два крепких дома. Однако их было гораздо больше, и на сегодняшний день сохранились более или менее значительные следы двадцати восьми, из которых многие сохранили гору, а другие - земляные сооружения раннего характера. Подобные сооружения можно найти в Бреконе и Буилте - местах, которые, как известно, в ранний период удерживали англичане. Несомненно, эти крепости, первоначально укрепленные деревом, снова и снова сжигались восставшими валлийцами; но позиции большинства из них были хорошо выбраны, и каждая имела свое прилегающее поместье, так что когда после Завоевания великие норманнские бароны пришли в Уэльс, они построили на этих местах каменные замки по своей моде, из которых сохранилось несколько, хотя многие, будучи разрушенными, были восстановлены в правление Генриха III или позже.

Прибытие Вильгельма, несомненно, подтвердило и расширило любую местную власть, которая могла быть предоставлена Ричарду Фиц-Скробу и его сыну при Гарольде. Осборн, будучи шерифом, владел Херефордом, и либо он, либо первый нормандский граф, вероятно, перестроили замок на нормандский манер.

Уильям ФицОсборн, великий норманнский вождь, "воинственный маг", граф Херефорда с 1067 по 1071 год, был страшным бичом для валлийцев, которых он оттеснил и победил на берегах далекого Римани. Ему приписываются замки Стригвил, Клиффорд, Вигмор и Эвиас - то есть их нормандская часть, поскольку некоторые, по крайней мере, сохранили более древние земляные сооружения.

Роджер де Бретуй, третий сын Уильяма, стал его преемником в графстве. Он не играет никакой роли в истории ни графства, ни замка. Потерпев неудачу во время восстания в восточных графствах, он закончил свои дни в тюрьме.

Когда умер Бретуй, неизвестно, но в 1138 году Херефорд под командованием Уильяма Тальбота успешно противостоял Стефану во время долгой осады. Обороне во многом способствовал Мило, констебль Англии, который получил графство Херефорд от Мода в 1140 году, и оно оставалось в его семье до конца века. По патенту Майло ему достался ров, возможно, "молот" и весь замок. Однако как граф он оказался неудачлив. Стефан вернулся и забрал замок, а свою корону с почетом носил в соборе.

Роджер, сын Мило, находился в оппозиции к Генриху II, но спасся благодаря мудрым советам Фолиота, епископа. В правление Иоанна менее сдержанный и смелый прелат Джайлс, барон де Браоз, объединился с Ллевелином, но, не сумев привлечь на свою сторону людей из Херефорда, умер в изгнании. После этого замок, похоже, перешел во владение короны, да так и остался. Принц Джон передал его под опеку Роджеру Биготу, а в шестой период своего правления королем и в седьмой период правления Генриха III Уильям, брат Томаса, лорда Кантелупы и шерифа, также был правителем. Бурное правление Генриха III придало ценность замку Херефорд. 15 Генрих III, Джон Фиц-Террик и Уильям де Стоу, инспекторы работ в замке Херефорд, получили 20 фунтов стерлингов на ремонт стен. 16 Генрих III., Террик и Роджер Карлтон, были землемерами мангонел и петард в замке. 26 Генрих III, Джон и Роджер ле Веррур были землемерами и потратили 7 фунтов 8 шиллингов. 6½d. на артиллерию и 12. 1s. 4d. на изготовление требюше под названием "Блайт" и 40 фунтов стерлингов. 14s. 4d. на строительство башни в замке. 42 Генрих III. Замок находился в руках шерифа Генриха де Пембриджа, пока бароны не заставили короля назначить Джона де Грея.

44 Генрих III, Роджер Мортимер был губернатором и проник в Уэльс до Буилта. Однако на него в свою очередь напали, и он удержал замок, хотя и всего на несколько недель, против Симона де Монфорда и принца Ллевелина. Епископ Аква Бланка был схвачен и заключен в тюрьму в Эрдесли. Питер де Монфорд, сын графа, управлял графством и использовал его средства на ремонт замка. После битвы при Льюсе принц Эдуард оказался здесь в плену.

О побеге Эдуарда отсюда часто рассказывают. Уйдемарш, откуда он ускакал галопом, до сих пор носит это название и находится примерно в миле к северу от города.

В течение всего этого времени, с 1199 года, титул графа Херефорда носил Генри де Бохун, чья мать была сонаследницей предыдущего графа, но ни он, ни его знаменитые потомки, графы Херефорд и Эссекс, хотя они владели замком Хантингтон и лордством Брекнок, а также построили замок Калдекот, никогда, кажется, не захватывали Херефорд, который оставался в собственности короны.

Вскоре после бегства Эдуарда Джон ле Веррур и Уильям Валет работали в Херефорде землемерами для короля и получали 45 фунтов стерлингов. 6s. 10½d. за ремонт стен и домов

короля. Уильям Капон также владел землями в Мардене за то, что держал дверь замка, и при Генрихе III это было заменено военной службой в поле.

Возможно, замок использовался в качестве местной казны; так, 1 Эдуарда I Генри Пигот владел 46 акрами *в капитуле* за перевозку королевских сокровищ из замка Херефорд в Лондон. В том же году Ричард Портер и Ричард ле Паннер, землемеры, выставили счет в 21 фунт стерлингов. 6d. на расходы и ремонт королевского дома в замке, а в следующем году они выделили пятнадцать дубов из королевского леса в Хейвуде, в миле к юго-западу от города, на ремонт.

2 Эдуарда I, Джайлс Беркли, шериф, потратил на ремонт 4 фунта 15 шиллингов, а в 7-8 Эдуарда I, Роджер Бергулл, его преемник, потратил 2 фунта 5 шиллингов. 4d. Хью Турбервилл, один из очень непокорных, как оказалось, будучи шерифом, сжег и разрушил в замке дом короля, а также некоторые военные машины и военные запасы на сумму 100 фунтов стерлингов. За это он был помилован, 5 ноября 48 г. Генрихом III; но долг остался, и 9 г. Эдуард I приказал шерифу наложить арест на его имущество.

12 Эдуарда I. в замке была возведена новая часовня, а бароны казначейства, по указу короля, разрешили Роджеру де Бургхулле выплатить 10 фунтов стерлингов. 6s. 8d. на этот счет. 15 Эдуард I. Генри де Солерс, херефордширец, получил в управление замок с оружием и запасами. 32 Эдуард I. Майлз Пичард выставил счет на 40 марок за ремонт, который был отменен, поскольку не был заверен землемером. Джон де Актон был губернатором, 33 Эдуард I.

1 Эдуард II. Алан Плукенет, хранитель королевского леса Хейвуд, должен был выделить двенадцать дубов и камень для ремонта стен и башен замка. Ральф Фримен владел землями *in capite* в Фромингтоне за то, что носил шнур вокруг стен замка, когда их измеряли. 5 Эдуард II., он заплатил полмарки за свое облегчение, а будущие выплаты заменил на 7s. 7d. в неделю. 10 Эдуард II. Хью де Хаклюйт взимал 5 фунтов стерлингов за ремонт.

13 Эдуард II., шериф Ричард Уолвин взимал 6 фунтов 13 шиллингов. 6d. за ремонт. В конце правления королева провела большой совет в Херефорде, и Хью ле Деспенсер, младший, был повешен на высокой виселице у Монашеских ворот. Во время правления Эдуарда II Уэльс был лоялен, а Херефорд, соответственно, обделен вниманием. Иоанн Гонтский был его правителем при Ричарде II, но даже его большая любовь к строительству не нашла здесь применения. Уже в 8 году Генрих VI предоставил городу древесину для замены стен.

Замок простоял незамеченным и более или менее разрушенным несколько столетий, пока не стал ареной одной из схваток между Карлом и его людьми. Впервые он был захвачен сэром Уильямом Уоллером для парламента в 1643 году вместе с городом, который тогда также был обнесен стеной и положение которого, естественно, было прочным. Он отступил из него перед принцем Морисом, но вскоре после этого, без удара мечом, вернул себе владение, чтобы снова отступить, так что в 1644 году он все еще удерживался королем. Однако в 1645 году начались серьезные неприятности. Лесли и шотландцы регулярно осаждали его, а с юга от реки Уай вели разрушительный огонь по замку, собору и епископскому дворцу. Сэр Барнабас Скадамор с одиннадцатью пушками стойко держался, отбил попытку штурма и заставил врага довольствоваться блокадой. Поскольку мельницы за стенами были разрушены, в них были построены другие. Затем шотландцы расположились лагерем на Бертоншоу-Мидс, недалеко от замка, между ним и рекой. Скадамор, чьи оборонительные сооружения не поддавались ремонту, а гарнизон был слаб, разослал за деревенскими жителями, чтобы те помогли ему в качестве рабочих. Враг узнал об этом и, войдя под видом рабочих, сумел захватить крепость. После этого общественным зданиям был нанесен

значительный ущерб, и замок, как принадлежащий короне и являющийся руиной, был продан в 1652 году за стоимость материалов.

ОПИСАНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ.

Замок Херефорд был одной из самых сильных, развитых и важных крепостей на Уэльском марше, а также крепостью, которая, будучи расположена в очень плодородном и открытом районе, была особенно опасна для валлийцев и очень уязвима для их нападений. Нынешние остатки крепости весьма значительны, но, как это часто бывает с крепостями донорманнской эпохи, они ограничиваются в основном земляными укреплениями и включают лишь незначительные следы более поздних каменных защитных сооружений.

Замок располагался на левом или северном берегу Уай, к востоку и ниже городского моста, собора и, в некоторой степени, города, юго-восточный угол которого он занимал. Хотя он и не входит в городскую черту, его, как и город, на некотором расстоянии прикрывает крутой склон, у подножия которого протекает ручей Язор, который, поднимаясь далеко на запад за Кентчестером и остатками Магна-Кастры, питал обширный участок низменности, до сих пор известный как Форстерс-Мур, Мурфилд, Канонс-Мур, Приорс-Мур, Истерн-Мур, Мур-Барн и Уйдемарш, к северо-западу от города, и который, обогнув его северный фронт ниже Барон-Корта, поворачивает к Монкмуру и Скулт-Миллс, и, наконец, впадает в Уай у Айгн-Милл, некоторые следы которой сохранились примерно в полумиле перед замком и ниже его. На северо-востоке земля представляет собой широкую и сухую площадку из гравия, очень плодородную и, вероятно, служившую в дикие времена безопасным пастбищем. Более низкий участок к северо-западу, ныне осушенный и либо возделанный, либо застроенный, в прежние времена, должно быть, представлял собой почти непроходимую трясиину.

Город Херефорд в своих стенах в плане представлял собой три четверти неправильного круга, расположенного на реке Уай, которая образует его вогнутую хорду. Его размеры составляли: север и юг - 600 ярдов; восток и запад - 770 ярдов; вдоль берега реки - около 600 ярдов; включая собор и замок. Общий обхват составлял около 2 350 ярдов. Стены - несомненно, норманнские - были построены по более старым образцам, ограничивались прибрежными сторонами, за исключением 50 ярдов выше городского моста, и имели длину около мили с четвертью. Их пронзали шесть ворот - мост Уай, снятый в 1782 году; Монашеские ворота и ворота Эйгн на западе, снятые в 1787 году; ворота Уйдемарш и ворота Бай или Епископские ворота на севере, снятые в 1798 году; и ворота Святого Андрея или Святого Оуэна на востоке, снятые в 1786 году.

Стены были укреплены пятнадцатью полыми башнями с фресками, расположенными на расстоянии от 75 до 125 ярдов друг от друга, или на расстоянии "флайта" - как объясняется, в пределах 400 ярдов, а здесь гораздо меньше. Они были более чем наполовину круглыми, то есть их боковые стены были немного удлиненными или свайными в плане, а высота их составляла 34 фута, они имели крестообразную петлю спереди и, вероятно, еще две по бокам. По крайней мере, две из них сохранились и доступны, хотя их верхняя половина была удалена. Высота промежуточного занавеса в интерьере составляла 16 футов, но он был пристроен к старому английскому берегу, который, таким образом, закрывал нижние 6 футов внутренней стороны и служил пандусом. Помимо двух уже упомянутых башен, стоявших на северо-западной стороне, стену можно проследить вдоль западной стороны от Епископских ворот - ныне "Торговой дороги" - до берега реки. Там, где она была снесена, осталась ступенька, и разница между уровнем внутри и снаружи становится очевидной. Часть этой стены от Монарших ворот до реки открыта для обзора с внешней стороны палладиума. Ров был частично засыпан, но стена высотой около 12 футов осталась без изменений, за

исключением удаления верхних 4 или 6 футов. Через регулярные интервалы вдоль нее на расстоянии около 50 футов расположены широкие пилястры, слегка выступающие и не имеющие заграждений. Они вдаются в стену ниже ее нынешнего верха. Судя по всему, на этой части стены не было никаких настенных башен. Какая-то мануфактура скрывает окончание этой стены у реки, где, вероятно, была башня; а от этой точки до моста линия современных домов эффективно скрывает любые фундаменты, которые могли сохраниться. Проследить городскую стену или то, что от нее осталось, хотя и помогают параллельные улицы, представляющие вал внутри и ров снаружи, - дело непростое; ведь здесь находятся самые низкие дома города, а жители, похоже, занимаются торговлей тех, кто в Иерихоне жил в аналогичной местности. Та часть стены, на которой видны пилястры, несомненно, является первоначальной норманнской стеной. Дальняя часть, или, по крайней мере, башни на ней, вероятно, относится ко времени Генриха III. Широкая современная улица Коммершиал-роуд, проложенная на месте старых Епископских ворот, конечно же, привела к удалению всех следов стены на месте ворот, но ее линию все еще можно проследить вокруг восточного квартала города вплоть до угла замка. Здесь, как и раньше, есть две дороги - одна внутри, другая вне линии стены, фактическое место которой показано иногда несколькими камнями, вмонтированными в стены более поздних домов, а иногда уклоном почти на 6 футов в уровень. За воротами Святого Оуэна стена сохранилась на протяжении нескольких ярдов, и ее можно увидеть с внешней дороги. Она доходит до контрфорса крепостного рва, где резко заканчивается, будучи частично снесенной.

Городской мост пересекает Уай по шести круглым аркам, очевидно, старым. Одна из них усилена тремя простыми квадратными ребрами, а на другой видны следы аналогичного дополнения. Мост имеет смелые опоры, и этим воспользовались, чтобы расширить его за счет вспомогательной арки шириной около 5 футов на каждой стороне, так что старая работа частично скрыта. Неизвестно, где находились укрепленные ворота; вероятно, на последней узкой арке со стороны города. На ней нет никаких следов того, что она была пробита для разводного моста, и традиция помещает ворота на внешнем конце.

Рядом с мостом и немного ниже него, у берега реки и немного южнее центра города, стоит собор, а ниже и рядом с ним - замок.

Кроме собора и его пристройки Святого Иоанна, в стенах города находились четыре церкви - Николая, Всех Святых, Святого Петра и Святого Оуэна. Кроме того, за рекой Уай находилась церковь Святого Мартина, разрушенная во время гражданских войн. Расположение улиц неравномерно, оно ни в коем случае не крестообразное и не указывает на римскую планировку. При таком расположении и обороне Херефорд был очень сильным местом, как и должно было быть, ведь он подвергался яростным и неоднократным нападениям валлийцев, которые особенно возмущались, что вполне естественно, завоеванием их самых плодородных провинций захватчиками.

Замок, как уже было сказано, занимал юго-восточную часть города. Он находился в приходе Святого Иоанна. Леланд описывает его как один из самых красивых, больших и крепких замков в Англии.

Он состоял из двух отделений, расположенных бок о бок вдоль берега Уай, но не на самом потоке, который, когда оборонительные сооружения были земляными, мог их подорвать; а примерно в 7 ярдах от него и на краю крутого откоса, на высоте около 8 футов над водой.

В плане восточный квартал имел продолговатую форму, стороны были почти прямыми, а восточный конец был более узким, чем западный. Восточный конец находится под прямым углом к реке и занимает 100 ярдов вдоль старой линии ее стены. Южный или речной фронт составляет 175 ярдов, как и северный. Западный фронт, соединяющий эти два участка, составляет 196 ярдов. Этот участок составлял восточный или нижний приход и занимал площадь около 26 000 квадратных ярдов.

Верхний, или западный, квартал примыкал к восточному и, как и он, упирался в реку. По форме он был округлым или, скорее, неправильной многоугольной формы, и состоял из большого конического кургана, полностью искусственного, с круглым окружным рвом. Внутри рва он простирался на 100 ярдов с восточной и южной сторон, а с трех остальных сторон - на 60 ярдов каждая. Таким образом, в обхвате он составлял около 380 ярдов, а по площади - около 14 000 ярдов. Таким образом, площадь всего замка, включая рвы, могла составлять около 8¼ акра. Восточное отделение, как утверждается, занимало около 5½ акров.

Земляные работы в нижнем отделении довольно совершенны. Они состоят из крутой насыпи вдоль северной и восточной сторон, высотой от 15 до 30 футов, самая высокая и широкая часть находится у северо-восточного угла, где, вероятно, стояла башня. Этот берег, очевидно, был выведен из широкого и глубокого рва, который остается идеальным и полным воды на северной стороне, но недавно был засыпан на востоке до самой реки; также не осталось никаких следов замковой мельницы, которая стояла на месте слияния с рекой. По фронту реки земля приподнята примерно на 4 фута, а возможно, была и выше. Вдоль западной стороны, по направлению к верхней палате, берег был сброшен в ров, и от него остались лишь следы. Леланд говорит, что здесь был "большой мост из каменных арок и разводной мост посреди него для входа в замок", но даже во времена Леланда он исчез.

Вход в эту палату, очевидно, находился в ее северо-западном углу, где ров пересекает дамба, по которой сейчас ходит публика. Во времена Спида здесь была сторожка, которую он помещает, вероятно, по ошибке рисунка, около середины этой стороны. Но берег здесь слишком высок, а ров слишком глубокий и широкий, чтобы позволить разместить там вход.

Современный музей, построенный на берегу реки у юго-западного угла палаты, точнее, между двумя палатами и над линией рва, содержит некоторые части более древнего здания и дверной проем времен Генриха III или Эдуарда I. Это здание, вероятно, охраняло отверстие среднего рва в реку, а также было сторожкой между двумя палатами. Спид показывает здесь что-то вроде водяных ворот, что вполне вероятно. Поверхность нижнего отделения ровная. В нем стояла часовня святого Катберта с полукруглой апсидой, а во времена Спида - еще и два небольших жилых дома. Леланд говорит: "В замке есть прекрасный и обильный источник воды, и он, а также часть ручья, вытекающего из рва, приводили в движение мельницу внутри замка". Она была дополнением к мельнице снаружи и к северу от замка и, вероятно, являлась частью нынешнего здания музея.

Земляные укрепления верхней палаты, к сожалению, были разрушены, курган и берега сброшены в канавы, все выровнено и сильно застроено. На месте кургана находится огороженный треугольный огород. Колодец или источник, о котором говорят как о колодце святого Этельреда, сохранился. Он выходит за зданием музея примерно в 50 футах от реки и в 6 или 8 футах над ней. Поскольку по описанию он находится дальше к северу, вероятно, при засыпке рва была проложена труба, чтобы вывести воду на прежний уровень. В этом квартале находился курган, известный как Замковый холм, который, по-видимому, был убран в начале нынешнего века. Он был опоясан у основания многоугольной куртиной, за

пределами которой находился ров. Трудно понять, как был заселен курган. Леланд говорит, что "во внутреннем дворе была одна большая башня". Сэр Генри Слингсби в своем дневнике в 1645 году описывает город Херефорд как мало похожий на Йорк, "потому что у него есть круглая башня, установленная на холме, как башня Клиффорда, и мельницы рядом с ней, с некоторыми небольшими сооружениями, рядом протекает река Уай; но стены, хотя они и высокие, все же не установлены на пандусе, как стены Йорка". Это достаточно понятно, поскольку стены, о которых говорится, находились у основания холма; но Леланд также говорит о донжоне или хранилище, план которого неизвестен, но на его стене десять полукруглых башен, а внутри, как представляется, была квадратная башня значительной высоты, в основании которой находилась темница. Из очень четкого рассказа сэра Генри Слингсби мы можем с уверенностью заключить, что на этом кургане, как и в Кардиффе и Килпеке, находился панцирный замок; но он вряд ли мог быть оснащен десятью полукруглыми башнями. Вероятно, они относились к *расположенной* ниже стене. В крепость входили, судя по всему, с юго-восточной стороны по крутым ступеням на курган. В насыпи находился колодец, выложенный камнем, как в Йорке.

Замковые рвы были широкими, глубокими и наполнялись водой не из реки или частично из нее, а из ручья, который, похоже, питал городской ров с этой стороны, а достигнув замка у северо-восточного угла, разделялся, часть которого шла прямо вдоль восточного фронта нижнего прихода к реке, а другая часть питала северный ров и ров, разделявший верхний и нижний приходы, а также ров, проходивший вокруг восточной стороны прихода и отделявший его от соборного участка. Этот последний ров также получал небольшой вклад от Колодца святого Этельреда, источника на северной стороне верхнего прихода, о котором уже упоминалось. Замковая мельница стояла на месте соединения восточного рва с рекой Уай. Вода в замковых рвах, разумеется, отводилась для использования мельницей и укрепления оборонительных сооружений, и, похоже, она стекала обратно в городской ров вплоть до ворот Святого Оуэна, укрепляя и соединяя таким образом город и замок.

Таким образом, в качестве составных частей Херефордского замка мы должны представить продолговатое пространство, с одной стороны которого была река, а с трех других - высокие берега и рвы. Один конец был отрезан от остальных и имел свой ров, более или менее круглый, а внутри него - коническую насыпь со столообразной вершиной, а на ней - раковинный замок с какой-то центральной башней, вероятно, дополнительной. У основания кургана, внутри рва, находилась вторая стена, многогранная в плане.

Нижняя палата, несомненно, имела свои стены вдоль вершины земляной насыпи, и они, вероятно, были низкими из-за высоты берега и глубины рва за ним. На северо-западном углу у входа на сушу находилась сторожка, а на юго-западном - водяные ворота, где также находился проход между двумя палатами. Вероятно, у юго-восточного угла, где сейчас проложена пешеходная дорожка, находился столб.

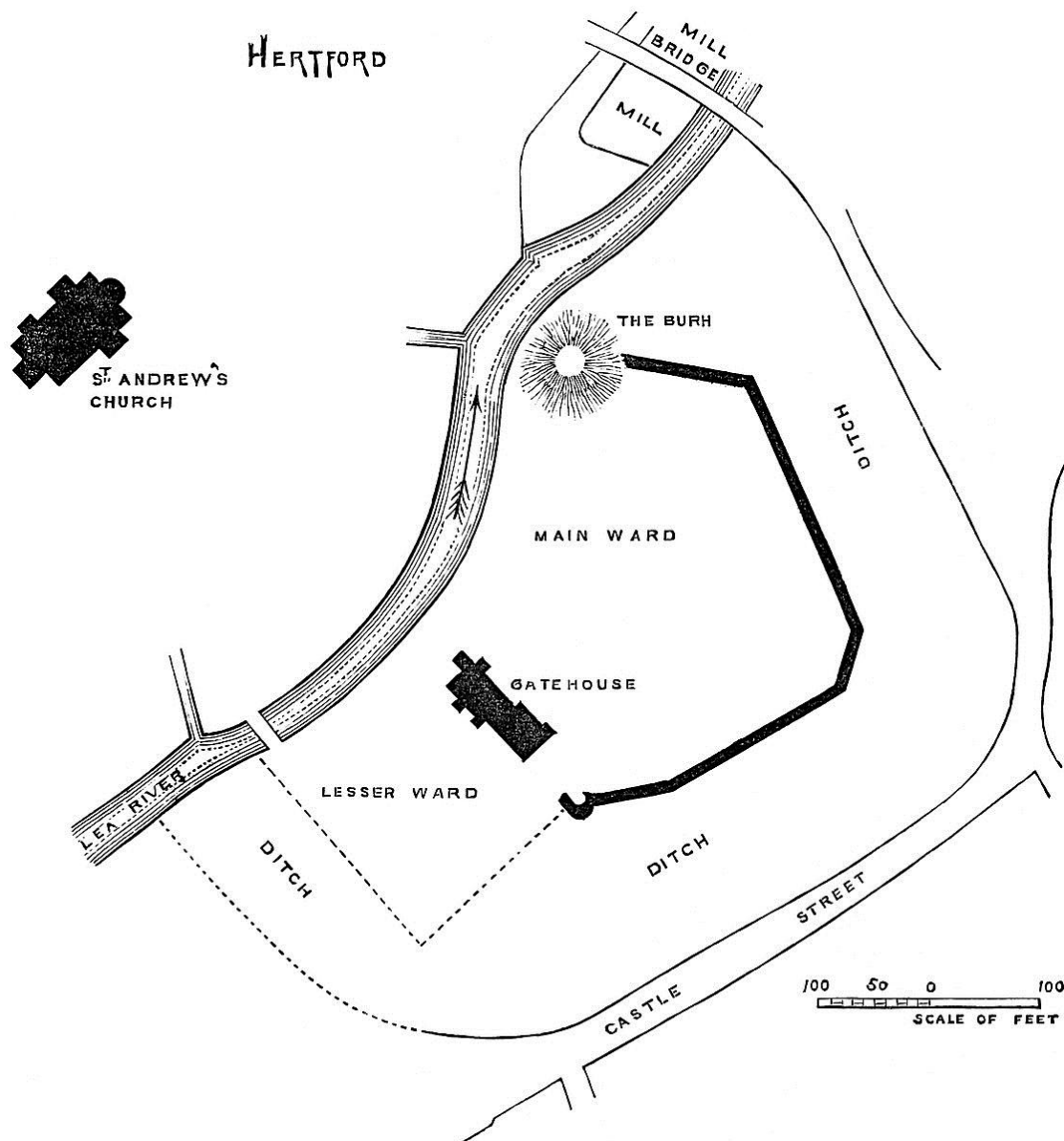
В плане насыпи и берега эти сооружения в целом похожи на те, что были в Уоллингфорде, Уорехеме и Тамворте, а также на замок в Вустере.

ЗАМОК ХЕРТФОРД.

Замок Хертфорд не только имеет большую древность, но и дату его основания. Саксонская хроника сообщает, что в 913 году Эдуард Старший, сын Альфреда, возвел в Хартфорде два

бурха: один в Мартинмассе, на северном берегу реки, и, позднее, один на южном берегу, между тремя реками, которые здесь соединяются. Первое из этих сооружений давно засыпано, и от него не осталось и следа, а второе сохранилось благодаря тому, что было включено в состав более позднего замка. Курган, стоящий на краю реки Лиа, действительно уменьшился в своих первоначальных размерах, но он сохранился, и к нему примыкает двор с внешним рвом, когда-то очень широким и глубоким, неизменным сопровождением кургана, и вместе с ним составляющим Бурх.

Хартфорд

Бурхам Эдуарда, возможно, предшествовало более раннее земляное сооружение, поскольку считается, что Хертфорд стоял на месте главного города тринобантов, британцев, занимавших район к северу от этой части Темзы. Однако если бритты и основали здесь опорный пункт, то, скорее всего, на одной из прилегающих высот, где есть несколько отличных позиций для укрепления. Вероятно, существование британского поселения в районе, столь хорошо защищенном своими водотоками, привлекло вторгшихся поселенцев, ведь здесь, как говорят, была резиденция восточносаксонских королей, и в этом месте архиепископ Теодор, освященный в 668 году, созвал синод национальной церкви в 673 году.

Датчане не раз захватывали эту часть Англии, и лагерь в Дейнсбери, вероятно, был их рук делом. Также считается, что у них был лагерь на Порт-Хилле, от которого, однако, как утверждается, сейчас не осталось и следа. Именно на реке Ли, между Хартфордом и Уолтемом, Альфред сделал датский флот бесполезным, заблокировав реку и тем самым предотвратив их возвращение. Известно, что это было сделано не с помощью плотины, а гораздо более научным способом - прорубив в реке несколько каналов, каждый из которых был слишком мелким, чтобы по нему могли плыть корабли. Таким образом, отступление датчан к Темзе было отрезано, и они были вынуждены двинуться вглубь страны к Северну у Бридженорта.

В 913 году защита, которую обеспечивали хертфордские бурги, по-видимому, привлекла жителей, которые заняли оба берега реки Лиа, и город, расположенный таким образом, был возведен Эдуардом в ранг королевского бурга, принадлежащего короне на правах бургового владения. Хертфорд принадлежал Исповеднику, был принят Завоевателем и внесен в книгу Domesday, в которой, однако, как это нередко бывало, не упоминается ни замок, ни, тем более, церкви. Считается, что Вильгельм укрепил замок и передал его в управление Питеру де Валуан, одному из своих последователей, который передал его своему сыну Роджеру, а тот - двум своим сыновьям, Питеру и Роберту. Мужская линия завершилась Робертом, дочь и наследница которого, Гуннора де Валуань, вышла замуж за Роберта Фиц-Уолтера. Владение замком, похоже, не перешло по наследству, а было возвращено короне, возможно, как мужская вотчина.

Король Иоанн, этот самый непостоянный из монархов, владел замком и посещал его в 1212, 1213 и 1216 годах. Однако в последний год на замок напал Льюис Французский, который осаждал его с дня Святого Мартина (11 ноября) до дня Святого Николая (6 декабря) и в конце концов взял его. Роберт Фиц-Уолтер, приверженец Льюиса, воспользовался случаем, чтобы возобновить притязания своей жены, но безуспешно. В конце концов, она была возвращена Иоанном и передана его сыну Генриху III, который поставил Ричарда де Арджентина во главе ее и потратил 20 фунтов стерлингов и, возможно, другие суммы на ее ремонт. В 1226 году им владел Хуберт де Бург, после падения которого Генрих отдал его во владение Уильяму де Валенсу, после чего им владел его сын, Аймер, граф Пемброк.

Эдуард III возобновил владение в 1327 году и передал замок Джону Гонту, своему сыну, от которого он окончательно перешел в герцогство Ланкастерское, к которому он номинально и относится. Генрих IV провел здесь свою Пасху в 1429 году, а Генрих VII продолжал назначать констебля и привратника. Он описывается как "castrum non immensum sed pulcherrimum". Хертфорд жил лучше большинства королевских замков, возможно, благодаря своему удобному положению по отношению к Лондону: в правление Генриха VIII в нем были жилые помещения, подходящие для короля, а Эдуард VI и принцесса Елизавета находились здесь. Последняя, став королевой, отчудила его сэру Уильяму Харрингтону, который построил на месте внутренней сторожки большой кирпичный дом, сохранившийся до сих пор. Во времена Якова I замок описывается как занимающий $7\frac{3}{4}$ акра. Затем ров протянулся до дорог или улиц, известных сегодня как Мельничный мост, Уош и Касл-стрит. Мельница находилась на реке Лиа чуть ниже крепостных стен. Церковь Святого Андрея стоит примерно в 150 ярдах от оставшегося кургана, за рекой. Была и вторая мельница, вероятно, на реке выше замка. В конце концов замок был сдан в аренду секретарю Сесила, чьим потомком, маркизом Солсбери, он и остается. Примечательно, что замок Хертфорд ни разу не принадлежал графам, носившим титул Хертфорд. Они, конечно же, были графами графства,

хотя в перстах это не указано. Их главная восточная резиденция находилась в Клэре в Саффолке, вокруг которого они владели значительной собственностью.

Сила Хертфорда как военной позиции была очень велика и зависела от низкой болотистой местности, которой он был почти окружен и которая могла быть затоплена водами трех, а точнее четырех, значительных потоков, "flumina non profunda sed clarissima". Из них Лия, текущая с запада, в нескольких ярдах выше замка принимала Мимрам с северо-запада, а чуть ниже замка в объединенный поток впадали воды Бина с севера и Рибс с северо-востока, и весь этот объем вытекал вперед под названием Лия. Ниже или к юго-западу от замка, вдоль русла Леа, простирается широкая низина, которая и сейчас время от времени затопляется, а в прежние времена, должно быть, представляла собой непроходимую топь. В другом направлении земля, хотя и застроенная и составляющая часть города, на некотором расстоянии вокруг мало чем превосходит луг, хотя то тут, то там на высоте 4 или 5 футов появляются небольшие залежи гравия. Замок стоит на правом берегу, к юго-востоку от реки, и его крайняя граница, в пределах контркарпа или внешнего края главного рва, включает в себя пространство, напоминающее ухо, а река образует более короткую сторону или вогнутость. В длину, с северо-востока и юго-запада, это пространство составляет 234 ярда; его ширина варьируется от 100 до 200 ярдов, а средняя составляет 140 ярдов. Ров, ныне почти засыпанный и частично застроенный, был шириной около 30 ярдов и, несомненно, заполнялся из реки, с которой он сообщался с каждого конца. В пределах рва, если считать по линии старого берега или нынешней стены, площадь составляет около трех с половиной или четырех акров. Курган расположен на краю реки, у северного угла ограды. Берег не включает его, а указывает на его центр, так что курган, как это было нередко, составлял часть оборонительного сооружения. Собственный ров кургана был засыпан.

От средневекового замка осталась лишь значительная часть стены *энсинта* и, возможно, часть древней кладки, встроенной в дом сэра Уильяма Харрингтона, который до сих пор обитаем. Говорят, что это была сторожка; если это так, то она относилась к северному приходу и находилась на линии стены, отделяющей один приход от другого. Толщина стены составляет около 7 футов, высота - от 25 до 30 футов, она сложена из кремневого щебня. Башенки исчезли или почти исчезли, и осталась только часть одной круглой в плане башни, которая закрывала юго-восточный угол стены северного отделения. Стена охватывает северную и большую часть восточной стороны района. На западной или речной стороне от нее не осталось и следа. Несомненно, она была менее основательной на этой стороне, где естественная оборона была сильной. Южное или меньшее отделение, похоже, не было обнесено стеной. С трех сторон его прикрывали река и болото, и, возможно, он был обнесен только палисадом. Стена, очевидно, пересекала ров кургана и упиралась в него, а возможно, и в панцирный замок, все остатки которого исчезли.

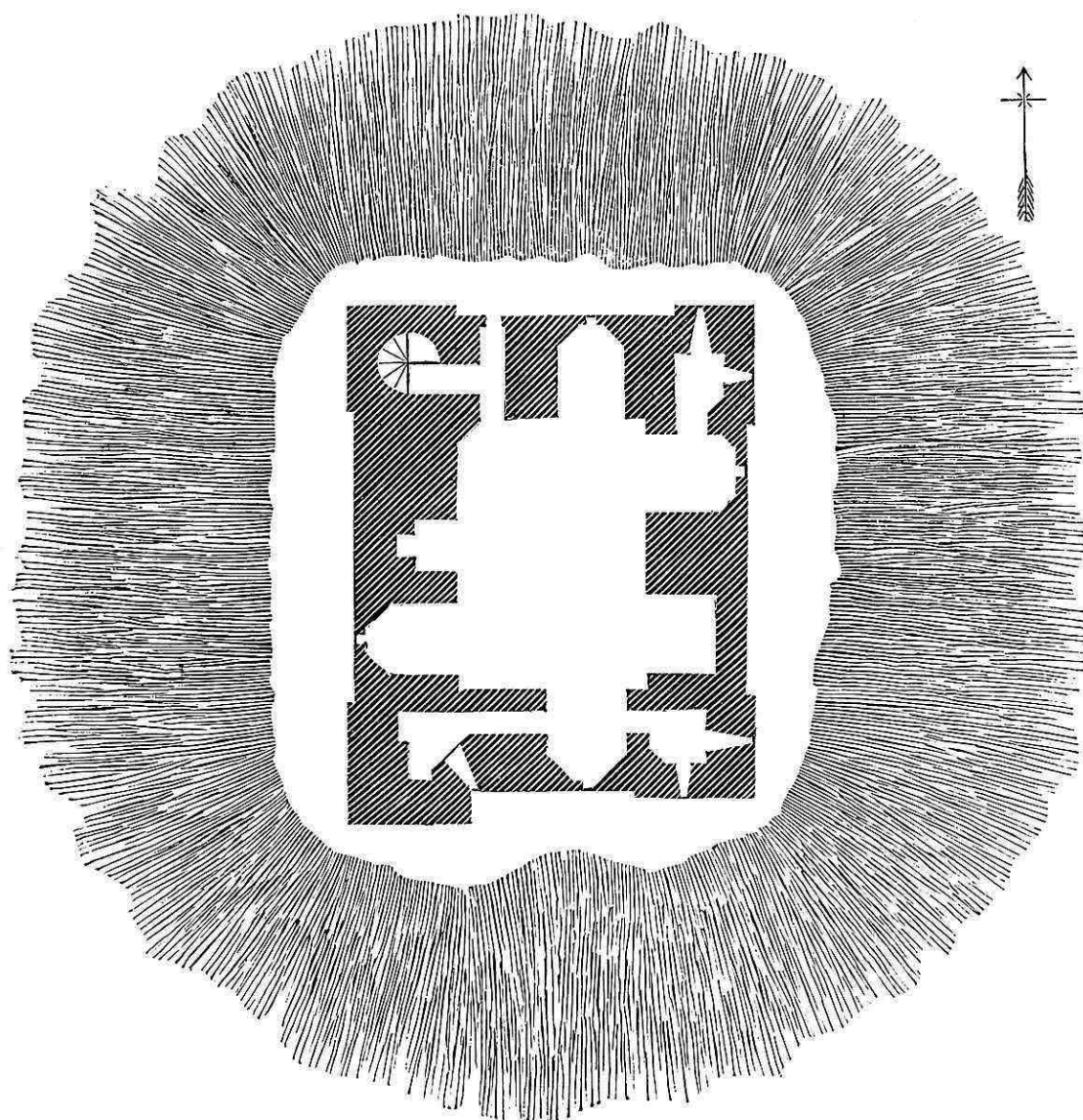
Современный вход в замок находится у восточного угла рва, через который проходит дорога, ведущая к небольшому и, по-видимому, современному дверному проему в стене. Следов главного входа в этом направлении не обнаружено, но следует признать, что если главный вход находился к югу от сторожки, то к нему было трудно подобраться, разве что по воде.

ЗАМОК ХОПТОН, ШРОПШИР.

Примерно в пяти милях к юго-востоку от Клуна, на притоке реки Темы, расположен приход и замок Хоптон, Опетун из Domesday, когда он, как и Клун, принадлежал Пикоту как преемнику

Эдрика. Это была вотчина Клуна. В 1165 году им владел Уолтер де Оптон в качестве двух рыцарских гонораров при Джеффри де Вере, одном из трех мужей Изабель де Сай; а Питер де Оптон владел им в 1201 году. За ним, возможно, последовал Уильям де Хоптон, но г-н Эйтон не уточняет, не мог ли он быть родом из Монк-Хоптона в том же графстве.

Как бы то ни было, Уолтер де Хоптон владел фьефом в 1223 году, как и другой Уолтер, в 1255-72 годах, и был обязан предоставлять для обороны замка Клун одного солдата круглый год, а второго - на сорок дней во время войны. В 1304-5 годах, после смерти Уолтера де Хоптона, он получил Вилла Хоптон с деревнями и значительные владения вокруг него, в основном принадлежавшие Клуну, которые продолжали оставаться двумя первоначальными владениями сэра Джона де Хоптона в 21 году Ричарда II. Семья, по-видимому, оставалась в Хоптоне до правления Елизаветы, но замок все еще стоял и достаточной прочности, чтобы быть удержанным королем Карлом в семнадцатом веке. Он был взят после галантного сопротивления и разобран.

Замок Хоптон. План местности.

Масштаб - $\frac{1}{20}$ дюйм = 1 фут.

Замок или башня Хоптон стоит примерно в полумиле к югу от приходской церкви. Он занимает холм или участок гравия, который поднимается из болотистого дна, вызванного

водами ручьев, которые здесь впадают в основной поток. Здесь есть центральный курган, невысокий, но четко очерченный, который окружен круглым рвом, а за ним - следы двух или трех платформ, слегка приподнятых, которые были укреплены рвами, подпитываемыми водой ручья с запада. Несомненно, это место было занято каким-то арендатором Эдрика, так как его земляные сооружения, несомненно, являются донорманнскими, а, возможно, относится к десятому веку. Вероятно, норманнский арендатор и его потомки, от которых и происходит название этого места, в течение нескольких столетий довольствовались теми оборонительными сооружениями, которые оказались им под силу, поскольку здесь нет никаких следов каменной кладки одиннадцатого или двенадцатого веков.

Замок состоит из одной башни, четырехугольной, размером 48 футов на 50 футов, со стенами толщиной 10 футов. Он стоит на насыпи, высота которой не превышает 6 футов, и через которую, несомненно, проходит фундамент. У него есть подвал на уровне земли, первый или главный этаж и чердак в крыше. Внешняя отделка простая, с двойным завитком из тетивы на высоте от 4 до 6 футов от земли. Каждый угол увенчан парой широких пилястр небольшого выступа, которые поднимаются к вершине и, вероятно, несут четыре квадратные башенки. Дверной проем находится на северной стороне, недалеко от его западного конца, и почти на уровне первого этажа, поднявшись с внешней стороны на три или четыре ступени. Южный фасад имеет квадратный выступ на западном конце, в котором находится садовый домик. Дверной проем, единственный вход, имеет ширину 6 футов и равностороннюю арочную головку. Его лепнина представляет собой две выпуклые четверти круга, разделенные ступенькой. Их характер простой, но отлично декорированный. Над дверным проемом был треугольный колпак, который теперь разрушен. Порткуллиса нет, есть только крепкая дверь.

При входе в сводчатый проход, ведущий в подвал, справа есть небольшая дверь, которая ведет в колодец-лестницу диаметром 6 футов, занимающий северо-западный угол здания и поднимающийся на крышу. На втором этаже находится вестибюль с небольшим окном над наружной дверью. Это единственная лестница. Подвальное помещение имеет размеры 29 футов на 21 фут. В северной стене есть глубокая ниша шириной 7 футов, в которой находится небольшая петля с квадратной головкой. Напротив, в южной стене, такая же ниша и окно, но в косяках две двери, которые короткими проходами ведут в две камеры в двух южных углах. Палата в юго-восточном углу имеет размеры 7 футов на 6 футов, с двумя петлями. Другая - садовая, с одной петлей. Обе закрыты нависающими плитами. В западной части находится еще одно окно в углублении, аналогичное описанному выше, и камин с вертикальным тоннелем. В восточной стене - две ниши, одна пустая, другая пробита петлей. Из косяка последней открывается дверь в небольшую камеру в северо-восточном углу.

Второй этаж возвышенный. Балки и доски исчезли, а стены и оконные ниши так заросли брамсом и так недоступны, что деталей не разглядеть. Этот этаж похож на подвал, только он выше, а окна больше.

Остатки двух фронтонов на северном и южном фасадах показывают, что здесь была коньковая крыша, с небольшим окном на каждом конце. В целом это очень необычное здание, больше похожее на шотландский, чем на английский замок. Все они относятся к одной дате, вероятно, это работа Уолтера де Хоптона, который умер в 1304-5 годах и, судя по всему, был человеком, обладавшим значительным богатством и властью.

ЗАМОК ХАНТИНГДОН.

Принято считать, что город Годманчестер, расположенный на правом берегу Оуза, представляет собой римскую станцию Дуролипонов. Его пересекает Горностаевая улица, которая здесь принимает Виа Девана из Кембриджа, и другая римская дорога от станции в Салене, или Сэнди. Римский город, однако, как это часто бывало, был разрушен в ходе многовековой войны, последовавшей за уходом римских войск, и память о нем сохранилась главным образом в окончании "Честер", приставшем к его более позднему названию. Северные захватчики не слишком заботились о том, чтобы строить на римских фундаментах, и в данном случае они перешли с низкой и водной стороны старой станции и обосновались на более высокой позиции Хантерс, или Хантинг-даун, на противоположном, левом и северном, берегу реки. Кем и когда именно была основана столица будущего графства, неизвестно. Первое упоминание о нем, а точнее о Хантингдонском порте, в истории относится к 657 году н.э., когда он появляется в пределах основания Медехампстеде (Питерборо). Как военный пункт он назван в 918 г. н.э., когда, согласно Саксонской хронике, датская армия из Хантингдона и Восточной Англии воздвигла сооружение в Темпсфорде, а для этого покинула другое сооружение в Хантингдоне. Эти работы обязательно должны были представлять собой сохранившиеся до наших дней земляные сооружения, которые могли быть возведены либо датчанами, либо более ранними саксами. Позже в том же году король Эадвард со своими западными саксами привел к повиновению датчан Нортгемптона и Велланда, "уменьшил бург в Хантингдоне, отремонтировал и обновил его, где он до этого находился в состоянии разрухи..... И все оставшиеся там крестьяне подчинились королю Эадварду и искали у него мира и защиты".

Генри, архидиакон Хантингдона, писавший в конце XI века, упоминает три бурга (*tria castra*) - Букингемский, Бедфордский и Хантингдонский. Замок несколько раз упоминается в Domesday. Он находился на территории округа Хантингдон. Епископ Линкольна имел резиденцию (*mansio*) на месте замка (*in loco castris*). На месте замка находилось двадцать резиденций (*mansiones*). "Помимо них были и есть LX. 'mansiones' waste... и из-за них VIII. 'mansiones' waste". Вильгельм Завоеватель был в Хантингдоне в 1068 году, когда он приказал построить замок, очевидно, на месте старой крепости, восстановленной Эдуардом Старшим в 918 году. Имена в Domesday показывают, насколько полным было вытеснение крупных английских землевладельцев. Новый замок, вероятно, был построен Юстасом, одним из самых хищных нормандских шерифов, и находился в его руках; но графство было передано Юдит, племяннице короля, и перешло к Мод, ее дочери, через графа Вальтеофа. Мод вышла замуж, сначала за Симона де Сент-Лиз, по праву графа Хантингдона. После его смерти графство перешло к Дэвиду, впоследствии королю Шотландии, второму мужу Мод, и вместе с замком долгое время было предметом раздора между двумя семьями, пока Дэвид, третий сын Генриха, сына Мод и Дэвида, не осадил и не взял замок, после чего Симон де Сент-Лиз, сын Мод, вернул его себе. В результате Генрих II приказал снести замок, и, похоже, он никогда не был восстановлен. Город время от времени упоминается в публичных записях, и эта честь по-прежнему связана с графством. У короля также была там тюрьма, но о замке никогда не упоминалось. В 1205 году король Иоанн пожаловал Роберту Руфусу владения и мельницу в Хантингдоне, а в 1218 и 1219 годах шериф приказал передать конфискат, с определенными ограничениями, Александру, королю Шотландии, как хранителю этой чести. Младшая ветвь дома Гастингсов приняла титул Хантингдон, чтобы увековечить происхождение старшей линии от шотландских графов.

Трудно предположить, что Генрих в течение столетия после постройки снес бы первоклассный замок, возвышающийся над городом-широм и расположенный на краю

очень сильной и труднодоступной местности. Обычный порядок действий в отношении важного сооружения заключался в том, чтобы присоединить его к короне. И все же, что бы там ни стояло, потом было разрушено, и о замке Хантингдон больше ничего не слышно. Был ли там действительно построен замок, или же, как это часто бывало, это была просто усиленная форма более старой английской деревянной постройки? По прошествии времени трудно сказать, хотя разумно проведенные раскопки, несомненно, поставили бы точку в этом вопросе.

Не существует плана Хантингдонского замка, то есть земляных сооружений, известных как Касл-Хилл, которые все еще можно увидеть; а поскольку они обширны и частично находятся в частном саду, простой набросок едва ли возможен. Позиция прекрасная. Оуз, глубокая, широкая и вялая, на своем пути из Бедфорда и Итона в Фенс, отступает от возвышенностей к северу и делает между Хантингдоном и Годманчестером смелый изгиб к югу; таким образом, окружая большой круг луга диаметром около полумили, который теперь используется как ипподром. Вдоль северного края этой широкой полосы протекает ручей Алконбери, значительный водоток, который огибает подножие возвышенности и впадает в Оуз напротив Замкового холма и чуть выше моста, по которому Горностаевая улица переходит в реку. Здесь, на краю возвышенности, защищенной с юга рекой и ручьем, а также низкими и ранее непроходимыми уровнями за ними, находятся древние земляные сооружения, которые, хотя и частично выровнены, уменьшены по высоте и глубине и пересечены дорогой и железной дорогой, все еще очень значительны и составляют примечательную особенность в панораме города с юга. В общих чертах работа представляет собой скорее круг, чем квадрат, и имеет около 180 ярдов в чистом диаметре. Внешний ров, который включен в это измерение, опоясывает две трети всей площади, соединяясь каждым концом с ручьем, который, таким образом, завершает инвестицию. На западной окраине огороженной таким образом территории возвышается большой курган, плоская вершина которого, ныне увенчанная заброшенной мельницей, имеет 100 футов в диаметре, около 30 футов в высоту над внутренней платформой и 40 или более футов над местностью снаружи. Этот курган, который был цитаделью работы, имел свой собственный окружающий ров, который с внешней стороны был идентифицирован с главным рвом, но в других местах отрезал курган от общей области крепости. Этот остаток, который благодаря вдавливанию кургана и рва в огромный кант, превратился в подобие полумесяца, был защищен по внешнему краю широкими и высокими земляными валами, возможно, на 20 футов выше содержащейся площади и на 30 или 40 футов выше ограничивающего рва. Железная дорога проходит на восток и запад, близко к югу от кургана, и отрезает часть работ; дорога проходит на север от кургана, а к северу от него тесная ограда отгораживает от посетителей часть земляных работ.

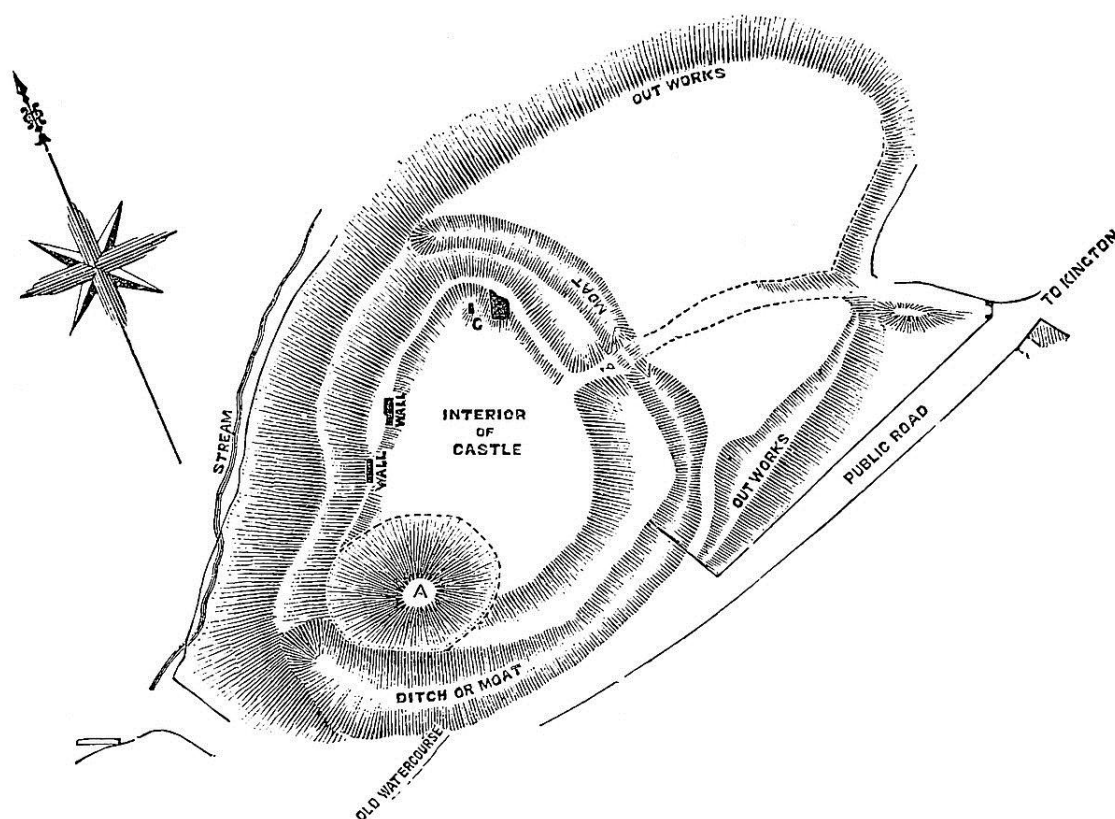
Вход был с восточной, или городской, стороны. К западу, за пределами рва, находится естественная возвышенность, которая на расстоянии 100 ярдов заканчивается крутым склоном, и которая, возможно, была частью оборонительных сооружений, а возможно, безопасным загоном для скота. В Domesday упоминается мельница, расположенная на реке ниже замка. Сейчас на месте мельницы нет никаких следов каменной кладки, но земляные сооружения выглядят так, как будто они были построены.

Две городские церкви очень красивы. Одна из них, за исключением башни, кажется полностью перпендикулярной; другая содержит некоторые норманнские или раннеанглийские работы, много украшений и несколько тюдоровских. Рядом с отелем "Джордж" находятся две большие круглоголовые арки, опирающиеся на три прекрасные нормандские опоры. Здание, к которому они относятся, было перестроено или почти перестроено из кирпича. Говорят, что здесь была больница.

Хотя все свидетельства в целом говорят в пользу английского происхождения этих земляных сооружений, а также тех, что находятся в Итон-Соконе, курган в Итоне не является столь важной особенностью, как обычно в норах X века, хотя он все же присутствует. Но в обоих этих сооружениях присутствует особенность, которая, независимо от кургана, очень характерна для сооружений их класса и очень редко встречается в сооружениях, признанных британскими или римскими. Здесь не только есть курган, но и уровень территории, находящейся внутри внутренних рвов, обычно выше, чем земля непосредственно вокруг. Это заметно в Буилте и Килпеке, а также во многих других местах, и, очевидно, это было сделано для того, чтобы обеспечить домашним постройкам большую безопасность и преимущество при нападении. На это различие, похоже, никто не обращал внимания, и возможно, что на нем основывается идентификация многих земляных сооружений, дата создания которых сейчас неизвестна.

ЗАМОК ХАНТИНГТОН, ХЕРЕФОРДШИР.

Это один из насыпных курганов с прилегающими дворами, которых так много в графствах Херефорд и Салоп, и здесь, как обычно, земляные сооружения использовались для поддержки и защиты каменной кладки нормандского замка. От этих построек мало что осталось, но земляные работы удивительно совершенны и показывают в полном объеме курган, внутреннее отделение и его ров, а также внешнее отделение, также со рвом. Прилагаемый план взят со страниц "Archæologia Cambrensis", где также есть ценная статья о замке.

ЗАМОК КЕНИЛВОРТ, УОРИКШИР.

Три графства средней полосы Англии, к счастью для тех, кто в них жил, не были богаты замками, а те, что остались, редко отличаются ярким характером. Позиция Бельвуара, действительно, очень благородна, а Уорик не имеет конкурентов; но это блестящие исключения, и ранние строители замков графств Лестер, Уорик и Нортгемптон, в отсутствие тех диких черт природы, которым многие валлийские и шотландские крепости обязаны своей известностью, вынуждены были довольствоваться оборонительными сооружениями, часто полностью искусственными, а там, где они естественны, редко отличающимися смелым характером, хотя иногда и грозной силой.

Замок Кенилворт - прекрасный пример крепости средней полосы. Для обычного наблюдателя его местоположение представляет собой тихую сельскую красоту, но ничего не говорит о навязчивой военной силе; и все же в руках умелых инженеров он стал, с точки зрения размеров, прочности и размещения, одним из самых важных военных пунктов в Англии. У него были стены, способные оказать большое пассивное сопротивление, возможность содержать многочисленный гарнизон и огромные запасы провизии, а также фронт, защищенный большим водным пространством, которое, в свою очередь, было прикрыто грозным флигелем. Кроме того, через средние районы с самого начала проходили главные и поперечные дороги, благоприятные для сосредоточения войск и переброски запасов, которые в столь плодородной стране редко ищут безрезультатно. По всем этим качествам, силе, мощности, центральному положению, возможностям для сбора и питания гарнизона, в дни своей гордости Кенилворт не мог сравниться ни с одной крепостью в Англии; И сейчас, когда его травянистые лужайки и увитые плющом стены благоухают миром и процветанием, английской сельской жизнью, вдумчивый посетитель не может не почувствовать, что это место было подходящим для завершения того знаменитого поединка между монархической властью и гражданской свободой, в котором, хотя честь и номинальная победа были за короной, реальный и постоянный выигрыш остался за английским народом.

На полпути между Уориком и Ковентри, где действие воды на мягкую породу нового красного песчаника превратило поверхность страны в огромную сеть низких, округлых холмов и широких и пологих долин, ручей Инчфорд, один из многочисленных притоков реки Соу, принимает на своем левом или северном берегу меньший и безымянный ручеек. В месте, где соединяются эти воды и их соответствующие долины, с северо-востока выступает холм, частично из камня, частично из гравия, как своего рода низкий мыс между ними, и он несколько отделен расширением долины ниже по течению, общий эффект которого заключается в том, что возвышенность имеет болотистую границу на западном, южном и юго-восточном склонах, оставляя ее на севере и северо-востоке соединенной с более крупными участками столь же возвышенной земли.

Именно такое место было выбрано в далекие времена, вероятно, каким-то богатым английским франклином для резиденции, и его норманнскими преемниками. Один из них, а возможно, и оба, вырыли глубокую траншею через горловину возвышенности на севере и северо-востоке, а с других сторон склоны стали более крутыми. Центральный участок, изолированный таким образом, был искусственно поднят примерно на 15 футов, вероятно, за счет окружающих раскопок, и таким образом образовались сооружения, которые до сих пор

можно проследить среди дополнений и изменений, внесенных многими поколениями жителей. Как обычно в таких концентрических земляных сооружениях, внутренняя и более высокая часть, в которой находилась резиденция владыки, была расположена вне центра по отношению к внешней и более низкой части. Она предназначалась не только для внешней защиты цитадели, но и как место безопасности для иждивенцев, а в случае опасности - для стад и отар. Важно было, чтобы все это располагалось недалеко друг от друга, поэтому одна или две стороны основного двора имели большую площадь, а остальная часть была узкой и использовалась только для обороны. Так устроены Беркхэмпстед, Керлеон, Вигмор, замок Ричарда, Тонбридж, Эвиас-Гарольд, Килпек, Шрусбери и многие другие крепости, где норманнский инженер построил здание по более ранним образцам, так же как и в Кенилворте, где восточная и северо-восточная стороны внешнего двора являются самыми просторными.

Курган, столь часто встречающийся в английских крепостях и обнаруженный в соседней крепости Уорик, здесь не очень хорошо виден; вопрос в том, занимает ли его место норманнский замок или на него посягает зал Джона Гонта, оба из которых связаны с древними земляными валами. Часть одной из этих насыпей видна на западном фасаде внутренней палаты, и, хотя она изуродована, вполне может представлять собой первоначальный бург. Нормандский замок также связан с земляными валами. Он включает в свои стены явно искусственную насыпь высотой от 10 до 15 футов, на которой возведены стены. Кенилворт в его нынешнем виде представляет собой замок нескольких периодов, но его общий план является оригинальным и концентрическим, основными дополнениями к которому стали озеро и пристройка за ним. Он состоит из замка, внутренней и внешней палат, озера, которое сейчас осушено, большого флигеля за озером и дамбы, которая поддерживала озеро и через которую проходил главный подход к замку.

Внутренняя палата имеет размеры около 80 ярдов на север и юг, 84 ярда на восток и запад. Его северо-восточный угол - прямой, а восточная и большая часть северной сторон - прямые, но южная и западная стороны неровные. Северо-восточный угол образует и заполняет здание. К западу от него, на северном фронте, находятся кухни, а у северо-западного угла - сильная башня. Западный фронт занимает зал, а вдоль южной стороны стоят другие домашние и государственные здания. Здания Лестера образуют юго-восточный угол, а домики Генриха VIII и занавес, ныне исчезнувший, занимают оставшуюся часть восточной стороны. В центре находился открытый двор, примерно 40 ярдов на север и юг, 50 ярдов на восток и запад.

Кипер, известный как "Кипер Сезара" и более справедливо как "Башня Клинтона", по величине, общим пропорциям и совершенству материала и исполнения является прекрасным примером первоклассного позднего норманнского кипера прямоугольного типа. Она образует северо-восточный угол внутреннего квартала и построена в основном на скале, которая здесь находится недалеко от поверхности. С восточной и южной сторон земля ниже, поэтому основание состоит из мощной стены высотой от 8 до 12 футов, разделенной на восемь или десять ступеней и выступающей на 6-8 футов от линии земли. В верхней части этого основания, которая соответствует уровню первого этажа, крепость имеет размеры от куртины до куртины 58 футов на север и юг, 87 футов на восток и запад, а ее высота от уровня земли составляет около 80 футов. Его западная сторона закрыта передним зданием, которое выступает на 38 футов и имеет длину, равную ширине храма, или 73 фута от передней стороны башен. Углы башни увенчаны четырьмя башенками, выступающими на 7 футов 6 дюймов, и грани которых составляют 26 футов и 22 фута, последние - на востоке и западе. Между ними на южной стороне находятся четыре, а на восточной - три пилястры,

шириной от 5 до 7 футов и выступающие на 1 фут. Они поднимаются от общего цоколя и поднимаются к вершине нынешней стены, которая разрушена, но включает в себя 5 или 6 футов парапета. Примечательно, что у этого парапета нет внешних выступов, нет даже веревочного курса, чтобы отметить уровень его основания.

Башенки разрушены почти до уровня куртин, но части их камер сохранились. Западный фасад изменен передней частью здания. На ней находятся две пилястры, но они останавливаются на уровне второго этажа. Башенки имеют смещение на 6 дюймов на две трети высоты, а куртины - на более низкий уровень. Это единственные внешние уменьшения толщины стены, которая является вертикальной. Толщина стен на уровне пола составляет 13-14 футов, а этажей было всего два - подвал и верхний или главный этаж. Подвальная камера имеет размеры 60 на 30 футов и высоту 20 футов; верхний этаж примерно на 4 фута больше, стена была уменьшена на 2 фута, на которой покоился пол. Высота этой главной камеры составляла около 40 футов. Подвал был недавно исследован и открыт. Он заполнен грунтом, глубина которого колеблется от 6 до 15 футов. Стены, очевидно, проходят сквозь грунт и опираются либо на скалу, либо на первоначальную черную растительную почву. Жертва столь большого пространства в столь дорогостоящем сооружении весьма любопытна. Очевидно, это сделано намеренно, поскольку характер кладки показывает, что она не предназначалась для обозрения.

В северо-восточной башне находилась колодезная лестница диаметром 10 футов, которая поднималась из подвала к бойницам, сообщаясь со вторым этажом. Она освещалась шестью круглыми петлями, из которых три на юго-востоке сохранились, и открывалась на фаску, которая заполняет полый угол между башней и восточной куртиной. Лестница, похоже, открывалась вниз коротким изогнутым проходом в северной стене, хотя при реставрации она была сделана так, чтобы открываться в камеру в восточной стене. Северная куртина исчезла полностью, от цоколя вверх, и была удалена с некоторой осторожностью, ее стык с северо-западной башней был гладко вырезан. На другом конце его демонтаж привел к исчезновению половины лестницы, основание которой было полностью восстановлено. Эта подвальная камера окружена низким, узким цоколем или ступенькой высотой 2 фута и шириной 1 фут. Пол был вымощен. В южной стене находятся три больших оконных проема с круглой головкой, каждый из которых помещен в проем шириной и глубиной около 1 фута с квадратной головкой. Арки опираются на простой абакус. Их ширина составляет 8 футов, а высота - 12 футов. В настоящее время эти углубления имеют параллельные стороны и открыты на всю глубину. Очевидно, что когда-то они были глубоко раскрепованы и содержали небольшие фонари или петли, но раскреповки были срезаны, а петли заменены большими сильно мулинезированными окнами эпохи Тюдоров, которые снова были удалены. В восточной стене находится аналогичная ниша шириной 6 футов, которая не претерпела изменений. Здесь проем снаружи и изнутри сужается в форме часовых стекол до петли в центре стены, с небольшим выступом для перехвата стрелы. Поскольку толщина параллельных сторон петли составляет 2 фута, а сама она находится в 6 футах от торца стены, очевидно, что ни одна стрела не могла быть выпущена отсюда иначе, чем почти прямо вперед. Как обычно, эти петли предназначались для воздуха и света, а не для обороны. Между этой петлей и южным углом находится дверь с квадратной головкой, открывающаяся на 3 фута, под любопытной круглой аркой, тимпан которой частично образован камнями арки. Она ведет к колодцу, который находится в центре стены. Он имеет диаметр 4 фута и сильно засорен. Он поднимается на верхний этаж. На северном конце этой стороны стена была разрушена и открыта небольшая настенная камера, шириной 5 футов и длиной 8 футов, с простым бочарным сводом. В нее открывалась дверь из большой камеры, и она освещалась через петлю, превращенную теперь в подобие окна. Внутренняя стена около

дверного проема была укреплена пилястрой в 1 фут, которая упирается в первый этаж. В ходе недавней реставрации эта камера была превращена в вестибюль у подножия лестницы.

В западной стене находится простой дверной проем с круглой головкой, открывающийся на 6 футов и украшенный каменными кольцами глубиной 2 фута. Это отверстие прямого прохода в стене толщиной 12 футов 9 дюймов. В проходе есть фальцы для двух дверей, открывающихся навстречу друг другу. В Рочестере маленькая дверь в таком положении вела только в своего рода тюрьму в основании передней части здания, и, возможно, так было и здесь; но размер двери, как и в Корфе, позволяет предположить, что это был обычный вход, к которому можно было подойти через переднюю часть здания от общей наружной двери. В небольших замках в подвал часто попадали только со второго этажа, как в Клитеро, через ловушку, или, в более крупных замках, через колодезную лестницу, как в Миддлхэме. К сожалению, поскольку передний этаж почти всегда более или менее поврежден, в большинстве случаев, когда есть большая дверь в подвал, невозможно точно сказать, был ли это независимый вход. Кроме того, как и в лондонском Тауэре, Гилдфорде и Маллинге, возникает сомнение, не является ли дверной проем в подвале более поздним введением. Цоколь этого дверного проема находится примерно в 10 футах над внешним или главным входом в здание, пол которого поднимается к нему. Ближе к северу от большого дверного проема находится маленький, 2 фута 6 дюймов, который ведет в садик, сиденье которого выведено в интерьер северо-западной башни. Это внутреннее помещение площадью 10 футов 6 дюймов, по-видимому, было огромной выгребной ямой, в которую поступало содержимое гардеробов с каждого этажа и с бойниц. Внизу нет стока, а нижняя часть ямы содержала песок, который недавно был удален. Похожая яма есть в замке в Ладлоу, а также в Шерборне. Как бы ни была велика эта яма для такой цели, она гораздо меньше башни, стена которой на западе, если она цельная, должна быть 11 футов толщиной. Может ли быть вторая шахта меньшего размера в той части башни, которая сейчас недоступна? С этого этажа не было пути ни в одну из южных башен, обе из которых на этом уровне были засыпаны землей.

Главный или верхний этаж имеет размеры 34 фута на 64 фута и высоту около 40 футов. Поскольку пролет длинный для одиночных балок, возможно, что они опирались на центральную балку, а та - на стойки; или, поскольку оснований не найдено, возможно, что они были укреплены распорками от боковых стен. Некоторые следы в золе разрушенной лестницы в северо-восточном углу, похоже, указывают на вход с лестницы через северную стену, подобный тому, что предполагается внизу. В южной стене находятся три оконные ниши, соответствующие тем, что расположены ниже, но открывающиеся на 6 футов, с сегментными головками. Они упираются в пол и имеют высоту 12 футов. Над одним из этих проемов, с внешней стороны, можно проследить голову одного из первоначальных нормандских окон, что показывает, что оно было небольшого размера - вероятно, с проемом в 2 фута. Они были заменены, с небольшим учетом соответствия, поздними тюдоровскими окнами в три света, разделенными в центре фрамугой. В восточной стене два таких же окна, а над колодезной трубой находится колодезная палата площадью 7 футов, грубо сводчатая и рифленая. Пол в ней заново выложен, но очевидно, что труба поднималась в эту камеру, а в центре свода висел шкив для работы ковша. В юго-восточном углу находится шкафчик для запасной веревки или инструментов. Вход в эту камеру был через косяк соседнего окна, но второй дверной проем был пробит прямо из большой камеры. Рядом с этим проломом дверь и извилистый проход ведут в юго-восточную башню, где находится камера размером 12 футов 6 дюймов на 15 футов. Пол - земляной, которой башня заполнена до этого уровня. Выше находятся следы верхней камеры, в которую, вероятно, вели лестница и люк. Здесь нет камина, но петля в южной стене превратилась в окно, а вторая петля осталась в восточной стене.

Западная стена большой камеры содержит два окна, аналогичные с другой стороны, за исключением того, что они не спускаются до пола, а начинаются примерно на 8 футов вверх, чтобы не мешать передней части здания снаружи. К северу от этих окон, в той части северо-западной башни, которая примыкает к северной куртине, находится дверь с проемом в 3 фута и высотой 8 или 10 футов. Это поперечное сечение настенного прохода, ведущего из большой камеры. Ближе к югу от нее, в западной стене, и над аналогичной дверью на первом этаже, небольшая круглоголовая дверь ведет в башню-гардероб. Другой проем в западной стене находится в ее южной части и является главным входом в замок. Это простой дверной проем длиной 6 футов, с плоской сегментной головкой под рельефной аркой по центру. Проход имеет сегментный бочкообразный свод. Он проходит прямо через занавес, толщина которого составляет 12 футов. Порткуллис отсутствует. В южной стене прохода есть боковая дверь, открывающаяся в юго-западную башенку. Здесь также была первоначальная верхняя камера, но ниже входа или уровня первого этажа она была засыпана землей; она была удалена, нижняя часть заделана, в южной стене открыты окна, а в основании - грубая дверь, но грубый характер кладки показывает, что башня была первоначально засыпана до уровня первого этажа. В результате переделок Дадли внутреннее пространство башни превратилось в пять ярусов комнат, окна которых видны в южной стене. Считается, что в ней также была устроена лестница.

Большая палата имела открытую крышу, отверстия для балок которой видны в южной стене. Наклон был низким, почти плоским, о чем свидетельствует оригинальная погодная лепнина на восточной и западной стенах, которая была замаскирована тонкой внутренней облицовкой, несущей лепнину для крыши с более высоким наклоном, которая, однако, исчезла в результате недавнего ремонта. Это отличается от Порчестера, Рочестера и Бридженорта, где первоначальный угол наклона был крутым. Снаружи, над окнами, но гораздо ниже основания парапета, виден ряд петель, квадратного сечения, с простой фаской, расширенной внизу в широкий веерный хвост. Их три в южной стене и по две в восточной и западной, а каждая башенка имеет еще по одной на каждой из двух внешних сторон. Петли башен находятся на более высоком уровне, и это свидетельствует о том, что сами башни возвышались над куртинами. Эти проемы очень любопытны. Петля поднимается в стене и открывается в основании парапета под плоской трехцентровой аркой. Петли, вероятно, являются оригинальными, но парапет, похоже, был перестроен либо при изменении угла наклона крыши, либо во времена Дадли. Стены покрыты плющом и находятся в опасном состоянии, так что даже с помощью длинных лестниц их верхняя часть не очень доступна. Сохранились следы дверных проемов, открывающихся с крепостного вала в верхние части башен, полы которых были деревянными.

Переднее здание, закрывающее вход, представляет собой почти такую же примечательную особенность, как в Рочестере или Миддлхэме, хотя оно сильно пострадало от переделок. Это была прямоугольная башня, построенная у западной стены крепости и выступающая на 38 футов. Толщина ее стен составляет 6 футов, они скреплены между собой и относятся к дате постройки храма. Западная стена была частично разрушена до цоколя, но две другие стены сохранились в идеальном состоянии. Она состояла из двух ступеней и имела высоту около 40 футов. Дверь находилась в южной стене и открывалась из внутренней палаты. Ее можно проследить, но она была частично заменена входом перпендикулярной эпохи, который теперь также разрушен. Над старой дверью, на высоте 12 футов от земли, находится простая нормандская струна. От двери прямая лестница, обращенная вторым пролетом, должна была подниматься на 25 футов, чтобы достичь второго этажа. На этом уровне, над входом, находилась камера, от которой сохранилась часть нормандской стены, но которая была перестроена Дадли и почти полностью разрушена. Возможно, здесь находилась часовня,

как в Миддлхэме. Вход на второй этаж храма открывается с этого уровня, в куртине, недалеко от юго-западной башни. Дверной проем, как и внутри, довольно простой, с плоской сегментной главой под рельефной аркой, тоже сегментной, но менее плоской. Кажется, что нижняя арка была вставлена для того, чтобы нести балки крыши, но на самом деле она оригинальная. Наклон крыши переднего корпуса трижды изменялся, о чем свидетельствуют желобки, прорезанные в стене башни. Самый плоский вариант - самый поздний. Крыши, по-видимому, были навесными. Была ли под лестницей камера или у основания лестницы имелся проход в нижний этаж хранилища, как уже отмечалось, сейчас выяснить невозможно.

Похоже, что в эпоху Перпендикуляра это здание было сильно изменено, вход в него был немного сдвинут, и в нем было установлено несколько опор, 3 фута квадратных, поддерживающих арки с полным центром, 9 футов пролета, на которые были уложены бревна пола выше. В занавесе, образующем северный конец, был прорублен простой дверной проем в 6 футов, а в наружной части стены был образован альков пролетом 13 футов и глубиной 6 футов, имеющий сегментную арку и поддерживаемый тремя простыми ребрами с полой фаской. Этот альков выходил на террасу, с которой открывался вид на северную часть внешней палаты, и представлял собой своего рода площадку и лестницу, дающую спуск в четыре или пять ступеней от двери на террасу. По всей видимости, цель заключалась в том, чтобы создать красивый путь из внутренней палаты в сад к северу от крепости. Опоры и арки могут быть датированы эпохой Елизаветы или Якова, но их лепнина и часть прилегающих стен явно более ранние, и, несомненно, это дело рук ланкастерских владельцев, которые в таком случае должны были побаловать себя садом. Дадли произвел дальнейшие перестройки, и часть южного фасада переднего здания до сих пор имеет дату 1575 года и украшена итальянскими орнаментами.

Следует отметить отсутствие поперечной стены, засыпанный землей подвал, необычный выступ четырех башен, вероятно, отдельные входы из здания на первый и второй этажи, а также колодезную лестницу, почти такую же большую, как в лондонском Тауэре. Также здесь нет порткуллиса, а фресковых палат и галерей совсем немного. Это тем более примечательно, что стены необычайно толстые, а материал превосходный. Кроме того, в трех оставшихся стенах нет каминов, а внутри и снаружи нет никаких украшений. Кипер - единственное явно норманнское здание, сохранившееся во внутренней палате, хотя большая часть занавеса - норманнская, а еще больше опирается на норманнские линии.

Уже говорилось, что замок образует северо-восточный угол внутренней палаты. Занавес, примыкающий к нему с обеих сторон, имеет свою дату. В северо-западном углу куртина образует северную стену переднего корпуса и на протяжении нескольких ярдов является оригинальной. В юго-восточном углу хранилища сохранились остатки входа во внутреннюю палату. Как и в Бридженорте, это был дверной проем в восточной куртине, вплотную примыкающей к крепости, и, как и в Бридженорте, хотя куртина была снята, часть дверного проема сохранилась. Толщина куртины здесь составляла 11 футов, а высота - 21 фут до крепостной стены, над которой находились парапет и задняя стена высотой еще около 5 футов. Сохранился один целый косяк и пружинящие камни портала. Здесь не было сторожки, только отверстие в стене, как в Огморе и, вероятно, в Ладлоу. Оборонительные сооружения были следующими: сначала портал глубиной 3 фута, а в нем квадратный паз порткуллиса; затем фальшборт для двери, открывающейся внутрь; и, наконец, арочный проход на 3 фута выше портала и глубиной 6 футов. Вход, по-видимому, был только пешеходным, так что кареты не могли въезжать во внутреннюю палату.

Здания, называемые Ланкастерскими, занимают большую часть внутреннего квартала. Они начинаются с переднего корпуса и тянутся вдоль остальной части северной стороны, всей западной части и большей части южной стороны. Они, очевидно, заменили аналогичные здания нормандского периода и были построены в конце четырнадцатого века. Далее к западу от переднего здания находятся остатки кухни и маслобойни, представляющие собой руины, большая часть которых засыпана землей. В стену переднего корпуса вделан огромный камин с двумя очень совершенными печами, выложенными из тонкого кирпича; другой камин образован в примыкающей к нему завесе; подставки также из тонкого кирпича, выложенные по типу селедочных костей. Далее, в любопытном треугольном контрфорсе за пределами куртины находится садовая шахта, сток из которой представляет собой квадратное отверстие в скале внизу, около 6 футов высотой и 4 футов шириной. Есть и второй сток, который проходил через кухню, и устье которого, снабженное желобком для шлюза, видно во внутренней палате, возле двери в зал. Вероятно, если убрать мусор, станет виден план этих зданий. За ними северо-западный угол палаты закрывает мощная башня, четырехугольная, 50 футов на 40 футов, с восьмиугольными башенками на двух западных углах, а между ними довольно примечательный треугольный контрфорс. Башня состоит из трех ярусов, все они сводчатые и рифленые, каждый свод состоит из четырех пролетов, опирающихся на центральный пирс. Судя по фундаменту, она относится к залу и кухням. Эта башня, вероятно, получила свое название "Сильная башня" из-за использования ее в качестве тюрьмы, хотя, очевидно, для важных персон. Окна представляют собой простые проемы с плоским верхом. В боковых сторонах одной из расходящихся ниш, обращенных на запад, на камне выцарапаны гербы. Из тех, что удалось разобрать, можно выделить четыре.

1. Шесть крестообразных крестов из флори, на изгибе в три феона, острия опущены в синистер.
2. Квартальный, на феске с вышивкой.
3. На четверть лада (или лада).
4. По четвертям: 1 и 4 - крест ботонне.

"2 и 3 - три перевернутых полумесяца.

Рядом с этой башней находится зал, занимающий почти всю западную сторону палаты. По размерам, пропорциям, материалу и мастерству исполнения это был, вероятно, самый лучший зал в королевстве, полностью относящийся к раннему перпендикулярному периоду. Его размеры составляли 90 футов на 45 футов, он стоял на подвале такого же размера, крыша которого была сводчатой в восемнадцати квадратных пролетах, опирающихся на десять опор, расположенных вместе со стенами в трех равных проходах, а у стены - четырнадцать ответвлений, кроме того, по одному на каждом из четырех углов. Между каждой парой находится арочная ниша. Этот огромный и красивый подвал проветривался петлями только с восточной стороны. Поперечный неф в северном конце был отделен каменной перегородкой как проход, который пересекал подвал, имея в восточном конце дверь из внутреннего отделения, а в западном - постерн, открывающийся во внешнее отделение. Этот столб представляет собой дверной проем с квадратной головкой и смелым пазом для портупей, а сразу над ним - небольшое квадратное окно, прорезанное решеткой, а в подоконнике окна зала над ним - круглое отверстие для цепи, с помощью которой поднималась решетка. Этот порткуллис - скорее дань военному характеру здания, чем обеспечение особой безопасности, ведь большие окна зала наверху могли бы впустить целую армию. В подвал

можно было попасть через боковую дверь из прохода, а в его юго-западном углу находилась небольшая квартира, целларет, откуда вела небольшая колодезная лестница в "буфет" наверху. Зал, опирающийся на сводчатый пол, на один этаж выше уровня внутренней палаты. К нему вела широкая прямая лестница, которая упиралась в крыльцо в северной части восточной стороны помещения. Крыльцо опиралось на свод, само было сводчатым, рифленным и богато обшитым. Зал освещался четырьмя большими окнами в западной или внешней части и тремя - во внутренней. В верхних двух третях зала, напротив друг друга и между двумя парами окон, находятся два больших камина. Они имеют перемычки с небольшими плечиками, без колпаков и выступов, а их ширмы обшиты панелями.

В верхнем или южном конце зала, с восточной стороны, находится большой полуовальный восьмерик, открывающийся аркой в 15 футов от помоста, обшитый панелями и желобками, и содержащий три больших окна в два света с фрамугами и листовыми головками, а также небольшой камин. Напротив него, в западной стене, находится ниша в 10 футов, крыша которой перекрыта, и которая предназначена для "буфета" или серванта. Ее фланкируют две небольшие восьмиугольные башенки, в одной из которых находится лестница, спускающаяся в подвал и поднимающаяся на крышу. Отсюда вел проход к отхожим местам в южной части зала. Буфетный выступ с башенками совпадает с мощной башней, закрывающей дальний конец этого фасада. Северная стена зала исчезла, но сохранился косяк большой двери, вероятно, открывавшейся в буфетную. В северо-западном углу, в оконном косяке, небольшая дверь открывается в колодец-лестницу, ведущий на крышу. Южная стена за помостом также исчезла, но осталось одно окно музыкальной галереи. Окна широкие и высокие, расположены в глубоких нишах, обшиты панелями и снабжены сиденьями. Арки, хотя и четырехцентровые, довольно сильно заострены. Край каждой ниши заменен смелым валиком. Окна соединены, каждое из них двухсветное, разделено двумя фрамугами, а головки образованных таким образом проемов богато украшены листвой. Крыша открытая, деревянная, поддерживается пятью парами глав, кроме тех, что примыкают к стене с каждого конца, а спандрели оконных арок в главной стене обшиты панелями. Наружные контрфорсы поставлены на квадрат, но имеют диагональные грани. Дверь установлена в низкой арке с понижением. Все здание представляет собой перпендикуляр в чистом виде и является ранним стилем.

От верхнего конца зала вдоль южной стороны двора располагался комплекс комнат, от которых остались лишь руины. За залом находился Белый зал, ныне полностью исчезнувший; а за ним - прекрасное восточное окно, выходящее во двор, которое, как говорят, принадлежало палате присутствия. За ним, у занавеса, находится низкая башенка смелого выступа, 30 футов на 20 футов, разделенная поперечной перегородкой на два общественных садика, с большими выгребными ямами внизу, очень любопытное приложение к комплексу государственных комнат. Основание занавеса на этом фасаде имеет следы норманнской работы и кажется оригинальным. Из-за большей высоты внутренней палаты нижние 8 или 10 футов занавеса с этой стороны представляют собой укрепление.

Здания Ланкастера заканчиваются остатками восьмиугольной башни, расположенной на куртине, и сменяются так называемыми зданиями Лестера, хотя в Кенилворте стыдно использовать этот титул по отношению к кому-либо другому, кроме великого графа, которому Англия обязана столь многим. Они образуют юго-восточный угол квартала. Они занимают участок размером 50 на 90 футов, а их высота составляет 80 или 90 футов. Они не обладают никакими архитектурными достоинствами, и хотя построены из добротного ясеня, стены тонкие для своей высоты, потрескавшиеся и сильно разрушенные. Все полы и крыши

исчезли. Несомненно, эти здания заменяют какую-то норманнскую башню, но, скорее всего, они выступают гораздо дальше, чем та, во внешний квартал. За ними, вдоль восточной стороны палаты, почти до самого входа располагались домики Генриха VIII и лобби Дадли; теперь они сняты, а вместе с ними и нормандский занавес, на который они опирались.

Эта внутренняя палата сама по себе представляла собой весьма сносную крепость, а замок, который был возвышался над ней, благодаря своей чрезмерной пассивной силе и скальному основанию был практически неприступным. Завесы, по-видимому, почти по всему периметру были обращены к зданиям; они, несомненно, были высокими, и благодаря этому обстоятельству и выгодному положению земли, на которой они стояли, внутренняя палата имела вид на все внешние оборонительные сооружения этого места. На северном, южном и западном фронтах земля быстро понижается. Вдоль восточного фронта, где естественный склон был постепенным, был вырыт широкий и глубокий ров, который завершал оборону палаты. Более того, не исключено, что этот ров был продолжен вдоль северного фронта, занимая место сада и затухая в низине у Лебединой башни.

Далее следует описать *внешнее отделение*. В плане он представляет собой овал, 270 ярдов на восток и запад, 174 ярда на север и юг. Внутренний приход занимает примерно шестую часть его площади и расположен примерно в 54 и 30 ярдах от западной и южной границ, а также в 67 и 130 ярдах от северной и восточной, что дает большое пространство в последнем направлении, где, по-видимому, находились различные домашние постройки, входы и часовня. Эта часть была разделена поперечным рвом, который уже упоминался и который простирался от внешнего северного рва на 150 ярдов, почти до озера. Следы его остались на обоих концах, но большая часть была полностью засыпана, вероятно, Дадли после визита королевы Елизаветы. Его ширина составляла 70 футов, и через него вел мост ко входу во внутреннюю палату. В северной части ров, должно быть, был очень глубоким; к югу, перед зданиями Лестера, где сохранилась его часть, земля опускается, и он становится мелким. Вероятно, в качестве дополнительной защиты в задней части рва была построена поперечная стена от юго-восточного угла внутренней палаты до противоположного бордюра. Часть этой стены была удалена при строительстве зданий Лестера, но внешний конец сохранился, и в нем осталась часть дверного проема. Это отделение пересекает другая стена более позднего времени, которая тянется от Сильной башни до западной куртины, примерно на 34 ярда. В ее центре находится дверной проем длиной 10 футов, который вместе со стеной, похоже, относится к перпендикулярному периоду. По обе стороны от этих ворот на севере был построен "Плазанс" Генриха VIII. Первая стена, несомненно, является оригинальной и была предназначена для того, чтобы помешать врагу, пересекающему ров в том месте, где он был неглубоким, продвигаться на запад по внешней стороне; вторая, вероятно, была построена, чтобы закрыть сад на северном фронте, в ланкастерский период. В этой внешней части находится то, что, по-видимому, является частью первоначальных земляных работ ранней резиденции. Перед залом, примерно на одном уровне с его полом, так что стена подвала является выступом, находится треугольная платформа длиной около 72 футов у основания вдоль стены и около 63 футов в проекции на ее вершине. Она находится на высоте около 30 футов над остальной частью палаты и имеет уклон один к одному. Выемка для прохода из зала отделяет ее от меньшего кургана на севере, и вся она кажется искусственной, или почти искусственной. С этой платформы открывается вид на внешний занавес. Странно, что она не была включена в состав внутренней палаты.

Широкое пространство на севере, которое во времена Дадли называлось садом, а сейчас представляет собой большой огород, вероятно, было частично поднято руинами крепости и северной куртины. Как он был занят изначально, неизвестно; возможно, здесь был ров. Если

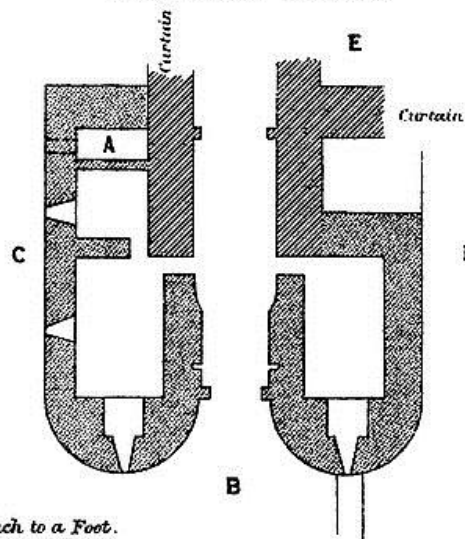
ланкастерские лорды проделали проход через передний корпус и нишу в куртине, то они должны были разбить сад на участке внутри рва. Из множества отдельно стоящих зданий, которые в разное время должны были находиться во внешнем квартале, особенно в его восточной части, известно местоположение только одного - часовни. Это был продолговатый неф, без приделов, с восточной стороны с тремя сторонами шестиугольника, поперек которого находится фундамент стены. Внутренняя ширина составляла 33 фута; длина еще не раскопана. Вероятно, здесь всегда была часовня, так как в ней была найдена столица норманнской работы, гораздо более ранняя, чем замок, но здание, от которого остался фундамент, относится к декорированному или раннему перпендикулярному периоду, как видно из плана и из частей сидалища, которые были раскопаны.

ЗАМОК КЕНИЛВОРТ.

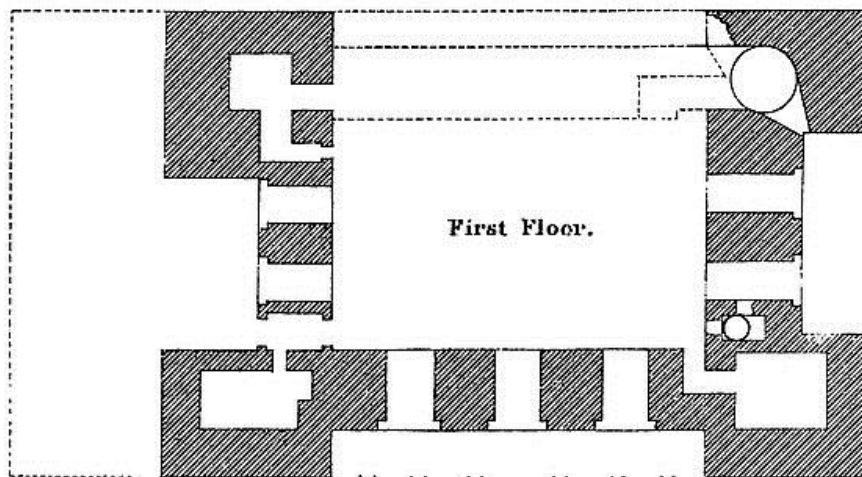
KENILWORTH CASTLE.

MORTIMER'S TOWER.

- A Garderobe and Sewer.
- B The Dam.
- C The Lake.
- D Water below the Dam.
- E Outer Ward.

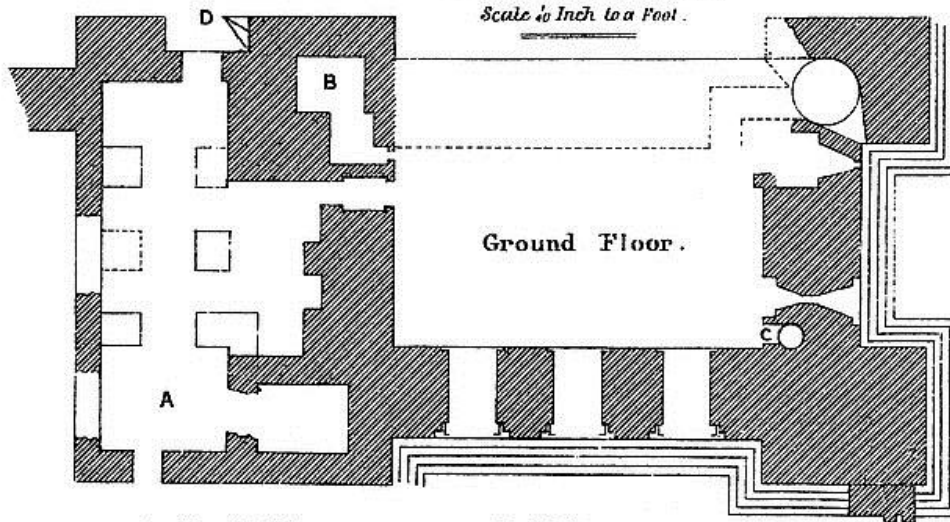

Scale $\frac{1}{4}$ Inch to a Foot.

KENILWORTH KEEP.

Scale $\frac{1}{4}$ Inch to a Foot.

- A Fore Building.
- B Garderobe Tower.

- C Well.
- D Garden Door and Alcove.

БАШНЯ МОРТИМЕРА.

26. Гардероб и канализация.
27. Дамба.
28. Озеро
29. Вода под плотиной.
30. Внешнее отделение.

КЕНИЛВОРТСКИЙ ЗАМОК.

31. Переднее здание.
32. Башня Гардероба.
33. Колодец.
34. Садовая дверь и альков.

Внешняя *часть замка*, длиной около 750 ярдов и площадью более девяти акров, состоит в основном из куртины, на которой расположены шесть довольно важных зданий. Это башни Мортимера и Лебеда, Лейстерский гейтхаус, башня Лунна, конюшни и водонапорная башня. Башня Мортимера получила свое название либо от лорда Мортимера из Вигмора, который участвовал здесь в турнире в эпоху правления Эдуарда III, либо от сэра Джона Мортимера, заключенного здесь Генрихом V. Это сторожка, стоящая на внутреннем конце дамбы и занимающая выступ куртины на юго-востоке. В плане она имеет глубину 60 футов, ширину 55 футов; в задней части, вровень с куртиной и выступающей из нее, - 54 фута. Входной проход находится в центре его длины, а внешний портал открыт между двумя полукруглыми башнями диаметром 18 и 20 футов. Внутри арки находился порткуллис в квадратном пазу размером с деревянную решетку, а за ним - фальшпанель для складных дверей. Затем проход немного расширяется за счет изогнутого откоса, и с каждой стороны дверь шириной 2 фута открывается в ложи, петляющие спереди и снаружи. В задней части восточной ложи находится сплошная стена толщиной 7 футов, а к западной ложе был пристроен гардероб, за ним - шахта второго гардероба с верхнего этажа, а под ними - сточная канава, выходившая в озеро. Все петли имеют крестообразную форму. Здесь же находился второй порткуллис, паз для которого заделан, а на внутренней стороне - фальц для второй пары дверей. Верхний этаж этой сторожки был разобран. Очевидно, что она подверглась значительным изменениям. Первоначально она состояла из пары параллельных стен, как в Беркхемпстеде и Конингсборо, толщиной 7 футов и на расстоянии 12 футов друг от друга, которые и составляют заднюю часть нынешнего здания. От верхнего этажа остался фрагмент за западной стеной, несущий на карнизах нависающее жерло садового домика. К простой прямоугольной башне были добавлены передние барабаны и боковая камера. Лепнина первоначальной структуры является ранней, а более поздней, более совершенной - декорированной; но работа имеет более низкий характер. Кажется, что все сооружение было построено и дополнено в спешке.

С восточной стороны к этой сторожке примыкала занавеска, толщиной в 6 футов, из которой было удалено несколько ярдов. С западной стороны занавес проходит прямо назад, а затем поворачивает на запад под прямым углом, образуя плечо, с помощью которого фланкируется длинная южная сторона. Рядом с углом находится столбовая дверь, спускающаяся ступенями к озеру. В задней части сторожки находится шахта на водопропускной трубе, которая, по-видимому, подавала воду из озера в нижний этаж Водяной башни. Возможно, в пределах внешней палаты находилась мельница, питавшаяся таким образом. Спереди восточный барабан сторожки соединен с длинной куртиной, которая упиралась в край

плотины на востоке и примыкала к сторожке, замыкая одну из ее петель. В этой куртине, недалеко от того конца, небольшой декорированный дверной проем давал доступ к нижнему озеру.

Если пройти на запад от башни Мортимера, то можно увидеть, что занавес покоится на земле на несколько футов выше уровня озера и на расстоянии нескольких ярдов от его края. Он относится ко всем датам, от норманнской до перпендикулярной, и имеет высоту от 20 до 30 футов снаружи, а внутри меньше на 6 или 8 футов. Напротив зданий Лестера, где толщина стены составляет 5 футов 6 дюймов, находятся три петли с отверстием в 1 фут, расположенные в углублениях по центру, раздвинутых на 5 футов. Они освещали какое-то оригинальное нормандское здание, ныне разрушенное. Из контрфорсов за пределами занавеса некоторые представляют собой оригинальные пилястры, другие имеют ширину от 6 до 14 футов, выступ от 2 до 4 футов, с множеством отступов и характер явно декоративный. На южной стороне находится в общей сложности четырнадцать контрфорсов. У двух юго-западных углов стена увенчана двумя широкими плоскими контрфорсами, шириной 10 футов и выступающими на 2 фута. Они могут быть поздними норманнскими. В 30 ярдах между ними находится окно с плечевой головкой, открывающееся на 2 фута, и позднедекоративный столб, который соответствует столбу под большим залом. После этого впадина в земле приводит к тому, что высота стены достигает 40 футов. Эта западная часть имеет длину около 112 ярдов и заканчивается Лебединой башней. В ней находится большой арочный проем перпендикулярной формы высотой 18 футов, соответствующий "Плазану" Генриха VIII, и, возможно, предназначенный для того, чтобы с него можно было спустить лодку на озеро.

Лебединая башня занимает северо-западный угол палаты. Она представляет собой восьмиугольник, но опирается на основание высотой 12 футов и площадью 40 футов. Верхняя часть была удалена. Основание цельное, а внутренний этаж находится на высоте около 10 футов над землей снаружи. Дверь на оставшийся этаж находится в ущелье. Основание этой башни может быть как перпендикулярным, так и декорированным. Считается, что она была перестроена Дадли. От Лебединой башни северная стена шла почти по прямой 150 ярдов до Лестерских ворот, и на ней стояли две башни, одна прямоугольная, другая многоугольная. Их нет, как и стены, за исключением одного очень толстого фрагмента, который, похоже, закрывал поперечный ров на северном конце и, вероятно, был снабжен шлюзом. Небольшое зондирование и расчистка здесь могли бы привести это в доказательство и определить ширину поперечного рва. Перед этой стеной находится большой северный внешний ров замка, которым он защищен от Клинтон-Грин.

Лестерский гейтхаус, построенный около 1570 года, представляет собой прямоугольное здание размером 56 футов на 28 футов, со смелыми восьмиугольными башенками по углам, которые немного возвышаются над крышей. В цокольном этаже находится вход и ворота, а над ним - два этажа. Окна квадратного сечения, с двумя фонарями и фрамугой; в целом здание представляет собой достойный образец своего периода. Проход был закрыт и превращен в две комнаты, в которые ведет любопытное боковое крыльцо итальянского дизайна, которое было пристроено. Снаружи вырезаны гербы Бошампа, а потрепанный посох используется так, как будто это коннисанс Дадли. Любопытна обшивка интерьеров и камин, которые были привезены из замка. В нескольких ярдах к востоку от этой сторожки находятся остатки контрфорса, пересекающего ров, который здесь почти засыпан. Она выглядит старой и, вероятно, является частью первоначального входа. За ним ров углубляется и достигает башни Лунна, которая закрывает восточный угол палаты.

Башня Лунна имеет цилиндрическую форму, 36 футов в диаметре и около 40 футов в высоту, и возвышается на три четверти за пределами занавеса. На внешней стороне находятся четыре

пилястры шириной 5 футов и выступающие на 6 дюймов, которые, вероятно, поднимались до основания парапета, ныне исчезнувшего. Они опираются на цоколь, и башня имеет две декорации, от которых они отходят. К задней части башни пристроена полуовальная башенка с колодезной лестницей - раннее дополнение. Подвал находится на уровне палаты, а два верхних этажа содержат камин под сегментными главками. Полы были деревянными. Единственные проемы - петли: на двух нижних этажах - квадратного сечения, расположенные снаружи в квадратных углублениях, заканчивающихся внизу широкими веерообразными хвостами, как у кирхи. Внутри они помещены в раскрепованные ниши с сегментными арками. В подвал ведет дверь из палаты, но на верхние этажи можно попасть по колодезной лестнице, которая также выходит на примыкающую куртину. Эта куртина с обеих сторон на протяжении нескольких ярдов была удалена, но сохранились ее фрагменты, которые показывают, что с каждой стороны от башни к куртине вела небольшая арка с круглой головкой, которая поддерживала садовый вал на уровне вала над полым углом. В задней части башни находится колодец диаметром 4 фута, облицованный ясенем. Куртина к югу от башни Лунна прорвана примерно на 50 футов, а дальше она старая и поддерживает ряд конюшен и хозяйственных построек длиной 170 футов и шириной 25 футов с квадратными контрфорсами, в центре которых находится большое крыльцо с диагональными контрфорсами и широким входом, как для амбара, с круглой аркой. Нижняя ступень каменная, а выше - ступени из кирпича и дерева. Считается, что он был построен Томасом, графом Ланкастером, во времена правления Эдуарда II, но большая его часть, несомненно, относится к более позднему периоду - позднему перпендикулярному стилю. Куртина, на фоне которой он построен, - раннеанглийская или декорированная, а надстройка амбара, похоже, является дополнением, поставленным там, когда было решено сделать верхний этаж. Арки круглоголовые и выглядят декорированными, но есть два окна в стиле поздних Тюдоров. Часовня находилась в нескольких ярдах от этого здания.

Ближе к югу от амбара находится Водонапорная башня - очень любопытное и законченное здание, выполненное в раннем декорированном стиле. Это настенная башня, без внутреннего выступа, с основанием 50 футов в ширину и 30 футов в глубину, от которого она поднимается в виде половины восьмиугольника, углы которого сняты двумя диагональными контрфорсами, между которыми, в выступе, находится петля, освещающая садовый домик. Он имеет подвал и верхний этаж, под ним проходит водосток из озера, который размыл канализацию садовника. В первом этаже находится большой камин, над которым возвышается красивый дымоход-шахта. По всей видимости, это была кухня. Здесь же находится настенный садово-парковый дом. Колодезная лестница со шпилем над головой ведет на верхний этаж, пол которого был деревянным, а также на бойницы башни и куртины. На западе к верхнему этажу пристроена небольшая комната, выходящая петлей в поле. Окна двухсветные, с трилистником. Крыша скатная, с умеренным уклоном. Она находилась в пределах крепостных стен. За ним находится палата стражника, в основном в стене, но с небольшим наружным выступом. В ней находится большой камин и садовый сарай, и, похоже, она относится к раннеанглийскому или раннедекоративному периоду. Отсюда занавес был толщиной в 6 футов, а то, что осталось, поддерживается тремя декорированными контрфорсами. За ними находится пролом в 30 ярдов, ведущий к башне Мортимера.

Стены этой крепости, несмотря на значительный ремонт и реставрацию, похоже, сохранили первоначальные норманнские очертания и, вероятно, во многих местах относятся к дате постройки замка. Оборонительные сооружения за пределами стены весьма внушительны. С севера в скале вырублен ров большой глубины и ширины - очень необходимая защита, так как за ним земля, по крайней мере, такой же высоты, как и основание крепости. Это Клинтон-

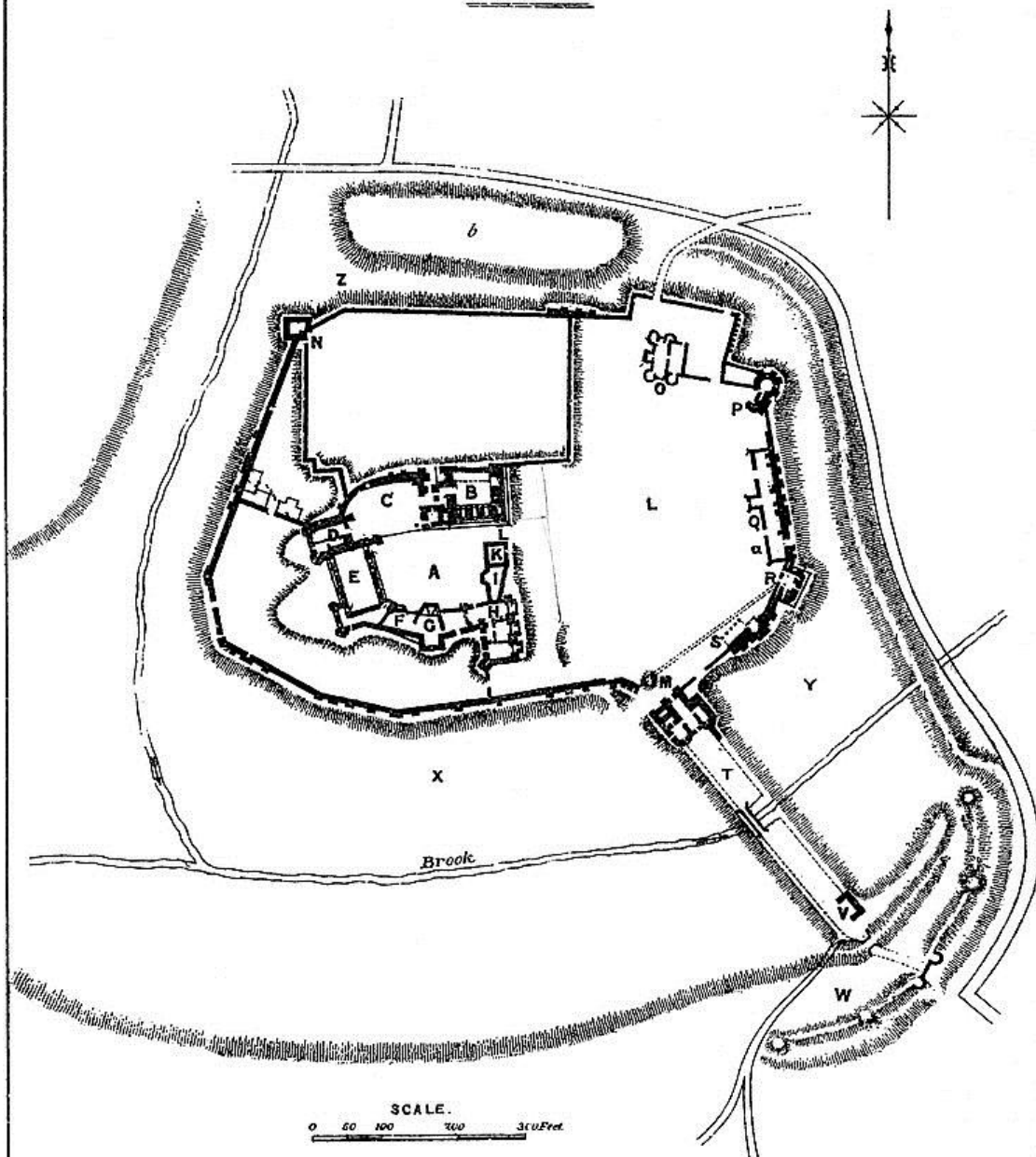
Энд или Клинтон-Грин, на котором есть несколько земляных валов, следы великой осады Генриха III, который, вероятно, расположился лагерем на этой стороне. Любопытно, что не было предпринято никаких попыток засыпать ров, без чего ни один двигатель не смог бы эффективно воздействовать на крепость. Вероятно, сила гарнизона и его частые вылазки не позволили этого сделать, или же были использованы фаготы. От башни Лунна до водонапорной башни ров до сих пор заполнен водой, а от нее до башни Мортимера ров не нужен, так как земля здесь низкая и влажная, а временами и вовсе под водой. Далее следует дамба, выше которой озеро покрывало южный фронт, как и западный, вплоть до Лебединой башни. Северная сторона была слабой, так как земля там была высокой; но против нее находился замок и очень грозный ров. Говорят, что этот ров можно было наполнить из озера, и таким образом замок был окружен водой. Если это так, то здесь должна была быть небольшая плотина, вероятно, у моста перед старым входом к западу от башни Лунна.

Особого внимания заслуживают оборонительные сооружения на юге. От башни Мортимера прямо через долину отсыпана земляная насыпь. Ее длина составляет 80 ярдов, ширина - 15 ярдов, высота верхней или западной стороны - около 20 футов. Нижняя сторона укреплена пандусом в склоне. Примерно на трети пути глубокий и широкий пролом, ныне перекрытый мостом, спускает воду и осушает озеро; но было ли это место шлюзом, сомнительно. Башня Мортимера закрывала внутренний конец этой дамбы, а восточную сторону защищала стена толщиной 4 фута. На ее дальнейшем конце находятся остатки шлюза или галерейной башни, внешняя сторожка, за которой находится глубокий ров через плотину, который, очевидно, предназначался для приема перелива озера и, возможно, для его осушения в случае необходимости. Его пересекал разводной мост, опоры которого сохранились до сих пор. Эту сторожку приписывают лорду Лестеру, который, вероятно, переделал ее. По своей сути она, конечно, гораздо старше. При ее ремонте был использован огромный каменный блок, украшенный декоративной лепниной, который, вероятно, является частью более древнего здания, хотя также считается, что он был привезен из часовни. От этой сторожки к озеру спускалась лестница, которую заменила современная фермерская дорога.

ЗАМОК КЕНИЛВОРТ.
ОБЩИЙ ПЛАН.

KENILWORTH CASTLE.

GENERAL PLAN.

A Inner Ward.	K Henry VIII's Lodgings.	T Dam.
B Keep.	L Outer Ward.	V Gallery Tower.
C Kitchen.	M Mortimer's Tower.	W The Brayz.
D Strong Tower.	N Swan Tower.	X The Lake.
E Hall.	O Leicester's Gatehouse.	Y Lower Lake.
F Whitehall.	P Lunn's Tower.	Z North Ditch.
G Garderobe Tower.	Q Barn.	a The Chapel.
H Leicester's Buildings.	R Water Tower.	b Clinton Green.
I Sir R. Dudley's Lobby.	S Warder's Tower.	

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. London.

- Alinner Ward.

- BKeep.
- CKitchen.
- DStrong Tower.
- EHall.
- FWhitehall.
- ГГардеробская башня.
- Здания Лестера.
- Вестибюль Исира Р. Дадли.
- Жилище Генриха VIII.
- Лоутер Уорд.
- Башня Мортимера.
- Башня Нсуана.
- Гейтхаус Олейстера.
- Башня Плунна.
- QBarn.
- RWater Tower.
- Башня садовника.
- TDam.
- VGallery Tower.
- WБрайз.
- XOзеро.
- YНижнее озеро.
- ZСеверный ров.
- аЧасовня.
- bКлинтон Грин.

Именно через эти ворота, между Брейзом и тилт-ярдом, королева Елизавета совершила свой знаменитый въезд. На рисунке Дагдейла 1620 года, по-видимому, изображена стена на верхней стороне дамбы, но сейчас от нее не осталось и следа. Широкая и ровная поверхность дамбы хорошо подходила для тилт-ярда и, похоже, всегда использовалась для этого, как, несомненно, и Брейз. Подобные упражнения, в которых участвовало множество вооруженных людей, обычно проводились у барьеров или за главными воротами замка в качестве меры предосторожности от неожиданности. В результате строительства плотины образовалась полоса воды от 90 до 100 ярдов в поперечнике, длиной в полмили, глубиной от 10 до 12 футов и площадью около 111 акров. Ниже плотины, где долина довольно широкая, а земля, естественно, низкая и болотистая, образовалось второе, более низкое и маленькое озеро, плотину которого, незначительного размера, можно увидеть вдоль верхней стороны дороги от станции к замку. Это нижнее озеро, должно быть, всегда было неглубоким, но оно служило для защиты большой плотины, прикрывало юго-восточный угол замка и охраняло тыл и восточный фланг большой крепостной стены. В Ледесе под плотиной озера находился "Стагнум Регис", а в Каэрфилли сточные воды из озера покрывали главный фронт замка.

Наконец, остается обратить внимание на великое сооружение, завершающее оборону замка с южной стороны и образующее благородный *tête-de-pont* за озером. Она носила название Брейз, возможно, от слова "брейда" - пригородное поле или широкое место.

К югу от озера между ним и более или менее параллельным ручьем, который спускается из Уэдгнок-Парка долиной, впадающей в Инчфорд чуть ниже замка, находится участок возвышенности. Именно точка этого языка, лежащая между двумя долинами, была использована для передовой обороны. Земля была изрезана в виде большого сплюснутого полумесяца с фронтом в 300 ярдов и площадью около восьми акров. Вдоль него тянется насыпь высотой около 20 футов и такой же ширины в верхней части, а на ней - четыре кургана, которые в более поздние времена называли "кавалерийскими", и из которых тот, что находится на юго-западном конце, был 40 футов в диаметре в верхней части. Перед этой насыпью был вырыт ров, местами глубиной 40 футов и шириной 100 футов, а местами вдвое больше, а сзади, где работа упиралась в озеро, она была круто обрывиста и ограждена рвом глубиной около 20 футов, за которым, на краю нижнего озера, находилась насыпь высотой от 10 до 12 футов, так что было очень трудно повернуть фланг выработки и войти в нее с тыла. Около середины этого укрепления находился вход в замок с юга. Его положение отмечено двумя смелыми бастионами-барабанами из пепла, диаметром 25 футов и на расстоянии 40 футов друг от друга. Они поднимаются из рва от простого цоколя на высоту 14 футов, и настолько они прочны. Их надстройка исчезла. Здесь, несомненно, находился разводной мост, и через него можно проследить дорогу к башне Пойма. Здесь находилась южная из четырех сторожек, упомянутых во время визита Елизаветы, и через нее она въезжала в город. Немного западнее Брейза находится каменоломня, которая, вероятно, послужила источником материалов для замка.

Перед Брайзом, между ним и ручьем Уэдгнок, находятся следы легкой насыпи и рва, а может быть, и двух рвов, с фланкирующими земляными бастионами, предназначенными для сдерживания наступления врага с этой стороны. Линии пересекают дорогу и защищены ручьем, который протекает ниже и впереди них. Эта дорога - главный подход со стороны Уорика и с юга - ведет прямо к входу в Брейз, а затем резко поворачивает направо и огибает контркарп рва, чтобы быть полностью защищенной с валов.

Владельцы замка могли бы сделать вход для посетителей у ворот Брейз и позволить им приближаться к замку по дамбе через башню Мортимера, что значительно улучшило бы его внешний вид и сделало бы некоторые из его наиболее примечательных особенностей заметными.

История строительства Кенилворта с достаточной ясностью изложена в его земляных сооружениях и стенах. Английский основатель, вероятно, разместил свою резиденцию на территории, ставшей внутренней палатой; он оградил себя, как это было принято у его народа, берегами и рвами, а также стенами из сухого камня или дерева, заняв самую высокую землю и разместив свои стада и пастухов ниже, ближе к лугам и болотам на территории, которая сейчас является внешней палатой. Неизвестно, счел ли он необходимым прорыть северный ров на всю его глубину; скорее всего, нет, поскольку его грани острые для столь отдаленного периода. Однако какой-то ров должен был быть, так как без него остальные работы были бы малоэффективны. Возможно также, что тогда был вырыт внутренний ров на северной и восточной сторонах, так как они были необходимы для обеспечения безопасности внутренней палаты, и, по крайней мере, от одного из них сохранились следы.

Кенилворт не упоминается как лордство до тех пор, пока Генрих I не пожаловал его Джефффри де Клинтону, который считается основателем башни Клинтона или крепости; но это, скорее всего, работа его сына, другого Джефффри, между 1170 и 1180 годами, вскоре после чего

поместье перешло к короне. Башня Лунна, вероятно, была построена королем Иоанном около 1200 года, а первоначальный занавес двух палат, по-видимому, находился между двумя этими датами. Если северный ров внешних работ не был вырыт ранее, он должен был быть вырыт или, во всяком случае, углублен в этот период; это относится и к северному и восточному рвам, которые, похоже, покрывали соответствующие грани внутренней палаты.

Характер грунта делает вероятным, что у норманнской крепости был только один вход. Он не мог располагаться на восточном, западном или южном фронтах, так как земля была низкой и болотистой, а также на севере, где ров широкий и глубокий, и с этой стороны внутренняя палата не имела соответствующих ворот. Очевидно, что место, где сейчас находится Лестерский гейтхаус, было бы расположено между возвышенностью Клинтон-Грин и болотистой местностью, и путь от него к воротам внутренней палаты был бы закрыт крепостью.

Генрих III потратил здесь большие суммы, и Водяная башня и прилегающая к ней Башня стражников, а также лестница Башни Лунна, вероятно, его рук дело, вместе с большим ремонтом южной и восточной куртины. Также можно с уверенностью сказать, что именно ему следует приписать строительство большой плотины, а значит, и старых частей башен Мортимера и Галерной. Из параллельных случаев, озеро в Каэрфилли относится к концу этого царствования; как и завершение строительства озера в Ледесе в Кенте, или к началу царствования Эдуарда I. Брейз, будучи необходимым дополнением к плотине, должен был рассматриваться в то время, когда она была построена, и поэтому, вероятно, относится к тому же времени. Легкие земляные укрепления, пересекающие дорогу на Уорик, вероятно, дело рук Симона де Монфора Младшего, возведенные в спешке, чтобы сдержать приближение королевских войск из Уорика. За исключением Галерной башни, моста и внешней сторожки, за озером, похоже, не было никакой каменной кладки.

В замке мало чисто декоративных работ. Кухни, зал и комнаты на юго-востоке, называемые зданиями Ланкастера, вероятно, были построены Джоном Гонтом в конце четырнадцатого века. Они, несомненно, заменили другие, менее великолепные домашние постройки норманнского периода. Часовня кажется более ранней, чем зал, амбар - более поздним, а его верхний этаж - еще более поздним.

Поздние Плантагенеты и ранние Тюдоры делали не больше, чем поддерживали это место; так оно и оставалось, пока Елизавета не пожаловала его Роберту Дадли, графу Лестеру, который потратил на него большую сумму денег на постройки и сады, большинство из которых исчезли. Он выпотрошил замок и передний корпус, обставил их в стиле Тюдоров и воздвиг возвышенную, но хлипкую громаду, известную как Лестерские постройки. Он также украсил вход башнями Брейз и Галерной, а также построил сторожку, которая до сих пор стоит на северо-востоке, - прекрасный образец упадка английской архитектуры. Вероятно, он засыпал восточный ров и внутренний северный ров, если таковой существовал. После смерти Лестера замок, похоже, не был заселен. Принц Генри и его брат использовали его скорее для погони, чем как резиденцию, а их преемники до недавнего времени позволяли использовать его в качестве каменоломни. Во время парламентских войн северная сторона замка была снесена, и ущелье башни Лунна взорвано. Вероятно, озеро было осушено после этого, когда земля приобрела ценность.

Кенилворт - это, очевидно, поместье или жилище Кенельма; хотя кто был Кенельм и когда он жил, неизвестно. Он, несомненно, был значительным человеком, как потому, что дал имя своему поместью, так и потому, что его жилище, очевидно, было обширным и крепким. Из "Domesday" следует, что Кенилворт входил в состав королевского поместья Стэнлей или

Стоунли, принадлежавшего ему на правах древнего демесна, а арендатор выполнял работы на участке, известном как Мотстоу Хилл. Мот, один из самых интересных английских останков в графствах Мидленда, стоит, как и во времена Помпея, и, вероятно, в течение нескольких предыдущих столетий, на гряде скал, образующих левый берег Соу, напротив любопытной старой нормандской церкви Стоунли. Некоторые раскопки на его склонах несколько нарушили его целостность, но он по-прежнему является очень заметной особенностью долины и одним из немногих сорных холмов в графствах Мидленда. От реки к нему ведет крутой пологий путь. В реестре аббатства Стоунли упоминается замок в поместье, который был разрушен датчанами во время войны между королями Эдмундом и Канутом и стоял на месте, называемом Холм Хилл, на Эйвоне, в лесу напротив места расположения позднего аббатства Стоунли. Поскольку разрушения, вероятно, касаются только деревянной надстройки, не исключено, что курган или бурх сохранился. К сожалению, Холм Хилл, как до сих пор называется местность в этом месте, находится в одном из заповедников Стоунли, а значит, небезосновательно закрыт для посторонних. Кенилворт по данным Domesday состоял из двух частей: Оптон или Уптон, содержащий три шкуры и принадлежащий непосредственно королю Альбертусу Клерiku в виде чистой милостыни; и Чиневорд, принадлежащий Рикардусу Форестариусу. Оптон - это верхний город или хай-таун, возвышенность к северу от нынешней церкви; Чиневорд - это собственно Кенилворт. Дагдейл упоминает некоего Ричарда Чинеу как одного и того же с Рикардом Форестариусом и ссылается на "Testa de Nevill"; но это имя не встречается в указателе к печатному тому этой записи. Чиневорт может быть случайным совпадением, а может быть, это искажение имени Кенилворт.

Эти два поместья оставались в собственности короны до тех пор, пока Генрих I не пожаловал их Джеффри из Клинтон, или Глинтон, в Оксфордшире, одному из своих камергеров и казначеев, а впоследствии, возможно, судебному комиссару Англии. Дагдейл утверждает, что он построил замок, а один из его грантов показывает, что он имел там важную резиденцию, хотя можно усомниться в том, что какая-либо из ныне существующих каменных кладок является его работой. Дата пожалования Генриха неизвестна, но, несомненно, оно было выдано до 1122 года, примерно в этом году Джеффри де Клинтон основал приорство Кенилворт, на средства которого он оставил свой замок и парк. Спид относит строительство церкви к 1112 году, но Роберт, епископ Честера, который был освящен в 1121 году, является одним из свидетелей грамоты об основании. Аббатство Стоунли было основано в этом месте только в 1154 году, когда Генрих II перевел его из Радмора в Стаффордшире. Джеффри де Клинтон, живший в 1129 году, стал наследником Джеффри, его сына, камергера Генриха II, который получил десять рыцарских гонораров в графстве в результате брака с Агнес, дочерью Роджера де Белломона, графа Уорика. Он владел ими 12 лет при Генрихе II. Он был крупным благотворителем монахов Кенилворта, но отчуждил замок королю, который владел им несколько лет, 12 Генриха II. Затем он был возвращен Джеффри, который в грамоте к приору говорит: "Postquam castellum meum et Honorem meum resciperavi". Она оставалась в его руках около семи лет, когда ее снова получил король, который владел ею 19 Генриха II. и 27 Генриха II., как и его преемники. Дата смерти Джеффри неизвестна, но это было после 1165 года. Король, очевидно, укрепил это место, поскольку записи в его правление, связанные с ним, часты и важны. В 19 году Генрих II снабдил его витаминами и гарнизоном: цены и количество запасов указаны в Трубном списке. В 27 году Генрих II выплачивал шерифу серебро и компенсацию за охрану замка, а также арендную плату, вероятно, с лиц, проживающих в нем для обеспечения безопасности. В 30 году Генрих II отремонтировал стены. В нем тогда находилась тюрьма, которую отремонтировали, 31 Генрих II. Замок содержался в порядке во время правления Ричарда, и его очень ценил король Иоанн, который в начале своего правления взял повторную аренду у Генриха, сына второго

Джеффри де Клинтона, с которым, или с его сыном, другим Генрихом, название исчезло из Кенилворта.

Король Иоанн пять раз посещал Кенилворт в период с 1204 по 1215 год, и по его приказу на замок были потрачены большие суммы денег, а также туда было отправлено много вина. В 13 году Иоанн выделил шерифу 361 и 102 фунта, а в следующем году 224 фунта - все на строительство. В 17 году Иоанн потратил 402 фунта стерлингов. Несомненно, король Иоанн мог построить крепость в эти годы; однако более вероятно, что она была построена раньше, при втором Джеффри; но Иоанн вполне мог построить башню Лунна.

Генрих III много жил в Кенилворте, и счета шерифа свидетельствуют о крупных и частых расходах в самом начале его правления. В 3 году Генрих III построил часовню, вероятно, во внешнем приходе, и выделил 150 фунтов стерлингов на восстановление упавшей башни. В каждый год тратится больше или меньше. В 5-7 годах Генриха III сильный ветер повалил несколько деревьев в парке и сильно повредил некоторые постройки в замке. Вино иногда присылали туда из Саутгемптона. В 13 году Генрих III отремонтировал берег бассейна, а двумя годами позже были проведены другие ремонтные работы, и упоминается о доставке судей в тюрьму. Король Иоанн уже использовал замок в качестве тюрьмы. В 19 году Генрих III выделил 6 фунтов 16 шиллингов. 4d. было выделено на честную и красивую лодку, которая должна была лежать у дверей королевских покоев. Несомненно, к этому времени король построил плотину и образовал озеро. В 22 году Генриха III архиепископ Уолтер де Грей временно управлял замком, чтобы принять там Оттобони, папского легата, который вскоре после этого сам был поставлен во главе замка. В 26 году Генрих III потратил еще больше денег. Часовня должна была быть обшита деревом и расписана, а для короля и королевы были предусмотрены сиденья. Башня, на которой висели колокола, должна была быть отремонтирована, с южной стороны у бассейна должна была быть построена новая стена, а покои королевы должны были быть расписаны. Несомненно, к этому периоду относятся водонапорная башня, ранняя часть башни Мортимера, а возможно, и пристройки к ней, а также плотина и флигели за ней. Генрих, по-видимому, завершил военные работы в том виде, в котором они представлены сейчас.

В 28 году Генриха III Симон де Монфорт появляется в качестве губернатора от имени короля; а в 32 году Генриха III Алианор, дочь короля и жена графа Симона, получает пожизненную опеку над замком. В 34 г. Генрих III настолько ухудшил положение дел в округе, что констеблю замка было приказано вырубить лес на ширину шести акров между Ковентри и Уориком. В 38 году граф Лестер и его графиня получили пожизненное владение замком - уступка, благодаря которой Генрих передал своему опаснейшему врагу самую сильную и центральную крепость в своих владениях. События, в результате которых король и граф сошлись в полевом противостоянии, а также череда великих событий, приведших к смерти графа и знаменитой осаде Кенилворта, относятся скорее к истории Англии, чем Кенилворта, и составляют одну из самых интересных и ценных ее глав. Эта тема попала под перо мистера Грина и нашла место на страницах "Археологического журнала" (vol. xxi. p. 277), где ход событий расчленен и очень четко изложен, а их политическое значение и влияние на конституционную историю нашей страны рассмотрены блестяще и глубоко. Граф Саймон, очевидно, подготовил Кенилворт в качестве базы для своих операций в предстоящей борьбе; после его падения и смерти в Ившеме его сын сразу же завершил приготовления и принял меры для длительной обороны. Именно под стенами Кенилворта младший Саймон был застигнут врасплох и едва не попал в плен благодаря превосходящей активности принца Эдуарда, и именно из Кенилворта он отправился в поход, когда был перехвачен превосходящим генералитетом принца накануне битвы при Эвешеме.

Смерть графа и поражение его отряда высветили огромную военную ценность Кенилворта. Туда бежали все, кому удалось спастись с поля боя, и они занялись прочесыванием страны и пополнением уже накопленных там огромных запасов. Ричард, граф Корнуолл, брат короля, находился там в плену, и поведение сэра Саймона по отношению к нему свидетельствует о благоразумии и умеренности похитителя. Он освободил Ричарда, его сына и приверженцев и отправил их в парламент, созданный в сентябре в Винчестере, в надежде, не совсем напрасной, что умеренные советы в конце концов возобладают.

Овладение Кенилвортом было первой целью королевской партии; но замок был не только силен и богат, но и народное дело находилось на подъеме, а гарнизон состоял из одних из величайших дворян и храбрейших солдат Англии. За сорок лет до этого Генрих на опыте Бедфорда узнал, что осада хорошо обустроенной крепости - дело нелегкое, и он тщательно подготовился. 8 декабря он созвал своих дворян на сбор в Нортгемптоне, чтобы выступить против Кенилворта, а 26 декабря вызвал "отряд" из Уорика и Оксфорда, *"ad gravandum et expugnandum illos qui se tenent in Castro de Kenelworth"*. Гарнизон отказался сдать замок сэру Саймону, находившемуся тогда в руках врагов, и заявил, что держит его в доверительном управлении для графини Лестерской и не может отдать его никому другому. Осада началась 23 июня 1265 года.

Королевская штаб-квартира, по-видимому, находилась на северной стороне замка, вероятно, на возвышенности между тем, что до сих пор называется Кэмп-Филд и Клинтон-Грин, и не исключено, что королевский павильон был поставлен в этом месте, чтобы быть недоступным для нападения гарнизона. В воскресенье после дня святой Маргариты, 20 июля, государственный меч, называемый "Куртана", был привезен в лагерь и в присутствии короля передан хранителю королевского павильона. В лагерь также прибыл легат Оттобони; король был так увлечен осадой, что герцог Брауншвейгский, приехавший в Виндзор, чтобы жениться на племяннице Генриха, прибыл в лагерь, где и была совершена церемония бракосочетания. Гарнизон, однако, ничуть не был обескуражен этими признаками решимости короля взять город. Они построили мощные двигатели и бросали со стен огромные камни, некоторые из которых, вероятно, являются каменными шарами диаметром 18 дюймов, которые были найдены здесь и до сих пор хранятся в замке. К сожалению, политические события были настолько важны, что операции во время осады остались незамеченными.

Однако по мере того, как королевское дело набирало силу, стало очевидно, что, каким бы сильным ни был замок, его падение - вопрос времени, и советникам принца Эдуарда, принца Ричарда и легата было поручено ускорить это событие умеренными средствами. Был созван королевский совет, который собрался в Ковентри, чтобы решить, какие условия предложить "лишенным наследства"; и в календы ноября (31 октября) знаменитый "Диктум" или "Запрет" был провозглашен в лагере, на следующий день подтвержден и, наконец, в воскресенье зачитан с кафедры Уорикской церкви легатом в присутствии короля. Однако условия были отвергнуты гарнизоном; тогда король решил штурмовать место штурмом, и 20 ноября из Нортгемптона были вызваны каменщики, рабочие, первопроходцы и саперы.

Вероятно, гарнизон был нерасторопен, так как запасов стало не хватать, вода стала плохой, и начались болезни. В связи с этим гарнизон попросил время, чтобы посоветоваться с Симоном де Монфором, который, как предполагалось, находился на континенте. Оно было предоставлено, но, поскольку болезнь переросла в мор, Гастингс согласился сдать на условиях. На отступление гарнизона с лошадьми, оружием и упряжью отводилось четыре дня. Необходимые конспиративные письма были датированы 13 декабря, но замок был сдан 1200 12 числа. Осада длилась шесть месяцев, обошлась в огромную сумму для королевской

казны, о чем Генрих вскоре сообщил шерифам, и нанесла серьезный ущерб монахам Кенилворта и Стоунли, а также жителям всей средней полосы, которых изводили как осаждающие, так и осажденные. Сразу после этого Генрих отправился в Оксфорд, назначив констеблем Филиппа Мармиона; но перед отъездом он передал замок и лордство своему брату Эдмунду, графу Ланкастеру, по гранту от Уорика 16 декабря.

Эдмунд был назначен графом Лестера своим племянником, Эдуардом I, в 1274 году; а через четыре года после этого, 7 Эдуарда I, он провел в замке грандиозный турнир, на котором особо отличился Роджер Мортимер, граф Марч. Сын и преемник Эдмунда, граф Томас, расширил парк, 30 Эдуарда I. После его казни замок перешел к Эдуарду II, который затем был привезен сюда в качестве пленника Генрихом, братом и наследником графа Томаса, и находился здесь до тех пор, пока его не отправили в Беркли. При новом правлении отмена приговора была отменена, и граф Генри удерживал замок до своей смерти, 19 Эдуарда III, как и его сын Генри, созданный герцогом Ланкастерским, 25 Эдуарда III. Десять лет спустя, после его смерти, 35 Эдуарда III, Кенилворт перешел к его второй дочери и сонаследнице, Бланш, которая вышла замуж за Джона Гонта, четвертого сына Эдуарда, ставшего герцогом Ланкастерским, 36 Эдуарда III.

После смерти Эдуарда III Джон Гонтский, не доверяя новому королю, своему племяннику, на некоторое время поселился в Кенилворте и, вероятно, начал там свои переделки. Работы, несомненно, велись в течение многих лет, и, конечно, не закончились 15 Ричарда II, 1391-2, когда в замке работали каменщики, каменоломщики, плотники и рабочие, в результате чего были перестроены внутренние палаты и возведен великолепный комплекс кухонь, зал и государственные апартаменты, остатки которых видны до сих пор. Когда сын и преемник Джона Гонта стал Генрихом IV, Кенилворт вместе с другими владениями герцогства Ланкастерского отошел к короне, да так и остался. При Генрихе VI и Генрихе VIII замок получил несколько небольших дополнений, не носящих военного характера, и все они теперь удалены. На пятом году своего правления, в 1563 году, Елизавета пожаловала владения лорду Роберту Дадли, сделав его в следующем году графом Лестером. Работы Лестера были значительными. Он выпотрошил кит и передний корпус, обставив их в стиле Тюдоров; построил груды каменной кладки, ныне кивающуюся к своему падению и носящую его имя, в юго-восточном углу внутренней палаты; построил или восстановил Галерную башню на внешнем конце дамбы; вероятно, пристроил верхний этаж к большому амбару; построил большую сторожку, очень прекрасный образец своего возраста.

Вероятно, в конце своей жизни он также засыпал ров внутренней палаты. Его каменная кладка, хотя и была выполнена из пепла и не была плохой, не была основательной; и после снятия полов и крыш стены стали небезопасными, и многое упало и вот-вот упадет. Нет сомнений, что его работы выполнялись с большой скоростью, поскольку знаменитый прием Елизаветы состоялся здесь в 1575 году. Поведение Лестера поставило под сомнение законность его единственного сына, и король Яков воспользовался этим, чтобы принудительно купить Кенилворт за незначительную сумму для принца Генриха; после него им владел принц Карл, вероятно, больше для использования в погоне, чем в качестве резиденции. В то время площадь озера составляла 111 акров, и в нем было четыре сторожки, а именно: сторожка Лестера, башни Мортимера и Галерная, а также входные ворота Брейз.

Нарисовано Дж. Х. Ле Кё по эскизу Г. Смита.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

ВИД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА.

Карл пожаловал Кенилворт в 1621 году в аренду Кэри, графу Монмуту, которая в 1626 году была преобразована во фригольд, на который Кэри претендовали во время реставрации в 1660 году; полковник Хоксуорт и другие владели им, пока у власти находился Кромвель. Наконец, Карл II пожаловал его Лоуренсу Хайду, графу Кларендону, от которого он перешел по женской линии к нынешнему владельцу, чье поведение показывает истинную оценку ценности останков.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ, КЭРМАРТЕНШИР.

ОПИСАНИЕ.

Читатель, который положит перед собой два листа, 37 и 41, Орднанс-Сёрвей, может заметить между хребтами Пенбре и Мыныдд-Сулен на востоке и Мыныдд-Гаррег и Ллангиндэйрн на западе долину длиной около десяти миль и от полутора до трех в ширину. Ее верховья берут начало на известной возвышенности Майнидд-Маур, а устье выходит в Бристольский канал, между устьями рек Ллвхвр и Тоуи, в бухте Каермартен.

Это долина реки Гвендрат (Gwendraeth, white-strath).

"Гвендра, что с таким изяществом деликатно скользит" -

одной из крупных рек Каэрмартена. К западу от этой долины, между ней и Тоуи, но гораздо меньших размеров, находится вторая долина и поток, приток первой и носящий, как и она, название Гвендрает ("fach", или "меньший", является его отличительной чертой). Реки встречаются в своеобразном устье, образованном главным образом "Gwendraeth-fawr".

Эти долины пересекают дороги, ведущие от пролива и башни Ллвхвр к замкам Лланстефан и Кермартен, а также северная, изначально римская дорога из Ллвхвр в Кермартен, так что район лежит на пути между Англией, Пемброком и Кардиганом, и, следовательно, был известен в ранний период норманнским захватчикам Южного Уэльса, которые придавали большое значение его владению, и часто пересекали его.

Замок и город Кидвелли расположены на обоих берегах реки Гвендрает-фах, на краю холмистой местности, отделенной от моря болотом шириной в четверть мили.

Новый город, часть которого сохранилась до наших дней, с церковью и остатками приорства, стоит на левом берегу, и через него проходит старая дорога из Ллвхвра в Каэрмартен. В миле к востоку от города дорога пересекает Гвендрает-фавр по древнему и узкому мосту. Ближе к западу от города такой же мост пересекает Гвендрает-фах, чуть ниже замка, с которым его соединяет предместье, по словам Леланда, являвшееся первоначальным городом и в его время обнесенное стеной с тремя воротами.

Замок стоит на высоте от 80 до 100 футов над рекой, на правом берегу, крутом и скалистом. Таким образом, он защищает и возвышается над городом и приорством, которые находятся напротив и ниже его. Восточная сторона защищена естественным образом крутым берегом и рекой. С других сторон оборона полностью искусственная. Замковая плотина и канава отводят воду из реки, срезая изгиб, к мельнице, которая находится между замком и городским мостом.

Кидвелли удален от башни Ллвхвр на одиннадцать миль, от замков Лланстефан и Каэрмартен - на пять и девять миль, а от замков Дрислвин и Дайневор - на тринадцать и восемнадцать миль.

Гвендрает, по-видимому, частично получила свое название от луговых земель "traeth" или "strath", расположенных вдоль ее течения, плодородие которых, возможно, привело к основанию города и приорства Кидвелли.

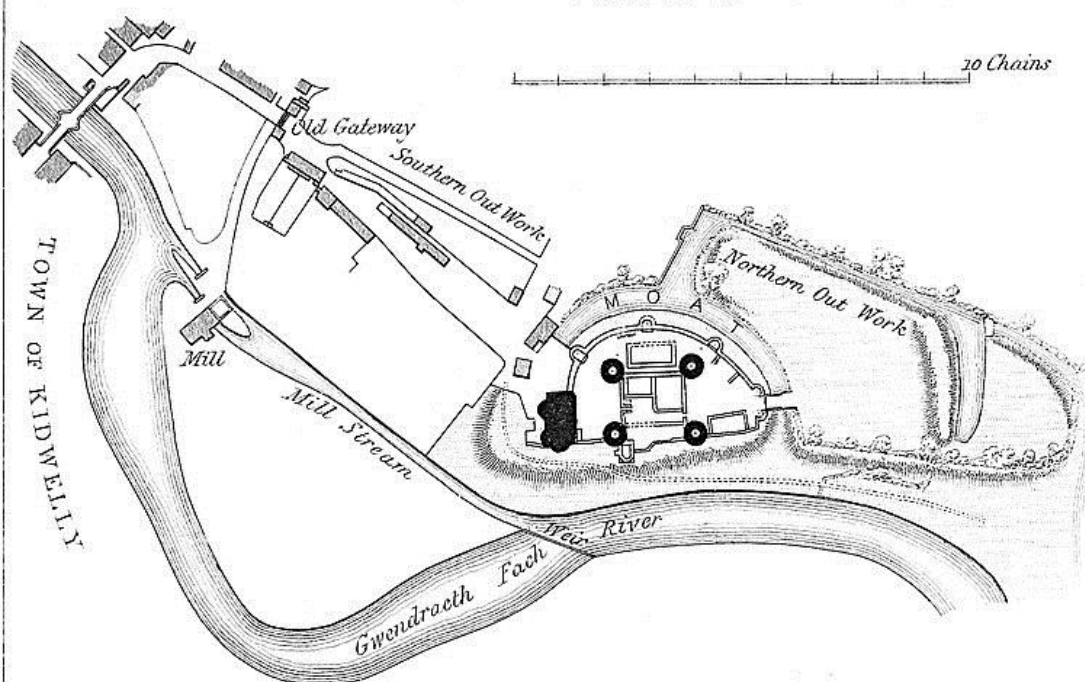
Сидвели - это название одного из трех коммотов Эгинока, одного из четырех кантрефов или сотен древнего графства Каэрмартен, в состав которого входил Гоуэр. В соседнем коммоте Карнвиллион, к северу от Кидвелли, находился одноименный прочный перевал, который часто упоминается в местных записях.

Лордство Кидвелли простирается от реки Ллвчвр до реки Тоуи и включает в себя парламентский округ Лланелли и муниципалитет Кидвелли. Считается, что права корпорации распространяются за пределы города, вокруг замка. Мэр является лордом и проводит свои суды в городе. Суды по делам лорда проходят в замке.

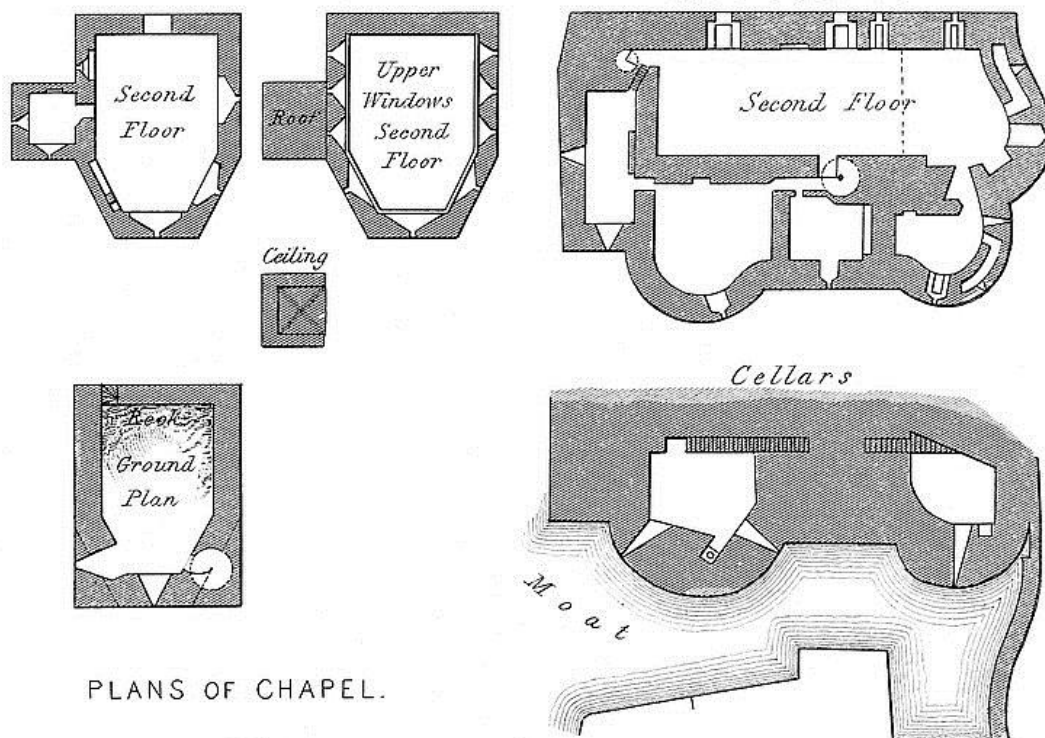
Кидвелли - замок эдвардианского или концентрического типа, несколько измененный по сравнению с идеальными образцами Бомариса и Каэрфилли. Он состоит из "собственно замка", содержащего внутреннюю и внешнюю палаты, и "флигелей", содержащих южную и северную платформы.

GENERAL SURVEY.

20 Chains

MAIN BUILDING.

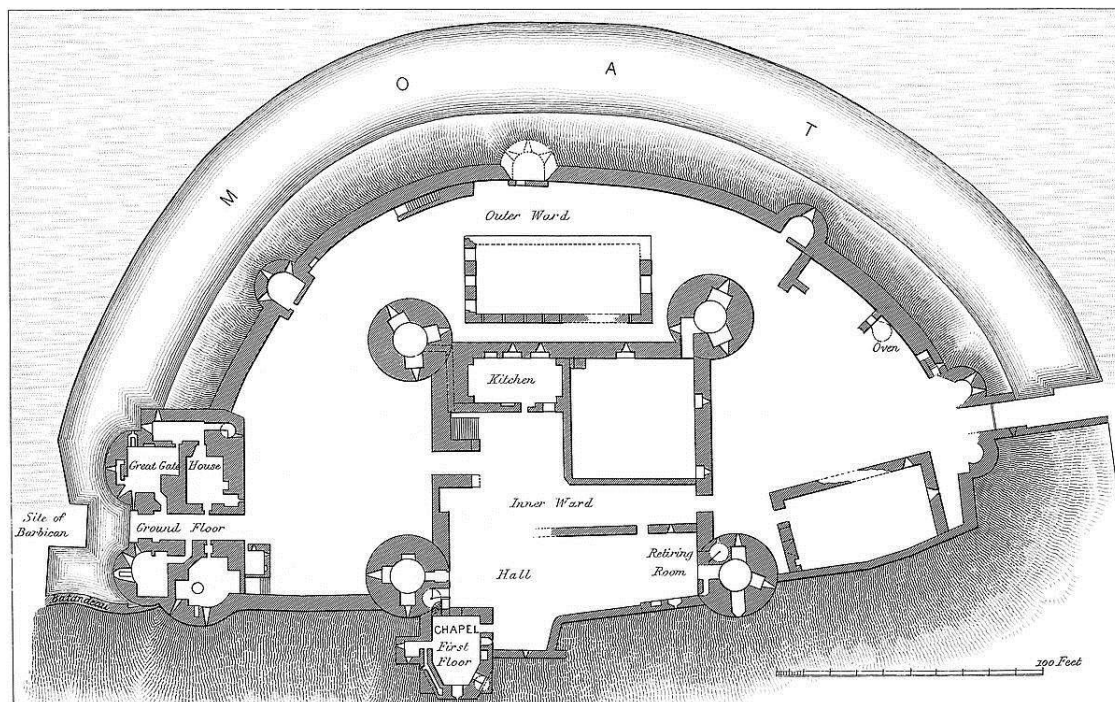

PLANS OF CHAPEL.

Н. Смит дель.

Дж. Х. Ле Ке.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.
ОБЩИЙ ОБЗОР
ПЛАНЫ ЧАСОВНИ
ГЛАВНОГО ЗДАНИЯ

H. Smyth del.

Дж. Х. Ле Ке.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.
ОБЩИЙ ПЛАН

В плане замок представляет собой почти полукруг, главный ров образует кривую, а скала и река - хорду. Длинная ось направлена на север и юг, а ворота находятся на противоположных концах. Вся крепость имеет длину 440 ярдов, от 90 до 130 ярдов, и занимает площадь около трех акров.

Во внутреннем дворе находятся барабанные башни, куртины, башня часовни, зал и кухня.

Барабанных башен четыре: северо-западная, или черная, башня; юго-западная, или Астрагунская, башня; юго-восточная, или башня Маргарет Дун, и северо-восточная башня. Все они относятся к одной дате и почти одного образца - цилиндрические, диаметром 30 футов, со стенами толщиной 9 футов. Их высота составляет 44 фута, с бастионом, и каждая имеет колодезную лестницу в ущелье, заканчивающуюся квадратной башенкой, высота которой составляет 53 фута. В каждой из них есть *сутеррана* и три яруса круглых камер, петляющих наружу, обычно с тремя отверстиями. Также имеются обычные камеры в стенах и двери, выходящие на валы куртин. Есть и некоторые отличия. Палаты юго-западной башни сводчатые, остальные имеют деревянные полы. В этой башне в *сутеррайн* ведет длинная галерея в стене, общая для южной куртины и кухни, открывающаяся из домика привратника. Это "тюрьма носильщика", и, возможно, своды были сделаны для того, чтобы всю башню можно было использовать для этой цели. Северо-западная башня внизу имеет

цилиндрическую форму, а сверху переходит в сердцевидный план, представляя собой двойную луковичу в сторону ущелья с плоским углублением между ними. Эти две башни замыкают угол куртины и занимают примерно пятую часть окружности.

Северо-восточная и юго-восточная башни расположены не на углах, а на гранях северной и южной куртин, близко к их восточным концам и на краю речного обрыва. Помимо соединения с куртинами внутренней палаты, они связаны с севера и юга с той частью куртины внешней палаты, которая построена вдоль края обрыва. Юго-восточная башня тесно связана с башней часовни, а также имеет дверь, выходящую на куртину внешней палаты и ведущую в большую сторожку.

Куртин четыре. Та, что на востоке, неровная, низкая и слабая; ее защитой считается скала. Три другие имеют толщину 6 футов и высоту 18 футов до верха парапета. Вдоль каждой из них проходит вал с парапетом, пробитым петлями, и стеной рере. Куртины окружают четырехугольник площадью 80 ярдов.

Северная куртина пробита воротами шириной 6 футов, с низкой аркой и пазом порткуллиса, сделанного из вала; они находятся у восточного конца стены и почти напротив северной сторожки. Эта куртина пробита двумя петлями, которые, по-видимому, защищались с уровня земли. Западный занавес имеет три петли, две из которых открывались из кухни.

Южный занавес пробит недалеко от центра воротами шириной 10 футов, с низкой аркой и пазом для портупей. Стена была утолщена, чтобы придать глубину воротам и, возможно, позволить надстроить над ними низкую башню. Это главный вход во внутреннюю палату, открывающийся в сторону большой сторожки внешней палаты.

Особого внимания заслуживает башня часовни, являющаяся частью восточной куртины. Это продолговатое здание, вытекающее из прямоугольного основания; но поскольку два внешних или восточных угла образованы контрфорсами, каждый из которых представляет собой полупирамиду, срезанную по диагонали, план верхней части - продолговатый, с двумя восточными углами, удаленными так, чтобы образовать апсиду. Поскольку эта башня выступает на крутой склон, ее внешняя сторона имеет высоту 56 футов, а внутренняя - всего 20 футов. Ее вершина на 24 фута ниже, чем у соседней юго-восточной башни.

С южной стороны башни-часовни находится небольшой квадратный выступ, в котором расположена ризница. Она не поднимается до клироса.

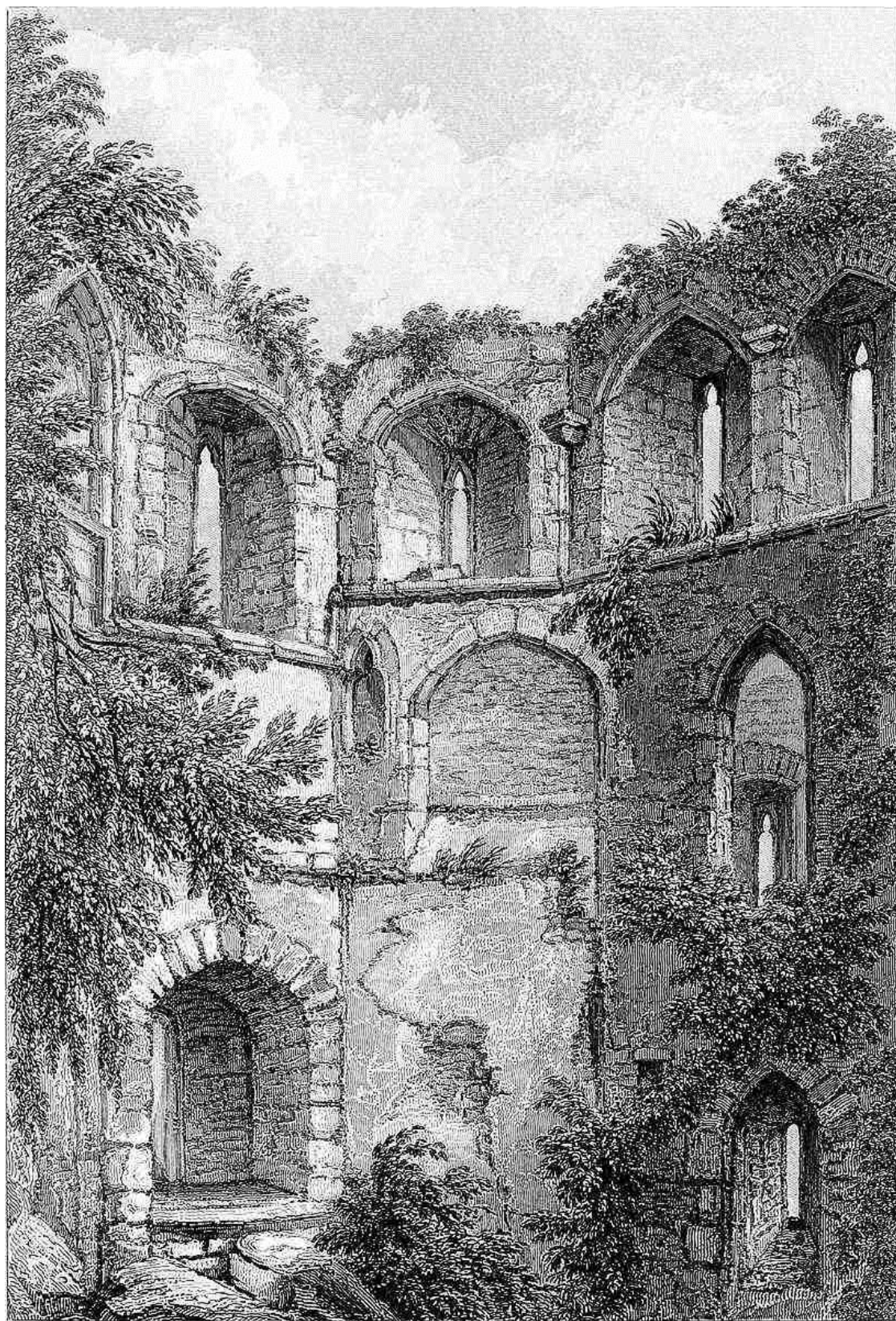
Башня часовни имеет три этажа, все перекрытия деревянные. Внутреннее пространство составляет 26 футов от алтаря до западного конца и 18 футов в ширину. Толщина восточной стены составляет 6 футов, западной - 3 фута. В юго-восточном углу находится настенная галерея, ведущая в канализационную камеру под ризницей. В северо-восточном углу находится колодезная лестница. Первый этаж находится ниже уровня внутренней палаты, и в него ведет кривая лестница из соседнего зала. Следующий, или первый, этаж находится на уровне зала, и вход в него осуществляется непосредственно из зала. Над ним, на уровне вала, находится часовня. Она состоит из двух ярусов окон, верхний из которых является клиросом, а вход в нее осуществляется через западную дверь. Восточное окно является общим для обоих ярусов. Оно представляет собой длинную, узкую и острорельефную петлю, расположенную в широкой нише, которая занимает почти весь восточный отсек апсиды, и имеет плоскую перекидную арку с простым ребром.

В торце к югу от алтарной части находится небольшая трехгранная piscina, а рядом с ней - широкое углубление или седалище под опускной аркой. С южной стороны небольшая

остроконечная дверь ведет в ризницу, а к западу от нее находится еще одна ниша с плоской аркой, а в ней, ближе к восточной стороне, петля, давно заделанная, предназначенная для защиты уголка между ризницей и юго-восточной башней и для заграждения прилегающей куртины. В северной стене также есть трилистник и дверь, давно закрытая.

Клирос освещается девятью окнами, по три с каждой стороны и три, включая восточное, в апсиде. Все они одинаковы - длинные, узкие, острорельефные проемы в широких нишах, с плоским ребром и плоскими опускными арками. Все они опираются внутри на тетиву, филенчатую полукруглую, которая опускается, чтобы пройти под восточным окном. Между каждой парой окон находится ровный карнизный блок для брёвен крыши. Над часовней нет ничего, кроме башен. Стены покрыты лепниной. Западная стена не имеет ни облицовки из ясеня, ни струнного хода, она датирована другой датой и хуже, чем остальная часть башни.

Зал, размером 60 футов на 25 футов, заполнил вместе с ретенционной комнатой всю восточную сторону внутренней палаты. Его южный конец образован юго-восточной башни, круглая поверхность которой была залатана и оштукатурена, чтобы представить плоскую поверхность в сторону зала, и это дополнение все еще показывает высоту и угол наклона крыши зала. Западная стена часовни является частью восточной стены зала, а в другой ее части, которая также была внешней стеной по направлению к реке, сохранились следы оконной ниши, как и в часовне. Рядом с ней, также связанной с часовней, находится выступающее из занавеса пространство, которое, возможно, было чем-то вроде ориентала или небольшой камеры, пристроенной к залу. В западной стене, в южной части, находится дверной или оконный косяк из ясеня. Западная стена разрушена.

М^с. Траэрдель^т.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

Интерьер часовни.

Прихожая по ширине равна залу, а по длине - 30 футам. Она сообщается с северо-восточной башней. Его западная стена достаточно совершенна. Она покрыта лепниной и включает в себя дверной проем. Можно проследить поперечную стену и, возможно, место, где находилась дверь, открывающаяся в зал. С восточной стороны в занавесе сохранился трилистник с углублением, относящийся к часовне; ближе к югу от него находится камин с резным основанием дымовой шахты. Вся восточная куртина, по-видимому, служила для перекрытия крыш зала и прихожей, и, вероятно, была защищена бастионом, доступным из желоба крыши. Благодаря выгодному положению северо-восточной и часовой башен и крутому подъему от реки эта сторона замка была наименее доступной.

Кухня расположена напротив зала, в юго-западном углу двора. Ее размеры составляют 30 футов на 17 футов, и, судя по сохранившемуся фронтому, она имела высокоскатную крышу. В каждом конце, на севере и юге, находится большой камин с великолепными тоннелями. С западной стороны, которую образует занавес, во внешнюю палату выходит окно с узким проемом и широкой нишей. К южному концу примыкает третий камин, меньших размеров, очевидно, предназначенный для тушения и подобных операций, наподобие современного жарочного шкафа.

В восточной стене находится узкий дверной проем, расположенный внутри и по одну сторону более широкой арки, которая на высоте груди открывается во всю ширину. По-видимому, это было придумано для того, чтобы слуги могли выносить большие блюда, не открывая проем ненужной ширины. По обе стороны от этой двери находятся низкие широкие проемы, очевидно, предназначенные для люков маслобоен.

Северо-западный угол этой палаты занимает ограждение площадью 45 футов, две стороны которого образуют две занавески. Оно обнесено стеной и, возможно, содержало офисы или казармы.

Внешнее отделение имеет почти полукруглую форму, а внутреннее отделение построено на середине его хорды. Его части - большая и малая проходные, куртины, башни с фресками и служебные помещения. Внутренняя палата не имеет рва, а пространство между стенами двух палат составляет с северной стороны 90 футов, с западной - 60 футов, а с южной - 80 футов.

Большая сторожка представляет собой прекрасную громаду здания. Она имеет продолговатую форму, 80 футов в ширину, 50 футов в глубину и 62 фута в высоту. Ворота высотой 11 футов и шириной 8 футов имеют высокую арку. Они помещены в очень плоское сегментное арочное углубление высотой 20 футов. Подоконник ворот находится на высоте 12 футов над дном рва, а с обеих сторон его обрамляет коническая круглая башня, диаметром 24 фута внизу и 20 футов вверху. Над воротами, между башнями и на одном уровне с их вершинами, проходит смелая машикуля из трех плоских арок на двух карнизах.

Сторожка имеет круглый выступ на восток к реке, а на северо-западном углу квадратная башенка заканчивается сторожевой башней, которая возвышается над двором на 93 фута и известна как "Пигин Тауэр" [Pigwn, маяк].

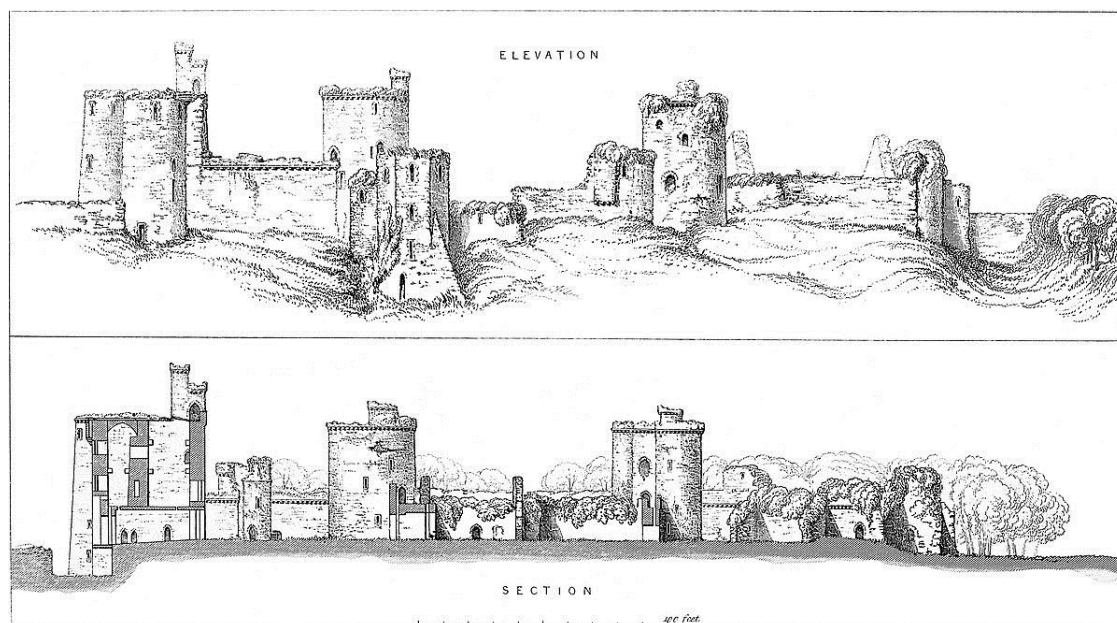
Порталы, как со стороны поля, так и со стороны двора, имеют простые фасонные ребра из пепла; свод портала выложен из бутового камня, с пазом для портупей на обоих концах. Ворота открываются внутрь, так что сторожка может быть защищена с любой стороны. В своде также есть три желоба, предназначенные для прохода решеток. Средний, судя по всему, давно закрыт.

Разводной мост опускался через ров, уменьшенный здесь на 16 футов, на пирс, соединенный с барбаканом.

Если войти через большие ворота, то справа и слева находятся подземелья и караульные помещения, с петлями, контролирующими подход. Дверные проемы небольшие, с арками почти полукруглыми или слегка заостренными. Одна из камер справа содержит большой куполообразный резервуар для воды под полом, два необычных углубления в стене и садик. Колодезная лестница у северо-западного угла ведет на второй этаж, куда также ведет наружная и парадная лестница со двора, под которой находится домик носильщика. Подземные палаты и палаты первого этажа сводчатые.

На первом, главном, этаже находится парадный зал размером 40 футов на 17 футов с двумя большими окнами, выходящими во двор, и камином между ними. Окна, по-видимому, были двухсветными, с трилистником, и помещены в большие, плоские, сегментные углубления. Крыша деревянная, плоская и довольно низкая. На том же этаже находятся три комнаты поменьше и камера с портупеей, а на восточной стороне, над резервуарной комнатой, - сводчатая кухня с большим камином и печью. Из кухни небольшая дверь ведет на восточный вал, а по нему - к юго-восточной барабанной башне. Две колодезные лестницы ведут на второй этаж, где также находится большая палата с окнами в два света и трилистником, выходящими на двор, и камином. Здесь же находятся несколько спален с дверными проемами из резного ясеня. Этот этаж, по-видимому, предназначен для проживания знатных особ. Колодезная лестница у северо-западного угла продолжается вверх, к сторожевой башне, а от нее узкая дверь ведет на вал изогнутой куртины и к настенным башням внешней палаты.

Сторожевая башня значительно выше, чем любая другая часть замка, и с нее открывается обширный вид на море и сушу.

H. Smyth del^t.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

Меньшая или северная сторожка в значительной степени разрушена, а , похоже, была построена наспех. Она небольшого размера и состоит только из двух полукруглых башен, задние или ущельные стены которых и часть портала были разрушены. Похоже, что в соседней западной куртине был верхний этаж, куда вела лестница. Портальная арка исчезла, но сохранились следы разводного моста, который работал между двумя боковыми стенами, петляя, чтобы загребать ров. Остался тот, что на востоке. Ширина портала составляла 10 футов, а мост опускался с пролетом около 18 футов на сохранившийся пирс, выступающий из контркарпа фоссы. Стены моста более поздние, чем башни, а те, вероятно, чем занавес. Эти ворота находятся на северной оконечности внешней палаты, всего в нескольких ярдах от берега реки. Судя по всему, это дополнение.

Занавес внешней палаты состоит из трех частей: одна, длиной 330 футов, изогнутая, окружает палату с западной или сухопутной стороны и соединяет проходные башни с настенными башнями. Толщина этой стены составляет 6 футов, а высота - 20 футов, и она защищена главным фоссом. Кроме проемов из сторожек, на этот вал можно попасть прямо со двора по пристроенной к стене лестнице. Вал защищен парапетом и крепостной стеной, которые для придания ширины валу отбрасываются на карнизы или ложные машикули.

Вторая часть куртины прямая или почти прямая, она тянется на 50 футов вдоль речного обрыва, от большой сторожки до юго-восточной барабанной башни. С каждого ее конца можно попасть на вал. Высота этой стены составляет 30 футов, а толщина - 7 футов.

Третья часть завесы также идет вдоль речного обрыва и простирается на 90 футов от северо-восточной барабанной башни до северной сторожки, возле которой она образует угол. Между этим углом и воротами ее толщина составляет 5 футов, в других местах - всего 2 фута. Возможно, под углом стояла башня.

Настенных башен три, все они расположены в западной куртине. Они полукруглые, высотой 30 футов, диаметром 22 фута, с внешним выступом в 8 футов и небольшим квадратным выступом внутри, образованным стеной ущелья. Они имеют нижний этаж с петлями, второй этаж с камином и камеру, расположенную на уровне вала и составляющую его часть. Толщина стен составляет 5 футов. Средняя башня из трех упала в озеро. Кладка этих башен грубая, и они плохо скреплены со стеной.

Служебные помещения в этой палате представлены стенами отдельно стоящего здания, 65 футов на 30 футов, с высокими фронтонами, расположенного к западу от внутренней палаты; еще одно помещение, 60 футов на 35 футов, построенное против речной куртины, рядом с северной сторожкой; и несколько хозяйственных построек, вероятно, кухни и пекарня, построенные против изогнутой куртины, близко к западу от той же сторожки. Эти здания, вероятно, предназначались для размещения гарнизона.

Главный ров проходит по северной, западной и южной сторонам внешнего квартала, открываясь на речном обрыве и поднимаясь к с каждого конца. Отверстие на юго-восточном конце, рядом с большой сторожкой, закрыто *батардо*, которое, похоже, было укреплено к реке, и к нему можно было подойти со стороны барбакана. На другом конце, возле северной сторожки, сохранились следы подобной стены. Этот ров находится высоко над рекой, но питается водами суши, и часть его до сих пор влажная. Его ширина составляет около 30 футов, а глубина - значительная. К западу от него отходит рукав, разделяющий северную и южную заставы и соединяющийся со рвами первой.

Барбакан, судя по следам его фундамента, представлял собой небольшую круглую башню. Она занимала скалистый холм на контркарпе главного рва, напротив больших ворот и на

краю крутого берега реки. Очевидно, она предназначалась для прикрытия разводного моста и заставляла тех, кто прибывал через этот вход, проходить под огнем соседней западной куртины. По-видимому, это сооружение было отрезано от других флигелей сухим рвом, или крытой дорогой, ведущей от реки к юго-западу от барбакана в сторону главного рва.

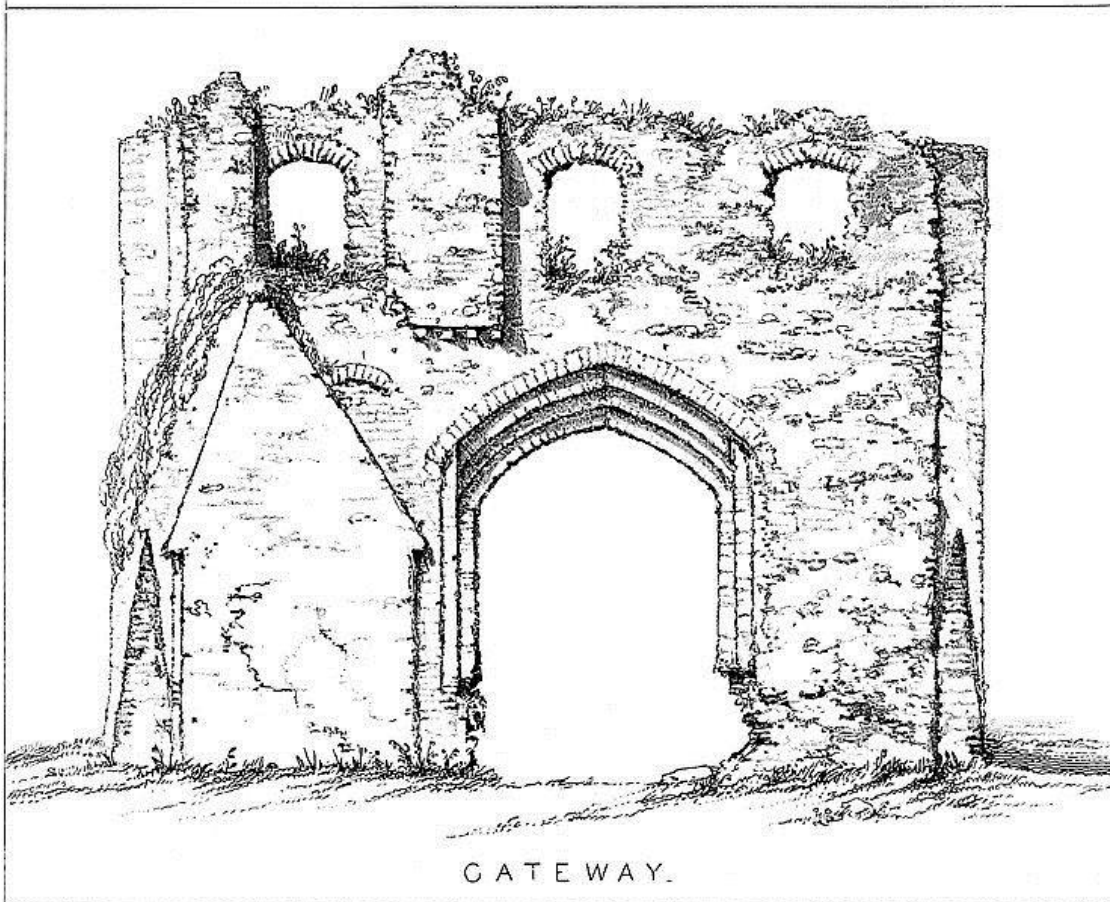
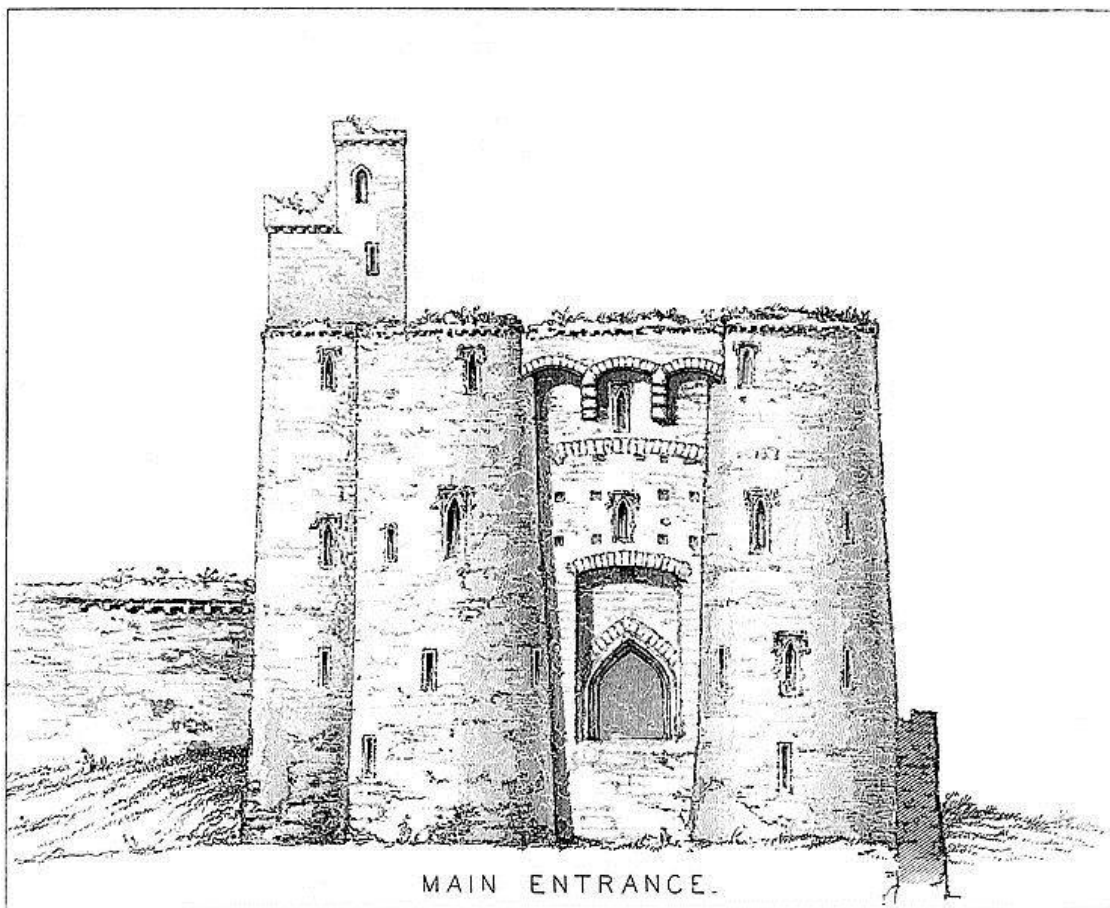
Флигели разделены на северную и южную платформы уже упомянутым ответвлением главного рва.

Южная платформа защищена с востока мельничным каналом. Она была обнесена стеной и, по-видимому, составляла около 170 ярдов в длину и 130 ярдов в ширину. Часть стены сохранилась на западной стороне и на севере, вдоль края ответвления рва. С южной стороны подход к дому по-прежнему лежит через внешнюю сторожку, часть которой разрушена. Сохранился портал, представляющий собой арку с пазами для портупей; над ним - три окна с плоскими сегментными арками. Из подоконника центрального окна открывается отверстие на внешнюю сторону портала, вероятно, для прохода ракет. Здание имеет нижний и верхний этажи. Следов рва или разводного моста не обнаружено. Постройка представляет собой бутовый камень. Судя по всему, не было ни одного ясеня. Стиль - перпендикулярный - возможно, относится к дате постройки большого сторожевого дома, возможно, более поздний. Гроуз приводит рисунок этой сторожки 1786 года, на котором она предстает в своем нынешнем состоянии.

Северная платформа охватывает северный и западный кварталы замка. Она имеет размеры 130 ярдов в длину и 90 ярдов в ширину и заключена в мокрый ров, ответвление которого почти отрезает ее северную часть, оставляя узкую горловину в сторону реки, через которую пролегал подход к южному входу. Внутри рва сохранились высокие берега и признаки небольшой стены, а возможно, и башни у входа.

Этот замок пострадал меньше, чем можно было ожидать. Он был разобран, железные и деревянные конструкции вывезены, но ни одна из его башен или стен, похоже, не была взорвана. Настенная башня, отсутствующая во внешней части, вероятно, сползла в ров из-за дефектов в фундаменте.

К замку легко подойти и осмотреть, он не зарос плющом или кустарником.

H. Smyth del.

J. H. Le Keux. sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ. ГЛАВНЫЙ ВХОД. ВОРОТА.

Детали Кидвелли позволяют сделать некоторые общие выводы о возрасте его отдельных частей. Здесь нет ничего, что можно было бы с уверенностью назвать норманнской работой, хотя, несомненно, нынешнему замку предшествовало сооружение, относящееся как к этому, так и к раннему английскому стилю.

Общий план или расположение замка, судя по его стилю, относится к одной дате - вероятно, к эпохе Генриха III или к началу правления Эдуарда I. Часовня относится к этому времени. Ее западная стена, однако, судя по особенностям ее связи, более ранняя, чем остальные, и относится к одной дате с юго-восточной башней барабана, скажем, к 1260-80 годам, что соответствует дате всех башен и куртин внутренней палаты, поскольку все они выполнены в одном стиле.

Большой зал кажется немного более поздним, чем юго-восточная башня, лицевая сторона которой была уплощена, чтобы соответствовать ее фронтому.

Стены и настенные башни внешнего отделения могут быть немного позже, чем внутреннего. О том, что они являются частью первоначального плана, можно судить по недостаточной прочности внутренних сторожек.

Большая сторожка решена, но ранняя, перпендикулярная, возможно, времен правления Ричарда II или Генриха IV, 1388-1400 гг. Башня Пиджин - более позднее дополнение.

ИСТОРИЯ.

Название Кайдвелли, или Кайдвели, валлийское. Леланд, чьи этимологии не являются непогрешимыми, выводит название от "Cathwelli" или "Cattalectus", потому что Каттас обычно устраивал здесь свою постель в дубе. Другие объясняют, что "Cyd" означает "Aber" или слияние вод. Катгуэли были кельтским племенем. Город, несомненно, валлийского происхождения и имеет большую древность.

Это не относится к замку, который, по крайней мере, в его нынешнем виде, относится к более позднему времени, и место для его строительства, хотя и прочное от природы, не было выбрано кельтским инженером.

Предполагается, что замок был основан неким Уильямом де Лондресом, одним из норманнских рыцарей, который в 1091 году помогал Фицхеймону в завоевании Гламоргана, а затем, согласно записям, ворвался в Кермартен, несомненно, когда в 1093 году норманны разорили Гвир, Кидвелли и Истрад-Тайви, а затем отвоевали у валлийцев лордства "Кидвелли и Карнвилтион". В Гламоргане этот Уильям известен как основатель замка Огмор, норманнская крепость которого, хотя и пострадавшая, все еще стоит. Вероятно, его постройки в Кидвелли были менее прочными, иначе все их следы вряд ли могли бы исчезнуть.

Возможно, доходы де Лондреса ограничились городом и пригородом Кидвилли, поскольку в 1100 году Генрих I отнял у Айорверта ап Блетин его земли и отдал Хауэлу ап Гроно округа Страт-Тайви, Кидвилли и Гоуэр. Однако в 1102 году Хауэл был убит норманнами, которые к тому времени уже отобрали у него замок Ридкорс[Powel, 124].

В 1113 году Гриффит ап Рис, принц Южного Уэльса, взял Кермартен и отступил к своей крепости в Страт-Тайви, откуда двинулся на Гауэр. Уильям де Лондрес покинул Кидвелли и бежал. Уэльсцы опустошили земли и сожгли замок [Powel, 145], который тогда вряд ли мог быть обычной нормандской крепостью. После этого наступил период спокойствия, и Морис де Лондрес разбил в Кидвелли парк и строго следил за олениной. С одной стороны парка, рядом с морем, находились большие пастбища для овец. Его жена, желая, чтобы некоторые олени были уничтожены, ввела шерсть в кишки некоторых оленей, а затем показала это в доказательство того, что они уничтожают овец; на это Морис разрешил напасть на оленей с собаками. - ["Giraldus Cambrensis", i. 168.] После смерти Генриха I в 1135 году, когда Гриффит ап Рис отсутствовал в Северном Уэльсе, Гвенллиан, его жена, привела армию в Кидвелли. Она была разбита и предана смерти Морисом де Лондресом, ее лордом, и Джеффри, констеблем епископа. Ее старший сын, Морган, был убит, а его брат, Маэлгон, взят в плен. - ["Giraldus Cambrensis", i. 168.] "Поле битвы, - говорит редактор "Giraldus", - до сих пор называется "Maes Gwenlian", а башня в замке - "Twr Gwenlian"". В 1145 году уже существовали замки в Лланстефане и Дайневоре, а в 1150 году - в Ллвхвре.

От семьи де Лондрес Кидвелли перешел через наследницу к семье де Кадурсис, или Чаворт, чья наследница вышла замуж за Генриха Ланкастера, внука Генриха III. Генрих, его сын и внук владели замком, пока их род не закончился дочерью, которая вышла замуж за Джона Гонта и стала матерью Генриха IV. С тех пор владения герцогства Ланкастерского, включая Кидвилли, остаются в собственности короны. Сейчас оно находится в руках графа Коудора.

ЗАМОК КИЛПЕК.

Приход Килпек в графстве Херефорд занимает холмистую местность, расположенную между грядами холмов Майнд, Оркоп и Гарвей и рекой Ворм, которая принимает стоки из значительной долины и впадает в Монноу близ Кентчерча. Железная дорога из Абергавенни в Херефорд проходит по этой долине, которая является прекрасным примером плодородия и живописности старого красного песчаника Херефордшира.

Замок, церковь и место давно разрушенного приорства находятся неподалеку от деревни Килпек, в двух милях к северу от хребта и в нескольких милях к югу от церкви и железнодорожной станции Сент-Деверо.

Земля быстро понижается к северу и пересекается глубокими лощинами, в каждой из которых протекает ручей. Живые изгороди и крутые берега покрыты лесом, а травянистые холмы и хребты переходят в широкие ровные луга с непревзойденной зеленью, среди которых плуг мало кому знаком.

Замок Килпек, как сейчас видно, почти полностью состоит из земляных сооружений. Он состоит из кургана и окружного рва, за которым, на севере, находится треугольная площадка, на юге - ограждение в форме подковы, а за ним - южная площадка, гораздо более обширная, но тоже треугольная по очертаниям. На самом краю и к востоку от них стоят древняя нормандская церковь и фермерский дом, часть которых имеет определенную древность; на западе, примерно в 200 ярдах от замка, земля быстро понижается к глубокой

лощине, через нижнюю часть которой был насыпан мощный земляной вал, а выше видны остатки других валов. Таким образом, очевидно, что здесь была образована цепь длинных и глубоких озер, возможно, на двух или даже трех уровнях, что должно было сделать любой подход с запада или валлийского квартала чрезвычайно трудным и опасным.

Курган полностью искусственный. Он конический, усеченный и овальный в плане. Его вершина простирается на север и юг примерно на 25 ярдов, на восток и запад - на 40 ярдов, а высота - от 20 до 40 футов, в зависимости от глубины рва, который больше всего на северной стороне. Склоны крутые, красная земля не склонна к проседанию.

Вершину венчает раковина, расположенная на расстоянии около 3 футов от края склона, то есть примерно в 23 ярдах к северу и югу, 38 ярдах к востоку и западу. В плане он был многоугольным, с гранями длиной от 14 до 15 футов. От этого панциря остались только два фрагмента, один на северной, а другой на западной стороне, на расстоянии около 20 ярдов друг от друга. Они показывают, что стена была многоугольной снаружи и круглой или почти такой внутри, также вертикальной, а снаружи отбитой от 7 футов толщиной у основания до 4 футов при высоте 6 футов, выше которой она продолжалась на 4 фута. Северный фрагмент имеет длину около 40 футов, синус около 2 футов и высоту около 18 футов; вероятно, вместе с парпетом он составлял около 25 футов. В нем находится камин с круглой спинкой, шириной 3 фута и глубиной 2 фута, который собирается в цилиндрическую шахту диаметром 12 дюймов. С каждой стороны есть сток для воды, как из раковин, проходящий через стену. Другой, западный фрагмент, имеет длину 30 футов и высоту около 14 футов. Здесь также есть камин, похожий на предыдущий, но шириной 5 футов и глубиной 3 фута; с северной стороны находится сток для воды. С южной стороны сохранился фрагмент поперечной стены толщиной 3 фута, которая принадлежала внутреннему зданию; по возрасту она соответствует внешней стене. Эта внешняя стена, похоже, была немного разнесена наружу миной, вырвавшейся изнутри. Вершина кургана слегка выпуклая, из-за скопления мусора, который, как показывают камин, имеет глубину около 4 футов. Говорят, что здесь был обнаружен глубокий колодец, но никаких следов от него сейчас не видно. Эти стены - единственные остатки каменной кладки во всем замке. Судя по их общему виду и каминам, они, по-видимому, являются раннеанглийскими. Очевидно, что в панцире находились постройки у стены, которые, судя по стокам, могли быть кухнями.

Курган окружен глубоким рвом, к которому с севера примыкает северная платформа, с северо-востока, востока и юга - подковообразная платформа или внешнее отделение, а с запада - узкая насыпь, от основания которой естественный склон быстро понижается.

Внешнее отделение представляет собой платформу подковообразной или лунообразной формы, шириной от 90 до 180 ярдов, занимающую всю половину кургана. Ее вогнутый край образует контркарп внутреннего рва. Его выпуклость ограничена рвом глубиной от 10 до 30 футов, который на востоке граничит с церковным двором, а на юге сменяется южной платформой, общий уровень которой на 10-12 футов ниже вершины кургана. Внешний край этой площадки приподнят насыпью, которая вдоль южной стороны и в западном конце возвышается на 10-20 футов, несомненно, отсыпанной из внешнего рва. Поверхность покрыта шрамами, как от удаления фундаментов, но не видно ни следа настоящей каменной кладки, и даже там, где насыпь прорезана, не видно камней.

Осталась южная платформа. Она находится почти на уровне внешней палаты, хотя и ниже ее возвышенного края. Площадь ее значительна, вероятно, более четырех акров. Она отделена от внешнего отделения общим для обоих рвом шириной около 30 футов. С запада и востока она имеет ров, а с юга - откос высотой около 12 футов, земля за ним плоская и находится на

более низком уровне. Современный вход на эту площадку, ныне обрабатываемую, находится в углублении на восточной стороне у северного конца, которое может быть старым.

Главный вход в замок, то есть во внешнюю часть, был через ворота в южной точке, отмеченные глубокой выемкой в берегу и окруженные земляными кучами, которые могут скрывать фундамент небольших башен. К этому входу с востока ведет дорога вдоль рва под внешней палатой и южной платформой.

Путь из внешней палаты в крепость лежит не напротив внешнего входа, а восточнее; тонкая дорожка пересекает ров, а тропинка поднимается на курган. Возможно, это все современное, а здесь был наклонный мост, делавший подъем на курган менее крутым. В юго-западном углу ров кургана в одном месте выходит на сторону холма, так что отсюда путь мог прелегать вдоль рва вплоть до курганного моста.

Вывод, который напрашивается из нынешних земляных работ, таков: первоначально был использован естественный холм неправильной формы, примерно 300 ярдов на север и юг и 125 ярдов на восток и запад, который был окружен одним рвом или, где позволяла земля, только обрывом. Возможно, что здесь, как частично в Малверне и в других примерах, это длинное ограждение было разделено двумя поперечными разрезами на три части, из которых центральная составляла цитадель. Вероятно, это дело рук англичан.

Затем, по-видимому, более поздний народ, англичане, вступил во владение и воздвиг курган в одном из углов цитадели, изолировав его соответствующим круговым рвом. Главное жилище находилось на кургане, а подковообразный остаток внизу содержал основной двор для иждивенцев, в то время как северная и южная части служили для защищенных загонов для скота.

Когда норманны вступили во владение замком, они, по-видимому, построили на кургане крепость из ракушечника, а нижний двор использовали в качестве внешнего укрепления, вероятно, окружив все это каменной стеной, которая теперь удалена и заменяет английский острог. Это и есть собственно замок, к которому примыкают северная и южная платформы, без сомнения, отгороженные для скота.

История Килпека начинается с Domesday, где записано: "Hæ villæ vel terræ subscriptæ sitæ sunt in fine Arcenefelde. Will'us filius Normanni tenet Chipcete. Cadiand tenuit tempore Regis Edwardi".

Церковь явно старше, чем каменная кладка замка, и, возможно, ранние норманнские лорды довольствовались деревянной резиденцией и оборонительными сооружениями и не строили в течение века или около того после их захвата, когда был возведен замок из ракушечника. Маловероятно, что этому предшествовали какие-либо более ранние работы по каменной кладке, поскольку норманнские здания были основательными и долговечными.

Церковь стала предметом "монографии". Приорат, от которого не осталось и следа, стоял в поле к юго-востоку от замка и деревни.

Чипсет в Ирченфилде - это нынешний Килпек, где Уильям Фиц Норман сидел на месте Кадиянда, лишённого собственности англичанина. За эти земли не платили ни мерина, ни военной службы, что для этого пограничного района весьма примечательно. Уильям был крупным херефордширским землевладельцем. В 1134 году, 25 Генриха I, Хью, сын Уильяма Фиц Нормана, подарил церкви Святого Петра в Глостере, церковь Святого Давида в Килпеке

и часовню Богоматери в замке. О часовне больше ничего не сказано, но церковь включена в конфирмационную грамоту Стефана в Глостер в 1138 году, а также во многие более поздние конфирмации и хартии Инспексимуса.

Согласно Дагдейлу, в 1134 году Генри де Килпек основал в Килпеке приорство, посвященное святому Давиду. Более вероятно, что основателем был Хью Фитц Норман, который, несомненно, его одарил. Это была келья бенедиктинского аббатства Святого Петра в Глостере, и она просуществовала до его подавления в 1422-48 годах, во время епископата Томаса Споффорда из Херефорда. Приоры были призваны принять участие в выборах аббатов Глостера.

Хью сменил Генри, прозванный "де Килпек", которому пришлось заплатить штраф в 100 марок королю Стефану за посягательство на королевский лес Хейвуд. Генрих также упоминается в Трубном списке Ричарда I как задолжавший 13 марок в 1189 году за пошлины королю из леса Тривел.

Джон де Килпек, сын Генриха, купил у короны баронство Пурбек или Пулвербах, Салоп, в 1193 году за 100 фунтов стерлингов. В начале правления Иоанна он, по-видимому, держал в своем бейлифике леса Херефордшира, вероятно, в качестве шерифа этого графства, за что и отчитался в третьем Иоанна. Он также заплатил две марки скутажа за свои земли в Салопе. Он умер в 1204 году, и Джулиан, его вдова, заплатила королю Иоанну 60 марок, чтобы он выдал ее замуж за того, за кого она пожелает. В следующем году она получила в собственность Рокслег и Ла-Тем, согласно Мэдоксу.

Джулиан Джон оставил Хью де Килпека, который был подопечным Уильяма де Кантелупа, великого пограничного барона. В это время король изредка посещал Килпек, побывав там в 1211 году, 11 марта, по пути из Херефорда в Абергавенни, несомненно, в обоих местах в качестве гостя Кантелупы. Также в 1213 году, 27 и 28 ноября, он был здесь между Херефордом и Сент-Бриавелем, и, наконец, 18 и 19 декабря 1214 года, когда ехал из Монмута в Херефорд.

Хью де Килпек, достигнув совершеннолетия, унаследовал хранение королевских лесов в Херефордшире, а в 1248 году он владел Литтл-Тейнтоном в Глостершире с сержантским правом хранения леса Хейвуд, также являвшегося наследственным владением. Леса Хей, Килпек и Акорнбери, судя по патентным спискам, находились в его руках 3 Генриха III. В 1231 году, 16 Генриха III, Хью де Килпек и Уильям Фиц Уорин были двумя из восьми лордов, нанятых для переговоров о перемирии с Ллевелином. Это кажется достоверным; но Дагдейл говорит, что он умер около 1207 года. На него заведено дело 28 Генриха III, 1243-4; но из штрафных списков следует, что он умер до этого. Он женился на Эгидии, которая впоследствии, по словам Дагдейла, вышла замуж за Уильяма Фиц Уорина. Джон был третьим и последним бароном Килпеком. Он оставил двух дочерей, сонаследниц, Изабеллу и Джоан. Младшая Джоан, которой на момент смерти отца было семнадцать лет, стала первой женой Филиппа де Мармиона. Она владела половиной баронства Килпек и оставила трех дочерей, сонаследниц. Филипп, который был защитником Англии и большим сторонником Генриха III, оставил от второй жены четвертую дочь. Каждая из них имела четверть баронства Мармион, а старшие три - по трети баронства Килпек. Фревиллы из Тамворта произошли от Мазеры, второго ребенка, а Ладлоу и Даймоки, чемпионы, - от Джоан, четвертой.

Изабелла, старшая сонаследница, по-видимому, владела замком Килпек в своей доле. Она вышла замуж за Уильяма Уолерана, 28 Генриха III. Ее печать, недавно найденная в Эушоте, недалеко от Крондалла, выгравирована в "Top. and Geneal.", i., p. 28, где приводится прекрасный рассказ о ее семье. Изабелла оставила Роберта, Уильяма и Алису.

Роберт Уолеран владел Килпеком. Он был шерифом Глостершира в 30-35 годах при Генрихе III. Он сражался за Генриха при Ившеме, был губернатором замков Кардиган и Кермартен, а также бароном. В 1262 году он составил спор между епископом и капитулом и горожанами Херефорда, касающийся хлебной ассизы. Умер он в 1273 году, 1-го Эдуарда I, оставив вдову Матильду, несомненно, вторую жену, которая имела право собственности на поместье Килпек.

Уильям, брат Хью, умер раньше него, оставив Роберта, который унаследовал Килпек, но, похоже, умер 2 Эдуарда II, либо бездетным, либо оставив сына, который не унаследовал Килпек в результате энтитета своего великого дяди; как выясняется, по акту 1269 года Роберт Уолеран передал Алану де Планкенету, сыну своей сестры, замок Килпек, парк Тревилль и Койтмор, лесную собственность на Сено и поместье Хэмптон. Алан передал Роберту пожизненное владение, а после смерти Роберта земли вернулись к Алану, который принес дань. По какому праву Роберт, племянник и последний барон, владел Килпеком, не сообщается.

Алиса Уолеран, сестра первого Роберта, вышла замуж за Оше де ла Бере. Их сын Алан носил имя Плукенет или Плугенет, стал лордом замка и поместья Килпек и был вызван в парламент 23 Эдуарда I. Он умер 27 Эдуарда I, в 1299 году. Он был похоронен в Доре. Он был большим земледельцем и отвоевал участок, названный от него "Аланским болотом". В его время, 13 Эдуарда I, Уильям Батлер владел каркасом земли в Килпеке, а также поместьем и двором; также, 20 Эдуарда I, Филипп де Мармион из Скривелсби владел платой в Килпеке. По-видимому, в замке было несколько вотчин; 2 Эдуарда III Александр де Фревилль владел одной шестой частью вотчины.

Его преемником стал Алан Плугенет, сын Алана. Он отличился в шотландских войнах, а также был призван в парламент. Он добился еженедельного рынка и ежегодной ярмарки в Килпеке и умер около 1311 года, оставив наследницей свою сестру Джоан.

Джоан Плугенет, называемая Джоан де Бохун де Килпек, владела баронством. Она вышла замуж за Эдуарда де Бохуна, но умерла с.п. 20 Эдуарда II или 1 Эдуарда III, в 1327 году.

Ее наследником был Ричард, сын Ричарда и внук сэра Ричарда де ла Бира. Он умер 19 Эдуарда III, оставив Томаса, своего сына и наследника, в возрасте 30 лет, 27 Эдуарда III; но Эдуард де Бохун, который пережил свою жену и, вероятно, был арендатором Килпека по вежливости, имел лицензию от Эдуарда III на отчуждение Килпека, Тревиля и бейливика Хейвуд Джеймсу Батлеру, первому графу Ормонду.

Тем временем старшая семья продолжала удерживать свои доли. Томас де Усефлет, 5 Эдуард III., вероятно, в качестве доверенного лица, конфисковал Ричарда де ла Бере из Мунестока в Килпеке, который 2 Эдуард III. был во владении Николаса де Усефлета. 17 Эдуарда III, Болдуин де Фревилл владел поместьем Килпек; и, наконец, 18 Ричарда II, Кинардус де ла Бере владел поместьем и сотней Килпек в пользу прихода Святой Марии из Мэдли.

Батлеры, однако, похоже, в основном были владельцами. 12 Эдуарда III Джеймс, первый граф Ормонд, владел поместьем и его территорией на правах владения лесом Хей, а 13 Эдуарда III. Элеонора, его вдова, владела замком и поместьем.

В качестве владельцев замка или поместья, или и того, и другого, появляются 37 Эдуард III., сэр Томас Муинь; 6 Ричард II., Джеймс, граф Ормонд, и, 13 Ричард II., Елизавета, его вдова. 20 Ричард II, сэр Ричард Талбот и Анкарета, его жена, владели замком и поместьем как одним

гонораром Джеймса, графа Ормонда, в пределах земель Ирченфилда. Однако Батлеры владели замком вплоть до убийства пятого графа, ланкастерца, который был обезглавлен за Тоутоном в 1467 году.

В пятнадцатом году правления Эдуарда IV король пожаловал Килпек в особом хвосте наследникам мужского пола сэра У. Герберта, лорда Герберта (графа Пембрука), за один рыцарский гонорар, а 6 Эдуарда IV это пожалование было продлено в общем хвосте, если не будет наследников мужского пола. После смерти графа, в 1469 году, Эдуард вернул Килпек Батлерам в лице Джона, шестого графа Ормонда, и он перешел к его старшей дочери и сонаследнице, чей сын, сэр Джордж Сент-Легер, владел им в 1545 году.

После этого он был продан и перешел во владение семьи Пай, из которой сэр Уолтер владел замком и парком. Он был роялистом, и после падения Карла I парламент сначала поставил в замке гарнизон, а в 1645 году разобрал его. Пайи последовали за Яковом II в изгнание, и один из них носил титул барона Килпека. Вероятно, материалы замка были ценными, так как их вывоз, за упомянутыми незначительными исключениями, был завершен, и все же замок, должно быть, был значительным местом.

ЗАМОК КНАРЕСБОРО, ЙОРКШИР.

Среди различных поворотов, по которым река Нидд, до сих пор носящая свое исконно британское название, пробирается от истоков в Ниддердейле и на склонах Уэрнсайда до слияния с Оузом в нескольких милях выше Йорка, нет более примечательных, чем те, по которым она пересекает древний лес Кнаресборо, где она лежит в глубоком овраге, знаменитом даже в Йоркшире своим счастливым сочетанием леса, скалы и воды.

Недалеко от середины этой части русла в сторону потока выступает скалистый мыс, возвышающийся на восточном берегу на высоту около 230 футов. Два оврага, впадающие в скалу к северу и югу от нее, отделяют ее от прилегающей возвышенности и становятся все шире и глубже по мере спуска к реке, так что скала сильно укреплена природой на северном, южном и западном фронтах. Для завершения укрепления позиции не хватало только рва, соединяющего вершины оврагов и пересекающего шею полуострова, и он был давно выполнен, а вместе с ним и верхние части оврагов стали глубже и шире, так что до применения пороха позиция, должно быть, была практически неприступной.

Кто или какие люди впервые использовали эту грозную платформу в своих целях, неизвестно, но ни один житель района, для которого безопасность была важным фактором, не мог не заметить ее преимуществ. Однако нет никаких фактических доказательств британской или римской оккупации, если только прямоугольная область, укрепленная валом и рвом, которую все еще можно проследить на улицах более позднего города, не может быть принята, как в Тамворте и Уоллингфорде, как работа полуроманизированных бриттов; людей, которые, приобретая некоторые знания о принципах римской кастраметрии, все же не хотели или не могли включить свои крепкие места в стены из каменной кладки.

Поместье Кнаресбург упоминается в Domesday как частное владение Завоевателя, как и Исповедника. Ничего не говорится об Ауле или замке; но, поскольку от него зависело одиннадцать Беревиков, ясно, что во времена Эдуарда и, вероятно, задолго до него оно было центром значительного поместья, и если, как это обычно бывало, его ранний лорд имел там

укрепленную резиденцию, то она, естественно, располагалась на пересеченной и узловатой платформе, носящей описательное название Кнаресбург.

Вильгельм пожаловал земли, указанные в Domesday как "wasta", Серло де Бургу, а Бург - это, вероятно, поместье, которое сейчас называется Бороубридж. Бург был территориальным обозначением, а не обычной фамилией, и, похоже, не использовался семьей. В "Трубном списке" 31 Генриха I, 1130 г., Серло упоминается как владелец земель в Нотте и Дерби, а также приводятся имена Осберта, его сына, и другого Осберта, его племянника, оба из которых, по-видимому, умерли раньше своих отцов. Преемником и наследником Серло был Джон Одноглазый, сын которого, Юстас Фиц-Джон, был йоркширским юстициаром. В том же Трубном списке он фигурирует как фермер Бурга и Ченардесбурга, и ему было выделено 11 фунтов стерлингов на королевские работы, очевидно, по строительству замка в последнем месте. Юстас женился на Беатрис, наследнице де Веши, и их сын Уильям носил это имя. Ричард Фиц Юстас, другой сын, женился на Альбрете, дочери и наследнице Роберта де Лисура, от Альбреты, сестры Ильберта и Генриха де Лейси, и тети и наследницы Роберта де Лейси из Понтефракта, который умер бездетным в 1193 году. В результате Роджер, констебль Честера, сын Ричарда Фиц Юстаса и Альбреты, принял и передал фамилию Лейси. У Юстаса также был брат, Боль Фиц-Джон, крупный херефордширский землевладелец и предок баронов Фицпайнов. С Юстасом, который пал в валлийских войнах в 1159 году, семейное владение замком прекратилось, и он время от времени передавался короной различным кастелянам. Один из них, Хью де Морвиль, укрылся здесь после убийства Бекета. Замок также принадлежал Эстотевилям, а в правление Иоанна - Брайану де Лислу, который, как утверждают, выкопал крепостной ров, а также отремонтировал или пристроил здания. Генрих III пожаловал замок Хуберту де Бургу в качестве пожалования. До этого времени поместье было возведено в ранг чести, а честь, особняк и лес Кнаресборо время от времени становились предметом королевских пожалований. В 1257 году Генрих III подарил их своему брату Ричарду, который основал приорство на берегу реки ниже замка. Эдуард II повторил пожалование Гавестону, и примерно в это время Слингсби появляются в качестве хранителей леса. В 1327 году замок перешел к графу Ланкастеру, но был возвращен Эдуардом III, который в 1371 году пожаловал его Джону Гонту, и с тех пор он является частью герцогства Ланкастер. В 1399 году здесь был заключен Ричард II, и, как говорят, с тех пор замок носит название королевской башни. В 1642 году замок удерживался для короля и был штаб-квартирой активного и несколько беспринципного войска. В 1644 году он был осажден и взят Фэрфаксом, а в 1648 году Государственный совет приказал его разрушить, для чего, по-видимому, была снята куртина и снесен один из углов замка.

Замок занимал всю площадь платформы до края рва, гребня оврагов и речного обрыва. В плане это неправильный овал, в пропорции примерно три части на восток и запад, две части на север и юг, площадью около 2½ акров. Ближе к югу от замка располагался город. Площадь в пределах линии городского рва составляет примерно 500 ярдов на северо-восток и юго-запад и 850 ярдов на северо-запад и юго-восток, и включает в себя всю старую часть города. Около 170 ярдов рва, разделявшего замок и город, было засыпано после его разрушения. Замок был заключен в огромную куртину толщиной от 7 до 8 футов и необычной высоты - местами от 30 до 40 футов. Замок является частью *энсинта*, построенный на гребне и склоне северного оврага, недалеко от центра этого фронта. Занавес примыкал к двум его концам, так что здание находилось частично внутри, а частично за пределами участка. С его южным углом связаны некоторые фрагменты кладки, показывающие, что территория была разделена поперечной стеной на восточную и западную части, одна из которых была внешним, а другая - внутренним отделением, и хранилище расположено так, что его юго-

восточная сторона смотрит на внешнее, а юго-западная и северо-западная - на внутреннее отделение.

Почти вся завеса и поперечная стена исчезли, но проекция северного угла храма показывает, что завеса, по крайней мере, в этом месте, была высотой около 40 футов и толщиной не менее 11 футов. Похоже, что первоначально у занавеса не было башен, так как к ним были добавлены полукруглые или сегментные массивные контрфорсы, пристроенные к лицевой стороне занавеса, удаление которых обнажило грубую поверхность накладной работы. Леланд говорит об одиннадцати или двенадцати таких контрфорсных башнях. В настоящее время их осталось всего шесть. Все они были облицованы пеплом. На одной из них сохранился хороший струнный ход перпендикулярной эпохи, а на другой виден вал гардероба, верхняя часть которого, должно быть, находилась на бойницах. Два самых больших контрфорса расположены напротив города, на расстоянии около 21 фута друг от друга, образуя своего рода прочную сторожку, и фланкируют главный вход в замок через внешнюю палату. Ширина ворот составляла 18 футов, а высота - не менее 18 футов. Арка исчезла. Сохранился квадратный паз для портуллиса, а внутри - фальц для двери. Снаружи в северном косяке есть отверстие, как для пятки разводного моста, но на другой стороне нет соответствующего отверстия, так что указание, вероятно, обманчиво. Разводной мост здесь наверняка был, но, возможно, он был более совершенным. Леланд также упоминает подземный ход, открывающийся на склоне рва, но это, о котором сейчас ничего не известно, скорее всего, была канализация. Во внутреннем квартале находится дом, в котором до сих пор проходят суды чести. Это современное здание, но в нем сохранился оригинальный украшенный дверной проем и большой камин, простой, но, вероятно, той же даты. Говорят, что рядом с ним был колодец, ныне утраченный, а местная традиция описывает часовню, стоявшую рядом со зданием суда.

А.

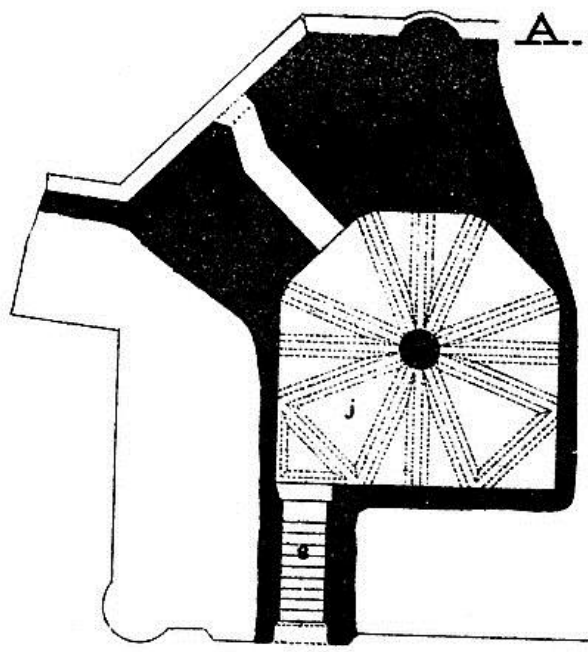

Fig. a.
g Steps to Dungeon.
j Dungeon.

PLAN OF DUNGEON.

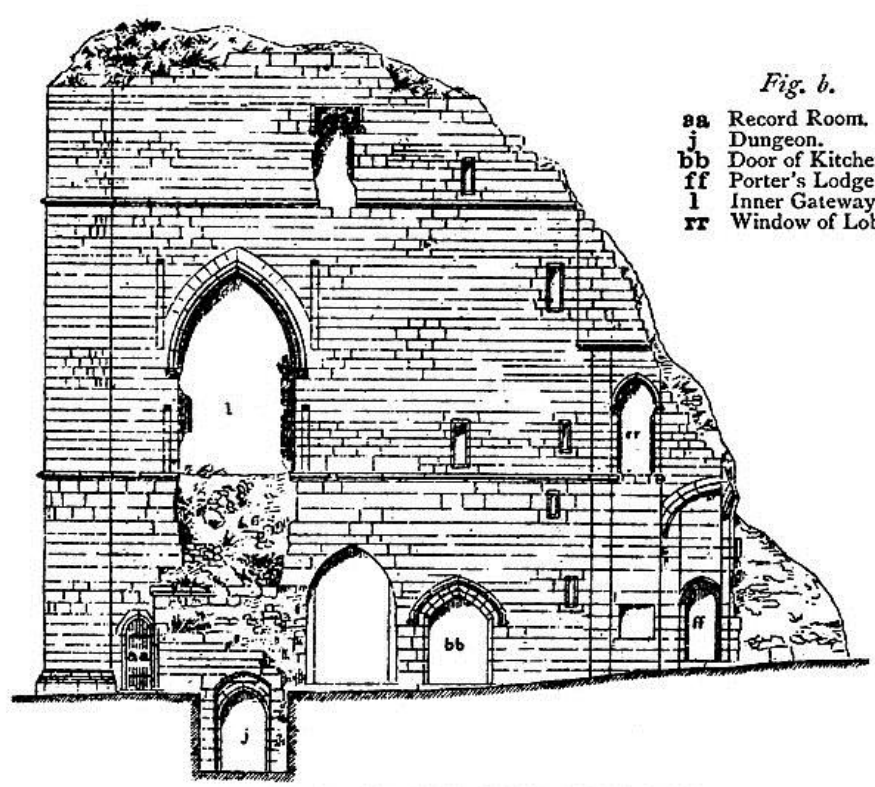
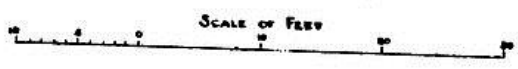
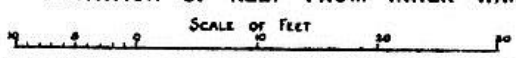

Fig. b.
aa Record Room.
j Dungeon.
bb Door of Kitchen.
ff Porter's Lodge.
l Inner Gateway.
rr Window of Lobby.

ELEVATION OF KEEP FROM INNER WARD.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. London.

Puc. a.

- gСтупени в подземелье.
- jПодземелье.

ПЛАН ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Рис. b.

- aaРабочая комната.
- jПодземелье.
- bbДверь кухни.
- ffЛожа портье.
- lВнутренние ворота.
- rrОкно вестибюля.

ВИД НА БАШНЮ С ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЫ.

Основной интерес в здании представляет королевская башня или крепость, от которой сохранились значительные остатки. В плане она прямоугольная, 64 фута с северо-запада и юго-востока на 52 фута с северо-востока и юго-запада, или почти квадратная. Однако его симметрия нарушена отсечением северного угла. Также исчез весь восточный угол, и это вопрос, как далеко он простирался, и большая часть северо-восточной стороны, весь юго-восточный конец и угол между ними исчезли, но достаточно двух других сторон осталось, чтобы показать общий план и детали здания. [В. Рис. a].

Западный угол увенчан цилиндрической башенкой из цельной кладки, диаметром 6 футов и высотой 52 фута. Вероятно, вместе с основным зданием она была выше примерно на 10 футов. Это высота от уровня внутренней палаты; абсолютная высота хранилища, измеренная от пола подземелья, была примерно на 16 футов больше, или около 78 или 80 футов.

Главный, или юго-западный, фасад также является наиболее совершенным и смотрит во внутреннюю палату. Здесь видно, что крепость состояла из подвала, расположенного ниже уровня двора; подвала на уровне двора; первого или главного этажа; и верхнего этажа: линии этажей обозначены двумя колоннами или лепниной.

Подвал состоит только из подземелья. [Вход в подвал находится в утопленном дверном проеме, к которому ведет нисходящая лестница. Он расположен в 14 футах от западной башни, а верхняя часть арки дверного проема находится чуть выше уровня земли. Дверной проем открывается в сводчатый проход, двенадцать ступеней которого ведут ко второму дверному проему - в подземелье. Его можно описать как квадрат в 23 фута, два северо-восточных угла которого отрезаны, в результате чего один конец превратился в подобие апсиды с тремя гранями по 9 футов 6 дюймов каждая. В центре находится простой цилиндрический пирс, диаметром 3 фута, со скошенным основанием, но без крышки, от головки которого отходят двенадцать ребер, простых и основательных, со слегка полой фаской. Они расположены группами по три, разделенные четырьмя более широкими отверстиями, два из которых, включая два прямых угла, пересекаются диагональными ребрами, так что в плане свод представляет собой восьмиугольник. В северной стене имеется отверстие для воздуха площадью 3 фута, из которого выходит проход, слегка зигзагообразный, длиной 14 футов, заканчивающийся петлей, ныне разрушенной. По-видимому, здесь также находился садик, так как устье канализационной трубы видно снаружи у подножия стены, на 10 футов ниже петли.

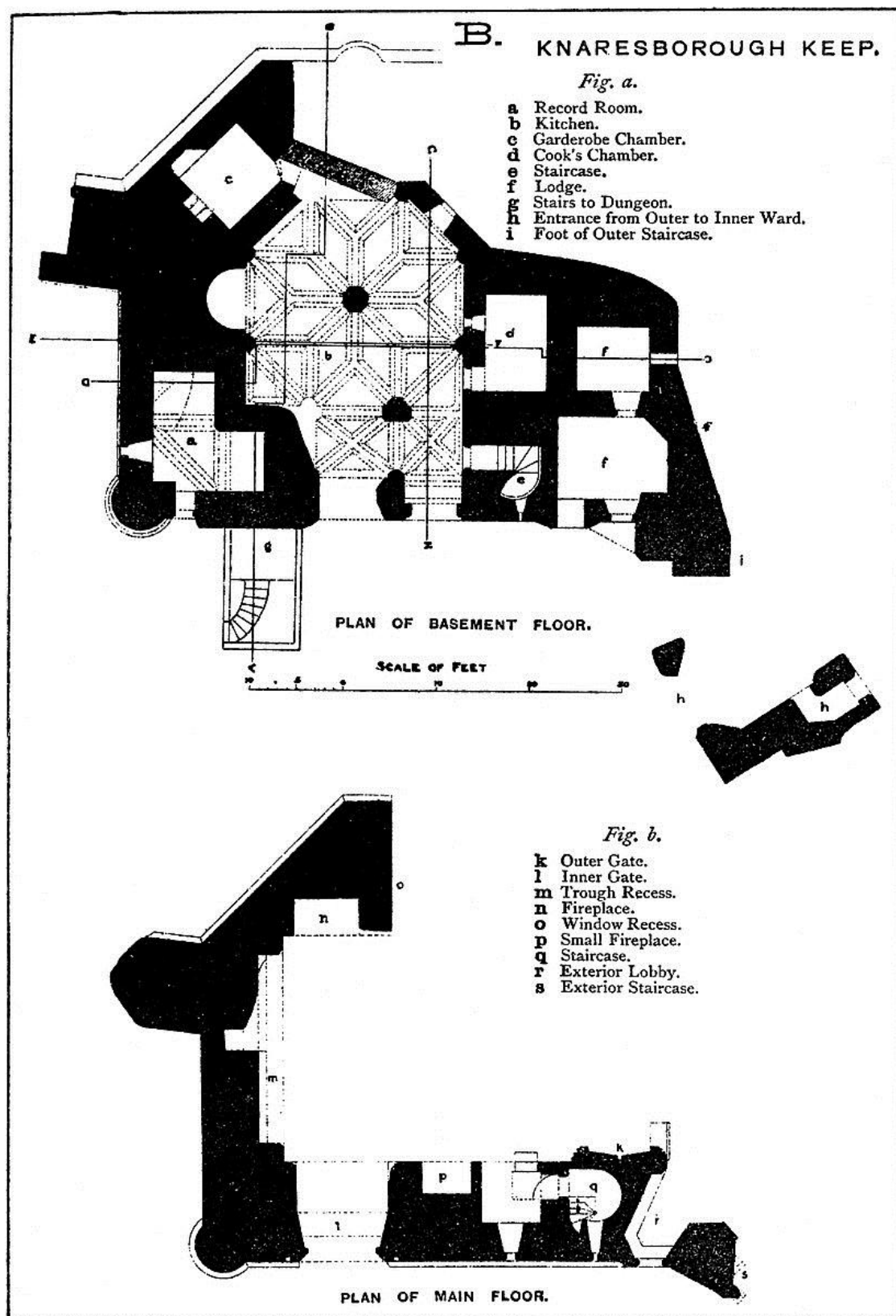
В цокольном этаже находятся три палаты, в которые можно попасть из внутренней палаты через три двери. [А. Рис. b.] Из них узкая, открывающаяся на 2 фута, расположенная рядом с башней, ведет через сводчатый проход длиной 3 фута в комнату для записей. [Это L-образная камера, ширина которой составляет 6 футов 6 дюймов, длинные стороны - 12 футов, а короткие - 5 футов 6 дюймов, причем одна из сторон на несколько дюймов больше. В северо-западной стене находится петля для воздуха. Каждая конечность пересекается обычным ребром с фаской, а образовавшееся таким образом квадратное пространство, общее для двух конечностей, пересекается по диагонали одним ребром. Эта камера недавно использовалась в качестве тюрьмы для должников.

Рядом с залом для записей и ближе к центру фасада находится большое окно, с которого сняли пепловую обшивку и наличники, а подоконник спилили, чтобы превратить его в дверь. В настоящее время проем имеет ширину 6 футов и 13 футов до венца арки. Рядом с ним, но за его пределами, находится первоначальный дверной проем, ныне заваленный, но вполне совершенный. Он имел проем в 5 футов с низкой аркой, над которой возвышался декоративный камень или лепнина для капюшона. Эта дверь вела на кухню. [B. Fig. a.]

Кухню можно описать как квадрат в 24 фута, к северо-восточной стороне которого примыкает апсида из трех граней по 8 футов каждая; или ее можно назвать прямоугольником 24 фута на 30 футов, два из углов которого срезаны, чтобы образовать апсиду.

Эта камера также сводчатая и имеет своеобразную форму. В двенадцати футах от апсидального конца находится восьмиугольный пирс, от головы которого отходят восемь ребер под равными углами. На расстоянии 6 футов от пирса, то есть у венца свода, каждое ребро встречается с двумя другими, шестнадцатью по числу, которые отходят от восьми полупирсов или ответвлений в углах стены. Однако на самом деле этих стенных опор всего шесть, две из них заменены другим расположением, вызванным продолговатой формой камеры, которая оставляет пространство 6 футов на 24 фута, подлежащее покрытию. Одна треть этого пространства - западный угол - является сплошной и, по сути, содержит одну часть комнаты для записей. Остальная часть разделена на два квадратных отсека, сводчатых по диагонали. Между этим отсеком и большим стоит второй пирс, который получает упор в три ребра от основного пирса и имеет пять ребер помимо своих собственных. Общий результат не радует, но свод очень сложный, содержит восемь ромбов и восемнадцать треугольников, больших и малых. Высота до венца свода составляет 12 футов. Кроме большого окна во внутреннюю палату есть небольшое отверстие, вероятно, петля, хотя сейчас оно увеличено, в сторону рва. Камин занимает один из северо-западных пролетов. Его ширина составляет 7 футов, а колосниковая решетка находится в полукруглом углублении радиусом 3 фута 6 дюймов, с вертикальным дымоходом в стене. Из кухни открываются две небольшие камеры и колодезная лестница. Одна из них, сводчатая, размером 11 футов на 7 футов, находится в юго-восточной стене. В нее ведет небольшая дверь со стороны кухни, а рядом с дверью находится петля, также выходящая на кухню. Вероятно, это была спальня повара.

В.
КНАРЕСБОРО.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. Лондон.

Рис. а.

- 35. Комната для записей.
- 36. Кухня.
- 37. Гардеробная комната.

38. Поварская комната.
39. Лестница
40. Ложа.
41. Лестница в подzemелье.
42. Вход из внешнего во внутреннее отделение.
43. Подножие внешней лестницы.

ПЛАН ПОДВАЛЬНОГО ЭТАЖА.

Рис. б.

44. Внешние ворота.
45. Внутренние ворота.
46. Выемка для корыта.
47. Камин.
48. Оконная ниша.
49. Маленький камин.
50. Лестница.
51. Внешний вестибюль.
52. Наружная лестница.

ПЛАН ГЛАВНОГО ЭТАЖА.

Вторая камера размером 8 футов на 9 футов, также сводчатая, находится в северной стене, в нее ведет небольшой и сильно изуродованный дверной проем и короткий косой проход. Эта камера имеет петлю, направленную ко рву, и садовник, выход из которого, по-видимому, соединяется с выходом из подzemелья.

Лестница находится в стене у южного угла камеры и освещается двумя петлями из внутренней палаты. В нее входят из кухни через небольшую дверь, открывающуюся в прямой проход, из которого поднимается колодезная лестница. Она ведет на первый и второй этажи и имеет каменные перила, вырезанные в стене. Радиус его составляет 2 фута 6 дюймов.

В подвале осталась только Портерная ложа. [Она состоит из нескольких камер, которые в настоящее время занимает смотритель замка. Во внешнюю камеру ведет небольшая дверь, расположенная рядом с проходом между внешней и внутренней палатами. Полый угол, образованный примыканием поперечной стены к замку, пересекает косая арка, которая поддерживает башенку-бартизан и служит своеобразным навесом над дверью. Внешняя камера, сводчатая, имеет размеры 12 футов на 9 футов. Один угол заполнен. Во внутренней камере есть небольшое двусветное окно. Из этой камеры открывается дверь во внутреннюю камеру размером 7 футов на 8 футов, также сводчатую, с небольшим окном или своеобразной петлей, ныне разрушенной, которая образована в юго-восточной стене и, похоже, открывалась под первой аркой моста, по которому поднималась дорога из внешнего отделения на уровень первого этажа храма.

Первый, или главный, этаж храма имеет свои основные особенности. [Он представляет собой прямоугольную камеру размером 24 фута 6 дюймов на 31 фут и высотой 19 футов до дощатого пола вышерасположенного помещения. Северо-западный конец, который является довольно совершенным, полностью занят сегментной арочной нишей с красивой лепниной. Его глубина составляет 2 фута 9 дюймов, и в нем находится своего рода стол или полка высотой 2 фута и выступающая на 1 фут, верхняя часть которой выдолблена в узкое

корыто, как будто для того, чтобы животные могли пить из него, если бы оно было немного шире. Она сильно разбита, поэтому неясно, была ли она снабжена трубой для подачи воды и стоком. Для чего она предназначалась, трудно даже предположить. Стена разрушена, и внутри нее виден дымоход от кухонного камина внизу. Выше, в стене, лепнина от непогоды показывает, что когда-то здесь была низкая скатная крыша.

От прилегающей северо-восточной стороны осталось всего около 12 футов. Основное место в ней занимает большой камин, шириной 7 футов и глубиной 4 фута. Он был плоским и довольно простым. Стена была разрушена, и обнажился дымоход. Далее к югу от него находится косяк смелой арочной ниши, проходящей через всю стену, глубиной 14 футов, в которой, должно быть, находилось большое окно, выходящее в ров.

Вместе с восточным углом исчезла и юго-восточная сторона. Большую часть этой стороны, должно быть, занимал большой дверной проем, от которого сохранился юго-западный косяк, а также внешняя и внутренняя лепнина, выполненная в декоративном стиле и имеющая очень сложный характер. Толщина стены составляла 10 футов 6 дюймов, а в ее центре, на полпути между двумя лепными арками, находится прямоугольный паз для портакуллы. Очевидно, что это были обычные ворота, укрепленные обычным способом, и, как показывают остатки арки, большого размера.

Юго-западная стена, которая довольно совершенна, содержит в своем северном конце дверь того же размера, что и только что описанная, за исключением того, что здесь нет портупей, которая, будучи внутренними воротами, была не нужна. Толщина стены здесь составляет 11 футов, что дает очень глубокое углубление шириной 10 футов, в котором и был расположен дверной проем. Он обшит панелями и имеет высоту 15 футов до венца арки; углубление сужается до 7 футов 6 дюймов в ширину, что и было шириной дверного проема. Дверной проем богато украшен лепниной, и она продолжается до порога, показывая, что это была дверь, а не окно, как полагают некоторые. Однако в головной части имелась резьба, фрагмент которой сохранился, но его недостаточно, чтобы показать узор. В косяках имеется ряд отверстий для петель, слишком больших для стержней, на которые обычно опиралось оконное стекло, и которые, очевидно, являются остатками решеток, установленных, когда ворота использовались в качестве тюрьмы. В крайнем углублении лепнины находится полоса нежных цветов-шаров. Есть также красивый капельник, поддерживаемый двумя головками в виде карнизов.

Снаружи дверного проема в стене с обеих сторон есть два квадратных желоба шириной 7 дюймов и глубиной около 6 дюймов, расположенных на расстоянии 11 футов друг от друга. Они начинаются у струнного карниза, который совпадает с порогом дверного проема, и имеют высоту 6 футов. Над ними, на расстоянии 10 футов 6 дюймов от косоура и 12 футов друг от друга, находятся две аналогичные канавки длиной 7 футов 6 дюймов, которые, таким образом, достигают немного выше уровня верхней части арки дверного проема. Очевидно, что эти две пары пазов были связаны с разводным мостом, нижняя пара, вероятно, принимала концы парапетных перил, а верхняя - стойки, поддерживающие балки моста.

Рядом с этой дверной нишей, во внутренней части камеры, находится небольшой простой камин, помещенный в высокую остроконечную нишу, похожую на дверной проем, а за ней - еще более низкая ниша, но более широкая и также остроконечная, в которой находится простое окно с квадратной головой, высотой 4 фута и шириной 1 фут, выходящее во внутреннюю палату. В косяке ниши находится боковая дверь, ведущая через короткий проход в колодец-лестницу из кухни, которая также, на этом уровне, имеет петлю в сторону внутренней палаты.

Пол этой камеры в настоящее время поднимается примерно на 2 фута, или 1 дюйм 26 сантиметров, от внешних до внутренних ворот. Однако это, возможно, современная конструкция, предназначенная для отвода воды с асфальта, которым был вымощен пол.

За внешними воротами этой палаты, на юге, находится небольшая настенная палата, освещенная очень красивым окном шириной 2 фута 6 дюймов, с ажурной резьбой в арочной главе и красивым каплевидным камнем над ней, которое смотрит в сторону внутренней палаты. Эта камера выходит в своеобразный вестибюль, ныне в основном разрушенный, за большими воротами и снабженный небольшим дверным проемом, оборудованным портупеей, а из него спускается небольшая лестница с ребристой и сводчатой крышей, которая сообщалась с домиком, связанным с входом из внешнего во внутреннее отделение. Очевидно, это был причал для тех пешеходов, которые приходили после закрытия больших ворот и не желали входить в главную или караульную палату крепости. Из этого вестибюля по колодезной лестнице поднимались на верхний этаж, более просторный, чем другой, который находился рядом с ним в стене. Место расположения более крупной лестницы отмечено своеобразным бартизаном или выступающей круглой башенкой, которая начиналась на уровне второго этажа и освещалась из внутренней палаты. Большая ее часть разрушена, и от нее остались лишь следы.

От верхнего этажа мало что осталось, кроме стены, ведущей во внутреннюю палату. В этой стене находится превосходное окно с трилистником в один свет под квадратной главой. Оно расположено в углублении стены, сводчатой и ребристой.

Рядом с ним небольшая дверь, выходящая на лестницу из нижнего этажа и кухни. Другая лестница, ведущая из колодца, разрушена.

Из всего описанного следует, что главный этаж трюма на самом деле был проходом, по которому главный вход вел из внешней палаты во внутреннюю. Поскольку уровень первого этажа на 17 футов выше уровня внутреннего отделения и еще на несколько футов выше внешнего, подходы к нему располагались на арках, ведущих к воротам. Внешний мост, несомненно, был построен напротив и защищен занавесом внешней палаты. О том, что дорога опиралась на арки, свидетельствуют следы перекоса или пружинящего камня под воротами, а также расположение окна внутренней камеры привратницкого домика. Есть аналогичные свидетельства существования еще одного моста от внутренних ворот до уровня внутренней палаты, и раскопки здесь, вероятно, покажут основания пирсов. Как появились два каминя в том, что, должно быть, было караульной камерой, и каково было назначение корыта - эти вопросы пока остаются без ответа. Насколько мне известно, это единственный пример главного входа, поднятого и пронесенного через весь замок. Этот замок, по сути, является проходным двором.

Остается обратить внимание на фрагмент здания, пристроенного к южному углу крепости, из которого, очевидно, и возникла стена, проходившая между внешней и внутренней палатами. [В. Рис. а.] Это, по-видимому, было продолговатое здание, разделенное на два отсека. Одно, от которого сохранилась большая часть двух сторон, было 11 футов в квадрате, сводчатое и ребристое, веера расходились от четырех углов. С одной стороны в него входила небольшая украшенная дверь с проемом в 2 фута 3 дюйма, которая вела в извилистый проход. На стороне, обращенной к внутренней палате, находилась вторая маленькая дверь, рядом с которой располагалось либо окно, либо более крупная дверь. Из этой камеры дверь, вероятно, вела через вторую камеру, ныне удаленную, к основанию уже упомянутых извилистых ступеней, поднимавшихся к восточному входу в крепость. Лепнина этого пристроенного здания отличается особой тонкостью и изяществом и прекрасно выполнена.

Этот замок, вероятно, является самым поздним примером прямоугольного замка, а также уникальным примером замка, главный этаж которого используется в качестве сторожки. Его орнаменты и детали в целом выполнены в позднем декорированном стиле и, вероятно, в эпоху правления Эдуарда II, хотя ни в коем случае нельзя считать, что работа принадлежит Гавестону. Снаружи и внутри здания свободно используется ашларовая кладка, а детали во всем здании достойны восхищения. Вполне вероятно, что добавление массивных контрфорсов к куртине было делом рук строителя замка. Каменная кладка и материал соответствуют друг другу. Пазы портупеи одинаковы, а одиночный шнур на одном из бастионов почти, если не полностью, повторяет тот, что использовался на замке. Очень хотелось бы, чтобы жители Кнаресборо сделали замок прогулочным, открыли ров или его часть, восстановили мост, ведущий к внешним воротам, раскопали фундамент северо-восточного угла крепости и моста, закрывающего путь в тюрьму, а также проследили за тем, чтобы верхние части крепости не подвергались атмосферным воздействиям. Умеренная сумма позволит выполнить все, что требуется, а результат добавит комфорта и увеличит привлекательность города.

ЗАМОК ЛИДС, ИЛИ ЛЕДС, КЕНТ.

Замок Лидс - очень необычное сооружение. Он стоит на трех скалистых холмах, два из которых являются островами в озере площадью 15 акров, а третий занимает центральную часть искусственной насыпи, с помощью которой, как в Кенилворте и Каэрфилли, а также в некоторой степени во Фрамлингеме и Рагланде, удерживаются воды.

Центральный и более крупный остров опоясывает крепостная стена с полукруглыми бастионами, возвышающаяся над водой примерно на 15 футов. Это была стена внешней палаты. Примерно в 40 футах от нее, концентрично с ней, находятся признаки стены внутренней палаты, которая была толщиной около 8 футов и высотой 20 футов. На каждом конце, соединяя две стены и занимая пространство между ними, находились сторожки, из которых сохранилась та, что на юге, и представляет собой очень любопытное сооружение. Она представляет собой, вероятно, позднюю норманнскую работу, но ее самая старая узнаваемая часть - это дверной проем времен Генриха III, окруженный, однако, каменной кладкой, очевидно, времен Эдуарда, его сына. В обзоре 1314 года упоминается брешь, но нынешние карнизы, нависающие над проемом, на которые опиралась деревянная конструкция, относятся к эпохе Ричарда II и, вероятно, датируются 1386 годом. В комнату констебля, расположенную в задней части и на уровне камеры портупеи, можно попасть через дверной проем, задвижка которого оригинальна и своеобразна: она состоит из досок конического сечения, узкий край одной входит в паз в задней или широкой части другой.

Домашние постройки занимали северный конец двух палат, и на их месте стоит современный дом, за исключением лишь сводчатого погреба, который может быть поздним норманнским, и, несомненно, является самой старой известной кладкой в этом месте, и кронштейна, который поддерживал древнюю печь, и расположен рядом с тем, что (17 Генрих VI.) описано как "Una coquina juxta pedem pontis de la Gloriet", кухня которой была не так давно удалена.

В этой палате, а точнее, частично в ней и частично во внешней палате, рядом со зданием эпохи Генриха VIII, находится очень примечательная баня - "balnea domini regis apud Ledes", как она обозначается, которая была построена для использования Эдуардом I в 1291-2 годах.

Сейчас она используется в качестве эллинга. Она соединяется с озером проходом, в котором до сих пор видны пазы для ворот и углубления для косых ворот, с помощью которых вода удерживалась или исключалась. Исследования мистера Уайкема Мартина, касающиеся счетов, относящихся к этой бане, очень любопытны. Сотня камней из Рейгейта площадью 2 фута, которые там указаны, как раз соответствует площади камеры.

Таким образом, замок представляет собой концентрическое сооружение, которое было построено по плану, широко использовавшемуся во время правления Генриха III и Эдуарда I. Его особенности обусловлены обстоятельствами его положения, и их еще предстоит описать. Главной из них является крепость, или Глориетт (Gloriette), представляющая собой стену, поднимающуюся от глубокой воды вокруг нее на значительную высоту, и содержащая апартаменты вокруг центрального двора, что является обычным расположением для нормандских крепостей. В этой раковине находится часовня, несомненно, "главная капелла", о которой говорится в записях, кухня, а также множество работ, датируемых, по крайней мере, Эдуардом I, еще больше - Генрихом VIII, и даже недавних. Считается, что этот остров был первоначальным оплотом тех, кто впервые захватил это место, но самая старая работа, которую мы сейчас видим, датируется Эдуардом I, а стиль часовни указывает на 1280 год. В ней, однако, есть отличное низкое боковое окно, открытое на 17 футов над водой, вероятно, вставленное Ричардом II. На уровне воды есть также столб, часть которого, похоже, старая, как и прилегающий садовый домик. Подвал, в котором первый этаж поднят примерно на 12 футов над водой, прочный и, вероятно, очень старый, так как ни один обитатель этих островов в целях безопасности не мог бы пренебречь этим местом. Эдуард, несомненно, переделал эту работу вместе с остальной частью замка и, возможно, перестроил всю внешнюю стену. Сэр Генри Гилдфорд, управляющий замком при Генрихе VIII, похоже, удалил часть предыдущего здания и построил просторный зал, большой фрагмент которого является нынешней кухней. Во время правления Карла II эти дополнения сильно пострадали от пожара, так что большинство зданий рядом со двором - современные. Тем не менее, общий тип и расположение явно сохранились, и нет сомнений в том, что это строение представляет собой позднюю норманнскую оболочку, если не более ранний саксонский дом из дерева. Красивая башня с часами, которую иногда называют Глориетт, содержит очень ранние часы, датируемые Генрихом VIII, и охраняет крытый мост, соединяющий крепость с большим островом. Этот мост имеет два проема и два этажа, и первоначально был разводным мостом, так как яма находилась между боковыми стенами и опускалась в воду. В летописях он называется "pons gloriettæ".

Термин "Глориетт" встречается нечасто, и его значение точно не определено.^[1] Впервые о нем заговорили в старинных документах Казначейства, относящихся к замку Корф, среди которых мистер Бонд приводит документ от 8 Эдуарда I, где упоминается "Camera que vocatur Gloriette."^[2] Вероятно, как "Butavant" и "Cocaygne", это была одна из башен *энсинта* замка, возможно, несколько более возвышенная. От нее почти ничего не осталось. По-видимому, этим названием иногда обозначают все здания рядом с башней и залом королевы; в этой части замка существовала часовня, называемая часовней Глориетт. Судя по всему, башня Глориетт в Корфе была построена Ричардом II около 1379 г.^[3] Среди монастырских зданий церкви Христа в Кентербери также был "Новый дом, расположенный рядом со старинным особняком приора Ле Глориетт". Профессор Уиллис сообщает нам, что это была верхняя палата в северном конце ряда зданий, известных как "Приватная камера" или "Особняк настоятеля"^[4] Здание на возвышенности на территории дворца в Шёнбрунне, откуда открывается обширный вид на Вену, называется "Ла Глориетт".

Третьим важным элементом замка, также весьма своеобразным, является барбакан, или *tête-de-pont*, расположенный на контркарпе озера, ширина которого здесь уменьшена до 50 футов, и на внешнем конце моста, по которому проходит дорога, ведущая на большой остров. Он состоит из трех частей, которые были изолированы тремя мокрыми рвами, из которых один является рекой Лен, и имеют три входа, по одному с каждого крыла дамбы, и один, главный, центральный, с юга. Каждый подход имел свой разводной мост, ворота и порткулисы, а все три сходились на небольшом центральном участке, открытом в сторону крепости, откуда и брал начало мост, ведущий к большим воротам. Именно этот мост был разрушен огромными лошадьми и тяжелыми повозками Аймера де Валанса. Он состоит из двух арок, внутренняя из которых была открыта между парапетами для ямы разводного моста. В одной из частей барбакана находится мельница - сильно укрепленное здание, перед которым находились заграждения, прикрывавшие южный подход и существовавшие в 1385 году. Они, несомненно, были в основном деревянными, хотя есть следы фундаментов из каменной кладки. Такая тройная композиция барбакана не встречалась больше нигде. Боковые ворота служили для защиты дамбы, которая в противном случае могла быть заминирована и прорублена. Кроме того, те, кто приходил с востока или запада, могли добраться до южных ворот только по широкому обходному пути, так как проход вдоль дамбы был защищен как снаружи, так и изнутри водой: озеро на юго-востоке имело большую площадь и было известно как "*stagnum exterius*", а на юго-западе находился глубокий водоток и болото, образованное Леном.

Покойный мистер Уайкхем Мартин, чьи исследования наследственной крепости были делом любви, похоже, твердо установил, опираясь на серьезные критические основания, дату возникновения нескольких ее частей. Он показывает высокую вероятность того, что ее занимал по крайней мере саксонский лорд, и изменения, которые она претерпела от Кривекеров, Лейбурнов, монархов Плантагенетов и Тюдоров, которые, начиная с Эдуарда I и заканчивая Эдуардом VI, владели ею.

Как и многие саксонские крепости, Лидс, предположительно, датируется девятым веком. Вероятно, по норманнской договоренности, он находился во владении замка-стража при Дувре. Епископу Одо, который получил его во время Завоевания, приписывают некоторые норманнские работы в церкви, но самая ранняя кладка в замке, вероятно, представленная любопытным сводчатым подвалом, считается работой Роберта де Кревекёра, который основал приорство Лидса в 1119 году, а после этого перевел трех каноников в часовню своего замка. Более поздний Роберт участвовал в поражении при Льюсе, после чего был вынужден уступить Лидс в обмен на Роджера де Лейберна, могущественного кентского барона, отца того самого Уильяма, чья беспринципная дерзость хорошо описана в Ролле Каэрлаверока, где он назван "доблестным человеком, без "но" или "если"".

В результате споров между лишенным и лишенным владения Эдуардом, похоже, сильной рукой был установлен титул. Он придал фьефу характер королевского поместья, был частым гостем в замке и, похоже, полностью перестроил крепость Кревекёров, придав ей тот вид, который во многих аспектах она представляет и по сей день. Эдуард поселил в нем королеву, часть расходов на похороны которой была понесена здесь в 1291 году. Здесь же король основал капеллу в замковой часовне за здоровье ее души, и именно в это время по его приказу была построена баня.

После второй женитьбы Эдуарда Лидс снова был отдан его королеве, и в течение нескольких царствований это продолжалось, за некоторыми исключениями. Он также часто использовался для приема знатных гостей, которые отдыхали здесь по пути из Дувра в Лондон.

В 1321 году оборонительные сооружения короля были подвергнуты испытанию. Замок, по-видимому, перешел по обмену к Бартоломью де Бадлсмеру, великому лорду, который в 1321 году был на севере, замышляя вместе с другими баронами падение Деспенсера, а его жена и дети остались в замке, констеблем которого был некий Уолтер Колепепер.

Однажды ночью в середине лета королева Изабелла с большой свитой появилась у ворот, требуя гостеприимства. Констебль, опасаясь ее замыслов, смело отказал ей. "Ни королева, ни кто-либо другой не должны входить без приказа своего господина". Волчица Франции" приказала немедленно атаковать, в результате чего было убито несколько ее людей, чьи скелеты со следами насилия недавно были обнаружены перед барбаканом. Атака не удалась, и ее милости пришлось укрыться, как можно лучше, снаружи. Разумеется, это событие имело свои последствия. Король объявил *массовый* сбор по четырем графствам и поднял кроме "posse comitatus" Кента. Местом сбора стал замок Лидс, день - 23 октября. В назначенное время туда прибыли король и его брат с большим отрядом, командование которым было поручено Аймеру де Валансу, который энергично наседал на осаждающих. Бэдлсмир попытался отвлечь внимание, также выставив силы, значительно уступающие, однако, по численности, в Кингстоне, где он находился 28 октября. Все попытки договориться между Бэдлсмиром и королем не увенчались успехом. Замок продержался до 1 ноября, когда эта единственная известная осада закончилась капитуляцией, по-видимому, лично королю. Храбрый констебль и двенадцать других были повешены, а леди Бэдлсмир и ее семья отправлены в Тауэр. Считалось, что казнь самого Бэдлсмира, взятого после этого в Бороубридже, была отчасти мстью за то, что он письменно одобрил сопротивление Коулпепера.

Эдуард, вернув себе замок, часто бывал в нем, последний раз он посетил его 15 июня 1326 года.

Эдуард III передал замок своей королеве, и он вместе с другими королевскими постройками перешел под управление Уильяма Уайкхемского, который в 1359 году, кажется, выложил за него 16 фунтов 6 шиллингов. 8d., из которых 5 фунтов ушло на замену стекол, выбитых ураганом в , 24s. на ремонт поврежденного Аймером де Валансом моста, а 70s. было потрачено на старую часовню. В 1367 году в замке был зафиксирован любопытный счет за хабергоны, баснеты и прочую упряжь для лучников, за материалы для изготовления доспехов, а также за перевозку двух кроватей из Лидса в Кентербери для использования графом Фландрии и шести кроватей в Лидс из Ситтингборна. Замок не может похвастаться вниманием со стороны лично Эдуарда III.

Лидс входил в состав поселения Анны Богемской, королевы Ричарда II, который сам много бывал здесь. Сохранился список военных запасов этого места в 1385 году, который включает следующие любопытные пункты, относящиеся к обороне больших ворот или барбакана:- "Duas portas nudas vocatas portes colys, et viginti pikes cum viginti platis de ferro, quatuordecem platas de ferro longas, viij platas de ferro curtas, centum sexaginta et quinque clavos de ferro pro eisdem portis dictis portes colys novo ferrando, unum circulum ferreum pro barreris juxta molendinum, unum magnum crowe, unum parvum crowe de ferro, unum magnum slegge, unum parvum slegge, unam magnam cathenam, unam parvam cathenam, sex forcipes, unum vertinuel, sex vyles, unum cable, unum nayltol," etc. "Нудæ портæ" - это, конечно, открытые деревянные решетки, на которые должно было наноситься железо. Ограждения возле мельницы показывают, что они находились перед центральным входом, а вороны, кувалды, цепи и напильники были необходимы для установки портупей или разводного моста.

Десять лет спустя, 15 июля 1395 года, Ричард отсюда отправил доверенных лиц, которые должны были обручить его с дочерью французского короля, и в то же время получил визит от Фруассара, который был очень любим, и сопровождал короля в Эльтхэм, где он должен был обсудить французский поединок с магнатами королевства.

Именно в Лидсе и в то же время Ричард подписал два мандата: один - на изгнание лоллардов из Оксфорда, другой - предписывающий университету вынести решение по "Триалогу" Уайклифа. Лидс также был одним из мест, куда Ричарда доставили после его низложения.

Генрих IV. был в Лидсе в 1401 году, но он, кажется, предоставил замок архиепископу Арунделу, который затем продолжил эдикты Ричарда против новой ереси, вызвав в 1413 году сэра Джона Олдкасла, чтобы тот предстал перед ним в "большой часовне замка Лидс", где также, в случае его неявки, он вынес ему за клевету приговор, который привел к его мученической смерти в следующее царствование.

В 1416 году, в царствование 4 Генриха V, Лидс оказал гостеприимство императору Сигизмунду во время его возвращения из Лондона в Дувр, когда его ресурсы, должно быть, потребовались для размещения великолепной свиты, предоставленной для него. Два года спустя королевским, но вынужденным гостем здесь была Жанна, мать герцога Бретани и мачеха короля. Ее пребывание в плену было недолгим, но после освобождения в следующем царствовании она осталась здесь жить.

После воцарения Генриха VI Екатерина Валуа получила Лидс во владение, но Генрих был там в 1436-1438 годах и приказал отремонтировать крышу замка. В 1441 году архиепископ Чичеле судил герцогиню Элеонору Глостерскую за колдовство в часовне.

При Эдуарде IV. Лидс перестал принадлежать королеве-консорт и остался во владении короля, но замок больше не посещался королевскими особами, и, похоже, ему позволили прийти в упадок до правления Генриха VIII, при котором здесь проживал сэр Генри Гилдфорд, и, кажется, сделал значительные перемены, особенно в замке.

Эдуард VI отчудил Лидс от короны в пользу сэра Энтони Сент-Легера около 1550 года, чьи потомки после 1618 года продали его Ричарду Смиту из рода Стрэнгфордов, чей наследник после 1631 года перепродал его Томасу Коулпеперу из семьи бывшего констебля. Захват Смитов был отмечен строительством красивого елизаветинского особняка в северной части большого острова. Коулпеперы, ставшие баронами в 1644 году, в 1655 году передали замок правительству для безопасного содержания около 600 французских и голландских заключенных под общим руководством Джона Эвелина, который, по его словам, "провел сухой ров, сделал новый разводной мост и подвел родниковую воду во двор замка к старому фонтану". Пленники, однако, сильно повредили здание и подожгли часть замка.

Наследница Коулпеперов передала поместье своему мужу Томасу, пятому лорду Фэрфаксу. Роберт, седьмой лорд, отремонтировал жилой дом и разбил парк, а в 1778 году здесь принимали Георга III и его королеву, что стало последним из многих королевских визитов в это место.

Лорд Фэрфакс оставил замок сыну своей сестры, доктору Мартину, известному впоследствии как доктор Фэрфакс, который умер в 1800 году, а его преемником стал брат, генерал Мартин, после смерти которого в 1821 году замок перешел к Фиеннесу Уайкему, представителю младшей ветви Уайкемов из Свалклифа, где они владели землями еще во времена Судного дня, и сын которого, Чарльз Уайкем Мартин, был автором истории замка.

ЛЕЙСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

Город Лестер стоит на умеренно высокой местности и с западной стороны отделен узкой долиной от противоположных возвышенностей Гленфилд и Браунстоун. Эта долина впадает в Соар, реку графства, которая, протекая на север, извивается по лугам аббатства Святой Марии де Пратис, и таким образом, до того как сельское хозяйство осушило эти земли, надежно прикрывает западный и северный, а также, в некоторой степени, южный фронты этого очень древнего и когда-то хорошо укрепленного места.

Вниз по западной долине, но за пределами потока и по краю возвышенности, проходил Фоссвей, который, таким образом, проходя от Беннонса или Хай-Кросса в сторону Линкольна, оставлял старый римский "Ratae Coritanorum", известный нам как Лестер, примерно в фулонге к востоку от него.

Является ли Ratae исконно римским или латинизированным британским названием, точно не известно. В округе встречаются города Ратклифф и Ратби, а в последнем находится большой лагерь сомнительного происхождения. От того, к какому языку относится слово "Rat", зависит вопрос о британском происхождении города.

Ратае, если и не был основан, то был занят и укреплен римлянами. Линия стены в обычном прямоугольном плане прослеживается на северной, южной и восточной сторонах, западная защита образована рекой, а город и пригород изобилуют тротуарами и другими римскими остатками. Однако есть некоторые сомнения в том, действительно ли стена доходила до воды у юго-западного угла. Если, как предполагается, хотя и на основании очень недостаточных доказательств, фрагмент римской кладки, известный как стена Джури, действительно был частью городской стены, из этого следует, что стена присутствовала с западной стороны, и между этой защитой и рекой было пространство, и что замок, занимающий юго-западный угол, находился за пределами города.

Ратае, под названием Лестер, также был городом, имевшим большое значение среди саксов, и занимал почти центральное место в королевстве Мерсия. Он упоминается в саксонской хартии 819 года и, как говорят, давал титул графа Леофрику в 716 году н.э., Алгару в 838 году, другим Алгарам и другим Леофрикам, а также Леофвину, саксонская линия закончилась графом Эдвином, который был убит в 1071 году. Во время датского междоусобицы город был одним из пяти бургов, а замок, как и замки в Тэмворте и Татбери, по слухам, был либо основан, либо восстановлен Этельфлед в 913-4 годах, хотя веских доказательств этому нет. Тем не менее, то, что саксонский Лестер был резиденцией очень важного графства, совершенно точно, а резиденцией лордов, скорее всего, был замок.

Город и замок были переданы Завоевателем в управление Хью де Грентмайснилу, лорду соседней чести и замка Хинкли, где также находится прекрасный курган, и чей сын Иво был вице-королем графства при Генрихе I. Фактическое владение Грентмайснилов в Лестере составляло одну четвертую часть города; но неясно, как эта и большая часть других частей была приобретена Робертом де Беллемоном, графом Меллентским, который стал графом Лестерским и умер в 1118 году, владея замком и Чести. "Juxta et infra castellum", что удобно перевести как "снаружи, но прямо под стеной замка", находилась коллегиальная церковь саксонского основания, посвященная Святой Марии. Этот Роберт, вероятно, был строителем между 1106 и 1118 годами замка, включая зал, часовню и башню на кургане.

Роберт Боссу, второй граф, принял сторону Генриха I. Он укрепил и расширил замок. Он был основателем церкви Святой Марии де Пратис за городом; для ее поддержания он сократил штат церковных служителей и передал замку часть земель из фонда своего отца. Он умер в 1167 году.

Роберт Бланшмейн, его сын, третий граф, женился на Петронилле, наследнице Грентмайснилов, своих предшественников в Лестере, и вместе с ней получил Хинкли, Гроби (где также находится курган) и другие владения. Считается, что он расширил и укрепил замок, а его констебль, Анкетиль Мэллори, удерживал его против Генриха II, пока тот не сдал его по приказу графа. Также Мэллори в тот же день сдал замки Гроби и Маунтсоррел. И замок, и город были взяты, городская стена разрушена, и говорят, что часть между северными и восточными воротами так и не была восстановлена.

Роберт Фицпарнелл, четвертый граф, умер бездетным в 1204 году, после чего замок Лестер, а в 1206 году и графство перешли к Саймону де Монтфорду, который женился на Амиции, его сестре и сонаследнице. После смерти в Ившеме их сына Саймона в 1264 году и его отречения от престола графство и замок были пожалованы Эдмонду, второму сыну Генриха III, графу Лестера и Ланкастера, и с тех пор замок перешел в собственность Ланкастеров и до сих пор является частью герцогства с таким названием.

Генрих, граф Ланкастер и Лестер, основал госпиталь Ньюарк, примыкающий к замку, в 1322 году, а работы были завершены Генрихом, его сыном, герцогом Ланкастерским, в 1354 году. Территория госпиталя составляла четыре акра. Она доходила до реки и охватывала замок с южной стороны, и в настоящее время к замку можно подойти через Ньюарк, через его красивую сторожку.

Графы и герцоги Ланкастерские, должно быть, отреставрировали замок, так как они проживали здесь очень часто и со свойственной им пышностью. Когда в 1376 году Джон Гонт предоставил городу определенные привилегии, он оставил за собой замок и его мельницу, а также ренту и услуги замкового двора и должность привратника. В замке он с большим величием принимал Ричарда II и его королеву в 1390 году.

В 1414 году, когда Генрих V. проводил парламент в зале Серых монахов, он проживал в замке, и именно в большом зале замка проходил парламент 1425-6 годов, а общины заседали в квартире под ним, что, впрочем, вряд ли могло произойти в буквальном смысле, поскольку зал находится на уровне земли. Вполне возможно, что современные кирпичные своды и камеры, построенные под полами зала для нужд полиции, могут заменять более древнюю подконструкцию, в которую открывался существующий подвал.

Генрих VI был здесь в 1426 году, а в 1444 году замок и Честь были включены в его брачное соглашение. В 1450 году в Лестере состоялся третий парламент, но был ли он проведен в зале замка, не сообщается. Эдуард IV. был здесь в 1463 и 1464 годах, но с этого периода замок, кажется, был заброшен и пришел в большой упадок.

Леланд, посетивший Лестер в 1512 году, говорит: "Замок, стоящий у западного моста, в это время мало ценится, и нет никаких признаков высоких валов или дамб. Так что я думаю, что домики, которые сейчас там находятся, были построены во время войны баронов в эпоху Генриха III, и очень вероятно, что замок был сильно изуродован в эпоху Генриха II, когда волноломы Льерчестера были обезображены". (Itin., i., p. 16.)

Спид дает приблизительный перспективный вид замка и города, который, однако, очень нечеткий в отношении первого. В 1633 году мистер Херрик из Боманора получил от короля

указание разобрать разрушенные части и продать их материалы; отремонтировать дом замка, в котором хранились записи чести Ланкастеров, и сохранить своды и лестницу, ведущую к нему, для использования хранителями замка. По этому поводу в 1633-4 годах была проведена инквизиция, в ходе которой была определена стоимость материалов, "за исключением Зала заседаний и свода под старым замком, а также лестницы, ведущей к нему". В этой инквизиции приводится несколько подробностей, в основном о частях, которые теперь удалены, и упоминаются подлежащие ремонту "кухня Джона Гроата, различные пристройки, принадлежащие Большому залу заседаний, и разрушенные части в южном конце того же зала; также южные ворота и стена от этих ворот до реки Соар, которая отделяет замок от Ньюарка; также стена рядом с папертью церкви". Под "замком", несомненно, подразумевается зал. Южные ворота и стена на Соар сохранились, как и стена рядом с (южной) папертью церкви.

Во время гражданских войн замок принадлежал королю. Затем он перешел к парламенту, был вновь захвачен королем в 1645 году и окончательно перешел к парламенту после Нейсби. В ходе борьбы южные ворота, вероятно, были приведены в нынешнее разрушенное состояние.

В 1781 году мистер Роджерс Рудинг получил от герцогства договор об аренде этих помещений, в котором указаны южные ворота, очевидно, оставшиеся по направлению к Ньюарку, дом замка, несколько владений, гора и пристройки к замку, а также оговорено проведение заседаний в большом зале.

Замок стоит у юго-западного угла города, на земле, близкой к правому берегу реки Соар, три русла которой соединяются под замком, и примерно на 20 футов выше. Ближайший из этих потоков - искусственный канал, который питал замковую мельницу и до сих пор питает ее современного представителя. От линии крепостной стены земля быстро уклоняется и заканчивается полосой ровной земли, которая образует край мельничного стока, что очень напоминает речной фронт замка Таунтон на Тоне.

Замок, по-видимому, состоял из кургана на юго-западной стороне; зала и других зданий на западном или речном фронте; церкви Святой Марии де Кастро напротив зала; на восточной стороне - сторожки между церковью и курганом; еще одной сторожки недалеко к северу от церкви и стены, которая проходит к востоку от церкви и составляет часть восточной границы церковного двора. Здесь также находится мельница, которая, хотя и является современной, но занимает древнее место.

Территория, в которую входят эти останки, известна как "Вид на замок". Она, очевидно, представляет собой участок норманнского, а возможно, и саксонского замка, и сохранилась как отдельный и, частично, внепароходный район, входящий в состав герцогства Ланкастер. Территория замка почти квадратная и включает в себя четыре, а возможно, и пять акров. В 1861 году он был возвращен под названием "Свобода Касл-Вью" и насчитывал 29 домов и 131 человека. Границы проходят по линии древнего обводного рва или почти по ней. На юге они отделяют замок от Ньюарка, включая курган. На востоке граница проходит от нынешней южной сторожки по старой стене и далее по краю дороги до мельницы, включая дом и сад при Сессион-хаусе. Ров везде засыпан, но в саду к северу от Холла линия стены обозначена ступенькой от 8 до 10 футов.

Эта линия включает в себя церковь Святой Марии, которая когда-то была коллегиальной церковью или часовней замка. Если говорить о том, что замок был расширен Робертом Боссом, то вполне вероятно, что более старая оборона как раз исключала церковь и проходила по линии нынешней верхней сторожки, отсекая церковный двор и церковь и

помещая последнюю "juxta et infra" в крепостную стену. Церковь Святой Марии стала приходской в 1400 году, а остальная часть Вью осталась внеприходской, и не исключено, что это было восстановление церковного положения церкви до того, как она была включена в норманнский военный участок.

Курган, хотя и широкий, в настоящее время менее высок, чем обычно в более важных саксонских замках, поскольку 40 лет назад его понизили на 12 или 15 футов. Сейчас его высота составляет около 30 футов, а диаметр - 100 футов на круглой вершине, которая довольно плоская, без следов старых построек на ней. У него нет рва, и он не связан с древней стеной; но, хотя он, вероятно, находится в пределах древнего *энсинта*, он может, как в Уорике и Тамворте, фактически составлять его часть. Оригинальный колодец все еще остается в кургане и используется.

Нынешний зал был частью собственно замка. Это продолговатое сооружение, как в Окхэме и Винчестере, состоит из нефа и двух узких приделов. Нэф расположен с севера и юга, его размеры составляют примерно 60 на 25 футов, с фронтонами на обоих концах и открытой высокой скатной крышей. С 1633 года, а возможно и раньше, он использовался для судебных целей и был разделен на три части: гражданский и уголовный суд, между ними - входной вестибюль, а над ним - зал большого жюри. Чтобы расширить суды, старые дубовые столбы или опоры с резными нормандскими капителями были удалены, восточный неф перестроен или обсажен, а западный отгорожен стеной для ретенционного зала и переходов. Старые части нефа также скрыты обшивкой и перегородками. Сохранилась первоначальная южная стена нефа. В ней находятся два круглоголовых окна, опирающиеся на струнный ход или , отделенный от стены, с простым фасонным лепным орнаментом. Окна маленькие и простые, а углубления имеют небольшой зазор. Их фланкируют два тонких отдельно стоящих восьмиугольных вала, возможно, заменяющих цилиндрические, с нормандскими капителями, а глава каждой ниши окружена одной жирной полосой шевронной лепнины. Наверху, у вершины фронтона, находится третье небольшое окно с углублением около 2 футов, все они совершенно простые. Внизу находится небольшая нормандская дверь, но, по-видимому, очень недавняя вставка. Однако она может представлять собой вход в кухню, которая находилась в этом конце.

Противоположная или северная стена, образующая сторону гражданского суда, кажется, тоже старая, но так оштукатурена и заострена, что изнутри ее не разглядеть. В ней находится большое круглоголовое окно, вероятно, современная вставка. Снаружи основание стены кажется оригинальным, а в торце восточного нефа сохранился косяк окна.

Стена западного нефа, обращенная к реке, является оригинальной, и с каждого конца ее фланкирует контрфорс, вероятно, декорированный. На рисунках прошлого века это здание показано как неф, но оно было поднято и теперь представляет собой зал для отдыха судьи за каждым судом и лестницу между ними. В подвале находятся офисы. В этом приделе находится одно оригинальное окно у южного конца, плоское остроконечное, с простыми косяками и головой, украшенной одним шевроном. Косяки были обновлены кирпичом.

Пол зала находится на уровне земли, но он был в значительной степени раскопан, и теперь содержит несколько келий и сводчатых проходов к ним под двором. В этих сводах нет ничего древнего.

До недавнего времени в южной части двора находилось несколько небольших неполноценных зданий. Теперь на их месте находится комната барристеров. Кухня стояла здесь до 1715 года, когда ее убрали. Под кухней находится очень красивый свод, возможно, 40 футов в длину и 15 футов в ширину, западная стена которого является первоначальной

внешней стеной замка. Свод выполнен из превосходного ясеня, слегка четырехугольный и, очевидно, перпендикулярной работы. В северном конце находится дверь, ныне замурованная, за которой находились ступени, ведущие в зал. В другом конце также есть дверь. Очевидно, это был погреб, причем прекрасный.

В саду к северу от зала, несомненно, находились главные апартаменты старого замка. Здесь находился Замковый дом семнадцатого века. Нормандского прямоугольного замка здесь точно не было.

Ворота в сторону Ньюарка открываются из замка, фасадом наружу. Она небольшая, имеет порталный проход, логи и поворотную лестницу, а на верхнем этаже, ныне руинированном, - камеру портупеи и еще две комнаты. Его арки четырехцентровые. Она украшена широкой пологой лепниной эпохи Перпендикуляра, а за внешним входом находится квадратный паз для портакуллиса. Внутри находилась дверь, открывающаяся внутрь. Центральная часть портала была закрыта досками. Сооружение хорошее, очень раннего перпендикулярного периода, работа, несомненно, графа Ланкастера.

Верхняя, или северная, сторожка построена из дерева и, вероятно, относится к эпохе Тюдоров. Она стоит близко к северу от западной части церкви, с которой до недавнего времени ее соединяли несколько деревянных домов, используемых пребендариями. Они были снесены.

Часть церкви - норманнская, а северный неф, похоже, относится к залу замка и, следовательно, является частью работы Роберта де Белломона. В западной стене нефа есть небольшая дверь, которая, вполне возможно, открывалась из цокольного двора замка.

В этом дворе, перед залом, находится небольшой холм, в котором недавно были найдены два скелета, безголовые, голова каждого из них лежала на груди. Таким образом, это было место казни перед залом суда.

Если суды графства Лестер когда-нибудь будут размещены в более центральном или более удобном здании, можно надеяться, что зал замка будет избавлен от неприглядных дополнений и восстановлен в первоначальном виде, и тогда, возможно, будут найдены некоторые верные сведения о сводах и фундаменте зданий одиннадцатого века.

Лестерский замок, как бы он ни был изуродован, все же является прекрасным образцом норманнской крепости на более раннем месте. Последняя представлена курганом, а первая - залом и часовней, вместе они представляют собой хороший пример норманнской практики размещения собственно замка на ровной местности, а курган рассматривался как часть внешней обороны.

Нельзя не похвалить Уильяма Напьера Рива, заместителя констебля замка, за его заботу о вверенном ему зале. Батон, используемый во всех торжественных случаях констеблем или им самим, является частью одного из первоначальных нормандских столбов, поддерживавших крышу нефа; столб, судя по его огромным размерам, несомненно, был старым деревом, когда замок был построен, и, следовательно, находился в стадии роста, когда курган, работа Этельфлед, был насыпан.

ЗАМОК ЛЕЙБОРН, КЕНТ.

Этот замок, лорды которого сыграли значительную роль в ранних смутах XIII века, когда двое из них были призваны в бароны, стоит на обочине дороги рядом с одноименной приходской церковью, между Снодландом и Вест-Маллингем в Кенте, на небольшом расстоянии от древней резиденции Невиллов в Берлинге.

Здание, судя по его нынешним остаткам, едва ли соответствует богатству покойных лордов, и, похоже, оно никогда не было более обширным. Часть стен, возможно, относится к норманнскому периоду, но общий вид здания датируется Генрихом III, а ворота, возможно, принадлежат Эдуарду III.

Наиболее совершенной частью являются ворота - остроконечная и ребристая арка, которая открывается между двумя смелыми башнями-барабанами, расположенными необычайно близко друг к другу. Над порталом находится щель или проход, шириной около 3 футов и глубиной 6 дюймов, направленный вниз и наружу и очень напоминающий большое отверстие почтового отделения. Узкие размеры этого отверстия, его прямые стороны и толщина стен не позволяют использовать его для метания снарядов, и даже в качестве горизонтальной петли его радиус действия был бы весьма ограничен. Возможно, он предназначался для выливания воды, если предположить, что внешние ворота подверглись огненному нападению.

Немного впереди этой стены, по обе стороны от дверного проема, находится паз порткуллиса, прямоугольный, а не полукруглый, как обычно; и эти пазы, вместо того, чтобы подниматься вверх, как проход или щель в своде входа, в результате чего решетка в поднятом состоянии почти не видна, поднимаются перед дверью примерно на двойную высоту, так что решетка всегда будет полностью видна, будь она опущена или поднята. Цепи, на которых она висела, также были видны, они поднимались через механизм на уровне вала, образованный путем перекидывания плоской сегментной арки с башни на башню, параллельно воротам и стене над ними и примерно на 18 дюймов впереди них. Такая конструкция, как в Ните и других местах, позволяла сбрасывать камни или тяжелые снаряды с минимальным риском для тех, кто их использовал.

Перед пазами портупеи на уровне порога ворот находятся два боковых отверстия, в которые упирались шарниры разводного моста. Мостовая яма и ров теперь засыпаны. Задние части сторожки и входного свода разрушены.

Неровные очертания замка можно проследить, сохранились две отдельные группы руин с парой башен-барабанов, но кроме ворот и оборонительных сооружений здесь нет ничего особо интересного.

ЗАМОК ЛИНКОЛЬНА.

Говорят, что когда "дьявол смотрел на Линкольн", он улыбнулся дорогостоящей преданности человека. Но если улыбка заклятого врага человечества была, как и следовало ожидать, насмешкой над попытками человека к прогрессу, то повод для нее был выбран крайне неудачно, ведь во всей Британии трудно найти участок, ради благополучия которого человек

прилагал бы столько усилий и так успешно. Две тысячи лет назад эта широкая, но не непрерывная равнина, простирающаяся от Уоша до Хамбера, от Трента и возвышенностей Ноттингема и Дерби до Немецкого океана, состояла из засушливых пустошей и болот, мало способствуя материальному обеспечению человека и, вероятно, ничего не внося в его нравственную культуру. Погонные звери, рыба и водоплавающая птица делили территорию с дикими ордами, мало чем отличавшимися от животных, на которых они охотились. Медленными темпами, трудом многих поколений людей, на протяжении многих веков, были достигнуты великие результаты. Болота были обводнены и осушены, а пустоши переведены под культуру, так что теперь все пространство покрыто зелеными пастбищами и богатыми корнеплодами, и из года в год осеннее солнце отражается от широких полей, усыпанных золотыми зернами.

Не отстает от материального прогресса и моральный. От замкового холма Бельвуар до скал Ньюарка и Ноттингема и коронованного мыса Линкольна земля овеяна творениями человека. Конструктивный вкус и мастерство многих поколений, а также их глубокое религиозное чувство представлены богатым разнообразием церковной архитектуры, от грубой и примитивной башни Бартон до величественных шпилей Лута и Ньюарка и славного ланторна Бостона; церкви и школы, особняки и графства, "башня и деревня, купол и ферма" - безошибочные свидетельства мира, процветания и цивилизации. Здесь также нередко можно увидеть затопленные арки и разрушенные нефы, увитые плющом останки и богато украшенные резьбой фрагменты многих религиозных домов, что делает приятным изучение древности и напоминает нам о том, что было время, когда каждый из них был центром евангельской истины и ранней и благотворной цивилизации, обителью людей, творивших добро в свое время, и был основан теми, кто...

"Они так любили Церковь и так много ей отдавали,

Они думали, что она должна была покрыть их кости

до самого Домсдея".

Кое-что из всего этого видно простому смертному, и гораздо больше тому, кто добавляет к материальной перспективе знание прошлого и далекого. Правда, видение, открывающееся с охраняемой горы Линкольна, не сравнится с тем более широким и благородным видом с более возвышенной вершины, при описании которого Мильтон излил в одном сверкающем вале весь поток своей образованности, озаренный огнем своего гения, но тем не менее это видение, которым вполне может насладиться изучающий прошлое.

Сам Линкольн густо усеян следами прошлого. Бритты, римляне, саксы, датчане, англичане и норманны сменяли друг друга на этой земле, и каждый из них оставил свой след либо в материальных следах, либо в номенклатуре, еще менее подверженной разложению. Великий историк, наш главный авторитет и в вопросах топографии, считает, что земляные сооружения к северу от города имеют британское происхождение. Если это так, то они должны быть делом рук тех романизированных бриттов, которые пытались, хотя и тщетно, удержать свою страну против пиктов и шотландцев, а также скандинавских орд из за Германским океаном, и которые, хотя и стремились к этому, показали некоторое значительное знакомство с римскими правилами кастратрии, хотя и неравные, казалось бы, с каменными работами, которыми так славился этот народ. Вывод о том, что эти земляные сооружения являются если не римскими, то ранними постримскими британскими, основывается на том факте, что их очертания прямоугольные, и что ограждение почти поровну рассечено римской дорогой.

Следы более ранних бриттов, тех, что были отторгнуты римлянами, действительно незначительны и, вероятно, ограничиваются несколькими почти стертыми траншеями и корнями таких собственных имен, как "Дурномагус", "Сегелокум", "Бановалум" на реке Бейн и "Линдум", которые, вероятно, как "Эборакум" и "Лондинум", представляют собой более раннее название. Курган в Райзхолме, если он является погребальным, конечно, может быть любого возраста; но район, обладающий лишь немногими из тех грандиозных особенностей, которые обычно раньше всех получают свои имена и позже всех их теряют, не сохранил никаких очевидных следов своих первобытных обитателей.

От их преемников остались совсем другие следы. Императорская владычица мира оставила повсюду следы своего господства, которые нелегко стереть. Ее меры войны также были рассчитаны - "*pacis imponere morem*". От станции в Линдуме в разные стороны расходились большие дороги, сохранявшие то удобство сообщения, которое обычно стремятся установить цивилизованные завоеватели.

В современном городе Линкольн хорошо представлен римский Линдум. Римские стены толщиной от 10 до 12 футов и высотой от 20 до 25 футов охватывали почти прямоугольную территорию, внутри которой находилась возвышенность верхнего города. Северный или верхний конец этой территории был отрезан поперечной стеной и образовывал военный квартал, расположенный в 385 ярдах к северу и югу, в среднем в 517 ярдах к востоку и западу. Из четырех ворот вокзала северные, выходящие на Горностаевую улицу, до сих пор носят название, которое, должно быть, осталось с тех времен, когда они были впервые возведены, и когда они, вероятно, заменили более раннее строение, и называются Нью-порт. От противоположных, или южных, ворот сохранился только один косяк. Место восточных ворот известно, и несколько их очень своеобразных камней вмонтированы в соседние ограды. Западные ворота были открыты несколько лет назад, но так как арка поддалась, ее убрали. От стен, соединявших эти ворота, осталось несколько фрагментов. Один из них лежит к западу, другой - к востоку от северных ворот, а к югу от северо-восточного угла находится значительный массив, в перекрытии которого обнаружен фундамент круглой башни с внутренним диаметром 9 футов. Также есть фрагмент стены в склоне так называемого кургана обсерватории, немного западнее остатков южных ворот. Внешний ров, также более или менее римский, местами очень совершенный, широкий и глубокий вдоль северного фронта, и, хотя и более узкий, глубокий и хорошо сохранившийся около северо-восточного угла. На территории также сохранились боковая стена и часть фасада значительного здания, известного, вероятно, по его средневековому использованию, как Монетный двор. Внешние римские стены лежат на естественном грунте, хотя земля насыпана на их внутренней стороне в виде пандуса или террасы.

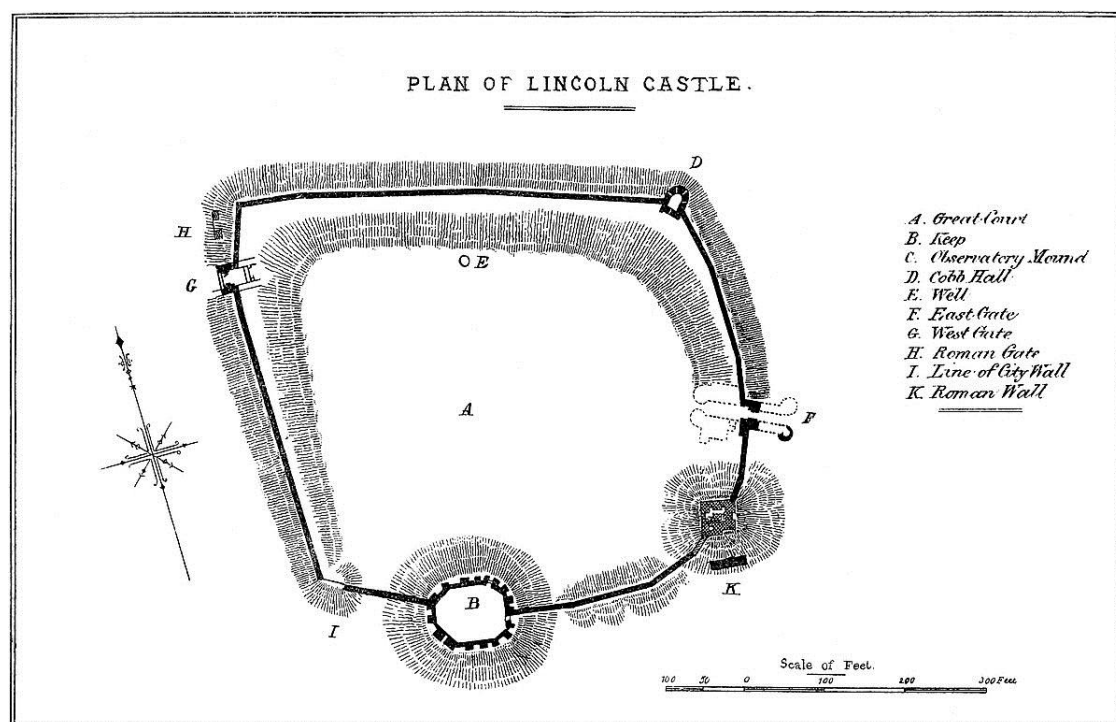
Южная половина римского участка разделена между собором и замком, причем церковь, хотя и более поздний жилец, занимает большую половину. Однако между уходом римлян и возведением земляных сооружений замка прошло несколько веков, в течение которых римские стены были разрушены, а содержащиеся в них здания снесены, о чем свидетельствует ветхое состояние тех оставшихся частей, которые были найдены погребенными под крепостными сооружениями.

Английская крепость расположена в юго-западном квартале римской станции, и ее очертания, примерно четырехугольные, несомненно, определялись линиями двух соседних римских стен. Он стоит на гребне крутого склона, покрытого, как и в римские времена, городом, и спускающегося к реке на 200 футов. Он находится внутри массивного земляного вала, от 50 до 80 ярдов в ширину и от 20 до 30 футов в высоту, внутри с легким уклоном, снаружи крутой, и который, хотя по существу находится в пределах римской территории,

простирается за линию стены, так что римские западные ворота были найдены погребенными в его пределах, а фрагмент южной стены все еще виден, чтобы подняться через его склон. Длина этой насыпи с северной стороны составляет 180 ярдов, с южной - 170 ярдов, с восточной - 134 ярда, с западной - 163 ярда. Здесь, как и в Йорке, очевидно не только то, что эти земляные сооружения относятся к послеримскому периоду, но и то, что римские стены были полностью разрушены до того, как были возведены земляные сооружения. Территория ограждения может составлять от 6 до 7 акров. У юго-восточного угла насыпь расширяется и заканчивается большим коническим курганом, высотой около 40 футов и диаметром 50 футов в верхней части. Кроме него, есть еще один, более крупный курган, высотой около 40 футов и диаметром 100 футов в верхней части, который был цитаделью или крепостью этого места, а также местом расположения зала его английского лорда. Этот курган, хотя и находился в центре южного фронта, не был непрерывной частью регулярной земляной насыпи, которую он здесь заменял. У него был свой собственный круглый ров, сообщающийся снаружи с регулярным рвом и составляющий его часть, что до сих пор очевидно, несмотря на значительную засыпку.

Таким образом, становится ясно, что замок Линкольн в отношении своих земляных сооружений относится к тому типу английских крепостей, в которых курган имеет свой собственный ров и расположен на одной стороне прилегающей территории, также со своим берегом и рвом. Общая площадь, которая в Виндзоре, Арунделе и Беркхемпстеде имеет продолговатую форму, соответствующую контуру местности, здесь, как и в Тонбридже, Тикхилле и Клэре, где земля не сильно выражена, приближается к более твердой фигуре, две стороны которой и угол определяются линией старой римской стены. В целом эти крепости очень похожи друг на друга, и все они принадлежат к тому классу норк, которые, как известно, были возведены англичанами в девятом и десятом веках, и примерно в то же время скандинавскими поселенцами в Нормандии. Два кургана, хотя и небезызвестные, встречаются редко. В Льюисе их два, по одному на каждом конце продолговатой ограды. В Херефорде, помимо храмового кургана, который теперь убран, есть земляная масса в северо-восточном углу внешней территории, являющаяся частью берега, а в Кардиффе, помимо храмового кургана, есть две земляные массы на северо-восточном и юго-восточном углах ограды, образующие, чего нет в храмовом кургане, часть берега. Такие подчиненные курганы нередки в земляных сооружениях всех эпох, и они полностью отличаются от грандиозных изолированных насыпей, которые придают характер земляным сооружениям девятого и десятого веков, как в Англии, так и в Нормандии.

ПЛАН ЗАМКА ЛИНКОЛЬН.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

- *A. Большой двор*
- *B. Хранилище*
- *C. Курган обсерватории*
- *D. Кобб Холл*
- *E. Колодец*
- *F. Восточные ворота*
- *G. Западные ворота*
- *H. Римские ворота*
- *I. Линия городской стены*
- *K. Римская стена*

Когда в 1068 году Завоеватель шел из Йорка в Кембридж, он остановился в Линкольне, уже тогда очень важном месте, огороженном и густонаселенном, не имевшем, правда, еще минстера, но насчитывавшем 1150 жилых домов, являвшемся ведущим членом знаменитой датской гражданской конфедерации и управлявшемся двенадцатью законниками, которые обладали властью, которую в других местах осуществляли территориальные лорды. Когда он преодолел траншею, прикрывавшую северный фронт, и вошел в город через мощные римские ворота, которые до сих пор используются, он не мог не оценить силу и важность этого места, которым ему, похоже, было позволено мирно завладеть. Здесь, как и в Йорке и Кембридже, он сразу же приказал превратить английскую твердыню в нормандский замок. Мы не знаем, каково было состояние существующих построек и что было немедленно сделано по приказу Вильгельма; конечно, вдоль гребня берега и на вершине кургана были оборонительные сооружения, вероятно, деревянные, но приказал ли Вильгельм просто укрепить их или заменить стенами, которые входили в обиход в Нормандии, не известно; скорее всего, первое. Поскольку время поджимало, а по всей Англии предстояло выполнить еще много подобных работ, важно было обеспечить нормандскому гарнизону немедленное убежище. То, что 166 домов, которые, как мы узнаем из Domesday, были разрушены, чтобы

освободить место для замка Линкольн, не были убраны, чтобы позволить расширить его территорию, не вызывает сомнений, поскольку нормандские стены стоят на английском берегу. Вполне вероятно, что во время долгого и процветающего правления Исповедника дома разрешалось строить на склонах и ледниках рва, а возможно, и внутри крепости. Этого, конечно же, нельзя было допустить, и, вероятно, было зафиксировано удаление. Но если древесина и использовалась, то, разумеется, только до тех пор, пока не была возведена каменная кладка, и, что бы ни делали офицеры Завоевателя, можно не сомневаться, что они или их ближайшие преемники спроектировали ворота, стены и крепости в том виде, в котором они существуют сейчас.

Замок расположен в юго-западной четверти римского участка, высоко над городом и долиной реки Уизам, которые находятся к югу и востоку от него, и несколько приподнят искусственно над столовой землей к северу и западу от него. Обнесенный стеной *энсинт* находится как раз в пределах римской территории, с прилегающими границами которой его южный и западный фронты примерно параллельны. Куртина, очень примечательная и, в целом, очень совершенная работа, построена на гребне или центральной линии земляного вала, и, следовательно, занимает то же пространство, и составляет в окружности около 650 ярдов; она от 8 до 10 футов толщиной, и от 30 до 35 или даже 40 футов высотой, демонстрирует много работы с селечными костями, и, безусловно, норманнской, и, возможно, ранней норманнской, даты. Напротив большого кургана, где земляные валы заканчиваются, стена продолжается через ров и вверх по склону кургана, как в Тамворте и Тонбридже. Чтобы она могла достичь уровня крепостных стен, ее поднимают по ступеням до места соединения, и там находятся палаты, которые удобнее описывать вместе с крепостью.

В стене находятся двое главных ворот, одни на востоке, открывающиеся в верхний город, напротив Казначейских ворот Клозе, а другие на западе, открывающиеся прямо в поле. Кроме них, есть небольшая дверь, открывающаяся на юг, в нижний город, и дверь в храме в том же направлении.

Главный вход расположен в восточной стене примерно в 40 ярдах от ее юго-восточного угла. Западные ворота находятся в западной стене, примерно в 30 ярдах от северо-западного угла, который отброшен назад под очень тупым углом, вероятно, чтобы избежать остатков римских западных ворот, которые стояли примерно в четырех ярдах перед ними. И восточные, и западные ворота относятся к норманнской эпохе и первоначально были очень похожи друг на друга: каждые из них представляли собой простую арку, помещенную в прямоугольный отсек или углубление в стене, шириной 18 футов и глубиной 10 футов, а не в обычную квадратную сторожку, как в Тикхилле, Порчестере и Шерборне. Возможно, с тыльной стороны залив был закрыт поперечной стеной со вторым арочным проемом, о чем есть указание на западных воротах. Здесь была верхняя камера с деревянным полом. У восточных ворот арка полностью центрирована, проем 14 футов, без фаски или фальца, или какого-либо орнамента. Вероятно, здесь есть паз порткуллиса, но если это так, то он завален и полностью скрыт деревянной отделкой современных дверей. Несомненно, что главный вход нормандского замка никогда не мог быть построен таким образом, чтобы не было фальца, на который дверь должна была давить при закрытии, и, вероятно, арматура состояла из кольца камней, вставленных, как в дверном проеме в поперечной стене Рочестерского замка, без связи, в наружную арку. Над дверью находится остроконечное окно, вероятно, раннеанглийское или раннедекоративное. Позднее, в декорированный период, эти ворота были замаскированы фронтоном, содержащим смелую равностороннюю арку, опирающуюся на два угловых карниза, за которыми виден нормандский дверной проем. Над двумя внешними углами возвышаются две круглые башенки, выходящие за пределы угла и

возвышающиеся на 6 футов, а между ними под низким углом выступает занавес, выступающий над входом. Расположение необычное, но эффект хороший. Говорят, что в башнях были лестницы, поднимавшиеся с верхнего этажа на бойницы, но сейчас они недоступны. С каждой стороны от входа вперед выступали боковые стены. Через ров, и между ними, находился разводной мост, следы углублений для работы которого сохранились до сих пор. Вход в крепость был обрамлен двумя каменными львами, фрагмент одного из которых сохранился в замке; внутренние дополнения к этим воротам полностью современные.

Западные ворота того же возраста и образца, к счастью, давно обнесены стеной и избежали переделок. Здесь можно увидеть паз портупей, а также фальц для двери, хотя он и скрыт поперечной стеной. Здесь же находится то, что выглядит как арка, пересекающая внутреннюю сторону бухты, хотя нормандские башни с фресками иногда, как в Ладлоу, оставляли открытыми, чтобы закрыть их только решетками. На верхнем этаже есть два небольших нормандских окна и небольшая дверь, плоская, но с круглой рельефной аркой; она выходила на бойницы барбакана. От барбакана, состоявшего из двух фланкирующих стен и внешних ворот, сохранилась северная стена и часть южной. Стена возвышается до уровня верхнего этажа сторожки, выступает примерно на 30 футов и имеет толщину 7 футов. Каменная кладка, очевидно, относится к дате постройки ворот и содержит некоторые элементы работы с селедочными костями. Подход к воротам, должно быть, был очень крутым: порог ворот находится на несколько футов выше уровня контрэскарпа.

Другая работа норманнской эпохи - прямоугольная башня, примерно 25 футов на 40 футов, расположенная на вершине юго-восточного кургана; она двухэтажная, сводчатая и построена в основном из пепла; в ней есть хорошая прямая лестница с фресками. К нормандской постройке в декоративный период был добавлен фронтон на восточной стороне, также двухэтажный, с двумя квадратными башенками, что увеличивает площадь башни до 40 футов. Особенность этой башни в том, что вместо того, чтобы фланкировать куртину, она отнесена немного назад от ее линии. Над ней возвышается современная *беседка*, и все это носит название Обсерватории.

В куртине, у подножия обсерватории и между ней и хранилищем, находится рельефная арка, а под ней, под грубой плоской перемычкой, сложенной из двух больших камней, - небольшая дверь, которая либо никогда не открывалась, либо была закрыта в очень ранний период. Эта арка, безусловно, является поздней норманнской и, похоже, относится к той же дате, что и часть занавеса, в которую она вделана.

Кипер, также норманнский, представляет собой необычайно совершенный пример ракушечного кипера. В плане это несколько неправильный многоугольник, 64 фута на север и юг и 74 фута на восток и запад в пределах стен, толщина которых составляет около 8 футов. Внутри у него двенадцать сторон неправильной длины. Без - пятнадцать, и каждый угол увенчан широкой плоской пилястрой, поднимающейся от общего цоколя. Примерно на две трети высоты находится отступ, общий для стены и пилястры; последняя также имеет смелую валиковую лепнину. Высота стены до вала составляет 20 футов. Парапет отсутствует. Кипер стоит на линии куртины, которая примыкает к нему с противоположных сторон, разделяя его таким образом, что снаружи стены имеется восемь граней, а внутри - семь. Главный вход осуществляется через арку в 7 футов, расположенную по центру, в широком, выступающем контрфорсе или пилястре на северо-востоке. Арка самого дверного проема и его внутренней ниши сегментная. Порткуллиса не было, а дверь имела прочный деревянный засов. Над внешней аркой находится лепной колпак с легким нормандским орнаментом, который, как говорят, является реставрацией оригинала. В настоящее время к двери ведет прямая крутая

лестница, которая, хотя и является современной, вероятно, представляет собой первоначальный способ подхода. На юго-западе есть еще одна дверь меньшего размера, расположенная по диагонали напротив главной двери; она довольно простая, арки сегментные, внешние смело раздвинуты. Ширина проема составляет 5 футов 6 дюймов. На восточной стороне за занавесом видны следы чего-то вроде третьей двери, открывающейся из проема в стене. Напротив него, в западной стене, находится еще один пролет, также шириной 12 футов, но следов проема нет. В стене крепости нет ни петель, ни следов каких-либо построек на ее территории, не обнаружено и фундамента. Совершенно очевидно, что все помещения были построены из деревянных конструкций, прислоненных к стене, а в центре оставалась открытая площадка. На каменной кладке есть указания на наличие верхнего этажа. Там, где две куртины соединяются с крепостью, каждая из них содержит на уровне вала настенную камеру шириной около 6 футов и длиной 12 футов, пол которой находится на высоте 10 или 12 футов от земли. Эти палаты заросли брамбером и не доступны, но они не имеют дверей в валах куртины и, похоже, были введены из верхней части храма; та, что к западу, является садовой, и имеет петлю и прострел на северной или внутренней стороне; другая имеет только петлю, и то снаружи: одна из них, как говорят, была вырублена и сводчата, своды выходят из колонн в углах. Вероятно, это та, что находится на востоке, и, возможно, это был ораторий, как в Арунделе.

Вышеупомянутые сооружения, куртина, ворота, башня обсерватории и крепость содержат единственную сохранившуюся норманнскую кладку. При всей своей огромной длине куртине не хватает фланкирующих башен. У юго-западного угла стена была открыта широким проломом и застроена, и здесь, возможно, была башня, но более вероятно, что здесь находился стык с городской стеной.

Вообще, нижние две трети куртины выглядят гораздо старше верхней части, а линия примыкания очень неровная, как будто стена долгое время находилась в разрушенном состоянии. Возможно, так оно и было; но, поскольку чрезмерная толщина не уменьшилась, более вероятным кажется, что новая работа ограничивается облицовкой. Несомненно, когда замок перешел во владение графства, со стенами многое было сделано; но вряд ли в то время они могли быть намного ниже, чем сейчас, поскольку перестройка их нынешней толщины потребовала бы больших и совершенно ненужных затрат.

Работа "селедочной кости" носит поверхностный характер, ограничиваясь облицовкой; она не проникает, как в римской работе, через вещество стены. Мистер Уилсон в своей работе, посвященной этому замку, утверждает, что, когда фундамент занавеса был вскрыт во время ремонта, оказалось, что он был обработан чем-то вроде каркаса из дерева, связывающего все вместе. Подобная мера предосторожности часто норманнскими строителями, даже до такой степени, что они заключали связи в надстройку, особенно в тех случаях, когда работы велись на искусственном грунте. Полости, оставшиеся после разрушения таких связей, можно увидеть в Рочестере и других местах.

На северо-восточном углу здания возвышается фланкирующая башня, которая является вставкой, но заменяет ли она норманнскую постройку, неизвестно. Она называется "Коббе Холл" и в плане имеет форму подковы с вытянутыми сторонами и квадратной задней частью. В ширину он составляет 25 футов, а в длину - 40 футов. В нем есть подвал и первый этаж, оба перекрыты остроконечными сводами с глубоко выступающими петлями в сторону поля. В подвал ведет люк и лестница, а на верхний этаж и бойницы - каменная лестница. Судя по кольцам, проделанным в стене, это была тюрьма. Ее называют часовней, вероятно, потому, что ее круглый или апсидальный конец обращен на северо-восток.

В северной части большого корпуса находится глубокий колодец, который до сих пор используется, а его дно недавно было расширено и превратилось в цистерну. Замок стоит на оолитовой скале и построен в основном из этого материала, уложенного в виде грубо отесанного щебня, но крепость, башня обсерватории и декоративные работы выполнены в основном из пепла.

Трудно составить определенное мнение о возрасте нескольких сохранившихся в замке каменных работ. Двое ворот и большая часть куртины, особенно ее северная и западная стороны, вероятно, относятся к ранненорманнскому периоду. Замок и башня-обсерватория построены позже в том же стиле. Судя по маленькому постерну, куртина между башней обсерватории и замком, и, вероятно, часть за ней, также поздненорманнские; то есть английские оборонительные сооружения замка были заменены последними, и прошло еще столетие, прежде чем изоляция его насыпи была нарушена переносом куртины через рвы и завершением строительства общего *энсинта*. В целом кажется вероятным, что нижняя часть двух ворот и более старая часть куртины были построены во время правления Завоевателя или, во всяком случае, до конца одиннадцатого века. Вероятно, замок и обсервационная башня были построены, верхний этаж ворот надстроен, а занавес поднят и завершен в правление Стефана, который вместе с замком и городом Линкольном предоставил Гернонсу, графу Честера, лицензию на укрепление башни в замке, и удерживать ее до тех пор, пока он не вернет себе свой собственный замок Тикхилл, - и даже тогда, когда он сдал Линкольн, он должен был сохранить свою собственную башню, которую его мать, графиня Люсия, укрепила в замке, и в которой он также должен был сохранить наследственное констебльство. Поскольку крепость была единственной частью замка, которую можно было удерживать независимо от остальных, то, должно быть, именно к ней и относится эта грамота. Любопытно, что Тикхилл также должен иметь курган и многоугольный замок.

Что касается более поздних построек, то Кобб-Холл, а также пристройки к башне-обсерватории и восточным воротам, вероятно, принадлежат Томасу Ланкастерскому, графу Линкольну, который владел замком с 1312 по 1322 год. В Трубном списке 2 Джона, 1200 г. н.э., записано, что констебль замка Линкольн взимал 20 фунтов стерлингов за ремонт новой башни, вероятно, хранилища.

Усиления, сделанные Завоевателем для защиты холма, и без того крепкого от природы и искусства, сделали Линкольн при нормандской династии еще более важным городом, чем он был при прежних правительствах. Его замок был почти неприступной крепостью, удерживаемой государем или для государя, очень важной части Англии; но эта часть была сильна своими реками и болотистой местностью, своими английскими и глубоко недовольными чувствами, и была открыта для визитов датчан, уже не как врагов, а как союзников в деле народа. Его положение, доминирующее над всем графством, заставляло сравнивать его с Бельвуаром, который получил аналогичное приращение силы, и Ноттингемом, на холме которого в то время возводился прямоугольный замок первого класса; но что подтвердило его центральную власть и поставило его намного выше всех замковых возвышенностей графств Мидленда, так это признание холма центром важного епископства и основание Ремигием величественной громады, к которой многие последующие века добавили красоты и величия.

Замок долгое время оставался частью владений короны, но управлялся констеблями, должность которых иногда считалась наследственной, а в одном очень важном случае ее занимала дама. Всегда сильная позиция, она стала особенно ценной после смерти Генриха I, когда разразилась долгая гражданская война между его дочерью и племянником, и то одна, то другая сторона укрепляла все существующие замки и строила огромное количество

новых. В таком состоянии анархии замок стал жизненной необходимостью, и епископы соперничали со светскими баронами и даже превосходили их в образцах военной архитектуры. Шерборн, Малмсбери, сильный и великолепный Девайзес - дело рук епископа Роджера Солсберийского, Ньюарк и Слефорд - его племянника, Александра Линкольнского, а замок Эли - Джайлса, еще одного племянника и прелата этой церкви. Дарем также удерживался его епископом, а Личфилдский замок был сильно укреплен.

Из светских приверженцев Матильды Роберт граф Глостер, ее мудрый и верный брат, построил замки Кардифф, Бристоль и Глостер; Фиц-Алан удерживал Шрусбери; д'Альбини - Арундел; Тальбот, Херефорд; Паганель, Ладлоу; Бриан Фиц-Каунт, Уоллингфорд; Д'Ойли, Оксфорд; Роберт Линкольнский, Уарем; Мохун, Данстер; Ловел, Касл Кэри; МанDEVиль, Уолден и Плесси; и Фиц-Джон, Мелтон. Дувр, значительно укрепленный Мамином, был сдан королеве. Любопытно, что из всех этих замков только шесть - Шерборн, Бристоль, Ладлоу, Уолден и Дувр, а также Хедингем, принадлежавший де Вере для Стивена, - точно известны как квадратные крепости; остальные семь сомнительны, а тринадцать имели панцирные крепости на курганах.

Среди тех, кто поначалу поддерживал Стефана, были два сводных брата, Уильям де Румар и Ранульф, граф Честер, которые имели наследственные права на большие владения в Линкольншире и, в некотором роде, на замок Линкольн. Что касается замка, то их реализацией занимался в основном граф Честер, младший, но, по крайней мере в Англии, самый влиятельный из них.

Их притязания относятся к периоду до Завоевания и, несомненно, связаны с владением английской крепостью. Ильфгар, граф Мерсии, сын графа Леофрика и лорд многих линкольнширских владений, был отцом известных графов Эадвайна и Моркера, а также Эальдгит, вдовы Гриффидда Уэльского, а затем Гарольда, и Люсии, или Люси, наследницы рода, и как таковой претендовал не только на линкольнширские земли, но и, как кажется, на наследственную должность констебля в замке. Мистер Николс в очень ценной работе о графах Линкольн показал, что Люси вышла замуж за Иво Тайллебуа, одного из баронов Завоевателя, героя истории и романа, и, по праву своей жены, крупного землевладельца в Линкольншире. Ее имя встречается в его грамоте 1085 года, касающейся церкви Сполдинга. Иво умер в 1114 году, а их дочь, еще одна Люси, наследница или сонаследница, претендовавшая на констебльство в замке Линкольн и укрепившая одну из его башен, вышла замуж сначала за Роджера де Румара, а затем за Ранульфа де Бриксара, прозванного Ле Мешин, графа Честера, который умер в 1129 году. От каждого из них у нее был сын: (1) Уильям де Румар, впоследствии граф Линкольн; и (2) Ранульф, прозванный Гернонсом, граф Честер. Эти два сводных брата, неуравновешенные и жадные политики и солдаты, сыграли значительную роль в войне за престолонаследие и многое могли сказать замку Линкольн.

В самом начале борьбы, в 1140 году, Стефан признал притязания де Румара и сделал его одним из своих графов, которых в насмешку называли "псевдокомитами", поскольку они не имели обычного третьего пенни от графства. Однако, несмотря на эту милость, братья через несколько дней или недель после этого захватили замок Линкольн врасплох, перебили королевских солдат и удержали его за Матильдой. Стефан, сильно разгневанный, сразу же отправился в Линкольн и, поддерживаемый горожанами, осадил замок с западного фронта, который находится рядом с городом, но на котором земля была менее крутой, чем в самом городе. Граф Ранульф бежал из замка, оставив его с женой и детьми на попечение де Румара, а сам отправился уговаривать своего шурина Роберта, графа Глостера, прийти им на помощь. Роберт направил в ту сторону отряд из 10 000 человек, и оба графа, перейдя вброд или вплавь Трент и болотистые земли на его берегу, были встречены королем лично.

Результатом стала битва или "поединок при Линкольне", состоявшаяся 2 февраля 1141 года, в которой Стивен был взят, а через некоторое время обменян на графа Роберта. Мистер Николс отмечает, что некий Гилберт де Гант, молодой линкольнширский дворянин, будучи захваченным в битве, был женат графом Честером на его племяннице Рохезии, а также был создан графом Линкольном, этот титул он сохранил до своей смерти в 1156 году. Мистер Николс предполагает, что Рохезия, вероятно, была дочерью сестры и сонаследницей Люси Тайллебуа Первой, а значит, и сонаследницей графа Ильфгара.

Уильям де Румар оставил сына, который умер раньше него, а внук, хотя и владел большим поместьем в Линкольншире и был графом, никогда не принимал титул Линкольна. Он умер бездетным в 1198 году, и титул Линкольна, похоже, на время был отменен, а Алиса, дочь и наследница графа Гилберта, стала называться только "графиней Алисой, дочерью графа Гилберта".

В 1144 году, на Рождество, граф Ранульф был во второй раз осажден в замке Линкольн королем Стефаном, и тоже безуспешно; но через два года он, находясь при дворе короля, попал в плен и был вынужден отдать замок в качестве выкупа. Получив его в свое полное распоряжение, Стефан короновал себя в Линкольне.

В 1147 году их позиции изменились, и город был атакован графом, но безуспешно; в 1151 году он во второй раз стал пленником Стивена, и так продолжалось несколько месяцев, пока в 1151 году во время умиротворения Уоллингфорда он не был освобожден, включен в общую амнистию и получил от Стивена уже упомянутое пожалование города и замка, которые он должен был удерживать до тех пор, пока Тикхилл не будет ему возвращен.

Во время правления Генриха II корона вернула себе большую часть власти, и замок Линкольн, похоже, был отделен от графства, хотя граф Честер сохранил за ним право владения. Ричард де Хей владел констеблем на правах гонорара, и он перешел к его дочери и наследнице Николае, которая вышла замуж за Джеральда де Камвиля, получившего от Ричарда I опеку над замком и ферму с доходами графства. Джеральд, однако, был приверженцем принца Джона и держал осаду в замке с Лонгчампа, канцлера отсутствующего Ричарда. Замок был освобожден Иоанном, но Джерард потерял свой пост и ферму в 1194 году, пока Иоанн не стал королем. Его вдова, Николая, удерживала замок для короля против восставших лордов. После войны король Иоанн посетил Линкольн, и Николаа, находившаяся тогда в преклонном возрасте, приняла его у восточных ворот замка и предложила ему ключи, желая освободиться от должности по причине своего возраста. Джон милостиво попросил ее оставить ключи, и она продолжала командовать на протяжении всего правления Джона и Генриха, его сына. Николаа была шерифом графства и весьма примечательной личностью. В последние годы жизни она обзавелась помощником и поместьем, чтобы поддерживать расходы по службе. В конце концов она ушла на покой и умерла в 1231 году.

В 1216 году, под конец правления Иоанна, Гилберт де Гант, племянник бывшего графа Линкольна того же имени, соблаговолил принять титул от рук вторгшегося французского принца Людовика и взял город, но не замок. Он сражался и был взят на "Линкольнской ярмарке" в мае 1217 года Ранульфом де Блондвиллем, графом Честером, человеком небольшого роста, но отличным солдатом, который добавил титул Линкольна к титулу Честера через четыре дня после битвы и удерживал его до тех пор, пока не передал его своей сестре, Хойзе де Квинси, в 1232 году. Фактическим облегчением, введенным в замок перед битвой, руководил печально известный Фульк де Бреоте.

Происхождение констебля замка на данный момент довольно туманно. Вероятно, в период несовершеннолетия дочери и наследницы де Камвиля, Идонеи, им последовательно управляли Филипп де Ласкеллес, Уолтер Эвермю и в 1224 году Уильям де Лонгеспе, граф Солсбери, вероятно, женившийся на Идонее, дочери и наследнице Жерара де Камвиля. Владел ли им их сын Уильям, умерший в 1257 году, точно неизвестно, но все права, которые он имел, были объединены с правами графов Линкольн в результате брака его дочери и наследницы, Маргарет Лонгеспе, с Генрихом де Лейси. Генри происходил от Хавиза де Квинси, чья дочь Маргарет передала графство своему мужу Джону де Лейси, умершему в 1240 году. Их сын, Эдмонд, не дожил до наследования; но его сын, Генри де Лейси, был графом Линкольна, а в браке с Маргарет Лонгеспе - графом Солсбери. В списке выморочных имуществ, 4 Эдуарда II, он записан как констебль замка Линкольн.

Алиса, дочь и наследница Генриха де Лейси, вышла замуж за Томаса, графа Ланкастера и, по ее праву, Линкольна, внука Генриха III, и таким образом констебльство и плата за замок вошли в состав герцогства Ланкастер, а значит, и в состав короны. Во время войн Карла и Парламента замок служил военным постом для короля. В 1644 году он вместе с городом перешел в руки парламента, а в 1832 году был продан графству.

В Трубном и Клоуз-роллах содержится множество записей, относящихся к замку, сделанных в правление Генриха II, Ричарда I, Иоанна и Генриха III: то на ремонт, то на манки для заключенных, то на содержание солдат. Есть приказы о хранении кукурузы, о "balistæ ad strutum" и "ad turnum", первые работали вручную, вторые - с помощью лебедки. В 1225 году мы читаем о ремонте ворот замка, "Tour de Luce" и барбакана. Даже в Domesday мы видим Вальдина, ingeniator; Хеппо, balistarius; и Оди, arbalistarius.

БАШНЯ ИЛАНКИАН, ГЛАМОРГАН.

Примерно в двух милях к востоку от Коубриджа и в полумиле к северу от старой римской дороги, ведущей из этого города в Кардифф, ручей из Сент-Хилари Даун пересекает дорогу и спускается в глубокий и узкий овраг, чтобы впасть в широкую долину Абертин, примерно в двух милях выше ее слияния с Коубридж-Тоу, возле деревни Абертин. Земля на обоих берегах оврага очень прочная и с ранних времен была занята в целях обороны. На правом берегу находится большое и нерегулярное, а потому, вероятно, британское укрепление или лагерь, оборона которого с верхней или восточной стороны представляет собой два берега, каждый с внешним рвом, а с нижней, северной и западной стороны - один берег, земля под которым достаточно крутая, чтобы сделать ров нецелесообразным и ненужным. Этот лагерь известен под названием *Эрв Грон*, или круглый акр (если нет другого описания, акр, скорее всего, будет прямоугольной площадкой).

На левом или западном берегу, почти напротив лагеря, находится скалистый холм, немного приподнятый над землей, прилегающей с запада и юга, но который к востоку и северу быстро склоняется к ручью и долине Абертин, расположенной, возможно, в сотне футов ниже. За впадиной на западе и юге земля расширяется, превращаясь в площадку с умеренно ровной, но разбитой землей, за которой снова значительный подъем. Таким образом, холм одновременно укрыт от наблюдения и, естественно, прочен, по крайней мере, с северной и восточной сторон, а с остальных - весьма обороноспособен. Подход к холму осуществляется с юго-запада, со стороны Коубриджской дороги, в направлении которой

расположены здания и остатки зданий, частью современных, а частью, очевидно, принадлежавших к хозяйственным постройкам и сооружениям Тауэра.

Тауэр, или собственно замок, представлял собой каменную оболочку, круглую или почти круглую, около 64 футов в диаметре, расположенную на вершине холма и покрывавшую его, по бокам которого проходил сухой ров диаметром около 30 футов и глубиной около 8 футов. В этой раковине можно проследить очертания всего фундамента, а к северо-западу находятся фрагменты стены и разрушенные палаты; к северо-востоку небольшой низкий курган, вероятно, скрывает фундамент башни с фресками.

Здесь находятся руины прямоугольного здания площадью около 28 футов, со стенами толщиной около 4 футов, часть которых сохранила свою первоначальную облицовку из галтованного известняка (по-видимому, лиаса), грубо обработанного молотком. Высота стен составляет от 10 до 12 футов, а одна из них образует часть *энсинта*. Эти фрагменты, вероятно, являются частями небольшой сторожки, прикрывающей узкий дверной проем, который был необходим для такого небольшого ограждения. Каменная кладка, очевидно, оригинальная, а башня, вероятно, относится к периоду правления Генриха III, который, по-видимому, был датой постройки несколько похожего, но более высокого сооружения в Уитчерче. Лланкиан тогда принадлежал могущественному роду Нерберов из Каслтона в Сент-Атане, при которых он, вероятно, находился во владении семьи де Винтония или де Винчестрия, впоследствии Уилкинов, до сих пор сохранившейся, чьи владения сохранились в медогонке внизу, обозначенной на карте Орднанса как "Пант Уилкин".

На той же карте напротив башни и лагеря черными буквами написаны слова *Twr Gron*, которые, по-видимому, являются новым названием, составленным из названий двух совершенно разных останков. Необычно и то, что на карте, обычно очень корректной, название Лланкиан не встречается.

Примерно в полумиле к юго-востоку от Тауэра часть Коубриджской дороги до сих пор известна как "*Pant y lladron*", то есть *via latronum*, или дорога разбойников: название, указывающее на прежний дурной характер этого места и наводящее на подозрение, что жители этого крепкого места либо потворствовали разбоям, либо сами их совершали.

ЛОНДОНСКАЯ БАШНЯ.

Несмотря на то, что Британия представляет собой многочисленные примеры военных сооружений, а ее валлийские и шотландские границы густо усеяны замками, обстоятельства страны не благоприятствовали созданию военных зданий первого класса. Наше островное положение позволило нам полностью отказаться от грандиозных пограничных крепостей; а наши великие дворяне, хотя они часто противостояли короне и даже посягали на ее законные полномочия, черпали свои ресурсы из более или менее разрозненных владений, редко владели целыми провинциями или управляли территорией, достаточно компактной и обширной, чтобы оправдать строительство большого замка-дворца, подобного французским, для защиты лордства и резиденции барона. Крепости Арк, Этамп, Провин и Вез, башни Куси и Босера, стены Авиньона, крепости Шато-Гайяр, Каркассон, Вильнев-ле-Авиньон и Пьерфон, детали которых знакомы читателям исчерпывающего труда М. Виолле-ле-Дюк, относятся к тому периоду, когда Франция была разделена на провинции, правители которых почти не подчинялись короне и были либо фактическими монархами в других

странах, либо обладали большей частью государственных привилегий и власти независимых государей.

Однако в том конкретном классе крепостей, типом которых является четырехугольный норманнский замок, нам меньше всего приходится опасаться сравнения, поскольку замки такого типа ограничиваются, или почти ограничиваются, нашей страной и Нормандией. Если на европейском континенте, в Италии, Испании, Франции и Германии, ранние замки, похоже, возникли непосредственно на основе римских, или деформированных римских образцов, то в Нормандии преобладал более простой и оригинальный тип, не похожий на тот, что можно увидеть в других частях Франции, и который есть некоторые основания считать изобретением самих норманнов. Эти крепости, столь примечательные своей простой четырехугольной формой и огромной прочностью кладки, были возведены в Нормандии в XI веке, и хорошо известны по таким примерам, как Аркес близ Дьеппа, Фалез и Кан. Норманны завезли их в Англию.

Неизменный нормандский замок - большая редкость, если такие вообще существуют. Однако несомненно, что крепость имела оборонительную стену и ров, причем последний иногда был частью более ранней земляной насыпи, а в образовавшемся дворе располагались конюшни и казармы, а также другие вспомогательные помещения. Поначалу эти здания часто были деревянными, а *энсинта* - прочным частokoлом, цель которого заключалась в том, чтобы как можно быстрее обеспечить защиту гарнизона. И в Дувре, и в Виндзоре стена *энсинта*, часть которой относится к поздне-норманнскому периоду, стоит на откосе рва более раннего земляного сооружения, твердый мел которого, как и в Аркесе, пронизан подземными галереями. Там, где, как в Кардиффе и Тауэре, стена отличается большой прочностью и относится к двенадцатому веку, вероятно, палисад был сохранен дольше обычного, а стена, которую мы видим сейчас, была построена первой. Ни одна обычная нормандская стена не потребовала бы реконструкции так скоро.

Там, где нормандская стена была легкой или недостаточной по площади, ее приходилось демонтировать, а в более крупных сооружениях заменять двойным и концентрическим кольцом оборонительных сооружений. Эти дополнения, обычно относящиеся к временам правления Генриха III и Эдуарда I, показывают, что военная инженерия достигла большого прогресса, и что теперь меньше полагались на пассивную силу, а больше на умелое распределение материала. Учитывая состояние военного искусства в тот период, а также крестовые и длинные луки, катапульты, тараны, скорпионы и подвижные башни, которые служили орудиями нападения, было бы трудно улучшить эти концентрические сооружения, как в общем дизайне, так и в деталях строительства, или показать большее мастерство фланговой обороны, чем в Корфе, Керфилли, Конвее, Бомарисе или в других замках, построенных в царствование Генриха и его сына. Эта наука, столь успешно привитая к чисто нормандским сооружениям, несомненно, в значительной степени была заимствована с Востока, где Кёр де Лев, похоже, приобрел мастерство, продемонстрированное при строительстве Шато-Гайяра, и которое, по мнению М. Ле Дюка, ставит его во главе военных инженеров своего времени.

Когда, переправившись через Темзу, Завоеватель лично отправился завершать инвестирование Лондона, он обнаружил, что этот древний город покоится на левом берегу реки, защищенный с суши мощной стеной римской работы, с настенными башнями и внешним рвом.

Ограждение площадью около 370 акров в целом представляло собой полукруг; река образовывала хорду. Оборонительные сооружения, начинавшиеся на Темзе у Блэкфрайарса, на восточном берегу Флета, шли по неровной кривой на север и восток, мимо Ладгейта, Олдерсгейта, Крипплгейта и линии Лондонской стены, где, меняя направление на восток и юг, они переходили в линию Хаундсдитча и, по-видимому, упирались в Темзу немного восточнее или ниже Биллингсгейта. На западе Флит образовывал приличную естественную защиту, а на востоке линия проходила по гребню возвышенности как раз там, где она начинает понижаться до низменных земель, давно занятых больницей Святой Екатерины, а теперь, что более уместно, доками с таким названием. С севера оборона была полностью искусственной и, как считается, обеспечивалась рвом, который в позднее правление короля Иоанна был углублен и сделан шириной 204 фута, но который, должно быть, был достаточной защитой даже во времена Завоевателя. Ладгейт, как и более поздний Ньюгейт, располагался под углом к стене, так что дорога, подходящая к нему с запада, проходила на небольшом расстоянии параллельно валам и прикрывалась ими.

Лондон, таким образом, -

"A laeva muris, dextris in flumine tuta,"

напоминал в плане и по способу входа те большие полукруглые кельтские земляные сооружения, которые иногда встречаются на берегах водотоков; не известно, чтобы к нему или внутри него было что-то похожее на преторию или цитадель.

Рассказывают, что перед тем, как Завоеватель вошел в Лондон, он приказал построить крепость, которая должна была возвышаться над городом. Разумеется, это был временный лагерь, и, вероятно, находясь в Вестминстере или в лагере в Баркинге, он изучал местность и выбрал в качестве места для своей будущей цитадели точку на восточном фланге городских оборонительных сооружений, сместив для этой цели, как нам говорят, часть римской стены, включая две башни рядом с Темзой. Недавние раскопки действительно обнажили часть этой стены в нескольких ярдах к востоку от башни Вильгельма.

Вильгельм был коронован в 1066 году, и именно из Баркинга, сразу после церемонии, он руководил началом работ, которые, несомненно, сначала представляли собой глубокий ров и крепкий частокол; ведь замок, вероятно, самая ранняя каменная постройка, был начат лишь двенадцать или четырнадцать лет спустя.

Таким образом, новый замок с лихвой восполнил место снесенных сооружений, ведь он мог не только защитить, но и нависнуть над городом, а в случае необходимости - пресечь его торговлю и поставки по воде.

Таково было происхождение этой величественной старой крепости, главная и центральная часть которой придает группе массивность и характер и с давних времен заставляет называть ее "Башней".

Новая крепость поддерживалась двумя другими значительными сооружениями в пределах города: замком Байнарда на берегу Темзы, построенным примерно в то же время Байнардом, кастеляном и знаменосцем города, и замком Монфитчета рядом с ним, возведенным рыцарем с таким же именем. У последующих королей был "Королевский Тауэр" в Винтри-Уорде, где жил Стивен и куда бежала из Тауэра мать Ричарда II во время восстания Уота Тайлера. Эдуард II также построил укрепление недалеко от Блэкфрайарса.

Тауэр, несмотря на то, что все постройки, за исключением хранилища, являются более поздними, а большая их часть - значительно позже XI века, хорошо дополняет

- У.Уэйкфилд, и Х, Кровавая башня.
- Y.Главная стража.
- Z.Эшафот.

Между R и S - башня Широкой Стрелы, а между T и U - башня Колодца.

(Из книги лорда де Роса "Мемориалы Тауэра").

В своем нынешнем виде Тауэр представляет собой прекрасный пример концентрического замка, смешанного по составу, но в целом гармоничного по дизайну, и занимающего вместе с окружающим рвом около двенадцати акров земли.

Почти в самом центре, но теперь отдельно и одиноко, стоит крепость, "Ла Бланш Тур" Эдуарда III, самая старая и устойчивая часть крепости. Вокруг него находится внутренняя палата, в плане четырехугольная, но с выступом на северном фронте, и заключенная в стену, укрепленную сторожкой и двенадцатью башнями с фресками.

Вокруг него находится внешняя палата, выполненная по тому же общему плану и заключенная в стену, поднимающуюся от рва и образующую его обрыв. На ней расположены смелые бастионы с барабанами по углам северного фронта; южный фронт, или фронт Темзы, защищен пятью настенными башнями, из которых одна закрывает сухопутные и одна водные ворота, а две другие соединены с постернами.

Ров, полностью опоясывающий крепость, отделен от реки узкой полосой земли, используемой в качестве пристани, а также хитроумно придуманной, чтобы отсечь воду рва от приливного потока.

Пространство за пределами рва, образующее эспланаду крепости, известно как Тауэрский холм. Когда-то он был разделен городской стеной, которая тянулась с севера до края рва, имея на перекрестке постерн, который до сих пор дает название ряду домов, а к востоку от него находится Малый Тауэрский холм. Земля, покрытая Тауэром, поднимается от реки, так что часть внутреннего корпуса находится на высоте 40 футов над водой, а земля к северу от рва и за его пределами - на 8-10 футов выше. Этот недостаток нейтрализуется шириной рва, а спуск к югу, или входной стороне, дает существенное преимущество при отражении атаки с этой стороны. Для того чтобы командовать рекой и заполнить ров, крепость была поставлена так высоко, как это соответствовало этим целям.

Сэр Ф. Палгрейв отметил, что Вильгельм, определяя юрисдикцию своей новой крепости, соблюдал, насколько это было возможно, границы Лондонского Сити. Только меньшая половина ограды находилась в пределах линии старой стены; и хотя вольности Тауэра (если включить в них церковь Святой Екатерины) простираются на некоторое расстояние к востоку или в графство Мидлсекс на западной границе, полномочия констебля простираются лишь немного дальше контркарпа рва. Площадь собственно вольностей составляет около 26 акров, из которых западная часть находится в приходе Тауэр Уорд и Олл-Хэллоуз-Баркинг, а восточная - в графстве Мидлсекс.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ.

Белая, или башня Сезара, - это крепость. Она стоит немного юго-восточнее центра внутренней части крепости, на земле, которая с севера находится на 40 футов, а с юга - на 15 футов выше средней ординарной отметки воды, так что с одной стороны подвал находится на уровне земли, а с другой - выше нее. Он четырехугольный, 107 футов на север и юг, 118 футов

на восток и запад. Два западных угла квадратные. Северо-восточный угол увенчан круглой лестницей-туррелью диаметром 22 фута, задействованной примерно на треть и выступающей на 3 фута больше на северной стороне, чем на восточной. Южная стена заканчивается на востоке смелой полукруглой луковкой диаметром 42 фута, выступающей на восточную стену. Она обозначает апсиду часовни и является главной особенностью этой башни.

Башня возвышается на 90 футов от пола до гребня нынешней башни. Она состоит из трех этажей, или четырех ступеней. Стены укреплены обычными пилястрами: на востоке - две, на севере - три, на западе и юге - по четыре. Круглая башня имеет четыре пилястры, две из которых находятся на стыке со стенами, а носовая - четыре. Их ширина варьируется от 3 до 6 футов, и все они выступают на 18 дюймов. Они уменьшаются на две ступени, в 50 и 75 футах от земли, и исчезают на 8 футов ниже башенки. Кроме того, на флангах каждого фронта, содержащего два квадратных угла, находится полоса шириной 12 футов, по две на каждый угол, но расположенная таким образом, чтобы не совсем закрывать его, так что на каждом из двух углов появляются по три выступающих угла. Эти четыре пилястры поднимаются от цоколя на высоту 16 футов, образуя квадратные башенки. Третья башенка, также квадратная, расположена на крыше, где, если бы не лука, находился бы юго-восточный угол. Таким образом, крепость венчают три квадратные башни и одна круглая.

Видно, что петли подвала открываются чуть ниже окон второй ступени. Проемы третьей ступени, когда-то, вероятно, односветные окна умеренного размера, но теперь увеличенные, появляются, по одному между каждой парой пилястр, и каждый под большой простой аркой с круглой головой и небольшим отступом, выходящей из полосы стены, оставленной в качестве своеобразного пилястра против каждой пилястры. Основание этой аркады представляет собой отступ в стене, заглушенный пилястрами.

Фонари четвертой или верхней сцены могут быть примерно первоначального размера. На южной стене, между двумя западными пилястрами, окна, открывающиеся на 2 фута, расположены попарно, имеют общую простую балясину, и каждая пара находится в неглубоком углублении с круглой головкой, так что восемь окон образуют короткую аркаду. Одна пара, вероятно, единственные окна в храме, которые сохранили свой первоначальный вид; балясина, которую давно сняли, была найдена замурованной в соседней стене и теперь находится на своем месте. Считается, что именно из одного из этих окон спустился вниз епископ Фламбард, находившийся здесь в заключении. Внешний вид здания был обезображен точечной кладкой из кремневой крошки и раствора, а также заменой портландского камня на старый пепельный, но окна, хотя и расширенные до створок, представляют собой старые проемы.

Лестница диаметром 11 футов, расположенная в круглой северо-восточной башне, поднимается от пола до вершины и сообщается с каждым этажом, а также с выводами.

Подвал находится немного ниже уровня земли на севере и на уровне земли на южном фронте. Толщина стен составляет от 12 до 15 футов, а внутренняя площадь - примерно 91 фут на 73 фута. Его пересекает стена толщиной 10 футов, построенная с большим пренебрежением к отвесу. Она поднимается к вершине и делит здание на большую западную и меньшую восточную части. Последняя снова разделена на большую северную и меньшую южную части другой стеной, также проходящей насквозь, так что каждый этаж разделен на три палаты. Все большие камеры перекрыты деревянными потолками, все малые - сводчатыми. В подвал можно было попасть только сверху по большой колодезной

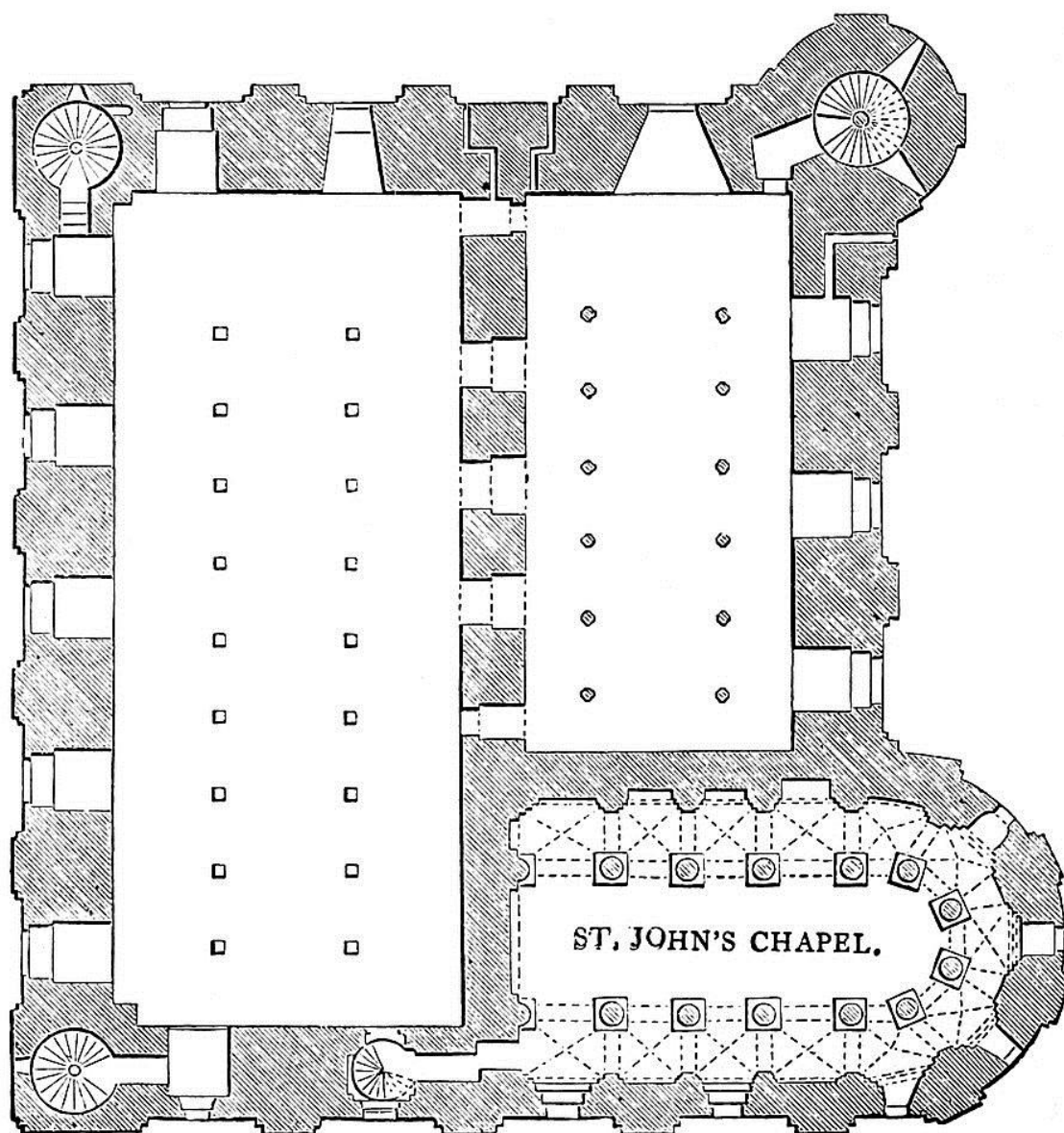
лестнице. Западная камера имеет размеры 91 фут на 35 футов; восточная - 67 футов на 28 футов; а свод, нижний или подсклеп часовни, известный в Тауэре под названием "Маленькое облегчение", - 15 футов на 47 футов, восточный конец которого полукруглый. Дверь ведет с востока в западную камеру, а из первой - в "Маленькое облегчение". Смелые углубления в стенах поднимаются к линии петель, дающих воздух, но очень мало света.

В современное время в юго-западном углу этого этажа была пробита шахта глубиной 10 футов, а через 24 фута фундамента прорублен туннель в сторону набережной реки, а на другой стороне угла на уровне земли прорублена еще одна дверь. Две большие камеры имеют своды из современного кирпича. До недавнего времени Литтл-Из был оборудован под пороховой склад, а в его восточном и западном концах были прорублены ходы. Теперь они тщательно заделаны старым камнем, а свод расчищен. Недавно был обнаружен колодец. Он представляет собой простую трубу диаметром 6 футов, облицованную пеплом. Он находится в полу храма, в нескольких футах от его юго-западного угла.

Второй этап очень похож на подвал. Толщина стен составляет около 13 футов, поперечная стена - 8 футов. В последней находятся три проема шириной 6 футов и высотой 15 футов, круглоголовые и довольно простые, между дверным проемом в северном конце, шириной 4 фута 6 дюймов и высотой 12 футов, и проемом в южном конце, шириной 4 фута и высотой 9 футов. Эти пять проемов сообщаются между восточной и западной палатами. Западная комната размером 92 фута на 37 футов имеет в западной стене пять простых круглоголовых углублений, когда-то сходящихся в петли, а теперь расширенных до окон. В южной стене находится аналогичное углубление, а в северной - два. Между одной из них и западным углом находится небольшой фресковый проход шириной 2 фута 10 дюймов, изогнутый под прямым углом. Он сводчатый, четырехчастный, с простыми бедрами, очень грубый, но хороший. Под его внешним контуром находился вал гардероба.

Восточная комната, 68 футов на 30 футов, имеет в восточной стене три углубления для петель. В северной стене есть углубление, в котором сейчас находится дверь, а с внешней стороной его соединяет двойной пролет современных каменных ступеней. Здесь же находится оригинальная дверь с проемом в 3 фута, ведущая через короткий фресковый проход шириной 5 футов на колодезную лестницу, которая снабжает каждую ступень. В южной стене дверь ведет в крипту часовни, шириной 13 футов 6 дюймов и длиной 39 футов, с апсидальным восточным концом и высотой 17 футов до венца ее очень простого свода. В северной стене крипты, рядом с апсидой, проход шириной 2 фута ведет в сводчатую камеру размером 8 футов на 10 футов, образованную в стене и довольно темную. В южной стене три круглоголовых углубления, шириной 6 футов и высотой 13 футов, заканчиваются петлями, как и одно в восточном конце. Этот склеп был оборудован под оружейную комнату, но был очищен, а поврежденные своды восстановлены в хорошем вкусе.

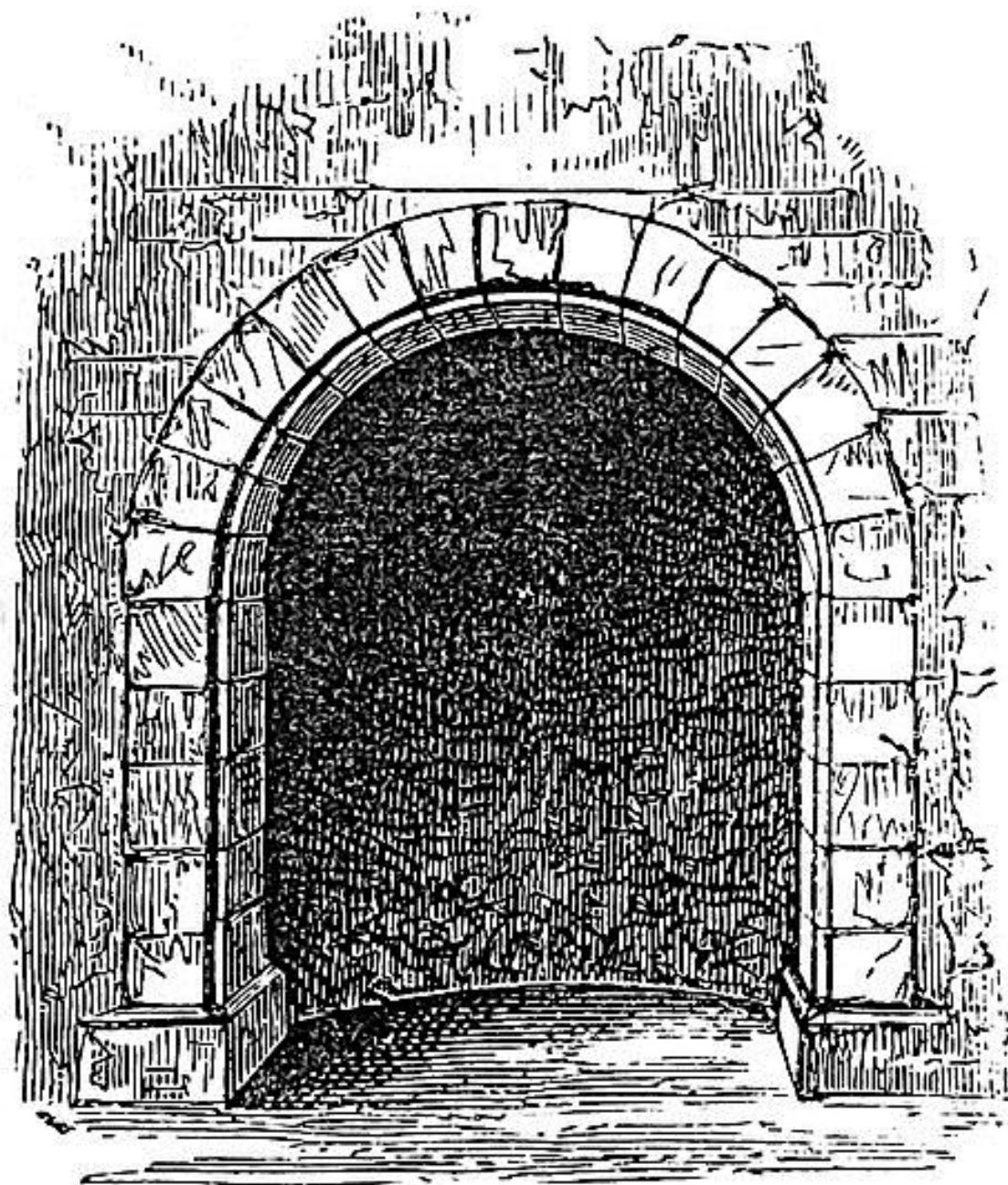
Два больших помещения на этой сцене имеют высоту 15 футов, и недавно их открытые потолки поддерживались восемнадцатью и двенадцатью большими столбами в два ряда. Они, несомненно, были установлены, когда комнаты были отданы под магазины и архивы. Теперь их убрали, а балки усилили железом, чтобы выдержать вес хранящегося здесь стрелкового оружия. Возможно, первоначально здесь была одна линия столбов, так как 30 и 37 футов - большие пролеты для одиночных балок без ферм. Недавно в восточной стене были обнаружены два простых оригинальных камина. Дым из них, как и в Колчестере, выводился через два небольших отверстия в стене.

КИПЕР - ТРЕТИЙ ЭТАП.

Поднимаясь по колодезной лестнице с этой площадки, можно увидеть тюдоровскую дверь, вырезанную в оболочке лестницы и ведущую в соседние оружейные мастерские. Аналогичная дверь, расположенная ниже, была вырублена на уровне земли.

Третья ступень, или второй этаж, также состоит из трех камер: западная - 95 футов на 40 футов; восточная - 64 фута на 32 фута; обе высотой 15 футов и до недавнего времени подпирались столбами. Крестовая камера - это часовня, которая занимает эту и верхнюю ступени, до самой крыши. Наружные стены здесь от 10 до 11 футов, а стена партера - 6 футов толщиной. В последней имеется пять проемов, как показано ниже, все, по-видимому, дверные. Фальцы показывают, что двери четырех из них, расположенных на юге, открывались в восточную камеру, а северная дверь - в другую сторону. В северной стене, рядом с этой дверью, находятся два настенных гардероба, похожих на уже описанные, один из которых обслуживает западную, а другой - восточную комнату.

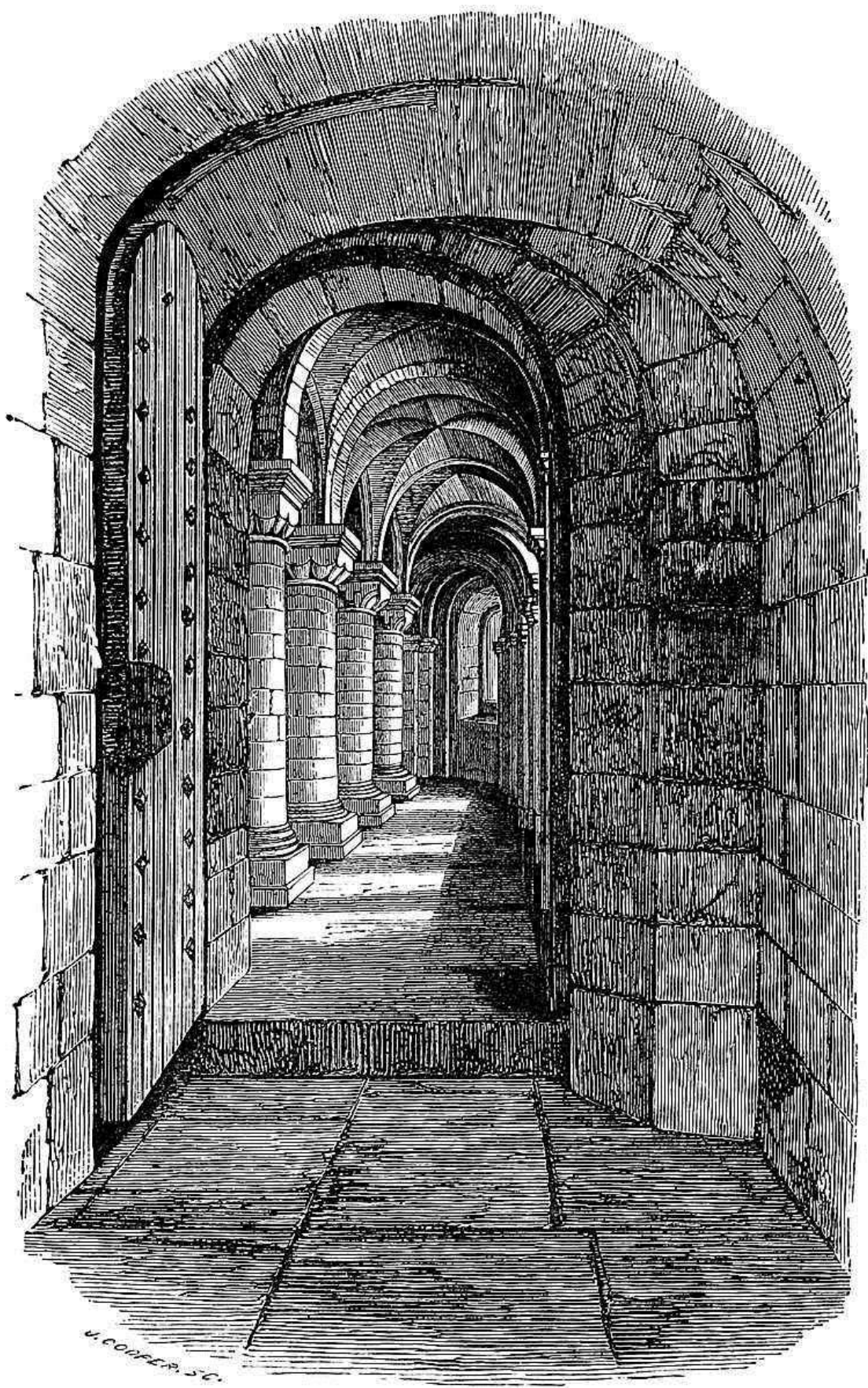
КАМИН В ХРАМЕ.

В северо-западном и юго-западном углах этой сцены начинаются колодезные лестницы диаметром 9 футов, которые поднимаются до самой крыши. Они открываются, как обычно, не прямо в комнату, а короткими переходами в косяк ближайшей петлевой ниши. В восточную камеру можно попасть с главной лестницы аналогичным образом, через проход шириной 3 фута в северной стене. В южной стене этой комнаты есть только маленькая дверь, открывающаяся в северный придел часовни. В восточной стене три петлеобразных углубления, из косяка одного открывается садовая дверь, похожая на описанные. В этой стене также находится простое круглоголовое отверстие камина с наклонной спинкой и вертикальным дымоходом, выход которого не прослежен. Он несколько напоминает камин в Колчестерском замке. Эта комната называется "Банкетной палатой".

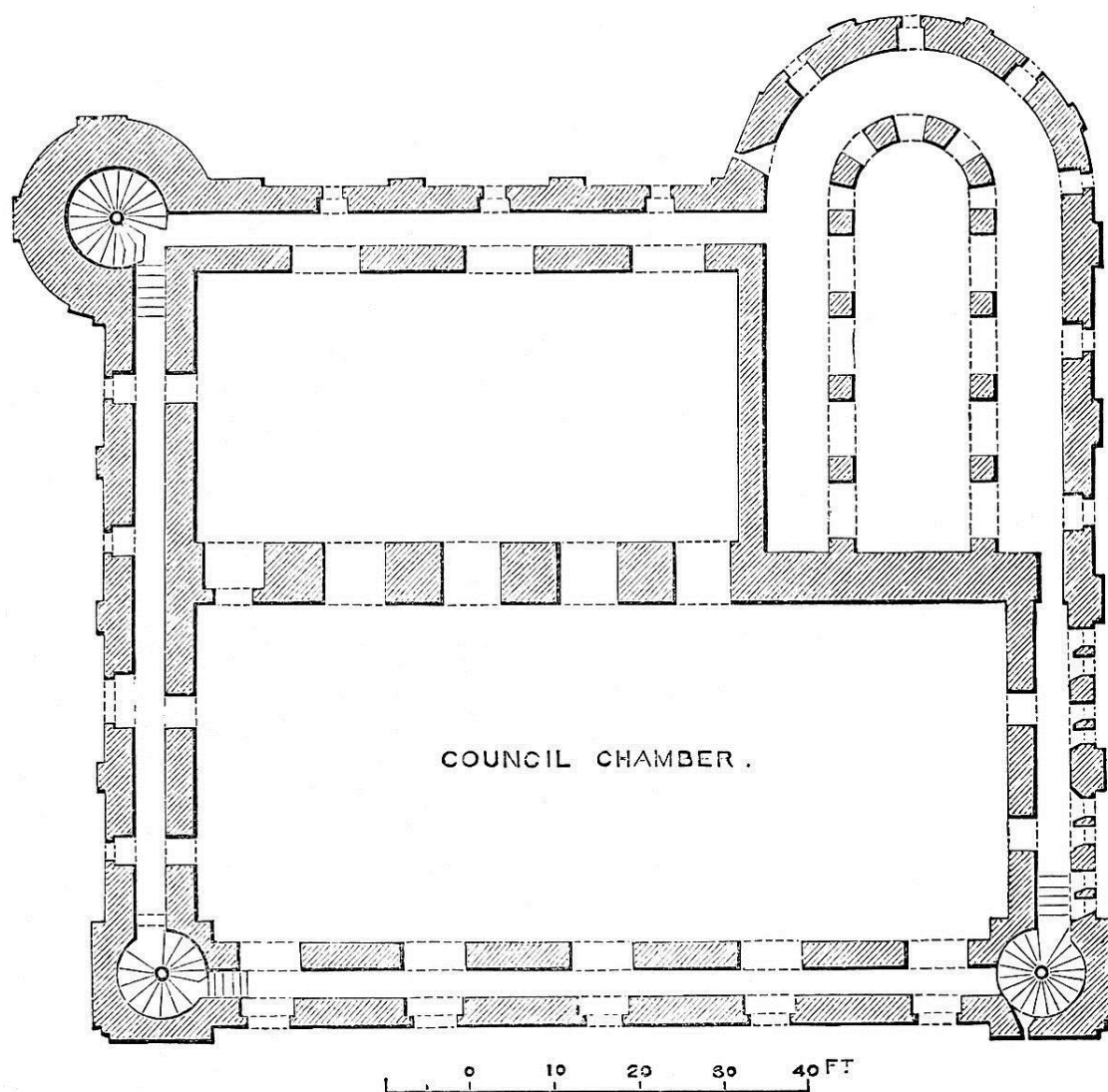
Помимо обычных ниш для петель шириной 7 футов и высотой 14 футов, которых пять на западной стороне, две на северной и одна на южной, западная комната имеет в южной стене отверстие с круглой головкой, которое является вершиной и площадкой колодезной

лестницы, начинающейся примерно в 15 футах над уровнем земли у внешней двери и ведущей на третью ступень. От его вершины также есть настенный проход, ведущий в западный конец южного нефа часовни. Это, несомненно, был частный путь из дворца в часовню и государственные покои храма. Именно у подножия этой лестницы, в стене, были найдены кости, предположительно принадлежащие детям Эдуарда IV, которые сейчас находятся в Вестминстерском аббатстве.

Четвертая, или верхняя, ступень - это "государственный этаж". Его трехчастное расположение напоминает то, что находится внизу, а две большие камеры имеют открытые потолки высотой 21 фут, которые до недавнего времени поддерживались столбами, как и внизу. Толщина наружных стен варьируется от 10 до 11 футов, стена для вечеринок составляет 6 футов, а короткая поперечная стена, отгораживающая трифорий от часовни, - 4 фута. Западная, или Большая палата совета, имеет размеры 95 футов на 40 футов; восточная - 65 футов на 32 фута. Между ними находятся три простых проема, шириной 7 футов и высотой 14 футов, а по бокам от них - два дверных проема меньших размеров. Можно отметить, что квадрат двух западных башен сохранился в зале совета. Углы выступают примерно на 7 футов вглубь помещения. Северо-восточный угол, как обычно, полый. Внешняя стена этих двух палат пронизана сводчатой фресковой галереей высотой 13 футов и шириной от 3 футов до 3 футов 6 дюймов. Одним концом она выходит в западный конец южного нефа трифория капеллы, а другим - в северный нефа у шевро. Она сообщается с главной лестницей в северо-восточной башне и с лестницами в двух западных башнях. Она пронзает косяки каждого из оконных проемов, которых в западной комнате пять в западной стене, два в северной и два в южной; а в восточной комнате три в восточной стене и один в северной. Там, где галерея пересекает оконные ниши, свод поднят на ступеньку. В этой галерее, в южной стене государственной комнаты, находятся соединенные окна, уже описанные Фламбардом как пробитые насквозь. Здесь находилась палата королевского совета, по крайней мере, во времена правления Ричарда III. Здесь находились в заточении Карл Орлеанский и, вероятно, Иоанн Французский. А вот Эдуард, лорд Гастингс, знаменитый камергер, был выведен из зала совета на казнь.

СВ. КАПЕЛЛА ИОАННА - ЮЖНЫЙ НЕФ.
(Из "Мемориалов лорда де Роса").

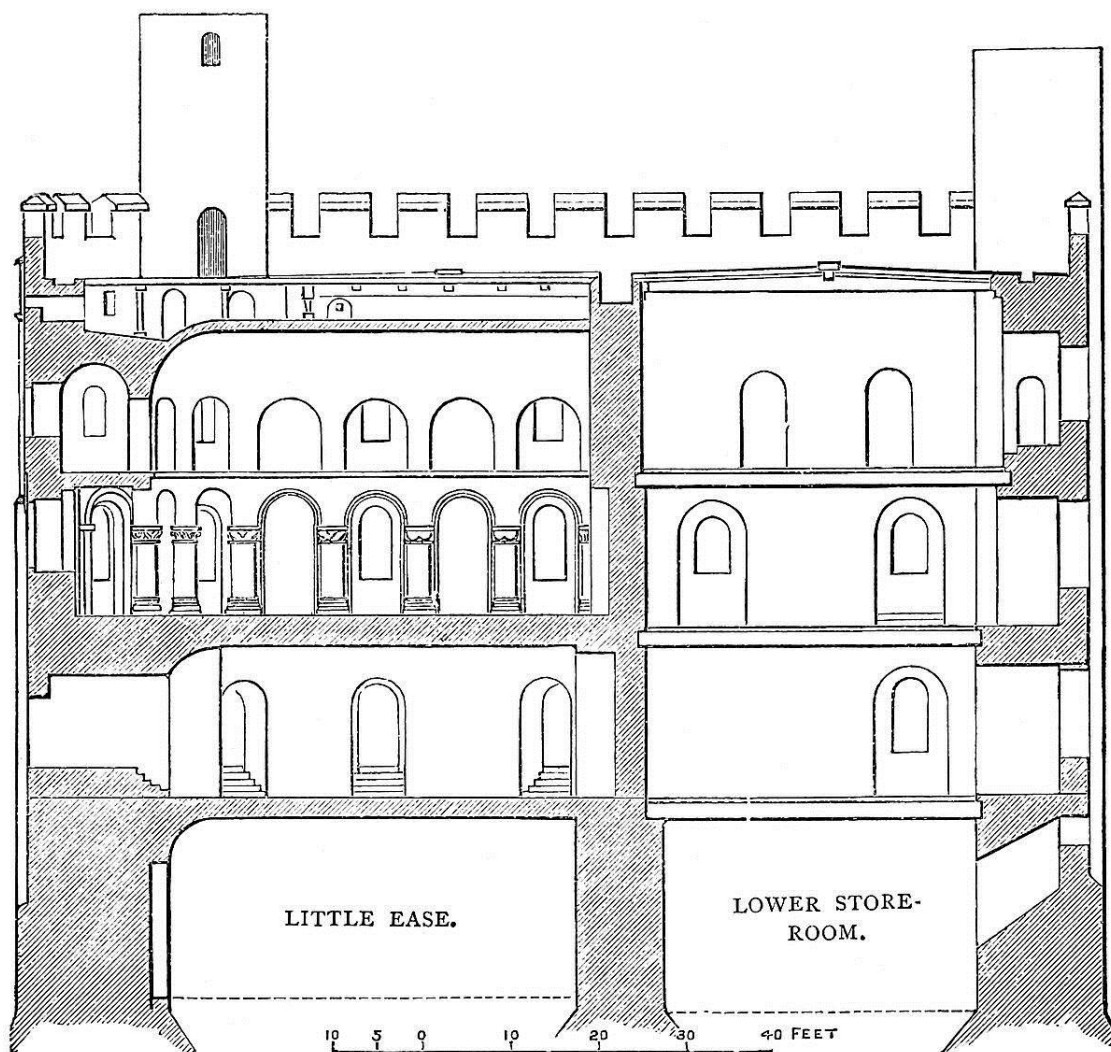

КИПЕР. ВЕРХНЯЯ СЦЕНА.

Вертикальный разрез храма по линии восток-запад, смотрящей на юг, и приведенный здесь, показывает на первом этаже "Маленькое облегчение" и нижнюю кладовую; на втором этаже - крипту часовни и верхнюю кладовую. На втором этаже - неф и неф капеллы, а также нижняя оружейная; на третьем - трифорий капеллы и пространство над сводом, а также верхняя оружейная или палата совета.

Капелла, посвященная святому Иоанну Евангелисту, представляет собой редкий, если не сказать уникальный пример таких больших и полных помещений в первоначальном и внутреннем устройстве норманнского замка. В плане это прямоугольник, 40 футов на 31 фут, заканчивающийся на востоке полукруглой апсидой во всю ширину; его крайняя длина, таким образом, с этим дополнением, составляет 55 футов 6 дюймов.

Она разделена на неф и приделы, причем последний продолжается в виде четок вокруг апсиды.

ХРАМА - ВЕРТИКАЛЬНОЕ СЕЧЕНИЕ, ВОСТОК И ЗАПАД.

Неф, шириной 14 футов 6 дюймов и длиной 40 футов, имеет восточную апсиду, дающую 7 футов 3 дюйма дополнительно для алтаря. Он отделен от нефов четырьмя колоннами и западной ответной или полуколонной с каждой стороны, а также четырьмя колоннами, которые поддерживают апсиду. Все это поддерживает тринадцать арок. Колонны представляют собой цилиндры диаметром 2 фута 6 дюймов и высотой 6 футов 6 дюймов, с простыми торообразными основаниями, опирающимися на квадратный камень в два этажа, что дает, с основанием, дополнительные 20 дюймов. Капители различаются по рисунку: одни - простые подушки, другие - комбинация из четырех подушек, дающая гребешок или выемку на возвышении; третьи - с фасками на углах; четвертые - с жесткой грубой волютой ионического типа.

Капители восьми восточных колонн незакончены, на каждой грани имеется блок в форме тау, или креста-потенциала, очевидно, предназначенный для вырезания обычного центрального цветка коринфской капители; а астрагал окружен рядом жестких вертикальных перьев, похожих на плюмаж. Каждая столица имеет простой абакус с разновидностями полукруглой, оге и пологой лепнины, за исключением западных, у которых грани абакуса вырезаны в виде звезды, встречающейся в ранних норманнских работах. Под ними находится светлый кабельный бисер. Площадь капителей варьируется от 34 до 40 дюймов в квадрате, высота - 22 дюйма, так что от пола до верха каждой из них - 10 футов. Каждая капитель представляет собой единый блок, а каждый абакус - единую плиту.

Тринадцать арок, исходящих из этих капителей, в нефе имеют диаметр 7 футов, а в апсиде - 2 фута 9 дюймов. Пять апсидальных арок - шатровые, остальные - полукруглые, венцы всех арок ровные. Все они представляют собой совершенно простые проемы в 22-дюймовой стене, без фаски или ребра.

В двадцати дюймах над этими венцами находится простой струнный пролет с фасками, а на нем аркада трифория, каждая арка точно выше и одинакового диаметра с той, что ниже. Эти арки опираются на опоры квадратного сечения 30 дюймов и высотой 4 фута 3 дюйма, без основания и крыши. Так как апсидальные арки не являются ходульными, опоры сделаны более высокими, так что венцы все еще простираются.

Крыша нефа представляет собой бочкообразный свод, незаметно начинающийся на уровне венцов трифорияльных арок и заканчивающийся на востоке полукуполом. Высота до венцов арок нефа составляет 13 футов 6 дюймов, до арок трифория - 23 фута 9 дюймов, а до венца свода - 32 фута. Свод примыкает к западной стене, в которой находится простая круглоголовая ниша глубиной 18 дюймов, диаметром 12 футов и высотой 13 футов 6 дюймов.

Ширина нефа составляет 6 футов 6 дюймов. Напротив каждой колонны нефа находится плоская пилястра, выдвинутая на три ступени от поверхности стены и имеющая простой скошенный абакус, или струнную крышку, а от каждой отходит широкое плоское ребро. Таким образом, неф разделен на тринадцать пролетов, по четыре с каждой стороны и пять в шевте, причем стороны этих пролетов сходятся. Каждый пролет сводчатый, своды желобчатые и полностью выполнены из бутового камня. Высота нефа составляет 13 футов 6 дюймов. Стена каждого придела углублена, и углубления образуют аркаду. В южных нишах четыре окна, два из которых открываются между ними, а два - на наружные пилястры. Четыре из пяти апсидных пролетов также имеют окна, одно из них - восточное. Две двери: одна в северном нефе, открывающаяся в восточную комнату на третьей ступени храма, и одна в западной стене южного нефа, ведущая по короткой настенной галерее к хорошо лестнице в южной стене, и в большую или западную камеру храма.

Диаметр трифория составляет 7 футов 6 дюймов. Это простая галерея, без пилястр, косоура или какой-либо лепнины, высотой 8 футов до бокового свода, который дает еще 3 фута 9 дюймов.

В южной стене три окна, одно из которых открывается в лицевой стороне внешней пилястры, а в апсиде - пять. В северной стене и в западном конце южного свода находятся проемы настенной галереи, которая окружает хранилище на уровне палаты совета; часовня, как уже говорилось, поднимается через два верхних этажа на крышу. Толщина стен нефа составляет 4 фута, западного и восточного торцов - 5 футов. Толщина северной, южной и восточной стен трифория составляет 4 фута, а западной - 5 футов 6 дюймов.

Эта самая ранняя и простая, а также самая полная норманнская часовня в Британии, должно быть, была свидетелем богослужений Завоевателя и его ближайших потомков; церковь, построенная впоследствии, очевидно, предназначалась скорее для гарнизона, чем для государя. Верхняя галерея, сообщающаяся с государственными покоями, несомненно, как это часто случалось в домашних часовнях, предназначалась для главных лиц, а домочадцы занимали этаж ниже. Всегда простые в архитектурном отношении стены, вероятно, были расписаны и увешаны гобеленами, а восточные окна содержали витражи, помещенные туда вместе с другими украшениями благодаря благочестию Генриха III.

Кроме того, в 1261 году, после смерти своей невестки, Сауншии, графини Корнуольской, жены его брата Ричарда, Генрих взимал из казначейства в пользу соседнего госпиталя Святой Катерины пятьдесят шиллингов в год на содержание капеллана, который должен был молиться за ее душу; он уже выделял в 1240-1 году аналогичные средства на содержание штатного священника с

облачением, потиром и всем необходимым для его служения. Вероятно, выплата пострига была просрочена, так как в 1290 году (18 год Эдуарда I) Братья и Сестры Святой Катерины подали прошение о выплате пятидесяти шиллингов, выделенных Генрихом III на духовное благо Саунчии. Эта часовня была разобрана по указу Совета от 22 августа 1550 года, предписывающему в церкви и часовне переплавить все оставшиеся кресты, образа и золотые пластины. Оскверненная таким образом часовня долгое время служила хранилищем для записей. Совсем недавно они были удалены, стены восстановлены до первобытной простоты, а все помещение вымощено плиткой простого и подходящего характера. Благодаря вмешательству покойного лорда де Роса эта часовня не превратилась в портновский склад.

Над четвертым этапом храма находится плоская свинцовая крыша, обеспечивающая площадь между парапетной стеной в 100 футов на восток и запад, 113 футов на север и юг. Башенки возвышаются над платформой на 16 футов, на которую они открываются дверями, северо-западная, юго-западная и северо-восточная венчают колодезные лестницы. Четвертая, юго-восточная, башня построена над стеной часовни и содержит камеру, в которую можно попасть через ведущие двери. Большая круглая, или северо-восточная, башня с внутренним диаметром 16 футов и двумя этажами использовалась Фламстедом в качестве обсерватории до постройки нынешнего здания в Гринвиче. На ее верхний этаж, по-видимому, вела наружная лестница с южной стороны, для поддержки которой парапет, как можно видеть, имеет наружный выступ. Эти башенки были обсажены, но старая нормандская кладка все еще может быть обнаружена.

Между сводом часовни и крышей есть своего рода "антресоль", которая над нефами имеет высоту около 7 футов и может быть использована по назначению. На некоторых старых рисунках изображены бойницы, пробитые в южной стене, а в юго-западной башне сохранились следы дверного проема, который, судя по уровню, вел в это свободное пространство.

Место и способ первоначального входа в крепость неизвестны. По одной из версий, он находился на северной стороне, на уровне второго или первого этажа, у восточного конца стены, где в настоящее время есть вход по каменным ступеням, на высоте 12 футов над землей. Однако это, несомненно, расширенная петля, а внутренняя арка углубления сохранилась. Внимательное изучение внешнего вида показывает, что нынешняя дверь была прорублена в кладке, не предназначенной для перекрытия большого проема, так как швы горизонтальны, а разгрузочная арка отсутствует. К западу от нее, на следующем этаже или этажом выше, где также была прорублена современная дверь, через которую в оружейные склады поднимают грузы, видны следы рельефной арки, предназначенной для перекрытия проема необычного размера, и ее также считали первоначальным входом. Но, по-видимому, это была лишь расширенная петля; углубление было увеличено за счет сруба стены, которая по бокам была облицована. В этом не было бы необходимости, если бы углубление предназначалось для дверного проема. Более вероятно, что вход находился на южной стороне в западном конце, где на этом уровне пола находится большой и оригинальный проем с параллельными сторонами и нишами в боковых стенках. Очевидно, это был главный вход. В кладке видны места, где косяки и арка дверного проема были срезаны, а в них вставлено окно.

Совсем рядом с этим дверным проемом, на востоке, находится небольшая, но оригинальная дверь, открывающаяся в основание небольшой колодезной лестницы. Эти две двери, расположенные на некоторой высоте над землей, несомненно, открывались в здание, которое охватывало южную сторону крепости и имело внешний вход в восточной части. Сейчас оружейная палата демонтируется, и, возможно, под ней можно обнаружить фундамент норманнской постройки.

Несмотря на значительные повреждения и затемнения, вызванные непродуманным ремонтом, можно обнаружить части первоначальной поверхности. Цоколь, квинты и пилястры, очевидно, были сделаны из ясеня, причем очень открыто. Остальная часть стены была сложена из грубого бутового камня, но с большим преобладанием раствора, что очень напоминает ранние работы в аббатстве Маллинг и башне Святого Леонарда. Арки везде полукруглые и довольно простые. Своды, хотя иногда и имеют желобки, никогда не бывают ребристыми. Также можно отметить, что в замке и во всей крепости нет ни одной подземной камеры.

Устройство внутри крепости очень своеобразно и свидетельствует о предосторожности против неожиданности, доведенной если не до крайности, то до степени, смертельно опасной для удобства королевских особ и крупных государственных чиновников, для совещаний и периодического пребывания которых и было предназначено это здание.

Главная дверь, если предположить, что она была указана, открывалась на очень мрачный первый этаж, с которого винтовая лестница вела вниз, в подвал, и вверх, на второй этаж. На этот этаж путь от лестницы лежал по извилистому и узкому фресковому проходу, а из внутреннего помещения по двум лестницам - на верхний этаж и бойницы. Достигнув верхнего этажа, вход в государственные покои снова был только по настенным галереям, пропускавшим только по одному человеку в ряд.

Для чисто военных целей все это было выгодно. Если бы в крепости находилось несколько решительных человек, они могли бы удерживать главные ворота и потерна против целой армии; если бы они, застигнутые врасплох, потеряли нижние этажи, они могли бы защищать проход на второй этаж, не опасаясь быть обойденными; в то время как сверху был легкий доступ с государственного этажа на бойницы, откуда враг мог быть атакован с наибольшей выгодой. Осаждающим оставалось последнее и самое страшное средство - обстрелять город, и, оказавшись внутри стен, сделать это было бы легко и непреодолимо. Даже столь прочная каменная кладка не устояла бы перед огнем, который непременно разгорелся бы от факела, брошенного на деревянные полы здания.

Для государственных целей большая высота зала совета, его чрезмерная холодность, трудность доступа, неудобство частых столбов, вероятно, необходимых для поддержки его крыши, и, наконец, полное отсутствие уединения в таком большом помещении с таким количеством боковых отверстий, должно быть, были серьезными недостатками. Несомненно, комнаты были разделены на небольшие каморки и завешаны гобеленами, но даже в этом случае наличие полов, потолков, и перегородок должно было сделать использование печей и дымоходов с решетками очень опасным.

Нелегко понять и замысел арок в партерной стене. Там, где, как в Рочестере, эти проемы имели большой пролет, палаты позволяли, в случае необходимости, перекидываться в одну. Здесь же, хотя и неудобно большие для дверных проемов, они были слишком малы, чтобы сделать комнаты общими. Вряд ли они предназначались для экономии материала, иначе можно было бы безопасно уменьшить толщину стены, не пробивая ее насквозь; к тому же внизу они не имеют ни выступов, ни углублений для дверей или деревянных перегородок. На третьем этаже, где двери имеют фальцы, очевидно, что они открывались в противоположные стороны, так что одна, если не обе палаты, были разделены. Однако фальцы, возможно, не являются оригинальными.

Отсутствие всякого орнамента, очень скупое использование золы и общая грубость работ, особенно нижнего этажа этого храма, приводят к выводу, что он был выполнен в спешке и при недостаточном владении хорошим материалом. Свод особенно грубый, а отпечатки, оставшиеся

на растворе, и отдельные фрагменты дуба, вкрапленные в него, показывают, что центральная часть была сложена из небольших грубых дубовых плит, даже не обрезанных по длине, а наложенных друг на друга, и что иногда форма арки сохранялась благодаря вмешательству грубого слоя раствора. Это было заметно даже в сводах часовни, и до сих пор можно увидеть в галереях с фресками и на лестницах.

У восточной стены крепости стояло большое прямоугольное здание, ныне демонтированное, построенное, как утверждают, Эдуардом III. Нижние стены были толстыми, а юго-восточный угол, который сохранился, кажется, был закруглен, возможно, в качестве башенки. Очевидно, что это дополнение, и оно не имеет отношения к какому-либо приподнятому или крытому входу в крепость.

Внутренняя палата заключена в куртину, имеющую четыре стороны, двенадцать башен с фресками и сторожку. Основание или самая длинная сторона обращена к реке. Восточная и западная стороны наклоняются внутрь, так что северная сторона более узкая, чем основание. Эта сторона разбита тупым углом, имеющим центральный выступ.

Уровень большей части этой ограды на 15-20 футов выше уровня внешней стены. Возможно, часть глины из рва, вырытого Лонгчампом во времена правления Ричарда I, была насыпана здесь. Из-за этой разницы нижняя часть стены палаты представляет собой уступ, удерживающий землю вдоль западного и северного, а также южного и восточного фронтов. Неравенство можно увидеть у сторожки, проход через которую поднимается на один фут из десяти до середины палаты; и у лестницы Святого Мартина, в северо-восточном углу. Там, где стоял дворец, от Уэйкфилда до Соляной башни, уровни почти равны. Этот приход сильно загроможден зданиями, некоторые из которых относятся к эпохе Генриха VIII, некоторые - к более позднему времени, а другие были недавно снесены. Несомненно, эта часть всегда была занята таким образом, поскольку Тауэр служил складом для всех видов военных запасов и местом жительства для мелких офицеров двора и гарнизона. В 1213 году король Иоанн приказал засолить и развесить "bacones nostros qui sunt apud Turrim"; а в 1224 году он набрал в Тауэре тридцать долей вина, так что свинарники и винные склады составляли часть его содержимого. Здесь же хранился свинец и более дорогие строительные материалы.

Церковь Святого Петра ад Винкула, упомянутая в царствование Иоанна и перестроенная в эпоху позднего перпендикуляра, до сих пор занимает северо-западную часть квартала. В юго-восточном квартале находился королевский дворец, разрушенный в разное время Яковом, Кромвелем или после Реставрации. В нормандских замках кит предназначался скорее для эпизодического, чем для постоянного проживания лорда, чьи обычные жилища было удобнее размещать во внутреннем отделении. Так было в Рочестере в 1281 году, в Бамборо, Карлайле Порчестере и других местах. Здесь дворец стоял между крепостью и крепостной стеной и, кроме того, имел собственные стены: одна из них проходила от башни Уэйкфилд до крепости, где находились барабанные башни и ворота, известные как Холодная гавань, а другая, называемая Галереей гардероба, проходила от башни Броуд Эрроу до крепости и имела на себе башню Гардероба, тоже круглую, с круглой башенкой. Галерея королевы простиралась от Соляной до Ланторн-тауэр, по линии занавеса, а большой зал был соединен с Уэйкфилд-тауэр. Все пространство было занято небольшими дворами и садами, жилыми домами и офисами, а во времена правления Генриха III постройки, похоже, вторглись во внешнюю палату, где находились две постерны для обслуживания дворца. Эти здания, как и подобает королевским домам, постоянно ремонтировались, и, похоже, на них уходила большая часть денег, потраченных на Тауэр. Главная караулка стоит на месте Холодной гавани. Недавно был заложен фундамент галереи королевы и большого зала. Также была обнаружена норманнская кладка, часть крепостной стены. В более ранних исследованиях дворцовый квартал называется "Внутренним отделением". Холодная

гавань, вероятно, была очень возвышенной, поскольку в 1572 году поступила жалоба на то, что лейтенант сэр Оуэн Хоптон разрешил своим пленникам встречаться и гулять по "зацепкам Холодной гавани"; примерно в это же время граф Саутгемптон остался прыгать на башне, а его жена находилась на противоположной стороне рва.

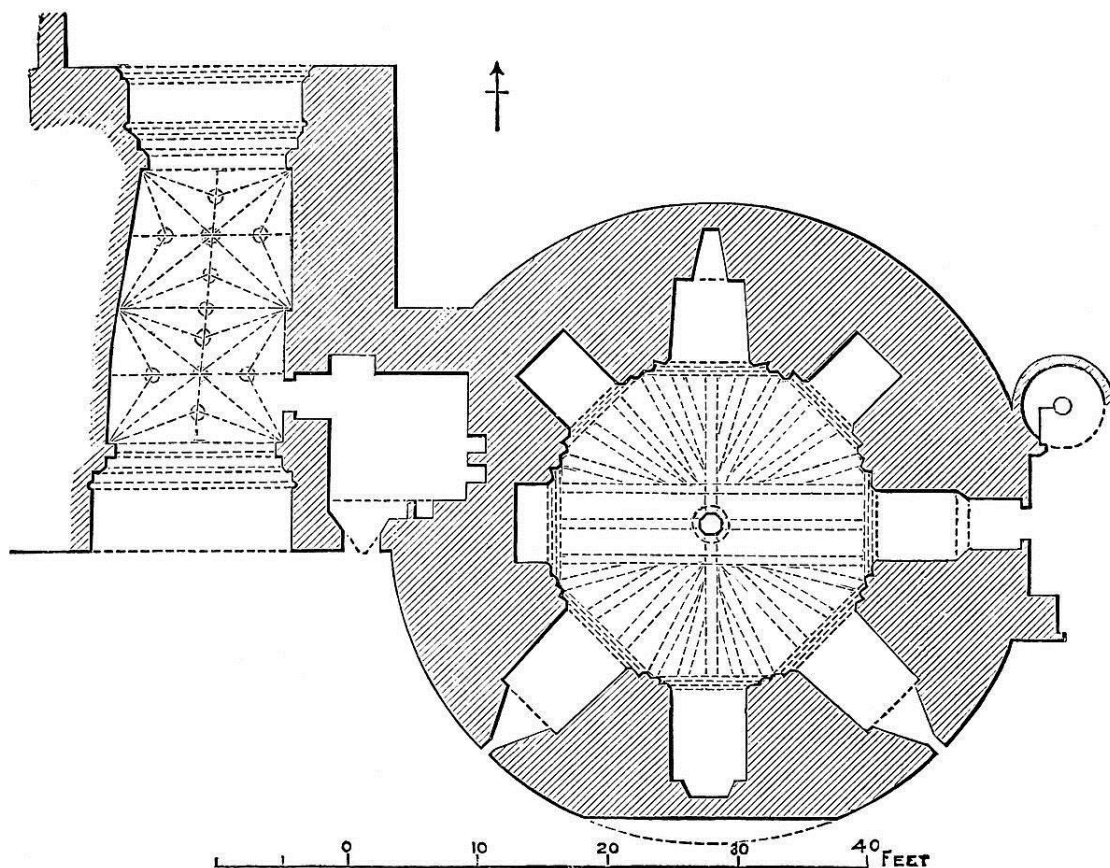
Из двенадцати башен-фресок этого прихода по одной закрывают каждый из пяти углов. Две башни были промежуточными на южной стороне, как и две на восточной, и две на северной, по одной на каждой стороне солончака. На западной, самой короткой стороне, находится одна большая промежуточная башня. К западу от центра южного фронта, напротив ворот Предателя, стоит сторожка, называемая Кровавой башней. Она примыкает к башне Уэйкфилд, которая обрамляет ее с востока, и, вероятно, определила ее положение и положение Ворот Предателя.

Начиная с Уэйкфилда и двигаясь на запад, можно выделить следующие башни: Кровавая, Колокольная, Бошамп, Деверо, Флинт, Боуир, Брик, Святого Мартина или Драгоценная, Констебля, Броуд-Арроу, Соляная и Ланторн, ныне разрушенная.

Уэйкфилдская башня заслуживает самого пристального внимания: ее нижний этаж в древности находился рядом с замком. Она также известна как Башня записей, поскольку записи хранились в ней с ранних времен и до недавнего времени. В исследовании Елизаветы она названа Зальной башней, из-за близости к королевскому залу, разрушенному во время Содружества.

В плане она представляет собой цилиндр диаметром 50 футов и высотой около 50 футов. Ее выступ от линии южной куртины составляет около 22 футов. Был ли он изначально предназначен для закрытия угла, неизвестно. Несомненно, куртины башни Лантхорн на востоке и Холодной гавани на севере примыкали к ней с двух сторон и были с ней сопряжены; но неизвестно, была ли третья куртина с запада, на месте которой сейчас стоит сторожка, того же времени; и, вообще, предусматривал ли первоначальный проект нынешнюю внутреннюю палату.

Эта башня имеет две, а раньше три ступени. В подвале, пол которого находится на уровне земли, расположена восьмиугольная камера, 23 фута от края до края, со стенами толщиной 13 футов 6 дюймов. В каждой грани есть углубление шириной 6 футов, с полукруглой головкой, край которой имеет двойную фаску, с угловым углублением между ними. Северное и три южных углубления имеют глубину 8 футов и плоский конец, также 6 футов в поперечнике, так что нет никакого зазора. В конце находится отверстие с круглой головкой и около 4 футов в поперечнике, которое быстро сужается до бойницы. Северо-восточная и северо-западная ниши имеют глубину 7 футов и 6 футов и являются пустыми, без петель. Западная ниша имеет глубину всего 2 фута 6 дюймов и, вероятно, была закрыта, когда была построена Кровавая башня. В восточной нише находится нынешний вход, но занавес должен был примыкать к этой стороне, так что не исключено, что первоначальный вход находился в восточной нише с севера. Однако в камере так темно, а углубления так затенены и загромождены магазинами и кирпичными стенами, что их трудно тщательно осмотреть.

КРОВАВАЯ И УЭЙКФИЛДСКАЯ БАШНИ - ПОДВАЛ.

Высота камеры составляет 10 футов. Она имеет плоское деревянное покрытие, которое, если и не является оригинальным, то очень старое, и вполне может представлять собой оригинал. Вероятно, оно действительно датируется перестройкой верхнего этажа в царствования Генриха III. В центре палаты, на простом каменном основании, похожем на сыр, установлен дубовый столб, 18 дюймов квадратных, со снятыми углами. На нем покоятся две балки, 11 дюймов квадратных, под прямым углом пересекающие палату с востока и запада, а также с севера и юга. Параллельно первой, в двух футах от нее с каждой стороны, находятся еще две такие же балки, также пересекающие камеру. Таким образом, за пределами этих балок, разделенных северной и южной балкой, осталось четыре квадранта, которые заполнены пятью балками, также 11 дюймов квадратных, которые веерообразно расходятся к стенам, где все они, похоже, опирались на каменный выступ или стенную плиту. Излучающие балки врезаны в основные балки. Вся эта работа является оригинальной. Эти бревна сгнили на концах стен, и чтобы поддержать их и груз записей над ними, внизу были установлены две восьмиугольные рамы, одна близко к стене, другая на полпути между стенами и центральным столбом, и они поддерживаются каждая восемью стойками, так что интерьер камеры обезображен регулярным лесом из семнадцати столбов. К востоку от этой башни вскрыт фундамент старого занавеса.

Со времени написания этих строк все эти деревянные конструкции были снесены, а башня превращена в ювелирный кабинет. На северо-восточной стороне башни находится более поздняя колодезная лестница диаметром 6 футов 6 дюймов, которая поднимается на второй этаж и на бойницы.

Этот верхний или первый этаж, также представляющий собой восьмиугольную камеру, имеет диаметр 30 футов и углубление в семи из восьми граней. Три из них на юге и северо-западе заканчиваются современными расширениями старых окон, так же как и западный, проем которого перекошен, чтобы избежать Кровавой башни. В северной части находится камин,

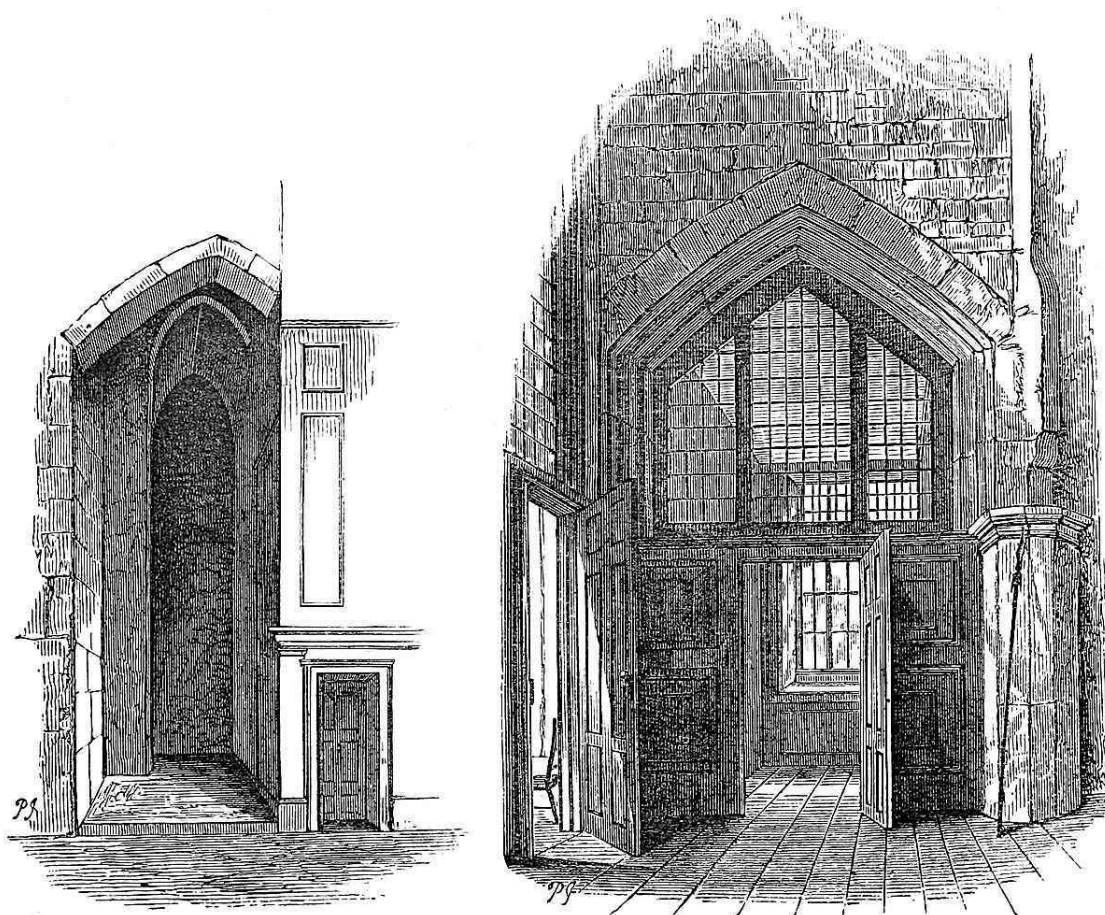
вероятно, представляющий собой оригинальный камин. Северо-восточная ниша закрыта на глубину 4 фута, а та, что на востоке, занята двумя проемами; один из них - нынешняя дверь, явно не оригинальная; ближе к северу от нее, под опускающейся аркой, находится первоначальный вход из дворца, шириной 5 футов 5 дюймов, а глубиной 2 фута 6 дюймов, уменьшенный до 4 футов, где он образует высокий дверной проем, ныне закрытый. В каждой из этих ниш есть арка, поддерживаемая простым ребром с фаской.

Юго-восточная ниша предназначалась для оратория, и ее стороны выдаются внутрь двумя стенами, подпертыми табернаклями на западных концах и соединенными наверху смелой простой аркой, довольно легкой и более плоской, чем остальные. Это, несомненно, часовня, упомянутая в 1238 году. Возможно, что в северо-восточной нише находилась королевская дверь, а узкий восточный проем вел к лестнице и валу куртины.

Южная ниша также отличается от остальных тем, что в ней есть второе ребро, открывающееся на 3 фута, как бы над дверным проемом, и отверстие повернуто так, чтобы привести его напротив двери башни Святого Фомы, между которыми, на расстоянии 18 футов, очевидно, находилась либо поперечная стена, либо легкий мост, дававший короткий путь из дворца к валам водных ворот.

В этой камере предполагалось сделать свод, и в каждом углу находится полуовальный мол, с грубым основанием и без крышки. Общая высота потолка, ныне плоского, составляет 25 футов, так что свод должен был иметь высокий шаг с восемью ячейками. Очевидно, что он так и не был выполнен.

В настоящее время эта башня полностью отреставрирована, все внутреннее убранство вычищено, кладка обнажена, два этажа сводчатые, а мост, который, как предполагается, вел к башне Святого Фомы, действительно построен.

ВХОД ВО ДВОРЕЦ.

БАШНЯ ВЕЙКФИЛДА.

ОРАТОРИЯ.

Линия перекрытых арок во внешней стене показывает, что предполагался и, вероятно, был построен верхний этаж, так как в башне Святого Фомы есть вторая или верхняя дверь, очевидно, предназначенная для второго моста или прохода вдоль поперечного вала, выше уже упомянутого.

Арочные кольца внутри и весь цокольный этаж снаружи этой башни сложены из тонко отесанного пепла, и, судя по разрушению некоторых камней и по другим признакам, соединения не были просто лицевыми, а были одинаково тонкими на всю глубину каждого внешнего камня - степень точности, не встречающаяся сейчас и редкая в любом возрасте. Верхний этаж сложен из неотесанного бутового камня. Он был заострен и засыпан кремневой крошкой, но видны острые рельефные арки над окнами, как первого, так и второго этажа. Парапет выполнен из кирпича и обрамляет более старую каменную стену.

Цоколь Уэйкфилдской башни, вероятно, поздненормандский, возможно, времен правления Стефана или Генриха II, хотя это, несомненно, ранний период для кладки с такой тонкой стыковкой. Надстройка относится к началу правления Генриха III, возможно, к 1220-30 годам, поскольку в 1238 году упоминается часовня в новой башне рядом с залом и в направлении Темзы. Документы королевства хранились в Новом храме еще при 20 Эдуарде I, но 33 Эдуарда I они находились в Тауэре, несомненно, в храме, откуда "extra magnam turrim", чтобы освободить место для короля Иоанна Французского, были перенесены в 1360 году, вероятно, в эту башню. В августе того же года клерк работ должен был отремонтировать крышу, двери и окна в доме, предназначенном для записей, и это повторилось в следующем году для башни, в которой хранятся канцелярские записи.

Уэйкфилдская башня стала предметом реставрации в 1867 году, когда все ее современные украшения были удалены, а оригинальная кладка обнажена. С парапета была снята кирпичная обшивка, крыша разобрана, внутренняя отделка очищена, а кирпич и камень, которыми были заделаны петли, увеличенные в окна, удалены.

Расчистка включала в себя несколько общественных садовников, пристроенных к северной стороне башни, и частный садовник, примыкавший к Кровавой башне, и таким образом было показано первоначальное основание последней и остатки жирного кордона, окружавшего ее на высоте 6 футов от земли. Здесь же была обнаружена петля и любопытное отверстие диаметром около 3 футов и глубиной 3 или 4 фута, сомнительного назначения. Помимо удаления этих дополнений, деревянные конструкции первого этажа были очищены, а двойной круг столбов, как выяснилось, относится к современному времени и был установлен для поддержки дополнительного веса записей. Бревна потолка были оригинальными. Главные дубовые балки размером 6 футов на 6 футов глубоко уходили в стену и, очевидно, были заложены, когда Генрих III надстраивал верхний этаж. Они опирались на фрагменты ранней кровельной черепицы.

Центральный столб, также из дуба, стоял на простом каменном цилиндре диаметром 2 фута 6 дюймов и высотой 3 фута 6 дюймов. Он опирался на толстую квадратную плиту из дуба, которая была установлена на голове короткой сваи, лишь частично разрушенной. Под полом было уложено 2 фута битой плитки, а под ней - гравий, настолько насыщенный влагой, что в яме, заглубленной на 5 футов, стояло 2 фута воды.

В арочных нишах кладка была целой, за исключением трещины в спандреле западной ниши. Было ясно, что три южные ниши содержали оригинальные петли. Западная, похоже, была замурована при строительстве Кровавой башни. Северная ниша была другой, как будто петля была поднята из-за того, что наружный грунт был поднят.

Сводчатые ребра первого этажа, похоже, не были завершены. В северо-западной нише находился камин, который, судя по оригинальной спинке из селедочной кости, был очень неглубоким, так, что требовал колпака, который, судя по двум отверстиям в стене, был деревянным. Юго-восточный проем был двойным. В нем находилось небольшое окно с опускающейся аркой и полыми фасками, к которому вели ступени, а рядом с ним - дверной проем, указывающий на водонапорную башню и, несомненно, предназначенный для выхода на небольшой мост.

В восточной нише сейчас находится ораторий. Первоначальное окно было узким и каплевидным. На стене видны следы фресковой живописи. Здесь также есть piscina и шкафчик, а с каждой стороны - углубление для сидения. В северной стене вырезан дверной проем. Первоначальная дверь на этот этаж, по-видимому, находилась на северо-восточной стороне.

Над ней, очевидно, был еще один этаж. В наружной стене есть несколько цилиндрических отверстий глубиной около 2 футов и диаметром 2 дюйма. Их назначение неясно. Под амбразурами парапета находились бургомистры. Хорошо бы перестроить мост к Водонапорной башне, но сводчатое перекрытие первого этажа было бы ошибкой. Покрытие нижнего этажа всегда было деревянным и имело любопытный рисунок. Его следует заменить.

Кровавая башня - это проходной двор внутренней палаты. Она стоит на южном фронте, к западу от центра, напротив более ранних Предательских ворот, и примыкает к также более ранней башне Уэйкфилда. Внешний фасад соединяется с занавесом. Его расположение, несомненно, определялось Предательскими воротами и преимуществами фланкирующей обороны в виде Уэйкфилдской башни с внешней стороны и стены Холодной гавани с внутренней.

Она прямоугольная или почти такая в плане, 25 футов в ширину и 38 футов в глубину, пронизана сводчатым проходом, ось которого изгибается к востоку. Она состоит из трех ступеней и имеет высоту 47 футов от порога внешних ворот до парапета, который является современным и выполнен из кирпича.

Портал, шириной 15 футов, открывается под низкопрофильной аркой, высотой 8 футов у источника и 14 футов у венца; в 3 футах 6 дюймах от входа находится 6-дюймовый паз портупей, проходящий через свод в желоб шириной 2 фута 6 дюймов, чтобы впустить тяжелую деревянную раму. Далее следует двойной фасонный проход, уменьшающий проход до 11 футов 8 дюймов. Далее следует корпус сторожки длиной 21 фут, сводчатый, с парой ворот на каждом конце, а справа - домик привратника. За внутренними воротами следуют еще одни ворота с фаской, открывающиеся на 11 футов, а за ними - второй порткуллис с проходом шириной всего 1 фут 4 дюйма, за которым следует портал, открывающийся на 15 футов. Проход поднимается примерно на один фут из десяти, и этот подъем, дающий большое преимущество защитникам, продолжается до точки напротив Белой башни, где он заканчивается коротким лестничным маршем.

Сводчатое пространство, занимающее центральную часть прохода, имеет длину около 22 футов на 13 футов в ширину и разделено на два не совсем равных пролета. Ребра свода опираются на четыре угловых и два промежуточных карниза, изображающих головы львов, каждый из которых поддерживает восьмигранный кронштейн.

Каждый пролет разделен четырьмя главными ребрами на четыре ячейки, а вдоль оси каждой ячейки проходит коньковое ребро, продольное и поперечное. Эти ячейки разделены вторичным ребром, также отходящим от шести кронштейнов и вместе с коньковым ребром делящим каждую ячейку на четыре отсека. Таким образом, помимо двух стеновых полуребер, от каждого промежуточного венчика отходят семь ребер, а от каждого углового - три ребра.

Регулярных бобышек нет, но в каждой точке пересечения ребра упираются в открытый круг, центр которого занимает львиная морда, опущенная сверху. Таким образом, имеется три основных и восемь меньших кругов, а также шесть полукругов на стыке ребер и стен. Ребра и круги, хотя и имеют один узор, но два размера. Все они были неуклюже вымощены римским цементом.

Домик носильщика, расположенный с восточной стороны от входа, представляет собой сводчатую камеру площадью 10 футов квадратных с окном в два света, которое, несомненно, заменяло петлю на юг или фронт. Дверь, ныне закрытая, на северной стороне, похоже, вела на лестницу, ведущую на верхние этажи. Около 4 футов этого домика вырыто в толще стены Уэйкфилдской башни.

Входной проем, проходящий через сторожку, находится между подпорной стеной слева, или с запада, и главной защитой, которая заменяет стену Холодной гавани, справа. Современная лестница, несомненно, представляющая собой старую, поднимается по существу западной стены и выходит на парад перед домом констебля, здесь же находится вход на второй этаж сторожки.

Он открывается через украшенную или раннюю перпендикулярную дверь, ведущую в камеру размером 28 футов на 18 футов, с большим двустворчатým окном в западной стене у двери и в восточной стене, выходящей на Холодную гавань, и проходом, который через дверь с головой Каэрнарвона ведет в небольшой сводчатый и ребристый садик слева и далее в то, что, несомненно, является колодезной лестницей снизу, теперь закрытой; и которая, кажется, поднималась на крышу.

В этой камере, которая была камерой портупеи, есть окна в обоих концах над порталами, а через южный конец - низкая четырехцентровая арка, в которой закреплены два шкива, несущие портупею, которая поднимается через проход в полу и поднимается грубой длинной деревянной лебедкой, работающей с тремя наборами стержней-капстан.

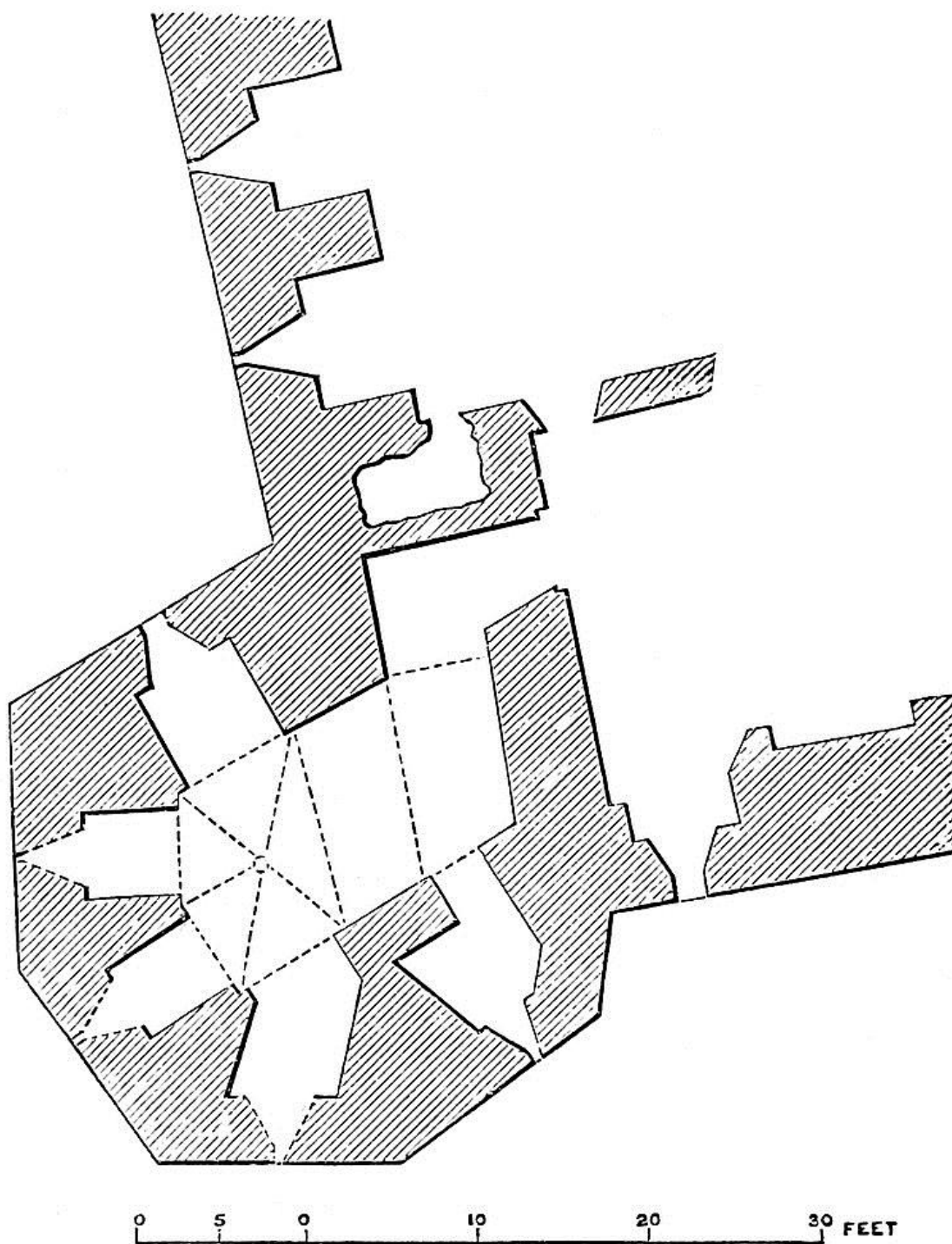
Северный портключ был легче и, возможно, никогда не устанавливался. Единственный след ее работы - часть плоского углубления, с которого она могла быть подвешена.

На верхнем этаже, куда ведет колодезная лестница, прорубленная в стене между этой башней и башней Уэйкфилд, находится комната длиной 25 футов и шириной 18 футов, в южном конце которой отгорожен проход длиной 26 футов и шириной 4 фута, в западном конце которого дверь, ныне замурованная, выходила на валы, что показывает, что этот любопытный проход был частью вала, что объясняет наличие двери и петли, открывающейся на него с верхнего этажа сторожки. Колодезная лестница продолжена до ведущей в башню башни, на 10 футов выше куртины.

Двери, окна и арка портакуллиса в первом этаже имеют глубокое смелое углубление в виде четверти круга, заменяющее угол, вместо обычной фаски.

Эту сторожку обычно приписывают Эдуарду III, который, возможно, построил ее в более поздний период своего правления; или же она может быть работой Ричарда II. Своды и арка-портакуллис, по-видимому, более позднего времени, чем стены, но все это, вероятно, относится к переходному периоду между декоративным и перпендикулярным стилем.

В обзоре Генриха VIII башня называется Садовой, так как находится рядом с садом констебля, ныне парадным. В обзоре 1597 года она называется своим нынешним именем; народные предрассудки, а не традиции Тауэра, приписывают это название убийству сыновей Эдуарда IV, которое, по слухам, было совершено здесь.

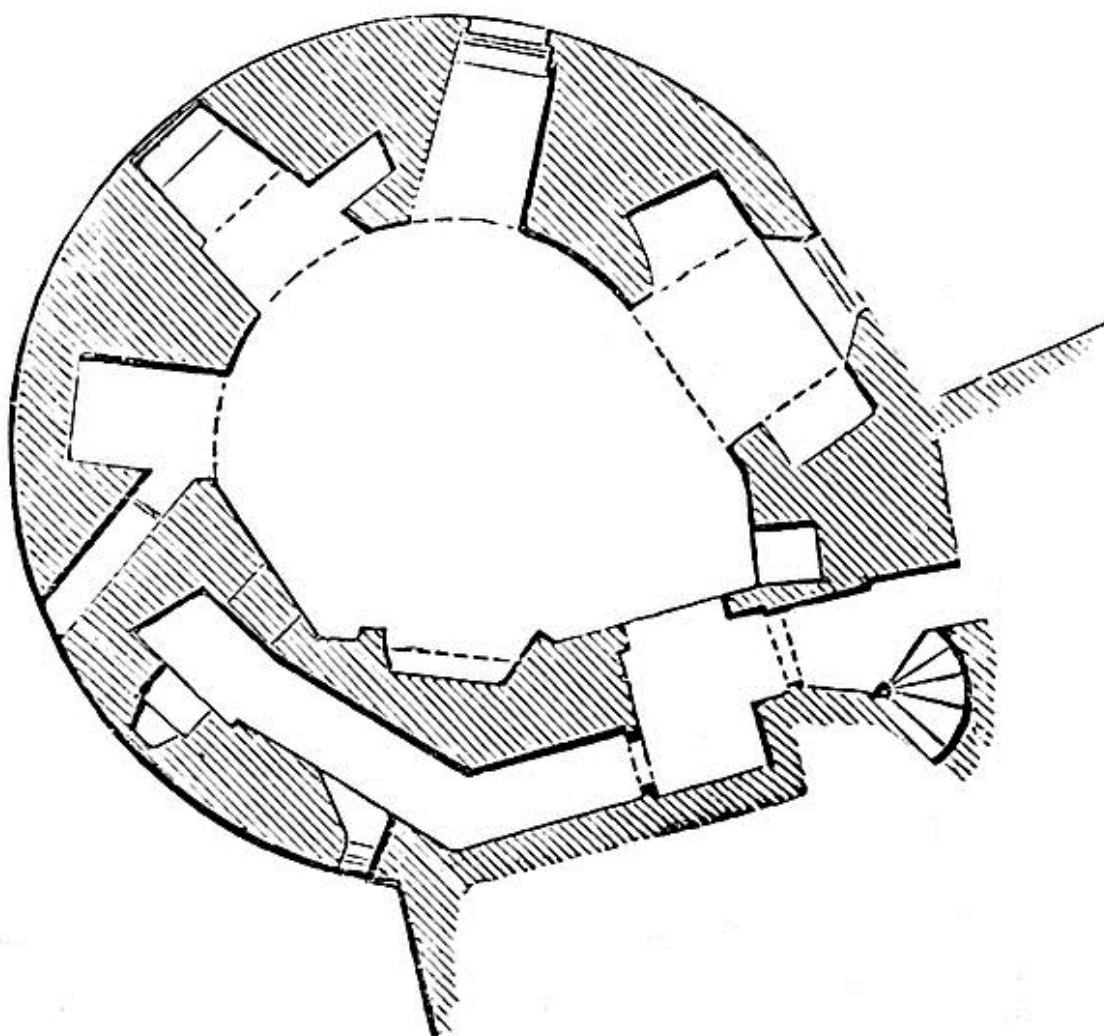
КОЛОКОЛЬНЯ. ПОДВАЛ.

Как и Садовая башня, это здание было известной тюрьмой Тюдоров. От нее до колокольни 150 футов, сохранился оригинальный занавес, полная высота которого составляет около 40 футов, а толщина основания - около 10 футов. Однако снаружи он так изуродован, а внутри так загроможден домами эпохи Тюдоров, что почти ничего не видно. Совершенно ясно, что в его субстанции нет ни одной лазейки. Келья, недавно ставшая конюшней, на самом деле представляет собой тюдоровский кирпичный свод, построенный против нее.

Рядом с колокольней находится оригинальная настенная камера, вероятно, гардероб, освещенная углублением и петлей. В этом углублении видна первоначальная стена толщиной около 7 футов и внутренняя пристройка на 3 фута больше. Оригинальная ниша имеет острую, а дополнительная -

падающую арку. Первая может быть раннеанглийской, а вторая - декорированной. Над ней вся толщина стены видна в большом современном окне, прорезанном в ней, в жилище констебля.

Колокольня названа так из-за колокола тревоги, когда-то подвешенного на ее вершине. Сейчас колокол выполняет менее волнующую обязанность - созывает гарнизон в церковь Святого Петра, а на месте колокольной башни возведена *беседка*. Башня обращена к юго-западному углу квартала и возвышается на 40 футов в пределах Бивардских ворот, которые она контролирует. В плане она представляет собой неправильный восьмиугольник, средний диаметр которого составляет около 35 футов, а высота - 60 футов от уровня внешнего прихода. Пять с половиной его сторон выступают за пределы занавеса. Выше углы грубо закруглены, а верхние 20 футов имеют цилиндрическую форму и могут быть ранним дополнением. Две южные стороны имеют скошенный цоколь высотой 6 футов. Стены были обложены кремневыми обломками, а парапет - кирпичный; очевидно, что первоначально цоколь был сложен из мелкого пепла, почти такого же, как в Уэйкфилде. Пять крестообразных петель отмечают линию внутреннего подвала, примерно на 14 футов выше наружной поверхности.

КОЛОКОЛЬНЯ - ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Нижние 10 футов этой башни сплошные, а выше - две ступени. Подвал, в котором сейчас находится погреб и сапожная яма, имеет неправильный план и может быть назван прямоугольной фигурой с наклонными концами. Толщина стен составляет от 9 до 13 футов, в них находятся четыре остроконечных арочных углубления с петлями, а также фресковая камера, тоже с петлями. Входной проход из ущелья изогнут под прямым углом.

Эта камера сводчатая и ребристая, ее внешний конец заканчивается грубым пятиугольником, пересеченным пятью ребрами бедер, простого прямоугольного сечения, и встречающимися высоко поднятой аркой, в центральном боссе. Этот бобыль и капители, от которых отходят три ребра, имеют раннеанглийский характер. Валы отсутствуют.

Верхняя камера имеет грубую круглую форму и около 18 футов в поперечнике. Толщина стен составляет 8 футов. Из колодезной лестницы, которая начинается на этом уровне, короткий проход открывается в прямоугольный вестибюль, также сводчатый, 4 фута на 5 футов 6 дюймов, из которого дверь ведет в камеру, а другая - в небольшую настенную галерею с флаговой крышей, которая пронизывает южную стену на протяжении 22 футов и имеет две петли, одна из которых выходит на южную куртину, а другая освещает садовую галерею, которая, кажется, имеет еще одно отверстие прямо в башню.

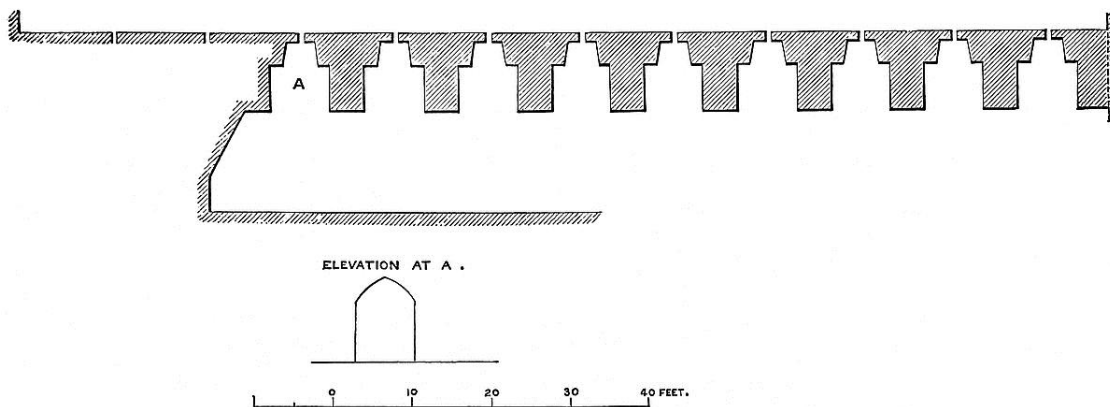
Главная камера освещалась четырьмя петлями, две из которых были превращены в окна, а две закрыты. Эти ниши неравномерной ширины, с высокими арками, венцы которых находятся на высоте 10 футов 3 дюймов от земли, со следами широкой лепнины над каждой. Северная петля огибает западный занавес и имеет справа и слева шкафы под плоскими арками для инструментов лучников. Другая петля имеет боковой прищур к югу, а еще одна, с отверстием в арке, расширенным от трения старой колокольной веревки, очевидно, использовалась в качестве дверного проема. Несомненно, он открывался в сторожку, ныне демонтированную, которая пересекала внешнюю палату в этом месте, недалеко к северу от Бывардских ворот. Эта камера имеет грубый купол с нависающими ярусами из камня-плитняка и плоского щебня, похожий на древнюю голубятню. Несомненно, здесь предполагалось устроить настоящий склеп. До источника купола - 14 футов, до его венца - 22 фута.

Именно в этой камере в 1830 году была обнаружена надпись, напоминающая о заключении здесь 20 июня 1565 года леди Мэри Дуглас, графини Леннокс, по причине женитьбы ее сына, лорда Дарнли, на шотландской королеве.

С этого этажа на крепостные стены поднимается колодезная лестница, а у ее подножия узкая дверь, расположенная в квадратном углублении, выходит на крепостную стену западной куртины и ведет в башню Бошамп. Колокольная стала предметом интересной статьи преподобного Томаса Хьюго, прочитанной на Саффолк-стрит в 1858 году. Ее можно смело отнести к правлению Иоанна или даже Ричарда I, то есть к последним двадцати годам двенадцатого века.

Занавес от башни Белл до башни Бошамп, длиной 138 футов, высотой 37 футов над внешним и 18 футов над внутренним отделением и толщиной 10 футов, очень совершенен, но все еще сильно захламлен жилыми домами. На внешней стороне этой стены видны одиннадцать петель на высоте 12 футов от земли и на расстоянии 12 футов друг от друга, а внутри они представляют собой одиннадцать углублений с проемом в 7 футов 4 дюйма и арками с перепадами в 3 фута 4 дюйма, так что завеса была пробита аркадой, предназначенной для защиты ее основания от внешнего отделения, но которая была бы смертельной для безопасности тяжелой надстройки, если бы на нее обрушился самый обычный таранный двигатель. Углубление рядом с башней Бошамп, по-видимому, было замуровано во время строительства этой башни. У основания парапета находился струнный ход, ныне сильно изуродованный. Проход по валу остается открытым, но часть его пролегает между крышами домов. Петли выполнены по одному образцу, с отверстием около четырех дюймов и имеют крестообразную форму. Три верхних конца квадратные, нижний расширяется в круглую маслбойку.

КУРТИНА - ПЛАН ПЛОЩАДКИ.

Эта настенная аркада очень необычна. Все доступные ниши выложены кирпичом, и в своем нынешнем виде они вряд ли могут быть более ранними, чем царствование Эдуарда IV или Ричарда III, если это так рано. На самом деле, они очень напоминают работу Генриха VIII. Однако сами проемы являются оригинальными. Очевидно, они существуют и за Бошампом до башни Деверо, поскольку петли видны, хотя задняя часть стены настолько закрыта жилыми домами и сводами церкви, что недоступна. Ничего похожего на них не обнаружено между Колокольной и Кровавой башнями, а также во фрагментах первоначального занавеса на восточной стороне, около башни Широкой Стрелы. В коротких низких крестообразных занавесах, связанных с Соляной башней, можно увидеть нечто похожее на эти углубления, причем, очевидно, раннего времени. При перестройке куртины рядом с башней Броуд Эрроу эти углубления были очень разумно скопированы.

Башня Бошамп, или Кобхэм, стоит в центре западной стены, в которую она была встроена, либо как дополнение, либо, что более вероятно, вместо более ранней башни. В плане она представляет собой полукруг с внешним диаметром 36 футов и выступом за пределы куртины 18 футов. Толщина наружной стены составляет 8 футов, а стены ущелья - 4 фута, и она совпадает с внутренней стороной куртины.

Эта башня состоит из трех ступеней, не сводчатых, средняя находится на уровне вала. Колодезная лестница, диаметром 9 футов, в куртине, ближе к югу от башни, открывается из внутренней палаты и сообщается с каждым этажом, валами куртины и бойницами башни. Лестница петляет в сторону поля, а ее проход имеет небольшое окно в сторону внутренней палаты.

Средняя камера представляет наибольший интерес из-за количества и качества мемориалов, вырезанных на ее стенах выдающимися заключенными. Ее план прямоугольный, с западной луковицей, состоящей из трех сторон восьмиугольника. В стене ущелья находится большое современное отреставрированное окно, а в носовой части - две петли и одно центральное окно, несомненно, когда-то бывшее петлей, в сторону поля. Одна сторона занята камином, возможно, современной постройки. Хотя здание использовалось как тюрьма, оно, очевидно, было построено только для обороны, как *оружейный* пост на валу. Поэтому вал продолжается прямо через него, а из прохода открывается небольшая фресковая камера 6 футов на 8 футов, с петлей на поле, и рядом с ней небольшой фресковый садик, 5 футов на 4 фута. Лестница на юге и эти палаты на севере занимают две квадратные башенки, обрамляющие башню Бошамп.

Башня Бошамп выполнена в декорированном стиле и относится к XIV веку, вероятно, к эпохе Эдуарда III. Она явно более поздняя, чем примыкающая к ней куртина, в которую она была вставлена. Название Бошамп, вероятно, происходит от имени Томаса графа Уорика, который был заключен здесь в конце XIV века, а также от имени известного узника с таким именем, который был заключен здесь в результате заговора Уайатта. Она построена из необработанного бутового камня, очень похожа на башню Святого Фомы и Соляную башню и сильно отличается от подвалов

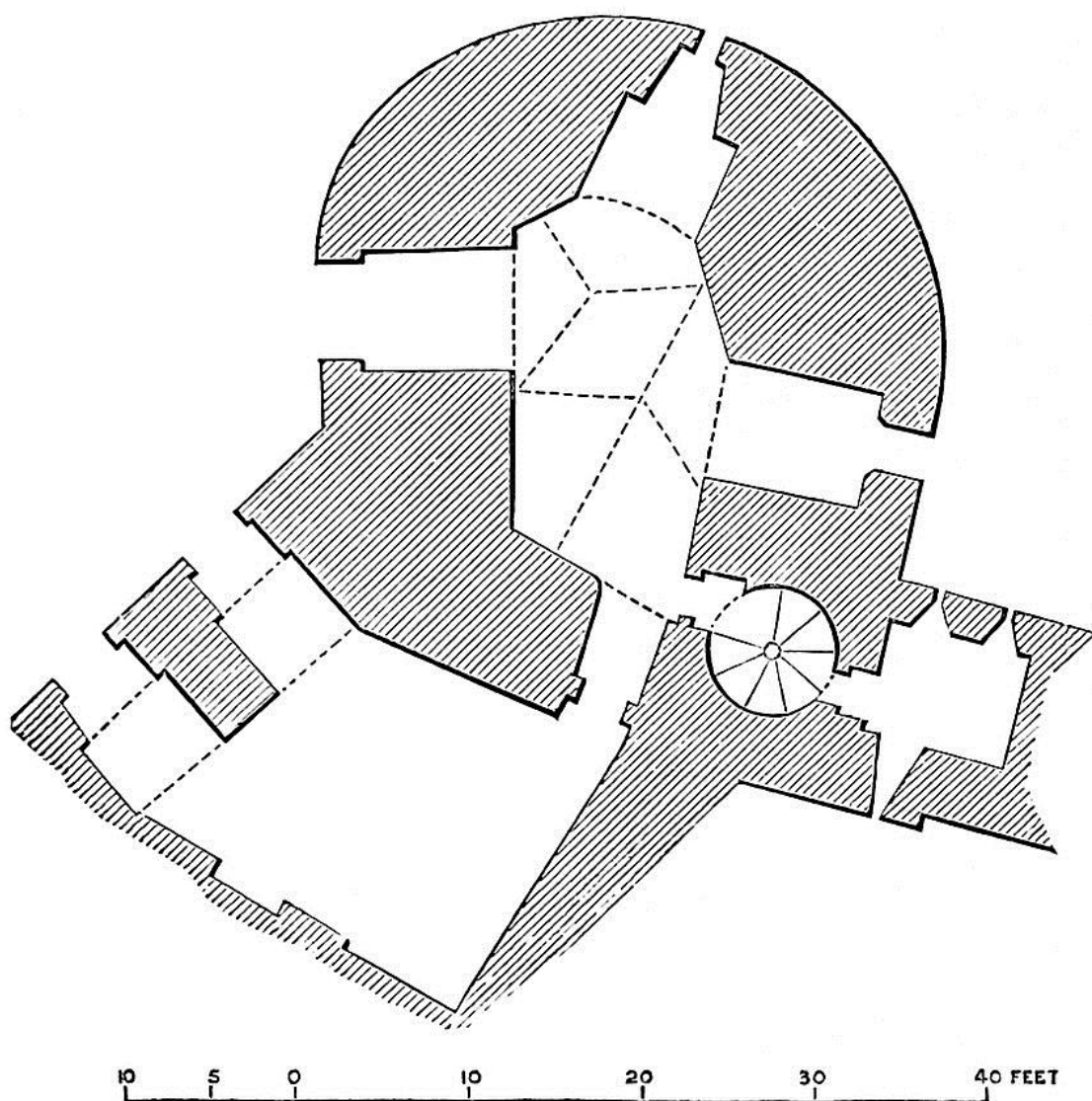
башен Уэйкфилд, Белл и Мартин. Булыжник разбит на вертикальные отсеки линиями пепла, или одиночными камнями, установленными, как булыжники, хотя и на ровной поверхности.

Длина куртины от Бошампа до башни Деверо составляет 148 футов, а высота снаружи - около 30 футов, вал ровный, а земля возвышается. Она оригинальна и имеет толщину около 10 футов, за исключением того места, где она расширяется до 14 футов при присоединении к башне Бошамп. Клетки в ее основании обозначены внешними петлями. Рядом с башней Деверо этот занавес был изменен и обновлен, а против него построена приподнятая платформа, покрывающая церковные своды, и кирпичная камера, пристроенная к башне.

Башня Деверо завершает северо-западный угол прихода. В плане она представляет собой три четверти неправильного круга, 35 футов в поперечнике и около 30 футов в проекции. Она состоит из двух ступеней, нижние 10 или 12 футов - сплошные. Колодезная лестница в месте соединения с северной куртиной ведет вниз с церковной платформы в подвал и в сводчатый гардероб размером 7 футов 10 дюймов на 6 футов 7 дюймов с двумя внешними петлями и одной - в сторону внутреннего отделения. Он находится в занавесе.

Подвал имеет неправильную форму, своего рода многоугольник с четырьмя очень неравными сторонами, с изогнутым внешним концом. Он сводчатый, и его внешняя часть имеет три, а внутренняя - четыре ребра бедер, простые, с фасками и шириной 13 дюймов, выходящие из стены без пирсов и карнизов, и встречающиеся нерегулярно в зазубренных соединениях на венце. Толщина стены составляет около 12 футов, а в двух сторонах и изогнутом конце находятся три круглоголовых углубления с проемом 7 футов 6 дюймов, предназначенные для петель, но теперь оборудованные окнами. Кольцевые камни в этих углублениях кажутся оригинальными и очень похожи на те, что находятся в Уэйкфилдской башне.

Входная дверь с лестницы имеет слегка опущенную арку, а рядом с ней другая такая же, но более крупная дверь, расположенная в глубокой нише, открывается в свод размером 22 фута на 16 футов, петлями наружу. Этот свод представляет собой тюдоровский каземат из кирпича, но половина его находится в старом занавесе, и, вероятно, он старый, хотя и облицованный. Поскольку дверь, несомненно, старая, возможно, это была первоначальная фресковая камера, или же она открывалась на "terre-plein" до того, как были построены церковные своды. Своды башни выполнены из мела, а ребра и венцы - из более твердого материала. Возможно, стены и углубления этой башни - поздненорманнские, возраста Уэйкфилда, а ребра и своды - раннеанглийские, или более поздние дополнения, или, что более вероятно, все это относится к одной дате, Ричарда I или Иоанна. Это очень любопытное сооружение. Бейли говорит, что в кладке были видны черепицы, похожие на те, что были найдены в соседней городской стене, из фрагментов которой она, несомненно, могла быть построена. Если снять побелку и осмотреть открытую кладку, мы, вероятно, узнаем, является ли основание башни частью древней крепостной стены, работы Генриха II или его сына.

БАШНЯ ДЕВЕРО - ПОДВАЛ.

На съемке 1597 года показаны две круглые башенки на ее стыке с куртинами, и она названа "башней Робина Девилла" или, позднее, "башней Девелина". Ее нынешнее название происходит от имени Роберта графа Эссекса, заключенного здесь в 1601 году. Надстройка является современной.

Флинт-Тауэр был разобран в прошлом веке и перестроен из кирпича, а несколько лет назад вновь возведен из камня. В своем нынешнем виде она представляет собой прямоугольник площадью 40 футов, с небольшим внутренним и сильным внешним выступом, а ее внешняя сторона закруглена. На съемке 1597 года показан внутренний выступ и обычные фланкирующие башенки, но вся нынешняя башня выглядит новой, и даже внешнее основание либо новое, либо оббито. В куртине, ближе к западу, находится современная лестница в стене.

Куртина от Деверо до башни Флинт, 90 футов, хотя и обнесена современным парапетом и закрыта изнутри, по сути, кажется старой; как и куртина, также 90 футов, от Флинта до башни Боуир.

Башня Боуiera завершает солончак с углом 160 градусов, который прорывает северный фронт этого прихода. В плане она полукруглая, плоская, 45 футов в диаметре, 28 футов выступает от внешней стороны куртины, а также граничит с ее внутренней стороной, которая здесь утолщена за счет добавления современных казематов. В 1597 году она имела одну круглую башенку на стыке с

восточной куртине. Подвал является оригинальным, и изменен только заменой окон на петли. В плане он прямоугольный, с носовой частью из трех граней, в каждой из которых есть углубление для петли, толщина стен составляет 10 футов. В западной стене также имеется пустое углубление. Входная дверь находится на южной стороне, а ближе к востоку от нее - дверь меньшего размера, сообщающаяся с камерой в восточной стене. Над входной дверью - след большой закрытой арки в стене. Все арки каплевидно заострены. Палата сводчатая, и из ее углов, без опор и карнизов, выходят четыре простых, тяжелых, скошенных ребра-бедр, которые сходятся, без бобышек и орнамента, в венце. Они сделаны по образцу тех, что находятся в башне Деверо, и, несомненно, относятся к раннему декорированию и, вероятно, к периоду правления Эдуарда III.

Верхний этаж полностью новый, как и вся внешняя отделка.

Башня Боуир с ранних времен была резиденцией и, вероятно, мастерской королевского мастера по изготовлению луков. В 1223 году Гриллот делал "balistas corneas", а в 1224 году для его поощрения была изготовлена мантия для его жены. Вскоре после этого архиепископ Йоркский приказал отправить Роджера Балистариуса со всеми его орудиями в Тауэр, оплатив его расходы. Бейли дает хороший перспективный рисунок интерьера.

От Боуира до Кирпичной башни 62 фута, куртина выстроена современными казематами, но по сути кажется оригинальной, хотя и обнесена новым парапетом и обсажена у наружного основания.

Кирпичная башня, в 1532 году башня Бербиджа, в 1597 году была показана как полукруглой, с круглой башней на восточном фланге, в основании которой была настенная камера и, несомненно, лестница. Судя по всему, она была недавно перестроена с фундамента и теперь представляет собой подковообразную башню диаметром 44 фута и 42 фута в ущелье, используемую для весьма неблагоприятных целей. Ее выступ от куртины составляет 36 футов.

Куртина от нее до башни Мартина, 65 футов, кажется, была перестроена. Она имеет казематы, а рядом с последней башней пробита лестница из двадцати семи ступеней, которая поднимается от внешней палаты к внутренней и показывает точку наибольшей разницы в уровне между ними.

Башня Мартина, или Драгоценная, ранее Кирпичная, до недавнего времени была резиденцией хранителя драгоценностей. Она обращена к северо-восточному углу палаты и в плане представляет собой неправильный круг диаметром 40 футов. Ее основание длиной 12 или 14 футов, виднеющееся во внешней части, прочное, но, в отличие от других башен, это просто грубый фундамент, очевидно, предназначенный для покрытия. Возможно, Брасс-Маунт, бастион внешней палаты, расположенный прямо перед этой башней, представлял собой небольшой курган или кавальер и простирался назад до самой башни. Но как бы то ни было, внешняя палата у основания этой башни, несомненно, была на 10-12 футов выше, чем сейчас.

Выше фундамента стена башни, примерно на уровне цокольного этажа, сложена из мелкого тесаного ясеня, как и стена Колокольни. Еще выше - стена из бутового камня с вертикальными линиями пепла, как в башне Бошамп.

Интерьер этой башни настолько изуродован деревянными перегородками и обшивкой, а также разрезан на маленькие бытовые квартиры, что практически ничего нельзя сказать о ее первоначальных деталях, которые, вероятно, остались лишь слегка измененными. Цокольный этаж, до недавнего времени служивший ювелирным домом, а теперь ставший кухней, круглый или почти круглый в плане, с тремя петлями, открывающимися под остроконечными арочными углублениями. Этот этаж имеет простые скошенные ребра. Вход был в ущелье; справа, или с юга,

находится колодезная лестница, а слева - следы настенной камеры. Они, несомненно, занимали две круглые башенки, показанные на панораме 1597 года. Первый этаж, очевидно, является оригинальным, хотя и более затуманенным, чем нижний. Эта башня, вероятно, относится к периоду правления Генриха III.

По-видимому, драгоценности были перевезены сюда вскоре после 1641 года с южной стороны Белой башни, которая в то время использовалась в качестве порохового склада, где, как опасались, соседние дымовые трубы могли подвергнуть их опасности.

Драгоценности короны, регалии и государственные сокровища первоначально хранились в Новом храме. Однако король Иоанн использовал Тауэр в качестве сокровищницы и в 1212 году отправил туда 4 000 марок. Епископ Винчестерский был его казначеем в 1215 году. В 1218 году, когда казначеем был де Фокенберг, деньги хранились и здесь, и в Храме. 37 Генрих III. (1252-3), королевские драгоценности и сокровища хранились в обоих местах. Но в том же году регалии были отправлены в Тауэр в запечатанном виде, и с этого царствования казна стала здесь. Так (14 Эдуард III.) некоторые драгоценности описываются как "En la Blaunche Tour deinz la tour de Londres." А (18 Edward III.) упоминаются: "Claves interioris cameræ juxta aulam nigram in Turre Lond^s. ubi jocalia Regis privata reponuntur." И (30 г. Эдуарда III) мы слышим о "Трезории в верхней части Лондона". Долгое время после этого, возможно, существовало два сильных места, так как (20 Якова I.) происходит: "Тайный дом Его Величества в Тауэре" ["Kal. of the Exch.", iii. 197, 208, 225, 424]. И таких записей множество.

Именно в 1673 году, когда регалии находились в Мартиновой башне, на них было совершено покушение небезызвестным полковником Бладом.

Башня Констебля стоит в 102 футах к югу от башни Мартина. По форме и размерам она напоминала башню Брод Эрроу, но, судя по всему, была недавно отстроена от фундамента. Сейчас это полукруглая башня диаметром 32 фута, возвышающаяся на один этаж над куртиной, которая, похоже, также была перестроена. Она носила свое нынешнее название при Генрихе VIII и была тюрьмой, по крайней мере, в 1641 г.[Harl. MS., 1326].

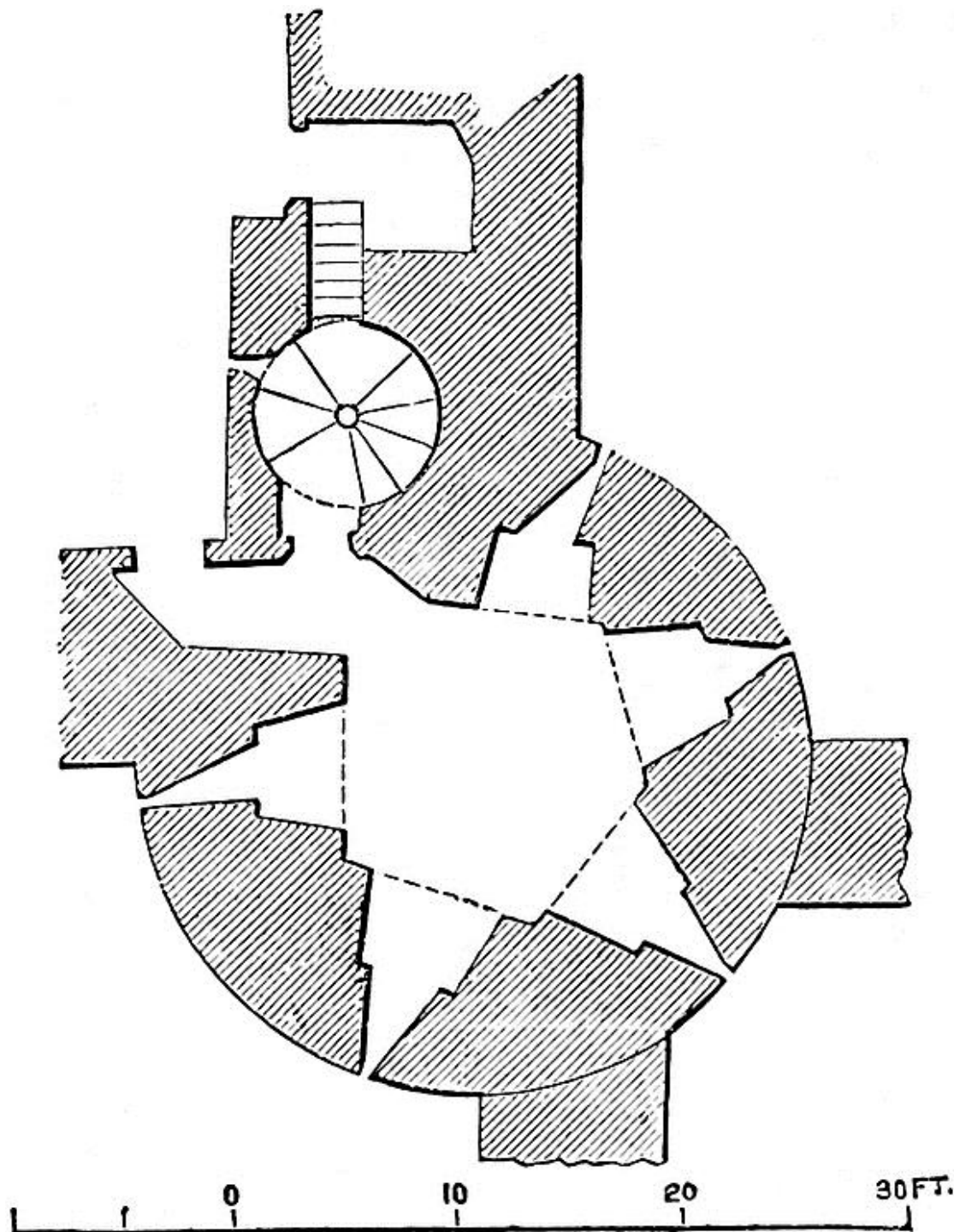
Отсюда до башни Брод Эрроу занавес длиной 102 фута, по большей части, кажется, старый; но он полностью закрыт с обеих сторон домами.

Башня Брод Эрроу, хотя и заслонена современными зданиями, кажется, не претерпела значительных изменений. По общему устройству она напоминает башню Бошамп, но имеет только две ступени и гораздо меньше - 26 футов в диаметре, с выступом на занавесе в 13 футов. Его внутренняя поверхность находится вровень с занавесом. На каждом фланге находится небольшая квадратная башенка. На северной находится крутая узкая лестница, а не колодец, вход в который осуществляется через дверной проем Казэрнарвон. На юге находится небольшая камера, вероятно, садовая. Вход на первый этаж осуществляется из ущелья и представляет собой грубую полукруглую камеру с тремя петлями под остроконечными арками.

Верхняя камера, по-видимому, имела четыре внешние стороны и по одной петле в каждой, а также еще одну в стене ущелья. Фресковая камера размером 6 футов на 4 фута имеет стрельчатый свод и дверь, а также петлю, отделяющую ее занавес от южной стороны. Проход с крепостного вала пересекает верхний этаж, превращая его в *оружейную палату*. Лестница продолжается до крепостных стен. В 1532 году это была "башня на восточном конце гардероба", а в эпоху правления Елизаветы галерея гардероба примыкала к этой башне, простираясь от нее в сторону кипера.

Куртина от Брод-Арроу до Соляной башни, 156 футов, настолько полностью закрыта высокими зданиями с каждой стороны, что ее вал служит водостоком между двумя линиями крыши. Он, очевидно, оригинальный, высотой около 30 футов и толщиной 12 футов у основания. В ней нет ни одной камеры, подобной тем, что находятся в западной куртине.

Соляная башня, в 1532 году башня Юлия Сезара, закрывает юго-восточный угол палаты. Она круглая в плане, 30 футов в диаметре и 62 фута в высоту. Она построена из необработанного бутового камня с вертикальными линиями из пепла, напоминающими коины, как в башне Бошамп.

СОЛЯНАЯ БАШНЯ. ЦОКОЛЬНЫЙ ЭТАЖ.

Первый этаж, в который можно попасть из внутренней палаты между двумя куртинами, представляет собой неправильный пятиугольник с пятью петлями под арочными углублениями. Дверь открывается в короткий проход в северном конце западной стены под сегментной аркой, против которой в северной стене находится такая же, но полуарка, под которой небольшая дверь с капельной аркой ведет в восходящий колодец-лестницу. Все арочные кольца выполнены из хорошего пепла, но помещение не сводчатое.

Колодезная лестница, расположенная между башней и ее северной куртеной на высоте около 10 футов, ведет по узкому ответвлению в нишу или углубление в куртине, имеющее опускную арку, укрепленную простым фасонистым ребром. Эта ниша открыта с тыльной стороны и имеет петлю, огибающую внешнюю сторону башни и поперечную стену внешней палаты.

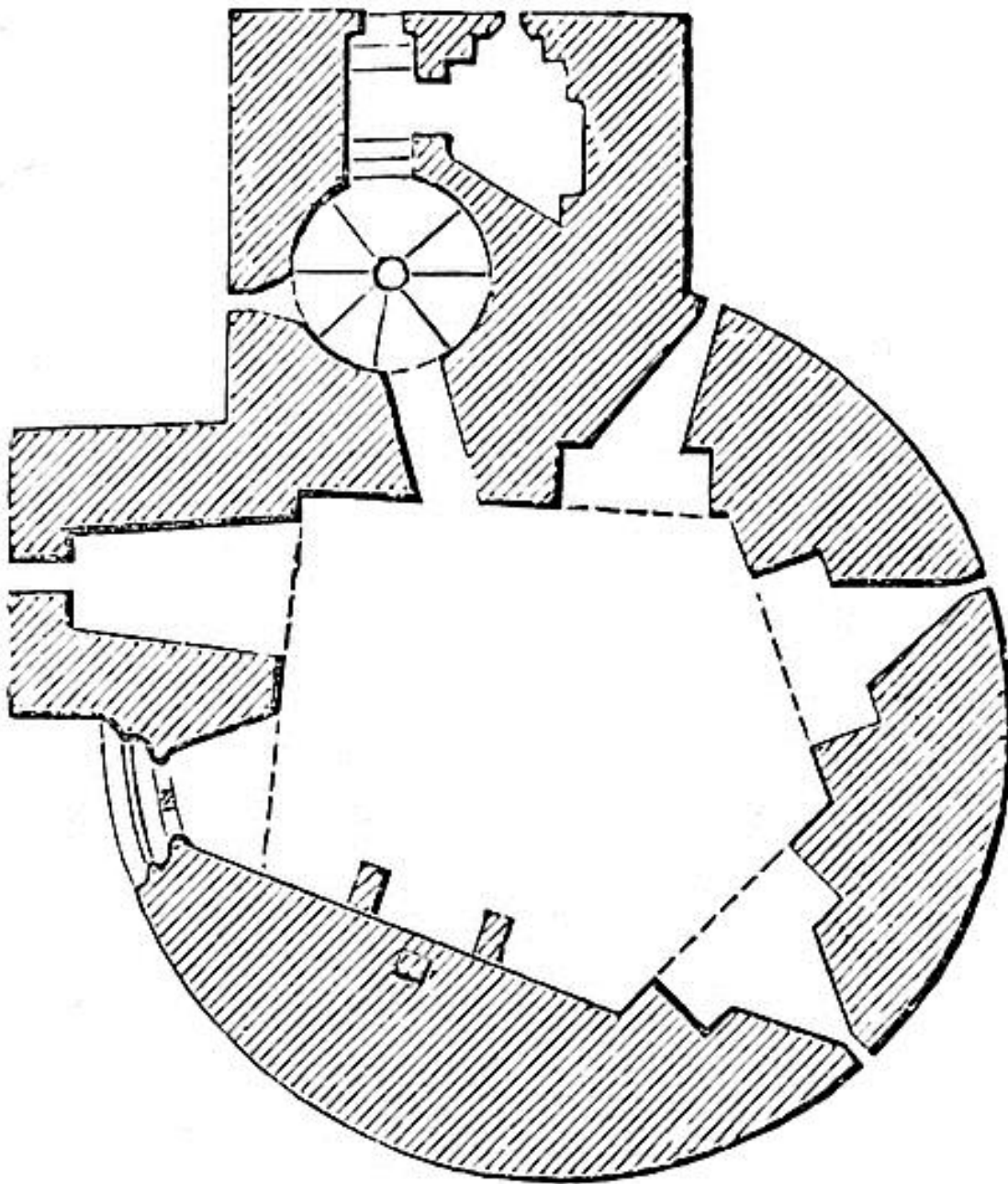
Лестница ведет на первый и второй этажи. Второй этаж, также пятиугольный, имеет на южной стороне хороший, но простой каминный колпак из раннедекоративного камня, с завитками и простыми карнизами. На двух восточных сторонах находятся петли. На западе находится большое двухсветное окно, современная реставрация, а рядом с ним - стрельчатый проем, который, несомненно, когда-то был дверью, ведущей в южную куртину. Лестничная дверь входит с северной стороны, а рядом с ней - петля, направленная на север вдоль лицевой стороны занавеса. С этого этажа проход ведет вдоль куртины к башне Широкой Стрелки; из него открывается небольшой садик.

Здесь находится третья ступень, а над ней - бойницы.

Соляная башня была местом пересечения четырех куртин. Это были восточная и южная стены внутренней палаты, одинаковой высоты и толщины, и две стены меньших размеров, одна из которых шла на восток и пересекала восточную часть внешней палаты, а другая шла на юг к Колодезной башне и пересекала южную часть. Каждая из них имела ворота, открывающиеся в пространство между ними и ведущие к железным воротам. Из пяти петель на первом этаже Соляной башни две выходили на северо-восток во внешнюю палату, две - на юго-запад в сторону Колыбельной башни, а одна - на юго-восток в сторону башни Галлеймана и почтового ящика.

Соляная башня недавно подверглась полной реставрации. Однако ее первоначальные черты, похоже, сохранились.

Часть занавеса между Соляной и Ланторнской башнями, виднеющаяся на стене первой, показывает, что он был толщиной 10 футов и высотой около 20 футов, но остальная его часть, вероятно, была удалена до 1532 года, чтобы освободить место для Галереи королевы. Этот занавес заканчивался в башне Ланторн.

СОЛЯНАЯ БАШНЯ. ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Башня Ланторн давно снесена, но недавно был обнаружен ее фундамент. Она была частью дворца, в ней находилась спальня короля и его личные покои. Она была круглой и, вероятно, первоначально по возрасту, размерам и форме напоминала Уэйкфилдскую башню. Поскольку в 1532 году она называлась Новой башней, возможно, она была перестроена в этом или предыдущем веке. Она пострадала от пожара в 1788 году и была снесена вместе с прилегающими воротами, которые пересекали внешний квартал в этом месте.

В обзоре 1532 года говорится, что башня Ланторн находилась на расстоянии 106 футов от башни Уэйкфилд. Фактическое расстояние, занимаемое башней Ланторн и ее куртинами, то есть от Солта до башни Уэйкфилд, составляло 343 фута.

Внешнее отделение - это полоса шириной от 20 до 110 футов, которая полностью окружает внутреннее отделение и сама находится внутри рва, стена которого образует откос. Эта стена, хотя в целом и не строго, параллельна внутренней куртине. Как и она, ее восточная и западная

стороны прямые, а северная сторона имеет значительный угол вблизи центра. Речной фронт также изогнут, хотя и незначительно.

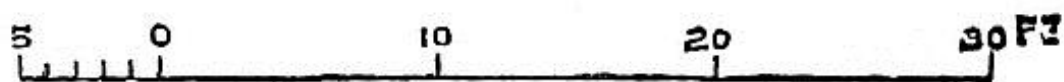
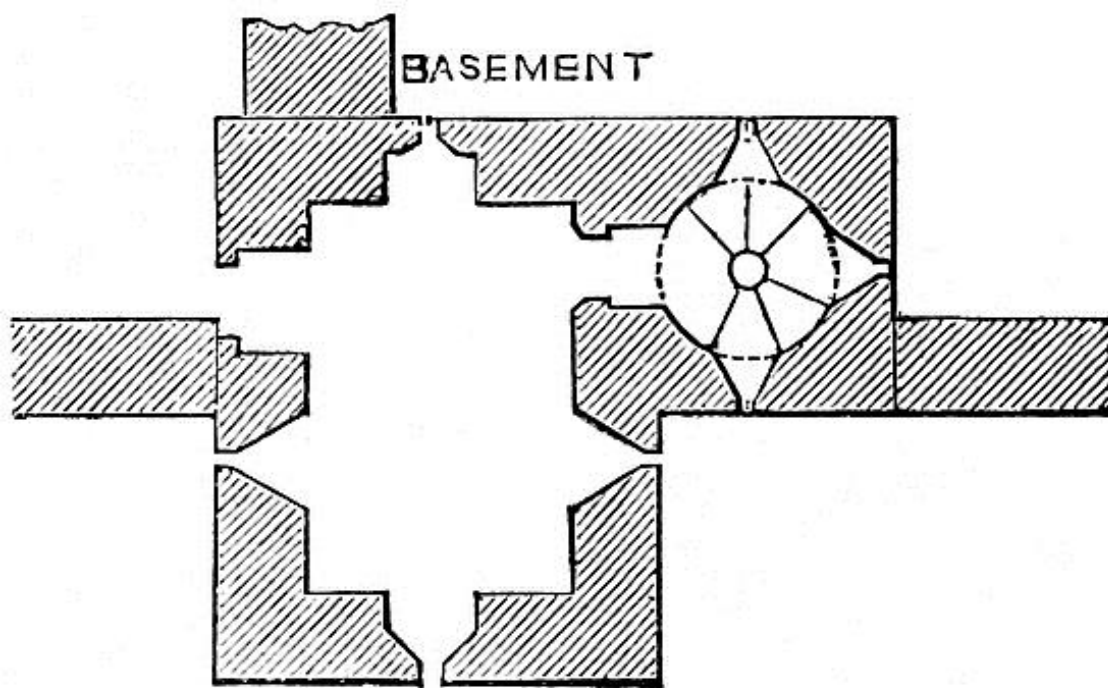
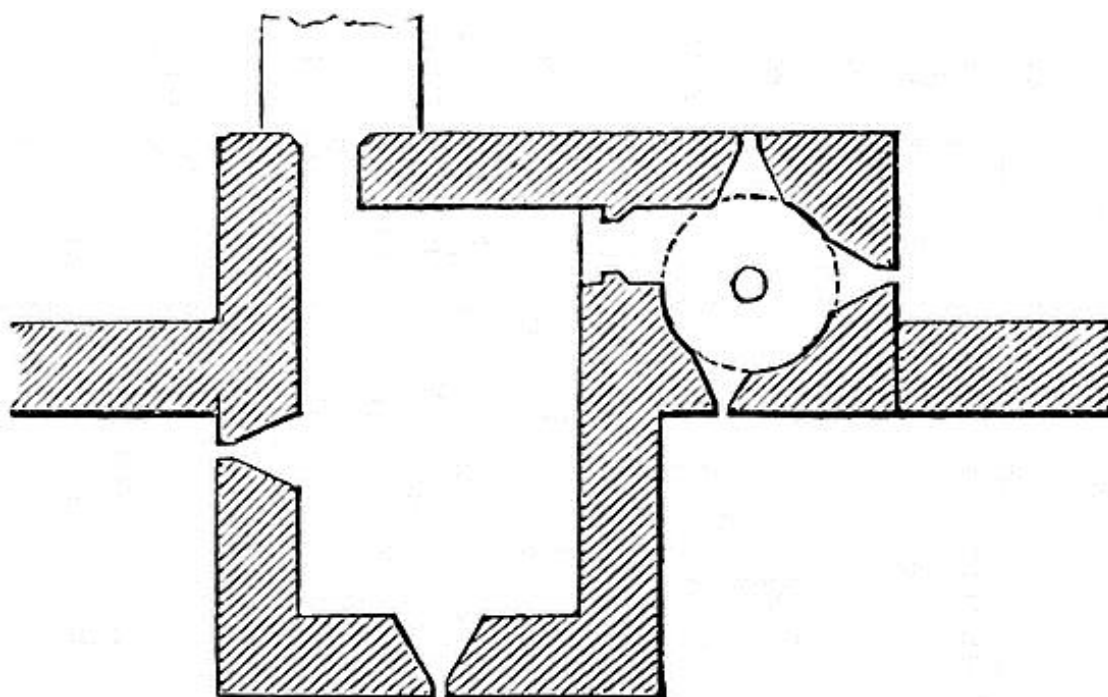
С южной стороны ширина этой палаты варьируется от 20 до 80 футов, с восточной - от 60 до 90 футов, с западной - от 60 до 70 футов, а с северной, левая часть которой довольно смелая, чем та, что находится за ней, и немного ближе к восточному концу, ширина варьируется от 90 до 110 футов. Длина сторон рва в том же порядке: 750 футов, 580 футов, 460 футов и 620 футов, что в обхвате составляет 800 ярдов.

Стена была так изменена и укреплена современными казематами и так обнесена зданиями, что трудно определить ее первоначальные размеры. Высота варьируется от 15 до 20 футов внутри, а до дна нынешнего рва еще около 12 футов. Обычная толщина составляет около 6 футов. На речном фронте стена была высотой всего 10 футов и, по-видимому, умеренной толщины.

Северо-восточный и северо-западный углы увенчаны барабанными бастиями, представляющими собой части кругов диаметром около 80 футов. Они называются Медной горой и горой Легга, вероятно, из-за того, что на них когда-то стояли кавалеры. Гора Легге имеет меньший выступ и кажется цельной. Нижняя часть ее наружной стены выглядит такой же старой, как и соседние куртины, но верхняя часть - новая, и в ней находится каземат, пробитый для шести пушек. Латунная гора, обращенная к холму Литтл-Тауэр, пронизана колодезной лестницей сверху и поперечной галереей снизу. Она ведет от двери в ущелье в середину круглой галереи, сводчатой из кирпича, которая огибает бастийон и имеет множество петель для мушкетов, а другие переделаны под небольшие пушки. Эта галерея, вероятно, является пристройкой эпохи Тюдоров, вырытой в старых подпорных стенах. Солидарность между этими двумя крепостями недавно была закрыта северным бастийоном, дополнительным и совершенно новым сооружением, представляющим собой две трети круга диаметром около 60 футов, с уплощенными сторонами и содержащим три яруса казематов, каждый из которых пробит для пяти орудий.

Единственные регулярные башни внешнего квартала находятся на южном фронте, где ров узкий и дворцовые здания наиболее открыты. Их пять: Девелин, Велл, Крэдл, Сент-Томас и Бивард-Тауэр.

Башня Девелин, в 4 Ричарда II. "Galighmaies Tower", когда перед ней в Сент-Кэтрин не могла проехать ни одна повозка, если братья не платили штраф констеблю, в 1549 году стала Galleyman, а в 1641 году - Iron Gate Tower. До недавнего времени в ней находился пороховой магазин, и в нее нельзя было заходить с фонарем. Эти условия не способствуют изучению ее интерьера. Это длинная прямоугольная башня, 18 футов на 32 фута, построенная полностью во рву, один конец которой примыкает к лицевой стороне куртины, так что она выступает как контрфорс с южного конца восточной куртины, а ее южная сторона является продолжением речного фронта. Снаружи здание частично обделано, но, очевидно, оно старое и по сути является первоначально построенным. Цоколь сплошной, но примерно в 10 футах над рвом находится линия петель на севере и юге, или две более длинные грани. Здесь был верхний этаж, стены которого сохранились, но, похоже, они более поздние, чем нижние. На этом уровне, в восточной части, находится очертание двери, которая, если это был столб, открывалась на 20 футов выше рва. На рисунке 1597 года изображена двойная стена, вероятно, насыпная дамба, служившая мостом, протянувшаяся от этой башни через ров и увенчанная на контркарпе небольшим сооружением, называемым "Железными воротами". Если этот рисунок верен, то проезд проходил через подвальную камеру, а верхний этаж вел на вал стены. Эти ворота вели в участок Святой Екатерины. Башня, вероятно, принадлежит Генриху III и связана с оригинальной плотиной для удержания воды во рву. В сорока футах к западу от Девелина находится Колодезная башня.

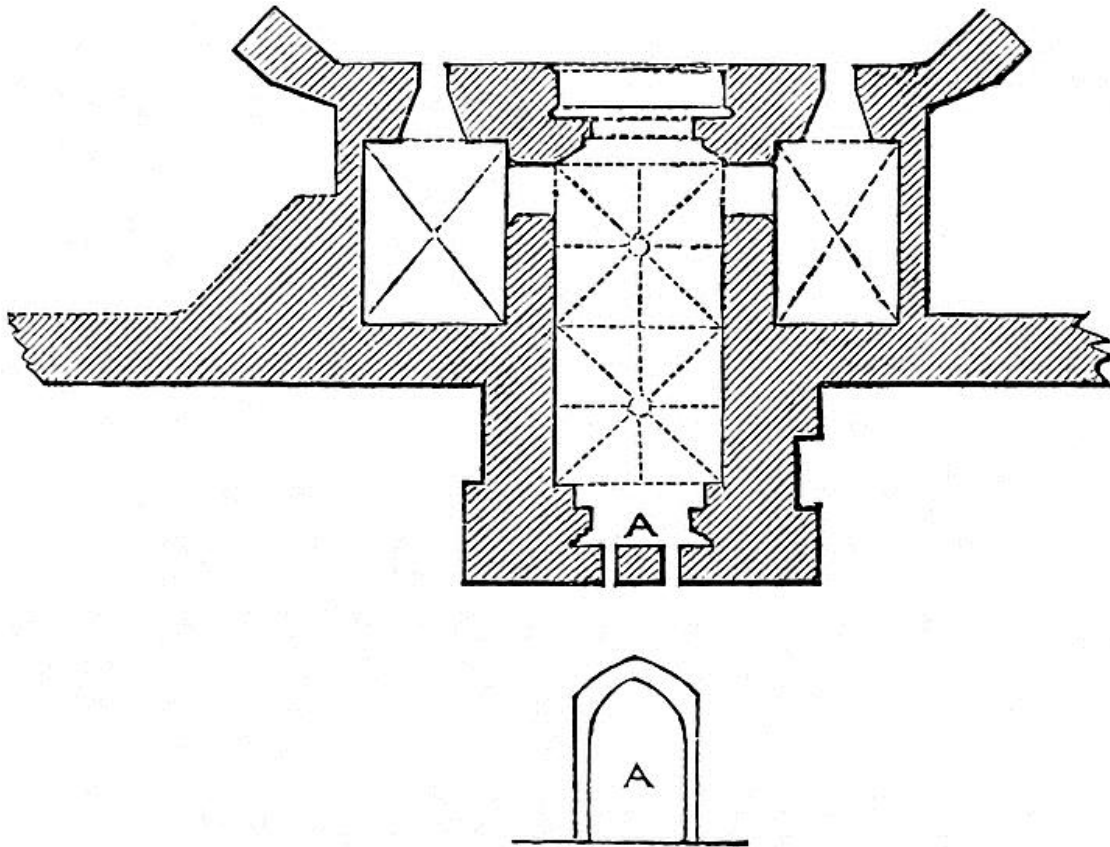

КОЛОДЕЗНАЯ БАШНЯ.

Колодезная башня, также прямоугольная, является частью куртины и выступает в ров шириной 10 футов на 16 футов. В ее подвале, ниже нынешнего уровня внутренней палаты, и

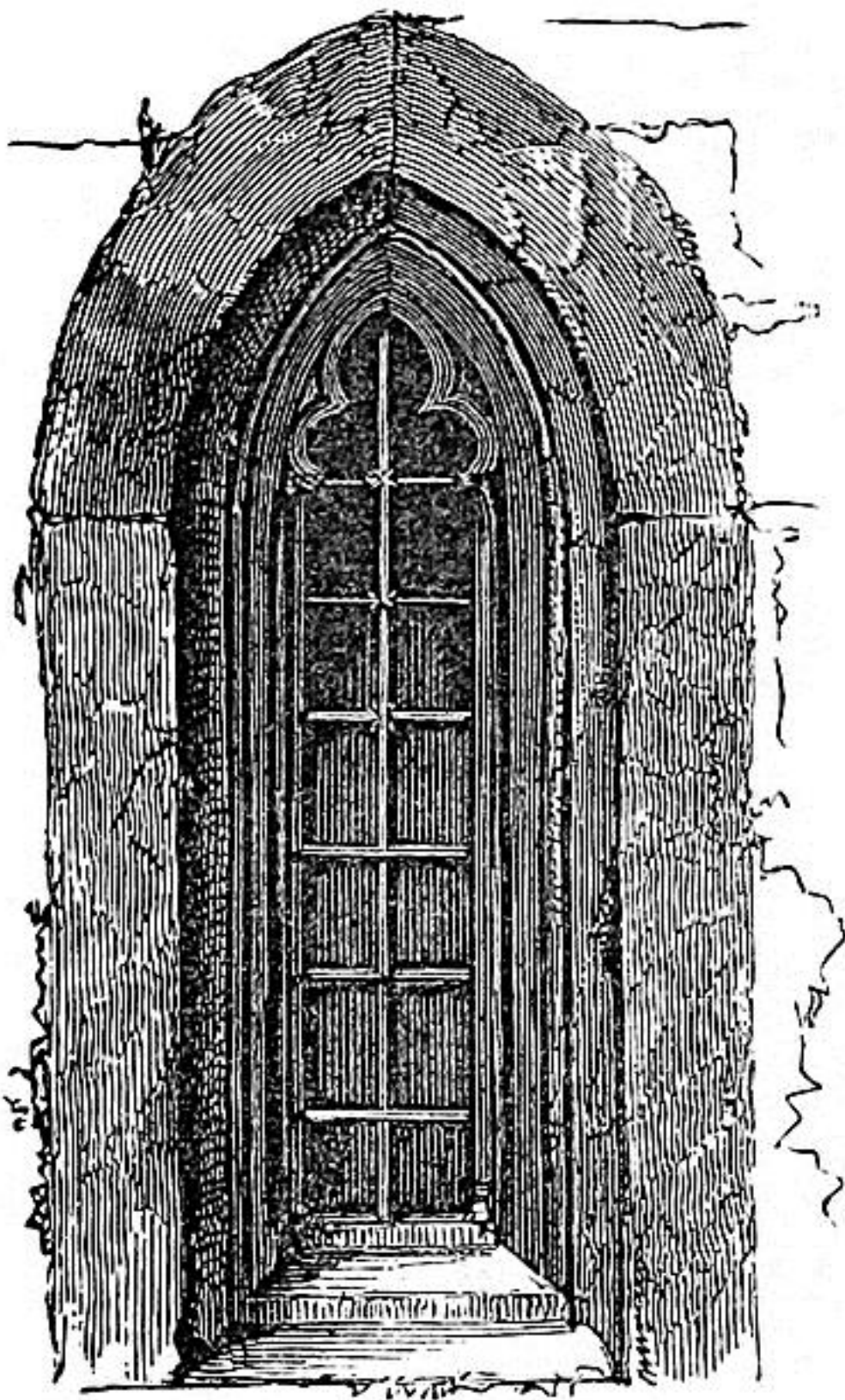
едва ли выше уровня воды во рву, находится камера, 14 футов на 10 футов, сводчатая с высоким шагом в двух неравных пролетах, северный из которых больше, разделенных поперечным ребром. Каждый отсек сводился на четыре ячейки, с четырьмя ребрами, сходящимися в простом зауженном соединении. Во фронте каждой ячейки есть половина или стенка-ребро. Ребра имеют ширину $7\frac{1}{2}$ дюймов на $6\frac{3}{4}$ дюйма в глубину, с ровной фаской, и опираются на четыре угловых и два промежуточных круглых колокола, вершины которых находятся на высоте 3 футов 4 дюймов от пола. Высота камеры составляет 11 футов 6 дюймов. Имеется четыре петли, одна из которых направлена на север в палату, а остальные открываются в сторону рва. Все они находятся под опускающимися арками. В западной части находится дверь длиной 3 фута, открывающаяся в углубление с каплевидной аркой, которая, возможно, вела в настенную камеру в занавесе или была входом из палаты. С восточной стороны прямоугольная пристройка, в которую ведет дверь с квадратной головкой, содержит колодезную лестницу диаметром 6 футов 3 дюйма, петляющую по внутренней стороне занавеса и рва. Эта лестница ведет в верхнее помещение на уровне вала, не сводчатое, размером 15 футов на 10 футов, примыкающее к полю и к западной куртине. В его северной стене находится оригинальная дверь шириной 2 фута 3 дюйма, выходящая на вал. Второй этаж - современный. Колодезная башня - хороший пример раннего английского стиля.

Колодезная башня стоит к югу от Соляной башни, а соединяла их короткая куртина с воротами. Часть ее сохранилась, высотой 12 футов и толщиной 6 футов, пробитая петлями на уровне земли и укрепленная против атаки с востока. На этот вал можно было попасть из Колодезной башни, и он не сообщается с Соляной башней. Аналогичный поперечный занавес соединял Соляную башню с внешней крепостной стеной на западе. Она также была закольцована, имела центральные ворота и была для защиты от нападения с юга. Таким образом, эти две завесы ограждали подступы к Железным воротам и предотвращали внезапное проникновение в любую часть внешней стены. Очевидно, что эти сооружения были построены еще во времена Генриха III и показаны на панораме 1597 года.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БАШНЯ - ЦОКОЛЬНЫЙ ЭТАЖ.

Колыбельная башня находится на западе, на расстоянии 118 футов. Она стоит на внешней стене и выступает на 9 футов в ров, а ее ширина составляет 16 футов. Это сторожка, и хотя она небольшого размера, но очень законченная по своей конструкции и отлично построенная. Она стояла почти напротив ворот королевского квартала и обеспечивала прямой проход к набережной.

КРЕПОСТНАЯ БАШНЯ,
ОКНО.

В плане она имеет Т-образную форму, портал проходит через главный лимб, который выступает в ров, а боковые крылья, каждое из которых содержит домик, образуют ущелье или главный фронт шириной 26 футов, и фланкированы двумя диагональными контрфорсами, которые закрывают углы и выступают в палату. Между ними находится

дверной проем, а с каждой стороны от него по небольшому стрельчатому окну с сабельником. Одно из этих окон совершенно не изменено.

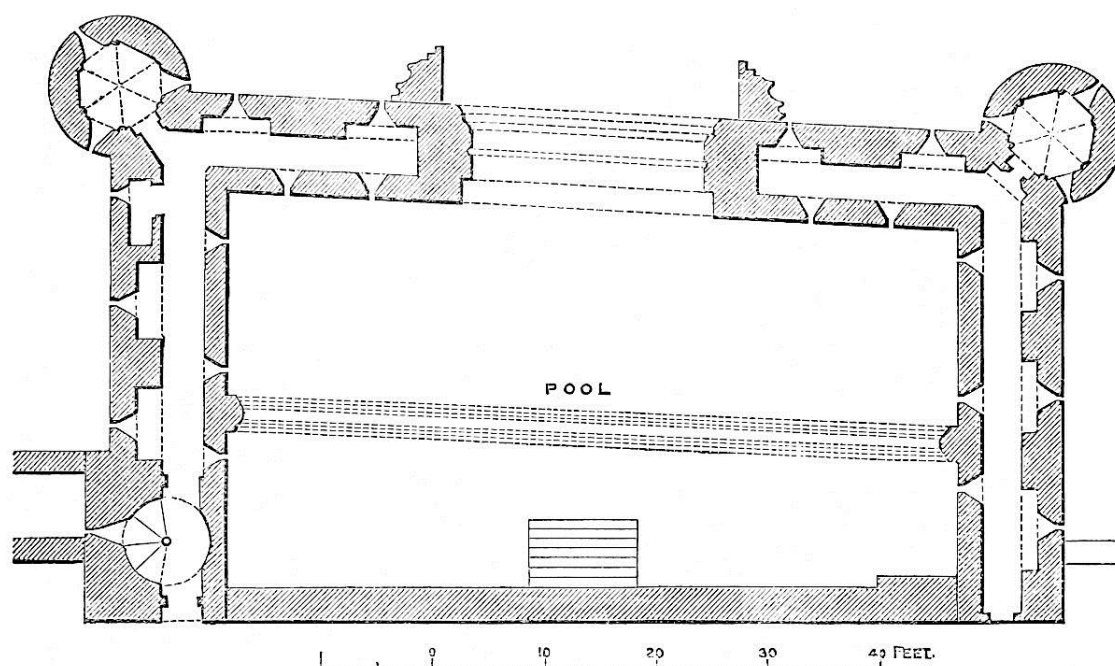
Дверной проем шириной 7 футов 2 дюйма, с аркой с падением и легкой фаской. В двух футах от него находится паз портупей, за которым следует дверной проем в 5 футов, задвижки которого двигаются внутрь. Толщина стены составляет 4 фута 7 дюймов. Проход представляет собой камеру из двух квадратов, шириной 7 футов и высотой 12 футов 6 дюймов. Она сводилась на два равных пролета, разделенных поперечным ребром. Каждый пролет имеет четыре ребра, и прямое ребро проходит по линии венца каждой ячейки свода, так что восемь ребер встречаются в центре каждого пролета, а точка соединения представляет собой полый круг. Кроме того, в каждом фронте есть ребро стены. Ребро, разделяющее два пролета, и продольное ребро имеют простой митированный стык. Ребра и круговые лепные элементы одинаковы. Они легкие и смелые, шириной 5 дюймов и глубиной 7 дюймов. Основание ребра имеет впалую фаску, а его вершина - оге. Ребра опираются на четыре угловых и два промежуточных карниза, вершины которых находятся на высоте 7 футов от земли. Они восьмиугольные и украшены резьбой. Кронштейн внизу сильно поврежден.

Дверной проем в южной части, открывающийся на 4 фута 6 дюймов, имеет ворота, открывающиеся внутрь, а за ними находится второй желоб портукуллы.

Ложь открываются из центрального прохода рядом с входом в палату дверями шириной 2 фута 10 дюймов, в одной из которых сохранились остатки клыков сабельника. Ширина 12 футов, длина 8 футов 9 дюймов и высота 12 футов, с небольшими окнами, которые уже были замечены в сторону палаты. Они сводчатые в мелу, с четырьмя камерами, имеющими четыре ребра шириной 7 дюймов и глубиной 7 дюймов, опирающиеся на косоуры, которые теперь сбиты, но вершины которых были на высоте 7 футов от пола. Ребра стен отсутствуют. Портальные арки главного прохода опускаются в углубления, из которых одна настолько низкая, что почти, а другая совсем сегментная. Сводчатые арки равносторонние или почти равносторонние.

На каждой стороне той части башни, которая выступает в ров, с внешней стороны находится углубление, на западной стороне 4 фута 6 дюймов, а на восточной - 3 фута в ширину и 1 фут 4 дюйма в глубину. Возможно, это были побеги гардероба с верхнего этажа и бойниц, ныне удаленных. С каждой стороны, на уровне старой воды, находится полуарка, пропускающая воду рва ниже разводного моста или колыбели.

ВОРОТА ПРЕДАТЕЛЕЙ.

БАШНЯ СВ. БАШНЯ ТОМАСА. ПОДВАЛ.

В куртине, ближе к западу от этой башни, находится колодец-лестница, ведущий из западной ложи на крышу.

Считается, что надстройка Колыбельной башни входила в состав дворцового квартала, а вид 1597 года показывает ее как водные ворота, с квадратной башенкой на западном фланге, где, предположительно, находилась лестница. Кроме того, к западу от нее видна значительная башня, протянувшаяся через весь квартал, очень узкий, к башне Лантхорн, в которой, несомненно, находились ворота Лантхорн.

Детали башни Крэдл скорее украшены, чем раннеанглийские; и если, как это исторически вероятно, это работа Генриха III, она должна быть поздней в его правление, и, возможно, была завершена его сыном. Из-за громоздкого характера шлюзов и ворот башни Святого Томаса государственных преступников иногда впускали через эти ворота, которые в то время были оборудованы колыбелью или разводным мостом.

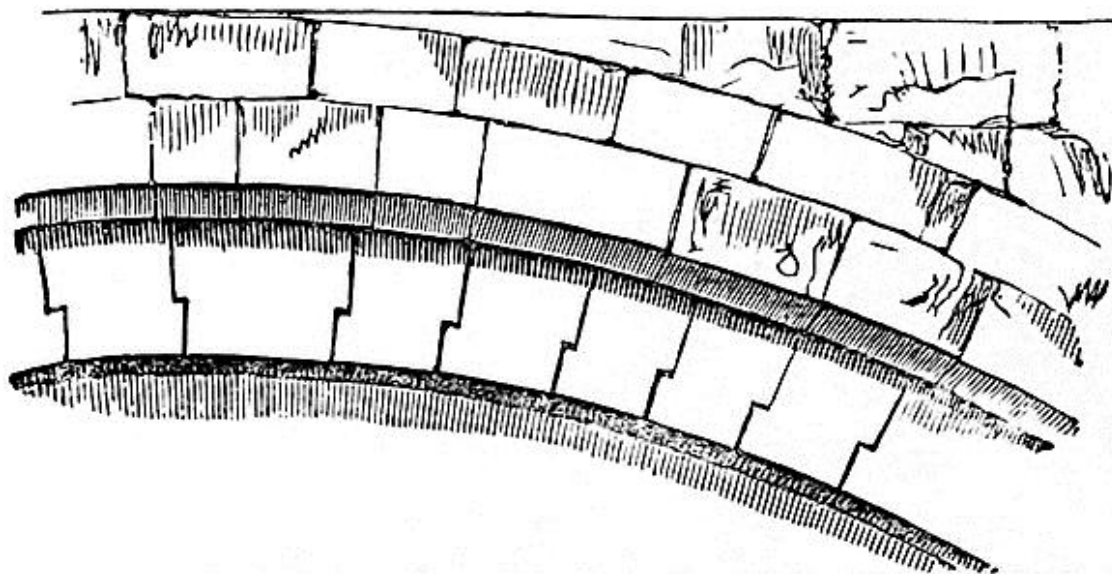
Башня Святого Томаса, более известная по своему древнему названию "Ворота предателей", является водными воротами Тауэра, а также содержит и контролирует сообщение между Темзой и главным рвом. По сути, это барбакан, причем весьма необычный, расположенный на берегу рва, ширина которого составляет 40 футов, и пронизанный проходом, ведущим от реки. Он стоит значительно западнее южного фронта, находясь перед Кровавой башней на расстоянии 30 футов, что составляет ширину внешней палаты в этом месте.

Набережную перед башней пересекает канал шириной 28 футов и глубиной 13 футов 6 дюймов, частично арочный и недавно облицованный гранитом, который открывается из Темзы через арку шириной 21 фут в прямоугольный бассейн, 66 футов на 40 футов и 18 футов глубиной, облицованный и вымощенный камнем и содержащий, когда ворота открыты, около 8 футов воды в половодье. Ступеньки из воды, расположенные на внутренней или северной стороне бассейна, приземляют заключенного в 30 футах от ворот внутренней палаты.

Сама башня расположена над внешними 18 футами этого бассейна, но ее боковые стены продлены назад, так что и передняя, и боковые стороны бассейна защищены. Южная стена

толщиной 9 футов пробита внизу уже упомянутым низкопрофильным порталом для воды под аркой с падением, ребристой и скошенной. Между ребрами проделан паз шириной 6 дюймов для железного шлюза или портуллиса, установленного в здании выше; а в косяках - два отверстия диаметром 6 дюймов, облицованные железом, для прохода цепи. Внутри, на внутренней стороне портала, находились складные ворота, открывающиеся внутрь.

СВ. БАШНЯ ТОМАСА.

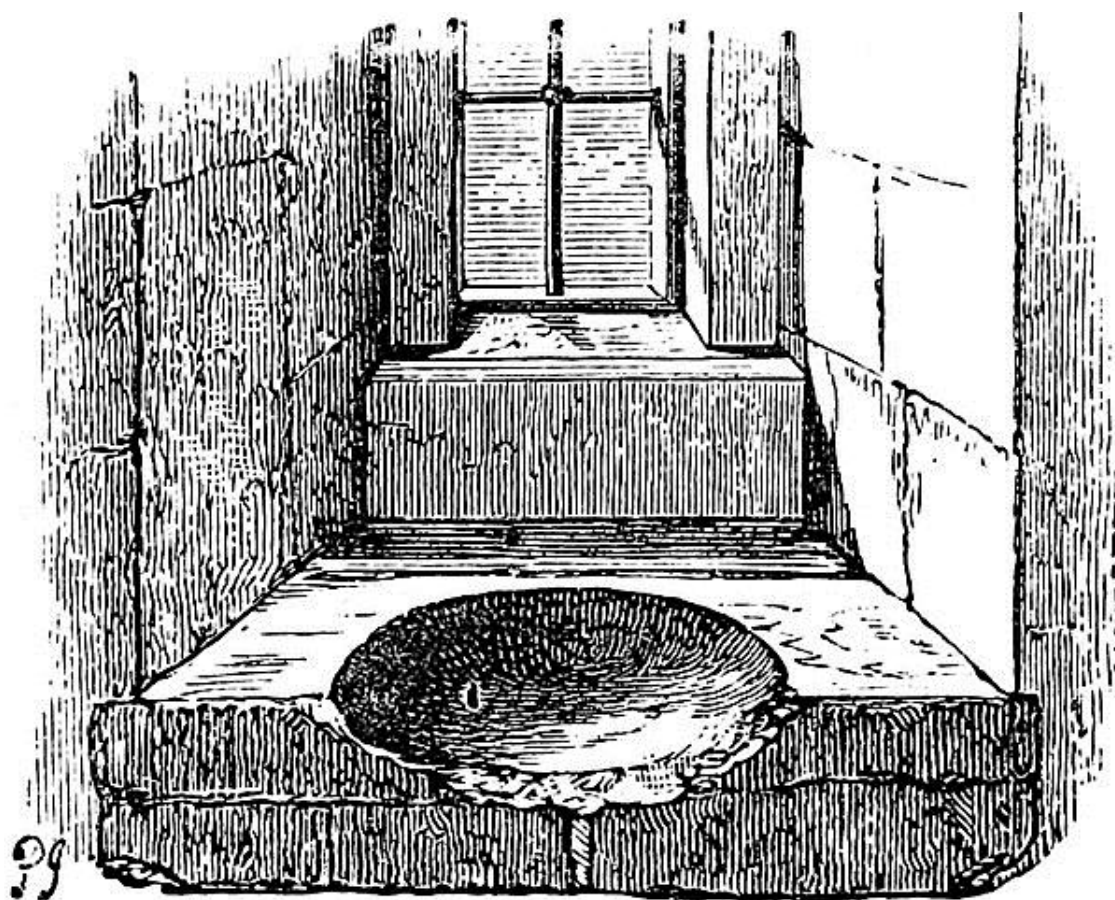
ДЕТАЛЬ КОЛЬЦЕВЫХ КАМНЕЙ.

В семнадцати футах от этой внешней стены бассейн пересекает арка, поддерживающая легкую стену из кирпича и дерева, которая была задней стеной башни. Эта арка представляет собой весьма примечательную конструкцию. Она опирается на две полуовальные опоры, сегментная, с пролетом 61 фут и подъемом $15\frac{1}{2}$ футов. Вуазики образуют два ребра, а внутреннее состоит из семидесяти пяти камней, соединенных простым жбаном или фальцем. Прямоугольная башня, которая таким образом возвышается над стенами внешней половины бассейна, имеет размеры 86 футов к востоку и западу и 18 футов к северу и югу и увенчана на двух углах, обращенных к Темзе, легкими цилиндрическими башенками, на три четверти заделанными и возвышающимися над парапетом башни. Боковые стены, вытянутые назад еще на 30 футов, заканчиваются двумя квадратными башенками, которые занимают северные углы и также возвышаются над бойницами.

Две двери на северных сторонах этих башен на уровне земли открываются в настенную галерею в каждой стене, петляющую с одной стороны в сторону рва, а с другой - в сторону бассейна. Эти галереи сообщаются с южными башнями и продолжаются в южной стене, имея по две петли в сторону Темзы и две в сторону бассейна. Они не встречаются, так как их останавливают косяки шлюзовых ворот. Они также использовались для приема слабины цепи при ее натяжении.

На полу башни, который находится выше уровня этих галерей, располагались механизмы для подъема шлюза, которые должны были быть тяжелыми. Стены этого этажа также пронизаны петлями и содержат два гардероба. В речном фасаде находятся два ранних декорированных окна по два света в каждом. Две верхние камеры в южных башнях открываются в этот этаж,

куда ведет винтовая лестница в северо-восточной башне и наружная каменная лестница в северо-западной башне.

СВ. БАШНЯ ТОМАСА.

Четыре камеры в двух цилиндрических башнях отличаются прекрасным дизайном и тонким исполнением, как видно из таблички в "Vetusta Monumenta". В плане они представляют собой восьмиугольники, имеющие стройные колонны с высокими базами и колокольными крышками, все цилиндрические и слегка задействованные, в каждом углу, от каждого из которых отходит легкое ребро с фаской, соединяющееся в центре простым швом. Таким образом, имеется восемь ячеек, каждая со стрельчатым фронтоном, поддерживаемым двумя полурембрами. Три грани имеют окна или петли, еще одна занята дверью. В нижних помещениях петли имеют фасонные углубления под опускными арками. В верхних - петли более крупные, но все еще квадратного сечения, а их углубления имеют арочное ребро с пологой фаской. Юго-восточная верхняя камера служила ораторием. Подоконники с каждой стороны восточных окон представляют собой пурбекские плиты, выдолбленные в виде чаш, - на юге для писсуара, на севере для святой воды. Обе плиты выступают и были отломаны при обшивке стен.

Есть второй этаж, на который ведет колодезная лестница в квадратных башенках, поднимающихся дальше на крышу, но он не содержит ничего интересного. Колодезная лестница в северо-восточной башне ведет к двери, которая открывается на северную сторону, на 20 футов от земли, и которая открывалась наружу, а снаружи была заперта. Смысл этого можно объяснить только в том случае, если предположить, что мост или, возможно, укрепленная поперечная стена соединяли эту дверь с соответствующим отверстием в башне Уэйкфилд, расположенным на расстоянии 18 футов. Таким образом, человек, покидающий башню Святого Томаса и закрывающий за собой дверь, мог попасть в

башню Уэйкфилда, а значит, и во дворец, и отрезать себя от преследования. Во втором этаже башни Святого Томаса есть еще одна дверь, выше и подобнее первой, которая таким же образом сообщалась с верхним этажом Уэйкфилдской башни; таким образом, здесь было либо два разводных моста, либо стена, пробитая настенной галереей высотой в 20 футов, с валом на вершине.

В башне Святого Томаса до недавнего времени работал водяной двигатель, что сильно повредило ее стены. Верхние помещения были превращены в жилые комнаты с помощью перегородок, реек и штукатурки. В последнее время все это было вычищено, а башня восстановлена в хорошем вкусе.

Башню Святого Томаса приписывают, и, несомненно, справедливо, Генриху III; но, хотя восьмиугольные палаты имеют раннеанглийский облик, большая арка, двери лестницы и окна в сторону реки явно декорированы, хотя, вероятно, в раннем стиле. Если, следовательно, эта башня имеет одну дату, то она должна быть очень поздней в правление Генриха, но более вероятно, что она была завершена, а большая арка - при его сыне. Материал - тряпичный камень, уложенный в нетесаную бутовую кладку, как в башнях Бошамп и Солт, с пепельными перевязками. Бассейн, расположенный внизу, был капитально отремонтирован Генрихом VIII. Есть основания предполагать, что именно эта башня дважды падала во время строительства.

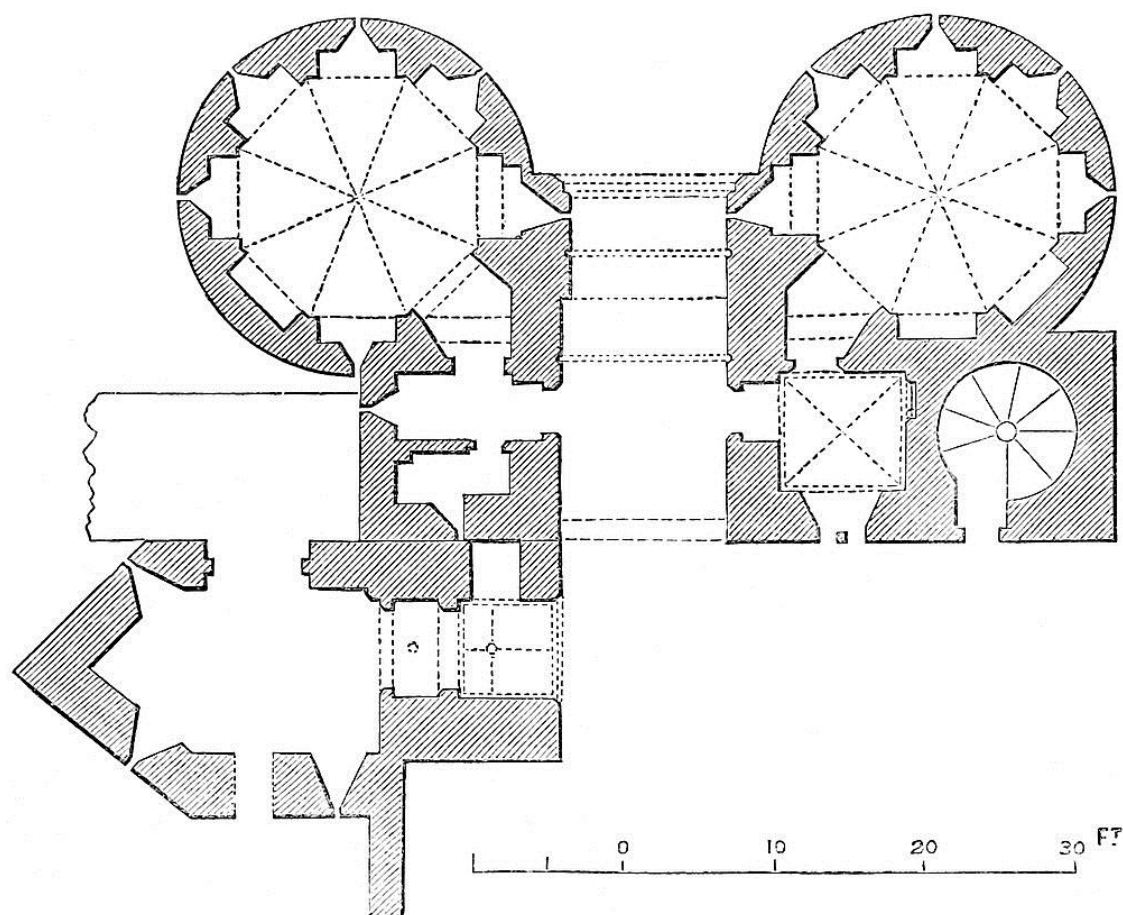
Занавес вдоль этого фасада является оригинальным, хотя в современное время он был обрезан и залатан. Ее высота над водой составляла около 20 футов, а с внутренней стороны - от 12 до 14 футов. В некоторых местах ее толщина составляла 12 футов, но точное исследование невозможно из-за добавления кирпичных створок во времена Тюдоров, чтобы валы могли выдерживать пушки. Несомненно, это работа Генриха III. От собора Святого Фомы до Байвардской башни 160 футов.

Байурд-тауэр - это большая сторожка внешнего квартала, расположенная на откосе западного рва, в месте его соединения с южным рвом. В плане она прямоугольная, 50 футов в ширину и 24 фута в глубину, а два ее внешних угла увенчаны башнями-барабанами диаметром 23 фута, на четверть выступающими из рва. Между ними находится занавес в 14 футов, пробитый главным входом. Башни ниже проезжей части сплошные, выше - трехступенчатые, высотой 49 футов до гребня парапета, который, как и большинство корпусов, современный.

Портал открывается с моста низкой перепадной аркой шириной 12 футов и высотой 12 футов, уменьшенной двумя глубокими фасками до 10-футового проема, за которым следует широкий косяк, в котором находятся петлевые проемы от ложи. За ним следует 6-дюймовый паз порткуллиса, с проходом в 16 дюймов в своде, чтобы можно было пропустить тяжелую деревянную решетку. Далее следует тяжелое ребро, пробитое тремя круглыми отверстиями, которые слегка сходятся и, вероятно, служат для балок острога, если предположить, что ворота будут форсированы; а позади находится фальц с петлями для задвижек двери, открывающейся внутрь. Средняя часть портала, которая начинается здесь, имеет плоскую деревянную крышу высотой 18 футов. В ней находится второй паз порткуллиса, а также двери домиков надзирателей. Наконец, внутренний арочный проем, без косяков, но со смелым тройным ребром, образующим арку.

Дверь южной ложи выходит в вестибюль размером 8 футов на 4 фута, сводчатый, меловой, с южной петлей, огибающей столб. Заостренная дверь на левой или восточной стороне открывается в садик, с петлей на востоке, ныне закрытой. Напротив, короткий проход, также сводчатый, с поперечным ребром, ведет в южный домик или домик надзирателей.

Это восьмиугольник, 15 футов 9 дюймов от грани до грани. В каждом углу находится тонкий восьмиугольный пирс, соединенный с лицевой стороной и двумя полулицами, со своеобразной крышкой-колоколом и основанием, оба восьмиугольные. От каждого пирса отходят основное ребро и два полуребра. Первые соединяются в центре простым швом, вторые образуют стрельчатые арки на фронте каждой ячейки. Все они узкие и с четкими фасками. В восьми ячейках свода линии конька горизонтальны и не имеют ребер. Ребра и опоры выполнены из каменного камня, своды - из мела. От пола до крышек пирсов - 6 футов 11 дюймов. Общая высота - 17 футов.

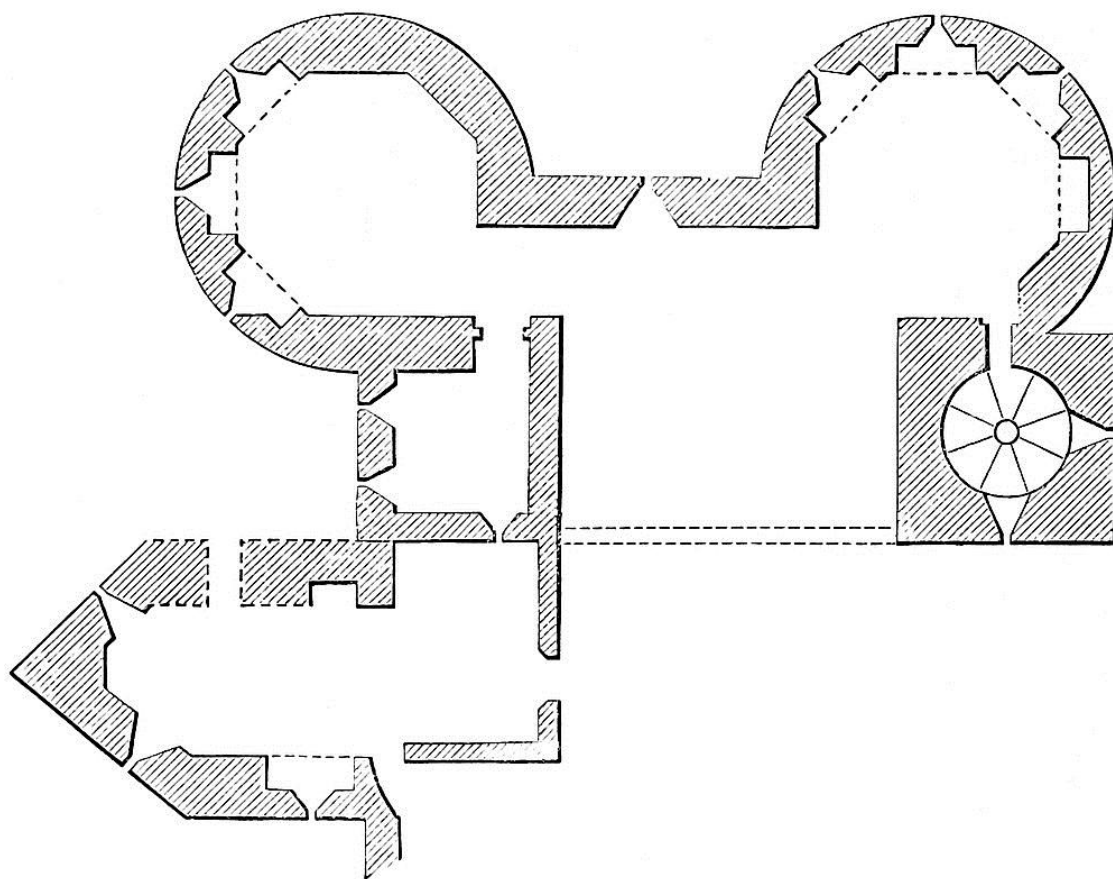
БАЙВАРСКАЯ БАШНЯ И ПОСТЕРН.

В каждой из граней есть углубление. На северо-востоке находится вход. На юго-востоке находится камин, несомненно, представляющий собой оригинальный; остальные шесть - петлевые.

Вход в северную ложу осуществляется через вестибюль площадью 7 футов 9 дюймов и высотой 15 футов, сводчатый на четыре ячейки, с четырьмя тонкими скошенными ребрами, опирающимися на восьмигранные карнизы, по одному на каждом углу. Босса нет. Каждая ячейка имеет профильное полуребро во фронте.

В восточной части находится длинное двусветное окно под сегментным углублением, которое, по-видимому, является оригинальным. Это окно, а также пропорции и общая элегантность этой камеры указывают на возможность ее использования в качестве оратории. Тем, кто входил в Тауэр, вполне могла понадобиться духовная поддержка на пороге.

В северной стене находится небольшой стрельчатый дверной проем, ведущий на колодезную лестницу, но, вероятно, всегда закрытый. Западная дверь ведет через короткий проход в домик, который сейчас является полицейской казармой. Этот домик очень похож на тот, что находится на южной стороне, за исключением того, что восточная ниша закрыта, а камин, кронштейны которого являются оригинальными, занимает северо-восточную сторону. Верхняя часть этой камеры, в направлении рва, была пробита, вероятно, для мушкетов, чтобы контролировать подход со стороны Тауэр-стрит. В северо-восточном углу этой сторожки находится колодец-лестница, в который ведет отдельная дверь с восточной и внешней стороны.

БАШНЯ БАЙВАРД. ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

На втором этаже находятся две большие восьмиугольные палаты в башнях. Лестница открывается в одну из них в северо-восточном углу, а камера площадью 8 футов занимает юго-восточный угол. Задняя стена между этими двумя башнями отсутствует, так что эта сторожка с ее камерой-порткуллисом должна была быть открыта сзади или закрыта, как сейчас, решеткой из реек и штукатурки. На западе, над входными воротами, было небольшое окно, выходящее на мост.

Устройство второго этажа еще более простое. Сохранилась лестница, две восьмиугольные палаты, но небольшая юго-восточная палата отсутствует. Задняя часть открыта.

На уровне башенки лестница и ее башенка заканчиваются. Над парапетом теперь ничего нет.

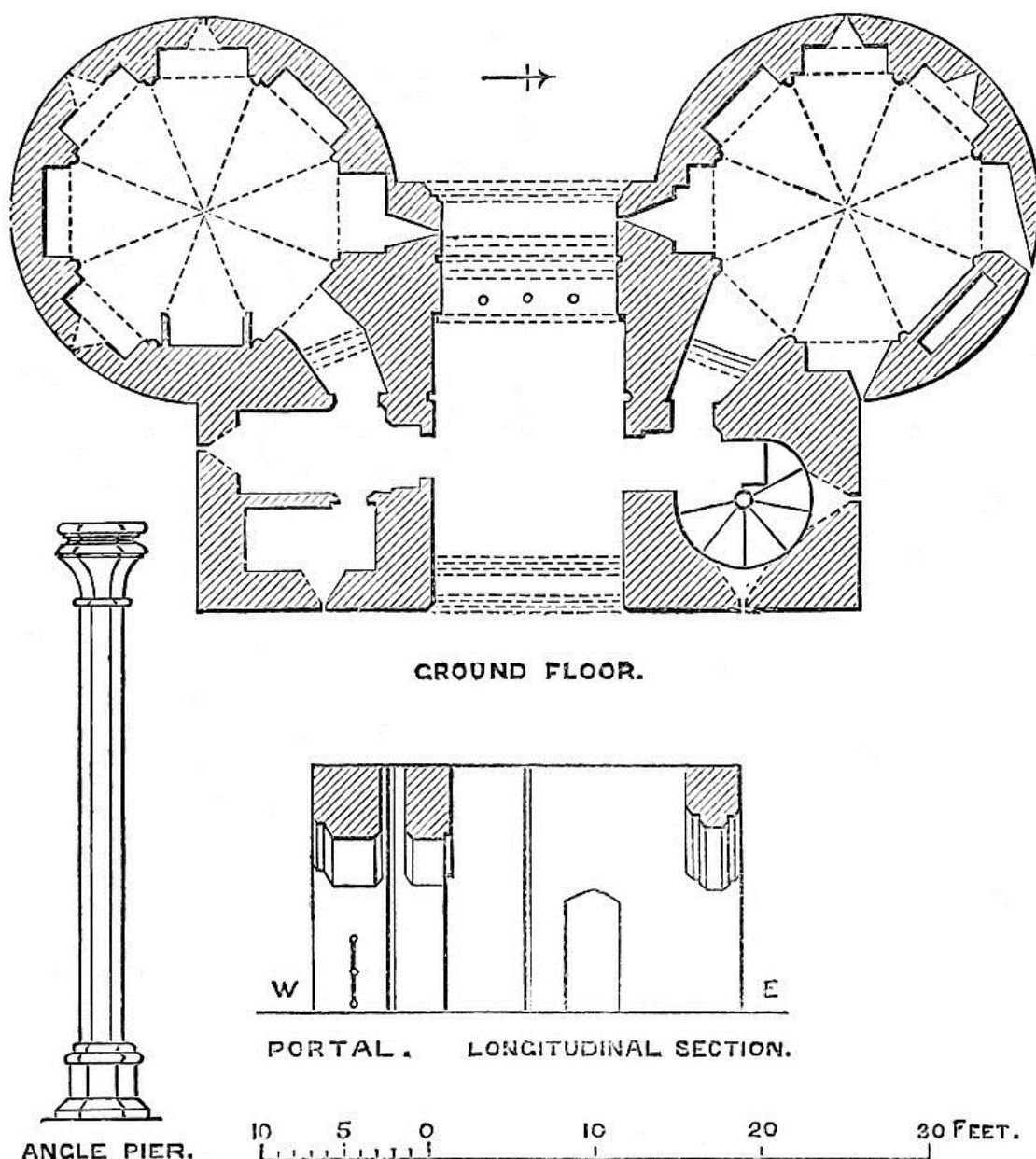
В задней части юго-восточной части сторожки находится низкая башня более позднего времени, предназначенная для перекрытия моста, пересекающего южный ров и опускающегося на набережную. Башня прямоугольная в плане, 14 футов в ширину и 29 футов в длину, а также острый выступ на 12 футов больше, который выступает в южный ров и препятствует его разгребанию.

С севера и юга его пронзает портал шириной 6 футов 9 дюймов, который начинается квадратной ячейкой, сводчатой, с поперечным и продольным ребром, с фасками, и пробитой в пересечении восьмиугольной полостью. Затем два дверных косяка уменьшают

проем на фут, а между ними в своде находится отверстие диаметром 9 дюймов, предназначенное, по-видимому, для цепи, которая проходила через ребро дальней двери и приводила в действие, еще в пределах башни, легкий мост, углубление для которого видно за дверью. Камера здесь расширяется на 3 фута, чтобы дать место тем, кто защищает восточную стену. Когда этот мост был опущен, открылся проход к двери в западной стене, за которой находится платформа, откуда через ров на юг опускался второй мост. Верхний этаж этой башни был одной большой камерой для работы на внутреннем мосту. Из нее ведет дверь на вал восточной куртины. Над ней возвышались бойницы, на две ступени ниже, чем у соседней башни. Во времена правления Тюдоров эти здания были обременены пристройками из кирпича, дерева и штукатурки, которые сохранились до сих пор и во многом скрывают первоначальные детали. Эта башня с задней стороны построена в перпендикулярном стиле, возможно, это работа Ричарда II.

Помимо описанных бастионов и башен, внутренняя палата была укреплена от неожиданностей несколькими поперечными стенами и воротами, разбивающими ее на независимые участки. Одни из этих ворот проходили от Белла к Байвардской башне, а другие, как утверждается, - к северу от Бошампской башни. По обе стороны от Ворот предателей были стены с воротами, так что заключенных можно было привозить по воде и вести через ворота Кровавой башни, не имея шансов на спасение во внешней палате, да и вообще не будучи замеченными. Еще одни ворота, более мощные и с башнями, тянулись от Лантхорна до башни Крейдл; и еще одни, уже упомянутые, открывались в небольшой завесе между Соляной и Колодезной башнями. По крайней мере, еще одни ворота находились в коротком занавесе к востоку от Соляной башни. Помещение между всеми этими воротами должно было быть открытым, но, по крайней мере, со времен правления Тюдоров оно было застроено частными домами. Здесь с большими неудобствами проводились операции Монетного двора; северная и западная части палаты до сих пор носят название Монетной улицы, а восточная - Ирландской Монетной улицы.

Навесная или обшарпанная стена этого квартала, несомненно, была построена Генрихом III, и большая ее часть сохранилась до наших дней. В западной стене, рядом с Байвардом, под современной батареей из двух орудий, находятся шесть петель, вероятно, старых, но освещающих современные казематы, и под каждым - вентиляционное отверстие. Кроме того, на северном фронте, ближе к западу от нового бастиона в стене, находится остроконечная арочная дверь, давно закрытая, но, вероятно, являющаяся оригинальными водяными воротами. К западу от нее также находится оригинальная петля, несомненно, обозначающая место настенной камеры, к которой сейчас нет доступа.

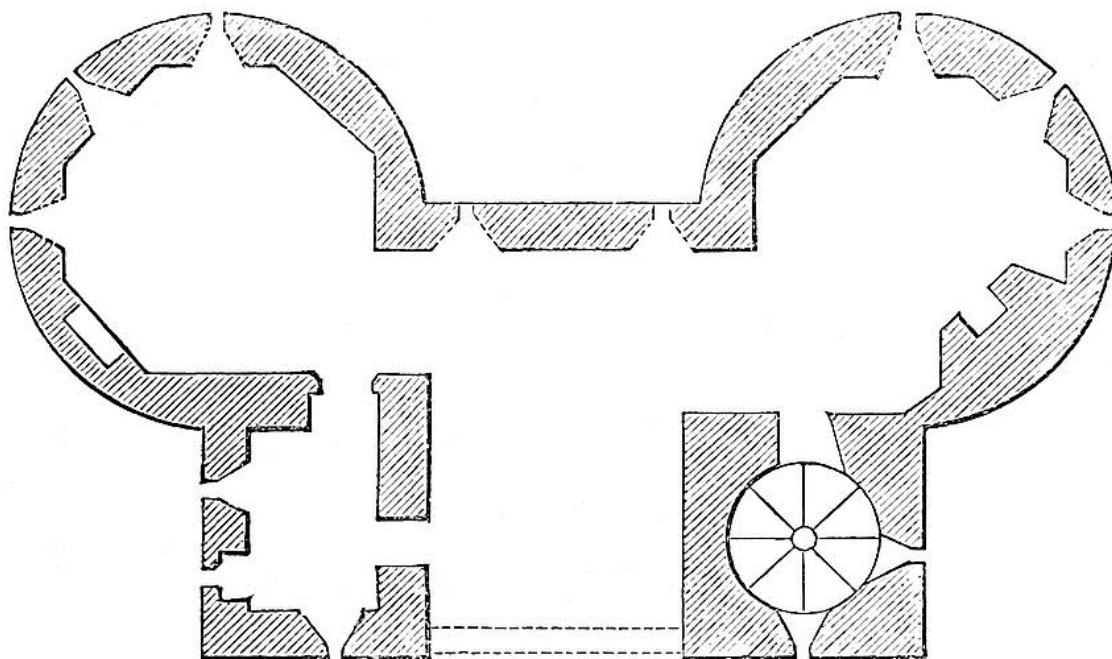
СРЕДНЯЯ БАШНЯ.

Современные дополнения к этой куртине состоят из линии казематов, складов, столовых, магазинов и мастерских, построенных против и скрывающих ее внутреннюю сторону, и дающих вал или платформу шириной в 30 футов.

Эта внешняя стена была построена с большой тщательностью на широком и глубоком фундаменте, так как на ней не видно никаких признаков поселения, хотя она построена на месте, которое до недавнего времени было глубоким и грязным рвом. В одной части, ближе к югу от Медной горы, она была укреплена тремя очень неуклюжими контрфорсами 12 футов в ширину и 22 фута в проекции. Один из них закрывает внутренний угол бастиона, другой находится на расстоянии около 40 футов, а третий, расположенный примерно на таком же расстоянии, представляет собой прямоугольную башню с фресками, напоминающую Галлеймана, и содержит небольшую камеру с двумя петлями на каждой из трех свободных сторон. Ее парапет новый, пробитый для двух пушек.

Средняя башня - это пристройка к Бывардской башне и барбакан, прикрывающий вход в крепость с суши. Она стоит на контркарпе рва, у внешнего конца моста, и первоначально

была окружена специальным рвом, отходящим от основного рва местности, засыпанного в XVIII веке. По дизайну и исполнению она очень похожа на башню Байвард, хотя и меньше: ее ширина составляет 40 футов, а высота - 30 футов от проезжей части. Очевидно, она датируется датой постройки Байварда и, как и он, открыта с задней стороны. Она также была облицована портландским камнем. Ее портал имеет двойной порткуллис, ворота, вертикальные отверстия, боковые петли и ложи, а центральная часть перекрыта деревом. Ни в одной из башен нет следов разводного моста. Ложи довольно совершенны; лестница в северо-восточном углу используется и соответствует ораторию Байварда; в юго-восточной башне есть вестибюль и садик, а над ними - камера 7 футов на 8 футов 6 дюймов, и еще одна камера 7 футов 4 дюйма на 10 футов 10 дюймов.

СРЕДНЯЯ БАШНЯ - ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Между двумя проходными башнями ров пересекает каменный мост длиной 130 футов и шириной в самом узком месте 20 футов. Поскольку башни расположены не совсем напротив друг друга, линия моста проходит небольшим зигзагом. В центре, по-видимому, было отверстие в 20 футов, сейчас это каменная арка, а когда-то здесь был разводной мост, как показано на старых чертежах.

Пристань, похоже, не имела постоянной парапетной стены, которая мешала бы ее использованию. Она была достаточно защищена оборонительными сооружениями внешней палаты. Вероятно, она была построена Генрихом III, в двенадцатом году правления которого она впервые упоминается и называется "Кайя Регис"; Джон де Крамбелл, кустос 8-9 Эдуарда III, заказал тогда 300 ольховых столбов из Виндзорского леса для ее ремонта. Длина набережной составляет около 1 130 футов, что соответствует полному фронту Тауэра.

Ров - это, безусловно, самая грозная из оборонительных сооружений Тауэра, ширина которого варьируется от 100 футов на востоке до 110 футов на севере и 120 футов на западе или со стороны Сити. Вдоль южного или речного фронта она имеет ширину всего 40 футов, вероятно, потому, что с этой стороны ее прикрывала пристань, узкие границы которой не позволяли подтянуть к ней большие силы нападающих; кроме того, башня, прикрывающая Ворота Предателей, и два небольших почтовых моста, которые было удобно иметь в направлении пристани и реки, не позволяли сделать ров большой ширины.

Ров был не только широким, но и очень глубоким, так что, когда он заполнялся до уровня половодья, его едва ли можно было пройти, а когда вода спадала, грязь, скапливавшаяся в нем и превращавшая его в последние годы в нездоровую помеху, должна была быть столь же грозной, как и оборонительная. Тем не менее, его старались очищать, и "Liber Albus" сообщает нам, что в правление Эдуарда III наказанием за купание в Тауэрском фоссе или в Темзе возле Тауэра была смерть! Внешний обхват Тауэра оценивается в 3 156 футов (vol. i., p. xlix.).

Кроме того, из-за большой высоты земли на западе и севере контркарп настолько высок, что сам по себе является значительным препятствием для перехода через ров, хотя, несомненно, в других отношениях это было выгодно осаждающим. Кроме главного моста, ров пересекали башня Святого Фомы и плотина между Галлейманом и Железными воротами, которые служили для удержания воды. Здесь же находились постеры Железные ворота, Байвард и Колыбельная башня.

Несомненно, ров Завоевателя, даже углубленный Лонгчампом, питался Темзой, а вода в нем поднималась и опускалась вместе с приливом. Вмешательство в строительство пристани и шлюзовых ворот Святого Томаса было придумано для того, чтобы сделать воду во рву независимой от прилива и тем самым существенно повысить прочность оборонительных сооружений. Ров был осушен, а его дно поднято и выровнено герцогом Веллингтоном во время его констабуляции. В современной кирпичной облицовке контрэскарпа можно увидеть несколько замурованных арок, напоминающих канализационные люки, которые, по-видимому, предназначались для облегчения минирования ледника в случае осады.

Перед Средней башней, хотя ее ров засыпан, а другие постройки убраны, все еще видна линия острогов, в которых находятся касса и небольшое машинное отделение. Здесь стояла Львиная башня и Королевский зверинец; а весь этот *тет-де-пон* был защищен еще меньшей башней и собственным разводным мостом, изображенными на некоторых ранних рисунках.

Львы стали частью королевского штата и поселились в бастиионе Тауэра во времена правления Генриха I. Император Фридрих в 1235 году прислал Генриху II трех леопардов; а в 1252 году Генрих III получил из Норвегии белого медведя, на пропитание которого вместе с его хранителем шерифы Лондона ежедневно выделяли четыре пенса, а также намордник и железную цепь, чтобы держать его в "extra aquam", и крепкий шнур, чтобы держать его во время рыбалки в Темзе. В 1254 году Людовик Французский прислал королю слона. Его привезли из Сэндвича в Тауэр, где шерифы должны были построить для него крепкий и подходящий дом размером 40 футов на 20 футов и содержать его и его сторожа. Эдуард I. и Эдуард II. держали здесь львов. В те времена, когда содержание эсквайра составляло один пенни в день, льву полагалась четверть баранины и три с половиной пенса для смотрителя; впоследствии льву полагалось шесть пенсов, леопарду - столько же, а смотрителю - три с половиной пенса. В 16 году Эдуард III содержал льва и львицу, леопарда и двух кошачьих львов. В 1543 году герцог Наджара видел здесь четырех больших и свирепых львов и двух леопардов. Зверинец был окончательно закрыт около 1830 года. Его создание на этом конкретном месте, вероятно, было связано с Генрихом III.

В 1597 году все внешнее пространство было названо Оплотом, а иногда Шпорным двором.

ИСТОРИЯ.

Решив построить "Arx Palatina" и испытав в течение нескольких лет ценность предложенного места в качестве временного лагеря, Завоеватель решил возвести регулярный замок и

поручил эту работу Гундульф, монаху из Бека, который в 1077 году, вскоре после своего прибытия в Англию, был посвящен в епископы Рочестера.

Гундульф привез с собой из Нормандии репутацию архитектора, которой он продолжал заниматься в этой стране. Рочестер Кип, эта мощная, но изящная башня, так разумно расположенная над древним проходом через Медуэй, и долгое время приписываемая епископу, как теперь известно, относится к более позднему времени; и единственные существующие здания, помимо Белой башни, которые можно смело приписать ему, - это северная башня Рочестерского собора, части старой крипты и, возможно, небольшая часть его западного фасада; также очень совершенная и неизменная оболочка Маллинг Кип, известная как башня Св. Леонарда; возможно, широкая массивная башня соседней церкви и, возможно, норманнская часть башни Дартфорда. Однако эти останки, Белая башня и свидетельства многих поколений могут считаться достаточными для подтверждения его славы.

Прямым доказательством того, что Гундульф работал на Белой башне, служит "Textus Roffensis", написанный около 1143 года, то есть в течение восьмидесяти лет после Завоевания, и напечатанный Хирном. В этой записи сохранился тот факт, что Гундульф во время своей службы жил в доме Эадмера Анхенда, лондонского бюргера и жертвователя на епископскую церковь в Рочестере, где он распорядился похоронить свое тело и тело своей жены и совершать ежегодную некрологию[5].

Гундульф был назначен епископом в 1077 году, и, вероятно, его первое внимание было уделено собору, так что предполагается, что он не начинал строительство Тауэра до 1078 года, до этого времени земля была занята некоторыми временными оборонительными сооружениями.

Гундульф достиг восьмидесяти четырех лет и прожил до 1108 года, то есть до правления Завоевателя и Руфуса, а также до девятого Генриха I. Поэтому можно с уверенностью сказать, что он дожил до завершения строительства крепости, возможно, Руфусом; и, скорее всего, он добился определенного прогресса в строительстве стен *Энсинта* и зданий дворца, а также, возможно, Уэйкфилдской башни.

Крепость, спроектированная Завоевателем, несомненно, включала в себя большую часть пространства в пределах нынешних стен. Меньше едва ли хватило бы на цитадель, дворец и арсенал, а вольные земли, очевидно, занимали не больше площади, чем было необходимо.

Западная граница проходит всего в нескольких ярдах от контркарпа рва и включает в себя только то, что можно назвать узким ледником, и ничего из того открытого пространства или эспланады, которые обычно отводятся вокруг крепости. Однако вполне вероятно, что при Завоевателе не было построено никаких постоянных внешних защитных сооружений, а первыми были возведены куртины от Уэйкфилда до нынешней башни Широкой Стрелы, а также поперечные стены Шкафной галереи и Холодной гавани, которые вместе с крепостью включали в себя пространство, отведенное под дворец. На протяжении многих веков это пространство называлось внутренней палатой, а башни Гардероба и Лантхорна, а также сторожка Холодной гавани, ныне разрушенные, в эпоху правления Елизаветы изображены цилиндрическими и напоминают по конструкции башню Уэйкфилда, которая является поздней норманнской. Поэтому вполне вероятно, что сначала была достроена старая внутренняя или дворцовая палата.

Остальная часть *энсинта*, образующая то, что сейчас известно как внутренняя палата, не могла, однако, быть намного позже. Согласно "Англосаксонской хронике", Гервазу и Ле

Ливеру, в 1097 году Руфус строил вокруг Тауэра стену достаточной величины, а также новый зал в Вестминстере, чтобы стать причиной больших налогов и предметом всеобщего недовольства, усиленного, без сомнения, неприступным характером его работы. Существующий занавес внутренней палаты, толщиной от 9 до 12 футов, высотой от 39 до 40 футов, из прочной, но грубой кладки, не может быть позже Иоанна, при котором стена Руфуса не могла прийти в упадок. Гораздо более вероятно и вполне соответствует размерам и характеру работ, что это была настоящая стена, начатая Руфусом, и на которой он работал в 1097 году.

Колокольная башня, которая, кажется, соединяется с куртиной, и основание которой представляет собой кладку, очень похожую на уэйкфилдскую, восьмиугольная, и ее свод вряд ли может быть раньше Иоанна; но башня Деверо, цилиндрическая снаружи и имеющая круглоголовые углубления в многоугольной подвальной камере, может быть такой же старой, как Уэйкфилд, и поэтому по существу является работой Руфуса. Своды более поздние, но оба здания могли быть, как и в Уэйкфилде, снесены до первого этажа в более поздний период, к которому, возможно, и относится свод. Бошамп, Боуир и все остальные башни на этой стене, очевидно, являются более поздними вставками; но сама стена, где она сохранилась, как на западном, так и на восточном и южном фронтах, имеет очень ранний характер, и не отличается от стены Джона в Корфе и более ранней, приписываемой Роберту Консулу в Кардиффе.

Большинство летописцев упоминают о сильной буре, пронесшейся над Лондоном к концу одиннадцатого века. Ле Ливер датирует его пятницей, 27 октября, и Мальмсбери, 28 ноября 1091 года, и говорит, что он снес крышу с Сент-Мэри-ле-Боу и разрушил 600 домов, какими тогда были дома.

Стоу добавляет, что Белая башня была повреждена "бурей и ветром, сильно пошатнувшимся", и что она была отремонтирована Руфусом и Генрихом I; но он не приводит никаких оснований для этого утверждения, которое, учитывая чрезвычайную прочность здания, представляется весьма невероятным. Однако флигели, как стены, так и башни, если они находились в процессе строительства, с возведенными лесами, вполне могли серьезно пострадать.

Таким образом, Тауэр конца правления Руфуса, а также Генриха I и Стефана, вероятно, состоял из Белой башни с дворцовой палатой на юго-восточной стороне и стены, вероятно, той, которую мы видим сейчас, и, конечно, вдоль ее общего курса, включая то, что сейчас известно как внутренняя палата. Несомненно, там был ров, но, вероятно, не очень грозный.

Ральф Фламбард, епископ Даремский, верный и жадный служитель Руфуса, "умиротворитель Ранульфуса, *vir pessimus*", своими суровыми поборами значительно способствовал строительству Тауэра. Как ни странно, он является первым человеком, о котором известно, что он был заключен в тюрьму. Генрих по восшествии на престол и по совету своего совета 15 августа 1100 года заточил Фламбарда в Тауэре. Пэлгрейв пишет, что его поместили в самую верхнюю палату Белой башни, под стражу Уолтера де Магнавиля, наследного констебля. Вероятно, его заключение в тюрьму было призвано удовлетворить народный крик, поскольку два шиллинга, в то время немалая сумма, были выделены ему на пропитание. Он потратил их, как говорят, на пиршество для своих сторожей; и, получив веревку в кувшине, воспользовался их пьяным состоянием, чтобы спуститься из окна южной галереи в ночь 4 февраля 1101 года, прихватив с собой свой пастырский посох. Веревка оказалась слишком короткой для спуска на 65 футов, и он получил травму при падении, но благополучно спасся в Нормандии и, как известно, дожил до возвращения себе Дарема, где

достроил собор, добавил ров к Палатинскому замку, основал Норхэм на Твиде, построил мост Фрамвелл Гейт и одарил госпиталь Кепиер. Тауэр, вероятно, с самого начала был государственной тюрьмой, так как в 1106 году граф Мортэйн, захваченный Генрихом I вместе с Робертом, герцогом Нормандии, был, по словам Эадмера, заключен в ней. В Трубном списке от 21 года Генриха I записано: "£17. 0s. 6d., in operatione Turris Lond."

Во времена Стефана Тауэр считался неприступным. Джеффри, внук Джеффри де Магнавила, сподвижника Завоевателя, и третий наследный констебль, был создан королем графом Эссексом, который в 1140 году проводил Уитсун в Тауэре. "Eodem anno, 1140, in Pentecoste resedit Rex Londiniæ in Turri, tantum modo Episcopo Sagiensi presente: cæteri vel fastidierunt, vel timuerunt venire." [Новый граф оказался лживым и переметнулся на сторону императрицы, которая грамотой 1141 года подтвердила его графство и констеблство.

Когда власть Мода ослабла, горожане, для которых Джеффри был столь же одиозен, как и его крепость, осадили ее. Их усилия были настолько безуспешны, что однажды граф совершил вылазку вплоть до Фулхэма и взял в плен епископа.

В 1143 году граф доверил себя королевскому присутствию в Сент-Албане, полагаясь на слово короля. Искушение заполучить Тауэр было слишком велико - "magis ex necessitate quam honestate", - он был задержан, и Тауэр стал его выкупом. Стивен владел им до 1153 года, почти до конца своего правления, когда по Винчестерскому договору он передал его Ричарду де Лейси, судебному чиновнику, который должен был владеть им до смерти Стивена, после чего он должен был перейти к Генриху, что и произошло в 1154 году. Таким образом, очевидно, что в то время укрепления Тауэра были полными и прочными; и это при отсутствии мокрого рва, которого, как будет показано, тогда не существовало, едва ли могло быть так со стенами, уступающими по прочности тем, которые мы видим сейчас.

Говорят, что Генрих II поставил Бекета командовать Тауэром, управление которым перестало быть наследственным. Но нет никаких доказательств ни этого, ни того, что Бекет ремонтировал его; хотя в более поздний период одним из его требований, как архиепископа, была опека над Рочестерским замком и Тауэром. К этому времени "вечный позор Лондона" приобрел свою мрачную репутацию, а Фиц-Стефан описывает "Аркс Палатина" как "большой и крепкий, с окружающими стенами, поднимающимися от глубокого фундамента, и построенный из раствора, замешанного на крови зверей".

В Трубных книгах этого царствования часто встречаются записи о крупных суммах, выданных на ремонт домов короля в Тауэре, его часовни и тюрьмы. Во втором Генрихе II, 6s. 1d. было заплачено за перевозку нагрудных знаков короля в Тауэр; но регулярная серия счетов начинается только с 13 Генриха II и заканчивается 34 годом. Записи на сайте для Вестминстера и Тауэра также сильно смешаны, хотя иногда и отличаются друг от друга. Так, в 13 году Генриха II дома короля в этих двух местах и покои королевы стоили 64 фунта стерлингов, а в 19 году Генриха II за ремонт Тауэра и домов в нем было заплачено 60 фунтов стерлингов. В предыдущем году королевские дома в бейли Тауэра стоили 21 фунт стерлингов. В 20 году Генрих II, инженер Алнод, получил 6 фунтов 13 шиллингов. 4d. за работы в Тауэре, а затем 100s. Подобные платежи происходят постоянно, то за свинец для ремонта часовни, то за перевозку леса и досок, то за кухню, ворота тюрьмы, ремонт домов, а иногда и за сам Тауэр.

Необходимость каждой траты часто подтверждается мнением двух офицеров, Эдварда Бланда и Уильяма Магнуса; работы выполнял инженер Алнод, а документ, разрешающий оплату, подписывал либо сам король, либо Ричард де Люси или Ранульф де Гланвиль, несомненно, в качестве юстициаров. Суммы выплат варьировались от 1s. 4 д. до 64 фунтов

стерлингов, а общая сумма за тринадцать лет, за которые сохранились списки, составляет 215 фунтов стерлингов. 15 с. и 50 марок.

Когда в феврале 1190 года Кёр де Лев отбыл из Нормандии на Восток, он передал Тауэр в ведение Уильяма Лонгчампа, епископа Эли и канцлера, разделив полномочия главного юстициария с Падсеем, епископом Дарема, к которым папа добавил должность легата. Эти совместные почести, похоже, вскружили голову Лонгчампу. Всегда отличавшийся напряженной активностью характера, он отверг всех коллег, оказавшихся в его власти. Первым его действием по прибытии в Англию, по-видимому, было обеспечение личной безопасности путем обнесения Тауэра стеной и глубоким рвом, который он предложил заполнить из Темзы. Однако, потратив большую сумму денег, он потерпел неудачу[6].

Вероятно, речь шла о внешней стене, которая должна была удерживать берега рва и начало того, что еще сохранилось. Неудача вряд ли заключалась в допуске Темзы, который требовал лишь определенной глубины выемки, а скорее в удержании ее заполненной во время отлива, чтобы сделать ее действительно мокрым рвом. Эта важная цель была достигнута в более позднее царствование благодаря новому и изобретательному решению. В ходе своих раскопок Лонгшамп посягнул на землю, принадлежащую церкви Троицы в Ист-Смитфилде, и забрал мельницу у больницы Святой Екатерины. На эти посягательства много жаловались, и, похоже, именно за них Эдуард I впоследствии заплатил компенсационную ренту. На восточном леднике Тауэра до сих пор сохранилась небольшая усыпальница, которая, как говорят, является частью захваченной земли. Ранее констебли уже посягали на церковные земли: Джеффри, граф Эссекс, силой отнял у Троицкого приорства в Ист-Смитфилде землю возле башни под виноградник, который был возвращен церкви только в 1137 году.

Лонгшамп, чей патент предписывал сеньорам подчиняться ему, как и самому королю, начал с того, что заключил в тюрьму епископа Падси, своего соперника-юстициара. Его непопулярности способствовал принц Джон, который возглавил партию против него и, воспользовавшись его жестоким обращением с архиепископом Йоркским, вызвал Лонгчампа на совет в Лоддоне, в Рединге. Лонгшамп отказался подчиниться, но отступил перед превосходящими силами Джона в Лондон, где вошел в Тауэр со всем своим обозом, под давлением горожан, которые выступили против него и блокировали крепость по суше и воде. Иоанн со многими баронами и епископами прибыл в Лондон 8 октября 1191 года, а 9-го провел совет в здании кафедрального собора на церковном дворе Святого Павла, созвав народ по звону колокола. Здесь архиепископ Руанский и Вильгельм Марешаль предъявили декларацию Ричарда из Мессины, ограничивающую независимые полномочия юстициара, которого собрание затем низложило путем аккламации. Четыре графа и столько же епископов передали этот приговор Лонгшампу, который без чувств упал на пол. На следующее утро, в ранний час, Джон собрал огромное войско в Ист-Смитфилде, большой зеленой равнине возле Тауэра, и вызвал юстициара на переговоры. Тот сразу же сдался, слишком быстро для своей чести, и со своими сторонниками и домашним скарбом отправился в Бермондси, откуда с большим трудом и через различные опасности добрался до Нормандии.[7] После этого архиепископ Руанский взял на себя управление Тауэром; но канцлер, как известно, сохранил или возобновил свой пост, и 21 ноября 1194 года известный Уильям Фиц-Осберт подал на своего брата Ричарда в Курию Регис ("Rot. Cur. Regis." xi., xvii.) за то, что он сказал: "В качестве компенсации за деньги, взятые у меня канцлером в лондонском Тауэре, я бы выложил сорок марок, чтобы купить цепь, на которой можно было бы повесить и короля, и канцлера".

Различные записи в Трубных книгах Ричарда показывают, что обычный ремонт Тауэра, и особенно королевских апартаментов в нем, все еще продолжался. К сожалению, хотя суммы и приводятся, подробности их расходования, как правило, опускаются.

Записи охватывают период с первого по десятый год правления и относятся к девяти годам, в течение которых на Тауэр и его дома было потрачено около 610 фунтов стерлингов. Получателем иногда был констебль Вм. Пьюинселл, в других случаях - Джордан де Турри, Ричард ле Дюк, Джон Фиц-Эрлекум и другие. Иногда по поручению короля, иногда канцлера. В один год известь стоила 46 фунтов 9 шиллингов. 6d. В первого короля 50 марок были потрачены на "Королевскую часовню в Тауэре". Рвы упоминаются 5 Ричарда I.

Правление Лонгчампа было настолько коротким, что трудно понять, как он успел выполнить столько, сколько, несомненно, сделал. В документах первых лет правления Ричарда I действительно не значится более одной-двух сотен фунтов, но канцлер распоряжался и другими средствами, и одной из причин его чрезмерной непопулярности среди горожан была та жадность, с которой он брался облагать их налогами.

Принц Джон, вступивший на престол в 1199 году, не остался равнодушным к нуждам Тауэра. В два первых года его правления инженер Элиас был занят на строительстве королевских домов и работ, и подобные записи появляются в пятом, десятом, шестнадцатом и семнадцатом годах. В шестнадцатом году сумма была значительной - 117 фунтов стерлингов. 15s. 8d.; а в семнадцатом - 12 фунтов стерлингов за строительство грязевой или "глиняной стены между Тауэром [участком] и городом", которая часто упоминается в более поздних исследованиях. В целом, Трубные списки этого царствования скудны в отношении Тауэра, но их в некоторой степени заменяют записи в Мисе, Клозе и Патентных списках, которые показывают, что он поддерживался как королевская резиденция, и что король иногда останавливался в нем.

В 1209 и 1210 годах 9s. 4 d. были розданы в качестве милостыни сотне бедняков; а в последний год Осмунд, рыцарь, направлявшийся в Пуату, получил в подарок десять марок и сто шиллингов от короля на покупку лошади. Это было сделано в "Церкви Святого Петра в лондонском Тауэре"; это самое раннее из известных упоминаний об этом здании. Здесь же в воскресенье, в день памяти святых Филиппа и Иакова, Стеффан, посланник императора, получил полмарки по возвращении к своему господину, и здесь же были сделаны другие выплаты.

В 1212 году архидиакону Дарема и Филиппу де Улекоту приказано спешно отправить в Лондон тридцать карратов свинца для покрытия Тауэра; а в 1213 году среди заказов на ремонт замков Рочестера, Кентербери и Гилдфорда упоминается о перевозке леса и "буска" (фугасов) для работ в Дуврском замке и лондонском Тауэре. Примерно в это время городской ров был углублен и расширен до 200 футов в ширину. В 1215 году Генри де Невилл должен был предоставить десять дубов для работ в Тауэре, пять из парка Хаверинг и пять за его пределами.

В 1215 году бароны захватили Лондон, а Тауэр был передан архиепископу Кентерберийскому до Дня Успения в качестве залога за выполнение королем определенных обязательств. Права каждой из сторон на Тауэр приостанавливались, и король не должен был усиливать гарнизон. Великая хартия была подписана 15 июня. Однако бароны продолжали фактически владеть Тауэром до прибытия Дофина, которому он был передан в 1216 году и удерживался им до тех пор, пока он не покинул королевство.

Мистер Харди в своем ценном "Маршрутном листе короля Иоанна" показывает, что за семнадцать с половиной лет своего правления он семьдесят два дня казнил в Тауэре. В 1204 году он находился там 28-30 января, 27-30 мая, 2-3 ноября. В 1205 году - 28 апреля и 13-16 августа. В 1207 году - 2 июля. В 1208 году - 21 января, 10, 19-21 февраля. В 1209 году - 9 октября. В 1210 году - 2, 3, 5, 6, 19 февраля, 2 мая и 27 октября. В 1211 году - 1-3 и 18 апреля. В 1212 году - 18-20 мая, 2-4 июня и 20-22 сентября. В 1213 году - 16 и 17 апреля, 21-23, 26-29 декабря. В 1214 году - 2-5-е, 12-е, 13-е января и 29-31 октября. В 1215 году - 1-6 и 14-18 марта и 19 апреля.

Поскольку Генрих III обычно считается строителем большей части Тауэра в его нынешнем виде и, несомненно, выполнил там значительные работы, здесь будет удобно рассмотреть вероятное состояние крепости на момент его воцарения.

На основании структурных данных было показано, что Уэйкфилдская башня, а также, вероятно, оболочка Деверо-тауэр и, возможно, Белл-тауэр, по крайней мере, столь же древние, как и царствование Иоанна; и что есть все основания считать оригинальную Гардеробную и Ланторн-тауэр и ее куртины, а также стену Холодной гавани и башни ворот, и содержащийся дворец, все ныне разрушенные, возрастом Уэйкфилдской башни. Кроме того, поскольку церковь Святого Петра существовала в царствование Иоанна и была "*apud Turgrim*", или внутри стен, эти башни, расположенные между башнями Белл и Деверо, где они проходят рядом с церковью, также существовали в то время. Таким образом, мы имеем стену *энсинта* нынешней внутренней палаты, от башни Ланторн до башен Уэйкфилд, Белл и Деверо, как протяженность крепости на южном и западном фронтах. Северная куртина, ныне в основном разрушенная, кажется, была того же времени, что и восточная, хотя, вероятно, некоторые башни на ней - Боуир, Джуэл, Констебль Броуд Эрроу и Солт - относятся к более позднему периоду правления.

Затем был ров, углубленный и расширенный Лонгчампом, со стеной по линии нынешней внешней палаты. Набережная и речной фронт от Железных ворот до Байварда с башней Святого Фомы тогда еще не были построены, как и Кровавая или Гейтхаусская башни. Вероятно, стена внутренней палаты примыкала непосредственно к берегу реки.

Генрих III начал свое правление в 1216 году, и внимание его благоразумного опекуна, "ректора королевства и королевской власти", похоже, сразу же было обращено на Тауэр. В 1217 году шериф Эссекса и Херта должен был заплатить Николасу Роуланду 10 фунтов стерлингов за ремонт королевских домов в Тауэре; к этому добавляются в следующем году 8 фунтов 9 шиллингов. 11d. и £19. 9s. 11d., также тому же Николасу. Примерно в то же время (2 Генрих III.) 6s. 1d. уплачено за перевозку королевских нагрудных знаков (лориков) в Тауэр; 3 Генрих III, £9. 13s. 1d. уплачено за ремонт королевского зала и разрушенной стены палаты; дома внутри баллиума Тауэра должны быть отремонтированы по представлению и свидетельству определенных законных людей; и (5 Генриха III.), стоимостью 17s., четыре стола "*ad mensam*", для использования королем, должны быть помещены в Тауэр. За год до этого (4 Генриха III.) дела короны в лондонском Сити рассматривались судьями в Тауэре.

В 1221 году Петр, епископ Винчестерский, должен был получить 11 фунтов 10 шиллингов на ремонт королевского дома, выполненный, когда Тауэр находился в его руках; а Ричард де Мунфитчет должен был снабдить Стивена де Сегрейва, констебля, древесиной лучшего качества из Хаверинга, чтобы получить доски для завершения строительства "ярелума" [*jarolium*, барьер] вокруг Тауэра.

Король лично присутствовал там в эти годы, так как его расходы за пять дней пребывания там в 1219 году составили 19 фунтов стерлингов 1 шиллинг. 7¼d.; а в следующем году 100 марков

были выплачены на его расходы во время Великого поста, и 200 марков были возвращены легату Пандульфу, тогдашнему епископу Норфолка, авансированные по тому же счету. В том же году король получил в Тауэре 10 миног, часть долга, причитавшегося от города Глостера его отцу, любившему миноги.

1221 год был напряженным годом в Тауэре. Алекс де Сабрихтсворт привез из Бихама, сдавшегося замка Вма де Фортибуса, много военного снаряжения и запасов, а также семь телег с пленными, что обошлось в 5s. 10d. Генрих находился там 28 февраля и 5 марта. Следующий год также включал несколько счетов, связанных с осадой Бихама. Работы также продолжались. Стефан де Сегрейв получил 30 марок на ремонт баллийной стены; а Питер де Сент-Эдуард вместе с Эндрю Букереллом, камергером, 70 марок из амерсиамента, взимаемого с лондонских виноградарей, на работы в Тауэре. 8 декабря 1221 года Николас Мазон, сделавший колодец, получил пять марков. Лесоматериалы и материалы были присланы шерифами Эссекса и Бакса.

В 1222 году 8s. 1 d. было заплачено за ремонт гардероба в королевских покоях в Тауэре и за изготовление дымохода в нем, а также 10 с. за мантию для Роберта ле Шампени, клерка работ. В те времена дымоходы не всегда были дымовыми трубами в стене, а стволами из дерева или другого временного материала, прислоненными к ней.

7 Генрих III., 1222-3. В Клоуз Ролл Ричарду Бенгеру и Томасу Ламберду приписывается 10 фунтов стерлингов. 12s. 1d., которые они заплатили по указу короля Питеру из Пуату и его товарищам, хранителям работ в "Новой башне" Лондонского Тауэра, за работы по возведению этой башни. Г-н Хьюго относит эту запись к Колокольной башне; с равной или большей вероятностью ее можно применить к надстройке Уэйкфилдской башни.

Легат Пандульф, судя по всему, был кустодом в 1223 году и в этом качестве принимал в Тауэре Джона де Бриенна, титулярного короля Иерусалима и Великого магистра госпитальеров, который в то время находился в Англии для содействия крестовому походу. В этом году король подтвердил получение в Тауэре "unum austurcum" (ястреба-тетеревятника). Джон де Монмут и продавцы "cableicium", или подлеска, в Динском лесу, из подаренного королем приору Llantonу, должны найти 40 шевронов для ремонта Тауэра; а шерифы Лондона должны восстановить "palum coram postico", или "виселицу перед столбом" Тауэра, и виселицу снаружи Тауэра. 26 мая 1224 года королевская корона была помещена в Тауэр казначеем.

В Трубном списке 9 Генриха III, 1224-5, содержатся различные записи, связанные с Тауэром: - 34 с. 1d. было заплачено за "pro husciis de cute et de feltrio [корпуса из шкур и войлока или прессованной шерсти, или гамбезона], ad balistas Regis, etc., cooperiendas", за размещение королевских балистов, которые находятся в Тауэре; и за железо и сталь (ascero), доставленные констеблю для работ там, 2 марк. Также за древесный уголь (carbo) для королевских кузнецов, 8 с. 6 д.; и Томасу де Бланвиллю, 50 марков для королевских работ; и за древесный уголь для изготовления королевских "квареллов" (болтов для арбалетов) и т.д., у "Томаса Фабера" (кузнеца), в Тауэре, 8s. 7 д.; и за починку королевских домов в Тауэре, 29 с. 7¼d.

В десятом году, кроме суммы в 42 с. и 3 с. 11 д. за древесный уголь для работ, Тос де Бланвилл получил 12 фунтов 3 шиллинга в виде шести карет, или телег, свинца, "ad novam turrellam turris Lond: cooperiendam", и четырех грузов, стоимостью 8 фунтов 0 шиллингов. 19d. для той же цели; таким образом, свинец на крыше новой башни стоил не менее 20 фунтов стерлингов. 4s. 7d. В это время Блунвилл получал 40 фунтов стерлингов в год как кустос.

В два следующих года, 1226-8, 96s. 11 д. было заплачено за древесный уголь, мастером-рабочим был Томас Фабер; а Генри Фиц-Алчи получил 100 марок за работы в Тауэре. О трех последующих годах в списках ничего не говорится. В 1232 году Хьюберт де Бург получал 50 фунтов стерлингов в год как констебль; а в 16 году Генриха III 113 с. 10 д. было уплачено за железо, сталь и древесный уголь, купленные и доставленные Роджеру ле Смиту в Тауэр для изготовления квареллов и других работ.

В 1233 году Тауэр стал насильственной резиденцией Изабеллы, сестры короля, до ее брака с императором Фридрихом в 1235 году; а 28 апреля 1236 года Генрих предпринял необычный ход - созвал в Тауэре совет своих магнатов. Как и следовало ожидать, на собрании присутствовало мало народу, и в результате оно было перенесено в Вестминстер.

2 марта 1238 года, 22 года Генриха III, В списке освобождений есть запись, которая повторяется в соответствующем списке труб: "Et in cameris Regis in turri Lond: reparandis et chimenee Camere Regine perficiendis et uno spiro de bordis bono et decenti faciendo inter cameram et capellam nove turrelle eiusdem turris prope aulam Regis versus tamisiam xvili. iijs. viijd. per breve, etc.". "И на ремонт покоев короля в Лондонском Тауэре, и на достройку дымохода в покоях королевы, и на создание хорошей и подходящей перегородки из досок между покоями и часовней в новой башне того же Тауэра, рядом с Королевским залом, по направлению к Темзе, 16 фунтов 3 шиллинга. 8d., by brief, &c.". Это одно из немногих уведомлений о ремонте, точное место которого можно определить по адресу. Новая башня, несомненно, является вторым этажом Уэйкфилдской башни, которая, как известно, находилась рядом с Королевским залом и в сторону Темзы, и от которой до сих пор сохранилась часовня, или ораторий.

В том же 1238 году, 23 ноября, в "Списке освобождений" король приказывает констеблю побелить стены покоев королевы, "которые находятся внутри наших покоев в Тауэре", а внутри покоев расписать цветами; "а также сделать водосток в покоях в виде полого столба, как наш любимый слуга Джон из Эли более подробно расскажет тебе".

В грамоте от 24 Генриха III указана сумма в 30 фунтов стерлингов. 16s. 4d. за покупку и доставку в Тауэр "una navata", или корабельного груза, мрамора и четырех грузов пурбекского мрамора для работ в Тауэре. Пурбекский камень был обнаружен только в подоконниках двух окон сакрария Тауэра Святого Фомы; но много этого материала осталось на крепостном валу и в других местах крепости, где, несомненно, большая его часть была ввезена в это царствование, и особенно в это время, для проводившихся тогда работ, которые в 1239 году были значительными. Было использовано много кентского тряпья, а также камень из Райгейта и Кана для облицовки. Часто материал для строительства доставлялся на большое расстояние. Генрих II и Эдуард III использовали камень Эгремонта для Виндзора. Мэтт. Париж описывает казну как хорошо наполненную, и это необычное состояние, а также надвигающиеся беды королевства, вероятно, располагали Генриха к тому, чтобы усилить безопасность своей крепости. Новые работы были непопулярны в городе, горожане опасались, и не без оснований, что они будут использованы во вред им. По этому поводу они обратились с протестом к королю, который заверил их, что работы не предназначены для нанесения им вреда. "Я только, - сказал он, - подражаю своему брату, который считается более мудрым человеком, чем я, в перестройке моих замков".

Похоже, что прекрасные ворота и стена были завершены, но внезапно обрушились в ночь Святого Георгия (23 апреля) 1240 года, и были немедленно восстановлены королем. Через

год, в 1241 году, те же самые сооружения или их часть, которая была перестроена, снова упали, и на этот раз горожане нашли сверхъестественную причину этого события. В ночь второго падения, рассказывает Мэтт. В ночь второго падения, говорит Матф. Парис, некий благочестивый священник увидел архиепископа в одежде, с крестом в руке, который сурово посмотрел на стены, которыми король в то время опоясывал башню, и, резко ударив по ним, спросил: "Зачем вы их строите?", отчего новопостроенное здание рухнуло, словно разбитое землетрясением. Священник, слишком встревоженный, чтобы обратиться к прелату, обратился к тени служителя: "Кто же этот архиепископ?" "Святой Фома Мученик, - был ответ, - по происхождению горожанин, который возмущается этими работами, предпринятыми с презрением и в ущерб гражданам, и разрушает их до неузнаваемости". На что священник заметил: "Какие затраты и труд рук он уничтожил!" "Если бы дело было в том, - сказал клерк, - что голодающие и нуждающиеся ремесленники пообещали себе пропитание, это было бы терпимо; но поскольку работы были предприняты не для защиты королевства, а во вред горожанам, даже если бы святой Фома не уничтожил их, они были бы полностью сметены святым Эдмундом, его преемником".

В ту ночь священник рассказал свою историю, а на следующее утро стены башни, на строительство которых было потрачено около 12 000 марок, оказались на земле, к удивлению, но отнюдь не к огорчению горожан, для которых они были как бельмо на глазу. Несмотря на предсказание святого Фомы, работы были немедленно возобновлены, и на этот раз с полным успехом.

Несомненно, стена и ворота были Водными воротами святого Фомы и прилегающей к ним куртиной вдоль южной стороны крепости и на берегу реки, где влажная земля и коварный характер лондонской глины, в большей или меньшей степени обнажившейся в старом городском рву и рву Лонгшампа, должны были сделать задачу архиепископа легкой. Из этой истории можно сделать вывод, что в 1239-40 годах Генрих занимался масштабными работами в Тауэре, включая внешнюю крепостную стену и башню, набережную и нынешний ров; а нынешние работы показывают, что они были достаточно важны, чтобы их можно было заменить, во что бы то ни стало, когда они были разрушены в результате несчастного случая. Вероятно, архитектор научился этому на собственном опыте, так как примечательно, что ни на внешней стене, ни на любой другой части крепости не было замечено серьезных следов оседания из-за дефектов фундамента, и это тем более необычно, что часть кладки должна была проходить по линии старого городского рва. Такая устойчивость, вероятно, объясняется большой шириной фундамента, а также тем, что в крепости нет подземных камер, а башни, расположенные ниже уровня земли, а иногда и намного выше, являются сплошными.

Возобновление работ на стене и западных воротах не привело к запустению королевской резиденции внутри. 24 февраля 1240 года, 24 Генриха III, король, согласно Освободительному списку, так обратился к хранителям работ: - "Мы приказываем вам, чтобы покои королевы в вышеупомянутой башне были без промедления обшиты плетнем, тщательно выбелены внутри и заново покрашены розами; и чтобы между покоями и гардеробом была сделана стена [перегородка] по типу плетня, и пусть она будет полностью покрыта снаружи черепицей; А также пусть одна большая палата в той же башне будет полностью выбелена и заново покрашена, а все окна той же палаты будут заново сделаны из нового дерева, с засовами и петлями, и будут расписаны нашими гербами, и заколочены железом, где нужно. Кроме того, отремонтировать и починить все стеклянные окна в часовне Святого Иоанна Крестителя в упомянутой башне, где это необходимо; и отремонтировать все окна в большой палате в сторону Темзы из нового дерева, с новыми болтами и петлями, и

хорошо заколотить их железом; и в углу той же палаты сделать большую круглую башню в сторону Темзы, чтобы сток из последней палаты мог спускаться в Темзы; и сделать новую крышку на вершине кухни большой башни."

В Освободительном протоколе того же года, января 1240 года, предписывается нарисовать в Тауэре "камин", изображающий олицетворение Зимы с печальным выражением лица и жалкими искажениями тела.

А 10 декабря следующего года (25 Генриха III.) смотрителю приказано: "Отремонтировать зернохранилище в той же башне и т. д., а также спустить на землю все свинцовые желоба большой башни, по которым дождевая вода падает с вершины той же башни; чтобы стена той башни, *которая недавно была побелена*, не пострадала от капающей дождевой воды и не ослабла. И сделайте на той же башне с южной стороны, на самом верху, глубокие проемы из хорошего и крепкого дерева, полностью и хорошо покрытые свинцом, через которые люди могли бы смотреть даже на подножие упомянутой башни, и подниматься, и лучше защищать ее, если потребуется. А также побелить всю часовню святого Иоанна Евангелиста в той же башне, и сделать в той же часовне три стеклянных окна, одно, а именно, на северной стороне, с маленькой фигуркой Марии, держащей ребенка; другое, на южной стороне, с [изображением] Троицы; и третье, на той же южной стороне, со святым Иоанном Апостолом и Евангелистом; и покрасить крест и балку за алтарями той же часовни, и хорошими красками. И сделайте и напишите два честных образа, где они могут быть лучше и приличнее всего сделаны в той же часовне, один из которых изображает святого Эдуарда, держащего кольцо и дающего его святому Иоанну Евангелисту. И побелите всю старую стену вокруг нашей вышеупомянутой башни".

Из этих распоряжений мы узнаем, что часовня в Белой башне была побелена, застеклена, имела три расписных окна, расписную балку и крышу за алтарем, а также расписные фигуры, несомненно фресковые, на стене, святого Эдуарда и святого Иоанна Евангелиста. Большая палата в сторону Темзы, перечисленная вместе с часовней, может быть отнесена к государственному покою в Белой башне; но "большая круглая башня в сторону Темзы с содержащимся в ней водостоком" не может относиться ни к Белой башне, ни к любой из существующих башен на фронте Темзы. Возможно, это была башня Лантхорн.

О Белой башне говорится как о недавно побеленной. Несомненно, это было сделано для того, чтобы устранить все неровности в кладке, так как 28 Генриха III было приказано подправить башню в Корфе раствором, где это необходимо, и побелить всю внешнюю часть. Не совсем понятно, что это были за алюры, столь подробно описанные, на вершине южного фасада Белой башни; вероятно, это был бреташи или кладка, поскольку никакие другие работы не позволили бы защитникам увидеть подножие стены. Можно было предположить, что на такой большой высоте дополнительная защита от ракет не нужна, а если предположить, что внутренняя палата будет взята, то именно с возвышенности на северной, а не на южной стороне, эффект от стрельбы из лука или боевых машин будет наибольшим.

В том же 25 году Генрих III. Питер Бакун, Ричард де Фрезингфельд и их товарищи, смотрители работ в Тауэре, получили 36 фунтов стерлингов; также 24 фунта 40 пенсов было заплачено за двадцать нагрудных щитов и двадцать алебард, купленных для обороны Тауэра и переданных констеблю. В это время работы были настолько важны, что был издан приказ, согласно которому "перед закрытием казначейства бароны должны были проверять счета

смотрителей работ лондонского Тауэра короля". В 26 году Генриха III капеллан, служивший в часовне Тауэра, получал 50 с. в год.

Среди правил, использовавшихся в это время, было несколько, касающихся правового положения Тауэра, записанных в Liber Albus. Так, когда казначейство было закрыто, мэр должен был быть представлен в Тауэре, и там же иногда проходили городские тяжбы с короной; в таких случаях городские бароны должны были ставить своих "привратников" за воротами Тауэра, а королевский привратник должен был находиться внутри. Кроме того, у них был "остиарий" у дверей зала, где проходили слушания, чтобы представлять баронов, а у короля был "остиарий внутри". Зал, несомненно, был зданием, которое впоследствии было заменено офисом Орднанс, а вход в него, как полагают, находился у современного дверного проема, расположенного к востоку от башни Уэйкфилд.

Следующая обнаруженная запись содержится в "Списке освобождений", 29 Генриха III, 3 декабря 1244 года, в котором констеблю Тауэра приказано доставить Эдварду Фиц-Ото столько свинца, сколько будет необходимо для выполнения определенных работ в Вестминстере. Именно в этом году Гриффит-ап-Ллевелин, пытаясь бежать по веревке из своей тюрьмы в Тауэре, упал и сломал себе шею. Гриффит был полноват, а Белая башня, с которой он спустился, была возвышенной. Его веревка была сделана из постельного белья и тому подобных материалов и порвалась. 30 апреля король публично объявляет об этом несчастном случае и приписывает его небрежность слугам, в чьи обязанности входило присматривать за заключенным.

31 Генрих III. 1246-7 гг. констебль получил шестьдесят марок за постройку "quandam turrellam", некой башни; в следующем году было заплачено еще сорок марок за изготовление еще одной башни, приватной камеры и других работ. В 33 году Генрих III закупил четырнадцать телег свинца за 32 фунта 9 шиллингов. 10d. и доставлены Питеру Бланду, констеблю.

В 34 г. в Трубном списке указано, что Эдуард Вестминстерский и констебль получили шестьдесят марок на работы в Тауэре, а смотрители - тридцать марок на ремонт и покрытие королевских домов и свинец для работ. В следующем году, 1250-1, десять марок ушло на ремонт и покрытие стен и башен, а 4 фунта 8 шиллингов. 6 д. за два груза свинца для тех же работ в королевских домах.

37 Генрих III. Адам де Ламберн, мастер работ в Тауэре, получил 10 фунтов стерлингов, а смотрители, также за работы, 30 фунтов, и Адам снова 12 фунтов, а в следующем году смотрители за работы на пятьдесят марок больше. 39 Генрих III, 1254-5, заплатил 22 фунта 20 пенсов за дом для королевского слона, 40 футов в длину и 20 футов в ширину. Это был подарок от короля Франции, и, как утверждает Матт. Париса, что это был первый слон, которого видели к северу от Альп. За ремонт домов и башен также было заплачено 59 фунтов 6 шиллингов. 2d. В следующем году 52 фунта 11 шиллингов. 3д. было выплачено за работы, начатые шерифом в предыдущем году, а за недоделки в Тауэре - 37 фунтов 2с. 9d.; и 41 Генрих III, £90. 14s. 9d. за камни для завершения уже начатой набережной Тауэра, а также для Большого гардероба и других недостатков.

42 Генрих III, 1257-8, две суммы в 101s. 8d. и 4. 12s. 6d. были выплачены за свинцовые водостоки и другие ремонтные работы; и 43 Генрих III, £36. 3s. 8d. на ремонт королевских домов, а также на строительство новой конюшни и ремонт старой, водосточные трубы и "клаустуру", или перегородку, для той же башни, £17. 15s. 7d.

Это был 1258 год, в котором, согласно Оксфордским положениям, бароны захватили Тауэр и поместили в него Хью ле Бигода в качестве смотрителя. В этом году был составлен краткий отчет: "In emendacionem planchicii[8] turris Lond: et turrella ejusdem turris versus aquam cooperianda, etc.". Вскоре после этого Генрих, с позволения папы, порвал со своими подданными и вернул себе Тауэр, где он проживал в феврале 1261 года, и приказал выдать Теодору де Кастелю 40 с. за железо для работ в королевской башне, отнятое у него.

Обстоятельства в стране вынудили короля принять активные меры по сохранению крепости. Рождество 1260 года он провел там вместе со своей королевой и использовал все имеющиеся в его распоряжении средства для завершения строительства оборонительных сооружений. Вероятно, именно в это время были готовы водные ворота, а приливной ров превратился в мокрый ров. Мэтт. Париж упоминает об усилиях, предпринятых для укрепления города, и о том, как король в это время предложил горожанам поклясться ему в верности и поступить на службу в его армию, которая в то время собиралась за городом. Он также снова назвал Тауэр местом проведения заседания парламента, которое должно состояться 21 февраля 1261 года, 45 года Генриха III.

Советники не ответили на призыв. Король отпраздновал Пасху в крепости, и 18 марта приставам Глостера было приказано ежедневно присылать столько миног, сколько они могли взять; а 17 апреля приставы Уолтхэма должны были предоставить хороший хлеб стоимостью 60 фунтов и буханки по четыре за пенни и отправить их королевскому пантеру в Тауэр за обычным подаянием в канун Пасхи. Аналогичные требования были направлены судебным приставам Баркинга и Дартфорда, Кингстона и Уотфорда на сумму 40 фунтов, а мэру и шерифам Лондона - на 20 фунтов. В общей сложности, хлеб должен был быть роздан на сумму 33 фунта стерлингов. Также было приказано выдать 164 туники королю и королеве, которые должны были быть переданы королевскому алмонеру, и 21 тунику королевским детям; все они должны были быть розданы беднякам в соответствии с обычаем. Генрих оставался в Тауэре примерно до 20 апреля.

Принц Эдуард вернулся в Англию в том же году, но не стал действовать со своим отцом, советникам которого он не доверял. Король, однако, похоже, удержал Тауэр и провел в его стенах Рождество 1261 года. Затем, оставив Джона Мэнселла за главного, он отправился в Дувр, а оттуда через Рочестер в Винчестер на Уитсунтид. Там, однако, бароны приготовились его схватить, и он удалился в Тауэр, где оставался до октября. Рождество 1262 года он снова провел в Тауэре.

После некоторого времени, проведенного за морем, и Рождества в Кентерберии Генрих не смог встретиться со своими врагами в Вустере и вернулся, 47 Генрих III, в Тауэр, где вместе со своей королевой, принцем Эдуардом и королем римлян советовался с мэром и олдерменами Лондона по поводу де Монфора, а вскоре после этого и с самим дворянином. Одним из результатов стало назначение Хью ле Деспенсера начальником Тауэра. Именно в этом году королева, покидая Тауэр по воде, чтобы присоединиться к принцу в Виндзоре, подверглась улюлюканью и погромам со стороны жителей на мосту и была вынуждена вернуться обратно. В том же году Джон Сперлинг за 7 фунтов стерлингов возвел "палициум", или частокол, между Тауэром и городской стеной, а через два года он потратил 25 фунтов стерлингов. 10s. 3 фунта стерлингов на покрытие королевских домов, ремонт королевских садов и т. д.

Генрих снова был в Тауэре в 1265 году, после битвы при Ившеме; а в 1268 году крепость, которой тогда командовал Хью Фиц-Ото и в которой находился папский легат Оттобон, была осаждена Гилбертом, графом Глостером. Евреи, которые со своими семьями укрывались в Тауэре, внесли личный вклад в его оборону. Глостер возвел земляные укрепления и

попытался устроить блокаду; но в мае и июне Генрих, подошедший со стороны Виндзора и Стратфорда, расположился там лагерем на два месяца и, подбросив подкрепление, вывел легата через южные ворота к реке и расположил его с армией в Стратфорде, вынудив Глостера запросить мира[9].

Ремонт зала Тауэра и других домов обошелся в 20 фунтов стерлингов в 1268-9 годах, а другой ремонт - в 12 фунтов стерлингов в следующем году; но о последующих и двух заключительных годах долгого правления Генриха III ничего не известно.

Со смертью Генриха и в первые годы правления его сына история Тауэра как образца военной архитектуры, можно сказать, пошла на спад, а его история как государственной тюрьмы если не началась, то преобладала. Эдуард сразу же продолжил и завершил работы, начатые его отцом, и, вероятно, занимался этим в течение десяти или двенадцати лет. В 1274 году 2 Эдуард, казначей, должен был заплатить 200 марков на работы по сооружению рва, который тогда уже был почти сделан, вокруг фальшборта. Это был кольцевой ров, окружавший барбакан, запланированный Генрихом III, но, несомненно, впервые вырытый именно тогда. Кроме того, в 1287 году главный ров, по-видимому, был расширен, а его залегание на землях Святой Кaterины оценивалось в 1302 году в 73 с. в год. Извлеченная глина продавалась констеблем тилерам, работавшим в Ист-Смитфилде. В 1289 году она приносила 20 с., но в среднем стоила 7 фунтов - около 100 фунтов в наши дни. Бэйли рассказывает, что в 1281-2 годах Эдуард заключил здесь в тюрьму 600 евреев, которые занимались обрезанием монет. 8 октября 1303 года король, находившийся в Кинлоссе, приказал заключить в Тауэр аббата Вестминстера и 80 его монахов по обвинению в краже 100 000 фунтов стерлингов из королевских сокровищ. Следующий мандат, датированный тремя годами позже, показывает, в какой форме заключенные были преданы суду. Он касается шотландского джентльмена. "Mons: P: de Graham et vadletz, soient enveez, par bon conduyt, a Londres, et livrez au Conestable de la Tour illueques: et q'il les face garder en fers, en bon et sur lieu, denz meisme la Tour, si sauvement, et si surement, come le Conestable voudra respondre de eux, corps pour corps; et q'il lor face trouver lor sustenance meanement."

В 1307 году появляется любопытный санитарный приказ. "В то время как Маргарита, королева Англии, собирается некоторое время провести в Тауэре, мэры и шерифы, чтобы предотвратить заражение воздуха, "per ascensionem rogorum", должны запретить и наказывать любого, кто "сжигает костры" или делает что-либо, что может испортить воздух". Датируется Карлайлом, 28 июня.

Эдуард II больше зависел от Тауэра в плане личной безопасности, чем в качестве тюрьмы. Здесь родилась его старшая дочь, которую впоследствии называли "Джейн де ла Тур". В 1312 году он привел Тауэр в состояние обороны от своих баронов, а в 1324 году запер здесь двух лордов, Роджера Мортимера из Вигмора и его тезку из Чирка. Их побег описан в "Opus Chronicorum". Они были заперты "в знаменитом и неприступном месте Туррис", что должно означать Белая башня. Они опоили своих стражников и в бурную ночь сбежали, сломав стену, и таким образом добрались до пристроенной дворцовой кухни, с вершины которой по веревочной лестнице и при помощи изнутри стен они добрались до Темзы и таким образом бежали из страны.

Два года спустя Мортимер из Вигмора вернулся с королевой и выступил против Эдуарда, который навел порядок в Тауэре, отправив туда 100 почтовых мундиров (Pell Rolls, 158), и там, 20 июня, принял городские власти. 2 октября он бежал, оставив своего сына, Джона Элтхэмского, в Тауэре, а Стэплтона, епископа Эксетерского, управлять городом. Горожане, как известно, восстали и обезглавили епископа, а на следующий день, войдя в доверие к

констеблю Джону де Вестону, вырвали у него ключи и вошли в крепость. Однако, судя по всему, они лишь освободили пленников, выгнали чиновников и назначили своих людей под номинальной властью принца Джона.

Первые годы правления Эдуарда III были проведены в Тауэре, пока он не сверг Мортимера и не принял на себя управление страной. Вероятно, башни Бошамп и Солт, а также, возможно, Боуир, были его работой. В девятый год своего правления, по поручению, датированному Бервиком 16 октября 1336 года, он приказал провести обследование дефектов Тауэра и созвать жюри, которое должно было заявить о необходимости ремонта. Этот отчет был составлен без промедления и напечатан Бейли. В нем упоминаются ворота, ведущие к собору Святой Екатерины, ступени и переходы на стене, камера над Водяными воротами; башни "Коранд" и "Ле Мони"; часовня Тауэра; часовня короля и королевы; две башенки над старыми воротами, одна из которых называется "Ла Пламмери"; набережная напротив Темзы с маленькой пристанью на одном конце и "Петивейлс" на другом. Бошамп, Боуир и большинство других башен не названы, возможно, потому, что некоторые из них тогда еще не были построены, а другие, работы его деда, не нуждались в ремонте. "Ле Бланш Тур", по-видимому, не является хранилищем, которое тогда называлось "Альта Туррис". Другие названные части многочисленны, но, очевидно, относились к дворцовой палате, ныне разрушенной. Результатом возвращения стало то, что в следующем году Тауэр был приведен в порядок и укреплен гарнизоном. В Клоуз Ролл (10 Edward III.) упоминается, что в 1337 году шерифы Лондона должны были выплатить 40 фунтов стерлингов из городских ферм, чтобы потратить их на "великий Тауэр", который в то время очень нуждался в ремонте; а шериф Кента должен был привезти дуб из Хаверинга для работ. Шерифы Суррея и Сассекса также должны были предоставить 20 фунтов стерлингов на те же нужды.

Тауэр был главным арсеналом Эдуарда. В 1337-8 гг. шерифы Лондона должны были отправить туда "5 миллионов ферри и 200 бордов Эстланда [балтийских досок], а также четверть центнера морского угля" (морского угля) для изготовления якорей для "Кристофера" и "Когга Эдуарда", а также для некоторых работ в Тауэре. ("Abb. Rot. Orig. II.", p. 116). В это время Эдуард был занят подготовкой к внешним войнам, и именно в Тауэр он неожиданно вернулся из Турнэ ближе к полуночи 30 ноября 1340 года и наказал констебля за небрежность. Также в период с 1340 по 1342 год он часто бывал в Тауэре, и здесь родилась одна из его дочерей. Записи также показывают, что Монетный двор пользовался значительным вниманием королевской семьи.

Мистер Хантер показал ("Arch.", xxxii., 380), что уже в 1347 году были оплачены счета за изготовление, вероятно, двумя или тремя годами ранее, "pulvis pro ingeniis"; а в 1346 году, "ad opus ipsius Regis pro gunnis suis", 9 cwt. 12 фунтов селитры и 886 фунтов быстрой серы; так что порох, несомненно, производился в Тауэре.

Примерно в это же время в Тауэр прибыл первый из целой серии знаменитых иностранных военнопленных. Давид, король шотландцев, взятый при Невиллс-Кроссе, был доставлен сюда в январе 1347 года и оставался здесь одиннадцать лет; так, в 1357-8 годах за поставленные лекарства было заплачено 2 фунта 12 шиллингов. 9d. было заплачено за лекарства, поставленные для него. Позже, в том же году, вместе с Давидом сюда прибыл Карл Блуаский, племянник Филиппа Французского; а еще позже - Джон де Вьенн, губернатор Кале, и двенадцать храбрых бюргеров этого города. Наконец, в 1350 году здесь поселился Иоанн, король Франции, и взятые с ним вельможи, а в том же месте в безопасности находились 47 171 фунт стерлингов. 1s. 4d., первая часть его выкупа.

В 24 году Эдуарда III, 1350-1, Джон де Алкешулл получил поручение взять по всему королевству "petram, buscam, carbones, maeremium, plumbum, vitrum, ferrum, et tegulam", то есть камень, дерево, уголь, древесину, свинец, стекло, железо, черепицу и все, что необходимо для королевских работ в Вестминстере, Виндзоре и Тауэре. Как были разделены эти материалы, неизвестно. Виндзор, вероятно, получил главную долю.

В 1354 году король предложил изменить устав часовни Святого Петра и Винкула в Тауэре и сделать ее колледжем с деканом и тремя канониками вместо ректора и капелланов. Однако, похоже, это не было сделано, поскольку и Ричард II, и Генрих IV назначали ректора в "Свободную часовню Святого Петра". Фактическая инкорпорация произошла только в последний год правления Эдуарда IV. В 1354 году было предложено хранить эталоны веса и меры в Тауэре; в этом же году король приказал очистить городской ров и предотвратить его переполнение в Тауэрский ров. Во времена Стоува нечистоты отводились канализацией из городского рва.

Назначения оружейников, лучников, инженеров по изготовлению боевых пращей и т. д. свидетельствуют о том, что запасы боевого оружия продолжали оставаться значительными. В 33 г. Эдуард III приказал упаковать все луки, тетивы, стрелы, "двуручные лебедки для балистов"[10], находившиеся на хранении у В. Ротерела в Тауэре, в сундуки, колчаны, приклады, трубы и бочки и отправить в Сэндвич, чтобы король переправился через воду. В 1360-2 гг. различные суммы были потрачены на ремонт королевского архива в Тауэре, содержащего канцелярские списки: вероятно, это Уэйкфилдская башня.

Ричард II выполнил обычай, согласно которому перед коронацией он ненадолго останавливался в Тауэре, чтобы в торжественной обстановке проследовать через Сити. Здесь же он укрылся во время восстания Уота Тайлера, после чего Арнольду Брокасу было выплачено 3 фунта 6 шиллингов. 8d. за починку двери, выломанной обычными мятежниками в Тауэре. В 1380-1 году был составлен свод правил для лучшего управления этим местом. В 1385-6 гг. отсюда были отправлены пушки в Порчестер. В 1387 году Ричард приехал сюда, спасаясь от своего дяди герцога Глостера, и на Рождество того же года был блокирован мятежными лордами, которым он дал аудиенцию в крепости.

Два года спустя, в 1389 году, именно из Тауэра король отправился на большой пир и турнир в Лондон; здесь же в 1396 году поселилась его новая королева, Изабель Французская, перед своей коронацией. Здесь, наконец, Ричард подписал свое отречение от престола в пользу Генриха Ланкастерского. Ни одна работа в Тауэре не может быть с уверенностью отнесена ни к этому правлению, ни к последующему правлению Генриха IV.

Из "Списка выдачи" и "Пеллских записей" 1 Генриха V следует, что в Тауэре был организован завтрак стоимостью 2 фунта 16 шиллингов. 8d. для Томаса, графа Арундела, Генри ле Скропа, лорда де Рооса и мэра Лондона, комиссаров для суда над изменниками. Этим лордом де Роос был Уильям, седьмой барон, предок покойного лейтенант-губернатора, чьи предки по мужской линии - Фицджеральды - также часто пользовались гостеприимством Тауэра, хотя и в менее приятном качестве заключенных.

Генрих V возродил былую славу тюрьмы, отправив сюда Карла, герцога Орлеанского, взятого в плен при Азенкуре. На иллюстрации того времени, сделанной лордом де Росом, герцог был размещен в парадных покоях Белой башни, а также показаны четыре окна большого зала, который примыкал к Уэйкфилдской башне с востока.

Сильные монархи использовали Тауэр в качестве тюрьмы, слабые - в качестве крепости; при Генрихе VI он предстает в этом последнем качестве. В 1460 году лорд Скейлз, королевский

наместник, был осажден графом Солсбери, лордом Кобэмом и сэром Джоном Уэнлоком. Горожане атаковали западный фронт; Уэнлок - со стороны Сент-Кэтрин, а Кобэм с артиллерией - с берега Саутварка, ведя огонь через реку. Когда южный ров был расчищен и выровнен в 1842-3 годах, было найдено несколько круглых железных снарядов и около тридцати из кентского тряпичного камня, диаметром от 4½ до 10 дюймов, а в одном случае - 17 дюймов, которые, как предполагается, упали туда по этому случаю.

Считается, что Эдуард IV построил бастион за западными воротами у Львиной башни. В одиннадцатый год его правления были произведены платежи за оружие и боеприпасы для обороны и за работы по укреплению Тауэра. Рабочие были привезены из Кале. В том же году были выделены деньги на расходы Генриха VI, в то время заключенного в Тауэре. Ричард III во время своего недолгого правления нанимал каменщиков и кирпичников для завершения некоторых ремонтных работ в Тауэре.

Вероятно, стены и башни пришли в упадок после Генриха VII, так как Генрих VIII в 1532 году приказал провести обследование с целью общего ремонта, который был выполнен вскоре после этого. Ремонт был очень значительным, и кладка была выполнена из канского камня, облицованного кирпичом, и, к сожалению, большая часть Тауэра, похоже, была облицована или обложена, а в остальном очень сильно изменена. Обзор очень подробный и проливает свет на многое из того, что сейчас разрушено. Упоминается "башня Бербеджа" на стене между башнями Боуир и Брик, очевидно, нынешняя башня Брик, а "Брик" - нынешняя башня Мартина. "Башня Святого Мартина" была тогда внешними воротами, теперь это "Средняя" башня. Нынешняя Соляная башня тогда была башней Юлия Цезаря, а старая башня Лантхорн называлась Новой башней. Уэйкфилд называют "башней, где хранятся королевские записи", а "Кровавая" башня тогда была Садовой. "Байвард" - это "ворота Вардинга". Два деревянных моста, очевидно, разводные, должны были быть обновлены у западного входа. Как тогда, так и сейчас, крепость представляла собой Белую башню, отличавшуюся четырьмя башенками.

В 1548 году в Байуорд-Тауэр произошла трагедия. Француз, поселившийся в "круглом фальшбурте, называемом Ворота начальника, между западными воротами и постерном, или разводным мостом", взорвал фальшборт и себя порохом. Он был восстановлен. Во времена правления Эдуарда VI между Железными и Предательскими воротами также существовал разводной мост, очевидно, башня Колыбели. Он использовался для приема великих узников, а крепкие железные ворота (ворота Святого Томаса) почти вышли из употребления.

Здания дворца, вероятно, пришли в упадок в царствование Елизаветы, при которой или при Якове Большой зал был демонтирован. За ним последовали другие здания. Многие из них были разрушены Кромвелем, многие - Яковом II, чтобы освободить место для нового офиса Орднанс, а остатки башни Лантхорн были снесены в конце прошлого века. Белая башня была окончательно изуродована сэром К. Реном в 1663 году, который итальянизировал ее проемы, обшил часть экстерьера и перестроил две башни. Работу сэра Кристофера можно проследить по порландскому камню, введенному им в крепость, как и работу Генриха VIII, о которой свидетельствует использование кирпичной кладки и грубого литья, а также практика заделки швов кладки щепой и щепой из кремня. В 1663 году ров был очищен, а набережная перестроена.

В начале нынешнего века Тауэр представлял собой необычайное нагромождение древних и более поздних зданий, башни и стены были почти полностью загромождены небольшими служебными жилищами, которыми был плотно занят этот район. Большой пожар 1841 года уничтожил неприглядную оружейную палату Якова II и Вильгельма III на севере внутренней

палаты, но власти в то время еще не созрели для пожара. На месте оружейной палаты был возведен болезненно-долговечный тюдоровский барак, а ремонт и дополнения были сделаны без учета характера крепости. Совсем недавно общее улучшение общественного вкуса пробило себе дорогу даже в Тауэр. Мистер Салвин работал в нем до самой своей смерти, а в последнее время многие современные постройки были демонтированы, многие древние фундаменты открыты, и был проведен очень обширный ремонт и некоторые совершенно необходимые реставрации под умелым и очень благоразумным руководством сержант-майора Эндрюса.

Таким образом, Тауэр - древнее и очень любопытное военное сооружение, которое, несмотря на дополнения, изменения и сокращения в течение восьми веков, все еще сохраняет характер ранней крепости, а также очень много оригинальной и своеобразной работы. Возможно, в некоторых отношениях Тауэр нельзя сравнивать с другими великими феодальными замками Англии. Он не стоит, как Дувр и Бамбро, на краю возвышенной скалы, откуда открывается равный простор для суши и воды. В нем нет уединенного величия Корфа и его старых ассоциаций с англосаксонскими временами. В нем, как и в Конвее, Каэрнарвоне, Бомарисе и Харлехе, нет отпечатка единого разума в замысле и единой руки в исполнении; Он не может похвастаться ни богатым окружением Ладлоу, Уорика или Кенилворта, ни гордым превосходством Виндзора, нынешней резиденции государя, резиденции старейшего и самого прославленного рыцарского ордена, центра четырех прекрасных графств, возвышающегося среди богатой мантии лесной зелени, разнообразной серебряными извилами Темзы, и почтенных стен и дворов Итона.

Лондонский Тауэр не может выдвинуть ни одной из этих разнообразных претензий на наше внимание, но он является не менее интересной крепостью в Британии. Это творение великого норманнского завоевателя Англии, основанное основателем ее монархии. Это цитадель метрополии Британии, которая долгое время была самой надежной резиденцией ее величайших королей. Здесь они хранили сокровища империи, драгоценности и регалии своей короны. Здесь они обеспечивали безопасность пленников, чеканили и хранили свою монету. Здесь нередко проходили судебные и казначейские заседания; здесь хранились самые ценные записи; здесь изготавливались и сохранялись длинноствольный и перекрестный луки, мечи, копья и пики, доспехи, балисты, скорпионы и катапульты, то есть артиллерия и боеприпасы феодальной войны. Здесь же, по мере того как откладывались в сторону эти старые машины, впервые было изготовлено то "тонкое зерно", то "*pulvis ad faciendum le crak*", а также эти "гоны и бомбарды войны", которые должны были произвести революцию в военном искусстве, пока их самих не вытеснили более поздние изобретения, из которых древний замок по-прежнему является великим хранилищем и арсеналом страны.

Но память о Тауэре превосходит даже его ассоциации с военной славой государства. Он был тюрьмой и эшафотом для нескольких лучших и храбрейших представителей английской крови. Перси и Мортимер, Гастингс и Клинтон, Невилл и Бошамп, Арундел, Деверо, Стаффорд и Говард - эти "старые козлы, которые так долго противостояли волнам и непогоде времени", - нашли здесь могилу. Здесь процветал и был срублен великий дом Плантагенетов. Здесь английская Елизавета научилась использовать невзгоды; здесь Рэли утешил свое заточение написанием "Истории", которая сделала его имя великим как в литературе, так и в военно-морском деле.

Здесь же, плененные в этих стенах и через эти ворота приведенные к смерти, были Мор и Фишер, мученики за древнюю, а Анна Эскаю - за более чистую веру; леди Джейн Грей, самая невинная и совершенная из жертв; Страффорд и Лауд, твердые за старую тиранию; сэр Джон Эллиот, который умер в тюрьме с разбитым сердцем за новую свободу.

Ни одна крепость, ни бастилия во Франции, ни барджелло в Италии, ни тюремный замок в Испании или Германии не связаны так глубоко с историей своей нации или с прогрессом гражданской и религиозной свободы.

ЗАМОК ЛУДЛОУ, ШРОПШИР.

Замок Ладлоу - слава средних маршей Уэльса и первое место среди многочисленных военных сооружений, которыми украшалось и защищалось великое графство Салоп. Это благородный образец военной, дворцовой и даже церковной архитектуры, высокой древности и исторической славы. Вероятно, он не имеет себе равных в Британии по красоте своего расположения, где лес и вода, луга широких просторов и редкого плодородия сочетаются с суровыми и высокими скалами, из которых стены и башни кажутся составной частью, настолько естественны оттенки их лишайников, так густа листва и так тесны объятия их плюща. Ассоциации с прошлым также недостойны столь яркой сцены. Здесь в эпоху рыцарства Лаки и Мортимеры совершали многие из тех ратных подвигов, которые наполнили своей славой пограничные графства. Здесь Стефан использовал свою огромную личную силу в интересах наследника шотландского престола, которого собирались затащить в осажденный замок с помощью необычной и несколько неуклюжей военной машины; и против этих грозных стен в течение двух столетий устремлялись дикие племена Уэльса, только чтобы отступить, подобно морскому приливу, разбитые и рассеянные. Замок Ладлоу был ранней резиденцией Эдуарда IV и колыбелью его младенцев-сыновей; здесь же умер принц Артур, старший брат Генриха VIII. В более поздние времена в этих стенах заседал знаменитый Совет Уэльса, президентом которого долгое время был Генри Сидней, а палаты здания, разрушенные и лишенные крыши, свидетельствуют о том, что в них было устроено столь великолепное жилище. Здесь же, под конец того блестящего, но порочного провинциального двора, привлекательность которого ощущал даже строгий Бакстер, Батлер написал часть своей бессмертной сатиры, а маскарад "Комус" был впервые явлен миру. Однако история Ладлоу, как замка, так и города, уже была написана - для раннего периода со скрупулезной точностью мистером Эйтоном, а также более подробно и вплоть до более позднего периода мистером Райтом; цель настоящей статьи - лишь описать особенности замка или, по крайней мере, его военной части, и таким образом восполнить допущенный недостаток.

Замок Ладлоу венчает скалистый мыс, выступающий на высоту более ста футов над местом слияния Корве с Темой. К востоку, в непосредственной близости от него, ниже замка, но гораздо выше прилегающей равнины, возвышается величественная крестообразная церковь с высокой центральной башней, а вокруг и под ней - причудливый старый город. На севере, далеко под стенами, видны реки Корве и Теме, протекающие по оплодотворяемым ими лугам, а на западе открывается глубокий и узкий овраг, по которому их объединенные воды текут к далекому Северну. Раньше, когда луга представляли собой болото, а овраг был завален поваленным лесом и неровностями затрудненного дренажа, оборона на этих двух наиболее уязвимых участках должна была быть особенно сильной, а также дополнением, отнюдь не лишним, к безопасности марша.

Мыс в плане представляет собой скорее прямой угол, а две его стороны защищены природой. В радиусе примерно двухсот футов от угла от утеса до утеса прорыт широкий и

глубокий ров, который, как и в Норхэме, в плане представляет собой четырехугольник, хотя и не отличается особой регулярностью. Он образует среднюю часть замка, а в юго-западном углу из него вырезана внутренняя часть. Внешняя палата лежит к востоку и югу, охватывая среднюю палату с ее стороны. Чтобы сформировать его, северная и западная стороны были выдвинуты вдоль скал еще на двести футов и соединены вторым ровом, ныне засыпанным, который формировал внешнюю оборону места с наиболее слабых, но наименее подверженных риску сторон. Этот ров, о линии которого можно судить по его куртине, не был точно концентрическим с внутренним ровом, а лежал двумя неровными линиями почти под прямым углом друг к другу, так что вся площадь замка имеет примерно прямоугольную форму и составляет около 130 ярдов к востоку и западу на 150 ярдов к северу и югу; таким образом, она включает около четырех акров.

Город также был обнесен стеной, и его стены примыкали к замку, который, как обычно в таких обстоятельствах, хотя и имел свои собственные защитные сооружения, являлся частью общей *крепости*. Городская стена до сих пор прослеживается от юго-западного угла замка над рекой до южной сторожки, которая, хотя и обнесена поздними постройками и изуродована в манере, характерной для последнего и предыдущего веков, все еще демонстрирует паз-порткуллис и арочный проем, выполненный в раннем английском стиле и, вероятно, времен Генриха III.

Замок состоит из внутренней, средней и внешней частей. Внутренняя палата занимает юго-западный угол средней палаты и имеет приблизительно прямоугольную форму: 32 ярда на восток и запад и 16 ярдов на север и юг. Южная стена отделяет его от внешнего отделения, а западная является частью общего *энсинта*. Две другие стены отделяют его от средней палаты. На юго-восточном, юго-западном и северо-западном углах этой палаты находятся три башни: сторожевая, пекарня и почтовая. В нем находится колодец.

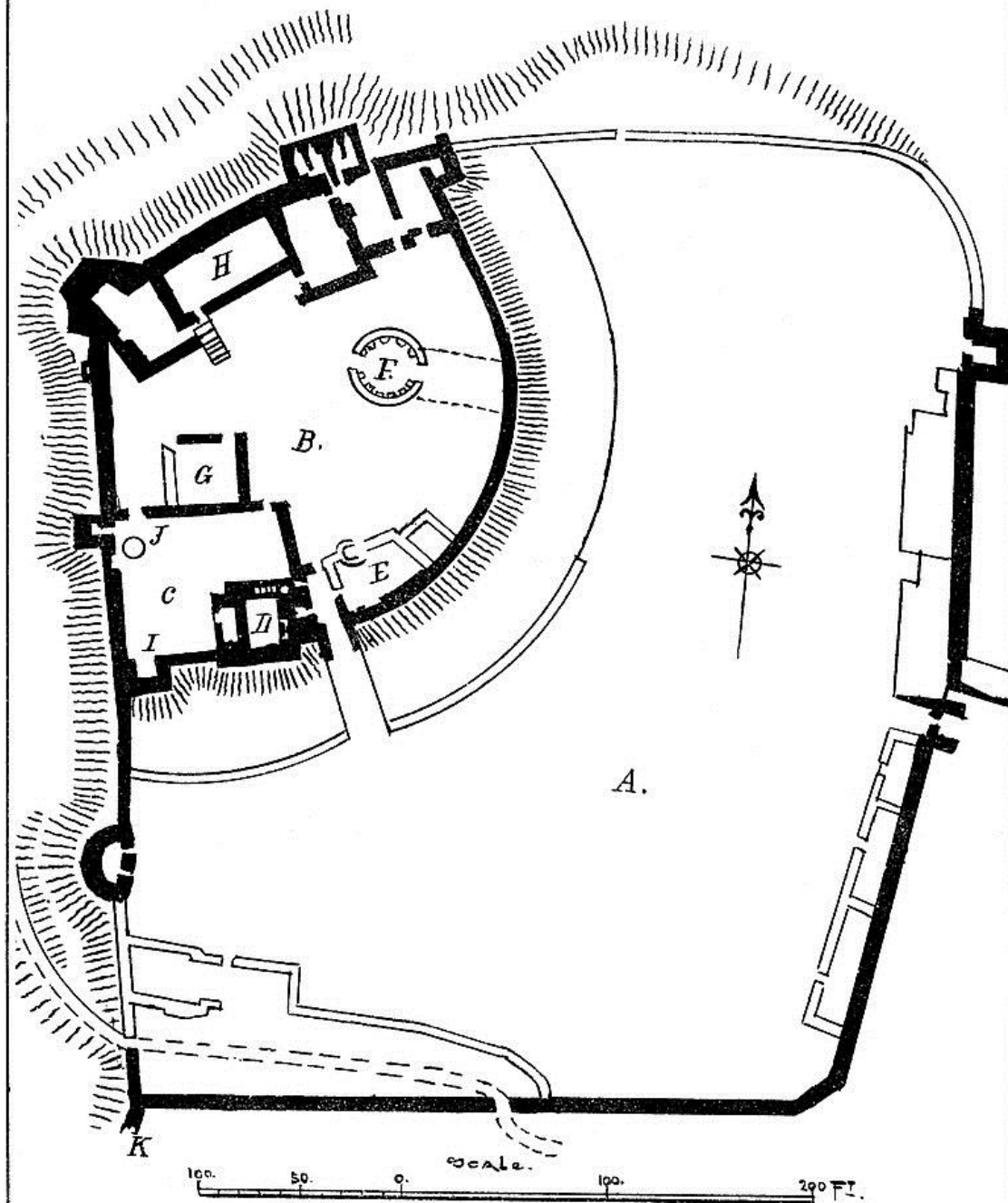
В среднем отделении находится куча тюдоровских зданий над воротами и вокруг них, построенных против южной куртины, которая относится к норманнскому периоду. Они также примыкают к крепости. Вдоль северной куртины расположена грандиозная масса государственных и внутренних зданий, состоящая из башни с маслом, зала, государственных и частных комнат, а также квадратной башни, которая занимает северо-восточный угол палаты. Эта группа является главной особенностью замка: она построена в смешанном нормандском и декорированном стиле, имеет большую высоту и размеры лорда. С одной стороны палаты находится кухня, пристроенная к внутренней стене палаты, а напротив нее - известная норманнская часовня, круглый неф которой стоит отдельно, но которая раньше имела алтарь, примыкавший к куртине.

ЗАМОК ЛУДЛОУ.

ГРАНИЧНЫЙ ПЛАН.

LUDLOW CASTLE.

GROUND PLAN.

A Outer Ward.
B Middle Ward.
C Inner Ward.
D Keep.
E Gatehouse.
F Chapel.

G Kitchen.
H Hall.
I Oven Tower.
J Postern Tower and Well.
K Junction of Town Wall.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

1. Внешнее отделение.
2. Средний уорд.

3. Внутреннее отделение.
4. Кип.
5. Гейтхаус.
6. Часовня.
7. Кухня.
8. Зал.
9. Печная башня.
10. Почтовая башня и колодец.
11. Пересечение городской стены.

Во внешнем квартале в настоящее время мало зданий. Недалеко от центра куртины находится внешняя сторожка, а на южной стороне - ряд тюдоровских построек, вероятно, конюшни. Одна квадратная башня, ранняя, стоит на восточной стене и указывает на границу норманнского замка; другая, более поздняя и полукруглая, на западной стене над рекой, носит имя Мортимера. В юго-западном углу этого квартала находилось несколько более поздних зданий, в том числе, вероятно, часовня; но они частично снесены, и эта часть квартала была отгорожена стеной, а через нее проложена пешеходная дорожка. Этот проход проходит через два современных дверных проема в наружной куртине, толщина которых видна. Ров, покрывающий середину, конечно же, находится в пределах внешней палаты. Он вырублен в скале, имеет ширину 13 ярдов, глубину 4 ярда. 150 ярдов в длину и частично облицован; облицовка, несомненно, является последующим дополнением. Он пересечен и закрыт с каждого конца занавесом, и, должно быть, всегда был сухим или почти сухим. Общее положение и, в некоторой степени, план Ладлоу наводят на мысль о сравнении с замком Барнард, очертания которого также являются норманнскими.

Прежде чем рассматривать внутреннее убранство замка, будет удобно сказать несколько слов о стенах, как они выглядят снаружи, особенно вдоль дороги и северного фасада. Начиная с юго-западного угла, где передняя стена ответвляется к мосту через реку, сначала идет башня Мортимера, полукруглая в плане и в раннем английском стиле, в которой, как говорят, Хью Мортимер был заключен в тюрьму около 1150 года, но которая, похоже, относится к более позднему времени. У него тесная стена-ущелье, подвал на уровне земли и три верхних этажа. Подвал сводчатый, желобчатый и ребристый, но ребра и большое окно являются вставками. В северо-восточном углу находится колодезная лестница, а верхний этаж сообщается боковой частью с куртиной, которая имеет большую высоту. Чуть ниже линии парапета находится ряд карнизов, предназначенных для поддержки деревянной галереи или *бретеша*. Эта башня относится к раннеанглийскому или раннедекоративному периоду, с дополнениями эпохи Перпендикуляра и Тюдоров. Рядом с ней, на стене, находится башня пекарни, расположенная на стыке внешней куртины и средней палаты и описываемая вместе с кипером. За этой башней первоначальная нормандская стена была поднята на 40 футов. В ней находится то, что, по-видимому, было канализационным люком. Далее следует башня Постерн, небольшая норманнская башня, квадратная, с жирным внешним и никаким внутренним выступом, с норманнской дверью в ущелье; и еще одна, Постерн, с отверстием в 4 фута, в ее северной части. Эта башня закрыта и недоступна. Верхняя часть, похоже, является дополнением. Она отмечает стык внутреннего и среднего отделений. От нее куртина продолжается на север на той же высоте; нижняя часть, по крайней мере, является оригинальной. Внутри к этой стене примыкали различные здания, ныне демонтированные, а сама стена пронизана камерами и галереями, в которые сейчас нет доступа. На ней выведено жерло настенного гардероба, которое было дополнено полым валом, расположенным в качестве контрфорса под карнизом.

У северо-западного угла находится группа башен, образующих угол и содержащих маслобойню. Первая имеет прямоугольный выступ, в основании которого находится круглоголовая канализационная труба двухфутового отверстия. С ней связана вторая башня, полуоктагон в плане, сильно подлатанная и дополненная, но нижняя часть которой - норманнская, а верхняя - раннедекоративная. Эта группа очень высока и имеет основание для тарана, так что вес отбрасывается назад в пределах края скалы. Через полый угол, между этой последней башней и северной куртиной, проходит норманнская приземистая арка, в софите которой находится вентиляционное отверстие, а выше - петлевое окно гардероба. Этот занавес образует стену большого зала и прилегающего здания. Большой каменный излив обозначает маслобойку, а за ним - три наружных окна зала. Эта стена венчает утес высотой около 40 футов, под которым в современное время была вырублена широкая площадка, а с нее к лугам спускается второй крутой склон длиной 50 или 60 футов. Стена зала заканчивается полуосьмиугольником, внутри которого находится лестница в личные апартаменты, а за ней - башня-гардероб, большая прямоугольная масса большой высоты и ширины, очень смело выступающая, и полностью относящаяся к декоративному периоду. В каждом из трех торцов, у основания, находятся два больших плечевых углубления, каждое из которых содержит вентиляционное отверстие, наклонный отросток которого имеет длину 6 футов. На этажах выше расположены различные окна, односветные с трилистниками, а над ними возвышается нижняя часть красивой восьмиугольной дымовой шахты.

За башней-гардеробом находится стена части частных апартаментов, в основном декорированная, но сильно измененная. В ее основании три больших ранних перпендикулярных окна в два света, трилистник, с ажурным рисунком в головах; выше - различные тюдоровские вставки низкого вкуса и качества исполнения, а также бревна двух балконов. Эта сторона среднего корпуса заканчивается квадратной башней норманнской эпохи, которая стоит на стыке стен внешнего и среднего корпусов. Отсюда идет стена внешнего отделения, которая, похоже, была частично перестроена в правление Елизаветы. К ней относится небольшая дверь с квадратной головкой, за которой находятся некоторые руины на платформе из камня шириной около 30 футов. Отсюда стена современная, почти до нормандской башни, от которой до сторожки она, вероятно, нормандская. За сторожкой, до речного обрыва, стена толщиной от 5 до 6 футов и высотой от 40 до 50 футов. Она старая, но, вероятно, не оригинальная. Ров засыпан, вдоль него растут деревья, двум или трем из которых, должно быть, больше ста лет.

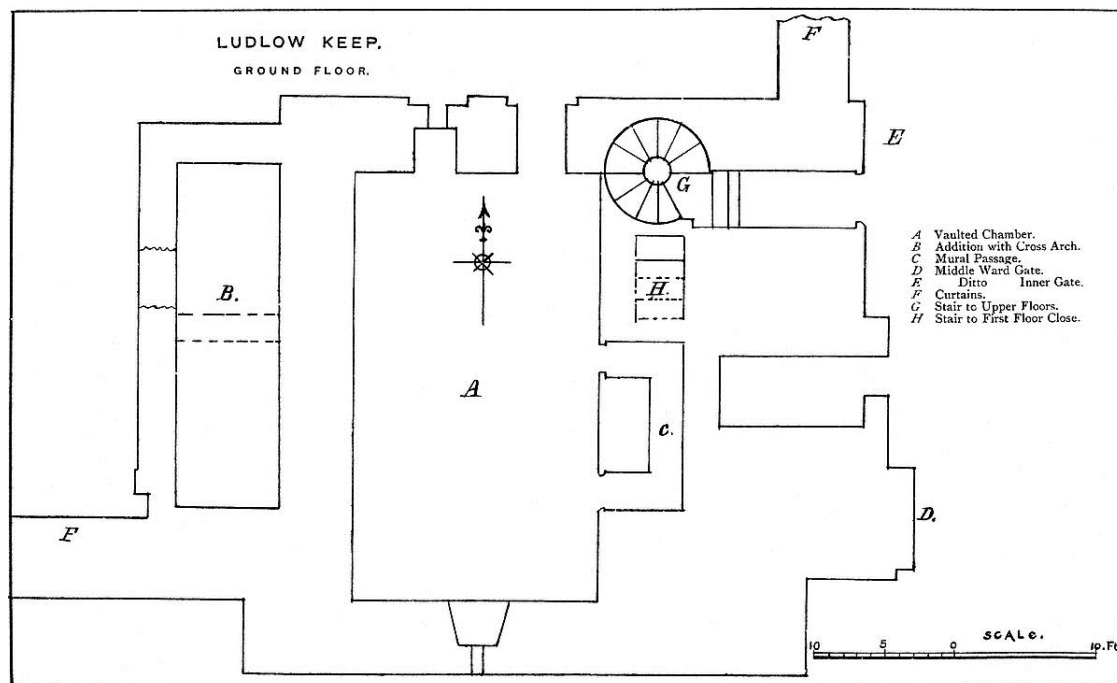
Внутренний двор. Замок стоит на возвышенной части ограды, но на некотором расстоянии от речного обрыва, и не имеет естественных преимуществ для обороны. Он не предназначался для одиночной обороны, но, как это часто бывает с крепостями такого возраста, размещен на *энсинте*, и таким образом является частью общей линии обороны. Его особенность в том, что его первоначальный план, хотя и прямоугольный, имел два

небольших ушка или выступа, и он был, по сути, слегка Т-образным, и имел связи справа

и слева через руки Т с куртиной, на которой он стоял. Это очень необычно и является исключением из той ревности, с которой обычно охраняются входы в норманнские замки. В этом отношении это скорее большая настенная башня, чем замок. В разные периоды она подвергалась значительным изменениям как внутри, так и снаружи, и историю этих последовательных переделок разгадать нелегко. С южной стороны башня имеет длину 40 футов и выступает примерно на 7 футов за пределы занавеса во внешнюю палату. Это

Т поперечная ветвь сайта . Стебель выступает от занавеса во внутреннее отделение примерно на 30 футов, а его ширина составляет 31 фут.

LUDLOW KEEP. ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. Лондон.

12. Сводчатая палата.
13. Пристройка с крестовой аркой.
14. Фресковый пассаж.
15. Ворота среднего отделения.
16. Внутренние ворота.
17. Занавески.
18. Лестница на верхние этажи.
19. Лестница на второй этаж.

В первоначальном здании был подвал почти на уровне земли и высокий верхний этаж с открытой крышей. Внешний вид здания был простым. У здания низкий цоколь, но нет пилястр, только в конце восточной стены есть что-то вроде пилястры шириной 6 футов и глубиной 1 фут. На южном фасаде немного выше уровня первого этажа проходит колонна полшестиугольного сечения, а на восточном и западном фасадах, немного выше, - отступы в 5 дюймов. Верхний этаж отмечен аналогичным отступом по всему периметру. Толщина северной, южной и западной стен у основания составляет 7 футов 6 дюймов, а выше - 5 футов. Толщина восточной стены, в которой находится лестница, составляет 9 футов 6 дюймов. Были сделаны две пристройки, которые сильно изменили план здания. На западе

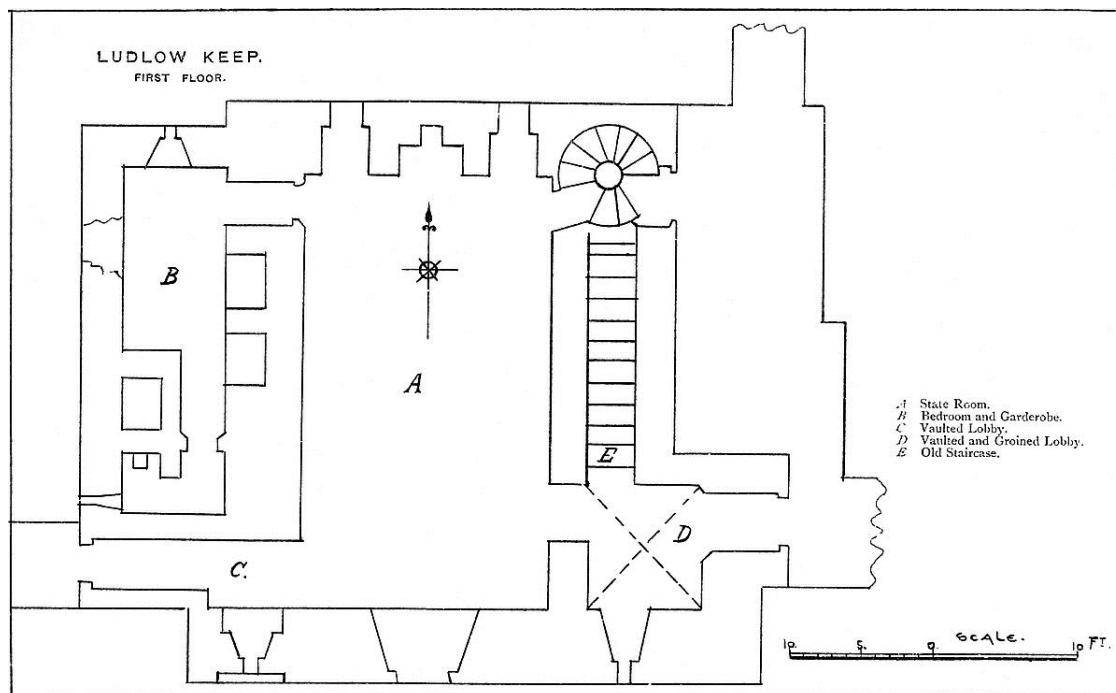
Т полый угол был заполнен зданием шириной 11 футов и длиной 24 фута, которое доведено до верха и частично входит в композицию северо-западной башни. Толщина стены этого здания составляет всего 3 фута. Соответствующий полый угол на восточной стороне

также заполнен массой каменной кладки толщиной 9 футов, но не выше второго этажа. В нем находятся камера, тюрьма привратника и проход, ведущий от главных ворот к колодезной лестнице храма. Тюрьма носильщика имеет бочкообразный свод, не связана с замком и, вероятно, является поздней норманнской постройкой. В стене хранилища, частично виднеющейся в своде, есть петля или окно, хотя внутри нет никаких указаний на то, откуда оно открывалось.

Существующая крепость состоит из подвала и трех этажей. В настоящее время в подвальную камеру можно попасть через дверь в северной стене из внутренней палаты, а на первый и остальные этажи - по колодезной лестнице в восточном углу, ведущей от главных ворот. Подвал находится на три ступени ниже уровня земли. Его размеры составляют 31 фут с севера и юга и 14 футов 5 дюймов в ширину. У него высокий остроконечный свод, петля в южном или внешнем конце, и в северном конце петля, над ней окно, а рядом с ними дверь из внутреннего отделения. Оконная ниша слегка заострена, дверная - более решительно, но наружная облицовка и двери, и окна - позднеперпендикулярная, четырехцентровая в плоской головке. В боковых стенах, в их северном конце, с каждой стороны находится нормандская аркада из двух арок, простых и неглубоких, опирающихся на простые отдельно стоящие колонны с рифлеными и подушками капителями, все это опирается на низкую скамью. Аркады начинаются в футах от северной стены, арки полностью центрированы, но имеют неравный пролет - 4 фута 3 дюйма и 5 футов 11 дюймов. Западная аркада была замурована и видна лишь частично. На восточной стороне, у южной арки, колонна исчезла, а нижняя половина ее углубления занята чем-то вроде алтаря из квадратных камней, на вершине которого лежит большой плоский камень. Вся работа грубая. Нет ни капель, ни лепнины на капюшонах, а лишь попытка рельефного орнамента. Аркада утоплена примерно на фут. В восточной стене, у ее южного конца, находятся две двери с квадратной головкой, открывающиеся на 2 фута и находящиеся на расстоянии 7 футов 6 дюймов друг от друга. Каждая открывается в проход длиной 3 фута 7 дюймов и шириной 2 фута 7 дюймов, который заканчивается поперечной галереей длиной 12 футов и шириной 2 фута 6 дюймов. Проходы выложены пеплом, высота их составляет 6 футов 7 дюймов, они имеют плоскую крышу. Крыша сложена из бутового камня, плотно пригнанного и оштукатуренного. Кроме того, каждый дверной проем имеет фальц и отверстие для засова, что свидетельствует о том, что дверь открывалась внутрь и крепилась с внутренней стороны или из прохода, в который, однако, не было другого пути. Оказывается, большая камера была разделена поперечной стеной, расположенной таким образом, что одна из этих дверей открывалась в каждую камеру, а ступенька в бутовом своде показывает место пересечения этой стены и небольшую разницу в высоте свода на двух ее сторонах. Южный из двух дверных проемов был изуродован, и в него был вставлен нормандский пирс, но он кажется современным и неуклюжим приспособлением для поддержки крыши. Трудно понять, с какой целью был построен этот любопытный проход. Он служил для прохода из внешней комнаты во внутреннюю, но это не объясняет расположение отверстий в перекладине. Более того, в большой комнате аркада кажется странно неуместной. Она, несомненно, ограничивалась двумя арками с каждой стороны; а поскольку комната расположена на север и юг, она вряд ли могла быть часовней, равно как и государственными покоями. Стена, по-видимому, когда-то была облицована ясенем, и в своде есть ясеневые полосы, часть которого сложена из молоткового камня, а часть из самого обычного бутового камня. Аркада и, вероятно, основная часть здания относятся к ранненорманнскому периоду, а свод и северная стена являются дополнениями раннеанглийского периода. Эта палата не имеет связи с пристройками ни на восточном, ни на западном фасаде.

Первый этаж находится точно над подвалом и имеет размеры 30 футов на 17 футов 6 дюймов. В его южной части находится тюдоровское окно, которое, несомненно, заменяет нормандскую петлю; а в северной части - два окна в тюдоровских нишах, а между ними тюдоровский камин. В западной стене, в северном конце, круглоголовая дверь открывается в боковую палату размером 8 футов на 13 футов, сводчатую, но с деревянным полом, с окнами на север и запад, а в ее восточной или внутренней стороне две круглоголовые ниши размером 3 фута 8 дюймов и глубиной 3 фута. В южной части этого помещения узкий проход ведет в садовую камеру размером 7 футов 6 дюймов на 5 футов, с петлей на запад. Между этими двумя комнатами находится блок каменной кладки, в котором находятся шахты гардеробов из верхнего этажа. В другом или южном конце западной стороны главной комнаты, в возвышенной полноцентральной арке с проемом в 5 футов 10 дюймов, находится устье сводчатого вестибюля длиной 13 футов 7 дюймов, сначала шириной 5 футов 10 дюймов, а затем уменьшенной до 3 футов 2 дюймов. Он выходит на южную куртину, расположенную к западу от храма. В южной стене вестибюля находится небольшое круглоголовое окно в простенькой нише, а снаружи, с флангов с нащельниками, - единственное украшенное нормандское окно в храме. Напротив, в восточной стене, находится дверь с проемом 4 фута 3 дюйма, которая ведет в сводчатую и рифленую камеру площадью 8 футов, с петлей на юге, а на востоке - короткий проход шириной 4 фута, который открывается на южную завесу и ведет на верхний этаж сторожки. В северной стене камеры находится голова прямой лестницы, которая огибает восточную стену сторожки и была первоначальным входом с уровня земли на второй этаж. Лестница сложена из ясеня, имеет бочкообразный свод, и пятнадцать ступеней еще можно увидеть. Возвращаясь в главную палату, следует отметить дверь в северном конце восточной стены, которая открывается в колодец-лестницу, а из нее через внешнюю дверь - на второй этаж сторожки. Эта колодезная лестница занимает северо-восточный угол крепости. В него ведет сводчатый проход в восточной стене от главных ворот на уровне земли, а лестница поднимается на валы, открывая первый и два верхних этажа. В настоящее время дверные и оконные проемы относятся к эпохе Тюдоров, но сама лестница, вероятно, гораздо старше. Очевидно, что здесь был первоначальный вход в крепость, как в Чепстоу и Карлайле, откуда прямая лестница вела по центру стены на второй этаж; но когда нижняя часть колодезной лестницы была вставлена, прямая лестница была замурована, и так и осталась. В Чепстоу и Карлайле, помимо лестницы, была дверь, через которую можно было попасть на цокольный этаж. Здесь этого быть не могло, так как это перерезало бы аркаду. На пороге юго-восточной двери видно, что пол камеры первого этажа был немного приподнят, что, несомненно, было сделано при установке свода. В полу есть два квадратных отверстия, предназначенные для подачи воздуха в главное помещение внизу, и, вероятно, это поздние вставки. Высота этого этажа составляла 12 футов 6 дюймов. От него семнадцать ступеней колодезной лестницы ведут к тюдоровской двери на второй этаж.

LUDLOW KEEP.
ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Уайман и сыновья, Gt . Queen St . Лондон.

20. Государственная комната.
21. Спальня и гардероб.
22. Сводчатый вестибюль.
23. Сводчатый и желобчатый вестибюль.
24. Старинная лестница.

Второй этаж имеет те же размеры, что и первый. В его южной стене находится тюдоровское окно, несомненно, заменяющее одно норманнское; а в северной стене - два окна, с квадратной головкой, но в круглых, хотя и не норманнских нишах. В восточной стене, помимо лестничной двери, находится тюдоровский камин, возможно, только переделанный в этом стиле. Эта стена была сильно изменена и залатана, и камин, вероятно, является вставкой. В западной стене, в ее северном конце, есть дверь, открывающаяся в боковую камеру, расположенную выше той, что была пристроена к первому этажу, и в ней находятся два гардероба. С севера она имеет петлю с квадратной головкой, с запада - три, центральная из которых находится в круглом углублении. На одном уровне с этой камерой и, вероятно, открываясь из нее, находится небольшая камера над западным вестибюлем. В ней есть петля на запад, но доступа к ней нет. Аналогичная камера есть и над восточным вестибюлем, но как в нее попасть, неизвестно. Высота второго этажа составляет 11 футов 10 дюймов, и с него девятнадцать ступеней поднимаются на этаж выше.

Третий этаж, в который также ведет тюдоровский дверной проем с лестницы, имеет те же размеры, что и этаж ниже. В восточной стене находится камин, также тюдоровский, а в западной стене, в северном конце, - дверь с квадратной головкой, открывающаяся на третий этаж в пристроенную камеру. Эта камера имеет декорированное окно в северной стене, деревянный пол и потолок, и пересекается круглоголовой аркой, которая поддерживает южную стену северо-западной башни. Флюгер в южной стене показывает, что эта пристройка сначала имела крышу с наклоном.

На южной стене главной палаты также есть флюгер, показывающий, что эта стена когда-то была двускатной, и что первоначально у храма была высокая скатная крыша с центральным

коньком. В стену вставлено тюдоровское окно, которое прорезает лепнину. Северная стена пронизана двумя круглоголовыми углублениями, в которых находятся односветные окна с трилистником, очевидно, декорированные. На этом конце отсутствует лепнина, что является одним из многих признаков того, что эта стена была перестроена. Высота этого этажа, как и того, что находится под ним, составляет 11 футов 10 дюймов, и с него девятнадцать ступеней поднимаются на бойницы, открываясь тюдоровской дверью на лестничной площадке. Лестница заканчивается прямоугольной башенкой, 15 футов на 9 футов. Северо-западная башенка, размером 8 футов на 10 футов, не имеет проема с вала. Две южные башни больше, и обе имеют наружные лестницы из двенадцати ступеней, ведущие на их плоские крыши. Юго-западная башня имеет размеры 15 футов на 14 футов, а юго-восточная, к которой сейчас нет доступа, - около 15 футов в квадрате. Толщина северной и южной стен составляет 5 футов, два из которых заняты парапетом. Толщина восточной стены составляет 9 футов, в ней находится двойной дымоход. Западная стена двойная, внутренняя толщиной 4 фута - стена храма, а внешняя 3 фута - стена пристройки. Пространство между ними, шириной 5 футов 8 дюймов, было покрыто плоской крышей, так что ширина вала здесь составляла 12 футов 8 дюймов в пределах парапета. С каждой стороны крепости было по две амбразуры, а крыша, наложенная на нее в последний раз, была плоской.

По-видимому, первоначально крепость была построена Роджером де Лейси в 1086-1096 гг.

Т как простая -образная башня, которая являлась частью куртины. Она имела подвальный этаж на уровне земли и один верхний этаж значительной высоты, с открытой, высокоскатной крышей, северная и южная стены которой, почти, если не совсем, достигали своей нынешней высоты, образуя фронтоны, как в нормандской сторожке замка Шерборн. Вероятно, боковые стены были почти такой же высоты, как и фронтоны, чтобы скрыть крышу. В подвал на уровне земли вела дверь в северной стене. В каждой из его боковых стен было не менее двух арок аркады, и, вероятно, он был разделен поперечной стеной на две камеры, во внутреннюю из которых вел проход в восточной стене. Вход на верхний этаж находился также на уровне земли, но в восточной стене, а значит, в средней палате. Он находился через небольшую дверь и короткий проход, из которого на юг или налево шла лестница по восточной стене и попадала в сводчатый вестибюль на уровне второго этажа. Этот вестибюль и противоположный ему выходили на куртину. Как были достигнуты бойницы, точно не известно, возможно, по нынешней колодезной лестнице, которая, в таком случае, начиналась на уровне второго этажа.

Первая перестройка, сделанная в норманнский период, была произведена, вероятно, на столетие позже первоначального здания. Оно заключалось в пристройке здания на

Т западном фасаде, заполнившего полый угол . В нем находился подвал, который, по-видимому, был выгребной ямой, а сейчас в него ведет пролом и он сводчатый. Кровля была навесной. Чтобы попасть на второй этаж этого здания, в стене храма была открыта дверь.

Т Также с противоположной или восточной стороны в полый угол была встроена масса каменной кладки, которая, однако, останавливалась на уровне второго этажа и, вероятно, предназначалась для второго прохода между первым этажом и сторожкой. В блоке находилась сводчатая тюремная камера для привратника, а также проход, который вел в сторожку и закрывал вход в нее.

Позднее, в раннеанглийский период, были произведены еще более значительные изменения. Северная стена была либо перестроена, либо переложена, подвал был сводчатым, а северо-восточный угол был разобран и перестроен, в него, вероятно, была вставлена колодезная лестница. В то же время боковые стены и западный пристрой были подняты, первый этаж оборудован плоским потолком, над ним надстроены два этажа с дверями в западный пристрой, а на двух северных углах здания возведены две башенки.

Следующая и последняя перестройка произошла в эпоху Тюдоров, когда свод восточного входа был перестроен и облицован наружной дверью, колодезная лестница снабжена дверями и петлями, а старая прямая лестница замурована, а в стены вставлены камин. Также были переделаны северная дверь и окно в подвале. Конечно, все это лишь вопрос мнения, поскольку переделки были настолько значительными и полными, что трудно составить даже теорию о них. Это один из самых любопытных и недоуменных норманнских храмов, сохранившихся до наших дней. Очень хотелось бы, чтобы его владелец составил и опубликовал точный план и разрез каждого этажа.

Занавес, соединяющий замок с *Пекарней*, имеет длину 36 на 38 футов, толщину 7 футов и высоту около 20 футов до валов, но он имел крытый проход и поднимался к башне, вероятно, имея узкую лестницу, сообщающуюся со вторым этажом, в то время как главная галерея открывалась на первый этаж. Башня прямоугольная, примерно 23 фута на 27 футов. Она выступает на 16 футов в ров, а ее внутренняя часть имеет размеры 15 футов на 11 футов. Первоначально она была открыта в ущелье во внутреннюю палату, но каменная кладка была заменена, как в Кельне и Авиньоне, и как в более поздней сторожке лондонского Тауэра, на деревянную перегородку. На уровне земли была построена большая печь, заполнившая всю площадь, а на уровне второго этажа - арка, поддерживающая стену, которая заменяет деревянные конструкции на верхних этажах. В этой стене находятся камин, небольшая печь и окно. Дверь в восточной стене открывается из занавеса, а в западной стене другая дверь открывается в фресковый проход в западном или внешнем занавесе, в котором она имеет петлю. Слева, или с юга, находится камера-гардероб, 6 футов на 5 футов, с петлей на юг, а в противоположном направлении проход идет 11 футов, спускаясь на четыре ступени. Вероятно, он был продолжен в веществе занавеса до башни-постерна, но теперь замурован. Верхняя или вторая стена башни недоступна. По-видимому, она находится на уровне второго этажа, и в нее ведет наружная лестница с южной куртины, а с другой стороны есть садик и проход, выходящий на вал западной куртины, к башне-постерну. Пекарня - норманнская башня, возраст которой соответствует возрасту замка. Ее полы были деревянными.

Почтовая башня заколочена и недоступна. Она примерно такого же размера и высоты, как и пекарня, и относится к тому же времени, но ее ущелье всегда было закрыто. На уровне земли из внутренней палаты открывается небольшая дверь, такая же дверь есть на северной и внешней стороне башни, которая является почтовой. Обе двери полностью центрированы и просты. У этой башни нет внутреннего выступа. В палате, рядом с дверью башни, в самом неудобном месте, находится колодец с шахтой, грубо обработанной в скале, диаметром 8 футов. В настоящее время он частично засорен.

Поперечная куртина от почтового ящика идет прямо к северо-восточному углу палаты, а затем поворачивает на юг, пока не упирается в крепость. Эта стена, хотя, вероятно, и норманнская, не такая древняя, как кипер или главный занавес, так что в первоначальном замке внутренняя и средняя палаты, по-видимому, были единым целым. В куртине у северо-восточного угла есть круглоголовая дверь, которая открывается между внутренней и средней палатой.

Средняя палата - самое важное подразделение замка. В нем расположены домашние и государственные здания, часовня, кухня и большая сторожка. Основные здания занимают его северную сторону, опираясь на внешнюю куртину и частично формируя ее. Недалеко от центра находится зал. Это было благородное помещение, 60 футов в длину, 30 футов в ширину и 35 футов в высоту до пружинящих карнизов его открытой деревянной крыши. Сохранились углубления для молотковых балок, а также кронштейны, на которые опирались главки. Из-за низкого расположения основных балок крыша изнутри имела очень высокий наклон, который, как показывает уровень грунтовых вод, на самом деле не был таковым. Зал находится на втором этаже, и к нему ведет широкая наружная лестница, открывающаяся в южной стене у ее западного или нижнего конца. В северной стене находятся три длинных узких окна по одному свету в каждом, с трилистником и пересеченные тяжелой фрамугой, а в восточной части этой стороны небольшая дверь ведет, вероятно, в садик. Из этих окон открывается вид на Тем и Корведейл. В южной стене находятся три больших окна, выходящих во двор; они двухсветные, трилистниковые и пересекаются фрамугой. Их углубления имеют равнобедренные арочные главы, а углы заменены филленчатыми бусинами. В одном окне имеется каменное сиденье. Большая дверь, расположенная в западном конце этой стороны, соответствует оконным нишам, хотя и немного ниже. В западном конце находятся две масляные двери неодинакового размера, а в северо-западном углу дверь, как и в Пемброке, открывается в колодец-лестницу на крышу. В восточной части зала, у северо-восточного угла и высоко вверх, находится комбинированная дверь и окно - своего рода люк, через который те, кто находился в верхней парадной комнате, могли либо смотреть в зал, либо спускаться на галерею, проходящую над помостом. Центральное южное окно было заколочено и превращено в камин эпохи поздних Тюдоров. Несомненно, оригинальная решетка, как в Пенсхерсте, стояла в центре зала.

К западу от зала находится масляная башня, очень красивая группа, которая занимала северо-западный угол палаты. Часть ее смело выступает и закрывает северо-западный угол куртины. Часть внутри палаты также прямоугольная. Часть, связанная с куртиной, является норманнской и представляла собой большую прямоугольную башню с открытым ущельем. В ее основании находятся два круглоголовых дверных проема, ныне почти засыпанных, из которых вели фресковые проходы в гардеробы в куртине. Более старая часть была приподнята, выгнута остроконечной аркой, и на ней возведена стена, закрывающая ущелье на втором этаже. К этой башне с внутренней стороны были сделаны большие пристройки, и сейчас она представляет собой только часть здания, подвал которого, по-видимому, был магазином, а второй этаж, 33 фута на 27 футов, - сервизной и маслобойней, пристроенной к залу. В эту комнату вела боковая дверь на лестнице большого зала, так что посуду приносили из кухни по большой лестнице, но не через большую дверь зала. В масляной комнате находится большой камин.

В другом, восточном конце зала находятся государственные покои, заключенные в величественное и возвышенное строение, прямоугольное в плане и выступающее за пределы зала. Является ли фундамент норманнским, или же, как и надстройка, все здание относится к декорированному периоду, сомнительно. Материал - превосходный ясень. Имеется подвал и два верхних этажа. В первом находится большой камин, но основные апартаменты располагались на втором этаже. Дверные и оконные проемы многочисленны и разнообразны. Некоторые из них прекрасно декорированы, со стрельчатыми и сегментными арками; другие представляют собой вставки в цветистом перпендикуляре; а третьи, выполненные в убогом вкусе и из низких материалов и материалов, относятся к эпохе Тюдоров. В верхней комнате также есть большой камин, а в качестве опоры колпака выступают две резные головы. Северное окно односветное, большой длины, разделено

фрамугами. Южное окно аналогичного характера, но имеет два света. Это верхнее помещение имело открытую крышу с малым уклоном, поддерживаемую тремя парами глав.

Рядом с этими комнатами, с восточной стороны, находится меньшая куча зданий, также прямоугольных, которые заполняют пространство между государственными комнатами и северо-восточной башней. Вероятно, внизу она предназначалась для слуг, а вверх - для главных спален. В подвале находятся три прекрасных окна раннего перпендикулярного стиля в два света, с трилистником и с центральной створкой, проходящей через голову. Окна такого размера, расположенные так низко в наружной стене, встречаются редко, и, что также любопытно, они открываются из двух комнат, не отличающихся ни размерами, ни орнаментом. Эта часть свиты, изначально декорированная, возможно, на нормандском фундаменте, похоже, была переделана или перестроена в перпендикулярный период. С этими зданиями, а также с государственными апартаментами связана и примыкает к ним башня-гардероб - грандиозное прямоугольное сооружение, выступающее из куртины, полностью из пепла и относящееся к эпохе декора. Она состоит из подвала и четырех верхних этажей. Цокольный этаж занимают несколько гардеробов, просторные выходы которых уже были описаны. Верхние этажи, по-видимому, связаны с парадными комнатами, а в стенах расположено множество небольших покоев, в которые нет доступа. Окна односветные, трилистниковые, обычно с фрамугой. Между этим зданием и залом, выступающим за пределы куртины, находится многоугольная башенка с лестницей.

Северо-восточная башня завершает угол палаты. Она прямоугольная в плане и относится к норманнскому периоду. Она является частью двух куртин - средней и внешней - и стоит на каждой из них. В ее основании находится дверь, ведущая в настенный проход в восточной куртине, ныне заваленный мусором, а в ее втором этаже - садовый павильон в северной стене.

Кухня, полностью относящаяся к декоративному периоду, представляет собой большое прямоугольное здание, примыкающее к стене внутренней палаты, но свободное с трех других сторон. Она имеет два больших окна на восток и отличную дверь в северной стене напротив лестницы в холл. Сохранился пол, часть большого камина на западной стороне и пара небольших боковых печей. В доме были различные перпендикулярные дополнения. Задняя кухня находилась на западе, и вполне вероятно, что пролом в смежной стене внутренней палаты представляет собой поздний дверной проем, сообщающийся с колодцем и большой печью.

К *воротам* со стороны средней палаты ведет мост через ров, внутренний конец которого разбит разводным мостом, фланкированным стенами с петлями. Ворота имеют низкую остроконечную арку, на табличке над которой изображены гербы Елизаветы и сэра Генри Сиднея, с датой 1581. Толщина занавеса составляет 7 футов, и он вклеен в ворота, что, очевидно, является оригинальным, а дверная фурнитура является вставкой. Порткуллис отсутствует. Входная дверь открывалась в проход, слева от которого находилась тюрьма привратника и вход в крепость, а справа - сторожевые покои. Здание относится к эпохе Елизаветы и сильно уступает более древним постройкам. Вероятно, первоначальный вход был через простую арку в занавесе, как в Кенилворте и Бридженорте.

Часовня, посвященная Святой Марии Магдалине, - самая примечательная часть замка. Она возвышается в центре среднего корпуса, между сторожкой и залом. От нее остался только круглый неф. Его внутренний диаметр составляет 28 футов, а толщина стен - 4 фута. Он имеет входную дверь на западе и большую арку алтаря на востоке. Остальную часть интерьера занимает фресковая аркада из четырнадцати арок, по семь с каждой стороны, опирающихся

на низкую каменную скамью. Арки попеременно украшены шевронами и бисером, капители подушкообразные и грубо орнаментированные. Над аркадой находилась деревянная галерея, опирающаяся на двенадцать карнизов, один из которых, судя по всему, норманнский, а другой - раннеанглийский. Свет проникал через три окна - на запад, север и юг. Окно над дверью было круглоголовым, с простыми фланкирующими отдельными валами, а вокруг головы - шеврон и двойная заготовка. Снаружи эти окна опираются на заготовку, фланкирующие валы задействованы, с небольшими простыми крышками и основаниями, а кольцевые камни значительной ширины опираются на абакус и обработаны шевроном и заготовками. Северное и южное окна совершенно просты.

Западная дверь представляет собой прекрасный пример обогащенной поздней норманнской работы. Снаружи она стоит в двойном углублении и имеет отдельно стоящие фланкирующие валы, по два с каждой стороны, с рифлеными капителями, а полукруглые пространства над фланками покрыты мелким выемчатым узором, своего рода полыми шляпками гвоздей. Из четырех сохранились все крышки и один вал. Собственно дверной проем имеет простые квадратные косяки. Над ним - смелый простой абак, нижняя фаска которого полая, а на лицевой стороне вырезан рудиментарный орнамент в виде собачьих зубов. Над дверью - глубокий шевронный молдинг. Следующее кольцо, над внутренними валами, имеет смелый орнамент, а внешнее, самое широкое кольцо, имеет шевронный орнамент, продублированный, и над ним двойной заливной капельник.

Арка алтаря - большая, круглоголовая, с тремя ребрами, под двойной заготовкой. Стиль орнамента в целом напоминает западную дверь. На западной стороне находятся два вала с петлями с каждой стороны, и, кроме того, два полуваала расположены в качестве пилястр в самом арочном проеме, поддерживая среднее ребро. Эта арка и арка двери немного сплюснулись в результате оседания, о чем свидетельствуют щели в стыках софитов у венцов. Восточная сторона этой арки совершенно простая, за исключением возвращенного абакуса. Первоначальный алтарь длиной 42 фута имел высокую скатную крышу, есть следы второй, более поздней, менее крутой. Боковые стены исчезли. Куртина образовывала восточную стену и не имеет окна. Снаружи неф разделен на два яруса филенчатой колонной, на которую опираются окна и которая находится значительно выше верха двери. Над ним возвышается невыразительная крепостная стена с амбразурами в половину ширины мерлушек.

Две арки аркады нефа были пробиты для тюдоровских окон, а третья, северная, превращена в дверной проем. Северное окно также превращено в дверной проем, и очевидно, что из домашних апартаментов в часовню была проложена легкая галерея из двух ступеней, верхняя из которых выходила на круговую галерею. Первоначально на эту круглую галерею, должно быть, вела деревянная лестница внутри здания. Алтарь стоял во времена правления Карла II и имел два тюдоровских окна в северной стене и окна в крыше, также неф имел седловидную крышу, фронтоны которой были восточным и западным. Материал часовни - галтованный бутовый камень. К юго-западу от часовни во времена Елизаветы находился фонтан. Эта часовня, с большой долей вероятности, приписывается Джослину де Динану во времена правления Генриха I (1100-1135 гг.), а церковь Темпл, на которую она похожа, датируется 1127 годом.

Внешнее крыло - сторожка была сильно изменена и изуродована. Спереди она представляет собой ворота с низко расположенной аркой в занавесе толщиной около 6 футов и высотой 35 футов, мерлоны которого пронизаны простыми петлями. С каждой стороны ворот находится

фланкирующая стена толщиной 3 фута и выступающая на 8 футов, которая, несомненно, прикрывала разводной мост. Арка выглядит украшенной, как и, вероятно, занавес, хотя бойницы, скорее всего, современные. Ров был засыпан, и вдоль его русла растут большие деревья. Единственные здания в этом квартале расположены напротив куртины и уже были замечены.

Нет никаких материальных или письменных свидетельств того, что здесь был какой-либо замок до Нормандского завоевания. Низкий курган, который, как известно, был вывезен с церковного двора и память о котором сохранилась в названии города, является единственным древним земляным сооружением, связанным с этим местом, и, несомненно, был усыпальницей. Первоначальный норманнский замок, по-видимому, стоял на нынешних линиях. Он состоял из крепости, расположенной недалеко от входа и составлявшей часть *крепости*. На западе крепость соединялась коротким занавесом с юго-западной башней, прямоугольной, умеренного размера, с открытой внутренней стороной или ущельем. Оттуда под прямым углом к северу по краю скалы шла завеса ко второй башне, также прямоугольной и с постерном. Оттуда, все еще вдоль края скалы, занавес, вероятно, высотой 25 футов, достиг северо-западного угла, где был закрыт башней почти прямоугольной формы, но расположенной по диагонали, чтобы закрыть угол, и которая была открыта сзади. Далее занавес шел на восток, вдоль северного фронта, до северо-восточного угла, где находилась квадратная или почти такая же башня. Несомненно, норманнские хозяйственные постройки располагались на этой куртине, и, вероятно, на стене рядом с нынешней башней-гардеробом находилась центральная башня. От северо-восточной башни до крепости шел изогнутый занавес, вероятно, тогда, как и сейчас, свободный от построек, а за его пределами - ров, сохранившийся до сих пор и тянущийся от утеса к утесу. От первоначального замка в настоящее время остались крепость, пекарня и башни-постерны, основание маслобойни, большая часть северо-восточной башни и большая или меньшая часть куртины.

Позднее, в норманнский период, были внесены некоторые изменения. Кран был поднят и увеличен, занавес, образующий внутреннее отделение, был построен, и, вероятно, колодец был затоплен, а в среднем отделении была построена часовня. Внешняя палата могла быть частью первоначального проекта, а могла быть поздним норманнским дополнением; о том, что она не была более поздней, чем эта, свидетельствует квадратная башня с фресками. Все остальное, куртина, сторожка и башня Мортимера - более поздние.

Следующие изменения произошли в Декорированный период, когда в старых частях были сделаны очень значительные переделки, которые практически свелись к реконструкции крепости. Очень рано, возможно, еще до этого периода, были вставлены северная дверь и окно в подвале храма, свод повернут, и, вероятно, переделаны ворота. Позднее, но все еще в начале декорированного периода, вдоль северного фасада были построены зал, маслобойня и домашние апартаменты, а также кухня.

Работы в перпендикулярном стиле немногочисленны и ограничиваются переделками в жилых апартаментах, а также во входном проходе в замок и на кухне.

Затем наступил тюдоровский период, когда замок пришлось переоборудовать во дворец для президентов Марша. Основание замка превратилось в тюрьму, колодезная лестница, вероятно, была пристроена, комнаты оснащены тюдоровскими окнами и каминами, а также была построена сторожка. Много было сделано для обустройства зала и домашних апартаментов, хотя и в слабой и хлипкой манере, так что большая часть этой работы исчезла, а во внешнем отделении были построены конюшни. Угасание Уэльского совета и

гражданские войны положили конец любым затратам на это место, и в течение некоторого времени оно, похоже, свободно разграблялось, пока не превратилось в полную руину, без полов, крыш и любой арматуры из свинца, железа или дерева. В последние годы за ним ухаживают так, что он защищен от всех повреждений, кроме временных и погодных, и в то же время он свободно открыт для всех посетителей. Для антикварных целей необходимо расчистить настенные переходы и составить план каждого этажа.

ИСТОРИЯ.

Ладлоу, по-видимому, является чисто норманнской крепостью. Ее земляные сооружения, каковыми они являются или являлись, не имеют ничего общего, ни по расположению, ни по характеру, с крепостями британского происхождения, столь распространенными в этом районе; они также нисколько не напоминают более поздние и английские сооружения, приписываемые Этельфлед и ее соотечественникам в девятом или десятом веках, и из которых Вигмор, замок Ричарда и Шрусбери являются смежными типами. В плане Ладлоу действительно не похож на те сооружения, с помощью которых скандинавские морские короли часто защищали мысы и мысы на морском берегу, и лучшим примером которых является укрепление у Флэмборо-Хед; но такие сооружения редко, если вообще когда-либо, встречаются далеко в глубине страны, и нет ничего в двух концентрических сегментах рвов, которые составляют или ранее составляли земляные сооружения Ладлоу, несовместимого с представлением о том, что это норманнские сооружения.

В Domesday нет упоминания о Ладлоу; но в этой записи указаны три места в округе, носящие название Луд, из которых одно, принадлежавшее в то время Осберну Фиц Ричарду, как показал мистер Эйтон, является более поздним Ладлоу. Окончание, необходимое для его выделения, было получено от большого "низкого" кургана, вероятно, погребального, который стоял до 1190 года на месте, ставшем впоследствии усыпальницей приходской церкви. Тот же автор считает, что "Lude" или "lud" означает брод, как, например, в соседнем "Ludford", что является обычным плеоназмом. Два других Луда различались по именам их лордов и были известны как Луд-Мучгрос и Луд-Санси.

Далее мистер Эйтон почти доказал, что арендатором Фитц Ричарда в Луде был гораздо более значительный Роджер де Лейси, и что когда он решил построить здесь замок, он получил это владение от Фитц Ричарда и основал замок в течение десяти лет после исследования, или примерно в 1086-1096 годах. Роджер представлял собой хороший тип лорда-маршала. В 1088 году он восстал против Уильяма Руфуса от имени Куртоза, а затем в 1095 году принял участие в восстании Моубрея, был изгнан и умер.

Руфус разрешил передать свои владения следующему брату, Хью, который, однако, умер бездетным в 1108-1121 годах, после чего поместья перешли к короне по выморочному праву. Генрих I пожаловал Ладлоу Пагану Фиц Джону, который также владел Эвиас-Лейси и был убит валлийцами в 1136 году, не оставив мужского потомства. Стивен, похоже, захватил его земли и поставил кастеляном в Ладлоу некоего сэра Джойса или Готсо де Динана, очевидно, бретонского рыцаря. Вскоре после этого Джойс поднял мятеж, а в апреле 1139 года Стивен в сопровождении принца Генриха Шотландского осадил замок и построил против него два "контрфорса". Именно во время этой осады Стивен спас принца Генриха своей личной силой от захвата грейферного железа, брошенного на него, когда они проходили слишком близко к стенам. Казалось бы, замок не был взят.

Самым опасным врагом Джойса был его сосед, Хью де Мортимер из Вигмора, которым он овладел, устроив засаду, и держал его в плену в замке, башня которого, как предполагается,

получила свое название в память об этом событии. Джойс умер, также не оставив потомства, около 1166 года, после чего Генрих II подарил или вернул Ладлоу Хью де Лейси, потомку, хотя и не по мужской линии, прежней семьи; Эмма, сестра Роджера и Хью де Лейси, была матерью некоего Гилберта, который взял фамилию матери и умер в 1135 году, оставив Хью де Лейси, нового получателя Ладлоу. Этот Хью, который был очень могущественным лордом в Ирландии, владел и Ладлоу, и Эвиасом, и был опекуном Дублина. Генрих II опасался его власти и в 1181 году захватил Ладлоу. Хью был убит в Ирландии в 1185 году и оставил Уолтера, своего сына и наследника, которому Генрих в 1189 году вернул земли отца, но, похоже, сохранил замок и башню Ладлоу, которые затем перешли к королю Иоанну, которому в 1206 году Уолтер де Лэйси заплатил 400 марок, чтобы быть восстановленным в Ладлоу.

Однако в 1207 году Иоанн снова захватил замок и передал его в управление Уильяму де Браозе, затем на некоторое время Филиппу де Альбини, а потом Томасу де Эрдингтону. Король восстановил его только в 1200 1214 году, когда Ингельраму де Кигойн было приказано отдать его, что он и сделал, хотя и неохотно. Уолтер, как и его отец, занимался в основном Ирландией. В 1224 году он отдал Ладлоу Уильяму де Гаммагесу, несомненно, в качестве залога за свое хорошее поведение. Он умер в 1241 году, оставив наследником своего внука Уолтера, который умер, не достигнув совершеннолетия. Уолтер оставил двух сестер, из которых Матильда вышла замуж сначала за Питера де Женева, одного из провансальских фаворитов Генриха III, которому принадлежал Ладлоу. Питер умер бездетным, но в 1234 году он передал Уильяму де Лейси констебльство в замке. Лэйси должен был поддерживать его в порядке, содержать там капеллана, носильщика и двух часовых, а также оплачивать расходы. Во время войны сеньор должен был держать гарнизон и жить во внутренней, а арендатор - во внешней палате. Питер де Женева умер в 1249 году. Его вдова вышла замуж за Джеффри де Генвиля, пуатевинца, жившего в 1283 году, который владел замком и половиной поместья, другая половина принадлежала Марджери де Лейси, сестре и сонаследнице Матильды, которая вышла замуж за Джона де Вердона. В этот период и сразу после битвы при Льюсе, когда Симон де Монфор посетил Уэльс в 1264 году, он захватил замок Ладлоу, который, однако, он мог удерживать лишь короткое время.

Хотя Питер де Генвиль, сын Джеффри и Матильды, умер раньше отца и матери, замок достался ему после смерти в 1292 году. Его дочь и наследница, Джоанна де Генвиль, вышла замуж за Роджера де Мортимера, графа Марча, который в 1316 году был совместным лордом Ладлоу с Теобальдом де Вердоном, внуком Джона де Вердона и Маргарет де Лейси.

Мортимеры владели львиной долей Ладлоу на протяжении пяти поколений, в самые беспокойные времена английской истории; но при них Ладлоу уступил место Вигмору, их главной резиденции, центру их старейших владений и главной власти. Роджер, фаворит французской волчицы, с большим величием принял в Ладлоу молодого Эдуарда III вскоре после смерти отца, а незадолго до своего падения, отлучения и казни. Эдмунд, его сын, вернул себе этот и другие замки в 1354 году, за шесть лет до своей смерти. Его внук Роджер, четвертый граф Марч, получил давно отделенную часть владений Лейси путем обмена с Уильямом де Феррарсом, унаследовавшим их от Вердонов, и таким образом передал весь Ладлоу своему сыну Эдмунду, пятому графу, при котором сэр Томас Бофорт, впоследствии герцог Эксетерский, удерживал замок против восставших валлийцев. Пятый граф умер бездетным в 1424 году, после чего замок Ладлоу и графство Марч перешли к его племяннику Ричарду Плантагенету, герцогу Йоркскому, который владел им во время Войны Роз и передал его своему сыну, королю Эдуарду IV. Город Ладлоу выиграл от того, что замок перешел к короне. Горожане были убежденными йоркистами, и если иногда они и страдали,

причем сильно, от военных удач, то в целом были в выигрыше. Их древние права, восходящие, как минимум, к началу XIII века, были подтверждены в правление Генриха VI Ричардом, герцогом Йоркским, а в 1461 и 1478 годах Эдуард IV дал им расширенную хартию, по которой они были избавлены от зависимости от замка. В 1472 году король отправил двух своих сыновей остаться в замке, где заседал учрежденный им Совет Уэльса от имени старшего, принца Уэльского, тогда еще совсем младенца. Они оставались в Ладлоу до 1483 года, когда их перевели в тюрьму и могилу в Тауэре. Генрих VII также отправил в Ладлоу принца Артура, своего сына, родившегося в 1486 году, и сам был здесь частым гостем до безвременной смерти принца в 1502 году. После этого события Совет Уэльса был учрежден на более регулярной основе и подчинялся лорду-президенту, который поначалу был епископом. Были выделены деньги на ремонт и содержание замка, который, как следует из отчета епископа Ли, в 1535 году находился в разрушенном состоянии.

В 1559 году королева Елизавета назначила лордом-президентом сэра Генри Сидни. Он занимал этот пост двадцать семь лет, держа значительное состояние замка, где после возвращения из Ирландии провел последние годы своей жизни. Он построил сторожку в средней палате, которая, судя по надписям на воротах, была закончена в 1581 году. Он также построил мост, ведущий в замок, вероятно, к внешним воротам, так как описание не совпадает с тем, что стоит сейчас, и ведущий к средним воротам. Также он отремонтировал часовню, провел в замок воду и сделал много общего ремонта, а также построек и ограждений, чтобы облегчить работу совета и содержание заключенных. Тюрьма, которую тогда называли домиком носильщика, была их тюрьмой, а внутренняя палата - судом для упражнений. Сэр Генри умер в мае 1586 года. Каким бы ни был Совет в его время, в правление Иакова он стал источником больших расходов и скандалов, и Ричард Бакстер оставил запись о моральном и социальном состоянии, до которого дошли пурлией этого провинциального суда в годы его молодости. Он пал, и это было время, со сдачей замка парламентской армии в 1646 году. Он был разобран, а в 1651 году мебель и обстановка были инвентаризованы и выставлены на продажу. Во время реставрации была предпринята попытка возродить Совет, но возрождение было лишь номинальным, и даже оно было упразднено при вступлении в должность короля Вильгельма. Корона назначила управляющего замком, и, судя по описи товаров в 1708 году, часть замка, во всяком случае, находилась в очень сносном состоянии, особенно парадные покои. Окончательное разрушение было начато по приказу Георга I, когда с крыш был удален свинец. Бак, чей рассказ был опубликован в 1774 году, говорит о многих апартаментах как о все еще целых, и, вероятно, до конца века он не был абсолютно лишен крыши. В 1811 году аренда, принадлежавшая семье Повис, была преобразована путем покупки у короны во владение.

СТ. БАШНЯ ЛЕОНАРДА, ВЕСТ-МОЛЛИНГ.

Эта башня, по-видимому, самая ранняя из построенных и последняя часть, оставшаяся от резиденции епископа Гундульфа, вероятно, является одним из первых норманнских замков, а возможно, и одной из самых ранних военных башен, построенных в Англии после ухода римлян. С такими претензиями он заслуживает большего внимания, чем до сих пор.

Она стоит примерно в четверти мили к юго-западу от приходской церкви Тауна, или Уэст-Маллинга, в Кенте, простая тяжелая башня которой также приписывается епископу; а чуть

дальше находятся остатки религиозного дома, основанного тем же искусным и великолепным прелатом, и оставшаяся часть которого, похоже, также была его настоящей работой.

Башня стоит на выступе горизонтально сложенной породы песчаника, рыхлого характера, который выступает из и образует восточную сторону короткого узкого комба, защищающего замок на западном фронте, и который открывается на ручей, притекающий к Медуэй, который получает дополнительное дополнение от источника, поднимающегося из-под скалы примерно в 100 ярдах к югу от башни, и был использован для укрепления обороны места на этой стороне.

Башня представляет собой очень простое прямоугольное сооружение раннего норманнского типа, около 32 футов в квадрате у основания, высотой около 60 футов на северной и восточной, и около 70 футов на двух других сторонах; разница обусловлена большей глубиной скального шельфа. Стены возвышаются на простом цоколе, вершина которого находится на уровне земли на восточной стороне и северо-восточном углу, и на 10 футов выше уровня на южной и западной сторонах, так что высота цоколя с этих сторон составляет 10 футов. С торца башня обрамлена пилястровой полосой, которая поднимается от цоколя, и каждая смежная пара встречается и перекрывает содержащийся угол. На трех углах эти полосы имеют 6-дюймовый выступ и ширину 3 фута 6 дюймов, уменьшенную двумя отступами до 2 футов 6 дюймов у основания парапета, в который они, вероятно, уходят. Пилястры, покрывающие четвертый, северо-восточный угол, имеют ширину 7 футов и выступ 18 дюймов. Они также имеют две закладные детали. Эта увеличенная ширина и выступ предназначены для размещения поворотной лестницы, которая поднимается от основания до крыши и, очевидно, была увенчана квадратной башенкой, но были ли башенки на других углах, сомнительно, хотя, если они присутствовали, они должны были быть довольно меньших размеров. В центре западной стороны находится еще одна пилястра, шириной 3 фута и выступающая на 6 дюймов. Она также поднимается от цоколя, но останавливается на уровне верхнего этажа, у основания окна, подоконник которого она образует. Из декоративных элементов тот, что находится на уровне второго этажа, огибает башню; верхний ограничен пилястрами. Парапета нет, а стена у лестницы, будучи ослабленной им, несколько разрушена. Стена башни описана как таранная, или наклоненная внутрь; если это так, то степень должна быть очень незначительной, так как ее вид вертикальный, приступка уменьшает ее примерно на 6 или 8 дюймов, так что на вершине размеры не могут быть меньше 30 футов квадратных, и стена кажется, снизу, около 6 футов толщиной.

В подвале нет окон, но в южной части, недалеко от восточного торца, находился круглоголовый дверной проем, совершенно простой, без портупей или какой-либо лепнины, с проемом около 3 футов 6 дюймов. В настоящее время, и, очевидно, уже давно, он замурован, так что все выступы, которые могли быть сделаны для двери, скрыты. Он открывался на вершину скалы, и, вероятно, к нему вела деревянная наружная лестница, высота которой, должно быть, составляла 10 футов. Нынешний вход находится напротив него на том же уровне, что и земля. По-видимому, это более поздний проем, пробитый там, где толщина стены уменьшилась за счет своего рода вестибюля у подножия лестницы. Это очень распространенный прием в норманнских замках, когда обычный дверной проем становится неудобным, а время перестает требовать чрезвычайных мер предосторожности.

На втором этаже в центре северной, южной и восточной сторон расположено обычное круглоголовое окно с плоской стороной, то есть без откоса или того, что на севере называют фланкировкой. На южной стороне это окно находится в центре простой аркады, по обе стороны которой расположены две такие же арки, шириной около 3 футов и глубиной 2 фута.

Необычно то, что эти ниши находятся на внешней стороне стены, а не, как это было бы естественно, и как это происходит в Чепстоу, на внутренней стороне. В западной стене четыре аналогичные ниши, но центральное пространство сплошное, занятое пилястрами. На северном торце есть две узкие круглоголовые петли, освещающие лестницу на двух уровнях.

Второй и верхний этаж имеет четыре окна, по одному в каждом торце. Они круглоголовые, довольно простые, с плоскими сторонами, открываются примерно на 4 фута, а их высота составляет 8 футов. Три этажа: подвал высотой 15 футов, первый или главный этаж - 30 футов и верхний этаж - 15 футов. Все полы были деревянными. Не видно ни камина, ни каких-либо настенных камер или галерей. Толщина стен у основания составляет 8 футов. Лестница сообщалась с каждым этажом и с крышей. Линия нижнего этажа отсекает голову первоначального входного проема, как в Чепстоу.

Каменная кладка здесь очень прочная и надежная, хотя и грубоватая. Очевидно, что она оригинальная, и, похоже, ее никогда не ремонтировали и даже не заостряли. Она состоит из щебня, камни лежат в том виде, в каком они были привезены из каменоломни, разной формы, но редко превышают размер футового куба. Работа выполнена грубо, но четко по курсу, с легкой тенденцией к рисунку "сеledочная кость". Стыки очень открытые, а раствор использовался очень свободно. Квинты и наличники окон выполнены из туфового пепла, с широкими швами.

Трудно сделать какой-либо вывод о плане или площади замка, в котором эта башня, несомненно, была хранилищем. Несомненно, она находилась на северо-востоке и востоке, где земля образует столовую площадку немного выше уровня замка, и где видны следы довольно обширных земляных работ. В нескольких ярдах от юго-восточного угла крепости находится короткий участок куртины, направленный на восток. Он выглядит как ранняя кладка, но более позднего времени, чем крепость, против которой он построен без связей. Его высота составляет около 25 футов. Согласно этим данным, южная и западная стороны, по крайней мере, должны были быть внешними, что, учитывая аркады на их лицах и расположение входной двери, весьма любопытно. Вероятно, другой конец занавеса примыкал к северо-восточному углу, но если это так, то он не скрепился и был разрушен, не оставив никаких следов своего присутствия. Хранилище состоит из трех отдельных помещений, два из которых закрыты, а точнее, были закрыты, когда велись эти записи. Единственный вход - через современную дверь, которая была заперта, а ключ предусмотрительно утерян; в то время в башне не было лестницы. Сад, в котором находились земляные сооружения и в котором, вероятно, располагались зал и жилые помещения, был приписан к частной лечебнице для умалишенных. Очень хотелось бы, чтобы Кентское археологическое общество взяло в свои руки эту любопытную башню и получило надлежащие планы и планы столь примечательного здания, а также хорошую фотографию его каменной кладки.

КРЕПОСТЬ ЗАМКА МИДЛХЭМ, ЙОРКШИР.

Несмотря на то, что размеры и протяженность замка Миддлхэм весьма скромны для той фигуры, которую он занимал в местной истории, а также для ранга и власти череды великих баронов, которые строили, расширяли и населяли его, он сам по себе является замечательным зданием и представляет большой антикварный интерес. Он расположен на южной окраине города Миддлхэм и немного выше его. Его непосредственное расположение

не дает особых природных преимуществ, но для общей обороны Венсли-Дейла он выбран неплохо: он стоит между Йоре и Ковер, примерно в полутора милях выше слияния этих двух потоков.

В плане Миддлхэм имеет прямоугольную форму и состоит из крепости, расположенной в 100 футах к северу и югу, 80 футах к востоку и западу, а высота ее парапета составляет около 55 футов, которая находится в центре *энсинта*, также прямоугольного, 240 футов к северу и югу, 190 футов к востоку и западу, так что площадь его единственного отделения весьма ограничена. *Ансинт* представляет собой навесную стену высотой около 30 футов. На северо-западном и юго-восточном углах у нее есть прямоугольные башни с небольшим внешним выступом, которые возвышаются над занавесом. Юго-западный угол увенчан трехступенчатой башней с барабаном, а на северной стороне, но у северо-восточного угла, находится сторожка, прямоугольная, слегка выступающая, но высотой в четыре ступени, включая подвал. Восточная куртина разрушена. На южной и западной куртинах много наружных выступов, контрфорсов, а в центре каждой - прямоугольная башня. Домашние постройки располагались в основном против куртин с северной, западной и южной сторон, и таким образом палата свелась к простому проходу между этими зданиями и крепостью.

Проходная башня имеет глубину около 25 футов и ширину 50 футов. Снаружи она имеет центральный портал с круглой головой под рельефной аркой. Он обрамлен контрфорсами шириной 2 фута и глубиной 1 фут, а смежные углы здания поддерживаются аналогичными контрфорсами, по два на каждом. На первом этаже они переходят в один контрфорс, который закрывает угол, - приятное расположение, придающее разнообразие очертаниям. Входной свод, как и ворота, круглоголовый, с ребрами для дверей, с одним пазом для портупей на внутреннем конце. Все это относится к одной дате и выполнено в декорированном стиле. Эта сторожка, как и все здания прихода в целом, украшены и требуют гораздо более тщательного изучения, чем то, которое смог провести автор.

По четырем углам *сторожка* укреплена широкими контрфорсами с плоским перекрытием, разной ширины и выступа, которые, несомненно, возвышались над крепостными стенами в виде прямоугольных башен. Контрфорс на северо-восточном углу имеет ширину 26 футов на севере и выступ в 7 футов, а на востоке - ширину 16 футов и выступ в 1 фут. В нем находится камера, сообщающаяся с бойницей наружных ворот переднего здания, а внизу он цельный. Контрфорс на северо-западном углу имеет на севере ширину 22 фута и выступ 3 фута, а на западе ширину 12 футов и глубину 1 фут. На юго-западном углу ширина западной стороны составляет 14 футов, а южной - 11 футов, а глубина каждой из них - 1 фут.

В юго-восточном углу, как и в Рочестере, находится лестница. Он не имеет выступа на восточной стороне, так как закрыт передним зданием. С южной стороны его ширина составляет 20 футов, а глубина - 6 футов. Только здесь сохранились остатки башенки над бойницами. За исключением лестничной башни, углы храма кажутся сплошными внизу, хотя и превращены в камеры на втором этаже.

На западной и южной стенах также есть выступы. Выступ на западе имеет глубину 12 футов, а ширину 18 футов. Нижний этаж разрушен; он был полым и выглядит так, словно предназначался для гигантской выгребной ямы. Верхняя часть висит без опоры, только на цементе, и очень нуждается в сохранении. Эта башня находится на расстоянии 51 фута от северного конца и 31 фута от южного. Выступ на южной стене имеет ширину 12 футов, а глубину 8 футов. Он расположен в 24 футах от западного и 44 футах от восточного угла, совпадая с перегородкой внутри. Эта башенка полая и образует большую шахту для гардеробов в верхних этажах. В ее торце, на уровне земли, находится арка с круглой

головкой, проемом в 3 фута и высотой в 4 фута - это выход канализационной трубы, но над землей. Эти две башенки в настоящее время заканчиваются на уровне парапета, но, вероятно, возвышались над ним настолько, что могли прикрывать садик. С северной, западной и южной сторон крепость имеет цоколь. Восточная сторона закрыта передней постройкой. Толщина стен составляет около 9 футов.

На уровне земли у храма есть подвальный этаж, первый или государственный этаж, а на восточной стороне - верхний этаж. Он разделен стеной толщиной 9 футов на две неравные части: восточная - 29 футов, западная - 24 фута, каждая длиной около 84 футов. Колодезная лестница диаметром 12 футов, поднимающаяся под юго-восточным углом из подвала на бойницы, освещена петлями и имеет двери на каждый этаж.

Восточная камера, в которую эта лестница открывается большой и, по-видимому, круглоголовой дверью, ныне разрушенной, была сводчатой в две линии, каждая опиралась на пять цилиндрических опор, диаметром около 3 футов 6 дюймов каждая, и составляла в среднем 14 футов от центра до центра. Свод, по-видимому, представлял собой бочку с желобками. На каждом конце было по две петли с квадратными головками, высоко над полом, со ступенчатыми углублениями. В восточной стене находятся только три квадратных шкафчика и дверь лестницы. Западная сторона стены, или перегородка, пробита пятью отверстиями шириной около 4 футов с круглыми головками, три из которых находятся к северу и два к югу от толстой массивной центральной части. Вероятно, они были сделаны для облегчения работы, и все, кроме одного или двух, были тонко замурованы. Одна из них, должно быть, была дверным проемом, так как через восточную осуществлялось единственное сообщение с западной камерой.

Западная камера, по-видимому, была перекрыта одним сводом, слегка заостренным и вырезанным в шести пролетах. В каждом конце находится по одной петле с квадратной головкой. На западной стороне семь петель, центральная часть занята не пробитой задней стеной уже описанной башни.

Первый этаж, восточная сторона. Здесь, очевидно, находился зал. Он очень высокий, и в его северном конце находится круглоголовое окно с проемом в 2 фута и высотой 7 футов до подпруги. В южной части - два таких же окна, но длиной около 14 футов, и любопытный водосток между ними и дверью. Эта дверь, ведущая с лестницы, имеет простую круглую головку и открывается на 6 футов. Ближе к северу от нее находится аналогичная дверь, открывающаяся на 7 футов, совсем простая и без портупей. Это главный вход, который открывается с башни-барбакана. За ней находится короткое окно, а затем три длинных, как и в северной части, расположенных так, чтобы открываться с внешней лестницы барбакана. Западная стена имеет по проему на каждом конце, основная часть стены сплошная. Северный из двух проемов, вероятно, был большой проходной дверью между комнатами; южный сообщается с садовником в южной стене. В северо-восточном углу находится очень любопытная фресковая камера, 12 футов к востоку и западу, 9 футов к северу и югу, сводчатая в одном желобчатом пролете, с круглой головой, и опирающаяся на полуовальные кронштейны в углах, каждый из которых является крышкой отдельного вала, ныне удаленного. В северной стене две, а в восточной одна петля. Дверь в южной стене открывается в северный конец зала, а одна в восточной стене проходит наискосок через стену и, очевидно, ведет на бойницы внешних ворот барбакана, над подножием его лестницы. Эта комната сильно разрушена, но ее обстановка оригинальна и является поздней норманнской. Если в зале и был камин в каменной кладке, то он находился в западной стене, в части, недавно отремонтированной. Неясно, как зал был покрыт крышей; возможно, первоначальным покрытием была высокая скатная крыша, с бойницами наверху, но в

настоящее время боковые стены несут стол с карнизами из простой заготовки, на котором верхняя стена, высотой около 12 футов, продвинута на 6 дюймов. В этих стенах находятся большие оконные проемы с сегментными арками, по три с каждой стороны, которые, должно быть, выходили на крышу западной камеры и на бойницы с восточной стороны. В южной части, над двумя упомянутыми узкими окнами, находится третье, меньшего размера, как будто для освещения крыши с большим уклоном. Здесь нет карнизов для главных балок и отверстий для основных балок, но над карнизом с каждой стороны есть ряд отверстий, около 9 дюймов квадратных и столько же на расстоянии друг от друга, аккуратно заделанных золой, как будто первоначальная плоская крыша была удалена, и была сделана крыша с большим уклоном. Как бы то ни было, окна в боковых стенах явно дополнительные и принадлежат второму этажу. В целом история этой крыши очень туманна и требует тщательного изучения на месте. Верхняя дверь в колодезной лестнице находится не на уровне второго этажа и не соответствует высокой скатной крыше.

Второй этаж, западная сторона. В северной части находится круглоголовое окно с проемом 2 фута и высотой 7 футов, а также дверь в недоступную ныне фресковую камеру в северо-западном углу. В южном конце - два таких же окна и дверь в камеру в юго-западном углу. В восточной стене находятся два сломанных дверных проема, о которых уже упоминалось, и сломанные туннели двух, если не трех, больших каминов, шахты которых, сильно разрушенные, все еще возвышаются над крышей. Каминны исчезли, а стену недавно подлатали, чтобы придать ей опору. В этой стене есть два довольно любопытных шкафчика. В западной стене, по-видимому, было четыре круглоголовых окна размером 2 фута и высотой 7 футов, а около середины находится дверь, открывающаяся в среднюю контрфорсную башню, которая содержит две неравные по размеру палаты. В них нет доступа, но одна из них, вероятно, была большим садом, а другая, возможно, служила путем к небольшому разводному мосту, открывающемуся из крепости на прямоугольную башню в палате, расположенную на расстоянии не более 12 футов, чтобы обеспечить прямой проход из крепости к внешним стенам. В стене храма, к северу от этой башни, находится большое сегментное арочное окно, очевидно, вставка, возможно, работы Ричарда III. В северо-западном и юго-западном углах, как уже упоминалось, находятся настенные палаты, в которые нет доступа. В стене, по-видимому, нет галерей.

Эта западная камера, вероятно, была разделена решеткой, а северная часть использовалась в качестве отхожего места в зале. Похоже, что с этой стороны не было второго этажа. Однако любопытно, что здесь нет ни карнизов, ни каких-либо обычных признаков, указывающих на принципы обычной открытой крыши. В каждой боковой стене, высоко вверх, есть ряд отверстий, около 9 дюймов в квадрате и 18 дюймов от центра до центра, так что, вероятно, крыша была плоской или, во всяком случае, состояла из тяжелых стропил, без принципов.

Восточная сторона крепости была занята передней постройкой или барбаканом, в котором, как это нередко бывало, находилась часовня.

Как и в Рочестере, Скарборо и других местах, к ней вела каменная лестница, пристроенная к стене, начинавшаяся в этом случае примерно в 10 футах от северного конца и поднимавшаяся на 20 футов к вестибюлю, в котором справа и слева открывались большая дверь храма и дверь часовни. Лестница была около 9 футов в ширину и 45 или 50 футов в длину до вестибюля. Похоже, что она была защищена боковой стеной, что уменьшало фактическую длину лестницы до 5 или 6 футов, и была либо сводчатой, либо крытой деревом. Нижние ворота, должно быть, открывались под небольшой башней, на крышу которой

можно было попасть из камеры в северо-восточном углу крепости. Примерно на полпути вверх по лестнице, мимо того, что, судя по виду стены, было вторыми воротами в стене крепости, находится большая полость, способная вместить двадцать человек, очевидно, для охраны на случай, если вход будет взломан. Выше, где лестница выходила в вестибюль, по-видимому, находилась третья дверь.

Вестибюль - это часть второго этажа обычной прямоугольной башни-барбакана, построенной против крепости, примерно в 12 футах от южного конца восточной стороны. Эта башня имеет размеры около 33 футов на север и юг и около 48 футов на восток и запад. Она возвышается примерно на две трети высоты крепости и разделена на подвал или подсклеп, верхний склеп, часовню и притвор.

Подвал находится на уровне земли. Рядом с храмом, а точнее, рядом с массивной массой каменной кладки, поддерживающей лестницу и вестибюль, находится субсклеп, расположенный в 20 футах к северу и югу, в 24 футах к востоку и западу. За ним, то есть к востоку от него, прямо через здание проходит проход шириной 5 футов с дверью на каждом конце; за ним находятся руины небольшой камеры, которая, вероятно, доходила до внешней куртины. Этот проход обеспечивал сообщение между северной и южной частями палаты, разделенной с этой стороны башней-барбаканом, а из него дверь вела в подкрыпту. Это помещение было сводчатым в две линии в восьми пролетах, отходящих от центральной линии из трех колонн, ныне исчезнувших. Арочные фронтоны показывают, что свод был круглоголовым. В южной стене в западной части находится колодец-лестница, ведущий в верхнюю крипту, и это единственный путь в нее. Склеп освещается двумя маленькими круглоголовыми нормандскими окнами в каждой из двух открытых сторон, по одному с каждой стороны от наружного пилястрового контрфорса, шириной 3 фута и глубиной 3 фута.

Второй этаж, или верхний склеп, простирался на восток над проходом по всей длине барбакана и был 20 футов в ширину и, вероятно, 40 футов в длину внутри. Он также был сводчатым, но свод охватывал всю ширину и образовывал только два пролета. Ребра пазух опирались на полукруглые фресковые пилястры. В северной стене, у восточного торца, находится камин. Этот этаж не имеет сообщения с вышележащим. Нередко подвал барбакана был совершенно независим от храма, и в него, как здесь, вела собственная наружная дверь.

На втором этаже барбакана располагались часовня и притвор, который находился на уровне большого входа в крепость. Был ли вестибюль сводчатым, точно неизвестно, но, вероятно, был. Его размеры составляют 20 футов с севера и юга, 9 футов с востока и запада, входная лестница находится на северном конце, дверь в замок - на западе, а дверь в часовню - на восточной стороне. Часовня была более высокой и сводчатой в более светлом стиле, чем склепы внизу. Толщина ее стен составляла 7 футов, а площадь - 20 футов на 40 футов. Она была сводчатой в двух пролетах в легком стиле, вероятно, раннеанглийском. Большая дверь хранилища была обычной нормандской, но с фасками вокруг головы и косяков. Сохранились следы крышек, и, вероятно, было два фланкирующих вала, но без лепнины или капельника. Стены барбакана, несомненно, в основном оригинальные, хотя своды подклета и крипты могли быть обновлены. Часовня, вероятно, заменяет более раннее здание.

Миддлхэм, похоже, никогда не проводил никаких работ за пределами стены *энсинта*, кроме небольшого рва, следы которого сохранились только на южной стороне. На востоке канаву заменила полевая дорога, а на западной стороне - несколько современных зданий. На северном и городском фронтах нет никаких следов ни рва, ни разводного моста.

Храм построен из бутового камня, с пепловыми выемками и перевязями. Декоративные и более поздние работы выполнены в основном из превосходного ясеня.

Что касается возраста отдельных частей замка, то крепость явно поздненорманнская, и, что вполне вероятно, построена Робертом Фиц-Ранульфом, лордом Миддлхэма, в 1190 году; его ближайшим потомкам, безусловно, обязаны более ранние перестройки, особенно часовня, до прекращения рода в 1271 году.

Несомненно, внешняя палата построена на месте норманнского *энсинта*, и некоторые из первоначальных работ могут сохраниться; но эта часть крепости была полностью перестроена Невилами, которые женились на наследнице Фиц-Ранульфа, и, несомненно, Робертом, прозванным Павлином Севера, который получил Миддлхэм и т.д., от своей бабушки и умерший до 5 Эдуарда II., 1331 г., либо Ральф, лорд Невил из Рэби, его брат и преемник, умерший в 41 Эдуарда III., 1367 г.

От более поздней резиденции Ричарда, герцога Йоркского (Ричарда III.), остались следы в виде большого оконного проема на западной стороне здания, возможно, верхнего этажа на восточной стороне того же здания, а также некоторых деталей, добавленных к палате.

Миддлхэм был частью обширной территории, пожалованной Завоевателем Алану Фергаунту, основателю замка Ричмонд и лорду этой обширной чести, ставшей, таким образом, резиденцией английского графа Эдвина, которую он перенес из соседнего Гиллинга. Его младший сын, Рибальд, получил в свое особое владение Миддлхэм, подаренный вторым Аланом, его братом. За Рибальдом последовал Ральф, его сын, а за ним - Роберт Фиц-Ральф, или Ранульф, который женился на Берте, племяннице Ранульфа де Гланвилла, и является предполагаемым строителем Миддлхэм Кип в 1191 году, 2 и 3 Ричарда I.

Ранульф Фиц-Роберт был основателем аббатства Коверхэм, "близ своего поместья Миддлхэм", и был похоронен там в 1251 году (31 Генриха III.), оставив Ральфа Фиц-Ранульфа, своего сына, который, как оказалось, был лордом поместья Миддлхэм в ходе инквизиции по разделу его земель (55 Генриха III.), в год его смерти. Он оставил трех дочерей, сонаследниц, из которых старшая, Мэри, вышла замуж за Роберта де Невилла и получила Миддлхэм. Ральф умер (55 Генриха III.) в 1271 году. Как выяснилось в результате расследования, проведенного под именем Петра Савойского, Миддлхэм был платой за судебный иск, который должен был подать честь Ричмонда. 18 Эдуарда I Мария де Невил называлась госпожой Миддлхэма, а 13 Эдуарда II она владела поместьем. Она прожила до 14 Эдуарда II. (1320), пожизненно владея Миддлхэмом.

Их сыном был Ральф Невил, который умер 5 Эдуарда III (1331), и который фигурирует в инквизиции (1 Эдуард III) как владелец поместья и замка Миддлхэм. Его сын, Роберт Невилл, Павлин Севера, получил от своей бабушки замок и поместье Миддлхэм. Он умер, не оставив потомства, раньше своего отца, оставив Ральфа своим братом и наследником, который умер в 41 году Эдуарда III. Этот Ральф, лорд Невил из Рэби, принимал самое активное участие во всех государственных делах своего времени, как в войне, так и в мире. Он умер, завладев замком и поместьем Миддлхэм, и стал первым мирянином, похороненным в Даремском соборе.

Следующим лордом стал Джон, его сын, также великий воин и дипломат. Он умер 12 Ричарда II, 1388, оставив Ральфа, своего сына и наследника, который приумножил богатство и могущество семьи, а также владел замком, поместьем и лордством Миддлхэм после своей смерти в 4 Генриха VI, 1425. Джон, сын Ральфа, умер раньше своего отца, в 1423 году, и ему наследовал внук, Ральф, граф Уэстморленд, умерший во время 2 Ричарда III. Миддлхэм,

однако, перешел к Ричарду Невилу, графу Солсбери, сыну графа Ральфа, умершего 4 Генриха VI, от его второй жены, дочери Джона Гонта. Граф Солсбери, по указу 12 Ричарда II, получил Миддлхэм. Это тот самый граф, который в 37 году Генриха VI отправился с 4000 человек из Миддлхэма в Ланкашир по пути в Лондон, чтобы получить от короля и королевы возмещение за обиду, нанесенную его сыну. После конфискации графа, перед 38 годом Генриха VI, его ланкастерский родственник, сэр Джон Невил, был назначен констеблем замка Миддлхэм, который в то время принадлежал короне. Сэр Джон пал при Тоутоне, 1 Эдуард IV, а его сын Ральф стал графом Уэстморлендом. Но Миддлхэм остался за короной.

В Миддлхэме, который в то время находился в ведении Невила, архиепископа Йоркского, Эдуард IV был заточен Ричардом, графом Уориком, братом прелата. Эдуард сбежал во время охоты в парке. После Барнета замок был пожалован Ричарду, герцогу Глостерскому, за исключением наследников мужского пола маркиза Монтагу, брата Уорика. Ричард много жил здесь, возвел ректорство в ранг деканата с целью основания колледжа; здесь же родился его сын Эдуард, принц Уэльский. После смерти Ричарда Миддлхэм перешел к короне и сдавался в аренду разным лицам. В конце концов он был продан мистеру Вуду из Литтлтона, предку нынешнего владельца. Недавно крепость была частично очищена от мусора, а некоторые наиболее опасные участки подсыпаны; но для того, чтобы спасти от разрушения некоторые из наиболее заметных элементов руины, требуется еще немного помощи такого же характера.

ЗАМОК МИТФОРД, НОРТУМБЕРЛЕНД.

Это один из самых примечательных замков Нортумбрии. Он расположен примерно в двух милях выше и западнее Морпета, на правом берегу Уансбека, который здесь делает два очень крутых изгиба, больший и более высокий из которых включает в себя замок, церковь Святого Андрея, новый Холл и руины старого. Церковь, неф которой долгое время был без крыши, была отремонтирована и сейчас находится в хорошем состоянии. В ней похоронены древние бароны и современные лорды Митфорда. Алтарь - раннеанглийский, неф - грубый, но добротный нормандский, с остроконечной южной дверью в том же стиле. Старый зал, от которого сохранилась башня, был тюдоровским зданием, построенным Митфордами частично из материалов замка. Нынешний зал, резиденция Митфордов, является современным.

То, что осталось от замка, занимает вершину холма из песчаника, возвышающегося примерно на 70 футов, с северной стороны круто, а в других местах более или менее круто, от болотистого луга, который с севера, востока и запада окружен складками Уансбека, а с юга - притоком, который вливается в реку чуть ниже замка. Каждый водоток протекает под крутым и высоким вогнутым берегом, густо поросшим лесом, и в результате получается уединенный и красивый амфитеатр.

Замковый холм на своей вершине имеет неправильную круглую форму около восьмидесяти ярдов в поперечнике. Вдоль него тянется *крепостная* стена, сильно разрушенная, но, похоже, имевшая высоту около 20 футов и толщину 7 футов. Ее можно проследить по всему периметру, за исключением одного места на южной стороне, где она упирается в карьер, открытый для материалов нового зала в 1810 году. С севера стена довольно совершенна, хотя и более или менее изрезана, и лишена бойниц. Сейчас на этом месте находится фруктовый сад.

Северная часть территории несколько выше остальных и отделена от них поперечной стеной, образуя внутреннюю часть, небольшого размера, полукруглой формы и значительной прочности. В этом отделении находится нормандский замок, квадратный, площадью около 36 футов, но с северной стороны он имеет две косые грани, образующие козырек. Таким образом, у него пять сторон, что является редким и, безусловно, оригинальным отклонением от обычного нормандского плана. Толщина стен составляет около 7 футов, а внутренняя площадь - 22 фута 6 дюймов в квадрате. Это пространство разделено поперечной стеной с севера и юга на две равные части, каждая из которых имеет сводчатое перекрытие, с простой круглоголовой аркой, выходящей из простого фасонистого абсиды. Северная сторона каждой камеры скошена, чтобы соответствовать внешнему солиенту. Из этих камер одна имеет петлю в северном фронте, а другая, в соответствующем месте, два небольших каменных отверстия, около 3 футов от пола, как бы для впуска воды. Обе палаты разрушены в южной части.

Вся кладка над стенами первого этажа разрушена, и мусор скрывает внешнюю поверхность стен, но вся она явно из отличного пепла. От западной стены и внутри нее спускается небольшая настенная лестница, поворачивающаяся к юго-западному углу, к двери в южной стене, открывающейся в западный свод. Эта дверь имеет плоскую сегментную арку. Внешний вход, по-видимому, находился в западной стене в этаже над подвалом. Говорят, что наружная каменная лестница скрыта под мусором. Эта крепость стоит на скале, возможно, на 20 футов выше остальной территории. Она перекрывает треугольную или, скорее, сегментную внутреннюю палату, отстоящую на 50 футов от одного угла и на 30 футов от другого. Ее солиент простирается на 10 футов от северного, или соответствующего солиента палаты, а ее южная сторона находится примерно в 6 футах от поперечной стены. В изогнутой наружной стене палаты, на северо-западе, находится очень примечательная оконная ниша, шириной 8 футов и такой же высоты, до простого нормандского абака, из которого выходит арка с круглой головкой, над которой находится лепной колпак того же рисунка, единственная попытка орнамента. Толщина стены здесь составляет 8 футов, но поскольку внешние 2 фута не являются оригинальными, оконная рама исчезла. Вероятно, оно было двухсветным и выходило на скалу.

Ближе к югу от этого окна, во внутренней стороне той же стены, находится ряд любопытных отверстий, расположенных неравномерно, более или менее округлых, как будто в зеленый раствор была вставлена половина бутылки с газированной водой. Они встречаются на стыках, и лучше всего они заметны там, где встречаются три стыка. Это, конечно, не отверстия от штольни, поскольку они слишком неправильной формы и слишком мелкие.

Во внутреннюю палату из внешней входил небольшой мощный дверной проем в поперечной стене, ныне сильно разрушенной, в нескольких футах к западу от крепости.

На южной стороне внешней палаты, вероятно, находилась часовня; многие могилы, некоторые из которых были покрыты плитами, а одна содержала каменный гроб, были открыты во время работы в каменоломне. В западной стене находится хорошая простая дверь в виде столба с головой Каэрнарвона, открывающаяся на 5 футов, под остроконечной аркой с облегчением. Главный вход в эту палату находился на восточной стороне, у внутренней стены палаты, и был прикрыт крепостью. Ворота, глубина которых, как говорят, составляла 15 футов, сейчас превратились в руины, но они выходили на небольшую площадку, расположенную немного ниже палаты и защищенную стеной, под которой снизу проходила дорога. Говорят, что некоторые разрытые участки земли на этой стороне

указывают на древнюю каменоломню, которая, вероятно, использовалась во время строительства замка.

В северо-западной части холма также находился отрог, но более низкий и узкий, чем прежний. Он был превращен в тонкую сокообразную насыпь, вогнутую к замку, путем прорезания глубокого рва в его задней части, вероятно, для обеспечения крытого пути к постерну, по которому можно было безопасно загонять скот.

Замковый холм, похоже, был опоясан в нескольких ярдах от его основания мокрым рвом, частично искусственным, который охватывал его северо-западную и южную стороны и с каждого конца сообщался с Вансбеком, который завершал круг с восточной стороны. Была ли стена внутри рва, точно неизвестно, скорее всего, нет, но с северо-востока он был защищен сторожкой и огороженным пространством, перед которым, ниже нынешнего моста, находился старый мост Фосс, за охрану которого Уолтер де Свинхоу в царствование Эдуарда III владел сорока акрами земли.

Такой холм, как Митфорд, такой уединенный, защищенный рекой и болотистой местностью, скорее всего, был лагерем англичан, а также местом обитания саксов или англичан, и есть большая вероятность правдивости традиции, утверждающей, что баронство Митфорд принадлежало в царствование Исповедника Джону из Митфорда, дочь которого Сибил, как говорят, отдала его в жены Ричарду Бертраму, последователю Завоевателя и выходцу из рода Балиола. Однако первым зарегистрированным лордом считается Роджер Бертрам, который владел баронством в 1155 году и подтвердил, что им владели его отец и дед. В то время баронство простиралось на пять приходов и получало плату за охрану замка от девяти маноров, а также платило скутадж замку Ньюкасл.

Бертрамы, которые, как и Балиолы, носили орле на своем гербе, удерживали Митфорд на протяжении восьми поколений, когда Агнес, их наследница, продала поместье в 1275 году Александру де Балиолу, от которого оно перешло путем различных изменений к де Валансу, а затем вместе с частью его владений к графу Атолу, одному из его генеральных наследников. Однако в округе оставалась семья, носившая фамилию Митфорд и претендовавшая на происхождение от брата Джона, дочь которого вышла замуж за Бертрама. Их представитель, Уильям, в десятом поколении владел землями в Митфорде, а его сын фактически был родом из Митфорда, и, похоже, вернул себе замок, а также является прямым предком по мужской линии нынешнего мистера Митфорда из Митфорда и его дальнего родственника, лорда Редесдейла.

Замок, хотя и не отличался большими размерами, играл, благодаря своему положению и силе, довольно важную роль в пограничных войнах. Вильгельм Лев, правивший с 1165 по 1214 год, датировал грамоту отсюда 28 декабря 1215 года. Король Джон, как говорят, сжег виллу, но взял ли он замок, неизвестно. Однако, согласно публичным записям, он посетил Митфорд из Бервика в 1216 году и пробыл там 24, 25 и 26 января, отправившись в последний день в Ньюкасл. Александр, король Шотландии, не смог занять это место в мае 1217 года, когда он пролежал перед ним в поединке в течение семи дней. Местная история умалчивает о нем во время активного правления Эдуарда I. Но в дикие времена, последовавшие за Бэннокберном, известный пограничный вольный разбойник сэра Гилберт Миддлтон сделал Митфорд своим оплотом и заточил здесь Генри, лорда Бомонта, в то время как его брат Льюис, епископ Даремский, был заперт в замке Морпет.

Нынешнее состояние замка свидетельствует о том, какие превратности он претерпел. Тем не менее, несмотря на то, что он разрушен, при внимательном наблюдении можно обнаружить многое из его первоначального плана и даже некоторые детали. Общий план, крепость и

большая часть стены *энсинта*, очевидно, являются оригинальными и поздними нормандскими, вероятно, работа Ричарда Бертрама в начале правления Генриха II. Постерн, конечно, более поздний, либо ранний эдвардианский, либо времен правления Генриха III. Необычно встретить такой маленький замок, разделенный поперечной стеной, или найти нормандский замок с оригинальным сводчатым подвалом, хотя такой пример, очевидно, есть в поздненормандском замке Норхэм. Залп с одной стороны неизвестен в других местах.

Необходим хороший план местности и крупномасштабные фотографии каменной кладки, а умеренные раскопки во внутреннем отделении, возможно, прольют свет на первоначальную структуру замка. С точки зрения истории, очень полный рассказ о Митфорде, приведенный в книге Ходжсона "Нортумберленд", не оставляет желать лучшего; остается только сожалеть, что соответствующая индустрия и критическое чутье не были применены к его архитектурным остаткам.

ЗАМОК МОНТГОМЕРИ.

По удивительной случайности грубый и искусственный курган земли в безвестной части чужой провинции дал название британскому графству и городу, который является его столицей. Собственные имена мест в Британии обычно либо британские, либо английские. Получив название на последнем языке, они редко меняются. Новые творения, такие как Бэтл и Джерволкс, а также некоторые другие церковные дома, действительно носят новые имена, но они, похоже, не вытеснили уже существующие. Понтефракт - это название, вероятно, произошло от случайного обстоятельства; но Ричмонд и Монтгомери - это единичные случаи, когда графство или столичный город получили свое название от наследства нормандского лорда.

Замок Монтгомери зарегистрирован под этим названием в книге "Domesday survey" и помещен в сотню Уинтентру, графство Салоп. "Ad castellum de Montgomeri habet comes iiii carucas et vi libras denariorum. habet de uno fine de Walis pertinente ad ipsam castellariam. Рогериус [Корбет] имеет иби ij carucas, а де Валис, с братом суо, имеет xl. solidos". И далее: "Ipse comes construxit castrum, Muntgumeri vocatum. Ad quod adjacent lii. hidæ et dimidia quas tenuere Seuuar, Oslac, Azor, de rege Edwardo, quietas ab omni geldo; ad venandum eas habuere." Итак, здесь мы имеем название замка, его включение в английское графство, его кастелянню, его главного лорда, графа Роджера, и тот факт, что во времена Исповедника три англичанина держали 52½ шкуры вокруг него в качестве охотничьего угодья. Через несколько строк после этого англичане названы танами. Сеуар, несомненно, был, как и Сивард, очень крупным, как и Азор, значительным землевладельцем в том же графстве. "De fine de Walis" показывает, что территория графа Роджера включала валлийцев вместе с его английскими арендаторами, так же как названия мест, и особенно приходов, в округе свидетельствуют о большом и раннем распространении там англичан. Замок состоял из двадцати двух членов и находился на небольшом расстоянии от замковой скалы, а сам замок был одним из четырнадцати сильных мест, упомянутых в "Domesday" как существовавшие в то время в Херефорде, Монмуте и Салопе. От большинства других, и особенно от таких, как Клун, Ладлоу, Каус, Освестри или Уиттингтон, он отличался лишь тем, что принадлежал самому графу, а не одному из его второстепенных баронов.

Граф Роджер, "пришедший" из вышеприведенной записи, после падения Моркера присоединил Шропшир к своему графству Сассекс, и ему, с полномочиями, равными во

многих отношениях королевской власти, была передана безопасность Среднего похода с его обширным, но небезопасным английским поселением там. На месте британского Пенгверна и саксонского Шробсбери, надежно укрывшись в удивительном изгибе Северна, он основал свою главную резиденцию на Английском кургане, который до сих пор смотрит вниз на глубокую и широкую реку, и с соединенным с ним фрагментом древней городской стены составляет поразительный контраст с суетой и действиями, происходящими на железной дороге и в ее эфемерных зданиях у подножия склона. Существует предание, основанное, однако, на ошибке, что лейтенантом графа на более продвинутой границе его опасной территории был некий Болдуин, чье имя сохранилось в валлийском названии Тре-Фалдуин для города и замка и Фрайд-Фалдуин для примечательного лагеря на вершине соседнего холма. Но Болдуин, хотя и нередкое имя у норманнов, не встречается в Шропшире ни среди главных, ни среди младших арендаторов в Domesday. В правление Руфуса действительно был Уильям Фиц-Балдуин, лорд Ридкорса, но он был уроженцем Южного Уэльса и не был связан с графом Роджером. Но ли Тре-Фалдуин или Монтгомери, назван ли он по руке или по голове, ясно, что замок стоял в месте, наиболее оскорбительном для гордости и патриотических чувств валлийцев. Долина реки Северн от Уэлш-Пул до Лландлоэса на протяжении веков была полем ожесточенной борьбы. Римляне, датчане и англичане совершали насилие над "девственной дочерью Локрина" и запятнали кровью ее расплавленный кристалл. Широкая полоса плоского и плодородного луга делала землю Поуис призом большой ценности, а крутые и возвышенные холмы, между которыми она располагалась, были весьма благоприятны как для внезапного нападения, так и для безопасного отступления валлийцев. Равнина и ее нижние выступы, пересекаемые дамбой Оффы, густо усеяны насыпными курганами и земляными укреплениями, возведенными в восьмом, девятом и десятом веках, которые показывают, насколько далеко простиралась власть мерсийцев и англичан даже в тот отдаленный период. Курган, возведенный Этельфлаэдом в 916 году в Чирбери, разрушен; Но курганы в Моат-Лейн, Ньютауне, Хен-Домене, Керри и Нант-Криббе сохранились, они такие же большие и четко очерченные, как и в самом Шрусбери, и очень похожи на более известные королевские резиденции в Элмете и Лафтон-ан-ле-Мортене или на сооружения в Ливароте, откуда граф Роджер взял свое имя, и которые пережили все последующие дополнения из камня и извести.

О том, что граф Роджер в период между получением графства и годом составления Домедея построил замок, известно, но что это был за замок - вопрос. Нормандские башни были простыми, прочными, долговечными и превосходно выполненными, слишком прочными и полезными, чтобы их можно было намеренно снести, и обычно, как в Уотлсборо, пережившими все более поздние дополнения; но, безусловно, теперь нет никаких следов работы графа Роджера на замковой скале или где-либо поблизости от нее, поскольку без тени вероятности предполагается, что его замок был расположен не на скале, а где-то поблизости от нее. Трудно не прийти к выводу, что замок графа Роджера был менее прочным, чем принято считать, и что этим объясняется его быстрое разрушение в 1095 году, через два года после его смерти, валлийцами, сопровождавшееся резней гарнизона его преемника (графа Хью). Именно это событие привело Руфуса в округ на помощь графу в 1096 году, когда он, хотя и сделал немного, но, похоже, вернул себе местоположение замка и дал графу возможность восстановить или отреставрировать его. Говорят, что граф Хью так и сделал, но как бы это ни было, Монтгомери не упоминается среди замков, которыми владел его старший брат, но преемник, Роберт де Белесме, нечестивый граф, после его разорения и изгнания в 1102 году. Здесь, опять же, можно предположить, что любой стоявший тогда замок был легким и не очень прочным, недостойным упоминания вместе с Шрусбери или Бридженортом.

После падения дома Монтгомери графство перешло к короне, а вместе с ним и замок, и крепость. После этого Генрих I переделал сотни Салопа и возвел Монтгомери в почетное баронство, присоединив к нему большую часть соседнего сеньората Чирбери и несколько других поместий. Образовавшаяся таким образом ценная и в целом компактная территория была сразу же пожалована Генрихом некоему Болдуину де Боллерсу, который был мужем "Sibillæ nepotis regis", какие бы отношения, законные или незаконные, это слово ни обозначало. Эта дама также обозначена, возможно, по имени ее матери, как "Сибилла де Фалез". Все, что известно о Болдуине, - это то, что он уже владел пятью рыцарскими феями чести надзирателя. Он владел новой честью, *in capite*, короля, *per baroniam*; его подвластные держали за него, большинство из них, как указано в Сотенных списках, охраняли замок. Болдуин начал свое правление с весьма необходимого акта - строительства замка, хотя что именно он построил, точно неизвестно, поскольку не сохранилось ни одной каменной кладки, которую можно было бы приписать ему или его ближайшим преемникам. Тем не менее, сообщается, что он построил замок, и то, что он это сделал, вероятно, так же несомненно, как то, что именно его имя, а не имя какого-либо лейтенанта графа Роджера, отождествляется валлийцами со скалой. Также сообщается, что пока Болдуин готовил этот замок, он занял расположенный выше лагерь англичан, известный впоследствии как Ффридд-Фалдуин. Это крайне неправдоподобно. Лагерь, очень большой и прекрасный образец британской работы, вмещал пять или шесть тысяч человек и не мог быть защищен менее чем третью этого числа, поскольку фронт его обширен, а склоны, хотя и круты, но отнюдь не настолько, чтобы остановить или существенно сдержать наступление племени легковооруженных горцев. Войско Болдуина скорее всего насчитывало 500, а не 5000 человек, и, несомненно, его мощь в гораздо большей степени зависела от вооружения и дисциплины, чем от численности. Замковая скала могла бы надежно удерживать такое войско, пока велись работы в замке, и, вероятно, так и было.

Потомки де Боллерса, неверно указанные Дагдейлом, были распутаны мистером Эйтоном, настоящим историком Монтгомери, с его обычным терпением и мастерством, и выглядят следующим образом:...

Болдуин де Боллерс, лорд Монтгомери в 1121 году, женился на (1) Сибил де Фалез, а также имел вторую жену. От Сибил у него был Стивен де Боллерс, 1160 г., лорд Монтгомери, который женился на Марии и имел Роберта, умершего молодым. Матильда, дочь Сибиллы, вышла замуж за Ричарда Фиц-Урса в 1130-58 годах и родила Реджинальда Фиц-Урса, одного из убийц Бекета, и Марджери.

После смерти Стивена почетный титул перешел к Альмерику де Боллерсу, вероятно, сыну или потомку Болдуина от его второй жены, который получил его в 1162 году. Ему наследовал Роберт де Боллерс, 1176-1203, который умер бездетным, но оставил вдову, Иларию Трусбут, которая владела им до 1241 года. Наследником стал брат Роберта, Болдуин, 1203-7, который также умер бездетным, а его вдова, Венлиан Тет, имела право владения до 1243 года. На этом мужская линия закончилась.

Следующими наследниками стали Фиц-Урсы. У Реджинальда, убийцы Бекета, была дочь и наследница, которая вышла замуж за Роберта и родила Уильяма де Куртенэ, лорда Монтгомери, который умер в 1214 году, бездетным, оставив Аду вдовой с давером, которая умерла в 1217 году. Следующим наследником был потомок Марджери, сестры Реджинальда Фиц-Урса, которая вышла замуж за Ричарда Энгейна, 1177-85, и родила Ричарда, 1185, отца Виталиса Энгейна, 1217, который претендовал на честь после смерти Уильяма де Куртенэ, но получил лишь часть ее. Томас де Эрдингтон был соперником и более успешным претендентом. Он удерживал замок в 1215-18 годах, но в 1216 году большая часть почестей

была пожалована Уильяму де Кантилупе с некоторыми оговорками. В 1225 году король, который все это время относился к замку как к королевской крепости, предъявил претензии на Почетный замок как на выморочное имущество, и весь замок перешел в собственность короны, причем вдовцы получили разрешение. Эрдингтон, который был хранителем королевских замков Шрусбери, Уитчерч, Шоардайн, Мортон, Клун, Монтгомери, Моретон и других шропширских крепостей, получил возмещение расходов, которые он на них потратил. Какой-то замок, несомненно, занимал скалу Монтгомери между 1102 и 1225 годами, и, как говорят, дважды был взят и разрушен Ллевелином, который после смерти Иоанна получил некоторые преимущества в Уэльсе, и ему было позволено взять под свою опеку все земли, принадлежавшие Гвенонвину в "Уэльсе и Мунгумере", которых он лишился во время войны между Иоанном и баронами. Он должен был владеть ими до тех пор, пока Гвенонвин не достигнет совершеннолетия. Вероятно, в результате, когда Генрих вошел, он обнаружил, что скала обнажена, так как с тех пор счета шерифа показывают ежегодные и очень значительные выплаты на военные работы здесь в течение многих лет, и мы читаем о новом замке короля Монтгомери. Уже в 1225 году, когда валлийская война придала этому месту большое значение, было выплачено около 1000 фунтов стерлингов; 1100 фунтов стерлингов в 1224 году; и более 500 фунтов стерлингов в 1225 году. Мастера-плотники посылаются для строительства защитных сооружений из дерева, *брекетов*, чтобы укрепить замок, а рудокопы или каменоломщики из леса Дин, несомненно, для заготовки камня и вытесывания поперечных рвов. В замковой часовне должен быть назначен достойный капеллан под началом пастора Монтгомери, а король должен принять решение о вознаграждении или "оброках" капеллана. Впоследствии они были переданы материнской церкви, то есть приходской церкви Монтгомери, которая была материнской церковью капеллы; во всем округе материнской церковью был Чирбери. Парсону также полагался кукурузный титх с вновь возделываемой земли, из которой он уже имел малый титх. Денежные суммы также выделялись за помощь в очистке земель от подлеска и гаваней для разбойников; в одном случае король упоминает о времени, "когда мы взяли в руки наш замок Монтгомери". Сам Генрих был там в 1224 году, и вся ныне существующая каменная кладка, очевидно, его рук дело и относится к этому периоду.

1223 год был годом подчинения Ллевелина, и кастеляном был Годескаль де Магелин, который получал призыв рудокопов и плотников, а также колчеданы из кузниц Сент-Бриавеля. Генрих, брат короля, и другие рыцари составляли гарнизон; часовня была в употреблении.

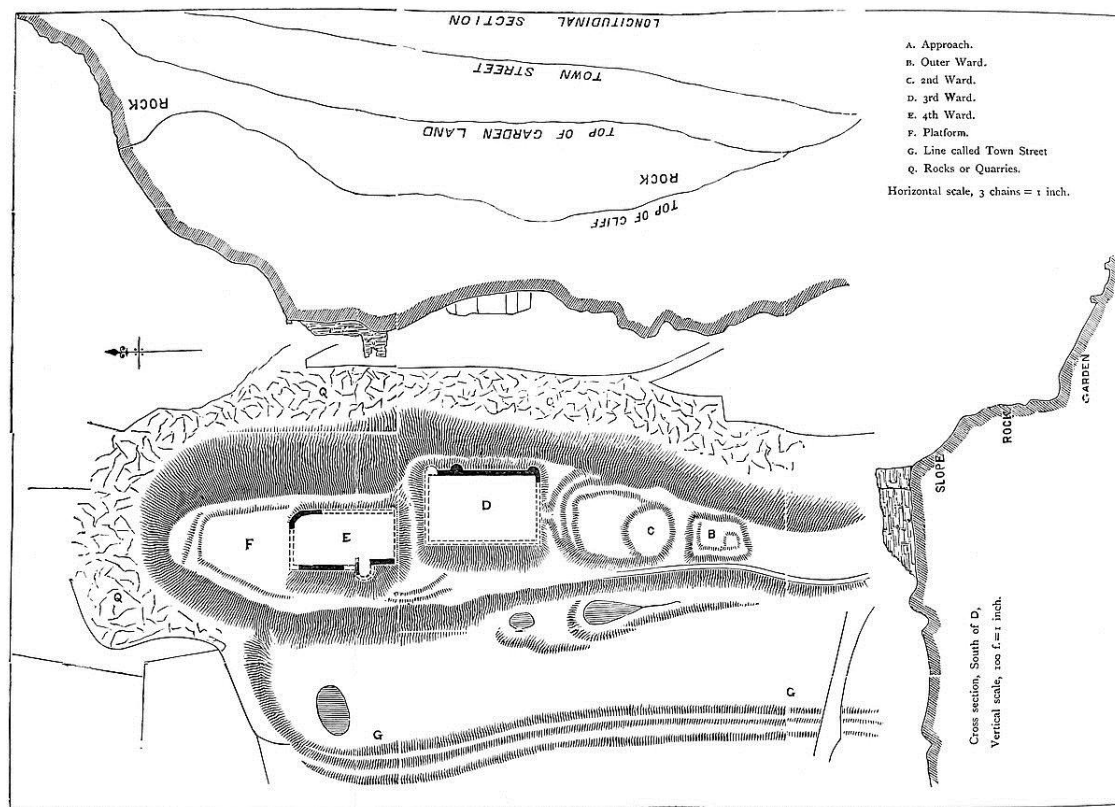
В 1224 году король разрешил проводить ежегодную ярмарку в "нашем поместье Монтгомери", и Хьюберт де Хус вместе с Годескалем стали хранителями замка, чести и долины Монтгомери, а вскоре после этого Болдуин де Ходнет стал сенешалем, а Уильям де Кантелуп получил конфискацию пошлин рыцарей и свободных арендаторов, прикрепленных к чести. Также было объявлено о проведении ярмарки под замком, а присутствующим была предоставлена защита.

В 1227 году Генрих изменил свою политику и отдал замок Хуберту де Бургу с 200 марками в год за его содержание пожизненно и с увеличением в военное время, что и произошло вскоре; в 1230 году Ллевелин, повесив Уильяма де Браоза, двинулся к Монтгомери, гарнизон которого пострадал от засады возле Керри, куда они отправились рубить большой лес. Валлийцы последовали за ними к замку и осадили его. Генрих пришел им на помощь. В 1233 году де Бург потерял расположение Генриха, а вместе с ним и Монтгомери, и король назначил констебля. Рядом с замком была возведена ветряная мельница, чтобы молоть для

его использования. В 1235 году была отремонтирована башня за крепостной стеной, а также городские стены, для которых было построено девять деревянных башен. Вино и различные запасы отправлялись в замок, который в 1245 году подвергся нападению валлийцев под командованием Давида и, несмотря на все недавно потраченные на него деньги, оказался не в лучшем состоянии, как явствует из инквизиции, проведенной в 1249 году, в которой, в частности, упоминаются донжон, или крепость; палата и часовня; деревянная башня, или *бреташ*, и мост возле часовни; дом баллистера; деревянная башенка рядом с городом; конюшня; деревянная башенка за внешними воротами; гранж и стена вокруг него; пентиские, пентхаусы, или пристройки, несущие деревянные изделия, принадлежащие пяти деревянным башенкам; маленькая башня или гаррит, за воротами; "барьер" (*jurullum*) возле часовни; и домик носильщика. На их ремонт требуется 59 фунтов 3 шиллинга. 8d. В это время с замком также была связана водяная мельница "Stanlawes Mill", которая работала только зимой.

В 1254 году Генрих подарил Монтгомери принцу Эдуарду, который, с согласия короля и совета, назначил кустоса. В 1264 году, после Льюиса, Генрих, находившийся в то время в заточении, приказал Адаму Фиц-Филипу сдать замок. Адам, однако, отказался, если только приказ не был подкреплён принцем Эдуардом. В 1267 году, 29 сентября, Генрих был здесь, принял подданство Ллевелина и признал его княжество, за что должен был заплатить 30 000 марков.

Эдуард I сдал замок в аренду Бого де Кновилу за 40 фунтов стерлингов в год, которые в основном тратились на оборону города, который был королевским городом по грамоте Генриха III в 1227 году, усиленной грамотой Хуберта де Бурга, по которой было разрешено обнести его стеной и рвом, из которых во времена Лиланда остались четверо ворот. В 1274 году принц Ллевелин был вызван для встречи с уполномоченными Эдуарда у брода Монтгомери, излюбленного места свиданий в то время, но валлийский принц не приехал.

- А. Подъезд.

- В. Внешнее отделение.
- С.2-е отделение.
- D.3-е отделение.
- E.4-е отделение.
- F. Платформа.
- G. Линия, называемая городской улицей.
- Q. Скалы или каменоломни.

ЗАМОК МОНТГОМЕРИ.

Уменьшение территории княжества Эдуардом I неизбежно уничтожило ценность замков, расположенных вдоль похода, как оплотов против валлийцев, а сильное внутреннее правительство этого государя положило конец постоянным восстаниям баронов-марчеров. В этих условиях пограничным замкам либо позволили прийти в упадок, либо использовали их только в качестве окружных тюрем. В любом случае они не имели практически никакой военной ценности; за исключением нескольких переходов в правление Эдуарда II и некоторого времени во время восстания Глендауэра, они считались обороноспособными и не использовались для этого. Долгое время после этого, во время войн Карла и его Парламента, те из этих замков, которые оставались достаточно совершенными, были гарнизоны, защищались, обычно брались и снова брались, и в конце концов были разрушены или взорваны господствующей стороной. Монтгомери, похоже, получил свою долю этих несчастий, и, несомненно, его стены и башни пострадали; но, по всей вероятности, здесь, как и в других местах, гораздо больший ущерб был нанесен использованием руин в качестве карьера в современные мирные и благополучные времена, чем насилием, сопутствующим войне. Здесь, как и в большинстве других пограничных замков, военная история здания заканчивается правлением Эдуарда I. До этого момента, или почти до него, все, что можно сказать о замке, его чести и происхождении, было собрано из оригинальных записей, объединено, переработано и записано мистером Эйтоном в его восхитительной "Истории Салопа". Для более поздней истории замка можно с пользой прочесть статью преподобного Джорджа Сэнфорда, недавно напечатанную в "Монтгомери транскейшнз".

Положение замка Монтгомери сформировано природой, и его нужно было только увидеть, чтобы понять, что он очень подходит для пограничной крепости. Узкая и высокая гряда скал, лежащая почти на севере и юге, круто поднимается между двумя долинами; та, что на востоке, очень подходит для города, возникшего в ней; та, что на западе, более узкая и такая же крутая, но поднимающаяся на своей дальней стороне на гораздо более высокие высоты, одна из которых увенчана лагерем Фрайд-Фалдуина, а другая, более низкая и более южная, занята гораздо меньшей работой совсем другого, и, вероятно, английского типа. Длина хребта составляет около 500 ярдов, а та часть его вершины, которую занимает замок и его сооружения, - около 330 ярдов. Его наибольшая ширина составляет около 60 ярдов, из которых замок может занимать около 40 ярдов. С юго-востока, или со стороны города, к хребту ведет крутая дорога, а с севера он заканчивается острой точкой, откуда очень крутой склон обрывается к вершине скалы, общая высота которой составляет около 250 футов. Прилегающие стороны также очень круты, настолько, что камень, скатывающийся с вершины, не останавливается, пока не достигнет садов и огородов, расположенных на 150 или более футов ниже. Приходская церковь стоит в черте города на возвышенности напротив замка, но ниже его. С хребта открывается вид на равнину Северна, на валлийские горы в

одном направлении и на шропширские холмы в другом. Внизу, в направлении Чирбери, на расстоянии около мили виднеется дамба Оффа, на которой стоит замок. Хребет пересекают три рва, вырубленные в скале и делящие его на четыре платформы, которые составляли четыре отделения замка, каждое из которых, судя по всему, было обнесено стенами или палисадами и соединено с другими деревянными мостами. Северный и самый сильный придел, по некоторым данным, был также самым высоким и образовывал донжон, или цитадель, которой здесь точно не было. Эта палата занимала около 52 ярдов на север и юг, 32 ярда на восток и запад. Она почти прямоугольная, четыре ее стороны обшарпаны и облицованы, высота этой части стены составляет около 15 футов. На ней стояли занавес и внешние стены содержащихся в ней зданий. С западной стороны стояло значительное здание, вдоль южной половины которого сохранилась стена толщиной около 9 футов, поддерживавшая подвал и два верхних этажа, в которых видны отверстия для балок. В первом этаже находится ниша с окном и двумя гардеробами, с валами в стене. Окно было остроконечным, и это все, что можно установить. В верхнем этаже также есть гардероб. С этим фрагментом стены связана половина подковообразной башни диаметром 30 футов, выступающая на 25 футов от стены. Она также имела подвал и два верхних этажа, но сейчас от нее мало что осталось. В наружной части стены, к северу, находятся остатки еще одной садовой шахты и, высоко вверху, часть прямой лестницы с фресками. Отсюда, на север, идет просто занавес. На трех других сторонах сохранилась только облицовка или ее следы. Куча мусора на южном конце может быть фундаментом сторожки. Нет никаких следов колодца, зала или часовни. Единственный сохранившийся пепел - это что-то вроде квоина в субстанции большой стены и в оконном косяке подковообразной башни. Каменная кладка представляет собой грубый, но галтованный бутовый камень.

Между этим и третьим корпусом находился ров шириной около 20 ярдов, запруженный в нижнем или западном конце и образовавший пруд, вероятно, для содержания скота. Следов каменной кладки моста здесь не обнаружено. Третья палата имеет правильную продолговатую форму, тщательно обтесана и, вероятно, обнесена по всему периметру. Видна только восточная сторона, и там стена высотой около 20 футов, с остатками трех полукруглых массивных контрфорсов, диаметром 6 футов, и чем-то похожим на следы еще двух. Над поверхностью платформы, размеры которой составляют около 40 ярдов на север и юг и 35 ярдов на восток и запад, кладки нет. Ров шириной около 8 ярдов отделял ее от второго отделения.

Второе отделение имеет приблизительно овальную форму, около 50 ярдов в длину и 30 ярдов в ширину, а его южный конец занят каменной насыпью. Здесь нет никаких следов каменной кладки, возможно, она была защищена деревом. Ров, отделяющий его от первой палаты, не превышает 4 или 5 ярдов в ширину и очень неровный, углубление, очевидно, частично естественное.

Первая палата меньше остальных, неровная и скалистая. На ней видны следы сухой кладки стен, а на ее площадке - фундамент прямоугольного здания, а на южном конце - некое подобие башни, на которую указывает лишь куча земли. Ее размеры могли составлять около 25 ярдов на 15 ярдов. Возможно, первое и второе отделения были просто естественными платформами, обнесенными деревянными *брустверами*, как они называются в тесных валах, но третье и четвертое отделения, несомненно, были обнесены стенами и должны были быть прочными. На севере, на расстоянии от 20 до 30 футов, под северной палатой, находится ровная треугольная платформа из дерна длиной около 60 ярдов, защищенная легкой насыпью, на которой, возможно, стояла ограда. Эта площадка, по своей природе столь прочная, вероятно, предназначалась для пастбища скота. На другом, южном конце

также находится платформа, расположенная на 20 или 10 футов ниже уровня первой палаты, и сейчас занятая коттеджем. Здесь находился вход, который, вероятно, прикрывала какая-то башня, защищенная спереди частоколом.

Как бы скудны ни были остатки этого замка, можно с уверенностью заключить, что в них нет каменной кладки норманнской эпохи, ранней или поздней. План сооружения, конечно же, продиктован естественными очертаниями скалы, и в этом он напоминает Бере, хотя тот был построен несколько раньше Генриха III, и Долфорвин, вероятно, относящийся к периоду правления этого короля. Пограничные замки Генриха III не имели крепостей. В основном они представляли собой просто ограждения, завесы которых были довольно густо усеяны башнями.

В целом этот замок в его нынешнем виде, похоже, является новым замком, о котором говорил Генрих III и который был построен в начале его правления. Здесь нет никаких следов более ранних работ, хотя есть все основания полагать, что они были, и что они стояли на этом месте. Более того, что касается этих более ранних работ, то, как ни заманчиво это место, на нем нет ничего такого, что можно было бы с уверенностью приписать валлийцам или англичанам. То, что граф Роджер построил какой-то замок на нынешнем месте или рядом с ним, несомненно, и очень маловероятно, что при таком удобном положении и столь сильной природе он выбрал какое-либо другое, да и в непосредственной близости нет никаких следов других сооружений, которые могли быть построены позднее Завоевания.

Уже упоминалось, что в правление Генриха III у округа Монтгомери была лицензия на обнесение города стеной и рвом, и хотя ворота и рвы не обязательно подразумевают более дорогостоящее дополнение в виде каменной стены, несомненно, что город был укреплен, а вид мистера Сэндфорда 1610 года показывает стену, включающую территорию несколько большую, чем нынешний город, и, что очень необычно, эта стена включает замок, а не замок составляет часть цепи. Известно, что никаких следов каменной стены не сохранилось, но за ее пределами, на западе, у подножия склонов замка, находится насыпь со рвом, очень похожая на местную дамбу эпохи Оффы, но предположительно являющаяся тем, что осталось от городской стены. Любопытно, что эта дамба, которая находится напротив замка и укреплена крепостной скалой, проходит на юг по крутому склону противоположного холма, где она находится под внешним обстрелом, и была бы совершенно непригодна. Так часто случалось с дамбой Оффы, которая, хотя и была обнесена валом и внешним рвом, на самом деле была скорее границей, чем предназначалась для обороны в каждой точке. Очевидно, что ее защитой был общий страх перед властью мерсийцев, а не опасение, что в каждой точке вдоль ее линии будет стоять вооруженная сила. Возможно, городская стена была поставлена на этом берегу, но сам берег, похоже, более древний и является частью более ранней границы.

За план и разрез замка и крепостной скалы, которые прилагаются к этой статье и существенно дополняют ту малую ценность, которой она может обладать, автор и его читатели обязаны мастерству и любезности мистера Миклебурга из Монтгомери.

ЗАМОК МОРЛЕ, ГЛАМОРГАН.

У северных пределов графства Гламорган, над восточным и меньшим из двух истоков Таффа, стоят руины замка Морле, названного так по небольшому ручью, который поднимается

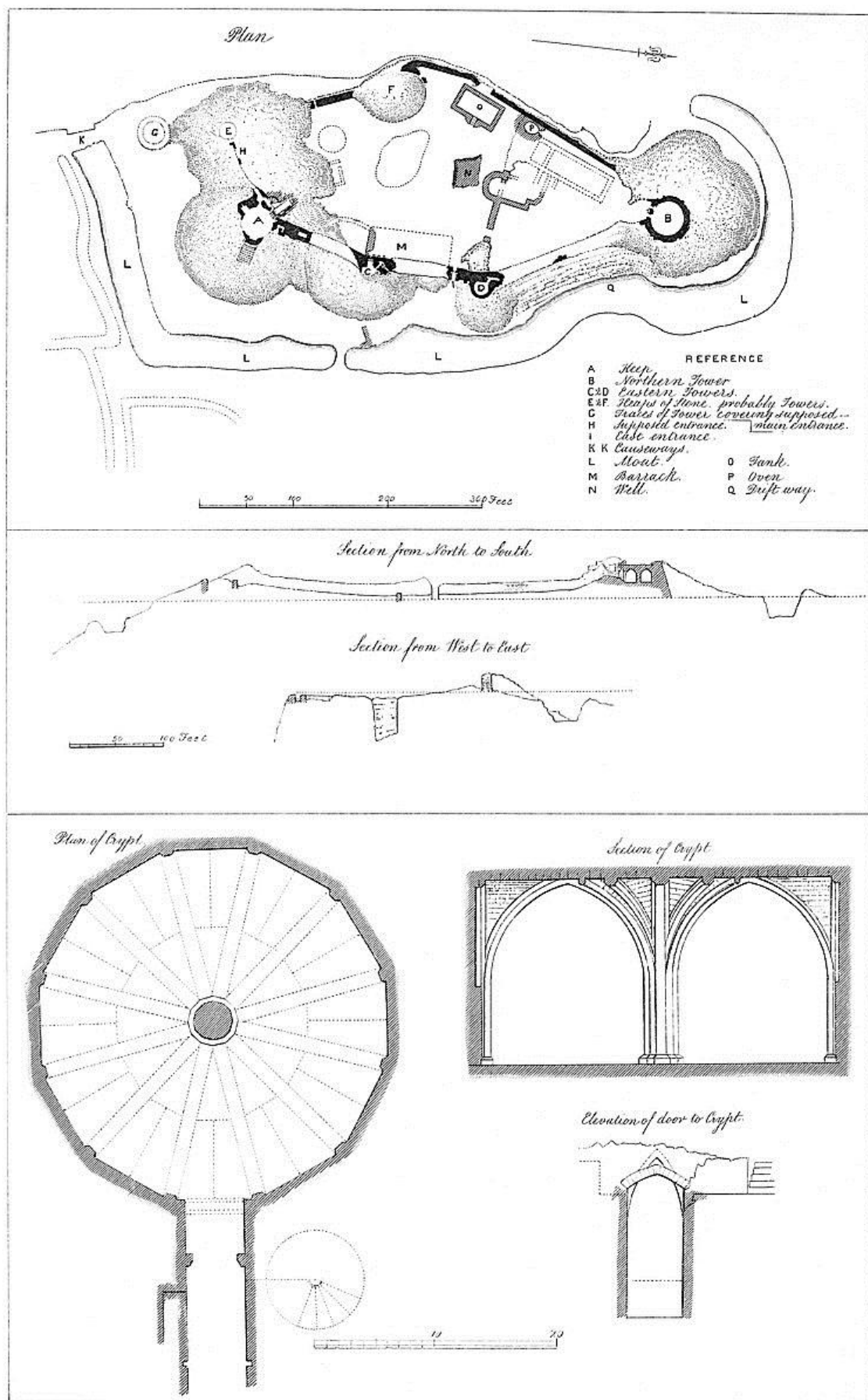
немного к северо-востоку и, впадая в Даулайс, впадает в Тафф в пределах соседнего города Мертир.

Замок расположен на краю значительной платформы из горной известняковой породы, добываемой в течение нынешнего столетия для соседних железоделательных заводов, и на высоте около 470 футов над Таф-Вечаном, который, спускаясь по крутому и узкому ущелью значительной красоты, являющемуся границей древних округов Брекейниок и Морганвг, а также современных графств Брекнок и Гламорган, сбегает под замок, через дефиле и через падение Понт-Сарн, чтобы соединиться с Таффом немного выше Мертира.

Позиция, сильная с севера и запада, открыта с востока и юга; таким образом, из-за отсутствия полной естественной защиты, замок напоминает скорее норманнские замки, чем кельтские или саксонские лагеря. С нее открывается обширный вид на большую часть верховьев Таффа и Мертирскую котловину, и в целом она была хорошо расположена, чтобы охранять эту границу Гламоргана от внутренних племен, предупреждать об их приближении гарнизоны на равнине и отсекал любых разрушителей, которые, вторгшись в долину, могли возвращаться этим путем в свои родные места.

Древняя тропа Хеол Адда, до сих пор являющаяся приходской дорогой, кратчайшим и, насколько я помню, обычным путем из Геллигера и Мертира в Бреккон, проходит примерно в полумиле к северо-востоку от замка и полностью контролировалась им.

План Морле очень прост. Двор неправильной овальной формы, 140 ярдов на север и юг, 60 ярдов на восток и запад, заключен в крепостную стену, увенчанную пятью или шестью круглыми башнями, и окружен с северной, восточной и южной сторон рвом, прекращенным с западной стороны, которая всегда была крутой, хотя недавно вырубленной в скале. Единственный сохранившийся вход во двор находится на восточной стороне, через узкий арочный проем в куртине, который мог пропускать только пехоту, и к которому ведет крутая тропинка и дамба через ров. Более широкий проход через ров в южной части, похоже, вел к большим воротам, вероятно, с башней, соединенной занавесом с главной стеной; но эти ворота, если они вообще существовали, полностью погребены под руинами.

Дж. Т. Кларк. дельт.

J H Le Keux Sc.

РЕФЕРЕНС

- *AKeeper.*
- *Северная башня*
- *С и DEВосточные башни,*
- *Е и FKучи камней, вероятно, башни.*
- *GТСледы башни, закрывающей предполагаемый главный вход.*
- *HSПредполагаемый вход.*
- *Восточный вход.*
- *К КСКаузуары.*
- *ЛЛодки.*
- *MBarrack.*
- *NWell.*
- *OTank.*
- *POven.*
- *QDrift Way.*

Замок Морле.

Двор, по-видимому, был разделен стеной на северную и южную части, в последней из которых находится колодец.

Если перейти к деталям, то А - это южная двухэтажная башня. Нижний, многоугольник с двенадцатью сторонами, 28 футов в диаметре, имеет центральную колонну с соответствующими гранями, разветвляющимися на двенадцать веерных ребер, которые, образуя остроконечные арки, поддерживают крышу и заканчиваются на содержащей стене столькими же пилястрами. Ребра выполнены из известняка, а заполнение свода - из известкового туфа, легкого и очень прочного, найденного *на месте* под известковым источником на дороге Хеол Адда, в направлении Понт-Стиккилл. Вся камера, хотя и чрезвычайно элегантная, довольно простая, лепнина представляет собой просто фаски без каких-либо других украшений. Здесь нет ни окон, ни петель, а вход осуществляется через острый стрельчатый дверной проем шириной 5 футов и высотой 13 футов, который занимает северную грань, и к нему ведет спускающаяся лестница со двора. Верхняя камера, вероятно, не была сводчатой. Как и в Кастель-Кох, в ней, по-видимому, было несколько больших каминов, а также садовая камера. К ней вела винтовая лестница, которая, судя по всему, заканчивалась внизу на своеобразном разводном мосту через лестницу, ведущую в крипту, и, таким образом, сообщалась с восточными стенами другой лестницей, расположенной снаружи башни и также ведущей к ее бойницам. В куртине, расположенной к северо-востоку от хранилища, находится необычная полость, назначение которой, если оно и было, так и не было обнаружено.

Противоположная или северная башня, В, имела гораздо менее сложную конструкцию. По-видимому, это была простая раковина, 37 футов в диаметре, двухэтажная, разделенная деревянным полом, вход в которую осуществлялся снизу из двора на уровне, а сверху, вероятно, по винтовой лестнице на северо-восточной стороне, сообщаясь также с валами восточной куртины.

Восточный вход, I, шириной 5 футов, который был снабжен портупеей и имел остроконечную арку, разрушенную около двадцати лет назад, расположен между двумя меньшими барабанными башнями, C и D, около 16 футов в диаметре, каждая со своей вспомогательной лестницей. Северная башня, расположенная рядом с дверью, полностью контролировала ее внешний вид, а южная, находящаяся на некотором расстоянии от двери, но почти напротив прохода K, контролировала этот проход и крутой путь к воротам.

Западная стена, толщиной, вероятно, 6 футов, была слабее восточной, которая составляла около 12 футов, и вместо двух, кажется, содержала только одну башню, камера которой, или, возможно, сток, все еще сохранилась. К юго-западу от крепости находятся две кучи мусора, которые, очевидно, указывают на расположение двух башен, одной на куртине, а другой - несколько впереди, которая, похоже, завершала своего рода отрог стены, выступающий на 60 футов от куртины и предназначенный для прикрытия главного входа по южному проходу.

Колодец, N, представляет собой необычную выемку, грубую и необлицованную, площадью 27 футов и глубиной около 44 футов. Несколько лет назад он был частично заполнен, и, как говорят, до этого его глубина составляла 70 футов. Однако, как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что менее чем на 400 футов вода здесь не появится, а такой глубины вряд ли можно было достичь. Недалеко от колодца, в точке O, находится продолговатая камера, 44 фута на 24 фута, с широкими ступенями, которая, по-видимому, была резервуаром, вероятно, для дождевой воды. Рядом с ним находится овальная печь, 11 футов на 15 футов, очень совершенная и, что примечательно, сложенная из известняка. Рядом с ней находятся фундаменты кухни. Стена, разделяющая двор, пересекалась к северу от колодца, напротив которого видны следы большой лутки, а к востоку от нее - дверной проем. В южном дворе, у восточной стены, находились ряды, вероятно, казармы, крытые дранкой или черепицей, со свинцовыми обрезами - камни и свинец были найдены в развалинах. Рядом с колодцем находится большая куча смешанного железного шлака, угля, древесного угля и клинкера, вероятно, из кузницы, возле которой были найдены осколки железа. Куча, очевидно, старая, так как содержит кристаллы селенита. Она также содержит хлор и натрий в различных сочетаниях, что доказывает или предполагает, что в кузнице или, возможно, при плавке здешней руды использовалась поваренная соль.

Ров, который простирается от 14 до 40 ярдов от стен, имеет ширину около 40 футов и глубину 14 футов, а его общая длина составляет около 370 ярдов. Он был выкопан из скалы, и его содержимое, несомненно, использовалось при строительстве замка, который почти полностью состоит из известняка.

Во рву, в местечке Кью, находится коряга, ныне сильно разрушенная, но вполне возможно, что она служила частным проходом во двор. Площадь, которую занимает замок, измеряемая от внешнего края рва, составляет около четырех акров.

Перед рвом, с южной стороны, находится полукруглое пространство, заключенное в насыпь и, вероятно, предназначенное для защиты скота. К востоку от рва находятся различные ямы и разрушенные углубления, первые из которых, вероятно, служили местом для обжига извести, а вторые - хижинами пастухов и складками.

Этот замок в 1833 году был частично раскопан леди К. Э. Гост, когда на соседнем поле была обнаружена металлическая печать. Легенда гласит: s . inon . fili . howel . gor .; но имена Айнон и Хауэлл очень часто встречаются в родословных Гламоргана, а заключительная аббревиатура, несомненно, являющаяся отличительной чертой, не была объяснена, разве что ее можно прочесть как "Гоч" или "Красный". Изредка попадаются и монеты. Совсем

недавно здесь были найдены вместе несколько серебряных пенни Эдуарда I., и один - Александра I. Шотландского.

В настоящее время замок представляет собой руины, от него остались лишь очертания стен и обломки башен. Один только замок находится на поверхности земли. Однако фундамент достаточно совершенен, и совсем недавно он был раскопан и прослежен с учетом прилагаемого плана. По расположению мусора можно сделать вывод, что стены и башни регулярно сносились сверху, а не взрывались, как обычно в более поздние времена; так что замок, вероятно, был заброшен и разобран в ранний период. Мистер Стивенс, чей общий авторитет в данном случае подкреплён точными местными знаниями, придерживался мнения, что этот замок так и не был достроен; и это, несомненно, так и было.

В ходе недавних раскопок было сделано несколько открытий. Печь была ранее неизвестна, как и лестницы двух восточных башен, и камеры в стене верхнего этажа замка, и в западной стене. Было откопано очень много тесаных камней, частей дверных и оконных коробок, кронштейнов и т.д., но все они были совершенно простыми, с одной лишь фаской.

Братья Бак выгравировали вид Морле с северо-запада в прошлом веке, на котором изображен замок и небольшая часть куртины в гораздо более совершенном состоянии, чем в настоящее время.

Детали Морле, хотя и хороши, но, как и положено неясному замку, настолько лишены орнамента, что трудно отнести здание к какой-либо точной дате. Тем не менее общие пропорции проемов, характер крипты и, возможно, общий план здания с достаточной уверенностью указывают на последний период раннего английского стиля или на конец XIII века, как примерно время его строительства.

История Морле скудна, но она подтверждает внутренние свидетельства, предоставленные его архитектурой, и связывает его с одной из самых примечательных юридических битв между короной и лордами валлийских маршей.

Из публичных записей следует, что в середине правления Эдуарда I между Гилбертом де Клэром, красным графом Глостера и Хартфорда, лордом Гламоргана, и Хамфри де Бохуном, графом Херефорда и Эссекса, констеблем Англии и лордом Брекнока, возникла ссора. Оба были влиятельными пэрами, и де Клэр во время ссоры женился 29 апреля 18 года Эдуарда I, 1290, на Джоан, дочери короля, в то время как жена де Бохуна, Мод де Фиенлес, была в родстве с королевой. Де Клэр был старшим и имел право опеки над де Боном.

Причиной ссоры стал замок, который де Клер построил на своей границе и, как утверждалось, на землях, принадлежащих де Бохуну. То, что спорным замком был именно Морле, следует из общего содержания показаний, а также из упоминания церкви Пендерин, рядом с которой нет другого укрепленного места, к которому можно было бы применить приведенные сведения.

Нарушение границы стало предметом судебного разбирательства, и король в парламенте, за восемь дней до Сретения Девы 18 Эдуарда I (25 января 1290 года), отдал официальный приказ двум графам воздержаться от военных действий. Они не подчинились этому приказу, и новое преступление, гораздо более серьезное, чем первоначальное, было сразу же замечено королем, и разбирательство по нему с большой подробностью изложено в парламентском протоколе, составленном по случаю вынесения приговора 7 января 20 января Эдуарда I, 1292 года.

Из жалобы де Бохуна следовало, что сторонники де Клера во главе с Уильямом де Валерсом, Ричардом ле Флемингом и Стивеном де Каппенор, с конными и пешими, с вывешенным гербовым знаменем графа, совершили три вылазки в Брекнок.

В первый раз, в пятницу (3 февраля) после Сретения 1290 года, маршируя с оспариваемой земли, они прошли две лиги; во второй раз - в понедельник (5 июня), перед святым Варнавой, пять лиг; и в третий раз, в понедельник (27 ноября), перед святым Андреем, семь лиг.

Во время этих набегов они увели и унесли домой 1070 голов крупного рогатого скота, 50 лошадей и жеребят, а также овец, коз и свиней без числа. Кроме того, они опустошили землю и убили несколько человек. Ущерб был оценен присяжными в 100 фунтов стерлингов. Из добычи де Клер, согласно обычаю войны с маркерами, получил одну треть.

В других случаях, следуя этому примеру, вольные разбойники, "latrones et esketores" этой округи, возможно, некоторые из тех, кто дал название "Bwlch-y-Lladron" над Абердаром и "Rhyd-y-Milwr" над Римни, повторяли набеги; и, кроме других злодеяний, сожгли дом "Tygraph" и церковь Пендерина, взяв из последней потир, некоторые украшения и другие вещи. Граф и его капитаны не были обвинены в том, что знали об этих грабежах и святотатствах или участвовали в них.

Кажется вероятным, что лига (leuca) не превышала английской мили, и что их грабежи ограничивались южной стороной Биконов. Если это так, то эта местность должна была быть, по крайней мере, столь же хорошо заселена, как и сейчас. И можно не сомневаться, что современная церковь Пендерина с ее рясами и старыми молитвенниками уступит любому современному "эскеторе".

Получив эту жалобу, король назначил по грамоте Уильяма де Люда епископа Эли, которого Николас называет лордом-канцлером (это утверждение не подтверждается очень точным Фоссом), Уильяма де Валенса, дядю короля, Джона де Меттингема, честного главного судью, и Роберта де Хартфорда, одного из судей Общего суда, для расследования этого дела, и особенно для выяснения того, были ли эти бесчинства совершены после королевского запрета. Они должны были вызвать свидетелей из графств Херефорд, Кермартен и Кардиган, а также из частей Говера, Эвиаса и Гросмонта, и доложить королю через пятнадцать дней после Пасхи (22 апреля) 1291 года.

Шериф Беркшира должен был вызвать графа Глостера, а Роберт де Типетофт, юстициарий Западного Уэльса, - его капитанов. Шериф Херефорда, юстициарий, Джеффри де Генвиль и Теобальд де Верден, бейлифы Эвиаса, и Эдмунд, бейлиф брата короля, бейлиф Гросмонта, должны были обеспечить присяжных. Местом проведения заседания должен был стать Стратвелли в Брекноке, а временем - понедельник (12 марта) после Квадрагезимы. Кроме того, чтобы предотвратить любой сговор, расследование должно было продолжаться, даже если одна из сторон откажется от участия.

Король также вызвал в качестве присяжных следующих магнатов: Джон де Гастингс, Джон Фиц-Реджинальд, Эдмунд и Роджер Мортимеры, Теобальд де Верден, Джон Трегоз, Уильям де Браоз, Джеффри де Кэммилл (несомненно, "Кэмвилл") и Роджер Пичуорт, а также валлийские сенешали короля и сенешали его брата Монмута, Гросмонта, Скенфрита и Уайткастла. Также были вызваны шерифы Херефорда и Глостера, сенешаль Крикхоуэла, чтобы обеспечить жюри из двадцати четырех рыцарей и других лиц. Приготовления не противоречили рангу и власти преступников, а также тому, что, очевидно, наш английский Юстиниан считал чрезмерной чудовищностью преступления.

В назначенный понедельник Гастингс, тогдашний лорд Абергавенни, и его спутники встретились с комиссарами в Брекноке и перенесли заседание на среду, в Лаундон; но комиссары в тот же день отправились в Стратвелли, куда прибыли около трех часов.

Граф Херефорд был пунктуален, но Глостер и его капитаны не явились, хотя шериф и Типетофт доказали, что их вызывали. Возможно, именно вероятность этой контузии стала причиной предыдущего перерыва в Лаундоне, куда и направились комиссары.

Здесь, поскольку его противники все еще отсутствовали, граф Херефорд изложил свою жалобу и потребовал расследования. На это магнаты были призваны к присяге, положив руки на книгу. Гастингс и остальные единодушно отказались выполнять присягу. По их словам, их предки в этих краях никогда не слышали об обязательной присяге, за исключением некоторых походных дел, разрешенных обычаем. Их увещевали, что власть короля верховна, но они все равно, каждый сам за себя, отказались, не посоветовавшись со своими коллегами.

Далее были приведены оправдания некоторых присяжных. Де Браоз не явился, поскольку его земли находились в руках короля. Имя Пичурта было неизвестно; но Пичард, который пришел, не был принят. Генвиль передал своему сыну Петру валлийские земли. Сенешаль Абергавенни не получал никаких повесток. Некоторые присяжные из Крикхауэлла пришли без вызова, о чем свидетельствовал их сенешаль. Роджер де Мортимер держал свои валлийские земли под властью графа Херефорда и, разумеется, не мог действовать; земли Эдмунда находились далеко, поэтому ни одна повестка не дошла до них. Из Трегоза и Камвиля не прибыли ни присяжные, ни сенешаль.

Затем состоялось дознание, и присяжные установили, что три набега имели место, и грабежи, и прочее, как было указано; но что Джон де Креппинг, обвиненный как капитан, не присутствовал лично, а послал своих людей и разделил добычу.

Перед тем как комиссия разошлась, графам было повторено поручение хранить мир.

Следующим шагом, после того как комиссия доложила о случившемся, стал совет короля, который призвал двух графов явиться в Амбресбери в понедельник (3 сентября), предшествующий Рождеству Богородицы. Соответственно, они прибыли туда; и поскольку было хорошо известно, что имели место новые и неоднократные нарушения мира, дело стало еще более серьезным. Чтобы получить новые доказательства по этому вопросу, король отложил расследование в Абергавенни, где он, его совет, присяжные и два графа наконец встретились около Михайловского дня.

Графа Херефорда спросили, нарушал ли он королевский приказ до или после встречи в Лаундоне; но графа Глостера, который отсутствовал, сочли виновным в первом обвинении и предложили встретиться только со вторым. Он не признал себя виновным, но ему было разрешено представить возражения против прежнего приговора и, по особой милости, выслушать предыдущее разбирательство.

Выдвинутые им аргументы были изобретательны, но довольно тонко закручены. Он возражал против предписания *scire facias*, по которому он был вызван, как не выданного через суд обычным путем. Это возражение было отклонено, сославшись на важность дела и настоятельную необходимость принятия мер. Далее он возразил, что сама комиссия была создана *по должности* и не имела для него обязательной силы. Затем он заявил, что его отец по приказу покойного и нынешнего короля убил или нанес различные увечья родителям и родственникам многих присяжных из Кермартена и Кардигана, что лишило их права

участвовать в дознании. Эти доводы также были отклонены, причем последний на том основании, что решение суда было вынесено по его неяви. Затем он заявил, что между датой первоначального запрета и первой вылазкой (с 25 января по 3 февраля) у него не было времени связаться со своими отдаленными и разрозненными помощниками. Это также было признано недействительным.

Что касается второй вылазки, то граф утверждал, что не несет за нее ответственности, поскольку в то время король захватил его земли в Гламоргане. Это, несомненно, произошло по случаю его женитьбы, с целью которой он передал 18 Эдуарду I свои владения, а после женитьбы переписал их на себя и свою жену по новым ограничениям. Однако из записей выяснилось, что граф получил конфискат за девять дней до второй вылазки, поэтому она также не удалась. Что касается третьей вылазки, то он ссылаясь на недавнюю конфискацию, которая, будучи совершенно новой, устраняла действие любого запрета, наложенного на старое феодальное владение. Однако в ответ на это было заявлено, что запрет был не территориальным, а личным, поэтому приговор о виновности был подтвержден в отношении его самого и его капитанов.

Затем было проведено расследование нарушений мира после встречи в Лаундоне. Было доказано, что в четверг (29 июля) перед днем святого Петра ад Винкула люди графа Глостера, поставив некоторых *averiæ*, или "плужных быков", кормиться на спорной земле, явились в сопровождении бейлифа графа Херефорда и его помощников. После этого люди де Клара ушли со скотом в свои земли. Остальные последовали за ним, убили нескольких человек, захватили и увезли скот и поселили его в замке Брекнок. Де Бохун не знал об этом; но, получив сообщение, он распорядился сохранить скот и выкупить его. К моменту расследования некоторые из них были убиты, а другие находились под стражей в Брекноке.

Далее, в понедельник (9 августа) после Успения Богородицы, люди графа Глостера ночью, как разбойники, отправились на территорию Бохуна. Бохунские отряды, встревоженные, оттеснили их на три лиги в их собственные земли, вернули весь украденный ими скот и забрали еще несколько голов, которые они привели домой и сохранили. Об этих походах граф Глостер был в полном неведении. Предводителями богунов были Джон Перпойнт, сенешаль замка Брекнок, и бейлиф графа, Джон Дюкройс, или Эвероис, Филипп Сейс, Хауэлл Воган и Хауэлл ап Трахерн. Однако граф не только не одобрил эту вторую экспедицию, но и, узнав о ней, отдал своих капитанов в залог, под которым они до сих пор находились. Кроме того, было доказано, что, получив королевский приказ, граф Херефорд велел объявить о нем в церкви, на рынке и в других общественных местах. Тем не менее, поскольку он санкционировал удержание захваченного скота, его также признали виновным.

Однако граф Херефорд не совершил преступления до собрания в Лаундоне, равно как и граф Глостер после него.

В каждом случае присяжные с осуждением отмечали, что графы допускали в походах действия, которые в другом месте, как они знали, были бы наказаны.

Оба графа с их приверженцами были заключены в тюрьму, а их валлийские франки были взяты королем под контроль.

По этому поводу Эдмунд, брат короля, Уильям де Валенс, его дядя, Генри де Лейси, граф Линкольн, и Джон де Гастингс внесли залог за Глостера; а Реджинальд де Грей, Роберт Тайпетовт, Роберт Фиц-Уолтер и Уолтер де Бошамп - за Херефорда; и, пока они были на

свободе, им было позволено держать свои франшизы. Самим графам, взятым на поруки, было разрешено стать поручителями за своих последователей, и так прошел 1291 год.

Стороны вновь явились в Вестминстер на утро Богоявления 1292 года, но приговор был окончательно вынесен только в четверг (17 января) после октавы Богоявления, когда стороны вновь предстали перед королем в Вестминстере.

Что касается графа Глостера, то вся его франшиза или королевская власть, *totum regale*, в Морганвеге была объявлена конфискованной. Но поскольку он женился на дочери короля и имел от нее потомство, и поскольку она имела равную долю во франшизе, а граф - только пожизненную, он не мог лишиться большего, чем его собственные права, и не было законным наказывать невиновного за виновного. Поэтому его конфискация должна была быть только пожизненной. Кроме того, он должен был быть заключен в тюрьму на срок и выплатить графу Херефорду 100 фунтов стерлингов.

Валлийские франшизы графа Херефорда, которыми он владел без ограничений, были полностью конфискованы, и он также был отправлен в тюрьму. Но поскольку его проступок *не был carcans* и не заслуживал столь сурового наказания, как проступок его брата графа, и поскольку он женился на родственнице королевы, которая заключила этот брак, так что дети графа и дети короля были бы в родстве, его конфискация также была ограничена его жизнью.

Очевидная несправедливость наказания, по-видимому, в какой-то степени компенсировалась штрафами, под которыми графы были восстановлены: Глостер заплатил 10 000 марков, а Херефорд - 1 000 марков.

Ни один из графов не пережил эту сделку надолго. Глостер умер в замке Монмут в 1295 году, а Херефорд - в 1298-м, но не раньше, чем он не раз оказывал смелое и успешное, строго законное сопротивление своему государю.

Удерживаемые были отпущены на свободу на том основании, что они не были предупреждены своими лордами о королевском запрете. Джон де Креппинг был оштрафован на пятьдесят марок; его поручителями были Ричард де Креппинг, из ко. Йорка, и Джон Воган из Сомерсета.

Ричард де Флеминг был оштрафован на 20 фунтов стерлингов; его поручителями были Джон де Уэйлис, из Сомерсета, и Стивен Хаукумб, из Корнуолла.

Стивен де Каппенор был оштрафован на двадцать марок; его поручителями были Роберт де Типетофт и Джон Ловел из ко. Нортгемптона, по десять марок с каждого.

Уильям де Валерс был оштрафован на десять фунтов стерлингов; его поручителями были Джон де Креппинг из Линкольна и Роберт Филлиот из Камберленда.

Перпойнта и его товарищей оставили на произвол судьбы, намекнув, что их наказание вряд ли будет очень суровым. Так закончилось одно из самых важных дел в истории валлийских походов; процесс, который Эдуард явно затеял с целью сломить огромную, неопределенную и плохо реализуемую власть лордов-походников, которую предполагалось регулировать знаменитым статутом Раддлана.

Нет нужды извиняться за то, что мы ввели это событие с некоторыми подробностями в историю походного замка; кроме того, имена, содержащиеся в нем, показывают, кто в то время был крупными лордами в округе. Они также показывают, что если капитаны де Бохуна были коренными валлийцами, поскольку Перпойнты, потомки Джайлса Перпойнта,

натурализовались в Гилстоне за поколение или два до этого, то дела де Клара находились в руках чужаков, людей, чьи имена, за исключением Флеминга, не встречаются ни тогда, ни впоследствии в родословных Гламоргана. ("Rolls", i, 70; Carte, "History of England", ii., 221; Dugd., "Bar.", i., 182; Jones, "Brec.", iii., 143; "Rot. Fin.", 20 Edward I.).

Первоначальная причина спора, по-видимому, не была учтена в последствиях, поскольку больше ничего не слышно о спорной границе. Однако стоит отметить, что совсем недалеко от Морле граница графства покидает четко очерченную Тафф Вехан и пересекает гору в направлении, не отмеченном никакими естественными признаками, так что до тех пор, пока двадцать лет назад не было достигнуто мировое соглашение, фактическая граница каждого графства продолжала оставаться предметом спора между манориальными лордами с обеих сторон.

Несмотря на то, что Морле был основан на фоне споров, в целом, похоже, он вел мирное, если не сказать бесславное, существование. Несомненно, заселение страны во время долгого правления Эдуарда III уничтожило его ценность как форпоста и привело к запустению, а возможно, и разрушению. Никаких упоминаний о нем не было обнаружено до времен Лиланда, который говорит

Замок Морлейс стоит в хорошей долине для кукурузы и травы и находится на...
вершине ручья Морлейс. Замок этот в руинах и давно принадлежит королю"
("Итин.", iv., 39.).

Леланд, вероятно, не посещал место, которое он таким образом несколько неверно описывает, но его свидетельство о владении им, скорее всего, верно.

Обстоятельства, которые привели к строительству Морле, достаточно очевидны из его общего положения. Нижняя часть графства была защищена не только лордскими замками Кардифф, Ллантриссант и Кенфиг, но и множеством менее значительных крепостей, принадлежавших частным лицам и предназначенных, в первую очередь, для защиты их владений. Оставалось защититься от внезапных вторжений валлийцев, которые, спустившись с севера и двигаясь с большой скоростью, и имея, кроме того, преимущество в том, что стратеги называют "внутренними линиями", могли легко выбрать место нападения, и, отрезая отдельные партии, или разграбив случайную деревню или замок, могли отступать по путям и со скоростью, которая делала бесполезным любое преследование со стороны хорошо вооруженных норманнов.

Чтобы остановить таких мародеров или, во всяком случае, отрезать им путь к отступлению, походники построили другие замки, такие как Кастелл Кох на Таффе, башню Уитчерч чуть ниже него и, наконец, Морле, расположенный в верховьях двух великих долин Недд и Таффа и в вершине этого треугольника горной страны.

Каэрфилли относится к тому же классу оборонительных сооружений. Он был построен поспешно, и, вероятно, решение о его строительстве также было принято поспешно. Он никогда не был, а Кардифф, будучи главной резиденцией лорда, вряд ли мог иметь значение, соизмеримое с его размерами и стоимостью. Морле, напротив, кажется, был построен прочно и во всех отношениях соответствовал цели, которую должен был выполнять.

Местная традиция, склонная, что вполне естественно, приписывать все значительные сооружения местным владыкам, приписывает его Ивору Баху, знаменитому вождю восточного Гламоргана, в конце двенадцатого века, который, как считается, пал в бою на соседнем месте, до сих пор называемом "Пант-Коэд-Ивор".

То, что Морлайс, как и Каэрфилли и Кастелл Кох, был построен на территории семьи Ивора Баха, несомненно, верно, поскольку он, его предки и его потомки, будучи лордами Сенгенидда выше и ниже Кайаха, владели всей территорией между Таффом и Римни, от Кардиффа на север до границы Брекона; Но из расположения крепости ясно, что она была построена не для того, чтобы сдерживать агрессию буйных местных вождей, среди которых Ивор и его сын Гриффит, а также их сосед Ллевелин Брен (1315) играли в свое время заметную роль.

Более того, резиденции Ивора и его потомков, которые, как говорят, издревле находились в Кастелл-Кох, а затем в Бритдире, Мертуре и, наконец, в Ване, никогда не упоминались в Морлаисе, и совсем не вероятно, что они построили бы столь дорогое жилище на самой границе своих владений и на месте, слишком высоком и скалистом для обычного земледелия.

На это можно возразить, что если бы Морле был построен графами Глостерскими, то он, как и Керфилли, остался бы в руках главных лордов; ведь место Керфилли, захваченное де Кларом в правление Генриха III, до сих пор остается изолированной частью Кардиффского лордства посреди владений Вана; но вполне возможно, что если размеры и значение Керфилли, а также его последующее использование в качестве тюрьмы заставили лордов Кардиффа сохранить его в своем владении, то Морле, из-за его скромных размеров и удаленного положения, ускользнувшего от внимания, был разобран, а место было возвращено потомкам его первоначальных владельцев, которые по-прежнему владели окрестными владениями. Вероятно, вскоре после времени Лиланда корона позволила своему праву, как тогдашнего лорда Гламоргана, утратить силу.

Владения Морле, включая замок, перешли от потомка Айвора Баха по мужской линии, Томаса Льюиса из Вана, в результате брака его дочери с графом Плимут, к семейству Виндзоров, в котором они остаются до сих пор.

ЗАМОК НОРХЭМ, ДАРХЭМ.

Замок Норхэм-апон-Твид, "Старый Норхэм", королева пограничных крепостей и самый важный опорный пункт между Карлайлом и Бервиком, долгое время был "Опасным замком" этой спорной территории и самым сильным местом на Марче. Это долговечный памятник епископского великолепия, основанный, восстановленный и поддерживаемый Фламбардом, Падси и Биком, тремя самыми могущественными прелатами, восседавшими на кафедре святого Катберта, и как пример великой норманнской крепости он недостоин быть названным вместе с самим Бамборо. Природная прочность земли привела к тому, что с ранних пор его использовали для обороны, а традиции Norham соответствуют его архитектурному величию. Здесь римские легионы остановились в своем продвижении на север и возвели земляные укрепления, которые до сих пор можно узнать, и которые, вероятно, были заброшены, когда в рамках военной оккупации страны в нескольких милях к востоку, недалеко от устья реки, была проложена постоянная дорога. Раннее поселение саксонских королей Дейры, по-видимому, находилось на крутом склоне Йеверинг-Белл, древнего Гебриума, отрога горной цепи Чевит, примерно в двенадцати милях к югу от Норхэма, где до сих пор сохранились грозные земляные укрепления, которые г-н Рейн

считает следами. Рейн считает, что это следы резиденции знаменитого Эадвайна, короля Дейры (585-633), ученика и друга Паулинуса, но получившего знания о христианстве и, вероятно, вкус к проживанию на холме от Кадвана из Гвинедда, у которого он получил образование. Поэтому в более поздние времена его преемники перенесли свою резиденцию в Миллфилд, местечко неподалеку от Тилля и всего в девяти милях от Норхэма. Вероятно, именно отсюда саксонские короли охраняли перевал через Твид, который тогда назывался Уббанфорд; вполне возможно, что от их рук остались берега и рвы, не путать с лагерем легионов, но объединенные с более поздним замком, и очень напоминающие по своей фигуре и прочности другие известные резиденции девятого века. Здесь, недалеко от этого "северного дома" преемников святого Катберта, епископ Экфрид Линдисфарнский основал приходскую церковь, посвященную этому святому, в середине девятого века и поместил в нее останки Сеолвульфа, короля и святого. Два смежных графства Норхэм и Айленд, вероятно, подаренные Освальдом Нортумберлендским Линдисфарну, считаются древнейшими владениями Даремского престола, и, будучи отделены от епископства, представляли собой смелый и сильно укрепленный фронт в двенадцать миль, от Колдстрима до Бервика, перед шотландскими захватчиками. В начале двенадцатого века здесь возник замок, руины которого до сих пор так величественны, и за обладание которым английские и шотландские короли боролись на протяжении столетий с переменным успехом. Великий Эдуард, "Malleus Scotorum", часто использовал Норхэм в своих войнах, и здесь, в церкви и в замке, перед ним собирались претенденты на шотландский трон, из которых он выбрал одного скорее по причине его раболепия, чем по причине его достоинств. Кроме того, именно из Норхэма Суррей, Дакр и стражники среднего похода направляли тот грозный набег, который, последовав за Флодденом, огнем и мечом донесся почти до ворот Эдинбурга. Но хотя широкий поток Твида все еще течет у основания замковой скалы, а скауры и овраги, составлявшие силу позиции, все еще остаются неизменными на ее южной границе, все остальное сильно изменилось. Высокие, хотя и разрушенные, крепостные стены, возвышающиеся над кронами деревьев, по-прежнему остаются ориентиром местного графства, но они больше не смотрят на пустующие земли и разрушенные деревни, на которые попеременно нападают то англичане, то шотландцы, "забрасывая убранный землю горячими оселками". Ни в одной части Британии поля не возделываются более умело, рикьярды более богато хранятся, на скотобойнях содержится скот более высокой породы, фермерские дома свидетельствуют о большей легкости, а сельскохозяйственный рабочий лучше заботится о своих интересах. Все это наглядно показывает опытному путешественнику, чего добился выносливый северный земледелец под живительным влиянием неограниченной торговли.

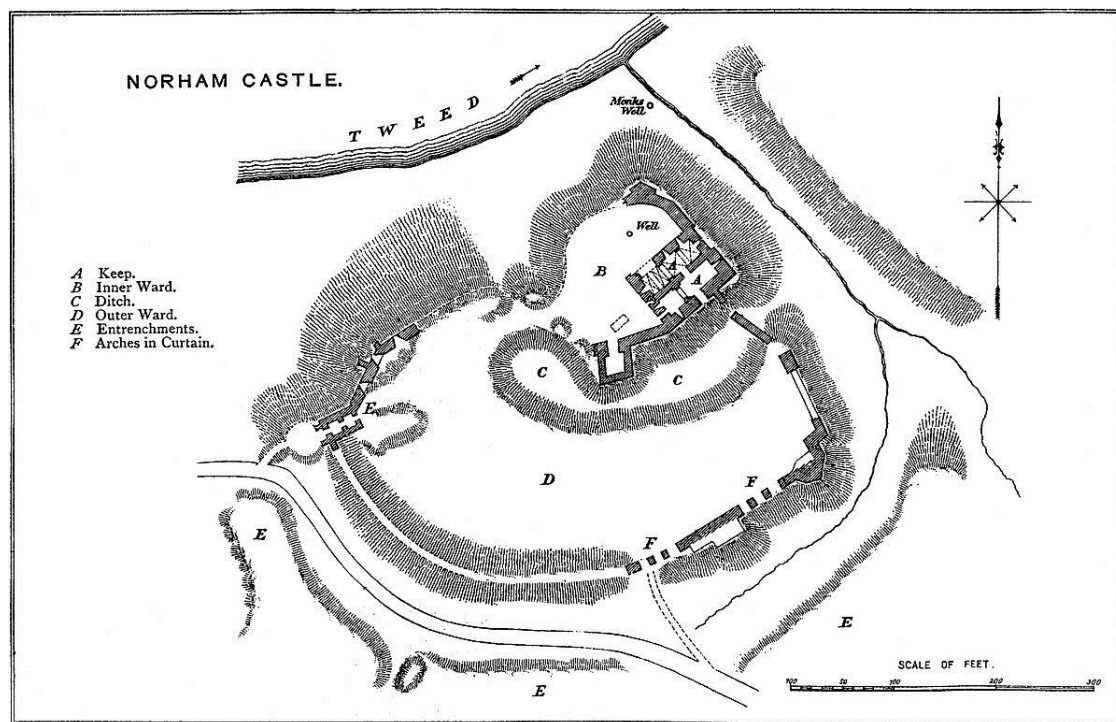
Норхэм занимает ложбину в большой излучине Твида, который здесь вырезает "огромный полумесяц, чудовищный кант" из английского берега, чтобы передать его шотландскому в виде широкого и плодородного луга. Замок стоит на скалистой платформе, юго-западной оконечности утеса, который образует берег реки на значительном расстоянии. Глубокий овраг обрывает возвышенность на северо-востоке, к нему присоединяется менее заметная впадина, которая, углубленная искусством, огибает и формирует южную оборону, пока не открывается на крутом склоне, спускающемся к реке и формирующем северный и северо-западный фронт замка. За этим рвом, через который проходил подход из деревни Норхэм, и еще южнее находится широкая и ровная площадка, также защищенная глубокими оврагами, на которой можно проследить остатки римского лагеря и менее регулярные берега и рвы некоторых осаждавших замок. Как в выборе позиции, так и в способе ее занятия проявляются стратегическое мышление и инженерное мастерство. Она сильна и удачно выбрана для защиты Святого Кутберта и нортумбрийской границы от шотландских вторжений, а также для отсечения захватчиков, которые, продвинувшись на юг, могут быть

вынуждены отступить. Описание Симеона Даремского лаконично и точно. Пишущий о Фламбарде, он говорит: "Condidit castellum in excelso præruptæ rupis super Tuedam flumen, ut inde latronum incursus inhiheret et Scottorum irruptiones. Ibi enim, utpote in confinio regni Anglorum et Scottorum, creber predantibus ante patebat excursus, nullo ibidem, quo hujusmodi impetus repellerentur, præsidio locato."

Слава Норхэма, действительно, была с честью записана на всех этапах его бурного существования. Осады, несчастья, репарации, их подробности и стоимость с большой полнотой отражены в отчетах шерифов и Палатинского собора, и, наконец, в период запустения и упадка, он был удостоен чести стать поэтом Скотта и историком Рейна.

План замка неправильный, повторяющий общие очертания местности. Как и замок Барнард, его форма представляет собой нечто вроде квадранта: северная и восточная стороны длиной 143 и 108 ярдов расположены почти под прямым углом и более или менее прямые, а граница на юго-западе представляет собой кривую длиной 223 ярда, соединяющую обе стороны. Северо-восточная часть территории занята верхним или внутренним отделением, план которого имеет приблизительно квадратную форму: 57 ярдов на восток и запад и 47 ярдов на север и юг, поэтому площадь его стен составляет 2 680 квадратных ярдов. Северная и восточная стороны этого отделения составляют часть общей куртины. Перед двумя другими сторонами находится широкий и глубокий ров, который простирается от восточного оврага до северной кручи, и полностью находится в пределах внешнего отделения, доступная площадь которого, таким образом, значительно сокращается. Все это было заключено в куртину, которая, где она относилась к внутренней части, была высокой и прочной, но где к внешней части, была неравномерной, будучи высокой там, где она пересекала концы внутреннего рва и вдоль части северного фронта, но в других местах либо очень низкой, либо умеренной толщины. Большая часть забот инженера пришлась на внутреннюю часть.

ЗАМОК НОРХЭМ.

Уайман и сыновья, G^t. Queen St. Лондон.

- 53. Содержание.
- 54. Внутреннее отделение.
- 55. Ров.
- 56. Внешнее отделение.
- 57. Укрепления.
- 58. Арки в куртине.

Крепость, которая, несмотря на то, что является всего лишь руиной, лучше всего сохранилась, имеет прямоугольную форму, ее размеры у основания составляют 64 фута с севера и юга на 86 футов с востока и запада, а высота - около 90 футов. Толщина стен варьируется от 12 до 15 футов, а на вершине, которая недоступна, она составляет от 8 до 10 футов. Восточный торец является частью внешней линии обороны и соединяется с занавесом. Южная сторона смотрит на внешнюю, а две другие - на внутреннюю. Внешние стороны имеют некоторые особенности. Юго-восточный угол увенчан двумя пилястрами шириной 11 футов и небольшим выступом, которые, как и аналогичные пилястры в Кенилворте, поднимаются от грубого, смелого, наклонного цоколя высотой 12 футов, продолжающегося вдоль всего восточного конца. Эти пилястры имеют различные отступы, снижающие их до 10 футов на вершине. Они сходятся и перекрывают угол, который является сплошным. Недалеко от центра восточного торца находится еще одна похожая пилястра, шириной всего 10 футов, а за ней стена снесена до первого этажа. В оставшейся части, образующей северо-восточный угол храма, пилястр не было, но они вклеены в северную куртину, которая имеет свой возраст. Южный занавес находится не на линии храма, а отходит от его южной стороны примерно в 25 футах к западу от юго-восточного угла, где он имеет толщину 7 футов и высоту первого этажа храма, или около 30 футов. Это также соответствовало возрасту крепости. Южная сторона крепости, по крайней мере, ее внешняя сторона, имеет две даты. В центре, но относящейся к восточной или более древней части, находится пилястра шириной 8 футов, но без оттяжек. Между ней и юго-восточным углом, над занавесом, и также без отступлений, находится еще одна пилястра, шириной всего 3 фута. Следующие 36 футов к западу занимает плоская стена без пилястр, но с двумя отступами у вершины. Основание кажется старым, но верхняя часть, несомненно, более поздняя, в которую, вероятно, вставлены декорированные окна. Рядом с западным концом, примерно в 16 футах от угла, находится простая пилястра шириной 3 фута и 6 дюймов, которая поднимается до уровня второго этажа и упирается в порог небольшого остrokонечного дверного проема во втором этаже; над ним, в двух верхних этажах, находятся две такие же, но меньшего размера двери. Вероятно, они открывались из настенных вестибюлей в деревянные садики, выступающие из стены: по крайней мере, трудно предположить какую-либо другую причину для такого расположения дверных проемов.

Западная сторона относится к одной дате; двери и окна относятся к декорированному периоду, но сама стена - норманнская. Занавес внутренней палаты примыкает к юго-западному углу и имеет высоту около 30 футов и большую толщину, а внутри него находится настенный шкаф, который может быть гардеробом, завершенным, вероятно, вскоре после 1431-2 гг. Есть две остrokонечные двери, обе на уровне земли; одна ведет в южную камеру храма, другая, около центра, в колодезную лестницу диаметром 10 футов, которая поднимается в стене на вершину и заканчивается приподнятой квадратной башенкой, заметной при любом виде храма. Шесть петель, одна над другой, показывают линию этой лестницы, а в нескольких футах от вершины и над дверью находятся четыре или пять косоуров, которые, очевидно, поддерживали своего рода *бруствер* из дерева для защиты

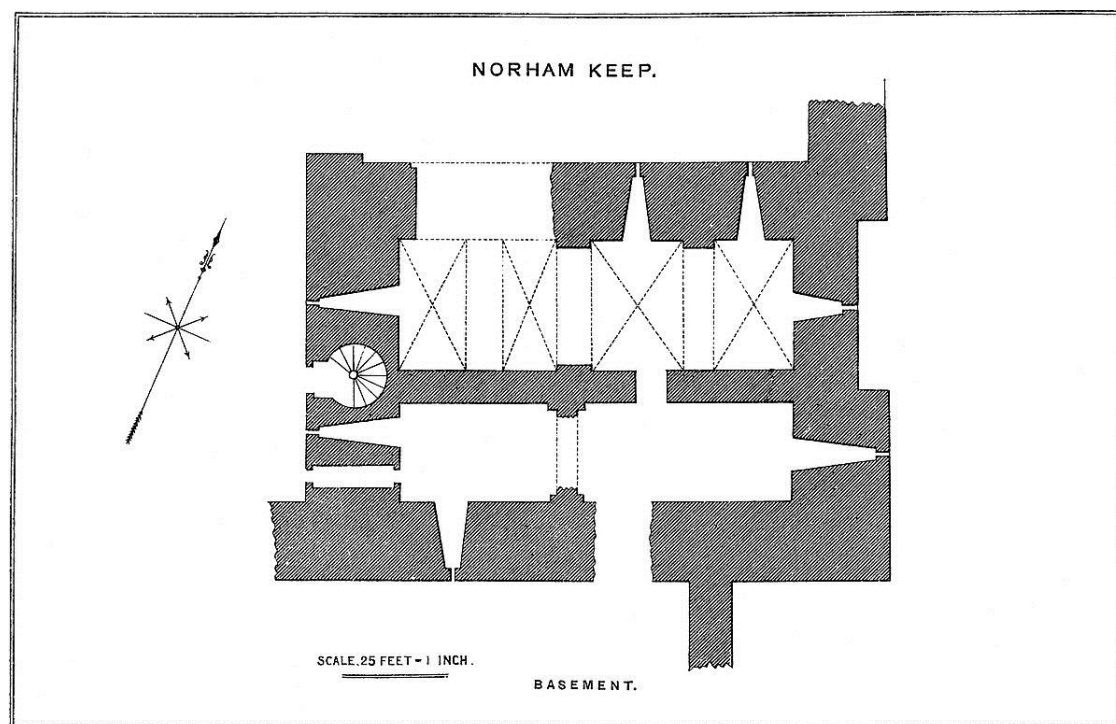
дверного проема внизу. Выше находятся различные окна, три из которых двухсветные, трилистниковые, с квадратной головой, но украшенные, а другие - односветные, с квадратными накладками. В южной части фасада, на уровне второго этажа, находится большой круглоголовый дверной проем, очевидно, первоначальная главная дверь кирпичи, внешняя лестница, ведущая к которой, удалена. Несомненно, эта лестница поднималась с северного торца, а камера в занавесе, ныне недоступная, была либо ораторием, либо садом, открывавшимся из притвора перед дверью. Этот конец, как и южный, довольно совершенен.

Северный фасад почти полностью удален. Примерно в 15 футах от западного торца остался один косяк двери на уровне земли. После этого около 26 футов находится вровень с землей. Оставшаяся часть, около 45 футов, сохранилась до уровня первого этажа и пронизана двумя петлями из подвала.

Внутреннее убранство храма показывает, что он содержал подвал и четыре этажа, разделенных на восток и запад, или продольно, снизу доверху, стеной толщиной 5 футов, от которой осталась только нижняя часть. Подвал на уровне земли состоит из северной и южной камер, каждая длиной 60 футов, северная - 20 футов, южная - 15 футов. Южная была разделена поперечной стеной на две камеры, обе бочкообразно сводчатые, причем западная длиннее. Восточная имеет петлю на восток, высоко поднятую, установленную в раздвижном круглоголовом углублении; в северной стене находится дверь, ведущая в северную камеру. В южной стене, толщиной 12 футов, на уровне земли находится пролом шириной 8 футов, который, вероятно, представляет собой петлю. Западная камера имеет петлю в южной стене, углубление которой переходит в ствол, образуя пах. В западной части находится дверной проем и проход в стене толщиной 15 футов, а рядом с ним - петля. Между этими южными камерами, должно быть, была дверь в поперечной стене.

Северная камера, по-видимому, представляла собой одно помещение, разделенное на четыре отсека желобчатыми сводами, между которыми проходит широкая плоская полоса. В восточном конце имеется петля, а рядом с ней еще две в северной стене. Два западных пролета разрушены. В западной стене есть петля, а рядом с ней, в северной стене, косяк входной двери, вероятно, каменного проема в подполье, сделанного в 1429-30 годах и снабженного железными воротами. Высота свода этого подвала составляет около 10 футов до упора и является оригинальной, как в Бамборо, Митфорде и Ньюкасле, а стены и петли по всему периметру, видимые изнутри, также кажутся оригинальными, а их внутренняя отделка представляет собой превосходный открытый или соединенный ясень. Остатки поперечной стены показывают, что на втором этаже было две палаты, обе, вероятно, сводчатые; южная, несомненно, такая. В каждую из них вела дверь с западной лестницы. Северная и большая часть восточной стены этой северной камеры исчезла. В западной части находится декорированное окно в большом круглоголовом углублении с плоской стороной, а рядом с ним - вход с лестницы. В восточной части находилась петля в раскрепованной нише. Южная камера, вероятно, была нижним и меньшим залом. В ее восточном конце находится дверь из колодца-лестницы и еще одна дверь, большая и круглоголовая, когда-то бывшая главным входом. У южной стены видны остатки свода, состоящего из четырех отсеков с желобками, отсеки разделены поперечными арками, опирающимися на карнизы. В самом западном отсеке находился камин, в каждом из трех восточных - круглоголовое окно в раскрепованной нише. В восточной части находится остроконечная ниша и большое стрельчатое окно, очевидно, вставленное в стену. Высота этого этажа составляла около 12 футов до уровня свода.

NORHAM KEEP.

Уайман и сыновья, Gt . Queen St . Лондон.

ЦОКОЛЬНЫЙ ЭТАЖ.

Второй этаж был государственным, а в оригинальном храме - еще и самым верхним. Эти два помещения имели открытые крыши с низким скатом, в торцевых стенах которых, как и в Порчестере, видны погодные молдинги. В эти комнаты можно было попасть, каждая через свою дверь, с колодезной лестницы, но северная дверь была надстроена и в ней установлена петля. От северной комнаты осталось только большое окно в западной стене, в арке с перепадом, украшенное декоративной вставкой. Если здесь и был камин, то он, должно быть, находился в разделительной стене. Южная камера, очевидно, была большим залом. В его восточной части находится большая норманнская ниша с полным центром и норманнским окном. В западной стене, помимо лестничной двери, заостренной под квадратной табличкой, есть заостренная ниша и окно. В южной стене находятся два смелых круглоголовых углубления, переходящих в небольшие стрельчатые окна, а к западу от них - остроконечная дверь, вероятно, входящая во фресковую камеру и сообщающаяся с уже упомянутой дверью в наружной стене.

Изначально третьего этажа не было, и чтобы его обеспечить, крышу зала сняли, а вместо нее сделали плоский потолок, поддерживаемый девятью балками, отверстия для которых сохранились. На них были уложены доски третьего этажа. Северная камера имела в западном конце сегментную арочную оконную нишу и лестничную дверь, ныне заваленную. В северной камере, в западном конце, была такая же лестничная дверь и заостренная оконная ниша. Восточная стена не была пробита, как и южная, за исключением одного окна, а рядом с ним - небольшая остроконечная дверь, расположенная у западного торца. Покрытие этого этажа также состояло из девяти балок, на которых лежали доски четвертого этажа.

От этого этажа сохранились лишь незначительные остатки. Он также состоял из двух палат. В северной сохранилась западная стена, но в ней нет ни окна, ни лестничной двери. Южная камера имеет в западной части окно, а в южной стене - камин. От этой стены осталось только около 6 футов в высоту, так что, вероятно, от 4 футов до 6 футов ее верхней части исчезло.

Учитывая толщину стен, отсутствие настенных палат и галерей в этом замке просто поразительно.

Несомненно, первоначально крепость была построена Ральфом Фламбардом в 1121 году, и восточная часть и прилегающие половины северной и южной сторон, несомненно, относятся к тому же времени. Также можно с уверенностью сказать, что крепость Фламбарда была такого же размера, как и нынешняя, а весь подвал и своды первого этажа, похоже, были оригинальными. Вероятно, здесь был только один вход - в западной части на уровне второго этажа, и в этом случае должна была быть внешняя башня или переднее здание, закрывающее лестницу, от которой, похоже, остались следы на лицевой стороне куртины, к которой, как и в Кенилворте, она должна была примыкать. Вход в здание совершенно прост и не имеет портупей. Считается, что епископ Падси, правивший с 1158 по 1174 год, перестроил западную половину разрушенной крепости. Возможно, он только восстановил ее, ведь вряд ли половину столь основательного здания можно было снести, имея средства или время в распоряжении любого отряда захватчиков; тем не менее, следует признать, что западная половина существенно отличается от восточной. В последней цоколь смелый и высокий, а пилястры имеют выраженные черты. В западной части нет ни пилястр, ни цоколя, и отступы от стены находятся на другой высоте. Если епископ Падси перестроил западную половину, то он сделал это в поздненорманнском стиле, так что внутри работа гармонирует с работой Фламбарда. Падси, несомненно, несколько приподнял стены, превратил коньковые крыши второго этажа в плоское покрытие, а в образовавшемся пространстве надстроил еще два этажа, как это было сделано в Порчестере, Кенилворте, Ричмонде и во многих других нормандских замках.

В Декорированный период, безусловно, произошли большие изменения. Двери в северной и западной стенах были открыты на уровне земли. Переднее здание было снесено, а вместо него в центре западной стены была установлена колодезная лестница, чтобы обеспечить новый и удобный подход к каждому этажу; она была доведена до конца в приподнятой башенке, что несколько улучшило вид. Вход на эту лестницу находился на первом этаже с внешней стороны, но не вел в подвал. Вся западная стена и примыкающая к ней половина южной стены были облицованы пеплом, а в окна вставлены оконные наличники того времени. Все это вполне могло быть делом рук Энтони Бика, "презула Магнанимуса", которого в тот период называли "самым проворным и умелым бузотером во всей Англии".

Когда доблесть склонялась перед родом и книгой,

И коленопреклоненное рыцарство служило лорду-прелату.

Оконные ниши во всем здании выполнены в основном в нормандском стиле и, следовательно, почти в каждом случае намного старше окон, которые в них находятся.

Три конца куртины, примыкающие к храму, выполнены в одном стиле с ним и связаны с ним, а их высота составляет около 30 футов. Та, что идет на север, увенчана под северо-восточным углом мощным бастием с углом наклона 110 градусов, двумя гранями по 17 футов и плечами по 4 фута. Это, очевидно, перестройка после введения артиллерии, и, вероятно, работа сэра Джорджа Боуса. Эта куртина продолжается еще на 30 футов вдоль берега реки, а затем разрушается. Кухня, по-видимому, находилась в углу, рядом с ней был зал, а затем часовня, и все они были построены против северного занавеса. Нынешний занавес соответствует тому, что в обзоре 1515 года названо длинной высокой стеной от донжона до северо-западного конца кухни (44 ярда в длину и 30 футов в высоту, с контрфорсами, так что толщина составляет 28 футов). Нам говорят, что в 1551 году часовня была размером 30 футов на 18 футов, со стенами толщиной 8 футов, со склепом внизу,

способным вместить 20 лошадей, и "чуланом" наверху, и что бойницы над этим чуланом и длинной стеной были одинаковой высоты, и так простирались от северо-восточного угла замка до его юго-западного угла. В очень компетентном отчете сэра Джорджа Боуса о замке он советует укрепить эту стену, засыпав зал и другие здания землей и сформировав зал в первом этаже храма, который, похоже, в то время был такой же развалиной, как и сейчас. Пройдя к юго-западному углу крепости, откуда выходит южная куртина этой внутренней стены, также 30 футов высотой и очень толстая, она продолжается на 50 футов, а затем разбивается почти прямоугольной бастионной башней 40 футов в проекции и 30 футов в ширину, "маленьким оплотом" 1551 года; украшенная вставка для обеспечения фланговой обороны там, где она была очень нужна. В задней части этой башни, которая, вероятно, имела характер бастиона, то есть не выше куртины, находятся остатки зданий. За ней высокий вал из земли и мусора отмечает линию, но скрывает остатки остальной части куртины. В этой насыпи, по направлению к западу, есть щель, обозначающая местоположение сторожки. У северо-восточного угла палаты сохранился колодец, который указывает на общее расположение кухни.

Внешнее крыло, или та часть замка, которая находится за пределами рва внутреннего крыла, имеет лунообразную форму, 50 ярдов в самой широкой части. С каждого конца этот ров пересекала завеса. Нижняя часть стены в восточной части все еще сохранилась, ее толщина составляет около 8 футов, а высота - 30 футов, она пробита нормандской аркой, вероятно, служившей для строительства ворот, как в Карлайле. Занавес вдоль северного фасада исчез. Склон здесь очень крутой, и во времена сэра Джорджа Боуса этому доверяли, а стена представляла собой просто невысокое укрепление. К западу, вплоть до нижней сторожки, стена была перестроена. Ее толщина составляет около 15 футов, высота внутри - 10 футов, а снаружи - от 15 до 20 футов. Вероятно, частично она покоится на нормандском фундаменте, но надстройка выглядит украшенной или более поздней. Она была пронизана глубокими углублениями шириной 11 футов под плоской аркой, расходящейся к петле, и предназначалась для фланкирования подхода из города к внешним воротам. Три из этих углублений сохранились, и, вероятно, было еще два.

Нижняя сторожка представляет собой прямоугольный блок длиной 40 футов и шириной 20 футов, выступающий за пределы куртины на 30 футов. Он пробит проходом шириной 15 футов, уменьшенным с каждого конца и в центре опорами ворот до 12 футов. Эти опоры несли ребра жесткости для укрепления бочкообразного свода прохода. Арки были круглоголовые. Порткуллиса не было. Перед воротами, как и в Тикхилле, находятся две выступающие стены, между которыми, вероятно, находился разводной мост. Имелся верхний этаж. Эта сторожка, очевидно, норманнская, и, несомненно, работы Фламбарда.

От сторожки на восток на протяжении примерно 130 ярдов куртина представлена высокой и крутой насыпью из земли и мусора, которая, несомненно, содержит ее фундамент. Земля поднимается, и первоначальная насыпь, а также занавес на ней, очевидно, были подняты, чтобы захватить площадку напротив и за рвом, которая, по-видимому, была излюбленной позицией осаждающих. Куртина возобновляется и продолжается на протяжении 80 ярдов вдоль возвышенности, образуя восточную часть южного фронта. Эта часть куртины очень любопытна, и ее нелегко понять. На ней находятся остатки одного или, возможно, двух многоугольных бастионов, а по линии стены, между ними, расположены шесть круглоголовых арок пролетом около 12 футов, опирающихся на квадратные опоры шириной около 3 или 4 футов. Большая часть кладки настолько грубая, что ее, очевидно, предполагалось, как и в Саутгемптонском замке, засыпать землей, хотя почему, при отличном фундаменте, был использован такой способ поддержки занавеса, неясно; но

первая, то есть самая западная, из этих арок сложена из пепла и, похоже, была проходной, и, вероятно, это те ворота, которые упоминаются в истории замка как неумело навешенные на песчаники, расположенные так, что их можно было снять снаружи. За этими арками и бастионами куртина делает резкий поворот и идет на север на 60 ярдов, чтобы пересечь ров и присоединиться к замку.

Перед нижними воротами находится небольшая площадка, выходящая за пределы рва, которая, несомненно, была обнесена острогом, чтобы закрыть вход и оградить барьеры.

Арочный проем, описанный как ворота, возможно, предназначался для облегчения входа жителей деревни и их скота в случае набега. По словам Фламбарда, внешняя стена была предназначена для укрытия, а глубокий внешний ров также использовался для этой цели. В последнее время стали жаловаться, что если раньше крепостной ров при любых обстоятельствах был местом безопасности для жителей деревни и их имущества, то теперь они подвергаются нападению и захвату шотландских воров под самыми стенами крепости.

Южный и внешний ров, как говорят, использовался в качестве мельничного бассейна, а его устье было закрыто плотиной. Считается, что этот ров был вырыт в 1495 году, но, несмотря на то, что впоследствии его углубили и построили дамбу, он, должно быть, всегда был частью первоначальной обороны.

Хотя нет никаких сведений о том, что здесь была крепость или резиденция до времен Фламбарда, наиболее вероятно, судя по расположению и земляным работам, что здесь работали саксонские короли Дейра. Эти земляные работы и общая обработка позиции являются чисто английскими, так же как и манера, в которой они сочетаются с каменной кладкой, является чисто норманнской.

Подлинная история замка начинается с 1121 года, когда епископ Фламбард, по словам Ховедена, начал его строительство. Вероятно, по своим очертаниям и размерам замок Фламбарда очень напоминал тот, что мы видим сейчас, только был на 10-20 футов ниже, а его внутренняя и внешняя палаты обязательно должны были совпадать с нынешними, причем в значительной части в пределах существующих стен. Пятнадцать лет спустя, в 1136 году, замок был захвачен Давидом, королем Шотландии, и удерживался для его племянницы, императрицы Мод, в течение нескольких месяцев, пока по договору со Стефаном не был возвращен епископу. Однако Давид снова напал на него и захватил в 1138 году, после чего, как говорят, он сильно пострадал и был разобран.

Епископ Хью Падси, или Пюизет, который, как считается, был племянником Стивена, получил Даремский престол в 1153 году и, вероятно, по предложению Стивена восстановил крепость. Что именно он сделал, определить очень сложно, так как за сорок лет стиль архитектуры не претерпел существенных изменений, но что бы это ни было, оно ограничилось западными частями крепости и не затронуло восточную часть. Средства были собраны благодаря тому, что архидьякон отправил по стране фрагмент ветреного листа святого Катберта, который должен был демонстрироваться только подписчикам. Труды Пюизета были слишком успешными, так как, будучи заподозренным в пристрастии к партии принца Генриха и шотландцев, он был призван Генрихом II отдать Норхэм вместе с замками Дарем и Норталлертон, что и сделал в 1174-7 годах, когда его кастелян, Роджер де Коньерс, был заменен Уильямом де Невиллем. Вскоре после этого, после уплаты пошлины в 2000 марок, замки Дарем и Норхэм были возвращены церкви: Норталлертон был разрушен. После смерти епископа в 1195 году Норхэм снова перешел в руки короля, и за его содержание было заплачено 29 фунтов 6 шиллингов. 8d. было заплачено за его содержание.

Предполагается, что король Иоанн был здесь четыре раза за время замещения епископской кафедры и последующего владения замком короной. Первый раз - 4 августа 1209 года, единственный визит, зафиксированный в его маршруте, когда он готовился к вторжению в Шотландию. Он пробыл там не менее трех дней, поскольку, как отметил мистер Рейн, документ, приведенный в "Фёдере" как датированный 7 августа в Нортгемптоне, явно из Норхэма. Чуть позже он, по-видимому, заключил здесь договор с Вильгельмом Львом, который был подтвержден на другой встрече в ноябре 1211 года, когда Вильгельм привел своего сына Александра, чтобы выразить ему почтение. Говорят, что он также нанес еще один визит. Все, что можно сказать, это то, что в апреле 1210 года он был в Дареме, а в 1213 году - в Уоркворте, местах, расположенных в пределах легкой досягаемости от Норхэма.

В 1215 году замок в течение сорока дней безуспешно осаждал Александр, шотландский король, который затем продвинулся в Англию, оставив Норхэм и Бамборо непокоренными в своем тылу. Он отступил перед Иоанном, чьи последователи преследовали шотландскую границу вплоть до Эдинбурга.

В начале правления Генриха II, в 1219 году, Норхэм посетил легат Пандульф, который недавно посвятил в епископы де Мариско. Вместе с ним прибыли Стефан де Сегрейв со стороны Англии и король Александр, чтобы уладить споры между двумя королевствами. После смерти епископа в 1226 году и даже после хиротонии епископа Поера в 1228 году Норхэм находился во владении короны. В 1258 году Роберт Невилл из Рэби был констеблем короны. В 1283 году епископ Энтони Беке получил престол и занимал его до 1310 года. Он был скорее воином и государственным деятелем, чем священником, и сыграл заметную роль в северных операциях Эдуарда. В мае 1291 года Эдуард I приехал в Норхэм в сопровождении большого количества северных баронов, чтобы встретиться, выслушать и принять решение между претендентами на шотландскую корону. Эдуард жил в замке; шотландцы расположились в Ледикирке, затем в Апсетлингтоне, за Твидом. Суд был открыт 10 мая с большим размахом в церкви Норхэма, и в той же церкви, которая стоит сейчас, Эдуард 3 июня получил признание своей власти от претендентов. Затем суд был перенесен в Бервик, а Балиол, который, как говорили, был обязан своим выбором интересам епископа, отдал дань уважения Шотландии в Ньюкасле. В 1296 году епископ Беке поднял знамя святого Катберта и отправился со своим государем в Шотландию во главе 140 рыцарей, 1000 пеших и 500 конных, причем сам он вел их в доспехах. В валике Каэрлаверока он описывается следующим образом.

Благородный Эвеск де Дуреом,

Le plus vaillant clerk de Roiaume.

Эти войска составляли часть королевской армии и проникали вплоть до Абердина. Он участвовал и в более поздних кампаниях, а в одной из них был ранен. Однако его сила и высокомерие были слишком велики для подданного и вызывали неприязнь Эдуарда, которого, однако, он пережил, умерев в 1310 году. Бик был великолепным строителем, и, вероятно, именно ему следует приписать облицовку той части замка, которая была восстановлена Падсеем, а также вставку большой колодезной лестницы и декорированных оконных рам. В 1314 году замок был передан епископом Келлоу короне, и Эдуард II, как говорят, провел в нем ремонт. В 1316 году он был возвращен епископу. Норхэм в полной мере испытал на себе пограничные беды во время слабого правления Эдуарда II. Его капитан Томас Грей дважды подвергался форменной осаде шотландцев, один раз в течение двенадцати месяцев, другой - в течение семи месяцев. В одном случае была взята внешняя

палата, но так как после трех дней владения враги не смогли произвести никакого впечатления на внутреннюю палату, они отступили от столь опасного соседства. Позднее, в 1322 году, она была взята, но после десятидневной осады возвращена Эдуардом лично. В 1327 году, в ночь коронации нового государя, она едва не была захвачена путем предательства, но заговор был сорван Томасом Мэннерсом, тогдашним капитаном. Считается, что Эдуард II выполнил в замке большие работы.

Эдуард III нашел Льюиса Бомонта в Дареме. Епископ вернул Норхэм, хотя и с некоторым трудом, но замок Барнард остался отчужденным. В 1335 году его преемник, епископ Бьюри, провел рукоположение в Норхэме.

В 1356 году, через десять лет после битвы при Невиллс-Кроссе, шотландцы сожгли Норхэм, вероятно, деревню, и захватили город, но не замок, Бервик, который продержался до прибытия Эдуарда III из Кале, когда обида была сполна отомщена, а епископ Хэтфилд засвидетельствовал сдачу короны Балиолом в замке Роксбург в 1357 году. Во время правления Генриха IV, V и VI Норхэм хорошо содержался и играл роль во всех крупных сделках на границе. Счета, которые вели епископы Дарема, весьма обширны и содержат множество любопытных технических и местных слов. Внешний мост был отремонтирован из дерева в 1405 году, как и крыша зала Пекс или Покс в замке. Для колодца было изготовлено колесо с осью, пескарями и ковшом. Большие и другие покои, а также кухня были отделаны свинцом. Упоминается часовня и капеллан. Ночи были длинными и холодными, поэтому сторожам платили дополнительное жалованье, в часовне горел свет, а во всем замке, кроме большой башни, проводился ремонт. В 1408 году западные ворота были полностью перестроены за 298 дней и обошлись в 37 фунтов 6 шиллингов. 7d. Вряд ли это нижние или внешние ворота на крайнем западе, которые намного старше, и, скорее всего, это были внутренние ворота, которые также находятся к западу от крепости. Упоминается "Лесной скафалд" и тын из дерева вокруг башни. В 1422 году была построена "новая башня внутри замка", а в 1426-7 годах из епископских кузниц в Окленде были привезены четыре железные двери.

В 1429-30 годах, во время епископата кардинала Лэнгли, к западной стороне большой башни была пристроена "quædam nova latrina", работа, не завершенная в 1431-2 годах. Также под сводом донжона большой башни был сделан большой дверной проем в камне, вероятно, дверь в северной стене, от которой остался один косяк. Дверной проем был оснащен железной дверью. На колодце было установлено новое колесо, а в замке построили новую конную мельницу.

До сих пор епископы, владея замком, размещали в нем своих офицеров, но в 1435 году кардинал ввел практику сдавать его на срок какому-нибудь влиятельному капитану, который был обязан содержать и защищать его и получал за это хорошую плату. Эта практика была признана удобной, и впоследствии к ней нередко прибегали. Иногда епископ возлагал на арендатора обязанности констебля замка, шерифа и эсквайра. Епископ Фокс начал свое правление в 1495 году с углубления внешнего рва, и, конечно же, в силу особенностей того времени, все возможные меры предосторожности для защиты были оправданы.

В том же году Генрих VII, встревоженный приемом Уорбека в Шотландии, приготовился к войне: епископу было выдано поручение о наборе войск в Марче, а лорд Суррей принял командование к северу от Трента. Король Яков пересек границу из Шотландии в два года подряд, и во втором, 1497 году, лично предстал перед Норхэмом. Он был силен и хорошо гарнизонирован, и, по некоторым сведениям, епископ бросился в крепость, внутри которой

укрылась вся страна вокруг. За шестнадцать дней ожесточенного штурма внешняя оборона сильно пострадала, но в крепость не вошли, и на помощь ей пришел Суррей. Затем епископ отложил мирскую руку и отлучил Редесдейла и Тайндейла от церкви. В сентябре 1498 года он был в Норхэме и снял порицание с покорившихся бордеров. Хамерлин и Гарт, его лейтенанты, во время осады получили пенсию за храбрость при обороне.

В 1513 году, 22 августа, в год Флоддена, король Яков переправился через Твид в полном составе, и 29 числа Норхэм, слабо укрепленный гарнизоном, был сдан ему и очень грубо обработан. Затем король

тратил свое время с дамой Герона,

пока его армия брала Этал, Уорк и Хетон, а также менее значительные крепости - Тилмут, Шорсвуд, Твизел, Даддоу и Торнтон. За этим блеском успеха последовало поражение при Флоддене, после чего в 1514 году лорд Дакре опустошил шотландскую границу до самого Бортвика. Если епископский гарнизон проявил недостаток мужества во время атаки Джеймса, то основная часть войск епископства искупила свою вину при Флоддене, где они возглавили отряд под командованием сэра Уильяма Булмера. Это было последнее появление знамени святого Катберта в открытом поле, и сколько раз оно демонстрировалось, никогда не сопровождалось поражением. Епископ Рутал вновь занялся ремонтом замка; внутренняя палата и крепость были сделаны безопасными, и много денег было потрачено на работу каменщиков и плотников по возведению стен и крыш. Замок был "разрушен шотландцами" (*prostratum et disruptum ad terram*) - фраза, которую, однако, не следует понимать буквально. Говорят, что Бишопс-Миддлхэм был разобран на материалы для Норхэма. К 1515 году замок был приведен в порядок, обеспечен продовольствием и гарнизоном. Стены были укреплены контрмином в качестве меры предосторожности от "пиления" или взрыва. Внешние стены были подперты и снабжены "убийцами", известным в то время орудием. Когда все было готово, каменщиков отправили сносить Хоум-Касл.

Похоже, в Норхэме ничего не продержалось долго, потому что Уильям, лорд Грейсток, капитан, обнаружил, что внешняя палата настолько разрушена, что стала беззащитной. Его четыре башни были слишком низкими, но внутренняя палата считалась, "с Божьей помощью", неприступной. В это время длинная стена между внутренними и нижними воротами, расположенными у воды, была готова к укреплению. Четыре башни должны были быть выложены пеплом, и для заполнения трех из них был готов карьерный мусор. Уолси занимал этот пост с 1522 по 1528 год, но, похоже, не беспокоился о замке.

Около 1530 года шотландцы появились перед Норхэмом, но замок был спасен благодаря доблести архидиакона Франклина, которому Генрих VIII пожаловал за эту службу специальный герб. В это время в замке имелась конюшня на 60 лошадей, байра для скота, , которая при необходимости могла вместить еще 50 лошадей, а под часовней было место еще для 20, то есть всего 130. Кроме запасов соленого мяса, рыбы и зерна, под крепостной стеной ночевали 6 сытых волов и 400 овец. Гарнизон состоял из 59 мужчин и детей. Такое состояние обороны, вероятно, было стимулировано шепотом об измене, который заставил Тайный совет поручить герцогу Норфолку "обратить на это внимание". Епископ Танстал, похоже, поддерживал оборону во время правления Марии.

Однако в последующие несколько лет произошли большие перемены. В 1542 году замок был окончательно приведен в порядок епископом Тансталом, но в 1551 году епископ был лишен сана, и замок вновь стал нуждаться в ремонте. Стена внутренней палаты по направлению к Твиду прогнила, в нее попала вода при удалении свинца из соседних зданий, и находилась в таком состоянии, что достаточно было бы легкой батареи на шотландском берегу, чтобы

обрушить ее вместе с залом и кухней. Половина замка уже давно обрушилась. Репортер, сэр Джордж Боус, указывает на слабость этого места, а затем подробно рассказывает, как сделать старый замок пригодным для обороны в условиях современной войны. Особенно он останавливается на отсутствии фланговых укреплений. Внешняя крепостная стена на востоке, западе и юге старая, тонкая и слабая, а ее небольшие крепостные башни неудачно расположены в качестве фланговых укреплений. Северная стена представляет собой низкий парапет, а ворота внешней палаты так навешены, что их можно поднять снаружи. Он советует засыпать землей зал и кухню, чтобы поддержать речную стену, и построить зал в руинах замка. Считается, что он опустил замок на один этаж, оставив только лестничную башенку в качестве смотровой. Вероятно, именно в это время был построен северо-восточный бастион, а во внешней крепостной стене сделаны амбразуры.

В 1557 году перед замком, в пространстве между мостом и железными воротами, произошла драка. В ней участвовало всего четыре человека. В 1559 году Тунстал умер, и замок был окончательно и по закону отделен от Даремской церкви и перешел во владение короны, а лорд Хансдон получил его в аренду от Елизаветы. Представители лорда Хансдона, Кэри, были побуждены Яковом передать свою аренду Хоуму, графу Данбару, в пользу которого собственность была преобразована во фригольд, принадлежащий короне на правах сокажа. Однако уже в 1583 году в нем сохранялись оборонительные сооружения, вероятно, для охраны границы, и в его состав входили капитан лошадей, прапорщик, трубач, носильщик и помощник носильщика, мастер-пушкарь, четвертьмастер-пушкарь, 16 канониров, капеллан и хирург, что обошлось не менее чем в 1 703 фунта стерлингов. 6s. 8d. в год.

История Норхэмского замка и Ширы подробно и с большой точностью изложена в "Истории Северного Дарема" преподобного Джеймса Рейна.

НОТТИНГЕМСКИЙ ЗАМОК.

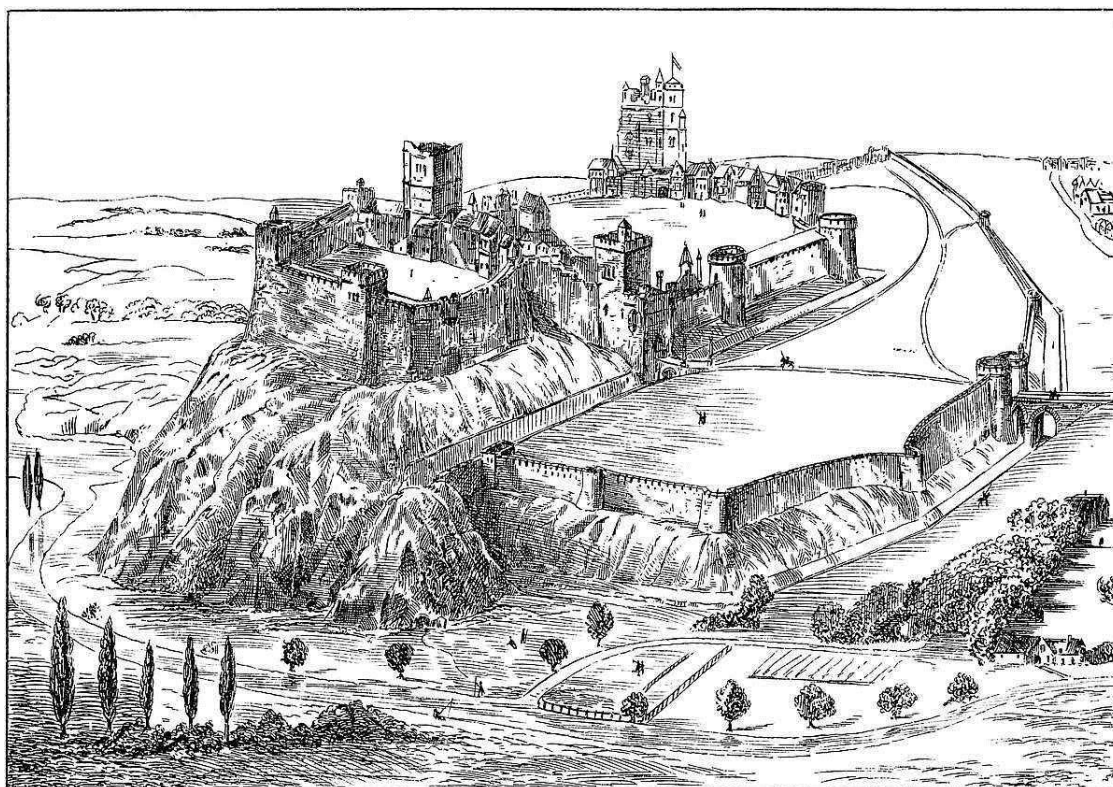
На прилагаемом рисунке, взятом из "Иллюстрированных лондонских новостей", восхитительно изображен Ноттингем XVI века, вид очень совершенного замка первого класса. Нормандский замок виден на занавесе между двумя палатами. Меньшее или внутреннее отделение является оригинальным и норманнским. Он был обнесен высоким и прочным занавесом, повторяющим очертания скалы, на которой он стоял, и укреплен под тремя наиболее открытыми углами прямоугольными башнями без внешних выступов. По двум сторонам двора располагались жилые помещения, а в стене находился столб с наружными ступенями. Главные ворота этого двора находились в торце башни, рядом с крепостью, и прикрывались средним двором. К первоначальному замку был пристроен, вероятно, в правление Иоанна или Генриха III, второй или средний придел, имевший вход через основание квадратной башни, расположенной так, чтобы закрывать наименее защищенный угол первоначального замка. Квадратная башня, служившая сторожкой, показывает, что это раннее сооружение, вероятно, не позднее правления Иоанна. Эта палата была заключена в прочный занавес с цилиндрическими настенными башнями смелого профиля, располагалась так, чтобы закрывать одну сторону внутренней палаты, и имела свой собственный ров. За двумя предыдущими палатами, расположенными так, чтобы закрывать их с двух сторон, а с одной стороны - сторожевую палату, находилась большая внешняя палата, рассчитанная на небольшое войско. Эта палата также была обнесена стеной с

круглыми бастионными башнями, то есть башнями, стоящими на стене, но не возвышающимися над ней. В нем также было две, а возможно, и три сторожки и ров. Полное разрушение столь благородного остатка ранней военной архитектуры вызывает большое сожаление.

На рисунке изображены Трент и мельница замка, но не два бурха, которые упоминаются в англосаксонской "Хронике" как охраняющие реку.

ЗАМОК ОДИХЭМ, ХАНТС.

Примерно в миле к северо-западу от города Одиэхэм, в тинге Норт-Уорнборо, стоит то, что осталось от этого древнего замка. Он расположен на левом берегу Уайтвотер, довольно полноводного потока, который поднимается примерно в двух милях к югу и течет на север, чтобы впасть в Лоддон у Сваллоуфилда. Около замка земля низкая и плоская, и, как следствие, очень влажная. Бейсингстокский канал был проведен через болото и, будучи сейчас заброшенным и заросшим сорняками, усугубляет мрачную картину. Это место, несомненно, всегда было сильным, а открытые лесные массивы благоприятствовали сохранению дичи и диким видам спорта, которыми с большим удовольствием занимались монархи Плантагенетов.

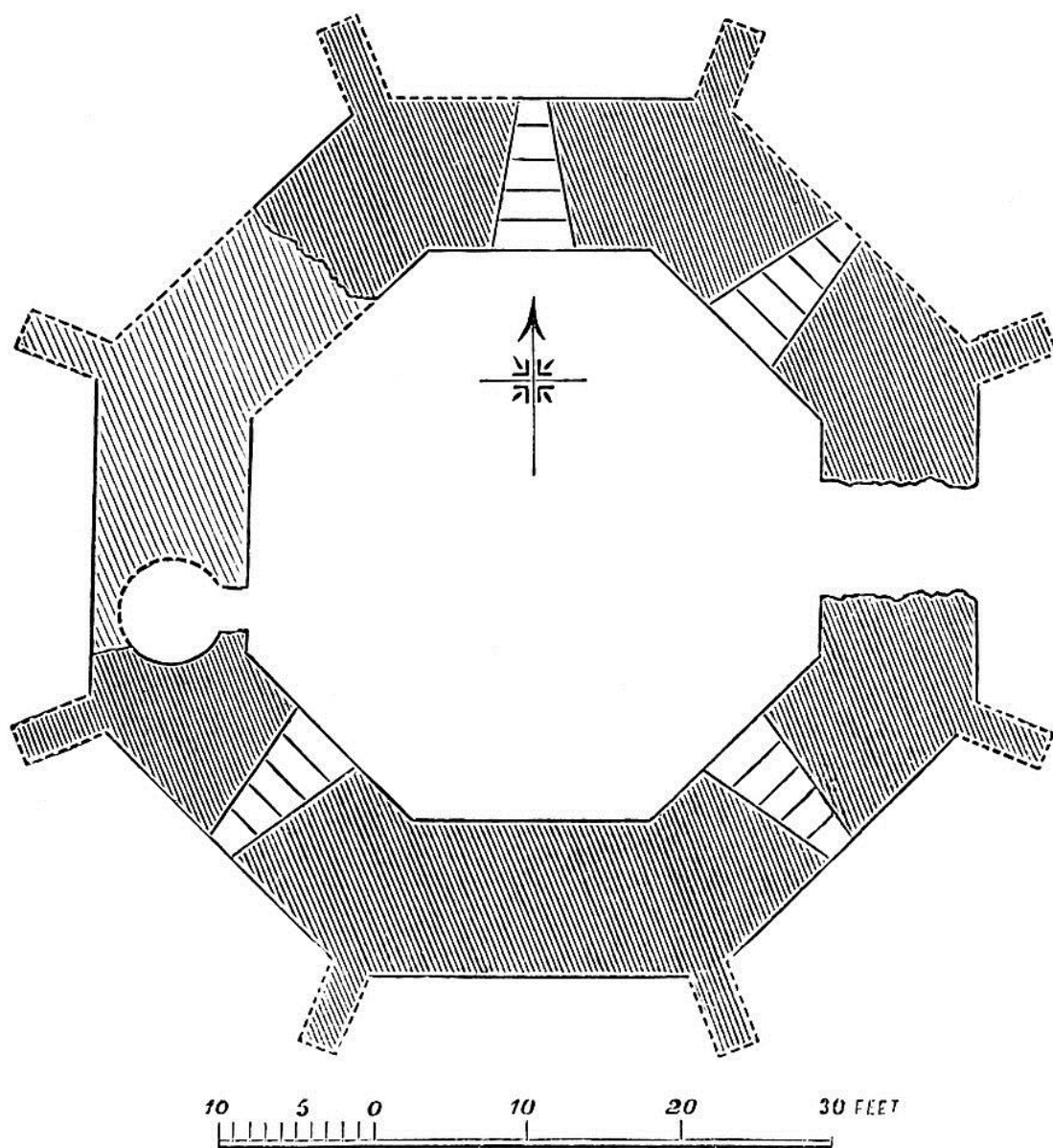

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

НОТТИНГЕМСКИЙ ЗАМОК В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Каковы бы ни были размеры замка в его великие времена, его остатки в каменной кладке ограничиваются одной башней, которая сейчас находится в очень ветхом состоянии. Эта

башня представляет собой восьмиугольник, описанный в круге радиусом около 29 футов, грани которого, не совсем одинаковые, составляют в среднем 22 фута 6 дюймов. Толщина стен, включая обсадную трубу, составляет 10 футов; внутренние грани, таким образом, в среднем 14 футов 9 дюймов, а внутренний диаметр от грани до грани - 38 футов. Под каждым углом установлен контрфорс 4 фута в проекции и 2 фута в ширину, поднимающийся до вершины здания, или почти до нее, высота которого сейчас составляет около 60 футов, а при отсутствии парапета и части стены, возможно, была на 8 футов выше. Поскольку сохранились верхушки некоторых верхних окон, можно предположить, что высота здания, когда оно было завершено, не превышала 68 футов.

ПЛАН ЗАМКА ОДИХЭМ, ХАНТС.

Материал башни представляет собой конгломерат мелких кремневых конкреций, затертых в большом количестве очень хорошего раствора. Вся внешняя сторона, похоже, была облицована небольшими пепловыми блоками, возможно, из камня Саен . Облицовка исчезла, но раствор сохранился более или менее идеальных слоях камня. Тот же камень использовался в интерьере для облицовки проемов, а также для полосы высотой около 4 футов у основания стены и для выемки внутренних углов. В этих двух последних местах часть пепла осталась нетронутой. Около трети башни, включая большую часть двух западных

граней, обрушилось; но хотя оставшаяся часть очень грубая и представляет собой просто массу кремневого конгломерата, удерживаемого вместе благодаря превосходному раствору, сохранились ядра контрфорсов и достаточно углублений оконных проемов, чтобы показать кое-что из их первоначальной формы и размеров.

Башня состоит из подвала и двух этажей. Пол подвала находится примерно на 6 футов ниже уровня земли. Высота башни составляла около 12 футов, и шесть из восьми ее граней, похоже, были пробиты. Пять из этих отверстий начинаются на высоте 4 футов от пола. Они были с круглой головкой и шириной 4 фута. Они сходились в обычную петлю, а поскольку подоконник поднимался на шесть ступеней, основание петли было примерно на фут выше уровня земли. Три из этих углублений достаточно совершенны; еще одно, судя по виду в стене выше, могло быть дверью в основание колодезной лестницы, поднимавшейся в стене на вершину. Такая лестница, скорее всего, была, а углубление в стене больше похоже на лестницу, чем на дымоход или садовый вентканал, и ослабление стены такой лестницей объясняет ее обрушение с этой стороны. Лестница, если она была, занимала южную часть юго-западного фасада. Два проема в подвале были названы дверными проемами для входа извне. То, что осталось, едва ли приводит к такому выводу, и крайне маловероятно, что на первом этаже должна была быть дверь, в то время как на втором этаже она точно была. На плане сэра Э. Хоума, упомянутом ниже^[11], в центре башни изображено нечто вроде лестницы, как бы спускающейся в подвальный этаж. От нее не осталось и следа, а в такой влажной почве камера, расположенная намного ниже поверхности, обычно была бы полна воды. Что касается входа на первый этаж, то вполне возможно, что здесь, как обычно, подвальное окно в современную эпоху для удобства входа было превращено в дверь, что и привело к нынешнему виду.

Первый, или государственный, этаж был высотой около 30 футов. Южную сторону занимал очень вместительный камин со смелым колпаком и каминной полкой из пепла, ныне утраченной, с круглой задней стенкой и большим круглым дымоходом-шахтой, выведенным вертикально вверх в толще стены. Из семи других торцов два исчезли, а четыре пронизаны высокими круглоголовыми арками шириной около 8 футов и слегка раздвинутыми. В них, несомненно, заканчивались небольшие спаренные окна. В восточной части находится проем без зазора, очевидно, дверной, и, несомненно, главный вход, с наружной лестницей, как в Брунлессе и Конингсбурге. В соседнем торце находится большой квадратный шкафчик.

На верхнем этаже также имелся камин, меньший по размеру, чем на первом этаже, и перед его дымоходом-шахтой. Этот меньший вал, по-видимому, был сложен из ясеня. Арка камина состоит из трех колец, каждое из которых выложено крупной тонкой красной плиткой, имеющей очень римский вид. В этом этаже оконные ниши располагались парами, по две в каждой грани. Из них сохранилось три с половиной пары, или семь оконных арок. В восточной части находится небольшой шкафчик. Высота этого этажа могла составлять 18 футов.

Полы были деревянными и состояли из больших балок, уложенных на расстоянии около 6 дюймов друг от друга. Так как толщина стен одинакова по всей площади, то нет никаких отступов, а стены пронизаны квадратными углублениями для балок. Поскольку эти углубления не параллельные, а лучеобразные, очевидно, что пол опирался, как в башне Уэйкфилда в лондонском Тауэре, на центральный пирс или столб.

Здесь нет следов какой-либо настенной камеры.

История этой башни, характер ее наличников, толщина стен и круглоголовые фигуры сохранившихся арок указывают на норманнский или начало раннеанглийского периода. Тем

не менее, в плане он очень не похож на обычные норманнские постройки, а контрфорсы, явно оригинальные, характерны для гораздо более позднего периода. Если это нормандская или переходная башня, то она действительно очень поздняя по стилю; вплоть до царствования Ричарда I, но следует признать, что контрфорсы гораздо больше соответствуют дате Ричарда II.

Башня стоит в центре примерно круглой площадки диаметром около 38 ярдов, слегка приподнятой над болотом и окруженной рвом. За этим рвом, на северо-восточном фронте, находится еще одно ограждение со своим рвом, а канал, похоже, был проведен через нечто подобное. Все это выглядит так, как будто здесь было более раннее укрепление из земли и дерева, возможно, резиденция саксонского Одо, о котором ничего не известно и не предполагается, кроме его имени.

Кроме башни, здесь нет никаких следов другой кладки, и если бы она стояла одна, это объяснило бы чудесный подвиг замка, который тринадцать человек удерживали в течение многих дней против армии дофина. Конечно, протяженность стены, которую мог бы защищать столь небольшой гарнизон, была бы весьма ограниченной; но с такой башней, как в Одихаме, хорошо укрепленной, и огнеупорной дверью армия, особенно не снабженная горными орудиями или военными двигателями, что было бы маловероятно в случае вторжения, могла бы сделать немного. Тем не менее, некоторые записи, относящиеся к замку, указывают на другие здания, помимо башни, хотя все их следы уже исчезли.

Одихэм не имеет истории до времени Domesday. То, что он был резиденцией саксонского лорда, следует из его названия, хотя некоторые власти отвергают "Одо" и его "Хаме" и заменяют его Вудихам, Оодихам, Одихам, этимология, несомненно, достаточно применима к району.

В "Domesday" король Уильям записан как владелец Одихама; ранее им владел граф Гарольд. Он дважды упоминается в этой записи, и находился в сотнях Эдефел и Бермесплет, хотя сотня Одихам также названа. О замке ничего не говорится, и имя епископа Винчестерского, которому его обычно приписывают, не встречается ни тогда, ни впоследствии в связи с лордством, боро или замком. Среди королевских арендаторов встречаются некие "Taini regis", которые в царствование Эдуарда I были представлены "Homines et sokemanni regis", имевшими тогда общие пастбища в Одихаме.

Ричард I владел Одихамом. В первый год его правления в писцовых книгах Казначейства записаны некоторые платежи, связанные с ним. Роджер Фиц-Ренфрид заплатил 20 с. за коровник или ваккарий; Уильям де Бенд - 100 с.; а шериф - 12 д. за землю, принадлежавшую Ричарду де Роллосу. Город также оштрафовал на 20 с. за убийство.

Одихам часто упоминается в тех же списках в царствование Иоанна, который был там девятнадцать раз за девять лет, в общей сложности не менее сорока дней. В 3 Иоанна Уильям де Бенд, вероятно, представлен Адамом де Бендергесом, который фигурирует вместе с Ричардом де Роллосом.

5 Иоанна. Люди из Одихэма имели грамоту на это поместье, и владели виллой на правах фермы за штраф в 100 марок или 35 фунтов стерлингов. 4s. rent.

6 Джон, 1204 год. Король Джон был здесь 28 июля. Вероятно, у него был здесь дворец, поскольку такой, несомненно, был немного позже в Одихаме, и, как говорят, он был представлен фермерским домом, который до сих пор известен как "Дворец" или "Ворота Плейс". 11 марта Хью Фиц-Джон должен был получить свою кукурузу в Одихаме,

находившемся тогда в руках короля, а (26 мая, 8 Иоанна, 1206 г.) Джону Фиц-Хью было разрешено включить в ренту стоимость его имущества, которое забрал судебный пристав Роберт де Випонт, сохранив запас, проданный из того же поместья для использования королем по его приказу.

9 Иоанна, 1207 год. 23 июня король был в Одихаме; 29-го числа Джон Фиц-Хью должен был взять и удерживать поместье до тех пор, пока его жители не выплатят долг королю. 10 августа тому же Джону было приказано получить 20 марок из сокровищницы короля на работы в Одихаме; а 26 октября была заказана новая кровать для Вудстока и еще одна для Одихама, на которой, без сомнения, король Джон спал, когда был там в декабре в течение трех дней. Также было приказано заплатить за то, что по приказу короля там были сделаны рвы (Close Roll, p. 94 b). В 11 году Иоанну было приказано заплатить 50 фунтов стерлингов за работы. В феврале, мае и октябре того же 1210 года Джон был в Одихаме; в 14 Иоанна 1212 года он отправился из Ламбета в Одихам и, прибыв в воскресенье, 6 мая, проверил там документы. В понедельник было заплачено 3 с. за наем трех телег, которые ехали два дня и один отдыхали, перевозя гардероб из Ламбета; также 13 д. егерю Ферлингу и Тосу де Поркерисису с гончими за их расходы и ночлег в дороге. Затем Джон уехал, но 10-го числа вернулся в Одихэм. Во время отсутствия 8-го числа в Фримантелле он заплатил 6 с. за головы шести валлийцев - ужасные трофеи, присланные ему. 10-го числа было уплачено 5 д. за шнуры, купленные в Винчестере для натягивания арбалетов, кроме того, были оплачены расходы на наем телег. Джон пробыл семь дней в Одихаме в мае этого года, а затем в декабре. 25 мая он заплатил 5 шиллингов Стивену де Гилфорду за волка, пойманного собаками его хозяина в Фримантелле.

15 Джона, 1214 год. Деньги были потрачены Джоном Фиц-Хью на ремонт королевских замков Виндзор и Одихам. В последнем король находился в январе.

Магна Чарта была опробована 15 июня 1215 года, 17 Иоанна. В мае король находился в Одихаме с 21 по 25 число и с 28 по 30 число, семь дней. 29-го числа он обратился с письмом к папе Иннокентию, в котором ссылаясь на недовольство баронов как на причину, по которой он не может отправиться в Святую землю. В тот же день было приказано отремонтировать замок Девизес и захватить земли Хью де Бошама, если он будет с мятежниками. С 31 мая по 3 июня король находился в Виндзоре. 4 июня он был в Одихаме, откуда отправился в Винчестер и пробыл там с 5 по 8 число. Затем он нанес поспешный визит в Мертон, но 9-го числа был в Одихаме, как говорят, только с семьей рыцарями. 11-го числа он был в Виндзоре и оставался там, посетив Руннимед, оттуда даровал хартию и вернулся в Виндзор до 21-го числа, когда он снова был в Руннимеде. И так до 26-го числа, когда он на один день был в Одихаме. В тот год также взималась плата за размещение гарнизонов в Одихаме и других замках.

В это время Джон, по-видимому, готовился к борьбе, собирая все ценное, что у него было. 26 июня настоятель Рединга привез ему в Одихам серебряный шкаф и шкаф из слоновой кости с драгоценными камнями и реликвиями, золотой кубок, подаренный ему папой, много серебряных и серебряно-позолоченных пластин, различные протоколы королевской палаты и казначейства и свою печать, которые хранились в аббатстве Рединг. На следующий день он был в Винчестере и получил от Адама, келаря Мертона, еще больше пластин и драгоценностей, сапфиров, рубинов и т.д., которые хранились в тамошнем монастыре, и еще раз в тот же день гораздо большее количество пластин и драгоценностей, привезенных Майклом, каноником Уолтема, из хранилища тамошнего дома. Подробные сведения обо всех этих ценностях подробно изложены в Патентных списках. Из Винчестера он отправился в различные места в Уилтшире и на юге Англии.

В следующем, 1216 году, 17 Иоанна, король в последний раз был в Одихаме в течение пяти дней в апреле, а 15-го приказал отправить туда из Саутгемптона двадцать туннов ("долий") своих призамковых вин. Затем он выдал огромное количество инструментов и 18-го числа отбыл в Фарнхэм. 21 апреля поместье Одихэм должно было быть передано Бартоломью Пече сенешалю Ангельраму де Сигойну или его поверенному, которым, по-видимому, был Джон Фиц-Хью, которому оно было вновь передано 29-го числа. Передача, однако, ограничилась только поместьем, поскольку мандатом от 31 мая, предписывающим передать Фиц-Хью сейзин, замок был специально оставлен в руках короля.

Насколько сильным было это место, видно из того сопротивления, которое оно оказало в этом году дофину Людовику и армии захватчиков. Мальборо, очень сильный замок, уже сдался, когда французы появились перед Одихамом. Башню, говорит Вендовер, удерживали три рыцаря и десять солдат, которые осаждали в форме. На третий день, когда все двигатели, находившиеся в армии, были на месте, а штурм был предпринят и не удался, гарнизон отступил и взял в плен равное себе количество людей. Через восемь или, по некоторым данным, пятнадцать дней тринадцать человек сдались на условиях, сохранив лошадей, оружие и свободу. Вендовер утверждает, что башня принадлежала епископу Винчестерскому, но все свидетельства говорят о том, что ни замок, ни владения никогда не были отчуждены от короны.

Первое упоминание об Одихаме в правление Генриха III - это приказ де Сигойну разрешить Бартоломью де Пече удерживать ренту с деревни для содержания на службе короля (18 апреля, 1 Генриха III., 1217). Джон Фиц-Хью, по-видимому, был в оппозиции и был лишен собственности, так как 12 августа он возвращается к своей верности и получает право на владение поместьем и сотней Одихэма. Политика великого графа Маршала заключалась в помиловании и награждении всех, кто перешел на сторону нового государя. Замок содержался в порядке, вплоть до снабжения рвов рыбой, так как Джон де Венуз получил приказ (4 апреля 1222 года, 6 Генриха III.) разрешить де Сигойну выловить двадцать лещей из королевского болота Вулмер для зарыбления "наших рвов в Одихаме". 2 мая 1222 г., 6 Генриха III, из Саутгемптона в Одихам было заказано два тунна "dolia") королевского вина prisage. 16 ноября 1222 года, 7 Генриха III, король отдал поместье Одихэм в аренду фермерам за 50 фунтов стерлингов в год, но при этом должны были соблюдаться права "людей Одихэма". 15 января 1224 года, 8 Генриха III, архиепископу Кентерберийскому, владеющему замком Одихэм, было приказано отдать Ангельраму де Сигойну все его имущество и сельскохозяйственный инвентарь в замке (Close Roll, p. 581); и снова, 20 февраля, констеблю Одихэма было приказано разрешить Ангельраму вывезти из парка Одихэма все его имущество, инвентарь, кобыл и т. д., которое он купил на свои собственные деньги. Сделав это, король, похоже, занялся сельским хозяйством на свой счет, поскольку 23 февраля следующего года казначею было приказано выплатить Уолтеру де Киркехаму и Уолтеру де Брэкелу по 100 фунтов стерлингов на покрытие их расходов, а Ральфу Брито - 50 марок на покупку волов для королевских плугов в Виндзоре и Одихаме, а также на семена для тамошних земель. Кроме того, 5 мая, в соответствии с приказом о распределении вина из Саутгемптона в некоторые королевские резиденции, в Одихэм был отправлен тун ("dolum") вина со специями. 4 июня вместо Генри де Феслега, скончавшегося, Гилберт де ла Ден назначается вердерром в лесу Одихэм и приносит обычную присягу.

В 18 году Генрих III. королевские леса Виндзор и Одихам были переданы под опеку Ангельрама де Кигойна, тогда очень старого слуги короны, и (20 год Генриха III.) он также владел парком Одихама. В 21 году Алианор, графиня Пембрук, сестра короля, получила замок, а затем (33 год Генриха III), как графиня Лестера, и поместье. Однако в это время (28

Генриха III) ее муж, Симон де Монфорт, владел парком как арендатор короля. В том же году де Кигойн получил ордер на 40 фунтов стерлингов, причитавшихся королю за двухлетнюю аренду поместья Одихэм; однако в том же году де Кигойн умер, и шериф должен был получить от его душеприказчиков все его плуги и инвентарь и передать их де Монфору.

В 30 году Генриха III поместьем владел Ричард де Мале. Епископ Бата и Уэллса пожаловал три акра земли из Одихэма для увеличения парка Догмерсфилда. В 34 году Генрих III объявил Джона, представителя рода де Бенингес, издавна связанного с Одихамом, вне закона, и было проведено расследование на предмет того, чем он владел в этом поместье, и, судя по всему, это были три виргата. В 35 году Генриха III Уильям де Синаго получил грант на Стапелег в приходе Одихэм, а Гилберт де Эверсли фигурирует среди арендаторов, как и (38 год Генриха III.) Уильям Вильерс за два акра.

Из документа этого царствования, напечатанного Раймером, следует, что после того, как Уильям, сын Дюрандуса Нануса (карлика), предложил стать монахом, король разрешил передать его землю своей кузине Маргарет, жене Александра де Барентина. Земля находилась в Уорнберне (Уорнборо) и Одихаме и была куплена Дюрандусом "de suffacio" во времена Генриха I с согласия короля. Земля имела определенные права на травосеяние, рубку дров, ограждение живыми изгородями и т.д., и вся она, очевидно, находилась в прямом владении короны.

Главный интерес Одихама прекращается со временем правления Генриха III. Эдуард I был занят на севере и западе, и значение крепостей во внутренних районах Англии было невелико при принце, чью власть не осмеливался оспаривать ни один англичанин. Его визиты в Одихэм были немногочисленными. Парк или лес, похоже, поддерживался, но только в качестве места для развлечений, а замку, вероятно, было позволено прийти в упадок.

2 сентября 1274 года, 2 Эдуарда I, король был в Одихаме. В третий год правления Джон де Лондон, королевский эсквайр, должен был удерживать замок в течение всего времени. Вероятно, он владел им недолго, так как (10 Эдуард I.) он был передан Николасу де Грасу в наследство от Ральфа де Сандевича, а в 12 Эдуард I. им завладел Хью де Деспенсер. В 27 году Эдуарда I замок, парк, город и сотня Одихэма были включены в обширное наследство королевы Маргариты и описаны как "Castrum et villa de Odeham et appruamentum [emolument] parci ibidem"; или, в другом расписании, "Замок и вилла, с парком и сотней и пристройками в графстве Хантс". В 33 году Эдуарда I поместьем владел Джон де Бошамп из Файфхеда.

Эдуард II, похоже, мало что видел в Одихаме. В 5 году Эдуарда II замок, которым владела королева Маргарет, был передан Роберту де Эверу на время удовольствия. В 9 году Эдуард II, Роберт атте Бург получил лицензию на конфискацию поместья Стейплг и поместья Одихэм по решению суда, и документ этой даты проливает свет на протяженность сотни Одихэм, которая, судя по всему, включала в себя виллы Одихэм, Грейвелл (ныне Грювелл), Монкс Хартли, Хелветан (ныне Элветхэм), Уинчсфелд, Догмерсфелд, Байнтворт (ныне Бентворт), Брокхэм (ныне Беркхэм), Лассхэм, Шалден (ныне Шалдон), Уэстон-Патрик, Хорефелд и Лайс - два последних не удалось идентифицировать, если только Лайс не является нынешним приходом Лайс-Турнея. Из всех этих владений только Одихэм принадлежал королю. В следующем году (10 г. Эдуарда II) Томас де Варблингтон стал владельцем поместья, а (12 г. Эдуарда II) Эвер снова стал владельцем замка, поместья, деревни, сотни и парка. Перемены были постоянными - вероятно, они были вызваны постоянным недоверием. В 13 году Эдуард II Хью де Деспенсер, младший, владел замком и поместьем, а в 15 году Эдуард II снова

передал их Эверу. В этом году обстоятельства короля, вероятно, заставили его обратить внимание на свои сильные места, так как Уильям де Кингстон, клерк, был назначен приемщиком и хранителем провизии, запасов и т. д. в замке. В 17 году Эдуарда II Марджери де Бург владела замком и судебным иском, как и (18 год Эдуарда II) Джон де Локсл и Констанция, его жена. В этом году был издан приказ о ремонте королевских домов в замке Одихэм.

Эдуард III, по-видимому, использовал Одихам как место для разведения лошадей и сохранил замок. Во время его воцарения поместьем владели Джон де Мериет и его жена Мария, а (4 Эдуард III.) им владел Джон де Мохун, и оно находилось в руках Джоан, вдовы Джона, 6 Генрих IV. Тогда замок находился под опекой Джона Уоделока, который платил за него 60 фунтов стерлингов в год, а Николас де ла Беш получил обратное право после смерти королевы. В 5 году Эдуарда III король поручил мастеру Уильяму Марешалю уход за большими лошадьми и наблюдение за королевской конюшней в парке в Одихаме. Сам король был там 25 октября. В 7 году Эдуарда III сэр Бернард Брокас получил пожизненное пожалование лордства. В 14 году Эдуарда III Ричард де Рокеланд был смотрителем жеребцов ("pullanorum") в королевском парке в Одихаме. В 1346 году (19-20 Эдуарда III.) произошла битва при Невиллс-Кроссе, и король Дэвид Брюс был взят в плен и помещен в Одихэм, где пробыл большую часть пятнадцати лет. В 25 г. Эдуарда III Джон атте Берве владел двенадцатью акрами в Одихаме из Винчестерского замка, а Уильям Талемач и другие - четыремья виргатами земли там же; и (33 г. Эдуарда III) шериф должен предоставлять овес, подстилку и повозки для содержания королевского жеребца в приходе Одихама, а также определенное содержание для конюхов, их одеяний и обуви. В 38 году Эдуарда III жители Одихэма наживались на досках и древесине, купленных для королевских работ в парке. Пять лет спустя (43 г. Эдуард III) Уолтер Уолш владеет замком, деревней и т.д., предоставляя плотника, смотрителя парка и плиточника для ремонта домов снаружи и внутри замка, за исключением покрытия большой башни и рабочего камня для стен замка. Он также должен был кормить зверей в парке. В 46 году при Эдуарде III поместьем владела Елизавета, жена Джеймса де Виндесора.

Из записи (2 Ричард II.) следует, что в Одихаме находились места под названиями Шепкот, Сметс, Ромелес и Дантон. Мы также читаем о "кампусе Одихама" - вероятно, общем поле. В 5 г. Ричарда II Генри Эстурми владел поместьем - вероятно, сын человека с таким именем, который владел им 33 г. Эдуарда I. В 15 г. Ричарда II Алианоре, жене Уильяма Фримелсворта, принадлежат Ле Потте и другие земли в приходе.

Замок, похоже, не привлекал внимания королевских особ во времена правления Генриха IV или V. В первое царствование лорд Бомон владел им пожизненно, вероятно, после смерти Джоан де Моэн. Домен по-прежнему принадлежал короне. В 19-23 годах Генриха VI присяжные подтверждают, что в королевском поместье Одихэм находился дом под названием "ле Шип", который Джоан, королева Англии, держала в приданое. Кроме того, в 1450 году (28 Генриха VI.), лордство, манор и сотня Одихэма, за которые 21 фунт 7 шиллингов. 3d. уплачены Джоном Баскетом, эскайром, составляют пункт в королевском гражданском списке; а в 1454 году (32 Генриха VI.) "Castrum, dominium, manerium, et hundredum de Odyham" составляют часть совместного владения, закрепленного за королевой Маргаритой, у которой, похоже, было предыдущее владение (22 Генриха VI.). Позднее в правление (35 Генриха VI.) Уильям Уорблтон получил в качестве пожалования должность констебля замка и парка Одихэм.

В 1467-8 годах (7 и 8 Эдуарда IV.) Одихэм снова был включен в королевский косяк в пользу королевы этого принца.

В 1 Ричарда III король воспользовался своей краткой властью, чтобы назначить Ричарда Хансарда констеблем и портее замка, паркером и варренером лордства, а также пожизненным управляющим. Как бы ни складывались отношения между мезен-лордами, главные должностные лица, похоже, всегда назначались короной, а в Акте о возобновлении 1485 года (1 Генрих VII.) содержится спасительная оговорка в пользу прав Николааса и Джона Гейнсфордов на должности управляющего поместьем, констебля и носильщика замка, хранителя парка и варренера - все они занимали их пожизненно. Интерес короны не был окончательно уничтожен до правления Якова I, который отчудил все владения.

ОСВЕСТРИ, ШРОПШИР.

ОСВЕЛДСТРИ.

Сотня Освестри, хотя и имеет небольшую площадь, представляет собой участок земли, который на протяжении веков был полем битвы между бриттами и людьми Мерсии, валлийцами и англичанами; ведь она располагалась в пределах старого валлийского округа Поуис-Фадог, в центре английского похода, и сама являлась маркерским лордством. Название менялось неоднократно, по мере того как преобладал тот или иной язык или происходило какое-либо событие, которое, по мнению владеющей им стороны, заслуживало упоминания.

Самое раннее известное название округа - "Маэсдир", образованное от валлийского *maes* - луг и *tir* - земля. В руках англичан, несомненно, ставших местом расположения *бурха*, или сильного места, он стал Маэсбери, а затем Мазерфилдом - неосознанное, но нередкое дублирование одной и той же идеи в двух языках. Он был назван так, когда здесь произошла великая битва между христианским Освальдом и язычником Пендой, около 642 года н.э., в которой Освальд пал, а его члены, как говорят, были повешены к кресту или дереву, в память о чем это место долгое время после этого было известно как "Croes Oswald" и "Oswaldestre" - не очень вероятная этимология. Несомненно, первое название действительно обозначало крест, воздвигнутый в память о христианском короле; а второе, также частично валлийское и частично английское, означало "сильное место Освальда". Старое валлийское *maes* обладало большой жизненной силой, и его можно узнать в "Mersete", названии сотни в Domesday, и, вероятно, в "Meresburie", названии поместья.

Следующее изменение произошло после возведения красивой нормандской церкви, предшественницы нынешнего строения, когда Освальдестр стал Блан-Минстером, или, на языке записей, "Album Monasterium". Однако позже, когда слава Освальда как мученика укрепилась, его имя стало преобладать, и город и сотня стали называться Освестри. Церковь, вероятно, была перенесена из саксонского основания Мэсбери.

Самым древним творением человека в округе, несомненно, является британское укрепление, расположенное на возвышенности немного севернее Освестри и известное как "Hên Ddinas", старая крепость, которую в более поздние времена без достаточных на то оснований называли Старым Освестри. Однако "Хен Ддинас", хотя и был британским, не стал центром мерсийцев; вероятно, в первую очередь он находился в Месбери - это название встречается примерно в 3 милях к югу от Освестри, но, насколько известно, не связан ни с

какими земляными работами, обычными признаками раннего поселения. Подобные свидетельства в больших масштабах встречаются в Освестри, , который, таким образом, имеет основания предполагать, что был английским центром, по крайней мере, уже в X веке.

Спор за обладание этим районом, похоже, начался не в римские времена, по крайней мере, в Хен Ддинасе или в непосредственной близости от него нет римских останков. Валлийцы утверждают, что до ухода легионов район принадлежал Кунедде Вледигу, князю бриттов Стратклайда в 328-89 годах, который передал его своему сыну. Как бы то ни было, похоже, что в седьмом веке кимрские бритты ушли из Хен Ддинаса, и он стал частью мерсийской территории, так что Пенда (635-55) владел им и сражался в битве при Мазерфилде с нортумбрийцем Освальдом. Это было незадолго до того, как мерсийцы приняли христианство. О том, что англичане владели этим районом во второй половине VIII века, свидетельствует его расположение в пределах дамбы Оффы (759-94 гг.); но поскольку он находится за пределами или слегка пересекается дамбой Уота, которая, как принято считать, была построена на несколько лет раньше, чем дамба Оффы, возможно, в то время владения были заселены совсем недавно. Несомненно, после строительства большей дамбы граница, хотя и часто нарушалась обоими народами, в целом в обычное время служила своей цели и устанавливала то, что англичане, по крайней мере, стали считать своим правом. Самым крупным и до прихода норманнов последним вторжением валлийцев было вторжение Гриффита ап Ллевелина в одиннадцатом веке в союзе с Алгаром, мятежным графом Мерсии. Результатом их частых и жестоких нападений стало опустошение всей страны, которая, подобно Ирченфилду в Херефордшире, так и осталась, что и зафиксировано в Domesday. Длительный период английской оккупации отмечен здесь, как и по всей границе, частыми и мощными земляными сооружениями, которые использовали Эдуард Старший и Этельфлэд в десятом веке, главными из которых являются Освестри и Уиттингтон; а также Вест Фелтон, Астон и Белан Бэнкс, хотя и меньшего размера, но, как говорят, схожего образца. Мэсбери, несомненно, когда-то был *столицей* английского лордства; но, судя по фасону и размерам даже бедных остатков земляных сооружений в Освестри, очевидно, что он стал главным местом по крайней мере в начале десятого века, и так и остался, хотя и не был указан в Domesday.

Сотня Мерсете и Освестри, указанные в "Domesday", почти идентичны: добавление - Руйтон, а вычитание - Синллает и Эдейрнион. Мерсет простирался от Уэстон-Райна на ручье Морле на севере до Мелверли на слиянии Вирнви и Северна на юге; и от или чуть дальше ручья Синллает на западе до Вайки на Перри на востоке; около 12 миль в каждую сторону.

В "Domesday" Мересбери назван *капитулом* лордства, но это, хотя и искаженное название Месбери, должно означать Освестри. В него входили пять береговиков, которые не указаны, но, очевидно, включали около двадцати четырех поместий, из которых почти все носили английские названия. Два столетия спустя было проведено расследование, согласно которому лордство состояло из двух частей, собственно Освестри и Уэлшери. В последнюю входила почти вся сотня, пять маноров: Уэстон и Котон (ныне Уэстон Коттон), Месбери или Мэсбери, Миддлтон и Тревелет или Трефлах. Виллов было очень много: Блоднорваур, ныне Цефн-Блодуэлл, Блодоунан или Блодуэлл, Бронгарт, Брен или Брин, Кланордафф или Глин-ир-Афон, Кракет или Крикхит, Дадлстон, Фенчес и Юстон (ныне утрачены), Кахеркохон или Каррехова, Радионеры или Рандир, Свайны или Суини, Тибетон (ныне утрачен), Траверелуче или Трефар-Клавд, Тревелтолнел или Трепренал, Тревенен или Трефонен, Вестон или Вестон-Рин, Вигетон или Виггинтон, и Истон, ныне Ифтон-Рин. К владениям лорда относились часовня замка Блан-Минстер, а также церкви Блодуэлл и Лланменаг или Ллан-и-Минех. В этом последнем приходе, хотя и на острове Денбигшир, находился знаменитый замок

Каррегова. Однако этот населенный пункт был добавлен к сотне позднее и никогда не принадлежал ее лордам. Осбастон, по-видимому, когда-то входил в состав лордства. В нем находился Нокин, знаменитый замок лордов Стрэнджей, который был косвенным владением Освестри. Также в лордстве был замок Киннерли.

Мерсет в правление Исповедника, а возможно, и гораздо раньше, был королевским доменом и под названиями сотни Мерсет и манора Мэсбери был включен в пожалование Завоевателя в 1071 году, после конфискации Моркара и Эдвина, графу Роджеру Монтгомери, который передал его Уарину Лысому, своему шерифу и второму по рангу, который владел семьюдесятью поместьями в Шропшире, а от племянницы графа Арньерии имел сына Хью. Уорин умер в 1085 году, незадолго до составления "Domesday", и шривалти было передано Райнальду де Бейльюлю, который женился на его вдове и построил замок. В графе Мересбери записано: "Ibi fecit Rainaldus Castellum Luure", что объясняется как *Luvre* или "l'Œuvre", работа *par excellence* в этом районе. Однако очевидно, что, как обычно, замок Райнальда был построен на более раннем фундаменте и, что не исключено, представлял собой лишь адаптацию уже существующих построек. Райнальд жил в Освестри, и либо он, либо Уорин передали церковь святого Освальда с десятиной города, впервые упомянутой в этой книге, аббатству Шрусбери. Неизвестно, на каком основании Райнальд занимал свой пост, но, похоже, его недолго удерживал его пасынок, Хью, сын Варина, до его ранней смерти; а после смерти Хью, незадолго до смерти Завоевателя, шривалти и вотчина были пожалованы Алану Фицфлаальду, предку последующих лордов.

Валлийцы утверждают, что вернули и удерживали лордство в течение некоторого времени, и заявляют, что оно было передано, как часть Повис-Фадоба, Мередитом ап Бледдином своему племяннику или сыну Оуэну, который разрушил замок Райнальда и отстроил его в 1148 году; и что башня, в память о Мередите, была названа Тре-Фред. Как бы то ни было, валлийская оккупация должна была быть очень короткой, и Алан должен был вернуть себе владение. В это время дом Монтгомери в Англии вымер, и Освестри принадлежал короне напрямую, как лордство маршеров, с правом аренды на защиту и содержание замка и оборону марша.

Мистер Эйтон, объем информации которого о ранней истории Шропшира равен только его точности, пролил свет на происхождение этого Алана, который, как он показывает с большей долей вероятности, был сыном Флинса и внуком Банко, тана Лохабера, убитого около 1048-53 годов. Флинс, или Флаалд, похоже, женился на Гвенте, дочери Гриффита ап Ллевелина, принца Северного Уэльса, от Алдит, дочери Альгара, графа Мерсии. Алан, умерший в 1114 году, несомненно, был прямым предком дома Фиц-Алан из Освальдестра и королевского дома Стюартов.

Алан Фиц-Флаальд, лорд Освальдестра, был отцом 1, Уильяма; 2, Уолтера, стюарда Шотландии, который умер в 1177 году, женившись на Эсхине, дочери Томаса де Лондониса, "hostiarius" или "durward" короля Шотландии. Он был отцом "Алануса Далифера", чей правнук, Уолтер, умерший около 1320 года, женился на Марджори Брюс и имел Роберта Стюарта, короля Шотландии.

Глава дома Уильям Фиц-Алан, родившийся около 1105 года и умерший в 1160 году, приобрел вместе с Изабель де Сэй, своей второй женой, лордство Клун, которое долгое время оставалось объединенным с Освальдестром в лице их потомков, Фиц-Аланов, графов Арундельских, а затем по женской линии в Говардах.

После смерти Томаса Фиц-Алана, графа Арунделя, в царствование Генриха V, возник любопытный вопрос. Он умер бездетным, и его сестры, Джоан, леди Бергавенни, Елизавета, герцогиня Норфолк, Маргарет, леди Ленталл, и Алиса, леди Повис, стали его общими

наследниками; но его наследником по мужской линии был Джон Фиц-Алан, прозванный Арунделом, лорд Мальтраверс. Герцог Норфолкский, Джон Моубрей, претендовал на графство по праву матери; но когда графство было передано лорду Мальтраверсу, ему вместе с ним были переданы баронства Клун и Освальдестр, на которые герцог не претендовал. Так же, когда потомок графа Джона, Хамфри, граф Арундел, лорд Мальтраверс, Клун и Освальдестр, умер бездетным, 16 Генрих VI, баронства не были востребованы Амицией, леди Ормонд, его сестрой и генеральным наследником, а перешли к Уильяму Фиц-Алану, вместе с графством, как наследнику по мужской линии.

Этим двум баронствам было посвящено немало конституционных или, скорее, пэрских трудов, поскольку они входили в длинный ряд титулов, которые в разное время переходили к домам Арундел и Говард, и поэтому фигурируют на подвязках Томаса, графа Арундела, в 1611 году и Генри, герцога Норфолка, в 1685 году, вместе с другими и парламентскими баронствами. Тем не менее, они, как и Фиц-Алан, Моубрей, Грейсток и другие, не являются парламентскими баронствами, а только земельными баронствами, которые, строго говоря, должны быть приложены только к имени владельца этих маноров. Однако после их отчуждения Томас Говард, граф Арундел, генеральный наследник Фиц-Аланов, был, согласно Акту Парламента 1627, создан бароном Фиц-Аланом и лордом Клуна и Освальдестра, по праву которого, и с этой даты, и только по тогдашнему ограничению, эти титулы носят герцоги Норфолк, его потомки.

ЗАМОК.

Видимые остатки этой древней крепости, столь прославленной в пограничной истории, очень скудны и ограничиваются центральной насыпью и некоторыми фрагментами грубой, но основательной крепости, которая была поставлена на ней. Замок стоял на возвышенности и на северо-западной окраине города, полностью его одолевая; лишь в последние годы его территория была почти окружена зданиями. Церковь находится на расстоянии около полумили к югу, а город - между ними. С кургана открывается обширный вид на восток и юг; на западе его закрывают лесистые высоты Денбигширской границы, увенчанные дамбой Оффы, на расстоянии около двух миль. На севере, в миле или около того, находится отдельно стоящий холм и лагерь Хен Динас, или Старый Освестри, который отчасти заслоняет еще более близкая, но более низкая возвышенность Ллвин. В пейзаж не проникает вода, и поблизости нет ни одного значительного потока. Уотс-Дайк лежит близко к востоку.

Замковый курган, хотя и стоит на возвышенности, полностью искусственный и довольно овальный в своей вершине, которая составляет примерно 60 футов на 100 футов. Его высота составляет около 30 футов, а диаметр у основания - около 200 футов. На его столешнице сохранилось несколько фрагментов каменной кладки, состоящей из больших обкатанных валунов, уложенных в толстый слой раствора; очень грубая, но очень прочная работа. Один из фрагментов, толщина которого местами достигает 8 футов, имеет высоту 9 или 10 футов; рядом с ним находятся еще две большие массы, одна из которых, по крайней мере, перевернута. Хранилище было панцирного типа и, вероятно, многоугольным. Склоны заросли кустарником, сильно затеняющим поверхность, но на юго-западной стороне, похоже, сохранились следы каменной кладки. Ров, из которого вырос курган, был полностью засыпан, а все следы внешней крепости, ее рвов, берегов или зданий были полностью удалены. О колодце ничего не известно. Вход, вероятно, находился с юго-западной стороны. Банк Гэллоутри - название, сохранившееся в южном пригороде, - хранит память о власти лорда, как и колодец Освальда из церковной легенды.

Вероятно, сохранившаяся каменная кладка - дело рук Уильяма Фиц-Алана, который после 1155 года подтвердил предыдущий дар церкви Освестри аббатству Шрусбери. Он умер в 1160 году, и в этот год в Трубном списке Освестри обозначен как "Блан-Минстер". После его смерти Ги Л'Эстранж стал опекуном замков Клун, Рутин и Блан-Минстер, и в последнем велись работы. Ливрея, положенная гарнизону, составляла 18 фунтов 5 шиллингов в год. В июле 1165 года Генрих II расположился лагерем у Освестри, но его продвижение было остановлено у реки Сейриог, после чего он отступил в Честер.

Гай Л'Эстранж оставался управляющим поместьями и замками Фиц-Аланов до 1175 года, и в это время корона потратила на Освестри очень большие суммы, по-видимому, около 2000 фунтов стерлингов. Колодец стоил 5 фунтов 8 шиллингов, палисадники - 40 шиллингов и 2 фунта 6 шиллингов. 8d. В стенах был построен дом. Штатный гарнизон состоял из рыцаря, двух носильщиков, двух сторожей и двадцати оружейников, что обходилось в 48 фунтов 13 шиллингов. 4d. в год. В 1188 году Уильям Фиц-Алан принимал в замке архиепископа Болдуина и Гиральдуса. После его смерти в 1210 году король Иоанн вступил в должность, и Роберт де Випон управлял замком в 1212 году, а в 1213 и 1214 годах - Джон Марешаль и Томас де Эрдингтон, которые приобрели владения во время несовершеннолетия Уильяма Фиц-Алана, который, однако, умер в возрасте в Клуно в 1215 году. В 1216 году король Иоанн был перед Клуном и (16 августа) сжег город Освестри, а также напал на замок, но, вероятно, безуспешно. В 1226 году Освестри был назван местом проведения конференции между Ллевеллином и лордами-походниками, но король, не доверяя Джону Фиц-Алану, послал на нее Хуберта де Хосе с девятью рыцарями. В 1240 году после смерти Джона Фиц-Алана замок снова перешел под опеку короны.

В 1257 году Освестри был вновь назван в честь встречи валлийской и английской комиссий, а Джон Фиц-Алан, новый лорд, получил лицензию на взимание таможенных сборов в течение пяти лет, чтобы оплатить строительство стены вокруг города. После его смерти в 1267 году замок оценивался в 44 фунта 12 шиллингов. 5½d. в год, и упоминается "валькерия" или Велшерия. Строительство стены, вероятно, шло медленно, так как в 1283 году король Эдуард выдал патент, разрешающий судебным приставам взимать таможенные сборы в течение двадцати лет, чтобы завершить строительство стены. Вероятно, это произошло в результате нападения валлийцев, которые удерживали город в течение короткого времени. В 1302 году, после смерти Ричарда, графа Арундела, выяснилось, что он владел замком Освестри и его землями на правах двух с половиной рыцарских гонораров. К замку прилагались сто сорок акров земли и четыре водяные мельницы, но сам замок ничего не стоил, а его содержание обходилось в 10 фунтов стерлингов в год. Мельницы были Бейли, Уэстон, Коттон и Кадоган.

ЗАМОК ПЕНМАРК.

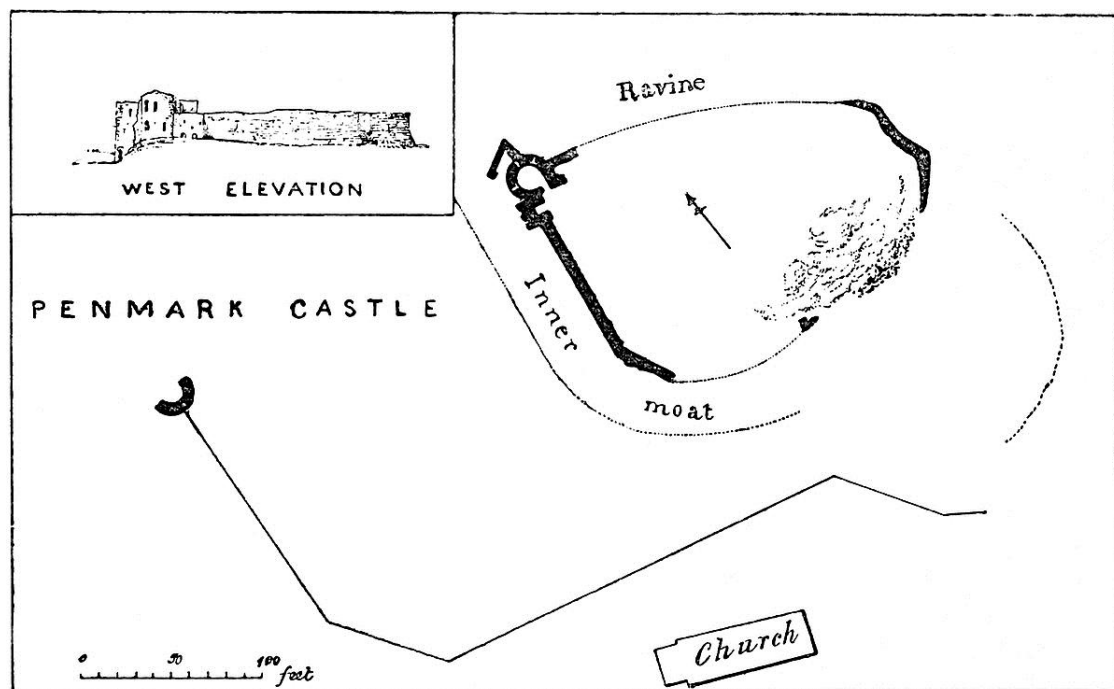
Замок Пенмарк находится примерно в миле к востоку от Фонмона, а также в двух, трех и четырех милях от замков Ист-Орчард, Барри и Венво.

Первоначально он был построен сэром Гилбертом де Умфревилем вскоре после завоевания Гламоргана, но нынешние руины вряд ли старше тринадцатого века. Вероятно, он относится к периоду правления Генриха III или Эдуарда I, с некоторыми незначительными дополнениями более позднего времени; но в нем нет следов ни норманнской крепости, ни

обычных перпендикулярных или тюдоровских дополнений. На протяжении нескольких столетий он представляет собой полные руины.

Замок стоит на крутом берегу, примерно в 100 футах над лугами ручья Даффрин, который с его болотистыми берегами образует отличную защиту на северном или валлийском фронте. Он состоял из двух дворов.

Внутренний двор был продолговатым, примерно 70 ярдов на 50, неправильной формы, с куртиной на северной стороне вдоль изгороди берега, часть которой с каждого конца сохранилась. С южной стороны стена исчезла, но ее линия отмечена внутренним рвом, который, простираясь от берега на одном конце до берега на другом, формировал оборону на восточном, западном и южном фронтах.

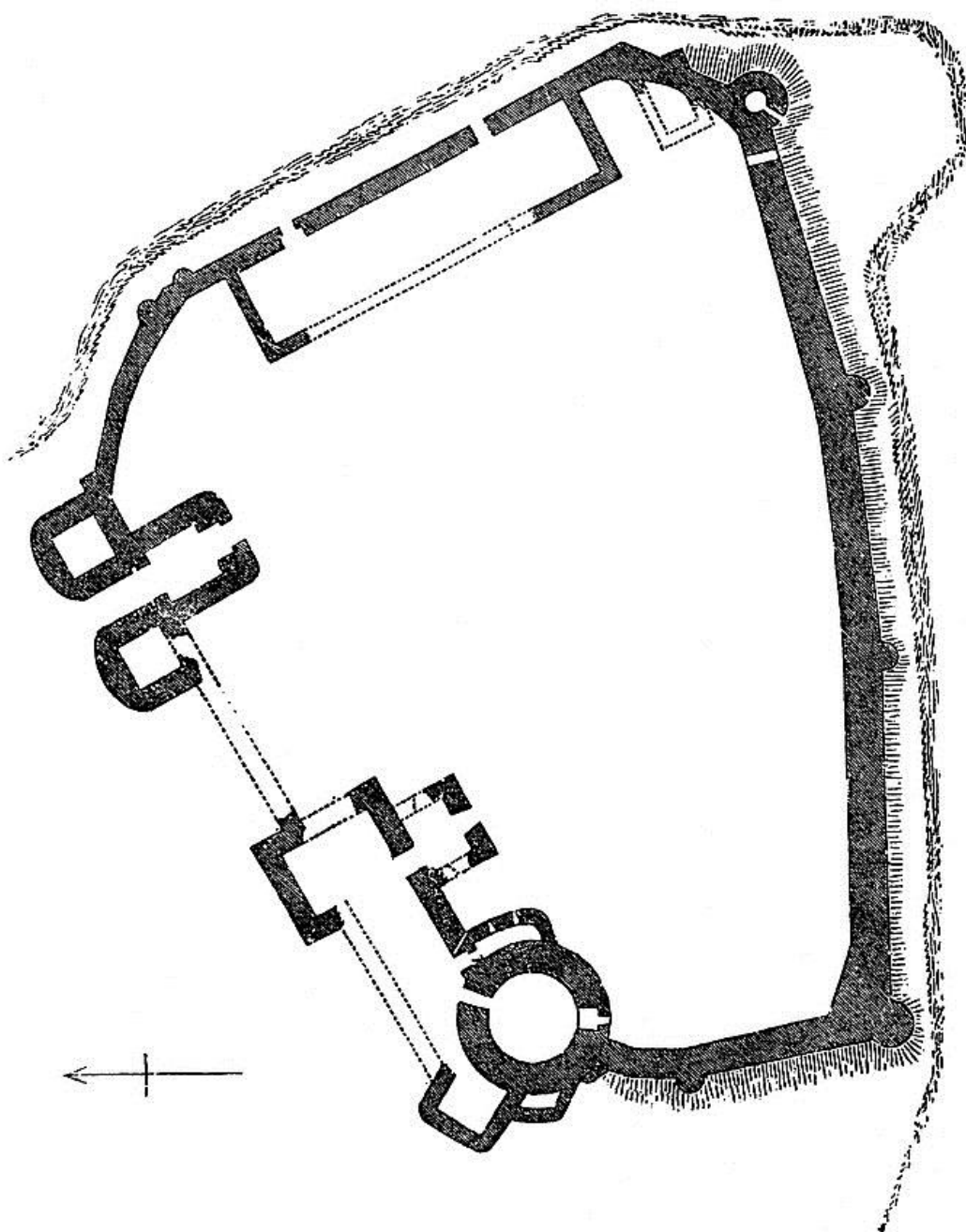
ЗАМОК ПЕНМАРК

В восточной части сохранилась стена высотой около 10 футов. Внутри - масса земли, несомненно, покрывающая руины. У северо-восточного угла находится круглое углубление, напоминающее фундамент башни.

Западный конец наиболее совершенен. Здесь находится куртина высотой около 12 футов, от которой сохранился вал, со следами открытой лестницы на бойницы. В южном конце стена возвращается к квадрату, и здесь, вероятно, находились простые ворота, ведущие к церкви. В северном конце северо-западного угла двора возвышается башня, полукруглая по отношению к полю, но угловатая по отношению к двору. Она имеет две петли и камин на первом этаже, а с северной стороны к ней пристроено квадратное здание в два этажа, в каждом из которых находится садик. Это более позднее здание, чем башня. Также на западной стене, рядом с башней, находится полый контрфорс, содержащий два гардероба. Башня выходит во двор.

ЗАМОК ПЕНРИС.

PENRICE CASTLE.

GROUND PLAN.

10 50 100 150 FEET

ГРАНИЧНЫЙ ПЛАН.

Внешний двор включает в себя внутренний с восточной, южной и западной сторон, заканчиваясь на каждом фланге на крутом берегу.

Он содержит ров внутреннего двора, а сам был заключен в ров и стену, в которых, вероятно, находилась церковь. Вдоль западной стороны стены можно проследить, как она заканчивается фланкирующей башней, очевидно, построенной для голубятни.

Расположение замка смелое и поразительное, и, хотя это всего лишь руины, лишенные обычных аксессуаров в виде плюща и деревьев, он имеет прекрасный вид с севера.

Как и большинство крепостей в округе, считается, что его разрушил Овейн Глиндур.

От замка дорога спускается под уклон к мельнице, расположенной примерно в полумиле вверх по течению.

К западу от замка находится значительная возвышенность, защищенная двумя долинами с севера и запада; отличное место для демонстрации кавалерии, которая может входить в состав гарнизона.

ЗАМОК ПЕНРАЙС В ГОУЭРЕ.

Замок Пенрайс, или, как его называли в старину, Пенриес, в Западном Гоуэре, в графстве Гламорган, уступает только Каэрфилли, Кардиффу и Койти по площади, заключенной в его стенах, и не имеет себе равных по своей силе, властности и живописности. Пенрайс стоит на дне залива Оксвич, в миле от берега и на высоте около 150 футов над морем. Он занимает скалистый гребень крутого склона, у основания которого находится небольшое озеро, а за ним - своеобразная лагуна, сообщающаяся с заливом, окаймленная линией песчаных холмов.

Замок, хотя и высокий, с северо-востока упирается в длинный и еще более высокий хребет Кефн Брин, расположенный примерно в полумиле. Он стоит на юго-восточном конце платформы, образованной обрезанными краями горного известняка, который здесь почти вертикален, поскольку был поднят старым красным песчаником Кефн Брин. С юга и востока крепость защищена естественным обрывом высотой от 10 до 40 футов; на западе земля изломана и прочна; на севере она ровная или почти ровная; и эта, естественно, самая слабая сторона, была превращена с помощью работ в самый сильный и главный фронт крепости.

Расположение и очертания крепости были обусловлены расположением местности; общий дизайн прост, но отнюдь не однодневен, и к первоначальной структуре были сделаны значительные дополнения. В плане крепость состоит из главного двора, или бейли, неправильной формы, размером примерно 60 ярдов на северо-восток и юго-запад и 80 ярдов на восток и запад. С трех сторон находятся только куртины; четвертая, северная, состоит из сторожки и главных зданий, или *корпусов*, а также большой барабанной башни с ее пристройками. С восточной и южной сторон куртина окаймляет край обрыва. Его высота снаружи составляет от 30 до 40 футов, внутри - около 25 футов, а толщина - от 8 до 9 футов. Снаружи она укреплена рядом полукруглых контрфорсов диаметром около 12 футов; они сплошные и не имеют выступов внутри; они поднимаются на высоту стен или немного выше

их и образуют небольшие фланкирующие места для оружия на валах. Из этих контрфорсов нет ни одного на востоке, два на юге и один на западной стороне; есть также один более крупный и высокий, но все еще массивный, закрывающий юго-западный угол. Кроме того, у юго-восточного угла есть башня с контрфорсом, более крупного размера и полая; но она, по крайней мере, в ее нынешнем виде, вероятно, является поздним дополнением, построенным для голубятни, в качестве которой она все еще оборудована. Стена возле этой башни была проломлена и перестроена, и снова проломлена, чтобы освободить место для прямоугольного здания, один из углов которого виден за линией куртины; стена вала или крепостная стена осталась, и, хотя она более или менее разрушена, является оригинальной. Мерлушки примерно в четыре раза шире амбразур, и каждая пробита петлей; задняя стена сохранилась.

Северная, или верхняя, сторона двора занята основными зданиями и фасадом замка, протянувшимся примерно на 70 ярдов. На восточном конце находится сторожка, на западном - барабанная башня и ее пристройки. Между ними находилась большая квадратная башня с фресками, расположенная в середине фронта. К западу, между ней и барабаном, несомненно, находился зал, а к востоку - одна занавеска, соединявшая его со сторожкой. Сторожка, по-видимому, была дополнением к куртине; она содержит центральный проход и две боковые камеры, которые занимают две фланкирующие башни, смело выступающие на северный или внешний фронт; они не прямоугольные и не полукруглые, а скорее близки к последней фигуре, так как углы были закруглены. Все полы были деревянными. Есть только один паз, и тот очень грубой конструкции, для порткуллиса, который защищал внешние ворота; и, кажется, был разводной мост, который спускался между фланкирующими башнями, вероятно, через яму, так как нет следов регулярного рва.

Башня-барабан закрывает северо-западный угол замка и выходит во двор. Ее чистый диаметр составляет около 36 футов, толщина стен - 8 футов, а пространство внутри - 20 футов в поперечнике. Она состоит из трех этажей; в подвал можно попасть со стороны зала, а на второй этаж - через две двери, одна из которых, по-видимому, изначально была окном. Из этих дверей одна открывалась из зала, другая - из пристройки на юго-востоке; есть также петля, ведущая во двор, и небольшая сводчатая камера и садик на восточной или внешней стороне, возможно, дополнение. Верхний этаж башни примечателен тем, что не имеет ни входа, ни проема в стенах; должно быть, туда можно было попасть через люк. Все полы были деревянными.

На юго-восточной стороне этой башни находится концентрическая пристройка, своего рода камиза, или, скорее, камизетта, занимающая менее четверти окружности и выступающая во двор; в нее ведет дверь из глубины зала, и она освещается двумя петлями, выходящими во двор; она резко заканчивается квадратной стеной. В верхнем этаже был проем в зал и во второй этаж барабана, а в косяке нижней двери есть любопытное изогнутое отверстие, очевидно, для притвора, с фальцем для деревянной ставни. С северной, или внешней, стороны барабана пристроено прямоугольное здание в три этажа, с каминами и камерами для гардероба. Это здание выступает и образует конец северного фасада, обращенного несколько на северо-запад. От него на запад отходит подчиненное здание, также прямоугольное, с садовыми комнатами. Пространство между этой группой зданий и центральной квадратной башней с фресками было заключено между двумя стенами, одна из которых сохранилась до сих пор и является стеной двора, а другая, ныне разрушенная, составляла внешнюю защиту с этой стороны. Поскольку квадратная башня также разрушена до основания, о том, как было занято пространство, можно судить только по проемам в оставшейся стене. Вероятно, на первом этаже был зал, а под ним - небольшие помещения,

возможно, подвалы; на первом этаже, однако, есть дверь, открывающаяся через стену в очень маленькое здание, выступающее во двор и имеющее два боковых и одно торцевое или южное длинное окно. Возможно, это была часовня, но ее ось, без учета расположения, находится почти на севере и юге. Внутри двора, пристроенного к его восточной стене, сохранилось двускатное завершение, которое, несомненно, принадлежало большому амбару, складу или барaku; это не был зал, поскольку в нем не было больших окон.

Руины замка, хотя и очень значительные, настолько лишены облицовки и декоративных работ, а каменная кладка на всем протяжении настолько однородна и имеет грубый и низкий характер, что очень трудно прийти к каким-либо определенным выводам относительно размеров первоначального здания или порядка строительства сохранившихся частей. Все, что можно предположить с абсолютной уверенностью, это то, что круглая башня и примыкающая к ней восточная куртина - самые старые из сохранившихся частей, и, хотя и без связей, почти одной и той же даты; что северо-западные домики намного позже обоих; что на северном фронте были другие домики, ныне разрушенные, и что стена двора, включая сторожку, является дополнением к первоначальному зданию, превращая то, что сначала было наружной куртиной, во внутреннюю стену, смотрящую в ограду.

Куртина, расположенная к востоку от башни, выглядит более древней, чем сама башня, но это, скорее всего, не так. Скорее всего, башня была первоначальным зданием, причем целиком. Это было бы убежище на случай нападения валлийцев или пиратов, способное продержаться до тех пор, пока гарнизоны Пеннарда, Лландремора, Уэбли или Ллвчвра, или более отдаленные Суонси и Ойстермута не придут на помощь. Башня, вероятно, относится к позднему нормандскому периоду, выполнена в переходном или остроконечном стиле. Занавес к востоку, вероятно, был первым дополнением к башне и является остатком прямоугольной пристройки на ее северо-восточной стороне. Этот занавес был сильно изрезан и содержит несколько более поздних отверстий, но дверь на первом этаже рядом с башней, очевидно, является оригинальной и относится к раннеанглийскому периоду. Сейчас она ведет в ограду хемисетты, но, очевидно, когда-то была внешней дверью и, возможно, главным входом в прямоугольное здание. Вероятно, затем двор был огорожен, а концентрическое здание, или хемисет, пристроено к круглой башне, либо в качестве тюрьмы, либо в качестве погреба, а дверь, ведущая в него, была старым главным входом, о котором говорилось выше. Сторожка и северо-западная башня появились несколько позже. Недавно возле круглой башни были откопаны три камня, очевидно, части оконного или дверного косяка; на них видны простые полукруглые бусины диаметром шесть дюймов, и это, очевидно, части нормандского косяка, возможно, нижнего и остроконечного дверного проема круглой башни. В северо-западной башне есть небольшое окно с трилистником в третьем этаже, которое может быть декорировано, хотя здание имеет скорее перпендикулярный аспект. Каменная кладка в целом очень грубая; окна круглой башни внутри были отделаны каменной крошкой, но сторожка очень низкого качества, даже паз портупеи выполнен из бутового камня.

Это очень любопытные руины. Круглая башня столь раннего периода - большая редкость; хемисет можно сравнить с более совершенными оболочками в Третауэре и Лонсестоне, но это, очевидно, дополнение. Размеры почти такие же, как у Бронлиса, который, однако, является более поздним и гораздо более совершенным. Необычно, что первоначальный замок был расположен так далеко от края скалы, которая составляла часть его более поздних оборонительных сооружений. Проводимые сейчас раскопки могут пролить свет на точный возраст некоторых частей. Очень приятно обнаружить лепнину норманнского периода.

Единственные абсолютно разрушенные части относятся к северному фронту, где стена, несомненно, была разрушена порохом, вероятно, во время оккупации Гауэра Кромвелем.

Это не единственная крепость в приходе и поместье Пенрайс. Примерно в полумиле к юго-западу от замка, к западу от приходской церкви и совсем рядом с ней находится круглое земляное сооружение, состоящее из одного кургана, с внешним рвом и входом с северо-западной стороны. Диаметр внутреннего пространства может составлять 100 футов, а высота кургана - от 6 до 10 футов. Это очень совершенная и, очевидно, очень ранняя постройка, которая, несомненно, была обложена деревом.

В соседней церкви, хотя и сильно измененной в последнее время, сохранилась нормандская стена и арка, замаскированная штукатуркой, между нефом и алтарем, а также замечательное южное крыльцо раннего декора и южная дверь раннего английского стиля. За южной дверью церкви и в паперти, справа при входе, находится кувшин для воды, выдолбленный в своеобразном каменном сиденье. Верхняя часть башни и небольшой северный трансепт, как говорят, были перестроены в прошлом веке.

Церковь стоит на сильном месте, во многих отношениях превосходящем то, которое было выбрано для замка. В соседней церкви Николастона есть грубое соединенное восточное окно раннеанглийской эпохи.

Замок, руины которого были описаны, на протяжении многих поколений был резиденцией значительной семьи Гоуэр, которая, несомненно, получила свою фамилию от своего поместья, отличаясь этим от нескольких своих соседей, владельцев Николастона, Рейнольдстона, Лейсанстона и Скурледжа, чьи имена были дарованы и сохранились в этих поместьях. И тот, и другой обычай был здесь распространен, и в Долине Гламорган можно найти несколько примеров каждого из них.

Несомненно, лорды Пенрайс были последователями Белломонов и ранних норманнских поселенцев в Гоуэре, где они, вероятно, возвели до конца двенадцатого века ту часть замка, к которой можно отнести недавно обнаруженные норманнские фрагменты. Замок перешел по наследству от наследницы Пенрисов к Манселах и в настоящее время является собственностью их потомка, мистера Талбота.

ЗАМОК ПЕНРИТ, КАМБЕРЛЕНД.

Замок Пенрит стоит на небольшом возвышении из старого гравия красного песчаника, примерно в фурте от церкви и старого города Пенрит, на высоте от 50 до 70 футов, и в нескольких ярдах к востоку от современной железнодорожной станции. Изначально и всегда это было простое сооружение, не обладающее особой военной силой или архитектурными достоинствами, его остатки сейчас скудны, и в основном примечательны совершенством материала и исполнения, а также хорошо известны благодаря своему расположению на виду у одной из главных магистралей страны.

Замок в плане прямоугольный, 130 футов на север и юг, 153 фута на восток и запад. Он состоит из прочной и высокой куртины, внутри и против которой были построены комнаты, занимаемые гарнизоном, а снаружи находится искусственный и сухой ров, также прямоугольный в очертаниях, и довольно своеобразный в пространстве, оставленном между ним и стеной замка. С западной стороны этот ров был удален при прокладке глубокой

дороги, ведущей из города к станции. С южной стороны он сохранился, а за ним находятся несколько выемок, которые, судя по всему, являются старыми, но не очень понятными. С восточной стороны ров очень совершенен. Между его обрывом и подножием куртины около 9 ярдов, а дальше, венчая контркарп, находится довольно высокая насыпь, выгодно расположенная для тех, кто намеревался атаковать стену с помощью оружия и механизмов Средневековья. На северном фронте находится значительная площадка, примерно половину площади замка, и на том же уровне. Она защищена по направлению к городу естественным склоном, сделанным несколько круче с помощью искусства, но ров продолжается сзади, вокруг северо-восточного угла, чуть западнее которого находится проезжая часть, указывающая на подход к этому месту. Этот подход был обрамлен северо-восточным углом платформы и землей за рвом.

Земляные укрепления в этом квартале настолько резкие и свежие, что кажется, они были углублены и укреплены, чтобы противостоять современной атаке из этого квартала; в этом случае берег за пределами восточного рва мог быть поднят, чтобы защитить основание куртины от пробития пушками. Возможно, это было сделано для того, чтобы противостоять армии Претендента в 1745 году.

Высота куртины, частью которой является ров, составляет около 30 футов, а толщина - 5 футов. Она построена из блоков красного песчаника, имеющего насыщенный цвет и красивый внешний вид. Они обтесаны и уложены в ряд. Стену полностью или частично венчает умеренно выступающий карниз, на который опираются парапеты. В некоторых особых точках эти кронштейны более смелые и образуют машикули, но чаще всего их целью было добавить 6 дюймов в ширину к валу.

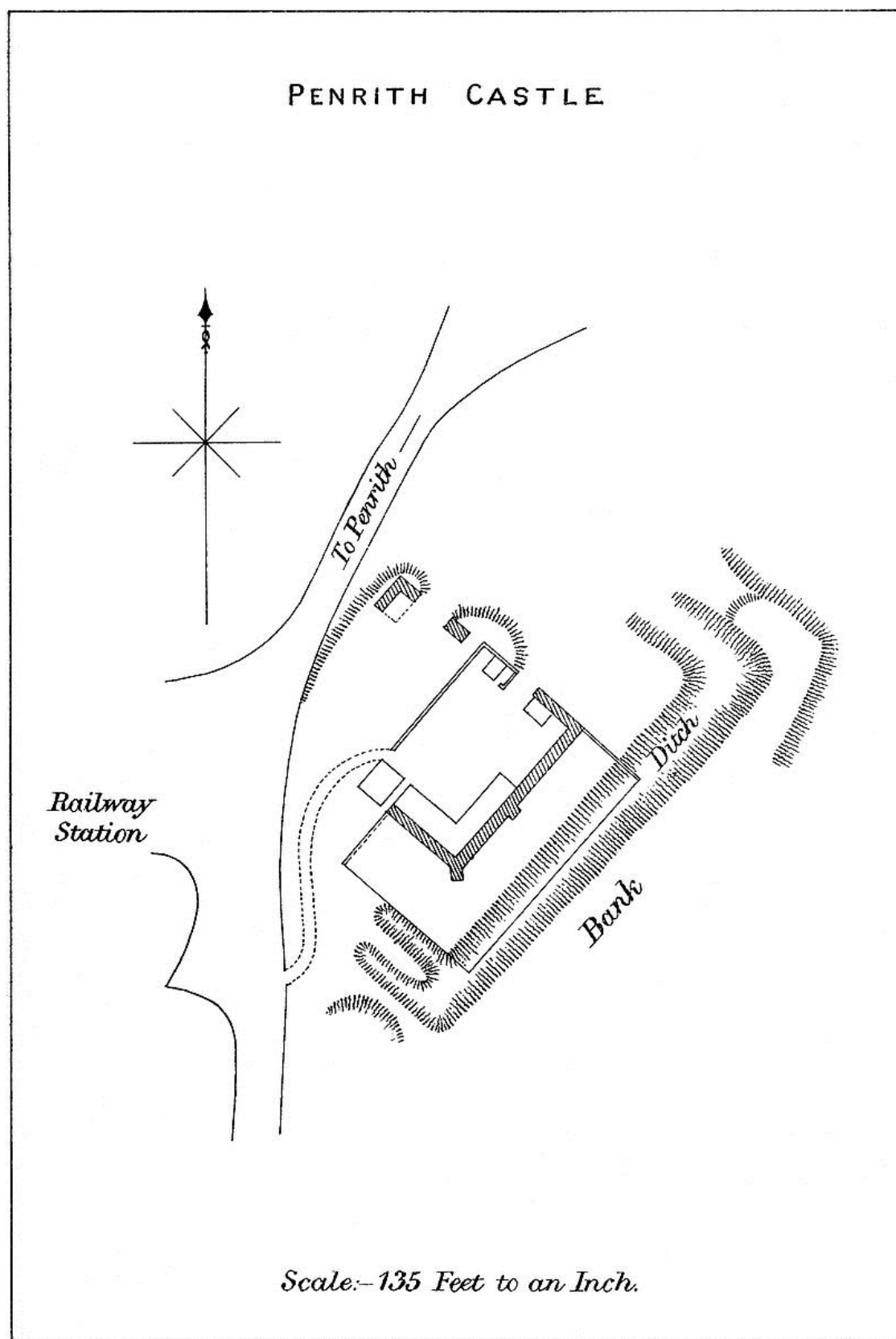
Вдоль восточной и прилегающей к ней части северной и южной сторон куртина довольно совершенна. На западной стороне есть несколько фундаментов и фрагмент стены во всю высоту. У юго-восточного угла по диагонали установлен квадратный контрфорс, оригинальный, шириной около 3 футов на 3 фута 6 дюймов в проекции, который закрывает угол. В середине восточной стены находится такой же контрфорс, но квадратной формы. Они не имеют оснований или отступов и поднимаются к парапетам. У северо-восточного угла, по-видимому, находился бартизан, или квадратная башенка, поставленная на кронштейны; внизу стена совершенно простая. Два других угла исчезли, но в фундаменте нет никаких следов башен с фресками. План Гроуза, хотя и очень неправильный, может быть принят за свидетельство того, что в конце прошлого века стены были достаточно совершенны; и что в центре южной стены и у юго-западного угла были контрфорсы, похожие на те, что описаны выше.

Все следы ворот исчезли, но земляные работы показывают, что они находились на северном фасаде, ближе к восточному концу. К западу от него некоторые следы окон указывают на место расположения зала, а часть большого полукруглого свода, примыкающего к остаткам западной стены, по-видимому, относилась к его подконструкции. В восточной стене, недалеко от ее вершины, находятся два больших оконных проема шириной около 5 футов. Резьба исчезла, но арка ниш плоская сегментная, усиленная двумя простыми жирными ребрами.

Не сохранилось никаких следов храма или отдельно стоящего центрального здания. Откопана и сохранилась глава двухсветного окна с плоским верхом и трилистником. По всей видимости, это ранний перпендикуляр. Общий план здания и то, что осталось от его свода и арок, указывает на Декорированный период, в течение которого круглоголовые и плоские сегментные арки широко использовались в этом районе. То, что осталось, похоже, относится

к одной дате. На листе Орднанс lviii. 4. 24. содержит план этого замка в масштабе 10-56 футов на милю, или $\frac{1}{300}$.

Замок Пенрит

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

При описании здания было удобно называть башню северной стороной, но на самом деле она обращена скорее на северо-восток.

На основании прямоугольного плана земляных работ и распространенности римских останков в округе было высказано предположение, что замок занимает место римского лагеря и что его материал, который, как утверждают некоторые, был взят из Майбурга, был получен из какого-то римского здания. Последнее предположение, несомненно, вполне возможно. Конечно, материал не был взят из Майбурга, который никогда не мог поставлять пепел в больших количествах.

Несомненно, что здесь не было замка ни в ранние норманнские времена, ни в то время, когда поместье принадлежало шотландским королям. От них оно перешло к Джону Балиолу и было конфисковано вместе с другими его английскими владениями в конце XIII века. Затем им владели Невиллы из Рэби. Ричард, герцог Глостерский, владел замком и поместьем и, похоже, часто бывал здесь. Вероятно, он сделал все чисто перпендикулярные дополнения, о которых сохранились свидетельства.

Сохранились две лицензии: одна на возведение гренады в городе Пенрит, 20 г. Эдуарда III; другая, 22 г. Ричарда II, Уильяму де Стрикленду, с разрешением сделать мантию из камня и извести и возвести на ней гренаду. Вероятно, нынешний замок и есть тот самый мантилет, о котором идет речь.

ЗАМОК ПЕВЕНСИ, СУССЕКС.

Певенси - в некоторых отношениях самое интересное место на юге Англии. Он не только тесно связан с английской историей одиннадцатого и двенадцатого веков, но его древние и современные названия, а также часть его материальных остатков в виде каменной кладки и земляных работ, тесно связывают его с британским, римским и раннеанглийским периодом заселения нашего острова.

Несомненно, это было главное место в великом лесу Андериды, который в отдаленные времена простирался на юг Сассекса и Уолд в Кенте, и остатки которого нередко можно увидеть в многочисленных и диких парках, расположенных в этих районах. Британское название леса и города сохранилось в римской форме, а на место последнего до сих пор указывают римские стены и башни, которые, как и в Порчестере, были включены в более позднюю крепость. Вероятно, римляне оставили Андериду в хорошем состоянии. Одной из главных крепостей "Саксонского ликтора" вряд ли можно было пренебречь, и, судя по Саксонской хронике, бритты хорошо понимали ее ценность и держали ее против своих пиратских захватчиков с яростной, но безуспешной доблестью. В конце пятого века он был осажден и взят Иллем, Циссой и их последователями, и все бритты в его пределах были преданы мечу.

Андредес-Кистер, или Андресистер, из римского и британского стал английской крепостью, а лес Андредес-Веальд постепенно стал возделываться. Смена хозяев привела и к смене названия, и остров или "глаз" на болоте, как предполагается, стал собственностью "Пеофна", откуда и происходит его нынешнее название.

Под властью англичан разделение и названия, обозначающие собственность, постепенно вводились, и Певенси стал главным городом рапы, эту честь он разделил с Чичестером,

Арунделем, Брамбером, Гастингсом и Льюсом, в каждом из которых город отличался ранними земляными сооружениями, а в Чичестере - римскими стенами. Каждый из этих рейпов имел свой город и крепость, и каждый город был расположен на реке. Река Певенси берет начало в лесистом хребте около Пенсхерста и Даллингтона из нескольких ручьев, которые бродят по болотистому уровню Певенси, пока немного выше замка не образуют то, что до сих пор известно как Старый Причал, и который использовался в двенадцатом веке. Уже в 1317 году в грамоте Эдуарда II болота упоминаются как затопленные морем и находящиеся в ничейном владении. Замок тогда стоял на краю моря, от которого он сейчас удален более чем на милю, а вся территория, занимающая много квадратных миль, похоже, представляла собой непроходимую топь, закрывавшую крепость с юга и востока, а также в некоторой степени с севера. Холм должен был предстать перед Юлием Цезарем, если, как принято считать, он здесь высадился, и, с учетом римских стен, его, несомненно, видели Илле и его последователи, а 500 лет спустя - герцог Вильгельм, когда он высадился между Истборном и Гастингсом и выбрал возвышенность к востоку от этого замка для похода вглубь страны, чтобы дать сражение. "Mare transivit", - гласит гобелен из Байе, - "et venit ad Revensæ", а в хронике Битвы говорится, что он высадился "prope castrum Pevensel dictum", откуда солдаты отправились искать пропитание в Гастингсе. Именно здесь, под этими стенами, Завоеватель получил власть над своим еще не завоеванным королевством.

При норманнах Певенси снова стал важным местом и одним из убежищ, через которые государи поддерживали связь с Нормандией. Именно сюда отправился король во время своего возвращения в Нормандию в 1067 году. Вильгельм пожаловал его своему сводному брату Мортейну, который, как говорят, построил там замок. Что он построил на самом деле, неизвестно, и единственная существующая кладка, которая может относиться к его времени, - это разрушенная надстройка одной или, возможно, двух римских башен и несколько грубых ремонтных работ, выполненных на лицевой стороне одной из них. Но что бы он ни делал, он удерживал римский замок и продолжал удерживать его до своей смерти, и так он удерживал его против Вильгельма Руфуса в 1088 году, поддерживаемый и поощряемый епископом Байе Одо и надеждой на то, что герцог Роберт придет на помощь из-за моря. Эта надежда оказалась ложной. Взяв штурмом курган Тонбридж, Руфус осадил Певенси. Гарнизон был храбрым, граф-епископ и его брат граф - искусными полководцами, стены - высокими и крепкими, и в течение шести недель король во главе многочисленной армии безуспешно штурмовал это место. Запоздалый отряд, посланный герцогом Робертом, но не возглавляемый им, попытался высадиться под крепостной стеной, но, хотя английские солдаты короля оказались между двойной атакой со стороны замка и кораблей, они одолели и, по большей части, уничтожили захватчиков. Замок был сдан, и Одо, препровожденный под охраной в Рочестер, сумел войти в него и побудить его гарнизон держаться.

В 1101 году Певенси становится местом сбора армии, которую возглавил Генрих I, чтобы отразить ожидаемое вторжение герцога Роберта. Он был настолько успешен, что захватчики были вынуждены высадиться в Порчестере. Либо при графе Уильяме Мортейне, который был захвачен при Тенчбрае и потерял свои земли, либо при его преемнике, Жильбере де л'Эйгле, лордство или Льюи Певенси было возведено в почетное звание, и в конце концов стало почетом Орла, "Honor de Aquila". В 1144 году замок подвергся нападению Стефана, и его отстоял Гилберт де Клэр, державший его для императрицы, сыну которой, Генриху, он был пожалован Генрихом I. Затем он перешел к королю Стефану, а около 1216 года стал собственностью Уильяма де Уоррена, и после различных конфискаций и реставраций был окончательно утрачен семьей де Аквила в правление Генриха III. Джон, граф Уоррен, нашел здесь убежище в 1264 году, после убийства Льюса, а в следующем году его удерживал Петр Савойский, выступая за короля против младшего де Монфора. Очень малое количество

нынешней средневековой каменной кладки могло сохраниться во время этих различных осад. Сила этого места, должно быть, зависела от римской внешней стены, обставленной, несомненно, средневековым парапетом, и доминирующей над раннеанглийской насыпью, на которой, вероятно, находилась деревянная или каменная крепость.

Около 1269 года он перешел в руки принца Эдуарда и некоторое время оставался во владении короны. В 1309 году он находился в разрушенном состоянии, "Confractum et male custoditum", Эдуард I отказался его ремонтировать. Судя по существующей кладке, нынешние пристройки были сделаны вскоре после этого, то есть либо в конце XIII, либо в самом начале XIV века. Строительство башен приписывается Эдуарду II, в 1309 году.

Певенси, "город и леви де Певенси", был включен в обширные пожалования, выданные Эдуардом III Джону Гонтскому, при котором и в герцогстве Ланкастерском Пелхэмы стали наследственными констеблями. В 1399 году леди Пелхэм отличилась тем, что удержала замок для Ричарда II против объединенного *отряда* графств Кент, Сассекс и Суррей. После этого события замок использовался в основном как государственная тюрьма. Эдмунд, герцог Йоркский, был заключен здесь в 1405 году и в своем завещании свидетельствует о хорошем обращении с ним; здесь же были заключены Яков I Шотландский в 1414 году, а в 1419 Жанна Наваррская, последняя королева Генриха IV. В 1650 году замку удалось спастись от когтей парламента: материалы были проданы для строительства.

История здания, хотя и подкрепленная отрывками из публичных записей, в основном должна быть установлена путем изучения материальных остатков. Те, что относятся к римскому периоду, попали под пристальное и очень точное внимание мистера Роуча Смита; настоящая статья посвящена главным образом средневековым дополнениям как в земляных работах, так и в каменной кладке.

ОПИСАНИЕ.

Римская крепость в плане представляет собой округлую продолговатую форму, 220 ярдов на северо-восток и юго-запад на 115 ярдов, и занимает от 8½ до 9 акров. Она заключена в стену, укрепленную башнями, и здесь, как и в Лайме, очертания плана, очевидно, определялись землей, на которой стоит замок, и которая возвышается на 8-10 футов над уровнем моря и окружающим болотом или лугом. Толщина стены составляет от 10 до 11 футов, а высота - от 20 до 30 футов. Длина в окружности составляет около 580 ярдов. На изгибе ограды, к юго-западу, находится главный вход, сохранивший почти первоначальную форму. Две полукруглые башни, расположенные на расстоянии 28 футов друг от друга, диаметром 20 футов, с плоскими сторонами, что дает им глубину 30 футов, и высотой 30 футов, выступают на 20 футов от куртины, и были соединены поперечной стеной, от которой остался только фундамент, и в которой находились внешние ворота. Эти башни не совсем параллельны, но их длинные оси слегка излучают наружу. Они сплошные и не имеют внутренних выступов, но от каждой из них отходит стена на 18 футов назад, заканчивающаяся поперечной стеной, в которой находились вторые ворота, фундамент которых показывает, что основание имело проем в 9 футов. Эта прямоугольная сторожка, должно быть, напоминала Порчестерские, и, как и те, была, очевидно, переделана под норманнский вход, от которого остался один косяк внешних ворот.

Кроме башен, обрамляющих вход, на куртине находятся еще одиннадцать башен. Они также массивные, по высоте и возрасту соответствуют куртине и не имеют внутренних выступов. Они варьируются от 14 до 20 футов в ширину и от 14 до 16 футов выступают от стены. Они

стоят на неравномерном расстоянии от 14 до 35 ярдов. Кроме тринадцати стоящих башен, есть две смещенные и разрушенные, а также фрагменты двух других, всего их семнадцать. Они расположены ближе всего к северо-западному и северному фронтам, где земля снаружи наиболее высокая. На юге и востоке их совсем немного, так как мелкое, илистое море и болото служат достаточной защитой. Кроме главного входа, было три потерна, из которых тот, что на северо-востоке, все еще используется. Тот, что на севере, разрушен, но его остатки показывают, что он проходил косо, по небольшой кривой, через стену. Южный столб, вероятно, был водяными воротами. В южной стене было открыто устье сточной канавы площадью около 18 дюймов, выходящей к морю. Хотя стена по большей части густо заросла плющом, довольно очевидно, что в некоторых местах она все еще увенчана более поздними башенками, а одна из северных башен, первоначально высотой 32 фута, имеет надстройку в 18 футов, которая, судя по окну в ее боку, относится к норманнскому периоду.

На северном фронте стена пробита на протяжении 65 ярдов, и ее масса, отброшенная вперед, по-прежнему загромождает землю снаружи. На юге пролом гораздо длиннее, не менее 200 ярдов. По-видимому, он образовался в результате сползания грунта, в результате чего фундамент был сдвинут вперед на несколько футов. В восточной части стена также была разрушена, но здесь ее фрагменты, которые имеют значительную массу, смешаны с другими, более поздними, в дикой, но не абсолютно неразрывной путанице. Большая часть северной стены была пробита на значительную глубину, на уровне земли, но фундамент остался неповрежденным. Говорят, что это дело рук покупателя руин в 1650 году, но, возможно, это дело рук более ранних злоумышленников, хотя они, скорее всего, работали под поверхностью земли и вставляли под основание кладки деревянные подпорки, которые, будучи подожженными, привели бы к разрушению всей вышележащей массы. Здесь не использовался порох.

Очевидно, что у подножия стены на южном фронте раньше был ров, наполненный водой, где его можно проследить и сейчас. Вдоль северного, западного и восточного фронтов стена граничит с дорогой, для прокладки которой ров, вероятно, никогда не бывший очень широким и глубоким, был засыпан. Не может быть никаких сомнений в том, что авторы наружного *энсинта*, как стены, так и башен, были одними и теми же. Все они относятся к одной или почти одной дате, причем явно римской, и, что бывает не всегда, башни скреплены со стенами. Кладка представляет собой очень грубо обтесанный кремнь, состоящий в основном из кремня и гальки с прилегающего морского пляжа, смешанных с угловатыми фрагментами камня, все это удерживается вместе с помощью раствора, который используется очень свободно. Этот раствор удивительно белого цвета, содержит множество мелких камешков, мало битого кафеля, если он вообще есть, и преобладает песок. В целом раствор застыл прочно и хорошо держит вместе довольно разнородную массу материалов. Лицевая сторона работы, как внутри, так и снаружи, состоит в основном из квадратных камней из Истборна или Бичи-Хед. Обычно они имеют размеры 6 дюймов на 4 дюйма, но иногда достигают 12 дюймов на 6 дюймов. Самые нижние ярусы на уровне земли сложены из более темных и крупных камней, а в стене выше иногда встречаются двойные полосы из плитняка, а иногда из камня почти такого же цвета, как и плитняк. Значительная часть облицовки в нижней части стены была снята, но внутри она ограничивается частью стены, расположенной чуть выше уровня земли, которая искусственно поднята выше уровня естественной почвы. В некоторых местах этот подъем достаточно высок, чтобы превратить нижнюю часть каменной кладки в подпорную стену. Считается, что земля, используемая таким образом, была взята из внутреннего рва, ранней английской работы. Возможно, так оно и есть, но более вероятно, что содержимое этого рва пошло на формирование кургана, и

не исключено, что поднятая почва могла быть получена из рвов британского лагеря, предшествовавшего римской оккупации.

Римляне, построившие внешние стены, похоже, довольствовались одной линией обороны; но северяне обрабатывали всю территорию по-другому. На восточном конце территории был воздвигнут курган высотой около 30 футов, который, хотя и находился в пределах территории, располагался на ее краю и упирался в восточную стену. Материал для кургана, по-видимому, был взят из рва, который окружал примерно две трети его окружности, простираясь от стены до стены, и таким образом изолировал его от остальной части римской территории. Этот ров был засыпан, вероятно, для того, чтобы освободить место, но его линия по-прежнему отмечена небольшим углублением в почве. Таким образом, сильное место было бы сформировано почти в соответствии с ранней английской практикой, имея курган или насыпь, с соответствующим рвом и прилегающим двором. Единственной особенностью было то, что двор был обнесен стеной, и таким образом ров кургана был пересечен каменной кладкой, а внешняя сторона кургана поддерживалась ею.

Норманны, которые сразу же увидели ценность и завладели Певенси, вероятно, какое-то время довольствовались римскими стенами в их нынешнем виде и крепостью на кургане. По крайней мере, здесь нет никаких определенных следов ранней норманнской кладки. Действительно, единственная кладка норманнской эпохи, которую сейчас можно увидеть, - это фрагмент стены с окном, остатки надстройки на одной из северных башен, несколько кремневых заплат и несколько рядов камней, уложенных по типу "селедочной кости", которыми была отремонтирована лицевая сторона другой римской башни. Если бы норманны одиннадцатого или двенадцатого веков построили какие-либо восточные стены, сторожки или настенные башни в пределах двора, то, вероятно, от них остались бы какие-то следы. Часовня, судя по ее размерам, действительно была норманнской, а основание купели - явно норманнским; не исключено, что бесформенные фрагменты бутовой кладки, которыми завалены вершина и склоны кургана, могут быть той же, то есть поздненорманнской, датировки. По правде говоря, замок, каким его нашли норманны, был очень крепким. Стены нуждались только в укреплении, и даже если бы оно было преодолено, укрепившийся курган был бы вполне пригоден для обороны, пока хватало провизии.

В настоящее время римский *энсинт* содержит остатки крепкого и довольно совершенного средневекового замка. Он, как обычно в таких случаях, имеет форму дополнения к обороне кургана, отгораживая его как цитадель от остальных сооружений. Для этого был использован широкий и глубокий ров, тянувшийся с востока к южной стене, длиной 210 ярдов, изогнутый на запад или наружу, который отгораживал курган и часть большой территории, образуя таким образом внутреннюю часть площадью около акра с четвертью, содержащую курган или крепость. Ров, который, вероятно, снабжался водой из моря на своем южном конце, дает ответвление на север к римской башне, называемой сторожевой, и это отрезает северо-восточный угол земли, которая, таким образом, образует своего рода небольшую среднюю часть между развилками рва. За рвом возвышается куртина, в центре которой находится сторожка с некоторыми претензиями и три большие барабанные башни, две из которых стоят по флангам сторожки, а одна - к северу от нее.

Ворота направлены на запад, в противоположную сторону от римской территории, которая сейчас является внешним приходом, на расстоянии 184 ярдов. Перед ней находятся две массивные опоры разводного моста шириной 14 футов, к которым можно подойти снаружи между изогнутыми стенами крыльев. Опоры были облицованы пеплом, который теперь содран. Пространство между ними составляет 12 футов, а могло быть и 10 футов. Сторожка состоит из двух полукруглых башен, поставленных задом наперед, чтобы содержать входной

проход. Снаружи эти башни несколько напоминают римские или внешние ворота, которые, возможно, послужили им образцом. Их петли необычной длины, одна из них - 15 футов. Видны вентиляционные отверстия двух гардеробов, открывающиеся заподлицо со стеной. Один из них, похоже, является нижним концом петли. Они содержат подвал, нижний и верхний этажи, закольцованные в сторону поля, не сводчатые и должным образом снабженные гардеробами. Северная башня, облицованная добротным, хотя и довольно ажурным пеплом, до сих пор стоит, хотя и изуродована. В ее первом этаже находится камин. Южная башня полностью разрушена. Входной проход довольно совершенен, хотя ворота на каждом конце исчезли, как и верхняя камера для работы портупеи, от которой осталась часть пазов. Проход, шириной 12 футов и длиной 35 футов, был перекрыт сегментным сводом, укрепленным простыми широкими ребрами с фасками, которые теперь разрушены, а в своде, немного позади портуллиса, находится большое квадратное центральное отверстие или "метерьер" для защиты прохода. В обеих стенах находится аркада из двух арок, большей и меньшей, низко заостренных. Большая закрыта, а меньшая пробита дверями, открывающимися в нижние этажи сторожки.

По бокам от сторожки, на расстоянии 33 ярдов к северу и 54 ярдов к югу, стоят две большие круглые башни, каждая из которых закрывает угол куртины. Северная куртина имеет основание или цоколь, слегка приземистый. Стена вертикальная. Кордона между ними нет. Северо-западная башня диаметром 30 футов имеет подвал, первый и верхний этажи. Цокольный этаж, хотя и расположен ниже уровня внутренних помещений, находится на уровне земли снаружи. Она аркадная, имеет шесть арок в закругленных сторонах и одну в плоском конце или ущелье. Эти арки имеют капитель с двойным завитком, а между каждой парой проходит лепное ребро, и по одному с каждого из двух прямых углов, всего восемь. Они разрушены, но их профиль виден, и по нему можно судить о плане свода. Вход в эту камеру - по прямой лестнице из внутренней палаты, а у подножия лестницы - вестибюль с левой или западной стороны, ведущий к столбовому дверному проему, расположенному на стыке башни с куртиной. В стене ущелья находится камин, колпак которого, судя по всему, был деревянным. Трудно понять, для чего могла предназначаться эта камера с богато украшенными деталями и камином, да еще наполовину находящаяся под землей.

На первый этаж из внутренней палаты ведет отдельный вход, в правой или восточной стене которого есть отверстие в продолговатую фресковую камеру, сводчатую и заключенную в занавес. В этой камере есть сток для воды, а над ним в стене - три смелых карниза, а над ними - небольшой сегментный дверной проем, ныне заваленный. Это очень необычное расположение, и кажется, что здесь было деревянное строение, возможно, садовый домик, прикрепленный скобками к стене, над рвом, на высоте около 10 футов от земли. Вход на верхний этаж башни был сделан со стороны крепостных стен, а сама башня возвышалась над стеной. Только пол подвала был сводчатым. Каждая ступень освещена или, скорее, вентилируется петлями в сторону поля.

Южная фланкирующая башня почти полностью повторяет описанную, за исключением того, что цокольный этаж не имеет аркады, и ни один из этажей не сводчатый.

Третья башня, в северной стене, в 36 ярдах от северо-западной фланкирующей, построена по тому же образцу, за теми же исключениями. Лестница в подвал имеет боковую дверь, открывающуюся на столб в восточной стене, с сегментной головой, а от входа на первый этаж открывается на запад длинная фресковая камера, аналог той, что описана как пристроенная к северо-западному фланкиру, с кронштейнами и карнизами, и маленькой дверью в стене, на высоте 10 футов от земли, как будто для деревянного сада. Это все обычные башни, но в южной стене, где можно было бы ожидать башню, находится постерн,

который пронзает стену в месте ее соединения с римской стеной, а снаружи и перед ним - фрагмент римской башни, который продвинулся вперед на несколько ярдов и образует своего рода фальшборт, скрывающий и защищающий постерн. Очевидно, что смещение башни относится к более древнему периоду, чем норманнский, и было использовано более поздним строителем. В северной стене этой внутренней палаты, под северной и северо-западной башнями, находится большой камин, возможно, камин зала. Кухня, вероятно, находилась в северо-западной башне, а большой настенный сток был связан с ней.

Городище, которое занимало восточную часть замка и несло в себе крепость, сохранилось довольно хорошо, хотя и сильно загромождено руинами, очевидно, от пороха. С восточной стороны, поддерживая курган, возвышается римская башня, которая была вделана в крепость, а ее массивная верхушка была украшена башенками. На севере кургана есть выступ земли, который, вероятно, соединяет его с северной стеной, но в настоящее время ничего определенного выяснить нельзя, хотя фундамент на нем, если его вскрыть, наверняка что-то покажет.

Поскольку средневековый замок находится в восточной части римской территории, его восточная сторона пересекается с римской границей, которая здесь является общей для обеих территорий. Примерно четыре пятых ограждающей стены замка - средневековые, но оставшаяся часть, та, что к востоку, - римская, которая, таким образом, является общей для обеих крепостей. Начинаясь у южного потерна, где две стены соприкасаются, к большому неудобству кладки более позднего времени, римская стена простирается, частично поддерживаемая более поздним контрфорсом, до римской башни, которая соединяла ее с крепостной насыпью. За ней, проходя на юг и восток, до того места, где средневековая стена отходит от римского *энсинта*, римская стена была оставлена для поддержки кургана, но примерно в 6 футах перед ней была построена средневековая стена толщиной 9 футов, вероятно, чтобы обеспечить больше пространства над ней и помочь в поддержке земляных работ. Замок был атакован с этой стороны, или же те, кто его разбирал, считая эту часть самой сильной, заминировали и взорвали ее, так как ледник на протяжении многих ярдов покрыт огромными массами каменной кладки, которые, очевидно, были вытеснены порохом, взорванным в больших количествах. В одной части, примыкающей к римской башне, видны две стены. Около 20 футов средневековой стены, толщиной 9 футов и высотой 10 футов, стоят нетронутыми, хотя выше этой высоты их надстройка была снесена. За ней находится римская стена примерно такой же высоты, которая не только уменьшилась в результате взрыва, но и накренилась вперед. Вот что произошло в этом квартале, и история его ясна, даже в условиях столь сильной неразберихи.

В пределах средневекового или внутреннего отделения раскопки показывают расположение и план часовни с нефом 40 футов на 16 футов 8 дюймов в ширину и алтарем 12 футов 8 дюймов на 11 футов 6 дюймов. Сохранился фрагмент купели. Часовня, несомненно, относится к норманнскому периоду и, следовательно, старше, чем замок в его нынешнем виде. Здесь также есть грубый столб-писцина, такие время от времени встречаются в норманнских зданиях. В Гламорганшире их несколько. Свободная часовня в замке упоминается в грамоте Джона Гонта. Колодец также был обнаружен у подножия кургана. Он цилиндрический, диаметром 7 футов, выложен пеплом на глубину 52 фута, ниже он квадратный и выложен деревом.

Римские сооружения в Певенси были исследованы и изучены, как уже говорилось, мистером Роучем Смитом. К сожалению, средневековый замок оказался менее удачливым и не был точно описан. Краткое, но полное и блестящее описание Певенси, а также информацию о том, какую роль он сыграл в кампании 1066 года, можно найти в книге мистера Фримена

"Нормандское завоевание". Он также играет заметную роль в его недавней книге о жизни Красного короля.

ЗАМОК ПИКЕРИНГ, ЙОРКШИР.

Замок и город Пикеринг стоят на южном краю болот северо-восточного Йоркшира, где возвышенность переходит в широкий луг, который под названиями Карп, Инг, Мариш и Боттом простирается на юг почти до Мальтона, а на восток и запад - от Скарборо до Хелмсли. Это район, известный как Лайт или Долина Пикеринга, где находился главный замок.

Один из главных проходов в Лите с севера - тот, что сейчас занят железной дорогой Малтон и Уитби, по которому протекает Пикеринг-Бек, приток (через Коста-Бек) реки Рай и Дервент. Перевал представляет собой скорее овраг, чем долину, он глубокий, скалистый, узкий и извилистый. Замок занимает скалистый холм неподалеку от места, где перевал выходит на равнину, и стоит в нескольких ярдах к востоку и в 100 футах или более над потоком, на обоих берегах которого построен город, расположенный ниже и под непосредственной защитой замка.

Он расположен на скалистом мысу, примерно в 70 или 80 футах над городом, и резко выдается на север и запад в долину. Таким образом, две стороны, занимающие почти половину площади, естественно, сильны. К югу и западу земля плавно поднимается, достигая высоты 200 и даже 300 футов на расстоянии от четверти мили до двух миль. Поэтому с этих сторон оборона искусственная и состоит из глубокого и широкого рва, который выходит в долину с каждого из своих концов. Он совершенно сухой, и, судя по его положению и уровню, вероятно, всегда был таким: часть его, действительно, прокладывала путь вплоть до постерна.

Защищенная таким образом территория несколько понижается к западу. Она имеет грушевидную форму, ножка направлена на юго-запад. Его поперечные размеры составляют примерно 500 футов на 350 футов. Она заключена в куртину значительной высоты и прочности по направлению к городскому фронту, имеющую на южной половине четыре башни. На северной половине раньше было две башни, но обе они исчезли. Кипер и внутренняя сторожка относятся к обеим частям, находясь на общей для них линии. В пределах общей территории и недалеко от ее северо-восточного или большего конца находится конический курган с плоской вершиной, полностью искусственный, окруженный круглым рвом, часть которого к востоку вырублена в скале. На этом кургане стояла крепость, а от нее, почти с противоположных сторон, отходила поперечная куртина, которая пересекала площадь почти по самому большому диаметру и, вместе с крепостью, делила ее на два почти равных отделения, северное и южное. На внешнем или южном фронте этой стены находится глубокий и широкий ров, который тянется от рва кургана в каждую сторону по направлению к *энсинте*, восточная часть которого открывается во внешний ров, а западная - на лицо низкого утеса. Каждый из этих проемов, однако, пересекается главным занавесом. На южной и более длинной ветви крестообразного занавеса находятся внутренние ворота, ведущие из одной палаты в другую, и противоположные внешним воротам, которые находятся на южном фронте.

Все четыре башни с фресками, о которых уже упоминалось, находятся в южном отделении. Это Мельничная башня, башня Розамонда, башня Дьявола и надвратная башня. В башне Дьявола находится постерн. Помимо замка, Леланд упоминает три башни в северной части города. Одна из них была надвратной, а две другие, вероятно, закрывали два угла этого квартала. Домашние постройки во времена Леланда были деревянными и исчезли. Осталась часовня, которая была осквернена, и дата постройки которой весьма сомнительна.

Диаметр кургана составляет 76 футов в плоской вершине, высота - около 70 футов, а у основания в дне окружающего рва - около 220 футов в диаметре.

Хранилище, расположенное на его вершине, представляло собой каменную оболочку толщиной от 6 до 7 футов; внутри она круглая, а снаружи, по крайней мере частично, многоугольная; возможно, первоначально это был девятиугольник со стороной 24 фута. От этой оболочки остались два фрагмента, расположенные почти на противоположных сторонах площади: один длиной 35 футов и содержащий две петли, другой - 24 фута и содержащий полторы петли. Они находятся на уровне земли. Они имеют высоту 6 футов и отверстие в 3 дюйма, с нижним концом в виде голубиного хвоста и коротким поперечным элементом. Каждый из них помещен в углубление с круглой головкой, открывающееся на 6 футов и разделенное на части. Высота фрагментов составляет около 18 футов, а до вала, возможно, 20 футов. Снаружи стена возвышается на низком цоколе. Стена сложена из грубого бутового камня, с пепельной облицовкой и кряжами на двух сохранившихся углах. Снаружи стены есть уступ или дорожка шириной около 2 футов.

С противоположных сторон кургана выходят поперечные куртины, расположенные под очень тупым углом, так что немного больше основания кургана относится к южному, чем к северному отделению. Толщина этих куртин составляет 7 футов, они построены на склоне и поперек рва кургана и в самой глубине имеют высоту около 70 футов. В настоящее время они заканчиваются у верхнего края кургана и, похоже, не были выше, кроме парапета, или примыкали к крепости. Именно так выглядит Тикхилл и Тамворт. Несомненно, парапет был продолжен к крепостной стене, и, возможно, там был постерн, как в Хавардене, где, однако, сама стена примыкает к крепости. Восточная часть парапета довольно совершенна вплоть до контркарпа рва. Затем она разрушается на несколько футов, но в конце концов видно, что она примыкает к внешней куртине, недалеко от башни Дьявола. Другая, западная, ветвь простирается до башни внутренних ворот. К месту соединения занавес несколько утолщается и становится очень высоким. Здесь прямая лестница поднимается от крепостного вала на второй вал, расположенный выше, так что здесь два ряда петель, верхний из которых находится в крепостной стене. Возможно, здесь была деревянная галерея, чтобы придать ширину верхнему валу.

Привратная башня, на которой заканчивается занавес, была не сторожкой, а башней рядом с воротами, но не имела с ними связи, как в Кардиффе и Огморе. Эта башня шириной 21 фут и глубиной 16 футов имела подвал и два этажа. Ворота, с восточной стороны которых она была построена, вероятно, представляли собой просто отверстие в занавесе. Дальняя сторона исчезла, но со стороны башни нет никаких следов сводов или порткуллиса, и есть только один фальц для дверей. Здесь находился разводной мост пролетом в 6 футов, от которого сохранился противовес. От ворот поперечный занавес продолжался до примыкания к западному занавесу. Вся эта часть исчезла, или почти исчезла. Перед поперечной куртинею находится ров, пересекаемый с каждого конца внешней куртинею и переходящий в ров кургана, о чем уже говорилось. Именно из этого рва открывается

внутреннее отверстие Чертовой башни. Эта поперечная завеса имеет грубую кладку, и, по крайней мере, ее нижняя часть вполне может быть норманнской работы.

Из башен во внешнем квартале в первую очередь следует отметить Мельничную башню. Она обрамляет восточный угол замка. Ее площадь составляет 31 фут 6 дюймов, толщина стен - 10 футов. В ней есть подвал и два верхних этажа, которые когда-то были обшиты деревом. Он построен из превосходного пепла. Подвальная камера находится на уровне палаты, но на 20 или более футов выше рва. Ее площадь составляет 11 футов 6 дюймов, а вход в нее осуществляется через остроконечный дверной проем с внутренней стороны. На ее внешней стороне находится довольно необычная петля. Выемка с плечевой головкой, шириной 4 фута 3 дюйма и глубиной 5 футов, сходится к петле с отверстием в 4 дюйма, стороны которой параллельны на протяжении 5 футов. На откосе петли, при скудном освещении, какой-то узник вырезал круг с фигурами. Снаружи, в западной стене, находится устье небольшого стока из этой камеры, которая, очевидно, была тюрьмой. Второй этаж находится на уровне вала внешней куртины, и вход в него осуществляется по наружной каменной лестнице, защищенной парапетом высотой 6 футов 6 дюймов. Дверной проем имеет равностороннюю головку с глубокой лепниной, бусинами на углах и проходом, ребристым в поперечном направлении. Камера имеет площадь 15 футов 6 дюймов. В западной стене находится садовая камера шириной 2 фута 6 дюймов и длиной 10 футов, с петлями и внешним побегом, расположенным вровень со стеной. В южной стене находится равносторонняя арочная ниша с ребристым сводом и каменными сиденьями, а в ней - двухсветное окно с плоским верхом и трилистником. В восточной стене находится простой камин с квадратной головкой и дверь, также с квадратной головкой, открывающаяся в колодезную лестницу, которая поднимается на бойницы и верхний этаж. Эта лестница находится в треугольном выступе башни. Она заканчивается под ребристым куполообразным покрытием.

Башня Розамонда обрамляет юго-западный угол куртины. Она сложена из пепла, имеет 22 фута в ширину и 24 фута в глубину и не имеет внутренних выступов. Полы были деревянными. У нее есть подвал, расположенный на 5 футов выше уровня двора, а также первый и второй этажи. Подвал, в который можно попасть из палаты, имеет размеры 10 футов на 8 футов и одну петлю. Стена ущелья на уровне вала пробита галереей для прохода по валу. Галерея спускается и снова поднимается на 4 фута, на первом этаже, который находится на столько ниже уровня вала. На этот этаж, как кажется, также вела наружная лестница, построенная над нижним дверным проемом.

Башня Дьявола, или Почтовая башня, расположенная к северо-востоку от крепости, прямоугольная, сложена из пепла и имеет только внешнюю проекцию. Ее ширина составляет 22 фута, а глубина - 27 футов. Цокольный этаж сводчатый и пронизан проходом в виде столба. Внутренняя дверь, остроконечная, открывается в нижней части рва крестовой куртины; сейчас она почти засыпана. Внешняя дверь замурована. Она остроконечная, открывается на 3 фута 6 дюймов и помещена в углубление с квадратной головкой, глубиной 6 дюймов, шириной 5 футов и высотой 10 футов, предназначенное для размещения моста в поднятом состоянии. У подножия этой двери, снаружи, в двух больших камнях, находятся два отверстия диаметром 6 дюймов и глубиной 18 дюймов, в которых находилась деревянная ось разводного моста. Выше находится центральное отверстие для цепи, с помощью которой мост приводился в движение. Цепь должна была нести ярмо, или что-то вроде занозы, длиной 4 или 5 футов, с боковыми цепями, прикрепленными к бокам платформы, как это было в Рагланде и до сих пор используется в замке Вероны. Этот мост, должно быть, имел специальную яму, поскольку путь к нему, как внутри, так и снаружи, пролегал по дну обычных рвов. Над дверью находится крестообразная петля, а над ней - простая. Подъезд к этой

башне находился с луга к северу от замка, вверх по устью рва этого места. На второй этаж этой башни ведет круглоголовая украшенная дверь с наружными ступенями, проход с фресками шириной 3 фута и длиной 20 футов, в одном конце которого находится садик. Первый этаж имеет размеры 8 футов на 12 футов, с крестообразной петлей. Вход на второй этаж осуществляется с вала. Стена ущелья совпадает с куртиной и пробита для прохода на вал. Из куртины, ближе к югу от башни, выступает очень красивый фасонный кронштейн, пробитый как вал гардероба, и достойный более благородной службы.

Примерно в 12 футах к северу от башни, на стыке креста и главной куртины, находится прямоугольная башенка, около 12 футов в квадрате, пробитая для прохода по валу. По-видимому, она служит для того, чтобы прервать сообщение между валами крестовой и главной куртин.

Внешняя надвратная башня, стоящая на южном или городском фронте, между башней Розамонда и Мельничной башней, по общей конструкции кажется датой постройки внутренних ворот. Строго говоря, это не проходная башня. Занавес сломан и развернут наружу, образуя две параллельные стены толщиной 7 футов и выступающие на 20 футов. Они находятся на расстоянии 12 футов друг от друга, и между ними находится вход. По линии занавеса этот проход пересекает острая арка, толщиной в 2 фута, высотой в 15 футов, а над ней занавес поднимается на 50 футов, образуя своего рода экран, создающий впечатление башни над воротами. Фланкирующие стены, высотой около 20 футов, образуют своего рода барбакан и, несомненно, защищают разводной мост. Дверь наверху открывалась на эти бойницы. Работа некачественная, нет ни портупей, ни порталного свода. Вход совершенно недостоин замка.

Возвращаясь к внутренней палате, можно сказать, что три башни, упомянутые Лиландом, были башней внутренних ворот и двумя башнями на двух углах палаты; но они исчезли; хотя, вероятно, если убрать дерн и брамбли, можно было бы увидеть фундамент.

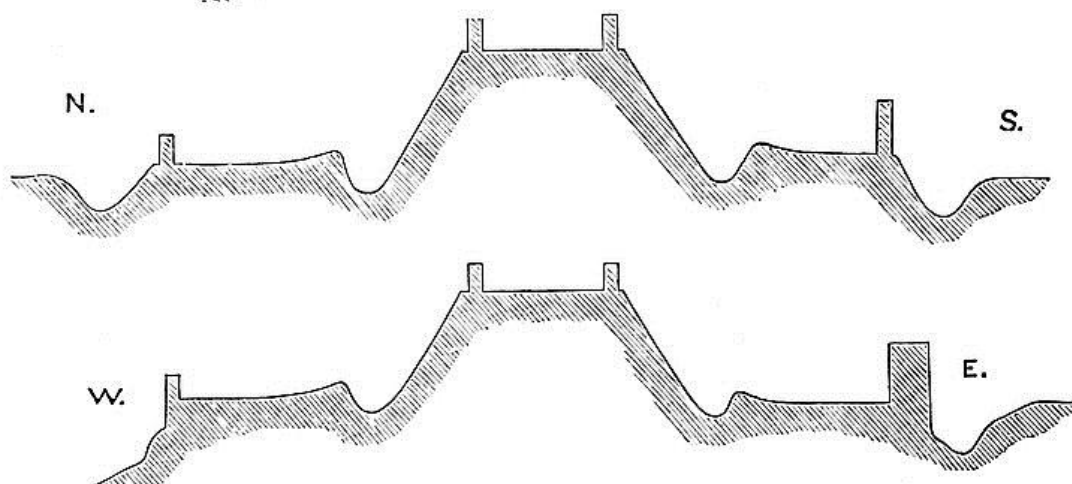
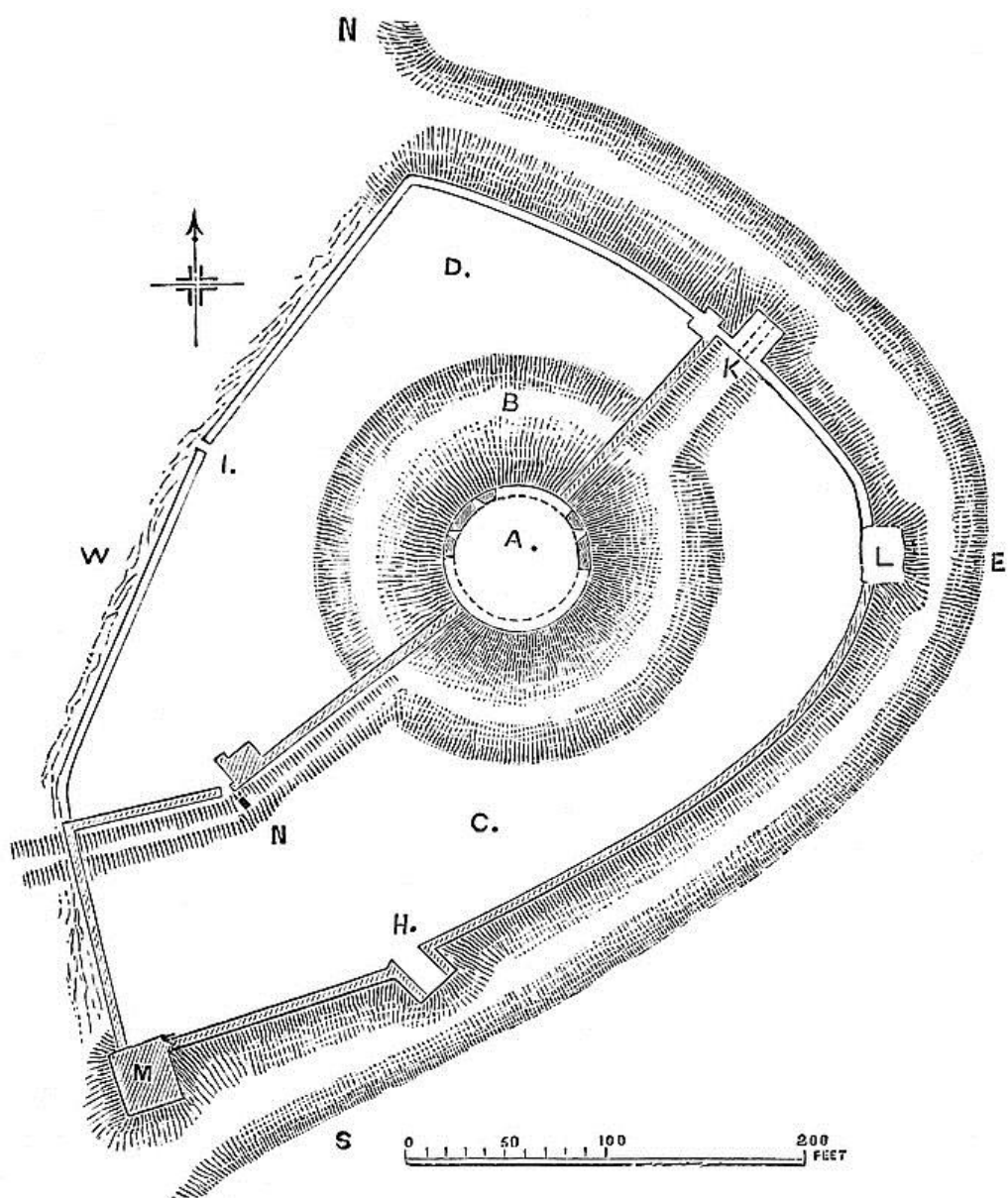
Возможно, норманнский дверной проем открывался в одну из этих башен. В настоящее время он выходит в углубление в куртине шириной 6 футов с бочкообразным сводом и высотой 6 футов до *абакуса* или струны, отмечающей пружину. Дверной проем был обрамлен двумя валами, ныне исчезнувшими, стоящими на квадратных цоколях с рифлеными капителями. Архитрав очень богато украшен, с углом, украшенным бусинами, с повторяющимся лепным орнаментом в виде остроконечных арок. Это похоже на поздний нормандский период, и это единственное произведение в замке, явно относящееся к этому периоду. Капельница, если она вообще была, исчезла. Нет ни фальца, ни следов двери. Примыкающий к ней занавес низкий и разрушенный. Здесь есть несколько карнизов, как бы поддерживающих прислоненный ряд зданий. Рядом с этой дверью находится небольшое здание, которое выглядит современным, с четырьмя старыми стрельчатыми окнами и дверью, которая, похоже, скопирована с более старой. Говорят, что это часовня замка, который видел Леланд, и в ней служил один священник-кантри. Гроуз называет ее маленьким, убогим зданием, в котором есть несколько старых скамей. Сейчас в нем находится картофельный магазин.

Замок Пикеринг представляет собой один из величайших типов англо-норманнской крепости, то есть замок нормандской кладки на английском земляном валу, поскольку нынешние стены если и не нормандские, то, несомненно, построены по нормандским чертежам. Здесь курган не является, как это обычно бывает, частью *энсинта*, а концентрический, хотя и расположен не по центру, как земляные работы в Барвике в Элмете.

Несомненно, земляные укрепления были захвачены и обнесены стеной либо в конце одиннадцатого, либо в начале двенадцатого века, в норманнскую эпоху, и масса куртин, с замком и норманнской дверью, вероятно, являются остатками этой работы. Но вся крепость была перестроена в Декорированный период, были добавлены настенные башни, подняты куртины, и место стало более прочным. Трудно определить возраст ворот. Они могут быть норманнскими, а могут относиться ко времени Ричарда II, скорее всего, к первому.

Домашние постройки, как говорят, были деревянными. Они исчезли. Колодец не известен. Замковая мельница находилась на реке немного ниже замка. Ров с юга и запада почти засыпан; за ним находится пологое место, ведущее вниз к реке, которое, возможно, является старым и предназначалось для второй линии обороны.

В Domesday говорится, что во времена короля Эдуарда Пикеринг (Пикеринга) принадлежал графу Моркару. Тогда он находился во владении короля с четырьмя *беревиками*, или присоединенными поместьями, и несколькими часовнями или духовными зависимостями приходской церкви. Замок и его территория, похоже, никогда не были отчуждены от норманнской короны. В Трубном списке 31 года Генриха I упоминается, что Роберт де Видвиль предоставил счет за "переписную ренту леса Пикеринг". В 31 году Генриха II с леса взималась рента; а в 1 году Ричарда I ренту взимали Уильям Бойе и Алан Фиц-Джеффри, вероятно, тот же, кто встречается на сайте в том же году, что и Алан де Пикеринг. В 33 г. Генрих II обложил людей Пикеринга *донатом* на королевскую экспедицию, и этот налог время от времени повторялся. В 9 году Ричарда I упоминается вапентаке и город Пикеринг; а в 11 году Иоанна было приказано установить границы между королевским лесом Пикеринг и лесом Н. де Стутевиля.

- А. Замок.
- В. Внутренний ров.
- С. Внешний двор.
- D. Внутреннее отделение.

- Н. Внешние ворота.
- I. Нормандский дверной проем.
- К. Постерн-башня.
- Л. Мельничная башня.
- М. Башня Розамонда.
- N. Место внутренних ворот.

ЗАМОК ПИКЕРИНГ.

Король Джон был здесь в феврале 1201 года, августе 1208 года и марте 1210 года, каждый раз на один день.

В 45 году Генриха III замок удерживал Хью ле Бигод против короля вместе со Скарборо, который ему было предписано сдать по булле Александра VI.

Генрих III пожаловал Пикеринг своему сыну, Эдмунду графу Ланкастеру, и в это время упоминается о поместье, гонораре и лесном хозяйстве Пикеринга. В 13 году Эдуард I подтвердил за графом право владения поместьем, замком и лесом. После казни графа Томаса замок перешел в руки Генриха, графа Нортумберленда, но после падения Эдуарда II граф Генрих вернул его себе. Когда Генрих Ланкастерский высадился в Равенсберне в 1399 году, он прошел маршем и вновь захватил Пикеринг, который в то время удерживался для короля.

Король Ричард II был здесь пленником до своего переезда в Понтефракт.

Пек причисляет Пикеринг к королевским замкам и говорит, что здесь были управляющий лордства, констебль замка, мастер игры и лесной всадник.

Во время парламентской борьбы Пикеринг удерживался для короля, был проломлен в западной части и разобран. Похоже, что он никогда не был окончательно отчужден от королевских владений. Корона владела им со времен Завоевания до тех пор, пока Генрих IV не пожаловал его графу Ланкастеру, после чего его история стала историей владений герцогства Ланкастер, частью которого он является до сих пор.

Вместе с замком Пикеринг следует упомянуть очень любопытное, хотя и безымянное, но малоизвестное земляное сооружение в непосредственной близости от него. На карте Орднанса, обычно такой точной, он даже не обозначен как земляное сооружение, хотя и отмечен как место расположения станции. Оно расположено на самой высокой части круглого травянистого холма с пологими склонами, который возвышается на западном или правом берегу реки Бек или Пикеринг, примерно в 200 футах над водой, напротив замка и немного ниже его. Место удачное, оно свободно от оврага, который открывается прямо над городом и замком, и с него открывается богатый и обширный вид, особенно на юг и запад, на Райсдейл и в сторону Хелмсли. Труд, затраченный на эту работу, невелик по сравнению с тем, что было затрачено на земляные работы в замке, хотя курган является главной особенностью обоих, и свидетельствует об их общем саксонском или раннеанглийском происхождении.

Центральный курган, диаметром 90 футов в верхней части и высотой 20 футов, опоясан рвом, из которого он поднимается, и на внешнем краю которого находится низкая насыпь. Вершина кургана ровная, но окружена легкой, круглой насыпью, которая, вероятно, была насыпана, чтобы прикрыть нижний край деревянной защиты или резиденции, которая, без сомнения, была здесь расположена. Вход, по-видимому, находился с юго-восточной

стороны, где есть следы прохода через внешний берег, а возможно, и проход через ров. Холм огорожен, и часть его находится под плугом, так что следов каких-либо внешних или пристроенных ограждений не видно. Хотя общие очертания холма можно проследить с уверенностью, он сильно опустился, а его детали ослабли и стали неясными под воздействием времени и погоды. Тем не менее, это земляное сооружение того же класса, что и Лафтон, Барвик, Каслтон и другие подобные им в Йоркшире и других местах, и вместе с ними оно заслуживает внимания. Возможно, он появился раньше, чем замковая насыпь Пикеринга, и, скорее всего, был заброшен, когда тот был возведен; возможно, когда богатство и власть владельца позволили ему основать лайт или лордство Пикеринг.

ЗАМОК ПОНТЕФРАКТ, ЙОРКШИР.

"НАША ИСТОРИЯ, - говорит Свифт, - полна замка Помфрет"; и хотя это давно уже не так, и Помфрет теперь известен только пирожными и выращиванием корня, используемого для лечения катара и подделки железнодорожного кофе, когда-то он был очень известным, да и сейчас остается очень интересным местом.

Откуда взялось название Понтефракта, когда и где был разрушен его мост - вопросы, над которыми долго ломали голову антиквары, ведь Эйр, единственный поток в округе, через который нужно перекинуть мост, находится в двух милях от города и совсем не в его обхвате.

Из нормандских хартий следует, что это место называлось Киркби - название, несомненно, было дано ему, когда церковь и деревня были основаны как христианское поселение, в те давние времена, когда король Нортумбрии Освальд принял новую веру; это событие, вероятно, было отмечено крестом, который дал название вапентаке, до сих пор известной как Освальдов или Осгодский крест. Киркби, однако, не назван в *Domesday*, хотя, вероятно, уже тогда был бургом. Очевидно, он входит в состав поместья Тейтсхолл, или Таншелф, которое принадлежало королю и к которому примыкали соки Манесторп, Барнеби и Силчестоун. Татесхолл составлял и до сих пор составляет часть города Понтефракта.

Несомненно, это тот самый "Тадденес Сцильф", где в 947 году король Эадред принял подданство архиепископа Вульфстана и нортумбрийского Витана, как записано в англосаксонской хронике с их быстрым нарушением. Уже тогда это место должно было иметь важное значение, и можно не сомневаться, что Витан встречался на месте более позднего замка. Кроме того, это место продолжало оставаться важным, так как во время Завоевания оно было владением короны, и в *Domesday* оно оценено в 20 фунтов стерлингов, имело три мельницы и содержало больницу для бедных. *Domesday*, несомненно, имеет в виду замок Понтефракт, когда пишет, что "*Omnis tornour sedet infra metam castelli Ilberti secundum primam mensuram et secundum novissimam mensuram sedet extra.*" *Мета* - это, очевидно, гарт замка или граница его непосредственных земель, а не военный *энсинт* или занавес вокруг позиции, в отношении которого ни одно измерение не могло быть ошибочным, и не замок, который был гораздо более обширной территорией.

Приход Понтефракт, который является крупным, состоит из шести волостей, одна из которых - собственно Понтефракт. Этот приход - один из двадцати, составляющих вапентаке или сотню.

Леланд, который называет крепость "Замок Снорре", говорит, что до завоевания она принадлежала Ричарду Ашенальду, а затем Эйлрику, Свейну и Адаму, его сыну, внуку и правнуку. У последнего было две дочери, вышедшие замуж за Алекса де Кривекера и Адама де Монбегона. Додсворт называет Ашенальда Аском, все еще великим йоркширским именем, и указывает, что действительно очень очевидно, что норманнские постройки частично стояли на искусственном холме, на котором, несомненно, стоял дом английского лорда, лишенного владений Завоевателем.

Эйлрик - реальное лицо, землевладелец из Domesday, и до Завоевания владел многими поместьями. Свейн был его сыном, получил наследство и передал церковь и часовню монахам церкви Святого Иоанна в Понтефракте. Эйлрик держал свои земли, значительно уменьшенные, под нормандским пожалованием, как и Свейн, и его сын Адам Фиц Свейн, который основал Бреттонский приор и умер около 1158 года, будучи очень значительным человеком. Грамоты Свейна и Адама содержатся в картотеке Понтефракта.

Вильгельм I. был в Каслфорде на Эйре зимой 1069 года, и поскольку он пробыл там три недели, то, вероятно, нашел возможность осмотреть такое сильное место, как английский дом в Киркби, а когда он пожаловал этот округ Ильберту де Лэйси, можно с полным основанием предположить, что он последовал своей обычной практике, приказав построить замок.

Мистер Фриман предполагает, что название Понтефракт могло возникнуть в результате какого-то инцидента, связанного с этим переходом через Эйр; другие считают, что, подобно Ричмонду и Монтгомери, это было импортное название. Однако Ордрик, как замечает мистер Фриман, называет его *Fractus-Pons*, а не *Pons-Fractus*: "Rex... præpeditur ad fracti pontis vada", как будто слова находились в состоянии перехода от описания к собственному имени. Смена названия, безусловно, происходила медленно, так как если в ранней грамоте Роберта де Лейси, второго лорда, есть фраза "de dominio suo de Kirkbi", то в более поздней - "Deo et S^{ti} Johanni et Monachis meis de Pontefract", а Хью де Ланваль, назойливый лорд, по крайней мере в 1120 году, использует более старое название. Роберт из Каслфорда, хороший местный авторитет, писавший примерно через столетие после этого события, говорит, что название связано со спасением множества людей от утопления, когда под ними обрушился мост. Однако в радиусе двух миль от Понтефракта нет реки, способной утопить множество людей.

Кэмден получил свое название от разрушения моста или мостовой, пересекавшей болотистую долину, до сих пор называемую Уош, источники которой бьют близко к северо-западу от замка и пересекают подступы к нему со стороны Ноттингли, у Бабвит-Хаус, где во времена Эдуарда II Джон Бабвит владел землями *juxta veterem pontem de Pontefract*, примерно в четверти мили от замка, что, действительно, доказывает существование моста, хотя и не разрушенного. О том, как здесь собиралась вода, будет рассказано при рассмотрении оборонительных сооружений замка. Возможно, истинная правда в этом вопросе кроется в предположении Хопкинсона, что замок был назван в честь места с таким названием, принадлежащего Де Лейси в Нормандии.

Здесь было обнаружено несколько следов римской оккупации, но их немного. Легеолиум, станция округа, по-видимому, находилась в Каслфорде, в трех милях от него.

Но каково бы ни было происхождение крепости или ее явно донорманнских земляных сооружений, ее история начинается с Ильберта де Лейси, которому Вильгельм пожаловал Ноттингли, большую часть вапентаке и другие земли, включая около 150 маноров, главным образом в Вест-Райдинге, где они заполняют семь страниц "Книги Судного дня", Ноттингеме

и Линкольне, из которых те, что в Йоркшире, были возведены в почетное звание, где Понтефракт, самое сильное и важное место, естественно, стал главной резиденцией. Ильберт, хотя, несомненно, состоял в близком родстве с херефордширским лордом Эвиаса и Холм-Лейси, был совсем другим человеком. Считается, что он построил замок Понтефракт до 1080 года, начав его, вероятно, в связи с визитом Завоевателя в 1069 году. Если сэр Х. Эллис прав, и замок, построенный в то время, был тем, о котором говорится в записи Domesday, то он был быстро завершен. Ильберт также пожертвовал часовню Святого Климента в замке, которая в той или иной форме долгое время сохранялась. Он жил во времена правления Руфуса, от которого получил подтверждение своих пожалований. От своей жены, Хавизы, он оставил Роберта и Хью.

Роберт де Лейси, названный по месту своего рождения "из Понтефракта", утверждает, что построил Клитероу, который, действительно, приписывается его второму сыну. Он также получил подтверждение от Руфуса. От Мод, его жены, у него родился Ильберт, который вместе со своим отцом, после смерти Руфуса, присоединился к Куртуазным против Генриха I и сражался при Тенчбрае. Оба были изгнаны, а Роберт лишился Понтефракта в пользу Уильяма Трансверсуса, а затем Хью де ла Валь, или Ланваль, который владел им до правления Стефана. Роберт в конце концов вернул себе эту честь, но король Генрих потребовал 2000 марков, а де ла Валь получил 150 фунтов стерлингов за земли и 20 рыцарских гонораров, которые были записаны в Liber Niger в 1165 году как принадлежащие "de veteri feodo Pontisfracti". Роберт подтвердил некоторые из пожалований де ла Валь в Ностель и основал клюнийский приорство Понтефракта.

Ильберт де Лейси, следующий лорд Чести, сражался при Норталлертоне и был ревностным сторонником Стефана, после смерти которого перешел на сторону Генриха II. Он женился на Алисе, дочери Гилберта де Ганта, но умер бездетным.

Его преемником стал Генрих де Лейси, следующий брат. Ему приписывают поздние норманнские работы в замке. В Liber Niger он фигурирует как владелец 60 гонораров. Генрих II подтвердил ему честь Понтефракта, а также других английских и нормандских владений его семьи. 12 Генриху II было начислено 79½ гонораров. Он был значительным церковным благотворителем и передал церковь Святого Иоанна и госпиталь Святого Николая, оба в Понтефракте, тамошнему приору. Он основал Кирксталл.

Роберт де Лейси, его сын и наследник чести, присутствовал на коронации Ричарда I. Он умер бездетным в 1193 году.

Наследницей, согласно Дагдейлу, в нарушение принятого правила наследования, стала Альбрета де Лизурс, маточная сестра Роберта. Однако мистер Хантер в своем предисловии к Трубному списку 31 года Генриха I показал, что, по всей вероятности, Альбрета была дочерью Роберта де Лизурес от сестры Ильберта де Лейси, второго представителя этого имени, а значит, двоюродной сестрой Роберта и полнородной наследницей. Этот момент важен, поскольку отменяет то, что считалось исключительным исключением из общепринятого закона. Альбрета вышла замуж за Ричарда Фиц Юстаса, констебля Честера.

Джон, их сын, умерший раньше матери, лорд Понтефракта и констебль Честера, отказался от своего дома Хальтон, принял имя и герб де Лейси и умер в 1179 году, женившись на Алисе де Вере.

Роджер де Лейси, сын и наследник. 5 Ричард I. получил от своей бабушки земли де Лейси. Он посетил Святую землю вместе со своим отцом в поезде короля Ричарда. 7 Ричард I заплатил 2000 марок за ливрею Понтефракта, за исключением замка, который король оставил в своих руках и который он посетил по меньшей мере десять раз в период с 1205 по 1216 год. 1 Иоанна он возобновил рассмотрение вопроса о 20 пошлинах де ла Валь, за ливрею которого он заплатил 500 марок; а 4 Иоанна 1203 года король направил арендаторам письмо, в котором велел им признать Роджера де Лэйси своим господином. Хотя Иоанн продолжал владеть замком, он нанимал Роджера на различные важные должности и сделал его губернатором сильной крепости Шато-Гайяр на Сене, в которой он выдержал очень знаменитую осаду, сдавшись только тогда, когда у него не хватило продовольствия и он был покинут королем. 13 Иоанн платил оброк с $47\frac{3}{4}$ гонораров своих собственных земель, а также с других, находившихся в его владении. Кажется, именно он был тем бароном, который в отсутствие регулярных солдат повел честерских менестрелей на помощь графу Ранульф, когда его окружили валлийцы. Он был отличным солдатом и открытым благотворителем для церкви, и заслужил строку, которой монахи Ханлау начали его эпитафию:...

"Hic sepelitur Heros generosus in orbe Rogerus".

Граф Роджер умер молодым человеком в 1211 году. Он женился на Мод де Клэр, и от нее у него был Джон, его преемник. В декабре, 14 Иоанна 1212 года, Почетная грамота была в руках короля, и он, похоже, свободно распоряжался ее доходами; в 1213 году он распорядился потратить 300 марок из ее доходов на работы в замке Корф.

Джон де Лейси получил конфискат 20 сентября 1213 года и заплатил Джону 7000 марков за ливрею Чести, за вычетом замков Понтефракт и Дюррингтон, которые король оставил себе, и за расходы на содержание которых Питер Фицгерберт имел приказ о Казначействе. Джон, который в грамоте назван Джоном де Честером, присоединился к баронам против короля Иоанна и был должным образом отлучен от церкви папой. Он женился на Маргарет, сонаследнице Саера де Квинси, графа Винчестерского, от Хавизы, графини Линкольнской и сонаследницы Ранульфа, графа Честера и Линкольна. В начале правления Генриха III, в 1232 году, после смерти графа Ранульфа, Хавиза передала графство мужу своей дочери, который носил этот титул до своей смерти, в 1240 году.

Эдмунд де Лейси, сын графа Джона и Маргарет, по умыслу Генриха III был женат на одной из своих иноземных родственниц, Алисе, дочери маркиза де Салюса. Он унаследовал Понтефракт, но не принял титул Линкольна, так как не пережил свою мать. Он умер в 42 году при Генрихе III, в 1258 году, построив в Понтефракте дом Белых монахов, рядом с Барбиканом.

Генрих де Лейси, граф Линкольн, его сын, был величайшим представителем своего рода. Он женился на наследнице Лонгспи и по ее праву стал графом Солсбери. Он был подопечным короля, а в 1272 году был посвящен в рыцари и стал губернатором замка Кнаресборо. Он обнес стеной город Денбиг и начал строительство замка, который, как говорят, оставил незаконченным, потому что его единственный выживший сын утонул в колодце Красной башни. Другой его сын погиб при падении с башни в Понтефракте.

Не имея сына, граф Генрих передал свои владения королю, который 28 декабря 21 года Эдуард I отписал их ему пожизненно, с остатком Эдмунду, графу Ланкастеру, и наследникам его тела. 28 Эдуарда I, королева Маргарет гостила в замке Понтефракт, а во время короткой охотничьей экскурсии в Бразертон, была там внезапно уложена в постель Томасом, вызванным из родового дома. Говорят, что дом, в котором она укрылась, с 20 акрами земли, был обнесен стеной и обнесен рвом, и ей было дано право содержать стену в порядке. Граф

Генри умер в Линкольнс-Инн в 1310 году, оставив дочь Алису, которая вышла замуж за Томаса, старшего сына и преемника Эдмунда графа Ланкастера.

Томас Плантагенет, граф Ланкастер, а также, либо через свою жену Алису, либо по гранту отца, граф Линкольн и лорд Понтефракта, стал наследником. Он много занимался замком и, вероятно, перестроил нижнюю часть крепости, возвел башню Свиллингтон и, несомненно, некоторые сооружения, основания которых сохранились в главном отделении. В 1315 году он также построил Дунстанборо и добавил здания Ланкастеров к Кенилворту. История графа Томаса хорошо известна. С поля Бороубридж он был доставлен в замок Понтефрак, который в то время занимал слабый и мстительный король. Его заключили в Свиллингтонскую башню, судили и осудили в большом зале, а в 1322 году казнили на холме, который до сих пор носит его канонизированное имя, в миле к северо-востоку. Он был похоронен в Приорате. Патент на создание Харкла, одного из его похитителей, графа Карлайла, был датирован из замка, через три дня после казни графа.

Графиня Алиса, чей характер, к несчастью, не был столь неприступным, как ее замок, вышла замуж во второй раз за Эвболо Л'Эстранжа, который умер 9 эдв. III. Ее третьим мужем был Хью де Фреснес, прозванный графом Линкольном. Был и четвертый, более ранний в списке, чьи притязания сомнительны. Алиса умерла в 1348 году, но Понтефрак и другие владения уже перешли, согласно регранту, к брату ее мужа.

Генрих Плантагенет, граф Ланкастер, унаследовал честь брата в 1324 году и умер в 1345 году. Эдуард III, вероятно, сохранил за собой замок. Он был здесь в 1328 году. От Мод Чаворт у графа Генриха был еще один Генрих.

Генрих Плантагенет (Торткол, или Грисмонд), граф Дерби и т. д., а в 1351 году - герцог Ланкастерский. Он умер в 1361 году. Бланш, его вторая дочь от Изабель Бомонт и сонаследница, унаследовала замок Понтефрак и честь.

Джон Плантагенет из Гонта, герцог Ланкастерский, женился на наследнице и стал лордом Понтефракта. Он много жил в Понтефракте и восстановил заводские постройки. Когда Ричарду II угрожала опасность, он снабдил замок продовольствием и привел его в состояние обороноспособности. 12 Ричарда II он получил по хартии "юру регалий" в пределах чести. Часть полузакрытых подвалов в главной палате, по-видимому, относится к его времени. Он умер в 1399 году.

Генрих Плантагенет, Болингброк, герцог Херефордский, впоследствии Генрих IV., сын и наследник, стал преемником, находясь в то время в изгнании. Ричард II, конфисковав поместья, спровоцировал репрессии, которые привели к его собственному низложению. Замок Понтефрак стал его первой тюрьмой и местом предполагаемого убийства. После этого события замок перешел во владение короны. Ричард Скроуп, архиепископ Йоркский, был приговорен здесь к смерти в 1405 году, а в это время Генрих IV много времени проводил здесь, подавляя северные восстания. Многие из его документов датируются 1405-1408 годами.

Генрих V, занятый внешними войнами и имея мир на родине, не имел возможности использовать Понтефрак, который, кажется, был заброшен в военном отношении; но здесь долгое время находились в заточении Карл, герцог Орлеанский, взятый при Азенкуре, и Яков I Шотландский, оба образованные люди и любители литературы.

Во время гражданских разногласий, которые начались при Генрихе VI, замок вновь приобрел важное значение. Здесь был заключен герцог Эксетер, вывезенный из убежища после Сент-

Албанса; а в 1460 году, после битвы при Уэйкфилде, здесь занял пост Эдуард, вокруг которого расположилась его армия. Именно под стенами замка Уорвик убил своего коня на глазах у солдат, сказав: "Пусть бежит тот, кто хочет бежать; я остаюсь с тем, кто остается со мной". Именно в соответствии с этим заявлением король на следующий день выступил из Понтефракта и разбил ланкастерцев у Тоутона. Отец Эдуарда, Ричард, герцог Йоркский, и его брат, граф Ратленд, убитый при Уэйкфилде, были похоронены в Понтефракте. Теперь он добавил голову отца к своему телу и перенес все это из церкви Святого Иоанна в Фотерингей. Во время неудач Эдуарда и его отсутствия в Голландии ланкастерцы использовали Понтефрак в качестве военной тюрьмы.

В 1463 году Эдуард снова был в Понтефракте, а в 1478 году, когда его сопровождали в большом штате, он пробыл там неделю.

Кровавая слава Понтефракта возросла во время правления Ричарда, герцога Глостерского, который отправил сюда Риверса, Грея, Вогана и Хоуза, чтобы казнить их без суда и следствия. Вскоре после своего воцарения он возвел город в ранг муниципального округа.

Замок вновь стал известен в 1536 году, когда Аск и повстанцы из "Паломничества благодати" появились перед ним и вынудили лорда Дарси и архиепископа Йоркского сдать его, что более чем наводит на мысль о вероломстве. Генрих VIII был здесь в 1540 году. Два года спустя сэр Генри Сэвил, будучи губернатором, отвечал за нескольких шотландских пленников, взятых в Солвей Мосс.

Елизавета, ближе к концу своего правления, отремонтировала замок и перестроила часовню Святого Климента внутри него. Король Яков был здесь в 1603 году и сделал замок и почести частью дани своей королевы. Он повторил свой визит в 1616 году и осмотрел недавно основанный колледж Святого Климента в замке. Король Карл был здесь в 1625 году, вскоре после своего воцарения.

Понтефракту вновь предстояло стать местом военного значения. Некогда центр северного баронства, теперь он должен был стать местом сбора аристократии Йоркшира и королевской партии. В 1642 году, когда Карл поднял свой штандарт в Йорке, замок Понтефрак был гарнизонирован очень сильным отрядом местных дворян и волонтеров, с галантным сэром Уильямом Лоутером из Свиллингтона в качестве губернатора. Их мужество вскоре пришлось испытать. После Марстон-Мура и сдачи Йорка сэр Т. Фэрфакс появился перед замком и в декабре 1644 года приступил к его осаде. Основная атака, по-видимому, была направлена на северо-западный угол, где Пикс-тауэр был разрушен и упал, обрушив часть прилегающей к нему куртины. Однако враг не стал штурмовать, и пролом был заделан землей. Затем были испробованы мины, одна из которых была установлена возле Королевской башни, у юго-восточного угла. На них были поставлены ответные мины, для которых земля, мягкая порода, оказалась очень удобной. Очень много шахт было пробито у стен в главной палате, и, несомненно, они все еще существуют. Атака и оборона велись с большим упорством, но в конце концов запасы стали подводить, и дела у гарнизона пошли плохо. Они были доведены до крайности, когда 1 марта сэр М. Лэнгдейл прибыл с 2000 человек из Оксфорда и заставил Ламберта снять осаду, а сам занялся снабжением и укреплением гарнизона.

Однако Парламент был на подъеме, и через несколько дней их войска были набраны и снова появились перед городом.

На этот раз были открыты регулярные траншеи, возведены батареи и проложена полная линия окружения. Она имела овальную форму, полностью охватывая замок и его флигели. Ее

площадь от Миклгейта у госпиталя Ноллис на западе до Монк-Хилла у Нью-Холла на востоке составляла 900 ярдов, от Бэгхилла на юге до середины аббатских замков на севере - 700 ярдов, а в обхвате - около 3 000 ярдов. На этой линии, которая частично прикрывала замок, было устроено двенадцать регулярных оружейных позиций, реданов, или батарей, а также флешы и более легкие укрепления на промежуточных куртинах для отражения частых вылазок гарнизона. Командовал генерал Сэндс, а губернатором города был генерал Овертон. Нью-Холл, большой особняк Тальботов, расположенный к востоку от замка и за его пределами, был укреплен и занят сэром Джоном Сэвилем. Гарнизон удерживал Свиллингтон-Тауэр, башню большой церкви, и Невиллс-Маунт - кавалерийскую башню, возведенную ими внутри барбакана, на которой стояла большая железная пушка. Эти передовые укрепления принесли большую пользу, так как они одновременно замедляли осадные работы и защищали гарнизон от постоянных вылазок.

Окопы были открыты в марте, но только 24 мая батарея была открыта для стрельбы по крепости. Тогда генерал Пойнц принял командование атакой. Однако уже в конце мая церковная башня была разрушена, и пост, таким образом, был оставлен. Несмотря на катастрофические новости из Нейсби, Лоутер продолжал держаться, и только 20 июля, после четырех месяцев осады, без дальнейшего снабжения магазинами и боеприпасами и без шансов на помощь, он сдался на отличных условиях. За падением Понтефракта через три дня последовало падение замка Санда, в пределах сигнала от его башен.

Парламент пощадил Понтефракт из-за его силы и ввел туда генерала Коттрелла с гарнизоном. Роялисты, однако, все еще были сильны в округе, и 6 июня 1648 года он был возвращен благодаря измене Морриса, ренегата, но человека мужественного. Быстро был собран гарнизон, и замок снова стал центром роялистов.

Таким образом, возникла необходимость в третьей осаде, и сила этого места была такова, что, даже будучи обескураженными роялистами, она обещала быть нелегкой. Назначенный генерал Рейнсборо погиб, так и не приняв командование, которое сначала перешло к сэру Х. Чолмли. Некоторое время здесь присутствовал сам Кромвель, и его имя носят работы на северном фронте. Командование он оставил за Ламбертом. Тем временем смерть короля раздробила партию, и, поскольку окончательный успех был невозможен, губернатор Моррис выслушал условия. Он сам и некоторые другие были исключены по именам. Возникшее таким образом затруднение было искусно обойдено. Исключенных сократили до трех человек, их замуровали в одной из подземных камер, снабдили пищей и воздухом, и заставили Ламберта поверить, что они сбежали. Затем замок был сдан, Ламберт вошел в него 24 марта 1649 года, и так как он не стал удерживать место, трое преступников благополучно скрылись. Парламент приказал снести замок, и единственная запись о деталях его частей сохранилась в расписании его разрушения. Материалы - древесина, свинец, стекло и железо - были проданы за 1 779 фунтов 17 шиллингов. 4d., из которых £777. 4s. 6d. составили стоимость сноса, 1000 фунтов стерлингов были выплачены городу, а остаток в размере 2 фунтов 12s. 10 d. достался Содружеству. Этот последний кредитор, однако, получил впоследствии задолженность в размере 145 фунтов 11 шиллингов. 7d., и так, в отчете о прибылях и убытках, завершилась история одной из самых сильных и великих крепостей на Севере.

ОПИСАНИЕ.

Расположение и размеры замка были достойны великих баронов, при которых он был построен, и слишком благородны для событий, с которыми связано его название. К северо-востоку от Понтефракта и в трети мили от рыночного перекрестка виднеется весьма

примечательная скала овальной формы, стороны которой представляют собой частично крутой склон, а частично утес высотой от 30 до 40 футов, поднимающийся из осыпи, которая с северной, южной и восточной сторон спускается в две глубокие естественные долины, соединяющиеся на северо-восточном фронте. На юго-западном конце также находится естественная впадина, отделяющая скалу от города, которая была несколько углублена искусством, а скала была обтесана и, где необходимо, укреплена, так что в результате получилась почти неприступная крепость. Однако это описание требует небольшого дополнения в отношении восточного фронта. Здесь, сразу за стеной, находится ров, почти полностью искусственный, а за ним - почти ровная площадка, за которой, опять же, находится естественная долина. Поскольку было необходимо засыпать землю, ее обнесли стеной и превратили в то, что называлось барбаканом, но на самом деле являлось двойным заграждением за пределами замка, прикрывающим главный вход. Таким образом, замок состоял из главного отделения, занимавшего скалу, и внешнего и внутреннего барбиканов, прикрывавших юго-восточный фронт и вход.

Главная палата занимает всю вершину скалы. В плане это неправильный овал, 150 ярдов на северо-восток и юго-запад и 103 ярда в поперечном диаметре. Из этой площади сегмент на юго-западном конце, глубиной 37 ярдов, или на "сагитте", занят приподнятой платформой, на которой находятся хранилище и остатки различных зданий, а меньший сегмент на северо-восточном конце занят основаниями других зданий, включая часовню. Если уподобить это сооружение палубе корабля, то конец храма будет крышей и т.д., другой конец - форштевнем, а большое промежуточное пространство - талией.

В настоящее время северо-восточная платформа выглядит как земляная насыпь, неровная и примерно на 20 футов выше уровня местности. В плане она довольно полулунная, и, очевидно, состоит из подвалов и руин зданий, мягкий красный песчаник которых легко превращается в почву. На лицевой стороне, обращенной к палате, высотой от 2 до 6 футов, видны лепнина и цоколь ряда зданий, которые возвышались над уровнем главной палаты, и, похоже, включали многоугольную башню или башенку. Все, что видно, выполнено из отличного пепла, с камнями большого размера, и работа выполнена в основном в перпендикулярном стиле. Сзади, вдоль края скалы, находится куртина, часть которой представляет собой укрепление, заполняющее неровности скалы. Эта платформа возвращается на несколько ярдов вдоль восточного фронта к куртине, и там виден цокольный этаж часовни Святого Климента, не раз перестраивавшийся с момента ее первого норманнского основания.

Куртина вдоль гребня, где скала высока, кажется, была простым парапетом. На северо-востоке, где только склон, куртина очень высокая и огромной толщины; многое разрушено, но то, что осталось, показывает, что она была толщиной 15 футов у основания и 11 футов при высоте 24 фута. Главные ворота находились в занавесе у южного конца. Судя по рисункам, они были прикрыты небольшой квадратной башней, причем наружные и внутренние порталы не были противоположны.

Основной интерес к замку представляет его юго-западная платформа. Она примерно на 20 футов выше главной палаты, а у ее южного угла на ней возвышается конический курган с плоской вершиной, поднимающийся примерно на такую же высоту.

По направлению к главной палате эта платформа опирается на крепостную стену высотой от 12 до 14 футов, из хорошего грубого пепла, из крупных камней, с основанием в 4 фута, а над ним - цоколь еще около 4 футов, два смещения которого представляют собой обычные фаски. Несомненно, это была навесная стена. В стене, недалеко от ее центра, находится

широкое арочное углубление, называемое "Королевским местом", вероятно, из-за предания о том, что в нем сидел Ричард II, что вполне вероятно. В северном конце платформа возвращается примерно на 25 ярдов вдоль западной куртины. Различные признаки показывают, что эта платформа была покрыта зданиями, большинство из которых, как и подпорная стена, были норманнской эпохи, и от которых сохранились подвалы, хотя и сильно засыпанные. От *энсинта*, или навесной стены, поддерживающей внешнюю сторону платформы, остались только нижние 30 футов, или укрепительный вал. Она начинается на некотором расстоянии вниз по склону, очень прочная и построена впритык к скале. У юго-западного угла находилась башня Казначей или Пикса, руины которой до сих пор высятся над склоном. Пройдя на юг, стена поднимается и становится более совершенной. В ее внешнем основании, примерно в 30 футах ниже вала, находится норманнский постерн, очень совершенный, который, вероятно, находился в основании старой Красной башни. Далее, позади и на одном уровне с вершиной стены, находятся остатки ранних зданий. Один из них представляет собой конец круглого свода длиной около 16 футов, сложенного из грубого щебня, но опирающегося на хорошие стены из пепла, и имеющего вставленное позднее окно. Он называется "Тюрьма короля Ричарда". Рядом с ней находится прямоугольная шахта, 8 футов на 4 фута, но которая, на несколько футов ниже, увеличивается до восьми футов в квадрате, арка с круглой головкой поддерживает верхнюю половину. Сейчас глубина шахты составляет около 40 футов, и она сухая. Ее называют колодцем, но, скорее всего, это шахта садового погреба.

За ним возвышается курган, вершина которого имеет круглую форму, около 20 ярдов в поперечнике, и на 40-50 футов выше главной палаты, и гораздо больше над внешним основанием *энсинта*, частью которого он является. Те, кто формировал курган, несомненно, придали ему естественный уклон по всему периметру, разместили свое сооружение на его вершине и, сделав его частью своей линии обороны, подвели общий частокол к его вершине с обеих сторон. Норманны, завладев городом, поступили иначе. Они обтесали мягкую породу, составляющую ядро кургана, с внешних сторон, придав ей форму круглой башни в три четверти, а затем облицовали ее очень прочной стеной, так что, хотя это был действительно прочный бастион, он имел вид великолепной полуциркульной башни диаметром 70 футов. Когда этот сегментный бастион был доведен до высоты 50 или 60 футов, то есть до уровня вершины кургана, стена была продолжена по всему периметру, и цилиндр был завершен, так что курган был увенчан регулярным панцирем диаметром 60 футов и высотой, вероятно, 25 футов, который действительно был тем, чем только казалась его подконструкция, - башней из каменной кладки. Поскольку скала была неправильной формы, этот процесс был повторен, и на севере образовался второй бастион меньшего размера, а возможно, и третий. Леланд говорит о донжоне как о состоящем из трех больших и трех малых круглых бастионов; из них сейчас сохранилось только два. Эти грандиозные бастионы по-прежнему составляют самую красивую часть замка, возвышаясь над дорогой, ведущей от железнодорожной станции в город, на гребне крутого склона. Они облицованы крупными блоками песчаника, превосходно сложенными ашларами, со смелым выступом у основания. Мягкий характер породы позволил выкопать внутри ячейки и лестницы, некоторые из которых до сих пор открыты. В большом бастионе, у его внешнего основания, рядом с углом покрытия, проем с плечевой головкой - потерна - открывается в круглый проход, частично вырубленный в скале, а частично сводчатый. Отсюда один путь ведет в настенную камеру, другой - вверх по крутой лестнице, вырубленной в скале, но имеющей ряд навесных арок, поддерживающих крышу. На высоте 30 футов эта лестница ведет на открытую галерею, с которой открывается вид на крепость, а с нее снова поднимается крытая лестница к основанию самой крепости. Бутройд приводит еще три раскопа, в одном из которых находился колодец, упомянутый Леландом. Кроме них, оставшиеся фрагменты собственно

крепости содержат основание колодезной лестницы, вероятно, поднимавшейся к крепостным стенам, и шахту, вероятно, от садового домика примерно на том же уровне.

Главный вход в замок находился в нескольких ярдах к востоку от крепости, в южной куртине. От ворот в замок вела узкая лестница, которую можно увидеть и сейчас. Другая, с другой стороны, до сих пор спускается из замка к тюрьме короля Ричарда.

От замка по склону спускается отрог стены, которая должна была прикрывать подступы к замку, как в Хавардене и Конингсборо. Очевидно, она пересекает ров и является частью барбакана. Таким образом, в крепость можно было быстро и напрямую попасть тремя путями, все они были узкими и хорошо защищенными: один - с внешней стороны через потерна, другой - от главных ворот, а третий - с западных валов. По сути, кладка и устройство этого замка явно норманнские, но все было переоборудовано и, несомненно, перестроено в перпендикулярный период.

Следует упомянуть об очень любопытном и раннем раскопе в главной палате. На поверхности, в нескольких футах от королевского кресла, вырубленная в скале лестница спускается почти на северо-запад, а на расстоянии 70 футов находится устье квадратной шахты, освещающей проход внизу. Спустившись вниз, тридцать три ступени круто ведут в галерею шириной 4 фута с нависающей крышей. Немного ниже, справа, видны следы цилиндрической лестницы, несомненно, первоначального входа, но теперь разрушенной, вместе с башней, в основании которой она, несомненно, находилась. У подножия лестницы находится простая круглоголовая дверная коробка, очевидно, позднего норманнского периода. За ней лестница возобновляется, а десятью ступенями ниже спуск прекращается, и проход раздваивается: короткое ответвление идет на север, а другое, чуть длиннее, - на восток. Перед развилкой часть прохода сводчатая из мелкоштучного ясеня, с двумя простыми круглыми ребрами. В стене справа находится круглоголовое углубление для лампы и начало другого прохода, также круглоголового, но оставленного в виде простого углубления. Над развилкой открывается шахта, представляющая собой усеченную пирамиду размером 6 футов на 12 футов и глубиной 30 футов. В развилке вала находятся две небольшие продолговатые камеры с остроконечными крышами. Они сообщаются друг с другом и с проходами узкими стрельчатыми дверными проемами. Котлован сейчас называется магазином и, несомненно, использовался во время осады; но он относится к норманнскому и раннеанглийскому периоду и, вероятно, предназначался для погреба. Расположение камер вряд ли подходит для тюрьмы. Нынешний вход - явно пристройка, открытая, когда колодезная лестница пришла в негодность.

Осталось обратить внимание на некоторые внешние моменты. Если покинуть крепость и пройти на северо-запад вдоль подножия западного фасада, то можно увидеть, что стена явно норманнская, а недалеко от центра этого фасада находится оригинальный норманнский столб. На лицевой стороне стены находятся две широкие неглубокие пилястры, шириной 8 футов на 6 дюймов, между которыми расположена простая арка с круглой головкой, а под ней - дверной проем с сегментной головкой, открывающийся на 4 фута, без портупей, но с фальцем для двери и отверстиями для двух прочных засовов. Он открывается в прямой сводчатый проход, около 5 футов шириной, высокий, также круглоголовый, из отличного пепла и явно норманнский. Он тянется примерно на 15 футов, а затем загромождается. Возможно, он заканчивается колодезной лестницей и может быть легко раскопан. В более поздние времена, вероятно, в эпоху Перпендикуляра, этот колодец был заброшен, а дверь превращена в петлю и заблокирована обычными оконными ступенями внутри.

Следуя вдоль основания скалы по северному фронту, можно увидеть, что она была тщательно заделана каменной кладкой; а под северным - западным углом, под тем, что было башней королевы, большая трещина в скале была выложена пеплом и перекрыта аркой с круглой головой из хорошей каменной кладки. Она похожа на большой кавалерийский плац, но является всего лишь углублением. У подножия осыпи на западном фронте, примерно в 180 ярдах от стены, находятся остатки Свиллингтонской башни, пристройки, построенной Томасом графом Ланкастером, в которой, как говорят, он был заключен в тюрьму. Сохранилась примерно половина подвала. Башня была 46 футов в квадрате, со стенами толщиной 10 футов 6 дюймов. Она предназначалась для наблюдения за подходом с севера и была очень полезна во время осады в качестве фланговой защиты. Несомненно, двойная стена соединяла его с главной крепостью, но от нее не осталось и следа.

Похоже, что в Понтефракте, как и во многих других внутренних замках, через долину под городом была переброшена плотина, и таким образом были созданы условия для обороны и работы мельницы. Похоже, что так было и здесь, под северным фронтом. Долина была превращена в озеро, служившее для питания двух мельниц, от одной из которых остались следы в 1806 году, а другая, нижняя, была удалена в 1766 году, когда плотина была сровнена, а бассейн превращен в луг. Мост Бабвит, несомненно, пересекал этот бассейн в месте, которое до сих пор называется "Помойка".

Почти все следы Барбакана исчезли, но память о нем и его местоположение сохранились в Барбакан Хаус, Роу и Гарден, а между холмом Асс и цепью замка остался фрагмент, вероятно, нижних ворот. К Барбакану вели два подхода - со стороны города и со стороны большой церкви, которые встречались во внешней части Барбакана. Перед северным входом до сих пор сохранился хороший, но поздний Тюдоровский дом, в переднюю часть которого был вставлен старинный каменный щит с тремя львами Англии и вырезанным в рельефе ярлыком из трех точек - реликвия, вероятно, времен королевской резиденции в замке. Стиль щита ранний, а герб указывает на старшего сына короля Англии, до того как Эдуард III ввел лилии Франции.

Вид Бутройда с высоты птичьего полета дает общее представление о замке до его разрушения. В нем было восемь башен с фресками: кипер, Красная башня, башня казначея или Пикс, башня Свиллингтона перед стеной, башня королевы, башня короля, башня констебля и привратническая башня. Все они, кроме замка, были прямоугольными, возможно, норманнскими. Из них сохранились только башня и руины Пикс-Тауэра: остальные, с большим залом, кухнями и жилыми помещениями, были тщательно удалены парламентским подрядчиком, хотя, вероятно, несколько фунтов, потраченных на раскопки, позволили бы увидеть подвалы и определить общий план.

Если рассматривать общие свидетельства, которые дают остатки этого замка, то становится ясно, что в донорманнские времена он был сильным местом; те, кто его укреплял, разместили насыпь в самом слабом месте.

Большая часть оставшейся каменной кладки - норманнская, и не исключено, что ранняя. Стена *энсинта*, здания, связанные с ним на западной платформе, задняя стена платформы, старый почтовый ящик, внутренняя часть хранилища и магазин - все это, кажется, по существу норманнское. От раннего английского и декорированного периодов остались очень слабые следы, но очевидно, что при Ланкастерах, в перпендикулярный период, многое было добавлено. Вероятно, были построены здания на северо-восточной платформе. Часовня Святого Клемента была перестроена, башня Свиллингтон дополнена, башня перестроена, а также многое было сделано для ремонта палат и лестниц внутри.

Бутройд, чья история, при всех ее недостатках, должна быть упомянута с уважением, приводит копию счета, предъявленного за разрушение сооружений, план осадных работ и вид замка с высоты птичьего полета.

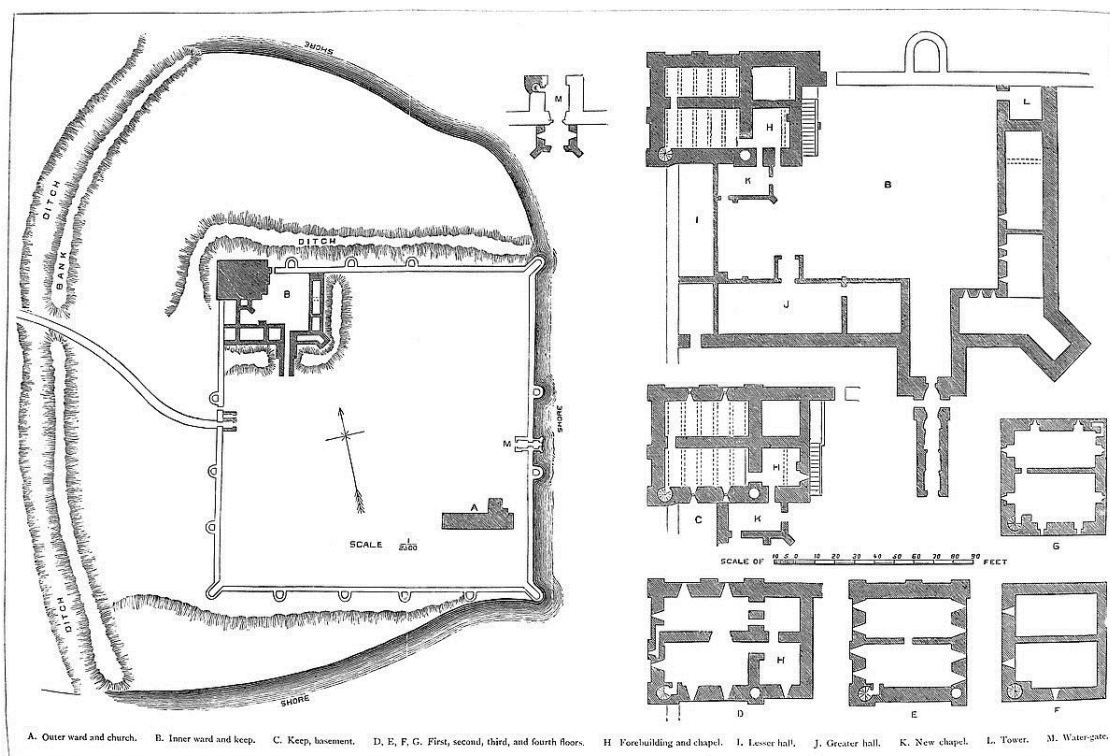
Как бы ни был он разрушен и за многие годы превратился в простой сад лакрицы, в нем осталось достаточно ценного, чтобы очень заинтересовать тех, кто знаком с нашими древними военными сооружениями, и особенно с теми из них, которые имеют саксонское или английское происхождение и были переделаны в соответствии с норманнской модой на оборону.

ЗАМОК ПОРЧЕСТЕР, ХАНТС.

Хотя Англия богата римскими остатками и полна материальных следов всепроникающей энергии этой расы завоевателей и колонизаторов, эти остатки представляют собой главным образом дороги, лагеря, фундаменты домашних построек, реже - крепости или военные сооружения в каменной кладке. Из этих последних главными являются Берг, Керлеон, Кервент, Кайстор, Певенси, Ричборо и Силчестер; части Колчестера, Линкольна, Вроксетера и Йорка, а также несколько следов в Честере и Лестере. Но из этих немалых остатков ни один не может сравниться с Порчестером по полноте сохранности и лишь немногие - по площади.

То, что Порчестер является римским городом, не вызывает сомнений, хотя эта уверенность вытекает не из его ранней истории, о которой мало что сохранилось, а из доказательств, предоставленных его планом, материалами и мастерством, подтвержденных в некоторой степени отношением его стен к дополнениям норманнского периода; кроме того, несомненный римский путь соединяет Порчестер с Вента Бельгарум или Винчестером.

Эта знаменитая крепость построена на низком участке суши, выступающем во внутреннюю или северную часть Портсмутской гавани, разделяя этот просторный и уединенный залив на две части, и выражая в своем названии как свое положение, так и характер. Он расположен примерно в 3 милях над узким входом, который, огибая города Портсмут и Госпорт, является проходом из более крупного и внешнего рейда Спитхед.

- А. Внешний приход и церковь.
- В. Внутреннее отделение и хранилище.
- С. Хранилище, подвал.
- D, E, F, G. Первый, второй, третий и четвертый этажи.
- Н. Передний корпус и часовня.
- I. Малый зал.
- J. Большой зал.
- К. Новая часовня.
- L. Башня.
- М. Водяные ворота.

ПОРЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

В своем нынешнем и довольно идеальном состоянии Порчестер представляет собой обнесенный стенами замок, квадратный или почти такой, площадью около 9 акров. Стены замка, согласно более крупной съемке Ordnance, составляют 210 ярдов на север и юг и 207 ярдов на восток и запад. Их высота варьируется от 15 до 40 футов, а толщина - от 6 до 10 футов. Снаружи их поддерживали четыре настенных бастиона на каждой грани и по одному на каждом углу, всего двадцать, из которых шесть в разное время были удалены: два с востока, по одному с севера и с запада, и по два с северо-западного и юго-восточного углов. Оставшиеся бастионы полукруглые, диаметром от 19 до 20 футов, со слегка вытянутыми и уплощенными сторонами. Угловые бастионы построены по той же схеме. Северо-западный бастион был снесен, чтобы освободить место для храма; юго-восточный обрушился, подорванный морем. Два оставшихся открыты в ущелье, как и два на восточном фронте. Остальные закрыты, и, вероятно, все они были такими изначально, поскольку внутренняя отделка очень грубая и, похоже, должна была быть скрыта землей и мусором, как это часто делалось в римских бастионах. Вероятно, некоторые из тех, что сейчас открыты, были

расчищены норманнским архитектором, чтобы использовать внутреннее пространство, но стена ущелья одного из бастионов на юге недавно поддалась, и внутреннее пространство выглядит таким же грубым, каким его оставили римские строители. В настоящее время эти бастионы, за одним исключением, возвышаются не выше занавеса, что, несомненно, является их первоначальным состоянием, но кажется вероятным, что норманны надстроили над ними один этаж и таким образом превратили их в настенные башни. Они находятся на расстоянии от 41 до 42 ярдов друг от друга, от центра до центра, причем расстояния немного неравные. С западной стороны два бастиона, обрамляющие ворота, находятся на расстоянии 48 ярдов друг от друга.

Стены сложены в основном из кремневых желваков, уложенных в ряд с такими же толстыми или даже более толстыми слоями раствора. Изредка встречаются одинарные и двойные плоские ряды красной черепицы и черепичного камня, а иногда и селедочной кости - характерные особенности, особенно ярко выраженные в бастионах. Работы, по-видимому, относятся к позднему римскому периоду. Стены были облицованы камнем из Кана, а более поздние строители - галтованным кремнем, а в последнее время - кирпичом. Местами парапет может быть норманнским, но вряд ли это относится к большей его части, которая, должно быть, часто обновлялась. Два отсутствующих бастиона на востоке, судя по заплаткам, вероятно, исчезли, когда ими завладели норманны. Один из них на западной стороне, очевидно, стоял в эпоху Перпендикуляра, а тот, что у юго-восточного угла, обрушился всего несколько лет назад. Здесь по-прежнему есть восточные и западные, водные и сухопутные ворота, а в римский период их, по-видимому, не было.

Восточная сторона омывается морем, которое здесь является хорошей защитой, поскольку слишком мелко для лодок и слишком глубоко для сухопутных операций. На этой стороне куртина особенно высока, достигая 40 футов, а в основании ее парапета находится ряд небольших отверстий, как будто для деревянной галереи или *брето*, несомненно, посленорманнского добавления. Между южной стороной и морем находится треугольная полоса плоской земли, ширина которой в самом широком месте составляет 60 ярдов. Для того, чтобы контролировать ее и защищать подножие стены, у стены был насыпан вал или земляная платформа, высотой около 6 футов и шириной 24 фута, перед которой находится легкий ров, продленный на запад до передового рва, чтобы предотвратить любой подход за угол этого места. Высота куртины здесь составляет около 30 футов.

На северном фронте край земли гораздо шире и отрезан глубоким и широким рвом, сообщаясь с морем, который поворачивает к северо-западному углу и тянется вдоль западного или главного фронта почти до больших ворот; похоже, что первоначально этот ров охватывал весь фронт и простирался до моря, но разводной мост ворот был заменен на дамбу, и дальнейшие следы рва слабы, так как он был засыпан к югу от дамб с некоторой тщательностью.

В дополнение к этим специальным защитным сооружениям все сооружение покрыто глубоким рвом с высокой внутренней насыпью, который был прорезан от моря до моря прямо через язык, на котором стоит замок. Длина рва составляет около 300 ярдов, от 50 до 100 ярдов к западу от западного фронта или перед ним, образуя ломаную кривую с острием около центра. По очертаниям он грубый, и поскольку на нем нет следов каменной кладки, вероятно, он был обнесен острогом. Выемка для входа расположена значительно севернее главных ворот, так что подход к ним был косым и подвергался анфиладе со стороны замка. Эта работа выглядит скорее как английское дополнение перед прибытием норманнов. Нет никаких следов прямоугольного лагеря или земляных работ более раннего времени, чем стены. Они построены на естественном грунте, и разница между внутренним и внешним

уровнем практически отсутствует. В каком состоянии римляне оставили или их преемники нашли описанные сооружения, неизвестно. Вряд ли кто-то мог пренебречь таким удобным ограждением, так хорошо обустроенным. В Domesday "Porcestre" - это поместье, о котором есть длинная и довольно подробная запись. Упоминается "халла", или усадьба, или зал, но не упоминается замок. Возможно, он уже не использовался как крепость, но, вероятно, тогда и задолго до этого был приходом с церковью в его пределах.

Норманны какое-то время довольствовались существующей стеной, ведь только в 1133 году Генрих I основал здесь приорство для августинских каноников и построил небольшую и простую, но очень полную церковь Святой Марии, которая также была приходской и большая часть которой осталась неповрежденной. Вероятно, немного раньше этого, судя по внутренним признакам зданий, он приступил к преобразованию римской в норманнскую крепость. Для этого он построил прямоугольную крепость у северо-западного угла, примерно в 10 футах от линии стены, удалив для этой цели около 60 футов прилегающей куртины с каждой стороны, а также закрывающий угол бастион. Выступ храма в основном направлен внутрь. Кажется, что он опирается на естественную почву, в том углу, который немного приподнят. Считается, что он стоит на искусственном холме, но более вероятно, что его основание было обнесено землей, вынутой из рва, который здесь и глубок, и широк. Замок нуждался в защите как со стороны большого внутреннего двора, так и со стороны поля. Чтобы обеспечить это, а также отделить замок от церкви, Генрих дополнительно огородил цокольный двор площадью 67 ярдов к востоку и западу, 47 ярдов к северу и югу, то есть примерно одну четвертую часть всей территории, на которой стоял замок и которую с северной и западной сторон образовывала большая куртина. Вход находился на южной стороне, у юго-восточного угла, и эта внутренняя стена была покрыта мокрым рвом, питавшимся через водоотвод в северной куртине от внешнего приливного рва, который завершал изоляцию внутренней части от внешней.

Церковь была размещена в юго-восточном углу внешнего прихода, по диагонали напротив нового прихода, которому соответствовало ее ограждение. Здания монастыря стояли против церкви с южной стороны и простирались до римской куртины, которая носит следы норманнских изменений. В Кайстере, в Норфолке, где приходская церковь стоит в аналогичном корпусе, она занимает юго-западный угол. Стена, которая, вероятно, отсекала монастырь от остальной части внешнего прихода, исчезла. Западная, или сухопутная, сторожка внешней палаты была перестроена по нормандскому образцу, но восточные, или водные, ворота остались без изменений.

Кипер отвечает обычным требованиям, предъявляемым к подобным сооружениям. Его внешнее основание имеет размеры 65 футов на север и юг, 52 фута на восток и запад; высота первоначально построенной башни составляла около 55 футов, а завершенной - 100 футов. На западном фронте три широкие полосы пилястр, слегка выступающие, поднимаются от земли, независимо от цоколя, на высоту, превышающую половину нынешней высоты башни. На северном фронте расположение такое же, за исключением того, что нижняя половина пилястры на востоке объединена со стеной здания, закрывавшего вход в кипер, на восточной стороне. На южной стороне только две пилястры, центральная опущена. Восточный фас снова отличается: здесь цокольный этаж перекрыт передней частью здания, и есть только одна пилястра, в северном конце. Эти пилястры на северном, западном и южном торцах поднимаются до уровня второго этажа, где и стена, и пилястры уменьшаются за счет отступа. Стена больше не понижается, но пилястры имеют два или три быстрых захода, прежде чем уходят в стену. Недалеко от этого места находился уровень основания первоначального парапета. Углы сплошные, то есть без выемок. Две пилястры,

закрывающие юго-западный угол, выступают немного смелее остальных и содержат колодезную лестницу, голова которой открывается в низкую башенку. На остальных трех углах нет ни башенок, ни их следов. Они были естественным завершением пилястр, покрывающих углы, и поскольку они не доведены до вершины, возможно, что обычные башенки также были опущены. Нынешняя башенка, вероятно, относится к декоративному периоду. Северный и южный парапеты горизонтальны, но восточный и западный поднимаются к центру, образуя очень низкий скат - необычное очертание для такого здания, которое ничем не объясняется в устройстве крыши. Внешний облик храма не содержит особых украшений. Единственное исключение - колонна на высоте 12 футов от основания на западной стене, которая имеет на нижней стороне заготовку очень тонкой лепки. Струна ограничивается этой стороной и стеной, будучи остановленной пилястрами.

Материал, из которого построена крепость, как внутри, так и снаружи, состоит в основном из канского камня, облицованного пеплом, с сердцевинкой из мелового кремня. Камни от 4 до 6 дюймов в квадрате на лицевой стороне; выше они, возможно, немного больше, но разница между оригинальной работой и дополнениями незначительна. Камни парапета еще крупнее и, судя по рассказам, привезены с острова Уайт.

Толщина стен у основания в среднем составляет около 11 футов, а на втором этаже - около 7 футов. На вершине они составляют около 6 футов, поэтому уменьшение толщины необычайно мало. Внутреннее пространство разделено поперечной стеной, идущей с востока на запад, толщиной от 5 футов до 3 футов 6 дюймов. В здании есть подвал и четыре этажа. Вход находился в первом этаже, а винтовая лестница, единственная, занимала юго-западный угол и поднималась со второго этажа, а может быть, и от основания, к бойницам, сообщаясь, вероятно, с каждым этажом дверями, из которых все, кроме одной, замурованы. В юго-восточном углу находилась труба колодца с аналогичными коммуникациями. Полы во всех этажах были деревянными, балки упирались в отверстия в стене. Внутренние перегородки, уменьшающие толщину стен, неравномерны.

Две подвальные камеры не совсем равны, южная из них больше. Их высота около 12 футов, каждая имеет петлю в западном конце и по две в северной и южной стенах, всего шесть; они открываются на 6 дюймов, имеют круглую головку и помещены в прорези из часового стекла, с углублениями внутри и снаружи на 2 фута. Дверь в колодезную трубу видна, хотя и заблокирована, а дверь на лестницу, похоже, была закрыта и уничтожена. Каждая из этих камер имеет свод с низким остроконечным стволом, идущим с востока на запад, и укрепленным шестью очень глубокими тонкими ребрами с полыми фасками. Они были отрезаны от свода, но фронтоновые ребра остались прикрепленными к стене, а секции остальных видны на их источниках. Эта работа выглядит как ранний перпендикуляр, или, возможно, немного раньше. Она превосходна и слишком хороша для погреба, хотя, несомненно, предназначалась специально для хранения королевских приамковых вин, которые составляли часть доходов и часто хранились здесь. Между сводами есть дверь, расположенная у западного конца поперечной стены, и внешняя дверь в восточной стене южного свода, которая, вероятно, открывалась, когда своды поворачивались, а винтовая лестница закрывалась. Однако это может быть первоначальная дверь, открывающаяся из подвала в подземелье в основании передней части здания, или же она могла быть связана с внешней дверью в самой передней части здания. В этом вопросе трудно быть уверенным.

Первый этаж также состоит из двух палат, длиной 43 фута, шириной 21 фут и 18 футов 6 дюймов. На этих этажах находятся две государственные комнаты, высота которых до деревянного потолка составляла 24 фута. В северной и южной стенах находятся по два окна, круглоголовые, с проемом в 2 фута, из часового стекла, с проемами в 3 фута снаружи и 5

футов внутри. Подоконник ниши находится на высоте 4 футов над полом, а сама ниша - на высоте 12 футов. Ее углы заняты смелой бусиной или обрученным валом, с основаниями и листовыми крышками, откуда бусина идет вокруг головы. Кроме этих четырех окон, в каждом западном конце есть еще одно, такого же характера, но с углублением высотой 20 футов и без бусинок на углах. Два южных окна, вероятно, были замурованы, когда был пристроен внешний меньший зал, и свет перестал быть объектом в храме. В северной камере западное окно также закрыто. Двери в колодец-шахту и на лестницу были закрыты в современное время. В поперечной стене имеется большой современный пролом. Старая дверь находилась у западного конца; кроме того, в юго-западном углу северной комнаты была дверь, открывавшаяся в небольшой садовый домик в западной стене. Она частично замурована, но петля видна в центральной пилястре, снаружи. Главный вход в замок находится на этом этаже, в восточной стене южной палаты. Он круглоголовый, с проемом в 4 фута 6 дюймов, совершенно простой, без фаски или фальца, который, несомненно, был срезан. Очевидно, она является оригинальной. В восточной стене северной камеры есть две двери, но это современные проемы.

Второй этаж, высотой 13 футов, был чердаком первоначального здания и представлял собой просто ряд мансард. Крыша была очень необычной. Над поперечной стеной находился центральный конек, а над серединой каждой камеры - ендова или желоб, из которого крыши поднимались к внешним стенам. Таким образом, в поперечном сечении крыша представляла собой центральный треугольник, разделенный поперечной стеной, а с каждой стороны - полутреугольник, образованный внешней стеной; в каждом из четырех полуфронтонных, образованных таким образом в восточной и западной стенах, находилось небольшое круглоголовое окно, всего восемь. Окна сохранились, как и каменный флюгер, по которому можно судить о разрезе ранней крыши. Крыши были крутыми, и поэтому их нельзя было использовать в качестве платформы для оборонительных машин или для хранения ракет. В поперечной стене толщиной 3 фута находится высокая, очень простая дверь с круглой головкой и проемом 2 фута 6 дюймов, сообщающаяся между половинами разделения центральной крыши. На южный чердак можно было попасть по колодезной лестнице, а вот как попадали на три северных чердака - неизвестно. В северной камере, под самым южным из двух восточных окон, сохранились следы двери, которая, несомненно, вела на бойницы передней части здания, закрывавшие главную дверь, как в Скарборо, Ричмонде и других местах. Устройство первоначальной крыши напоминает крышу Хелмсли, очень позднего храма, которая также была поднята.

Вскоре после завершения строительства этой крыши, уже в нормандский период, было решено поднять замок на две ступени, для чего чердаки крыши были превращены в обычный второй этаж. Подобное было сделано в Ричмонде и Бридженорте.

Высота третьего этажа, построенного тогда, составляет 18 футов. Он довольно простой, без проема в поперечной стене и с одним маленьким окном в каждой западной стене. Как попали в северную камеру, неизвестно. Нынешний этаж находится на 3-4 фута выше первоначального. Следующий, четвертый или верхний этаж, высотой около 15 футов, с поперечной стеной толщиной 3 фута 6 дюймов, из грубого бутового камня, а внешние стены с обеих сторон выложены из пепла. В южной палате четыре окна: в южной стене два окна, с плоской головкой, но под рельефной аркой с полным центром снаружи, а внутри - в углублении, также с полным центром, с проемом в 5 футов 6 дюймов. Все они совершенно просты. Аналогичное окно находится в восточной части. Окно в западной части имеет аналогичный вид, но с одним светом; а в северной камере два окна с северной стороны и по одному в каждой части также имеют один свет. В восточной стене этой камеры небольшая

дверь открывается Г-образным фресковым проходом, поворачивающим в северо-восточном углу в садовую камеру, имеющую петлю в восточной стене и вентиляционное отверстие, выходящее прямо наружу на лицевой стороне северной стены. В Броуме есть аналогичное устройство для оратория. В южном косяке западного окна южной комнаты была раскопана небольшая печь. Поскольку до нее нельзя было добраться со старого уровня пола, она, вероятно, очень современная. Неизвестно, выведена ли колодезная труба через новую работу, и нет никаких следов первоначального отверстия от поворотной лестницы, хотя, вероятно, оно существовало. Дверь в поперечной стене, открывающаяся на 4 фута 6 дюймов и расположенная по центру, находится недалеко от западного конца. Она имеет фальц, так что дверь открывалась в северную камеру и была заперта на засов с этой стороны.

Первоначальная крыша норманнской постройки была плоской, о чем свидетельствует смелый флюгер, проведенный вокруг стен; но настоящая крыша в точности противоположна описанной ниже: здесь есть центральный и два боковых желоба, а над центром каждой камеры возвышается конёк, что в равной степени не подходит для оборонительной платформы. Плоская или почти плоская крыша очень похожа на ту, что сейчас находится на Белой башне в Лондоне. Парапет можно осмотреть сверху. Амбразуры расположены через большие промежутки, их глубина составляет 4 фута 6 дюймов, а проем - 2 фута 3 дюйма. Следов угловых башен не видно, кроме лестничной площадки, да и та совсем небольшая. В храме не было обнаружено ни одного камина, и только две настенные камеры, обе очень маленькие, для гардеробов. Отсутствие орнамента и хорошо выраженных парадных покоев с настенными шкафами, вероятно, объясняется тем, что одновременно с храмом во внутреннем дворе были построены более удобные хозяйственные постройки.

Передний корпус был частью первоначального проекта храма, нижняя часть которого является продолжением, такой же ширины и глубиной 25 футов, в восточном направлении. В его стенах, таких же толстых, как и стены храма, было две камеры, разделенные поперечной стеной на восточную и западную. Северная камера сейчас заполнена, и, возможно, всегда была такой. Южная камера, по-видимому, изначально не имела выхода, и если она использовалась как подземелье или погреб, то в нее, вероятно, можно было попасть через ловушку в деревянном полу.

Второй этаж этого строения, на уровне того же этажа хранилища, также был разделен на две камеры, между которыми находился проход, ведущий от внешней лестницы к двери хранилища. Северная камера была испорчена использованием в качестве пыточной и садовой для современных заключенных в храме; но элегантное восточное окно в стиле позднего перпендикуляра, вставленное в северную стену, показывает, что это была комната с некоторыми претензиями. Южная палата была часовней в замке. В ее западной стене, стене хранилища, есть большое углубление по центру, около 11 футов в ширину и 2 футов в глубину, для сидения, а в южной стене сохранилась половина нормандского окна, которое первоначально открывалось во внутреннюю палату.

Первоначальная крыша переднего здания имела довольно высокий наклон, от которой над часовней сохранился флюгер. На смену ей пришла более высокая крыша, но с очень низким углом наклона, подходящим для свинца. Верхняя часть обеих крыш доходила почти до уровня пола второго этажа храма. Ограждения этой вспомогательной башни были на 15-20 футов ниже, чем у первоначальной башни. На второй этаж переднего здания вела наружная лестница из двадцати шести ступеней, расположенная у восточной стены и выходившая к наружной двери в центре здания, а также ведущая к северной куртине. Нынешняя лестница современная, но при внимательном осмотре можно обнаружить нормандские остатки у ее основания. Похоже, что при возведении храма было решено сделать дверь в южной стене

переднего корпуса в пространство под часовней. Для этого стена была утолщена снаружи. Дверь сохранилась, но открывается уже не на открытый двор, а в подвал более позднего здания. Часть пристроенной облицовки отвалилась, и видна старая стена с заготовкой, соответствующей той, что была на храме. В более поздние времена в стене часовни было открыто перпендикулярное окно, а в пространство под ним - вторая перпендикулярная дверь. Это дверь, над которой в камне высечен герб королевы Елизаветы, и которая, вероятно, была сделана каким-то более ранним монархом для того, чтобы впускать виночерпиев в хранилища замка.

С востока и юга внутреннее помещение по-прежнему ограничено оригинальной норманнской стеной из камня Кан толщиной 6 футов. Первоначальные хозяйственные постройки располагались вдоль южной стороны к западу от входа, где до сих пор видны следы оригинальных стен. У юго-восточного угла стояла большая прямоугольная башня шириной 23 фута на 25 футов, расположенная по диагонали, - не совсем обычное для норманнов расположение. Толщина стен составляет 6 футов, а ущелье открыто. Она состояла из двух этажей, один из которых - цокольный, имела деревянные полы и, несомненно, как и средняя сторожка лондонского Тауэра, была обшита сзади досками. Два наружных угла полые, или с отверстиями, но без шахт. Верхний этаж освещался тремя узкими круглоголовыми петлями.

Какими бы ни были размеры служебных помещений в норманнские времена, в настоящее время эти здания занимают три стороны двора, причем северная сторона открыта. Недалеко от центра двора находился колодец, а в северной стене, рядом со ступенями крепости, - небольшой почтовый ящик; у северо-восточного угла, частично на двух куртинах, стоит прямоугольная башня большой прочности, примерно 26 футов на 30 футов, со стенами толщиной 6 футов. Ее цокольный этаж, по-видимому, использовался в качестве большой кухни, хотя первоначально не был построен для этой цели. Верхний этаж находится на уровне северной куртины, и вход в него осуществляется с северной стороны; его северная и восточная стены пронизаны фресковой галереей, шириной 3 фута, с двумя петлями на севере и тремя на востоке. На этой стороне также есть дверь, выходящая на главную завесу. С этого этажа колодезная лестница, расположенная у северо-западного угла, поднимается на бойницы. Основание этой башни кажется норманнским, но верхний этаж и бойницы - раннеперпендикулярные.

Из внутренних построек против корпуса и западной куртины построен малый зал, шириной 18 футов и длиной 30 футов, одним концом примыкающий к корпусу, другим - к отхожему месту, общему с большим залом. Он состоит из двух этажей, нижний из которых находится на уровне земли, имеет красивую дверь и окна. Верхний этаж занимает зал с деревянным полом и крышей. Камин находится в середине западной стороны, пропущенный в римский занавес, который был поднят. В восточной части четыре окна, выходящие в палату, каждое из двух светлых, разделенных фрамугой, с головками в виде сабель.

Напротив крепости, а также примыкая к этому залу, находится двухэтажное здание, верхний этаж которого, по-видимому, был часовней, превосходящей часовню крепости, с которой она сообщалась. В нем есть восточное окно, обрамленное двумя диагональными контрфорсами. Напротив нее, против занавеса, находится большой зал. Он имеет длину 67 футов и ширину 28 футов, также состоит из двух этажей, причем цокольный этаж, вероятно, был подвалом. В его северной стене есть арки, как для маслобойни, и некоторые остатки первоначальной нормандской стены, вероятно, более раннего зала. На северной стороне четыре окна, три на запад и одно на восток от большой двери, перед которой находится красивое перпендикулярное крыльцо со сводчатой крышей и ступенями, ведущими в зал. От

крыльца лестница и короткая галерея вели в музыкальную галерею в восточном конце зала, а в этом конце, в южной стене, находится большой камин. Если это конец даиса, то галерея должна была находиться над ним - не совсем обычное расположение. В зале был деревянный пол и низкая скатная крыша. Крыльцо, похоже, появилось позже, чем зал. К востоку от зала находятся другие небольшие помещения, примыкающие к стене, которая обрамляет входные ворота. За этими воротами остальная часть южной стены и вся восточная стена до кухонной башни заняты постройками тюдоровской эпохи - просто раковинами, вероятно, жилыми помещениями для слуг, маслобойнями и комнатами, связанными с кухонным отделом. Говорят, что напротив северной куртины были постройки, но от них сейчас не осталось и следа.

Как были достигнуты валы западной, южной и восточной стен этой палаты, неизвестно. К ним нет пути ни из крепости, ни из кухонной башни. К северной куртине ведет короткая лестница из переднего корпуса. Толщина этой куртины достигает 10 футов, вал высотой 6 футов с высоким парапетом и перегородкой. В этой части куртины находится один из старых римских бастионов. Внизу он прочный, и был поднят, чтобы содержать небольшую камеру, пол которой немного ниже уровня вала, из которой в нее открывается дверь. Здесь также есть хорошее западное окно в два света, украшенное сабельником, выходящее на вал, и небольшой камин; в общем, слишком удобное место для любого офицера на посту. К востоку от этого бастиона пологий угол между ним и куртиной пересекает косая арка или косоур, состоящий из двух колец *вуалей* превосходной декоративной работы, который поддерживает небольшой гардероб, подобный тому, что можно увидеть на стенах Саутгемптона и в Ладлоу.

Осталось описать сторожку, или вход в эту внутреннюю палату, - очень любопытное сооружение, необычной длины и состоящее из трех периодов. Во-первых, снаружи к ней подходят две параллельные стены толщиной 5 футов и на расстоянии 9 футов друг от друга, изнутри которых свисает разводной мост, по-видимому, без какой-либо специальной арки или шлюза. В одной из стен находится косая петля, которая прикрывает подход от больших ворот внешней палаты. От разводного моста проход, сначала в 9, а затем в 10 футов шириной и 15 футов длиной, заканчивается портупеей и воротами, всего 2 фута глубиной и 9 футов проема. За ним проход продолжается на 10 футов в ширину и на 17 футов в длину. До сих пор дорога была либо открытой, либо крытой деревом, и все это относится к перпендикулярному периоду.

Далее следует удивительно красивый арочный проем декоративного периода, с глубокой лепкой и порталом, с фальцем для двери. Она ведет в своеобразный перистиль глубиной 8 футов, сводчатый и желобчатый, с ребрами и боссами, заканчивающийся вторым, более низким порталом. В перистиле находятся два боковых дверных проема шириной в 3 фута, выходящие на откос рва между ним и куртиной, как в Хавардене, только там они открываются из камеры на контркарпе. Арка, которой завершается перистиль, выгнута для двери, но не имеет пазов для портуллиса. Декоративная работа на этом заканчивается, портал, как видно, скрывает первоначальный норманнский вход. Это идеальная, простая норманнская входная арка с квадратными перекладами, расположенная в передней и центральной части первоначальной сторожки, которая представляла собой простую прямоугольную башню 23 футов в проекции от куртины и 28 футов в ширину. При входе путь лежит между двумя высокими стенами, расположенными на расстоянии 19 футов друг от друга, и которые на протяжении 22 футов являются стенами старой норманнской сторожки, с двумя боковыми петлями, огибающими занавес. Над этим проходом был деревянный пол. Далее стены продолжают на 28 футов, слева - комнаты, примыкающие к большому залу, справа -

тюдоровские. Таким образом, вход в палату имеет длину около 100 футов и защищается разводным мостом, портупеей и двумя воротами.

Следующие две сторожки внешнего отделения требуют внимания. Водяные ворота, по сути, являются римскими. Ворота имеют площадь 26 футов, стены толщиной 6 футов, не выступают за пределы куртины. Все совершенно простое, без контрфорсов, скошенных краев или лепнины. Путь лежит через два дверных проема, расположенных друг напротив друга, с проемом в 8 футов 6 дюймов. Внутренняя арка построена из белого известняка с несколькими блоками кроваво-красного железного песчаника. *Вуазики* тяжелые, с одним кольцом. Стены, как правило, сложены из кремневого щебня с открытыми стыками. В декоративный период на внешней стороне было пристроено крыльцо, 20 футов в проекции и 12 футов в ширину, в центре которого находятся внешние ворота, закрытые порталом и фланкированные парой контрфорсов, расположенных по диагонали. Над воротами находится небольшое окно, а в боковых стенах - две петли, сгребавшие занавес. Старый римский дверной проем в линии куртины также был изменен и переделан в декорированный период, а для двери добавлен фальц. Крыша была деревянной, и на ней имелся верхний этаж, несомненно, пристроенный. На него вела колодезная лестница в юго-западном углу, перестроенная для этой цели, и вход в нее осуществлялся через внутреннюю дверь.

Изучение водных ворот прольет свет на то, что было сделано на сухопутных воротах, которые, очевидно, изначально были построены по тому же образцу. Здесь римская работа была либо снесена и перестроена по тем же размерам, либо, что кажется более вероятным, римское ядро было сохранено, а на него наложена норманнская облицовка. Внутренние ворота совершенно просты, за исключением того, что арка опирается на простой норманнский *абакус*, который продолжается снаружи стены в виде струны. Внешние ворота не имеют даже *абака*, но снаружи они замаскированы красивым декорированным порталом с каплевидной аркой, хорошими лепными косяками и наружным капельником. Порткуллиса нет, как нет и средних ворот. Пространство между воротами, квадратное, 14 футов, было перекрыто сводом из четырех тяжелых кокошников в углах, от каждого из которых отходило по пять ребер, два из которых были прислонены к стенам. В центре был открытый круг и четыре полукруга у четырех стен, соединенные четырьмя коньковыми ребрами. Все это имеет позднедекоративный или раннеперпендикулярный характер.

Здесь также был надстроен верхний этаж, который остался довольно совершенным. Камера имеет бочкообразный свод, ось которого направлена на восток и запад, и укреплена семью плоскими ребрами с фасками, от которых остались пружины; но тела ребер вместе со сводом исчезли. Свод, похоже, был заостренным и выглядит перпендикулярным. В этом помещении были окна над проемами. В него вела прямая лестница, расположенная в выступе, параллельном северной стене, с северной стороны и перекрытая сводом. Лестничная площадка открывалась слева в верхнюю палату, а справа - на занавес. На южной стороне камеры есть еще одна дверь, выходящая на противоположный занавес. У этой сторожки отличный и очень красивый парапет, с мерлонами и амбразурами одинакового размера, и вокруг каждой из них проходит смелая лепнина.

В нескольких ярдах к северу от этой сторожки в римской куртине был открыт небольшой стрельчатый дверной проем, вероятно, в качестве почтового ящика. В настоящее время это просто грубая дыра, но она выглядит старой, и если бы она была очень современной, ее бы облицевали кирпичом.

История строительства замка довольно ясно изложена на его стенах. Генрих I, вероятно, до 1133 года, построил крепость, огородил внутреннюю палату, отремонтировал римский

занавес, перестроил или восстановил сторожку, разместил зал и другие хозяйственные постройки вдоль южной стороны внутренней палаты. Возможно, Генрих сам поднял замок до завершения работ, а возможно, это было сделано Генрихом II, уже в 1160 году.

В винчестерском томе "Журнала Археологического института" есть статья мистера Хартшорна о Порчестере, в которой приводятся некоторые любопытные сведения о его управлении и ремонте. Из них следует, что в 1220 году крыша храма пришла в негодность, так как констебль припас четыре *каррата* свинца для ее покрытия. Это говорит о том, что крыша в то время была плоской, на что указывает лепнина. Генрих III, который во второй, третий и четырнадцатый годы своей жизни получал от города или поместья Порчестер до 10 фунтов стерлингов за таллы, привел замок в упадок, а в отчете об обследовании, проведенном по приказу Эдуарда I в 1274 году, говорится, что здания внутри замка старые, не подлежат ремонту и непригодны для жилья. Второй отчет был составлен двадцать лет спустя, после личного визита Эдуарда, и сразу же был заказан ремонт, который был очень масштабным и продолжался на протяжении большей части правления Эдуарда II. Мистер Хартшорн приводит анализ отчета клерка о проведенных здесь работах в 1321 году.

После поступления средств, которые в этом году составили 55 фунтов стерлингов. 0s. 0½d., приводится подробная информация о расходах. Во-первых, стоимость материалов, затем заработная плата нанятых людей: копателей фундамента, или "fundatores", каменщиков, или "cementarii", по 4 д. в день; их рабочих, или "servientes"; сборщиков камней, "colligentes lapidum", большинство из которых собирали на берегу, по 6 д. в день; метатели песка, "jactantes zabulonis", за 2 д.; плотники, "carpentarii"; пильщики, "sarratores", за 4 д.; валяльщики, "prostratores"; обдирщики коры, или "scapulatores", за 3½ д.; плиточники, "latamores"; сантехники, "plumbatores"; кузнецы, "fabri"; рабочие, "laboratores", и т. д. Новый замок и ключ для восточных ворот обошелся в 4 д. Уильям Джайлс, тилер, получал 4 д. в день, а Роберт, его мальчик, 3 д., пока покрывал палату Эдуарда II. Два больших ястреба, для подъема дерева и камня на вершину башни, стоили 43 с. 8 д.; тридцать две сварные доски были куплены в Хаванте за 4 д. каждая. Томас ле Пайпер предоставил 157 камней по 10 с., а их перевозка с острова Уайт обошлась в 6 д. Они были использованы для фундамента моста под замком: вероятно, перед западными воротами. Питер де Пулфорд, как клерк и надсмотрщик, получал 12 д. в день. Все эти работы были выполнены в декоративном стиле, варьируясь в деталях по мере развития стиля. Работа на вершине храма, вероятно, была нынешним парапетом.

Около 12 года Эдуард III возобновил ремонтные работы. Были отремонтированы покои королевы и Найтона. Было приказано построить "фальшивую стену", а также барбакан с *бруствером* и барьерами: работы, очевидно, были выполнены из дерева и, вероятно, перед западными воротами.

Ричард II возобновил работы, и примерно в 1396-7 годах, как раз когда декорированный стиль переходил в перпендикулярный, похоже, продвигал их с большой активностью. Мистер Хартшорн отмечает, что замок снабжался камнем из Бончерча и Саут-Уика, каменной крошкой из Берестона для дверей, окон и каминов, а также кремнем и "тряпичным камнем" из Биннербега, также на острове. Кроме того, использовались доски для отделки стен, доски Ботинехольта для дверей и окон, плитка для очага или "хурттигель", фламандская плитка из Биллингсгейта, и "реретигель", или огнеупорный кирпич, для задних стенок каминов. Это объясняет ранние перпендикулярные работы, встречающиеся по всему замку. Вероятно, работы в стиле Тюдоров были выполнены во времена правления Елизаветы, которая, по-

видимому, дала свое имя кухонной башне, вероятно, в связи с переделками, сделанными в ней.

Работы из современного кирпича были выполнены в нынешнем и прошлом веках, когда корона владела замком на правах аренды и оборудовала его под тюрьму, построив в большом дворе казармы, ныне демонтированные. Уже в 1761 году здесь содержались испанские и французские военнопленные; в тот год, по некоторым данным, их было 4 000. Здесь содержались голландские пленные, взятые в Кэмпердауне, и много французов, захваченных во время войны. Говорят, что в одно время здесь содержалось до 8 000 человек. Замок долгое время был собственностью семьи Тистлтуэйт. Несколько сотен фунтов, разумно потраченных на замок, позволили бы заделать проломы, восстановить старые дверные проемы и лестницы, а также заменить полы на должном уровне. Подобные умеренные траты также могли бы многое сделать для улучшения внутренней палаты.

История Порчестера весьма скудна. До сравнительно недавнего времени он всегда находился в руках короны и управлялся констеблями, чьи имена время от времени встречаются в публичных записях. Король Джон, самый беспокойный из монархов, был здесь восемнадцать раз между 1200 и 1214 годами, в общей сложности в течение пятидесяти двух дней. Много упоминаний о хранящемся здесь вине; в одно время здесь было тридцать туннелей. В 1205 году король отправил сюда инженера и шестнадцать шахтеров на двадцать дней, а констебль должен был найти двадцать отборных людей для их помощи. Также был послан Стивен Инглиш, ремесленник. Возможно, речь идет о рытье колодца во внутренней палате; колодец в замке, должно быть, был вырыт во время или до основания замка. Для гарнизона присылают овец, по шестьдесят штук за раз, а также петрарию, мангонели и другие военные запасы. Арендаторы, которые держали замок под охраной, были предупреждены. К замку прилагалось большое поместье и лес, находившийся в ведении констебля, доход от которого был значительным.

Эдуард I., похоже, бывал здесь два или три раза, а Эдуард II - чаще, останавливаясь здесь на несколько дней в 1324-5-6 годах. Эдуард III собирал здесь свою армию перед французскими войнами, содержал сильный гарнизон и хорошие запасы пшеницы и ячменя, а также вина.

ЗАМОК РИЧАРДА, ХЕРЕФОРДШИР.

Замок Ричарда, известная и очень древняя крепость в графстве Херефорд, но недалеко от Ладлоу и границ Шропшира, является одним из тех замечательных творений на земле, которые до сих пор в топографических книгах оставались неописанными или описывались только в таких общих выражениях, которые не позволяют сделать никаких обоснованных выводов относительно людей или периода, когда или кем они были возведены. И все же, если бы существовали правильные планы и точные описания земляных сооружений этой страны, вероятно, были бы сделаны некоторые обоснованные общие выводы об их происхождении. Многие из них, вероятно, большинство, несомненно, являются доисторическими, но все же кое-что из их истории, вероятно, может быть установлено при тщательном рассмотрении доказательств, которые они сами предоставляют.

Замок Ричарда - один из серии сооружений, распространенных на валлийской границе и Средних болотах. Такими были Херефорд и Вустер, в современную эпоху лишившиеся своих курганов: Шрусбери, до сих пор возвышающийся над глубоким и быстрым Северном: Тре-Фалдуин или Монтгомери - единственный случай, когда город и графство носят имя захватчика: Килпек и Эвиас-Гарольд, уже описанные выше: Буилт, крайний предел на западе, который в течение некоторого времени удерживали англичане: Кардифф, Керлеон, Вигмор и замок Ричарда.

Замок Ричарда, крепость и приход, получил свое название от некоего Ричарда Фиц-Скроба, одного из норманнов, приставленных ко двору Исповедника, который был поселен этим принцем, вероятно, в самом незащищенном районе на валлийской границе; это место, где находятся одни из самых богатых и самых печальных земель, завоеванных англичанами, и которое наверняка подвергалось частым и сильным нападениям.

Неизвестно, какой захватчик изначально воздвиг великолепное земляное сооружение, которым, должно быть, руководствовался Фиц-Скроб при выборе места жительства, но с его вершины открывается одна из самых благородных и обширных перспектив, которые можно найти даже в четверти Англии, богатой приятными сочетаниями леса и воды, возвышенных холмов и широких плодородных далей. Когда новый поселенец пересекал луга Северна, оставляя позади себя травянистые луга Коман и Лагга, и ехал по возвышенности к месту, где впоследствии его собственная или его сына преданность основала церковь, он, должно быть, благословлял судьбу, поставившую его среди столь богатой страны, владение которой с помощью огромных земляных работ, расположенных прямо перед ним, было бы гарантией более чем обычной безопасности.

Появление Фиц-Скроба, должно быть, было воспринято с глубокой неприязнью с разных сторон. В те дни, накануне прихода Вильгельма, валлийский принц Груффидд хорошо знал, насколько грозным соседом является нормандский рыцарь; а англичане, знавшие, какими двигателями местной тирании являются нормандские замки, не могли не смотреть с ужасом на высокие стены и башни, которые делали неприступным и без того сильное место и превращали известный бурх в замок, о котором они с ужасом слышали, но которого еще не видели.

Какие именно сооружения возвел Ричард, сказать трудно. То, что он превратил курган в свой замок и обнес пристроенный к нему участок стеной, вполне возможно, хотя кладка, от которой до сих пор сохранились огромные фрагменты, явно более позднего времени. Нет оснований полагать, что он построил прямоугольный замок. Там уже был курган. Его крепость должна была находиться на его вершине, и если при ее строительстве использовалась каменная кладка, то это должен был быть панцирь или низкая башня диаметром не более 30 или 35 футов, как, например, на кургане в Кардиффе.

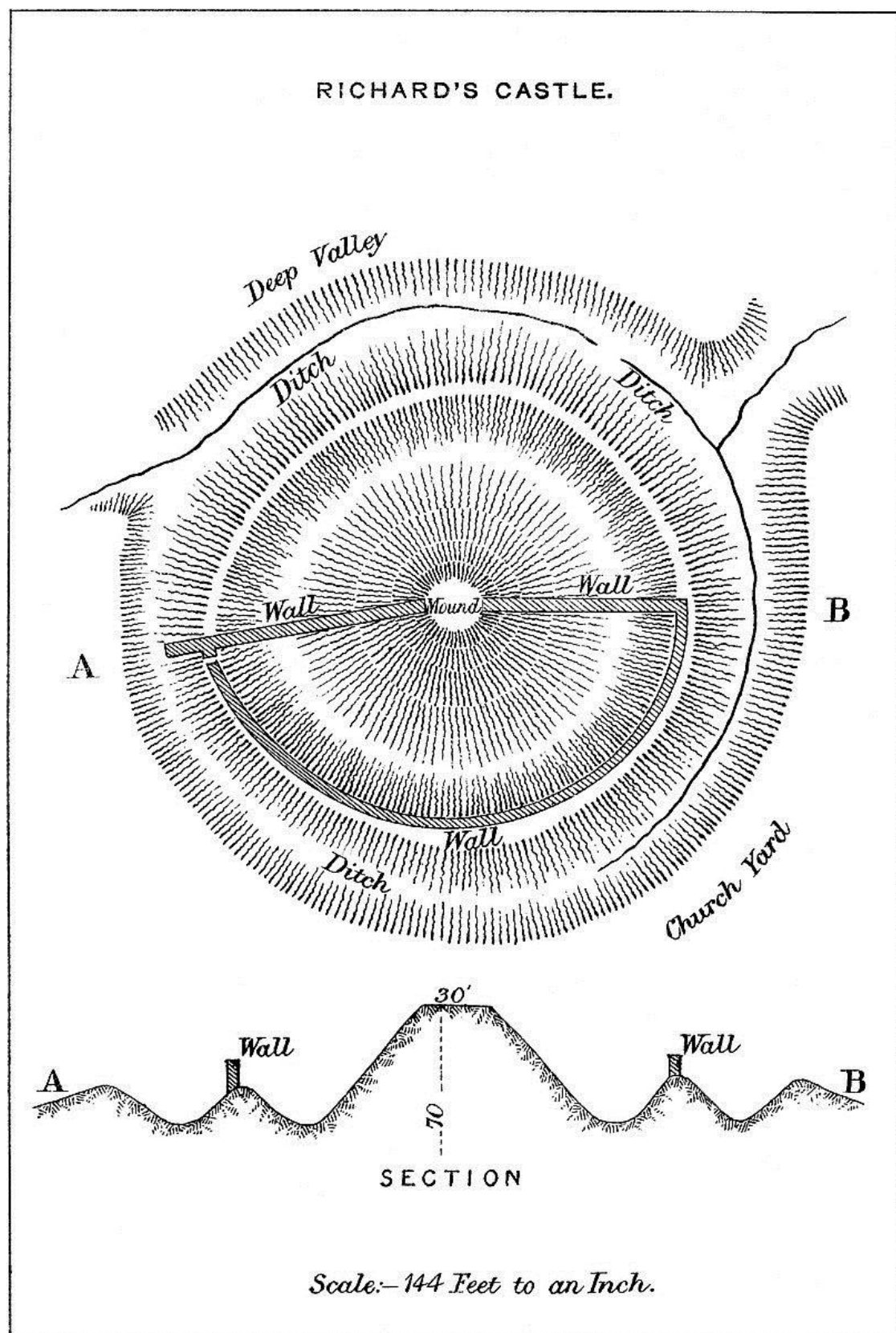
Первая опасность для нового лорда исходила от графа Годвина и его сыновей, которые представляли английские, а значит, антинормандские настроения. Одной из явных претензий, для устранения которой они собрались с оружием в руках в Беверстоне в 1052 году, было присутствие Ричарда Фиц-Скроба на английской земле. То, что они потерпели неудачу, и то, что их неудача привела к временному изгнанию графа Годвина, является историческим фактом. Ричард остался без защиты и, несомненно, занимался тем, что укреплял свой замок, который едва ли мог быть избыточным. Не сказано, что он участвовал в походе и позорном поражении графа Ральфа Тимида против принца Груффидда, но, вероятно, так оно и было.

В 1056 году Гарольд, тогдашний граф западных саксов, вступил в Марч против валлийцев и продвинулся до Арчерфилда, где его вероятный крестник Гарольд, сын Ральфа, держал замок Эвиас-Гарольд, земляные сооружения которого были построены по типу замка Ричарда, и который несколько лет спустя должен был получить дополнения в каменной кладке по тому же образцу. Был ли Ричард в союзе с графом Гарольдом или Гарольдом из Эвиаса, неизвестно, но положение его замка вряд ли позволило бы ему быть неродным.

В 1062 году Груффидд снова оказался за границей Херефордшира, а Гарольд, владевший тогда графством Херефорд, снова был на своем посту, и к нему присоединился лорд Эвиас. За этим последовала более масштабная экспедиция, в ходе которой Гарольд вторгся в Уэльс морем из Бристоля вместе со своим братом Тостигом из Нортумберленда. Они встретились у Руддлана, и вскоре после этого валлийский принц был истреблен своими же людьми. В эти беспокойные годы вся граница, должно быть, находилась в постоянном волнении, и мы можем справедливо предположить, что Ричард, против которого, по сути, выступали обе стороны, должен был укреплять свой замок всеми доступными тогда средствами.

Прибытие Завоевателя избавило Ричарда от самого грозного врага - английского народа, которым руководил английский вождь. Он и его сын Осберт разделили господство своего рода и получили от Вильгельма большие пожалования в Херефордшире и других местах, которые должным образом зафиксированы в Domesday.

ЗАМОК РИЧАРДА.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. Лондон.

Замок Ричарда занимает место, одинаково замечательное по красоте и прочности. Он стоит на восточном склоне холма Винналл, возвышенного хребта, который тянется от Ладлоу, и немного западнее замка расщеплен двумя глубокими параллельными ущельями, за которыми возвышенность вновь превращается в два расходящихся хребта, Одна из которых тянется на запад в направлении Вигмора, а другая - на юг, к реке Лагг, у Мортимерс-Кросс.

На ее гребне находится древнее английское земляное сооружение Крофт-Эмбри, а под ним - крепость Крофт-Касл, которая, как сообщается, занимает раннеанглийское место. Таким образом, замок Ричарда защищен с валлийской стороны двойной обороной из холма и долины, помимо своих более непосредственных и специальных сооружений.

Замок, хотя и находится далеко под вершиной Виннала, стоит на очень высоком месте, быстро склоняющемся к востоку. Очень глубокое и широкое ущелье, спускающееся с запада, ограничивает позицию с юга, а долина меньшего размера и притока, спускающаяся с севера, впадает в большую долину под замком и таким образом завершает его укрепление с северной, западной и южной сторон. Оборона на востоке полностью искусственная.

На возвышенности, над местом слияния двух долин, возвышается большой и высокий курган, основание которого находится на высоте около 300 футов над долиной, а вершина - на 60 футов выше, что и является его должной высотой. Его диаметр в верхней части составляет около 30 футов, а стороны очень крутые. Он кажется полностью искусственным и стоит в собственном очень глубоком рву, за которым находится высокий берег. С западной стороны этот ров сменяется крутым естественным склоном, спускающимся к реке, но к востоку ров, похоже, был усилен вторым, который окружает большую территорию, более или менее полулунной формы, и который имеет берег внутри и на обрыве внешнего рва, который здесь искусственный, и отрезает крепость от прилегающей возвышенности, ныне занимаемой церковным двором.

Это были оборонительные сооружения первоначальной крепости, и, как это почти всегда бывало, когда норманны превращали земляное сооружение в замок, на вершине кургана была построена круглая башня или раковина, представляющая собой крепость. От нее, с северо-восточной и юго-западной сторон, по склону спускалась мощная и высокая куртина, которая, достигнув края рва, загибалась к востоку и огибала всю укрепленную территорию к юго-востоку от кургана и половину самого кургана, из которых другая или западная половина, сильная своей большой природной мощью, усиленная рвом, оставалась без внешней или второй линии обороны в каменной кладке. В этом нижнем дворе, или нижнем отделении, стояли домашние постройки, а крепость занимали только во время осады или при исключительных обстоятельствах. Вход был через арку в занавесе с южной стороны. Таким образом, как и в Шрусбери, Беркхампе, Тамворте, да и вообще в других городах, курган и замок стояли на общем *энсинте* крепости, составляя часть ее внешней обороны. Нижняя палата была доступна для колесных повозок, но в крепость можно было подняться только по ступеням. В настоящее время вершина кургана покрыта *обломками* и мусором, на которых бурно растут молодые деревья и подлесок, а ограда, естественно, недоступная, строго сохраняется. Куртина, спускающаяся по склону на северо-востоке, довольно совершенна, как и прилегающая часть вдоль северо-западного фасада нижнего отделения. Дальше стена, похоже, была поднята с помощью пороха, и огромный фрагмент лежит во рву. За ней то тут, то там появляются фундаменты; сама стена остается, огибая обрыв рва вдоль восточного и южного фронтов, а на последней стороне находится место, где арка входа пробивала стену, о чем свидетельствуют щель в кладке и проход через берег. Сразу за ней куртина поднимается на курган и упирается в башню, завершая круг оборонительных сооружений в каменной кладке.

Из-за густоты и агрессивного характера растительности трудно получить хороший общий вид этого места или проследить его детали, но фрагменты каменной кладки лежат вокруг, и, если очистить их от крапивы и удалить тонкий верхний слой почвы, несомненно, можно получить правильный план этого интереснейшего места и с некоторой степенью уверенности определить дату кладки. Каменная кладка над землей, вероятно, норманнская,

но весь пепел исчез. Большой интерес к этому месту связан с его весьма примечательными земляными работами, а также с тем фактом, что оно было занято и укреплено норманнским мастером еще до Завоевания.

Прилегающая церковь представляет собой большое и довольно красивое здание в декорированном стиле. Она стоит всего в нескольких ярдах от крепостного рва, до которого простирается ее усыпальница. Она примечательна тем, что имеет большую квадратную колокольню, отдельно стоящую и расположенную в нескольких ярдах к юго-востоку от алтаря.

РОЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

Рочестер - крепость, собор и город - очень примечательное место, а в некоторых отношениях - самое примечательное место на юге Англии. В каждом из своих тройных качеств он претендует на высокую древность. Его церковная история начинается с Августина и Этельбирхта, основателей собора, первым председателем которого был Юстус, друг Августина, а вклад в его строительство внесла длинная череда кентских и мерсийских князей. Его светская история, хотя часто и неясная, восходит к еще более отдаленному периоду, а ее материальные свидетельства все еще можно прочесть в виде земляных или каменных работ, показывающих римскую, саксонскую, датскую и норманнскую оккупацию.

Рочестер построен на низком мысе или мысе, образованном большим изгибом реки Медуэй, центральную часть которого занимает город, а самую выдающуюся и северную точку - замок. Великий римский путь из Кентербери в Лондон проходил по всей длине мыса и пересекал реку недалеко от его вершины, по линии древнего и почти нынешнего моста.

Расположение крепости очень благородное. Возвышаясь на твердом основании высоко над потоком, она образует грандиозную особенность на берегу Медуэя, который здесь имеет 1000 футов в ширину и почти соперничает с Темзой по объему своих вод. С башен крепости открывается вид на огромные пространства и огромное разнообразие, включая крутые и зеленеющие склоны мела, широкие и плодородные луга, по которым великая река течет в изящных складках, скрытых и преданных неровностями холмов и разбросанными массами лесных деревьев. Собор, правда, едва ли достоин этих преимуществ. Далекий от того, чтобы утверждать, как Дарем, Кентербери или Йорк, свое равенство или даже превосходство над своим мирским соседом, Рочестерский собор, как ни почтенен он и как ни почитаем прах, который покоится в его стенах, имеет небольшие размеры и низкое положение. Замок же, напротив, является шедевром норманнского мастерства, и первым и последним объектом, который бросается в глаза посетителю.

Рочестерский замок занимает северную оконечность меловой гряды, которая образует правый берег Медуэя на протяжении многих миль над городом, и находится между рекой и собором, на краю одного и на небольшом расстоянии от другого. Таким образом, он занимает около половины западного фронта города и простирается до юго-западного угла его крепостной стены.

Хотя замок и относится к древней эпохе, ему, очевидно, предшествовали земляные работы, в тесной связи с частью которых он был выстроен. Они большого масштаба, и, хотя сильно

поредели со временем и заслонены зданиями и ограждениями, все еще достаточно заметны. Похоже, что они состояли из продолговатого пространства, включенного в ров, который начинался у подножия моста, шел на восток примерно 130 ярдов, затем поворачивал на юг и шел около 270 ярдов примерно параллельно реке, к которой снова возвращался. Эта продолговатая территория была разделена поперечным рвом на две неравные части, южная из которых была меньше, а последнюю часть занимал большой конический курган с плоской вершиной, известный как холм Боли. В северной части находится замок. С восточной, или соборной, стороны ров частично представляет собой глубокую естественную впадину. С западной стороны его вытесняет река, здесь очень широкая, глубокая и быстрая. Площадь, занимаемая таким образом, составляет около 7¼ акра. Курган имеет большие размеры, хотя и уменьшился в результате современных работ. Частично он естественный, частично образовался из прилегающих ровов. Как и насыпи в Йорке, Уоллингфорде и Уэрхеме, а также в Херефорде, Букингеме, Вустере, Хартфорде, Ноттингеме и Стэмфорде, она расположена таким образом, чтобы наблюдать за рекой, которая, должно быть, всегда была открытой и опасной дорогой.

Эти линии земляных сооружений, хотя и являются основными и наиболее очевидными, которые сейчас можно проследить, отнюдь не самые ранние среди оборонительных сооружений Рочестера. Хотя обнаруженные римские останки не свидетельствуют о существовании большого города, Уотлинг-стрит здесь пересекала Медуэй, и на месте средневекового города, несомненно, находился укрепленный пост. Его прямоугольная форма, примерно на треть превышающая длину, крестообразное расположение главных улиц, четверо ворот, расположенных друг напротив друга, и окончание названия указывают на римское происхождение. Считается, что римские оборонительные сооружения состояли из стены и рва, как и линия более поздней стены, только предполагается, что они проходили от южных ворот в сторону реки, примерно в 45 ярдах к западу от места нынешней крепости.

Площадь замка составляла примерно 470 ярдов на 160 ярдов, то есть около 15½ акров. С севера находились ворота Чилдегейт, а с юга - ворота, убранные только в 1770 году; дорога между ними проходила рядом с западным концом собора. На территории замка были найдены римские монеты и гробницы, и то, что Рочестер был римским Дуробривисом, кажется общепризнанным.

Римские линии были частично переняты поздними жителями и укреплены на английский манер. Положение нового города делало его открытым для частых и сильных атак как с суши, так и с воды, и его постройки сильно пострадали от набегов датчан, особенно к концу девятого века, и именно этому народу, хотя, возможно, и на недостаточных основаниях, приписывается возведение кургана.

Во время завоевания земляное сооружение попало в руки норманнов, и возникла необходимость укрепить позицию в соответствии с усовершенствованным способом. Обычно норманны, когда имели дело с английской крепостью, возводили на кургане панцирный замок или, если кургана не было, прямоугольную башню и окружали ее мощной куртиной, построенной на берегу в обрыва существующего рва. Вероятно, в этом случае для обороны более древней территории потребовался бы слишком большой гарнизон, а курган находился на довольно неудобном расстоянии от моста или предшествующего ему паромы. Поэтому курган был исключен из состава нового *энсинта*, как и вначале из состава города. Вероятно, он был занят под хозяйственную постройку, а может быть, понижен до более низкого уровня. Новая куртина была построена на обрыве рва северного участка земляного полотна с трех сторон, выходящих на сушу. С четвертой стороны она была установлена на

гребне невысокого утеса, примерно в 40 футах над рекой и, скорее, в меньшей степени над пристанью, которая была расширена в современное время и частично пристроена к берегу.

Нормандский *энсинт*, общая структура которого, вероятно, относится к одиннадцатому веку, имеет четырехугольную форму, примерно 130 ярдов к востоку и западу на 160 к северу и югу, и занимает около $4\frac{1}{4}$ акра. Восточный фасад находится напротив собора и примерно в 60 ярдах от него. Южный фасад обращен к старой насыпи холма Боли, а северный, более длинный и расположенный наклонно, направлен в сторону моста. Вполне вероятно, что ров у южной стены представляет собой римскую постройку. У северо-восточного угла стояла сторожка, а крутая дорога, ведущая к ней и заменившая разводной мост, известна как "Веннелл". Сторожка исчезла. У северо-западного угла находятся остатки бастионной башни, построенной в 1735 году и содержащей постерн. В ней находилась шахта для подъема запасов из реки, подобную конструкцию можно увидеть в другом виде над Уайем в Чепстоу. Эта башня выходила на мост. Юго-восточный угол по-прежнему увенчан смелой барабанной башней диаметром 30 футов и выступающей на три четверти. Она имеет нижний и верхний этажи, каждый из которых пронизан аркадой с петлями в узких стрельчатых углублениях. Пол был деревянным. Ущелье разрушено, но, возможно, всегда было открыто. Эта башня не возвышается над куртиной и, по-видимому, является вставкой раннего английского периода. На восточной стене находятся две прямоугольные башни, одна шириной 35 футов и длиной 25 футов, полностью выступающая наружу, а другая - 30 футов на 25 футов, частично внутри стены. Они кажутся вставками перпендикулярного периода. Занавес значительно разрушен, а часть и вовсе удалена; 40 футов его осталось возле юго-восточного угла, на южном фронте. Толщина этой части составляет 7 футов, высота - 30 футов, и, похоже, она была создана норманнами. На ее внешней стороне видны следы двух плоских пиластр. Внутри она пронизана тремя петлями с разветвленными круглоголовыми углублениями шириной 3 фута и высотой 8 футов от земли. Следовательно, у стены должна была находиться платформа. С того же ракурса, вдоль восточной стороны, занавес на всем протяжении довольно совершенен. Возле прямоугольной башни видно, что она построена на арках, предназначенных для прикрытия, как в стенах Йорка и Саутгемптонского замка. Верхушка одной арки видна внутри стены, а две арки - снаружи. Сохранился длинный кусок северной стены, представляющий собой хороший пример ранней кладки, вероятно, норманнской. Она очень толстая и сложена из слоев грубого неотесанного камня, уложенного на очень толстый слой раствора. Как и в Кардиффе, не имеет фундамента, стена была выложена на поверхности земли, что было не редкостью для очень толстых стен. От речного фронта осталось около 260 футов. На его южном конце раньше можно было увидеть некоторые работы из селедочных костей, да и в других частях видна тенденция к такому способу строительства. Его высота составляет около 40 футов. На его внутренней стороне видны очертания двух остроконечных арок, как будто два свода примыкали к стене, только камни арки не выступают за зубцы. Был и верхний этаж, и в стене, но снаружи, видны очертания двух довольно больших круглоголовых арок. Именно в этой стене подозревали римскую кладку. Большая часть ее кажется поздней норманнской. Здесь была поперечная стена, ныне демонтированная, которая проходила близко к северу от крепости и разделяла норманнский замок на северную и южную палаты.

Как замок был связан с обороной города, неизвестно. Считается, что городская стена была построена около 1225 года на римском участке до южных ворот, после чего она, по-видимому, покинула римскую линию и включила в себя последующие земляные работы на холме Боли. Когда это было сделано, старый ров был расширен в некоторых местах до 85 футов и стал глубже. Говорят, что часть этой стены стоит на арках, как и стена замка; если это так, то, вероятно, существовала и более ранняя стена, норманнского периода. Городская

стена настолько завалена, что обычному посетителю мало что видно. Считается, что в восточной стене сохранились следы римской кладки, а у восточного конца собора, где толщина стены составляет 4 фута, а высота - 30 футов, есть небольшая дверь времен Генриха III, а у северо-восточного угла - башня того же времени, которая, как говорят, изначально находилась на городской стене. Эта башня очень тонкой работы, 30 футов в диаметре, снаружи цилиндр, внутри восьмиугольник, с тремя петлями и дверью в ущелье, из которой выходят две настенные галереи, одна из которых ведет на колодезную лестницу, а другая - в садик. Верхний этаж находится на уровне верха занавеса. Линия южной стороны городской стены была изменена монахами в 1290 году по разрешению короля. Они должны были перестроить ее на 5 пергов и 5 футов к югу или за пределами старой линии, а ее высота должна была составлять 16 футов, и она должна была быть укреплена. Кроме того, старый ров должен был быть засыпан на длину 54 перча 14½ футов, а в ширину - 5 перчей и 5 футов. Поскольку для этого требовалось удлинить восточную стену, над старым рвом сделали арку. Это расширение старой территории находилось к востоку от южных ворот города, немного восточнее которых располагались ворота приората. Считается, что старая стена включала в себя холм Боли.

Замок, которым по праву славится Рочестерский замок, расположен в юго-восточном углу замковой территории и на самом высоком месте, примерно в 60 футах над рекой: вероятно, это место было выбрано специально, потому что оно находится напротив холма Боли. Он, как и Порчестер, не является частью *энсинта*, но, как и Карлайл, стоит прямо внутри него, находясь на расстоянии от 16 до 33 футов от восточной и от 10 до 15 футов от южной стены. Хотя Рочестер и не является одним из самых больших, это один из самых высоких нормандских замков в Англии, и один из самых достойных внимания из-за его истории, положения, смелости его украшений и его практически идеального состояния. От перестроек, за исключением ранней перестройки юго-восточного угла, не осталось и следа, а его обветшание не превышает семи веков, из которых три последних были периодами запустения.

В основании крепость представляет собой квадрат в 70 футов, а толщина стен составляет 12 футов, уменьшенных на вершине до 10 футов, так что ее внешние размеры составляют 66 футов. Это уменьшение сделано за счет очень небольшого внешнего теста, не заметного глазу. Снаружи нет ни отмотки, ни струнного хода, а внутри нет ни одной регулярной полки для полов. Такая необычная толщина предназначена для того, чтобы, как в Дувре и Хедингеме, можно было разместить необычное количество фресковых палат и галерей. Высота 113 футов от земли до парапета, а башенки возвышаются на 12 футов. Два западных угла фланкированы широкими плоскими пилястрами с полыми углами или вырезами в 8 дюймов. Они поднимаются от общего цоколя, и каждая из них выходит за пределы парапета, образуя внешнюю сторону квадратной башенки, высота которой значительно увеличивает властный вид здания. Северо-восточный угол завершен аналогичным образом, но пилястры более смелые, без цоколя, а углы сплошные до самого здания. Юго-восточный угол не имеет ни цоколя, ни пилястр, но увенчан округлым выступом, который, хотя и является ранним, но не оригинальным. Он также завершается башенкой, которая закруглена по направлению к полю, но плоская на двух внутренних сторонах. На каждой грани храма, около его центра, находится по одной пилястре умеренной ширины и выступа. Они также поднимаются от цоколя и поднимаются к парапету, две из них - к его завершению. На северной стороне находится вторая, более узкая пилястра, образованная продолжением стены переднего корпуса вверх.

В храме много проемов, в основном небольшого размера. Ярус круглоголовых петель отмечает подвал, а квадратноголовых, чуть большего размера, - второй этаж. Следующий ряд небольших круглоголовых окон показывает уровень второго или главного этажа, а один из более крупных окон - галерею того же этажа. Выше - линия довольно крупных окон, также круглоголовых, обозначающих самый верхний этаж. Две верхние линии были орнаментированы, имели нормандские полуколонны и лепнину, а в некоторых проемах окна были соединены, но пепловая отделка сильно разрушена. Кроме того, на углах расположено несколько петель, обозначающих гардеробы, настенные палаты и лестницы, а каждая башенка имеет по окну на каждой из внешних сторон.

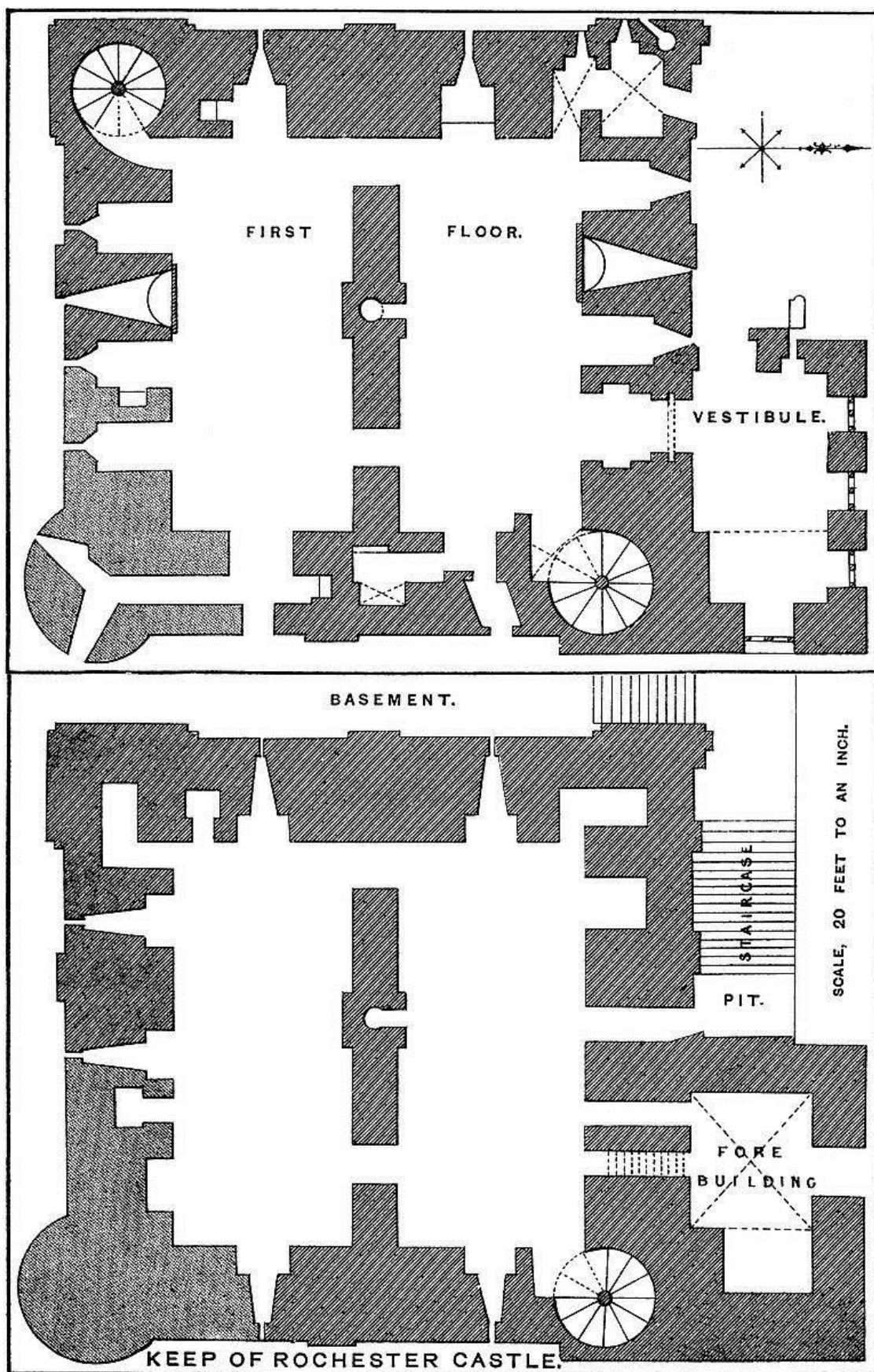
Внутри крепость разделена на две почти равные палаты поперечной стеной, восточной и западной, толщиной в 5 футов 6 дюймов, поднимающейся до крыши, где проходит главный водосток. Таким образом, каждый этаж состоял из северной и южной камер, одна шириной 21 фут, другая - 20 футов, а длина каждой составляла 46 футов. В поперечной стене, недалеко от ее центра, утолщенной пилястровой полосой на каждой грани, находится колодец, глубина которого, как говорят, составляет 60 футов от уровня земли, а объем воды обычно 10 футов. В нем есть ясенева труба диаметром 2 фута 9 дюймов, которая, судя по всему, была проведена на крышу, а доступ к ней обеспечивали четыре небольшие двери с круглой головкой, по одной на каждом этаже. Необычно видеть, что труба колодца проходит выше первого этажа: в Дувре она достигает второго. К северному торцу Кипа примыкает пристройка, закрывающая главный вход, который, как обычно, находился на уровне второго этажа.

В подвал можно попасть только по колодезной лестнице в северо-восточном углу, которая, как и в лондонском Тауэре, поднимается от основания к вершине. Диаметр этой лестницы составляет 11 футов, а количество ступеней - 133. Она сообщается с каждым этажом, с несколькими галереями и фресковыми камерами, с часовней и с крышей переднего корпуса. Цокольный этаж находится на среднем уровне земли снаружи, и в нем нет подземной камеры.

Северная камера входит в северо-восточный угол по колодезной лестнице сверху и освещается тремя круглоголовыми петлями, расположенными на восточной, западной и северной сторонах. Они имеют 4-дюймовое отверстие, установлены в раздвижных углублениях, а те - в плоских углублениях, шириной 6 футов и глубиной 3 фута, все круглоголовые, а большая из них спускается до пола. Северная петля, которая открывалась в мостовую главного входа, была превращена в грубый дверной проем, но голова петли осталась. В этой стене находятся две узкие двери, одна из которых спускается на 8 футов по девяти ступеням в подвал главного корпуса, а другая поднимается по небольшому уклону на второй этаж того же корпуса. Кроме них, у западного конца стены находится углубление шириной 6 футов и глубиной 6 футов 9 дюймов. Это углубление, глубина которого сильно ослабляет стену, здесь не может произвести плохого эффекта, так как стена поддерживается снаружи массивными ступенями и нижними воротами переднего корпуса. В западной стене, помимо петли, есть разрушенный дверной проем, открывающийся в настенную камеру размером 4 фута 6 дюймов на 10 футов, которая занимает северо-западный угол здания. В поперечной стене, помимо проема в колодец, есть два дверных проема размером 4 фута 7 дюймов и 5 футов.

Южная камера имеет по одной петле на востоке и западе и две в южной стене в углублениях, все по уже описанному образцу. В юго-западном углу также есть настенная камера размером 3 фута 10 дюймов на 10 футов, в которую ведет дверь в южной стене, а у восточного конца той же стены находится углубление шириной 6 футов и глубиной 3 фута, но без петли. Судя по

кладке, этот угол был перестроен. Кроме этих полостей есть еще две: одна в западной стене, 2 фута 10 дюймов на 3 фута 7 дюймов, в которую ведет изрезанное отверстие шириной 2 фута 7 дюймов, а другая в южной стене, 2 фута 10 дюймов на 4 фута 3 дюйма, с отверстием, сильно разрушенным. Эти полости представляют собой шахты, которые поднимаются вертикально в стене, а выше разделены, показывая, что это вентиляционные отверстия садовников на первом и втором этажах. Отверстия в них не являются оригинальными, и, вероятно, шахты были опущены на несколько футов ниже пола и заканчивались либо выгребными ямами, либо стоком. Поскольку на верхних этажах есть и другие гардеробы, то, несомненно, есть и другие шахты, не взломанные. Их должно быть как минимум две, по одной на каждом конце поперечной стены в северной камере. Любопытно, что эти вентиляционные отверстия, которые в нормандских зданиях часто открываются, как в Ладлоу, на внешнюю сторону стены, должны иметь вертикальные шахты, в то время как башенки пожарных отверстий выходят на лицевую сторону стены. В Кoningсборо все наоборот: дымоходы вертикальные, а вентиляционные башенки горизонтальные. Подвал, очевидно, был кладовой. Его высота составляла около 15 футов, и из него 20 ступеней вели на второй этаж.

Вайман и сыновья, G^t. Queen St. Лондон.

ХРАНИЛИЩЕ РОЧЕСТЕРСКОГО ЗАМКА.

Второй этаж, также состоящий из двух комнат, был возвышенным, мрачным и совершенно простым. Вероятно, это было жилье для солдат во время осады.

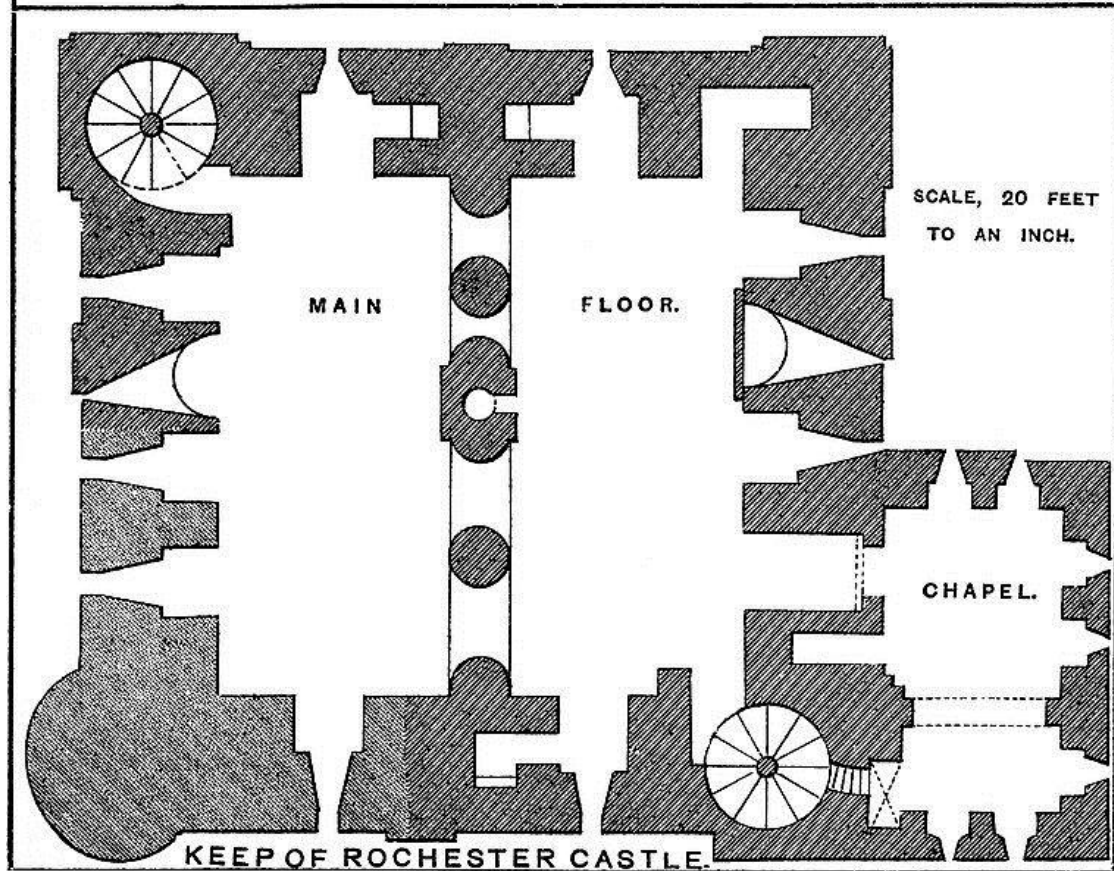
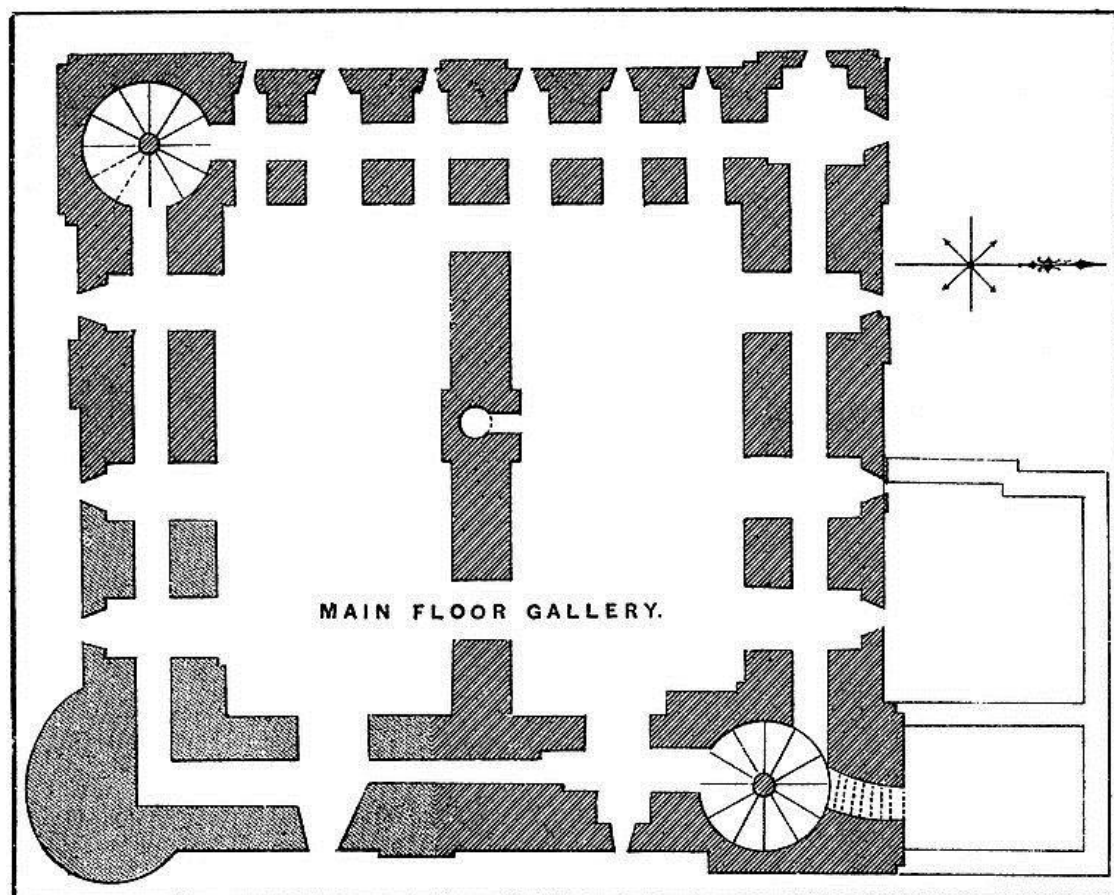
Северная палата. В северной стене, у восточного торца, находится главный вход, расположенный в 15 футах от земли и открывающийся из вестибюля переднего корпуса. Это смелая арка с полным центром, проемом 6 футов 2 дюйма, с плоскими сторонами, в стене толщиной 10 футов 6 дюймов. Внешняя сторона обрамлена валами с отверстиями, а архитрав имеет смелый шевронный узор. Внутренний наличник имеет аналогичную, но более простую лепнину, а косяки отбиты. Сразу за внешней стороной находится квадратный паз для портупей, а за ним - фальц для двери, расширяющий проход до 7 футов. Рядом с внутренней стороной, с каждой стороны, находится небольшое углубление с круглой головкой, шириной 2 фута 6 дюймов и глубиной 1 фут 4 дюйма, вероятно, для хранения ключей или лампы. Дверь была закреплена прочным брусом, а решетка, которая, похоже, была железной, была сделана из настенного прохода наверху. Этот портал вел прямо в северную камеру, примерно в 7 футах от двери колодца-лестницы. В северо-западном углу находится настенная камера, называемая "комнатой Гундульфа", сводчатая и желобчатая, размером 10 футов 3 дюйма на 11 футов 7 дюймов, вход в нее осуществляется через дверь в западной стене, а освещается она двумя петлями на западе. В закругленном северо-западном углу находится камин с небольшим нормандским колпаком 2 фута 6 дюймов в проекции, имеющим сегментную арку. Туннель имеет коническую форму и заканчивается парой отверстий в полом углу южного конца соседней пилястры, в лицевой части стены, на высоте 12 футов над очагом. У северо-восточного угла этой камеры находится небольшой заваленный дверной проем, который, как и в Миддлхэме, выходил на крышу внешних ворот передней постройки. Пепловые кольца петлевых ниш и колпак камина выполнены превосходно. Кроме этих проемов, в северной палате есть четыре окна, по одному в каждом конце и два на северной стороне. Они расположены в нише, открывающейся на 5 футов 6 дюймов, глубиной 9 футов 6 дюймов, высотой 15 футов, с круглой головкой, петли - с квадратной головкой, высотой около 1 фута 6 дюймов и шириной 12 дюймов. Эти углубления, благодаря своей большой высоте, производят хороший эффект, но, вероятно, были обнаружены для ослабления стены, так как они были частично застроены и уменьшены в нижних 6 футах до глубины 3 футов. Перекрытие выполнено из некачественной кладки, выполненной в спешке. Между двумя северными петлями находится камин, открывающийся на 5 футов 6 дюймов, круглоголовый, без колпака, с круглой спинкой. Он укреплен пилястрой, выступающей на 9 дюймов и шириной 10 футов, от внутренней стены. Туннель от камина имеет коническую форму и боковое вентиляционное отверстие на высоте 15 футов. В восточной стене, рядом со входом с колодезной лестницы, находится углубление, в котором, кроме петли, есть потерна и садовая камера. Последний представляет собой настенную камеру размером 5 футов 10 дюймов на 13 футов, которая открывается с южного косяка ниши: потерна, шириной 2 фута 6 дюймов, прорезана наискосок через стену и открывается в сторону крепости, на 15 футов над землей и примерно в 30 футах от вала куртины, с которой она должна была сообщаться легким дощатым мостом. Такая дверь есть в нормандском замке в Адаре и в более поздней башне Уэйкфилд в Лондоне, к которой недавно был пристроен каменный мост. В поперечной стене, помимо колодезного проема, есть две двери, соответствующие тем, что находятся внизу.

В южной камере есть петля на каждом конце и три в южной стене, все в углублениях, похожих на те, что в северной камере, и они также были частично завалены для укрепления стены. В южной стене есть камин, аналогичный описанному выше, а в юго-западном углу дверь ведет в колодец-лестницу диаметром 11 футов, который начинается на этом уровне и сообщается с этажами выше и с бойницами. В этой камере есть четыре настенных углубления. Одна из них,

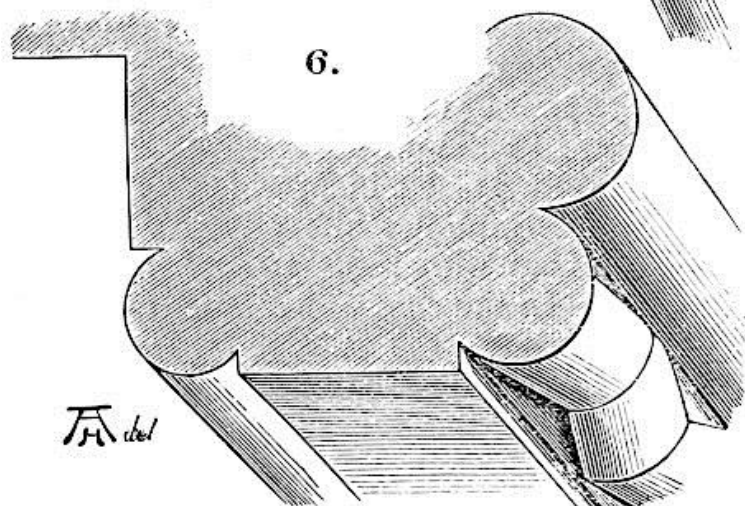
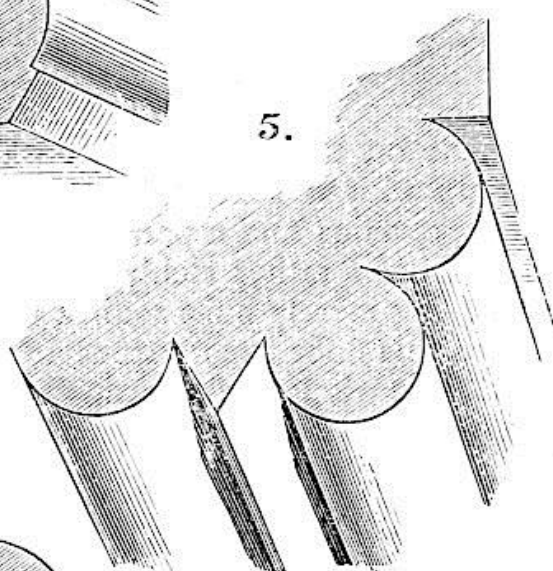
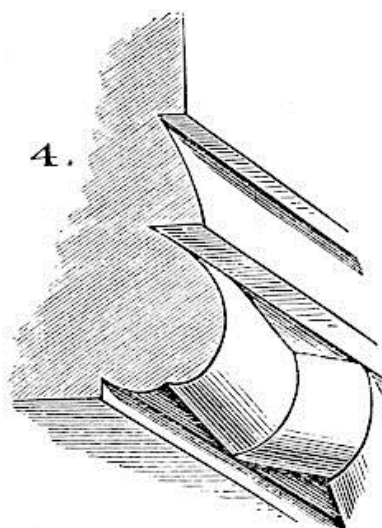
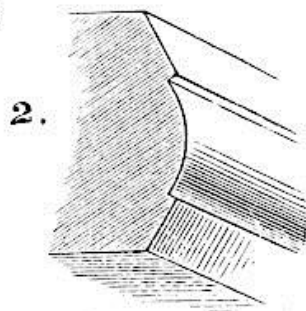
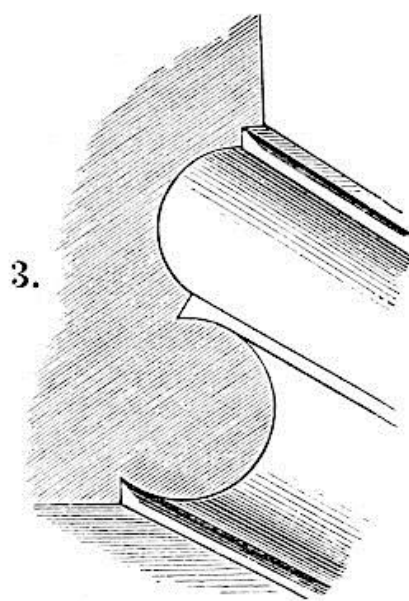
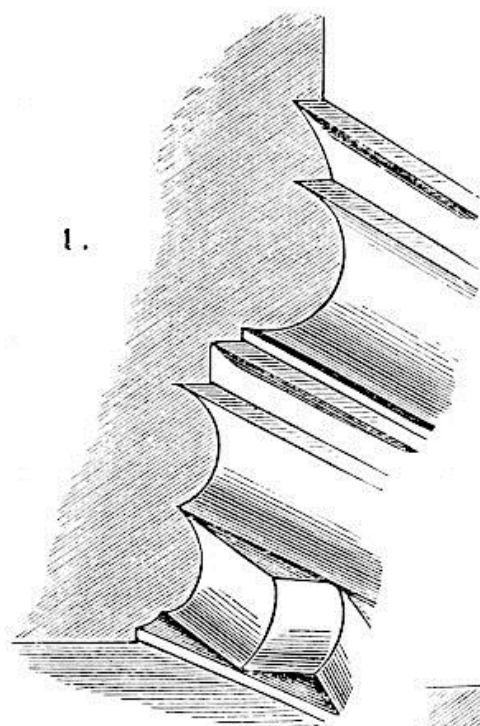
гардеробная, открывается в южном косяке ниши западного окна, другая - в восточном косяке центрального окна в южной стене. Шахты из этих ниш спускаются в стену нижней камеры, как описано выше. Другие галереи открываются вправо и влево от оконной ниши в восточной части. На севере - проход размером 3 фута 6 дюймов на 8 футов, в конце которого находится садовый павильон. На юге - галерея, 20 футов длиной и 3 фута шириной, которая заканчивается в юго-восточном углу, где есть два окна на юг и восток. Это в перестроенном углу. Пол покоится на деревянных балках. От него сорок ступеней ведут по северо-восточной лестнице на 30 футов к главному этажу, а через тридцать шесть ступеней ответвляется узкая лестница в алтарь часовни.

Главный, государственный, или второй, этаж высотой 32 фута опирается с каждой стороны на восемнадцать балок, цельных брёвен. В нем два яруса окон, нижние выходят прямо из палаты, а верхние - на настенную галерею. Между ними - простенок с нормандским узором. Крыша была плоской, состояла из балок и досок верхнего этажа. Оконные ниши нижнего яруса имеют размеры от 3 футов 2 дюймов до 5 футов 10 дюймов, а окна галереи почти соответствуют им. Все они фланкированы валами с отверстиями, но нижние наличники имеют смелый валик и полый молдинг, а верхние - шевронный узор. Облицовка окон в основном исчезла. Нижние, по-видимому, были простыми и небольшими, верхние - более богатыми и крупными, но совсем не большими. Выступы перед колодцем, каминами и двумя лестницами украшены бусинами по углам. Нет никаких следов карнизов для подпорки балок и поддержки потолка.

В северную палату входил своего рода вестибюль, квадратный, площадью 5 футов 6 дюймов, с желобками, в который открывалась лестница. В нишах восточного и западного окон имеются настенные гардеробы, открывающиеся с южных косяков. Две ниши в северной стене не имеют боковых проемов. Между ними находится камин, такой же, как и внизу, но с красивым шевронным наличником. Над большим входом находится дверной проем длиной 7 футов, ведущий в часовню. В нем находится проход для колосниковой решетки, а за ним - отступ, уменьшающий проход до 3 футов и образующий дверь часовни. В северо-западном углу находится небольшая камера.

ХРАНИЛИЩЕ РОЧЕСТЕРСКОГО ЗАМКА.

1. Арочный молдинг.
2. Стринг-курс, второй этаж.
3. Оконный наличник, второй этаж.
4. Оконный молдинг, третий этаж.
5. Каминная арка, второй этаж.
6. Каминная арка, четвертый этаж.

Южная палата имеет три окна в южной стене, камин и дверь, выходящую на юго-западную колодезную лестницу. В каждом конце - по петле. В углублении западного окна с северной стороны есть проход в садовник, а в противоположном, восточном окне, вероятно, есть соответствующее место, но оконные ниши недоступны.

Поперечная стена, вместо двух дверей, пробита четырьмя арками неравного размера, по две с каждой стороны от колодца, в котором находится небольшая и довольно богато украшенная дверь. Между каждой парой арок находится тяжелый нормандский пирс, представляющий собой простой цилиндр с рифленным капиталом, а напротив него - два полупирса, или респондера. Арка была ребристой и обработана жирными валиками и углублениями, разнообразными шевронами, но центральное ребро отпало. Капители этой аркады перекликаются с общим колонным рядом, и арки поднимаются в верхнее отделение квартиры. На северной стороне орнамента больше, чем на южной. Аркада была заполнена каменной ширмой высотой около 10 футов, от которой сохранилась одна часть и часть дверного проема. Экран является оригинальным и был довольно богато обработан, но он не имел связи с опорами, а был просто пристроен к ним.

С этого этажа двадцать ступеней вели вверх на 17 футов на галерею. Она занимает всю стену, проходя по всему периметру здания. Она имеет ширину от 3 футов до 3 футов 6 дюймов, сводчатую форму, высоту от 8 до 9 футов и расположена на расстоянии 4 футов от внутренней стороны стены и 5 футов от внешней. В целом он ровный, за исключением того, что он поднимается у юго-западного угла, чтобы приспособить себя к лестнице, и в центре восточного фронта, чтобы освободить своды гардеробов внизу, и, возможно, чтобы встретить наклон арки в поперечной стене.

В северном отделе в западной части есть три ниши, 3 фута 7 дюймов, 5 футов 10 дюймов и 4 фута 1 дюйм, которые открываются в галерею и соответствуют трем окнам на ее внешней стороне. В северной стене также три окна с соответствующими нишами, каждое шириной 5 футов 10 дюймов. В восточной части находится только одна ниша шириной 5 футов 9 дюймов. В этом месте ширина галереи превышает 3 фута, а соответствующее окно имеет углубление размером 5 футов на 4 фута. Большинство из этих расширений галереи напротив окон имеют желобки, как и в соответствующей галерее в лондонском Тауэре.

Устройство южной части очень похоже. В восточной части находится одно углубление в 5 футов, а в западной - три в 3 фута 2 дюйма, 5 футов и 3 фута 7 дюймов, причем центральное - самое большое. В южной части находится короткое окно, предназначенное для скрытия галереи, которая здесь поднимается к лестнице. В южной стене есть три углубления с соответствующими окнами. В юго-восточном углу нет камеры, галерея просто поворачивает под прямым углом, но в северо-западной башне есть выемка площадью 6 футов, с которой сообщается галерея, и которая имеет окна в двух внешних сторонах. Северо-восточный и юго-западный углы заняты лестницами. По характеру кладки видно, что с юго-восточного угла были перестроены два соседних окна в южной части и одно в восточной. Новая работа уступает старой, и в ней нет ни малейшей попытки орнамента. Устройство этого большого этажа, как и соответствующих помещений, называемых Залом Совета в лондонском Тауэре,

должно было быть крайне неудобным. Комнаты должны были быть очень холодными и очень публичными, с окнами, дверями и садовыми ограждениями со всех сторон, а также галереей, на которой все домашние могли незаметно подслушивать, что происходит внизу. Невозможно провести различие между тем, для чего использовались эти две благородные палаты. Вероятно, северная, с более богато украшенным входом, была залом, а южная - комнатой более частного характера.

С уровня галереи двадцать три ступени ведут на 17 футов вверх, на верхний этаж, и по пути небольшой проход выходит на бойницы переднего корпуса. На этом этаже находятся две очень веселые и красивые комнаты, высотой 25 футов, с большими окнами, чем на этажах ниже, и более красивым видом. Здесь также украшены оконные ниши и камины, и мы можем предположить, что на этом этаже находятся частные апартаменты. Крыши были открытыми и малоуклонными, и, похоже, поддерживались стропилами, расположенными близко друг к другу и не имеющими главных элементов. Расположение настенных галерей здесь своеобразно. Они не идут вокруг комнат, а являются короткими, соединяя две, максимум три оконные ниши. Там, где стена была перестроена, они вообще отсутствуют. Они не проходят за каминами, отдушины от которых выходят горизонтально и тем самым преграждают путь.

В северную палату, как и в остальные, входят с северо-восточного угла, а от лестницы идет галерея, пронизывающая восточную стену на 20 футов и пересекающая ниши двух окон, освещающих восточную часть комнаты. В западной части также два окна, пронизанные короткой галереей, в которую можно попасть только из палаты. В северной стене, помимо камина, четыре окна, по два с каждой стороны от него, каждая пара соединена короткой галереей, вход в которую также осуществляется из камеры. В поперечной стене - два дверных проема, а ближе к центру - маленькая дверца колодезной трубы.

Устройство южной камеры несколько иное. В западной части находятся три оконные ниши, имеющие общую настенную галерею, но не сообщающиеся с лестницей. В восточной части находится только одно окно, косяки которого сплошные. В южной стене находится дверь с юго-восточной лестницы, а также три окна, с камином. В этой стене нет галерей. Эта камера сильно пострадала от разрушения юго-восточного угла, который, очевидно, унес с собой около 28 футов южной и 15 футов восточной стены. В нетронутой части восточной стены сохранилась половина пирса, столица и половина архитрава большой оригинальной поздненорманнской арки, примерно в две трети пролета комнаты, более или менее орнаментированной и, очевидно, служившей углублением для большого восточного окна. Вполне возможно, поскольку это была архиепископская крепость, что это была часовня. В южной стене, ближе к востоку от камина, находится косяк и половина арки оконной ниши, также богато украшенной, другая часть которой была удалена. Реставрация была проведена очень поспешно и неряшливо. Каменная кладка низкого качества, а новые ниши совершенно просты, хотя старые ниши в том же этаже довольно богато украшены. Каковы бы ни были намерения строителя при проектировании этой камеры, можно с уверенностью сказать, что перестройщик думал лишь о том, как бы подешевле и побыстрее защитить башню.

С этого этажа тридцать ступеней поднимаются на 25 футов к бойницам. По пути проход с северо-восточной лестницы открывается в галерею в восточной стене длиной 16 футов и шириной 5 футов. Она пересекается окном, ниша которого шириной 4 фута выходит на фронтон северной комнаты верхнего этажа. Лестница проходит до основания северо-восточной башни, в которой находятся два дверных проема, выходящих на валы северной и восточной стен. Вал шириной 4 фута, с парапетом в 2 фута и ретивой стеной, ныне исчезнувшей, в 3 фута. Проход проходит через северо-западную башню, в которой

находится камера площадью 9 футов, и через юго-восточную башню, в которой также есть камера. Отсюда проход продолжается вдоль южной стены, но упирается в стену юго-западной башни, лестница в которой открывается только на западную стену. Высота башенных камер составляла около 8 футов, они имели плоские крыши, на которые можно было попасть по деревянным ступеням. Каждая башня имела два входа, по одному с каждой стороны. Парапеты куртин между башнями были высотой 8 футов и содержали по пять амбразур на каждой грани. На этом уровне можно проследить профиль двойной крыши. Она состояла из двух гребней, по одному над каждой камерой, с центральным желобом, упирающимся в поперечную стену. Обе части были малоуклонными, и гребни не возвышались над бойницами: северная часть была немного ниже и имела более крутой наклон. Южная, более высокая, спускала половину воды с карниза на 2 фута выше общего водостока, откуда ее уносила огромная каменная стрела, своего рода бургомистр. Другой такой же, принимающий содержимое северного водостока, пересекает голову лестницы и выступает на восток. На уровне вала стены и башни пронизаны рядом отверстий квадратного сечения 9 или 10 дюймов, предназначенных, очевидно, для горизонтальных балок решетки. Внизу нет карнизов или углублений, как обычно, для установки стоек, балки, вероятно, достаточно прочны и без них. Эти отверстия, похоже, не являются оригинальными и, будучи грубыми, были, вероятно, сделаны в спешке, когда юго-восточный угол был перестроен: они достаточно важны, чтобы быть показанными на башне, которая изображена на печати корпорации. Кроме того, на внутренней стороне северной стены, над водостоком, находятся два ряда голубятен, вероятно, оригинальных, которые и сейчас вмещают несколько птиц.

К северному фасаду примыкает передний корпус, состоящий из сторожки, лестницы, разводного моста и башни-вестибюля. Они образовывали и защищали вход в крепость. Считается, что вход начинался с западного фасада, у северо-западного угла, по лестнице, которая поворачивала за угол, как в Дувре, и продолжалась в виде широкой лестницы у стены здания. На ней, вровень с западным фасадом, находилась небольшая низкая башня, около 12 футов в квадрате, через которую проходила лестница. Этот портал имел зарешеченную дверь, но без решетки, и на его крышу можно было попасть из покоев Гундульфа на втором этаже храма. От этих ворот ступени поднимались к мостовой яме, представлявшей собой углубление глубиной 15 футов и отверстием 9 футов. Через нее проходил разводной мост, который опускался от ворот башни-вестибюля. Лестница имела ширину 8 футов и была защищена внешним парапетом толщиной 2 фута и высотой 6 футов, который, вероятно, имел петли. Парапет пересекал мостовую яму по арке, так что люди, поднимавшиеся по лестнице или переходившие мост, были защищены.

Вестибюльная башня имеет 19 футов в ширину и 36 футов в длину, и две трети высоты главного здания, против северной стороны которого, в восточном конце, она построена. Толщина ее стен составляет 6 футов; они не имеют цоколя и пилястр, и, хотя, вероятно, они соответствуют возрасту храма, работа в них некачественная. Здесь есть подвал, первый этаж, вестибюль и часовня. Вход на каждый этаж осуществляется из храма. Подвал размером 14 футов на 23 фута, сводчатый и желобчатый, имеет два вентиляционных отверстия возле свода, косо поднимающихся через стену. Пол находится на уровне земли, здесь он низкий, и из него ведет проход шириной 2 фута 7 дюймов и длиной 12 футов по девяти лестницам в подвал храма. Нынешняя дверь с внешней стороны, очевидно, не является оригинальной. Эта камера служила тюрьмой.

Второй этаж имеет размеры 13 футов на 23 фута; здесь также есть два вентиляционных отверстия, более крупные и менее косые, чем те, что расположены ниже. В восточной стене открыто углубление, возможно, дверной проем, возможно, чулан, оборудованный

тюдоровской дверной коробкой. Эта камера имела плоский деревянный потолок, образующий пол вестибюля. В нее вел проход шириной 2 фута 10 дюймов, слегка поднимавшийся к ней из цокольного этажа храма. Вероятно, это тоже была тюрьма, но менее суровая.

Второй этаж, или вестибюль, имеет те же размеры. В его западной стене находится внешняя дверь храма, открывающаяся на 6 футов, с круглой головкой и обрамленная внутри и снаружи колоннами с простыми капителями, а вокруг арки - полоса шевронной лепнины. В боковой кладке внутри, над головой, видна рельефная арка. Портал закрывался только зарешеченной дверью. Справа, при входе в притвор, находится дверь в сторожку. В притворе пять окон: небольшое в западной стене выходит на лестницу; в северной стене - три окна, каждое из которых состоит из пары, соединенных между собой; в восточной стене - одно. Все они круглоголовые, с нормандским орнаментом: треть восточной части этой камеры перекрыта бочкообразным сводом.

Третий, или верхний, этаж здания занимает часовня, размеры которой почти соответствуют помещениям внизу. Она разделена на две части, неф и алтарь, разделенные простой, смелой, круглоголовой аркой пролетом 12 футов. В неф можно попасть с основного этажа храма через боковую дверь, рядом с которой в стене находится углубление, ныне недоступное. Алтарь имеет каменный пол, опирающийся на свод внизу, а его крыша представляет собой три стороны восьмиугольника, также сводчатого, своего рода апсиду, но охватывающего прямоугольное пространство. Здесь есть два восточных окна и большой каменный сток, что навело на мысль о том, что это помещение было кухней, и, несомненно, оно было бы очень хорошим. У нефа была открытая крыша с малым углом наклона, которую заменили на совершенно плоскую, но на уровне первоначального конька. Если большая верхняя комната в храме была часовней, то вторая вряд ли была бы необходима. Вероятно, оба помещения не использовались одновременно. Кухня - очень редкое дополнение к нормандскому замку, так как его обитатели, похоже, жарили мясо на открытом огне, в то время как часовня - не редкость; в Миддлхэме, Дувре, Ньюкасле и, вероятно, в Корфе и Кенилворте она находилась в передней постройке.

Материал, из которого построена крепость, - это в основном тряпичный камень, с пепельными перемычками и перевязками из канского камня. Пепел использован довольно скупно, но качественный и плотно пригнанный. Булыжник беден, неровно выстроен и держится благодаря превосходству раствора, или, скорее, извести, поскольку раствор замешан небрежно и полон морских раковин, которые привезли вместе с песком и оставили не измельченными. По внешним признакам, как внутри, так и снаружи здания, ясно, что юго-восточный угол в какой-то период вскоре после постройки обрушился, и вскоре после этого был восстановлен неуклюже и поспешно. Ни таран, ни удары катапульты, какой бы мощной она ни была, не смогли бы обрушить ни башню, ни стену. Разрушение должно было быть произведено миной, и это тем более вероятно, что юго-восток - наиболее уязвимый угол для такой атаки: скат рва здесь крутой, почва - мягкая меловая порода, а крепость находится всего в нескольких футах от рва. Мина, открытая в обрыве, за углом куртины, и загнанная на 40 футов в мел, достигла бы фундамента башни и, подорвавшись, обрушила бы большую или меньшую часть соседних стен, а упав наружу, сокрушила бы угол куртины. Этим объясняется большая масса обвалившегося угла, а также круглая башня бастиона, очевидно, являющаяся вставкой, в углу куртины. Если предположить, что крепость, построенная в 1126 году, была заминирована и пробита во время памятной осады 1215 года, а повреждения вскоре после этого были устранены, то это объясняет нынешний вид крепости. Правда, бастионная башня явно раннеанглийская, а реставрация - нормандская, но она относится к

тому периоду, когда круглые и остроконечные арки были в ходу, и когда характер старой части замка естественно привел бы к использованию первых; так что реставрация могла быть проведена в 1225 году, через десять лет после вероятного разрушения, когда запись в Трубных списках показывает, что шериф Кента отремонтировал башню.

По характеру здания кажется, что оно было пристроено к замку; но это не так, поскольку разница в кладке включает в себя кладку соседней лестничной башни, которая вряд ли могла быть пристройкой. Кроме того, остатки нижней сторожки, расположенной на северной стороне замка, явно такие же древние, как и сам замок, частью которого они являются.

Долгое время было принято приписывать эту крепость Гундульф, что делает ее современной или почти современной Лондонскому Тауэру, на который она похожа некоторыми своими деталями, особенно настенной галереей и камином. Однако внимание к другим деталям показывает, что это не так, и что его более вероятным строителем был архиепископ Уолтер Корбойл, около 1126 года. Тем, кто хочет увидеть примеры работы Гундульфа и сравнить его кладку с рочестерской, следует осмотреть башню Святого Леонарда в Маллинге, некоторые части нефа и трансепта церкви аббатства Маллинг, а также северную башню Рочестерского собора. Белая башня в Лондоне так часто ремонтировалась и перестраивалась, что трудно судить о ее первоначальной кладке. Часть занавеса *энсинта* Рочестерского замка также может быть работой Гундульфа. Северная стена выглядит очень ранней, как и восточная, которая сложена из отличного, хотя и грубоватого бутового камня, камни крупные, а швы широкие, хотя здесь нет слоев плоских камней, как в Сент-Леонарде.

Рочестер очень похож на Хедингем, очень чистый и очень совершенный нормандский замок, с тремя этажами, остатками передней постройки и верхней галереей в главном этаже. В каждом из них эффектно использован орнамент, а также шевронная лепнина. Оба здания, вероятно, построены примерно в одно время.

История Рочестерского замка в собственном смысле слова начинается с Нормандского завоевания, но есть что сказать и о предшествующих земляных работах, последовавших за римским периодом. Епископство, метрополией которого является город, было основано в 600 году н.э., а Юстус, его первый епископ, был посвящен в 604 году. Церковь, посвященная святому Андрею, была основана Этельбиртом, королем Кента, а в его грамоте от 604 года упоминаются земли, простирающиеся от западных ворот и стены города, одна из границ которых - "рамка Suthgaete на запад и langes wealles". Кроме того, говорится о других пожалованных землях: "extra murum civitatis versus aquilonem". В 673 году здесь состоялся синод, говорит Беда, на котором присутствовал Путта, "Episcopus castelli Cantuariorum quod dicitur Hrofescæstir"; значит, тогда это было сильное место и резиденция епископа, а "castellum" относится к городу или, что по крайней мере не менее вероятно, к прилегающей крепости.

В 765 году Эгкберт, король Кента, пожаловал Эардульф Рочестерскому, своему верному министру и епископу, "terram intra castelli mœnia supranominati, id est Hrofiscestri"; а в 781 году Этельберт, король западных саксов, говорит: "Concedo Hrofensis ecclesiæ ... aliquantulum terræ juris mei intra mœnia supradictæ civitatis in parte aquiloni"; а в 788 году Оффа, король мерсийцев, пожаловал "terram ... sex aratrorum" в Троттесклифе, "ad ecclesiam beati Andræ apostoli et ad episcopium castelli quod nominatur Hrofescester." Кроме того, в 789 году король Оффа в другой грамоте, адресованной тому же епископу Веремунду, упоминает

стену (murus) города и говорит: "Ecclesia quæ sita est in castro quod nominatur Hrofesceaster". Далее, в 850 году, Этельвульф, король западных саксов, упоминает "murum civitatis Hroffi"; а в 855 году он дарует землю "Dunne ministro meo ... in meridie castelli Hroffi".

В 839 и 885 годах на город нападали датчане. В первом случае они взяли и разграбили его, а во втором его освободил Альфред. В 986 году город атаковал, но безуспешно, Этельред, а в 998 году с большим успехом - датчане, которые пришли по Медуэю. Считается, что холм Боли был возведен датчанами в 884 году, но большая часть холма является естественной, хотя, несомненно, с очень значительным дополнением; но даже дополнение потребовало бы больше времени, чем им позволил Альфред, и работа такого характера была бы гораздо полезнее для обороны, чем для нападения. Башни, используемые для нападения, обычно были деревянными и строились таким образом, чтобы их можно было придвинуть к стенам. Более вероятно, что гора была возведена в качестве сильной резиденции для епископа, чтобы обеспечить личную безопасность, как это было необходимо в Шерборне.

Неизвестно, в чьих руках находилась крепость Рочестер во времена, предшествовавшие Завоеванию, но граф Годвин, несомненно, посягнул на епископские владения; и что может быть более вероятным, чем то, что он наложил руку на место, которое вместе с Дувром давало ему командование над великой дорогой с юга в Лондон? В Domesday мы читаем о епископском поместье Эстокес или Сток. "Hoc manerium fuit et est de Episcopatu Rofensi, sed Godwinus comes T. R. E. emit illud de duobus hominibus qui eum tenebant de Episcopo et eo ignorante facta est hæc venditio." Таким образом, когда срок аренды истекал, епископ обнаруживал, что вместо двух безымянных людей, готовых отказаться от владения, ему приходилось иметь дело с могущественным дворянином, претендующим на фригольд. Сток перешел вместе с графством Годвина в Кенте во время Завоевания к епископу Одо из Байе и был возвращен архиепископом, о чем в Domesday говорится: "Postmodum vero regnante W. Rege diratiocinavit illud Lanfrancus Archiepiscopus contra Baiocensem Episcopum et inde est modo saisita Rofensis Ecclesia."

Вероятно, каким-то образом Одо получил город вместе с графством, а вместе с ним и крепость, которой епископ Рочестера, однако, мог завладеть указанным способом, и которую он, несомненно, впоследствии обменял у короля на земли в Эйлсфорде. "Episcopus etiam de Roucestria pro excambio terræ in qua castellum sedet tantum de hac terra tenet quod xvii solidos et iiij denarios valet." Замка в Эйлсфорде никогда не было. Епископ отказался от участка Рочестерского замка, получив за него столько земли, сколько стоило 17 с. 4d.

Гундульф, последователь и друг Ланфранка, посвященный в епископы Рочестера в 1077 году, был великим архитектором и весьма примечательным человеком, вполне заслуживающим панегирика, возданного ему при повышении в должности: "Eratque Gundulfus religione plenus, literarum non nescius, in rebus forensibus acerrime elimatus et qui putatus sit divina potissimum electione hunc honorem meruisse." О его архитектурном мастерстве и работе в Рочестерском замке сказано: "Gundulfus, quia in opere cœmentarii plurimum sciens et efficax erat, castrum sibi, Hrofense lapideum de suo construxit.... Igitur, hoc pacto coram rege inito, fecit castrum Gundulfus Episcopus de suo ex integro totum costamine, ut reor, LX librarum." Эта сделка между епископом и королем произошла около 1076 года. Король должен был вернуть церкви поместье Хеденхем в Баксе, а епископ - применить свое мастерство и потратить 60 фунтов стерлингов на строительство замка, то есть какой-то башни. Гундульф, несомненно, построил башню, которая до сих пор носит его имя и, похоже, изначально находилась на городской стене. После смерти Вильгельма замок был очень сильным, и его захватил и удерживал Одо для герцога Роберта. Одо (Иуда Искарот, как его называли друзья Руфуса), объединившись с Юстасом Булонским и Рожером де Белесмом, гарнизонировал замок,

складируя в нем добычу, добытую в соседней стране. Руфус, чья активность резко контрастировала с леностью его брата, напал на Рочестер, а Одо удалился в Певенси, чтобы ожидать помощи из Нормандии, которая так и не пришла. Руфус взял Танбридж и Певенси и вынудил Одо потребовать от союзников сдачи Рочестера. Гарнизон понял искренность требования, вырвался вперед, захватил королевский эскорт и епископа и, не медля ни секунды, поставил его во главе замка. Руфус превратил осаду в блокаду и замка, и города, и наконец, под натиском моровой язвы, оба были сданы, а Одо окончательно изгнан. Гундульф умер в 1108 году. Первая осада Рочестера - одно из великих военных событий очень волнующего периода, заслуживающее гораздо большего внимания, чем ему уделялось до сих пор.

Замок, захваченный в 1088 году, оставался в собственности короны в течение тридцати восьми лет, когда в 1126 году Генрих II пожаловал "архиепископу Уильяму де Корбойлю и его преемникам вечное управление и констебльство над замком Рочестер", оставив его, таким образом, в собственности церкви, но окончательно отделив от Рочестерской церкви. Архиепископ, как нам сообщают, построил красивую башню "egregiam turrim", которая, несомненно, является существующим замком. Вильгельм умер в 1139 году, и, следовательно, между этой датой и 1126 годом была построена башня.

Генрих II также упоминает замок в своей конфирмационной грамоте церкви Рочестера: "volo etiam et ipsi et homines sui sint liberi et absoluti ab omni opere castelli, et expeditione archisve constructione"; так что, вероятно, арх, или цитадель, была тогда в раздумьях или в процессе строительства. Возможно, башня Гундульфа была снесена, чтобы освободить место для новой крепости, но в этом случае ее материалы были бы использованы, и какие-то следы от них почти наверняка были бы обнаружены. Но таких следов нет, так что, скорее всего, новый замок не заменял старую башню.

Замок, особенно с его великолепной и очень сильной крепостью, был слишком важным военным пунктом, чтобы оставаться неоспоримым владением Кентерберийского престола, и как в те времена, когда престол был вакантным, так и в другие времена корона получала владение, а его ремонт вносился в Трубный список. В 1141 году Вильгельм Ипсрский, Флеминг, был его правителем вместо Стивена, а когда граф Глостер был захвачен, он был заключен здесь на короткое время - с сентября по ноябрь, - пока его не обменяли на Стивена. В период с 1167 по 1202 год на замок были потрачены различные суммы, после чего он снова был передан архиепископу, а затем Стивену Лэнгтону. Ближе к концу правления Иоанна замок был передан Лангтоном в руки Уильяма д'Альбини, чтобы держать его в интересах баронов, чья армия намеревалась выступить из Лондона на его защиту. Однако Иоанн вмешался, и в 1215 году, после тяжелой трехмесячной осады, он был сдан. Вендовер прямо заявляет, что военные средства, использованные по этому случаю, не принесли особого эффекта, но место было взято усилиями шахтеров, которые сначала подорвали и обрушили стены, а затем применили тот же метод атаки на башню. Несомненно, именно в этом случае был разрушен юго-восточный угол. В мае 1216 года башня была захвачена Дофином, но после смерти Иоанна она вместе с другими владениями короны перешла в руки Генриха III. При Генрихе III на его ремонт были потрачены значительные суммы, особенно в 1225 году, когда, вероятно, был заделан сломанный угол. В 1226-7 годах были отремонтированы бреташи и разводной мост, а также водосточные трубы зала в трюме. К сожалению, здесь, как и в других местах, ремонт обычно проводился в зданиях во дворе, все из которых сейчас разрушены. Кипер не использовался для хранения вещей. В 24 году Генрих III приказал побелить башню в тех местах, которые не были вымыты ранее. В 31 году

Генрих III приказал обшить обе капеллы деревом. Одна из них, как минимум, должна была находиться во внешней палате, для использования гарнизоном.

В 1264 году в замке находился знаменитый Роджер де Лейборн, только что принявший участие в сражении с королем. Поскольку предполагалось, что де Монфор задумал напасть на Рочестер, Лейборн защитил его сильным гарнизоном и запасся провизией. В апреле, когда ожидалось нападение, в замок прибыл Уоррен, граф Суррей, шурин Генриха. Бароны осадили его перед самой Пасхой и простояли перед ним почти неделю, но безрезультатно, и при отступлении большая часть гарнизона вместе с Лейборном присоединилась к королю в Льюсе и приняла участие в битве. За потерей в том сражении последовала сдача замка, но после смерти де Монфора и падения Кенилворта Лейборн вновь стал губернатором. Столетие спустя, в 1367-8 годах, Эдуард III предпринял масштабные ремонтные работы под руководством приора Джона из Рочестера. Камень был завезен из Бира, Кана и Рейгейта, а также облицовка и гребни для крепостных стен, вероятно, для зданий при дворе. С того времени он не играл никакой роли в операциях королевства, и его военная история не представляет особого интереса. На сохранившемся рисунке, сделанном в 1588 году, изображены куполообразные башни, увенчанные лопатками, как у Белой башни.

О Рочестерском замке написали прекрасные статьи господина Бил Пост, Блаув, Хартшорн и Бертт, причем последняя - в форме рассказа о доле Роджера де Лейборна в войне баронов.

P.S. С тех пор как был написан этот рассказ, мистер Ирвин, очень способный и внимательный смотритель работ покойного сэра Гилберта Скотта в Рочестерском соборе, сделал открытие, которое не согласуется ни с одним из существующих мнений относительно особенностей римского поселения. Оказывается, южный трансепт построен через ров, который проходит с севера на юг и, несомненно, лежит под всей широтой собора. Ров имеет ширину 12 футов в верхней части и 7 футов в нижней части раскопа, его глубина сейчас составляет 14 футов, но, вероятно, он был гораздо глубже. Он прорезан старым гравием и был заполнен черноземом, в котором иногда встречаются камни римской работы, римские плитки и кусочки черной и красной керамики, одна из которых имеет штампованный внутренний орнамент. Мистер Ирвин, как говорят, в состоянии показать, что это был ров стены, стоявшей к западу или к реке. Если это так, то первоначальная станция могла располагаться на месте нынешнего замка, в западном конце принятого места римского города, цитаделью которого она могла быть.

ЗАМОК РОКИНГЕМ, НОРТГЕМПТОНШИР.

На северо-восточной границе Нортгемптоншира, к которому с севера и востока примыкают графства Лестер, Ратленд и Линкольн, а с юга - графство Хантингдон, находится большой участок довольно возвышенной земли, известный как Рокингемский лес. Его естественными границами являются долины рек Нен и Велланд, общий параллелизм которых продолжается в их течении через болото Холланд до их общего окончания в Уош. На западе эту платформу еще больше отрезает река Айс, которая поднимается примерно в четырех милях от Велланда и впадает в Нен у Веллингборо. Участок, выделенный таким образом природой и давно известный как Лес, простирается на восток и запад на двадцать четыре мили от Оксендонского моста до Стэмфорда, а его наибольшая ширина между Рокингемом и Трэпстоном составляет около двенадцати миль. В те времена, когда реки Нен и Велланд были болотами, а болота - мало судоходными, их положение было очень прочным, и в ранний

период они были заняты захватчиками и колонистами датской крови, чьи следы в значительной степени сохранились в топографической номенклатуре района. Почва, в основном полученная из прилегающего оолита, от природы не плодородна и долгое время оставалась лесом, который и сейчас, несмотря на огромный прогресс в культивации, представлен большими участками леса, такими как хорошо сохранившиеся парки Рокингем, Боутон, Блатервик, Берли, Дрейтон и Дене; дикие леса Морхей и Сулехей; Бедфордский пурлиус; и Чейз оф Геддингтон.

Рокингем, давший название лесу и гораздо меньшему участку земли, до сих пор известному как Шир, расположен на правом или южном берегу Велланда, чуть выше того места, где впадение ручья Око отмечает встречу графств Нортгемптон, Лестер и Ратленд. Деревня стоит на возвышении над рекой, а выше и к югу от нее, прямо над приходской церковью, находится замок. Замок является заметной особенностью пейзажа, поскольку он расположен на своеобразном мысе, который выступает из столовой земли леса в сторону Велланда, и защищен с каждой стороны глубоким оврагом, двумя из многих, которыми пересекается крутой край долины. К юго-западу от замка, отделенный от него большим оврагом, находится парк, очень древний загон, в котором когда-то водились благородные олени, исчезнувшие, однако, еще до визита Лиланда; а позади, к югу от замка и парка, находится участок недавно огороженной земли, называемый Шир.

Рокингем - название английского происхождения, чисто описательное. Замок стоит на "скале"; между ней и Велландом раскинулся широкий и плодородный "инг", или луг; а "хэм" представляет собой деревню, обнесенную берегом, рвом или живой изгородью. Другие авторитеты, возможно, с большим основанием, возражают против такого использования слова "ing" и полагают, что это название означает "hame" или дом "Rockings". Как бы то ни было, название древнее, а положение, должно быть, всегда было важным, это место не встречается ни в одной записи до Завоевания, хотя похожее название встречается в Кенте под названием Роегринхем в грамоте Кенульфа Мерсийского 811 года. Возможно, это название встречается и в других местах, ведь среди последователей эрцгерцога Филиппа на встрече с Генрихом VII в 1500 году есть "Le Sieur de Rockingham de Flanders" ("Letters of Henry VII.", p. 88). Самое раннее упоминание об этом месте содержится в Domesday, где говорится, что король держит Рокингем. Бови владел им во времена короля Эдуарда вместе с сакон и соком. Это были отходы, когда король Вильгельм приказал построить замок. Несомненно, здесь, как и в других местах, решение Вильгельма было обусловлено существованием более ранней работы. Из осмотра оставшихся земляных сооружений и сравнения их с другими, такими как Бринклоу, очевидно, что они относятся к классу насыпных курганов и, следовательно, намного старше эпохи завоевания. Бови, несомненно, обитал здесь, и именно его крепкое жилище Завоеватель приказал превратить в замок.

Сохранилось достаточно материалов, чтобы показать, что земляные укрепления состояли из конического плоского кургана или донжона, к которому с одной стороны примыкала площадка. Диаметр кургана составлял около 100 футов в верхней части, а высота - не менее 30 футов. Он был окружен рвом, который, судя по признакам на южной стороне, был широким и глубоким. К северу от кургана находился базовый двор, неправильной, но округлой формы, площадью около 3½ акров. Очертания площадки в целом соответствовали контуру земли, склон которой составлял часть обороны. Двор примыкал к северной стороне кургана, за пределами его рва, и занимал примерно треть или пять двенадцатых его окружности. Таким образом, большая часть кургана, как и в Бринклоу, находилась за пределами общей линии обороны, частью которой он являлся. Кроме того, она располагалась на стороне, противоположной возвышенности, между вершинами оврагов, и,

естественно, как и в Бринклоу, на самой слабой стороне. Перед насыпью, на расстоянии нескольких ярдов, находится насыпь и ров, пересекающий подступы, а еще дальше, примерно в фургоне от крепости, - второй ров, даже сейчас содержащий воду и отделяющий территорию замка от графства. Вероятно, эти укрепления относятся к более позднему времени, чем замок. На востоке, за оврагом, есть и другие укрепления, особенно одна большая насыпь, которая сейчас образует центральную линию аллеи лип. Эти работы неравномерны и, возможно, были сделаны во время осады замка. На этой стороне также есть несколько небольших курганов, расположенных по два и по два, которые, как говорят, покрывают остатки коттеджей.

Изменения, внесенные норманнскими строителями, а также теми, кто в свою очередь разрушил норманнские стены, значительно уничтожили следы ранней крепости. Вал, который, несомненно, окружал двор, был отброшен назад, чтобы поднять и выровнять внутреннюю площадку, а вместо основного рва была возведена обшарпанная насыпь высотой около 8 футов, увенчанная парапетом, который представляет собой куртину. У его подножия находятся остатки рва, а ниже по склону холма - несколько террас, которые выглядят так, словно их защищали линиями арьергарда для мушкетеров во время парламентской осады. Считается, что эти неровности поверхности представляют собой британский лагерь, для которого, несомненно, подходит данная местность. От кургана осталась только полулунная насыпь, которая образовывала его северный край. Центральная и южная части были сняты и сброшены в ров, линия которого обозначена небольшим, но четким и широким углублением. Очевидно, это было сделано, когда парламент получил это место, чтобы сделать его неприступным. Также очевидно, что базис-корт был разделен на части, как и в Бринклоу. Об этом свидетельствуют уровни различных частей. Одна часть шла с севера на юг, отсекая на востоке входную палату с жилыми помещениями. Другой проходил с востока на запад и разделял западную часть. Три двора находятся на разных уровнях, входной двор самый низкий - 6 или 8 футов.

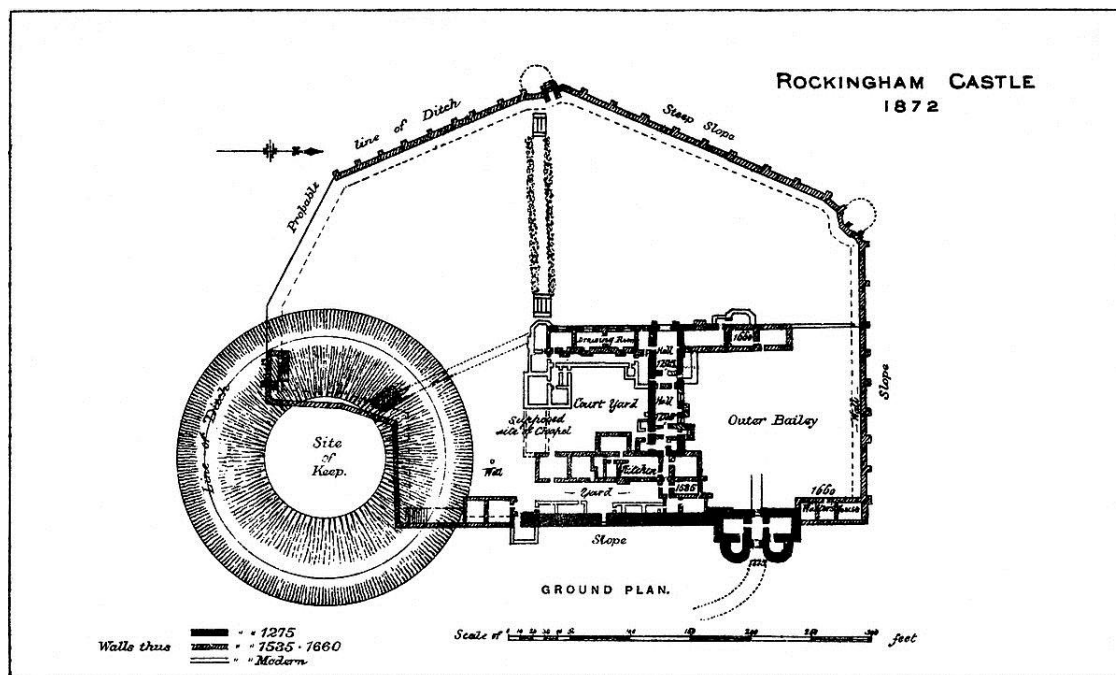
Построил ли Завоеватель каменную кладку или просто укрепил существующие оборонительные сооружения, неизвестно. Каменная кладка того века не сохранилась. Но он или его преемники, несомненно, установили на насыпи панцирь и построили стену вокруг двора. Эта стена, похоже, имела шесть граней и занимала в окружности около 490 ярдов. Она по-прежнему начинается на вершине насыпи, спускается по склону, пересекает ров и тянется на 134 ярда по прямой линии, образуя восточный фронт замка. Нижние ярусы этой стены толщиной 9 футов, возможно, относятся к поздненорманнскому периоду. Верхняя часть, высотой от 25 до 30 футов, вероятно, украшена, как и сторожка, которая находится на этом фронте. К северо-восточному углу стена была перестроена и поддерживает здание XVII века. В этом месте под прямым углом стена заменяется облицовочной стеной позднего времени и тянется на запад на 83 ярда, под и перед ней находится церковь и т.д. Затем направление стены меняется на юго-запад под углом около 160°, который был увенчан круглой башней с фресками, от которой сохранился фундамент. Эта сторона имеет длину 94 ярда и заканчивается под углом 130°, где, несомненно, находилась еще одна барабанная башня. Затем следует сторона длиной 64 ярда, заканчивающаяся углом 140°, за ней следует сторона длиной 40 ярдов, затем угол 150° и короткая сторона длиной 25 ярдов, которая заканчивается в хранилище в массе каменной кладки, которая если и не является полностью оригинальной, то частично таковой является, и сложена из старого материала. Таким образом, вся окружность дворовой стены от одной стороны замка до другой составляет около 440 ярдов. Две западные стороны возвышаются прямо над оврагом. Две юго-западные находятся на некотором расстоянии от его края, и здесь нет следов укрепления, а ров, несомненно, был. Стена сейчас разрушена, но в сухую погоду на дерне видны следы ее

фундамента. Расстояние от одного конца стены до другого, измеренное поперек крепости, составляет 50 ярдов, что завершает окружность двора.

Между двумя массами каменной кладки, которые отмечают примыкание двух концов внешней стены к замку, находится третья, которая указывает на северо-запад и показывает линию поперечной стены, которая разделяет вход и западные палаты. Этой линии следуют более поздние здания и западный конец замкового зала. Место ответвления поперечной стены на запад от нее обозначено двойной тисовой изгородью и ступенькой около 4 футов.

Ворота состоят из двух полукруглых башен диаметром 26 футов, фланкирующих проем в 10 футов. Башни выходят из блока шириной 60 футов и глубиной 30 футов, не имеющего внутренних выступов, так что башни и часть блока выступают из стены на 47 футов, придавая входу прекрасный, смелый характер. Башни состоят из двух ступеней, разделенных снаружи струнным переходом, и увенчаны простым парапетом, опирающимся на вторую струну. Ворота имеют низкую остроконечную арку, над которой продолжается колонна, поднятая так, чтобы образовать квадратную голову. Входной проход, шириной 10 футов, имеет глубину 30 футов. Внутри портала находится паз для портупей, округлый и узкий, как для железной решетки, а за ним - фальц для складных дверей. В другом конце прохода находится второй портал, также с воротами. У каждого портала был смелый внутренний капельник, который теперь срезан. Простой карниз показывает, что первоначальная крыша была деревянной и плоской. Нынешние и новые балки по недосмотру были уложены вдоль. С каждой стороны находится маленькая, сильно вылепленная дверь с равносторонней головкой, выполненная в превосходном стиле. Северная башня содержит две палаты, одна 16 футов на 18 футов, с петель во двор, из которой небольшой украшенный дверной проем открывается в переднюю полукруглую палату 12 футов, имеющую три петли спереди под глубокими арочными углублениями. В южной башне также две камеры. Та, что находится впереди, имеет только две петли. Другая камера имеет дверь в садовый павильон в южной стене. Все крыши были деревянными, а внутренние дверные проемы - тяжелыми, но отлично декорированными. Сторожка была значительно отремонтирована. Цоколь новый. Внешняя отделка была выполнена зубилом, а косяки портала, по-видимому, переделаны. Башни до недавнего времени имели конические крыши, которые, однако, не были оригинальными, а парапет, хотя и выполненный в отличном вкусе, является современным. Петли крестообразные, с короткими поперечными перемычками и эйлерами внизу. Покойный преподобный Т. Джеймс относит эти ворота к 1200 году.

Замок Рокингем
1872

Уайман и сыновья, G^t. Queen St. Лондон.

На куртине, в нескольких ярдах к югу от сторожки, находится дверь, а рядом с ней - петля, обе декоративного стиля, которые, очевидно, принадлежали настенной башне, ныне замененной современной кладовой.

Если войти в замок через ворота, то слева и спереди находятся жилые дома, постройки самых разных дат. Вход в дом слева, однако, старше, чем любая другая часть фасада. Это оригинальная дверь, выполненная в хорошем стиле, датируемая Декорированием, и открывается в то, что когда-то было залом или прихожей, ведущей в него. Напротив находится соответствующая дверь того же возраста, которая выходит во двор или дворик, окруженный зданиями разных эпох. Зал давно превратился в два этажа, его пересекают две перегородки, но боковые или наружные стены являются оригинальными и содержат два камина, которые теперь закрыты, но обозначены широкими наружными контрфорсами, и несколько окон, которые больше не используются и видны лишь частично. Это единственная часть нынешнего дома, которая, как можно с уверенностью утверждать, принадлежала древнему замку, и, вероятно, она была начата около 1275 года. Место западного окна занимает большая вставка эпохи Тюдоров или Стюартов.

Пространство в древних стенах, от дверей до западного конца, составляет примерно 20 футов на 85 футов, что слишком много для пропорций зала, поэтому вероятно, что настоящий зал был ограничен западной частью, где находится один из каминов и косяки четырех оригинальных окон.

Между восточным концом зала и навесной стеной находится прекрасное здание, датируемое 1585 годом, несомненно, работы Эдварда Уотсона. В нем находится кухня и различные офисы, и, вероятно, он включает в себя части древнего здания. Еще одно здание на северо-восточной стороне двора и длинный ряд зданий, обращенных к западу и содержащих конец зала, датируются 1660 годом. Здание на куртине между сторожкой и замком датируется 1669 годом.

Нынешние подвалы находятся между залом и сторожкой, и, хотя они современные, предполагается, что они занимали место замковой часовни, а рядом с ними находится колодец, хотя по старому плану сомнительно, не было ли колодца и в сторожке.

За исключением нижней части восточной куртины не видно ни одной каменной кладки, которая могла бы относиться к одиннадцатому, а возможно, и к двенадцатому веку. На церковном дворе сохранилось несколько фрагментов в нормандском стиле, но предполагается, что они не происходили из замка. Над внутренним порталом установлен камень, вырезанный в виде троса, но он не похож на норманнский, и в любом случае был установлен совсем недавно.

Работы Генриха III и Эдуарда I представлены верхней частью куртины, сторожкой, дверями, стенами и окнами зала, а также, вероятно, тремя блоками каменной кладки, примыкающими к насыпи замка, хотя два из них могут быть по сути более ранними. Все остальное в замке - дело рук нескольких грантодателей, и в основном, если не полностью, предков нынешнего владельца. Общий результат смешения построек столь разных стилей и эпох чрезвычайно приятен. Комнаты, хотя и не высокие, но уютные и живописные, наполнены мебелью, гармонирующей с их возрастом и размерами, а также современной техникой. Стены, сложенные из местного камня, имеют почтенный вид и увиты вьющимися растениями, а площадки нескольких палат и внутренняя часть крепостного холма покрыты лужайками и цветниками, откуда открывается обширный вид на деревню и за Велланд.

Лиланд, посетивший замок во времена правления Генриха VIII, когда он еще был военным зданием, оставил описание его и того, что он тогда видел: "Замок Рокингем стоит на вершине холма, очень величественный, с мощной дичью и фальшбортами без дичи. И до сих пор сохранились все его стены. Кепи очень красивое и крепкое, и в нем есть сильные башни. Жилища, которые находились в пределах замка, были обнаружены и разрушены. Одна вещь в стенах замка заслуживает внимания, а именно то, что они имеют стенки по бокам, так что если бы территория замка была завоевана путем проникновения в одни из двух больших ворот замка, то все же купели стен могли бы защитить замок. Я отметил, что в районе замка есть крепкая башня, а от нее через дамбу подземелья идет разводной мост к туру подземелья" - "Итин.", i. 14.

Мощный ров и бастионы за ним, вероятно, относятся к замку и территории к югу от него, где только и нужен был ров. Конечно, крепость представляла собой круглую или многоугольную оболочку на кургане. Мощные башни на стенах, несомненно, были барабанами, как и в сторожке, закрывающими углы куртины. Двойной парапет не был чем-то необычным, а при толщине стены в 9 футов и вовсе неосуществимым. Где стояла сильная башня, неизвестно, но она должна была находиться в пределах двора, к северу от крепости, и за рвом крепости или донжона, к которому вел разводной мост. О вторых больших воротах не сохранилось никаких преданий, но они могли находиться только на юге, так как с других сторон к ним нет удобного подхода. Последние работы - это две башни работы г-на Салвина, одна простая, квадратная и массивная, рядом с крепостью, другая восьмиугольная, легкая и возвышенная, расположенная в конце зала. Они являются прекрасным и разумным дополнением к зданию.

Так случилось, что существует еще более позднее свидетельство о состоянии крепости в плане, вероятно, представляющем временные сооружения, созданные во время парламентской атаки для защиты крепости от нападения на внешний или южный фронт. На нем изображена вершина крепости, покрытая зданиями, расположенными в виде многоугольника диаметром 80 футов, с открытым двором в центре. Снаружи, по краю горы,

проходит линия острога длиной 180 футов, опирающаяся на стены двора и укрепленная двумя деревянными бастиянами. Дно рва образует крытый путь, а вдоль контркарпа располагается вторая линия острога длиной 240 футов, также опирающаяся каждым концом на стены. Показаны также концы куртины и промежуточной стены, примыкающей к крепости. На южном краю крепости находится колодец. Этот план особенно интересен, так как он не только показывает, что на кургане было здание, но и содержит план обороны, который, по всей вероятности, точно соответствует тому, что Завоеватель нашел здесь в использовании, когда приказал построить замок.

В числе тканевых валов, хранящихся в Государственном архиве, есть несколько записей, относящихся к замку Рокингем, из которых покойный мистер Бертт сделал следующие выписки.

Небольшой валик, 4 Эдуарда I, о работе каменщиков и плотников на сумму 37 фунтов стерлингов. 6½d.

Фрагмент вала, не датированный, но относящийся к началу того же царствования: расходы каменщика "*circa turrem faciendam et murum turris ex parte meridionali punctuandum et petras in muro debiles et fractas extrahendas et alias petras ibi ponendas et petras ad eundem murum scapulandas.*" Плотник был нанят "*circa chevrones ad lardarium faciendas et fenestras ad celarium (погреб) sub oriolo reparandas et faciendas*". Два каменщика работали над "*murum castris ex parte orientali porte facientes*", а другие - над стенами в целом. Также была произведена оплата "*plumbariis facientibus et cooperientibus parvam cloacam super murum castris versus ecclesiam Rok*", то есть за северный занавес.

Другой свиток, 4-5 Эдуарда I., содержит в двух мембранах запись о расходах "*ad petram liberam frangendam apud Pukesalter*"; также о двух мужчинах "*operantes super gradus aule Regine*"; и о плотнике "*ad garderobam Regine carpentandam ad tascam et cendulandam, 40s.*".

5-6 Эдуард I. содержит три записи: каменщик и другие люди были наняты "*circa novum oriolum ad hostium magne camere et veteram aulam erigendam*". Другие были наняты "*circa mantellam magni turris faciendam et erigendam*"; и другие "*circa cumilum parve camere juxta le viz et fenestram et alia in garderoba Regis facienda*".

5-8 Эдуарда I представляют собой неполный рулон из пяти мембран, исписанных, но не тщательно, с лицевой и обратной стороны. Записи касаются работ по ремонту стен, дымохода и других частей палаты "*ultra volticium (разводной мост) circa cretos ad murum versus mantell' (камин) turris*". Также ремонт "порта де Дюрр". Также окна и т.д., плотнические работы и дверь новой башни. Каменщикам - "*ad novam cameram faciendam de veteri aula*"; плотникам - за двери большого погреба и новой башни. Камень был добыт и доставлен из Уэлдона. Каменщики и т.д. были наняты "*circa cameram magnam Regis corrigendam*"; а плотники "*circa claustrum faciendum et porcheam camere Regine cooperiendam*". В конце дорса одной из мембран находится благочестивое напутствие, обращенное то ли к счетам, то ли к зданию: "*Deus te comburet vel Diabolus*"! Что-то в стиле "*Deil pike out the een*", к которому, как говорят, обращался старый Кью к тем, кто изучал счета строительства в Драмланриге.

6 Эдуард I., рулон из трех мембран, упоминает людей, занятых "*ad veterem aulam faciendam et emendam*".

6-7 Эдуарда I. представляет собой свиток из пяти мембран, плотно исписанных с лицевой стороны и частично с оборотной. Записи: "*circa novum turriolum faciendum*"; "*circa coquinam*

faciendam". Работа плотников "unam januam ad barbecanum et unam januam ad mantellum versus turriolum juxta magnam turrem". Каменщики были заняты "circa cameram Regine faciendam" и резкой камней, "ad circularem fenestram in magna camera Regis". Появляются расходы мастера Ральфа-художника "circa parvas cameras juxta cameram Regine dealbandas" (побелка); также каменщики занимались "circa chimineum in magna camera Regis et muros ad cameram ultra volticium faciendos". Опять же, расходы маляра Ральфа "circa cameram Regis dealbandam" и "circa cameram Regine dealbandam". Плотник был нанят "circa claustrum et hostium ad camere Regine faciendas". Мастер Ричард "circa cameram ultra volticium faciendam et terram juxta coquinam removendam". Из магазинов: "In iiij libras ære et dimidiam empt' ad opus cement' confectis cum thure code et pictivæ ad cementum faciendum." Еще камень из Уэлдона; шифер из Харингворта; "In vitreis fenestris emptis ad cameram Regine, 10s."

7 Эдуард I - рулон из двух мембран. Расходы каменщика "in magno horre crestando"; людей "fodientes petras in quarrerria juxta castellum ad fundamentum aule cohoperiendum." Каменщики "ad muris aule, solarii, capelle, et garderobe cohoperiend' et super fundamentum stabule per ij dies"; также каменщик "ad capellam prosternendam in turre".

В другом списке той же даты указаны профессии рабочих. Один мастер-каменщик, четыре cissores (обрезчика или обтесывателя камня), четыре subitores (постельщика), шесть servitores (помощников), два каменотеса в Рокингеме, шесть плотников, два изготовителя досок и реек и два пильщика.

8-9 Эдуард I., шесть мемберов. Полный список работ за год, от Михаила до Михаила, с указанием лишь нескольких мест; только башня, палата, около новой часовни; люди, занятые "circa capellam et cameram domini Regis faciendam"; также "circa murum aule et fundamentum celarii". Камень был привезен из Уэлдона и Хаверна.

9-10 Эдуард относится только к мелким работам.

13-14 Эдуард I. - полный цикл, от Михельмаса до Михельмаса: Каменщики заняты "super capellam"; "super kernellos"; плотники "super magnam capellam Regis"; каменщики "circa fenestram Reginæ inter duos turiolos erigendam" и "circa murum et fenestram celarii reficiendam" и "circa unum baterat intranem magnam cameram et circa dictum murum et fenestram"; также "circa gabulam capelle et circa turiolum", и "super turiolum et murum versus magnam portam juxta boveriam"; также плотник был занят "super sedem Regine ad capellam." Общая сумма, израсходованная таким образом и в соответствии с этим списком, составила 103 фунта стерлингов. 0s. 12d.

15-16 Эдуард I., также полный список, от Михельмаса до Михельмаса. Каменщики, занятые "circa novum turiolum juxta coquinam", плотник, делающий "gistas ad turriolum de Holebrooke"; каменщик "cooperiens ij turiolos, muros aule, et in aliis locis emendans cohoperituram murorum." Два каменщика "perimplentes warderobam Regine et viam de aula usque cameram Regis et domum Lawyte' juxta capellam, et facientes astr' (astra - каминь или очаги) in v caminis in turri et iiij caminis in castello ad tascham 8s.' ... circa murum versus turrim erigendum et turridum versus turrim".

В той же записи упоминается "stagnum", или олово, для пайки: фронтоны солнечного или верхнего этажа, рядом с солнцем. "Сyntles или cindules" - черепица для кровли. "Виз", от "вис", винт, - винтовая лестница. "Вертевеллис" - петли, а "гамфис" - большие крюки, на которых они вращались: пескарь и пинтель.

Приведенные выше записи свидетельствуют о большом внимании к жилищам короля и королевы, и лишь незначительном к жилищам других людей, а также к укреплениям. Старый зал, вероятно, предшествовал нынешней постройке и, несомненно, был норманнским. Упоминается подвал под восточной башней. Magna turris, вероятно, была крепостью, а разводной мост пересекал ров крепости. Барбакан, несомненно, представлял собой деревянную конструкцию у одних из двух внешних ворот. Старая часовня, в которой, вероятно, заседал совет, была разрушена, и возведена новая. Строительство нового зала, по-видимому, велось с 8-9 Эдуарда I.

История Рокингема тесно связана с историей леса, констебли или кастеляны которого почти всегда были сенешалями. Было показано, что Завоеватель приказал построить здесь замок, и, вероятно, поэтому он посещал это место. В 1095 году Руфус выбрал это место для встречи знати и прелатов королевства, чтобы обсудить с архиепископом Ансельмом важный вопрос: "Utrum salvâ reverentiâ et obedientiâ Sedis apostolicæ posset Archiepiscopus fidem terreno Regi servare, annon"? Когда король прибыл из Нормандии 29 декабря 1094 года, он застал Ансельма, который собирался принять паллу от Урбана II, которого король не признавал папой, и возник вопрос, соответствует ли признание Урбана верности короне. Встреча произошла в Рокингеме в пятое воскресенье Великого поста, 11 марта 1095 года. Они собрались в часовне, и Ансельм обратился к прелатам за советом. Прелаты склонились к феодальному, а не церковному взгляду на вопрос, которого они скорее избегали, и решили, что Ансельм обошелся с королем неуважительно. Заседание было перенесено на понедельник, когда прелаты согласились, что собрание - это собрание вассалов короны, а не синод, и они вместе с дворянами посоветовали Ансельму подчиниться королю. Во вторник депутация прелатов встретила Ансельма. Они упорно продолжали рассматривать разногласия только со светской точки зрения, высказывая мнение, что архиепископ как вассал короны не прав, но отказываясь идти дальше или выносить какие-либо порицания своему церковному начальнику. После этого встреча распалась, Ансельм отказался уступить. Вскоре после этого король признал Урбана и принял его легата, но не посоветовавшись с Ансельмом и не поставив его в известность. Все это свидетельствует о том, что Рокингем в то время был важным местом. Часовня должна была быть не просто ораторией в храме, как в Арунде или Линкольне, и в ней должно было быть какое-то помещение для собрания, состоявшего из мирян высокого ранга и епископов, в эпоху, когда люди этого ордена не отличались аскетизмом.

Говорят, что в древности лес простирался до Нортгемптона, но границы, установленные различными обходами от Эдуарда I до Карла I, ограничивают его Оксендоном и Стэмфордским мостом. Он был разделен на бейливики Рокингем, Клайв или Клайф и Бригсток, каждый из которых подчинялся бейлифу и вердеру, и в каждом из которых находился лесной домик, поддерживаемый в порядке короной. В Геддингтоне на реке Исе находилась более крупная резиденция, которую часто посещали государи, где когда-то находилась большая Курия Регис и где до сих пор сохранился один, самый совершенный, из памятных крестов, установленных Эдуардом I своей королеве. Многие поместья также принадлежали замку на правах замковой стражи. Их регулярного списка нет, но известно, что среди них были Литтл-Биллинг, Коттингем, Олдвинкл, Когенхоу, Харведон, Ханингтон, Хортон, Ишем, Апхолл, Уоттон и баронство Чиппинг-Уорден, которое само имело арендаторов, владевших замком на основе подобных услуг. Кроме того, инквизиция от 18 февраля 18-го года Эдуарда I показывает, что поместье Вахул принадлежало королю per Baroniam за службу в размере одного рыцарского гонорара и шестидесяти девяти шиллингов в каждое Майклмас для прихода в замок Рокингем. Суммы, на которые обменивалась служба, варьировались от двадцати пенсов до семидесяти пяти шиллингов в год и

оценивались в пять шиллингов за рыцарский взнос. Сбором этих сумм занимался специальный чиновник, который владел половиной виргата земли по этому праву, а также хаус-боте и хей-боте в Коттингемском лесу, правом пасти свою лошадь на лугах аббата Питерборо в Эстоне и питаться, когда король или его констебль находились в резиденции. Кажется, его называли судебным приставом замка, а во времена Генриха III, когда им владел Джеффри де Рокингем, эта должность была наследственной. Кроме того, в замке был вейт или сторож, который нес караул по ночам и владел вейтом на правах замкового вейта. Симон де (ла) Вейт занимал эту должность 36 при Генрихе III.

В 1137 году в англо-саксонской хронике рассказывается, что аббатство Питерборо под руководством своего неукротимого аббата Мартина, этого "доброго монаха и хорошего человека", отвоевало у Уильяма Малдуита, владевшего замком Рокингем, земли Коттингем и Истон. Мальдуит был всего лишь констеблем, но в незаконное правление Стефана хранитель столь сильного места должен был обладать весьма независимыми полномочиями. Замок никогда не отчуждался от короны и часто посещался королями вместе с Бригстоком и Геддингтоном, а лесные законы соблюдались очень строго, благодаря правосудию *"in itinere forestarum"*. В 1139-40 годах (5 Стефана) у короля был виноградарь в Рокингеме, на ливрею которого выделялось тридцать шиллингов, а двадцать шиллингов уходило на закупку необходимых вещей для виноградаря. В 1188 году, 11 февраля, в Геддингтоне состоялось большое собрание, "Курия Регис", на котором обсуждался вопрос о крестовом походе. В 1189-90 годах шериф Нортгемптоншира отчитался за сто шиллингов за аренду Рокингема.

В 1194 году здесь побывал король Ричард.

Генрих II и Ричард I выделили 4 фунта 11 шиллингов. 3 фунта стерлингов на содержание привратника и двух сторожей. Кустос или констебль выкупил свою должность. В 1157-8 гг. Фульк де Лизорис заплатил двадцать фунтов за старую аренду лесов Рокингем и Селвестон, и еще столько же - за новую аренду тех же лесов. В 1199 году Роберт Малдуит заплатил за него сто фунтов четырьмя ежеквартальными платежами. Он уже владел им. Король Джон был здесь по меньшей мере четырнадцать раз в период с 1204 по 1216 год и датировал многие документы отсюда. В 1204 году, 5 мая, графство Ратленд и деревня Рокингем были переданы Иоанном в приданое королеве Изабелле. Вероятно, он сохранил за собой замок. В этом решении он следовал прецеденту, поскольку в 1209 году папа Иннокентий призвал его вернуть Беренгарию, королеву Ричарда, ее имущество, среди которого указано *"In Nordhantonscire Rokingham cum pertinenciis ejus"* (Rymer). Дарственная была подтверждена 5 мая 1215 года. В 1204 году в Патентном списке указано, что король Иоанн пожаловал Самсону Васселину, "нашему клерку", церковь Рокингема с пристроенной часовней Маннетон, в пожизненное бесплатное милостыню. В 1205 году Скогернел, королевский посланник, получил девять пенсов за поездку в Рокингем. В октябре 1207 года граф Дэвид (из Хантингдона) заплатил королю в его покоях в Рокингеме рукой Питера де Стока 100 фунтов стерлингов, причитающихся по оброку, а в 1208 году Хью де Невил должен был получить предоплату за свои расходы, оцененные компетентными лицами, на королевские дома в Рокингеме и Клайве.

В 1209 и 1210 годах в Мис Ролл появляются различные записи, касающиеся Уильяма Аквариуса, который обеспечивал королевскую баню. Из восьми бань он сделал одну в Нортгемптоне. В Рокингеме бани нет. Есть платежи за "рончини" [багажных пони] Томаса Марескала, которые оставались в Нортгемптоне и Рокингеме в течение шести дней с королевским гардеробом, пока король бродил [*"spatiatum"*] среди лесов и рек. Он посетил Геддингтон и Клайв, где проиграл 4s. 10d. за столом с графом Солсбери, а затем 4s. 11d.

Также содержание двадцати девяти лошадей и двадцати четырех камердинеров (*garciones*) в течение трех дней в Рокингеме, с мастерской (*fabrica*), стоило 24 с. 5d.

Частота королевских визитов в какой-то мере объяснялась необходимостью содержать хозяйство за счет местных ресурсов; вино же, несмотря на наличие виноградника, импортировалось и хранилось на складах, особенно в Саутгемптоне, и там доставлялось королю по мере необходимости. Так, в 1212 году было ввезено шестнадцать бочек вина, из которых пять отправились в Рокингем, три - в Клайф и четыре - в Геддингтон; здесь же 10 июля Джон подтверждает получение почтового плаща, принадлежавшего констеблю Честера. Здесь же, согласно "Мис Ролл", Джон приказал потратить 100 марок, выданных ему бюргерами Ноттингема, на строительство башни "*in mota de Notingham*".

Замок также служил тюрьмой. В 1213 году Гилберт де Гартингтон должен был быть освобожден из нее под залог вместе со своим имуществом; также по просьбе легата был освобожден Роберт де Мара, взятый в Каррикфергусе. В 1214 году канцлеру было предписано купить пять долей лучшего вина в Лондоне и отправить их в Клайф, Геддингтон, Рокингем и Селвестон. В этом году 127 фунтов стерлингов. 8s. 6d. было выделено на работы по возведению новой башни и палаты в замке, а Питер де Барр и Николас де Хугевилл, пешие арбалетчики, были отправлены наниматься на оборону замка, получая по шесть пенсов в день каждый. В январе 1215 года канцлер должен был прислать больше красного вина. В марте король вернул Уильяму, графу Албемарлу, поместье Рокингем, которое принадлежало Алисе, его тетке по отцовской линии (*amitæ suæ*). Это может быть либо Алиса де Ромели, мать его матери, либо Алиса Марешаль, его сестра. Он должен получить "дома, земли, террасы и все владения". В мае Уильям де Харкорт должен быть хорошо принят в замке, если ему понадобится гостеприимство. Похоже, что покойный опекун занимался огораживанием, так как король дарит Роджеру де Невиллю весь ассарт Рокингема, который Хью де Невиль обработал или расчистил, и добавляет общее пастбище в деревне для его скота, с правом ежегодного владения парой позолоченных шпор.

1216 год, 4 марта, из заключенных, отправленных леди Николь де Хайя в Ноттингем, четверо должны быть переведены в Рокингем. Судя по всему, смотритель замка посягнул на полномочия шерифа, что король исправил. Вероятно, в Рокингеме произошли беспорядки, так как Иоанн приказывает констеблю Ноттингема освободить под штраф взятого там пленника. В конце года гарнизон, должно быть, был недоволен, так как констеблю приказано немедленно выплатить задолженность по ливреям людям, гарнизирующим замки Нортгемптон и Рокингем, чтобы у них не было повода для дезертирства. Констебль должен оставить в пользовании замка поместья Геддингтон, Клифф, Бригсток и Корби. Он должен выступить в роли эсквайра, чтобы передать Ральфу Фиц-Питеру конфискацию Бластона и Уэстона. Это одно из первых распоряжений, сделанных в новое царствование, и оно засвидетельствовано графом-маршалом "*teste Comite*". Генрих III, вероятно, неоднократно бывал в Рокингеме, определенно в 1220, 1226 и 1229 годах.

1217 год, аббат Питерборо просит не взимать плату за охрану своего замка. Просьба удовлетворяется, но службу несут рыцари, владеющие аббатской платой. В 1218 году Ричард Трасселл был оштрафован за то, что водил своих собак по лесу. В 1219 году Хью де Невиллю было возвращено владение лесом, а также Клайвом, Гетингтоном и Бригстоком. Поскольку эти должности связаны с землей, констебль должен выдавать конфискат. 25 июня король отправил своего егеря, Ричарда де ла Ханта, погонять в лесу, и на время его пребывания шериф должен обеспечить его и двух его лошадей, двух камердинеров, мечника или "сикария" (*bernarius*), бичевальщика (*veltarius*), четырех борзых и четырнадцать тростей де мота (*canes de mota necessaria*). Ему также полагается соль для засолки оленины, которую он

может взять с собой, и повозка, чтобы доставлять ее королю по мере необходимости. Иногда отдается приказ разрешить какому-нибудь знатному человеку взять три или четыре самца или самки, но очевидно, что указанное количество не должно быть превышено. 19 июля Уолтер де Престон был послан взять сорок баксов для королевской кладовой. В ноябре Уильям, граф Албемарл, владеющий замками Рокингем, Соуви и Бихам, отказался их отдать, на что шерифы предупредили его, что легат отлучил его от церкви, и никто не должен помогать ему удерживать замки. Граф, однако, сопротивлялся, и этот замок был осажден и взят врасплох 28 июня 1220 года ("Hist. Anglor.", ii. 242). Генрих был здесь лично и разрешил Уильяму де Альбини три, а Уильяму де Инсуле два бакса. Уильяму де Престону и Ричарду де Уотервиллу также было разрешено получить по двадцать баксов, вероятно, для использования королем. Незадолго до этого, в мае 1220 года, Изабелла, мать короля, написала ему, чтобы сообщить, что по его, а не по собственному почину она вышла замуж за графа де ла Марша, и попросила, чтобы ее мужу было разрешено получить ее дауэр, который включал замок Рокингем ("Письма Генриха III", i. 115). В июле бейлиджи были возвращены Хью де Невиллю, имевшему грамоту от короля Иоанна, а в ноябре Фульк де Бреоте получил сто фунтов на расходы во время осады Рокингема, которую он, похоже, вел. При взятии Совея и Рокингема было обнаружено, что в них совершенно нет провизии: в них не нашлось и трех буханок хлеба.

Сначала Генрих, кажется, удовлетворил просьбу матери, но 2 сентября 1221 года Ричард де Рипарис получил под свою опеку все земли, которые граф де ла Марш держал в Англии в приданое своей жены, а добрые люди Рокингема должны были отвечать перед Ричардом за аренду этой деревни, как они делали это перед графом и его женой.

Другие записи относятся к тому же году. Констеблю разрешено взять большую древесину для ремонта королевских домов и "турриса" в Рокингеме, а шерифу - двадцать марок на то же самое. Также Хью де Невилл должен взять лесничего и добрых людей "de visñeto" [из окрестностей; отсюда "venue" применительно к присяжным] из Коттингема и Карлтона и измерить ассарт, который аббат Питерборо имел разрешение короля Иоанна сделать. Если 100 акров или меньше, аббат должен быть оставлен в покое; если больше этой площади, Хью должен вступить во владение и доложить.

16 апреля 1222 года людям из Рокингема сообщают, что королеве Изабелле и ее мужу снова разрешено получить земли в приданое. В мае граф Албемарл заключил мир, и по грамоте короля Иоанна, касающейся земель Хойзы, его матери, он освобождается от уплаты податей и других платежей за свои владения поместьями Рокингем, Клайф и Бригсток, начиная с того дня, когда он вступил во владение замком, и до 18 ноября 1219 года. В этом месяце король прислал десять марок на ремонт его домов и столько же на замок, чтобы их можно было использовать по мере возможности.

1223 год: аббат не может быть лишен в мирное время более четырех шиллингов, охрана замка, согласно положениям хартии Ричарда I. 13 сентября выясняется, что Алианор, тетка (бабушка) короля, бывшая королева Англии, имела ярмарку Рокингем как часть своего дара, и, поскольку она умерла, Изабель и граф де ла Марш должны получить ее со всеми пошлинами. 31 октября: кустос получил от шерифа пять марок на ремонт водостока в королевских покоях. 1224 год: в этом году в Рокингем было отправлено десять бочек вина, а за перевозку из Саутгемптона должен был заплатить шериф, а позже еще десять долий. Уолтер Мельник получил дуб для ремонта моста; нужно выбрать удобный участок. В 1225 году шериф должен был взять с собой подходящих людей, искусных в плотницком и каменном деле, и позаботиться о ремонте королевских покоев в замке, для чего должно было быть выделено достаточно древесины. Епископ Эли получил заказ на десять деревьев из

эссекского леса, но так как их было трудно взять, он заказал аналогичный заказ на Рокингем, чтобы использовать его в случае, если первая попытка окажется неудачной. Некий Иво де Дайен, взятый в лесу, заплатил королю Иоанну штраф в восемь марок и одну полугривну за свою свободу, и выплатил его констеблю, за что теперь получил квитанцию. Уильям де Кантилуп взял из леса двух самцов и двух телок, чтобы поместить их в свой парк в Эстоне. Мартин де Патишулл получил десять баксов. Некоторое количество древесины, разрешенной для замка, должно быть отобрано лесничими и вердильщиками, которые должны взять расписку (talliam) за нее у шерифа.

В 1226 году в замок было отправлено десять долей вина. В этом году Ральф де Трублевилль должен был получить древесину из удобного места, где лес не пострадает, для залива королевского вивария в Стоке и ремонта его домов. Кустос получил от шерифа двадцать марок на работы в часовне и других частях замка. Шериф Бедса также должен предоставить двадцать марок на эти работы; заказан груз свинца для желобов на крыше. 15 августа констеблю полагается два бакса в сезон [in horis]. 24 июля 1227 года констебль должен отдать свои квитанции за прошлый и нынешний год с ярмарки в Рокинге Томасу де Сайрену или его бейлифу этой деревни, а в будущем оставлять их у него. Уильяму де Кантилупе разрешено брать двух самцов в сезон. В 1230 году из Бостона в замок было отправлено три бочки вина.

По прошествии некоторого времени в инквизиции 34 Генриха III. 1249-50 гг. говорится, что замок был разрушен сэром Робертом Басселеве, последним констеблем. В нем упоминаются башня, стены и их укрепления. Часовня была лишена приспособлений для богослужения.

В 1250 году умер Джеффри де Рокингем, который, вероятно, владел вейтским гонораром *in capite* под замком, и его душеприказчикам было разрешено управлять им, предоставив гарантии по долгам, причитающимся королю. В 1284-6 гг. поместье не было ликвидировано, и мастер Генри Сэмпсон представил баронам Казначейства части тальона на 4 фунта стерлингов, взимаемого шерифом Ратленда, который по несчастью был нарушен. Сэмпсон, по-видимому, был душеприказчиком. 1251 год, шерифу разрешено выплатить 8 с. 2 д. за перевозку королевской оленины из Рокингема в Вестминстер, а Элиас де Ханвилл должен взять шестьдесят дубов из королевских лесов Клайва, Бригстока и Коттингема для работ в замке.

В 1253-4 годах Эрнальд де Боско, судья лесов к югу от Трента, распоряжался Рокингемским лесом между мостами Стамфорд и Оксендон, за исключением замка и его пристроек; ему было приказано сделать "траншеи" там, где это покажется наиболее целесообразным, в лесах Рокингем и Клайв. Два года спустя Хью де Голдингем получил такое же обвинение, и четыре человека были заключены в замок за нарушение границ. Они заплатили две марки, чтобы их отпустили под залог до появления правосудия в Эйре.

1260-1, король передал Алану ла Зучу замок и лес от моста до моста, а Джон де Оксиндон и Уолтер ле Бутиллер стали его поверенными, чтобы отчитываться перед королем за дела графства и леса.

В 1269-70 гг. Генри Энгейн получил лицензию на оброк десяти акров леса, вероятно, вблизи Блатервика. В 1271 году, в конце правления Генриха, Эдмунд, граф Корнуолл, его племянник, владел поместьем Рокингем и получил для города грант на проведение пятничного рынка.

Эдуард I. был в Рокингеме в 1275, 1279, 1290 и 1300 годах, в последний раз в течение восьми дней в апреле.

3 Эдуард I., 1274-5 гг. Присяжные Сотни установили, что когда король приезжал в Рокингем и останавливался там, он имел право пасти всех своих лошадей на лугах аббата Питерборо на Велланде, и констебль требовал того же, но оказалось, что со времен аббата де Коза эти права были утрачены, как и право брать большую древесину для ремонта замка, а также древесину для выжигания и для заборов из аббатского леса Коттингема. Кроме того, примерно за двадцать пять лет до этого аббат путем "pourpresture", или незаконного огораживания, посягнул на королевское общее пастбище в Эстибурге, в каком объеме - неизвестно. Кроме того, Роберт Оливер присвоил участок королевского луга размером 20 на 2 фута для расширения своей мельницы, а Джеффри Фицпетер построил стену на королевском шоссе в Рокингеме и огородил землю размером 80 на 8 футов. В другой записи говорится, что аббат, владевший поместьем Коттингем *in capite*, огородил там ассарт, на котором раньше находилось общее пастбище, примыкавшее к замку, и стоившее 40 с. за акр. Также в течение трех лет Беренгер ле Мойн и люди Хенингтона перестали вести дела в суде сотни Поулброка, которые стоили 7 с. 4 д. в год, а охрана замка - 20 с. Из тех же сотенных списков следует, что с давних времен существовал обычай совершать богослужения в часовне на территории замка, на что шериф ежегодно выделял 50 фунтов. Празднование прекратилось за восемь лет до 1268 года. Вилла Рокингем находилась в руках предшественников короля и была отдана королем Генрихом королю римлян, сын которого, Эдмунд, граф Корнуолл, унаследовал ее и владел поместьем. Приходская церковь Святого Леонарда должна была принадлежать короне, но присяжные не знали: "Utrum data esset domino Regi Alim' cum manerio de Rokingham an non." К поместью примыкала часовня Мanton, которую Генрих отдал последнему пастору, который был еще жив. Аббат, со своей стороны, но полвека спустя, подал встречную жалобу ("Plac. in Parl.", ii. 22).

В 1276-7 гг. аббат Пайпвелл был освобожден от уплаты пошлины за чиминаж, или право проезда через лес. Томас де Блатерстоун получил 9 д. на расходы с королевскими борзыми и 2 д. на хлеб для них, и еще 5½ д. на хлеб, когда мастер Ричард де Холброк гостил в Рокингеме, а за борзых аббата Лаунда в течение девятнадцати дней - 19 д., всего 8 с. 6½ д. на борзых.

В 1279 году были произведены расходы на замок, подробности которых сохранились.

1279-80 гг. Лоуренс де Престон, один из семьи, владевшей поместьем Греттон, подал жалобу на Роджера де Холланда, констебля, за "эстоверы", или дрова для дома, взятые из леса аббата Питерборо в Коттингеме, у Уильяма де Латимера в Корби и из собственного леса Престона в Греттоне, "pro nimia oppressione", в том, что он взял больше, чем ему причиталось. Ральфу Бассету было разрешено закрепить за собой и обрабатывать тридцать восемь акров в Уэлдоне в лесу.

1280-1, король пожаловал Роберту Фиц-Рогеру из Вантона ту часть бейливика Булай в лесу, которая находится в руках короля, и пожизненное владение лесом Фернес, сохранив за королем права на верту и оленину. 1281, 8s. 2d. разрешено шерифу за перевозку королевской оленины из Рокингема в Вестминстер. 1282 год, Ричард де Холеброк получает опеку над замком и сенешальство над лесом, а также королевскую ренту с Уайтла и поместий Сахам, Овестон и Сильвестон на три года, а в 1285 году Холеброк снова становится констеблем и получает 637 фунтов стерлингов. 17s. 8½d. за деньги, потраченные им на ремонт замка в течение последних семи лет. Таким образом, вполне вероятно, что Холеброк занимал свой пост до 1282 года. Поскольку он был самым активным человеком, занимавшим эту должность, и поскольку большая часть старой части замка - его рук дело, здесь будет

удобно привести перевод документа, по которому Холеброк был назначен констеблем, из "Разных роллов" за 9 и 10 годы Эдуарда I, который можно принять за общую форму и перевести так

"Относительно замка Рокингем и должности сенешаля лесов и различных маноров.

"Король передает Ричарду де Холеброку под опеку королевский замок Рокингем и должность сенешаля королевских лесов, между мостами Оксон и Стаунфорд, с королевской рентой с Уайтла и с королевскими поместьями Сахам, Овестон и Сильвестон, чтобы держать их со всем их достоянием с праздника св. Михаила в девятый год царствования короля до конца следующих трех полных лет, если только за это время король не будет побужден распорядиться иначе относительно вышеупомянутого замка. Отдавать королю ежегодно в королевский казначейство из доходов вышеупомянутого замка и сенешаля 80 фунтов. С поместья Сахам 56 фунтов, а с поместья Селвестон 15 фунтов, то есть по одному фунту в праздник Святой Троицы и по другому фунту в праздник Святого Мартина, следующий за ним. При этом вышеупомянутый Ричард не должен брать ничего в вышеупомянутых лесах или в королевском парке Сильвестона, кроме разумных отчислений (необходимых) на строительство домов вышеупомянутого замка, а также на содержание тех и других домов, которые находятся в вышеупомянутых королевских поместьях, и, если потребуется, на их ремонт. И он может иметь траву в вышеупомянутом парке, сохраняя там достаточное количество пастбищ для королевского скота. А если случится, что в это время король снова возьмет этот замок в свои руки, он сохранит вышеупомянутого Ричарда без потерь. Во свидетельство и т. д. Свидетель король в Вестминстере, 16-й день ноября" [1282].

1288-9, Уолтеру де Лангтону было разрешено обложить импарком свой лес Эшли и двенадцать прилегающих акров, все в лесу. 1289-90, Хоулброк, все еще констебль, получил 8 фунтов 11 шиллингов. 11¼d. на расходы на похороны Уолтера де Леви, одного из свиты Джона де Брабанта, который умер в замке и был похоронен в Пайпвелле. Его кишки, однако, были оставлены в Рокингеме, и на его похоронах был устроен пир. В 1290-1 году Элиас де Хамул сменил Холеброка, выплачивая ту же ренту. В этом году королю были поданы большие жалобы на поведение Холеброка. Уильям де Латимер, владевший Корби и лесом *in capite* за 10 сотен в год, жаловался, что Холеброк срубил огромное количество дубов, уничтожив его лес, забрав телеги с подлеском и ветками, и в течение шести лет четвертовал на нем угольщикиков за 10 фунтов в год каждого. Кроме того, он держал там около восьмидесяти свиней и ста коз в течение года во все времена года, что противоречило хартии. Лоуренс Престон из Греттона подал аналогичную жалобу. Оба обвинили его в том, что он обратил общественные средства в свою частную собственность. Холеброк отверг обвинения, и король пообещал провести расследование ("Plac. in Parl.", i. 36).

1291-2, Томасу де Лодингтону было разрешено получить в собственность пять акров в Малесвуде в лесу. 1293-4, Элиас де Хамул был отправлен в Германию, а Томас де Хамул назначен на его место. 1295-6, констебль должен взять на себя ответственность за Уильяма, сына сэра Джона де Моравиа, Герберта де Мирхэма, Александра де Фиц-Гли и Грегори Фиц-Оуэна, пленников, взятых в замке Данбар. На их пропитание выделяются деньги. 1296-7 гг. Уильям Бошамп, граф Уорик, владеет замком и лесом по своему усмотрению, а в 1298-9 гг. его сменяет Адам де Уэллс.

В июле 1299 г. Эдуард I установил приданое Маргариты, сестры, и Изабеллы, дочери короля Франции, на браках его самого и его сына, и в местах, на которых они были установлены, происходят последние события: "Гейтингтон, Эстон, Торпейл, Бриксток, Клайв, замок и деревня Рокингем с лесами и т.д.", а в расписании приведены следующие интересные сведения об их стоимости: - Гейтингтон, ферма деревни, 48 фунтов; рынок, 6 марков, всего 52 фунта. Эстон, 40 фунтов. Торпел, 100 фунтов стерлингов. Бриксток, с парком и лесом, 104 фунта. 13s. 4d. Клайв, с лесом, 110 фунтов. 6s. 3d. К. и В. из Рокингема, с лесом и т.д., 80 фунтов стерлингов, это ферма замка и сенешальство между Оксонским и Стамфордским мостами. (Mise Roll, 27 Edward I.) Дары королевы Элеоноры, установленные после ее замужества, составляли 4 500 фунтов стерлингов в год ("Cal. Rot. Chartarum").

В 1301 году Джону, сыну и наследнику Ричарда де Холеброка, было разрешено выплачивать 614 фунтов стерлингов. 10s. 6d. за обширный ремонт замка во времена его отца.

Записи за время правления Эдуарда II также довольно многочисленны. В 1307-8 годах Болдуин де Мэннерс стал констеблем на тех же условиях, что и Уэллс, а также Алан ла Зуш в 1311-12 годах. В следующем году Роджер де Норвич получил виллу Рокингем и поместье Литтл Уэлдон. В 1313 году Аймер де Валенс, граф Пемброк, был *custos* и т.д. на обычных условиях, а Ричард Эдвард получил Малый Велдон. Сам де Валенс или его заместитель должен был обеспечивать замок боеприпасами из средств, полученных от его опекуинства.

1314-15, аббату Пайпвелл было разрешено 5 акров 3 прута 10 перчей, при высоте перча 20 футов, на вечные времена, из королевских пустошей в лесу, с рентой 2s. 11d. 1315 год, король был лордом поместья Рокингем, субботний рынок был подтвержден. 1319-20 гг. Джон Гиффорд, клерк, получил в дар 85 акров 3 роуда 9½ перчей в лесу с южной стороны, в Тоттенхоу, которые должны быть расчищены и застроены. Также у него есть "общий" пастбище для его животных. 1323-4, рядом с несколькими замками, вилла Рокингем передается Хамфри де Уолдену и Ричарду де Икену, а в следующем году - Икену и Ричарду де Винфартингу. В 1324-5 гг. констеблем был Джон де Мостейн. Известно, что Эдуард III был в Рокингеме четыре раза, и здесь он проверил множество документов, многие из которых являются дипломатическими документами огромной важности и составлены с особой тщательностью. Королева Филиппа, вероятно, получила замок в собственность после своего замужества в 1327 году, так как в 1329 году Эдуард пожаловал ей 60 акров в лесу в качестве помощи для ремонта замка, который в то время превратился в руины. Уильяму ла Зушу было разрешено сделать "сальтаторий", или олений прыжок, в своем поместье Харингворт в лесу, а в следующем году Саймон де Дрейтон получил разрешение на импарки Элсдейл, Нойсдейл и Лаппе, площадью 60 акров, а также Вайнскросс площадью 10 акров, последний - за пределами леса. Дрейтон был также констеблем и сенешалем, платя ежегодно 80 фунтов стерлингов. Он был родом из Дрейтона, ныне одного из наиболее сохранившихся и очаровательных старинных поместий в лесу, которое никогда не продавалось и не отчуждалось. Был издан приказ о расследовании притеснений, совершенных Робертом де Виром в бытность его констеблем, и епископ Линкольнский получил разрешение добавить 60 акров к своему парку Ладдингтон, графство Ратленд, но в пределах леса, и обнести его каменной стеной. 1335-6 гг. Мастер Уильям де Нассингтон получил прощение и штраф в марку за "*pour presture*" и посягательство на 13 акров в 3 пруда в Калухее, занимаемом Джоном из Кингсвуда, пастором Хакеборна. 1336-7 гг. Уолтер де Басли, клерк короля, получил от королевы пожалование на два дуба в лесу, а взял четыре, за что и был посажен в тюрьму. Джон де Вердон, констебль, должен освободить его под залог. Вердон занимал должность по пожалованию королевы пожизненно, выплачивая 80 фунтов стерлингов в год супруге короля при жизни, а после ее смерти - королю. 1338-9 гг. король принял подданство

Хью, сына и наследника Марджери де Невилл, умершей, за 6 акров пашни, один луг и пастбище и 20 с. ренты в Медборне, удерживаемое за службу в виде пускания колючей стрелы всякий раз, когда король приезжал в замок.

В 1339-40 гг. должны были быть измерены лесные отходы, а через два года - леса Рокингем, Салси и Вичвуд. В 1345-6 гг. Томас Уэйк из Блисворта получил лицензию на ассар 250 акров земли и пастбищ в лесу, за что препозит и братья, капеллан прихода Джона Гиффорда в Коттерстоке и их преемники должны ежегодно платить по 1 д. за акр. Они также платят штраф в размере 5 фунтов стерлингов. Земли являются "nuper arentatis". 1347 г. Лейтенант лондонского Тауэра должен отправить десять шотландских пленников к Джону де Вердону, констеблю Рокингема, или его заместителю Томасу Стоуну. 1348-9 гг. Саймон Симеон получает разрешение огородить свой лес Графтон в лесу небольшим рвом и низкой изгородью, а через пять лет он получает разрешение на его обложение.

20 Эдуард III, 1346-7, король, в помощь ремонту замка, "qui noviter dirutus est et prostratus", дарит королеве 60 акров леса в своем парке Букелестроде в лесу в аренду на всю ее жизнь (Abb. Rot. Orig.). Однако королева не все сделала по-своему, так как в 1356-7 гг. был составлен меморандум о пребывании ее ассартов в лесу. В этом году аббат Пайпвелл получает титул Геддингтона и должен вернуть королю в виде гонорара свои земли в Бенефилде.

1371-2, и снова 1375-6, король подтверждает пожалование королевы Уолтеру де Райту пастбищ, травы, валежника, "копрено", кустарника (cablicio), бычьих дроздов (cirpos) и всех упавших веток в парке Бригстоук и в бейливиках Геддингтон и Булэй, в лесу Рокингем, а также древесины для парковых палов пожизненно, по 10 фунтов в год. 1371-2, Генри Малсо получил в аренду на пять лет, за 42 фунта стерлингов в год, все королевские "rentы д'ассарт" в лесу. 1375-6, Альмарик де Сент-Аманд, рыцарь, владеет замком и крепостью по старой арендной ставке в 80 фунтов стерлингов. 24 августа 1375 года Брюггеское перемирие между Англией и Францией было подтверждено Эдуардом, "Don' a noster chastel de Rockingham".

В 1381 году сэр Джон де Клайфтон заявил, что владеет поместьями Рокингем и Уаймундхем, служа дворецким на коронациях, которые, по его мнению, были узурпированы графом Арунделом.

Значение замка и исключительная ревность к посягательствам на лесные права теперь шли на спад. На лесные угодья посягали как для частных парков, так и для возделывания, а замок был заброшен. Однако лесные владения по-прежнему оставались желанными, и так продолжалось в течение нескольких столетий. В 1387 году сэр Уильям де Торп получил в пожизненное владение бейливики Брикстока, Гетингтона и Булая. В 1396 году Уильям Бранспат получил в управление лордство Рокингем на двенадцать лет за 4 фунта 2 шиллинга. 1d. В это время оно находилось под властью герцогства Корнуолл.

В правление Генриха IV Рокингем получает пожизненное право на управление парком Клайв, а в начале правления Генриха V назначаются разъездные судьи для рассмотрения дел в Рокингемском лесу.

В 1439-40 гг. Генрих VI пожаловал магистру колледжа Фотерингей 20 акров пустошей в Шортвуде, недалеко от Саутвика в Кингслиффе, за 3s. 4 д., с разрешением на ассарт. В 1440 году виноградник, упомянутый в царствование Генриха I, сохранился и стоил 4 с. в год; а в 1442-3 годах сэр Роберт Росс, один из королевских резчиков (trenchetorum), много занимавшийся дипломатией, получил в хвосте мужское пожалование замка и лордства Рокингем, а также сенешальство леса от Стамфорда до Оксендонских мостов, надзор за

приходом Бригсток, панаж и т. д., стоимостью 75 фунтов стерлингов. 16s. 8d. в год, которым владел Генри, его сын, в 1450 году. 1445 год, арендаторам поместья Саутвик разрешено общее пастбище в лесу. 1450 год, Ричард, герцог Йоркский, назначен пожизненным судьей южных лесов и Рокингема между мостами, а также королевских парков Клифф и Бригсток. Запись в "Inquisitiones ad quod dampnum" показывает, что в 1448-55 годах "люди и арендаторы" города Нортгемптон занимали должность королевского эскейтора. В длинном списке доходов короны, перечисленных в материалах парламента 28 Генриха VI, 1450 г., фермы, ренты, пастбища и прибыль от ассартов в Рокингемском лесу указаны в размере 26 фунтов стерлингов 3 с. в год. В 1454 году Генрих передал королеве Маргарите замок, лордство, манор и лес Рокингем, с его ассартами, рентами и т.д., деревню Бригсток и бейливики Бригсток и Клайф и т.д., а также многое другое имущество.

Эдуард IV впервые появляется в лесу, уступив в 1462-3 гг. арендаторам своих виллов Нассингтон и Яруэлл ежегодный налог под названием Вудхоллмарк, взимаемый служащими леса; он также предоставил им свободный пастбище для их скота в Сивли и вообще в лесу.

В 1462-3 годах король пожаловал Уильяму, лорду Гастингсу, и Ральфу Гастингсу, эсквайру, констеблей замка и лесов Рокингема, приставов Клайва и Бригстока и т. д. на всю их жизнь; лорд Гастингс также получил поместье Сток д'Альбини. В 1467-8 годах Эдуард передал это поместье своей королеве, Елизавете Видвиль, вместе с замком и лесом, пожизненно.

Один из старых лесных законов запрещал тем, кто владел собственным лесом в границах леса, огораживать его после вырубki, для защиты растущего леса, более чем на три года. Король в парламенте 1482 года, 22 Эдуарда IV, продлил этот срок до семи лет.

Генрих VII, вскоре после своего воцарения, подтвердил Джону, лорду Уэллсу, должность констебля и управляющего замка, лордства и поместья Рокингем, а также мастера-лесничего всех парков в лесу. Однако 4 марта 1498 года он, похоже, пожизненно передал все это Елизавете, своей королеве. В расписании, приложенном к декларации короля, pro hospitio Regis, 1485, 1 Генриха VII, доходы Клиффа, Бригстока, Геддингтона, Леса, Корби и Греттона указаны в размере 208 фунтов стерлингов.

Эдуард VI. в 1551-2 гг. пожаловал это поместье, как часть герцогства Корнуолл, Эдуарду, лорду Клинтону. 27 июня 1553 г. происходит пожалование лорду Роберту Дадли и Уильяму Глейзеру владений в Рокингеме и в Эстоне, шт. Лестер, которые были частью земель покойного Уильяма лорда Парра и находились во владении Эдварда Уотсона. Это был сэр Эдвард Уотсон, который владел поместьем Рокингем, 28 Генриха VIII, и был отцом Генри Уотсона, æt. 16, 16 Генриха VIII. Вероятно, однако, что это было под- или мезенское поместье, поскольку замок и поместье Рокингем находились во владении короны в царствование Филиппа и Марии.

В 1570 году, 21 апреля, граф Нортгемптон сообщает Сесилу, что Совет потребовал от Эдуарда Уотсона из Рокингема внести 100 марок в счет займа. Вероятно, это должно быть 1,000, или £337. 10s., поскольку, добавляет он, по его мнению, от него следует требовать не более 50 фунтов ("State Papers", Dom.).

В 1571 году сэр Уолтер Милдмэй получил грант на лесные угодья, вероятно, недалеко от Апетхорпа.

В 1592 году лорд-казначей Бергли получает пожизненное владение лесом, за исключением парков Большой и Малый Бригсток, как это было у покойного лорда-канцлера. После смерти

лорда Бергли хранитель или подопечный был передан в 1598 году его сыну. С этого времени дары бейливиков, лесных прогулок, земель и лесных офисов очень многочисленны.

В 1601 году, 23 декабря, Елизавета пожаловала лес в свободное владение в поместье Хэмптон-Корт Эдварду Уотсону и Уильяму Уитоку за 96 фунтов стерлингов. 1s. 4d. Что означало это пожалование, точно не известно: не весь лес, так как владение им было передано лорду Бергли, сэру Уильяму Сесилу и лорду Роосу с правом пожизненного владения.

26 октября 1604 года оленей стало мало, и лорду Бергли было запрещено убивать их в течение трех лет. В этом же году было проведено расследование лесных угодий, принадлежащих арендаторам короля; очевидно, что интересы короны были оставлены без внимания.

В январе 1605 года было получено уведомление о том, что Джеймс намерен посетить Рокингем, и были назначены уполномоченные, вероятно, для борьбы со злоупотреблениями. 14 июня сэр Томас Трешем был вызван для беседы о неправильном управлении лесами при Эдуарде VI, Марии и Елизавете, которые, как он надеялся, Джеймс исправит.

В 1609 году комиссары были готовы согласиться на отчисления от владельцев наделных земель, за исключением, однако, Клайфа и, возможно, некоторых других частей леса. Они также продавали лес, но поскольку дичи стало меньше из-за незаконной охоты, было приказано в течение трех лет не предъявлять претензий на оленей, кроме как по знаку руководства. В то время сэр К. Хаттон был хранителем лавки Бенифилда в лесу.

29 октября 1609 года сэр Эдвард Уотсон написал лорду Солсбери, что королевские арендаторы в Коттингеме и Миддлтоне желают приобрести эти земли, а он сам предлагает купить свой корт-лит и вид на Франкпледж.

2 июня 1610 года Джон Браун получил 170 фунтов стерлингов. 0s. 4d. на ремонт домиков в Геддингтонском, Морхейском и Греттонском лесах.

В 1611 году, 19 сентября, сэр Льюис Уотсон, из Рокингема, получил разрешение на путешествие.

В 1615 году, 12 июня, генеральным прокурором было возбуждено дело против сэра Роберта Лейна за посягательство на лес.

1616 год, сэр Эдвард Уотсон, чье чучело можно увидеть в церкви, стал владельцем поместья Рокингем. 1619 год, 20 июня, Джордж, маркиз Бекингем, получил грант на Рокингемский парк, который в том же году передал сэру Льюису Уотсону; а 1621 год, 23 марта, Бекингем, тогдашний лорд Верховный адмирал, получил грант на 200 дубов из Уэстхейской аллеи, которые должен был выбрать сам. В 1624 году, 14 мая, граф Эксетер, тогдашний лорд-надзиратель леса, упоминает земли Мюри как одну из главных прогулок. По-видимому, вердификаторами были знатные деревенские джентльмены, проживавшие поблизости; одним из них был сэр Томас Трешем. 20 июля Роберт Лейн, которого Монтегю сместили из-за интересов графа Эксетеера, просит лорда Солсбери заменить его на посту хранителя Геддингтонского леса. В 1625 году, 23 марта, выдан ордер на ремонт главного домика в лесу Корби, разрешено выделить 16 фунтов стерлингов и 10 тонн древесины.

В 1628 году, 29 января, Джон лорд Мордаунт получает лесные владения в Фармингском лесу за 10 фунтов в год со штрафом в 1150 фунтов, а Эдвард лорд Монтегю - в Геддингтонском лесу за 10 фунтов со штрафом в 850 фунтов. Вскоре после этого он приобрел лес и

упоминается как обладатель дохода от Рокингемского байлевика. Николас Пэй и другие получили от лордов Питерборо и Уэстморленда пожалование на все деревянные деревья в прогулках Морхей, Уэстхей и Фарминг Вудс за 2 000 фунтов стерлингов, а лорд Монтегю - на прогулку Геддингтон за 1 000 фунтов стерлингов. Он также получил должность мастера-лесовода и хранителя Рокингемского байлевика на три жизни. Эти два лорда, похоже, были в фаворе у Карла I, а после смерти графа Эксетера в 1629 году стали управлять лесом в своих интересах. В 1630-1 году Мэри, графиня Уэстморленд, добивается, чтобы ее сына назначили судьей леса, которым она будет управлять. В 1635 году сэр Кристофер Хаттон претендует на леса Греттон и Уэлдон в Лесном дворе по пожалованию королевы Елизаветы, как и сэр У. Трешем Геддингтон по пожалованию Якова I. В этом году, 11 Карла I, был проведен "eyre" для Рокингемского леса. Некоторые арендаторы претендовали на "Suite-Thornes", по обычаю поместья, в дополнение к house-bote, hedge-bote, gate-bote и common of pasture.

В 1637-8 годах, 13 Карла I, было приказано провести новое обследование, чтобы установить границы, которые в итоге были признаны границами 20 Якова I и стали предметом Акта Парламента 17 Карла I. Вырубка леса была разрешена на разумных условиях, только генеральный геодезист должен был установить границы Рокингема, Клайфа и Бригстока, которые должны были быть сохранены для королевского спорта. Лорд-казначей Джуксон был президентом новой комиссии, которая собралась в Лондоне, в Лондонском доме, в 1638 году. В то время Генри, граф Холланд, был судьей присяжных, и, судя по всему, у него было много дел. Его заместителем был Ричард Лейн. В 1638 году сэр К. Хэттон подал прошение о разрешении вырубить лесной массив. Вердерщики должны были подтвердить главному судье площадь участка, а также то, можно ли вырубить дерево без ущерба для дичи. Удостоверяющие - сэр Льюис Уотсон и Чарльз Кокейн. Томас Дав, ведовщик, получил от верховного судьи разрешение на умеренную охоту на ястребов. Поступают большие жалобы на браконьерство. В этом году Уильям, граф Солсбери, был освобожден от двух штрафов в 1400 и 6000 фунтов стерлингов, наложенных правосудием, вероятно, за серьезные посягательства, а его парк в Бригстоке, который был открыт, должен быть заново заложен. 1638-9 гг. Джон Норвич из Брэмптона платит 400 фунтов стерлингов за посягательства, и Брэмптон лишается собственности.

В 1639 году начались смуты, и 29 июня поместье Рокингем было подтверждено сэру Льюису Уотсону, который держал замок для короля. В 1643 году прилив гражданской войны перекинулся на Нортгемптоншир. 5 апреля замок был осажден и взят, и лорд Грей из Гроби стал командовать парламентом. Он сильно укрепил его палисадами и укрыл в нем свои войска и некоторых недовольных священнослужителей. 7 мая замок содержал сильный гарнизон и использовался для сохранения мира в округе. 19 мая сэр Льюис Уотсон был схвачен полковником Гастингсом и доставлен в Сток-Альбини. Полковник активно действовал по всему лесу. 5 июня парламентский губернатор замка сэр Джон Норвич вступил в бой с королевскими гвардейцами и разгромил их. 9 июня перед замком появилось 500 лошадей, часть из которых блокировала его, а остальные поскакали в Уэлдон. Однако гарнизон оказался слишком сильным и взял в плен девять или десять главных офицеров короля, прибывших в ту сторону из Оксфорда. 29 декабря лорд Грей предложил уволить полковника Хорсмана, который в то время командовал замком, но парламент поддержал его.

В 1645 году Норвич был командиром и взял много пленных, разместив их в замке. Сэр Льюис, вероятно, отличился на поле боя, так как 1 июня он был провозглашен бароном Рокингемом из замка Рокингем. 7 июня король выступил из Харборо в Давентри, а 14-го состоялась битва при Нейсби, после которой в замок было отправлено множество пленных.

В августе 1660 года, после Реставрации, появляется лорд Рокингем и, обнаружив нехватку оленей, просит ограничить обычные ордера. В 1661 году, во время коронации, Эдвард лорд Рокингем, как арендатор Литтл Уэлдон, заявил, что он является смотрителем королевских собак. Дело было передано королю. Поместье было передано в собственность за содержание двадцати четырех гончих и шести харьеров. После Гражданской войны значение замка как места силы уменьшилось, и он стал резиденцией семьи Уотсон, которой и остается с тех пор.

Несколько лет назад покойный мистер Хартшорн составил отчет о замке, который вместе с подробным описанием его происхождения и связи с лесом был напечатан в первом томе "Трудов" Института. С тех пор преподобный Х. Дж. Бигге, в течение многих лет настоятель Рокингема, уделял много внимания этому предмету и составил о нем сборники, за использование которых настоящий автор находится в большом долгу.

СТАРЫЙ САРУМ, УИЛТШИР.

Уилтширский Эйвон, который разделяет это известное название со своей сомерсетширской сестрой и частично поднимается из той же самой земли, - этот "Восточный Эйвон", который

----vaunts, and doth upon her take

быть единственным ребенком тенистой Савернейк, -

это один из самых холодных и чистых потоков на юге. Независимо от того, берет ли он начало на возвышенности Девизес или в окрестностях Савернейка, он протекает около пятидесяти миль до моря в Крайстчерче, и на этом расстоянии сам или его ближайшие притоки пересекают местность, богатую садовыми красотоми, Здесь сохранились следы пребывания древних обитателей этих земель и их суровой борьбы в шестом веке с огненным потоком, который в конце концов сметал их с лица земли, но принес с собой семена цивилизации, которые нигде не приносили более обильных плодов, чем на берегах этого знаменитого потока.

Большая часть верхнего течения Эйвона протекает по Солсберийской равнине, где он прорезает столовую землю мела долиной, полной внезапных, но не лишенных изящества изгибов и укромных уголков, каждый из которых ярок и богат растительностью, и почти в каждом изгибе - деревня с церковью; на такое же количество миль между входом Эйвона в мел у Бичинг-Сток и расширением его оврага у Солсбери приходится двадцать последних. Нижняя часть долины широкая и плоская, а воды свободно текут по множеству незамкнутых русел. Низины представляют собой богатые водные луга, возвышенности усеяны массивами дубов, вязов и буков, по краям примыкающих к Новому лесу. Ничто не может быть более диким, более естественным и в то же время более обязанным труду и вкусу человека.

Что касается древностей, то каждая часть широкой равнины мела усеяна следами человеческого жилья, военных действий или захоронений. Почти каждый мыс увенчан лагерем, который по очертаниям, повторяющим неровности почвы, можно назвать британским. На его северной границе можно увидеть Истон и Пьюси, Лидбери, Сидбери, Чизенбери, Кэстерли, Бродбери и Браттон; а на южной - Дюррингтон, Эймсбери, Кварли,

Огбери, Уинтерборн, Гровели, Белбери и Олд-Сарум - лишь некоторые, хотя и самые значительные, оборонительные земляные сооружения. Ниже по долине и ближе к морю грунт менее прочный, и земляные сооружения британской эпохи, возможно, менее многочисленны, но и здесь есть примеры большой площади и большой прочности, такие как Клирбери, Висбери, Чизлбери, Тисбери, Уинкелбери и, еще дальше на юг, Дадсбери, Бадбери и Спеттисбери, которые сохранились в незначительных изменениях. Стоунхендж, величайший из британских памятников древности и, вероятно, единственный в этом районе, не являющийся ни военным, ни погребальным, стоит на правом берегу Эйвона, всего в миле от его вод и всего в шести от крепости Олд-Сарум.

Римские остатки в округе значительны и характерны для этого народа. Они почти полностью состоят из дорог. Старый Сарум, хотя он, несомненно, британского происхождения, является центром нескольких больших дорог, которые расходятся от него к римским поселениям в Бате, Мальборо, Винчестере, Силчестере, Илчестере и Дорчестере, а на них и между ними находятся различные постройки того же народа, хотя их лагеря, редко защищаемые грозными земляными сооружениями и обычно расположенные на низкой и доступной земле, очень часто исчезали перед лемехом плуга.

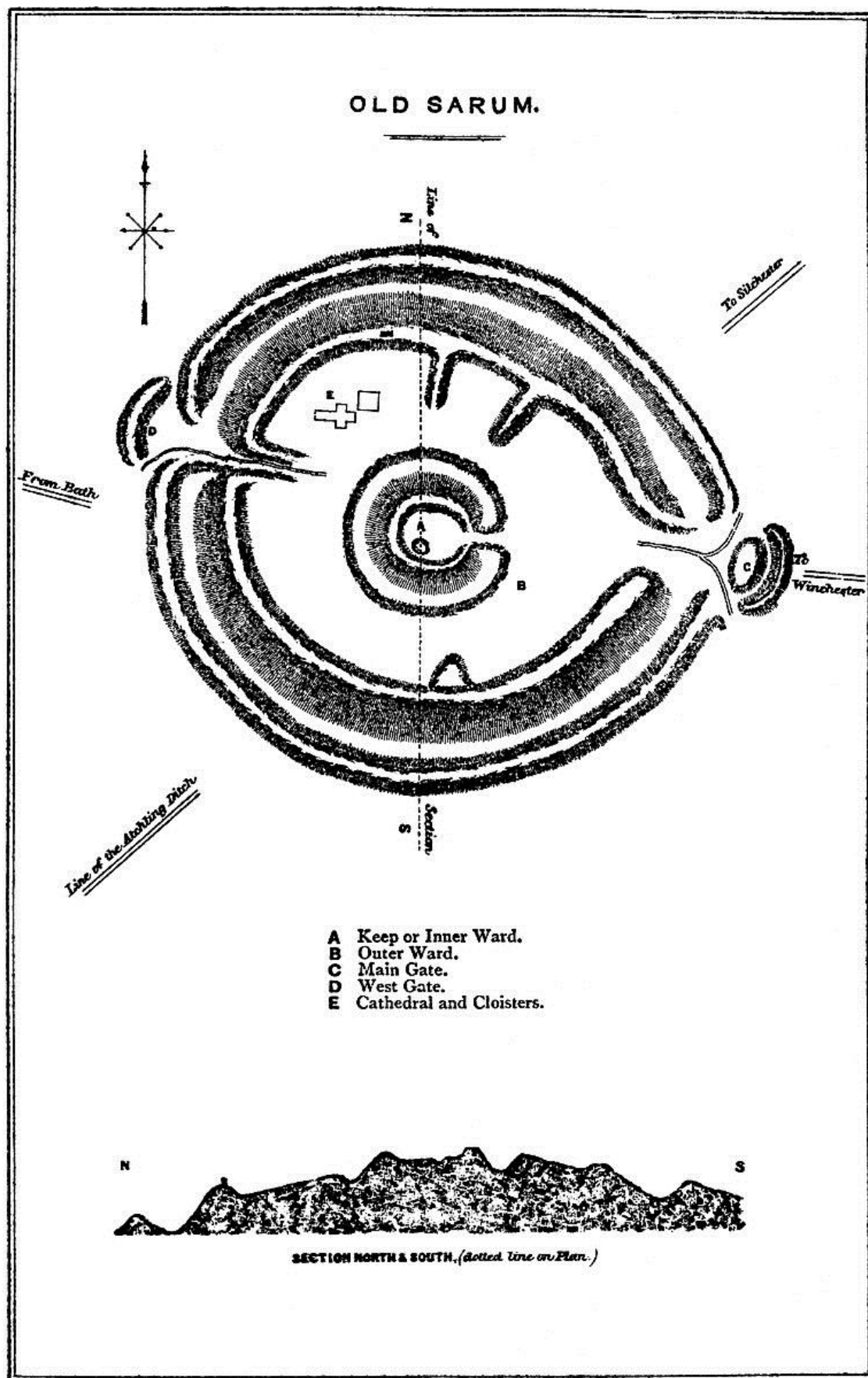
Англичане, бич поздних бриттов, и их преемники по праву многих выигранных поединков на территории Уилтшира, несмотря на свою языческую свирепость, оставили следы, которые говорят только о законе и порядке. Их драконьи зубы выросли не в вооруженных людях, как можно было бы ожидать, а в колышущихся кукурузных полях, огороженных пастбищах, границах приходов и тех различных подразделениях земли, само существование которых подразумевает мир и частную собственность. Этим более поздним захватчикам можно приписать такие земляные сооружения, как Даунтон, Девайзес и Ладгершал, а также такие церковные основания, как Уимборн и Крайстчерч. Норманнские остатки в долине Эйвона и вокруг нее ничем существенно не отличаются от тех, что были построены в других частях Англии: там, где это позволяли обстоятельства, они прививались к уже существующим сооружениям. Так, грандиозные земляные сооружения в Девизе, в Мальборо, в Ладгершале, в Твинхэме, вероятно, английского происхождения, были увенчаны каменной кладкой, как и центральный курган в Олд-Саруме, а на границах района - очень любопытная работа в Уарехэме и естественный, но рано заселенный холм в Корфе.

Старый Сарум - очень примечательное место, в некоторых отношениях самое примечательное в Британии. Выбранный в какой-то отдаленный период и укрепленный простыми приспособлениями, он является главным оплотом района, очень богатого военными земляными сооружениями, и который когда-то был курортом жителей, чьи хижины и вигвамы, и памятники их суеверия, покрывали прилегающие холмы, и чьи могильные памятники, восходящие к каменному веку, указывают, по их содержанию, на раннее, и, по их количеству, на долгое время продолжающееся население. Ранние и поздние бритты, кельтские или бельгийские племена, римляне и англичане оставили здесь следы своего правления; кельты - частично в виде фрагментов древней номенклатуры, но главным образом в виде простых материальных произведений, любопытных и грандиозных, но никак не связанных с последующими жителями страны; римляне - в виде чудесных общественных дорог, многие из которых до сих пор используются; а англичане - в виде названий, границ и обычаев, связанных с нашей религией и цивилизацией.

Тем не менее, курган Старый Сарум - это место, которым вправе гордиться потомок валлийцев, говорящих на британском языке. Все вокруг напоминает о далекой древности его рода. Нормандская крепость, город, соборная церковь - все исчезло; сами руины погибли, а знание об их устройстве удалось восстановить только благодаря случайному лету без дождя.

Даже следы пребывания римлян и англичан в пределах огромного замка неопределенны и неясны. Места духовной и гражданской власти были удалены в тринадцатом веке, а военная власть просуществовала недолго. Политическая власть, правда, по странной аномалии, продержалась здесь до наших дней, и от забвения ее спасает только случайная связь с именем старшего Питта. Но и это ушло. Остались лишь голые и унылые берега и курганы, скелет прошлой жизни, и здесь, как и в Стоунхендже, снова преобладает память о британце.

СТАРЫЙ САРУМ.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. Лондон.

1. Хранилище или внутреннее отделение.
2. Внешнее отделение.

3. Главные ворота.
4. Западные ворота.
5. Собор и клуатры.

Старый Сарум представляет собой грубо округлое и концентрическое земляное сооружение необычной высоты и площади, имеющее большую историческую известность, чем любая другая земляная насыпь в Британии, какой бы грандиозной она ни была. Кроме того, хотя это такой же естественный меловой холм, как и Виндзорский, его резкие очертания и явно искусственная отделка придают ему, по мнению обычного наблюдателя, характер творения человека и тем самым значительно усиливают восхищение, с которым его принято воспринимать. Старый Сарум - это холм из нижнего и кремнистого мелового массива, из которого была извлечена выгода, чтобы обрезать и поднять самую высокую и центральную часть в крутой курган с плоской вершиной, вокруг которого вырыт грозный ров, очень широкий и очень глубокий. За рвом находится широкая и сравнительно ровная кольцевая площадка, слегка наклоненная от центра и, в свою очередь, опоясанная вторым, еще более грозным рвом. Контрэскарп - это крутой берег, за пределами которого находится естественный склон основания холма, образующий, говоря военным языком, ледник, который с трех сторон спускается в обычные долины района, а на западе продолжается вниз, пока не уйдет в луга Стратфорда, ставшие яркими и хорошо заросшими благодаря оплодотворяющим водам Эйвона. Вся высота холма над рекой достигает 300 футов, а над другими долинами, возможно, и 200 футов, а площадь укреплений превышает 27 акров, так что крепость отличается большой силой и величиной.

Начиная с внутренней части, центральный курган в верхней части составляет около 500 футов в поперечнике. Боковые стороны настолько круты, насколько это позволяет щебеночная меловая почва, а материал, снятый при рубке, похоже, был частично помещен на гребень скарпа, чтобы поднять край кургана на искусственную насыпь, примерно на 20 футов выше центральной платформы. Этот вал или парапет, ныне увенчанный кустами терновника, находится на высоте около 100 футов над дном рва и примерно на половину этой высоты над уровнем контрэскарпа. Ширина рва в самом широком месте составляет 150 футов. Этот ров был внутренним фоссом крепости и окружал ее сторожевой пост, или внутреннюю палату, или собственно замок.

Кольцевое пространство за его пределами образовывало внешнюю часть, обхват которой составлял около 1500 ярдов, и в пределах которой находились город и собор. Этот участок не совсем круглый, но, измеряя от внутреннего до внешнего рва, в среднем составляет около 370 футов. С северной стороны он почти поровну разделен валом, а с южной - валом и рвом, причем первый находится на восточной стороне. Они проходят в виде радиальных линий, но не достигают внутреннего рва, как и поперечный ров не сообщается с внешним. На самом деле, поперечный ров по своей ширине, глубине и неравномерности очень напоминает каменоломню, и очень вероятно, что он был открыт для того, чтобы поставлять материал для сердцевины или вещества стен замка. Кроме них есть еще одна насыпь, направленная на юго-восток, так что вся территория разделена на три участка, два из которых находятся в восточной половине. Конечно, цель этих валов заключалась в том, чтобы закрыть церковь и предотвратить захват всего внешнего квартала. Все они, очевидно, являются дополнениями к круглым сооружениям и, вероятно, относятся к норманнскому периоду. За этими исключениями поверхность прихода почти ровная, но вокруг его внешнего края проходит низкая насыпь, а в задней части местами небольшой ров, несомненно, вызванный удалением стены.

За пределами этого участка находится внешний ров, глубиной около 106 футов от гребня и шириной около 150 футов. Берег, образующий внешний край рва, очевидно, был сформирован из его содержимого. Он находится на высоте около 40 футов над дном рва и около 15 футов над уровнем земли снаружи, и он очень крутой. Это внешняя линия обороны, и в современной войне она считалась бы слабым местом, поскольку обеспечивала бы укрытие для нападающих. Таким образом, крепость состоит из внутреннего, или крепостного, отделения и внешнего, или городского, с валом и рвом, защищающим каждое из них, и третьим валом за пределами и на краю внешнего рва. Внешний ров и вал - это те, которые приписывают Альфреду. Диаметр всей крепости составляет в среднем 1 700 футов. Эти оборонительные сооружения намного прочнее, чем соседние лагеря; например, валы Барнбери и Эймсбери примерно вдвое меньше. Земляное сооружение, наиболее достойное сравнения с Олд-Сарумом, - это Бэдбери в Дорсете.

Здесь есть два входа во внешнюю палату с востоко-юго-восточной и западно-северо-западной сторон, почти напротив друг друга. Они образованы прямым поперечным разрезом через внешний берег и засыпкой рва, чтобы провести проезжую часть, которая входит во внешнюю палату в разрезе, как полая дорога. У восточного или главного входа дорога неглубокая и быстро заканчивается, а у западного, называемого Постерным входом, хотя и узкая, но гораздо более глубокая и уходит далеко вглубь палаты. В каждом случае дорога разветвляется у внешнего берега, а в углу ставится земляной барбакан, своего рода кавальер, который контролирует как оба ответвления дороги, так и их сочетание. Восточное сооружение почти прямоугольное, резко очерченное, с самостоятельным рвом в сторону поля. Вероятно, в своем нынешнем виде она является норманнской. Первоначальные входы, по-видимому, находились здесь, но нынешнее расположение, очевидно, более позднее и, возможно, полностью норманнское.

Во внутренней палате есть только один восточный вход, противоположный внешнему. Он также образован выемкой, вырубленной в отвесной скале, а ров был засыпан для прокладки пешеходной дорожки. Должно быть, всегда был очень крутым. Очевидно, это всегда был вход, так как в других местах берег был не вырублен. Фрагменты каменной кладки показывают, что в своем нынешнем виде, с мостом, замененным на проход, он был входом в норманнский замок.

Кроме этих земляных сооружений, есть некоторые остатки каменной кладки, части, очевидно, очень обширных и прочных работ, относящихся к норманнскому периоду.

У входа во внутреннюю палату, на откосе, находятся две массы мелового кремневого щебня, с отдельными блоками или кусками сарсенского камня, очевидно, ядро сторожки и прилегающая к ней куртина, когда-то облицованная пеплом. Стена *энсинта*, по-видимому, огибала курган по всему периметру, а нынешняя насыпь образовывала пандус за ней. В ограде, с северной стороны, видны линии фундамента, очевидно, основных зданий, а напротив - глубокое углубление в почве, несомненно, отмечающее место колодца, который должен был быть глубоким и, возможно, большим. Заполнение рва у входа явно современное. Центральная насыпь может быть оригинальной, но более вероятно, что британская постройка напоминала Бэдбери, где нет центральной цитадели, и что она была добавлена, а ров вырыт в восьмом или девятом веке, чтобы сделать укрепленную резиденцию для английского лорда. Однако это всегда остается лишь предположением. Кем бы они ни были, норманны нашли здесь курган и построили на нем панцирь, защитой которого служил ров, а внутренним берегом - пандус. Если рассматривать всю территорию как замок, то это была крепость, но если, что более вероятно, внешняя территория

представляла собой город, то внутренняя часть была бы замком, который в таком случае не имел крепости. Вопрос только в названиях.

Другая глыба кладки находится на линии стены городского квартала, на северо-востоке. Это часть городской куртины, толщиной около 10 футов, высотой 12 футов и длиной 25 футов. Она пробита двумя отверстиями высотой 18 дюймов и шириной 12 дюймов, расположенными на расстоянии около 6 футов друг от друга и 8 футов от земли. По всей видимости, они несли две балки, с какой целью - гадать не приходится. Фрагмент состоит из мелового кремневого щебня, с отдельными цепочками грубо обработанного сарсденского камня. Внутренняя сторона стены сохранила свою первоначальную облицовку из сарсденского пепла. Хотя она была помещена, как и положено при таком весе, в 3 или 4 футах от края рва, она, очевидно, являлась частью общей стены *Энсинта*, которая, по описанию, имела толщину 12 футов и была укреплена двенадцатью башнями. Ее высота не могла быть меньше 20 футов, а длина - около 1 566 ярдов, что является огромной работой, даже без учета радиальных стен, разделяющих город и собор. К сожалению, все эти стены были удалены до уровня почвы, а в большинстве мест и несколько ниже, так как материалы понадобились для строительства нового города.

Помимо этих работ, в 1795 году был обнаружен любопытный подземный ход, который проходил из северо-западного квартала внешней палаты наружу, к восточному рву. Он был вырублен в мелу шириной 7 футов и высотой от 7 до 10 футов и нес следы инструмента. У входа были колонны и дверные косяки, очевидно, норманнские; крыша была круглогорлой, вероятно, искусственной, поскольку, по описанию, она находилась всего на 2 фута ниже поверхности. В мелу были вырублены ступени, но они мало изношены. По ним прошли 114 футов и обнаружили, что они завалены мусором. Он был закрыт фермером, на чью землю посягнули, и, вероятно, до сих пор цел. Несомненно, это была частная крепость, открывающаяся на леднике или во рву, такие есть в Виндзоре и в других крепостях на мелу, а также более сложного характера в Дувре и Аркесе. Все они, вероятно, относятся к норманнскому периоду.

В отношении внешних оборонительных сооружений, которые приписывают Альфреду, можно отметить, что их особенностью является высокий вал за пределами рва, что очень необычно для кельтских лагерей. Вероятно, все, что сделал Альфред, - это углубил этот ров и поднял внешний берег; и, вероятно, все рвы были снова обрезаны и углублены, когда была построена нормандская городская стена.

Во время долгой засухи 1834 года здесь было сделано очень интересное открытие. Внешняя палата в то время была выложена дерном, и на нем коричневым контуром был виден план старого собора. Он располагался в северо-западном квартале между тайным ходом и западными воротами. План представлял собой простой крест, 270 футов в длину и 150 футов в ширину, с плоским восточным концом; капитул был образован дополнительным отсеком в северном конце северного трансепта. В нефе, хоре и трансептах были двойные нефы. При снятии грунта были видны фундаменты, а в них - углубление, вероятно, могила епископа Осмунда, основателя. С северной стороны хора находилась площадь в 140 футов, на которой располагались клуатры. Здесь же были обнаружены захоронения духовенства и мирян.

Несомненно, что большая часть этих земляных сооружений имеет доримское происхождение, и что Сорбиодунум - это латинизированная форма британского названия, - "dun" или "dunum", обозначающего возвышенность; фигура, которую, как и Бэдбери, называют правильным кругом, едва ли заслуживает этого названия; регулярность, какой бы она ни была, очевидно, обусловлена естественными очертаниями холма; берега и рвы в

обоих сооружениях выложены в соответствии с какими-либо правилами кастраметрии. Район переполнен сооружениями, многие из которых, несомненно, относятся к доримскому периоду, и лишь некоторые из них, такие как Уилтон, Дюррингтон, Вервуд, Эймсбери и Эйвон, сохранили британский элемент в своих названиях. Большинство из них, построенных на холмах неправильных очертаний, сами по себе очень неровные, так что по сравнению с ними Олд-Сарум и Бэдбери кажутся правильными кругами. Дело в том, что все они повторяют контур местности.

То, что крепость на этом месте принадлежала римлянам и является Сорбиодунумом Антонина, очень вероятно. Это место было описано как центр шести римских дорог, ведущих в Дорчестер, Илчестер, Силчестер, Винчестер, Кунетио у Мальборо и Акве Солис или Бат. Две из них, ведущие из Винчестера и Силчестера, были прослежены до восточных ворот крепости; то же самое можно сказать и о дороге из Кунетио. Доктор Гост, однако, выделяет только четыре дороги - в Винчестер, в Силчестер, западную дорогу к Северну, проходящую через лес великого хребта, и дорогу, называемую Ачлинг Дитч, которая ведет прямо к кольцам Бадбери возле Уимборна. Даже такой ограниченный обзор показывает, что Сорбиодунум был важной римской станцией, а по соседству с ним находятся такие земляные сооружения, как Роллстоун и Бери-Хилл, прямоугольного плана, хотя, находясь на низкой местности и будучи незначительными, они не все показаны на карте Орднанса 1817 года, как это было бы на карте сегодняшнего дня. Римляне больше доверяли дисциплине и палисадам, чем тяжелым земляным сооружениям: поэтому их следы незначительны, часто остаются незамеченными и исчезают перед плугом. Однако очень любопытно, что, несмотря на все эти признаки римского господства, здесь так мало остатков римского жилья. Ничего не было найдено внутри крепости, и очень мало в ее окрестностях.

Что сделали белги с Сорбиодунумом за полтора века своего владычества, неизвестно. Этот период истории нашего острова неясен, и все же мистер Фергюссон приписывает ему соседний памятник Стоунхендж; работа, по крайней мере в ее нынешнем виде, народа, привыкшего к использованию металлических инструментов и имеющего некоторое представление о строительстве и архитектурных эффектах.

Сорбиодунум, записанный как Сеоресбириг или Сирбириг, что, по удачному предположению сэра Р. Хоара, может означать "сухой" или "безводный город", сыграл свою роль в борьбе белгов и саксов. В 552 году Синрик, король Уэссекса, немаловажный лидер "Aspera gens Saxo", здесь покорила бриттов и, вероятно, утвердился на их территории. В 688-725 гг. н.э. Ине передал некоторые земли церкви Святого Иакова в Солсбери, а Этельбурх, его королева, - церкви Святой Марии. Согласно сообщению в "Древнем Уилтсе", Альфред приказал Леофрику, графу Уилтса, добавить к крепости ров, защищенный частоколом, на который должны были выходить все, кто жил внутри замка, и те, кто находился снаружи. В 960 году Эйдгар провел здесь совет, чтобы придумать, как отбиться от датчан: шаг небезосновательный, поскольку в 1003 году Свейн, спалив и разграбив Уилтон, совершил подобные опустошения в Соресбириге по пути к своим кораблям. Наконец, это место, похоже, стало королевской вотчиной Исповедника, что и было зафиксировано в Domesday. Сэр Р. Хоар также приводит монету этого короля, утверждая, что она была отчеканена Годредом в Саруме.

Нормандская история Старого Сарума - это захват старой крепости и основание раннего города. Захватчики как можно меньше нарушали существующие владения и границы; они разместились в английских владениях и из них управляли старыми поместьями. Изменениям подверглись только оборонительные сооружения. На смену стенам из плетня или грубой кладки и бревенчатым острогам пришли основательные каменные сооружения и все

новоизобретенные приспособления нормандской крепости. Во время составления Домедея Завоеватель владел здесь некоторыми арендными платежами; но поместье, большое по площади, принадлежало епископу, очень важной персоне. К пяти владениям, созданным в западносаксонском королевстве в 905-9 гг. н.э., вскоре после этого добавилось шестое, Уилтонское или Уилтширское, епископская резиденция которого находилась в Рамсбери. После безрезультатной попытки в 1055 году перенести ее в Малмсбери, епископ Герман Лотарингский в 1075-8 годах с согласия короля объединил Рамсбери с Шерборном и перевел резиденцию в Сарум. Здесь, во внешнем приходе, Герман в 1078 году заложил фундамент собора, который был завершен или почти завершен его преемником, Осмундом де Сизом, графом Дорсетом и лордом-канцлером, который, будучи богатым бароном в Англии и Нормандии, богато одарил его по хартии в 1091 году, за год до его освящения. Часть земли описана как "перед портами замка Сериберенсис, на терраме ex utraque parte viæ in ortorum domorumque canonicorum necessitate". Ворота, о которых идет речь, относятся к внутренней палате, а дома каноников находились во внешней. Таким образом, замок существовал уже через двадцать пять лет после Завоевания; но был ли это нормандский замок или оставленный англичанами, точно неизвестно, вероятно, что-то из того и другого. Здесь же епископ Осмунд устроил знаменитый ординарий для "использования" Сарума. Роджер, его преемник, юстициарий Англии и казначей, как говорят, обнес внешнюю ограду стеной между 1102 и 1139 годами.

Одновременно с собором, и, вероятно, по приказу епископа, был построен норманнский замок. Вильгельм был здесь в 1086 году лично, а в Ламмастиде встретился со своим Витаном в знаменитой гемете, которая была описана в восторженных выражениях великим мастером топографической истории. Здесь, на обширной открытой равнине вокруг крепости, собралось войско, численность которого оценивается в 60 000 человек, состоящее из "всех землевладельцев, которые были известны во всей Англии, будь они людьми какого угодно рода, и все они подчинились ему, и были его людьми, и присягнули ему на верность, что будут верны ему против всех других людей"; Клятва, с помощью которой великий король сломал промежуточную власть знати и с той проницательностью, которая была в нем, избежал скалы, на которой двум великим монархиям континента суждено было потерпеть кораблекрушение.

Можно предположить, что во время этой встречи Вильгельм обитал на центральной насыпи, где, несомненно, стены замка внутри поднимались с той же скоростью, что и стены собора снаружи. Но где бы он ни находился - в неизменной английской резиденции или в возвышающейся норманнской крепости, был ли хозяином Эдуард де Сарисбери, шериф Уилтса, великий человек в этом графстве и предок графов Солсбери, или епископ Осмунд выступал в роли кастеляна, - здесь присутствовал Вильгельм и здесь он совершил свое первое и самое важное дело, встретившись лицом к лицу со своими новыми подданными.

Вильгельм Руфус был здесь в 1096 году, чтобы встретиться со своим советом и принять решение о знаменитом боевом пари, в котором Вильгельм, граф Эу, был избит и замучен до смерти. Генрих I был здесь в 1106 и 1116 годах, когда его дворяне поклялись признать принца Уильяма своим преемником. В пиршественном списке этого царствования, 1130-1, записано обвинение в 20s. "in ostio faciundo ad cellarium turris Sarum", так что в то время это место находилось в руках короля.

Епископ Роджер, занимавший этот пост с 1102 по 1139 год и увенчавший могучий курган Девайзеса и мощный холм Шерборна своими знаменитыми каменными работами, вполне вероятно, завершил строительство внутренней оболочки наверху, а также городской стены внизу. Кроме того, говорят, что он обнес стеной боро и внегородской район за городом,

покрыв вместе с ним более 72 акров. Сначала он поддерживал Стефана, но вынужден был сдать замок, который брали и снова брали, и в итоге сильно пострадал. Мод назначила Патрика, сына Эдуарда де Сарисбери, графом Солсбери и, вероятно, вверила ему управление замком. Он умер в 1167 году. В 1154 году, когда замок перешел во владение Генриха II, он лежал в руинах. В первые годы своего правления Генрих разрешил оплачивать (как следует из "Трубного списка") услуги констебля, носильщиков и сторожей замка, а также постройки в тюрьме; в 23 году Генрих II потратил 61 фунт стерлингов на ремонт замка. В 1164-5 годах, когда была составлена Liber Niger of the Exchequer, епископ был лордом поместья, и при нем было тридцать три рыцаря по старому феодальному праву и три по новому. Граф Патрик владел двумя рыцарскими пожалованиями, а третье - по праву охраны замка.

Пока епископы владели замком самостоятельно или в интересах короны, положение собора было достаточно надежным, но когда их место заняли светские кастеляны, которые были достаточно влиятельными людьми, чтобы жестоко обращаться с соседями, духовенство начало страдать и максимально использовать естественные недостатки столь высокого и незащищенного положения. Они страдали "от несогласия с милицией и от пенитенциала". Петр Блуаский, сам каноник, говорит: "Est ibi defectus aquæ". Ветер был сильный, вода дорогая, а солдаты держали ворота даже в городском квартале, угрожая зданиям с крепостных валов, и даже закрывали доступ церковникам, когда те возвращались с крестным ходом в свои дома. Церковь была "castro comitis vicina", а ее окрестности - неприятными.

При епископе Герберте ле Поре, сменившем его в 1194 году, эти споры достигли своего апогея, и он решил перенести собор на место, расположенное неподалеку от слияния рек Вили и Наддер с рекой Эйвон, на расстоянии более одной мили. Мерефилд, болотистое место, но с отличным фундаментом, был предоставлен Ричардом I для строительства новой церкви. Епископ Герберт умер в 1219 году, но его преемник и родной (germanus) брат, Ричард ле Пур, получил от Гонория III буллу, необходимую для перевода, в которой излагаются причины, побудившие его к этому. Это опасное положение домов духовенства по отношению к замку; воздействие ветра, который временами был настолько сильным, что духовенство не могло слышать голоса друг друга в хоре, что вызывало постоянную потребность в ремонте; и, наконец, нехватка воды, которую можно было получить только за большие деньги и с разрешения кастеляна. Последнее возражение, возможно, было преувеличено, поскольку, кроме колодца в замке, было, по словам Леланда, четыре колодца во внешнем приходе, а в это время есть два не очень глубоких колодца в садах, расположенных не намного ниже уровня собора. Несомненно, однако, их удаление было необходимо:

Quid domini domus in castro, nisi foederis arca

In templa Baalim? Carcer uterque locus.

Est ibi defectus aquæ, sed copia cretæ,

Sævit ibi ventus, sed philomela silet.

В начале 1219 года был заложен новый собор. Он строился сорок лет и был освящен в 1258 году.

Rex largitur opes, fere præsul opem, lapididæ

Dant operam; tribus hic est opus, at stet opus.

И, наконец, Генрих III в 1227 году подтвердил "перевод ночной Саэрисберии в нижний предел" и объявил город "*quæ dicitur nova Sarisbiria, sit libera civitas*". Таким образом, город последовал за собором. Налоговые отчеты царствований Ричарда и Иоанна показывают, что он был довольно густонаселенным, но, вероятно, потребовалось некоторое время для его удаления, так как только в 44 году Генриха III, в 1260 году, новый город был пожалован королем епископу "*in carite*", как часть временных владений собора, а горожане были демеснерами епископа.

Все стороны значительно выиграли от этих перемен. Новая церковь была построена в один срок и в очень чистом стиле, и с тех пор считается гордостью западных графств. Горожане сменили засушливое и бурное место на защищенное и плодородное, омываемое слиянием трех ручьев и затененное лесными деревьями необычайного величия. Властители замка больше не имели повода для вечных споров с духовенством и мещанами и не нарушали свой дозор и стражу песнопениями и процессиями. Обстоятельства, однако, привели к тому, что замок как военный пункт стал менее значимым, чем раньше, и, хотя могущественные графы, носившие его титул, были еще более знатными, чем их предшественники, их выдающееся положение было мало связано с их замком, который постепенно приходил в запустение. Монтакуты, правда, продолжали владеть им, но Невиллы сосредоточили свою власть в Средней полосе и северных графствах, и Уорик, Рэби и Миддлхэм стали для них тем же, чем Сарум был для их предшественников в титуле. Наконец, когда оружие уступило мантии, и великий министр великой королевы выбрал для своего почетного титула Солсбери при ее преемнике, он больше думал о процветающем городе или о величии, связанном с этим именем, чем о разрушенной крепости, владельцем которой он даже не являлся.

Учитывая важность замка и могущество тех, кто носил его имя, удивительно, что о его истории известно так мало. Мистер Николс в прекрасной статье, напечатанной в томе Археологического института Солсбери в 1851 году, рассказывает об истории графства и показывает, что, начиная с шерифа Завоевателя, который, должно быть, взял свое имя от этого места, был второй Эдуард де Солсбери, чьим преемником был Уолтер, барон при короле Стефане, отец Патрика, первого графа, чей сын, Уильям, второй граф, был отцом знаменитой графини Элы. Все эти лорды, похоже, держали замок под властью короны, сами назначая кастелянов.

Эла, наследница Уильяма Солсберийского, второго графа, заложила пятый камень нового собора. Она вышла замуж за Уильяма с Длинным мечом, сына Генриха II, который стал графом по ее праву и владел замком. Он часто бывал за границей, где проживал кастелян, его заместитель. Во времена короля Иоанна этим чиновником был Роберт де Випон, и здесь содержались ирландские пленники. В 1208 году шериф Уилтса должен был отремонтировать мост, ров и дома в замке. В 1266 году король обращался к графу как к своему брату по вопросам, связанным с замком; а во времена правления Ричарда и Джона периодически производились выплаты на ремонт и на содержание солдат. Упоминаются дома короля в замке, вино, хранившееся там, выдавалось в Глостер и Бристоль, сокровища отправлялись в Саутгемптон, а тарелки - в Вестминстер для коронации. У короля Иоанна там был балистарий с жалованьем 9 д. в день, в Випонт было поставлено 100 свиней, а в 3 г. Иоанн граф дал тридцать марок, чтобы получить графство, город и опеку над замком; а Уолтер, сын Альбреды, дал 76 с. 8 д. за содержание тюрьмы. Граф (Уильям) был тогда шерифом, и ему было разрешено заплатить 29 фунтов 6 шиллингов. 8d., потраченные по приказу короля на работы в замке.

Граф Уильям умер в замке в 1226 году, и тогда Эла, его вдова, оформила опеку над ним. Ее сын и внук, похоже, претендовали на графство, но так и не получили его, хотя, когда

последний умер в 1256 году, его дочь Маргарет, вышедшая замуж за Генри де Лейси, графа Линкольна, стала называться графиней Солсбери, вероятно, после смерти графини Элы в 1261 году. В 39 году Генриха III, в 1254 году, инквизиция заявляет, что никакие вотчины не принадлежат страже замка; а в 52 году Генриха III, мост внутри замка был в ремонте, и эти и ворота ремонтировались аббатисой Шафтсбери. В 3 году Эдуарда I замок и поместье перешли в собственность короны, а двумя годами позже упоминается мельница возле замка, несомненно, та самая, что вошла в Domesday и до сих пор находится в Стратфорде.

В 5 году Эдуарда III, в 1332 году, король дал разрешение епископу, декану и главе Сарума снять стены собора и канонических домов в своем замке Старый Сарум и использовать их для ремонта церкви и близлежащего Нового Сарума. Несомненно, по этой лицензии весь материал был удален до уровня земли или даже ниже ее, и, вероятно, лицензия распространялась и на внешнюю стену. В то же время епископ и т. д. получил разрешение перестроить некую костельную церковь на части старого собора и использовать ее.

В 1337 году зять Эдуарда, Уильям Монтакут, стал графом Солсбери, а 15 Эдуарда III, 1341-2, было проведено расследование, чтобы выяснить, были ли графы захвачены в демесне как в гонораре замок и деревня Олд-Сарум, и как они их потеряли. Вероятно, этот был связан с иском, поданным епископом Вивилом против графа на основании судебного приказа о его праве собственности на замок. В этой инквизиции мы находим описание захвата замка и т. д. королем Генрихом III у графа Уильяма, сына графини Элы: *"Et Juratores dicunt quod tempore ipsius Willielmi junioris, propter diversas discensiones motas inter Henricum Regem Anglie tercium proavum domini Regis nunc et predictum Willielmum juniorem, maxime pro eo quod idem Willielmus contra defensionem dicti Regis Henrici exivit regnum Anglie licencia Domini Regis non optenta, Dominus Rex Henricus seisire fecit in manum suam dicta castra villam et officium et ea in manum suam retinuit."* Сначала дело должно было рассматриваться в бою, и каждая сторона назвала своего защитника; но в конце концов оно было улажено компромиссом: епископ заплатил 2500 марок, а граф навсегда оставил замок. Так, вероятно, прервалась связь между графами и графством в феодальном смысле.

Когда именно был разобран замок, выяснить не удалось. Виды, которые иногда выставляются на обозрение, похоже, взяты с изображения Шерборна на латуни епископа Уайвила в соборе. Во времена Лиланда руины были значительными; здесь находились женская часовня, часть старого собора, приходская церковь Холи-Руд и остатки часовни над восточными воротами. Также в восточном предместье, за воротами, стояла часовня, остатки приходской церкви Святого Иоанна, а вокруг было достаточно колодцев со сладкой водой, чтобы усомниться в обоснованности части предполагаемых претензий церковников. Вероятно, по мере того как новый город разрастался, ценность старого материала возрастала, и разрушение шло ускоренными темпами. Кажется вероятным, что при минимальных затратах труда можно было расчистить фундамент внутренней палаты и открыть колодец. Приходится сожалеть, что внешняя палата оказалась под плугом. Убытки от укладки дерна были бы незначительными, и еще не поздно сохранить оставшиеся неровности поверхности.

ЗАМОК СКАРБОРО.

На северо-восточном побережье Англии, где скалы Йоркшира смелым, но изломанным фронтом обращены к Немецкому океану, на полпути между Тисом и Хамбером, или, точнее,

между Уитби и Фламборо-Хед, виднеется высокий, изрезанный и почти изолированный скальный мыс, который с незапамятных времен носит соответствующее название Скарборо. Скала, или изрезанный утес, высокая вершина которого образует естественный бург или укрепленное место, обрывисто поднимается примерно на 300 футов от морского берега и имеет на своей северной стороне небольшую бухту, противоположным рогом которой является Скалби-нес, а на юге - более глубокий и просторный залив, на берегу которого, под защитой скалы, расположился древний морской порт Скарборо.

Ни в какие времена, когда жизнь и конечности ценились и подвергались опасности, преимущества Скарборо как места обитания или убежища не могли быть упущены из виду. То, что в Флэмборо было создано искусством, здесь предусмотрела природа, приложив более смелую руку. Залив давал возможность ловить рыбу или заниматься морскими делами, а полуизолированный утес обеспечивал безопасность от нападения с любой стороны. И все же нет никаких свидетельств того, что Скарборо был регулярно заселен как исконными бригадами, так и их римскими захватчиками. Прилегающие волды испещрены следами ранних состязаний, но они слишком холодны и бесплодны, чтобы на них могло проживать сколько-нибудь значительное население, да и вообще какое-либо население, кроме нескольких пастухов. Долина реки Дервент, ныне богатая и плодородная, в римские времена представляла собой цепь непроходимых болот и топей, окруженных густыми и столь же непроходимыми лесами. Ни в Холдернессе, ни на юге Кливленда не сохранилось множество римских останков, и, похоже, между Дельговитией и Дервенто (Миллингтон и Стэмфорд-Бридж или Нью-Мэлтон) и восточным побережьем не было никаких регулярных поселений этого народа.

В шестом веке на территорию между Хамбером и Уитби-Эском вторглось племя англов, которые из захватчиков превратились в поселенцев и, как это было свойственно тевтонским племенам, в конце концов объединились в королевство, ставшее ядром известной Дейры. То, что они населяли побережья Холдернесса и Кливленда, края и долины Волдса, Пикеринга и прилегающую равнину Йорка, - дело истории, и об этом свидетельствуют названия их поселений и существующие особенности речи людей, их потомков, а также очень заметный бурх Скипси, сохранившийся после всех последующих дополнений; Но скала Скарборо, хотя и такая же мощная и почти такая же грандиозная, как Бамборо, не является ни крепостью Дейрана, ни тем более королевской резиденцией, и в ней нет, да и не было необходимости, в тех замечательных и четко очерченных земляных сооружениях, которые указывают на более поздние саксонские резиденции. Его первое появление в истории, хотя и позднее, заслуживает доверия. Когда в начале 1066 года Гарольд Хардрада и его союзник-предатель Тостиг опустошили и разграбили графство Моркер, жители Скарборо встретили захватчиков с оружием в руках и оказали им храброе, хотя и бесплодное сопротивление.

Скарборо не упоминается в "Domesday", хотя сёк Уэльсгриф, или Фальсгрейв, частью которого он, по-видимому, являлся, записан в ней, и тогда принадлежал Уильяму де Перси, лорду восьмидесяти шести йоркширских владений и предку той Агнессы, чьи лувенские потомки взяли ее фамилию. Перси, однако, недолго удерживал это поместье, поскольку Эйдо из Шампани, родственник и по браку племянник Завоевателя, после отъезда Дрого ле Бревера, предполагаемого основателя норманнских работ в замке Скипси, получил от Вильгельма землю Холдернесс, а вместе с ней, вероятно, и прилегающее поместье Фалсгрейв. Их сын, Стивен, помимо отцовского наследства Холдернесса, владел по материнской линии норманнской территорией Аумарле, или Альбемарле, откуда его мать

Аделиза получила титул "Комитисса де Альбамарле", и Стивен, умерший в 1127 году, носил тот же титул.

Его сын, Уильям, второй граф, лорд Холдернесса и основатель аббатства Мо, принимал самое активное участие в английских делах и в свое время был самым могущественным бароном на севере. Он командовал в битве при Штандарте в 1138 году и получил от короля Стефана то, что Дагдейл называет графством Йоркшир. Он умер в 1179 году, будучи щедрым благотворителем многих йоркширских религиозных домов, и, согласно Уильяму Ньюбургскому, писавшему около 1190 года, строителем замка Скарборо. Если это так, то это должно было произойти, когда Уильям вступил в графство, то есть вскоре после 1127 года, потому что при воцарении Генриха II, в 1154 году, Скарборо был одним из замков, выбранных для разрушения, и после сопротивления графа, сам Генрих, после тяжелой борьбы, завладел им, и, осознав ценность его положения, вместо того, чтобы разрушить, присоединил его к короне. Принимая все это во внимание, а также учитывая материальные доказательства, представленные остатками крепости и более древними частями куртины, наиболее вероятным является вывод о том, что крепость графа Уильяма носила временный характер, а крепость (*arch magna et præclara*) и более древние части существующей кладки - дело рук короля Генриха в более поздний период.

В пиршественном списке 4 Генриха II шерифу Йоркшира было выделено 4 фунта стерлингов на работы по строительству замка Скардебурк, а впоследствии Генрих даровал или подтвердил хартию об инкорпорации города, за ферму которого 30 Генриха II шериф предоставил отчет. Город продолжал процветать и время от времени вносил свой вклад в "*dona ad auxilium*", в тальяж и скутадж. Король Иоанн четырежды посещал замок в 1201, 1210, 1213 и 1216 годах, пробыв в нем в общей сложности около девяти дней. В 1202 и 1204 годах констеблем был Джон де Буйи, и тогда, и в 1213 году здесь содержались военные заключенные. В 1208 году Буйи сменил Роберт де Во, а в 1215 году - Джефффри де Невилл, королевский камергер. В это время гарнизон составляли шестьдесят "*servientes*" и десять "*balistarii*". О том, что Джон поддерживал замок в рабочем состоянии, свидетельствует частое выделение средств на работы. Вино также присылали из Портсмута, а свинец - для покрытия башни. Выплачивались деньги "слугам", "балистариям" и другим лицам, работавшим в замке. Во время правления Иоанна, как выяснилось, в замке находился Уильям де Дастон, которому было приказано принять в замке Уильяма, графа Альбемарля, и его спутников. Это был Уильям де Фортибус, барон Магна Чарта и граф Албемарл по праву своей матери, Хавизы, дочери и наследницы графа Уильяма ле Гроса. Вероятно, он воспользовался трудностями Джона, чтобы возобновить притязания на замок, которые, однако, ему, похоже, не удалось привести в исполнение. В 1215 году Невилл снова занял свой пост и получил заказ на 100 марок, "*ad opus-ad castrum nostrum de Scardeburg' muniendum*". Джон де Невилл, сын Джефффри, возглавил замок при Генрихе III в 1225 году, и, судя по всему, крепость поддерживалась в рабочем состоянии на протяжении всего его правления. В 1252 году Генрих дал городу разрешение на строительство новой пристани.

Сильное и, в целом, справедливое правление Эдуарда I привело к запустению тех замков королевства, которые не были необходимы для обороны угрожаемой границы, и среди них Скарборо, но при его сыне они вновь приобрели значение, и Скарборо вновь появляется в государственных документах. Эдуард II был здесь в 1312 году и оставил замок на попечение Гавестона, пока сам шел к Йорку. На него напал граф Пемброк и взял его, но не штурмом, а голодом. В 1318 году город сожгли шотландцы, но, похоже, им не удалось захватить замок. Шестьдесят лет спустя городу угрожал морем шотландский авантюрист, который, однако, не смог его взять, а впоследствии попал в плен. В течение следующих трех столетий замок

Скарборо оставался в запустении или ремонтировался лишь настолько, что иногда использовался в качестве тюрьмы. В 1536 году, в год Паломничества Благодати, Аск, уроженец Аугтона на Дервенте, повел своих недисциплинированных последователей против него, но безуспешно. Немного позже, в 1553 году, во время восстания Уайатта, она была захвачена, вероятно, врасплох, графом Стаффордом, но продержалась всего три дня.

Во время борьбы между Карлом и парламентом в XVII веке Скарборо вместе со многими другими йоркширскими замками, более или менее разрушенными, удерживался королем, и в июле 1645 года парламентские войска осадили его по форме. Батарея была установлена на крыше алтаря древней приходской церкви, примерно в 170 ярдах от внешних ворот замка, а вторая - к северу от них, на краю утеса перед барбаканом. Замок был взят и удерживался в течение короткого времени, а в 1648 году, когда его снова удерживали для короля, он был атакован и взят во второй раз, и вскоре после этого в первом этаже замка была заложена мина, открывшая его восточную сторону. Вероятно, тогда же было разрушено здание, закрывавшее вход в крепость.

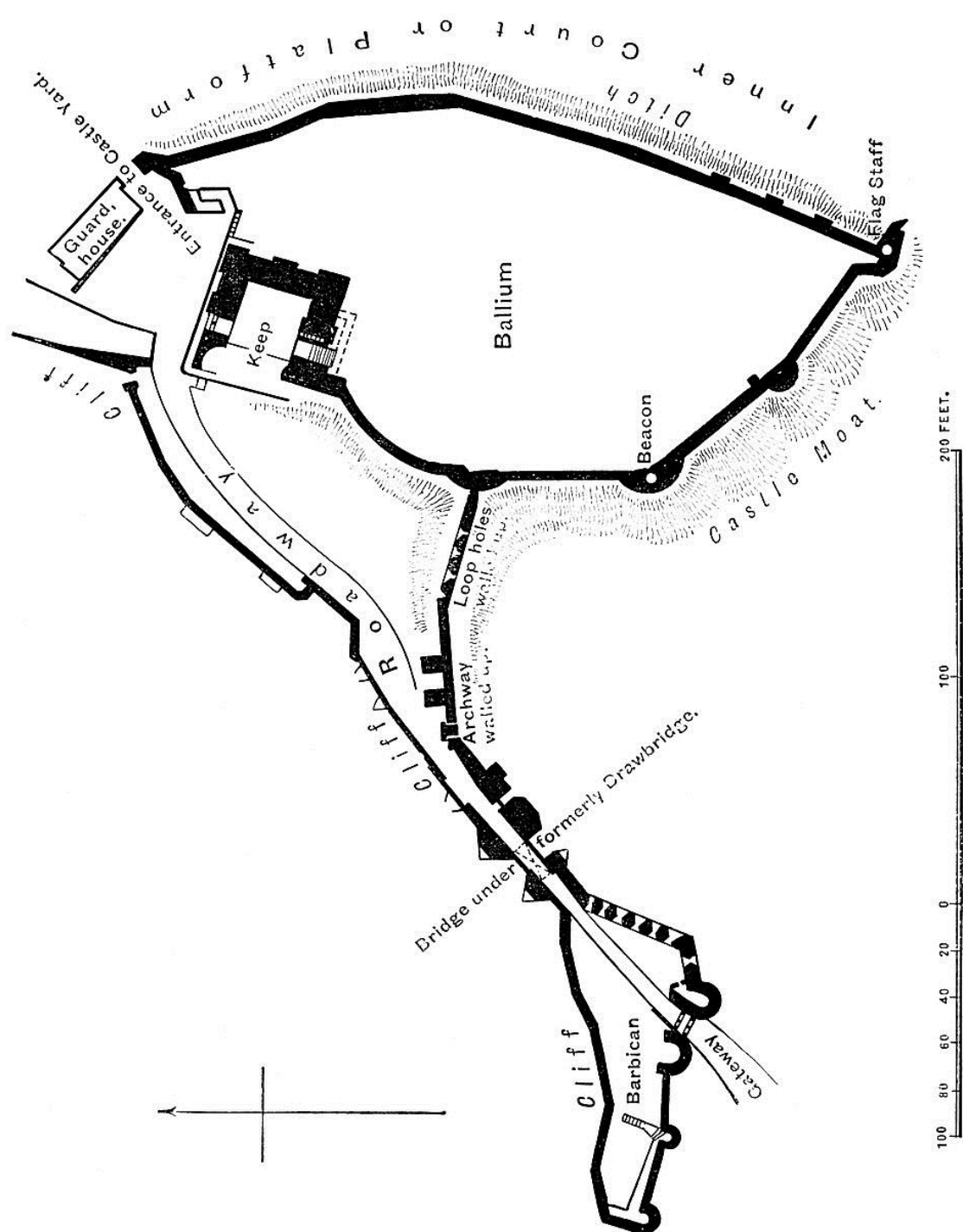
Город Скарборо был обнесен стеной с раннего периода. Леланд говорит о берегах, рвах и фрагментах стен, а также упоминает двое ворот, Ньюбург и Олдбург, или Анборо, одни из которых сохранились. Городской ров тянулся от барбакана замка по возвышенности на юг, и на нем, в 550 ярдах от барбакана, находились ворота Анборо. В городе было три монастыря и одна приходская церковь, посвященная Деве Марии и принадлежащая цистерцам. Это большое здание рядом с замком, алтарь которого, или дамская часовня, остается в руинах со времен первой парламентской осады. Платформа, занимаемая замком, является внеприходской, обычно церковной, а не военной привилегией.

ЗАМОК.

Платформа, к которой подходит замок, в плане представляет собой ромбовидную форму, длиной с севера на юг 600 ярдов, а с востока на запад 300 ярдов, площадью около 19 акров, а ее вершина находится на высоте от 300 футов до 336 футов над уровнем моря. Две восточные или приморские стороны, длиной около 700 ярдов, круто поднимаются от морского берега и абсолютно неприступны. Северо-западная сторона, длиной 300 ярдов, обращенная к северной бухте и пескам, ниже, но все равно обрывиста. Юго-западная сторона, также длиной 300 ярдов, смотрит в сторону города. Хотя она и не обрывистая, но очень крутая, а у ее основания между замком и городом проходит широкий овраг, известный как крепостной ров. На приморском выступе скалы раньше располагались часовня и усыпальница, а за ними - Колодец Богоматери, источник которого считался неиссякаемым. Самым низким и единственным слабым местом платформы был прибрежный или западный угол, и здесь располагалась крепость, от которой на север и на юг по гребню прилегающих граней тянулась куртина. В северном направлении длина этой стены составляла около 70 ярдов, прекращаясь по мере увеличения высоты скалы и делая искусственную оборону ненужной. К югу стена высотой от 20 до 25 футов проходила по всему юго-западному фронту и была укреплена, либо изначально, либо в ранний период, десятью или двенадцатью полукруглыми башнями разных размеров. Шесть меньших были сплошными, как в Конингсборо и Кнаресборо; большие, диаметром от 25 до 30 футов, были полыми. В плане эти башни представляли собой части круга и были сильно изуродованы. Вероятно, они были срублены и засыпаны землей во время осады 1640 года, когда на каждой из них, по-видимому, была установлена вертлюжная пушка *en barbette*. В настоящее время они открыты в ущелье и не выше прилегающей куртины. Три петли все еще можно проследить на уровне подвала, а две или три другие - на том, что, должно быть, было первым этажом. Снаружи стены расположено несколько бастионов различных размеров, форм и дат, некоторые из

которых, по-видимому, являются оригинальными и относятся к позднему нормандскому периоду. Самая большая из этих бастионных башен известна как "Башня королевы". Недалеко от центра этого фронта, на куртине, находилось здание размером 110 футов на 40 футов, называемое "Моссдейл" или "Королевский зал". Несомненно, здесь находились зал, кухня и другие служебные помещения для размещения гарнизона. Нынешнее здание представляет собой современный барак, построенный с обычным пренебрежением к вкусу, которое уже давно характерно для подобных построек.

Там, где куртина юго-восточного фронта заканчивается на морском утесе, кажется, в древности была башня, известная как "Кокбилл". Совсем недавно за пределами стены была построена небольшая батарея на гребне склона, огибающая ров и открывающая вид на часть гавани. Вероятно, эта батарея была возведена в ходе подготовки к парламентской осаде, так как остатки башни над ней известны как "Башня Чарльза". Несмотря на то, что южная куртина была сильно изуродована и восстановлена, а башни, бастионы и контрфорсы включены в ее состав, большая ее часть является старой и, вероятно, первоначальной.

ПЛАН ЗАМКА СКАРБОРО.

Для защиты замка от наемников, которые в двенадцатом веке часто составляли гарнизон, а также от внешнего врага, продолговатое пространство площадью 112 ярдов с севера и юга на 573 ярда с востока и запада было обнесено стеной в качестве базового двора или бейли. Он вынесен за пределы платформы и включает в себя крепость. Его внешняя или западная стена является наружной стеной этого места, противоположная или восточная стена отгораживает замок от основной платформы, а у внешнего подножия этой стены и внутри платформы находится глубокий ров. Если рассматривать замок как центр крепости, то это ограждение является внутренней палатой, но с точки зрения расположения главного входа платформа заслуживает такого названия. В целом, будет удобно оставить название платформы для этой большой территории, а другую называть бейли. Вероятно, в бейли первоначально находился зал лордов, или кухня, часовня и жилые помещения. Однако все

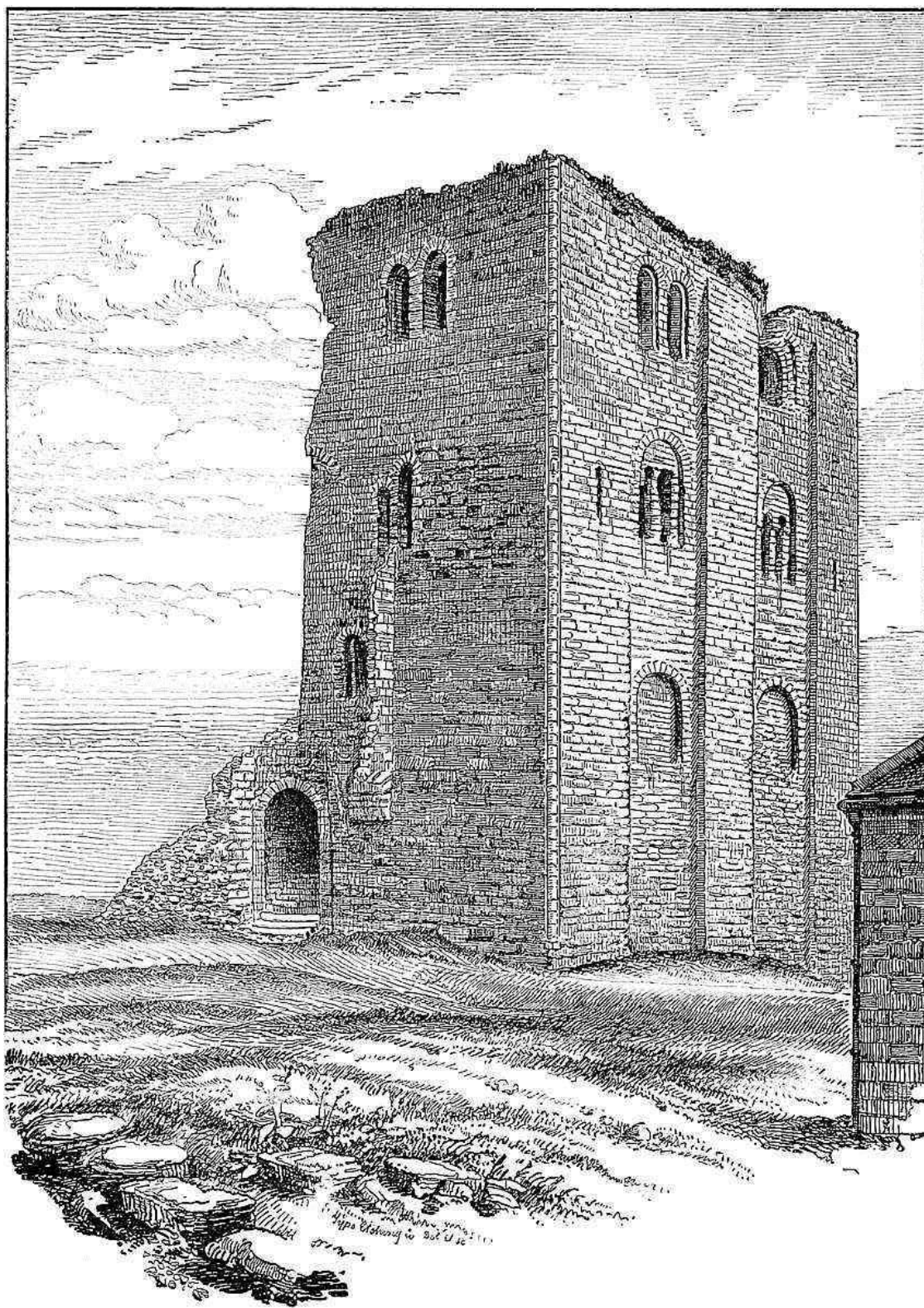
их следы исчезли под землей. Место расположения колодца отмечено углублением в болоте. Вход в замок занимал ложбину внизу, а к западу и северу от крепости проходил через бейли, расположенные под крепостью, и выходил на платформу в точке, которую сейчас занимает современная караульная комната. Подход к замку всегда был обусловлен особенностями местности. На самом деле существует только одна удобная линия - вдоль хребта между краем скалы, возвышающейся над северной бухтой, и вершиной рва между замком и городом. Этот хребет был укреплен с одной стороны, где высота утеса составляет около 240 футов, легкой парапетной стеной, а с другой - гораздо более мощной стеной, которая отвечает от куртины бейли и обращена к вершине рва. В начале две стены находятся на расстоянии около 50 ярдов друг от друга, но они быстро сходятся, и в 70 ярдах от замка их разделяет всего 12 футов, и так продолжается, образуя приподнятый уступ, по которому и осуществляется подход. Эта дорога пересекает впадину в земле у рва замка по своеобразному виадуку, высота которого в самой глубокой точке составляет около 25 футов, а длина от входа перед замком до его окончания в барбакане - около 70 ярдов. Он сложен из каменной кладки с боковыми парапетами и проезжей частью шириной 10 футов 6 дюймов. Недалеко от центра находится мощный пирс, или, скорее, башня, шириной около 32 футов, угловатая ниже проезжей части и закругленная выше. Эта башня пронизана проходом и, по сути, является воротами, имеющими для своей защиты крытый пол над воротами, на который можно было попасть по узкой лестнице, расположенной в одной из опор. Колонны, на которые опирались бойницы, сохранились. С этой башни, по-видимому, опускались два разводных моста, по одному на каждую сторону. Тот, что падал наружу, закрывал яму шириной 15 футов, ныне перекрытую сводами в качестве постоянного моста. Его место обозначено аркой в мостовой, высотой около 20 футов. Стены и парапеты, похоже, оригинальные, а мост работал между ними, как это было нередко, и это можно увидеть в Годерихе и у ворот констебля в Дуврском замке. Второй мост опускался внутрь к замку. Здесь яма, по-видимому, была разрывом в мостовой, а не аркой в ней. Этот мост также был заменен каменной кладкой. Каждый из этих разводных мостов опускался на пороги между небольшими башенными контрфорсами, несомненно, предназначенными для укрепления подступов и укрытия двух арбалетчиков, которые могли отступить по мосту при наступлении противника.

Барбакан, расположенный на внешнем конце или в начале дамбы, представляет собой просто раковину из каменной кладки неправильной формы. Он занимает холм, более высокий, чем дамба, и имеет довольно крутой подход со стороны города. Ворота открываются между двумя полукруглыми башнями, под остроконечной аркой, утопленной, но внутри внешней арки, над которой находится выступающий парапет, своего рода *бруствер* из камня. Порткуллиса нет, как нет и следов разводного моста или внешнего рва. Вход на дамбу находится в 15 ярдах за большими воротами, через полый проход, а стена между ними петляет шестью проемами, обращенными к главному рву. Сзади барбакан упирается в гребень скалы и имеет простой парапет. Он вытянут на 30 ярдов вправо от ворот, которые он таким образом фланкирует, и укреплен в этом направлении двумя небольшими полукруглыми башенками. В некоторых частях дамбы есть петли, направленные к главному рву, и дверной проем, вероятно, потерна, давно замурованный. Уступ и барбакан - более поздние, чем крепость и главная куртина, и, вероятно, относятся ко времени Генриха III, а то и позже. Они были сильно изменены и отремонтированы, и, несомненно, сыграли свою роль в осаде 1640 года.

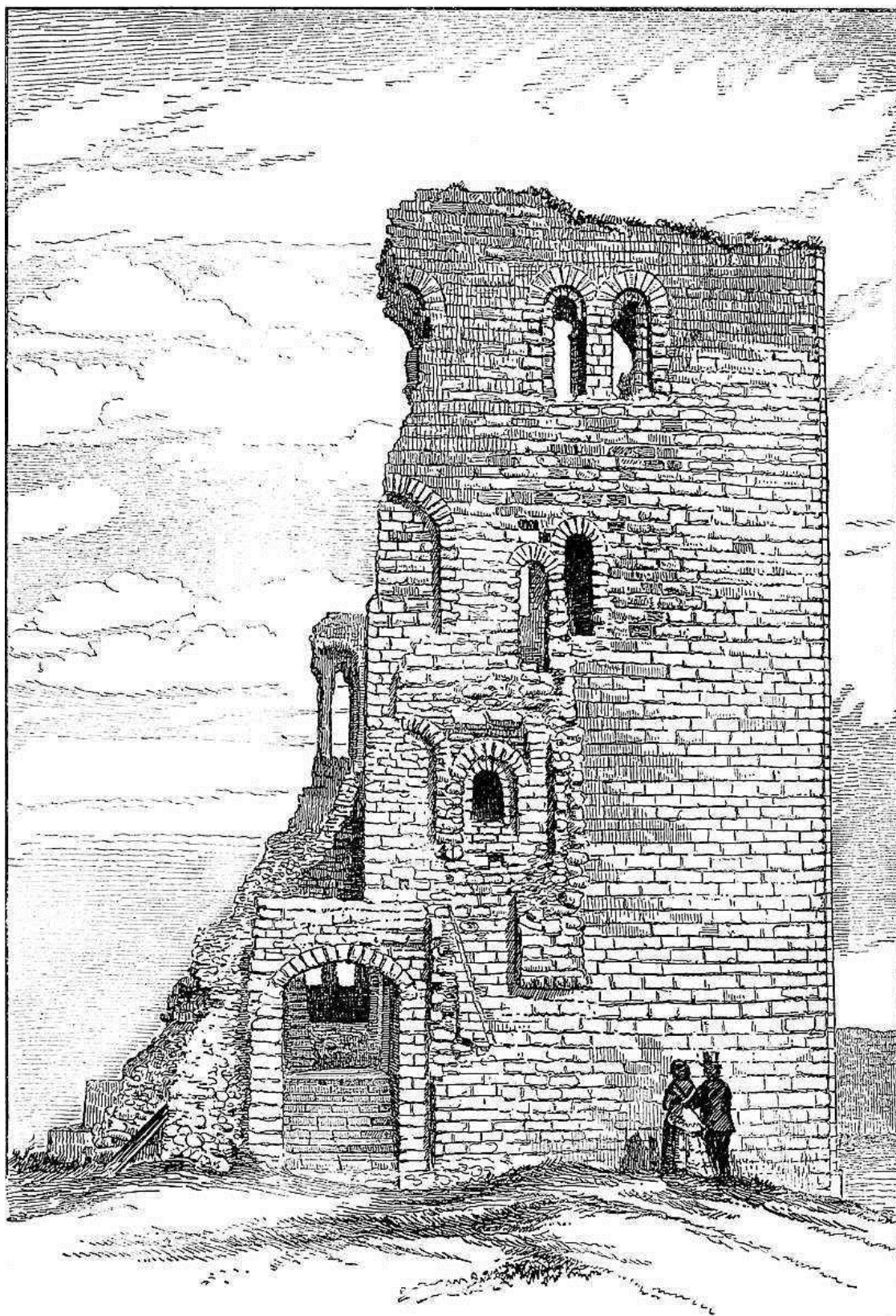
За пределами естественного оврага, который образует главный ров, вдоль гребня его контркарпа был насыпан вал земли, вероятно, маскирующий линию палисада,

предназначенного для того, чтобы отгородиться от скирмишеров и защитить от любой попытки взлома главной стены.

Замок, хотя и изуродованный, все еще является главной особенностью крепости. Это прямоугольная башня площадью около 56 футов в основании и высотой около 70 футов над внутренней стороной и около 90 футов с внешней стороны, где земля примерно на 20 футов ниже. Толщина стен составляет 11 футов, и столько же до вершины. Западный фасад и несколько футов прилегающих к нему сторон исчезли, но фундамент остался, завершая квадрат. Материал - песчаник насыщенного красного цвета. Камни длиной от 2 футов до 2 футов 6 дюймов и высотой в фут, почти квадратные и уложены с довольно открытыми швами. Внутри, по-видимому, находился подвал и три верхних этажа, но подвал частично засыпан землей, и на его существование указывает только сломанная петля, виднеющаяся примерно в 16 футах от земли на северном фасаде. С западной и северной, или нижней, сторон крепость имеет мощный фундамент высотой от 15 футов до 8 или 10 футов. Это было излишне на других сторонах, где уровень почвы намного выше.

ЗАМОК СКАРБОРО - ХРАНИЛИЩЕ.

ЗАМОК СКАРБОРО - ЮЖНАЯ СТОРОНА.

Восточная, наиболее совершенная сторона, имеет обычные фланкирующие полосы пилястр, шириной 10 футов 6 дюймов и футовым выступом, которые поднимаются непрерывно к вершине, и, несомненно, поддерживали обычные угловые башенки, теперь удаленные. Угол, под которым сходятся соседние грани здания, полый, и занят смелой круглой бусиной диаметром 12 дюймов; по сути, это трехчетвертной вал, но без основания или капитальной

части. В центре торца находится третья пилястра, шириной 8 футов и совершенно простая. С этой стороны подвальный этаж не имеет отверстий. Земля, по сути, находится выше его уровня. Первый и второй этажи отмечены двумя круглоголовыми нишами, каждая шириной 7 футов и глубиной 1 фут, вторая содержит пару узких высоких круглоголовых окон, имеющих боковые колонны, а в центре - пару соединенных колонн, общих для обоих проемов. Капители рифленые, а оконные арки украшены смелой лепниной в виде тора - единственное подобие орнамента во всем здании. Верхний этаж не имеет ниш, но здесь расположены две пары небольших высоких круглоголовых окон с квадратными наличниками. Окна, составляющие каждую пару, находятся на расстоянии около фута друг от друга. В фланкирующих пилястрах находятся две остроконечные петли, соответствующие уровню второго этажа, и световые настенные камеры.

Северный фасад, вероятно, соответствовал восточному, с добавлением двух петель из подвала, одна из которых сейчас закрыта, как и два окна над ней. Одна фланкирующая пилястра этого фасада исчезла вместе с его западным концом.

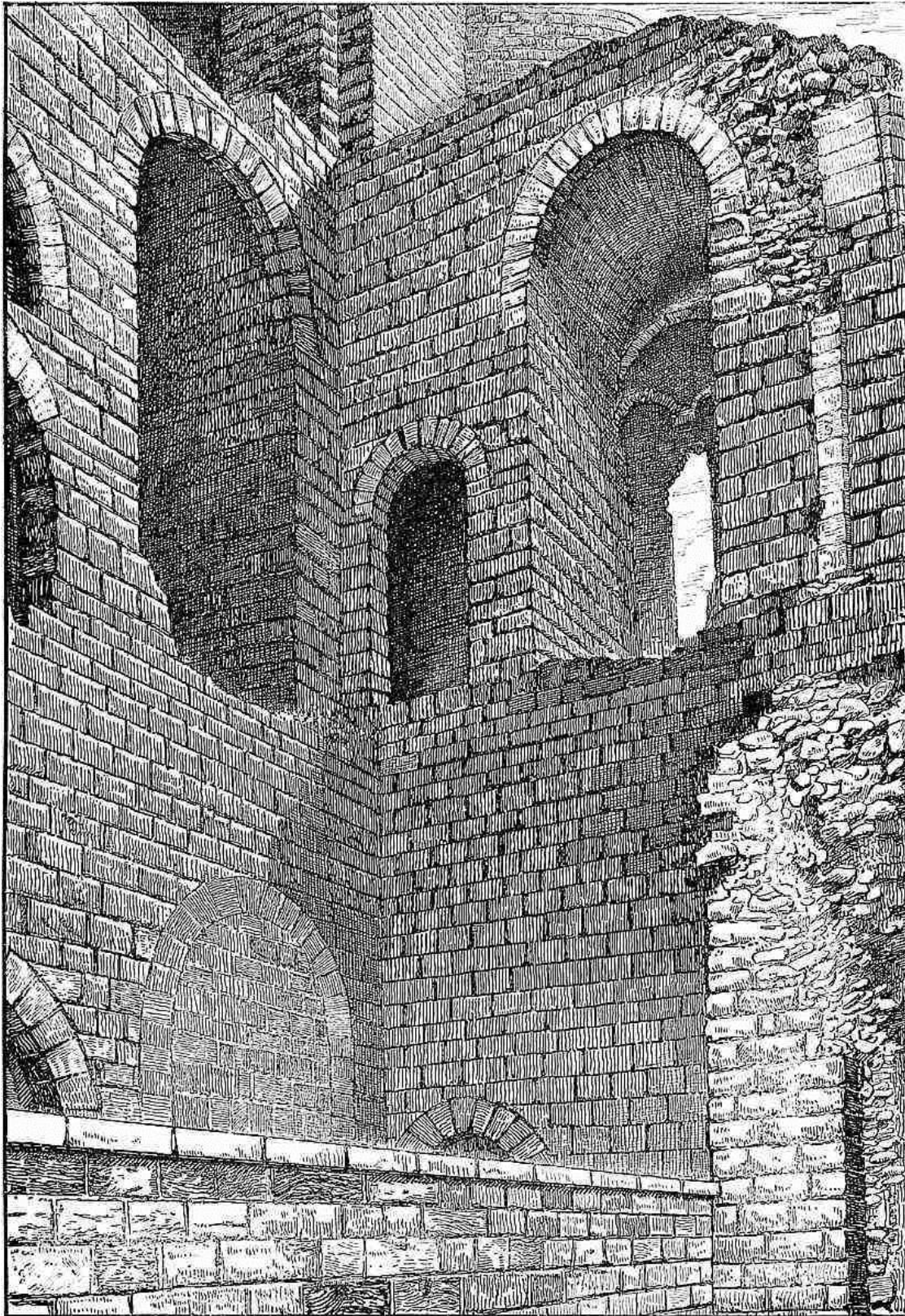
С южной стороны западный конец исчез, но то, что осталось, представляет интерес, так как показывает, как был устроен вход. Лицевая сторона простая, без пилястр и цоколя. В западной части находится внутренний вход, за которым от ворот отходила куртина бейли. Ширина этого входа составляет 7 футов, а глубина - толщину стены. Проход круглоголовый и ребристый. Внутренний дверной проем - круглоголовый, внешний - сегментный. Ступеньки внутри прохода ведут на пол первого этажа. По короткой пилястре, несколькими пружинящим камням и другим признакам на лицевой стороне стены видно, что вход здесь прикрывался небольшой пристройкой. Напротив стены храма был построен прямоугольный блок длиной около 30 футов и шириной, возможно, 20 футов, заканчивающийся и примыкающий к занавесу. В нем был сводчатый проход, а над внешним дверным проемом, на восточном конце, находилась большая воронкообразная махина для защиты. Внутри него свод вел дальше, пока по правую руку в крепостной стене не появился уже упомянутый внутренний вход. Здесь не было портупеи, но над дверным проемом находилось отверстие, или *мортира*, с помощью которого вход можно было защитить от тех, кто мог бы взломать внешние ворота. Валы переднего здания находились на уровне второго этажа крепости, и попасть в них можно было через небольшой узкий дверной проем, открывающийся из настенной камеры в южной стене. Ближе к востоку от него находится еще одна небольшая дверь, немного выше, использование которой не очень очевидно, если только она не открывалась на клад или *бруствер* немного впереди каменного парапета. Немного западнее и ниже этих дверей находится третий, более короткий дверной проем, который, по-видимому, предназначен для работы *сурдины* над внутренней дверью. К нему ведет небольшая и очень узкая лестница с фресками.

Внутреннее пространство храма не только заполнено, чтобы скрыть подвальный этаж, но и восточная его часть превращена в пороховой магазин и недоступна. Говорят, что в нем есть четыре прямоугольные настенные камеры, одна 14 футов на 5 футов в южной стене, две 6 и 7 футов квадратных в восточной стене и одна 5 футов на 6 футов в северной стене, но они не были исследованы. Первый этаж имел площадь около 32 футов, но был разделен на две почти равные части смелой аркой, идущей на север и юг и опирающейся на две опоры в стене. Арка исчезла, но разрушенная стена показывает, что ее толщина составляла 4 фута 6 дюймов, и она несла сплошную стену, которая разделяла второй этаж и заканчивалась на полу верхнего этажа. В восточной стене первого этажа находится центральный камин 7-футового диаметра с круглой головкой, без выступа, с круглой спинкой и вертикальным настенным отверстием. С каждой стороны от него находится глубокая ниша размером 6

футов 9 дюймов, с круглой головкой и парой спаренных окон, уже описанных выше. В северной стене есть два подобных углубления, по одному с каждой стороны поперечной арки, из которых восточное в настоящее время замуровано, но, похоже, помимо окон имело небольшую боковую дверь, открывающуюся в темную фресковую камеру, которая занимала северо-восточный угол. Другая ниша, к западу от поперечной стены, открыта, и в ней сохранились два окна. В южной стене есть небольшой дверной проем, ведущий в настенную камеру, занимавшую юго-восточный угол, но теперь недоступную. На другом конце этой стены находится входная дверь, а между ней и поперечной аркой - крутая узкая лестница, ведущая к проему над входной дверью.

На втором этаже поперечная стена была пробита небольшим дверным проемом у ее южного конца, от которого сохранился один косяк. На этом этаже в восточной стене также имеется камин, похожий на тот, что внизу, но с сегментной аркой, а над ним в стене - полукруглая арка с рельефом. По обе стороны от него находится ниша со спаренными круглоголовыми окнами, фальцы ставней которых заострены. В северной стене - два дверных проема, ведущих в настенные палаты, а в западном конце - углубление и двойное окно, как и прежде. В южной стене два проема: один - дверь, ведущая в настенную палату в юго-восточном углу, освещенную уже упомянутой петлей, а другой - большая ниша, внутри которой два дверных проема, открывающихся в сторону переднего корпуса. На другой стороне поперечной стены, над главной дверью, сохранились следы большой ниши со спаренными окнами.

В верхнем этаже не сохранилось ни одного камина, который, по-видимому, был занят одной большой камерой, имеющей в восточной стене две пары спаренных окон в глубоких круглоголовых нишах, и то же самое, вероятно, в северной и южной стенах. Возможно, в западной стене был камин.

ЗАМОК СКАРБОРО - ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ ЗАМКА.

Полы во всех помещениях, по-видимому, были деревянными. Следов настенной лестницы, ведущей с одного этажа на другой, нет, но она могла быть в северо-западном или юго-западном углах. Не сохранилось и фресковой галереи вокруг здания.

Во всех отношениях прискорбно, что замок Скарборо до сих пор рассматривается как военный пост. Здесь, как и в Дувре, никому не разрешается делать зарисовки или измерения на территории, хотя силы, следящие за соблюдением этого приказа, делают его практически бессильным. Но пустой пороховой магазин заперт, что препятствует тщательному осмотру хранилища; если его убрать, а подвал раскопать, можно было бы получить абсолютно точный план хранилища, что сейчас невозможно.

Графство, в границах которого находятся замки Йорк и Ричмонд, может гордиться владением Скарборо, который, хотя и не превосходит их, но претендует на равное с ними положение. Несомненно, обстоятельства каждого из них различны. Положение Ричмонда на берегу реки Свейл, его древний норманнский замок, старинная и любопытная часовня, значительные остатки зала и других домашних построек, а также ранг и воинственный характер его прежних лордов придают ему особый и непревзойденный интерес. В Йорке замок, просторный по площади и сильный, если не сказать поразительный по положению, сыграл немаловажную роль в Нормандском завоевании; и хотя он окружен творениями римлян и романизированных бриттов, он претендует на происхождение от тех наших тевтонских предков, чье имя воплотилось в названии Англии. Претензии Скарборо на звание и славу носят иной, хотя и не менее значительный характер. Его положение над Северным океаном дико и грандиозно. Его территория, определенная и защищенная природой, рассчитана на размещение не гарнизона, а целой армии; а его крепость, сама по себе равная Ричмонду или большинству других норманнских сооружений, здесь не цитадель, а всего лишь ворота и ключ к тому, что на самом деле является крепостью и что поднимается с морского берега над и за ним.

ЗАМОК СКЕНФРИТ.

Среди многочисленных укреплений в Монмутшире, которые, судя по их характеру и положению, возникли во время оккупации этой пограничной территории мерсийцами и англичанами в VIII и последующих веках, Скенфрит занимает видное место. Более того, ему посчастливилось, подобно Каэрлеону и Гросмаунту, быть принятым нормандскими захватчиками, которые поставили крепость на его древней, хотя и незначительной, насыпи и обнесли его возвышенность стенами и башнями значительной прочности, так что в двенадцатом и тринадцатом веках он приобрел еще большее значение, чем в предыдущие столетия. Он стоит в глубокой долине и на берегу Муннова, в пяти милях ниже замка Гросмаунт и в шести выше замка Монмут на той же реке, кроме того, он образует юго-восточную точку знаменитого Монмутширского трехстороннего замка, Гросмаунт и Уайткасл - два других, столь известных в пограничных войнах, и особенно в поединке между Генрихом III и Марешалями, графами Пембрук. Черчиард пишет о них так

Три замка, что стоят на хорошей земле,

Гросмонт - один, на холме построен был;

Скенфрит - следующий, в долине он находится,

Сойла о наслажденьях там пепелится.

Уит-Касл - третий, достойный славы,

Вся страна вокруг носит имя Уит-Кастла;

Статный замок, возвышенное княжеское место,

Чья красота придает изящества простой сойле.

В отличие от возвышенных и основанных на скалах замков Чепстоу и Ладлоу, сила Скенфрита заключалась в низком и болотистом характере его расположения. Река Муннов протекает в нескольких футах от его стен и впадает в обширные рвы, а в нескольких ярдах ниже замка находится мост, упомянутый Леландом. Скенфрит является местом слияния нескольких долин, и даже сейчас, при наличии современных дорог, к нему нелегко подобраться. Вероятно, в какой-то мере из-за этого он мало пострадал от дополнений или изменений и так же мало от насилия. Время, величайший, но наименее жестокий из революционеров, было главным агентом произошедших изменений, и большим препятствием для изучения замка антикваром является богатая и избыточная мантия дружелюбного плюща, которой он задрапирован.

Скенфрит принадлежит к тому семейству замков, английскими типами которых являются Конингсборо и Лонсестон, а местными - Брунлаис и, в некоторой степени, Третауэр. Его крепость представляет собой цилиндрическую башню с расширяющимся или таранным основанием, которой древние антиквары дали название Джульетта. Она стоит внутри ограждения, состоящего из куртин и бастионных башен, в данном случае образующих в плане трапецию, северная и южная стороны которой составляют 74 ярда и 71 ярд, а восточная и западная - 31 ярд и 59 ярдов. Диаметры площади, измеренные в поперечном направлении, составляют: северный и южный - 48 ярдов, восточный и западный - 57 ярдов.

Замок стоит без связи с куртинами и находится почти на центральной линии территории, примерно в десяти ярдах от ее восточного конца. Он венчает невысокий курган, высотой около 6 футов и шириной 50 футов в верхней части, очевидно, искусственный. Если у кургана и был когда-то ров, то он давно засыпан. Высота башни сейчас составляет около 40 футов, а раньше, возможно, была на 5 или 6 футов больше. Она представляет собой цилиндр диаметром 36 футов со стенами толщиной 7 футов. В десяти футах над землей находится смелая, полукруглая колонна или кордон, под которым стена изгибается, а у основания имеет толщину 10 футов, что увеличивает ее диаметр до 42 футов. Нынешний вход в здание находится на западе, в дверном проеме длиной 5 футов 6 дюймов, с внутренней дверью, открывающейся внутрь, и, вероятно, с наружной дверью, но сейчас дверной проем представляет собой просто пролом в стене, с фрагментом фальца внутренней двери. Каменная кладка и отсутствие отверстий для засова свидетельствуют о том, что этот дверной проем не является оригинальным. Вероятно, он был открыт в декорированный период, когда пассивная прочность была менее важна, а вход на первый этаж считался неудобным. Такие поздние проемы часто встречаются в домах с тесными подвалами. Один из них находится в Пембруке.

Подвальная камера круглая, диаметром 22 фута 4 дюйма, ее пол находится на уровне земли. В ней находятся две петли с плоскими вершинами в углублениях, раздвинутых до проема в 3 фута, пороги которых находятся в 3 футах от земли. Стена совершенно простая, и нет никаких следов колодца. Высота этой камеры составляла 11 футов; несомненно, это была кладовая, и в нее можно было попасть по лестнице из камеры выше.

Второй этаж, такого же диаметра, имел высоту 14 футов. Это была главная камера. Пол состоял из досок, опирающихся на четыре большие балки, уложенные поперек, причем внешние балки опирались на концы более коротких бревен, уложенных под прямым углом к

ним. Дверной проем направлен на запад и частично перекрывает подвал. Его ширина составляла 5 футов, а проходной грот был круглоголовым, но пепловая отделка исчезла. Следов порткуллиса не обнаружено. В стене имеется квадратное отверстие, в котором, вероятно, когда-то находилась дубовая стяжка, такая же, как в Брунле и Рочестере. Этот дверной проем, очевидно, был первоначальным и единственным входом в крепость. Справа от входа вторая дверь открывалась в настенную лестницу, фрагмент цилиндрической оболочки которой сохранился. Она вела на второй этаж и в бойницы. Для ее поддержки внешняя стена утолщена полукруглым контрфорсом, сплошным внизу и поднимающимся к вершине. Дверь и лестница полностью разрушены. В этом этаже находятся два оконных проема в плоских углублениях, по-видимому, круглоголовых. Окна, вероятно, с большими петлями, выбиты, а облицовка углублений исчезла, но в стене сохранилась плоская остроконечная арка. Рядом с северной нишей находится кронштейн декоративного стиля на высоте 6 футов от пола.

Второй этаж, в который ведет винтовая настенная лестница, сильно затенен плющом. Его пол был из прочных досок, опирающихся на большую одиночную поперечную балку, от которой осталась одна опора - широкий простой кронштейн; доски вставлялись в грубый паз или желоб, а не в отбойник в стене, которая, таким образом, не уменьшилась в толщине. Изгиб этого этажа немного нарушен выступом, связанным с лестницей: здесь есть своего рода углубление, которое, возможно, было кухонным камином, поскольку приготовление пищи в этих башнях обычно происходило на верхнем этаже, как в Кастель Кох и Морле. В этом этаже было три окна, но их почти не видно, как и того, что могло остаться от покрытых плющом бойниц. Основной пол был оштукатурен, хотя и тонко. Очевидно, что полы всегда были деревянными. Главная сила башни такого типа была пассивной, петли и окна ничего не значили в обороне, но, несомненно, боевые элементы имели вал, а крыша, следовательно, была либо плоской, либо конической, как в Куси, Конингсбурге, Пембруке и башне Мартина в Чепстоу, отходящей от внутренней стены. Ничто не может быть более бессмысленным, чем, как это сделали некоторые современные архитекторы, покрыть эти башни конической крышей, отходящей от внешней стены, которая, таким образом, не может быть защищена единственным возможным для таких сооружений способом - сверху.

Толщина куртины единственной палаты, в которой находится Джульетский замок, составляет 8 футов, а высота - от 30 до 40 футов, при этом площадь помещения находится на уровне от 6 до 10 футов выше, чем снаружи, и, несомненно, поднята искусственно. Четыре угловые башни были цилиндрическими, с внутренним диаметром 11 футов и толщиной стен 8 футов. У них нет внутреннего выступа, но угол каждой из них пересекает и заполняет стена ущелья длиной 7 футов. Как башни, так и куртина имеют наружное основание высотой около 12 футов, толщина тарана внизу достигает 10 футов, но без кордона. В каждую башню из ущелья ведет дверь с проемом в 3 фута, а ее цоколь возвышается над внутренним двором на 4 или 5 футов. Каждая из них имеет три петли в углублениях глубиной 4 фута 5 дюймов и шириной 5 футов 8 дюймов. Лестниц нет, хотя, похоже, было два верхних этажа, самый высокий из которых возвышался над занавесом. Полы были деревянными. Арки различны: одни круглоголовые, другие стрельчатые, третьи остроконечные. Петли имеют квадратную головку. Юго-западная башня была разобрана, и в настоящее время вход в нее осуществляется через пролом.

На южном фронте, в 60 футах от западного торца, находится полукруглая башня с контрфорсом, не имеющая внутренних выступов. Проломы в ее внутренней и внешней сторонах показывают, что она цельная. Напротив этой башни, в северной стене двора, находится дверной проем длиной около 6 футов, остроконечная арка которого видна на

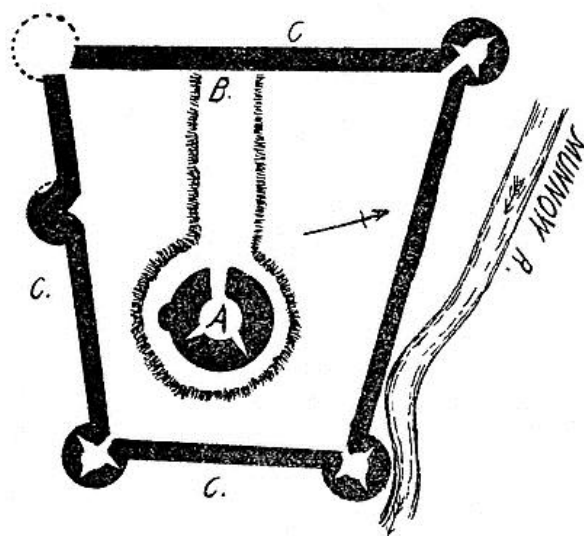
уровне двора. Поскольку порог этого дверного проема должен находиться примерно на уровне Муннов, он, вероятно, был соединен с коротким каналом для входа лодки, подобно тому, что можно увидеть в замках Тонбридж и Лидс, а также в Каэрфилли. В этой же стене, но ближе к северо-восточной башне, находится небольшое углубление с плоской стороной, либо дверь, либо окно, и оно на 6 футов выше уровня двора. Если это дверь, то она, должно быть, служила для подъема запасов из лодки на мельничный поток, который протекает под ней.

Не сохранилось никаких следов регулярной сторожки этого двора, но часть центральной части западной стены была перестроена не лучшим образом и, вероятно, представляет собой вход. Скорее всего, этот вход был простым дверным проемом в занавесе без регулярной сторожки, подобно меньшим воротам в Белом замке. От этой точки слегка приподнятый проход, пересекающий двор, ведет прямо к центральной башне.

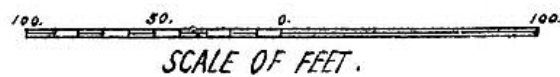
Стены довольно совершенны, но бойницы были удалены, а верхние этажи башен разрушены. Примечательно, что настенные башни не имеют лестниц, и в замке не видно ни настенных камер, ни садовников, ни, за одним сомнительным исключением, каминов. В качестве материала использован старый красный песчаник, как и зола. Качество работы - обычный, но довольно хороший бутовый камень, а раствор - грубо смешанный и свободно используемый. Мельничная канава и Муннов, расположенный сразу за ней, образуют оборонительные сооружения на северном фронте. Вдоль трех других фронтов проходил широкий и глубокий ров, вытекавший из реки и теперь засыпанный. Так как земля внутри стен на 6-10 футов выше, чем снаружи, они в значительной степени являются укреплениями. По внешнему виду ясно, что первоначально крепость представляла собой возвышенную платформу, в центре которой находился курган, а вокруг него - мокрый ров, весь, несомненно, сильно укрепленный.

ЗАМОК СКЕНФРИТ.

SKENFRITH CASTLE.

- A The Keep.
- B The Probable Entrance.
- C Ancient Ditches.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. Лондон.

1. Замок.
2. Вероятный вход.

3. Древние рвы.

Ни в плане, ни в деталях сооружения нет ничего норманнского. Необычная форма площадки может быть всего лишь размещением в правильных линиях нерегулярного земляного полотна. Если бы она была римской, платформа вряд ли была бы приподнята. Крепостная башня - явно раннеанглийская, времен короля Иоанна или Генриха III. Окружающие стены и башни относятся к тому же времени.

История Скенфрита неясна, но очевидно, что он был построен просто для размещения небольшого гарнизона, а вовсе не как частная резиденция. На территории нет никаких следов зала, часовни или кухни. Не видно никаких линий фундамента, и какие бы жилища ни были возведены, они, вероятно, были деревянными, с крышами, упирающимися в стену.

Говорят, что во время прихода норманнов в этот район Скенфрит принадлежал Баху, сыну Кадивора ап Гвэтууда, который, как считается, является родоначальником нескольких семей в Монмутшире и Восточном Гламоргане, и который или его отец, вполне вероятно, получил его во время победоносной кампании Карадока-ап-Гриффита в 1065 году. В Трубном списке первого года правления Иоанна указано, что замки Скенфрит, Ллантейло или Белый замок, Кинтон и Ледбери принадлежали королю; а в 1205 году (5 Иоанна) он пожаловал Скенфрит, Ллантейло и Гросмаунт Уильяму де Бреосу, чтобы тот владел ими так же, как раньше ими владел Хуберт де Бург, а Джеффри, графу Эссекса, было разрешено получить 20 марок, которые он заплатил де Бургу за их укрепление. Вероятно, именно к этому времени относится нынешняя каменная кладка. Джон де Монмут, могущественный местный барон, имел некоторые права на эти замки, что было признано королем; тем не менее, в 1219 году де Бург получил приказ о захвате трех замков, утраченных в результате дезертирства Уильяма де Бреоса. Наследником Уильяма был Реджинальд де Бреос, который был нездоров; он не согласился с решением королевского суда. В 1220 году они перешли во владение де Бурга. В 1223 году королю довелось послать гонца в Скенфрит, а в 1224 году шерифу Херефорда было приказано отправить де Бургу 2 000 кворков (головки болтов для арбалетов), и на протяжении всего беспокойного царствования Генриха III эти замки продолжали иметь большое военное значение. Во время заселения Уэльса его сыном им, вероятно, было позволено разрушиться. Вместе с большей частью окрестных владений Скенфрит в конце концов отошел к герцогству Ланкастерскому. Еще во времена Якова I местное жюри представило его как "разрушенный и обветшавший, давно ушедший из памяти человеческой".

В нескольких ярдах к западу от замка стоит приходская церковь, содержащая несколько фрагментов раннеанглийской или раннедекоративной архитектуры. В ней находится алтарная гробница, в которой в своеобразном фокусе изображены Джон Морган, умерший 2 сентября 1557 года, и Энн, его жена, умершая 4 января 1564 года. По бокам гробницы расположены рельефные фигуры. Гербовые знаки: по четвертям, 1 и 4, Барри из 9, на шести эскулапах, 3, 2, 1, столько же грозных львов, 2 и 3, три башни, в номбриле круг. Очевидно, это герб Сесилов, и он указывает на связь, на которую претендует эта семья с Уэльсом. В другом щите на шевроне изображены три веточки, между которыми три наконечника копий; на гребне изображена рука, схватившая... Считается, что Джон Морган был родом из Уэйна, в этом приходе.

ДРЕВНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ САУТГЕМПТОНА.

В верховьях залива, известного как Саутгемптон-Уотер, между двумя его главными притоками - Тестом или Антоном и Итченом - находится значительный выступ или язык гравия, который, таким образом, с трех сторон ограничен водой и представляет собой позицию значительной природной силы, тем более ценную, что она выходит на прекрасный рейд, имеющий остров Уайт в качестве волнореза. Кто впервые занял это место, неизвестно. Биттерн, несомненно, римская станция под названием Клаузентум, находится почти на две мили дальше по течению Итчена и на противоположном берегу. Даже происхождение нынешнего названия города является предметом споров. Антон представляет собой заманчивый источник, но наиболее вероятным кажется, что название означает просто "город южного жилища", в отличие от Нортама, места, расположенного недалеко от римской станции. Конечно, название не имеет отношения к Нортгемптону.

"Хамтуншир" упоминается в "Саксонской хронике" в 755 году н.э., и этот город был саксонским населенным пунктом, где чеканили деньги во времена правления Ательстана и который время от времени грабили датчане. Канут удерживал его, а его эксперимент с наступающим приливом, как говорят, был опробован в Саутгемптонской воде.

Саутгемптон упоминается в Domesday, и норманны считали его удобным портом как для военных, так и для торговых целей. Его посещали и поддерживали монархи Плантагенетов, которые собирали здесь свои войска и отправлялись в Нормандию. Поэтому город был укреплен с раннего периода, как по саксонской, так и по норманнской моде.

Стены окружали примерно прямоугольное пространство, в среднем 370 ярдов к востоку и западу, 770 ярдов к северу и югу, но в реальности его окружность составляет около 2 200 ярдов, или 1¼ мили. Эта территория разделена в продольном направлении главной улицей, но западная часть больше, отчасти потому, что на ней находится более древний замок, а отчасти из-за неровного выступа на так называемом "оловянном берегу". Северные и южные ворота выходили на главную улицу. Были восточные и западные ворота, но не напротив друг друга, и дороги не были крестообразными. Нет никаких оснований приписывать умеренно прямоугольному плану римское происхождение. Вероятно, он был продиктован общим рисунком земли.

Поверхность территории колеблется от 15 до 35 футов над уровнем моря. Северная половина выше южной, западная - восточной. Самая высокая земля, таким образом, находится в северо-западном квартале, где находился замок.

Вследствие этого стена этого квартала на западе упирается в обрывистый берег и представляет собой укрепление высотой 30 футов, тогда как в других местах стена построена почти на ровном месте или, в лучшем случае, не выше 3 или 4 футов с внутренней стороны, чем с внешней. Кроме замка, здесь нет значительных земляных сооружений, и поэтому нет оснований относить оборону города к периоду, более раннему, чем приход норманнов.

Однако земляные работы на территории замка весьма значительны. Естественная возвышенность была изрезана рубцами, расчищена и несколько приподнята, а вблизи центра территории самая высокая точка была окружена круглым рвом, содержимое которого, высыпаясь внутрь, превращало приподнятую платформу в искусственный курган. Это, без сомнения, была саксонская крепость.

Прямоугольная площадка также была хорошо защищена. На западном и южном фронтах у подножия стены почти вплотную примыкало море. На востоке вдоль подножия стены

проходил широкий и глубокий ров, полностью искусственный, но частично, по крайней мере, допускающий выход к морю, который отделял город от полосы более низкой земли, склоняющейся к Итчену, где сейчас находится важный пригород. Вдоль северного фронта через хребет был прорыт ров, также искусственный, но, как утверждается, на глубину, позволяющую заполнять его с моря. Поскольку глубина рва должна была составлять около 40 футов при соответствующей ширине, эта традиция, вероятно, является преувеличением.

Северная и восточная стены, наименее затронутые неровностями земли и почти прямые, имеют длину около 318 и 790 ярдов. Южный и западный фронты изогнуты и изломаны в соответствии с особенностями местности и составляют около 320 и 650 ярдов. Юго-западный угол в значительной степени закруглен. Из ворот сохранились северные, или Баргатские, ворота; восточные ворота убраны; шпорные ворота остались; южные, или Водяные, ворота убраны; западные ворота и постерн сохранились; Биддлс, или Уздечные ворота, исчезли; Водяные ворота замка закрыты.

Настенные башни в основном были барабанными или полукруглыми. Северный фронт фланкируют две барабанные башни, к западу от бара - одна, а к востоку от него - две полукруглые. На восточной стене, к северу от восточных ворот, была одна, а к югу от нее - шесть, из которых сохранилась одна полукруглая и одна прямоугольная. У юго-восточного угла южная стена была продлена на восток в виде башни, перекрывающей ров; она сохранилась. На южной стене было шесть башен, включая южный фланг проходной башни, а на противоположном фланге - башню Бугле. Все башни, кроме одной, полукруглые. На западной стене было много контрфорсов и мало башен. Одна из них находилась там, где южная стена замка соединялась с городской стеной; а у северного конца стоит прекрасная полукруглая башня - дополнение.

Если перейти к деталям, то северные ворота, называемые Баром, представляют собой большое красивое сооружение, шириной около 60 футов и глубиной 60 футов в центре. Они состоят из двух ступеней, пронизанных центральным и двумя боковыми проходами, и содержат наверху камеру длиной 52 фута и шириной 21 фут, используемую для общественных нужд. В каждом крыле есть лестница. Та, что на востоке, старая, а та, что на западе, возможно, была таковой. Боковые проходы - современные. Они сообщаются с центральным проездом двумя поперечными арками с каждой стороны, две из которых, расположенные на севере, являются оригинальными и, вероятно, вели в фланкирующие башни. Осмотр центрального прохода показывает, что первоначальные ворота были поздними норманнскими; по крайней мере, установленный там портал с круглой головой, вероятно, выполнен в этом стиле, хотя и имеет скорее декоративный аспект. Затем в раннедекоративное время были добавлены две смелые полукруглые фланкирующие башни, которые сохранились до сих пор. В это время, вероятно, была перестроена задняя часть, вставлены четыре окна и центральная ниша, расширена палата совета и, вероятно, добавлена восточная лестница. В норманнской сторожке было верхнее помещение, от которого сохранилась круглоголовая дверь с листовым верхом. Затем, в эпоху Перпендикуляра, к фасаду был добавлен смелый выступ, три стороны восьмиугольника. Ворота, выдвинутые таким образом, фланкированы двумя смелыми узкими контрфорсами, которые поднимаются к очень смелому кронштейну, имеющему шесть машикулей в центральной части и по три в каждой из косых боковых. Бастионы имеют хорошую перпендикулярную форму и обращены тылом к городу; одна амбразура занята сигнальным колоколом. Эти ворота сильно пострадали от реставраций. Задние проемы, арки и окна, были переделаны, но они сохранили многое от своего старого типа и имеют декоративный

вид. Главный проход был вырублен и расширен, а желобки порткуллиса исчезли. Когда столетие назад был засыпан ров впереди, все следы разводного моста были утрачены. Судя по всему, раньше здесь располагалась тюрьма, а любопытные поперечные арки были частью ее устройства.

К западу от бара сохранилась большая часть стены, но она настолько заслонена домами, что их не видно. В сорока шести ярдах от ворот находится полукруглая башня, за которой стена тянется по прямой линии до башни Арундел, названной так в честь сэра Джона Арундела, раннего губернатора. Это барабан диаметром 22 футов, который закрывает северо-восточный угол города. Высота этой башни составляет от 50 до 60 футов, и, похоже, она возвышается из прямоугольной массы каменной кладки, возможно, добавленной для ее укрепления. Здесь внутренний уровень на 30 или более футов выше внешнего, что, несомненно, является частью старых земляных работ.

Продолжая идти вдоль западной стены, на расстоянии 763 ярдов находится смелая полукруглая башня, диаметром 20 футов и высотой 30 футов, из отличного грубого пепла, со смелой обработкой на уровне соседней куртины. Это башня Катчколд. Построенная на берегу, она выглядит массивной или похожей на бастион, но говорят, что она полая, хотя как именно, неизвестно. Эта башня с прилегающей стеной на несколько футов, очевидно, является перпендикулярным дополнением к стене, которая, по-видимому, была украшена. За башней находится современная лестница, поднимающаяся на 30 футов к вершине стены, которая является общей как для города, так и для замка. Затем стена уходит вперед по косой, вероятно, для того, чтобы в нее можно было включить земляные сооружения замка. По сути, она является норманнской. Солиент увенчан прямоугольным контрфорсом, полые углы которого с каждой стороны пересекают низкие остроконечные арки, пробитые в виде гардеробов, как в Порчестере. Эта башня с контрфорсом относится к декорированному периоду.

Далее следует около 134 ярдов прямой стены, вероятно, норманнской, высотой около 38 футов, засыпанной до вершины землей. На ней небольшой прямоугольный контрфорс отмечает стык северной стены замка с городской стеной. Далее находятся пять прямоугольных контрфорсов разных размеров. Три первых, очевидно, являются дополнениями к норманнской стене, остальные, по-видимому, оригинальные. Часть стены здесь разделена на две ступени смелой горизонтальной бусиной. Внизу находятся два узких окна с проемом около 18 дюймов, напоминающие большие петли, которые, похоже, имели квадратные головы. Выше - следы двух окон, по-видимому, с круглым верхом. Должно быть, здесь была внутренняя камера, ныне закрытая. Центральный контрфорс широкий и плоский, и здесь находятся следы старых водных ворот замка, к которым, должно быть, вели ступени, так как высота земли за ними превышала 30 футов. Ближе к северу от этих ворот находится большая сводчатая камера, пристроенная к городской стене и ныне закрытая. Эта часть стены заканчивается прямоугольным выступом, вероятно, корнем башни, и обозначает место соединения южной стены замка с городской стеной.

Отсюда стена низкая и тонкая на протяжении примерно 33 ярдов, отмечая конец крепостного рва и выходя за пределы регулярной линии, несомненно, перестроенной в современное время. На возвышенности замкового контркарпа находится корень другой квадратной башни, отмечающей начало регулярной городской стены, которая затем поворачивает внутрь, чтобы защитить Биддлз или Уздечные ворота.

Эти ворота, ныне демонтированные, открывались в крутой и довольно узкий подъем под названием Симнелл-стрит, из которого с северной стороны открывается Касл-лейн, как полагают, представляющий собой старый вход в замок.

У Биддлс-гейт начинается очень любопытная часть стены, которая до самого юга, чуть дальше почтового ящика "Голубой якорь", не похожа ни на одну из известных в Англии. Первоначальная стена, высотой около 30 футов и толщиной 4 фута, с почти ровной почвой внутри и снаружи, похоже, служила не только для городской стены, но и для стен нескольких жилых домов внутри нее, двери и окна которых видны в стене, хотя сейчас закрыты. Эти проемы свидетельствуют о том, что стена была норманнской, причем довольно раннего периода. Эта стена не была признана достаточно прочной для целей обороны, и к ней с внешней стороны была пристроена вторая стена, также толщиной в 4 фута. Но эта вторая стена была построена, как акведук, в виде аркады, на высоких и тонких опорах, шириной около 2 футов 2 дюймов, от которых на высоте 10 футов 6 дюймов отходили арки, в основном полукруглые, но некоторые заостренные, а две очень плоские и, вероятно, гораздо более поздние, над которыми возвышался парапет. Пролет арок составляет около 12 футов. В результате вал увеличился до 5 футов, парапет - до 2 футов, а задняя стена, вероятно, до 1 фута. Конечно, аркада, расположенная таким образом, давала большое укрытие для тех, кто нападал на стену извне; но чтобы избежать этого, между аркой и стеной, пока опоры касались стены, оставлялось пространство, подобное тому, что бывает у порткуллиса, - проход шириной около 2 футов, через который любого, кто стоял у основания стены, можно было эффективно достать ракетами или длинной пикой. Сохранилось восемнадцать арок этой аркады. Такое расположение очень любопытно и, как предполагается, необычно. Эта маска или внешняя стена может быть поздней норманнской, но, возможно, ранней английской. Пирсы сильно мешают более ранним дверям и окнам. Высота стены, где она двойная, составляет 35 футов. За частью стены видны следы какого-то здания.

Отверстие, пробитое сквозь стену во двор Блю Анкор, показывает заднюю часть стены, а чуть дальше к югу находится постэрн Блю Анкор - оригинальный арочный проем в стене, который был сильно изрезан и расширен, но от которого до сих пор сохранилась погоня с порткуллисом, сработанная из бойниц, как в Фишергейт, Йорк. От ворот в город ведет очень крутой, извилистый узкий переулочек, между линиями старинных домов, из которых два, по одному с каждой стороны, рядом с воротами, являются норманнскими. Оба они любопытны, но тот, что на южной стороне, особенно. Это оболочка норманнского дома, возраст которого соответствует возрасту более старой части стены. В народе его называют дворцом короля Джона, но на самом деле это обычный норманнский частный дом, причем довольно совершенный. Главная комната находилась на втором этаже. Крыша исчезла, но дверь и окна остались. Они соединены, небольшие, круглоголовые, разделены короткой колонной со слегка скульптурной капителью. Пространство внутри стен составляет 43 фута на 45 футов. Здесь находится хороший нормандский камин, с колпаком и фланкирующими колоннами. В южной и части восточной стены находится настенная галерея. Дом на северной стороне переулочка имеет размеры 44 фута на 15 футов. Хороший вид на городскую стену и план двух домов есть в книге Паркера "Внутренняя архитектура двенадцатого века", стр. 34.

К югу от почтового ящика стена перестает быть двойной, она вся относится к одной дате и имеет толщину около 6 футов. В этой части находится плоская прямоугольная башня с настенными контрфорсами, сильно заваленная домами, но ее южный полый угол пересекает приземистая арка, несущая садовую ограду. Рядом с ней находится высокий остроконечный дверной проем, очевидно, вставной, длиной 24 фута, ведущий в Коллис-корт, а примерно в 60 футах дальше - западная сторожка.

Это идеальная и простая прямоугольная сторожка, 30 футов в глубину и 24 фута в ширину, без контрфорсов, вровень со стеной снаружи и сильно выступающая внутри. Ее пронзает высокий остроконечный свод, проем которого составляет 12 футов. Проход был сильно изуродован с целью его расширения. Недалеко от центра находился хороший углубленный дверной проем, профиль головы которого все еще прослеживается там, где он был грубо вырезан из стены. Между ним и внутренней стороной находятся два квадратных паза для портупей, а прямо внутри внутреннего входа - проход шириной 18 дюймов над головой арки. В своде, перед центральной дверной коробкой, находятся девять отверстий, около 4 дюймов в квадрате, три по линии венца и три вдоль каждого косяка. Последние сходятся к центральной линии.

На первом этаже сторожки находится камера с портупеей, а над ней - второй этаж. Открытая лестница с южной стороны ведет на башенку, откуда открывается дверь, вставная, в камеру с портупеей. Эти верхние помещения оштукатурены и оклеены бумагой, и в них ничего не видно.

К югу от этих ворот стена продолжается в довольно идеальном состоянии на протяжении 80 ярдов, и, наконец, была снесена и удалена. Ее можно проследить вплоть до полукруглой башни и остатков арки. Кроме того, линию стены можно проследить до башни Багл, расположенной в 180 ярдах от западных ворот и закрывающей юго-западный угол города.

Южная стена почти полностью разрушена, а фундамент либо удален, либо скрыт широкой и красивой набережной, которая теперь находится между основанием стены и морем. Этот фасад был более или менее выпуклым или, скорее, многоугольным, углы были увенчаны башнями с барабанами. Сохранились следы южной сторожки. В тылу этой части стены находится госпиталь Святой Марии Магдалины, а в Портер-Лейн - дворец Канута. Изображение южных ворот до 1784 года сохранилось у Гроуза. У них была низкая широкая арка в эдвардианском стиле, над которой возвышались смелые машикули, а с востока они были защищены длинной фланкирующей стеной, параллельной подходу к ним. Она была удалена в 1830-40 годах.

В сорока ярдах от южных ворот находилась еще одна полукруглая башня, а дальше стена шла прямо на восток на протяжении 83 ярдов, достигая юго-восточного угла города. В тылу этой части стены, на Винкл-стрит, находится "Дом Бога", нормандская церковь, ныне очень плохо отреставрированная и превращенная во французское протестантское богослужение.

У юго-восточного угла города, в конце восточной стены, находятся ворота, называемые "Ворота Божьего дома" или "Южные ворота", но их следует называть "Шпорные ворота", поскольку они открываются на сооружение такого класса. Эта сторожка прямоугольная, довольно простая, без контрфорсов, имеет два верхних этажа. Ее размеры составляют 28 футов в ширину и 23 фута в глубину, а южный конец выступает в виде низкого выступа из двух граней на южной стене, ныне удаленной. Проход сводчатый с высокой остроконечной аркой шириной 12 футов. Как и западные ворота, он имел центральный углубленный дверной проем, ныне сильно вырубленный, и два паза для порткуллиса. Свод перед дверью поддерживается двумя, а сзади тремя поперечными ребрами. В целом, по сути, эта сторожка напоминает западные ворота и относится к раннедекоративному периоду. Возможно, ее фасад был перестроен, когда была добавлена башня со шпорами.

Башня-шпора выступает с северной стороны входа в сторожку примерно на 80 футов. Она представляет собой нечто вроде возвышенной галереи или куртины, заканчивающейся прямоугольной башней площадью около 22 футов, с контрфорсами, закрывающими два восточных или внешних угла по диагонали. Она состоит из трех этажей и построена поперек

восточного рва, несомненно, для того, чтобы сдержать и защитить шлюз, сообщающийся с морем, которое первоначально протекало до стены башни. На северной и восточной сторонах видны большие арки, которые выглядят так, как будто здесь был проход для лодок; но, похоже, это были только строительные арки, предназначенные для того, чтобы перебросить вес здания на углы, которые, вероятно, заложены более глубоко, чем куртина. На северной стороне также находится большая современная арка - пережиток канала, который должен был проходить под башней. Шпоры и сторожка долгое время использовались в качестве колодца для невест. Все они до сих пор несут на себе следы этого унижительного занятия. Вся конструкция шпоры выполнена в хорошем перпендикулярном стиле. Леланд называет это южными воротами, а башню на шпоре - Кастеллетом. Гроуз приводит ее вид около 1770 года. От Шпорных ворот городская стена довольно совершенна до первой полукруглой башни, расположенной в 60 ярдах. От нее стену можно проследить на 35 ярдов до плоского контрфорса шириной 14 футов и глубиной 3 фута, от которого сохранилось несколько остатков. За ней, в 37 ярдах, находится прямоугольная башня, 30 футов шириной и 24 фута глубиной. Считается, что эти две башни были построены во времена Эдуарда VI. На самом деле они выглядят гораздо старше.

От этого места до северо-восточного угла башни стена была снесена, но ее линию можно проследить, частично по случайным фундаментам, частично по материалам, из которых были построены дома на этом месте, а частично по направлению переулка под названием "Back o' the Wall", который проходит вдоль ее задней части, и по параллельной дороге, которая идет вдоль контркарпа рва и называется "Canal Walk", от неработающего канала, который был проведен вдоль линии рва в начале нынешнего века.

Восточные ворота выходили на Ист-стрит и были снесены в 1772 году. Гроуз дает их чертеж и относит их возведение к 1339 году, 13 году Эдуарда III. Между этими воротами и северо-восточным углом находилась одна настенная полукруглая башня.

От башни Полнимонд, которая закрывает северо-восточный угол, сохранились значительные остатки. Это башня с барабаном в три четверти, диаметром около 28 футов. От нее до бара, 160 ярдов, сохранилась стена или ее часть, но она настолько загромождена зданиями, что недоступна для обычных посетителей. Здесь находятся остатки двух полукруглых башен, а также пролом в стене, называемый Йоркскими воротами, вероятно, представляющий собой почтовый ящик.

Восточный ров отмечен впадиной, частично вызванной каналом. Северный ров полностью уничтожен и застроен, а его ширина не зафиксирована и не была определена с помощью зондирования. Если Ганновер Билдингс обозначает его контркарп, то его ширина составляла 46 ярдов; если же, что гораздо вероятнее, его граница обозначена Холодной гаванью, то она составляла всего 24 ярда, что совпадает с шириной восточного фронта.

ЗАМОК.

Замок был, скорее всего, самым старым и, возможно, единственным пра-норманнским укреплением, связанным с городом. Он занимал почти всю северо-западную четверть обнесенной стеной территории и включал в себя самые высокие участки. В плане оно представляло собой неровный полукруг, хорда которого составляла 124 ярда от городской стены, а дуга - около 300 ярдов. Однако на юго-востоке территории имеется значительный холм диаметром около 45 ярдов, половина которого находится за пределами изогнутого *энсинта*.

Это и была крепость. Леланд называет его подземельем (donjon) и "славой замка". "Она", - говорит он, - "большая, справедливая и очень крепкая, как по работам, так и по месту расположения"; другие авторы описывают ее как возвышенный курган. Как обычно, при создании таких сооружений использовалась высокая земля, чтобы сделать из нее основание искусственной насыпи, окруженной глубоким и широким рвом. Замок, несомненно, построенный из каменной кладки, как и Арундел, возвышался над остальными сооружениями. От изогнутой стены *энсинта* сохранилась часть на севере. Она была построена на опорах площадью около 8 футов и на расстоянии 9 футов друг от друга, их соединяла арка с круглой головкой, стремящаяся к точке. Вершины этих арок возвышались над основанием опор примерно на 12 футов, и на них опиралась стена, на которой находился бастион. Арки были засыпаны землей высотой около 15 футов. Эта насыпь была удалена, чтобы позволить построить дома до стены, которая теперь, таким образом, стоит как римский акведук. Фундамент превосходный, так что этот план был принят исключительно для экономии материала и извлечения выгоды из старой насыпи. Неровности кладки указывают на высоту берега, над которым оставшаяся стена возвышается примерно на 4 фута. Приходится сожалеть, что этот любопытный кусок нормандской стены подвергся такому плохому обращению. От нее осталось около 90 ярдов, включая восемнадцать арок. Она упирается в Касл-лейн, где находились главные ворота замка, демонтированные в конце прошлого века.

За воротами стена была продолжена вверх по насыпи до крепости, а за ней - до южных ворот, откуда она продолжалась, пока снова не упиралась в городскую стену. Таким образом, как обычно, крепость находилась на *энсинте* и составляла его часть. От южных ворот, которые также были демонтированы в прошлом веке, извилистая дорога, начинавшаяся от стены, вела вниз на Симнелл-стрит, в нескольких ярдах от потерна.

Рядом с замком, на фоне городской стены и внутри нее, находится большой подземный склеп, ныне закрытый; судя по отверстиям в стене, к югу от него находился соответствующий склеп.

Вся территория замка высока, и большая ее часть стала еще выше: курган был понижен, ров частично засыпан, а вал, вдоль которого была построена стена, удален.

Если судить по материальным свидетельствам, полученным в результате осмотра работ, то можно предположить, что замок представляет собой саксонское или датское земляное сооружение, вероятно, самое раннее укрепленное место, и состоял из усеченной насыпи, круглого рва и земляного вала, окружавшего территорию, частью которой являлась насыпь или ее часть: все это образовывало бурх первого класса.

Норманны, вероятно, во времена правления Генриха I, обнесли замок и город прямоугольной стеной и вырыли восточный и северный рвы. Также замок был обнесен стеной, частично построенной на арках, а на плоской вершине кургана был установлен панцирный замок. К этому периоду можно отнести стену замка и большую часть западной стены города, а также два дома в переулке Синих Якорей.

Затем возникла необходимость укрепить городскую стену, и, вероятно, это было сделано в правление короля Джона, который, судя по всему, выделил горожанам 200 фунтов стерлингов из их фермерской ренты на ограждение города и утолщение стены, и, возможно, в это время было начато строительство западных и отрожных ворот.

Многое было сделано в укреплениях во время правления Генриха III или Эдуарда I. К этому времени, вероятно, относятся старые барабанные башни и большая часть стены, связанной с ними, а также углубление Баргата и добавление к нему фланкирующих башен.

Судя по всему, город подвергся нападению пиратов и был разграблен в октябре 1338 года 12 Эдуардом III, в связи с чем в следующем году он был укреплен. Южные и восточные ворота, возможно, были построены в этом году, как и башня со шпорами и ее галерея, если только последняя, вместе с завершением строительства Баргата, не является делом рук Ричарда II. Этот король, похоже, многое сделал для замка.

Свод, указанный на плане как расположенный на северной стороне Водяных ворот, в настоящее время полностью находится под землей, он построен на фоне и внутри наружной стены, а его пол находится примерно на уровне основания стены. Свод имеет размеры 55 футов 3 дюйма на север и юг, 19 футов 6 дюймов на восток и запад, а его высота составляет около 25 футов. Сэр Х. Энглфилд говорит, что он очень похож на часовню. Другие называют его комнатой для охраны водных ворот. Вряд ли часовня могла бы стоять на север и на юг, а караульное помещение, особенно такое большое, как бы оно ни было необходимо для главных ворот, было бы совершенно неуместно рядом с простым почтовым ящиком. Несколько недель назад в хранилище проникли через давно закрытое отверстие в западной стене, но писателю не удалось узнать, что там наблюдалось.

К югу от Водяных ворот находится или находился похожий склеп, на который указывают отверстия в стене, одно в 3 футах, другое в 1 футе от земли, оба давно заложены. Вероятно, эти два сооружения были подконструкциями двух зданий, которые составляли часть внешней стены и использовались для складов или подвалов.

Трудно слишком высоко оценить крупномасштабный план Саутгемптона, выполненный под руководством сэра Г. Джеймса, на котором линии старой стены и расположение других объектов древности показаны так, что не остается ничего другого.

ЗАМОК ТАМВОРТ, УОРИКШИР.

Замок Тамворт стоит на месте слияния Анкер и Тамэ, на правом берегу обеих рек, между городом и последней рекой, и недалеко от моста Святой Марии. Он занимает место у восточного конца южного, или речного, фронта старого города, очертания которого до сих пор обозначены берегом и рвом, что свидетельствует о том, что в плане он представлял собой параллелограмм, одной стороной упирающийся в Тамэ, а восточный конец защищался Анкером. Низменность в районе слияния рек, широкие луга на левом берегу Тамэ напротив и по обоим берегам ниже города, в естественном состоянии представляющие собой глубокую трясину, должны были сделать это место почти недоступным с восточной, южной и западной сторон; и, несомненно, это привело к тому, что в очень ранний период оно было превращено в безопасное место жительства.

Поскольку земля поднимается от реки, город и его величественная старая церковь занимают места, расположенные гораздо выше, чем замок, и которые, должно быть, всегда были сухими и воздушными и, следовательно, благоприятными.

Линия городской обороны с восточной стороны известна как Королевский ров, что, как предполагается, связано с мерсийским Оффой. Несмотря на то, что она не имеет четких

очертаний и занята под питомник, она ни в коем случае не стерта с лица земли, и ее можно проследить почти от Анкера ниже Болебриджа на протяжении примерно 300 ярдов на север. Она состоит из приподнятого берега, который образовывал террасу за стеной или частоколом, рва, более или менее заполненного, и за ним склона, представляющего собой ледник, или пространство за пределами работ, которое с самого раннего периода было принято держать чистым от покрова. Ширина берега и рва составляет около 45 футов. Рыночная улица пересекает линию обороны, и, будучи старой, вероятно, была пересечена сторожкой. На ее северной стороне сохранились слабые и неопределенные следы каменной кладки. Дальше к северу современная дорога открывает хороший участок берега.

Эта сторона соединяется с северным фронтом под прямым углом, внутри которого находится своего рода бугор, запомнившийся как несколько больший, и который выглядит так, как будто обозначал место настенной башни, или, возможно, кавалерийской или небольшой горы.

Оборонительные сооружения северного фронта проходят по дороге Личфилда и Полесворта и прослеживаются почти до перекрестка с Секкингтоном. За ней линия, ныне застроенная или обнесенная стенами садов, была прослежена Дагдейлом вдоль фронта общей протяженностью 400 шагов, до горы, отмечающей северо-западный угол, от которой линия проходила под прямым углом на юг к реке. Таким образом, город был окружен территорией примерно 300 ярдов на 400 ярдов. За пределами западного фронта земля быстро опускается к лугам, среди которых на берегу реки, прямо за городом, находится Рванный дом, старинная резиденция Комберфордов, до сих пор сохранившаяся во всей своей сырости, хотя ров был засыпан.

Главный мост, перекинутый через реку Там, недалеко от замка, известный как мост Святой Марии или Леди, построен в современном стиле. Он сменил средневековую конструкцию, изображенную на пластине Шоу в 1780 году, предшественником которой, вероятно, был мост или, возможно, брод саксонских времен. Во времена Лиланда на камне, установленном на нем, был изображен герб лорда Бассета из Дрейтона.

Боу, или Болебридж, пересекает Анкер и ведет к деревушке Болехилл и к Нунитону.

Церковь представляет собой крупное сооружение значительных достоинств, содержащее некоторые норманнские работы, очевидно, когда-то связанные с центральной башней, в которой можно увидеть следы кладки из селечных костей. К востоку от нее находятся руины, известные как деканат, часть которого, похоже, также относится к норманнскому периоду. Рыночная площадь, хотя и сильно измененная, представляет собой раннее место, отведенное для торговых целей.

Тамворт не имеет исторических претензий на британское или римское происхождение. Бритты называли бы его по меньшему ручью. Самое раннее упоминание о нем содержится в записях народа, на языке которого он назван. Оффа, король Мерсии, в грамоте 781 года н.э. объявляет себя "Ego Offa rex, sedens in regali palatio in Tamoworthige", что свидетельствует о его отличии в то время и делает вероятным, что он имел более раннюю историю. Ценвульф датирует грамоту 816 года н.э. "In vico celeberrimo qui vocatur Tomoworthig", а другие королевские грамоты датируются 841 и 854 годами. Таким образом, в восьмом и девятом веках он уже был королевской резиденцией и местом знаменитостей.

Датчане опустошили его вместе с большей частью Мерсии в начале X века, а в 913-14 гг. н.э. он был восстановлен Этельфледом,

Elflæda potens! O terror virgo virorum!

дочь Альфреда, сестра Эдуарда Старшего, основательница Татбери, Уорика и многих других известных саксонских мест силы. Считается, что именно она возвела курган и разместила на его вершине свою резиденцию. Она умерла здесь в 918-22 гг. н.э.

Замок и половина города находятся в графстве Уорик; другая половина и церковь - в Стаффорде. В Domesday замок не упоминается.

После завоевания Тамворт стал собственностью Роберта Мармиона, который, по-видимому, укрепил его, как укрепляли земляные сооружения в Нормандии, и сделал его достаточно прочным, чтобы через некоторое время он стал неприятным для короля Иоанна, который в 1215-16 гг. приказал его разрушить. При Генрихе III его владыкой был другой Роберт, а Филипп Мармион умер, завладев им в 1291-92 годах. От Мармиона он перешел к Фревиллю, затем к Феррерам, потом к Энн Феррерс, в конце семнадцатого века перешел по браку к дому Ширли, от которых через Комптона перешел к Тауншендам, представитель которых, маркиз Тауншэнд, является шестнадцатым бароном Феррером по указу 1299 года и владельцем замка Тамворт, а граф Феррерс, наследник Ширли, является виконтом Тамворта по созданию 1711 года.

Со времен норманнского завоевания до 20 года Эдуарда I замок переходил по наследству через пять поколений Мармионов; с этого времени до 7 года Генриха V - через шесть поколений дома Фревилей, а с этого времени до 1680 года - через одиннадцать поколений фамилии Феррерс; всего было двадцать два лорда с момента завоевания до 1680 года. Король Джеймс и принц Чарльз останавливались здесь в 1619 году.

Замок состоит из кургана, платформы, зданий на кургане, куртины, поднимающейся к нему, и остатков сторожки.

Курган полностью искусственный, высотой около 50 футов, круглый, диаметром около 100 футов на плоской вершине. Его стороны находятся на естественном склоне из смешанной сухой земли и гравия, *обломков* нового красного песчаника района; его основание может быть примерно на 12 футов выше реки.

К юго-востоку от кургана находится треугольная платформа, также более или менее искусственная, и возвышающаяся над рекой примерно на 15 футов. Одна ее сторона прямая и обращена к воде. Та, что находится на востоке, в настоящее время представляет собой полый изгиб и, очевидно, была сохранена стеной, на фоне которой она образовывала террасу. Эта сторона простирается на север до разрушенной сторожки, признаки которой показывают, что часть платформы была удалена, и что первоначально она простиралась на несколько ярдов на восток до нынешней пивоварни; так что эта сторона, несомненно, была прямой, а не, как сейчас, вогнутой.

Третья сторона, или гипотенуза, платформы прилегает к кургану и частично окружает его, поэтому она вогнута; между ними находится ров. За исключением этой "долины возвышения", у подножия кургана нет никаких следов рва.

Ниже южного фасада, между ним и рекой Таме, и недалеко от моста Святой Марии, находится мельница замка, перестроенная в новейшее время. Она работает от реки Анкер, которая, огибая юго-восточную часть замка, служит мельничным каналом. Над мельницей,

между каналом и линией стены, находится узкая полоса земли, сейчас это сад, а когда-то, вероятно, пастбище под крепостной стеной.

К северу от платформы от сторожки вверх по кургану идет куртина, с вершиной которой ее верхняя часть находится на одном уровне. В плане эта стена угловатая, или слегка выпуклая, по отношению к внешней или городской стороне. Ее толщина составляет 10 футов, вал - 7 футов, парапет - 2 фута, репер - 1 фут. Вал, или аллюр, был, вероятно, единственным путем из сторожки на вершину кургана. Он плавно поднимается вверх, но не имеет ступеней. Его высота в центральной части составляет около 20 футов, а заканчивается и начинается он на пустом месте. Она сложена из селедочных костей, из плоских камней, уложенных наискосок, каждый ряд отделен горизонтальным слоем, иногда одинарным, иногда двойным, из мелких камней, похожих на плоскую гальку. В самой глубине насчитывается двадцать один ход. Кое-где поверхность залатана, но в целом стена находится в своем первоначальном состоянии, очень грубом, но безупречном. Стыки очень открыты. Внешняя сторона менее совершенна, к тому же ее скрывают неуклюжие контрфорсы, возможно, тюдоровской или более ранней эпохи. Структура "селедочная кость" не видна в стене, которая, вероятно, является реставрацией, но она появляется в переднем парапете на фут или два выше вала. Это очень примечательная стена, и ее следует сфотографировать в деталях.

Продолжение стены к верхнему домику или сторожке со стороны города частично старое, но более позднее, чем куртина. Сама сторожка в основном современная, но частично старая; с ней связаны остатки арочного косяка и желобка портупеи, вероятно, следы главного входа в замок. Эти ворота ведут по короткой дорожке на рыночную площадь. Нижний домик, или вход со стороны моста, был построен в 1810 году и вместе с прилегающей к нему стеной полностью относится к этому времени.

Курган увенчан многогранной стеной толщиной около 9 футов и высотой от 30 до 40 футов. Эта стена частично очень старая. Основание поддерживается современной облицовкой, которая значительно портится и имеет высоту около 2 футов; но выше этого уровня, на протяжении 6 или 8 футов, работа представляет собой открыто соединенный бутовый камень, с камнями большого размера и неправильной формы. Кронштейны, однако, из ясеня, грубого, но прочного. Выше этого уровня, до высоты вала, стена, похоже, была перестроена в ранние времена в более совершенной манере, но как будто старая работа была оставлена там, где она была в порядке, так что они сильно переходят друг в друга.

Верхние 10 футов стены, весь парапет, кажется, еще более позднего времени. Она украшена зубцами и иногда петляет на уровне вала. В юго-западной четверти находится петля на высоте около 6 футов от земли, и еще две петли выше, все они, очевидно, относятся к возрасту стены, и, находясь рядом с колодцем, вероятно, освещали служебные помещения. Эта стена сильно затенена плющом. Она была существенно изменена в двух местах: с южной стороны полностью перестроена на протяжении нескольких ярдов, чтобы сформировать внешнюю стену южных частных апартаментов, а с противоположной стороны в то же время вставлено несколько больших окон позднего Тюдора, чтобы осветить северные апартаменты. Под последними находятся три тяжелые каменные конструкции, поддерживающие балконы. Один из них несколько более ранний и лучше по дизайну, чем остальные.

В контуре стены, на юге, и с видом на куртину возвышается башня площадью 24 фута и выступающая из стены на 5 футов. Ее углы внутри просты, а те, что снаружи, обрамлены двумя узкими пилястрами, оставляющими свободный угол между ними. Эти полосы поднимаются примерно на 20 футов и неуклюже переходят в своего рода восьмиугольник,

который на вершине башни становится цилиндром, что и видно на крышах. Впрочем, они могут быть и переделкой. Высота башни составляет около 40 футов, а толщина стен - 7 футов. Она несколько покосилась. На ее внешней стороне находятся два окна эпохи Тюдоров, а примерно на полпути вверх - струнный ход, остановленный пилястрами, который в центре возвышается в виде полукруглой капли, вероятно, когда-то возглавлявшей нормандское окно. Эта башня сложена из бутового камня, датируемого датой постройки стены, с пилястрами из ясеня. В ее внешней стене имеется очень серьезная трещина, которая, похоже, становится все больше.

В нескольких футах к югу от башни, а значит, близко к подъему занавеса, находится дверной проем в кипер. Он небольшого размера, с равносторонней аркой, простыми квадратными косяками, продолженными до арочной лепнины, которая очень простая, угол только закруглен. Наличник, если он и был, заплесневел. Этот дверной проем пересекает стену довольно косо. Внутренний фасад имеет ребристую головку, а возле пружины на ней вырезаны два лица. Нет ни паза для портупей, ни большого отверстия для засова. Защита была одностворчатой.

Между дверью и башней в ранний период был выстроен своеобразный фронтон, возможно, для защиты подходов. В настоящее время он имеет петлю в подвале и два тюдоровских окна наверху, а над ним возвышается небольшой фронтон той же даты.

Вокруг основания стены находится терраса шириной около 10 футов и высотой 8 футов, возвышающаяся над склоном кургана. Подпорная стена частично старая, и поддерживается короткими крепкими контрфорсами, по-видимому, декорированными. Эта стена была подлатана, а местами и перестроена в эпоху Тюдоров и позже, а ее низкий парапет, обрамляющий стену, в основном современный. Что это было и когда было построено, точно неизвестно. Возможно, он представлял собой низкий парапет, своего рода хемисет, защищающий основание крепостной стены и предназначенный для дополнения рва у подножия насыпи. В прошлом веке его пересекала с южной стороны стена с воротами, но, вероятно, она не была первоначальной.

Далее следует описание зданий внутри оболочки. Вход находится под своеобразной сторожкой, датируемой временем постройки других зданий, с правой стороны которой находится двор башни, а с левой - небольшой двор, одной из сторон которого является внешняя стена, а в ней - небольшой дверной проем, откуда по настенной лестнице, извиваясь вместе со стеной, поднимаются на бойницы. Внутренний вход, ведущий в личные апартаменты и зал, представляет собой довольно сложный дверной проем в стиле Якова I. Он открывается в проход или вестибюль, где справа находится большой зал, слева - маслобойня, или современная комната экономки, а впереди - путь на кухню.

Зал расположен с севера и юга и занимает почти всю центральную часть корпуса. В каждом его конце расположены отдельные апартаменты, не имеющие прямого сообщения, кроме как через зал. С восточной стороны находится башня и башня-корт, с западной - кухня и кухня-корт.

Зал имеет размеры 40 футов на 20 футов, почетный северный конец. Входная дверь находится в середине южного конца. Северный конец пустой. С восточной стороны примерно южную половину занимает большое дубовое окно-рама с квадратными проемами, застекленными, достигающими примерно 5 футов в высоту до карниза крыши и выходящими на башню-куртину. В той же стороне в северном конце находится дверь, ведущая по лестнице в северные апартаменты и башню. На западной стороне, в центре, находится

большой камин, к северу от него - окно, похожее на другое, но меньшего размера, а к югу - дверь, выходящая на лестницу, ведущую в южные апартаменты.

Крыша зала - ажурная, поддерживаемая двумя отдельно стоящими и двумя задействованными главками, по одной на каждом фронте. Каменный пол в последнее время был заменен дощатым. Три дверных проема - круглоголовые, эпохи Якова I. Вид зала мрачный, крыша тяжелая и неумелая, окна некрасивые, а стены тонкие и кирпичные. Здесь есть четыре хороших канделябра из кованого железа высотой около 6 футов.

Южные апартаменты на цокольном этаже, за исключением упомянутых, являются частными. На втором этаже находятся библиотека и гостиная, а также одна или две частные комнаты. Библиотека обшита дубом до карниза, а вдоль верхнего яруса панелей нарисованы Феррерс и его спички. Камин очень красив, а над ним - большое, вырезанное из черного дуба, изображение Феррерса с его четвертованием, гербом, сторонниками и девизом. В гостиной, также отделанной панелями и более просторной, есть хороший камин. Каждая комната имеет большое тюдоровское окно на юг и очень жизнерадостна. Второй этаж не показан.

Северные апартаменты находятся между залом и северной стеной, в которой пробиты окна. Цокольный этаж состоит из подвалов, расположенных на уровне земли и выходящих из башни и кухонных дворов. На втором этаже находится большая гостиная и две боковые комнаты меньшего размера. Все они разобраны, лишены обшивки и находятся в состоянии упадка. На втором этаже находятся спальни, которые также не используются. С этого этажа открывается дверь на вал стены *энсинта*, где видно, что ее толщина составляет 7 футов, а высота парапета - около 10 футов. Ниже находится кухня-кухня, а у стены можно увидеть наклонный стол с водой, обозначающий крышу, вероятно, ранней кухни. В другом конце эти помещения сообщаются с башней, полы которой разрушены. В подвал башни можно попасть со двора. Лестницы здесь прямоугольные, и каждая ступенька представляет собой тяжелое дубовое бревно.

Между залом и западной стеной находится кухня, оборудованная современной крышей и техникой, но, несомненно, на старом месте. В одном конце ее находится колодец диаметром около 5 футов, облицованный ясенем и спускающийся до уровня реки. В другом конце находится кухня-кухня, в которой виден закрытый дверной проем, ведущий в подвал северных апартаментов. Возможно, он относится к декорированному или раннеперпендикулярному периоду.

Глядя на прямоугольные и продолговатые очертания оборонительных сооружений, перекрестки дорог и расположение с одной открытой стороны на реке, трудно не считать Тамворт римским по происхождению или образцом римской оккупации. Икнилд-стрит, идущая из Бирмингема в Личфилд, проходит, правда, не ближе к Тамворту, чем Уолл, древний Этосетум, на расстоянии шести миль, где ее пересекает Уотлинг-стрит; но эта последняя, направляясь в Атерстоун или Мэнсеттер, проходит через Фейзли, всего в миле к югу от Тамворта; и если бы не значительный угол у Уолла, она прошла бы прямо через город. Тем не менее, о римских городах обычно свидетельствует история или традиция, или остатки римской кладки, или предметы домашнего обихода, а здесь эти свидетельства, похоже, полностью отсутствуют.

Но каково бы ни было происхождение прямоугольного берега и рва, можно не сомневаться, что курган и платформа замка - дело рук Этельфлаэда или ее саксонских предшественников, одна из которых служила опорой для обычной деревянной крепости саксонских тэнов, а другая - для хижин и сараев их прислужников и скота. Вероятно, ров включал в себя и курган, и платформу с трех сторон, выходящих на сушу, и оба они, а также речной фронт были

укреплены частоколом. Поскольку о городских стенах не упоминается, несомненно, подобная оборона покрывала берег по всему периметру. Хорошо известно, что такое расположение было обычным как в Нормандии, так и в Англии в столетия, предшествовавшие Завоеванию, а хороший и гораздо более ранний местный пример был дан римлянами в Уолле, где несколько лет назад палисады были обнаружены сохранившимися в болоте, которое составляло их оборону спереди.

Норманны, по-видимому, начали со строительства ограждающей стены, оставшаяся часть которой, безусловно, является норманнской, вероятно, ранней и более древней, чем замок. Вероятно, сначала домашние постройки находились под двором у подножия насыпи; затем, по-видимому, крепость была заполнена зданиями. Главный вход, очевидно, находился в верхней сторожке со стороны города.

Навесная стена не может быть намного позже Завоевания. Очевидно, что она никогда не была протянута через вершину кургана, так как наклон ее вала указывает только на уровень вершины; вероятно, когда она была построена, на кургане уже находилось какое-то сооружение. Также неизвестно, начиналась ли куртина на противоположном склоне кургана и продолжалась ли она вниз от нынешнего домика по направлению к мельнице; в этом случае площадь замка составляла бы около 100 ярдов в поперечнике.

Нынешняя раковина, расположенная на насыпи, кажется более поздней, чем занавес. Входная дверь и средняя полоса стены кажутся дополнениями одного возраста, возможно, времен правления Джона или Генриха III. Терраса и самые старые части интерьера, вероятно, более поздние, возможно, времен Эдуарда I или II.

Леланд, писавший в царствование Генриха VIII, пишет: "Замок Тамворт стоит на довольно высоком месте, в южной части города, на реке Анкер, в самом ее устье. Базовый двор и большая палата замка начисто обветшали, а стена упала, и в ней теперь только служебные дома ничем не примечательной постройки. Темничный холм все еще стоит, и большая круглая башня из камня, где мистер Феррерс живет и теперь ремонтирует ее..... Город Тамворт весь построен из дерева" [Itin. iv. 122].

Очевидно, что нижняя площадка была платформой, а большой приход, несомненно, включал в себя всю землю к югу от нынешней куртины, а также между курганом и мельницей.

В восточном окне церкви висела картина, копия которой сохранилась у Дагдейла. На ней изображен Завоеватель, передающий Роберту Мармиону замок. Король стоит перед значительным зданием, перед которым возвышаются две двухэтажные башни-барабаны с коническими крышами, соединенные занавесом. В одной башне - ворота, а за ними в перспективе видны ступенчатый фронтон зала и остроконечная крыша прямоугольной башни.

Справа от короля и здания, вдали, находится курган, увенчанный стеной. Это, несомненно, довольно преувеличенное изображение замка, каким он был в поздние времена Плантагенетов.

Дагдейл, писавший после гражданских войн, говорит: "Нормандский замок стоял ниже, по направлению к торговой площади, где сейчас находятся конюшни". Дом торговца, перестроенный во времена королевы Анны, сохранился; конюшни перенесены на другую сторону, к мосту. Под нормандским замком подразумеваются домашние постройки.

13 Эдуарда I Филипп Мармион сделал некий "pour presture", или посягательство, в ущерб королевскому рынку, по обе стороны от замка Тамворт, шириной 8 футов и длиной 40 футов.

Мистер Феррерс, о котором упоминает Леланд, вероятно, был сэром Джоном Феррерсом (умер в 1576 году), который женился на Барбаре Кокейн; домашние постройки, стоящие сейчас, были его работой, а также, возможно, работой его сына и внука.

Что первоначально находилось внутри раковины, неизвестно, вероятно, несколько приземистых домиков раннеанглийской и декоративной эпохи, которые были удалены или почти удалены для возведения нынешних построек. Эти последние постройки в основном из кирпича, с каменной кладкой и дверными наличниками.

ЗАМОК ТАУНТОН.

Замок Таунтон представляет интерес для археологов, который, казалось бы, не может быть оправдан его нынешним видом и норманнской историей, но который зависит от того, что он имеет английское, а не норманнское основание, что он датируется периодом почти на два столетия раньше, чем любая другая крепость, упомянутая в Саксонской хронике, и не только дата его строительства приблизительно известна, но и существующие земляные сооружения, хотя и изуродованные, несомненно, являются оригинальными.

Замок стоит на одном из множества низких торосов из гравия, часто с основанием из красного мергеля, которые возвышаются на обширных болотистых землях этого весьма необычного района, и которые до того, как сельское хозяйство осушило болота, были еще более недоступными (говоря военным языком, более крепкими), чем даже крепости на холмах в верхней части страны. Тоун, река, от которой город получил свое название, впадает многочисленными и обильными притоками в обширную страну на севере, западе и юге, пересекая низменные земли, которые, хотя и не были столь влажными и обширными, как многие из соседних уровней, все же были достаточно широкими и болотистыми, чтобы служить для любой цели обороны.

Здесь, на правом берегу ручья, Ине, знаменитый вождь и законодатель западных саксов, предположительно обосновался в 702 году, занимаясь защитой своих границ от западных бриттов, которые под предводительством Герайнта все еще держали позиции на изрезанной местности к востоку от Тамара, на Эксмуре и среди холмов Брендон и Кванток, занимая, вероятно, лагеря, которые все еще сохранились, но мало изменились за тысячу или одиннадцать сотен лет.

Здесь, по-видимому, и зародился город Таунтон, и здесь же, на краю одного из впадающих в реку рукавов вялого потока, Ине основал свой замок, насыпав земляные валы, опоясанные глубокими и грозными рвами, и, без сомнения, укрепив их деревянными стенами или, в лучшем случае, стенами, которые едва ли заслуживали названия каменной кладки. В таком виде он был разрушен, то есть сожжен, королевой Этельбурх в 722 году, которая, однако, вероятно, оставила земляные укрепления, лучшую часть обороны, в том виде, в каком она их нашла.

Выбранное место, упирающееся в реку, покрыто петлей, которая была превращена в мельничный поток, работающий на мельнице, расположенной немного ниже замка. Речной или северный фронт довольно прямой и имеет длину около 180 ярдов. Западный фронт, около 168 ярдов, образован тем, что, по-видимому, было притоком реки Потуотер, который

здесь соединялся с рекой почти под прямым углом. Южный и восточный фронты длиной 340 ярдов образованы извилистым водотоком, вероятно, искусственным, который соединял приток с рекой и таким образом завершал оборонительный контур. Таким образом, ограждение представляло собой своего рода четырехугольник, радиусами которого были река и ручей, а дугой - извилистый ров. Территория, огороженная таким образом, составляет около семи акров и находится между рекой и городом, который занимает ее восточную и южную стороны.

В пределах этой территории, занимая северо-восточный угол и примерно четверть ее площади, находится внутренний двор или цитадель этого места, примерно прямоугольной формы, размером 123 ярда к востоку и западу, 73 ярда к северу и югу. Его восточная и северная стороны опираются на главный ров и реку, а южная и западная стороны покрыты изогнутым рвом, искусственным, который дает восточному внешнему рву второе соединение с рекой, и разделяет внешний, называемый "Замок Грин", и внутренний двор. Позиция была очень сильной, река и за ней болото, на севере, или угрожаемая сторона, и на юге ров, частично двойной, и всегда заполненный водой.

Внутренний двор разделен на две части, из которых восточная половина, похоже, была поднята на своего рода платформу, на которой, вероятно, и располагалась резиденция Ине.

Покойный мистер Уорр, большой авторитет в области земляных работ в Сомерсете, говорит о кургане здесь, но поскольку я не могу понять, есть ли какие-либо записи или традиции о кургане в техническом смысле, то есть конической куче земли, вероятно, он называет этим именем очень значительную насыпь и прилегающую платформу из земли, большая часть которой все еще видна. Что и кем здесь происходило или какие изменения произошли в период между правлением Ине и концом одиннадцатого века, неизвестно, но норманны, привыкшие, насколько это было возможно, занимать саксонские места, вскоре осознали преимущества, которые давала позиция и земляные укрепления в Таунтоне, а Уильям Гиффорд, который занимал это место в качестве епископа Винчестерского в правление Генриха I, похоже, решил построить регулярный замок. Его преемники, епископы Винчестера, часто бывали здесь, и замок получил много дополнений от их рук, особенно в ранний Декорированный период, от которого до сих пор сохранились более или менее значительные следы. Внешний квартал пересекает с востока на запад дорога, на которой находились две сторожки, западная из которых до недавнего времени была представлена фрагментом стены и каменным мостом через ров. Следы барбакана, частично деревянного, были обнаружены несколько лет назад при раскопках на контрэскарпе. От восточной сторожки сохранились значительные остатки. Она была больших размеров, глубина входного прохода составляла 60 футов, с порталами на каждом конце и на внешнем конце, с большим квадратным желобом-порткулисом. На верхнем этаже находилась прекрасная комната, в которой на северной стороне сохранились два окна в раннем декорированном стиле, характерном для всей сторожки. Ворота были расположены в пределах рва, со стороны контркарпа или города, на котором несколько лет назад были заложены фундаменты, вероятно, барбакана. Стена внешнего двора исчезла, за исключением небольшого фрагмента в юго-западном квартале, как и древние здания, сохранившиеся на этой территории: школа епископа Фокса, самое старое из них, была построена позже того периода, когда оборонительные сооружения представляли большую ценность.

Оборона и содержимое внутреннего квартала менее несовершенны. Каменная кладка здесь не доходила до реки, ближайший берег которой, как и в Лестере, очень низкий, так что огороженный участок занимал лишь две трети всей территории крепости. Обнесенная стеной часть имеет приблизительно треугольную форму, основание которой находится на

восточной стороне, а усеченная часть открыта на западе. Эта территория, похоже, была разделена поперечной стеной на две части, в западной из которых находились замок, зал и сторожка, а в восточной - земляные сооружения, что говорит в пользу предположения о том, что это была старая английская цитадель. Эти земляные сооружения представляют собой две насыпи вдоль восточного и южного фронтов, расширяющиеся на их стыке в прямоугольную платформу размером примерно 80 на 120 футов. Берега использовались как террасы или пандусы, нормандская стена была построена против них и вдоль речного края рва. Ширина этих берегов составляет от 18 до 24 футов, а высота - около 10 футов. Вдоль восточной стороны сохранилось около 150 футов первоначальной стены, высота которой снаружи составляет около 25 футов. Она возвращается вдоль реки или северного фронта, а рядом с углом находится погребенная арка, которая в настоящее время не видна и, возможно, была почтовым ящиком или канализационной трубой. С южной стороны стена недавно была удалена. В юго-западном углу этого двора находится жилой дом, часть стены которого является старой, либо норманнской, либо эдвардианской.

Меньший или западный двор содержит основные остатки каменной кладки, и самым примечательным из них является замок. Это хорошо выраженная, хотя и изуродованная башня, стоящая на стене *энсинта*, северо-западный угол которой она образует. Она прямоугольная, 50 футов на север и на юг, 40 футов на восток и запад, со стенами толщиной около 13 футов. Под землей нет камеры. Подвал сводчатый с тяжелым бочкообразным сводом, по-видимому, оригинальным, и круглоголовым. Снаружи - плоские узкие пилястры, уходящие в стену примерно на 30 футов. В стене сохранились следы норманнских петель, высота которых, возможно, составляла 50 футов, и они, вероятно, включали три этажа. У северо-восточного угла находится колодезная лестница, ведущая на бойницы, которая, вероятно, частично является эдвардианским дополнением. Вход, скорее всего, находился в южной части здания, несомненно, на втором этаже, хотя об этом ничего не сохранилось.

От хранилища вдоль северного фасада тянется оригинальная, хотя и сильно изуродованная, нормандская стена с плоскими пилястрами и косяком одного оригинального окна, возвышающаяся, как в Лестере, примерно в 50 футах от реки, и также, как в Лестере, очевидно, составлявшая одну из сторон зала. В конце стены, примерно в 140 футах от хранилища, находится столб с сегментной аркой, возможно, норманнской, хотя и изуродованной.

В центре южного фронта, но в юго-восточном углу этой части, находится сторожка, прямоугольное строение с порталом эдвардианской эпохи и некоторыми перпендикулярными дополнениями, квадратными пазами для портупей, воротами и домиком. В передней части видны отверстия для цепей, поддерживающих разводной мост, который теперь заменен постоянной конструкцией. Над входным проходом находится камера.

Справа и слева от проходной куртина простирается на 70 футов, заканчиваясь некоторое время назад смелыми башнями с барабанами, одна из которых исчезла, а другая закрывает юго-западный угол палаты и соединяет этот фронт с короткой куртиной, ведущей в кипер. Напротив этой стены стоит ряд зданий, соединяющихся со сторожкой. Напротив, у северной стены, находится зал, современный по внутренним стенам, отделке и крыше, но, очевидно, занимающий место первоначального нормандского зала и домашних построек.

Юго-западная барабанная башня была перестроена или облицована, но, очевидно, представляет собой эдвардианскую или раннедекоративную постройку, которая заменила

старую норманнскую завесу. Ров вдоль западного и части южного фасадов был недавно засыпан. Барабанные башни, куртина и ворота стояли на его краю и образовывали его откос.

Таким образом, здесь мы имеем сочетание земляных работ, датируемых началом восьмого века; стены и ворота - работа начала двенадцатого века; а башни и ворота - конца тринадцатого или начала четырнадцатого века. В 1490 году епископ Лэнгтон сделал здесь некоторые дополнения и поместил свой герб снаружи внутренней сторожки. В 1496 году замок был взят корнуолльскими повстанцами, восставшими против жесткого налогообложения Генриха VII, и здесь же расправились с пробургомистром Пенрхайном. В 1557 году епископ Хорн провел здесь дополнительные ремонтные работы.

Во время парламентских войн Таунтон был сначала занят парламентом, затем взят лордом Хартфордом для короля, и, наконец, вновь взят парламентом Блейком, который удержал его против значительно превосходящих сил. В нынешнем зале печально известный Джеффрис провел "Кровавый суд".

Считалось, что замок Ине ограничивался внутренним отделением. Несомненно, там находился его крепкий дом, но вся территория замка не больше Фрамлингема или других саксонских крепостей.

Отсутствие кургана довольно необычно, и примечательно, что норманны разместили этот замок на самой низкой земле. В целом, учитывая любопытные, хотя и скудные останки, а также древнюю историю, замок Таунтон представляет собой необычайный интерес, и заслуга сомерсетширских археологов в том, что был превращен в музей, а стены и земляные сооружения - в украшение древнего города, которому замок, несомненно, дал начало.

ЗАМОК ТЕРНХЕМ, КЕНТ.

Замок Тернхем, называемый также из-за холма, на котором он стоит, "Замок Годара", недалеко от Мейдстоуна, представляет собой любопытный пример нормандского замка, расположенного на месте, очевидно, британского лагеря.

Лагерь венчает вершину очень крутого отрога, который вдается между впадиной с одной стороны и небольшим глубоким комлем с другой, в большом уступе нижнего мела, примерно в четырех милях к востоку-северо-востоку от Мейдстоуна. Земляные сооружения были образованы путем обдирания центрального холма и, возможно, небольшого его поднятия, чтобы сформировать небольшую насыпь, и таким образом особенно укрепить его слабые стороны, те, что находятся у корня отрога. На нижнем фронте, или фронте Тернхэма, оборона, естественно сильная, усилена рвом и валом, расположенными немного ниже по склону холма, намного ниже крепости, и предназначенными для того, чтобы контролировать дорогу, которая здесь вьется по хребту от деревни и церкви Тернхэма, расположенной у подножия холма. Земля в пределах этой внешней обороны была широко вскрыта для добычи мела и так изуродована кучами мусора из каменоломен, что мало что можно точно установить о ее древнем расположении.

Нормандский замок занимал площадку к западу от насыпи и, вероятно, входил в состав британского лагеря. Здесь сохранились остатки ворот и двора, но поскольку на кургане все еще видны следы каменной кладки, возможно, они были включены в стену *энсинта*, или на них стоял один из круглых или многоугольных замков-ракушек, которые иногда, при

норманнах, заменяли обычные квадратные замки, особенно там, где была более ранняя насыпь, которую нужно было укреплять.

Руины невелики. Они состоят из двух параллельных стен сторожки, имеющей с обеих сторон два больших круглоголовых углубления, разделяющих проход на два отсека, а с восточной стороны, кроме того, две небольшие двери-ложи, также круглоголовые.

На запад от сторожки тянется низкая куртина высотой около 13 футов и толщиной 4 фута на протяжении примерно 80 футов, заканчивающаяся широким плоским контрфорсом, возможно, основанием квадратной башни. Далее стену можно проследить в южном направлении, вдоль края кручи, откуда она, похоже, была продолжена к кургану. Вырубленный в мелу полый ход вьется снизу, под и близко к западу от этой стены, и, делая изгиб, входит в сторожку с севера. Следы золы отсутствуют. Большая часть стены сложена из галтованного кремня. Возможно, это поздненормандская работа.

На вершине холма находится углубление в почве. Эта часть работы настолько заросла густым кустарником и подлеском, что ее невозможно точно рассмотреть.

Турнхем или Тернхем встречается в Domesday и был одним из многочисленных поместий, подаренных Завоевателем епископу Одо и находившихся в его ведении во время исследования Ральфом Курбеспином. Тогда в нем была церковь, а при Исповеднике им владел Сбери Бига.

После падения Одо, в 19 году по старому стилю, он был передан Гилберту Маминоту на правах охраны замка в Дувре. Владельцами при Маминоте была рыцарская семья, получившая свое название от этого места. Роберт де Тернхем владел им *во времена Генриха II*. Генрих II. и основал приорство Комбуэлл. Возможно, он же построил замок. У Роберта были Роберт, который умер 13 Иоанна; и Стивен, который также умер 16 Иоанна.

В правление Эдуарда I Тернхем принадлежал сэру Роджеру де Нортводу, который умер 13 Эдуарда I, оставив Джона, который женился на Джоан де Бадлсмир и умер 14 Эдуарда II. Их сын Джон умер раньше своего отца, оставив Роджера, который владел Тернхемом и женился на Джулиане, дочери Джеффри де Сэя, главного лорда поместья. Их сын, сэр Джон, третий барон, умер 2 Ричарда II; а его сын, Роджер де Нортвод, которого никогда не вызывали в парламент, отчудил Тернхем и умер с.п., оставив брата.

Считается, что Нортводы проживали здесь, но замок был разобран в ранний период. На карте Орднанса замок Тернхем не назван.

ЗАМОК ТИКХИЛЛ, ЙОРКШИР.

Тикхилл - место очень древнее, и как до, так и в течение нескольких веков после Нормандского завоевания его значение как сильного места и главы обширного лордства было весьма значительным. Мистер Хантер, точный и опытный историк этого района, предлагает в качестве вероятной этимологии названия "The-Wickhill", со ссылкой на деревенскую гору, и приводит в качестве аналога "Thunder-cliffe", или "Th' Under Cliffe". Похоже, что рядом с Шеффилдским замком была небольшая зелень, называвшаяся "The

Wick-er", а "Ticken-hall", расположенный недалеко от Бьюдли, был местом расположения ранней крепости.

Однако Тикхилл, хотя это явно раннее название, не зафиксирован в Domesday, но считается, что его включили в Dadsley, название, сохранившееся в ближайших окрестностях. В "Дадеслее, Стантоне и Хелгели" Элси и Сивард владели восемью каркасами, а Роджер де Буисли - семью; кроме того, здесь был тридцать один бюргер - класс, присутствие которого указывало на наличие бурха или замка. Роджер де Буисли был главным арендатором этих и других маноров, составлявших честь Тикхилла, что, несомненно, основывалось на более раннем пожаловании, главным местом которого был Тикхилл. Нормандская честь насчитывала шестьдесят пять и три четверти рыцарских гонораров и простиралась от Йоркшира до графств Дерби, Линкольн, Ноттс и Лестер, включая одно поместье в Девоне. Тикхилл, который, по-видимому, иногда назывался Блайт, что, однако, было также названием места в соседней части Линкольншира, был главной резиденцией могущественного дома де Буисли во время их несколько короткой карьеры.

Роджер де Буйсли получил Тикхилл от Завоевателя, который возвел его в почетную степень в свою пользу. В своих обширных владениях в Йоркшире Роджер мог выбирать между тремя древними английскими резиденциями - Лафтон-ан-ле-Мортен, Мексборо и Тикхилл. Он выбрал Тикхилл, а два других места сохранили свои английские земляные сооружения, не измененные нормандской кладкой и измененные лишь временем. Лафтон, по-видимому, изначально превосходил Тикхилл, вероятно, как резиденция графа Эдвина, названная так в книге "Domesday Survey". Роджер, вероятно, сам укрепил Тикхилл каменной кладкой: сторожка и большая часть стены, очевидно, его рук дело. Фундамент хранилища раковин выглядит более поздним, но, возможно, также относится к этому времени. Он также был основателем приорства Блайт в 1088 году. Он умер в 1098 году, и ему наследовал его сын Роберт, который умер бездетным в правление Генриха I.

Происхождение Тикхилла теперь становится неясным. У Роджера был брат Эрнальд, который владел шестью гонорарами под Тикхиллом, и сестра Беатрикс, от которой произошли графы Эу. Однако после смерти Роберта на Тикхилл претендовал Роберт де Белесме, как следующий наследник; а поскольку он был влиятельным и подкреплял свои притязания уплатой крупного штрафа или взятки, то и преуспел. Однако после его смерти король Генрих вступил в должность и завладел замком. В течение некоторого времени, с небольшими перерывами, замок оставался во владении короны. В 1142 году им владел Уильям Фиц-Годрик, некоторое время - Стивен, граф Эу. Ральф, граф Честер, владел им в 1151-3 годах. Генрих II, похоже, передал его Элеоноре, своей королеве, которая основала "Часовню Святого Николая в стенах".

Она перешла к Ричарду I, а в его отсутствие была захвачена принцем Джоном и осаждена для Ричарда Падсеем, епископом Даремским. Когда Иоанн унаследовал его как король, он присоединил часовню своей матери к капитулу Руана. Иоанн часто бывал в Тикхилле, что примечательно, так как к нему не было пристроено ни парка, ни погони. В период с 1200 по 1216 год он был здесь шесть раз, по крайней мере, в течение одиннадцати дней. Однако в начале правления Иоанна граф Эу, будучи влиятельным, претендовал на Тикхилл как муж Алисы, наследницы Генриха, графа Эу, и представительницы Беатрикс, сестры Роджера де Буисли. Ральф де Исудон, или де Лузиньян, ее муж, граф по праву, в 1197 году, кажется, был сыном Джеффри де Лузиньяна, который должен был жениться на дочери короля Иоанна, в результате чего король согласился вернуть Тикхилл Ральфу и его жене, а Джону де Бассингборну было приказано передать владение, что было дополнено указом на тот же счет, 1 Генрих III.

Тем временем появился еще один претендент в лице Идонеи, представительницы Эрнальда, брата Роджера де Буисли, которая вышла замуж за Роберта де Випонта, барона, которого часто использовал Джон и который нередко был связан с Тикхиллом. Так, в 1204 году он участвовал в некоторых ремонтных работах в замке, а также в 1206 году, которые включали в себя строительство амбара и конюшен. В 1207 году ему заплатили за этот ремонт, и он также работал в королевских замках Ноттингем, Болсовер, Пик и Скарборо. В 1208 году в Тикхилле ему должны были прислать пять долей красного вина, такого, которое можно хранить, для короля. Идонея, жена Випонта, владела шестью гонорарами в Тикхилле и теперь претендовала на остальное против графини Алисы, 6 Генриха III. Алиса получила лучшее; но в 9 году Генрих III. она уехала за границу, вероятно, в свои нормандские владения, и в результате Тикхилл, похоже, отошел к короне.

Генрих III, будучи королем, пожаловал его принцу Эдуарду, который в 1254 году передал его Элеоноре Кастильской, но в 1259-60 годах Эдуард де Лейси, констебль Честера, использовал фразу "*Baronia mea de Tikehull*", как абсолютный лорд. Однако в 1263 году принц Эдуард пожаловал ее своему кузену Генриху, сыну Ричарда, короля римлян.

В 1296 году Джон, граф Эу, возродил семейные притязания. Он был внуком Альфонсо (сына Иоанна, короля Иерусалима) от дочери графини Алисы. Его притязания были быстро отменены, поскольку он был иностранцем. Это было последнее утверждение права, но столетие спустя о нем вспомнили, когда Генрих V создал Уильяма Бурсье графом Эу и лордом Бурсье из Тикхилла, только титулы, не связанные с собственностью, которая осталась в короне.

В феврале 1322 года замок в течение трех недель осаждал Томас Ланкастерский, и эта осада была одним из обвинений, выдвинутых против него на суде: "*Et misit homines suos ... ad obsidendum castrum domini Regis de Tikhull; et quædam ingenia, ad projiciendum petras grossas super castrum prædictum, et homines in eodem castro ex parte domini Regis existentes; qui quidem proditores castrum illud, per tres septimanus continuè insultando et debellando, obsederunt, et quosdam homines Regis ibidem interfecerunt.*" Замок галантно защищал сэра Уильям де Энн, а освободил его лично король. В Тикхилле снова поселилась королева в лице Филиппы, которая умерла в 1369 году. В 1362 году Эдуард обменял Тикхилл у Джона Гонта, вопреки чести Ричмонда, и он отошел к другим владениям герцогства Ланкастер. Во время парламентской борьбы он удерживался королем, но сдался после Марстон-Мура и был разобран. Внешняя оборона замка состояла из рва и палисадов на контрфорсе. Основание часовни было ликвидировано, 1 Эдуард VI. Сейчас замок принадлежит графу Скарборо.

Замок Тикхилл - прекрасный пример донорманнского или английского земляного сооружения, состоящего из кургана, фоссы и нижнего отделения, превращенного в нормандский замок. Он демонстрирует, как именно норманнские инженеры обращались с земляными сооружениями такого типа, и как такие работы привели к появлению одного из двух основных типов норманнского замка - замка-ракушки. Тикхилл - это Лафтон в большем масштабе, с той лишь разницей, что ров кургана не проходит полностью вокруг него, а отсутствует в прилегающей части. Либо он так и не был сформирован, либо, что не исключено, был засыпан при строительстве норманнских сооружений, либо, как в Кардиффе, в гораздо более поздний период. Нечто подобное, по-видимому, произошло и в Кенилворте.

При строительстве этой крепости для основания кургана был использован бугор из мягкого песчаника. Он был обтесан, вырыт ров, а материал использован для формирования двух

третьей верхней части кургана. Современная пещера в боку показывает это естественное основание. Замок состоит из кургана и двора или палаты, пристроенной к его западной стороне, все это находится внутри рва. Курган конический, около 60 футов в диаметре на вершине и около 60 футов в высоту над палатой. Приход представляет собой округлую и более или менее круглую область, за исключением тех мест, где он соприкасается с курганом, и включает в себя около четверти его окружности. Внешний ров повторяет форму этого отделения и непокрытых трех четвертей кургана: в плане он напоминает цифру 8, и именно эта выемка в очертаниях позволяет предположить, что когда-то ров кургана был полным, а две части крепости, как в Барвике, были разными. Домашние постройки находились в нижней части, на ее западном краю, напротив насыпи, на которой стоял замок. Сторожевая башня стоит на южном краю палаты, между хозяйственными постройками и крепостью. Куртина разрушена на востоке, но в других местах вполне совершенна. Ров засыпан с той же стороны, а его место занято огородом и конюшнями.

На вершине кургана видны фундаменты крепости, представляющей собой десятиугольник, стороны которого составляют в среднем 16 футов 11 дюймов, каждый угол которого был закрыт плоской пилястрой шириной 4 фута и очень незначительным выступом. Дверь, по-видимому, была направлена на юго-запад, ее проем составлял 4 фута 6 дюймов. Она находилась между двумя сторонами исключительной длины в 20 футов. Толщина стены до верха цоколя, по-видимому, составляла 10 футов. Раковина, по-видимому, была облицована пеплом. Все здание было снято с некоторой осторожностью до вершины цоколя - простой фаски, которая раньше находилась на высоте около 6 дюймов от земли, а теперь покрыта до ее уровня. Таким образом, сохранились реальные размеры плана, а также расположение и ширина входа. Говорят, что в нескольких футах от места, где находилась дверь, есть колодец. Если это так, то в настоящее время он тщательно скрыт.

В настоящее время в замок ведут семьдесят пять каменных ступеней, расположенных по прямой линии на западной стороне. Возможно, именно таким был первоначальный подход. Если это так, то путь от начала лестницы, как и в Тамворте, должен был проходить на протяжении 20 футов вокруг внешней стороны замка. Ступени заканчиваются внизу под прикрытием занавеса. Два конца занавеса поднимаются на курган примерно на две трети его высоты. Вероятно, они были продолжены до самой вершины, но сейчас на уровне храма не видно фундамента, а цоколь храма показывает, что здесь не было связи. Завесы, которые таким образом поднимались на эти курганы, редко скреплялись с замком и, похоже, никогда не поднимались на полную высоту. Напротив, они, похоже, поднимались только до уровня вершины кургана или до основания кургана, а парапет, вероятно, продолжался для того, чтобы остановить проход по внешней стороне. Так, по-видимому, было в Танбридже, Беркхемпстеде и Тамворте. В Хавардене занавес примыкает к храму на высоте около 10 футов, но без оригинальных связей, и в нем есть дверной проем, выходящий за пределы основания храма.

Занавес, ограждавший нижнюю палату, имеет толщину от 10 до 13 футов, высоту от 20 до 30 футов, с цоколем у внутреннего основания. Он поднимается из насыпи, которая образует пандус или террасу шириной 15 футов, как с внешней, так и с внутренней стороны. Внутри пандус находится на высоте около 8 футов над уровнем двора. Снаружи он образует дорожку вокруг крепости, проходящую по мосту через ворота и по ступеням или выемкам вокруг склона кургана. От кургана до жилого дома - около 240 футов по северному фронту, но на западе он скрыт домом, представляющим собой хозяйственные постройки замка. Она также сохранилась от дома до сторожки и примерно в 50 или 60 футах за ней по южному фронту. К

юго-востоку около 300 футов исчезли, но последние 78 футов, где она снова поднимается на курган, сохранились довольно хорошо.

Там, где внешняя стена огибает курган, она образует уступ высотой 6 футов, который, возможно, был выше, и покрыт парапетом для защиты этого фронта.

Внешний ров широкий и глубокий, и частично содержит воду. Раньше он питался из соседнего ручья, который протекал вокруг него. За рвом находилась земляная насыпь, от которой сохранились следы и части, особенно на севере. Трудно сказать, был ли здесь второй ров, поскольку его застроили дороги и здания.

Особого внимания заслуживает сторожка, как оригинальное и раннее норманнское сооружение. Ее площадь составляет 36 футов в квадрате, толщина стен - 7 футов 6 дюймов, на каждом конце находятся ворота с круглой головкой, открывающиеся на 12 футов, с простым фальцем для дверей, но без портупи или фаски. Внутреннее пространство было обшито деревом, и имелся верхний этаж. Возможно, он был частично перестроен; в стене над внутренней дверью находится большое тюдоровское окно, вероятно, вставленное.

Лестница отсутствует. Постройка очень напоминает Порчестер до перестроек. Оно расположено на куртине, имеет смелый внешний и еще более смелый внутренний выступы. Внешний фронтон первого этажа украшен четырьмя жесткими грубыми фронтонами, каждый из которых представляет собой прямоугольный треугольник, с грубой фигурой на вершине каждого и в полем углу или желобе, соединяющем каждую пару. Тимпаны заполнены небольшими квадратными блоками, на каждом из которых вырезан неразвитый орнамент в виде собачьих зубов. Простая струна отмечает разделение двух ступеней, и пока все по-нормандски.

Но хотя верхняя часть осталась неизменной, нижняя часть была замаскирована декорированными воротами с пазом-порткуллисом и остроконечной аркой, а перед аркой и по флангам от нее возвышаются две стены толщиной 6 футов, выступающие на 15 футов, и между ними находится разводной мост. Над ними и на них, скрывая верхнюю часть арки входа, находится низкий плоский мост, по которому проходит наружная дорожка, или *chemin de ronde*, над входом, и из которого была сделана решетка. Если бы не этот мост и его декоративные связи, можно было бы предположить, что *chemin de ronde* - это просто современная прогулочная дорожка, тогда как очевидно, что это была часть обороны, работа, покрывающая подножие стены, и, несомненно, сильно укрепленная палисадом. От парапета не осталось и следа.

Ворота выглядят ранними норманнами, вероятно, большая часть занавеса была построена Роджером де Буисли до 1089 года. Замок выглядит гораздо более поздним, но он должен был быть частью первоначального проекта, и, возможно, работы, начатые Роджером, были завершены его сыном. В Декорированный период, вероятно, были сделаны значительные дополнения. Вероятно, когда сторожка была замаскирована, а мост перекинут через нее, куртина также была отремонтирована, добавлен новый парапет и сформирован проход. Леланд говорит о зале, который теперь исчез. Где стояла часовня, неизвестно. Дверная коробка, которая, возможно, принадлежала ей, была снята и установлена внутри сторожки, а снаружи стоит старая дубовая дверь в стиле Якова I., на которой вырезаны слова

Мир и благодать

Да будет мир и благодать этому месту.

В настоящее время вход в сторожку ведет по современному мосту, перекинутому через мокрую канаву. К югу от этого места протекает приток реки Торн или Торн, который покрывал этот фронт.

Это один из самых любопытных замков в Йоркшире, и не только из-за его чисто нормандской сторожки и нетронутого фундамента ракушечника, но и потому, что он показывает, как нормандские лорды использовали английское место и как их архитекторы или инженеры приспособили свои оборонительные сооружения к уже существующим земляным работам. Его следует изучать вместе с Пикерингом за общий план и норманнские работы, а также с Барвиком-ин-Элметом и Лафтон-ан-ле-Мортеном за общее сходство земляных работ. К сожалению, план отсутствует.

ЗАМКИ ТРЕТАУЭР, БЛАЕН-ЛЛИФНИ И КРИКХОУЭЛ, БРЕКНОКШИР.

Среди перевалов, соединяющих открытую местность в верховьях Уска и Уай, в окрестностях Талгарта, Гласбери и Хэя, с долиной нижнего Уска, есть два особенно опасных, и поэтому норманнские поселенцы должны были охранять их с особой тщательностью. Это перевал Бвлх, между Бакландом и Кефн-Моэлем, и долина Рианголла. Полоса земли, граничащая с рекой Уск, протекающей к западу от Майнидд-Бакланда, очень узкая, и в дождливое время года здесь едва ли можно было проехать; кроме того, ее в значительной степени охранял замок Блаен-Ллифни, специально построенный для обороны Бвлха, к северу от которого он расположен.

Река Рианголл берет начало в Квм Катвг, глубокой темной впадине в Черных горах, и течет вниз, соединяясь с Уском примерно в трех милях выше Крикхоуэла. Вблизи ее истока, где она открыта на северо-запад, ее охраняет крепость Динас, а ниже - Третауэр. Еще ниже Уск защищен крепостью Крикховел, а еще ниже - Абергавенни; так что между сеньориальными замками Блаен-Ллифни, Динас и Абергавенни и частными постами Третауэр и Крикховел вторжения валлийцев из Брекнока и Раднора могли быть остановлены в своем продвижении и полностью отрезаны в своем отступлении.

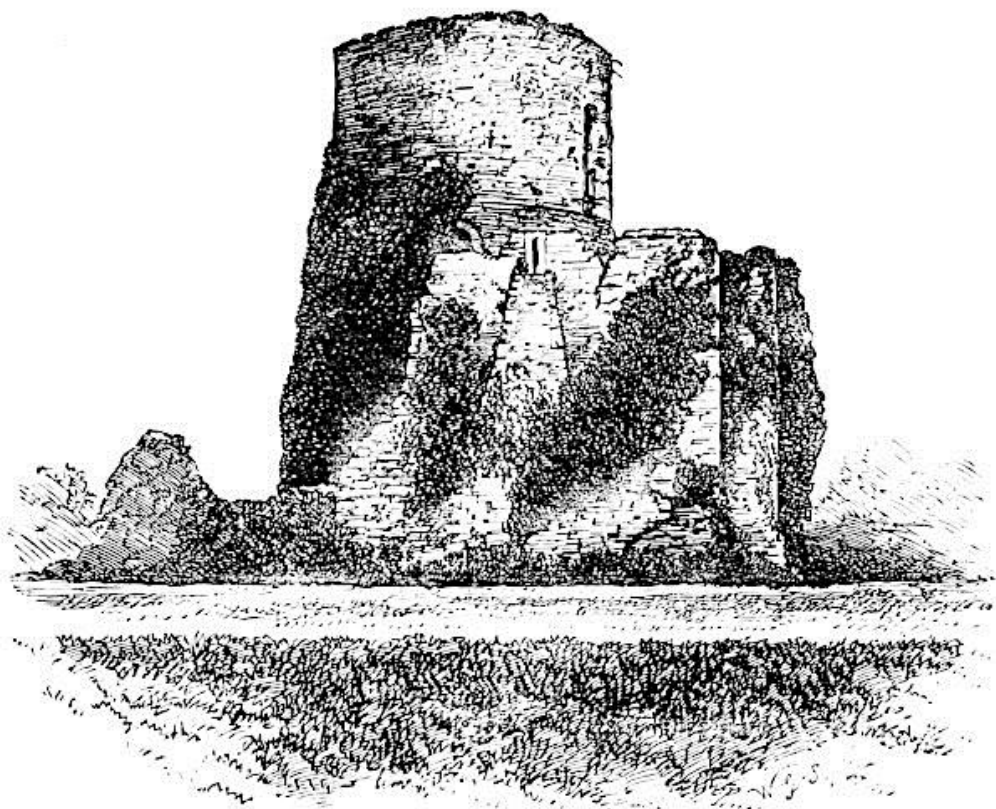
Третауэр стоит в лугах Рианголла, на левом берегу реки, примерно в миле от ее слияния с Уском, в месте, где на краю и немного выше общего уровня луга возвышается кочка гравия, некогда, очевидно, представлявшая собой соболиный морас, да и сейчас отнюдь не являющаяся благоприятным образцом брекнокширского земледелия. Луг пересекают несколько рукавов ручья, усиленного различными источниками и ручейками, которые, в дополнение к естественной прочности почвы, делают это место очень труднодоступным, если не считать немного более высокой местности на северо-востоке.

Третауэр - часовня в приходе Лланвихангель Квм Ду, и, похоже, была частным владением владельцев замка, которые, когда Эдуард I закрепил за собой княжество, бросили маленькую и неудобную крепость ради более крупного дома немного южнее, который сейчас занимает фермер и демонстрирует некоторые следы декоративного стиля в архитектуре.

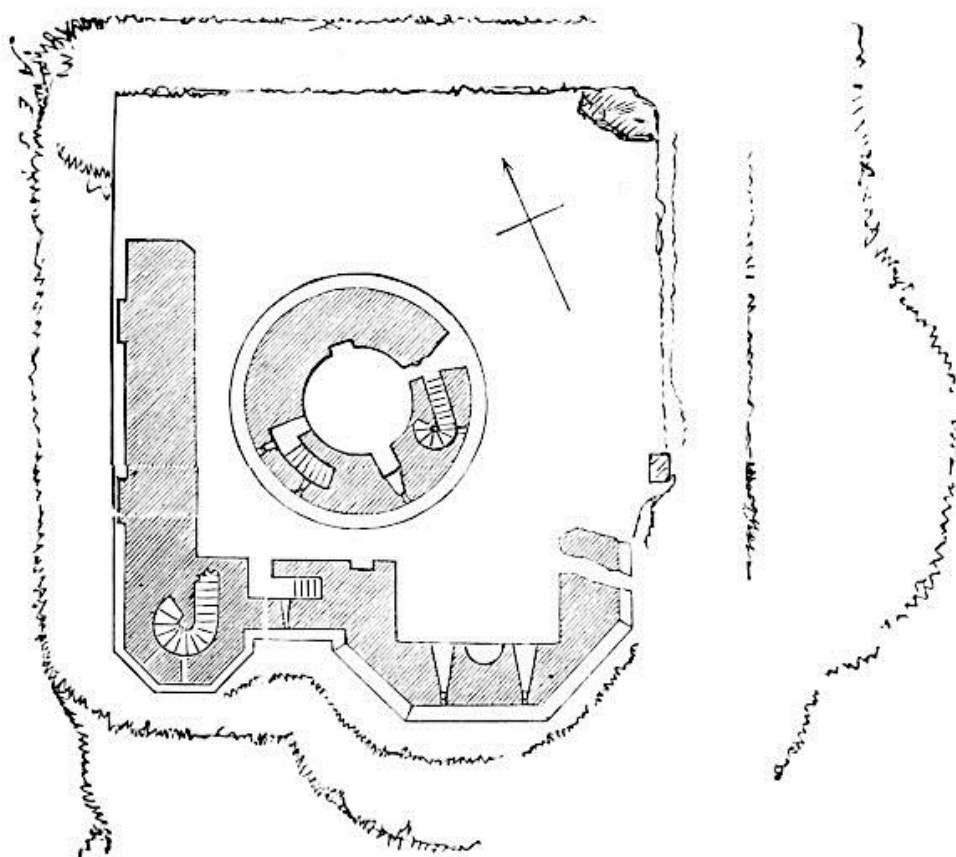
Замок представлял собой трехугольный корпус с двумя круглыми башнями на северном и южном углах, или концах основания, и замком на западном углу или вершине. Длина двух

сторон составляет около 60 ярдов каждая, а основания - около 80 ярдов. Вход, вероятно, находился недалеко от центра основания или восточной куртины, на линии нынешней дороги к фермерским постройкам, которые занимают этот внешний участок. Сохранились фрагменты двух круглых башен и около половины северной куртины. В ущелье южной башни, почти погребенной, видна корона большой остроконечной арки, которая, вероятно, открывалась в ее подвал, хотя ее ширина необычна.

Внутренняя палата, внутри которой, или, скорее, в крыше которой, находится кипер, представляет собой квадрат размером примерно 23 ярда на 18 ярдов снаружи и 17 ярдов внутри, расположенный в вершине треугольника; таким образом, три его стороны находятся снаружи, а одна - внутри внешней палаты. Она была разрушена с северной и восточной сторон, но южная сторона совершенна, а западная почти такова. Фундамент можно проследить по всему периметру. Он занимает всю гравийную насыпь, возвышающуюся на 12 футов над лугом, который защищает его с запада, юга и востока; он построен так, что его нижняя часть служит обрывистой стеной, а земля внутри была примерно на 6 футов выше узкого берега или террасы снаружи. На двух северных углах не было башен, которые, по-видимому, были скошены и имели как бы раскидистое или контрфорсное основание. От южной стены, в ее западном конце, выступает полуоктагональная башня, а в ее восточном конце - другая, гораздо более крупная. Они представляют собой полуоктагоны и не имеют внутренних выступов. Толщина стены составляла 8 футов, а высота до башен - 25 футов. В остатках западной стены сохранились следы углубления, возможно, для петли, камин с неуклюжей аркой, а выше - окно в том же стиле. В своем нынешнем виде они являются поздними вставками, но, вероятно, представляют собой первоначальные проемы, так как с внешней стороны находится широкий плоский контрфорс, предназначенный для размещения дымовой трубы. Эта стена была сильно переделана в ранний период. Южная стена очень любопытна и, хотя, очевидно, сильно изменена, несет на себе значительные следы первоначального стиля. В западной части стены, в полом углу, находится небольшой круглоголовый дверной проем, открывающийся в колодезную лестницу, которая вела на бойницы, но была завалена. К востоку от этого проема в стене (вероятно, на месте второй двери) видна лестница, спускающаяся в стене к другой двери, также круглой, и сейчас почти засыпанной. Лестница освещена наружным фонарем. Выше, на другом уровне, находится оконная ниша со смелыми, тяжелыми, фланкирующими, задействованными опорами, рифлеными зигзагом и поддерживающими фрагмент арочной лепнины, выполненной в том же шевронном узоре. Возможно, это было двойное окно или две арки аркады, так как фрагменты арочной главы имеют несколько подобный вид.

TRETOWER CASTLE.

TRETOWER CASTLE—GROUND PLAN.

ЗАМОК ТРЕТАУЭР.

ПЛАН ПЛОЩАДКИ ЗАМКА ТРЕТАУЭР.

Далее, к востоку от него, на том же уровне, находится дверной проем размером 4 фута на 6 футов, выполненный в том же стиле, что и окно, с рифлеными зигзагообразными косяками и шевронной лепниной над ними. Работа грубая, а орнамент выполнен лишь частично. Все эти проемы были заделаны ранней кладкой. Восточная половина восточной стены занята прямоугольным выступом, образующим камеру глубиной 10 футов и шириной 18 футов, которая, возможно, была кухней, так как в ней находится камин с круглой спинкой и переходящий в цилиндрическую шахту, а на уровне земли находится водосток; также есть три круглоголовые петли, одна из которых находится в западной стене, а в восточной стене есть маленькая круглоголовая дверь, шириной 2 фута 9 дюймов, открывающаяся на внешнюю палату; у нее нет портакуллиса.

Проемы, следы которых сохранились в этой стене, показывают, что первоначально здание было прямоугольным нормандским хранилищем, имевшим подвал, первый и второй этажи, на что указывают нижняя дверь, вход на лестницу в стене, дверь и окно наверху. Южный выступ, вероятно, является оригинальным, как и небольшая дверь в его боковой части. Бастионы, часть которых сохранилась на западной стене, несомненно, являются реставрацией. Они состоят из широких мерлушек с крестообразной петлей в каждой, причем поперечное плечо очень короткое.

В наружной части этого здания, недалеко от уровня земли, пролом в кладке обнаруживает полость около 14 дюймов квадратных, которая пробивает стену параллельно ее торцам. В ней, очевидно, находилась балка, вставленная в качестве связующего элемента, как в Брунласе, где древесина также сгнила, а полость обнажилась, что дало повод для множества гениальных предположений. В центре квадратного корпуса, оставляя между его внешней стороной и центром каждой стороны пространство от 7 до 9 футов, находится внутренняя крепость. Это хранилище представляет собой цилиндрическую башню, в основании диаметром около 43 футов, а вглубь она уходит на высоту около 10 футов, где ее опоясывает очень смелая, более чем полукруглая бусина или кордон, который отмечает вершину склона и уровень первого этажа. Здесь диаметр башни составляет около 38 футов. Отсюда она продолжает выпирать, хотя и незначительно, возможно, на 2 фута, до основания бойниц, которые исчезли. Сейчас высота башни составляет 70 футов от уровня земли, которая изначально могла быть на 5 футов ниже, а башня - на 5 футов выше, что в сумме составляет 80 футов. Примерно на полпути вверх находится ровный отступ около 6 дюймов, уменьшающий диаметр башни на фут. За этим исключением внешний вид здания довольно прост. Настоящий вход в подвал или на первый этаж находится на северо-восточной стороне, у разбитого входа современной постройки, созданию которого способствовал вход на первый этаж, расположенный непосредственно над ним, и частью которого он теперь является. Башня состоит из подвала и трех этажей, а ее внутренний диаметр у основания и первого этажа составляет 20 футов. Полы были деревянными и исчезли, а крыша, похоже, была плоской. Высота подвала, который сейчас заполнен примерно наполовину, составляла около 10 футов, а толщина стены у пола - около 11 футов 6 дюймов. Он освещался двумя петлями с северо-западной стороны, в их откосах были квадратные головки, и, как в Кентерберийском храме, их внутреннее отверстие было закрыто сверху, так что петля находилась на уровне первого этажа. Эти петли закрыты снаружи, очевидно, очень ранней кладкой. В юго-западной части находится дверь, верхняя часть которой не заложена, откуда в стене ведет лестница вверх и на юг, на этаж выше, и это, очевидно, был единственный вход в подвальный этаж.

Вход на первый этаж был также общим входом в крепость. Дверной проем, сильно разрушенный, был шириной 4 фута и высотой 6 футов, и примерно на 10 футов выше первоначального уровня земли. Над дверным проемом, снаружи, находится любопытный капельник или колпак, образующий равностороннюю арку, своего рода фронтоны; по обе стороны от дверного проема есть два отверстия, у основания и около вершины, которые, похоже, несли основание деревянной конструкции, вероятно, покрывавшей внешнюю лестницу. Порткуллис отсутствует. Дверь ведет в проход, сводчатый, с перепадной аркой, который пересекает стену, ведущую прямо через вторую дверь, то есть на второй этаж. Из этого прохода слева открывается дверь на настенную лестницу шириной 3 фута 3 дюйма, которая поднимается по изгибу стены на верхние этажи.

Первый этаж имеет диаметр 20 футов, толщина стен - около 8 футов 6 дюймов; пол опирается на две большие параллельные балки, уложенные на северо-западе и юго-востоке. На северо-востоке и юго-западе находятся большие оконные ниши шириной 4 фута 6 дюймов, с откидными скошенными арками и каменными сиденьями. В каждой из них находилось окно с одним светом, открывающееся на 2 фута, с равносторонней аркой и скошенными краями. В южном косяке юго-западного окна находится дверь, завершающая лестницу, сводчатую, освещенную двумя наружными петлями, которая, как уже упоминалось, поднимается из подвального этажа. В северо-западной стене находится большой камин с плоским каменным колпаком, уходящим в стену сверху, под смелой лепниной в виде бус, а внизу опирающимся на две короткие колонны с колокольными крышками жесткого раннеанглийского характера. Внизу колонны срезаны и фактически образуют карнизы. По обеим сторонам - грубые круглые кронштейны, которые служат либо для освещения, либо, как в Сент-Бриавеле, для поддержки боковой тяги капюшона. Высота этого этажа составляет 18 футов. Здесь находились государственные покои.

Лестница, ведущая на второй этаж, поднявшись по изгибу стены на несколько ступеней, заканчивается колодезной лестницей диаметром 6 футов, которая продолжает подъем на второй этаж и переходит на бойницы, как в Чепстоу, Карлайле, Ладлоу и Ньюкасле. Лестница выходит на второй этаж через небольшое углубление или вестибюль в толще стены, где находится дверь, ныне сломанная, открывающаяся в главную камеру.

Второй этаж также был высотой 18 футов и имел два окна под опускающимися арками, шириной около 2 футов и высотой 5 футов, с равносторонними дугообразными главками, очень похожими на те, что расположены ниже. Одно из них выходит на юго-восток, а другое - на северо-запад. Последняя имеет над своим внешним проемом угловой капельник, или колпак, или фронтоны, как над большим входом внизу. Здесь же находится камин, точно такой же, как в нижнем помещении, и похожий на него, только наличники короче. Камень очага опирался на своеобразную опору, образованную столон, выступающим на 18 дюймов от стены внизу, и выглядящую как резная лепнина в нижней комнате. На этом уровне имеется отступ около 6 дюймов для поддержки пола.

Следуя по лестнице, на третий этаж можно попасть через вестибюль, аналогичный нижнему. Лестница освещена петлями, из которых нижние - плоские, а верхние - стрельчатые. Одна длинная петля разделена фрамугой, которая является частью наружной декорации. На третьем этаже нет камина, но есть два окна, таких же, как и остальные, выходящие на северо-восток и юго-запад. Крыша, по-видимому, опиралась на одну главную балку, усиленную с обоих концов лонжеронами, опоры которых сохранились в виде двух крепких каменных карнизов. Благодаря такой жесткости на платформе мог поместиться двигатель практически любого веса. Толщина стены на вершине составляет около 8 футов 6 дюймов; толщина стены над кордоном, по сути, одинакова. Для придания большей прочности кладке

по ходу лестницы и в вестибюлях стена утолщена внутри своего рода пилястрами, острый край которых сохранился.

Третауэр - редкий и, вероятно, единственный пример прямоугольного норманнского замка, который был выпотрошен, а его центральную часть заняла раннеанглийская круглая башня. Пространство между башней и стенами замка было затем покрыто крышей, вероятно, в два этажа. Изменения во внешней норманнской стене, заблокировавшие двери и окна, и т.д., вероятно, были сделаны, когда была построена внутренняя башня.

Материал, из которого построена башня, представляет собой твердый сорт старого красного песчаника. Постройка представляет собой хороший курсированный бутовый камень, оштукатуренный внутри. Кромки дверей и окон, а также каминны выполнены из пепла, хорошо обработаны, хотя и просты, как и все здание. Арки дверей и оконных ниш каплевидные. Окна равносторонние, многие из них стрельчатые. Внутренняя башня полностью относится к одной дате, очевидно, к позднему периоду ранней Англии.

Говорят, что Третауэр был резиденцией валлийских лордов Брекнока еще до нормандской эпохи. Если это так, то их привлек сухой гравийный откос, с трех сторон покрытый болотом. Норманны, похоже, построили на холме квадратную башню или крепость, с одной стороны которой находился цокольный двор, вероятно, также обнесенный стеной. В конце правления Генриха III норманнский замок был разрушен, построена центральная каменная башня, а треугольный цокольный двор обнесен куртиной и настенными башнями.

ЗАМОК КРИКХОВЕЛ.

Этот замок находится в пригороде города Крикхауэла, между ним и Уском, на левом берегу реки, примерно в фурте от приходской церкви.

Его главной и наиболее интересной особенностью является большой конический курган, полностью искусственный, высотой около 50 футов, а его вершина имеет диаметр 60 футов на север и юг, и 50 футов на восток и запад. Этот курган был окружен рвом, следы которого сохранились на восточной, южной и западной сторонах. С севера к нему примыкает пруд и несколько коттеджей. К кургану с восточной стороны и за пределами рва примыкает участок неправильной формы, примерно прямоугольный, но закругленный к северо-западу, площадью около двух акров. Она находится внутри невысокого вала, внешний склон которого изрезан и, похоже, спускается в наружный ров. Это был базовый двор или отделение замка, а курган - крепость. На южной стороне палаты, где берег должен был примыкать ко рву кургана, находятся остатки двух сросшихся башен, прямоугольной и круглой. Окна первой из них, похожие на петли, явно относятся к декорированному периоду, а обе башни, похоже, одного возраста. В северо-восточном углу палаты, на контркарпе рва кургана, находится часть круглой башни, которая, с некоторыми кучами земли вокруг нее, кажется остатками сторожки, которая также, вероятно, была связана с защищенной лестницей, поднимающейся на курган, путь наверх которой должен был находиться на этой стороне. Это единственные здания, сохранившиеся на территории крепости, но очевидно, что по ее краю была проведена стена, берег которой, вероятно, содержит и скрывает фундамент. На рисунке Бака, сделанном в 1741 году, изображен этот занавес, а по трем его углам - три барабанные башни, одна из которых прикрывала внешний вход и находится напротив сторожки храма. Вершина кургана сильно разрушена, и на ней видны следы фундаментов зданий, которые раньше стояли здесь и, похоже, находились внутри круглой или многоугольной оболочки, составлявшей крепость.

Очевидно, что Крикховел, как и Керлеон, Кардифф, Абергавенни, Брекон и Буилт, представлял собой насыпной курган с прилегающей к нему площадкой, на которой норманны, захватив владения, построили замок. Самая ранняя каменная кладка, вероятно, относится к эпохе Генриха II, но была расширена и перестроена в правление Генриха III.

Замок Блаен-Ллифни, или Блаен-Ллевенни, в Брекнокшире стоит над рекой Ллифни, притоком озера Ллангорс. Он был построен для охраны важного перевала Бвлх, выше и немного в пределах которого он стоит. В плане это был параллелограмм, заключенный в четыре куртины с башнями по углам, и, по-видимому, сторожка на северо-востоке. Часть северной стены сохранилась, но остальная часть представляет собой груду развалин. Замок занимал естественный котлован, примерно на 20 футов выше внешнего уровня, а вокруг него - ров, местами сырой. Замок стоит на склоне, который к северу очень крут и очень силен. Он был построен норманнскими лордами Брекнока и долгое время принадлежал им, а в случае наложения на него взыскания или меньшинства переходил во владение короны; поэтому он не только упоминается в местной истории, но и время от времени появляется в записях королевства. По-видимому, он относится к эпохе Генриха III, а возможно, и несколько раньше. Во времена Бака, в 1741 году, сохранилась большая часть занавеса и часть башни.

ЗАМОК ТУТБЕРИ, СТАФФОРДШИР.

Высокие холмы Нидвудского леса, расположенные между реками Трент и Дав, заканчиваются к востоку от места слияния этих потоков на границе трех графств Дерби, Стаффорд и Лестер. Примерно в пяти милях выше этого слияния, на правом или стаффордширском берегу Голубя, находятся город и замок Татбери, некогда, по словам Леланда, бывший резиденцией саксонских лордов Мерсии и названный, как утверждается, по имени бога Тота, возглавлявшего вторник, которому, как считается, поклонялись в ограде замка. Эту этимологию подтверждает Уэднесбери; но, как бы то ни было, Татбери, несомненно, был древней крепостью и обладает в этом отношении необычными природными преимуществами.

Замок венчает вершину или северное окончание значительного хребта из нового красного песчаника, который выступает с возвышенностей Хэнбери и Нидвуд и образует крутой мыс над широкими и ровными лугами Дав. С южной, или сухопутной, стороны холм частично отделен от своей материнской гряды поперечной долиной, в пределах которой и около которой расположен древний город Татбери, прославленный со времен Джона Гонта до конца прошлого века своей привязанностью к варварскому виду спорта - бегу на быках.

Естественное положение замка прочно и четко определено, оно было использовано с очень отдаленных времен и значительно усилено норманнским и донорманнским искусством.

На западной, южной и восточной сторонах холма его вершина была дополнительно защищена широким и глубоким рвом, который охватывает около двух третей его окружности. На севере, где холм выходит на луга, ров заканчивается, и этот фронт, круто поднимающийся примерно на 100 футов, стал еще круче благодаря искусству, и далее защищен широким пространством влажной земли, пересекаемой очень древним и широким мельничным лесом и извилистым руслом Голубя.

На восточном и северо-восточном фронтах, где площадь мыса была неудобно велика, за пределами рва оставлены два обширных полулунных пространства. Это, по сути, масштабные флигели, пригодные для выпаса скота в беспокойные времена, расположенные несколько ниже основных сооружений и под их командованием, прикрывающие ров и рубчатые, хотя и не облицованные, в сторону поля. Их разделяет глубокий овраг, по которому с северо-востока поднимался главный подход к замку - направление Голубинового моста и, вероятно, более раннего брода. На этом, восточном фронте, содержимое рва было отброшено внутрь, увенчав скалу искусственной насыпью высотой около 15 или 20 футов.

На юго-западной и западной стороне земля была использована для формирования большой насыпи, высотой около 40 футов и 70 футов в поперечнике на усеченной вершине, что делает этот фронт почти неприступным.

Пространство между восточным берегом и западной насыпью, образующее южный фронт, занято зданиями замка, которые, построенные на естественной почве, венчают обрыв рва и открывают вид на город.

Напротив, также от берега до насыпи, находится северный фронт, почти обрывистый и не защищенный, таким образом, ни рвом, ни насыпью. Огражденное таким образом пространство образует базис-корт замка и занимает около трех акров. В плане он представляет собой неправильный круг.

Лучший вид на эти великолепные земляные сооружения открывается с вершины кургана, который не только возвышается над двором замка на востоке, но и на западе очень круто поднимается на 140 футов от лугов. Здесь видно, что контрэскарп рва заканчивается на северо-западе, у основания кургана, резко очерченным сокообразным гребнем.

Каменная кладка, которая была добавлена к этим ранним оборонительным сооружениям, состоит из группы зданий на южном фронте, фланкированных куртинами, которые идут, с одной стороны, на запад к кургану, а с другой - на восток, вдоль вершины берега, которым защищена эта сторона. Толщина этой куртины составляет 6 футов в верхней части цоколя, около 6 футов от земли, до уровня которой она сейчас опускается. Есть свидетельства того, что она была высотой около 20 футов, с валом, доступным с фланкирующих башен и двойным пролетом открытых ступеней изнутри. В одной точке находится свод большого садового домика, отмеченного на рисунке "Ветуста" башенкой-бартизаном. Восточную куртину нарушает высокая прямоугольная башня с фресками, от которой сохранилась только внутренняя стена с квадратной угловой башенкой, и которая выходила на поворот дороги к замку, на противоположную сторону рва. Здесь берег был снят, так что башня построена на прежней почве, а в ее подвал можно попасть с площадки на одном уровне. Эта башня выполнена в перпендикулярном стиле и, очевидно, была взорвана порохом.

На северном конце этой куртины, в северо-восточном углу двора, находится большая сторожка, прямоугольное здание, пронизанное порталом, с боковыми домиками. Выше находились другие палаты, более претенциозные и большие по размеру. Эта сторожка почти вся находится за пределами стены. Ее южная сторона огибает ров и имеет небольшой выступающий балкон на уровне второго этажа, сообщающийся через шахту с подвальным домиком. Северная сторона смотрела в сторону Голубятни; сохранились только южная и восточная стены. У него не было фланкирующих башен, стена с одной стороны ворот была пробита петлей. Снаружи к ней были пристроены, фланкируя ворота и перекрывая петлю, две толстые массивные щеки стены, с передней части которых через ров опускался разводной мост. По-видимому, сторожка относится к позднему декорированию, ее оконные ниши имеют полукруглые головки, а окно над порталом сохранило нечто похожее на

декорированную резьбу, грубо обозначенную на рисунке, приведенном в *Vetusta Monumenta*". Портал имеет плоскую сегментную арку, а снаружи - низкую арку с перепадом, являющуюся частью дополнений. Детали разводного моста, судя по вырубленным в камне отверстиям, были своеобразными. Сохранились два паза для портупей.

Кладка разводного моста была удалена, а ров здесь основательно засыпан землей. Дорога снизу, чтобы добраться до этих ворот, продолжается некоторое время по гребню рва, в пределах досягаемости стен. Ниже она упирается в два демилуна. От сторожки на запад край крутого северного фронта был обрамлен куртиной, вероятно, низкой и легкой, от которой сохранились небольшие следы.

На вершине кургана находится разрушенная круглая башня, очевидно, возведенная в очень позднее время, вероятно, в качестве летнего домика или объекта для обзора. Говорят, что здесь было более раннее здание, разрушенное до правления Елизаветы, вероятно, Джоном Гонтом, и, скорее всего, представлявшее собой многоугольную каменную раковину. Оно называлось башней Джулиуса - Джульетта была нередким именем для подобных сооружений.

Здания замка были разрушены, но то, что осталось, выглядит так же четко и свежо, как будто было выполнено совсем недавно. От большого зала длиной 61 фут и шириной 29 футов осталась внешняя стена и измененные окна, а также группа государственных апартаментов в восточной части. Здесь находятся две прекрасные крипты, несомненно, погреба, - подходящие вместилища для самых лучших напитков, - в которые можно попасть со двора через красивые дверные проемы и шесть или восемь нисходящих ступеней. Они были покрыты бочкообразными сводами, один из которых был ребристым в поперечном и диагональном направлениях, с большими резными боссами, вероятно, времен Ричарда II. Над ними расположены красивые комнаты с плоскими каминами, украшенными цветами и "засевшим" в них гартom, а также, возможно, условным гранатом. Эти здания выполнены в лучшем и чистейшем перпендикулярном стиле, а профили и детали лепнины замечательно подходят к этому прекрасному, но иногда довольно рыхлому материалу - красному песчанику, который здесь очень высокого качества.

Во дворе находится глубокий колодец, который до сих пор используется. В западном конце большого зала находится кирпичное здание, вероятно, работа какого-то управляющего или арендатора короны, примерно во времена королевы Анны или Георга I.

Насколько можно судить, в замке нет никаких следов норманнской кладки. Все строения, стены, башня, сторожка, зал и апартаменты почти или полностью относятся к одной дате и, вероятно, являются работой Джона Гонта, который жил здесь очень часто и в царственном состоянии. Это очень примечательно, потому что Тутбери упоминается в *Domesday*, был капищем очень важной норманнской чести и главной резиденцией великого норманнского рода Ферраров, графов Дерби, со времен Завоевания и до их разорения к концу правления Генриха III, с тех пор он по большей части находится в герцогстве Ланкастер.

Шоу в своей "Истории Стаффордшира" приводит два самых преувеличенных рисунка этого замка. Другой, более масштабный, вид с восточной стороны, сделанный в царствование Елизаветы, выгравирован в *"Vetusta Monumenta"*, vol. i., pl. 39. На фоне нелепой перспективы видны сторожка и восточная башня, возможно, восточное окно часовни в государственных апартаментах, круглая башня у восточного подножия и встроенная в курган, а также западная куртина с тремя настенными башнями на ней.

Татбери принадлежал королю и был взят парламентом во время войны Карла I, а затем, по приказу Палаты представителей, приведен почти в то состояние, в котором его можно увидеть сейчас.

Можно упомянуть, что в дополнение к обороне и ресурсам замка был проложен канал, известный как Блоха, частично только искусственный, который выходит из Голубятни примерно в миле выше замка, проходит под его стенами, где до сих пор работает большая и очень мощная мельница, и, наконец, возвращается в реку несколько ниже, пройдя параллельным курсом около трех миль.

Хотя временные свидетельства великолепия дома Феррарс исчезли, память о его церковном благодеянии, как обычно, сохранилась. Приходская церковь Святой Марии, некогда бывшая церковью феррарского аббатства Тутбери, до сих пор стоит в двух шагах от крепостной стены и, похоже, в древности входила в состав внешних оборонительных сооружений. Она была основана Генрихом де Феррарсом в правление Руфуса, имеет норманнский неф, клирос и приделы, а ее западный конец - один из самых совершенных и богатых норманнских фасадов. Это сооружение, которое использовалось не по назначению, по счастливой случайности попало под благоразумную опеку мистера Стрита, который занялся восстановлением норманнских частей и пристроил к алтарю большую полукруглую апсиду. Вероятно, это часовня Святой Марии в замке, в которой (18 Эдуард I.) Эдмунд граф Ланкастер основал специальную мессу.

Мария, королева Шотландии, была заточена в замке Татбери под присмотром Джорджа графа Шрусбери, который в то время был констеблем.

ЗАМОК УРКХАРТ, ИНВЕРНЕСС-ШИР.

Примерно на полпути между двумя оконечностями Лох-Несса лох внезапно уменьшается примерно на треть своей обычной ширины из-за выступающего с западного берега мощного мыса, под прикрытием которого на лох выходят долины Уркхарт и Мористон и вливают в него через болотистую залежь гравия и торфа свои воды.

Мыс, который таким образом частично изолирован между этими водами и лохом, довольно высок и круто спускается к своей оконечности на северо-востоке, снова поднимается и, наконец, заканчивается овальным и изрезанным бугром скалы, который возвышается на 50-100 футов над водой и прилегающей землей. На этом выступе расположен замок Уркхарт, который, таким образом, является очень заметным объектом с Лохнесса и сочетает в себе, в весьма примечательной степени, естественные и искусственные оборонительные сооружения на своей территории и в пределах своего участка.

Скала, открытая с каждого конца и вдоль северо-восточной стороны в сторону озера, со стороны суши защищена глубоким и широким рвом, вырытым по всей длине полуострова от берега до берега, не до уровня воды, на 10-12 футов, но на глубину, которая в одном месте дает обрывистую высоту от 30 до 40 футов для грани, образующей ее скалу.

В общем плане замок, как и скала, на которой он стоит, представляет собой неправильный овал, уменьшенный до фигуры часового стекла благодаря выемке в небольшой бухте

недалеко от центра. На северном и наиболее выдающемся конце находится прямоугольный замок. На суше находится сторожка, а на противоположной стороне, похоже, была небольшая башня. *Ансинт* завершен навесными стенами, толщина и высота которых варьируется от 4 до 9 футов, а высота - от 20 до 40 футов, в зависимости от того, поддерживают ли они здания внутри, занимают ли слабые или сильные места в обороне.

Вход в крепость находится на каменной дороге шириной 12 футов, с проезжей частью между парапетами и длиной около 80 футов от контрэскарпа до обрыва рва. Примерно в 40 футах от контрфорса и в 6 футах от центра рва, на глубине 10 футов, находится отверстие в 20 футов, ранее занятое разводным мостом, за которым парапеты выше, и, вероятно, являлись частью какой-то передовой работы, для управления и защиты моста. Эта часть обороны занимала оставшуюся часть дамбы, около 20 футов, ров здесь был шириной 80 футов, а между концом дамбы и воротами находилась платформа в 20 футов, с подъемом в 6 футов.

Ворота удалены примерно на 6 футов к югу от линии дамбы, чтобы предотвратить натиск на них. Это простой круглоголовый портал с проемом в 9 футов, расположенный между двумя полукруглыми башнями, над которым находится обычное маленькое смотровое окно камеры портупеи. Сразу за воротами находится квадратный паз, в котором висела портупея, а дальше - бочкообразный свод, ребристый с промежутками, для ворот, и с дверью логи по левую руку. Проход заканчивается простыми, но хорошими круглоголовыми воротами, зубцы и кольцевые камни которых сделаны из отличного пепла, и которые установлены во внутренней стороне сторожки. Это прямоугольное здание с двумя полукруглыми башнями, фланкирующими внешний вход, а по обе стороны от центрального прохода находятся палаты, также сводчатые, но с полукруглыми и полукупольными западными концами. Одна из этих комнат, как уже говорилось, открывается со своей стороны в проход, а другая - с торца, во двор. В сторожке был верхний этаж, также сводчатый, и, по-видимому, второй, от которого сохранились следы. Фрагменты обрушившегося с ее фасада дымового вала загромождают проезд.

Выйдя из сторожки, сразу же бросается в глаза суровый характер интерьера. Справа проложена тропа между двумя скальными холмами: слева - умеренно высоким, не достигающим до уступа воды, справа - высоким и крутым, перпендикулярным, образующим уступ суши, толщина стены которого достигает 9 футов. На юго-восточном конце, где соединяются две гряды, находится небольшая круглая возвышенность, которая, возможно, служила маяком. Эта часть внешней стены сама по себе является крепостью, а на самой высокой ее части сохранились следы построек. До сих пор сохранился фрагмент водораздельной завесы высотой около 30 футов и толщиной 6 футов, но в этом квартале нет никаких следов башен с фресками.

Сторожка выходит на самую узкую часть палаты, где она изрезана небольшой бухтой. Занавеска огибала эту бухту и содержала в себе столб, откуда вела тропинка к воде, защищенной здесь скалой. В занавесе есть окно - вероятно, часть здания для защиты почтового ящика и галер внизу.

Дорога от сторожки влево ведет к крепости. Она поднимается по крутой кривой между правой высокой стеной какого-то разрушенного здания, а слева - любопытным холмом из скалы, круто обрывающимся в прямоугольную фигуру высотой около 30 футов, на вершине которой находятся фундаменты здания размером 15 футов на 30 футов, которое, должно быть, было таким же высоким, как верхний этаж сторожки, и выходило на соседнюю куртину, от которой его отделяет узкий пологий путь. Следуя по извилистой дороге, мы достигаем поперечной стены, которая отсекает внутреннюю палату от внешней и образует пристройку к

замку. Эта палата трехсторонняя - своего рода четырехугольник, вершиной которого является замок. Суша и водные преграды образуют две стороны, а основанием служит неглубокий извилистый ров, в котором построена стена, а против нее - два здания, похожие на казармы. Между их внутренними концами находился вход. Эта палата была очень маленькой, и сейчас она густо завалена руинами.

Крепость представляет собой прекрасный пример строгого прямоугольного шотландского форта пятнадцатого века. Он имеет площадь около 40 футов, состоит из четырех этапов и построен на крутом склоне, так что его цокольный этаж находится над землей с внешней, а с внутренней, или придворной, стороны. Этот подвал имеет размеры 16 на 18 футов, сводчатый, со стенами толщиной от 10 до 16 футов, с петлей, поднимающейся к свету со стороны земли. Здесь, очевидно, находилась тюрьма. Дверь находится напротив петли и выходит в небольшой вестибюль, слева от которого находится колодезная лестница, а впереди - столб шириной 4 фута, с плоским верхом, закрытый дверью, которая выходила на небольшую площадку в 25 футах над лохом, куда ведет крутая извилистая тропинка. Поворотная лестница диаметром 8 футов находится в северо-восточном углу башни и выходит на каждый этаж и, наконец, на бойницы. Она не имеет внешнего выступа, но видна внутри, отсекая угол от каждого этажа. Подвал и верхний этаж - единственные сводчатые палаты.

Первый этаж освещен сегментным арочным окном, выходящим во двор, и небольшими квадратными петлями в сторону воды. Ширина проема в них варьируется от 6 дюймов до 2 футов, и в каждой из них, чуть ниже, есть отверстие для ойле, которое открывается из окна-сиденья. Камина не осталось, но восточная стена разрушена, в которой он, возможно, находился. В эту камеру, по-видимому, можно было попасть только по колодезной лестнице.

Второй этаж также имеет проемы под плоскими сегментными арками, а на южной стороне находится главная дверь, открывающаяся на высоте около 20 футов над землей, куда можно попасть либо по деревянным ступеням, либо каким-то другим способом, ныне разрушенным.

Третий этаж, или четвертая ступень, отличается от остальных тем, что в юго-восточном углу находится небольшая камера, дверь в которую находится в южной стене, недалеко от ее восточного конца. Возможно, это был ораторий, но поскольку восточная стена хранилища исчезла, а вместе с ней и восточная часть этой камеры, которая также недоступна, оставшиеся детали не были изучены. В западной стене главной камеры находится отличная плоская сегментная арка из пепла, которая охватывает камин и окно, выходящее на лог. Этот верхний этаж был перекрыт сводом, в западной части которого сохранились следы боковой арки, перекрывающей камин и окно. Большая часть основного свода обрушилась.

Остатков гардероба, по-видимому, не сохранилось. Парапета нет, но стену венчает смелый молдинг, а за ним, под каждым углом, ряд коротких карнизов, на которых, вероятно, стояли обычные башенки-бартизаны. Над дверью, в верхней части стены, находятся четыре смелых кронштейна, которые, очевидно, служили для ее защиты.

Уркхарт более обширен, чем большинство замков Хайленда, а следы казарм свидетельствуют о том, что его территория была использована по полной программе. В нем мог разместиться гарнизон численностью от 400 до 500 человек. Каменная кладка хоть и грубая, но хорошая, пропорции замка превосходны, а пепловая кладка, использованная для дверных проемов, квинтов и оконных наличников, хорошо выполнена. Сохранившиеся арки - круглоголовые или сегментные, а не остrokонечные. У северо-восточного угла храма есть небольшой короткий контрфорс, поставленный под углом, и еще один, тоже короткий,

пилястрового характера, с небольшим выступом, поставленный на западной стороне северо-западного угла. Куртина отходит от крепости, половина которой находится за ее пределами.

Уркхарт - одна из цепочки крепостей, протянувшихся через великое ущелье от Инвернесса до Инверлочи, и с ранних времен использовавшихся для защиты и охраны страны. По некоторым сведениям, она принадлежит Коминам из Баденоха, но точно известно, что когда Эдуард I. был в Килдрумми, близ Нэрна, в 1303 году, он послал отряд, который осадил этот замок и с некоторым трудом взял его, предав мечу сэра Алена де Буа, его правителя, и гарнизон. В 1334 году замок был передан Балиолу сэром Робертом Лаудером из Кворрел-Вуд в качестве губернатора; похоже, что эта должность была наследственной, поскольку дочь Лаудера вышла замуж за Чисхолма, а их сын, сэр Роберт Чисхолм из Чисхолма, владевший Кворрел-Вуд, имел также констебльство Уркхарт, тогда, и, вероятно, всегда, королевский замок. Однако титул Чисхолма был ненадежным, так как в 1359 году Давид II передал баронство и замок Уильяму, графу Сазерленду, и Джону, его сыну.

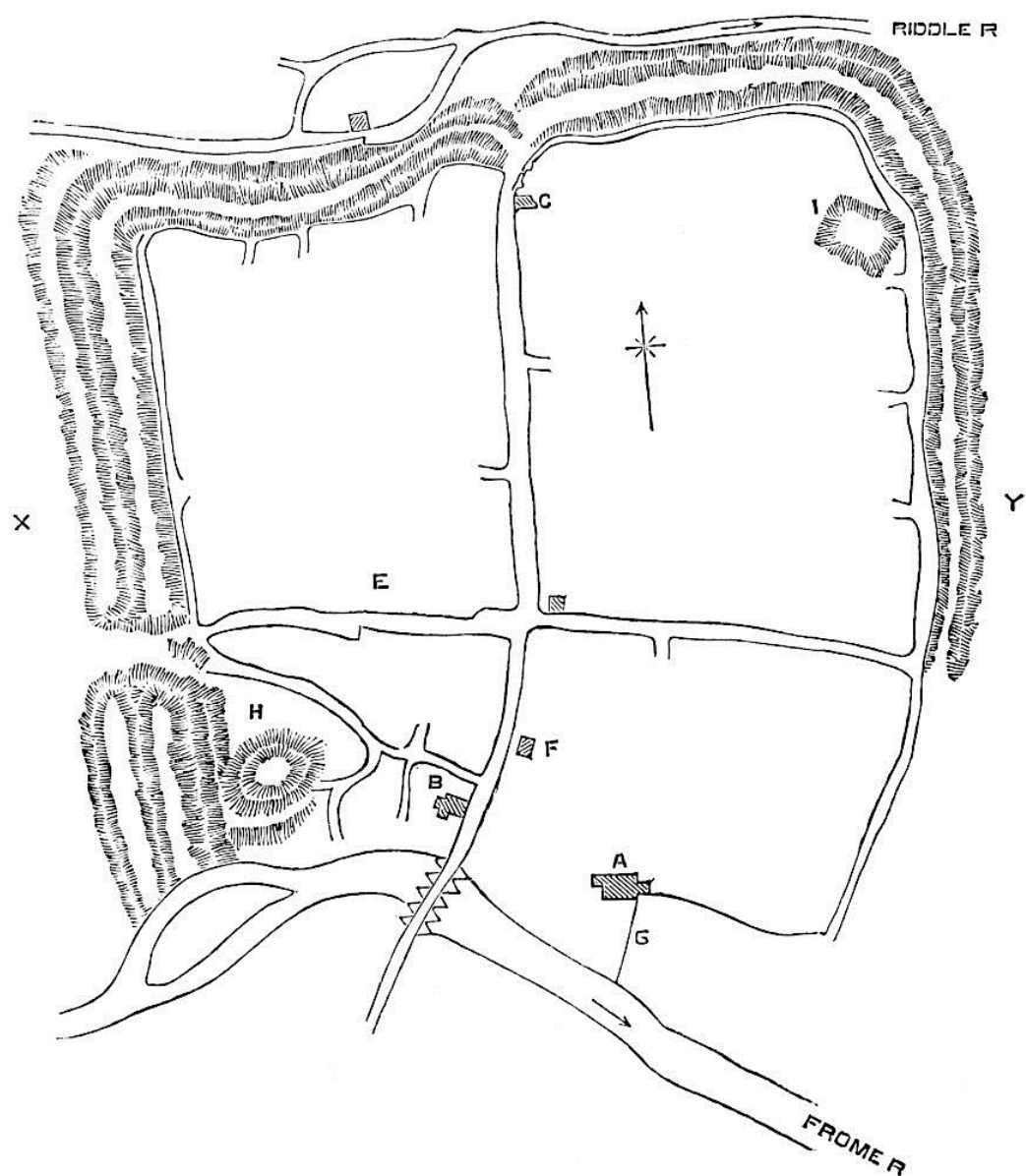
После этого Уркхарт перешел во владение короны к Грантам из Фручи, а затем из замка Грант, которые, будучи камергерами короны, получили во владение большую часть прилегающих земель. В 1509 году Яков IV, согласно акту шотландского парламента, пожаловал три четверти лордства Уркхарт, а также баронства Уркхарт и Гленмористон Гранту из Фручи и двум его сыновьям, от которых произошли Гранты Гленмористон и Корримони. С тех пор замок оставался в семье Грантов, а сейчас является собственностью графа Сифилда, чей дом Балмакан находится в нижней долине Уркхарта.

Похоже, что рыцари Храма обосновались в заливе и возделывали земли на его восточном берегу. Вероятно, они были констеблями замка. На ферме Финианс до сих пор находится местечко под названием Темпл.

До восстания 1745 года Глен Уркхарт находился в очень беспокойном состоянии. Грант там не проживал, а жители постоянно подвергались нападениям кланменов из Гленгарри, Лохиэля и Кинтайла.

Трудно с точностью определить дату возникновения как раннего, так и нынешнего замка Уркхарт. Ров, несомненно, намного старше осады 1303 года. Остатки ныне существующего замка вряд ли могут быть старше пятнадцатого века, и, вероятно, он был одним из тех, что были построены примерно в его середине, в соответствии с настоятельной рекомендацией, опубликованной Яковом I по возвращении из плена в Англии.

Прекрасный рассказ об этой части Нагорья и о происхождении владений Уркхартов можно найти в "Новом статистическом отчете Шотландии для Инвернесс-шира", с. 43.

SECTION X.Y.

1. Сент-Мэри.
2. Троицы.
3. Св. Мартина.
4. Святого Петра.
5. Николая.
6. Святого Иоанна.
7. Приорат.
8. Замок.
9. Боулинг-грин.

ВАРЕГЕМ, ДОРСЕТШИР.

УАРЕМ, ДОРСЕТШИР.

Уорехам и Корф - ключи Пурбека, или, скорее, Корф - крепость, а Уорехам - плацдарм этого смелого выступа мела в Дорсете, южный мыс которого носит имя протомученика Англии и восточные точки которого - тройные отроги Дерлстон, Певерелл и Студланд - образуют восточные точки, каждая со своей бухтой, и все это защищает от преобладающего западного ветра большой изгиб побережья между Пурбеком и Иглами, в бухте которого открывается гавань Пула, а под головой Хенгисбери - устье двух потоков, когда-то давших имя Крайстчерчу, прежде чем на берегах Эйвона возвысились замок или приорство.

Северянам эти мысы, заливы и реки были хорошо знакомы. Их длинные корабли находили здесь убежище, пока выносливые моряки разоряли страну, наследниками которой им предстояло однажды стать. Хотя Пурбек, как и Шеппи и Портленд, называют островом, на самом деле он даже не является полуостровом. Если бы он опустился на глубину от 50 до 100 футов, то только великий меловой хребет, протянувшийся от Лулворта до Студланда, был бы виден над водой, а низкая широкая долина, обозначающая русло Незер-Фрома и Пиддл, была бы покрыта и вместе с гаванью Пул образовала бы значительный эстуарий. Даже сейчас долины рек низкие и влажные, а в восьмом и девятом веках они, без сомнения, представляли собой непроходимую топь. Там, где природа сделала так много, от искусства требовалось совсем немного, и, соответственно, военные остатки в Пурбеке скудны. Ворбарроу, мощный полукруглый лагерь с насыпями и рвами, венчает крутой утес на одном конце великого хребта, Корф или Корф-гат занимает брешь или ворота недалеко от его центра, а Уэрхем, расположенный на берегу болота и между двумя реками, эффективно охраняет подход с севера. Обычно считается, что лагерь на морских скалах - дело рук тех, кто пользовался морем и ставил свои галеры на берегу; если это так, то Ворбарроу должен быть делом рук северян, хотя в любом другом положении он считался бы британским. Корф, вероятно, является полностью английским портом; что представляет собой Уарем, является предметом настоящего обзора.

Уэрхем, город, который до сих пор является парламентским округом, хотя один из его членов был отстранен от власти во время великой борьбы за реформы, построен на меловом холме, восточной оконечности широкого низкого хребта, который спускается и становится более узким с запада и северо-запада, и наконец опускается в низину немного восточнее города. Этот хребет разделяет долины Фрома и Пиддл, главных рек Дорсета, а его окончание знаменует встречу вод, которые вместе впадают в залив гавани Пул. Пиддл лежит к северу от хребта, а Фром - к югу. Город между ними имеет ширину около полумили, а их мосты соединяет главная улица. В плане город почти квадратный, западная сторона составляет около 600 ярдов, северная - 650 ярдов, а площадь довольно равномерно разделена главной улицей, которую под прямым углом пересекает вторая улица, делящая город, по римскому образцу, на четыре квартала. Как и в Уоллингфорде и Тамворте, контур этой прямоугольной фигуры представляет собой земляной вал, в пределах которого был построен город, и который теперь слишком широк для его сократившегося процветания. Оборона представляет собой простой вал и ров, содержимое последнего было насыпано, чтобы увеличить высоту первого; но так как местность, в которую он заключен, естественно, высокая, с крутым склоном на севере и востоке, с этих двух сторон вал представляет собой только обрыв, а река на севере образует ров. На востоке земля не такая низкая, и реки там нет: поэтому здесь находится ров. Высота северного обрыва составляет около 45 футов, а

уклон варьируется от полутора до двух к одному. Его гребень имеет ширину 15 футов, и он возвышается над землей внутри и позади него примерно на 15 футов. В западной части берег изрезан и угловат; восточная половина очень однородна и, похоже, никогда не нарушалась.

Северная сторона прямая или почти прямая; восточная имеет низкий выступ около центра. Эта сторона не доходит до реки. Действительно, есть пологое место, которое, кажется, представляет собой ров, но берег отсутствует на протяжении последних 200 или 300 ярдов. Западная сторона гораздо сильнее и совершеннее. Здесь берег в полный рост доходит до края реки, а ров широкий и глубокий. Это была слабая сторона, так как внешняя земля была высокой. Этот берег также сильно изрезан, и совершенно ясно, что во время парламентских войн нападение должно было ожидаться с северо-запада, так как берег изрезан амбразурами для пушек, и есть различные небольшие насыпи, чтобы предотвратить их от бокового и сгребающего огня. Ров также, вместо того чтобы быть вырезанным по центральной линии, имеет V-образную форму, как обычно в средневековых укреплениях, и, как в случае с этим ровом у реки, является широким и плоскодонным, как будто он был расширен и частично заполнен в соответствии с требованиями оборонительного искусства, практиковавшегося в семнадцатом веке.

Вдоль южного фронта или фронта Фрома, где земля постепенно уклоняется, земляных сооружений нет. Несомненно, река служила защитой, как и на другом фронте, но отсутствие каких-либо специальных работ в южном и юго-восточном кварталах выглядит так, как будто те, кто строил, пришли со стороны моря и хотели защитить Пурбек, тогда как исторически предполагается, что Уэрхем должен был быть брошен против захватчиков, и что он был английской крепостью против саксов и английской крепостью против датчан.

Из четырех довольно равных кварталов, на которые разделена территория, юго-западный содержит более позднюю и вспомогательную постройку, возведенную на берегу реки Фром и немного в стороне от основной обороны. Это коническая насыпь с плоской вершиной, возвышающаяся примерно на 50 футов над рекой и диаметром около 60 футов на своей вершине. Он имеет ров, шириной около 60 футов, отделяющий его от основного берега, а к востоку и юго-востоку от него видны следы других, более низких земляных сооружений, которые, несомненно, включали в себя площадки или палаты, обычно пристраиваемые к таким насыпям. Однако вся эта местность крайне запутанна, она покрыта переулками, дворами и садами, обнесенными стенами. Здесь стоял нормандский замок, построенный, как обычно, на земляном валу английской резиденции.

В северо-восточном квартале находится еще одно земляное сооружение, также находящееся внутри и более позднее, чем основная оборона. Это прямоугольное сооружение размером 60 ярдов на 30 ярдов, в пределах насыпи высотой около 4 футов с основанием 12 футов и внешним ровом шириной около 6 футов. В одном конце есть вход, углы слегка закруглены, а поскольку северо-восточный угол немного поднимается к хвосту соседнего вала, ясно, что это более поздняя работа. Это похоже на небольшой римский лагерь, хотя в таком положении он кажется совершенно неуместным. Он называется боулинг-грин, и, возможно, был создан для этой игры. Трудно сказать, что это такое.

Из двух дорог, пересекающих Уэрхем, та, что идет на север и на юг, является главной и ведет в Корф. Мост через Фром, по которому она проходит, как говорят, заменил мост, построенный во времена правления Уильяма Руфуса. Дорога на восток и запад - важный путь в одном направлении, поскольку ведет из Дорчестера, и, следовательно, вполне может быть римской. Достигнув креста, она продолжается на восток, но это ее ответвление никуда не вело из города.

Уэрхем, как и Уоллингфорд, был хорошо обеспечен церковными учреждениями: в его пределах находилось восемь церквей и приорство. Приорат, первоначально основанный, как говорят, Адхельмом, епископом Шерборна, который умер в 709 году, несомненно, существовал как женский монастырь до 876 года, когда город был захвачен датчанами. Церковь, посвященная Деве Марии, сейчас является главной церковью в этом месте, а Троицкая, которая сейчас используется как школа, вероятно, была часовней замка. Церковь Святого Мартина - небольшая церковь на восточном краю глубокой прорези, через которую северная дорога входит в город. У нее есть небольшая поздняя башня, но неф и часть алтаря, похоже, относятся к ранней норманнской эпохе. Здесь находятся часовни Святого Петра, Святого Николая, Святого Иоанна, Святого Михаила, Всех святых и еще одна Святого Иоанна.

От каменной кладки замка ничего не осталось, но прилегающие стены, очевидно, содержат много старого материала, а в одной из них находится старый норманнский дверной проем с жирной шевронной лепкой вокруг головы, перемежающейся с линией кругов. Он, несомненно, принадлежал замку.

По расположению и плану Уоллингфорд и Тамворт, а также Кардифф и Уэрхем очень похожи друг на друга. В каждом случае общая земляная насыпь прямоугольная, смелого профиля, с одним рвом, расположена у реки и с этой стороны не имеет берегов. У каждого из них есть курган в сторону реки со своими собственными оборонительными сооружениями, и на каждом из них норманны разместили панцирную крепость. Нет никаких свидетельств римского заселения любого из этих мест, хотя дорога из Уэрхема в Дорчестер может быть римской, а если провести линию рва Аккебери от Сарума до Бадбери, то она пройдет близко к западу от этого места. Возможно, прямоугольные оборонительные сооружения были делом рук романизированных бриттов, а курган - английское дополнение девятого века. Это сооружение никогда не было известно как "Честер".

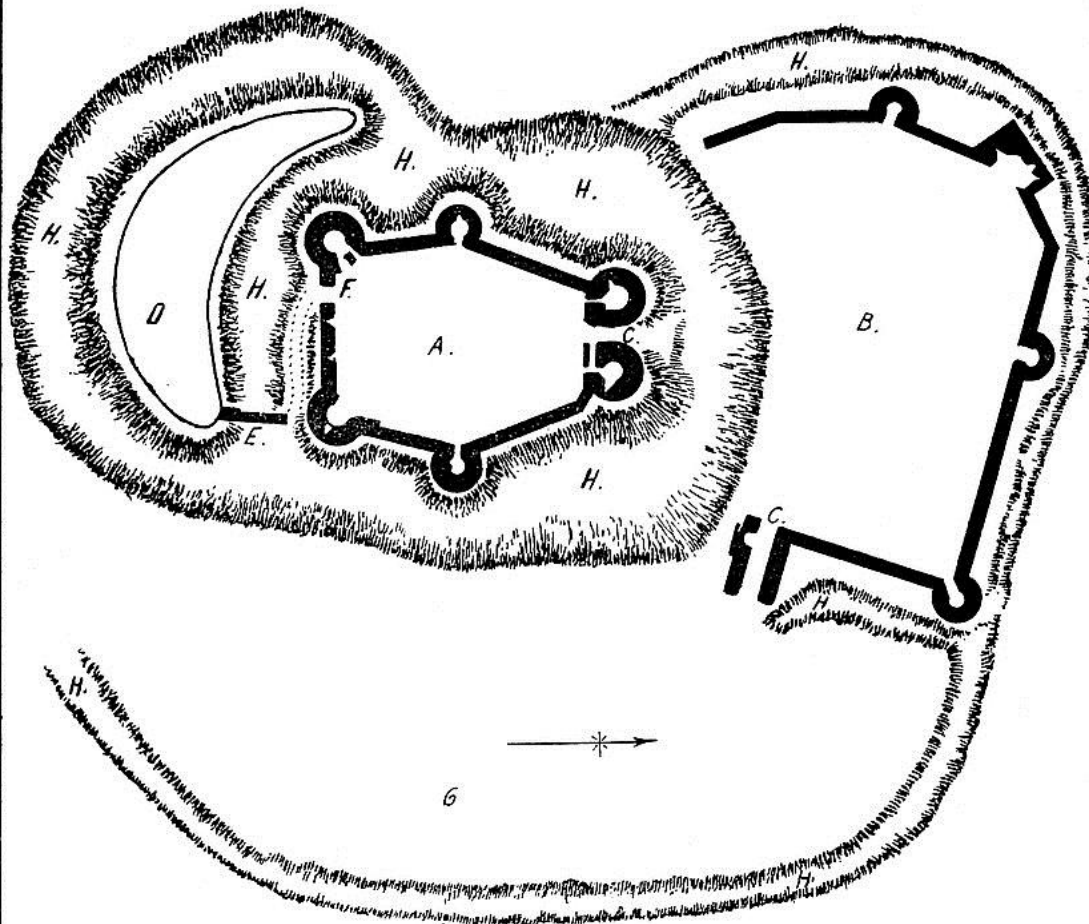
Уэрхем был важным местом в Западно-Саксонском королевстве. В 800 году здесь был похоронен король Беортрик, который женился на дочери Оффы, и во времена которого датчане впервые высадились в Британии. В 876 году датчане напали на Уарем и взяли его, но подчинились Альфреду и ушли в Эксетер. Флоренс говорит о датчанах: "Castellum quod dicitur Werham intravit; ubi monasterium sancti-monialium inter duo flumina Fraw et Terente it in paga quæ Saxonice dicitur. Downseto, tutissimo situ terrarum situm est, nisi ab occidentali parte tantummodo, ubi contigua est terra." И именно с этой стороны работы наиболее сильны. Часть датчан покинула Варегем по морю, а часть - верхом на лошадях. Однако в следующем году они снова оказались в Варехеме, и их флот потерпел крушение у берегов Суонэйджа, а 120 кораблей были потеряны. В это время Уарем стал датской штаб-квартирой. Столетие спустя, в марте 978 года, король Эдуард, убитый в Корвсгейте или Корфе, был безмолвно похоронен в Уэрхеме, чтобы затем быть переведенным в Шафтсбери. В 982 году там же умерла Вульфун, настоятельница Уарема. В 998 году здесь снова появились датчане, а в 1015 году Канут проплыл вверх по реке Фром, сжигая и грабя все на своем пути. В Domesday говорится, что Исповедник владел 143 лошадьми в Wareham. В городе было два монетных мастера, но во время исследования город находился в запустении, а многие дома были разрушены.

Замок упоминается в Domesday: "Из поместья Чингстоун король получил один участок, на котором он построил замок Уарем, и за это он отдал церковь Святой Марии в Гелингеме с пристройками стоимостью в 40 шиллингов". Это единственный замок, упомянутый в графстве. Чингстоун - это поместье замка Корф, а церковь Святой Марии - аббатство Шафтсбери. Роберт, герцог Нормандии, некоторое время находился в заточении в замке, как и Роберт де Белесме, который, как говорят, умер здесь от голода. Город и замок были сожжены во время войн Стефана и Мод. Ее великий поборник, граф Глостер, отправился

сюда по пути в Анжу в 1142 году, а Уильям, его сын, был губернатором, когда город был взят Стефаном. Затем граф вновь захватил его, и замок продержался три недели. Именно в это время он захватил Лулворт и, вероятно, построил замок "Лук и стрела" в Портленде. Король Джон высадился в Уэрхеме в 1205 году и посетил это место четыре раза, пробыв здесь около пятнадцати дней в 1209-12-15 и 1216 годах. Питер из Помфрета был повешен здесь в 1213 году. Тогда и долгое время после этого он был довольно известным морским портом, и уже в 1558 году к его причалам подходили довольно крупные корабли. Замковый холм" был пожалован Яковом I. Западная земляная насыпь долгое время носила название "Кровавый берег", поскольку здесь казнили жертв судьи Джеффриса.

БЕЛЫЙ ЗАМОК.

WHITE CASTLE.

A	Inner Ward.	D	Lesser Barbican.	G	Outwork.
B	Great Barbican.	E	Bridge.	H	Ditches.
CC	Gateways.	F	South Entrance.		

100. 50. 0. 100.
SCALE OF FEET.

Уайман и сыновья, G^t. Queen St^t. Лондон.

- Внутреннее отделение.
- BG Great Barbican.
- CCGateways.
- DLMеньше Барбикана.
- EBridge.

- Южный вход.
- GOutwork.
- HD Канавы.

Во время гражданской войны Уэрхем был ареной многочисленных боев, его много раз брали и возвращали. В 1642 году его гарнизонировал парламент, затем он был взят королем, а в 1643 году снова взят парламентом. В 1644 году роялисты взяли его штурмом. Именно во время этих войн западный берег был сильно изменен, чтобы сделать его пригодным для оборонительной системы того времени.

БЕЛЫЙ ЗАМОК, МОНТМУТШИР.

Белый замок, называемый также по приходу, в котором он находится, Ллантейло-Крессени, а в записях "Альбом Каструм", стоит на очень высоком месте в пяти милях к востоку от Абергавенни, и с него открывается обширный и совершенно панорамный вид на страну, характерную для старого красного песчаника. В пределах широкой окружности находятся горы и холмы, зеленые до самых вершин, глубокие долины, дубы и вязы огромных размеров и в большом изобилии, а также пастбища, отличающиеся необыкновенным богатством. Не стоит удивляться тому, что валлийцы, потеряв столь славное владение, стремились его вернуть, а англичане и норманны, завоевав его, не пожалели труда и средств на строительство укрепленных пунктов, чтобы удержать его.

В отличие от Гросмаунта, Скенфрита, Гудрича и Чепстоу, а также других замков на реках Муннов и Уай и на морском побережье Ла-Манша, Белый замок находится далеко от любого водотока или пригодной для обороны реки, и добраться до него можно только с помощью длинного и крутого подъема. Он находится в пяти с половиной милях от Скенфрита и в пяти от Гросмаунта - Гросмаунт и Скенфрит разделяют четыре с половиной мили - и представляет собой западную и наиболее уязвимую точку знаменитой трехсторонней линии. Его упадок объясняется скорее временем, чем насилием, ведь стены и башни уцелели, не хватает только тех частей, которые естественным образом поддаются дождю и морозу или время от времени демонтируются для перестройки домов и коттеджей по соседству.

Белый замок так же необычен в своем устройстве, как и в расположении. У него нет крепости, и в этом он похож на эдвардианский замок; но в отличие от этих сооружений, типичными примерами которых являются Каэрфилли в Южном и Бомарис в Северном Уэльсе, его основные оборонительные сооружения ограничены одной линией, прикрытой, однако, у главного входа земляной стеной или барбаканом, а у меньшего входа - второй и довольно меньшей земляной стеной, без кладки или с незначительной кладкой. Его рвы также внушительных размеров, как по глубине, так и по ширине и протяженности, и в целом, как по расположению, так и по деталям, он не уступает по прочности ни одному замку в Марте, а по вместимости и вовсе относится к первому классу.

Он состоит из центрального корпуса, в целом шестиугольного, но продолговатого и несколько грушевидного, его внутренний диаметр на севере и юге составляет 50 ярдов, а

наибольший поперечный диаметр на востоке и западе - 37 ярдов. Северный конец, также внутренний, составляет 15 ярдов, а южный - 18 ярдов. Длина сторон, примыкающих к северному концу, составляет 27 ярдов, к южному - 23 и 26 ярдов. Толщина стены у основания составляет 10 футов, а внешние уклоны достигают 7 футов при высоте 15 футов. Высота стены составляет около 30 футов до вала или аллюра. Башни у двух южных углов имеют внутренний диаметр 18 футов, толщина стен - 7 футов. Две средние башни - 12 футов, две другие, расположенные у северных углов, образуют большой проходной двор и имеют высоту 13 футов. Их высота составляет около 45 футов. Четыре южные башни имеют подвальный этаж, расположенный немного ниже уровня двора, с одной петлей; первый этаж с тремя петлями и второй этаж, откуда был выход на валы куртины. По-видимому, имелся также верхний или третий этаж. Все полы были деревянными, лестницы и настенные палаты отсутствуют. Стены ущелья двух южных башен разрушены, западной - частично; восточная - идеальна и содержит входной проем в 3 фута. В сторожевые башни также входят по ущелью со стороны двора, но стена ущелья толще и содержит ряд фресковых лестниц, поднимающихся на вершину. Они не "поворотные" и не непрерывные, а начинаются заново на каждом этаже. В воротах, скрытых, если не смотреть спереди, необычайно смелым выступом фланкирующих башен, есть проход шириной 10 футов и глубиной 8 футов. Бочковой свод сохранился, но пепел внутренних ворот исчез, и о его прежнем существовании свидетельствует только отверстие в решетке. В наружных воротах сохранились два отверстия для прутьев и фрагмент паза портупей площадью 4 дюйма, расположенный снаружи ворот, так что решетка была полностью видна даже в поднятом состоянии, если, конечно, не была скрыта деревянной решеткой. Она была сделана из машикуля между башнями, который теперь исчез. Фланкирующие башни не имеют петель, к той, что слева от входа, ведет узкий дверной проем в своде. Если к этим воротам был пристроен разводной мост, то его пятка должна была упираться в большой камень, расположенный примерно в 10 футах впереди и на 6 футов ниже уровня портала. Ров в этом месте имеет ширину около 100 футов, а глубину - от 30 до 40 футов. Очевидно, что во рву не было каменных опор, поэтому проезжая часть, вероятно, опиралась на эстакады.

Противоположные и меньшие ворота находятся в южной стене, ближе к ее западному концу, и с одной стороны примыкают к юго-западной башне. По-видимому, это было простое отверстие в занавесе шириной около 10 футов. Сейчас это просто пролом, но отверстия для бруса сохранились. Никаких признаков порткуллиса не обнаружено. Подход к этим воротам проходил по краю рва, между ним и стеной, с востока, и контролировался двумя петлями в куртине и юго-восточной башней.

Территория двора совершенно свободна от построек, но несколько куч мусора показывают, что здесь находились деревянные здания барачного типа с каменными подвалами, поставленные к стенам, которые были оштукатурены. Здесь нет ни следа зала, часовни, кухни, колодца или постоянных жилищ, ни каких-либо украшений; ни лепнины, ни настенных камер или садовников, ни лестницы, кроме как в большой сторожке, и только два небольших камина, в первом и втором этажах северо-восточной надвратной башни. Башни не только смелые и высокие, около 60 футов в высоту, но и внешняя половина их оснований уходит на много футов вниз по склону рва, что придает им большую ширину основания и очень основательный и массивный характер.

Большой барбакан - очень примечательная работа, не похожая на аналогичную оборону в замке Райзинг, которая, однако, ограничивается земляной насыпью, тогда как здесь оборонительные сооружения выполнены и в земляной, и в каменной кладке. Она имеет неправильную форму, вогнута там, где опирается на контркарп главного рва, - на других

гранях она выпуклая. В глубину, или с севера на юг, она составляет около 56 ярдов; в ширину - 74 ярда. Она защищена рвом умеренных размеров, который сообщается с главным рвом на каждом конце, но не достигает и четверти его глубины. Куртина имеет очень неровные очертания, западная сторона состоит из четырех прямых участков кладки, пересекающихся под разными углами. Передняя часть представляет собой длинную прямую стену, а восточная сторона, также прямая, пересекается с ней под прямым углом. Толщина занавеса этой пристройки составляет около 5 футов, а высота - от 15 до 18 футов. На нем расположены четыре башни с фресками; три из них, барабанообразные, имеют внутренний диаметр 10 футов, а входы в них находятся на первом этаже со стороны двора. По высоте они возвышаются над занавесом на целый этаж. Они примыкают к полю, имеют деревянные полы, а их лестницы, по-видимому, были деревянными. Одна из башен угловатая и, очевидно, служила кухней: в ней сохранилась часть печи и очертания большого камина.

Внешняя сторожка находится в юго-восточном углу барбакана, завершая его стену и упираясь в контрэскарп главного рва. Это грубая конструкция, состоящая из двух сплошных стен длиной 46 футов и толщиной 9 футов, закругленных на внешнем конце. Большая часть северной стены исчезла, а вместе с ней и крыша или свод входного прохода, и детали ворот. Подобный вход между высокими и длинными стенами встречается в Конисборо и Беркхампстеде. Другой или внутренний конец стены барбакана, у юго-западного угла, заканчивается круто и, вероятно, спускается немного вниз по контрэскарпу главного рва, чтобы предотвратить вход. В стене есть углубление шириной 6 футов 4 дюйма и глубиной 3 фута, которое, возможно, было общественным садом, подобным тому, что находится в стене среднего отделения замка Корф.

Меньший барбакан прикрывает южный вход, путь к которому, однако, судя по всему, не пролегал через него. Он только земляной, то есть не имеет стен, но обладает большой прочностью; по форме, да и по назначению, он представляет собой люнет. Его диаметр, в направлении от ворот наружу, составляет 20 ярдов, а ширина - 100 ярдов. Он опирается на контрэскарп главного рва, ширина которого здесь составляет около 20 ярдов. Кроме того, спереди и по бокам он имеет собственный ров шириной около 20 ярдов, сообщающийся с главным рвом. В некоторых местах эта работа, похоже, была облицована. С основной частью замка его соединял узкий мост, который выходил из восточного угла и от которого сохранились следы. Похоже, что в этом месте не было никаких внешних ворот; вероятно, сюда можно было добраться на лодке через ров или по дощатому мосту на эстакадах.

Кроме вышеописанных сооружений, есть еще одно, гораздо более крупное, хотя и менее прочное, земляное сооружение, которое охватывает всю восточную сторону замка, а также фланги его барбиканов. Его ширина составляет около 30 ярдов, он находится за пределами главного рва, на котором покоится, и ровов барбиканов. Кроме того, по направлению к полю имелся собственный ров, превращенный теперь в пологое шоссе. Подход к любым воротам замка с востока пролегал через этот флигель, который, вероятно, был крепко обнесен частоколом и предназначался для того, чтобы дать крестьянам и их скоту достаточно безопасное убежище во время вторжений валлийцев.

Из общей конструкции, расположения и вместимости этого замка очевидно, что он не предназначался, как Каэрфилли, для размещения великого военного барона, как Морле или Кастель Кох, для простого военного порта. Его центральная часть представляет собой не что иное, как укрепленный район, подобно Фрамлингему, где, однако, как и в Сент-Бриавеле, был замок. Здесь же его, конечно, не было. Он всегда был и остается лишь оболочкой, состоящей из мощной и высокой куртины, башен с фресками и сторожки. Похоже, здесь не было ни одного из обычных зданий, присущих большому замку. Жилье внутри стен, похоже,

состояло из деревянных сараев, стоящих на каменном фундаменте и пристроенных к стенам. Таким образом можно было разместить очень большое количество солдат.

Более того, возможности размещения большого количества войск не ограничивались внутренним корпусом. Флигели также просторны и крепки, в них могла разместиться как небольшая армия, так и *элита* или, возможно, кавалерия большой армии, а также значительное стадо и отара крупного рогатого скота и овец. Такое место было бы надежно защищено от любого обычного вторжения валлийцев, а при поддержке столь же сильных, хотя и менее вместительных замков Гросмаунт и Скенфрит, не говоря уже о Чепстоу и Керлеоне, которые не всегда находились в дружественных руках, не только затрудняло бы вход валлийской армии в Гвент, но и делало бы ее отступление, как только она окажется в пределах линии, практически невозможным.

Что касается возраста Белого замка, то трудно сказать что-то положительное. Земляные работы не носят ни английского, ни тем более валлийского характера. Да и норманны, как правило, никогда не возводили земляных сооружений такого огромного масштаба. Каменная кладка, вероятно, относится к эпохе Иоанна, а возможно, и Генриха III, современника Скенфрита, а может быть, и немного позже, и земляные работы могут быть той же даты. Они, безусловно, предназначены для каменного замка, а не для простой резиденции мерсийского тана с палисадом. Они совсем не похожи на земляные сооружения, связанные с дамбой Оффы, или на те, которые, как известно, были делом рук Этельфледа или Эадварда. В целом, кажется более вероятным, что, учитывая чрезвычайную важность положения, ранние норманнские захватчики вышли за рамки обычного характера своих земляных сооружений, спроектировали и выполнили те, которые мы видим до сих пор.

Название Белого замка - на валлийском языке "Кастель Гвин" - происходит, как говорят, от имени Гвина ап Гвэтвоэда, брата предполагаемого основателя Скенфрита и одного из валлийских лордов этого района. Если это так, то он, должно быть, владел им во время смуты, предшествовавшей и последовавшей за смертью Гарольда, но все постройки, которые он мог найти или возвести, были, вероятно, уничтожены нынешним замком. Замок, как и замки Гросмаунт и Скенфрит, принадлежал то семье де Бреоза, то короне, и, наконец, герцогам Ланкастерским. Несомненно, он оказался в общем пренебрежении к пограничным замкам, то есть к тем, которые не были резиденцией какой-либо баронской семьи. Во времена Якова I он представлял собой руины, и был таковым на протяжении всей человеческой памяти.

УИТТИНГТОН, ШРОПШИР.

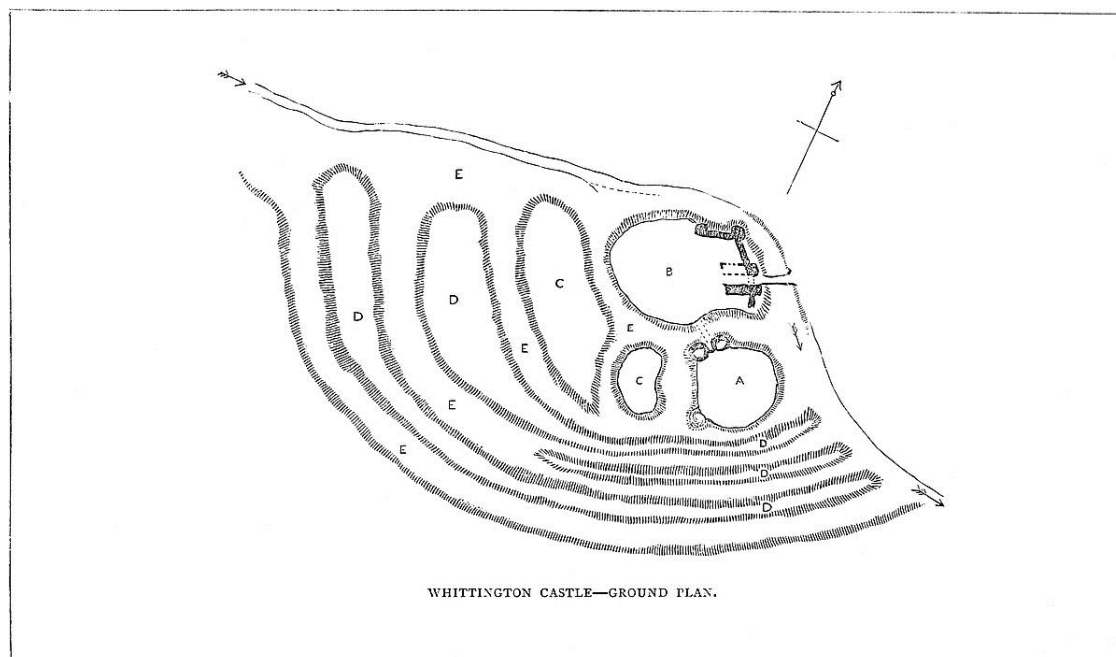
Среди баронских семей, поднявшихся на руинах дома Монтомери и овладевших осколками той власти, которая, объединившись в руках графа Роджера и Роберта де Белесма, оказалась столь грозной, лорды Клун, Освальдестр и Уиттингтон, де Сэй, Фиц-Алан и Фиц-Варин занимали в северных частях великого графства и на границах Уэльса далеко не последнее место. Де Сей, правда, быстро, благодаря наследнице, поглотился Фиц-Аланом, и, вероятно, таким же удобным образом "Феликс Австрия Нуб", широкие земли Певереля, слились с Фиц-Варином, так что лорды Освальдестр и Уиттингтон властвовали в Марче примерно на равных и попеременно подвергались то посягательствам своего государя, с одной стороны, и яростным нападениям валлийцев с другой - опасностям, которые, вероятно, не позволили им повернуть оружие друг против друга, так что они оставались

энергичными и воинственными на протяжении более двух столетий, хотя крепостные стены их замков были хорошо видны, один от другого, и их разделяло всего две мили.

Расположение Освальдестра уже было описано. Уиттингтон находился примерно в двух милях к северо-востоку и примерно в четырех с половиной милях в пределах или к востоку от дамбы Оффы, а между ними простиралась дамба Уатта. Место для Уиттингтона было выбрано, скорее всего, как центр плодородного поместья, а не из-за каких-либо поразительных военных преимуществ, так как оно низкое и болотистое - особенность, которой, однако, древний инженер в значительной степени и разумно воспользовался. Кем и когда была основана первоначальная крепость, совершенно неизвестно. Определенно, задолго до того, как ее заняли норманнские захватчики, отождествившие ее со своей славой. Поскольку, как и Шрусбери, Клун и Освальдестр, крепость располагалась на насыпном холме, ее происхождение, как и их, вероятно, можно отнести к правлению Эдуарда Старшего или к началу десятого века, а также к свирепым мерсийским саксам, которые еще в середине седьмого века обосновались вдоль валлийской границы.

Центральный курган, который является главной особенностью этих и многих других крепостей девятого и десятого веков, здесь полностью искусственный, около 30 футов в высоту и примерно 150 футов на 100 футов в диаметре на своей округлой и столовой вершине. У подножия кургана находится ров, от 40 до 60 футов в ширину, а за ним три возвышенные платформы, что было не редкостью. Первая из них находится на севере и востоке, и она также засыпана. Через нее проходил главный вход с внешней дороги и в крепость. С западной стороны находится вторая платформа, также насыпная и по прочности превосходящая сам курган замка. Третья платформа, значительно превосходящая их по площади и также обнесенная рвом, находится за ними, на северо-западе.

Скопление четырех островов, защищенных таким образом от внешних воздействий и друг от друга, с юга и запада прикрыто тремя валами и тремя рвами, расположенными концентрически и включающими в себя треть большого круга радиусом восьмьсот ярдов, внутри которого, в форме треугольника, и находится замок. С севера и востока оборона была образована не валами и рвами, а широким пространством, которое до сих пор остается болотистой местностью, а раньше, должно быть, представляло собой непроходимую топь. Этот участок был затоплен небольшим, но быстрым ручьем, который спускался с северо-запада, огибал концы рвов замка и снабжал их водой. В настоящее время ручей проходит по южному краю старого морга и, протекая перед внешним входом, сворачивает на юго-восток, вероятно, снова соединяясь со рвами замка в их другом или восточном конце. Описанные земляные сооружения, обнесенные частоколом или даже обсаженные по внешнему берегу крепкой терновой изгородью, обладали бы большой прочностью. Рвы, вероятно, содержали воду, и вместе с болотом стали бы еще более непроходимыми, если бы вода ушла, а ее место занял ил. Что нашел или поставил в качестве защитных сооружений норманнский барон, получивший это поместье, сейчас выяснить невозможно. Из сохранившейся каменной кладки нет ничего, что можно было бы отнести к периоду, более раннему, чем правление Генриха III. Вряд ли это была первая кладка, использованная в обороне; и все же, если стены и башни были построены во времена Генриха II и Иоанна, они, несомненно, были основательными и заметными, и вряд ли были бы удалены временем или рукой человека за столетие или полтора.

ПЛАН ТЕРРИТОРИИ ЗАМКА УИТТИНГТОН.

Центральная насыпь была вертикально вырублена, вероятно, во времена Генриха III, и заключена в мощную крепостную стену высотой около 30 футов. Она, по-видимому, была увенчана парапетом и укреплена несколькими фланкирующими башнями, из которых сохранилась одна и часть двух других. Самая совершенная из них - цилиндрическая, около 30 футов в диаметре, со стенами толщиной 10 футов. Ее основание занимает круглая яма, вероятно, подземелье, и если это так, то мрачное и сырое, не имеющее ни одной петли или вентиляционного отверстия. Пол на фут или два выше уровня дна рва, а покрывающая его деревянная платформа - пол первого этажа - находилась на одном уровне с вершиной кургана. Эта ступень имела две петли, крестообразные, с очень длинной нижней конечностью, заканчивающейся "ласточкиным хвостом". Они располагались в больших углублениях, низко заостренных. Имелся верхний этаж, от которого сохранились лишь фрагменты. В яму, вероятно, вела лестница, так как дверь, виднеющаяся в ее основании на востоке, является вставкой. Дверь второго этажа представлена проломом на юго-западной стороне. Эта башня обрамляла внутренние ворота крепости. От соответствующей башни на западе сохранилась лишь часть. Она была такого же размера и формы, а между ними было пространство в 12 футов, занятое воротами и разводным мостом, от которого осталась яма.

Фрагмент основания подобной башни виден у юго-западного угла кургана, а к юго-востоку и северо-востоку находились еще две, а возможно, и три башни; но эта часть работ скрыта рыхлой землей и густой растительностью. В целом, похоже, что крепость представляла собой многоугольный курган, обнесенный мощной крепостной стеной, а над каждым углом возвышалась круглая башня, поднимавшаяся из рва. Говорят, что в юго-западном углу находился колодец, но сейчас его не видно. От внутренней сторожки мост пересекал внутренний ров и упирался в противоположный берег, в нескольких ярдах сзади или к западу от внешней сторожки. Это было прямоугольное сооружение, имеющее на восточном или внешнем конце две башни с трехчетвертными барабанами, соответствующие по размеру и исполнению тем, что фланкируют внутренне, как и внешние ворота. Они соединены крестообразными петлями с голубиным хвостом, а между ними находится вдавленная остроконечная арка простого рисунка, с фасками и наружным валиком. Говорят, что в стене над воротами есть эскулап, но если это так, то он скрыт плющом. Выше находится стол с карнизом, пронизанный машикулями. Половина этой сторожки, расположенная к югу от

входного прохода, довольно совершенна. Она содержит камеру в южной стене, в которой находится окно в три света, остроконечное, под остроконечной главой. Головки фонарей покрыты сабельником, а проемы в головке - четырехлистником, и все это - поздний декор. Говорят, что это окно было снято со старой приходской церкви при ее "реставрации". Северная половина сторожки почти полностью разрушена. Осталась часть куртины, проходящей на юг от сторожки до края рва. Аналогичная стена с северной стороны проходит назад по краю рва, и на ней находятся остатки двух круглых башен, соединенных со сторожкой. Сохранившаяся каменная кладка состоит из больших квадратных блоков красного песчаника. Вся более старая часть, похоже, относится к периоду правления Генриха III и, несомненно, является работой Фиц-Варина. На нескольких платформах или берегах практически нет следов каменной кладки, разве что на одном из берегов к юго-западу видны следы стены, которая может быть старой, а может и нет. Вероятно, каменная кладка была ограничена сторожевой башней и платформой, похожей на барбакан, занятой внешней сторожкой, которая включала в себя площадь для очень достаточного гарнизона. Берега, как и в Беркхемпстеде, узкие и вряд ли могли бы выдержать стену. Все рвы были заполнены из ручья, с которым они сообщались в каждом конце.

Похоже, что столетие или около того назад на территории замка был разбит причудливый сад, поскольку здесь сохранились следы выложенных галькой дорожек, а кое-где и современная кирпичная кладка. Церковь была перестроена в начале нынешнего века, и в целом представляет собой то, что можно было ожидать. Недавно в норманнский стиль были вставлены несколько арок, выполненных в лучшем вкусе. Мистер Ллойд из Астона - лорд поместья и владелец замка.

Уиттингтон упоминается в Domesday как "Вититон", когда граф Роджер де Монтгомери владел им с семьей с половиной берейторами. Король Эдуард владел им, но в его время он был пуст. Этельред, отец Эдуарда, владел им как тремя поместьями, которые, по-видимому, были Месбери, Уиттингтон и Чирбери. Во времена графа Роджера оно приносило 15 фунтов стерлингов. 15s. Беревики - это более поздние поселения, включающие в себя Уэлш-Франктон, Бергилл, Дейвелл, Фернхилл, Хиндфорд, Хенлль, Эбналл и половину Олд-Мартона. От графа Роджера Уиттингтон перешел к Роберту де Белесме, а после его конфискации - к Генриху I, который, по-видимому, пожаловал его Уильяму Певерелу из Дувра, чей племянник, Уильям Певерелл, удерживал его против Стефана в 1138 году. Второй Певерель умер бездетным. Последняя из его сонаследниц вышла замуж за Гуарина де Меца, шерифа Салопа, в 1083 году, но король, похоже, возобновил владение замком и пожаловал его в 1164 году Джеффри де Вере, который женился на Изабель де Сай из Клуна. В следующем, 1165 году, Генрих вновь вступил во владение замком и пожаловал его Роджеру де Поуису, валлийцу, который занимал должность в Южном Уэльсе. Он также был опекуном замка Фиц-Алан "Дернио", который, по мнению г-на Эйтона, является замком Эдейрнеон в Мерионете. В 1173 году Роджеру была предоставлена помощь на его ремонт. Мерedit, сын Роджера, стал преемником, а за ним последовал Мейрик, брат Мерeditа, который умер около 1200 года. Он назывался Мейриком де Поуисом из Уэльса и заплатил королю Иоанну пятьдесят марок, чтобы получить Уиттингтон и Овертон. Владение Поуиса было владением "посланника короля в Уэльсе".

Фиц-Варины, похоже, всегда сохраняли свои притязания на владения от своего предка Гуарина, хотя Ренок, сын Мейрика, стал преемником и заплатил Иоанну восемьдесят марок за деревни и замки Уиттингтон и Овертон. Но Фульк Фиц-Варин, похоже, получил замок от принца Уэльского, чему Джон сначала возмущался, но в конце концов, в 1204 году, подтвердил Фульку, как свое "право и наследие", когда тот заплатил 200 марок и двух

"дестриеров", и получил судебное решение в свою пользу. 5 Генрих III разрешил ему укрепить замок. Фиц-Варины продолжали владеть замком и поместьем до тех пор, пока не прервалась их старшая мужская линия, в результате смерти Фулка, одиннадцатого лорда, в 1420 году. Госпитальеры владели поместьем в Уиттингтоне за услугу по поиску капеллана для часовни замка.

Немного раньше 7 года Генриха III принц Ллевелин осадил замок, и он подвергся серьезному нападению валлийцев в пятницу, предшествующую лету 6 года Генриха IV. Из расследования, датированного 1 Генрихом V, следует, что Ричард II передал замок, пока Фульк Фиц-Варин не достиг совершеннолетия, Ивиону Фиц-Варину, который продал владение Елизавете, леди Ботро, дочери сэра Ральфа д'Обиньи, и она удерживала его, когда на него напали. Вероятно, она ожидала, что нападение повторится, так как в воскресенье после середины лета Томас, граф Арундел, с солдатами из Освальдестра взял власть в свои руки. Елизавета передала свои владения Уильяму де Клинтону и Анне, его жене, и ее дочери.

Очень хотелось бы, чтобы какой-нибудь житель этого интереснейшего района занялся изучением его земляных сооружений, которых здесь множество, и некоторые из них не нанесены на карту Орднанса. Многие из земляных сооружений расположены таким образом по отношению к дамбам Оффы и Уатта, чтобы можно было понять, относятся ли они к более раннему периоду или к последующему за этими линиями.

Среди самых любопытных земляных сооружений - одно, находящееся во владениях Поркингтона и носящее его древнее название Бругинтин. Это правильный круг, 50 ярдов или около того в поперечнике, заключенный в земляной вал высотой от 4 до 6 футов, за пределами которого находится ров. Центральная часть была выровнена под боулинг-грин, но, несомненно, всегда была плоской, и, хотя поперек и под кругом был проложен штрек, а ров засажен растениями и содержит современную дорожку, нет оснований полагать, что характер работы был существенно изменен. В Ирландии его называли бы рат, но в Ирландии он не венчал бы довольно крутую возвышенность, а располагался бы посреди земли, которую можно было бы легко возделывать, чего нельзя было бы сделать здесь. Совершенно очевидно, что его фигура намеренно и не случайно представляет собой круг, что отнюдь не часто встречается в валлийских лагерях.

ВИГМОР, ХЕРЕФОРДШИР.

Замок Вигмор, глава одноименной сотни, главная резиденция великого дома Мортимеров и центр территориальной власти, которая делала его лордов столь грозными для их государей и в конце концов привела к их падению, стоит в северо-западном углу пограничного графства Херефорд и примерно в восьми милях по английской стороне дамбы Оффа. Это одна из цепочки крепостей, из которых Клун, Хоптон и Брэмpton Брайан лежат непосредственно на севере, а Линген и Лайонс-Холл - на юге; в то время как в тылу у него были расположены Крофт и замок Ричарда, обеспечивающие гарнизону быстрое сообщение с великими центральными крепостями Ладлоу и Шрусбери.

Большинство этих замков относятся к древним, а их земляные сооружения свидетельствуют об интенсивности и постоянстве борьбы, которую вели валлийцы против посягательств

колонии, основанной англичанами во второй половине восьмого века и защищенной мощным сооружением, до сих пор носящим имя Оффа. Эти следы шагов захватчика из-за Северна до сих пор можно наблюдать вдоль пограничных маршей княжества от Кардиффа до Хавардена, размещенных везде, где долины открывают внутренние районы страны; и на всем протяжении линии нет более великого или сильного военного дела, чем то, которым прославился Вигмор задолго до того, как норманны пересекли Ла-Манш.

Но военные достоинства, если не триумфы, валлийцев, отождествляемых с этим районом, восходят к периоду до появления в Британии даже общих предков англичан и норманнов, и были использованы, хотя и безрезультатно, против еще более сильного врага. Считается, что великие британские лагеря на холмах Коксуолл-Кнолл, Каэр-Карадок, Брэндон и Крофт-Эмбри являются свидетельствами ожесточенной борьбы бриттов с римскими легионами, хотя о том, насколько мал был конечный успех римлян или англичан, свидетельствуют параллельные линии Уотлинг-стрит и Дайка, до сих пор молчаливые, но непреодолимые.

Вигмор, английское творение, носит английское имя. Впервые он упоминается в 921 году н.э., когда в Саксонской хронике говорится, что король Эадвард в дни Рогагии, то есть около 7 мая, "повелел построить бурх в Визингамере". То, что это повеление было очень быстро и полностью выполнено, ясно из того факта, что в том же году, вероятно, в начале осени, датчане с большим войском осадили новый бурх, "обложили его со всех сторон и сражались с ним далеко в течение дня, и забрали скот вокруг него; и, тем не менее, люди защищали бурх, которые были в нем, и тогда они (датчане) оставили бурх и ушли". Укрепление, построенное за пять месяцев, не могло быть каменной кладкой и едва ли сухими стенами; но при должном количестве людей земляные работы на кургане и внутренней территории могли быть выполнены за это время. Но одни земляные работы не смогли бы сдержать армию активных датчан. Склоны должны были быть укреплены палисадами, чтобы защитить гарнизон и позволить ему держать врага на умеренном расстоянии. Огонь вряд ли был возможен, поскольку используемое дерево должно было быть зеленым. Кроме того, как бы усердно ни трудились солдаты Эдуарда, вряд ли они смогли бы сделать больше, чем возвести собственно бурх, или курган, и прилегающие к нему берега, или подготовить палисады для более крупного фронта, даже если бы он был сформирован. Нам рассказывают, что когда воины королевы Этельфлед в 916 году н. э. взяли штурмом Брекнанмер, или Брекнок, они захватили там жену короля с тридцатью четырьмя людьми. Бурх Брекнок, таким образом, содержал, вероятно, лишь небольшой гарнизон: его курган и внутренний круг, части, которые, несомненно, тогда защищались, по размерам не превосходят Вигмор, для которого, конечно, от ста пятидесяти до двухсот человек составили бы на короткое время достаточный гарнизон. Значит, своей безопасностью они были обязаны пассивной прочности этой позиции и ее узкому фронту. Скот, вероятно, пасли у подножия кургана и на верхней площадке, в пределах того, что сейчас является нижним отделением замка, тогда, несомненно, слегка защищенным.

О владениях Вигмора в течение столетия после датского нападения ничего не известно, но замок назван в Domesday: Ральф де Мортимер владел Вигмором. Эдуард уже владел им. Там была половина хайда, внутри которого находился замок. Ральф владел замком. Вильгельм граф (Херефордский) сделал его на пустыре под названием Мерестун, которым владел Гуннент во времена короля Эдуарда. Там было два мерина. Ральф владел двумя пахотными землями и четырьмя крепостными. Бурх там платил семь фунтов. Несомненно, прежний замок был разрушен, то есть его разрушаемая часть, и Уильям Фиц Осберн восстановил его. Этот граф принимал активное участие в усмирении валлийского восстания 1068-9 годов, и в награду за заслуги Ральфа де Мортимера в этом деле и в усмирении Эдрика Лесника он

получил пожалование, записанное в Domesday. Дагдейл утверждает, что он действительно осадил Эдрика в замке и взял его, заложив тем самым основу величия своей семьи как лордов Марча; но хотя Ральф де Мортимер сместил Эдрика, нет никаких доказательств того, что последний когда-либо владел или удерживал Вигмор.

Обладание столь сильной страной и в то же время столь уязвимой границей было секретом независимости Марчеров. Это была опасная власть, часто используемая эгоистично, поскольку лорды часто объединялись с государственными врагами, чтобы добиться своих личных целей против государя. Кроме того, во все времена она мешала равному отправлению правосудия и значительно замедляла укрепление империи.

К счастью для величия Англии, Эдуард I не только видел это, но и, придя к короне, сделал эту консолидацию своей самой первой заботой. Он видел, что пока Уэльс остается мятежной державой, до тех пор маркеры будут независимы и на них нельзя будет положиться как на подданных; и с той смелой проницательностью, которая отличала его характер, он приступил к тому, чтобы не просто подавить мятеж, когда он поднимался, но и отрезать его корень. Этого он добился в 1276-1282 годах, уничтожив Ллевелина и возведя замки Флинт, Денбиг, Рутин, Конвей, Бомарис, Каэрнарвон и Харлех, а также восстановив или вернув Хаварден, Руддлан, Эйло, Чирк, Бере, Динас Бран, башню Долбадарн и некоторые другие.

Далее, в зависимости от случая, он урезал прерогативы марчеров, один из памятных случаев произошел в 1292 году, когда он воспользовался мелкой войной между де Клэром и де Бохуном на границах Морганвга, чтобы конфисковать поместья обоих, которые он затем вернул, отказавшись от наиболее неприятных привилегий. В то же время, участвуя в шотландских войнах, он забрал из Уэльса лучших людей и использовал их на службе Англии, а также открыл маркграфам безопасное поле для их военной доблести.

Ральф, первый английский Мортимер, умер, владея более чем ста тридцатью поместьями, из которых шестьдесят девять находились в Херефорде и Салоупе. Хью, его сын, владел также замками Клеобури и Бридженорт и активно противостоял Генриху II, который сразу же осадил три его замка и таким образом примирил его. Он умер в покаянии в качестве каноника аббатства Уигмор в 1185 году, подтвердив и значительно увеличив пожалования своего отца. Его похоронили перед главным алтарем. Считается, что лорд Хью построил замки Каермартен, Мапудрит и Симарон (в зависимости от того, что это за замки) в Южном Уэльсе, а значит, вполне мог быть автором норманнских работ, которые до сих пор можно проследить вокруг внешнего прихода Вигмора.

Роджер, его сын, похоже, нашел полную занятость в сдерживании валлийцев. Он умер в 1215 году, и ему наследовал его сын Хью.

Хью, четвертый лорд, придерживался короля Иоанна. В его время Ллевелин присутствовал на конференции в Вигморе. Он удерживал для короля замки Страттон-Дейл и Холгот в Салоупе. Он умер от ран, полученных на турнире, в 1227 году; его сменил брат.

Ральф, пятый лорд, процветал в первой половине правления Генриха III, очень беспокойного в Марче. Он построил в Меленидде замки Кевентлс и Ноклас, а также добавил к ним социальную силу, женившись на темной Гвладис, дочери Ллевелина, вдове Реджинальда де Браоса. Он умер в 1246 году.

Роджер, его сын, шестой лорд, взял на себя инициативу в валлийских делах, но без особого успеха. Ллевелин захватил четыре его замка - Меленидд, Кевентлс, Раднор и еще один. Он

примкнул к Генриху, сражался при Нортгемптоне и был вынужден бежать из Льюиса. Он помог бежать принцу Эдуарду из Херефорда, привел его в Вигмор, командовал в Ившеме и за свои заслуги получил конфискованные поместья графства Оксфорд, выступив против мудрой реставрации, предложенной в Диктуме де Кенилворта. Именно он провел в этом знаменитом замке знаменитый турнир, в честь которого великая сторожка, как считается, получила свое название Мортимер Тауэр. Предполагается, что именно он перестроил замок Вигмор, но большинство работ, которые можно увидеть сейчас, относятся к более позднему времени. Он умер в 1282-3 годах, и, как гласит его эпитафия в Вигморе, - "Hunc dum viverat

Hunc dum viverat, vi Wallia tota timebat.

Его преемником стал Эдмунд, седьмой лорд, старший из оставшихся в живых сыновей, который начал свою карьеру с нападения на валлийцев в Буилте, а также с получения и передачи королю головы Ллевелина. Поскольку из-за валлийской крови к его лояльности относились с некоторым подозрением, он особенно активно участвовал в подавлении волнений, последовавших за смертью принца, и именно при подавлении одного из них в 1303-4 годах, также в Буилте, он получил рану, от которой вскоре умер в Вигморе.

Роджер, восьмой лорд, прозванный лордом Мортимером из Вигмора, стал графом Марчем в 1328 году; служил в Ирландии и Шотландии. Он был губернатором замка Буилт, взял Кардифф у Хью ле Деспенсера и получил грант на Клун. Он присоединился к партии Томаса Ланкастерского против Эдуарда II, едва спас свою жизнь, находясь в тюрьме, и в благодарность построил часовню Святого Петра во внешнем приходе замка Ладлоу. В 1322 году, после битвы при Бороубридже, он бежал во Францию, а король захватил Вигмор, заставив Джона де Черлетона, хранителя, составить опись его содержимого. Здесь были спрингхолды, артиллерия того времени, арбалеты, английские и восточные доспехи и оружие, шахматная доска и доска для игры в шашки, пять павлинов во дворе, а также зерно и скот в большом количестве. После возвращения графа последовала его близость с "волчицей Франции", приобретение огромного количества поместий в Англии, Уэльсе и Ирландии, захват Ноттингемского замка, донос на него и казнь через повешение в 1330 году. Кажется вероятным, что именно этот лорд перестроил замок, заменив норманнскую постройку той, в декорированном стиле, которая сохранилась до сих пор.

Эдмунд, его сын, не вернул себе графство. Он умер молодым, через несколько месяцев после своего отца, в 1331 году, оставив несовершеннолетнего сына.

Роджер, десятый лорд, который стал его преемником, получил ливрею замка Вигмор еще до своего совершеннолетия. В 1352 году он добился отмены судебного приговора и восстановления графства Марч. Он служил Эдуарду III во Франции, вернул большую часть валлийских владений, включая Ладлоу и другие поместья, доставшиеся его бабушке, наследнице Генвиля, и, наконец, умер в 1360 году, будучи в то время командующим английскими войсками в Бургундии.

Его преемником стал Эдмунд, одиннадцатый лорд и третий граф Марч, его сын. Его способности были рано использованы Эдуардом, который использовал его, пока он был в возрасте, для переговоров о мире с Францией, а затем в качестве лейтенанта Ирландии. Он женился на Филиппе, наследнице Лайонела, герцога Кларенса, и таким образом сохранил древние почести и влияние своей фамилии. Он умер в Корке в 1381 году.

Роджер, его старший сын, стал четвертым графом Марчем. Ричард II назначил его лейтенантом Ирландии, а по происхождению от герцога Кларенса он был объявлен

наследником короны. Его служба проходила исключительно в Ирландии, где он и был убит. За ним последовал Эдмунд, его сын.

Эдмунд, пятый и последний граф Марч, рассматривался Генрихом IV с чрезмерной ревностью, как наследник престола, и во время его правления находился под наблюдением. Генрих V, однако, нанял его в Нормандии, а в следующее царствование он, как и его ближайшие предки, стал лейтенантом Ирландии. Он умер в 1425 году в возрасте двадцати четырех лет, и вместе с ним закончилась мужская линия Мортимеров из Вигмора.

Среди замков в Марче, которыми он владел после смерти, были Блаенлевенни, Буилт, Клиффорд, Динас у Талгарта, Долверен, Денби, Ноклас, Кевенлес, Ладлоу, Монтгомери, Нортон, Нерберт, Рэйдри, Раднор, Уск и Вигмор.

Ричард, герцог Йоркский, будучи сыном своей сестры, стал наследником обширных владений Мортимеров и передал их своему сыну Эдуарду IV, когда все они были объединены в корону. Именно в Вигморе Эдуард собрал большую часть сил, которые позволили ему разгромить Оуэна Тюдора на небольшом расстоянии от замка и еще ближе к Мортимерс-Кроссу. Замок оставался в собственности короны до тех пор, пока Елизавета не отдала его. В 1601 году его купил Томас Харли, а в 1643 году его разобрали парламентские войска, после чего он превратился в постепенно уменьшающиеся руины.

ЗАМОК.

Возвышенность и лесистая местность, расположенная на границе Радноршира, между водами Тем и Лугг, сходится и понижается к востоку, образуя длинную косу или отрог скалы, который заканчивается на холме, где сейчас стоит приходская церковь Вигмора. Этот хребет - прямой, крутой и четко очерченный - ограничен с юга узкой долиной, по которой с возвышенности Вигмор-Роллс спускается ручей, чтобы впасть, чуть ниже церкви, в ручей Оллкокс. С севера хребет еще сильнее защищен широким пространством, которое, вероятно, дало название этому месту, и до сих пор называется, путем дублирования, Вигморским болотом и озером, а также озером Лейнтал; ранее, как следует из их названий, это были водные угодья, которые до сих пор попеременно осушаются и затопляются объединенными руслами Клуна и Темы на их пути к Ладлоу.

Невысоко на хребте, на вершине и занимая всю его ширину, находится то, что осталось от замка. Тех, кто выбрал это место, привлекла огромная впадина, четкая, резкая и крутая, словно вырезанная искусством, которая здесь пересекает хребет и отрезает его восточную часть от более высокой и широкой земли на западе. На восточном краю этого оврага насыпана земляная насыпь конической формы высотой около 30 футов над ее скальным основанием, хотя над дном оврага она возвышается на 100 и более футов. Диаметр кургана в его плоской вершине составляет около 30 футов. Вероятно, при его формировании естественный овраг был немного углублен, а с ближней стороны стал более крутым благодаря искусству.

Ближе к востоку от кургана и на 40 футов ниже его вершины находится овальная площадка, примерно 100 футов к востоку и западу и 50 футов к северу и югу, окруженная земляным валом, за пределами которого находился ров, включавший также курган, и, вероятно, это была работа короля Эдуарда, которую он так доблестно держал против датчан. Он очень прочный, земля круто обрывается со всех сторон, особенно на севере и западе. На насыпи стоял норманнский панцирь; овал, заключенный в стену, большая часть которой сохранилась, был внутренней палатой. Курган и прилегающий к нему овал находились внутри и частично на краю гораздо большей территории, которая включала склоны и

простиралась почти до основания холма на юг и юго-восток, а с этих сторон защищала цитадель. С севера и запада крутизна местности делала вторую линию обороны ненужной, и курган с его овалом составлял часть внешнего *энсинта*. Эта вторая территория была также покрыта рвом, который спускался с южной стороны кургана и с северо-восточной части овала и, таким образом, образовывал внешнюю часть замка, в которой, вероятно, пасся скот, изгнанный датчанами. Норманны обнесли его стеной. Это отделение было покрыто глубоким и широким рвом, полностью искусственным, а также в одном месте вторым рвом через хребет, на юг. Внутри внешнего участка, примыкающего к южному и юго-восточному склону внутреннего участка, находилось ограждение умеренной площади, взятое, конечно же, из внешнего участка. Земляные работы здесь незначительны, и, судя по всему, он был полностью норманнского происхождения и предназначался для среднего отделения.

Таким образом, первоначальное сооружение состояло из кургана с глубоким оврагом на западе, расположенного на краю и частично внутри овального участка на востоке, окруженного общим рвом. Как курган стоял на краю внутреннего квартала, так и курган и внутренний квартал вместе стояли на краю внешнего квартала, который охватывал их с юга и востока и включал в себя территорию, действительно сильную, но для ее защиты требовался значительный гарнизон. Внешний и частичный ров, а также средняя палата, вероятно, были более поздними постройками.

Норманн, который первым завладел этими грозными сооружениями, очевидно, сделал свои дополнения по английскому образцу: либо он сам, либо его преемник заменили деревянные палисады стенами из каменной кладки. На вершине кургана он построил, как показывают фундаменты, круглую или многоугольную башню в качестве крепости. От нее с противоположных сторон отходила куртина, которая опоясывала небольшую восточную территорию, образуя внутреннюю палату. Стена была расположена таким образом, что стала опорой для старого берега, который, таким образом, занял место своеобразного пандуса внутри территории. Вершина участка, то есть конец, противоположный кургану, был увенчан, по-видимому, круглой башней, от которой осталась лишь груда развалин. К северу от нее виднеется куртина, которая была внешней стеной, и до сих пор сохранила значительную прочность. То, что осталось, имеет толщину около 6 футов и высоту 30 футов, а снаружи укреплено квадратным фресковым контрфорсом, или бастионом. На юге большой оконный проем и несколько поперечных стен указывают на наличие хозяйственных построек. У юго-западного угла, рядом с курганом, находится фрагмент высокой башни с колодезной лестницей. Это место примыкания одного конца внешней куртины к стене внутренней палаты, как и разрушенная круглая башня на другом ее конце. Рядом с ней в южной стене, сильно заваленной мусором, находится проем с низкой остроконечной аркой, некогда служивший воротами между внутренним и внешним приходом, который, в сочетании с различными признаками, наблюдаемыми в оставшихся фрагментах куртины и ее башни, показывает, что, какими бы ни были норманнские оборонительные сооружения этого прихода, они были удалены и заменены тем, что мы видим сейчас в декорированный период.

Башня, высокий фрагмент которой сохранился на юго-западной стороне внутренней палаты, отмечает место соединения стены этой палаты, трюма, и стены внешней палаты. Эта стена, спускающаяся по крутому естественному склону, защищает ворота внутренней палаты с запада и показывает то, что, по-видимому, было почтовым ящиком, а за ним - прямоугольную настенную башню, смело выступающую и отмеченную снаружи смелым кордоном над ее основанием. Это, очевидно, первоначальная нормандская башня. За ней, у южной стены палаты, отчетливо видна норманнская работа. Стена находилась в процессе перестройки, и ее несовершенное сопряжение с новой работой очевидно. К более позднему времени

относится любопытное большое прямоугольное здание на стене, сильно выступающее и разделенное поперечной стеной на восточную и западную палаты. Оно состояло из двух этажей, а под ними находился подвал, который был перекрыт сводами и оснащен наружными ступенями и дверными проемами в перпендикулярный период. Само здание является ранним и отлично декорированным, что особенно видно по форме и деталям пары двусветных окон. От этой башни к большой сторожке, расположенной на юго-востоке, тянется куртина той же даты. Она сильно разрушена. Она прямоугольная, с порталом-склепом внизу и двумя камерами наверху; одна для работы внешней, а другая - для внутренней калитки. Сохранилось ребро центрального портала с опускной аркой и квадратным желобом для портупей. Во внутренней камере видна часть большого камина с хорошим декоративным колпаком. Сохранилась только одна порталная арка, но по ее расположению ясно, что их было три. Арочный проем сильно захламлен мусором. От большой сторожки куртина резко изгибается к северу, закрывая восточную сторону палаты. На ней возвышается смелая полукруглая башня, нижняя часть которой, хорошо видная из рва и, вероятно, цельная, очень совершенна. Она возвышается только до уровня палаты. Далее куртина поворачивает к северо-восточному углу палаты к остаткам многоугольной или, скорее всего, квадратной башни со смелыми фасками на углах; от нее она поднимается по склону, чтобы соединиться с внутренней палатой у ее северо-восточного угла, где были упомянуты следы большой и, вероятно, круглой башни; таким образом, завершается кругооборот внешней палаты.

Среднее отделение проследить не так легко. Похоже, что он был концентрическим с внешним; как и он, примыкал к юго-восточной стороне внутреннего квартала, но имел гораздо меньшую площадь, и большая часть этой площади была занята крутым склоном холма.

Наиболее значительные остатки его стены находятся на юго-востоке, и, вероятно, с этой стороны у него был собственный ров. Судя по грубым очертаниям фундаментов, здесь, на ровной части, стояли зал и другие хозяйственные постройки.

Кроме этих оборонительных сооружений, вдоль восточного фронта работ внешней палаты проходит второй ров, проведенный через хребет, здесь очень низкий. Между двумя рвами находится площадка небольшой ширины, задняя часть которой образует контрэскарп рва внешнего отделения, а передняя - три массивных полукруглых земляных бастiona, очертания которых повторяют контрэскарп внешнего рва. Фигура этих земляных сооружений и свежесть вырубки показывают, что все это - позднейшее дополнение, вероятно, сделанное последними Мортимерами, для прикрытия подножия внешней стены, и, несомненно, сильно укрепленное палисадом. Еще через сто ярдов по этому фронту, ниже по склону, глубокий ров был прорезан поперек хребта, а его содержимое отброшено внутрь в виде высокого и крутого берега. Опять же, перед этой линией обороны холм на протяжении 60 или 70 ярдов изрезан другими земляными сооружениями неопределенного и подчиненного характера и назначения, но, очевидно, старыми.

В разных частях крепости сохранилось много каменной кладки, и, несомненно, при небольшом труде можно было бы обнаружить основные фундаменты всей крепости. Хотя большая часть этой кладки относится к декорированному периоду, есть свидетельства того, что значительная ее часть построена по нормандским очертаниям; и, вероятно, если бы были проведены поиски, было бы обнажено большое количество погребенных нормандских работ; и было бы показано, как это и происходит сейчас, что нормандский замок занимал почти всю площадь нынешних работ.

За исключением норманнской башни и стены, о которых говорилось выше, каменная кладка над землей, похоже, относится к Декорированному периоду и имеет прекрасный характер. Осталось достаточно, чтобы показать, что за небольшими исключениями, о которых уже говорилось, весь замок был перестроен в Декорированный период в начале четырнадцатого века. Работа очень основательная, и внешний вид замка в завершенном виде, с его большим *энсинтом*, глубокими рвами и возвышенными внутренними палатами и хранилищем, должен был быть грандиозным. Основной подход к замку был с востока. Дорога ответвлялась от Уотлинг-стрит и проходила по южной стороне хребта, между высокой землей и ручьем, на своеобразной полке, защищенной укреплениями вдоль хребта.

Очевидно, что ранняя крепость была ограничена курганом и небольшой территорией, непосредственно примыкающей к нему, но оборона внешней территории была быстро дополнена, чтобы обеспечить место для отар, стад и пастухов, а также достаточного гарнизона. Оборонительные сооружения в столь густо заросшей лесом стране, вероятно, были деревянными.

Сомнительно, возводил ли самый ранний норманнский лорд каменные сооружения; скорее всего, нет. Вероятно, они были добавлены его преемником в конце одиннадцатого или в начале двенадцатого века. В таком виде крепость должна была быть практически неприступной. Стены крепости и внутренней палаты были совершенно недостижимы для любой катапульты, тарана или временной деревянной башни из-за крутизны земли снаружи. Вероятно, влажная земля на севере и юге эффективно прикрывала эти фронты, как овраг - западный фронт. На востоке земля была твердой, а местность вокруг - открытой, но здесь защитные сооружения искусников были многократно усилены.

Приходская церковь, несомненно, была построена Мортимерами, хотя в ней нет никаких сведений о них ни в гробницах, ни в оружии, ни в надписях. Она имеет большие размеры, и большая часть северной стены нефа в западном конце выполнена из селечной кости, причем необычайно обширной. Противоположная или южная стена, хотя и облицована внутри и снаружи современной штукатуркой, демонстрирует высоко вверху норманнскую петлю и, очевидно, относится к той же, скорее ранней, норманнской дате. Любопытно, что сельская церковь норманнского периода должна была быть выстроена с такими высокими стенами и таким значительным пролетом. Возможно, она предназначалась для резиденции религиозного дома, который Ральф, первый Мортимер, основал перед своей смертью и который был известен как аббатство Вигмор.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЙОРКА.

Diruta prospexit mœnia sæpe sua.-Neckham.

Сколько раз Время видело эти стены разрушенными!

Ни один представитель английской расы, хоть сколько-нибудь знакомый с историей своей страны, не может войти в город Йорк, не испытывая того уважения к славному прошлому, которое в большей или меньшей степени присуще всем людям и которое в высшем и благородном роде действует как стимул к величию как в мыслях, так и в делах. Возможно, те, кто живет в городе или знаком с ним с детства, испытывают это чувство в меньшей степени, чем те, кто посещает его в качестве чужаков, и для кого благородная река, древние стены и

почтенный монастырь выделяются на фоне забот повседневной жизни; Но, с другой стороны, жители Йорка не могут не испытывать к месту своего рождения что-то вроде любви детей к родителям, что-то вроде гордости горожан за свой город, что-то вроде того тайного очарования, которым каждый человек, достойный этого имени, притягивается к своей родине. Ни Лондон, столица империи, ни Кентербери, резиденция другого митрополита нашей национальной церкви, не вызывают более разнообразных или более ярких воспоминаний, чем те, что неразрывно связаны с именем и титулом Йорка; связанные с судьбой этой великой ветви дома Плантагенетов, которая, хотя и безуспешно, но с таким упорством оспаривала корону Англии.

Заклинания такой силы не знает ни один волшебник могилы

В темной Фессалийской пещере;

Ибо название города вызывает в памяти длинный шлейф лучших и благороднейших людей страны, которые во время Войны Роз ставили жизнь и состояние на дом Йорков; ни за одним из четырех морей Британии не найти города, в котором с таким процветающим настоящим сочеталось бы столько памятников прошлого, столько всего еще видимого глазу, так тесно связанного с теми веками, в течение которых создавалось имя и нация Англии. Ни один человек не может развернуть карту территории Нортумбрии или проникнуть в ее глубины, не заметив, насколько обильны следы наших скандинавских предков. Эти имена

которые нашли свое пристанище в долинах и горах,

или лесу, или быстрому ручью, или скалистой расщелине,

до сих пор звучат в наших ушах и понятны нашему разуму. Они говорят нам о тех выносливых мореплавателях, которые пересекали Германский океан в поисках добычи, и чьи длинные корабли знали и боялись в каждой бухте и на каждой реке вдоль морского побережья Британии. Саксы и датчане, юты и англй - все они оставили свои следы на широкой равнине Йорка, следы тех долгих и кровавых схваток, в ходе которых эти недалекие родственники становились частью англичан. Ни один англичанин, и в первую очередь йоркширец, не может забыть, что не от коренных бриттов и не от римских колонистов, а от этих тевтонских и скандинавских морских королей, свирепых и беззаконных, какими они были, мы получили все те качества, которые сделали Англию великой нацией. История Йорка и тех материальных защитных сооружений, которыми он до сих пор окружен, на несколько веков старше истории Англии и английского народа; и задолго до того, как мы доберемся до времен скандинавских захватчиков, нам придется иметь дело с останками этих владык мира, при которых этот город стал, по выражению его собственного историка, "вторым Римом"; торговым центром и "импориумом общих продуктов моря и суши".

История метрополии северной Англии начинается со времен римской оккупации. Однако когда римляне называли эту станцию Эборакум, они, очевидно, не стали, как в Колонии или Конфлюэнтесе, использовать новое и полностью латинское название, а, как в Медиоланум Иска или Дуролипоне, латинизировали уже использовавшееся и имевшее местное происхождение. До недавнего времени, как ни странно, это был единственный положительный аргумент, причем весомый, в пользу доримского существования города. Однако недавно исследования могил в окрестностях города обнаружили несомненные британские захоронения, расположенные ниже английских и римских; таким образом, по мнению мистера Рейна, было установлено существование раннего британского поселения.

Это открытие, вероятно, является единственным. В городе и его окрестностях не обнаружено ни одного земляного сооружения явно британского происхождения, да и вообще, кроме древней реки, нет поблизости ни одной физической особенности страны, носящей явно британское название. Ни одна часть огромных земляных сооружений, которыми опоясан город, не может быть приписана Бригантам. Хотя все они не относятся к одной дате, они явно принадлежат к более древним временам и к классу сооружений, сильно отличающихся от тех, что разбросаны по гребням холмов и обычно сохраняют даже сейчас свои кельтские названия. Цезарь говорит нам, когда пишет о Веруламе, что британские города были сильными земляными сооружениями в лесу, и мы можем предположить, что таким был Саег-Еврауэс, найденный и захваченный римлянами, и из названия которого они построили Эборакум. Об этимологии этого самого раннего названия города написано много, и в основном неудовлетворительного характера. Как правило, считается, что оно связано с названием Эвр, которое сейчас относится к великой реке Йоркшира выше Бороубриджа, но которое раньше, как предполагается, могло носить весь поток, на котором располагался Каэр-Эврауэс. Но как бы то ни было, и независимо от того, было ли римское поселение основано или заимствовано, фактическое местоположение Йорка достойно людей, которые собирались захватить и удержать страну, а также поддерживать в ней закон и порядок. Занимая центральное положение, он стоит на реке, судоходной до моря, и в то время как страна вокруг была открыта и допускала пересечение дорогами во всех направлениях, сам город был защищен с одной стороны широкой и глубокой рекой, а с другой - потоком, который, хотя и был меньшего объема, пересекал и насыщал болотистую и непроходимую местность. Очевидно, именно слиянию и характеру этих двух потоков, ныне известных как Оуэс и Фосс, Йорк обязан своим происхождением. Римский вокзал занимал довольно ровную платформу, расположенную на высоте от 25 до 30 футов над Оуэсом и примерно в 100 ярдах от его левого или восточного берега. Иногда, как, например, в Лестере, такие станции, расположенные вблизи реки, расширялись до ее фактического края, и вода становилась защитой с этой стороны, но здесь, поскольку река судоходна, такой план был бы небезопасен, и между укрепленным районом или лагерем и рекой оставлялось пространство. Точная дата основания римского поселения на Оуэсе неизвестна. Из ранних полководцев Цезарь, вероятно, проник лишь немного дальше Темзы или, самое большее, до гребня Чилтернов. Аулус Плавтий, Клавдиан, Веспасиан и Осторий Скапула занимались в основном покорением севера и запада, последний из них проник на территорию средней полосы и, вероятно, достиг Хамбера, где, а также в стране бригантов, вероятно, основал поселение Суэтоний Паулин. Агрикола, который высадился в 78 г. н. э. и окончательно ушел в отставку в 85 г. н. э., завершил завоевание Северной Британии и, вероятно, основал постоянный лагерь в Йорке. Конечно, сначала такой лагерь представлял собой небольшое земляное сооружение, построенное по римскому образцу и защищенное палисадами и дисциплиной гарнизона. Об этом первом лагере ничего не известно, но вполне вероятно, что когда его сменил обнесенный стеной пост, новые оборонительные сооружения были построены на старых линиях, где их можно увидеть и проследить до сих пор. Кем первоначально были построены римские стены, неизвестно, вероятно, во время второй кампании Агриколы, 79 г. н.э., после полного подчинения бригантов, и в связи с большими военными дорогами, четыре из которых отходили от города, а затем сообщались с целой сетью подчиненных или поперечных дорог, многие из которых до сих пор используются. Между временами Адриана, который высадился в 120 г. н.э. и построил Нортумбрийскую стену от моря до моря; Лоллия Урбика, который двадцатью годами позже соединил подобным образом Ферт-оф-Форт и Клайд, и Севера, который в 207 г. н.э. вновь утвердил Рим. 207 г., вновь утвердившего власть Рима и укрепившего стену Адриана, страна стала густонаселенной и богатой, было основано множество обнесенных стенами станций и

соединенных городов, а остатки римских домов, разбросанные по всей стране, свидетельствуют о ее процветании и внутреннем мире. Птолемей, писавший во втором веке, упоминает Эборакум как штаб-квартиру 6-го легиона, о чем также свидетельствуют многие местные надписи. Он быстро превратился в большой город, "Altera Roma", столицу Севера; и со времен Севера до времен Константина, оба из которых умерли в Йорке, он был резиденцией правительства Британии и штаб-квартирой великой военной силы, поддерживаемой там. Это был главный из двадцати восьми романо-британских городов, и только один из них носил титул *Municipium*.

Крепость, или военная часть римского города, была ограничена левым берегом реки. Пригороды пересекали Оуз и были широко раскинуты на юго-западе и севере. Ограждение, обнесенное стеной, составляло 469 ярдов с северо-запада и юго-востока, то есть вверх и вниз по течению, и 550 ярдов в направлении под прямым углом. Главных ворот было четверо: северо-восточные и юго-западные - в центре своих сторон, северо-западные и юго-восточные - несколько южнее или ближе к реке, чем в центре. Но следует отметить, что как первые ворота, находящиеся в центре, были расположены в 234 ярдах от каждого угла, так и вторые были расположены в 234 ярдах от углов к югу. Это выглядит так, как будто первоначальная площадь стены была квадратом в 468 ярдов, а затем, когда здания приобрели постоянный характер, а линии больших дорог, ведущих к воротам, были закреплены жильем вдоль них, было сочтено необходимым увеличить площадь, и это было сделано путем добавления ширины в 82 ярда с северной стороны, что, конечно, отбросило бы северо-западный и юго-восточный входы на столько же от центра. Если, кроме того, мы предположим, что вся стена была перестроена, когда было сделано это предполагаемое изменение, мы получим объяснение современного характера сохранившейся кладки, которая, по мнению тех, кто знаком с римской работой, относится к позднему периоду. Если это так, то весьма вероятно, что весь *Энсинте* был перестроен именно тогда, поскольку столь важный город вряд ли остался бы без стен в первые века своего процветания. Учитывая масштабы, население и богатство римского Йорка, а также количество общественных зданий, которые должны были обязательно накопиться за четыреста лет, прошедших с момента завоевания Клавдианом до конца римского правления, и присутствие некоторых из которых подтверждается надписями и фундаментами, можно заметить, как мало памятников того периода осталось над землей, или, скорее, как полностью все они, за одним или двумя исключениями, исчезли. Несомненно, под 15 или 16 футами обломков, которые, как предполагается, покрывают римский город, и такой же глубиной более поздней почвы, которая, похоже, накопилась с начала саксонского или английского периода, должно покоиться множество любопытных останков римского, а также более поздних периодов. Некоторые из них время от времени обнажаются при прокладке канализационных труб, но незахороненные останки римской работы, похоже, ограничиваются одной башней и прилегающей к ней стеной, а также фрагментами стены в другой части города. Многоугольная башня, образующая один из углов римской территории, представляет собой каменную оболочку, 42 фута в наружном диаметре и 20 футов в ущелье, которое является открытым. Она расположена не так, как в норманнских постройках, чтобы просто закрыть стык двух стен, которые должны были встретиться под прямым углом, но весь угол заменен, как в римских постройках, кривой радиусом 50 футов, и башня стоит в центре этого закругления, три четверти которого, представляющие девять граней, разобщены. Толщина башни и прилегающих стен составляет 5 футов. Римская часть сооружения имеет высоту около 15 футов. Она сложена из бутового камня, облицованного пеплом, блоки размером 4 дюйма на 5 дюймов или 6 дюймов, очень редко больше. Вдоль соседней стены можно проследить одну полосу из пяти кирпичей, хотя вся она сильно пострадала и залатана. На римскую работу был наложен верхний этаж из ясеня толщиной около 3 футов и высотой 12

футов, пронизанный девятью крестообразными петлями, по одной на каждой грани, и установленный в остроконечном углублении - дополнение раннеанглийского или раннедекоративного времени. Стена, протянувшаяся на юго-восток от башни на 53 ярда, имеет ту же дату, стиль и материал. Обе они составляли часть оборонительных сооружений средневекового города. Противоположная стена, идущая на восток, была частично разрушена, ее высота составляет всего 4 фута, а на небольшом расстоянии она упирается в восточный берег. Эта часть стены, очевидно, была разрушена до того, как была возведена земляная насыпь, поскольку она не только погребена под насыпью, но и более поздняя городская стена построена на 4 фута впереди нее. Следует отметить, что римская башня и стена, где они совершенны, совершенно не связаны с каким-либо земляным валом, а облицовка из пепла, как внутри, так и снаружи, показывает, что так было всегда. Стена стоит на естественной поверхности земли и имеет одинаковую высоту внутри и снаружи. Эта особенность римских оборонительных сооружений не характерна для Йорка, она встречается в Порчестере, Силчестере и других местах. Очевидно, что все земляные сооружения, которые составляют столь важную часть оборонительных сооружений Йорка, относятся к послеримскому периоду. Еще один фрагмент римской стены можно увидеть в частном саду [мистера Грея], где он был покрыт 12-футовым слоем мусора, а недавно был открыт в месте, расположенном недалеко от старых северных ворот. Здесь стена также находится под земляным валом, на котором построена последняя стена. Третий фрагмент римской стены находится во дворе, расположенном к востоку от Монк-Бара. Ее высота составляет около 6 футов, она облицована пеплом и до недавнего времени была скрыта земляным валом. Вероятно, большая часть этой стены до сих пор остается скрытой, так как считается, что уровень римского города здесь по меньшей мере на 20 футов ниже. Несмотря на то, что над землей видно так мало римской стены, ее удалось проследить в разных местах, так что можно считать установленным, что она охватывала всю территорию; что здесь было четыре угловые башни и четверо главных ворот, одни из которых представляет собой Бутэм-Бар, хотя в средневековом сооружении не видно никаких следов римской работы, которое, действительно, вероятно, стоит на гораздо более высоком уровне, чем его римский предшественник. Линия дороги от этих ворот - римская, и вела она в Исуриум или Олдборо. Расположение трех других ворот было установлено в результате раскопок. Ворота между Монк-Баром и садом мистера Грея находились на дороге, ведущей к Дервентио или Стэмфордскому мосту. Еще одни находились в Лоу-Питергейт, рядом с церковью Христа, на дороге, ведущей в Прэториум или Броу на Хамбере. Эта дорога пересекается с более поздним путем у бара Уолмгейт. Четвертые ворота находились в нижней части Стоунгейта, перед особняком, на дороге, которая проходила через место нынешнего Гилдхолла, пересекала Оуз по мосту и, проходя через место более позднего бара Миклгейт, шла по прямой линии в сторону Калкарии или Тадкастера. Помимо фрагментов стены, под поверхностью земли были обнаружены и другие римские остатки, все они показаны на замечательной антикварной карте города, составленной г-ном Скайфом. За рекой, за пределами военного поста, были найдены и другие остатки римских зданий, и особенно следует отметить мостовую, проложенную прямо в Миклгейт-Бар, в переулке, ведущем к вокзалу. Это особенно важно, потому что он пролегал под земляным валом городской стены, и доказывает, что и здесь этот вал - послеримский. Помимо этих останков, расположенных либо в пределах римского укрепления, либо в районе более позднего города, были найдены и другие останки, разбросанные по более обширной территории. Наиболее важными из них являются кладбища, расположенные в Клементхорпе, вдоль дороги на Тадкастер и на участке между этой дорогой и Оузом, где сейчас ведутся раскопки для строительства железнодорожной станции. Кроме того, на северной стороне реки, перед собором Святой Марии и Алмери Гарт, обнаружены следы захоронений, за раскопками которых тщательно

сводили мистер Рейн и другие; эти открытия позволили создать и обогатить очень ценный музей Йоркширского общества. Все эти находки неопровержимо свидетельствуют о том, что римский Эборакум далеко вышел за пределы военного поста и разбросал пригороды во всех доступных направлениях, далеко за пределами любой военной обороны, что говорит о том, что жители были многочисленны и богаты и жили совершенно без опасений. Хотя Фосс, несомненно, является естественной рекой, а не, как предполагалось ранее, римской прорубью, из ее названия следует, что римляне либо изменили ее русло, либо превратили ее в большой бассейн под городом, чуть выше ее слияния с Оузом. Более чем вероятно, что римляне получали и хранили здесь свои запасы кукурузы, и что большая часть торговли города в период его расцвета проходила именно здесь. Не исключено, что большая часть низменных земель на левом берегу реки была тогда частью бассейна, хотя сейчас, после строительства плотины, заилена и мелиорирована.

Римские войска были официально выведены из Британии в 426-430 гг. н.э., и Эборакум, перейдя в руки своих, но очень несовершенно романизированных британских жителей, снова стал Каэр-Эвравком. Несомненно, до этого периода римские здания, общественные и частные, церкви, базилики и домашние жилища были совершенны, и маловероятно, что бритты, в которых текла римская кровь и которые привыкли к римским обычаям, нанесли им ущерб; но то, что они были разрушены и погребены глубоко в собственных руинах до того, как были отсыпаны существующие земляные сооружения, несомненно. Кем же, в какой период и для защиты от кого были возведены эти земляные сооружения? Чтобы ответить на этот вопрос, будет удобно, прежде всего, описать их. Эти земляные сооружения, вероятно, относятся, по крайней мере, к двум периодам: те, что на правом и левом берегу Оуза, и те, что за Фоссом, и именно с первыми мы и должны разобраться. Земляная гряда или вал высотой от 15 до 40 футов и шириной, пропорциональной ширине, была проведена вокруг большей части обороняемой территории, а у ее внешнего подножия был вырыт глубокий и широкий ров, содержимое которого образовывало вал; этот ров, где уровень не был слишком высоким, снабжался водой из Оуза. Это новое земляное сооружение занимало площадь, примерно в три раза превышающую площадь римской станции и, вероятно, такую же большую, как последнее расширение римского города. Новая территория, хотя и не была, как римская ограда, строго прямоугольной, была более или менее такой и по большей части состояла из прямых линий, пересекающихся под прямым углом или почти под таким. Поскольку стена и башня у юго-западного угла стояли и были более или менее совершенны, их приняли как часть новой обороны; но от стены к Оузу были проведены вал и ров, которые доходили до того, что сейчас известно как башня Лендал. В противоположном направлении, когда римская стена была разрушена, вал был насыпан поверх нее, и так продолжалось, и, вероятно, до сих пор содержит его, вдоль края сада декана до северо-западного угла. Оттуда насыпь, все еще скрывающая остатки стены, продолжается примерно на 600 ярдов в направлении Монк-Бара и за его пределами. В двух местах, а именно в саду мистера Грея и во дворе, открывающемся из бара, юбка берега была срезана, и стена видна под ней. Далее, возле церкви Святой Елены, стена поворачивала под прямым углом и, несомненно, имела угловую башню. Однако она исчезла. Таким образом, здесь земляные работы покидают линию римской стены и продолжают в одиночку на протяжении 144 ярдов, когда они поворачивают наружу почти под прямым углом и заканчиваются в Лэйерторпе, на берегу Фосса. Земляные работы здесь прекратились, потому что в них больше не было необходимости. Фосс и тогда, и много позже был не только широким и глубоким, хотя и вялым потоком, но и был связан с широким участком болота, ни сухопутного, ни водного, и сам по себе являлся отличной защитой. Таким образом, Фосс, по-видимому, был границей и защитой новой территории на протяжении примерно 900 ярдов, когда она текла к Оузу, включая длинный участок земли, ныне Сент-Джордж-Филд, а затем болото, которое,

конечно, осталось за пределами территории. Вероятно, берег возобновился в излучине Фосса и был проведен через место более позднего замка прямо к Оузу, где до сих пор видно около 70 ярдов, и таким образом, частично с помощью римской стены, частично с помощью земляного вала, а частично с помощью реки Фосс, были завершены оборонительные сооружения города к северу от Оуза. К югу от этой реки берег снова начинается у Скелдергейта и доходит до угла Бишопсгейта, примерно 244 ярда, большая часть которых, однако, занята более поздним холмом Бейл. От угла она продолжается примерно на 750 ярдов по почти прямой линии, а затем, повернув под углом, продолжается двумя прямыми участками длиной 227 и 340 ярдов до реки напротив башни Лендал. Таковы земляные сооружения к северу и югу от Оуза, от которых осталось почти 3 000 ярдов в длину. Каков их возраст и кем они были построены? Не римлянами, поскольку они опираются на римские постройки, которые были разрушены и более или менее засыпаны до начала строительства земляных сооружений. Вряд ли пикты и шотландцы, захватчики с севера, которые время от времени приходили силой, чтобы жечь и разрушать, но никогда не селиться и не строить. Вряд ли это делали саксы или ранние англичане, ведь они редко, если вообще когда-либо, использовали прямые линии в своих оборонительных сооружениях, и уж точно никогда в таких масштабах. В целом, мне кажется наиболее вероятным, что после ухода римских легионов и нескольких разрушительных вторжений из-за северной границы, романизированные бритты, которым все еще было что защищать, предприняли большие усилия, чтобы оградить свой заросший город, и, хотя они не были способны на такую большую работу в каменной кладке, построили земляную конструкцию, которая, как и следовало ожидать, содержит много признаков римского кастрата. Если это предположение верно, то оно объясняет не только эти работы, но и те, что в Уоллингфорде, Уэрхеме и Тэмворте, которые выложены в прямоугольных формах, но которые не находятся на больших римских дорогах, не имеют следов римской оккупации, и берега и рвы которых в большем масштабе, чем было принято у римлян, чьи временные работы были незначительными, и которые использовали каменную кладку для тех, которые были более постоянного характера. Та же смесь британской и римской крови и обычаев, которая породила в Амвросии Аврелиане вождя смешанного происхождения, вполне могла проявиться и в таких работах, как в Йорке. О промежутке между уходом легионов и первым становлением Дейры как саксонского королевства, который длился около шестидесяти лет, сохранилось очень мало сведений. Это был период, в течение которого угасающая энергия бриттов однажды, и только однажды, вспыхнула и, под предводительством галльского Сен-Жермена, одержала над пиктами и саксами знаменитую победу "Аллилуйя". Вероятно, именно в это время, в первой четверти пятого века, и были выполнены эти земляные работы. Как продолжалось британское владычество и какую степень цивилизованности сохранили романизированные аборигены - вопрос скорее предположительный, чем доказательный. Однако столичное главенство города сохранялось, поскольку о нем становится известно примерно в середине шестого века, правда, уже не как о христианском центре, а как о языческой столице Дейры, находившейся под властью саксонского Элле.

В седьмом веке Йорк все еще оставался процветающим городом, и в него снова проникла закваска христианства. Здесь Паулин в 626 году крестил основателя Эдинбурга, который засвидетельствовал свою веру строительством деревянной часовни, скромной предшественницы великого северного Минстера. Более ранние церкви с римскими храмами и базиликами, несомненно, были давно разрушены. Йорк в полной мере испытал на себе все бедствия, которые залили землю кровью во время медленного становления Английского Содружества. Он был сожжен в 738 году во время архиепископства Эгберта, брата Эадберта, короля Нортумбрии. В 867 году его захватили Ингуар и Убба, сыновья датского Лодброга, которые жестоко отомстили смерть своего отца на землях, орошаемых Оусом, истребили

жителей и разрушили город, который, хотя и был укреплен, но, похоже, не был энергично защищен, а о замке ничего не говорится. Гудрум, датский вождь, который удерживал город во время отсутствия Ингуара и Уббы, как полагают, до сих пор помнится благодаря тому, что его имя связано с главной улицей города. Именно к этому периоду, судя по материальным свидетельствам - единственному из имеющихся, - скорее всего, можно отнести завершение строительства земляных сооружений в том виде, в каком мы видим их сейчас, на юго-восточном фронте города, на реке Фосс и за ней.

Опасности, которых Йорку приходилось опасаться в шестом, седьмом, восьмом и девятом веках, то есть с момента первого появления викингов на берегах Британии, приходили в основном с востока, по рекам Хамбер и Оуз. Поэтому оборона города с этой стороны от морского врага стала жизненно важным вопросом для ранних саксонских поселенцев, которым пришлось защищаться от выводка, пришедшего с севера и обладавшего всей той свирепостью, которой цивилизация в большей или меньшей степени лишила их предшественников. Первой задачей была защита реки. Из саксонских хроник мы узнаем, что английский способ добиться этого заключался в возведении двух больших курганов, по одному на каждом берегу. Так в восьмом и девятом веках они защищали Ноттингем, Хартфорд, Стэмфорд и Букингем, и так же естественно они защищали Йорк, и это, несомненно, является причиной возникновения Касл-Хилла на левом и Бейла на правом берегу, которые, таким образом, можно отнести к девятому веку. Эти курганы - почти неизменное сопровождение английского аула, или главной резиденции, и нигде они не встречаются так часто, как в Йоркшире. Датировка многих из них зафиксирована в Саксонской хронике, а близкая аналогия дает ключ к датировке большинства других. Обычно они имеют круглый ров, примыкающий к кургану и закрывающий его, а с одной стороны, также в пределах рва, находится площадка или двор. Тамворт, дата постройки которого зафиксирована, является прекрасным примером такой работы, как и Тикхилл, и, в меньшем масштабе, Барвик-ин-Элмет и Лафтон-ан-ле-Мортен. Йоркские курганы имеют тот же характер. Холм Клиффорд до недавнего времени имел свой собственный ров, питаемый из Оуза и отделяющий его от нижнего района, который теперь обезображен судами присяжных и тюрьмами, но который также имел свои рвы, частью которых был и остается Фосс. Так и холм Бейл имел свой ров, ныне засыпанный, и то, что он окружал холм и питался из Фосса, очевидно для тех, кто внимательно изучит его и заметит углубление в поздней стене, где она перекинута через засыпанный ров, чтобы достичь склона кургана. Но чтобы завершить оборону города с этой стороны, требовалось нечто большее. Датчане пришли на своих кораблях, поднялись бы на Фосс и оттуда напали на город. Поэтому за Фоссом была прочерчена территория, которая, прикрывая реку и огибая Оус, делала атаку с этой стороны опасной. Вальмгейт, как называют новую крепость, укреплен изогнутым валом на английский манер, который простирается примерно на 900 ярдов, упираясь одним концом в болото острова Фосс, а другим - в сам Фосс у Фишергейта. Взглянув на карту, можно увидеть, насколько полностью этот фронт города был защищен укреплениями Уолмгейта за Фоссом, самим Фоссом, замком в его тылу, а также холмом Бейл и связанными с ним укреплениями за Оузом. Примечательно, что такие саксонские остатки зданий, как в Йорке, находятся в пределах двух пригородов - Уолмгейта и Миклегейта. Саксонские захоронения в большом количестве встречаются по всему городу, многие из них лежат выше римских, как и британские останки лежат ниже их. Пригород Уолмгейт был построен на месте римской дороги, но в нем не было найдено никаких римских останков. Вероятно, оно лежало слишком низко для жилья. Если, с одной стороны, эти укрепления отталкивали врагов, то, с другой стороны, огромное богатство города действовало как еще более сильное притяжение, чтобы пригласить их. Несмотря на датские вторжения и разорения, жизнеспособность города оставалась сильной. Алкуин, писавший в том же веке, в котором жили Ингуар и Убба,

отмечает его богатство и великолепие, любовь к литературе (о чем свидетельствуют тома в соборной библиотеке) и большое торговое процветание. В 923 году город пал перед северянином Багнальдом, а после середины XI века, когда Дейра перешла в Йоркшир, Йорк снова был потревожен притеснениями Тостига, против которого поднялась вся провинция, и в 1065 году здесь состоялся гемот, на котором, как говорит Фриман, были представлены представители как английской, так и датской крови. Целью собрания, по сути, был распад королевства, и движению провинциалов помогали мерсийцы и валлийцы. Однако, к счастью, возобладали более мудрые советы, мир был куплен уступками, а Тостиг, против которого было направлено восстание, был изгнан. Обороне Йорка еще раз предстояло пройти испытание перед приходом норманнов. В роковом 1066 году Тостиг, подстрекаемый своими союзниками-норманнами, навис над английским берегом и, объединившись с Хадрадой, вошел в Хамбер и поставил свои корабли в Риккале, в 9 милях ниже города. Эдвин и Моркер покинули свои места в Лафтоне и Барвике, собрали свои силы в Йорке, и армии встретились в Гейт-Фулфорде, в двух милях ниже по реке. Оба графа были разбиты, а Йорк сдался и согласился дать заложников на Стэмфорд-Бридж, хотя считается, что фактическая сдача произошла в Олдби, где курган и яма до сих пор указывают на резиденцию нортумбрийских королей. Но хотя графы потерпели неудачу, Гарольд не отказался от своего долга. Несмотря на надвигающееся вторжение с юга, он сразу же двинулся на Йорк, не отдыхая ни днем, ни ночью. Он достиг Тадкастера, когда город уже фактически капитулировал. Он вошел в Йорк без сопротивления, без промедления покинул его, сразился и победил в битве при Стамфорд-Бридж. Он снова прошел через Йорк и на реке Дервент столкнулся с норвежским резервом. Он обратил их в бегство; затем вернулся и, пробыв два дня в Йорке, снова двинулся на юг, чтобы отдать свою жизнь за Англию при Гастингсе. Таким образом, Йорк стал свидетелем последней и самой благородной попытки великого английского вождя освободить свою северную столицу от захватчика, и так, с сильно разрушенной обороной и небольшими военными заслугами, он ожидал приближения норманнов. После норманнского завоевания Йорк стал очень значительным городом, и если его военная репутация в то время была невысокой, то, как показали события, это объяснялось скорее отсутствием лидера, чем храбростью его жителей. В то время город состоял из семи районов, называемых "ширами", из которых один, содержащий внешний Бейл, принадлежал архиепископу. В городе было 1800 "гостеприимных особняков", то есть домов, за которые платили обычную ренту, и два замка. Вильгельм впервые посетил Йорк летом 1068 года. Горожане приняли его с покорностью, и, как обычно, он приказал построить замок, причем, как обычно, местом для него был выбран курган уже существующей крепости. Его строительство и оборона были поручены Уильяму Малету, Роберту Фитцу Ричарду и пятистам отборным рыцарям. Малет, отличившийся при Гастингсе, был шерифом Йоркшира и крупным землевладельцем в этом графстве. В Йорке Вильгельм получил признание своего верховенства от Малькольма Шотландского, Этельвина, епископа Даремского, и Арчилла, великого нортумбрийского тана. Из "Domesday" следует, что из семи сэров один был пуст при строительстве замка, а количество домов сократилось с 1800 до 1036. Вероятно, жителям было позволено строить до самого крепостного рва, и пришлось расчистить вокруг него эспланаду. Покорение Йорка было вызвано обстоятельствами и было лишь кажущимся. В следующем, 1069 году, горожане восстали против нормандского гарнизона. К ним присоединились Эадгар и люди из Нортумбрии, и замок был осажден. Конечно, за столь короткий срок мало что можно было сделать для замены каменной кладки на более легкие английские сооружения, которые, скорее всего, были деревянными или, в лучшем случае, сложены из стен без раствора, и Малет, должно быть, ограничился укреплением уже имеющихся сооружений. Позиция, даже если она была только укреплена, была сильной, и Малет продержался до тех пор, пока Вильгельм не пришел ему на помощь,

разорил город, осквернил монастырь и наказал горожан. Теперь он приказал построить второй замок на холме Бейл. То, что это был всего лишь острог, ясно из того, что он был построен за восемь дней, до того как он покинул город. Как бы быстро ни возводились сооружения, все же пост должен был быть очень прочным, ведь насыпь была высокой и крутой, рвы - широкими и глубокими, и наполнялись водой из реки. Но хотя такие укрепления могли надежно удерживаться несколькими решительными людьми, как в Вигморе, против целой армии, оборона была знакома англичанам и не вызывала у них такого ужаса, как каменные и возвышенные укрепления, которые норманны недавно начали строить в Нормандии и к которым Вильгельм приступил в Лондоне. Уильям Фиц Осборн был поставлен во главе второго замка, который очень напоминал тот, что был недавно построен в его собственном графстве в Херефорде. Даже эта двойная узда не смогла сдержать яростный дух англичан. После короткого восстания, которое было подавлено лейтенантами Вильгельма, народ организовал последнее и более серьезное нападение.

В сентябре 1069 года датский флот вновь поднялся по Хамберу. К этим союзникам присоединились люди из Нортумбрии и английские графы из Шотландии. Восстание угрожало трону Вильгельма. Он поручил Малету и Фиц Гилберту держаться стойко и получил от них заверение, что в течение года они будут в безопасности. Должно быть, они раскаялись в своем обещании, когда увидели, что все население города слетается к замку густо, как осы. Гарнизон сразу же открыл огонь по соседним домам, чтобы расчистить путь для обороны, и таким образом сжег большую часть города, во время которого они выступили в поход. Их перебили; говорят, что было убито три тысячи человек; замок пал, а командующий был взят в плен. Новые оборонительные сооружения были уничтожены, вероятно, огнем, и север снова стал свободным. Судя по численности, гарнизон занимал не только курган, но и нижнюю палату. К несчастью для англичан, у них не было лидера, способного встретиться с Вильгельмом в поле. Он совершил поход на восток, встретился с вторгшимися датчанами в Линдси, частично разбил их, а частично утихомирил, и, наводя ужас своим именем, без сопротивления вошел в Йорк. Он приказал обновить замок, а затем произвел то широкое и ужасное опустошение северных графств, которое было необходимо, возможно, для того, чтобы он смог удержать Англию, но которое покрыло его имя позором. Завершив свое ужасное дело, он встретил Рождество 1069-70 годов среди почерневших руин Йорка.

На Рождество Вильгельм посетил Дарем, подавил значительное восстание в стране около Тиса и, пробыв там несколько недель, в последний раз вернулся в Йорк. Что осталось в Йорке военного характера, что можно отнести к Завоевателю или периоду его правления? Скорее всего, никаких. Принято считать, что сразу по приказу Завоевателя были построены крепости и стены, которые мы относим к нормандскому периоду. Но этот период архитектуры продолжался почти до 1200 года, и, вероятно, лишь немногие из норманнских замков были построены совместно с Вильгельмом. Норманнам было чем себя занять. Их каменщики, а иногда и материалы, были привезены из Нормандии, и вполне вероятно, что в большинстве случаев, как, например, в Йорке, новые лорды пользовались такими оборонительными сооружениями, какие находили под рукой, и лишь очень медленно заменяли их обычной каменной кладкой. Из нынешних стен только внутренняя часть или ядро ворот, а также часть стены над столбом Лэйерторпа имеют ярко выраженные норманнские черты, и они кажутся скорее поздними, чем ранними по стилю. Очень трудно избежать вывода, что оборона Йорка, по крайней мере, в течение поколения после Завоевания, представляла собой линию палисадов вдоль гребня земляного вала, аналогичные сооружения вокруг замка и Бейла, глубокие рвы и ворота, очень возможно, из каменной кладки.

А теперь, с общим описанием существующих стен, мы подводим итог этим замечаниям. Можно заметить, что стена везде следует линии насыпи, будучи построенной на ней, и, следовательно, редко имеет большую высоту, а крутой внешний берег и ров считаются большой частью обороны. Ров, действительно, быстро уходит в историю. Еще несколько лет назад он занимал весь фронт города от Оуза до железнодорожной арки, но теперь работы по строительству нового вокзала неоправданно посягнули на ров, и часть его уже засыпана. Любопытно также, что основание стены в большинстве своем очень мелкое, в некоторых местах, конечно, не выше двух или трех футов. Большая часть стены Уолмгейта опирается на грубые, слегка заостренные арки; возможно, из-за плохого фундамента подобные арки можно увидеть под крепостной стеной Саутгемптона, предназначенные, как и эти, для прикрытия. Следует также отметить, что некоторые части стены, особенно самая старая часть в Лайерторпе, имеют толщину не более двух или, самое большее, трех футов, чтобы не было возможности пройти по валу, без которого стена, конечно, была бы малопригодна для обороны. В Лайерторпе этот недостаток был восполнен внутренней стеной, построенной на арках и несущей вал. На стене, которая содержит участок Святой Марии, предназначенный, очевидно, для обороны, на которую Эдуард II выдал лицензию, похоже, что этот вал был внутренней конструкцией или деревянными подмостками. Там, где стена явно позднего времени, как возле Лендала, она гораздо толще, а вал является ее неотъемлемой частью, хотя здесь каменные ступени должны были быть дополнены внизу либо деревом, либо насыпью. Постерн Лайерторп, похоже, имел обычную сторожку, расположенную на внутреннем конце моста через Фосс и образующую соответствующее завершение стены в этом направлении. Постерн Фишергейт (Fishergate postern) с портативным дверным проемом в стиле Генриха III или Эдуарда I, похоже, служил водными воротами на Фоссе. Прилегающая квадратная башня, которой завершается занавес, частично относится к тому же времени, но частично была перестроена в эпоху Перпендикуляра. Йорку повезло с воротами, хотя они подверглись самому пагубному воздействию. В них сохранилась первоначальная норманнская сторожка - небольшое прямоугольное здание с порталом с круглой головой на каждом конце и плоской деревянной крышей между ними. Здесь был верхний этаж, который теперь снят, и петли для двойных ворот. Порткуллис отсутствует, это средство защиты было хорошо известно норманнам, но они им не очень-то пользовались. В Декорированный период эти ворота были обсажены, добавлен внешний портал, а на одном или обоих концах установлен порткуллис. В Монк-Баре порталый проход был сводчатым. К нему добавили возвышенную надстройку с башенками или бартизанами, загнутыми по углам, и боковыми дверями, сообщающимися с соседними куртинами. Перед каждой сторожкой находился прямоугольный загон с крепостными стенами и внешними воротами, открывающимися на дальней стороне рва. Две небольшие двери открывались со второго этажа сторожки на стены этого сооружения, и таким образом формировался барбакан. Разводной мост был устроен внутри, над рвом. Сохранился только один такой барбакан - в Уолмгейте, но те, кто захочет увидеть другие и более ранние примеры этого сооружения, найдут аналогичный в Карлайле и очень красивый в Алнвике. Стены были настолько залатаны и отремонтированы, что трудно составить мнение об их возрасте. В 1138 году они были достаточно крепкими, чтобы сдержать шотландского короля Давида, осаждавшего Йорк во время поединка между Мод и Стефаном, за некоторое время до его поражения на поле Норталлертона; но, за небольшими исключениями, о которых уже упоминалось, их самые старые части относятся к декорированному периоду, возможно, к временам правления Эдуарда I и II, или даже к периоду Генриха III. Очаровательные маленькие верхушки петель в стене Walmgate вряд ли могут быть более поздними, чем Эдуард II. Большая часть надстройки гораздо более поздняя. Эдуард III приказал отремонтировать стены в июле 1327 года, перед битвой при Невиллс-Кроссе, и многое в них было сделано вплоть до сегодняшнего дня.

Замок Йорк, которому Завоеватель уделил особое внимание, должен, надо полагать, сохранять некоторые памятники той эпохи. Однако этого не произошло. Стена в нижней палате, на берегу реки Фосс, может быть, частично относится к двенадцатому веку, но круглые башни с фресками не могут быть более ранними, чем правление Генриха III. Башня Клиффорда, которая, собственно, и является крепостью, представляет собой очень интересное сооружение. Круглые или многоугольные крепости, такие как Кардифф, Арундел или Пикеринг, часто встречались в норманнский период; но регулярные круглые или четырехугольные башни, в значительной степени введенные Филиппом Августом во Франции, нашли свой путь в Англию, и две основные разновидности крепостей, построенных по схеме четырехугольника, были в Уорике, который теперь удален, и в Йорке. В плане он представляет собой четырехугольник диаметром 60 и 80 футов, со стенами толщиной 9 футов и высотой 40 футов, три угла над первым этажом занимают круглые башенки, а четвертый - небольшой квадратный выступ, в котором внизу находится вход, а сверху - небольшая часовня, красиво украшенная аркадами и лепниной в виде собачьих зубов. У этого храма был первый этаж с петлями по всему периметру и второй этаж с соответствующими петлями. Вероятно, палаты были пристроены к стенам и опирались на столбы и балки, оставляя небольшой открытый двор рядом со входом и стеной. Две круговые лестницы ведут на второй этаж, а оттуда - на бойницы. Башня сильно пострадала от попыток сначала разрушить, а затем отремонтировать ее. Сама башня относится к периоду правления Ричарда или Джона. Часовня считается пристройкой, но если это и так, то очень ранней. Замок Йорк пользовался дурной славой во времена правления Ричарда I из-за ужасной трагедии, разыгравшейся в нем с евреями в 1189 году. После этого замок был сожжен, и нам рассказывают, что Осберт де Лонгшамп, губернатор короля, который встал на защиту евреев, восстановил в замке работы Руфуса. Вероятно, в это число входила и крепость, почти в том виде, в котором она существует сейчас. За пределами нынешней крепостной стены находилась вторая, очень узкая палата, увенчанная низкими барабанными башнями, по-видимому, времен правления Генриха III или Эдуарда I.

КОНЕЦ.

ВАЙМАН И СЫНОВЬЯ, ПЕЧАТНИКИ, ВЕЛИКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ УЛИЦА, ЛОНДОН, В.К.

ССЫЛКИ:

[1] Дюканж дает "*Glorieta, ædificium altius, nostris glorieta*". В "Романе Партонопекса" упоминается о тонко расписанной *шамбре*, названной таким образом. В Миланском статуте также можно найти следующее положение: "*Si quis de cætero construere vel construi facere voluerit aliquam Baltrescham, ponticellum, vel Glorietam, in ejus domo, super muro proprio vel communi, per quam immediate prospici possit in domum vicini, hoc ei liceat,*" &c. Лакомб дает "*Gloriette: prison, petite maison de plaisance, cabinet de verdure*" и т. д. Любимый курорт в окрестностях Доркинга, откуда открывается прекрасный вид, известен под названием "Слава".

[2] Hutchins, Hist. Dorset, vol. i., third edit., pp. 487, 494. Arch. Journ., vol. xxii., p. 215, 217.

[3] Ibid., p. 219.

[4] Conventual Buildings, Christ Church, Canterbury, Archæologia Cantiana, vol. vii., pp. 105, 109.

[5] "*Hæc est conventio inter Gundulfum episcopum et Eadmerum Anhœnde Burgensem Londoniæ.*"

"Dum idem Gundulfus, ex præcepto regis Willielmi Magni, præesset operi magnæ turris Londoniæ, et hospitatus fuisset apud ipsum Eadmerum quadam vice ipse cœpit episcopum rogare ut concedet sibi societatem ecclesiæ quam regebat, videlicet, S^{ti}. Andreæ. Quod ei episcopus satis libenter concessit. Et ideo concessit Sancto Andreæ et fratribus ibidem Deo servientibus medietatem piscariæ quæ vocatur Niuue Uuere, quam diu viveret. Cum vero moreretur, totam eam ibidem concessit, et totam terram suam quam habebat in Lundonia, et domos tali pacto, ut ipse et uxor ejus ad Roucestriam deferrentur et ibidem sepelirentur, omnique anno eorum anniversarium observaretur."-"Textus Roff.", Ed. Hearne, p. 212.

[6] A.D. 1190. "Sub his diebus W^s Eliensis Ep^s, Angliæ Justiciarius et Apostolicæ sedis legatus, fecit Turrim Londinensem fossato profundissimo circumcingi, sperans se posse Tamisiæ fluenta in urbem ducere. Sed post multos de fisco sumptus se laborare inutilita comprobavit."-M. Paris, Ed. 1646, p. 161.

[7] "Itaque spe frustratus, in arcem se regiam cum suis omnibus recessit; quorum tantus erat numerus, ut in stricti loci angustiis sua illis esset nocivior multitudo, quam hostium foris frementium multitudo. Æstuebat turris interius comprehensiore multitudinis inclusæ, cito evomitura quos prodendo magis quam tuendos suscepit. Denique post unam noctem egressus ad Johannem et obsessores cæteros. Ille paulo ante rhinoceros sed jam homo, humuli alloquio abeundi facultatem impetravit inclusis."-W. Heming: p. 530.

[8] "Plancherium" - верхняя камера, вероятно, то, что здесь имеется в виду.

[9] "Per posticum quod de Turri plagam meridionalem respicit et fluvio contiguatur, legatum potenter eduxit, et ejus loco defensores idoneos intromisit, eductoque legato occupatores urbis non immerito deridebat, et procedens usque Stratford ad tria miliaria prope London sine quolibet obice castra fixit."-Chron. T. Wykes.

[10] Балиста была двигателем для метания дротиков, как катапульта бросала камни и тяжелые предметы. И то и другое приводилось в действие брашпилями или лебедками.

[11] В "Archæologia", том xxix., табличка xliii., приведен план башни Одихэм, но без описания и даты. Он был представлен Обществу антикваров сэром Э. Хоумом в 1840 году.

Примечание переводчика:

- Удалены лишние титульные страницы и страницы с информацией о типографии.
- Пустые страницы удалены.
- Очевидные опечатки исправлены.
- Информация о страницах удалена с иллюстраций.
- Есть несколько ссылок на "Лиланд" и "Итин.", они, по-видимому, относятся к "Маршруту Джона Лиланда, антиквара.", под редакцией Томаса Хирна, 1744. См. запись в Википедии "Джон Лиланд (антиквар)".